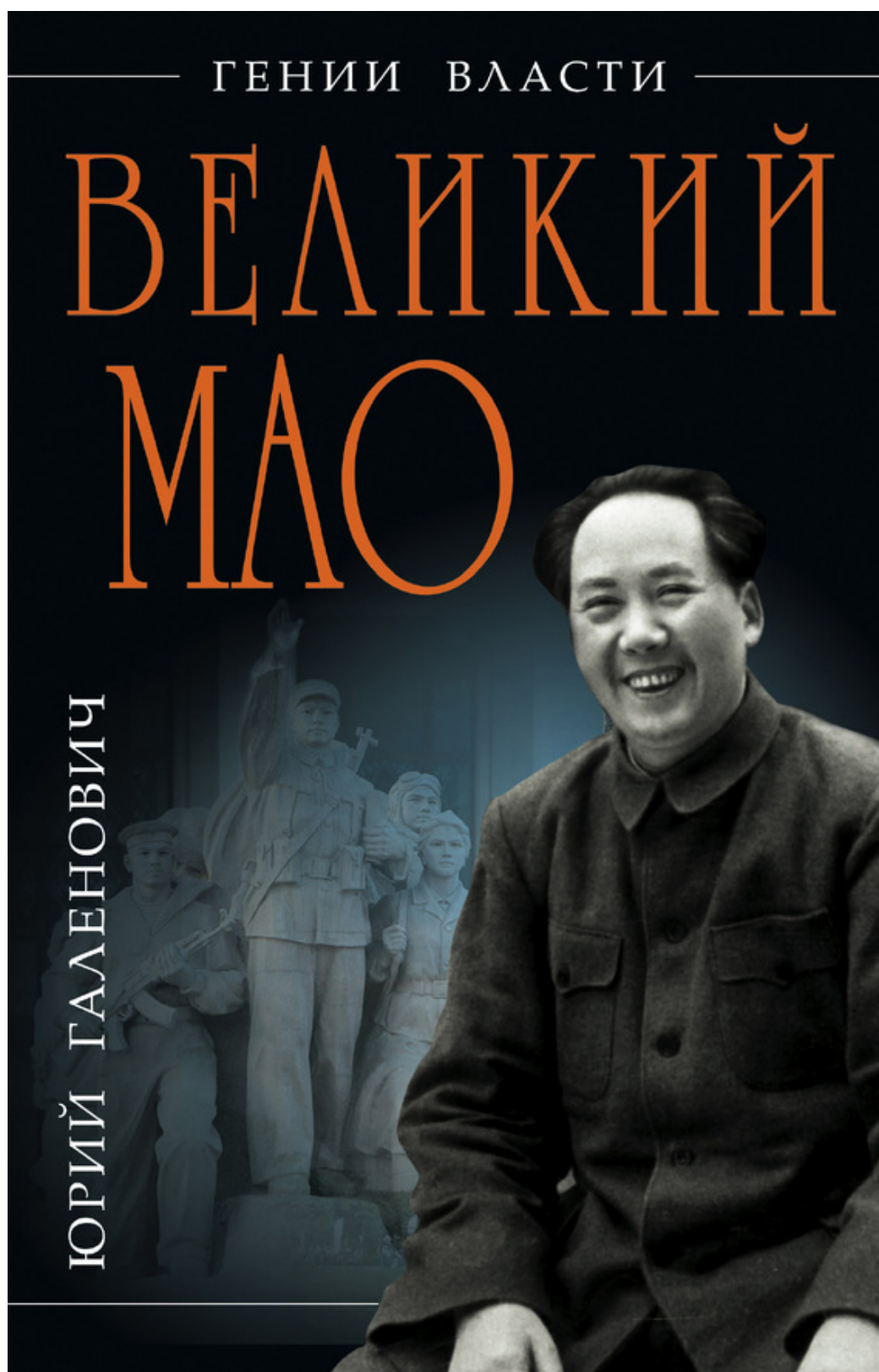

Юрий Михайлович Галенович
Великий Мао. «Гений и злодейство»

Гении власти –

Галенович Ю.М. Великий Мао. «Гений и злодейство»
М.: Яуза : Эксмо, 2012. – 784 с. – (Серия: Гении власти)

Аннотация

Говорите, «гений и злодейство – две вещи несовместные»? Судьба Мао Цзэдуна заставит вас усомниться в этой истине. Настоящий ГЕНИЙ ВЛАСТИ, «Великий Кормчий», превративший отсталый, нищий, раздробленный Китай в ядерную сверхдержаву (где продолжительность жизни выросла вдвое, промышленное производство – в 10 раз, а неграмотность снизилась с 80 до 7 %), Мао был в то же время и одним из самых жестоких тиранов XX века, пролившим не реки, не моря, а целые океаны крови: даже сталинский террор меркнет перед китайским «рекордом» в 100 миллионов репрессированных, а затеянный Мао «Большой скачок» признан самой страшной социальной катастрофой после Второй Мировой войны. Да и сам «Кормчий» заплатил за власть непомерную цену. Как писал хорошо знавший его советский генконсул: «Власть уродует Мао Цзэдуна, превращая в опасную агрессивную личность, лишенную естественных человеческих эмоций... По сути, он одинок. Окончательно одинок. Опасно одинок...»

Не замалчивая достижений и не закрывая глаза на злодеяния, эта книга воздает должное человеку, навсегда вписавшему свое имя в историю рядом с именами таких ГЕНИЕВ ВЛАСТИ, как Черчилль, Рузвельт, Сталин. Особый интерес представляет обширный раздел о крайне непростых отношениях Мао со Сталиным (который прозвал китайского вождя «маргариновым марксистом») – двух величайших диктаторов XX века, опровергнувших пушкинский афоризм о «несовместности» Гения и Злодейства.

Юрий Михайлович Галенович Великий Мао. «Гений и злодейство»

Часть I Мао Цзэдун вблизи

Предисловие Мао Цзэдун, каким я его видел

Мао Цзэдун. Его еще называли просто Мао, или председатель Мао. По-китайски это звучит «Мао Чжуси» и буквально означает – «Мао – тот, кто занимает место во главе». В общем-то это соответствовало по смыслу понятию, которое вкладывалось в свое время в слово «хозяин» применительно к Сталину в Советском Союзе. Мао Цзэдун действительно четверть века «хозяйничал» в Китае, в его континентальной части, а в Коммунистической партии Китая он властвовал свыше сорока лет. Время его правления в КНР – 1949—1976 годы.

Мао Цзэдун. Это имя вошло в историю Китая, всего мира, наших отношений с Китаем. Он много значил в судьбах людей Китая – его современников. Он присутствовал и в жизни нашей страны.

Его деятельность и последствия еще долго будут сказываться на Китае, и отчасти на состоянии и перспективах развития двусторонних отношений России и Китая. Очевиден масштаб его личности, который так или иначе отражал, выражал, да и формировал настроения и интересы значительной части китайцев.

Мао Цзэдун родился за семь лет до начала двадцатого столетия, 26 декабря 1893 г. Он принадлежал к поколению, давшему миру и великих гуманистов, например Джавахарлала Неру, и, с другой стороны, таких деспотов, как Сталин и Гитлер.

Он умер 9 сентября 1976 года, на 83-м году жизни. Его мощная харизматическая властная личность наложила отпечаток на все двадцатое столетие.

Начало двадцатого столетия отмечено появлением в Китае целой плеяды энергичных

людей типа Мао Цзэдуна, в том или ином смысле похожих на него, отличавшихся только значимостью и масштабом своего воздействия на людей.

Можно с разных сторон пытаться осмыслить вопрос о том, что собой представляла фигура Мао Цзэдуна в действительности.

Попытаемся подойти к ответу на этот вопрос, анализируя не столько политическую деятельность Мао Цзэдуна (хотя полностью отгородиться, отграничить этот аспект жизни руководителя огромной страны никак невозможно), сколько его человеческие качества. Что за человек имел и использовал возможность достичь вершин власти в самой многонаселенной стране мира? Каков был его характер, был ли он всесторонне образован, что он любил, а что не любил? Эти и многие другие вопросы и станут предметом нашего исследования, построенного на основе воспоминаний его современников, документальных свидетельств и отчасти личных наблюдений автора этой книги, работавшего многие годы в КНР и имевшего возможность видеть вождя китайского народа и даже разговаривать с ним.

Хотелось бы начать эту книгу с рассказа о том, как я впервые узнал о Мао Цзэдуне.

В нашей московской квартире до сих пор хранится первый номер журнала «Новый мир» за 1938 год, в котором мне когда-то давно, будучи еще мальчишкой, довелось прочитать серию очерков американского журналиста Эдгара Сноу под общим заголовком «Вожди и герои китайского народа». В этих статьях говорилось о Мао Цзэдуне, Чжу Дэ, Пэн Дэхуае, Хэ Луне, Сюй Хайдуне.

Из рассказа Эдгара Сноу я многое узнал о человеке, вожде героической китайской Красной Армии и коммунистов Китая, представлявшемся тогда мне, десятилетнему ребенку, поистине легендарной сказочной личностью, великим борцом за светлое будущее Китая, да наверное, и за свободу трудящихся всего мира, за наше общее дело. Героический образ Мао Цзэдуна был очень близок нам, советским людям.

Мао Цзэдун предстал перед читателями со страниц очерка одновременно и умным, если не гениальным (гениальными были Ленин и Сталин) мыслителем, стратегом, полководцем, и в то же время человеком, живущим в пещерах, пренебрегающим бытовыми удобствами, материальными интересами, увлеченным только работой на общее благо, и безусловно, горячо любимым и китайским народом, и трудящимися нашей страны, всего мира.

Эдгар Сноу описывал Мао Цзэдуна так: это сорокадвухлетний сухощавый, немного похожий на Авраама Линкольна человек, роста выше среднего, несколько сутулый, с длинными черными волосами и большими пронизывающими глазами, прямым носом и выдающимися скулами. В нем чувствовалась огромная волевая сила, изначальная твердая жизненность. Он очень любил перченые блюда и даже просил запекать перец в хлеб. По его убеждению, люди, любящие перец, обязательно являются революционерами. «Острый красный перчик» – так называлась любимая песенка Мао Цзэдуна. Он любил петь. Зная об этом, однажды в театре во время антракта (дело было в северной части провинции Шэньси) зрители, в основном бойцы китайской Красной Армии, попросили его спеть дуэтом вместе с его более молодым товарищем Линь Бяо.

Мао Цзэдун обладал глубоким сознанием собственного достоинства, в нем чувствовалась какая-то особая решимость, способность в случае необходимости предпринимать беспощадные действия. Бывали случаи, когда он приходил во всепоглощающую ярость; в иные моменты он был ироничен к своим товарищам, но в борьбе с оппонентами он искусно использовал свои знания и мастерство оратора, разоблачая противника классически и мастерски.

Он работал по тринадцать-четырнадцать часов в день. У него было поистине железное здоровье. В юности он с несколькими товарищами и друзьями, такими же яркими поклонниками физической культуры, создали нечто вроде спартанского клуба. Они постились, уходили на долгие прогулки в лесистые горы Южного Китая, спали под открытым небом, когда уже наступали заморозки, и даже в ноябре купались в ледяной воде,

без рубаш ходили под дождем и снегом, чтобы закаляться.

Был и такой период в юности Мао Цзэдуна, когда он питался только грубым сортом бобов, запивая их одной лишь водой, – опять-таки для того, чтобы «закалить» себя, свой желудок.

Мао Цзэдун производил впечатление человека, отличавшегося большой глубиной чувств.

С детских лет он усвоил один главный урок: успех приносит защита своих прав в открытом бою.

Он преклонялся перед своим школьным учителем, который выступал против буддизма и требовал ниспровержения богов.

Он утверждал, что в юности его даже женщины не интересовали, только воспитание в себе силы духа и воли. По словам Эдгара Сноу, Мао Цзэдун упоминал о том, что родственники женили его насильно, когда ему было четырнадцать лет, на девушке двадцати лет, но он с ней не жил ни тогда, ни позже, когда несколько повзрослел.

В период белого террора в Китае, когда тех, кого считали коммунистами, убивали сотнями, он попал в руки врагов, и его приказали отправить на расстрел. Он попытался подкупить конвоиров. Рядовые были согласились, но унтер-офицер, начальник караула, воспротивился. И тем не менее Мао Цзэдуну удалось бежать.

В 1930 г. были арестованы его жена, сестра, жены обоих его братьев и его сын. Его жена и младшая сестра были казнены.

Свой рассказ о Мао Цзэдуне Эдгар Сноу завершил следующим пассажем: «Был уже третий час ночи, но лицо Мао Цзэдуна не носило никаких признаков утомления. Он то вставал и шагал по комнате, то садился, ложился, опирался о стол и читал очередные донесения из штабов дивизий, корпусов, с участков фронта».

Это первое описание Мао Цзэдуна конечно же вызвало симпатии к нему лично и к его товарищам, китайским коммунистам, бойцам Красной Армии, сражавшимся против темных сил империализма. С публикацией серии очерков Эдгара Сноу в Советском Союзе началась широкая пропаганда образа Мао Цзэдуна и его сподвижников. Это произошло после того, как он добился власти над Компартией Китая и был вынужденно признан в качестве вождя китайской революции формально Коминтерном, а по сути дела Сталиным.

В 1949 г. Мао Цзэдун приехал в Москву, как помнится, на празднование семидесятилетия И.В. Сталина. В газетах была опубликована фотография президиума торжественного заседания. В центре фото находился Сталин, по правую руку сидел Мао Цзэдун, по левую – Хрущев.

В феврале 1950 г. на первых полосах периодической печати появилась еще одна фотография, увековечившая момент подписания Договора о дружбе, союзе и взаимной помощи между СССР и КНР. Договор скрепили своими подписями Чжоу Эньлай и Вышинский в присутствии Сталина и Мао Цзэдуна.

В 1954 году я окончил китайское отделение Московского института востоковедения, и мне посчастливилось попасть переводчиком на Выставку достижений экономического и культурного строительства СССР в КНР.

Так у меня появилась возможность оказаться поближе к Мао Цзэдуну. Находясь в КНР, можно было во всей полноте ощутить масштаб и влияние этой личности на судьбы китайского народа и страны в целом. Отчасти мои тогдашние впечатления о Мао Цзэдуне совпали с привычным отношением в нашей стране к Сталину. У меня даже возникло впечатление, что там еще не воспринят факт смерти И.В. Сталина, что еще продолжает раскручиваться давно запущенная в ход машина, которая представляет людям Сталина рядом с Мао Цзэдуну, а Мао Цзэдуна рядом или наряду со Сталиным. Очевидно тогда Мао Цзэдун считал необходимым пользоваться именем и образом Сталина для усиления и значительности собственной персоны. Следует иметь в виду, что в начале 50-х в глазах

мировой прогрессивной общественности Советский Союз имел весьма привлекательный образ державы-победительницы в борьбе с мировым злом – фашизмом; естественно, И.В. Сталин олицетворял тогда в мире весь героический советский народ. В КНР повсюду можно было видеть барельефы с наложенными одно на другое изображениями профилей вождей мирового пролетариата. В одном ряду, один за другим шли: К. Маркс, Ф. Энгельс, В.И. Ленин, И.В. Сталин, Мао Цзэдун. Первое изображение переходило во второе и т. д.

Во всю мощь, широко звучала в КНР в те годы советская песня «Москва — Пекин», в которой центральными воспринимались слова: «Сталин и Мао слушают нас». После смерти Сталина слова в песне стали заменяться, но далеко не всегда. Чаще теперь слышалось «Сталин и Мао в сердце у нас». Создавалось ощущение, что народная тоска по вождю, по Сталину, преобразовывалась в теплое чувство восхищения его преемником Мао Цзэдуном, преклонения теперь уже перед ним.

Именно тогда мне и довелось несколько раз подряд увидеть Мао Цзэдуна: на приеме по случаю пятой годовщины КНР, на башне Тяньаньмэнь во время демонстрации по тому же случаю, при посещении им нашей выставки.

Пожалуй, первое ощущение мое: это кто-то или это даже что-то не похожее на обычных людей, иначе говоря – это вождь, который живет в каком-то ином измерении, в другом пространстве. Все движения его были нарочито замедленными, плавными, вероятно, как у космонавта в невесомости. Он будто бы парил над людьми. Он и все остальные-прочие – это словно два разных мира, общение между которыми на равных вряд ли возможно. При этом он знает и понимает людей много лучше, чем они сами знают и понимают себя. Людям же, напротив, нужно прикладывать большие усилия для того, чтобы попытаться осмыслить его наставления. Действительно, тогда и он сам, и работавшая на него пропагандистская машина создавали представление о нем как о божестве. Разумеется, коммунистическом божестве.

Вот он поднялся со своего места за праздничным столом на приеме, неспешно двинулся в обход столиков, поздравляя присутствовавших с праздником, чокаясь с ними. Но при этом он ничего и ни с кем не пил, а лишь держал либо приподнимал свою рюмку, изредка позволяя прикасаться к ней бокалам других людей. А рядом с ним живой и подвижный Чжоу Эньлай, который выпивал с гостями торжества от имени Мао Цзэдуна, специально и всячески подчеркивая это.

Чжоу Эньлай поминутно запрокидывал голову и, казалось, опустошал содержимое своей рюмки, но странное дело – вино в его рюмке никак не кончалось. Техника этих движений была отработана великолепно. Мало того, специальные люди с особой бутылкой, в которой находилась проверенная спецорганами жидкость, возможно подкрашенная минеральная или кипяченая вода, шли за Чжоу Эньлаем и своевременно и незаметно для присутствующих меняли рюмки в его руке.

Иными словами, и в данном случае Мао Цзэдун не сближался с людьми, не совершал прилюдно поступков, присущих обыкновенному человеку, а только осуществлял «политические акции».

На торжественный прием по случаю пятой годовщины КНР были приглашены все советские сотрудники выставки.

В зале было множество столов, и где-то там, очень далеко от меня, находился и Мао Цзэдун.

Увидев, что Мао Цзэдун покинул зал не дожидаясь конца банкета, я поспешил в вестибюль гостиницы. У меня вдруг возникло такое ощущение, что обширный холл гостиницы «Пекин» был почти пуст. Я фактически натолкнулся на Мао Цзэдуна и его телохранителя.

Я попрощался с Мао Цзэдуном за руку и удивился тому, что эта рука оказалась вдруг мягкой, теплой и совершенно расслабленной. В ней не ощущалось никакой силы. Находясь в непосредственной близости, Мао Цзэдун произвел на меня тогда впечатление довольно

крупного человека с рыхлым телом. Но главное, что меня поразило, это то, что телохранитель надевал на Мао Цзэдуна его легкое пальто и его головной убор. Я тогда никак не мог понять, почему Мао Цзэдун сам не может поднять руку и надеть на себя свою кепочку.

Возможно, подумалось мне, существует некий разрыв между мыслительной деятельностью и жизнью тела. Во всяком случае у Мао Цзэдуна этот разрыв был очевиден. Последняя у него обслуживалась в значительной степени телохранителями, другими отряженными для этой цели людьми, персоналом, выделенным специально для этого.

Намеренно ли подчеркивалось «неземное» в поведении Мао Цзэдуна, или так получалось в результате постепенного приспособления окружающих к его линии поведения, но эффект был однозначен: Мао Цзэдун на людях, при посторонних, вел себя как небожитель. Каждый его жест, не говоря уже о слове, был действием.

В один из редких выходных дней советскую выставку в Пекине решил посетить Мао Цзэдун. Он явился тогда единственным посетителем. Он терпеть не мог никакой свиты. При нем был только его переводчик Ли Юежань. Оба были в рубашках.

Помню, Мао Цзэдун остановился возле известной в свое время картины маслом кисти художника Д.А. Налбандяна под названием «Великая дружба». Художник изобразил на ней Сталина с папиросой и Мао Цзэдуна с книгой в руке сидящими при свете настольной лампы, очевидно в кабинете Сталина. Сталин и Мао Цзэдун были изображены фотографически точно, причем казались людьми примерно одного роста.

Мы, переводчики, поинтересовались: было ли так в действительности? Мао Цзэдун сказал, что именно так не было, но было что-то вроде того.

Возможно, Мао Цзэдун обратил внимание на эту картину и для того, чтобы подчеркнуть свой пиетет перед Сталиным в противовес своему же отношению к Хрущеву.

На протяжении почти полутора десятков лет пребывания в КНР мне потом неоднократно доводилось видеть Мао Цзэдуна издали во время государственных праздников. Со специальной трибуны для иностранцев я видел Мао Цзэдуна на башне Тяньаньмэнь, он медленными протяжными взмахами руки приветствовал массы людей на площади.

Вспоминается еще один эпизод. В 1963 г. в Пекин после переговоров в Москве возвратилась делегация КПК во главе с Дэн Сяопином. Делегацию встречал посол нашей страны С.В. Червоненко. Самолет приземлился и подрулил к зданию аэропорта. Посол направился к воздушному кораблю. Я сопровождал его в качестве переводчика. Приблизившись к самолету, мы обнаружили, что находимся в одиночестве на летном поле. Никто из официальных китайских лиц не вышел из здания аэропорта. К самолету был подан трап, люк открылся, но из самолета также никто не показывался. Происходила какая-то неожиданная задержка.

Я повернулся от самолета к зданию аэровокзала и вдруг увидел, что из его боковых дверей вышел Мао Цзэдун. Оказавшись на пустом летном поле, он передвигался очень медленно. Мне даже показалось, что при слепящем солнечном свете он плохо видит. Он шел как будто на ощупь. Мао Цзэдун был совершенно один, если не считать его телохранителя, шедшего позади и несколько сбоку, но не ближе десяти метров от вождя. И никто из китайских руководителей не только не появился, но даже и не выглянул ниоткуда.

Тогда я с ведома посла двинулся навстречу Мао Цзэдуну, желая помочь ему кратчайшим путем приблизиться к трапу самолета. Подойдя к китайскому руководителю, я почтительно поздоровался с ним и, поддерживая его под руку, повел по направлению к самолету. Признаюсь, меня поразила не только все та же рыхлость фигуры, но и его ужасные дочерна прокуренные зубы. На этот рот было неприятно смотреть.

Когда мы подошли к послу, С.В. Червоненко осведомился у Мао Цзэдуна о его

здоровье. На что Мао Цзэдун сказал со своим сильным хунаньским акцентом: «Ну, еще ничего!» Через некоторое время появились другие встречающие, делегация начала спускаться по трапу, все пошло своим чередом.

В феврале 1965 г. в Пекине побывал один из основных руководителей КПСС и СССР того времени, член политбюро ЦК партии, председатель Совета министров СССР А.Н. Косыгин. Тогда и состоялась встреча А.Н.Косыгина и Ю.В. Андропова, также входившего в делегацию, с Мао Цзэдуном. Это была, по сути, последняя встреча Мао Цзэдуна с советскими руководителями.

Мне довелось присутствовать при этой встрече в качестве переводчика. Запомнились некоторые детали.

Утром 11 февраля 1965 г. связные с китайской стороны передали через меня, что А.Н. Косыгина примет Мао Цзэдун. Я сообщил об этом В.В. Кузнецову, первому заместителю министра иностранных дел СССР. Тот посоветовал уведомить о предложении китайской стороны Ю.В. Андропова.

Дело было в одном из особняков Дяюйтай («Террасы, с которой ловится рыбка») – резиденции для иностранных гостей в Пекине. Поднимаясь по витой лестнице на второй этаж, я встретил Ю.В. Андропова, шедшего завтракать. Я рассказал ему о сообщении. Он выслушал и сказал, что я должен доложить об этом А.Н. Косыгину. Только после этого наконец вступил в действие механизм согласования встречи руководителя советской делегации с Мао Цзэдуном.

А.Н. Косыгин попросил передать китайской стороне, что он принимает приглашение встретиться с Мао Цзэдуном.

Мао Цзэдун полагал, что после ухода с политической арены Н.С. Хрущева ему необходимо лично побеседовать с одним из главных советских руководителей. Он хотел в присутствии своих коллег по руководству КПК и КНР изложить свой взгляд на наши двусторонние отношения. Он, очевидно, также рассчитывал до конца развеять вероятные надежды некоторых членов китайского руководства на возможность изменения характера и тенденций в советско-китайских отношениях. Мао Цзэдун хотел придать встрече отчасти неформальный характер, желая встретиться с простыми людьми из нашей страны, а уж заодно и с А.Н. Косыгиным. Китайские коллеги высказали пожелание Мао Цзэдуна о том, чтобы вместе с А.Н. Косыгиным на встречу с вождем китайского народа прибыл весь состав советской делегации, включая технических сотрудников, экипаж советского самолета, в том числе стюардессы.

Характеры А.Н. Косыгина и Мао Цзэдуна были схожими. В делах это были суровые люди, добивавшиеся выполнения своих намерений и убежденные в том, что только они могут принимать ответственные решения.

А.Н. Косыгин резко возразил, подчеркнув, что он сам решит, кого взять с собой на встречу.

Тогда Мао Цзэдун передал, что он просил бы привезти всех советских людей из делегации хотя бы на несколько минут и только для того, чтобы Мао Цзэдун мог пожать им руки и сфотографироваться с ними.

А.Н. Косыгин не согласился и на это.

Возникла пауза, во время которой могло показаться, что встреча может сорваться. Характеры обоих руководителей подвергались испытанию на прочность. Так продолжалось около часа. Мао Цзэдун упорно пытался навязать свое мнение.

И вдруг наши китайские партнеры сделали вид, будто никаких просьб и пожеланий с их стороны и в помине не было, сообщив, что Мао Цзэдун ждет А.Н.Косыгина в Доме всекитайского собрания народных представителей. Нетрудно догадаться, что в случае принятия его пожелания встреча состоялась бы в его резиденции в «пекинском Кремле» – Чжуннаньхае. Тем самым намеренно подчеркивался не партийно-государственный, а лишь государственный характер встречи, но это уже не имело существенного значения.

А.Н. Косыгин заметно нервничал. Он решил, что при встрече будут присутствовать только члены делегации, посол и переводчик. Он даже не разрешил взять на встречу машинисток-стенографисток, которые прилетели с ним. По этой причине мне одному пришлось и переводить, и записывать беседу.

Перед беседой, пожав руки всем членам советской делегации, Мао Цзэдун сфотографировался с А.Н. Косыгиным на память у инкрустированной ширмы. Затем все гуськом направились в зал для беседы. Впереди в одиночестве следовал Мао Цзэдун. Сильно располнев за последние годы, он передвигался вальяжно и очень неторопливо, испытывая немалые трудности при ходьбе. В зале к нему подскочила и повела его под руку молодая женщина небольшого роста. А.Н. Косыгин, следовавший за Мао Цзэдуном, спросил у председателя КНР Лю Шаоци: «Кто эта женщина при Мао Цзэдуне?» Лю Шаоци ответил, что она «помогает ему в быту».

В ходе беседы А.Н. Косыгин сделал предложение приостановить обоюдную пропагандистскую войну и открытую полемику между нашими государствами. В ответ на это Мао Цзэдун подчеркнул, что от такой словесной войны «ни один человек еще не погиб».

Мао Цзэдун проявил своего рода мелочность, подчеркнув, что он все-таки «принял» А.Н. Косыгина, хотя еще недавно отказал в аудиенции английскому министру. А.Н. Косыгин пропустил эту колкость мимо ушей.

В свою очередь А.Н. Косыгин сказал, что СССР реально помогает национально-освободительному движению, в то время как КНР этого не делает. «Вашей борьбы против американского империализма не видно», – заявил глава советской делегации прямо в глаза Мао Цзэдуну.

Вероятно, это был один из тех редких в истории и в жизни Мао Цзэдуна моментов, когда иностранец осмелился бросить ему в лицо такое обвинение, причем при его коллегах по Политбюро ЦК КПК. (Впрочем, однажды, при встрече Мао Цзэдуна со Сталиным в 1950 году, советский вождь упрекнул Мао Цзэдуна в том, что тот не держит своего слова.)

Слова А.Н. Косыгина очевидно стали полной неожиданностью для Мао Цзэдуна, никак не ожидавшего такого поворота беседы.

Воцарилось всеобщее молчание. Выдержав некоторую паузу, Мао Цзэдун достал сигарету, неспешно раскурил ее... Взгляд его устремился в потолок, на лице появилась маска безразличия ко всему происходящему. Казалось, он решил для себя – тут больше не о чем говорить.

Длинную неловкую паузу разрядил Лю Шаоци. Осторожно вступив в диалог двух руководителей, он постепенно подключил к разговору других членов делегации, придав ему сугубо деловой характер.

Председатель КНР перешел к вопросу о том, как советская военная помощь доставляется через территорию КНР во Вьетнам. Лю Шаоци, а затем начальник Генерального штаба Народно-освободительной армии Китая (НОАК) Ло Жуйцин, непосредственно ведавший вопросами обеспечения продвижения военных грузов из СССР через территорию КНР во Вьетнам, доказывали, что китайская сторона делает все от нее зависящее. С нашей стороны в разговор включились В.В. Кузнецов и маршал авиации К. А. Вершинин.

И тогда вдруг как бы очнулся Мао Цзэдун. Он выпустил в воздух длинную струю дыма и сказал: «Ну вот, вы и заспорили». Так он попытался поставить себя в положение арбитра: «спас лицо», вознес себя над «вашим спором».

В последний раз мне довелось увидеть Мао Цзэдуна 21 мая 1970 г. на массовом митинге в Пекине.

Линь Бяо, который был в то время официально единственным заместителем Мао Цзэдуна как председателя ЦК КПК, зачитал заявление Мао Цзэдуна относительно актов агрессии США в Юго-Восточной Азии.

В то время как Линь Бяо стоял перед микрофоном и читал заявление, Мао Цзэдун

зашел за его спину и на виду у всех собравшихся принялся заглядывать через плечо Линь Бяо, как будто пытался вникнуть в то, что тот читал. Подобные действия Мао Цзэдуна ставили под сомнение его согласие с текстом антиамериканского заявления, да и само отношение председателя КПК к Линь Бяо. Воистину Мао Цзэдун был мастером публичных акций. Всякий его жест, каждый шаг были политически значимыми.

В 1990 г. я побывал в Доме памяти председателя Мао в Пекине. Я встал в очередь посетителей – жителей столицы и приезжих из провинций. Поднялся по лестнице и, пройдя между высоченными круглыми мощными колоннами, вошел внутрь здания.

Посетители попадают в огромный пустой зал. Прямо перед ними у противоположной стены – памятник. Мао Цзэдун сидит и смотрит на своих гостей. Исполинская фигура. Посетители рядом со статуей кажутся лилипутами. Вся громадная стена за памятником – это картина: нескончаемые горы и реки, символ величия мышления Мао Цзэдуна. Всякий входящий сюда может возложить цветы на невысокий бортик, возвышающийся над полом на почтительном расстоянии от статуи. Букетики продаются здесь же, в киоске, мимо которого проходит толпа (туда же, в этот киоск, они и возвращаются каждый вечер по закрытии мавзолея, чтобы с утра вновь поступить в продажу). Перед памятником посетителей разделяют на две цепочки и направляют попарно в обход памятника к двум дверям, через которые по коридорам вы проходите в следующий, основной зал, где установлен саркофаг. Над дверями непрерывно бегут цифры, указывая число посетителей Дома памяти. Бегущая неоновая строка также уведомляет о правилах поведения посетителей рядом с саркофагом.

Посередине просторного зала с очень высоким потолком находится прозрачный саркофаг с телом. Он установлен на высоком, много выше человеческого роста, постаменте. С обеих сторон саркофага – высокие экраны из толстого темного прозрачного материала. Вдоль стен зала стоят в кадках декоративные деревья, теряющиеся в этом огромном помещении.

Помимо людей в военной форме, у всех четырех углов саркофага постоянно дежурят люди в штатском, напористые и грубые. Они внимательно оглядывают посетителей, покрикивают на них, заставляя идти быстрее, не задерживаться.

Посетители проходят в этот зал и идут длинной цепочкой вдоль саркофага, на довольно почтительном расстоянии от него. Останавливаться здесь запрещено. Каждый старается разглядеть Мао Цзэдуна получше, поэтому цепочки волей-неволей разреживаются, что очень не нравится здешней охране.

Со стороны видна голова Мао Цзэдуна, кажущаяся непропорционально большой, даже громадной, как будто она распухла. Огромные уши. Остатки седых волос. На голове серые и даже зеленоватые пятна. Сама же голова напоминает муляж из ярко-желтого папье-маше. На лице мумии навечно застыло недовольное и брезгливое выражение. Ниже головы все тело закрыто красной материей.

После посещения Дома памяти у меня создалось ощущение, что и после своей смерти Мао Цзэдун остался в одиночестве, в пустоте.

Часть I Семейный портрет

Глава первая Его родные и близкие

Прежде чем рассказать о родных и близких Мао Цзэдуна, предлагаем ознакомиться с его родословной, с перечнем членов семейства и рода Мао:

Мао Цзэдун (26 декабря 1893 – 9 сентября 1976) – представитель 20-го поколения рода Мао.

Мао Тайхуа (XIV в.) – выходец из провинции Цзянси, основоположник рода Мао в

деревне Шаошаньчун провинции Хунань.

Мао Цзужэнь – представитель 17-го поколения рода Мао, прадед Мао Цзэдуна.

Мао Эньчжу, или *Мао Эньпу* (22 мая 1846 – 23 ноября 1904) – представитель 18-го поколения рода Мао, дед Мао Цзэдуна.

Урожденная *Лю* (? – 20 мая 1884) – жена Мао Эньчжу, бабушка Мао Цзэдуна. Похоронена вместе с мужем в горной лошине Дишуйдун вблизи деревни Шаошаньчун.

Мао Шуньинь (15 октября 1870 – 23 декабря 1920) – представитель 19-го поколения рода Мао, отец Мао Цзэдуна.

Вэнь Цимэй (12 февраля 1867 – 5 октября 1919) – мать Мао Цзэдуна.

Двое старших братьев и две младших сестры Мао Цзэдуна умерли в раннем возрасте.

Мао Цзэминь (1896—1943) – младший брат Мао Цзэдуна.

Мао Цзэтань (1907—1935) – младший брат Мао Цзэдуна.

Ван Шулань (1895—1964) – первая жена Мао Цзэминя, невестка Мао Цзэдуна.

Мао Юаньчжи (род. в 1922) – дочь Мао Цзэминя и Ван Шулань, племянница Мао Цзэдуна.

Чжу Даньхуа (?) – вторая жена Мао Цзэминя, невестка Мао Цзэдуна; после смерти Мао Цзэминя вышла замуж за Фан Чжичуна, брата известного деятеля КПК Фан Чжиминя.

Мао Юаньсинь (род. в 1941) – сын Мао Цзэминя и Чжу Даньхуа, племянник Мао Цзэдуна.

Чтао Сяньгуй (1905—1932) – первая жена Мао Цзэтаня, невестка Мао Цзэдуна.

Чжоу Вэньнань (?–1927) – вторая жена Мао Цзэтаня, невестка Мао Цзэдуна.

Мао Чусюн (род. в 1927) – сын Мао Цзэтаня и Чжоу Вэньнань, племянник Мао Цзэдуна.

Хэ И (?–1950) – третья жена Мао Цзэтаня, младшая сестра третьей жены Мао Цзэдуна, Хэ Цзычжэнь, невестка и свояченица Мао Цзэдуна.

Ван Хайжун (род. в 1943) – по некоторым источникам, дочь Мао Цзэминя, по другим – внучка родственника Мао Цзэдуна по материнской линии Ван Цифаня, считалась двоюродной племянницей Мао Цзэдуна.

Урожденная *Ло*, или *Е-мэйцза* («Сестричка Листочек») (1890—1911) – первая жена Мао Цзэдуна.

Урожденная *Мао*, или *Цзюй-мэйцза* («Сестричка Хризантема»), или *Мао Цзэцзянь* (1905—1930) – суженая Мао Цзэдуна, названная или двоюродная сестра Мао Цзэдуна.

Ян Кайхой, или *Сяо Ся* («Зоренька») (1901—1930) – вторая жена Мао Цзэдуна.

Ян Чанци (1871—1920) – отец Ян Кайхой, тесть Мао Цзэдуна. Урожденная *Сян* (?–1962) – жена Ян Чанци, мать Ян Кайхой, теща Мао Цзэдуна.

Ян Кайчжи (?) – брат Ян Кайхой, шурин Мао Цзэдуна.

Мао Аньин (1922—1950) – первый сын Мао Цзэдуна и Ян Кайхой.

Лю Сыци (род. в 1930) – приемная дочь Мао Цзэдуна, позже его сноха, жена Мао Аньина; после смерти Мао Аньина вышла замуж, приняв имя *Лю Сунлинь*.

Ян Маочжи (?) – муж Лю Сунлинь.

Мао Аньцин (род. в 1924) – второй сын Мао Цзэдуна и Ян Кайхой.

Чжан Шаохуа (род. в 1938) – жена Мао Аньцина, младшая сестра жены Мао Аньина Лю Сыци, сноха Мао Цзэдуна.

Мао Синъюй (род. в 1970) – сын Мао Аньцина и Чжан Шаохуа, внук Мао Цзэдуна.

Чжан Шаолинь (род. в 1944) – приемная дочь Мао Цзэдуна, младшая сестра Лю Сыци и Чжан Шаохуа.

Чжан Вэньцю (род. в 1903) – сватья Мао Цзэдуна, мать Лю Сыци, Чжан Шаохуа и Чжан Шаолинь.

Мао Аньлун (род. в 1927) – третий сын Мао Цзэдуна и Ян Кайхой.

Хэ Цзычжэнь (1910—1984) – третья жена Мао Цзэдуна.

... – первая дочь Мао Цзэдуна и Хэ Цзычжэнь, следы утеряны (род. в 1929);

Мао Аньхун, или *Маомао* – первый сын Мао Цзэдуна и Хэ Цзычжэнь, следы утеряны

(род. в 1932 г.);

... – вторая дочь Мао Цзэдуна и Хэ Цзычжэнь, родилась мертвой в 1933 г.;

... – второй сын Мао Цзэдуна и Хэ Цзычжэнь; следы утеряны (род. в 1935).

Цзяоцзяо («Прелесть»), или *Ли Минь* («Искусная в делах») (род. в 1936 – нач. 1937) – третья дочь Мао Цзэдуна и Хэ Цзычжэнь.

Кун Линхуа (?) – муж Ли Минь, зять Мао Цзэдуна.

Кун Цзиньин (род. в 1962) – сын Ли Минь и Кун Линхуа, внук Мао Цзэдуна.

Кун Дунмэй (род. в 1972) – дочь Ли Минь и Кун Линхуа, внучка Мао Цзэдуна.

... – третий сын Мао Цзэдуна и Хэ Цзычжэнь (род. в 1938). *Цзян Цин* (1914—1991) – четвертая жена Мао Цзэдуна. *Ли Нэ* («Осторожная в речах») (род. в 1940) – дочь Мао Цзэдуна и Цзян Цин.

Сюй – первый муж Ли Нэ, зять Мао Цзэдуна. *Сяо Юй* (род. в 1970 г.) – сын Ли Нэ и Сюя, внук Мао Цзэдуна. *Ван Цзинцин* (род. в 1931) – второй муж Ли Нэ, зять Мао Цзэдуна. *Ли Юнься*, или *Ли Юньлу* (1902—1988) – старшая сестра Цзян Цин, свояченица Мао Цзэдуна.

Приведем также псевдонимы и прозвища Мао Цзэдуна:

– Цзэдун.

– Эр ши ба хуа шэн,

– Юнчжи,

– Цзыжэнь,

– Ян Цзыжэнь,

– Мао Шишань,

– Ли Дэшэн,

– Дэшэн,

– Жуньчжи,

– Жунь,

– Мао Жуньчжи.

Итак, даже близкой родни у Мао Цзэдуна было довольно много, что вполне типично для традиционной крестьянской семьи в Китае.

* * *

Во многих семьях в Китае принято хранить книги с описанием истории своего рода. Существует родословная и семьи Мао.

Родовая книга семьи Мао начинается с рассказа о ее родоначальнике Мао Тайхуа. В XIV в. н. э. этот крестьянин из провинции Цзянси бросил мотыгу, повязал голову куском красной материи и присоединился к крестьянскому восстанию. Вождь восставших Чжу Юаньчжан разгромил войско монгольской династии, правившей в Китае в те давние времена, сам основал ханьскую (китайскую) династию Мин, став ее первым императором.

Мао Тайхуа был одним из младших офицеров армии Чжу Юаньчжана. По приказу императора он отправился в составе экспедиции усмирять южные края, в частности Юньнань, где и был оставлен в качестве военного поселенца. В тех местах не было женщин-китайок. Поэтому, как и многие его сотоварищи, Мао Тайхуа взял в жены девушку из местных. Так праmaterью рода Мао стала женщина другого рода-племени. Строго говоря, род Мао и сам Мао Цзэдун не чистокровные ханьцы. На протяжении всей жизни Мао Цзэдун постоянно возвращался к мыслям о своем роде, и, кто знает, возможно, его тяготило сознание своей национальной неполноценности.

Что же касается Мао Тайхуа, то далекому предку Мао Цзэдуна улыбнулась фортуна. В

ответ на свои просьбы к начальству он в конце концов получил разрешение вернуться с чужбины на собственно китайские земли вместе с женой и детьми. Примерно в это же время император Чжу Юаньчжан устроил гонения на уроженцев провинции Хунань, своих бывших союзников по восстанию. Последние, спасаясь от казни, бежали куда глаза глядят. На опустевшие земли император посадил верных ему офицеров, среди которых оказался и предок Мао Цзэдуна Мао Тайхуа. Так оказалась в Хунани в XIV столетии семья Мао.

Мао Цзэдун на протяжении всей своей жизни проявлял интерес к личности Чжу Юаньчжана. Ведь тот тоже был хунаньцем из простолюдов, а стал императором. Еще в детских мечтах Мао Цзэдуну хотелось повторить достижение Чжу Юаньчжана. Впрочем, он гордился и своим именем, и своим родом. К моменту его рождения род Мао уже около пяти столетий существовал в Хунани, этой теплой китайской провинции южнее реки Янцзы. Родина Мао Цзэдуна славится своими благодатными красными почвами; множество рек и озер, зеленые лесистые горы делают местный пейзаж неописуемо красивым.

Отца Мао Цзэдуна звали Мао Шуньшэн. Его имя можно толковать как «Родившийся под счастливой звездой». Он родился в 1870 г. Это был очень волевой и работающий человек. Своим упорным трудом он сумел значительно приумножить состояние семьи; во всяком случае, именно благодаря его настойчивости семья не только вернула утраченные ранее поля, но и, приобретя еще несколько му¹ земли, перешла в категорию богатых или зажиточных крестьян.

На своих 22 му (а в тех краях крестьянский двор обычно имел 2–3 му земли) Мао Шуньшэн получал ежегодно до 40 центнеров зерна. К 1918 г. продажей зерна и свиней он сколотил немалый капитал в 2–3 тысячи юаней и даже покрыл дом черепицей. Сохранились семейные фотографии тех лет.

Отец привык единолично распоряжаться в семье и полагал такой порядок естественным и неизменным. Мао Цзэдун впоследствии говорил, что, по его мнению, в доме были как бы две противоборствующие силы, своего рода партии. Одна из них – правящая, это, безусловно, – отец. Другая – оппозиционная. В нее Мао Цзэдун включал себя, даже на первом месте себя, затем свою мать и младших братьев, и уж потом батраков. Привычка разделять людей на партии, видеть в них либо своих последователей, либо оппозиционеров всегда была присуща этому человеку.

Мать Мао Цзэдуна была из рода Вэнь, звали ее Цимэй, то есть «Седьмая сестра». Скорее всего она была седьмой дочерью в семье. Ее семья тоже была довольно зажиточной и даже иной раз оказывала помощь Мао Шуньшэну в его торговых делах.

Вэнь Цимэй родилась в 1867 г. и была тремя годами старше своего мужа. Она вышла замуж в 1885 г., восемнадцати лет от роду. Отцу Мао Цзэдуна было тогда 15 лет. Это было в порядке вещей в китайской деревне.

У супругов было семеро детей – пять сыновей и две дочери. Два старших сына и две младшие дочери умерли в младенчестве. Мао Цзэдун остался старшим наследником. У него были два младших брата: Мао Цзэминь и Мао Цзэтань.

Мать всю жизнь питала особую любовь к старшему из выживших сыновей. Она не хотела, чтобы он провел свою жизнь в деревне, и, насколько это ей удавалось, способствовала этому.

Вэнь Цимэй была глубоко верующей женщиной. Частенько она водила в кумирню и старшего сына, который, как и мать, усердно молился и бил поклоны перед статуей Будды. Но довольно скоро Мао Цзэдун отошел от религии. Не в его характере было возлагать надежды на кого бы то ни было, даже на Бога.

Родители Мао Цзэдуна умерли один за другим, по одной версии, от скоротечной, а по другой – от запущенной простуды. В октябре 1919 г. скончалась мать, а в декабре 1920 г. –

¹ Му – китайская мера площади, равная примерно 1/15 части гектара.

отец. Их похоронили в родной деревне. Мао Цзэдун полагал, что если бы в деревне нашелся хотя бы минимум лекарств, уже известных и довольно распространенных в то время в Китае, его родителям ничто бы не угрожало. Медицина того времени могла спасти его родителей, однако они безвременно сошли в могилу.

В 1950 г., во время осуществления аграрной реформы, по поручению Мао Цзэдуна в его родную деревню Шаошань приехали его сыновья, Мао Аньин и Мао Аньцин. Мао Цзэдун считал нужным, чтобы после создания КНР его дети посетили родину предков. Они передали председателю крестьянского союза указания отца: все имущество, включая землю, разделить между крестьянами деревни; не делать никаких исключений и отнести семью Мао Цзэдуна к категории богатых крестьян; в качестве залога за землю братья, также выполняя поручение отца, внесли триста юаней.

Фактически Мао Цзэдун, будучи по характеру человеком самостоятельным, покинул отчий дом в возрасте 16—17 лет, лишь только ощутив в себе потребность жить независимо. Выйдя из-под родительской опеки, он, как говорят в Китае, «пустился в самостоятельное плавание по людскому морю».

В 1959 г. Мао Цзэдун посетил родные места, где не бывал несколько десятилетий. В беседе с односельчанами он, в частности, сказал:

«Мы, коммунисты, последовательные материалисты. Не верим ни в бога, ни в черта, ни в существование души. Но мы тем не менее должны почитать отца и мать, родивших нас, партию, воспитавшую нас, учителей, друзей...»

Посещая могилы предков, Мао Цзэдун восхитился великолепным видом и сказал, что было бы неплохо построить там домик, в котором прекрасно работалось бы. Мао Цзэдуну было тогда почти 67 лет.

В нескольких километрах к западу от деревни Шаошань среди гор расположена живописная лощина. По преданию, именно там в стародавние времена обосновался Мао Тайхуа, родоначальник семьи Мао. Он любил жить отдельно, быть хозяином в своей семье, на своем хуторе. Впоследствии его потомки переселились в деревню Шаошань. Эта лощина носит название Дишуйдун, то есть «Пещера, в которой со стен сочится вода».

Домик, конечно же, быстро построили. Даже не одно, а несколько строений, которые получили название «Дачи Дишуйдун». Один из этих одноэтажных коттеджей стал занимать Мао Цзэдун во время своих наездов в родные места. В нем он работал и жил. Перед домиком была зацементирована площадка для пеших прогулок, гимнастики; было там и кольцо с баскетбольной корзиной (для телохранителей). Рядом выкопали пруд, в котором плавал Мао Цзэдун под привычное для него с детства кваканье громадных местных лягушек. «Дачу Дишуйдун» соединили с деревней Шаошань асфальтированным шоссе; вокруг этого места создали непроницаемую систему охраны (саму же деревню Шаошань связали с центром провинции городом Чанша специально построенной железной дорогой и шоссе). Говорили, что там же под дном вырытого водохранилища или искусственного озера было сооружено непробиваемое даже для атомного удара бомбоубежище, в котором находился и командный пункт на случай ядерной войны.

* * *

Сам Мао Цзэдун, как уже упоминалось, родился 26 декабря 1893 г., а умер 9 сентября 1976 г. По китайской традиции день его смерти знаменуется «двумя девятками». В это понятие вкладывается двоякий смысл: с одной стороны, это окончание некоего периода времени, а с другой, — символ начала новой жизни.

После смерти Мао Цзэдуна в живых осталось несколько его прямых родственников в

первом и втором поколениях: две жены, сын, две дочери, три внука.

Следы трех сыновей и дочери Мао Цзэдуна утеряны, так как их отдавали в крестьянские семьи, в чужие руки. Это объяснялось условиями суровой, подчас смертельной борьбы в годы гражданских войн.

Жены Мао Цзэдуна – Хэ Цзычжэнь и Цзян Цин – в разное время, каждая в отдельности, провели немало времени в Советском Союзе. Два сына Мао Цзэдуна и одна из его дочерей также были воспитаны и получили образование в СССР. Вдова старшего сына Мао Цзэдуна училась на филологическом факультете МГУ.

Одна из жен Мао Цзэдуна, двое его младших братьев, его названная сестра и племянник погибли в ходе борьбы КПК за власть в стране.

Один из сыновей Мао Цзэдуна родился в Москве, но заболел, умер во младенчестве. Он был похоронен в Советском Союзе. Другой сын Мао Цзэдуна погиб на фронте во время войны в Корее при взрыве американской напалмовой бомбы. По приказанию Мао Цзэдуна он был похоронен в КНДР.

Первая жена Мао Цзэдуна умерла в возрасте 21 года; вторую жену политические противники Мао Цзэдуна долго держали в тюрьме, затем казнили; третья жена, не выдержав тягот жизни в условиях гражданской войны и ударов судьбы в личной жизни, стала психически неуравновешенным человеком, много лет провела в психиатрической лечебнице либо находясь под постоянным наблюдением психиатров; четвертая жена Мао Цзэдуна уже после его смерти в результате политической борьбы оказалась в тюрьме, а затем покончила жизнь самоубийством; один из сыновей Мао Цзэдуна ненормален; одна из дочерей страдает шизофренией.

Как это и принято в Китае, Мао Цзэдун получил свою фамилию Мао от отца. Фамилия Мао – типичная китайская фамилия, одна из наиболее распространенных; таких фамилий в Китае немного, и все они объединяются понятием «фамилии ста семей».

Родители Мао Цзэдуна своим трем сыновьям дали имена, составленные из двух частей, двух значащих корнеслогов.

Первая часть имени каждого из них была одинаковой и свидетельствовала о принадлежности к двадцатому поколению мужчин рода Мао: «Цзэ» – «приносящий влагу», «приносящий жизнь», «приносящий свет», «оказывающий благодеяние».

Вторая часть имени была сугубо индивидуальной.

Братья были названы (в порядке старшинства): Цзэдун – «Приносящий влагу, жизнь Востоку»; Цзэминь – «Приносящий влагу, жизнь людям»; и Цзэтань – «Приносящий влагу, жизнь, благо своему водоему»; при этом, вероятно, имелся в виду пруд перед домом семьи Мао в деревне Шаошань.

Мао Цзэдун – его подлинные и полные фамилия и имя, которыми он сам гордился, не раз поясняя, что зовут его именно Мао Цзэдун, а не, скажем, «Мао Чжуси», то есть не «Председатель Мао».

В обыденной жизни в разные времена он пользовался, как это принято в Китае, несколькими фамилиями и именами, а также многочисленными псевдонимами: Мао Цзэдун, Цзэдун, Эр ши ба хуа шэн, Юнчжи, Цзыжэнь, Ян Цзыжэнь, Мао Шишань, Ли Дэшэн, Дэшэн, Жунь, Жуньчжи, Мао Жуньчжи.

«Эр ши ба хуа шэн» буквально означает «ученик или даже ученый муж, чье имя и фамилия составлены из двадцати восьми черт». Если написать фамилию и имя Мао Цзэдуна полными, а не упрощенными, как это принято в настоящее время в КНР, иероглифами, то они окажутся составленными как раз из 28 черт. В то же время все китайские иероглифы состоят из двадцати восьми основных черт; возможно, в этот свой псевдоним Мао Цзэдун вкладывал мысль о том, что он желал бы быть совершенным ученым мужем.

Когда Мао Цзэдун учился в первом педагогическом училище в городе Чанша, он имел два прозвища – Юнчжи и Цзыжэнь. Юнчжи означает «воспевающий семена кунжута», а Цзыжэнь – «осознающий, ощущающий свою ответственность». Оба эти прозвища

толковались иной раз в КНР как проявления уже тогда, то есть около 1910 г., революционных настроений Мао Цзэдуна. Семена кунжута при этом ассоциировались с бесчисленным множеством простых людей Китая. Псевдонимом Цзыжэнь подписан и ряд работ Мао Цзэдуна в 1930–1940-х гг., яньаньского периода.

Мао Цзэдун пользовался также псевдонимом Ян Цзыжэнь. Здесь он брал фамилию Ян, как писали в КНР, в память о своей жене Ян Кайхой и, возможно, о ее отце, своем любимом учителе и наставнике Ян Чанци.

В 1923 г., в тридцатилетнем возрасте, будучи вынужден скрываться от властей, Мао Цзэдун звался Мао Шишань – «Мао – Каменный утес».

Ли Дэшэн, или Дэшэн – этим псевдонимом Мао Цзэдун пользовался позднее, уже в 1947 г., когда ему пришлось оставить Яньань и скитаться, отбиваясь от правительственных войск, по северной части провинции Шэньси. В псевдоним вкладывался двойной смысл. С одной стороны, здесь совместились одна из самых распространенных китайских фамилий – Ли, а также имя – Дэшэн – «одерживающий победы», «побеждающий своей добродетелью, доблестью». С другой стороны, сам Мао Цзэдун трактовал свой псевдоним таким образом: «Да, мы уходим, покидаем, оставляем город Яньань, но обязательно возвратимся и в конце концов победим».

Вообще же сама мысль об отступлении во время войны или в ходе политической борьбы, которое оправдывалось надеждами или рассуждениями о конечной победе, глубоко засела в сознании Мао Цзэдуна. Здесь сказывалось столкновение реальной жизни с его характером, не выносившим признания факта каких бы то ни было отступлений или поражений. Мао Цзэдун всегда стремился сохранить лицо, делать хорошую мину даже при плохой игре, невыгодном для него соотношении сил, и в то же время он был склонен во многих случаях скорее лавировать и уходить от преследования, чем прибегать к стратегии и тактике прямого столкновения с противником (может быть, поэтому Мао Цзэдуну нравилась тактика М.И. Кутузова в войне против Наполеона, и он советовал руководителям СССР в случае нападения на нашу страну, скажем, американцев, отступать и отступать до Урала и дальше, годами накапливать силы, чтобы затем, воспользовавшись слабостями противника, нанести ему смертельный удар).

Мао Цзэдун наносил удары и в ходе войны, и в политической борьбе тогда, когда это ему практически ничем не грозило. Он предпочитал выжидать, дожидаться того момента, когда его оппонент начинал сам, из-за своей внутренней слабости, разваливаться; а до той поры Мао Цзэдун сохранял свои силы, накапливал их и вел борьбу с врагом с помощью тактики «комариных укусов», то есть изматывания противника в мелких, но многочисленных сражениях и стычках.

Мао Цзэдун пользовался также псевдонимами: Жуньчжи и Жунь. Он даже был известен руководителям ВКП(б) и Коминтерна под именем Мао Жуньчжи. Жуньчжи и Жунь – это практически одно слово. В нее вкладывается смысл «сочный, яркий». Известно, что, например, жены Мао Цзэдуна Ян Кайхой и Хэ Цзычжэнь называли его именно именем Жуньчжи.

Все эти имена и псевдонимы в какой-то степени дополняют образ Мао Цзэдуна, позволяют познакомиться с его представлением о самом себе или, вернее, о том, какое представление о себе он хотел бы создавать в умах других людей.

* * *

Младший брат Мао Цзэдуна Мао Цзэминь (другие его имена: Мао Цзэмин, Чжоу Чуан, Чжоу Цюань, Чжоу Дэн) родился в 1896 г. и был на три года моложе Мао Цзэдуна. Всю свою жизнь он во всем следовал за старшим братом. Активно участвовал в работе Компартии Китая. В 1932—1934 гг. был председателем эконосовета и председателем госбанка в Центральном советском районе в провинции Цзянси. В пограничном районе Шэньси-Ганьсунинся занимал пост министра народного хозяйства. С 1938 г. – комиссар финансов

Синьцзянского провинциального правительства. В 1939—1940 гг. по заданию Мао Цзэдуна находился в Москве. В 1942 г. был арестован властями Синьцзяна и в 1943 г. расстрелян.

В 1913 г. Мао Цзэминя в возрасте 17 лет женили на 18-летней Ван Шулань – трудолюбивой разумной девушке с мягким характером, которая вела домашнее хозяйство и стала общей любимицей в доме Мао. Ван Шулань была из очень бедной семьи. Ей так и не пришлось учиться. По обычаю, в детстве Ван Шулань бинтовали ноги. Для таких маленьких ступней существует красивое название: ножки как «цветки золотого лотоса». Традиционно в Китае в этом видели особое изящество. Фактически же это уродовало ступню, женщине было трудно ходить.

Многое в жизни Ван Шулань произошло под воздействием высказываний Мао Цзэдуна. Зимой 1918 г. он приехал в родную деревню навестить родственников. После трапезы сидели всей семьей у огонька. Мао Цзэдун спросил: «Слыхали? Есть хорошая новость». Ван Шулань тут же ввязалась в разговор: «Что там еще за новость? Уж не иначе, как у тебя на стороне сокровище появилось (т. е. родился внебрачный ребенок. – Ю.Г.)». Мао Цзэдун улыбнулся и покачал головой: «Есть кое-что более ценное!» Он постарался разъяснить своим попроще: «В русском государстве теперь все общее! И нам надо тому же учиться. Надо поднимать революцию. Пусть имущество станет общим».

Ван Шулань была в семье самой бойкой. Она сказала: «Ишь ты какой: имущество у него будет общим! Это тебе болтать легко. За такие дела голову снесут!»

Мао Цзэдун стоял на своем: «Пусть рубят голову, а дело делать надо. Да вы подумайте только, как это будет здорово, когда имущество станет общим. Тогда государство наше будет сильным, а народ богатым. Все будут равны. И вы, женщины, тоже станете свободными, раскрепоститесь и телом, и духом».

Рассказы Мао Цзэдуна произвели впечатление. В феврале 1921 г. Мао Цзэминь заявил, что решил уйти вслед за старшим братом в революцию. Ван Шулань согласилась: «Иди со спокойной душой. Можешь дом оставить на меня!» К этому времени родители Мао Цзэдуна уже умерли, и Ван Шулань действительно осталась в доме за старшую. Мао Цзэминь ушел, навсегда покинул свой дом и семью. А в 1922 г. Ван Шулань родила девочку, назвав ее Мао Юаньчжи. Мао Цзэминь так никогда и не увидел свою дочь.

Что же до судьбы Ван Шулань, то она вступила в КПК и стала женоргом в своей деревне. В 1927 г. ее бросили в тюрьму вместе с пятилетней дочерью и находившимся при ней маленьким сыном одного из погибших революционеров. Ван Шулань и в тюрьме продолжала служить делу партии, тайно руководила партийной ячейкой. Ее должны были казнить, и только внезапный налет на Чанша отряда под командованием Пэн Дэхуая спас Ван Шулань от гибели.

В дальнейшем ей пришлось много лет бедствовать, зарабатывать на жизнь чем придется. В то же время она была подпольщицей. Мао Юаньчжи не было еще и 10 лет, когда Ван Шулань была вынуждена отдать дочь в чужую семью в качестве девочки на побегушках, а в будущем жены сына хозяев. (Впоследствии Мао Юаньчжи была замужем за одним из партийных функционеров по имени Цао Цюаньфу, работавшим в канцелярии ЦК КПК.)

После создания КНР Ван Шулань осталась рядовым членом КПК. Пожилая, потерявшая здоровье женщина работала поварихой на строительстве ирригационных сооружений. В годы великого голода (1959—1961) она питалась как и подавляющее большинство китайцев, на ее долю приходилось 150 граммов риса в день да дикорастущие травы. Из них она варила похлебку. Она опухла от голода. Так жила эта женщина – в ветхой и рваной одежде, фактически не имея никакого имущества. В 1964 г. много выстрадавшая на своем веку невестка Мао Цзэдуна скончалась. Похороны ее были такими же неизвестными, как и практически вся ее жизнь.

Ван Шулань была первой законной женой Мао Цзэминя. Расставшись в 1921 году, он с ней так больше и не встречался. В 1932 г., занимая пост директора государственного банка Китайской Советской Республики в городе Жуйцзине, Мао Цзэминь женился на образованной, хорошо воспитанной женщине по имени Чжу Даньхуа. Они прожили вместе

более 10 лет. В 1943 г., как уже упоминалось, Мао Цзэминь был сначала арестован, а затем убит по приказу военного властителя Синьцзяна Шэн Шицая.

После гибели мужа Чжу Даньхуа вышла замуж за Фан Чжичуня, младшего брата известного в истории КПК деятеля Фан Чжиминя. Фан Чжиминь был популярен. Говорят, что даже известная песня, начинавшаяся словами «Восток заалел, в Китае родился...», сначала была посвящена не Мао Цзэдуну, а Фан Чжиминю.

У Мао Цзэминя и Чжу Даньхуа был всего один сын по имени Мао Юаньсинь.

* * *

Племянник Мао Цзэдуна Мао Юаньсинь родился в 1941 г. В 1950-х гг. Мао Цзэдун взял его в свой дом. Позднее Мао Юань-синь учился в Харбинской военно-инженерной академии.

В начале «культурной революции» в КНР был распространен текст беседы Мао Цзэдуна со своим племянником Мао Юаньсином о том, какими должны быть люди молодого поколения. Сам факт опубликования этой беседы сделал имя Мао Юаньсиня широко известным в стране и в партии, принес ему известный политический капитал. Мао Цзэдун всячески поощрял Мао Юаньсиня к активному участию в политической жизни страны. Возможно, Мао Цзэдун хотел, чтобы Мао Юаньсинь в какой-то степени заменил ему родного сына.

Относясь к Мао Цзэдуну как к божеству, Мао Юаньсинь в то же время называл Цзян Цин «мамой», своим «ангелом-хранителем». Впоследствии, когда Мао Юаньсиня раскритиковали, утверждалось, что он находился под значительным воздействием Цзян Цин: любил смотреть американские кинофильмы, слушать пленки с записью западной музыки, предпочитал заморские вина и т. п.

Когда Мао Цзэдун потерял способность передвигаться, Мао Юаньсиня временно перевели из Северо-Восточного Китая для работы в аппарате ЦК КПК в Пекине в качестве личного секретаря Мао Цзэдуна.

У постели Мао Цзэдуна был установлен телефонный аппарат для прямой связи председателя ЦК КПК с членами Политбюро ЦК партии. Непосредственное общение Мао Цзэдуна с другими членами руководства партии, а практически со всеми людьми, за исключением тех, кто обслуживал его в быту, в то время было уже исключено. Мао Цзэдун существовал, но его никто не мог видеть. Более того, его уже никто не мог и слышать. Возникла необходимость хотя бы в его «голосе». Задача Мао Юаньсиня состояла в том, чтобы передавать вопросы членов Политбюро Мао Цзэдуну и ответные указания Мао Цзэдуна членам Политбюро. Появился своего рода «связной», и они были вынуждены общаться с Мао Цзэдуну через этого посредника. Мао Юаньсинь был благодарен Цзян Цин за то, что она, преодолев сопротивление некоторых членов Политбюро, сумела добиться такого порядка общения Мао Цзэдуна с руководителями партии и страны. Следует упомянуть, что и речь Мао Цзэдуна в это время стала невнятной; еще и поэтому Мао Юаньсино пришлось стать «голосом» своего дяди.

И Мао Цзэдун, и Цзян Цин, каждый по-своему, подумывали о том, чтобы из Мао Юаньсиня получился «наследный принц». При этом Мао Цзэдун в известной степени доверял Мао Юаньсино и даже прислушивался к его мнению. Цзян Цин, возможно, строила планы стать после смерти Мао Цзэдуна «новой вдовствующей императрицей» Цыси и быть практически регентом при Мао Юаньсине.

Многие говорили, что Цзян Цин предпринимала попытки наладить отношения своей дочери Ли Нэ с Мао Юаньсином. Можно предположить, что Мао Юаньсинь был вполне готов вступить в брак с Ли Нэ. Молодые люди даже в течение некоторого времени встречались. Но планы Цзян Цин расстроились, ненормальное состояние психики Ли Нэ уже тогда сказывалось на ее отношениях со всеми окружающими людьми.

Что же касается политической карьеры Мао Юаньсиня, то в годы «культурной

революции», или «десятилетней смуты» (1966—1976), его считали «властелином» всего Северо-Восточного района КНР. Занимая посты заместителя председателя ревкома провинции Ляонин и заместителя комиссара Шэньянского большого военного округа, он распространял свою власть на весь северо-восток Китая.

Однако он слишком тесно связал свою судьбу с Цзян Цин и ее коллегами в руководстве партии, выдвиженцами «культурной революции». Он также испортил отношения со многими ветеранами – руководителями партии, не сумел разобраться в сложном механизме управления партией и страной и, проявив себя как зазнайка, оказался после смерти Мао Цзэдуна и устранения «четверки» практически выброшен из политической жизни Китая.

После смерти Мао Цзэдуна и последовавшего за ней в октябре 1976 г. ареста Цзян Цин и ее коллег из Политбюро ЦК КПК одновременно был отдан приказ лишить свободы и Мао Юаньсиня. Это было сделано, вероятно, на всякий случай, дабы никто не мог воспользоваться членом семьи Мао Цзэдуна как знаменем сопротивления действиям старых руководителей. Несостоявшийся «наследный принц» оказался под стражей. С тех пор о его судьбе нет точных сведений. Говорят, что он живет в провинции Шэньси.

* * *

Младший брат Мао Цзэдуна Мао Цзэтань родился в 1907 г. Он был женат трижды. Его первая жена Чжао Сяньгуй была женщиной работающей. Говорили, что Мао Цзэдуну очень нравилась эта его будущая невестка. По его настоянию Чжао Сяньгуй в 1923 г. поступила в педагогическое училище в Чанша и в том же году стала членом КПК. Мао Цзэтань и Чжао Сяньгуй поженились в 1924 г. До этого они дружили несколько лет.

В октябре 1925 года Чжао Сяньгуй была направлена партийной организацией на учебу в Москву. Об этом Мао Цзэтань даже не знал, полагалось держать все это в тайне.

Пока Чжао Сяньгуй училась в университете имени Сунь Ятсена в Москве, Мао Цзэтань, не имея о ней никаких сведений, в 1926 г. женился на Чжоу Вэньнань. В 1927 г. Чжао Сяньгуй вернулась в Китай, узнала о новом браке Мао Цзэтаня и возвратилась в дом своих родителей. Ее тотчас арестовали и держали в тюрьме до 1928 г.

В 1931 г. она вела подпольную работу в провинции Шаньдун, где и вышла замуж за одного из членов КПК, тоже учившегося в Советском Союзе. В 1932 году супругов арестовали и тайно казнили в Цзинани. Чжао Сяньгуй прожила всего 27 лет. Мао Цзэдун, вспоминая о ней и о своем младшем брате, горевал, что оба они погибли такими молодыми.

Вторая жена Мао Цзэтаня, Чжоу Вэньнань, в 1927 г. родила мальчика, Мао Чусюна. (Впоследствии Мао Цзэдун перечислял его среди своих родственников, погибших в ходе борьбы КПК за власть внутри страны.) Сама Чжоу Вэньнань погибла вскоре после рождения ребенка по дороге в горы Цзинганшань, не вынеся тягот пути.

Когда Мао Цзэтань был начальником секретариата бюро ЦК КПК по советским районам, жена Мао Цзэдуна Хэ Цзычжэнь познакомила его со своей младшей сестрой Хэ И, ставшей затем его женой. Родные братья Мао Цзэдун и Мао Цзэтань были женаты на родных сестрах, Хэ Цзычжэнь и Хэ И.

В 1934 г. после ухода главных военных сил КПК на северо-запад страны, Мао Цзэтань и Хэ И были оставлены партизанить в провинции Цзянси. В 1935 г. Мао Цзэтань был арестован властями и расстрелян. Ему было всего 28 лет. Его вдова Хэ И преодолела многочисленные препятствия и спустя два года добралась до Яньани, контролируемой Красной Армией Китая.

Глава вторая

Молодость, Ян Кайхой

В 1908 г. Мао Цзэдун окончил начальную сельскую школу. Ему было тогда полных 14 лет. Родители женили его по своему усмотрению, устроив самую настоящую брачную

церемонию.

Первой и единственной законной, если говорить об исполнении законов и обычаев, жене Мао Цзэдуна в момент свадьбы было 18 лет.

Первая жена Мао Цзэдуна была родом из соседнего уезда, из семьи по фамилии Ло. Звали ее обычно Е-мэйцза («Сестричка Листочек»). Она была простой и здоровой крестьянской девушкой. Родители женили старшего сына, заботясь о продлении рода, а также нуждаясь в помощнице по дому. В китайской деревне того времени было обычным явлением, когда сына в возрасте 14—15 лет женят первым браком на девушке 18—20 лет.

В 1908 г. семья Мао процветала. Однако матери Мао Цзэдуна был тогда уже 41 год. Тяжелый труд и многочисленные роды к этому времени сильно сказались на ее здоровье. Ей было довольно трудно обслуживать семью из пяти человек, самому младшему сыну Цзэтаню едва исполнился год. Семья держала батраков. Матери приходилось кормить всех мужчин и работать в поле. Конечно, родители рассчитывали, женив старшего сына, заполучить помощницу-работницу для дома и семьи.

Свадьбу Мао Цзэдуну сыграли шумную, с богатым угощением для родных и односельчан.

Так «Сестричка Листочек» вошла в семью Мао в качестве старшей невестки. Она провела в доме Мао три года, с 1908 по 1911-й. Весь первый год из этих трех Мао Цзэдун жил дома. Затем он уехал учиться в город, в родные места приезжал редко, не всегда даже во время каникул.

Очень молодой, всего 21 года от роду, Е-мэйцза заболела и умерла. Какие-то чувства все-таки соединяли Мао Цзэдуна с семьей Ло. После основания КНР в 1949 году старший брат его первой жены прислал Мао Цзэдуну письмо, жалуясь на материальные трудности. Мао Цзэдун ответил ему и послал 300 юаней.

Около 1910 г. Мао Цзэдун покинул родительский дом и вступил в самостоятельную жизнь, родители, согласно традициям и обычаям, существовавшим в крестьянских семьях, заботясь о продолжении рода, после смерти первой жены своего старшего сына взяли в свою семью девочку, которая со временем, согласно подписанному семьями жениха и невесты брачному контракту, должна была стать новой женой Мао Цзэдуна, как старшего сына в семье Мао. Эта суженая была родственницей Мао Цзэдуна, его двоюродной сестрой по отцовской линии.

Девочка была смышленной и симпатичной. Она родилась в сезон цветения хризантем в 1905 г., и ее в родной семье с детских лет называли Цзюй-мэйцза, то есть «Сестричка Хризантема». Она была на 12 лет моложе Мао Цзэдуна. Она росла и воспитывалась в доме его родителей и согласно обычаю называла Мао Цзэдуна старшим братом, что подразумевало их будущие супружеские отношения. И хотя формально Мао Цзэдун был обручен с «Сестричкой Хризантемой», их браку так и не суждено было осуществиться.

В 1920 г. Мао Цзэдун приехал в родные места. К тому времени он уже был вполне сложившимся человеком. По всей вероятности, у него был и определенный опыт общения с женщинами. Во всяком случае в то время он собирался жениться на Ян Кайхой. Может быть, именно в этой связи Мао Цзэдун и «решил вопрос» о «Сестричке Хризантеме» – ему нужна была свобода от брачного контракта с ней.

Мао Цзэдун произвел большое впечатление на названую сестру. Она с обожанием и восхищением смотрела на пламенно повествовавшего о революции молодого человека. В свою очередь ее характер и поведение импонировали Мао Цзэдуну. С ее согласия он увез «Сестричку Хризантему» в город Чанша и устроил там на учебу. Когда же родители Мао Цзэдуна ушли из жизни, он освободил себя и «Сестричку Хризантему» от брачных обязательств.

Именно Мао Цзэдун дал ей при ее переезде в город и новое имя. Он назвал ее Мао Цзэцзянь. В соответствии с традицией фамилия и первая часть имени его названной сестры оказались такими же, как у трех братьев Мао, а имя Цзэцзянь означало «приносящая влагу,

жизнь, благо строительству, созиданию».

Мао Цзэцзянь стала членом Компартии Китая уже в возрасте 18 лет. В 1925 г. она вышла замуж за Чэнь Фэня, тоже члена КПК. В 1930 г. Мао Цзэцзянь была казнена властями за свою политическую деятельность.

* * *

Мао Цзэдун с большим пиететом относился к отцу своей будущей второй жены Ян Кайхой. Его звали Ян Чанцзи, он преподавал логику, философию и этику в первом педагогическом училище города Чанша. Это был незаурядный человек. В молодости он увлекался конфуцианством, побывал на учебе в Японии, Англии, Германии. Он был знаком с культурой, цивилизацией и философией Востока и Запада. Его даже называли «Конфуцием первого педагогического училища города Чанша».

Его лекции собирали многочисленных слушателей. У него была манера говорить медленно и многозначительно. Он не повторялся и не разжевывал сказанное, каждое его высказывание было исполнено глубокого смысла.

Ян Чанцзи полагал, что знания – это результат самостоятельных исследований и опыта, а не переписывание классических сочинений предшественников и не повторение за другими того, что уже было ими сказано.

Ян Чанцзи отметил и признал Мао Цзэдуна одним из своих лучших учеников после того, как ознакомился с его сочинением «Энергия разума, или Сила нашего сердца». Под руководством Ян Чанцзи Мао Цзэдун получил представление о Г. Спенсере, Т. Гексли, Ч. Дарвине, Дж. Милле, А. Смите, Ш. Монтескье. Он читал и перечитывал «Биографии великих деятелей мира» – книгу, в которой говорилось об исключительной роли духовных пастырей и политических вождей. Годы, проведенные Мао Цзэдуном в первом педагогическом училище города Чанша, заложили основу духовных и политических взглядов будущего вождя китайской революции. По сути дела, Ян Чанцзи стал учителем, воспитателем и даже духовным наставником Мао Цзэдуна. Очень важно подчеркнуть, что прежде чем с головой окунуться в политическую борьбу, Мао Цзэдун свои молодые годы, с 20 до 25 лет, посвятил учебе, причем под хорошим, возможно, лучшим для тех условий, руководством.

Шло время, Мао Цзэдун стал постоянным гостем в доме учителя. По воскресеньям его приглашали на обед. Жена Ян Чанцзи готовила прекрасные кушанья.

По утрам Ян Чанцзи обязательно обливался ледяной водой, считая, что эта процедура помогает закалять волю. Вслед за наставником и Мао Цзэдун начал принимать водные, воздушные и солнечные ванны, а также подставлять свое тело инею и ветру.

Ян Чанцзи придавал большое значение нормам нравственности и морали. Под влиянием учителя Мао Цзэдун взял себе за правило самому отвечать за свои слова и поступки, всегда, при любых обстоятельствах оставаться самим собой. У него появилось и еще одно правило: в делах руководствоваться не эмоциями, а исключительно принципами, теорией; в то же время в частной жизни он полагался на свои чувства. В дальнейшем на протяжении всей своей жизни Мао Цзэдун всегда декларировал приверженность именно таким взглядам.

Ян Чанцзи не был консерватором в отношении к своим детям. Например, отец позволял дочери присутствовать при его трапезах и беседах со своими лучшими учениками, в том числе с Мао Цзэдуном, что считалось недопустимым в большинстве китайских семей.

Так началось общение Мао Цзэдуна и Ян Кайхой, бывшей на 8 лет моложе Мао Цзэдуна. В то время она превращалась из подростка в девушку. У Мао Цзэдуна была своя жизнь, свои отношения с соучениками и соученицами. Он довольно рано стал взрослым человеком, мужчиной. С Ян Кайхой он в первое время ощущал некоторую неловкость, робость деревенского парня перед дочерью наставника. Однако он заметил, что Ян Кайхой тоже смущается и краснеет в его присутствии, следовательно, он ей нравится. Он даже начал

подтрунивать над Ян Кайхой.

Шли годы, и в 1918 г. тогдашний министр просвещения Чжан Шичжао пригласил Ян Чанцзи занять кафедру профессора этики в Пекинском университете. В Пекине Ян Чанцзи рекомендовал своего ученика Мао Цзэдуна директору библиотеки Пекинского университета Ли Дачжао, одному из первых пропагандистов марксизма и основателей Компартии Китая.

Так Мао Цзэдун получил место помощника библиотекаря. Жалованье было крохотным. Однако, благодаря переезду в Пекин и стараниям Ян Чанцзи, перед Мао Цзэдуном открылись двери в новый мир – мир политической борьбы. Мао Цзэдун стал посещать марксистский кружок Ли Дачжао, познакомился с другим теоретиком и будущим основателем Компартии Китая Чэнь Дусю, который произвел на Мао Цзэдуна неизгладимое впечатление.

Мао Цзэдун и в Пекине продолжал посещать воскресные обеды в доме Ян Чанцзи, что было весьма существенно, учитывая его полуголодное существование. Послеобеденные беседы продолжались. Ян Чанцзи втягивал в них и свою дочь, которая целиком поддерживала Мао Цзэдуна в вопросах вооруженной борьбы, считая, что на насилие нужно отвечать насилием.

Ян Чанцзи мучили сомнения. Будучи хунаньцем, он любил смелых и сильных людей. Но как философ, учитель и наставник Ян Чанцзи хотел, чтобы его ученики были просветителями. Молодое же поколение объединялось идеей отстаивания с оружием в руках тех принципов, теоретических положений, которые представлялись им верными.

В начале 1919 г. состоялась беседа Ян Чанцзи с Мао Цзэдуном, оказавшаяся последней. В этом разговоре учитель одобрил мысли и патриотические настроения своего ученика, поддержал его тезис о том, что в основе практической деятельности должны лежать не абстрактные «измы» – либерализм, демократизм, реформизм, анархизм или марксизм, а использование тех постулатов и методов, которые на деле способны помочь в борьбе за интересы китайцев и китайской нации. Иными словами, можно брать отовсюду понемногу, лишь бы это было во благо революционной борьбе.

Ян Чанцзи и в Пекине не изменил своей привычке обливаться холодной водой. Однако он не учел того, что климат в Пекине совсем не такой теплый, как в родном Чанша, да и возраст давал о себе знать. Ледяные ванны привели к воспалению легких, в конце 1919 г. Ян Чанцзи заболел и буквально в считанные дни в начале января 1920 г. ушел из жизни.

Мао Цзэдун искренне переживал смерть Ян Чанцзи. Он помог похоронить учителя. Так, за какие-то полтора года Мао Цзэдун лишился родителей и своего наставника.

С матерью своей будущей второй жены госпожой Ян (урожденной Сян) Мао Цзэдун впервые увиделся в 1913 г., когда стал приходить в дом Ян Чанцзи по приглашению своего учителя.

Пока Ян Чанцзи учился за границей, где получил степень доктора философии Эдинбургского университета, его жена оставалась на родине с дочерью и сыном. Приходилось ей нелегко.

Она сочувствовала Мао Цзэдуну, видя, что он живет впроголодь, не получая помощи от родных. Зимой Мао Цзэдун дрожал от холода, у него был только один длиннополый, вылинявший от времени халат. Госпожа Ян связала ему шерстяную фуфайку модного в Чанша красно-розового цвета. Мао Цзэдун носил ее много лет, в том числе и во время продолжительного перехода с востока на северо-запад страны. Фуфайку уже невозможно было надевать, до того она обветшала, но и выбросить ее Мао Цзэдуну было жалко. Он продолжал хранить ее, а после образования КНР эта фуфайка была передана в музей истории революции в Пекине.

Когда Мао Цзэдун стал проявлять признаки особого отношения к Ян Кайхой, родители девушки отнеслись к этому по-разному. Отец беспокоился за судьбу дочери, понимая, что занимаясь политикой, зять будет подвергать себя и свою семью смертельной опасности, лишит Ян Кайхой счастья. Госпожа Ян не заглядывала далеко вперед. Ей нравился этот

ученик из деревни Шаошаньчун, а Ян Кайхой была ее любимой дочерью. Госпожа Ян заранее любила и избранника дочери, будущего зятя. А когда Мао Цзэдун и Ян Кайхой поженились и у них появился первенец, госпожа Ян была на седьмом небе от счастья. Она помогала ухаживать за младенцем. В то время все еще жили в Пекине. Но Мао Цзэдун в интересах революционной борьбы должен был вернуться в Чанша. Госпожа Ян, будучи женщиной доброй, тут же продала семейный золотой браслет, передававшийся в ее семье из поколения в поколение, а вырученные деньги пошли на переезд Мао Цзэдуна с женой и сыном в Чанша. Ян Чанцзи к тому времени уже умер, и госпожа Ян осталась одна с малолетним сыном на руках в Пекине.

Спустя некоторое время госпожа Ян возвратилась в свой родной дом в деревне Баньцан под Чанша. Когда Ян Кайхой арестовали, госпожа Ян продала большую часть семейной утвари и отправилась в город спасать дочь. Она ничего не боялась. Но ее хлопоты оказались напрасными. Дочь казнили на пустыре, под горой Шицылин, в Чанша. Пренебрегая реально существовавшей опасностью, госпожа Ян забрала тело дочери и похоронила ее в деревне Баньцан.

Спустя 19 лет, накануне образования КНР, Мао Цзэдун получил по телеграфу поздравление от своего шурина Ян Кайчжи. К тому времени город Чанша перешел без боев в руки НОАК. Мао Цзэдун отправил туда своих сыновей Мао Аньина и Мао Аньцина, наказав им посетить могилу матери. В сопроводительном письме он также писал, что «они очень хотели бы повидаться с бабушкой».

Госпожа Ян была уже в преклонном возрасте. Но Мао Аньина поразили здравые суждения бабушки. Она осудила тех из ее родственников, которые рассчитывали с помощью Мао Цзэдуна получить синекуру.

В дальнейшем Мао Цзэдун приказал выделять ежегодно из его гонораров 1200 юаней госпоже Ян, дабы обеспечить ее старость.

В 1962 г. госпожа Ян умерла. Мао Цзэдун написал письмо роду Ян, выразив глубокое соболезнование. При этом он подчеркнул, что госпожу Ян «можно похоронить в одном склепе с моей дорогой супругой товарищем Ян Кайхой. Две наших семьи – это одна семья, а раз это одна семья, то ее нельзя и разделять».

Отношения Мао Цзэдуна и Ян Кайхой не были безоблачными. Ко времени свадьбы Мао Цзэдуну было уже 27 лет, а Ян Кайхой 19 лет. В его жизни уже были женщины. Во всяком случае, его связывали отношения с соученицей по педагогическому училищу в городе Чанша Тао Сыюн. Их тянуло друг к другу. Немалую роль играло и то, что они вместе начали участвовать в революционной деятельности. Однако если Тао Сыюн стремилась изменять мир путем просвещения, то Мао Цзэдун был сторонником насильственных методов. По этой или какой другой причине, но пути Мао Цзэдуна и Тао Сыюн в конце концов разошлись в том же 1920 г.

Вскоре Мао Цзэдун женился на Ян Кайхой. Супругов связывали сильные чувства. За неполных семь лет семейной жизни Ян Кайхой родила троих сыновей. Первенца назвали Мао Аньином. Он родился 24 сентября 1922 г. в Чанша.

Ян Кайхой стремилась быть не только подругой мужа, матерью его детей, но и активно участвовала в политической деятельности. Мао Цзэдун же всегда на первый план выдвигал свои планы, поступал так, как считал для себя необходимым. Он осознанно и инстинктивно отодвигал жену от полноценного участия в партийной работе.

В 1923 г. Мао Цзэдун, ссылаясь на необходимость по работе, объявил о своем отъезде из Чанша. Его совершенно не озаботило, что его снова беременная жена одна останется с сыном дома. Ян Кайхой же считала, что муж не уделял ей достаточного внимания. Она потребовала, чтобы Мао Цзэдун либо взял с собой ее и сына или вовсе не уезжал. Произошла крупная ссора. Ян Кайхой рыдала, осуждая мужа, называя его бесчувственным человеком. Однако Мао Цзэдун, как всегда, поступил по-своему. Он хлопнул дверью и уехал. Ян Кайхой не захотела даже проводить его. В 1924 г. Ян Кайхой родила второго сына, Мао Аньцина.

В 1927 г. Мао Цзэдун предпринял попытки сгладить отчуждение прошлых лет. Он стал менее сухим в своих отношениях с женой.

Весной 1927 г. Мао Цзэдун вместе с Ян Кайхой побывал у себя на родине в деревне Шаошаньчун. Поначалу односельчане довольно неприязненно встретили Мао Цзэдуна и его жену, видя в них городских богатых людей. Тогда Ян Кайхой начала учить грамоте всех желающих крестьян в родовой кумирне семьи Мао. Давая пояснения к иероглифам, она рассуждала о несправедливости в отношении бедных людей. Постепенно она завоевала симпатии своих новых родственников и односельчан.

Вскоре вся семья переехала в город Учан, где Ян Кайхой родила третьего сына, Мао Аньлуна. Мао Цзэдун был всецело занят делами крестьянского движения. Ян Кайхой помогала ему, выполняя обязанности секретаря, переписывая работы мужа. У Мао Цзэдуна был скверный почерк.

В августе 1927 г. Мао Цзэдун отправил жену с тремя детьми домой в Чанша, а сам с головой ушел в организацию восстания крестьян. Так, прожив одной семьей почти семь лет, с конца 1920 г. по осень 1927 г., Мао Цзэдун и Ян Кайхой расстались, как оказалось, навсегда.

Ян Кайхой до конца своей жизни хранила верность мужу. Она писала, что испытывает ощущение, что она была рождена, «предназначена для своей мамы и для него», что «если его схватят, замыслили убить, я непременно разделю с ним его судьбу». В октябре 1928 г. Ян Кайхой даже написала стихи, выразив в них свои страдания от наступившего одиночества, когда некому ее защитить, некому с ней поговорить, когда ей не у кого спросить. Подпольщики предлагали Ян Кайхой переправиться в горы Цзинганшань к мужу, но она отказалась, сославшись на то, что такого приказа она от Мао Цзэдуна не получала, а без этого она не может «никуда сдвигаться с места».

В 1928 г. Ян Кайхой арестовали и вместе со старшим сыном, которому тогда было шесть лет, посадили в тюрьму. Сначала от нее посулами и обещаниями пытались получить сведения о подпольщиках. Затем ее пытали. Ян Кайхой не выдала партийных секретов. Она не согласилась и на минимальное, с точки зрения властей, требование. Ее обещали выпустить из тюрьмы, едва только она сделает заявление о том, что порывает супружеские связи с Мао Цзэдуном. После двухлетнего тюремного заключения осенью 1930 г. Ян Кайхой казнили.

Узнав о смерти жены, Мао Цзэдун сказал: «И сотней жизней не искупить смерти Ян Кайхой». Он отправил деньги, чтобы установили памятник на ее могиле.

Впоследствии Мао Цзэдун переживал случившееся, и не только потому, что очень любил Ян Кайхой, но и из чувства глубокой вины перед ней. В характере Мао Цзэдуна была эта черта: он каялся перед мертвыми, но он не был способен делать это перед живыми. Это было своеобразным проявлением его эгоизма и нарциссизма. В своем внутреннем мире он, вероятно, жалел себя, уходя в мир теней из мира живых людей, обращаясь к теням тех, кто был верен ему.

В 1957 г. Мао Цзэдун написал стихи, адресовав их Ли Шуи, вдове своего погибшего товарища по фамилии Лю. Муж Ли Шуи и жена Мао Цзэдуна пали в объединявшей их борьбе с врагами. Вот эти стихи, которые в свое время партийная пропаганда довела практически до всего населения КНР:

Я потерял мою гордую Ян, а ты лишилась своего Лю.
И вот Ян и Лю легко воспарили на счастливое девятое Небо.
И там они спросили у небесного виночерпия У Гана,
чем же он их угостит?
У Ган выставил прекрасное вино из цветов коричневого дерева.
А всегда молчаливая Чан Э, фея Луны,
взмахнула своими широкими рукавами

и поплыла в безбрежной высоте в танце в честь тех, кто верен,
кто верен.
Весть об этом донеслась до мира людей.
А слезы прекрасной феи пролились на землю благодатным
освежающим дождем.

На эти строки бурно реагировала Цзян Цин, новая жена Мао Цзэдуна. Она ворвалась к нему в кабинет и закричала: «Она, значит, у тебя твоя «гордая Ян», а я тогда кем у тебя числюсь?»

Мао Цзэдун, к тому времени изрядно постаревший и отяжелевший, от слов Цзян Цин буквально окаменел.

Нужно здесь попутно сказать, что Мао Цзэдун в подобных случаях, когда кто-то позволял себе возражать ему либо задавать неприятный вопрос, впадал в странную оцепенелость, в своего рода психологический анабиоз. Возможно, это было связано с тем, что он вообще склонен был только к монологу, а диалога и уж тем более возражений просто не переносил. А быть может, это была его защитная реакция на стрессы.

И на сей раз он долго молчал. Страшно побледнел. В руке дымилась половинка сигареты. Наконец он выдал из себя: «Ты... катись у меня отсюда!» Эти слова были произнесены негромко, но столь весомо, с таким гневом, что Цзян Цин поняла, чем тут пахнет, мгновенно замолчала и ретировалась.

Стихи, опубликованные в 1957 г., были не первыми стихами Мао Цзэдуна о Ян Кайхой. В 1950 г. сын Мао Цзэдуна Мао Аньцин после своей свадьбы вместе с молодой женой навестил отца в Чжуннаньхае. Глядя на невестку, Мао Цзэдун расчувствовался и заговорил: «Ваша мама (тут он имел в виду Ян Кайхой) была мудрой и хорошей женщиной. Она была очень обаятельной! Я ее часто вспоминаю...» Он надолго замолчал и только все курил и курил.

Сын и невестка попросили Мао Цзэдуна переписать им на память своей рукой его стихи о Ян Кайхой. Мао Цзэдун подошел к столу, медленно взял в руки кисть, сосредоточился, и из-под кисти полились иероглифы: «Я потерял мой цветок, мою Ян...»

Невестка тут же напонила свекру:

– Папа, у вас там в тексте: «Мою гордую Ян...» Мао Цзэдун сел и в раздумье сказал:

– Пусть будет «Мой цветок, мою Ян...». Это очень тепло, это по-родственному.

В 1949 г. Мао Цзэдун встречался со своим шурином Ян Кайчжи, с которым впоследствии долго не виделся. Летом 1976 г. Ян Кайчжи, будучи уже стариком, сумел найти в Пекине дом, где жила медсестра, работавшая при Мао Цзэдуне. Он пришел к этой медсестре по фамилии Ли и ее мужу, сотруднику охраны Мао Цзэдуна, по фамилии Вэй. Ян Кайчжи представился и поинтересовался состоянием здоровья Мао Цзэдуна, который тогда был уже практически при смерти. Однако разглашать этот партийно-государственный секрет никому не разрешалось. Поэтому ответом на вопрос Ян Кайчжи было продолжительное красноречивое молчание.

Поняв причину тягостного молчания собеседников, Ян Кайчжи попросил передать Мао Цзэдуну письмо и фотографию. На тот случай, если Мао Цзэдун пожелает с ним повидаться, Ян Кайчжи оставил номер своего телефона, упомянув, что он уже целый месяц находится в Пекине и никак не может связаться с Мао Цзэдуном. Ли во время своего дежурства передала письмо Мао Цзэдуну, когда ему стало чуть легче. Мао Цзэдун узнал на фотографии Ян Кайчжи, назвал его по имени и велел Ли пригласить его к себе. Однако медсестра, которая, конечно же, согласовала свои действия с соответствующими компетентными органами, решительно ответила: «Вам сейчас не разрешается принимать гостей!» Мао Цзэдун смирился и не возражал. Письмо было положено на стол. Предполагалось, что к нему можно будет вернуться, как только позволит состояние здоровья Мао Цзэдуна. Но улучшения так и не наступило.

Глава третья Сыновья

Первая часть имени каждого из сыновей Мао Цзэдуна была одинаковой. Она свидетельствовала о принадлежности человека 21-му поколению семьи Мао. Это был значащий корнеслог «ань» – «берег». Возможно, Мао Цзэдун полагал, что его сыновья должны стремиться к «новым берегам». Вообще мысли о воде, реке, ее берегах, ее голубизне или зеленоватом свечении постоянно присутствовали в размышлениях Мао Цзэдуна.

Своего первенца Мао Цзэдун назвал Аньином – «Героем того или иного берега», подчеркнув тем самым «героическое начало», какое он, очевидно, хотел бы видеть в характере своего старшего сына и наследника.

Второго сына он назвал Аньцином – «Голубым берегом», желая, чтобы его имя символизировало «молодость», «первую зелень», «голубизну и синь горизонта».

Третий из сыновей был назван Аньлуном – «Драконом на своем берегу». «Лун» по-китайски означает «дракон». Это и один из символов Китая и императорской власти.

Четвертый сын (уже от Хэ Цзычжэнь – третьей жены Мао Цзэдуна) получил имя Аньхун – «Красный берег». По-китайски «хун» означает «красный». Это также символ успеха и популярности, а кроме того, радости и праздника. Так была подчеркнута желанная для Мао Цзэдуна краска в характере и будущей деятельности этого его сына.

После того как 14 ноября 1930 г. Ян Кайхой была казнена в Чанша, всех трех сыновей Мао Цзэдуна удалось переправить в Шанхай. На всякий случай бабушка изменила их имена. Старшему из братьев было тогда восемь лет, среднему – шесть, а младшему – всего три года. В то время Мао Цзэминь, младший брат Мао Цзэдуна, вел подпольную работу в Шанхае. С его помощью детей устроили в детский сад, находившийся под патронажем подпольной организации. Однако там мальчики пробыли недолго. В апреле 1931 г. шанхайское коммунистическое подполье было разгромлено. Детский сад закрыли. С этой поры никто не заботился о сыновьях Мао Цзэдуна. Младший из детей так и потерялся. Двое старших почти шесть лет, с 1931 по 1936 г., бродяжничали на улицах Шанхая.

Некоторые исследователи утверждали, что именно в эти годы Мао Аньцин получил удар металлическим прутом по голове, от последствий которого так и не смог избавиться.

Только в 1936 г. подпольщики разыскали мальчиков. Сыновей Мао Цзэдуна удалось пристроить в группу людей, сопровождавших командующего добровольческой армией Северо-Восточного Китая генерала Ли Ду в его поездке в страны Западной Европы. Благодаря этому Мао Аньин и Мао Аньцин в 1937 г. попали в Советский Союз.

Там с ведома Сталина и Мао Цзэдуна их поместили в интернациональный детский дом в городе Иваново, предназначенный для детей функционеров зарубежных компартий. Мао Аньин жил там под именем Ян Юнфу; по-русски его звали тогда Сережа. Мао Аньцин жил там под именем Ян Юншу; по-русски его звали Коля.

В начале 1938 г. Мао Цзэдуну доставили из СССР фотографии его сыновей. В марте того же года он написал им письмо. В дальнейшем Мао Цзэдун и Мао Аньин (который в отличие от своего брата умел писать по-китайски) изредка обменивались письмами. Мао Цзэдун давал советы упорно овладевать знаниями, особенно в области естественных наук, проявлять самостоятельность, читать китайские книги, пересылаемые им через представителей КПК в Коминтерне.

К началу Великой Отечественной войны Мао Аньину шел уже девятнадцатый год. Он продолжал учиться в школе и жить в ивановском интернациональном детском доме, где был секретарем комсомольской организации, а также членом Ленинского райкома ВЛКСМ города Иваново.

Мао Аньин внимательно следил за событиями на фронтах Второй мировой войны, переживал неудачи советской Красной Армии.

В конце зимы 1941/42 г. ЦК ВКП(б) предложил всем иностранцам старше 16 лет,

находившимся в то время в Советском Союзе, стать гражданами СССР. В ивановском интернациональном детском доме это преподнесли как великую честь. Мао Аньин в ответ на такое предложение отрицательно покачал головой, сказав: «Я – китаец. Я люблю свою родину и буду обязан сразу же вернуться домой, служить своему народу, как только родина меня позовет. Если же я стану гражданином СССР, то окажусь в неловком положении».

В то же время Мао Аньин считал, что хотя он и китаец, но ему необходимо участвовать в борьбе советского народа за свободу и независимость и внести свой вклад в победу в войне против фашизма.

В этой связи в 1942 г. Мао Аньин написал письмо Сталину:

«Ставка Верховного главнокомандующего. Дорогой товарищ Сталин!

Я простой молодой китаец. В течение пяти лет я учился в Советском Союзе, которым Вы руководите. Я люблю СССР точно так же, как я люблю Китай. Я не могу сложа руки наблюдать, как сапог германского фашизма топчет Вашу землю. Я хочу отомстить за миллионы погибших советских людей. Со всей решительностью я прошу отправить меня на фронт. Прошу Вас дать согласие на мою просьбу!

С революционным приветом!

Май 1942 года, г. Иваново.

(Мао Аньин – сын Мао Цзэдуна)».

Спустя десять дней Мао Аньин, не дождавшись ответа, написал второе письмо, затем третье.

Вскоре в Иваново приехал представитель ВКП(б) в Коминтерне, секретарь ИККИ Д.З. Мануильский. Мао Аньин и раньше встречался с ним. При этой встрече Д.З. Мануильский сообщил Мао Аньину о принятом решении. Г.М. Димитров послал Мао Цзэдуну письмо с предложением направить Мао Аньина на учебу в военно-политическую академию, это даст юноше возможность получить военные знания и политическую подготовку. Сталин через Г.М. Димитрова согласовал с Мао Цзэдуном вопрос о судьбе его сына.

Мао Аньин был зачислен на курсы ускоренного обучения в военное училище, а затем переведен в московскую Военно-политическую академию и в Военную академию имени М.В. Фрунзе. В январе 1943 года, будучи слушателем военной академии, Мао Аньин стал членом ВКП(б). (В 1946 г. по возвращении в Китай Мао Аньин тут же был принят в члены КПК.)

Мао Аньин был выпущен из академии в звании лейтенанта и назначен замполитом танковой роты. В форме офицера-танкиста на советском танке Мао Аньин успел поучаствовать в войне. В составе своей роты он прошел Польшу и Чехословакию.

По окончании Великой Отечественной войны он был направлен на учебу в Московский институт востоковедения, учился на китайском отделении. Там он был известен как Сергей и запомнился однокурсникам высоким симпатичным, даже щеголеватым молодым человеком, свободно владевшим русским языком и равнодушным к прекрасному полу.

В 1946 г. Мао Цзэдун решил, что все члены его семьи должны возвратиться на родину. Сталин содействовал этому. Первым вернулся Мао Аньин. Перед его отъездом из Москвы он был принят Сталиным, который подарил Мао Аньину пистолет на память о пребывании в СССР, в рядах ВКП(б), об участии в Великой Отечественной войне и об этой встрече.

И.В. Сталин придавал встрече с сыном Мао Цзэдуна большое значение. Тем самым он как бы устанавливал возможный личный канал связи с Мао Цзэдуном. Скорее всего он рассчитывал на то, что Мао Аньин будет занимать в КПК высокое положение, а может быть, когда-нибудь заменит на посту Мао Цзэдуна. Во всяком случае И.В. Сталин хотел, чтобы Мао Аньин вернулся в Китай человеком, который «встречался со Сталиным»; стремился извлечь максимальную выгоду из факта возвращения Мао Аньина на родину. Судя по тому,

как развивались события дальше, И.В. Сталин оказал Мао Аньину медвежью услугу. Хотя, с другой стороны, положение было в определенном смысле безвыходным, так как И.В. Сталин должен был подчеркнуть, что сын Мао Цзэдуна всегда во время пребывания в СССР находился под его личной опекой. Если бы И.В. Сталин не принял сына Мао Цзэдуна перед его отъездом из СССР в Яньань, то это было бы истолковано и Мао Цзэдуном, и другими руководителями КПК как недоброжелательное отношение к Китаю. Тем более что за год до этого И.В. Сталин встречался с сыном Чан Кайши.

В январе 1946 г. Мао Аньин вместе с советскими врачами Орловым и Мельниковым вылетел из Москвы и через Синьцзян прибыл в Яньань.

Мао Цзэдун увидел старшего сына после 19 лет разлуки и почти 10 лет пребывания за пределами Китая. Собственно говоря, Мао Цзэдун последний раз видел Мао Аньина в 1927 г., пятилетним ребенком. Отцу и сыну практически предстояло впервые познакомиться и узнать друг друга.

Перед Мао Цзэдуном стоял 24-летний плотный молодой мужчина выше отца ростом в сапогах и суконном пальто. За его плечами был опыт самостоятельной жизни в Советском Союзе, служба в советской Красной Армии, в том числе на фронтах Великой Отечественной войны. В общем это был не мальчик, а сформировавшийся мужчина с фамильным упорством и своими взглядами на жизнь. С точки зрения Мао Цзэдуна, к нему вернулся «иностранный сын», которого следовало перевоспитать и переварить в яньаньском котле. Мао Цзэдун стоял перед трудной задачей найти с сыном общий язык. В личном плане отец и сын не очень-то сошлись характерами. Конечно, Мао Аньин любил и уважал отца, однако он был в достаточной степени самостоятелен: боевой офицер, прошедший войну против Германии...

Мао Цзэдун сказал сыну, что ему теперь необходимо пройти курс воспитания в таком вузе, каких не было раньше в Китае и каких нет в зарубежных странах, а именно «трудовой университет». Мао Аньин был тут же отправлен в деревню на трудовой фронт, заниматься обычным тяжелым физическим трудом простого китайского крестьянина.

Отцу оказались не нужны знания Мао Аньина о Советском Союзе. Он не интересовался представлением Мао Аньина о народе Советского Союза, о войне с Германией и ее союзниками. Мао Цзэдун не желал ни в малейшей степени допускать ситуации, когда кто бы то ни было что бы то ни было ему объяснял. С другой стороны, Мао Цзэдун и в глазах собственного сына создавал стереотип поведения официальных представителей КПК по отношению к тем, кто возвращался из-за границы, в частности из СССР. Все, что они поняли, познали, увидели там, следовало забыть и выбросить из головы. Мао Цзэдун считал, что достаточно того, что он один решает все вопросы в отношениях с И.В. Сталиным, с ВКП(б) и с СССР.

В Москве могли полагать, что Мао Аньин по направлению и степени своей подготовки мог по возвращении на родину заниматься военными или, во всяком случае, политическими вопросами.

Хотя Мао Цзэдун и видел, что все вокруг в Яньани смотрели на Мао Аньина как на «сына Мао Цзэдуна», однако это вовсе не открывало перед Мао Аньином путь к работе на ответственных или руководящих постах. Если бы Мао Цзэдун допустил такое развитие событий, то он тем самым, как ему представлялось, открыл бы некий новый источник появления внутри КПК слоя людей, которые были твердо убеждены, что союз между Москвой и Пекином отвечает национальным интересам Китая.

Кроме того, Мао Цзэдун решил обезопасить себя, отвести какие бы то ни было возможные подозрения или обвинения со стороны своих коллег в проявлении «слабости» к своим родственникам и тем более к старшему сыну, естественному наследнику. Этим шагом он еще более закреплял свой авторитет политического руководителя. При этом Мао Цзэдун положил начало подобному же отношению в партии ко всем сыновьям и дочерям руководителей Компартии Китая.

Впрочем, Мао Цзэдун оставил Мао Аньина поблизости, под своим постоянным присмотром, но не как близкого родственника, а как одного из сотрудников, причем рядовых сотрудников аппарата ЦК партии, выполняющих техническую работу. Мао Аньин жил неподалеку от Мао Цзэдуна, но фактически почти не виделся с отцом.

Когда в начале 1949 г. Китай посетил А.И. Микоян, Мао Аньин «был показан» советскому руководителю, он был выделен для работы в качестве переводчика, но не по политическим вопросам (на переговоры и беседы политического характера его не приглашали), а для перевода разговоров на бытовые темы. Мао Цзэдун демонстрировал И.В.Сталину, какое место он отвел в Китае своему сыну, получившему воспитание в Советском Союзе. Для И.В. Сталина это было лишним подтверждением того, с каким недоверием и подозрением Мао Цзэдун относился к нашей стране. Мао Аньин оказался по возвращении в Китай игрушкой и жертвой политики Мао Цзэдуна.

Между тем по возвращении из СССР Мао Аньина стали обуревать заботы и чувства, вполне естественные для молодого человека. Он влюблялся и хотел жениться.

Но и тут он натолкнулся на «фильтр» в лице Мао Цзэдуна. Первая попытка, при которой сводней выступила Цзян Цин, закончилась неудачей. И сам Мао Аньин, и Цзян Цин при этом переоценили роль отцовских чувств Мао Цзэдуна и недостаточно продуманно, с его же точки зрения, подошли к решению столь важного, даже политического, вопроса. По сути дела, оказалось, что и здесь все будет решать сам Мао Цзэдун. Именно он будет выбирать невест для своих сыновей – из тех, кого он сочтет возможным допускать в свой «ближний круг».

На словах Мао Цзэдун исходил из того, что надо устраивать брак однажды и на всю жизнь. Как отец, он, быть может, не хотел, чтобы Мао Аньин пережил трудности, с которыми ему пришлось столкнуться в жизни самому, зачастую и по своей вине. Главным же, конечно, для Мао Цзэдуна было то, чтобы в партии его репутация не оказалась подмоченной в связи с обстоятельствами личной жизни его сына.

Цзян Цин надеялась наладить родственные отношения с вдруг появившимся взрослым пасынком, а также угодить Мао Цзэдуну, устроив судьбу его старшего сына. В то же время она желала, чтобы и будущая невестка была ей лично обязана своим счастьем. Ей также очень хотелось выступить в роли матери семейства Мао Цзэдуна, оказаться в его глазах хорошей женой, проявляющей заботу обо всех его детях, в том числе и от других браков. Цзян Цин попыталась сколотить своего рода союз фракций Ян Кайхой и Цзян Цин внутри семьи или клана Мао Цзэдуна.

Цзян Цин предприняла попытку женить Мао Аньина на очень красивой девушке из тех «столичных штучек» (какой в известной степени была и она сама), которые как мотыльки слетались в Яньань, надеясь удачно выскочить замуж за высокопоставленного руководителя или его перспективного отпрыска. Надо упомянуть о том, что в то время в Яньани одна женщина приходилась в среднем на 15—16 мужчин.

Цзян Цин устроила у себя обед и встречу Мао Аньина с «перспективной» невестой. И девица была согласна, и сам Мао Аньин был не прочь, но воспротивился Мао Цзэдун, проявивший и в данном случае обычную для себя недоверчивость и подозрительность. Знакомство рассыпалось. Девица через некоторое время, не достигнув намеченной цели, вернулась в большие города и даже выступила со статьей в газете, обрушившись с критикой на яньаньские порядки.

Через год, в августе 1947 г., Мао Аньин пришел к отцу с девушкой, которую представил в качестве своей невесты. Мао Цзэдун отказал молодым людям в праве сочетаться законным браком (кстати сказать, это делалось по решению партийной организации), напомнив, что существует правило, согласно которому невесте должно быть полных 18 лет, следовательно, надо подождать, пока Лю Сыци (так звали невесту) не достигнет совершеннолетия, а это должно было произойти через год.

Мао Аньин был человеком взрывного темперамента. К тому же и вся жизненная

ситуация, в которой он оказался, и желание иметь семью, близкого человека, и мысли о том, что ему уже достаточно лет, а он все еще не женат, все это толкало на импульсивные действия.

Спустя несколько дней Мао Аньин снова обратился к отцу все с той же просьбой. И тогда Мао Цзэдун показал сыну свой норв. Он ответил, что Мао Аньин всегда должен помнить о том, что он – сын Мао Цзэдуна, и правила внутривластной жизни писаны в первую очередь для него. После разговора с отцом Мао Аньин даже потерял сознание, с ним случилась истерика. Но Мао Цзэдун остался тверд и не изменил своего решения. Более того, Мао Цзэдун велел передать сыну, что тот вообще сможет увидеться с ним только в том случае, если примет решение покаяться в своем поведении.

Так Мао Цзэдун «сломал» старшего сына. Мао Аньин, смирившись с решением отца, сообщил Мао Цзэдуну, что они с Лю Сыци решили подождать со свадьбой до ее восемнадцатилетия.

15 октября 1949 г. молодые люди поженились. Это событие было отмечено лишь скромной трапезой в павильоне Фэнцзюань в Чжуннань-хае, в доме, где жил Мао Цзэдун.

Мао Цзэдун собственноручно написал приглашения на эту свадьбу нескольким своим старым товарищам. Это были, в частности, Се Тели, Се Цзюецзай. К ним Мао Цзэдун относился как к старейшинам, своим учителям. Во время свадебного пира он сам подкладывал им в пиалы перченое мясо и перченую рыбу. Он говорил также, что эта свадьба не потребовала от него никаких особых хлопот, что это простой семейный ужин, после которого молодые отправятся к себе и начнут совместную жизнь.

Мао Цзэдун подарил Мао Аньину и Лю Сыци свое поношенное пальто, сказав при этом, что Мао Аньин сможет носить его в холодное время года, а по ночам молодые будут укрываться этим же пальто поверх одеяла и таким образом каждому из них достанется часть тепла от его свадебного подарка.

После свадебной трапезы молодые, а Мао Аньин работал тогда техническим секретарем в одном из учреждений ЦК партии, пошли в общежитие для сотрудников аппарата ЦК КПК, размещавшееся, правда, тоже в резиденции руководства КПК и КНР (в Чжуннаньхае), им была выделена одна самая простая комната с деревянной кроватью, на которой лежали два одеяла. Причем одно из этих одеял было приданым невесты. Мао Аньин и Лю Сыци имели лишь самые необходимые вещи, жили очень скромно, но были, наконец, счастливы вдвоем.

Счастье это, увы, оказалось коротким. Снова вмешалась политика и личные замыслы Мао Цзэдуна. Не прошло и года, как началась корейская война, и Мао Цзэдун решил, что его сын должен отправиться на фронт. Опять-таки решение Мао Цзэдуна было продиктовано заботой о своей репутации. Мао Цзэдун чувствовал личную ответственность за эту войну, решение о начале которой было принято Ким Ир Сеном только после согласия с этим Мао Цзэдуна (Сталин сумел и предпочел остаться в стороне). Он также желал снова продемонстрировать и КПК, и И.В. Сталину, да и Чан Кайши, что своего сына он отправил на фронт войны против американского империализма. Отправка Мао Аньина на войну вовсе не была абсолютно необходимой. В Корее воевали части армии КНР, которые формально именовались добровольческими. Это не была отечественная война китайского народа. Это была локальная война с ограниченными политическими целями. Правда о ней скрывалась. Мао Цзэдун так и не позволил опубликовать цифры китайских потерь в этой войне. Одним словом, отправка Мао Аньина на фронт в Корее была чисто политическим шагом, предпринятым лично Мао Цзэдуну, решение это зависело только от него. Его единственный полноценный здоровый сын и тут оказался пешкой в политической игре. Желание выглядеть безупречно в глазах своих коллег по руководству партией сыграло главную роль.

А дело было так. Осенью 1950 г. Мао Аньин работал заместителем секретаря парторганизации Пекинского центрального механического завода. Когда началась корейская

война, он, естественно, как и многие в партии, в порядке развернутой тогда кампании подал заявление с просьбой направить его в армию добровольцев. Парторганизация отказала. Тогда Мао Аньин обратился непосредственно к отцу. Мао Цзэдун был рад поступку сына. Он тут же передал его в распоряжение командующего армией добровольцев маршала Пэн Дэхуая, который формировал штаб армии в Северо-Восточном Китае и по делам находился в этот момент в Пекине.

Мао Аньин выехал с Пэн Дэхуаем на северо-восток, принял участие в подготовке к вводу войск в Корею. Накануне выступления через границу Мао Аньин также сопровождал Пэн Дэхуая и побывал в Пекине, где Мао Цзэдуну был представлен доклад о ходе дел. Когда все эти вопросы были решены и Мао Аньин распрощался с отцом, было уже около 6 часов вечера. Мао Аньин покатил на велосипеде на завод и попрощался с товарищами по парткому. Затем он отправился в больницу навестить жену. Лю Сыци перенесла операцию и находилась на излечении.

Молодые были женаты всего год. Они любили друг друга, хотя детей у них еще не было. Все это время Мао Аньин дневал и ночевал на заводе. Мало того, он ездил в командировку в Хунань, в другие места. Супругам редко выпадал случай побыть вместе.

Предстоявшая поездка Мао Аньина в Корею была военной тайной, которую он не имел права разглашать. В больничной палате Мао Аньин сел на стул у кровати жены, достал платок, вытер пот и сказал:

– Завтра мне нужно будет выехать очень-очень далеко в командировку. Вот пришлось так впопыхах приехать, чтобы сказать тебе об этом. Оттуда будет неудобно писать письма. Если какое-то время почты от меня не будет, ты ни о чем не беспокойся!

Жена, что вполне естественно, разволновалась и спросила:

– А куда это ты едешь?

– Лучше не спрашивай... А кстати, тебе известно, где находится Корейский полуостров? Там сейчас бесчинствуют американские агрессоры. Мы этого так оставить не можем!

– Что? Так ты... – Лю Сыци заплакала. Она хотела услышать от мужа правду.

Но Мао Аньин не мог прямо сказать ей об этом. Он замотал головой и попытался перевести разговор на другую тему:

– Да нет, нет. Я просто забочусь о твоём политическом воспитании. Тут ничего особенного нет!

Он смущенно улыбнулся. Все это вышло у него как-то по-детски. Посмотрел на часы. Пора было уходить. Он все никак не хотел подниматься со стула. Потом встал и сказал:

– Ну, я пошел. Когда выйдешь из больницы, по субботам приходи в Чжуннаньхай, навещай папу. Не думай, что раз меня тут нет, то и ходить не надо. Заботься как следует об Аньцине. Ну, договорились?

Лю Сыци кивнула. Закусила губу. Мао Аньин сказал:

– А то ведь Цзян Цин, так та думает только о себе. Она об Аньцине совсем не заботится. Она не любит и моего папу. Я с ней ругался. Я ей говорил: если ты не любишь моего папу, так ушла бы и все. Чего тут болтаться? А тебе надо быть поосторожнее. Она злопамятна и мстительна...

Сказал, простился и уехал.

В армии китайских добровольцев в Корею Мао Аньин, который, конечно, сразу же оказался в чине дивизионного комиссара, служил при штабе Пэн Дэхуая, был переводчиком русского языка. Он переводил беседы Пэн Дэхуая с советским послом и с Ким Ир Сеном. Когда не было переводческих занятий, Мао Аньин работал с секретной документацией.

25 ноября 1950 г. американские самолеты бомбили штаб добровольческой армии. В налете участвовали до десятка самолетов. Цель им была хорошо известна. Они летели очень низко. Не сделав даже круга, самолеты сбросили бомбы прямо на тот дом, где размещался Пэн Дэхуай. Несколько напалмовых бомб попали в дом, он вспыхнул весь сразу, как солома. Огнем опалило все вокруг.

Пэн Дэхуай по делам отлучился и спасся только благодаря этой случайности. Мао Аньин и еще один работник штаба Гао Жуйсинь не успели выбежать из дома и погибли.

Мао Аньин погиб спустя всего месяц и шесть дней после прибытия в Корею.

Узнав о его смерти, Пэн Дэхуай долго сидел в одиночестве и молчал. Ему было очень больно. Он бормотал: «Ну почему именно Мао Аньина убило при этом налете?» Мао Цзэдун передал в его руки своего единственного здорового сына, и вот теперь он погиб и надо было отчитываться.

Вечером того же дня Пэн Дэхуай отправил в Пекин телеграмму: «Сегодня штаб добровольческой армии подвергся бомбардировке. К несчастью, товарищ Мао Аньин погиб».

Пэн Дэхуай приказал немедленно отправить эту телеграмму и доложить о ее содержании Мао Цзэдуну, ЦК партии.

Спустя месяц, 27 декабря 1950 г., Пэн Дэхуай прилетел по делам в Пекин и рассказал Мао Цзэдуну об обстановке. При этом Пэн Дэхуай, естественно, полагал, что его телеграмма о гибели Мао Аньина была своевременно доложена Мао Цзэдуну. В конце своего сообщения Пэн Дэхуай сказал: «Председатель, Мао Аньин – прекрасный молодой человек. Он погиб вместе с товарищем Гао Жуйсином».

Реакция Мао Цзедуна на эти слова показалась Пэн Дэхуаю такой, как если бы тот впервые услышал о случившемся с его сыном. Мао Цзэдун разволновался и долго никак не мог зажечь сигарету. Руки его дрожали.

Пэн Дэхуай добавил: «Председатель, я не сумел сохранить его. В результате товарищ Мао Аньин погиб. Я виноват. Прошу наказать меня!»

Мао Цзэдун закурил, долго молчал, потом сказал: «Речь идет о революционной войне. Тут всегда приходится платить какую-то цену! Во имя дела международного коммунизма, с той целью, чтобы дать отпор агрессорам, армия народных добровольцев, наши героические сыновья и дочери выступили на фронт, сменяют там друг друга, погибли тысячи и тысячи лучших бойцов. Мао Аньин – один из этих тысяч и тысяч героев, павших во имя революции. Он – рядовой боец. Не следует из-за того, что он мой сын, раздувать большое дело. Не надо из-за того, что он мой сын, сын председателя партии, считать, что не нужно приносить жертвы во имя общего дела народов двух стран – Китая и Кореи. Разве тут применима другая логика?!..»

Выйдя от Мао Цзедуна, Пэн Дэхуай выяснил обстоятельства дела. Оказалось, телеграмму Пэн Дэхуая о смерти Мао Аньина в аппарате ЦК КПК передали Е Цзылуну, секретарю Мао Цзедуна по вопросам быта. Все открещивались от этой телеграммы, боялись докладывать Мао Цзэдуну о печальной новости, не желая оказаться в роли гонца, приносящего весть о несчастье. Конечно, Е Цзылун не мог сам решить, что делать с телеграммой. Он запросил указаний у Чжоу Эньлая. Тот и предложил попридержать телеграмму, не докладывать Мао Цзэдуну о смерти сына, а подождать, пока придет с фронта «виноватый», то есть сам Пэн Дэхуай, и таким образом возложить на него самого тяжелую миссию уведомить Мао Цзедуна о гибели Мао Аньина. При этом Чжоу Эньлай не поставил Пэн Дэхуая в известность о своих соображениях и фактически скрыл тот факт, что телеграмма Пэн Дэхуая была положена под сукно, где и пролежала более месяца. В результате Пэн Дэхуай оказался в первый момент перед Мао Цзэдуну в роли человека, который принес плохую весть, да к тому же еще и долго скрывал это известие. (Существует и иная версия, согласно которой не сразу, а некоторое время спустя Цзян Цин и Е Цзылун сообщили Мао Цзэдуну о гибели Мао Аньина.)

Пэн Дэхуай испытывал в этой связи крайне противоречивые чувства. Он глубоко переживал случившееся, ощущая свою ответственность за судьбу Мао Аньина. Скорее всего именно тогда в отношениях Мао Цзедуна и Пэн Дэхуая появилась своего рода трещина. Мао Цзэдуну после гибели сына стал, очевидно, неприятен такой живой свидетель трагической кончины его сына в числе руководителей партии, с которыми Мао Цзэдуну приходилось постоянно общаться, тем более что Пэн Дэхуай неоднократно спасал жизнь самому Мао

Цзэдуну.

Дочь Мао Цзэдуна Цзяоцзяо позже писала, что Пэн Дэхуа поразило, что он первым сообщил Мао Цзэдуну о гибели его сына; Пэн Дэхуа в гневе даже затопал ногами: «Почему меня не предупредили, что председатель не знает о гибели сына? Я тогда бы должным образом подготовил его».

А Мао Цзэдун мог отныне извлекать политический капитал из факта гибели Мао Аньина. Теперь уже никто не мог попрекнуть Мао Цзэдуна сыном, воспитанным в Советском Союзе. Такая гибель Мао Аньина позволяла Мао Цзэдуну еще прочнее утвердиться в образе отца, который собственного сына не пожалел ради интересов Коммунистической партии Китая, ради помощи братскому корейскому народу, ради вооруженной интернациональной борьбы Мао Цзэдуна и его партии против американского империализма. Тут оказывалось возможным выглядеть с неким преимуществом и перед И.В. Сталиным, сын которого погиб не на фронте, а попав в плен. Гибель Мао Аньина сразу решала для Мао Цзэдуна множество проблем, сняла головную боль. Кстати сказать, тут проявилась разница между Мао Цзэдун и Чан Кайши в их отношениях со своими семьями, со своими близкими; собственно говоря, само выступление в качестве семьянина, ощущение естественности такого состояния или вообще не было присуще Мао Цзэдуну, или проявлялось у него эпизодически, в минимальной степени. В противоположность Мао Цзэдуну Чан Кайши не только сохранил своего сына, тоже содержавшегося И.В. Сталиным в Советском Союзе в качестве фактического заложника более 10 лет, где он, как и Мао Аньин, тоже стал членом ВКП(б), но и при благоприятных обстоятельствах содействовал его вызволению из СССР, использовал знание сыном советских реалий на пользу стране и себе, в частности при поддержании связей с И.В. Сталиным, а впоследствии вывел сына на политическую арену, и, как оказалось, вполне по уму и заслугам. Сын Чан Кайши Цзян Цзинго (именовавшийся в СССР Николаем Владимировичем Елизаровым) в конечном счете стал преемником отца на посту президента Китайской Республики и зачинателем реформ на Тайване.

И в то же время боль утраты глубоко тревожила Мао Цзэдуна, особенно в последние годы его жизни. Он очень сильно переживал все это; ему было жаль сына, жаль себя, потерявшего наследника, и эта жалость преобразовалась в теплые чувства к молодой вдове Мао Аньина, к своей снохе и приемной дочери Лю Сыци.

Гибель Мао Аньина долго замалчивалась. Только во время «культурной революции» довольно широкое хождение получила информация о том, что шестеро родственников Мао Цзэдуна пали жертвами в борьбе за дело революции; одним из них назывался Мао Аньин. Да и в 1959 г. на Лушаньском совещании Мао Цзэдун счел нужным сказать о себе как о «зачинателе, которого Небо лишает наследников», хотел сочувствия к себе. Весьма характерно, что речь шла тогда об осуждении Пэн Дэхуа... Мао Цзэдун прямо сказал тогда руководителям партии, что один сын у него погиб, а другой сошел с ума. В политической борьбе против Пэн Дэхуа Мао Цзэдун эксплуатировал свою семейную драму.

Не сразу решили, где должна быть могила Мао Аньина. В конце концов Мао Цзэдун счел целесообразным, чтобы останки сына покоились на месте его гибели, на земле Кореи. И в этом случае возобладали политические соображения. Мао Цзэдун не вернул прах своего сына на землю предков и сам не побывал на его могиле, а предпочел, используя ситуацию, еще теснее связать себя и свое государство с государством Ким Ир Сена. В 1954 г. Пэн Дэхуа внес предложение о сооружении памятника на месте захоронения Мао Аньина. Это простое надгробье примерно метровой высоты с надписью: «Могила товарища Мао Аньина». Мао Цзэдун не сделал традиционной собственноручной надписи на могиле сына.

* * *

Жена Мао Аньина Лю Сыци родилась в 1930 г. в Шанхае в семье функционеров

Компартии Китая. Ее отец Лю Цзяньчу был казнен в 1931 г. по приказу шаньдунского милитариста Фу Ханьцзюя. Перед казнью он содержался в тюрьме и не знал о рождении дочери. Мать Лю Сыци Чжан Вэньцю также находилась в тюремном заключении, и только по беременности ее выпустили на свободу.

Имена родителей Лю Сыци, как старых членов партии, были известны Мао Цзэду. Из потомков погибших коммунистов партия в организованном порядке стремилась воспитывать свою элиту. Сама Лю Сыци познакомилась с Мао Цзэдом в 1938 г. Тогда, в начале весны, в актовом зале партшколы в Яньани шел спектакль по пьесе «Осиротевшая дочь». В зрительном зале находился и Мао Цзэдун. Когда на сцене враги арестовали родителей-революционеров, маленькая девочка, игравшая роль дочери, с большой искренностью закричала: «Мама! Мама!» Театральные спектакли иной раз вызывали у Мао Цзэдуна большие эмоции. Он мог растрогаться и даже пустить слезу. После спектакля Мао Цзэдун велел привести девочку и поинтересовался, как ее зовут и кто ее родители. Ему объяснили, что это дочь погибшего секретаря парткома провинции Шань-дун Лю Цзяньчу и находившейся тогда в Яньани Чжан Вэньцю.

Мао Цзэдун расчувствовался и назвал себя приемным отцом Лю Сыци, а ее – своей приемной дочерью. Таким образом, задолго до того, как Лю Сыци познакомилась с Мао Аньином и стала снохой Мао Цзэдуна, она уже была его приемной дочерью. Впрочем, на практике это иногда ни к чему не обязывало ни приемных родителей, ни приемных детей.

Затем на протяжении нескольких лет Лю Сыци жила в Синьцзяне. Только в 1946 г. шестнадцатилетней девушкой она снова вернулась в Яньань. Мао Цзэдун послал за ней на следующий же день после ее приезда в Яньань.

К тому времени Мао Аньин уже с полгода как вернулся из СССР. Молодые люди познакомились в доме Мао Цзэдуна.

Лю Сыци была привлекательной молодой девушкой. Носила обычный френч «ленинского покроя», как его называли в Яньани. Мао Аньин и Лю Сыци сразу стали симпатизировать друг другу. Возможно, рассказы Мао Аньина о Советском Союзе и побудили Лю Сыци выбрать свою будущую профессию – русскую филологию.

Затем Лю Сыци тяжело заболела и снова попала в дом Мао Цзэдуна, возобновила знакомство с Мао Аньином уже только в 1948 г. Тут молодые люди объяснились и обратились к Мао Цзэдуну за разрешением на брак.

Мао Цзэдун, как уже упоминалось, разрешив им дружить, не согласился на брак, утверждая, что Лю Сыци слишком молода и что ей нужно учиться.

Свадьба была отложена. В марте 1949 г. Лю Сыци вместе со всеми учениками школы при учреждениях ЦК партии, именовавшейся «Лянь-чжун», переехала в Бэйпин, где вскоре перешла на учебу в среднюю школу при Пекинском педагогическом университете.

15 октября 1949 г. Мао Аньин и Лю Сыци стали мужем и женой.

После гибели Мао Аньина 20-летняя Лю Сыци осталась молодой вдовой, причем на протяжении почти трех лет ей не сообщали о смерти мужа. При этом Мао Цзэдун установил порядок, в соответствии с которым Лю Сыци навещала его раз в неделю. Мао Цзэдун не рассказывал ей о гибели Мао Аньина. Он делал вид, что ничего не случилось, и успокаивал Лю Сыци, которая не получала, естественно, никаких писем или вестей от мужа. Это была типичная ситуация в свое время и в нашей стране. Родные могли не знать о судьбе близкого человека годами и не решались даже спросить у власть имущих о том, что же произошло. Начиналось все это, видимо, с самого верха и было порождено Мао Цзэдом и И.В. Сталиным и созданными под их руководством политическими режимами.

Только в 1953 г., когда война в Корее закончилась, Мао Цзэдун сообщил Лю Сыци о гибели Мао Аньина. Сначала, при предварительном разговоре, он поведал ей о героях, которые погибли за дело революции в его семье. Он назвал имена: Ян Кайхой, Мао Цзэминь, Мао Цзэтань, Мао Цзэцзянь, Мао Чусюн. При этой встрече он больше ничего не сказал, но Лю Сыци задумалась, у нее почти не осталось надежды. К тому времени уже было

подписано соглашение о прекращении огня в Корее, а от Аньина не было весточки.

Затем, когда она снова навестила Мао Цзэдуна, он наконец сообщил ей о смерти Мао Аньина. Лю Сыци зарыдала. Она была безутешна. Мао Цзэдун сидел одеревенев. Лицо его стало белым. Он снова впал в прострацию, как бы отключился от окружающих.

При этом разговоре присутствовал Чжоу Эньлай. Он посоветовал Лю Сыци прилечь, что она и сделала.

Тогда Чжоу Эньлай пощупал пульс у Мао Цзэдуна и сказал Лю Сыци, что у ее «папы» руки совсем холодные. Тут уже Лю Сыци начала успокаивать Мао Цзэдуна.

Мао Цзэдун, чтобы утешить Лю Сыци, сказал, что отныне он считает ее своей старшей дочерью, то есть старшей по отношению к Ли Минь и Ли Нэ. Он стал ласково называть ее «Сыци-эр».

Она же одно время добивалась того, чтобы тело Мао Аньина вернули и похоронили в Китае. Мао Цзэдун отговорил ее, упирая на то, что Мао Аньин – только один из тысяч и тысяч китайцев, погибших в Корее.

В 1959 г. Лю Сыци в сопровождении своей младшей сестры Чжан Шаохуа на деньги, выделенные Мао Цзэдуном, съездила в КНДР, побывала на могиле мужа. Они совершили эту поездку под большим секретом и под чужими именами; Мао Цзэдун полагал, что не следует причинять лишних неудобств и хлопот властям КНДР. Они прибыли в КНДР под видом рядовых граждан КНР, родственников погибших китайских добровольцев, и на несколько дней остановились в посольстве КНР в Пхеньяне. Сестры побывали на одном из кладбищ китайских добровольцев, где похоронены 134 человека. Они поклонились могиле Мао Аньина, которая расположена в первом ряду в самой середине кладбища. Затем вернулись на родину.

В свое время Цзян Цин сыграла зловещую роль в судьбе Лю Сыци. Сначала Цзян Цин без умолку твердила, что Мао Аньин «вместо отца», «фактически представляя отца», отправился в Корею. Вероятно, она делала это, подыгрывая политическим настроениям Мао Цзэдуна. Однако затем, после гибели Мао Аньина, она начала сеять слухи, порочившие Лю Сыци, намекая на то, что между свекром и снохой возникли недопустимые отношения; при этом Цзян Цин вину за это, вполне естественно, возлагала на Лю Сыци. Очевидно, Цзян Цин добивалась, чтобы Мао Цзэдун отказал Лю Сыци от дома, чтобы одной родственницей «со стороны Ян Кайхой» у него стало меньше. Лю Сыци пожаловалась на это в письме Мао Цзэдуну. В ответном письме он ее успокаивал, уговаривая не обращать внимания на клевету.

Затем Лю Сыци посоветовали, очевидно по партийной линии и явно с одобрения Мао Цзэдуна, поехать на учебу в Советский Союз, так сказать, сменить обстановку и отвлечься. Это к тому же отвечало профессиональным интересам Лю Сыци.

Во время учебы в Москве Лю Сыци состояла в переписке с Мао Цзэдуном, который подписывал свои письма псевдонимом «Дэшэн».

Когда же Лю Сыци возвратилась в КНР после окончания учебы в Советском Союзе, Цзян Цин тут же распорядилась отобрать у нее пропуск в Чжуннаньхай, заявив, что «Лю Сыци не является членом нашей семьи». Так Лю Сыци была лишена возможности навещать «папу».

Однако они продолжали переписку. В 1959 г. Мао Цзэдун, в частности, писал Лю Сыци:

«...Надо уметь постоять за себя. Надо бороться, делая это ради тех, кто отдал свою жизнь, ради отца, ради народа. Надо уметь постоять за тех людей, которых презирают и ненавидят. У меня все в порядке; беспокоят только мысли о тебе. Живи спокойно.

Отец. 15 января».

Мао Цзэдун писал Лю Сыци и из поездок по стране. В одном из таких писем он обращался к ней так:

«Дитяtko... Получше ли себя чувствуешь? Поступила ли в вуз младшая сестренка (Мао

Цзэдун имел в виду Чжан Шаохуа. – Ю.Г.)? Я чувствую себя лучше, чем дома. Когда одолевает тоска, почитай что-нибудь из классической литературы, почитай стихи. Это развеивает грустные мысли. Давно не виделись, и я соскучился.

Папа. 6 августа».

К 1961 г. прошло уже десять лет со времени гибели Мао Аньина. Лю Сыци, которой было уже за тридцать, по-прежнему жила одна. Мао Цзэдун много раз советовал ей выйти замуж.

Он писал:

«...Послушайся совета. Прими решение и выходи замуж. Пора...
13 июня».

Мао Цзэдун начал советовать Лю Сыци выйти замуж еще в 1957 г. после ее возвращения из СССР. Он также просил своих дочерей поговорить об этом с Лю Сыци. Она же отнекивалась: «Да где же найти подходящего человека?» «Да хоть вслепую, вот просто на улице», – отвечали Ли Минь и Ли Нэ. Лю Сыци шутила в ответ: «А если он окажется рябым?»

Так Лю Сыци долго не желала выходить замуж, хотя Мао Цзэдун и сам рекомендовал ей двух женихов.

Мао Цзэдун просил и других людей подобрать мужа для Лю Сыци. Предложения к нему поступали. Но он браковал все кандидатуры.

Наконец заместитель командующего ВВС НОАК и начальник военно-воздушной академии Лю Чжэнь рассказал Мао Цзэдуну о преподавателе этой академии Ян Маочжи, который так же, как и Лю Сыци, побывал на учебе в СССР. Мао Цзэдун изучил представленные ему соображения и дал согласие на «следующий ход», то есть на знакомство Лю Сыци и Ян Маочжи.

Ян Маочжи был человеком примерно того же возраста, что и Лю Сыци. Это был высокий, физически крепкий парень, чем-то похожий на Мао Аньина. Он происходил из политически благонадежной рыбацкой семьи. Познакомившись с ним, Лю Сыци через некоторое время кивнула в знак согласия на брак.

В 1961 г. Лю Сыци окончила институт и была распределена на работу переводчицей русского языка в бюро технической информации управления исследований инженерных войск НОАК. В феврале 1961 г. они с Ян Маочжи поженились. Свадьба состоялась в доме Лю Сыци, расположенном в пекинском районе Наньчицзы.

Мао Цзэдун в качестве подарка молодым преподнес им собственноручно переписанное свое же стихотворение «О море пою». Он также послал Лю Сыци 300 юаней, наказав: «Я на улице не бываю и не знаю, что бы вам такое хорошее купить. Вы уж сами купите себе на эти деньги подарок».

Отец Ян Маочжи в этот момент был в море и не смог быть на свадьбе. Среди приглашенных преобладали друзья и родственники Лю Сыци. В общей сложности собралось более ста гостей. Мао Аньцин находился на лечении в Даляне и не приехал на свадьбу. Зато присутствовала его будущая жена, младшая сестра Лю Сыци Чжан Шаохуа.

Мао Цзэдун даже не поставил в известность Цзян Цин о свадьбе Лю Сыци. Цзян Цин не было на этой церемонии.

Через несколько месяцев после свадьбы Лю Сыци, которая с момента выхода замуж во второй раз приняла новое имя – Лю Сунлинь, вместе с мужем навестила Мао Цзэдуна. Мао Цзэдун побеседовал с Ян Маочжи и остался доволен новым мужем Лю Сунлинь.

Цзян Цин и на сей раз не было в доме Мао Цзэдуна. Лю Сунлинь знала, что с 1959 г. Мао Цзэдун и Цзян Цин жили раздельно.

Во время «культурной революции» Цзян Цин жестоко преследовала семью Лю

Сунлинь, клеветнически утверждая, что мать Лю Сунлинь Чжан Вэньцю была «предателем», то есть гоминьдановским агентом внутри КПК. В этой связи над Лю Сунлинь нависла серьезная опасность. Попасть к Мао Цзэду в Чжуннаньхай она не могла, так как Цзян Цин запретила пускать ее в резиденцию Мао Цзэдуна.

Ян Маочжи служил тогда далеко от Пекина в городе Яньчэн в 4-й воздушной армии. Лю Сунлинь написала ему письмо, спрашивая совета, как поступить. Ян Маочжи понимал, что его жена является объектом политических преследований и что ей грозят репрессии, а следовательно, и он не мог считать себя в безопасности, и тем не менее он ответил на письмо жены так: «Приезжай с детьми ко мне». К тому времени у них было трое детей.

Лю Сунлинь с детьми поехала к мужу.

Ян Маочжи узнал о том, что в его парторганизацию уже пришли документы из центра, в которых содержалось утверждение о том, что его теща является «предателем». Он понимал, что следовало быть предельно внимательным. Он и был весьма осторожным человеком. Кто бы мог подумать, что он сам даст следователям зацепку, ниточку, позволит им, как говорят в КНР, «ухватить себя за косичку»?

В обстановке того времени в 4-й воздушной армии конечно же нашлись люди, которые «разрабатывали» Ян Маочжи и провоцировали его. Его также допрашивали, требуя, чтобы он «внес ясность в обстоятельства», связанные с делами его тещи и жены. Ян Маочжи не выдержал допросов и выдал то, что ему говорила дома его жена. А Лю Сунлинь, да и Чжан Шаохуа, говорили, что в ответ на их беспокойство относительно возможности того, что Цзян Цин может стать преемником Мао Цзэдуна, сам Мао Цзэдун сказал следующее: «Это невозможно. Она не сможет стать преемником! Она не способна выполнять эту работу, потому что ей присуще двурушничество».

Вполне естественно, что в те времена за такие слова приходилось жестоко расплачиваться. Ян Маочжи и Лю Сунлинь взяли под стражу, перевезли в Шанхай и бросили в тюремные камеры. Лю Сунлинь не знала, куда именно ее поместили, однако ей довелось услышать, что в ту самую камеру, где до нее держали известных всем китайцам киноартистов Чжао Даня и Цинь И.

Лю Сунлинь и Ян Маочжи с момента ареста не виделись друг с другом и ничего не знали друг о друге. Их не ставили в известность и о показаниях, которые они давали.

В камере с Лю Сунлинь находились две надзирательницы, не спускавшие с нее глаз. Без их разрешения она не имела даже права подняться, встать на ноги с кровати. В тюрьмах КНР заключенному на протяжении длительного времени не разрешают вставать, двигаться, изменять положение тела; человека заставляют очень долго лежать, не шевелиться. Окно камеры было наглухо заклеено газетами, нельзя было понять, день или ночь за окном. В камере постоянно горела электрическая лампа в 100 свечей. Лю Сунлинь запрещалось иметь наручные часы. Во время сна ей также не разрешалось укрываться одеялом с головой, а можно было натягивать одеяло только до подмышек. Считалось, что благодаря этим мерам можно не допустить самоубийства заключенного. За дверями камеры дежурили надсмотрщики в ботинках с утяжеленной подошвой. Каждый их шаг болью отдавался в голове арестанта.

Лю Сунлинь всегда неожиданно вытаскивали на допросы. Иной раз их провожал Ван Хунвэнь, которого Мао Цзэдун из вожаков «бунтарей» (или цзаофаней) Шанхая сделал своим заместителем по партии. Основываясь на том, в чем проговорился простодушный Ян Маочжи, Ван Хунвэнь стучал кулаком по столу и орал на Лю Сунлинь: «Ты осмелилась возводить клевету на товарища Цзян Цин, а это значит, что ты клеветешь и на председателя Мао. Ты – контрреволюционерка на все сто процентов!»

Лю Сунлинь только что родила четвертого ребенка. Она очень ослабла. С трудом глотала пищу, ее мучила бессонница, она страдала физически и нравственно. Быстро и страшно похудела. Именно тогда она приобрела на всю жизнь ревматизм суставов. Ее ребенку не исполнилось и месяца, а Лю Сунлинь уже заставили ежедневно стирать детские пеленки в ледяной воде. Суставы на руках покраснели и распухли.

Лю Сунлинь заявила тюремщикам, что она хотела бы написать письмо своей матери. Ей разрешили сделать это. Когда она увидела бумагу, у нее из глаз полились слезы и на почтовой бумаге навсегда остались следы слез.

В том письме Лю Сунлинь откровенно высказала мучившие ее мысли: ну почему получается так, что Ян Кайхой вместе с Мао Аньином бросили в тюрьму, почему мать Лю Сунлинь тоже бросили в тюрьму тогда, когда она была беременна ею, и, наконец, почему теперь ее саму бросили в тюрьму; что же это за заколдованный круг такой, из которого нет выхода?

Естественно, что письмо не попало в руки матери Лю Сунлинь, а было приобщено к ее собственному делу. Тюремщики стали орать: «Ах ты, мать твою, ты что же это, осмеливаешься нас сравнивать с гоминьдановцами?»

Так прошло еще четыре месяца. Лю Сунлинь стало совсем невмоготу. Она не видела выхода и решила написать письмо Мао Цзэдуну. Это письмо она адресовала непосредственно Ван Хунвэню для передачи Мао Цзэдуну. Ван Хунвэнь не решился скрыть такое письмо, и оно в конце концов дошло до Мао Цзэдуна.

В результате Лю Сунлинь выпустили из тюрьмы. Однако положение ее существенно не улучшилось. Она попала в другой круг все того же ада. Ее оставили по-прежнему «под надзором» Ван Хунвэня. Изменения состояли только в том, что из тюрьмы ее перевели на «курсы критики Линь Бяо». Дело было в 1972 г. Ее больше не допрашивали, но вынуждали писать бесконечные саморазоблачения и покаяния. Когда терпению ее пришел конец, Лю Сунлинь прямо поставила вопрос перед руководительницей этих курсов: «В чем меня, в конце-то концов, обвиняют?» Ответ был с намеком. Руководительница курсов, очевидно сочувствуя Лю Сунлинь, прямо сказала ей: «А ведь знаешь, фактически против тебя ничего и нет».

Лю Сунлинь, поняв намек, тут же написала докладную записку, в которой сослалась на нездоровье и попросила разрешить ей выехать в Пекин на лечение. Через некоторое время при содействии маршала Е Цзяньина, который ведал повседневной работой в армии, а Лю Сунлинь числилась за НОАК, ее просьба была удовлетворена, и она получила относительную свободу.

Ян Маочжи выпустили из тюрьмы только в 1973 г., тут же отправив в «школу имени 7 мая» на «трудовое перевоспитание». В дальнейшем его переводили из одной части в другую, и только в 1983 г. Ян Маочжи снова оказался в 4-й воздушной армии в должности заместителя начальника отдела исследований. Хотя в отношениях супругов и имелись сложности, но они живут одной семьей. Четверо их детей уже стали взрослыми.

Цзян Цин приложила руку к аресту Лю Сунлинь и заставила ее страдать вместе с мужем и детьми. Когда же после смерти Мао Цзэдуна под арестом оказалась уже Цзян Цин, Лю Сунлинь взяла своего рода реванш, публично заявив о том, что Цзян Цин сама вступила в брак с Мао Цзэдуном с той целью, чтобы «погубить» его.

* * *

Второй сын Мао Цзэдуна и Ян Кайхой Мао Аньцин родился в 1924 г. В детстве ему пришлось пережить много несчастий. Говорили, что в Шанхае, когда ему приходилось просить милостыню, его сильно ударили по голове. Мао Аньцин стал больным человеком, ему время от времени требовалось лечение в психиатрических больницах.

В 1937 г. Мао Аньцин вместе со старшим братом был переправлен в Советский Союз. На протяжении нескольких лет он находился в Ивановском интернациональном детском доме, затем учился на китайском отделении Московского института востоковедения. Кстати говоря, именно там он начал овладевать китайской грамотой, иероглифами. Мао Аньцин, которого звали тогда русским именем Николай, предпочитал говорить по-русски. В студенческие годы он любил играть в шахматы и ему нравились блондинки.

После возвращения на родину в 1947 г. (по другим сведениям, в 1951 г.) Мао Аньцин

не принимал никакого участия ни в общественной, ни в политической жизни. Отец не предъявлял к больному сыну никаких требований, заботясь только о его лечении.

Сыновья Мао Цзэдуна – родные братья Мао Аньин и Мао Аньцин – были женаты на сводных сестрах: соответственно на Лю Сыци и на Чжан Шаохуа. Браку Мао Аньцина и Чжан Шаохуа предшествовала целая история.

По возвращении в Пекин, уже в годы КНР, Мао Аньцин в первое время подрабатывал в институте марксизма-ленинизма при ЦК КПК в должности переводчика. Мао Аньцин неважно владел тогда китайским языком. Да и общее состояние его здоровья сказывалось на ситуации. Будучи человеком нервным и мнительным, он обострял отношения с коллегами и начальниками, особенно когда речь шла о тонкостях перевода с русского на китайский язык.

Осенью 1951 г. Мао Аньцин разволновался и оскорбил в ходе ссоры своего руководителя, после этого пришлось отозвать его с работы. Он перебрался в Чжуннаньхай, где в полной мере испытал на себе дурное обращение со стороны Цзян Цин. Впоследствии, когда саму Цзян Цин подвергли критике, утверждалось, в частности, что она якобы заставила Мао Аньцина жить в домике для ее обезьянок. Цзян Цин любила домашних животных, особенно обезьян. Она возилась с ними, шила им одежду и т. д. В резиденции Мао Цзэдуна в Чжуннаньхае для любимых обезьянок Цзян Цин был сооружен небольшой флигелек, в котором и разместили Мао Аньцина.

Затем Мао Цзэдун считал за лучшее разделить Цзян Цин и Мао Аньцина, отправить сына в другой город для прохождения курса лечения. Так Мао Аньцин оказался в психиатрической лечебнице.

Находясь на лечении в городе Даляне, Мао Аньцин начал ухаживать за медицинской сестрой по фамилии Сюй. Молодые люди хотели пожениться, но против этого резко возражала Цзян Цин. Она утверждала, что Мао Аньцин, как психически больной человек, не имеет права сам выбирать себе жену. На самом же деле Цзян Цин опасалась появления новых членов фракции Ян Кайхой в клане Мао Цзэдуна.

Стремясь разрядить обстановку, Мао Аньцина отправили в СССР на лечение. Медсестре Сюй, несмотря на ее просьбы, не позволили сопровождать любимого. Молодые стали переписываться, но Цзян Цин перехватывала их письма. В конце концов девушка поняла, что с Цзян Цин ей не совладать, отступилась от Мао Аньцина и в 1955 г. вышла замуж за другого человека.

Тем временем Мао Аньцин влюбился снова. Теперь уже в русскую девушку, москвичку, свою однокурсницу (кажется, ее звали Надежда). Цзян Цин считала, что такой брак ее устраивает, так как снимает угрозу ввода в семью Мао Цзэдуна нового «китайского» элемента. Цзян Цин представлялось, что лучшим выходом из ситуации был бы брак Мао Аньцина именно с русской девушкой, после которого Мао Аньцин поселился бы постоянно в СССР. Мао Аньцин уже сделал девушке подарки: украшения, отрез на платье.

Однако свадьбу так и не суждено было сыграть. Прежде всего сама девушка никак не давала окончательного согласия на то, чтобы стать женой Мао Аньцина. Да и Мао Цзэдун не санкционировал этот брак.

Сыграли свою роль и иные обстоятельства. В том же 1955 г. в Москве на филологическом факультете МГУ училась Лю Сыци. Она сумела довести до сведения Мао Цзэдуна (несмотря на препятствия со стороны Цзян Цин), что Мао Аньцин физически плохо себя чувствует. Мао Цзэдун распорядился переправить сына на родину. Мао Аньцин снова оказался в психиатрической клинике города Даляня. Это произошло в декабре 1955 г.

И тут на сцене появилась младшая сестра Лю Сыци Чжан Шаохуа, которая быстро сблизилась с Мао Аньцином. Ей было тогда 17 лет, а ему 31 год. Молодые люди, разумеется, испытывали симпатии друг к другу, но нельзя исключать и меркантильных интересов обеих сестер, в том числе и их политических расчетов.

Как бы там ни было, а фракция Ян Кайхой «под боком» у Мао Цзэдуна усилилась. При этом важно отметить, что Мао Цзэдун сам содействовал фракционности в своей семье.

Например, он наказывал Мао Аньцину передавать ему письма только через Лю Сыци, Чжан Шаохуа и Ли Минь.

С той поры Цзян Цин перестала разговаривать с Мао Аньцином и Чжан Шаохуа. Она даже не допустила ни его, ни Чжан Шаохуа на похороны Мао Цзэдуна.

В 1966 г., во время «культурной революции», Цзян Цин заявляла, выступая перед широкой аудиторией молодых участников этой кампании, что Чжан Шаохуа никогда не была ее «настоящей невесткой», что и Мао Цзэдун не признавал ее своей снохой. Цзян Цин утверждала, что Чжан Шаохуа просто-напросто воспользовалась тем, что Мао Аньцин психически болен, и вступила с ним в связь.

В том же выступлении Цзян Цин обрушилась на всю фракцию Ян Кайхой. Она заявила, что 10 лет страдала от поведения Лю Сыци, намекая, что та после гибели Мао Аньина вела себя безнравственно и аморально. Одновременно Цзян Цин критиковала и бранила Ян Кайчжи и его супругу, в результате чего оба они потеряли тогда работу и подверглись преследованиям.

В 1970 г. у Мао Аньцина и Чжан Шаохуа родился сын – внук Мао Цзэдуна. Его зовут Мао Синьюй. Он отличается нездоровой полнотой; говорят, весит более 100 килограммов.

Чжан Шаохуа родила в военном госпитале № 301 в Пекине, в спецбольнице для высших руководителей КПК – КНР. Цзян Цин была чрезвычайно недовольна всем этим. Она полагала, что ребенок у Чжан Шаохуа не от Мао Аньцина, что это – «плод политических интриг», желания сестер Лю Сыци и Чжан Шаохуа снова приблизиться к Мао Цзэдуну, подарив ему наследника. После того как Чжан Шаохуа родила сына, Цзян Цин фактически блокировала ее и отрезала от внешнего мира. Телефон в палате был отключен. У Мао Аньцина в это время был очередной приступ. В течение 70 дней он не имел сведений о жене, не знал о рождении ребенка, думал, что его жена и ребенок погибли при родах.

Мао Аньцин жив и в настоящее время. Когда Цзян Цин оказалась в тюрьме, положение Мао Аньцина и Чжан Шаохуа было легализовано. Организовали посещение ими Дома памяти председателя Мао Цзэдуна. При этом Чжан Шаохуа не преминула сделать заявление о том, что это Цзян Цин довела Мао Аньцина до сумасшествия.

Жена Мао Аньцина Чжан Шаохуа – это сводная сестра жены Мао Аньина Лю Сыци, у них были разные отцы.

Чжан Вэньцю вышла замуж во второй раз в 1937 г. в Яньани, 6 лет спустя после гибели своего первого мужа, отца Лю Сыци. Ее второй муж был также членом КПК, командиром роты в войсках Пэн Дэхуая. Его звали Чэнь Чжэнья. Пэн Дэхуай в качестве подарка к их свадьбе с Чжан Вэньцю выдал 60 юаней. На следующий год после свадьбы у Чэнь Чжэнья и Чжан Вэньцю родилась их первая дочь Чжан Шаохуа.

Чэнь Чжэнья был тяжело ранен, в 1939 г. было решено отправить его на лечение в СССР вместе с женой и двумя дочерьми.

Путь лежал через Синьцзян, где семью задержал военный властитель Синьцзяна Шэн Шицай. Чэнь Чжэнья был помещен в больницу, где скоро и умер. Считают, что его отравил врач из русских белогвардейцев. Вскоре после смерти мужа Чжан Вэньцю в 1944 г. родила свою вторую дочь от Чэнь Чжэнья, назвав ее Шаолинь. Таким образом, трех дочерей Чжан Вэньцю звали Лю Сыци, Чжан Шаохуа и Чжан Шаолинь. Когда Шэн Шицай арестовал в Синьцзяне членов КПК, Чжан Вэньцю была посажена в тюрьму вместе с дочерьми.

Что касается самой Чжан Шаохуа, то о ней говорили, что эта девочка «выросла на спине лошади и в тюрьме». В годы гражданской войны она не имела возможности посещать школу.

После создания КНР вместе со своей сестрой Лю Сыци, ставшей невестой Мао Аньина, Чжан Шаохуа начала посещать дом Мао Цзэдуна.

Она была тогда еще ребенком, очень шустрой и сообразительной девочкой. Она быстро освоилась в доме Мао Цзэдуна, научилась называть его «дядей». Мао Цзэдун питал слабость

к маленьким девочкам, молодым девушкам и парням. Ему нравились дети и молодые люди. Однажды Чжан Шаохуа сказала Мао Цзэдуна: «Дядя Мао, я тоже хочу ходить в школу». Ей было тогда лет десять-одиннадцать.

Через несколько дней секретарь Мао Цзэдуна по вопросам быта Е Цзылун дал ей рекомендательное письмо для поступления в начальную школу «Юйин» для детей сотрудников учреждений прямого подчинения ЦК КПК.

Чжан Шаохуа начала учиться в этой привилегированной школе. Она продолжала приходить в гости в дом Мао Цзэдуна, рассказывала ему о прочитанных книгах. Он внимательно слушал, как-то раз она заметила в одном из его книжных шкафов книгу с его закладкой, о которой она недавно рассказывала «дяде Мао». Книга называлась «Краткие строки. Любовь».

Окончив среднюю школу, Чжан Шаохуа в 1959 г. поступила на факультет китайского языка Пекинского университета. В студенческие годы она продолжала бывать у Мао Цзэдуна. Как-то раз он спросил у нее, кто из поэтов эпохи Сун ей нравится больше других. Чжан Шаохуа ответила, что это Лу Ю², потому что он – патриот, боец и готов пожертвовать жизнью.

Тогда Мао Цзэдун специально для Чжан Шаохуа переписал стихотворение «Ночью брожу по дворцу». Она хранила этот листок даже тогда, когда переживала невзгоды во время «культурной революции».

В 1960 г. Чжан Шаохуа отправилась лечиться в Далянь. Там она снова увиделась с Мао Аньцином, с которым ее связывали известные отношения: уже с 1955 г. Мао Цзэдун поощрял дружбу сына с Чжан Шаохуа. В 1962 г., после семи лет неоформленных отношений, Мао Аньцин (38 лет) и Чжан Шаохуа (24 лет) вступили в брак. Они навестили в Пекине Мао Цзэдуна, который, едва их завидел, радостно воскликнул: «Ну вот и наши молодые».

В те годы Мао Аньцин по службе числился за Генштабом НОАК. Мао Цзэдун наказал молодым нанести визит начальнику Генерального штаба Ло Жуйцину и испросить у него отпуск, чтобы съездить на родину в провинцию Хунань. В Чанша они побывали на могиле Ян Кайхой, повидались с девяностолетней бабушкой. При этой встрече присутствовали Ян Кайчжи и его супруга Ли Чундэ. Затем молодые побывали в родной деревне Мао Цзэдуна Шаошаньчун.

В их семейной жизни были и нерадостные времена. Чжан Шаохуа стала хандрить, так как замужество не принесло ей того общественного положения, на которое она, вероятно, рассчитывала. К тому же у нее что-то не ладилось со здоровьем. Чжан Шаохуа все время была в дурном настроении, переживала, что никак не может окончить институт. Ей предлагали перевестись из Пекина на учебу в Далянь. Конечно, ей это очень не нравилось. Наоборот, она стремилась вместе с мужем оказаться в Пекине. Вероятно, она обижалась на Мао Аньцина за то, что он не сумел добиться от отца разрешения переселиться в столицу. Одним словом, отношения между Чжан Шаохуа и Мао Аньцином дошли до грани разрыва.

Об этом вскоре стало известно Мао Цзэдуна. 3 июня 1962 г. Мао Цзэдун написал Чжан Шаохуа письмо, в котором советовал ей проявлять больше мужества, поменьше капризничать, помогать мужу и упорно учиться.

Получив такое письмо, Чжан Шаохуа одумалась, стараясь впредь вести себя в соответствии с пожеланиями Мао Цзэдуна. Она навела порядок в доме, начала ухаживать за больным Мао Аньцином, продолжила учебу в Пекинском университете и успешно окончила его.

Таким образом, Мао Цзэдун и Чжан Вэньцзю пережили своих сыновей и дочерей. Как-то раз Чжан Шаохуа привела в дом Мао Цзэдуна свою младшую сестру Шаолинь. Мао

² Лу Ю (1125—1210) – крупный китайский поэт эпохи Сун (960–1279); в творчестве поэта преобладали патриотическая и социальная темы: любовь к родине, боль за страдания простого народа и т. д.

Цзэдун по этому случаю изволил пошутить: «Что же нам теперь делать? У меня больше нет сыновей». А потом добавил, обращаясь к Чжан Шаолинь: «Знаешь что, две твои старшие сестры – мои снохи. А ты будешь моей приемной дочерью, договорились? Пока я жив, навещай меня постоянно». Он сфотографировался с Шаолинь на память.

В начале «культурной революции» Чжан Шаохуа оказалась одной из 16 студентов Пекинского университета, которые совершили политическую ошибку, подписав коллективное письмо в защиту руководителя рабочей группы в Пекинском университете Чжан Чэнсяня. Когда Цзян Цин стало известно об этом, она тут же приказала начать преследование Чжан Шаохуа и всей ее родни, от старой матери до младшей сестры.

Услыхав о грозящей опасности, сестры той же ночью укатили на велосипедах из университета. Цзян Цин приказала устроить засаду в госпитале, где находился больной Мао Аньцин, полагая, что Чжан Шаохуа приедет именно туда. Однако она туда не поехала. Сестры начали скрываться. Цзян Цин, рассказав об этом Мао Цзэдуну, говорила: «Ну вот, хороша невестка! Муж у нее болен, а она и носа в больницу не кажет».

Чжан Шаохуа и ее родственники вздохнули с облегчением только после того, как Цзян Цин сама оказалась под арестом.

В настоящее время Чжан Шаохуа по-прежнему числится на службе в НОАК. Она член Союза китайских писателей. За последние годы опубликовала более десятка статей публицистического плана, обрабатывает материалы по истории партии, готовит к печати воспоминания своей матери Чжан Вэньцю.

Следы Мао Аньлуна – третьего сына Мао Цзэдуна и Ян Кайхой, родившегося в 1927 г., утеряны. В условиях, когда семью разбросало ураганом событий, он потерялся в 1931—1932 гг. в Шанхае. (В КНР живет человек, утверждающий, что он – Мао Аньлун.)

Глава четвертая

Хэ Цзычжэнь – третья жена

Третьей женой Мао Цзэдуна стала Хэ Цзычжэнь, героиня партизанских боев в горах Цзинганшаня, женщина-воин, отважно вступавшая в схватки с врагами. Ей не было еще и 18 лет, внешне она была очень привлекательна, да и решительная, суровая ее натура пришлась тогда по душе тридцатипятилетнему Мао Цзэдуну.

Хэ Цзычжэнь родилась осенью 1910 г. (ее дочь Цзяоцзяо утверждает, что это произошло в сентябре 1909-го) в провинции Цзянси в затерянном в горах городке Юнсинь в семье небогатого купца, довольно образованного человека с поэтическими наклонностями. Своей новорожденной дочурке он дал детское имя «Гуйюань», что означает «Коричное деревце и полная луна», иначе «Круглая луна в коричном саду». Девочка появилась на свет в благодатную осеннюю пору, когда благоухают коричные деревья и царит полнолуние. Девочка выросла и стала красивой умной девушкой, однако с взрывным и упрямым характером. Как и многие женщины из тех краев, Хэ Цзычжэнь была отчаянно смелым человеком. И с мужчинами она была бедовой, очень бойкой, за словом в карман не лезла.

О характере людей из родных мест Хэ Цзычжэнь рассказывает следующее предание. Неподалеку от городка, где она родилась, находится Пруд верности, названный так потому, что три тысячи воинов, сражавшихся против чужеземцев-монголов и потерпевших поражение в бою, не желая попадать под гнет врага, сами по своей воле утопились в этом пруду, демонстрируя верность своей отчизне.

Вступив в пору юности, Хэ Цзычжэнь, как в свое время и Ян Кайхой, коротко остригла волосы и как в омут головой бросилась в революционную деятельность. Еще в школе она начала читать революционную литературу и познакомилась с первыми коммунистами своего уезда, оказавшими на нее большое влияние.

В 1926 г., когда ей было всего 16 лет, Хэ Цзычжэнь организовала в уезде женский союз. В 1927 г. вместе со своим старшим братом Хэ Сюеминем она стала членом КПК, возглавила отряд вооруженных крестьян, который ушел в горы продолжать борьбу, когда коммунисты

потерпели поражение в городах. Крестьяне под руководством брата и сестры Хэ начали оказывать вооруженное сопротивление властям в районе Цзин-ганшань еще до прихода в эти края Мао Цзэдуна и его людей.

Взаимное влечение Мао Цзэдуна и Хэ Цзычжэнь возникло мгновенно. В мае 1928 г. Мао Цзэдун, не обращая внимания на мнение других людей, пригласил Хэ Цзычжэнь поужинать с ним вдвоем, эта трапеза затянулась за полночь. Мао Цзэдун без обиняков спросил: «Цзычжэнь, а не хочешь ли ты ко мне, вместе со мной работать и жить?» – «Конечно, хочу», – отвечала Хэ Цзычжэнь. К сожителству оба они относились без предрассудков. Мао Цзэдуна не смущало ни то, что у него дома оставалась жена и трое детей, ни то, что Хэ Цзычжэнь не было еще и 18 лет. Он просто велел передать старшему брату Хэ Цзычжэнь Хэ Сюеминю, что с завтрашнего дня Хэ Цзычжэнь будет с ним и становится его секретарем.

В первое время Мао Цзэдун и Хэ Цзычжэнь были неразлучны. В комнате, где они жили, стояли лишь кровать, стол и два стула. Хэ Цзычжэнь сразу же взяла на себя заботы о быте Мао Цзэдуна. Он уже тогда страдал запорами, которые мучили его всю жизнь. Хэ Цзычжэнь ставила ему клизмы из мыльной воды.

Стараясь наладить работу его желудка, Хэ Цзычжэнь решила покормить его нежным мясом «полевых курочек», то есть съедобных лягушек. Телохранители сплели сетки и вместе с Хэ Цзычжэнь наловили килограмма два этих земноводных, затем поджарили их окорочка и подали Мао Цзэдуну с перцем. Мао Цзэдун полакомился ими вволю. Он полюбил это новшество в еде, предложенное ему Хэ Цзычжэнь. Впоследствии «полевые курочки» почти всегда были в меню на горе Лушань, когда там проводил часть своего времени Мао Цзэдун уже в годы КНР.

В 1929 г. Хэ Цзычжэнь, участвуя в рейдах по занятым противником населенным пунктам, привозила Мао Цзэдуну «духовную пищу» – газеты, документы штабов или органов управления местной администрации. Мао Цзэдун очень ценил такую помощь в работе.

Примерно через год после того как они сошлись Хэ Цзычжэнь родила девочку, которую почти сразу же отдали в крестьянскую семью на воспитание, за что людям заплатили. Следы девочки оказались утеряны. Это был первый ребенок Мао Цзэдуна и Хэ Цзычжэнь.

В 1932 г. Мао Цзэдун довольно тяжело заболел. Хэ Цзычжэнь тоже чувствовала себя неважно после тяжелых родов. У них в 1932 г. родился сын Мао Аньхун, или Маомао. Это был второй ребенок и первый сын Мао Цзэдуна и Хэ Цзычжэнь. У Мао Цзэдуна он был уже четвертым сыном.

Жили они тогда в окрестностях города Жуйцзиня. В октябре 1932 г. Мао Цзэдуна вызвали на совещание ЦК партии в город Нинду и осудили за правый уклон. Его освободили от обязанностей комиссара рабоче-крестьянской Красной Армии Китая, секретаря фронтового комитета армии. Иначе говоря, он потерял реальные рычаги власти. Мао Цзэдун остался только председателем Временного Центрального правительства Советской Республики Чжунхуа, или Китайской Советской Республики.

Это был почетный пост, не дававший, однако, никаких прав. Особенно угнетало Мао Цзэдуна то, что он был отстранен от руководства армией. Покидая Нинду, он сказал члену руководства партии Ван Цзясяну: «Если положение на фронте того потребует, дайте мне знать, я немедленно прибуду». Мао Цзэдун не верил, что кто бы то ни было способен лучше, чем он, руководить военными действиями.

Оказавшись не у дел, Мао Цзэдун расположился со своей охраной в здании заброшенного монастыря. Узнав обо всем этом, Хэ Цзычжэнь, несмотря на то что она только что родила Мао Аньхуна и сама была еще очень слаба, тут же с младенцем на руках приехала к Мао Цзэдуну. Она начала ухаживать за больным, переживавшим свое падение мужем, отдавая ему даже те продукты, которые выделялись ей как роженице. Она требовала у председателя советского правительства провинции Фуцзянь Дэн Цыхоя оказывать помощь

Мао Цзэдуну. Дело было в том, что, узнав о снятии Мао Цзэдуна с постов, снабженцы позволили себе не удовлетворять просьбы Хэ Цзычжэнь. Телохранители Мао Цзэдуна из-за этого вступали в перебранку со снабженцами. Хэ Цзычжэнь уговаривала телохранителей не поднимать шума, надеясь на Дэн Цзыхоя.

Одним словом, когда Мао Цзэдуну было трудно и он терял присутствие духа, Хэ Цзычжэнь с ее решительным боевым характером становилась той искрой, которая вновь зажигала в Мао Цзэдуне стремление к жизни и к борьбе. Тут Мао Цзедун многим обязан Хэ Цзычжэнь.

В этот период Мао Цзэдуна и Хэ Цзычжэнь лишили допуска к работе с секретной документацией. Гонениям подвергались и родственники Хэ Цзычжэнь, которые, по ее словам, все отдали революции, пустили по ветру свое состояние и с головой ушли в революционную борьбу.

Сестра Хэ Цзычжэнь Хэ И была замужем за младшим братом Мао Цзэдуна Мао Цзэтанем, которого тогда же, в 1932 г., причислили к участникам антипартийной группы. Саму Хэ И при этом вынуждали отречься от мужа, отмежеваться от Мао Цзэтаня и его политических взглядов. Одновременно подвергался нападкам и второй из младших братьев Мао Цзэдуна Мао Цзэминь.

Одним словом, начало 1930-х гг. было для Мао Цзэдуна очень трудным временем, может быть, самым напряженным во внутривнутрипартийной борьбе. И именно в эти годы он имел твердую опору в лице Хэ Цзычжэнь.

В Цзинганшане, Жуйцзине, Чандине, Цзуньи, Яньани Хэ Цзычжэнь все время была рядом с Мао Цзэдуну. Она своей рукой четким почерком переписала для него множество документов, помогала ему в работе, выполняя обязанности технического секретаря. Хэ Цзычжэнь и Мао Цзедун любили книги, любили каллиграфию; помимо всего прочего их сближало и это.

В 1933 г. Хэ Цзычжэнь снова родила. Дитя родилось мертвым. Это был третий ребенок Мао Цзэдуна и Хэ Цзычжэнь, их вторая дочь.

В октябре 1934 г. начался длительный переход из советских районов в провинции Цзянси на север страны. Сыну Мао Цзэдуна и Хэ Цзычжэнь Мао Аньхуну было всего два года. Брать его с собой в поход не представлялось возможным, мальчика пришлось оставить на попечение сестры Хэ Цзычжэнь Хэ И и ее мужа, младшего брата Мао Цзэдуна, которые ушли в партизаны в этих же местах. Однако боевая обстановка вскоре вынудила Хэ И оставить Мао Аньхуна в крестьянской семье. Следы этого сына Мао Цзэдуна и Хэ Цзычжэнь оказались утеряны.

Что же касается Хэ Цзычжэнь, то она отправилась в поход, будучи снова беременной. Женщин среди участников похода были единицы.

В феврале 1935 г. Хэ Цзычжэнь родила очередного ребенка. Это произошло после трудного 40-километрового дневного перехода. На следующее утро надо было продолжать движение. Дитя оставили крестьянам, заплатив им 30 монет. Следы его тоже были утеряны. Вскоре при налете авиации Хэ Цзычжэнь была тяжело ранена. У нее было 8 пулевых и осколочных ранений. Из них самые серьезные – в голову и в грудь, также была повреждена нога. Операция оказалась тяжелой. Все пули и осколки извлечь так и не удалось.

На протяжении всего похода встречи Мао Цзэдуна и Хэ Цзычжэнь были редкими. По мере возможности Хэ Цзычжэнь старалась заботиться об одежде и питании мужа. Мао Цзедун также давал указания выделять для беременной Хэ Цзычжэнь мула, а после ранения нести ее на носилках. Наконец поход был завершен.

В 1936 г. Хэ Цзычжэнь работала счетоводом в банке особого района, размещавшемся в городе Баоань в северной части провинции Шэньси. Банк располагался в старой конюшне. Беременная Хэ Цзычжэнь и еще несколько человек на себе вывозили из конюшни тонны слежавшегося навоза, приводили помещение в рабочий вид. Жили они тогда с Мао Цзэдуну в пещере, где не было даже кровати. Хэ Цзычжэнь, которая, кстати сказать, умела хорошо готовить, варила пищу на костре, который разводили между кирпичей, служивших

подставками для котла.

Она, как уже упоминалось, еще не оправилась от ранений и в то же время ждала ребенка. Схватки начались ночью. Хэ Цзычжэнь, стремясь не потревожить сон Мао Цзэдуна, буквально ползком перебралась в заброшенную хибару по соседству и начала обметать там пыль. Но не смогла закончить – родила. Явился Мао Цзэдун, разбуженный телохранителями. Прибежали подруги Хэ Цзычжэнь, бок о бок с которыми она прошла весь поход, жены Чжу Дэ Кан Кэцин и Чжоу Энляя Дэн Инчао. Они спросили у Мао Цзэдуна, родила ли уже его жена. Мао Цзэдун пошутил: «Снесла, легко так выкатилось это яичко, да пребольшое!» Увидев дитя, Дэн Инчао воскликнула: «Ну, прелесть, просто прелесть!» По-китайски «прелесть» звучит: «Цзяоцзяо». Так и стали называть девочку.

Здесь необходимо подробнее остановиться на настроениях Мао Цзэдуна и рассказать о женщинах, вошедших на некоторое время в жизнь будущего китайского руководителя.

В 1937 г. руководство КПК только что обосновалось в Яньани, маленьком городке далеко от столиц, в китайской северной глуши. Они пришли туда под давлением преследовавших их властей. В Яньань вдруг впервые в истории этого городка попали люди из «большой политики», большой жизни, многие были и из больших городов. Жизнь Яньани резко изменилась.

Настроение у Мао Цзэдуна было скверным. Хотя, если смотреть на дело только с точки зрения расстановки политических сил в руководстве партии, то печалиться не было причин. Ему удалось занять положение первого человека в партии, во всяком случае фактически. В Яньани уже было известно, что именно в руках у Мао Цзэдуна находилась реальная власть над армией, партией, правительственными учреждениями. Мао Цзэдун был тогда в Яньани и в других районах страны, где у руководства находились коммунисты, как говорится, и царь, и бог, и воинский начальник.

Более всего его угнетала не политическая ситуация, а состояние дел в собственной семье. Его супруга Хэ Цзычжэнь уже не была семнадцатилетней, полной энергии лихой девицей. Ей изрядно досталось за десять лет жизни с Мао Цзэдуном. Непрестанные сражения, длительные переходы, шесть беременностей, тяжелые ранения при бомбежке. Вынужденное расставание с тремя только что рожденными детьми. И наконец, фактическое отстранение от участия в политической жизни, причем с ведома Мао Цзэдуна. Растущее непонимание в семье между супругами, когда Хэ Цзычжэнь постоянно ощущала на себе все возраставший эгоизм и наглость мужа, претендовавшего на положение Бога.

Психика Хэ Цзычжэнь не выдержала. У нее и без того был вспыльчивый характер. Она стала чаще замыкаться в себе, подолгу молчала, затем из-за мелочей взрывалась, хваталась за что придется. Могла схватиться и за собственный маузер. Начались ежедневные шумные сцены, крики, слезы, брань. Мао Цзэдун вылетал из пещеры, уходил подальше от дома.

Так он случайно впервые оказался в районе Яньцзялин, в актовом зале ЦК партии, где с недавних пор стали устраивать танцы.

Начались танцевальные вечера по причинам понятным и естественным – в руководстве партии было довольно много людей, принадлежавших к интеллигенции, многие учились за пределами Китая, в Западной Европе, в Советском Союзе, в Японии. А после перебазирования штаб-квартиры КПК в Яньань туда стали постоянно прибывать и группы молодежи, желавшей принять участие в борьбе. И вот в Яньцзялине, в актовом зале ЦК КПК, почти ежедневно стали устраивать танцевальные вечера. Разумеется, была получена санкция руководства. На этих танцевальных вечерах частенько бывали и высшие руководители партии: Чжу Дэ, Чжоу Энлай, Лю Шаоци, другие. Не было среди них поначалу только Мао Цзэдуна.

Возможно, помимо прочих причин, это вызывалось и тем, что он не знал нот, не пел песен, не имел музыкального слуха, а в танцах терял ритм. Когда-то его учили держаться в военном строю, но и это у него неважно получалось. Он был, как говорят, увальнем, «деревенщиной».

Когда он в первый раз пришел в Яньцзялин, то первой женщиной, пригласившей его танцевать, была У Гуанвэй, или У Лили. Обычно ее звали просто по имени Лили. Для иностранцев в Яньани она была Лили У.

У Гуанвэй родилась в 1911 г. К моменту встречи с Мао Цзэдуном ей было 26 лет. Она училась в Китае и в Японии. Лили была молодой, обладавшей поэтическим даром женщиной, хорошей драматической актрисой; она прекрасно владела английским языком. Она уже была замужем, но рассталась с мужем.

Она была высокого роста, очень стройная, со спокойными красивыми и живыми глазами. На ней было ципао – традиционное нарядное женское платье, облегающее фигуру, длинное до пят, но с разрезами с боков до бедра. Прекрасные черные волосы спускались на плечи, оттеняя продолговатое красивое лицо с яркими черными бровями.

Мао Цзэдун, как это с ним было в жизни неоднократно, оторопел, заглядевшись на нее. Она же сама подошла к нему, пригласив на танец. Он жестом показал, что «мы, дескать, этого вашего не понимаем, танцевать не умеем».

Тогда Лили сказала:

– Как же так? Вы написали «Относительно практики». Неужели вы не сумеете пройти в танце?

Это был настоящий вызов. Мао Цзэдун всегда принимал вызов.

– Да, да, надо практиковаться. Надо попробовать, что это такое на практике, – ответил он.

Он пошел с Лили в круг танцующих пар, но все время наступал на ноги то партнерше, то соседям. Находясь под чарами Лили, Мао Цзэдун оказался вдруг послушным учеником. Желая растопить атмосферу первой неловкости, он, по своему обыкновению, стал подшучивать.

Лили за словом в карман не лезла:

– Я бы с вами не рискнула вступить в штыковой бой.

Мао Цзэдун расхохотался:

– Ах ты маленькая буржуйка! Куда тебе со мной тягаться? Вот ты бы лучше попробовала угадать, кто это все тужится вступить в схватку со мной, со старым Мао? – И тут же, видя, что ответа не дождешься, или не желая слышать ответ, высказал то, что всегда занимало его мысли: – Чан Кайши!

Окружающие громко рассмеялись. Все смешалось, потерялся ритм. Музыка смолкла.

Лили еще больше очаровывала Мао Цзэдуна, она-то не растерялась. Взглянув в глаза Мао Цзэдуну, она шаловливо сказала:

– Вот, смотрите, как вы все разрушили на нашей танцплощадке. И как же быстро вы в этом преуспели. А для того чтобы снова все привести в порядок, придется потрудиться. Это не так-то легко сделать.

Лили инстинктивно ухватила самую суть натуры Мао Цзэдуна – его одержимость идеей разрушения существующего порядка вещей.

– Ага, проказница, да у тебя философский склад ума, – со своим хунаньским акцентом Мао Цзэдун спросил: – А скажи-ка мне, как тебя кличут?

– У Лили.

– Это хорошо. Ну, наша Лили, завтра вечером ты опять будешь учить меня танцевать. – Мао Цзэдун произнес эти слова, легонько пожал нежную ручку городской барышни, повернулся и удалился.

У Лили была поражена. Она не могла сразу осознать, что случилось. Она вдруг нежданно-негаданно стала первой учительницей танцев самого Мао Цзэдуна. У нее получилась с ним остроумная словесная пикировка. Она вдруг ощутила, что привлекательна для него. А ведь он был для нее солнцем, на свет которого она и приехала в Яньань.

С этого вечера Мао Цзэдун стал постоянно бывать на танцах. Лили вела его в танце. Он

научился нескольким танцевальным па. Мао Цзэдун не только танцевал с Лили, но и приглашал ее посидеть с ним. Нужно иметь в виду, что Мао Цзэдун везде, в том числе и на танцевальных вечерах, появлялся в сопровождении своих телохранителей. Он научился их в определенных обстоятельствах не замечать, и в то же время он свободно распоряжался ими, отдавая приказание сделать то или это. Вот и тут он велел найти местечко, где он мог бы посидеть с Лили, а также принести легкое угощение: финики и свой любимый перец. Оказалось, У Лили, эта прелестница из Шанхая, вовсе не любила перец. Зато она могла выпить с кавалером. В общем, они ладили.

Это ощущение было для Мао Цзэдуна внове; он никогда, особенно в последние месяцы, не чувствовал себя так свободно и раскованно с Хэ Цзычжэнь. Быть может потому, что они с Лили все-таки не были равными товарищами по партии? Хэ Цзычжэнь всегда считала – и это было не наигранным, а реальным, – что главное в ее жизни – участие в политической и вооруженной борьбе. Она была боевой подругой Мао Цзэдуна. У Лили не претендовала на такую роль. Ее вполне устраивала роль женщины рядом с Мао Цзэдуном, чувство женской власти и в то же время обожание своего кавалера, преклонение перед его достоинствами.

Было и нечто сходное в первых моментах встреч Мао Цзэдуна с Хэ Цзычжэнь и с У Лили. Обе были молоды и очаровательны. Обе произвели впечатление на Мао Цзэдуна. У обеих был хорошо подвешен язык. Обе тянулись к Мао Цзэдуну, а он был рад тому вниманию, с которым они к нему относились. И обе, увы, оказались нужны ему только на время.

У Хэ Цзычжэнь были глубокий грудной тембр голоса, огромные глаза. Они как магические кристаллы действовали на человека. На сердце у Мао Цзэдуна тогда, при первых встречах с ней, становилось сладко-сладко.

Хэ Цзычжэнь и по своему воспитанию была из тех женщин, которые привлекали Мао Цзэдуна. Она родилась в семье просвещенного джентри. Ее мать была начитанной женщиной. В этом Хэ Цзычжэнь чем-то напоминала и Ян Кайхой. В иных обстоятельствах и Хэ Цзычжэнь, и Ян Кайхой могли бы стать женами в домах, созданных для классического маленького семейного счастья. Может быть, Мао Цзэдун, даже неосознанно, привлекало в них обеих именно это. Ведь когда речь шла о взаимоотношениях мужчины и женщины, о чувствах супругов в часы их личного счастья, существовала гармония. Мао Цзэдун был грубоват, а эти женщины достаточно тонки, мягки и нежны, чтобы ему с ними, а им с ним было хорошо.

Однако и Ян Кайхой, и Хэ Цзычжэнь, в отличие от У Лили, субъективно стремились в политическую жизнь. А здесь их вес и вес Мао Цзэдуна был несравним. Из-за этого возникали разлад, трещины, ссоры, недопонимание. Хэ Цзычжэнь не желала быть той, как говорят в Китае, бирюзовой яшмой, той драгоценностью, которая создает свою маленькую семью, свой дом. У нее был поистине мужской характер. Она не могла полностью подчиниться воле мужчины, мужа. Хэ Цзычжэнь обожала оружие, свой маузер, любила стрельбу, борьбу, сражения. Будучи, в сущности, добрым человеком, она в то же время быстро взрывалась, раздражалась, отличалась вспыльчивостью.

Мао Цзэдун и Хэ Цзычжэнь ладили лишь тогда, когда им обоим приходилось несладко. Они могли вместе переносить трудности, но они не умели делить радости. Здесь особенно виноват был Мао Цзэдун – для него радость существовала только в те минуты, когда она принадлежала ему одному, и притом безраздельно.

Как только они прибыли в Яньань, едва их жизнь изменилась и бытовые условия стали лучше, как только исчезла ежечасно или ежедневно постоянно сближавшая их опасность, так вдруг оказалось, что Мао Цзэдун и Хэ Цзычжэнь абсолютно несовместимы. Несколько раз их ссоры были просто дикими. Хэ Цзычжэнь даже хваталась за свой маузер. Она была способна пустить его в ход, чтобы разом решить все вопросы. Хэ Цзычжэнь потеряла душевное равновесие.

Конечно, в первые годы Мао Цзэдун тянулся к Хэ Цзычжэнь. Да и потом, до самых последних месяцев их совместной жизни, влечение к ней у него было. Не случайно Хэ Цзычжэнь забеременела во второй половине все того же 1937 года.

В то же время думается, что такие порывы страсти, полового влечения, сочетались у Мао Цзэдуна с холодным взглядом на своих подруг. Он вообще полагал, что существует природа человека, а лучше сказать, его собственная природа, и жить следует, полагаясь на ее импульсы. Тут он себя никогда не сдерживал. Естественная половая жизнь тогда, когда этого хочется, и с тем, с кем хочется, представлялась ему и одним из условий телесного здоровья, и залогом плодотворной творческой работы, его мыслительной деятельности. Мао Цзэдун был начисто лишен способности надолго привязываться к одной женщине, он не считал нужным считаться с чувствами прежней пассии тогда, когда у него возникало очередное желание.

В 1937 г. взрывы, ссоры в семейной жизни осточертели Мао Цзэдуну. К тому же возникла некая новая ситуация: ему после скандалов с Хэ Цзычжэнь показалось, что успокоение может принести «тихая заводь». И Лили давала ему такое успокоение, отдохновение от семейных дрызг. С ней все домашние скандалы оставались где-то там, далеко. Неуклюже двигаясь в танце, Мао Цзэдун успокаивался, а свои горькие мысли и усталость души он топил в злой высокоградусной китайской водке. Лили становилась не только учительницей танцев...

Главным же чувством Лили к Мао Цзэдуну было преклонение перед величиим этого человека – центра новой жизни в будущем Китае. Так думала молодая шанхайская женщина. Мао Цзэдуна же ее поклонение просто опьяняло. Преклонение как основа общения возможно только между любящими людьми, теми, кто испытывает чувство первой влюбленности. Между Лили и Мао Цзэдуном возникли чувства взаимного притяжения. Они имели под собой устраивающую обе стороны основу – преклонение одного из партнеров перед другим. Если бы все это получило дальнейшее развитие, то вполне возможно, что Лили могла бы стать хозяйкой пещеры Мао Цзэдуна в Яньани, заменив там Хэ Цзычжэнь. Такая перспектива на некоторое время замаячила.

Ничего, однако, из этого не получилось. Можно делать разные предположения относительно того, что произошло между Лили и Мао Цзэдуном. Возможно, Лили просто ответила отказом на призыв Мао Цзэдуна жить с ним, не желая вступать в конфликт с Хэ Цзычжэнь. Но дело могло быть и сложнее. Нельзя исключать того, что Лили, пообщавшись с Мао Цзэдуном, поразмыслив о жизни в Яньани вообще, все-таки пришла к выводу, что все это – не для нее. Не будем забывать, что Лили была приобщена к культуре, весьма отличавшейся от той, которую предлагал Мао Цзэдун в своей Яньани.

Во всяком случае в реальной жизни не Лили, а другая, тоже актриса, но совсем иной человек, заняла место Хэ Цзычжэнь, опустевшую ячейку «под боком» у Мао Цзэдуна, стала хозяйкой в Яньцзялине, а потом перебралась в бывший императорский дворец Чжуннаньхай в Пекине, в павильон Цыгуангэ. Но об этом позже...

Лили же так и осталась лишь первой партнершей Мао Цзэдуна по танцам.

Заметим, Лили отнюдь не была единственной женщиной, к которой Мао Цзэдун проявлял интерес в этот год. Поговаривали, что в поле его зрения попала, в частности, известная писательница Дин Лин. Она была его землячкой и на 13 лет моложе Мао Цзэдуна. Тогда ей было 30 лет. Их встреча произошла как раз тогда, когда Хэ Цзычжэнь рожала Цзяоцзяо. Дин Лин хорошо запомнила, как Мао Цзэдун, расчувствовавшись, любил в беседах с ней рассуждать о себе самом как об императоре, а о своем женском окружении как об императорском дворе. При этом он отводил Хэ Цзычжэнь место императрицы Цыси³, а Дин Лин возводил в ранг второй жены императора. Этот эпизод был коротким и длился

³ Цыси (1835—1908) – маньчжурская императрица; была наложницей императора Сяньфэна, после смерти которого с 1863 по 1908 г. фактически стояла у власти в Китае.

всего несколько дней.

Одно время в Яньани распространился слух о том, что если уж, дескать, Чан Кайши обзавелся супругой, которая была американизированной китайкой, то наш-то Мао Цзэдун решил, как говорится, переплюнуть своего политического соперника и взять в жены самую что ни на есть чистокровную американку.

Хотя это были всего-навсего разговоры вокруг да около действительно имевших место событий, но причины для распространения таких слухов имелись, так как у Мао Цзэдуна все в том же 1937 г. возникли хотя и кратковременные, но довольно тесные отношения с прибывшей в Яньань из США, из штата Миссури, писательницей и журналисткой Агнессой Смедли.

Это была красивая американка высокого роста. Мао Цзэдун отметил в ней истинно мужскую красоту. Она же полагала, что во внешнем облике Мао Цзэдуна проступали своего рода женские черты, особенно округлый овал его лица, который, на ее взгляд, был чересчур женственным.

К моменту встречи Мао Цзэдун и Агнесса Смедли имели солидный опыт личной жизни. Им было по 44 года, и за каждым тянулся шлейф разнообразных связей.

Прибыв в Яньань, Агнесса Смедли отправилась с визитом к Мао Цзэдуну. Она не раз слышала, что это человек с причудами.

Ей пришлось подождать, затем появился солидный мужчина, который, как ей показалось, сразу же вселял чувство страха. Состоялось рукопожатие. Агнесса Смедли ощутила его руку. Она, к удивлению женщины, была большой и мягкой. При этом Мао Цзэдун не сжал ее руку, не стал трясти ее, а просто позволил Агнессе Смедли положить ее руку в свою ладонь.

Вблизи Мао Цзэдун показался Агнессе Смедли довольно крупным мужчиной, но вовсе не гигантских размеров, как рисовала его западная пресса. Его суконный френч был довольно поношенным. Ворот он по своему обычаю не застегивал. Как и на фотографиях, из-под френча выглядывала нижняя рубаша. Вероятно, он только что оторвался от работы, выглядел усталым.

Конечно, перед тем как брать у него интервью, Агнесса Смедли подготовила много вопросов, причем таких, которые могли быть интересны читателям во всем мире. Однако Мао Цзэдун сразу же разочаровал ее. Не дожидаясь, пока она что-то спросит, он сказал: «Вот тут совсем недавно одна китайка учила меня танцевать. Мне думается, что и ты могла бы со мной в этом деле попрактиковаться».

Пришлось танцевать. У Агнессы Смедли это получалось прекрасно. Мало того, она еще и вразумила Мао Цзэдуна, разъяснив ему, что танцуют сердцем, а не ногами, очевидно намекая на искусство танца своей соотечественницы Айседоры Дункан.

После нескольких встреч Агнесса Смедли почувствовала, что ее больше не тяготит это женоподобное или попросту бабье лицо. Она ощутила за внешней женственностью Мао Цзэдуна его упрямый характер, в котором не было ни грана женской уступчивости. Оказалось, что Мао Цзэдун умеет скрывать свои чувства, не идет на компромиссы, что в его характере много ярких красок. Он вел себя так, что становилось совершенно ясно: в мире для него существует лишь то, что, с его точки зрения, прекрасно, совершенно; если же в предмете его внимания обнаруживался некий изъян, он переставал существовать для него. (Мао Цзэдун инстинктивно считал совершенством себя; его эгоизм и эгоцентризм были столь для него естественны, что он их попросту никогда не замечал; именно это обрекало Мао Цзэдуна на одиночество, а людей, которые соприкасались с ним, – на страдания.)

Агнессе Смедли показалось также любопытным, что Мао Цзэдун позволял своим волосам расти как придется, как это диктовала сама природа. Он со своими распущенными волосами выглядел словно бродячий музыкант.

Они стали регулярно общаться. Отношения становились все более тесными. Они никогда не говорили о политике или о жизни вообще. Встречаясь, Мао Цзэдун и Агнесса

Смедли чаще всего рассуждали об искусстве танца. Мао Цзэдун на какое-то время стал фанатиком танцев.

Агнесса Смедли вела себя в его присутствии все более естественно. Ее свободная от буржуазной морали натура проявилась тут в полной мере. Она частенько похлопывала Мао Цзэдуна по плечу или, беря его под руку, прогуливалась с ним по берегу реки, чем повергала в полное изумление телохранителей. Такая фамильярность их шокировала. Агнесса Смедли позволяла себе при встречах целовать Мао Цзэдуна, будто все это происходило не в Китае с его канонами и устоями, а, скажем, в США или какой-нибудь Франции.

Впоследствии в своих воспоминаниях Агнесса Смедли писала: «Л. передала Мао записку, в которой выразила надежду, что он зайдет ко мне как-нибудь просто поболтать. Спустя некоторое время он пришел и принес кулек арахиса».

Ему понравилось в пещере Агнессы Смедли. Стены были свежевыкрашены. За окном виднелся старый фруктовый сад. Мао Цзэдун сидел в старом кресле, непрерывно курил одну сигарету за другой; при этом он втягивал в себя дым с лихим присвистом, производя удивительные звуки, как это делают крестьяне в некоторых частях Китая.

Однажды Агнесса Смедли заметила, что Мао Цзэдун как бы открылся сердцем, в его глазах промелькнуло чувство доверия. При этом лицо Мао Цзэдуна перестало быть бесстрастным. Улыбаясь, он высказался:

– Мне известно, что ты у нас женщина с авантюрным характером. Ты каждое мое слово донесешь до самой глухомани, до любой деревни на нашей планете. Вот потому-то я и не решаюсь говорить с тобой свободно!

Агнесса Смедли сидела при этом на пружинном диванчике. Она положила на шаткий столик свой блокнот и полушутливо сказала:

– Будет тебе трусить. Успокойся. Меня ведь в Америке знаешь как называют? Не иначе как святая Дева Мария от революции!

Мао Цзэдун метнул на нее взгляд. Потом сказал:

– Ну что тут скажешь. Вот со Сноу я могу говорить свободно. Ему я говорю то, что хочу сказать. Но ты-то, в конце концов, женщина. С тобой я просто никак не могу решиться поговорить...

– Почему же не решишься?

– Я никак не решусь поговорить с тобой о женщинах.

И тут Мао Цзэдуна словно прорвало. Он рассказал о своей первой, данной ему родителями, жене, потом о Ян Кайхой, о Хэ Цзычжэнь и т. д. Все это были истории очень личные. Он говорил и о детях. На столике между Мао Цзэдуном и Агнессой Смедли стояли две свечи. Столик шатался. Мао Цзэдун вышел во двор, принес камень, подложил под ножку, чтобы столик стоял устойчиво.

Агнесса Смедли не знала тогда, что Мао Цзэдун переживал кризис в своей личной жизни.

Он говорил о Ян Кайхой, погибшей семь лет тому назад:

– Мне бы так хотелось потанцевать именно с ней. Ведь только она одна, моя Зоренька, по-настоящему понимала меня. – Мао Цзэдун бормотал, глаза его застилала слезная пелена.

Агнесса Смедли, стараясь скрыть волнение, время от времени прихлебывала вино из своей кружки. (Заметим, беседы Мао Цзэдуна и Агнессы Смедли переводила У Лили. Это были, так сказать, встречи и беседы втроем.)

Вспоминая об этом разговоре, Агнесса Смедли признавалась, что тогда она не хотела выслушивать все эти душещипательные истории. Ей подавай что-нибудь о мировых делах. Ее мысли были там, где военные грузовики, где сражения, кровавые бинты, нацизм и т. п. Она вовсе не желала проникать в мир чувств Мао Цзэдуна.

Ей отчего-то показалось, что он не впервые рассуждает об этом.

Вдруг Мао Цзэдун без обиняков спросил:

– Агнесса, а ты любила мужчину? Почему, за что ты его любила? И что вообще любовь

значит для тебя лично?

Такое прямое выражение чувств было для Мао Цзэдуна крайне необычно. Это произошло явно после мучительной борьбы с самим собой. Его отношения с Хэ Цзычжэнь были практически разорваны. Казалось, этот мужчина нуждается в спутнице, в женщине, в подруге на долгие годы, причем в такой женщине, которая обладала бы способностью смотреть на вещи с большой высоты. Агнесса Смедли понимала, что она на это не способна. Интуитивно оба ощутили, что достичь полного взаимопонимания им не удастся. Эта американская женщина и этот китайский мужчина как личности были несовместимы. Слишком многое разделяло их.

Агнесса Смедли почувствовала себя отвратительно. И тогда она как бы повторила прием самого Мао Цзэдуна. Она предложила:

– Мао, давай лучше пойдем потанцуем.

Мао Цзэдун вздохнул, ничего больше не сказал. По-крестьянски тяжело ступая, пошел к дверям.

Они потанцевали. Когда танцевальный вечер в Яньцзялине закончился, стояла глубокая ночь. Мао Цзэдун уже освободился от своих желаний. Улыбаясь, он спросил партнершу:

– Ну как я сегодня танцевал?

– Великолепно! – ответила ему сметливая Агнесса Смедли.

Рассказывали и о таком случае. Однажды Мао Цзэдун танцевал с Агнессой Смедли, танцевал неуклюже и после танца поинтересовался у переводчицы: неужели же он так плохо танцевал, что Агнесса Смедли сказала, что он ведет ее столь тяжело, будто бы целых три лошади тащат одну телегу. Оказалось, что американка поблагодарила Мао Цзэдуна, сказав ему, когда они кончили танцевать, по-английски: «Большое спасибо». Мао Цзэдун не знал английского языка, и потому в его восприятии английские слова «Сэнк ю вери мач» преобразовались в высказывание на китайском языке: «Сань пи ма ла чэ». Мао Цзэдун решил, что Агнесса Смедли сказала именно по-китайски. С помощью У Лили недоразумение выяснилось.

Надо отметить, что Агнесса Смедли танцевала очень красиво. При этом она появлялась на танцевечерах вместе с весьма привлекательной У Лили. Все это приковывало к ним взоры одиноких мужчин. Мао Цзэдун, Чжу Дэ, Чжоу Эньлай и другие руководители поощряли Агнессу Смедли на то, чтобы она разнообразила танцевальные вечера. Она стала превращать их в некое подобие вечеринок, которые устраиваются на Западе. Агнесса Смедли верила, что этим мужчинам, пережившим тяготы продолжительного похода, необходимы развлечения, что им нужно место, где они могли бы расслабиться. Она также полагала, что танцевечера могли бы помочь разрушить те строгие запреты социального порядка, которые супруги навязывали руководящим деятелям КПК. Она принесла старый патефон и несколько американских пластинок. В марте 1937 г. в здании старого католического храма в Яньани Агнесса Смедли и У Лили открыли школу танцев. Мужчины из Красной Армии явились туда все без жен; вместе с ними пришли недавно приехавшие из Пекина и Шанхая молодые люди и девушки.

Эдгар Сноу писал, что Агнесса Смедли выросла среди ковбоев Запада. Она обожала «кантри мюзик» – американские народные песни и мелодии. Под эту музыку она и учила пришедших танцевать. Сначала мало кто из девиц осмеливался прыгать в этих танцах, построившись в квадрат. Чаще выходили плясать только мужчины. Агнесса Смедли говорила, что после каждого такого урока у нее ощущение, как будто бы ноги ей оттоптала целая дивизия. Напомним, ей было тогда 44 года. Волосы ее начали седеть, но энергии было как у ребенка. Она умела создать на этих танцевальных вечерах такое же оживление, как на первоклассных вечеринках где-нибудь в Нью-Йорке.

Агнесса Смедли играла с огнем, с пороховым зарядом. Но она как будто бы и не понимала этого. Она была упряма и не желала считаться с сопротивлением. Вне всяких сомнений, ее феминистская позиция относительно брака и свободы в отношениях мужчин и

женщин делала ее слепой. Танцевальные вечера накаляли атмосферу в яньаньских пещерах. Агнесса Смедли и ее очаровательная партнерша У Лили подвергались все более острой критике со стороны товарищей-женщин в Яньани. В июне 1937 г. ситуация достигла пика и прорвалась в крайне необычной форме. Агнесса Смедли рассказала о случившемся Эдгару Сноу, который описал это в записях, изданных уже после смерти Агнессы Смедли.

Яньаньские женщины начали примечать, что их мужчины ведут себя не столь послушно, как раньше. Они подозревали, что корень зла здесь Агнесса Смедли. С той поры они запрещали мужьям проводить время в беседах с американкой. Говорили, что жене Чжу Дэ, которая и сама была закаленным бойцом, не нравилось, что ее муж в одиночку навещал Агнессу Смедли и надолго засиживался в ее пещере. Кан Кэцин высказала свои мысли в разговоре с мужем. Чжу Дэ с улыбкой поведал об этом Агнессе Смедли. Та широко раскрыла от изумления свои серо-голубые глаза и спросила Чжу Дэ: «Да разве это не проявление буржуазной идеологии считать, что когда генерал и женщина находятся где-то вместе, то между ними может происходить только одна вещь?» Более всех невзлюбила Агнессу Смедли жена Мао Цзэдуна Хэ Цзычжэнь. Агнесса Смедли без обиняков заявляла, что Хэ Цзычжэнь живет как монашка в монастыре и совсем не готовится приобрести качества, необходимые супруге вождя революции. Она демонстрировала эту свою позицию, невзирая на недовольство Хэ Цзычжэнь. И хотя конкретных ссор между женщинами не возникало, накопилась немалая обида, переросшая в ненависть.

Агнесса Смедли любила подтрунивать над молодыми и боязливymi в семейной жизни членами партии. Полушутя она говорила им, что если уж они не способны освободить себя из-под женского ига, то почти наверняка не сумеют освободить Китай. Школа танцев Агнессы Смедли стала последней каплей. Взбешенные жены в конечном счете открыто выступили против нее.

Здесь мы не должны забывать о том, что Красная Армия лишь недавно завершила свой длительный переход. Многие погибли в том походе. Остались в живых всего несколько десятков женщин. И все это были либо теперешние, либо будущие жены руководителей Красной Армии.

Когда Яньань стала красной опорной базой, женщин – кадровых работников партии – можно было пересчитать по пальцам. Крестьянки из окрестных сел были политически отсталыми, да и внешне они не были привлекательны. Они не могли быть соперницами женщинам из КПК. Поэтому женщины-кадровые работники легко взяли в руки своих мужей. Тут безотказным и стопроцентно эффективным оказалось традиционное средство. Стоило только женщинам не подпускать к себе мужей, и они тут же достигали своих целей, мужчины тотчас соглашались подчиняться им. Некоторые женщины перестали обращать внимание на свою внешность, считая, что забота о длинных волосах – это буржуазные предрассудки. Поэтому они либо отпускали до безобразия свои волосы, ходили нечесаными, либо отрезали косы. Были среди них и женщины с маленькими ступнями, изуродованными бинтованием ног в детстве, они тем более были против всех этих новомодных танцулек.

В одном из своих писем Агнесса Смедли писала: «Мао говорил, что эти женщины не умеют танцевать, поэтому все они против танцев». Она также подчеркивала: «До сих пор я все еще так и не смогла с помощью танцев совратить, разложить Мао. Но девять из десяти за то, что это мне сделать удастся. Он хочет учиться танцевать и петь, что может ему понадобиться при выездах за границу. Поэтому он должен изучать новейшие танцы, в которых каждый движется самостоятельно. Я думаю, что если у него появится возможность путешествовать, он будет вынужден оставить жену дома. На протяжении нескольких последних недель у него наблюдается явный прогресс в стихосложении».

Эдгар Сноу отмечал, что ему ничего не было известно об У Лили, поэтому он и не мог понять намеки в письме Агнессы Смедли. Дело в том, что, говоря об упражнениях Мао Цзэдуна в стихосложении, Агнесса Смедли имела в виду развитие отношений Мао Цзэдуна с У Лили.

У Лили была звездой вечеров танцев и «вечеров дружбы». Как-никак она была первой

актрисой «Нового театра» в Яньани. Она играла главные роли в спектаклях западного репертуара. У Лили выглядела принцессой на фоне мужеподобных яньаньских женщин, она действительно могла соперничать с лучшими красавицами в истории Китая.

Беседы Агнессы Смедли с главными руководителями в Яньани переводила большей частью У Лили. Агнесса Смедли и Лили хорошо сотрудничали. Они сблизились, стали подругами и жили вместе в одной двухкомнатной пещере. У каждой была своя комната: у Агнессы в глубине, а у Лили – возле дверей. Часто, когда руководители без жен навещали Агнессу Смедли, чтобы по сути дела повидаться с Лили, Агнесса играла роль прикрытия компаньонки.

Стояла весна. Цвели яблони. Зеленели поля. После многолетних боев Мао Цзэдун получил возможность читать и писать свои политические и философские статьи. Но мало кому было известно о том, что когда солнце опускалось за вершины гор и перед тем, как начать работать по ночам, Мао Цзэдун еще и занимался стихосложением, выступая в качестве учителя и руководителя Лили. Он в сопровождении телохранителя приходил в пещеру Агнессы Смедли. Пили чай и рисовую водку, беседовали на различные темы. Мао Цзэдун проявлял огромный интерес к тому, как построена жизнь за рубежами Китая, подробно расспрашивал Агнессу Смедли о ее американской жизни. Интересовался тем, действительно ли она сама переживала такую же красивую, такую же романтическую любовь, какая описана Байроном или Шелли?

Агнесса Смедли рассказывала ему о своем браке, а также о том, как они с мужем как близкие люди и товарищи вместе боролись за свободу Индии. Говорила, что ее муж был истинной любовью в ее жизни. Мао Цзэдун пожелал узнать, какой смысл вкладывала Агнесса Смедли в слово «любовь», что это понятие означало для нее, как они с ее мужем выражали эту самую «любовь» в обывденной, в повседневной жизни, и как же так могло получиться, что они ссорились и дело дошло до развода, если брак связал их плоть и души.

Впоследствии Агнесса Смедли рассказывала: «Я была поистине поражена его просто детским интересом к этим вещам». Она также говорила мне, писал Эдгар Сноу, что Мао Цзэдун признавался ей, что не знает и не понимает, действительно ли может существовать такая классическая образцовая любовь, о которой он читал в западных романах? Он очень хотел понять и узнать, какова же она, в конце концов. «Среди людей, которых ему довелось встречать, я была, – утверждала Агнесса Смедли, – в его глазах первым человеком, который сам испытал такого рода любовь. Он будто бы чувствовал, что ранее в своей жизни что-то упустил, совершил какую-то ошибку. При этом создавалось впечатление, что У Лили пробудила в нем иллюзии, мечты о таком прекрасном высоком и благородном чувстве». При его беседах с Агнессой Смедли У Лили всегда играла роль только человека, который передавал слова от одного из собеседников другому. Поэтому можно высказать лишь предположение о том, что некоторые вопросы, которые Мао Цзэдун адресовал Агнессе Смедли, были заданы им самой У Лили.

Итак, однажды, придя в гости, Мао Цзэдун прочитал Агнессе Смедли свои стихи, посвященные Ян Кайхой. Американка поставила грампластинку с «Аве Мария». Под рукой был и перевод текста на китайский язык. Мао Цзэдун, слушая божественную музыку и прочитав перевод текста, расчувствовался, снова началась беседа о настоящей любви. Разрушив лирическую атмосферу, в пещеру вихрем ворвалась Хэ Цзычжэнь. Глаза ее метали молнии. Она набросилась и на Мао Цзэдуна, и на Агнессу Смедли, и на У Лили. Последней особенно досталось. Хэ Цзычжэнь напомнила им всем, что американок (она имела в виду Агнессу Смедли и жену Эдгара Сноу Ним Уэллс) пригласили в Яньань для того, чтобы они познакомились с Красной Армией и с взглядами компартии Китая, а не для того, чтобы устраивать «публичный дом».

Сцена завершилась тем, что Хэ Цзычжэнь увели телохранители, а Мао Цзэдун ретировался. Ним Уэллс предупредила Агнессу Смедли, что с Хэ Цзычжэнь шутки плохи, и что та, если войдет в раж и сочтет, что у нее отбивают мужа, может и пристрелить американскую женщину.

В том же 1937 г. из Яньани отбыла Агнесса Смедли; подальше от греха перевели и У Гуанвэй. Покинула Мао Цзедуна и Хэ Цзычжэнь.

Мао Цзедун говорил Эдгару Сноу, что он выслал из Яньани трех женщин: У Лили, Агнессу Смедли и Хэ Цзычжэнь. Хотя, по сути дела, он отделался только от одной – от своей жены Хэ Цзычжэнь.

Все это обсуждалось руководством партии. Мао Цзедун использовал ситуацию для того, чтобы фактически порвать отношения с Хэ Цзычжэнь.

Ним Уэллс кратко охарактеризовала сложившееся положение следующим образом: «Хэ Цзычжэнь открыто заявляла и нагло кричала, что застрелит Смедли». Это действительно привело к противостоянию революционерок со стажем в Яньани, с одной стороны, и Агнессы Смедли вместе с немногочисленными женщинами, которые приехали из городов и окунулись в деревенскую жизнь, с другой стороны. Хотя обе стороны были согласны с тем, что в новом обществе женщины должны быть экономически независимы, однако они давали разную оценку браку как социальному институту. Агнесса Смедли была уверена в том, что брак для всех женщин – это институт угнетения женщины. Старые революционерки в Яньани полагали, что моногамия, или институт, при котором речь может идти только о браке, где участвуют один муж и одна жена, это важная великая победа китайских женщин. Это прогресс, который следует оберегать, защищать и усиливать. Это прогресс в сфере культуры. Они не были готовы допустить систему или институт «свободной любви». В свое время, несколькими годами раньше, в советских районах в провинции Цзянси такого рода опыт был. В результате пострадали многие женщины. Само собой разумеется, что теперь, в Яньани, они были весьма огорчены тем, что Мао Цзедун столь легко получил разрешение на развод. Сейчас, обращая взоры в прошлое, кажется ясным, что именно та позиция, которую в этом споре заняла Агнесса Смедли, и ее западные действия в стиле «освобождения» женщин, «либерализации» и вызвали негативную реакцию, заставили руководителей партии найти пути, чтобы вынудить Агнессу Смедли покинуть Яньань.

Себя самого Мао Цзедун никогда не связывал никакими условностями и нормами, если говорить о существовании его отношений с женщинами. В то же время он исходил из абсолютной необходимости соблюдения всеми другими в его партии и государстве тех норм, которые представлялись большинству правильными. Позиции Мао Цзедуна и Агнессы Смедли разошлись.

Весной 1937 г. Агнесса Смедли подала заявление о вступлении в КПК. Заявление было отклонено. Затем произошел инцидент с Хэ Цзычжэнь и У Лили в пещере Агнессы Смедли. Это были тяжелые моральные удары. Агнесса Смедли осталась после этого в Яньани еще на два месяца. Она пыталась за это время как-то поправить положение. Продолжала занятия в своей школе танцев, развела сад в американском стиле, посадила присланные ей из США семена растений. Она также работала над книгой о Чжу Дэ.

В конце августа 1937 г. Агнесса Смедли упала с лошади, повредив позвоночник. Из-за этого ее отъезд из Яньани был отложен. До конца ее пребывания в Яньани к ней хорошо относился лишь Чжу Дэ, подаривший ей лошадку по имени Юньнань.

С Мао Цзедуном Агнесса Смедли больше не виделась. Высказывалась она о нем довольно остро и резко. Вот что она писала о нем в 1940-х гг.:

«В Яньани я видела Мао Цзедуна много раз. Или в той пещере, где он работал, или в других местах. Я ощущала, что очень трудно встретиться с ним взглядом. Отвечая на мои вопросы, он всегда начинал нести околесицу и уходил от ответственности. Несколько раз он просто не хотел отвечать. Мало того, я чувствовала, что он попросту не слушает меня. Уж и не знаю почему, но ему как будто бы не доставало уверенности в себе, хотя его известность и власть были несомненными. Я несколько раз присутствовала при его публичных выступлениях во время митингов. Дело происходило под открытым небом. Слушателей было неисчислимо множество. Он не обладает блестящим ораторским искусством. Он

начинает говорить так, как будто бы жует кашу во рту. Его трудно расслышать. Безусловно, ему об этом известно. Поэтому он всегда говорил короткими фразами, которые легче понять. При этом речь его была замедленной, и он часто делал паузы. Таким образом, первые несколько рядов слушателей могли передавать его первые фразы тем, кто находился позади. После этого вся аудитория разражалась бурными аплодисментами. Мао ждал, пока эти аплодисменты стихнут, и только после этого продолжал свою речь. Начиная свое выступление чрезвычайно спокойно, руки его при этом были неподвижны, однако потом руки и ноги его начинали ходить ходуном, а речь его становилась все более беспорядочной. Но это особой роли не играло, потому что полно и точно слышали его только первые ряды, те люди, которые были вблизи него; и как только ближайšie к нему начинали аплодировать, вся аудитория подхватывала эти хлопки. Это производило глубокое впечатление, потому что человек при этом чувствовал, что бы Мао ни сказал, он все равно будет выступать в качестве человека, который говорит от имени всех слушателей».

В сентябре 1937 г. Агнесса Смедли выехала из Яньани в Сиань. После падения с лошади у нее оказались повреждены и ноги, но переломов не было. Она рассчитывала в будущем снова повидаться с Чжу Дэ и Чжоу Эньлаем, считая, что они к ней хорошо относятся, но все это осталось только в ее мечтах.

* * *

Итак, в северной части провинции Шэньси, после окончания длительного перехода из центральных советских районов в Восточном Китае и рождения их пятого ребенка – дочери Цзяоцзяо, отношения между Мао Цзэдуном и Хэ Цзычжэнь непоправимо испортились.

Обратим внимание на некоторые обстоятельства. Мао Цзэдун любил молодых женщин. Его вторая жена Ян Кайхой и третья – Хэ Цзычжэнь были моложе его соответственно на 8 и 17 лет. Каждая беременела в среднем раз в два года. На каждую сваливалась непосильная ноша. Надо было везти на себе дом, семью, заботиться о Мао Цзэдуне в быту и в то же время оставаться его секретарем, помощницей в его делах. Конечно, в той степени, в какой он допускал это. В довершение надо было безотказно удовлетворять плотские желания мужа.

С обеими этими женами у Мао Цзедуна возник разлад в отношениях на одной и той же почве. Мао Цзэдун органически не мог терпеть, чтобы женщина была товарищем в его политической деятельности. Ян Кайхой и Хэ Цзычжэнь не мыслили своей жизни без участия в политической борьбе. Обе они были гордыми, а Мао Цзэдун просто не позволил им участвовать в деятельности партии наряду с ним.

В Яньани Хэ Цзычжэнь вдруг остро ощутила, что она никому больше не нужна. Партийная организация, куда она обратилась с просьбой дать ей работу, разъяснила, что пока для нее нет поручений. Партийная организация считала, очевидно подстраиваясь под настроения Мао Цзедуна, что Хэ Цзычжэнь может посидеть дома с ребенком и помогать Мао Цзэдуну, так сказать, в качестве домашней хозяйки. Мао Цзэдун советовал ей пока «почитывать труды Маркса и Ленина».

Через три месяца после рождения Цзяоцзяо, добившись согласия Мао Цзедуна, Хэ Цзычжэнь отдала дочь на попечение своей землячке Чжан Сюин, сотруднице специального кооператива при учреждениях ЦК партии, сама же пошла учиться на курсы при Университете Красной Армии. Здесь царил напряженный военно-трудовой ритм жизни. Курсантам приходилось заниматься и учебой, и военным делом, и физическим трудом.

Быстро дали знать о себе старые раны и многочисленные роды. Силы Хэ Цзычжэнь были подорваны, хотя было ей тогда всего 26 лет. Вечерами дома, в пещере, она просто без сил валилась на кровать, чувствовала, что голова у нее чудовищно распухает. Хэ Цзычжэнь стоически молчала, не жаловалась, крепилась. Ей очень хотелось быть как все. Однажды сокурсники обнаружили, что она отсутствует. Бросились ее искать, и нашли в отхожем месте, где она лежала, потеряв сознание. Врачи с большим трудом вернули ее к жизни. Хэ

Цзычжэнь пришлось со слезами оставить учебу в университете. Такое решение приняла все та же парторганизация.

Оказавшись в четырех стенах их семейной пещеры, Хэ Цзычжэнь почувствовала себя словно в тюрьме. Характер ее испортился до такой степени, что им с Мао Цзэдуном стало трудно находиться рядом в течение более или менее продолжительного времени.

Вот пример из их жизни в то время. Мао Цзэдун, как, впрочем, и Хэ Цзычжэнь, любил перец. Но он делал из перца просто культ. Иной раз он щеголял тем, что питается одним перцем. Мао Цзэдун был способен есть такой острый перец, что у других людей от него текли слезы и выступал пот. Но в тех северных китайских краях, где они жили, перец с юга страны был редкостью. Поэтому Мао Цзэдун болезненно реагировал на небрежное отношение к перцу. Как-то раз Хэ Цзычжэнь выбросила на помойку из пиалы уже заплесневевший стручок. Узнав об этом, Мао Цзэдун ужасно рассердился и даже грохнул о землю умывальный тазик.

Хэ Цзычжэнь зарыдала, начала орать на мужа, никак не могла остановиться.

Немалую роль в том, что происходило с Хэ Цзычжэнь, играло поведение Мао Цзэдуна. С одной стороны, он поставил дело таким образом, что партийную организацию, саму Коммунистическую партию Китая считал своей собственностью или вотчиной, где все должно было делаться согласно его воле. При этом партия должна была создавать условия для того, чтобы ее вождь всегда находился в рабочем состоянии, то есть решать все бытовые вопросы, в том числе и проблемы его половой жизни, чтобы Мао Цзэдун удовлетворял свои потребности и мог всегда быть предельно сосредоточен на решении партийных дел.

Да и сам Мао Цзэдун с некоторых пор стал считать себя великим человеком. Он и в самом деле обдумывал и решал очень важные вопросы, касавшиеся судьбы народа и страны, откладывая в долгий ящик обязанности мужа и отца, главы семьи. Они просто перестали существовать для него. Отношения с женой, вообще с женщинами существовали для него только как краткие паузы между его главными делами. Эти мгновения были необходимы и приятны, но они мелькали и уходили. Его жены, дети, отходили все чаще на второй план. Мао Цзэдун все больше и больше превращался в человека, не способного терпеть мелочи жизни, всего того, что отвлекало его от главного занятия, всего, что мешало выполнению им его великой миссии.

Однажды один из руководителей партии Бо Гу, будучи раненым, лежал и отдыхал в пещере Мао Цзэдуна. Мао Цзэдун позвал Хэ Цзычжэнь, велел ей приготовить лекарственный отвар для Бо Гу. В этот момент Хэ Цзычжэнь была поглощена чтением книги. Кроме того, в их доме находилась жена Бо Гу. Хэ Цзычжэнь пропустила мимо ушей слова мужа. Мао Цзэдун взорвался и заорал: «Да я тебя из партии выгоню!» Тогда Хэ Цзычжэнь, не проронив ни слова, молча выполнила его приказ, а затем замкнулась и надолго замолчала, перестав разговаривать с мужем. Мао Цзэдун был вынужден искать примирения. То, в каких выражениях он это сделал, тоже свидетельствовало о его характере: «Все дуешься? Да не стоит. Ты у нас как железо, а я – как сталь. Сошлись, вот и искры посыпались». Настроение у супругов улучшилось, но рубец остался. И такие рубцы накладывались и накладывались один на другой.

Наконец Хэ Цзычжэнь приняла решение. Она пришла в кооператив при учреждениях ЦК КПК навестить дочь. Хэ Цзычжэнь была в военной форме, в фуражке. Она явно куда-то собралась. Передав Чжан Сюин выстиранные вещи Цзяоцзяо и держа дочь за ручку, она сказала: «Сюин, поручаю тебе свое дитя. Позаботься о нем. Если с ребенком что-нибудь случится, обращай к председателю Мао».

Затем Хэ Цзычжэнь заговорила с девочкой: «Золотко мое, маме приходится уезжать. Надо мне ехать далеко-далеко. Я могу вернуться только очень нескоро. Будь хорошей, слушайся маму Чжан...» С этими словами Хэ Цзычжэнь поцеловала дочь и медленно ушла.

Она сама оставила Мао Цзэдуна. Этого никто не ожидал.

Формально, с точки зрения партийной организации, считалось, что Хэ Цзычжэнь должна поехать лечиться. Мао Цзэдун решил отправить ее в Шанхай. С такими намерениями

Хэ Цзычжэнь в конце 1937 г. уехала из Яньани и прибыла в Сиань, в представительство восьмой полевой армии, к руководителю КПК в этом городе Линь Боцюю.

В Сиани Хэ Цзычжэнь узнала, что Шанхай оккупировали японцы. Ехать туда было невозможно, но и возвращаться в Яньань она ни в коем случае не хотела. Хэ Цзычжэнь прекрасно сознавала, что в Шанхае она могла легко попасть в руки властей или ее могли сдать властям свои, а тогда она повторила бы судьбу Ян Кайхой. Мао Цзэдун если и не поступал прямо и жестоко со своими женами, то нередко оставлял их в крайне уязвимом положении. Зададимся вопросом: с какими целями он отослал Хэ Цзычжэнь именно в Шанхай, место крайне опасное?

Как бы то ни было, а Хэ Цзычжэнь не верила, что Мао Цзэдун может измениться, а их совместная жизнь наладиться. Когда Шанхай как место назначения отпал, Хэ Цзычжэнь решила ехать в Советский Союз. Туда многие отправлялись из Яньани по разным делам.

В январе 1938 г. представительство восьмой полевой армии в Сиани получило телеграмму, адресованную Хэ Цзычжэнь. Мао Цзэдун предлагал ей возвратиться в Яньань. Она было заколебалась. Линь Боцюй и другие сотрудники представительства уговаривали ее вернуться к Мао Цзэдуну. Однако Хэ Цзычжэнь приняла твердое решение ехать в СССР. Никто не посмел воспрепятствовать супруге председателя, прекрасно зная ее характер. Через несколько дней Хэ Цзычжэнь покинула Сиань и в конце января уже была в Москве. В СССР она сменила имя на Вэньин.

Прибыла она туда по линии Коминтерна, как член КПК, с направлением на учебу. Она опять с головой ушла в занятия, но состояние ее здоровья было неважным. К тому же она снова была беременна. Забеременела Хэ Цзычжэнь в середине 1937 г. в Яньани.

По прибытии в Москву Хэ Цзычжэнь получила письмо от Мао Цзэдуна. Он прислал ей также одеяло и книгу по философии. Хэ Цзычжэнь тут же ответила, обещав прилежно учиться. Их переписка этим и ограничилась.

* * *

Весной 1938 г. Хэ Цзычжэнь родила мальчика. Это был их шестой ребенок в браке с Мао Цзэдуном и третий сын. Вскоре младенец заболел. Молока у Хэ Цзычжэнь не было. При этом она еще и не доверяла врачам, не желала отдавать дитя в больницу. Хэ Цзычжэнь самостоятельно попыталась лечить сына лекарствами, привезенными ею из Китая. Но ребенок зачах и скоро умер. Хэ Цзычжэнь была в большом горе. Своего сына она похоронила в Москве.

Ее состояние стало еще более тяжелым, когда она узнала из печати о том, что Мао Цзэдун сошелся с Цзян Цин и фактически женился на ней, формально не разведясь с Хэ Цзычжэнь, зная, что она беременна, зная о рождении сына, о его болезни и смерти...

Хэ Цзычжэнь возненавидела Мао Цзэдуна и Цзян Цин. Внутри у нее все кипело, но внешне она была бесстрастна. Догадываясь, что Мао Цзэдуну доносят о каждой детали ее поведения, Хэ Цзычжэнь тем не менее бросила вызов бывшему мужу. Она первой из всех китаянок – членов КПК, находившихся в СССР, пошла в парикмахерскую и сделала перманент. Китайки, уходившие в революционную работу в XX веке, коротко стригли волосы. Так в свое время поступила и Хэ Цзычжэнь. Никогда до той поры китаянки не осмеливались завиваться. Это было против обычаев и традиций. Первой решилась на это Хэ Цзычжэнь. Она как бы доказывала, что ничто не сможет сломить ее воли.

Мао Цзэдуну донесли, что смерть младенца сказала на психике Хэ Цзычжэнь. Она почти перестала разговаривать с окружающими.

В начале 1939 г. Мао Цзэдун приказал отвезти в Москву к Хэ Цзычжэнь их дочь Цзяоцзяо. Этот, с одной стороны, человеческий поступок в отношении Хэ Цзычжэнь и Цзяоцзяо в то же время полностью освобождал Мао Цзэдуна от обязанностей мужа и отца, фактически узаконивал в глазах людей его отношения с новой женой Цзян Цин.

Взглянуть на эту ситуацию можно и по-иному. После смерти сына в 1938 г. Хэ

Цзычжэнь многократно обращалась к партии с просьбой разрешить ей вернуться в Китай. Эти письма Мао Цзэдун задерживал у себя. Он обратил все это в семейное дело. Ему представлялось совершенно невыгодным возвращение Хэ Цзычжэнь из Советского Союза в Яньань в тот момент, когда он только-только сошелся с Цзян Цин. Он решил задержать Хэ Цзычжэнь в Москве, а потому и отправил к ней Цзяоцзяо. Он создал ситуацию, при которой и дети от его брака с Ян Кайхой, то есть его сыновья Мао Аньин и Мао Аньцин, и его третья жена Хэ Цзычжэнь и ребенок от нее оказались далеко от Мао Цзэдуна, далеко от Яньани, а он теперь имел возможность как бы с чистого листа бумаги начать писать свою новую жизнь, на сей раз уже с четвертой женой.

В 1939 г. Цзяоцзяо, или «Прелесть», попала в Советский Союз. Наша страна почти на 10 лет стала ее второй родиной.

После начала Великой Отечественной войны Хэ Цзычжэнь с дочерью были эвакуированы из Москвы в Иваново. Жизнь их была тогда такой же тяжелой, как и быт всех наших соотечественников. Питались они по карточкам, часто сидели на хлебе и воде. Хэ Цзычжэнь подрабатывала надомницей по фабричным заказам для фронта: шила простыни, нижнее белье, вязала носки, фуфайки. Фактически на ее попечении оказались сразу трое детей Мао Цзэдуна: ее собственная пятилетняя дочь и двое сыновей Мао Цзэдуна от брака с Ян Кайхой – Мао Аньин и Мао Аньцин. При этом Мао Аньцин в связи с его душевным расстройством требовал особой заботы.

Цзяоцзяо простудилась и заболела воспалением легких. Хэ Цзычжэнь очень переживала за дочурку, так как именно от этой болезни умер ее сын всего три года тому назад. Цзяоцзяо была настолько плоха, что ее больную отправили во флигель детского дома, где было очень холодно, полагая, что девочка не выживет. Однако Хэ Цзычжэнь сумела унести дочь из детского дома, что было весьма непросто и запрещалось правилами (этот интернациональный детский дом был под особым надзором НКВД), и выходила ее, продав все, что только можно, чтобы на вырученные деньги вылечить и подкормить ребенка.

Затем ей снова пришлось отдать Цзяоцзяо в детский дом, но, ссылаясь на слабость едва оправившегося от воспаления легких ребенка, Хэ Цзычжэнь просила разрешить ей на ночь забирать дочку к себе домой. Директор детского дома категорически запретил это делать, Хэ Цзычжэнь поссорилась с ним. Тогда по настоянию администрации детского дома Хэ Цзычжэнь объявили невменяемой и отправили в психиатрическую лечебницу.

В сумасшедшем доме Хэ Цзычжэнь продержали около пяти лет. Только в 1946 г. ей удалось оказаться за его стенами. Да и то лишь в связи с тем, что по окончании Второй мировой войны Мао Цзэдун принял решение вернуть в Китай членов своей семьи, находившихся тогда в СССР. Соответствующее поручение было передано доверенному лицу, одному из видных деятелей КПК Ван Цзясяну, который находился тогда в Москве вместе со своей женой Чжу Чжунли, в прошлом личным врачом Мао Цзэдуна и ответственной за состояние здоровья высших руководителей партии и членов их семей.

Поначалу вышла некоторая задержка. Советские власти ни в какую не желали выписывать Хэ Цзычжэнь из психиатрической лечебницы. Однако Ван Цзясян и Чжу Чжунли заявили, что всю ответственность возьмут на себя. Чжу Чжунли даже подчеркнула, что она сама, будучи врачом высокой квалификации, берется определить состояние Хэ Цзычжэнь. После этого Хэ Цзычжэнь была отпущена из медицинского учреждения; ее вместе с дочерью поселили в Москве.

В 1946 г. Хэ Цзычжэнь и Цзяоцзяо, которой исполнилось уже 10 лет, пришли в гостинцу «Люкс» на тогдашней улице Горького в Москве, дабы впервые за долгие годы встретиться с посланцами Мао Цзэдуна.

Хэ Цзычжэнь и Цзяоцзяо были одеты так, как одевались в Советском Союзе. Девочка говорила исключительно по-русски. Мать была страшно заторможена и вообще почти ничего не говорила. С дочерью она общалась на ломаном русском языке. Заметим, Цзяоцзяо даже и не подозревала тогда, что она – дочь Мао Цзэдуна.

Ван Цзясяну и Чжу Чжунли было непросто наладить контакт с Хэ Цзычжэнь, хотя Ван Цзясян хорошо владел русским языком. В результате душевных потрясений, перенесенных страданий, пребывания в течение нескольких лет в психиатрической лечебнице Хэ Цзычжэнь в тот момент даже перестала понимать то, что ей говорили по-китайски. Она в течение продолжительного времени говорила на смеси русского и китайского языков. Цзяоцзяо изъяснялась, как уже отмечалось, только по-русски. Вообще же к середине 1940-х гг. из троих детей Мао Цзэдуна, находившихся в СССР, Мао Аньин был двуязычным, а Мао Аньцин и Цзяоцзяо практически не говорили и тем более не писали по-китайски. Все трое пережили Великую Отечественную войну. Это наложило отпечаток и на их мышление, и на их отношение к русским людям.

* * *

Возвращение в Китай сначала Мао Аньина (в 1946 г.), а затем и Хэ Цзычжэнь вместе с Цзяоцзяо и Мао Аньцином (в 1947 г.) было делом далеко не простым. О том, как Мао Аньин появился в Яньани, мы уже рассказывали.

Ван Цзясян подробно информировал Мао Цзэдуна о состоянии Хэ Цзычжэнь, предложив перевезти ее в Китай. Вопрос этот долго изучался. Только в 1947 г., спустя год после выхода из психиатрической лечебницы, с санкции Мао Цзэдуна Ван Цзясян и Чжу Чжунли вывезли по железной дороге из СССР в Маньчжурию Хэ Цзычжэнь с дочерью и Мао Аньцином.

Сначала Хэ Цзычжэнь и Цзяоцзяо разместили в Шэньяне. Шло время, вызова от Мао Цзэдуна не было.

Выполнив первую часть своего плана, то есть вывезя бывшую жену и дочь из СССР, изъязв их из-под опеки Сталина и сняв таким образом международный аспект ситуации, Мао Цзэдун на время отложил решение вопроса об их дальнейшей судьбе. Подготовить предложения было поручено ведомству политического сыска, а персонально Кан Шэну, который ранее докладывал Мао Цзэдуну о состоянии здоровья Хэ Цзычжэнь. На позиции Кан Шэна и на отношении к ситуации Мао Цзэдуна сказывались настроения Цзян Цин, которая, с одной стороны, была прочно связана с Кан Шэном многолетними узами дружбы, с другой стороны, спекулировала на возможности громкого скандала, если бы Мао Цзэдун решил вдруг расстаться с ней и снова сойтись с Хэ Цзычжэнь, пусть даже и формально. А такой вариант не исключался. Мао Цзэдун учитывал известность и авторитет Хэ Цзычжэнь среди руководителей партии. Дело затягивалось. Мао Цзэдун размышлял. В 1949 г. Мао Цзэдун на несколько месяцев отправил Цзян Цин лечиться в Советский Союз. Именно в отсутствие Цзян Цин Мао Цзэдун снова принял в свою семью Цзяоцзяо. Тогда же состоялась свадьба Мао Аньина и Лю Сыци.

Итак, в момент образования КНР Мао Цзэдун продемонстрировал свое хорошее отношение к фракциям Ян Кайхой и Хэ Цзычжэнь, упрочил свой авторитет внутри руководства партии и в глазах политической элиты страны.

Тем временем Хэ Цзычжэнь, вернувшись на родину, стала постепенно принимать участие в жизни государства. Она восстанавливала владение китайским языком, начала учиться, заново проходя программу средней школы, а далее и института. Ей тогда не было еще и 40 лет.

Цзяоцзяо только удивлялась упорству матери в учебе. Хэ Цзычжэнь советовала дочери непременно выучить китайский язык, который дочь совершенно забыла, но также наказывала помнить и русский язык. Мать хотела, чтобы дочь продолжала играть на фортепьяно. Цзяоцзяо начала учиться музыке еще в Советском Союзе.

Болезненное состояние Хэ Цзычжэнь время от времени обострялось. Тем не менее она попросила устроить ее на работу.

Парторганизация с санкции Кан Шэна и с ведома самого Мао Цзэдуна направила Хэ Цзычжэнь выполнять канцелярские обязанности в финансовых органах в городе Шэньяне. И

тут неожиданно для Хэ Цзычжэнь в Шэньяне появилась ее сестра Хэ И, с которой они расстались еще в 1934 г., пятнадцать лет тому назад.

Хэ И тоже была близким Мао Цзэдуна человеком. Напомним, в свое время Хэ Цзычжэнь познакомила Хэ И с младшим братом Мао Цзэдуна Мао Цзэтанем, за которого та и вышла замуж. Хэ И, как и ее сестра, была человеком весьма темпераментным.

Мао Цзэдун пригласил Хэ И к себе, поручив ей навестить сестру и предложить той отпустить Цзяоцзяо в Бэйпин к отцу. Он решил разделить вопросы о Хэ Цзычжэнь и о Цзяоцзяо. Хотя Мао Цзэдун к этому времени считал свой брак с Цзян Цин неудачным, а само сближение с ней непростительной поспешностью, он все-таки учитывал и возможную негативную реакцию в партии и в стране на его очередной разрыв с четвертой по счету спутницей жизни.

Мао Цзэдун предпочел улаживать это дело тихо. Цзян Цин оставалась при этом в положении его жены, хотя без афиширования и излишнего выпячивания этого факта, даже без объяснения во всеуслышание состояния его семейных дел. Он начинал свою деятельность в качестве главы КНР, так сказать, «без семьи». Партия, армия и население страны должны были видеть в нем только вождя!

Хэ Цзычжэнь отныне было решено считать больным, психически неуравновешенным человеком. Ей предоставили определенные жизненные блага и удобства (иной раз Мао Цзэдун делал вид, что Хэ Цзычжэнь живет за счет его гонораров, но на самом деле средства в этих целях выделялись на протяжении более 30 лет из партийного и государственного бюджетов), периодически отправляли на лечение и в санатории. К вопросу о ее отношениях с Мао Цзэдуном более не возвращались, удалив ее с его глаз. Попутно можно отметить, что все, что касалось жен и детей Мао Цзэдуна, его семейной и частной жизни, считалось высшей партийной и государственной тайной. Зачастую люди даже не знали, с кем они имеют дело, встречаясь с Хэ Цзычжэнь или Цзяоцзяо.

Хэ Цзычжэнь была вынуждена согласиться с таким решением Мао Цзэдуна, хотя, по сути, ее никто и не спрашивал.

Мао Цзэдун решил также использовать в этой комбинации и свою дочь от брака с Хэ Цзычжэнь Цзяоцзяо.

Поскольку речь шла не о сыне, а о дочери, сразу же отпадали все возможные соображения, связанные с будущей политической ролью наследника Мао Цзэдуна. С другой стороны, такой шаг, с точки зрения Мао Цзэдуна, как бы восстанавливал в глазах высших руководителей партии и престиж Мао Цзэдуна в той его части, которая касалась его отношений и с Хэ Цзычжэнь, и вообще с людьми эпохи 1920–1930-х гг.

С Хэ Цзычжэнь по ее возвращении в Китай Мао Цзэдун так и не встретился, в дальнейшем она жила вдали от Пекина, сначала в Тяньцзине, а затем большей частью в Шанхае, где лечилась и понемногу работала. Время от времени ее навещала дочь, приезжая на время каникул. Хэ Цзычжэнь с дочерью пересылала Мао Цзэдуна лекарства китайской медицины, которые, как она считала, могли пригодиться ему.

В 1950 г. Мао Цзэдун, будучи приглашенным в Шанхай, случайно увиделся с Хэ Цзычжэнь. Цзян Цин была этим очень недовольна. Мао Цзэдун вынужден был оправдывать свой поступок тем, что Хэ Цзычжэнь – его «товарищ по оружию».

Хэ Цзычжэнь еще пыталась работать. Она была председателем федерации женщин провинции Чжэцзян, затем заместителем заведующего отделом пропаганды шанхайского горкома КПК. Однако, в связи с ухудшением состояния ее психики, с 1954 г. она находилась на постоянном лечении. Жила затворницей. При ней находилась и ее обслуживала племянница Хэ Хайфэн.

В Шанхае время от времени ее навещал руководитель Восточного Китая Чэнь И, делая это по поручению Мао Цзэдуна и проявляя таким образом заботу о Хэ Цзычжэнь со стороны

партийного руководства. Впоследствии Чэнь И даже переселил Хэ Цзычжэнь в свой дом. Конечно, это делалось с целью максимально засекретить все сведения о Хэ Цзычжэнь.

В 1956 году совершенно неожиданно для Хэ Цзычжэнь ее посетил старый знакомый, министр обороны КНР маршал Пэн Дэхуай, тоже, как и Чэнь И, член Политбюро ЦК КПК. Он сделал это не по поручению Мао Цзэдуна, а по своей инициативе. Причем пришел пешком, а не приехал на машине. Хэ Цзычжэнь и Пэн Дэхуаи издавна связывали добрые отношения. Они ценили друг в друге прямоту и честность.

В 1959 г. Мао Цзэдун, находясь в Лушане во время известного совещания и пленума ЦК КПК, когда между Мао Цзэдуном и Пэн Дэхуаем проявились острые противоречия в политике, касавшиеся «великого скачка», совершенно неожиданно послал за Хэ Цзычжэнь, приказав тайно доставить ее к себе. Это было молниеносно исполнено. Хэ Цзычжэнь привезли из Шанхая. При ней были ее племянница Хэ Хайфэн и племянник Хэ Чунышэн.

Мао Цзэдун провел с бывшей женой целый вечер. Он угостил Хэ Цзычжэнь обедом; выпив по рюмке вина, они совершили вечером небольшую пешую прогулку, любуясь красотами Лушаня. Беседа их носила почти полностью личный характер. Мао Цзэдун попросил Хэ Цзычжэнь простить его. Хэ Цзычжэнь сказала: «Это все моя вина. Я тогда была слишком молода, слишком своевольна. Если бы я тогда тебя послушалась и не уехала в Советский Союз, то может быть...»

Они вспомнили о прошлом и расстались, теперь уже навсегда.

* * *

В отношениях Мао Цзэдуна и Хэ Цзычжэнь всегда так или иначе присутствовала политическая составляющая. Даже при этой тайной встрече в Лушане у нее оказался свидетель. Причем не кто иной, как маршал Пэн Дэхуай.

Как раз перед приездом Хэ Цзычжэнь в резиденцию Мао Цзэдуна в автомобиле с плотно зашторенными окнами Пэн Дэхуай беседовал с председателем ЦК КПК. Разговор их был резким, так как Пэн Дэхуай требовал от Мао Цзэдуна исправить бедственную для народа политику времен «великого скачка» и народных коммун, а Мао Цзэдун не желал прислушаться к предупреждениям Пэн Дэхуаи, к его словам о бесчисленных голодных смертях в стране; более того, Мао Цзэдун позволил себе в ответ на эти обвинения Пэн Дэхуаи заявить, что у дерева всегда бывают сухие, омертвевшие ветви (как это напоминает известное у нас выражение: лес рубят, щепки летят – все то же отношение к людям, все та же безжалостность, все та же бесчеловечная политика во имя сохранения власти над людьми). Пэн Дэхуай в крайнем волнении расстался с Мао Цзэдуном и, выйдя из гостиной, буквально лицом к лицу столкнулся с Хэ Цзычжэнь. Они обменялись приветствиями и разошлись, но Хэ Цзычжэнь слышала последние реплики из разговора Пэн Дэхуаи с Мао Цзэдуном. Во время встречи с бывшим мужем она, уловив благоприятный момент, посоветовала Мао Цзэдуну, очевидно по старой памяти, ценить Пэн Дэхуаи как честного, прямого и откровенного человека, коих очень мало. Мао Цзэдун не пожелал прислушаться к мнению Хэ Цзычжэнь, подчеркнув, что она теперь «не внутри» центральных руководящих органов партии и не разбирается в этих сложных вопросах.

После встречи в Лушане Хэ Цзычжэнь продолжала жить в Шанхае. Она вела довольно уединенный образ жизни, постоянно находилась под наблюдением врачей, так как приступы болезни повторялись. В последние годы жизни у нее отказали ноги, она передвигалась, сидя в специальном кресле-каталке.

Хэ Цзычжэнь так никогда и не побывала в Пекине при жизни Мао Цзэдуна. Прошли три года после его смерти. Цзян Цин была отстранена от власти и находилась под следствием. В сентябре 1979 г. Хэ Цзычжэнь привезли в Пекин. Ей даже не сообщили о том, что предполагается посещение Дома памяти председателя Мао Цзэдуна. Она же находилась в таком состоянии, что не очень интересовалась окружающим. Несчастливая женщина

слишком много перенесла в жизни. Вот и на сей раз ей предстояло сыграть роль статиста в политическом спектакле, который ставили совершенно чужие ей люди.

Лишь накануне посещения мавзолея Хэ Цзычжэнь сказали об этом. Она всю ночь не смогла сомкнуть глаз. Прошло 20 лет после того, как она в последний раз виделась с Мао Цзэдуном.

Хэ Цзычжэнь посетила усыпальницу Мао Цзэдуна в сопровождении дочери и зятя. Они катили ее кресло на колесиках. Сначала все трое долго стояли перед статуей вождя в траурном зале. Затем Хэ Цзычжэнь повезли в тот зал, где покоилось его тело. Медленно Хэ Цзычжэнь дважды обвезли вокруг саркофага.

Памятуя о том, что Хэ Цзычжэнь впервые была в Пекине, в плане ее пребывания в городе, составленном соответствующими партийными учреждениями, предусматривалась прогулка в парке имени Сунь Ятсена. Туда и привезли Хэ Цзычжэнь. Однако она, сославшись на усталость, сказала, что желает отправиться прямо в гостиницу.

Там Хэ Хайфэн спросила у Хэ Цзычжэнь:

– Тетя, где у председателя родинка? – При этом она нарочно показала на левую щеку.

Хэ Цзычжэнь поправила ее, указав на правую щеку. Сказала:

– Родимое пятно здесь.

Тогда племянница, которую не взяли в Дом памяти, спросила:

– Наверное, председатель очень полный?

Хэ Цзычжэнь улыбнулась:

– Да? Правда? Теперь он не может есть. Как же он может быть полным? В Цзинганшане был такой худющий.

Хэ Цзычжэнь умерла в 1984 г.

Глава пятая Дочь Цзяоцзяо

Дочери Мао Цзэдуна и Хэ Цзычжэнь в 1949 г. было 13 лет. Цзяоцзяо, после десятилетнего пребывания в СССР, практически в первый раз в своей сознательной жизни увиделась с отцом.

Цзяоцзяо была живым и умным ребенком. Ее отличала непосредственность, естественность поведения, унаследованная от матери. Она хорошо и с интересом училась. Внешне Цзяоцзяо была точной копией отца. У нее были такие же, как и у Мао Цзэдуна, брови, глаза, нос и овал лица. Мы уже упоминали о том, что говорила она тогда исключительно по-русски.

Узнав о том, что ей предстоит поездка в Бэйпин (так тогда назывался Пекин. – Ю.Г.), Цзяоцзяо тут же написала отцу по-русски письмо следующего содержания:

«Председатель Мао!

Мне все вокруг говорят, что Вы – мой родной отец, а я – Ваша родная дочь. Но, когда я была в Советском Союзе, я с Вами не виделась, да и не знала об этом. Скажите же мне, пожалуйста, правда ли, в конце концов, что Вы – мой папа, а я – Ваша дочь? Скажите мне поскорей, и только тогда я вернусь к Вам.

Цзяоцзяо».

Конечно, Хэ Цзычжэнь направляла перо дочери и требовала, чтобы Мао Цзэдун письменно подтвердил, что официально примет и признает Цзяоцзяо своей родной дочерью. Хэ Цзычжэнь только при таком условии соглашалась отпустить дочь к Мао Цзэдуну, отдать ее отцу. Тем более что в этом случае и положение самой Хэ Цзычжэнь обретало под собой более прочные основания, она оставалась матерью родной дочери Мао Цзэдуна.

Переводчик перевел Мао Цзэдуну письмо дочери. Мао Цзэдун отправил Цзяоцзяо срочную телеграмму:

«Прочитал твое письмо. Очень рад. Ты – моя родная дочь, а я – твой родной отец. С тех пор, как более 10 лет тому назад ты уехала в СССР, нам так и не довелось увидеться. Ты наверняка очень выросла? Папа скучает по тебе и очень тебя любит. Надеюсь, что ты как можно скорее вернешься ко мне. Я попросил товарища Хэ И съездить в Северо-Восточный Китай и привезти тебя. Я буду рад твоему приезду.

Мао Цзэдун».

Хэ Цзычжэнь перевела дочери текст телеграммы. Цзяоцзяо обрадовалась: «Папа прислал телеграмму! Я поеду к папе в Бэйпин!»

Хэ Цзычжэнь порадовалась за дочь, посетовала на то, что в свое время не прислушалась к мнению Мао Цзэдуна и уехала в СССР. Она попросила Цзяоцзяо передать от нее привет Мао Цзэдуну и наказала слушаться отца, заботиться о нем, не капризничать, не мешать ему работать и хорошо учиться в школе. До того времени Цзяоцзяо даже не подозревала, что она – дочь Мао Цзэдуна. Она тогда носила фамилию матери, звали ее Хэ Цзяоцзяо.

Хэ И привезла Цзяоцзяо на дачу Шуанцин, расположенную в горах Сяншань в окрестностях Бэйпина, где размещалась резиденция Мао Цзэдуна. (Сама Цзяоцзяо писала, что из Шэньяна они с Колей – Мао Аньцином – уезжали вместе с Юдиным, особо уполномоченным представителем Советского Союза. К Мао Цзэдуну их повез Юдин. Он подвел Цзяоцзяо к отцу и сказал: «Товарищ Мао Цзэдун, вот ваши любимые дети».)

Мао Цзэдун обставил встречу с дочерью, как спектакль, с участием необходимых, с его точки зрения, политических действующих лиц. Он пригласил к себе Чжоу Эньлай, ряд других руководителей ЦК КПК и сказал им: «У меня для вас припасено сокровище». Те начали гадать, что бы это такое могло быть. Ведь даже для них оставалось тайной все то, что происходило с Хэ Цзычжэнь и Цзяоцзяо, до этого момента они не знали о возвращении в Китай бывшей жены Мао Цзэдуна и его дочери.

Появились Хэ И с Цзяоцзяо. Увидев их, Мао Цзэдун громогласно возвестил: «Вот и сокровище. У меня есть дочь-иностранка. Вот, вот это она». На Мао Цзэдуна громадное впечатление произвел тот факт, что его дочь не понимала и не говорила по-китайски. Главным для отца, после десятилетней разлуки увидевшего свою дочь, оказалось то, что она «иностранка». Он так никогда и не смог в душе примириться с тем, что иностранцы такие же люди, как и китайцы.

Мао Цзэдун начал поочередно представлять ее присутствующим. Однако Цзяоцзяо ничего не понимала по-китайски. Ей стало не по себе, и она разразилась длинной тирадой на русском языке. Это была естественная реакция ребенка, причем девочки очень непосредственной и смелой.

Мао Цзэдун рассмеялся и сказал: «Ну, здесь нужен переводчик. Еще по-английски я чуть-чуть понимаю. А по-русски и совсем ничего. Вот тут у нас Чжоу Эньлай специалист, он разбирается». Мао Цзэдун полагал, что Чжоу Эньлай – это квалифицированный специалист по СССР и по России, а если так, то и русский язык он обязан знать в совершенстве. На самом же деле Чжоу Эньлай весьма слабо владел русским. Общению Цзяоцзяо с лидерами партии и страны тогда помог профессиональный переводчик, который, конечно же, был наготове.

Когда руководители ЦК КПК ушли, Хэ И сказала Мао Цзэдуну, что она, во-первых, привезла ему дочь, выполнила его поручение, и, во-вторых, хотела бы, чтобы он определил положение ее сестры Хэ Цзычжэнь.

Мао Цзэдун написал записку, которую Хэ И отвезла и передала сестре. В записке он посылал привет, а также писал, что при нем Цзяоцзяо будет хорошо, что девочка ему понравилась. Мао Цзэдун посоветовал Хэ Цзычжэнь беречь здоровье, ставить превыше всего интересы революции, других людей, и исходить не из собственных интересов, а из обстановки в целом. Иначе говоря, Мао Цзэдун намекал на то, что что-то определенно связывало и возможно еще связывает его и Хэ Цзычжэнь, но ситуация в партии и в стране

требует от них обоим сохранять статус-кво и возвращение к прошлому невозможно. Интересы политического плана были в этой ситуации главными, а среди них самым важным оказывалось, как и всегда, его собственное положение и авторитет, который следовало сохранять в непорочном виде, а потому личные чувства, в том числе и его отношения с Хэ Цзычжэнь, надо было подчинить другим интересам, «обстановке в целом».

(Цзяоцзяо писала о том, что она спросила Мао Цзэдуна: «Папа, а Цзян Цин не будет меня бить?»)

Мао Цзэдун в ответ спросил: «Дочка, кто тебе сказал, что Цзян Цин будет тебя бить?»

«Тетя сказала, что у Цзян Цин рука тяжелая. И в книжках я читала, что мачехи часто бьют неродных детей».

Мао Цзэдун раскритиковал Хэ И, считая, что она не должна была так говорить о Цзян Цин.)

Цзяоцзяо осталась при отце.

Девочка начала учиться китайскому языку. Во время прогулок с отцом она рассказывала ему о себе, перемежая свою речь русскими словами. Она часто приходила к отцу и спрашивала его, как будет то или иное слово звучать по-китайски. Ей очень нравилось играть с ним; Цзяоцзяо залезала под стол в его кабинете, пряталась там, а потом потихоньку выбиралась, закрывая ему ладонками глаза, спрашивая: «Угадай, кто это?»

Пришло время, и Мао Цзэдун решил, что пора дать ей взрослое имя. Он сказал: «Ты теперь выросла. Пойдешь в среднюю школу. Я дам тебе имя, пристойное для человека, который учится. Это имя будет заключать в себе глубокий смысл».

Мао Цзэдун взял классический канон «Беседы и суждения» Конфуция и указал на следующий пассаж:

«Конфуций сказал:

«Благородному человеку пристало быть осмотрительным, осторожным и неторопливым в речах и в то же время умелым, искусным, сообразительным в делах, то есть совершать поступки, исполненные глубокого смысла, свидетельствующие о мудрости и сообразительности».

Поясняя эти слова, он отметил: «Слово «нэ», например, означает, что человек говорит осторожно, медленно, с расстановкой, не торопится и проявляет осмотрительность. Слово «минь» многозначно». Мао Цзэдун открыл большой толковый словарь «Цы юань» («Истоки слов») и, указывая на пояснения к словарной статье «минь», произнес: «Минь» – означает «Искусная в делах». Таким, по его мнению, и должно было стать имя его старшей дочери. (Младшей дочери, то есть своей дочери от Цзян Цин, он дал имя «Нэ», то есть «Осторожная в речах».)

Мао Цзэдун также предложил старшей дочери принять в ее взрослой жизни фамилию Ли. Он пояснил, что из всех его псевдонимов ему больше всего нравится именно этот: Ли Дэшэн. При этом он рассказал дочери о том, что в марте 1947 г. Чан Кайши приказал своему генералу Ху Цзуннаню сконцентрировать двухсоттысячную армию и развернуть наступление на Яньань с целью уничтожения живой силы КПК. В этой связи Мао Цзэдун принял решение вести маневренные боевые действия, то есть по своей инициативе оставить Яньань. Так толковал он эти события, в ходе которых войска КПК были вынуждены оставить Яньань – опорную базу, где Мао Цзэдун провел десять лет своей жизни. Он также подчеркнул, что не считал, что следует бороться за каждый населенный пункт, и в то же время интерпретировал оставление Яньани как залог возвращения и освобождения в будущем и Яньани, и Нанкина, и Бэйпина (Пекина), и Шанхая, и страны в целом. Взятый им в тот момент псевдоним «Ли Дэшэн» Мао Цзэдун трактовал как изречение: «Покидая, побеждаем», или «Уйти, чтобы победить», «Отступить во имя победы».

Все эти разъяснения произвели впечатление на Цзяоцзяо, и она с радостью согласилась называться новым именем. С той поры она и стала зваться Ли Минь, то есть «Ли – Искусная в делах».

Ли Минь училась в пекинской средней школе имени 1 Августа. В этот день в КНР отмечается годовщина создания вооруженных сил КПК. Там обучались дети ответственных сотрудников аппарата ЦК партии, партийных и государственных руководителей высокого ранга. Мао Цзэдун обращал большое внимание на воспитание детей «своих людей»; к тому же собранные в одном месте дети руководителей находились под охраной и были ограждены от случайностей и несчастий. При Мао Цзэдуне формировалось то, что впоследствии получило в КНР наименование «партии наследных принцев», так как дети руководителей, подрастая, занимали ответственные посты в партийном и государственном аппарате. Еще в школе между ними завязывались тесные отношения.

Окончив среднюю школу, Ли Минь поступила на химический факультет Пекинского педагогического университета. У нее появился друг, соученик по школе Кун Линхуа. По окончании средней школы он стал студентом Пекинского авиационного института. Молодые люди после шестилетнего знакомства и дружбы решили пожениться. Ли Минь пришла к отцу и поведала ему об этом.

На сей раз, не в пример тому, что происходило с его старшим сыном Мао Аньинем, Мао Цзэдун сказал: пусть вопрос о браке решают сами молодые люди. На самом же деле, во-первых, речь шла не о сыне, а о дочери, и, во-вторых, пара, которую она себе подобрала, вполне устраивала Мао Цзэдуна. Очевидно специальные службы давно уже доложили Мао Цзэдуну об отношениях между Ли Минь и Кун Линхуа.

Ли Минь сообщила о разговоре с отцом своему жениху, который, естественно, очень обрадовался. Однако отец жениха засомневался, считая такой брак вряд ли возможным. Отца жениха звали Кун Цунчжоу. В 1930-х гг. он командовал артиллерией в войсках гоминьдановского генерала Ян Хучэна, который помог Мао Цзэдуну во время Сианьских событий 1936 г. и временного пленения Чан Кайши. Сейчас Кун Цунчжоу занимал пост заместителя командующего артиллерией НОАК. Очевидно старый генерал хотел лично услышать мнение Мао Цзэдуна.

Когда Мао Цзэдун узнал о сомнениях такого рода, он сам сказал Кун Цунчжоу: брак – это дело серьезное, в него вступают наши дети, вот пусть они сами и решают, а мы, родители, не должны мешать их свободному волеизъявлению.

У Кун Цунчжоу, естественно, не осталось больше сомнений.

Вскоре в доме Мао Цзэдуна, то есть в доме невесты, а не жениха, была устроена свадьба Ли Минь и Кун Линхуа. На торжество был приглашен весь клан Кун Цунчжоу. Мао Цзэдун предложил тост, пожелав молодым учиться друг у друга, помогать друг другу, идти вперед. Будучи в прекрасном настроении, Мао Цзэдун сфотографировался с молодыми и гостями. Свадьба состоялась 29 августа 1959 г.

После свадьбы молодые стали жить при Мао Цзэдуне, в резиденции руководителей партии и страны Чжуннаньхае.

По совету Мао Цзэдуна Кун Линхуа много времени отдавал изучению политэкономии, делая многочисленные и пространные выписки. Мао Цзэдун высоко ценил усилия зятя, давал ему консультации. Вообще говоря, в этом можно было усмотреть и нечто странное, ведь Кун Линхуа учился в авиационном институте, а не специализировался в области общественных наук. Но Мао Цзэдуна в этот период очень занимали вопросы политэкономии, и он заставлял молодого человека отдавать уйму времени занятиям именно этим предметом. Несомненно одно – зять понравился Мао Цзэдуну.

В 1962 г. у Ли Минь и Кун Линхуа родился мальчик Кун Цзиньин – первый внук Мао Цзэдуна. Мао Цзэдун был безумно рад этому событию, обнимал и целовал младенца. В 1972 г. родилась дочь Кун Дунмэй, внучка Мао Цзэдуна.

Цзян Цин была недовольна близостью Ли Минь к Мао Цзэдуну. Даже на свадьбу вместо двух одеял Цзян Цин велела выделить в качестве приданого Ли Минь только одно одеяло, а также подушку и покрывало. Она добивалась того, чтобы Ли Минь с семьей жила подальше от Мао Цзэдуна и предложила ей перебраться в город за стены Чжуннаньхая.

Ли Минь пришла с этим к отцу. Мао Цзэдун пофилософствовал: «Плоть, вне зависимости от того, где она находится, на внутренней или на внешней стороне кисти руки, это все равно плоть все той же руки». Мао Цзэдун как бы подтвердил, что продолжает считать Ли Минь своей любимой дочерью. Однако на практике Ли Минь с семьей пришлось-таки перебраться из дома Мао Цзэдуна в глухую часть Чжуннаньхуа. Иногда ей удавалось приходить к отцу, да он и сам разок-другой заходил посмотреть на внука.

Через некоторое время Ли Минь все-таки была вынуждена съехать из Чжуннаньхуа. Ее общение с отцом перестало носить постоянный характер, стало эпизодическим.

К началу «культурной революции» Ли Минь работала в управлении учебных заведений Госкомитета по оборонной науке и технике. Кун Линхуа преподавал в Пекинском авиационном институте.

В том же институте действовал один из главных вожakov студенческой молодежи, поддерживавших тесные связи с Цзян Цин и получавших указания непосредственно от нее, по имени Хань Айцзин. Именно он, выполняя поручение Цзян Цин, стал выступать с нападениями на Ли Минь, подчеркивая, что та не является дочерью Цзян Цин, а также заявляя, что муж Ли Минь Кун Линхуа – это, дескать, «бомба замедленного действия» под боком у Мао Цзэдуна и что их, дескать, обоих необходимо «выкорчевать».

Вот и икнулись Кун Линхуа занятия политэкономией под руководством Мао Цзэдуна, а Ли Минь сам факт ее существования – «какой-то», с точки зрения Цзян Цин, старшей дочери Мао Цзэдуна. Цзян Цин, всемерно стремясь использовать благоприятную для нее конъюнктуру, сложившуюся во время «культурной революции», хотела оборвать все связи Мао Цзэдуна с его другими родственниками и остаться в положении единственного близкого Мао Цзэдуну человека, его естественного наследника и преемника. При этом Цзян Цин использовала и то, что Мао Цзэдун не защищал своих родственников, обычно бросая их на произвол судьбы, не говоря уж о других людях, которые, казалось бы, могли рассчитывать на его человеческое участие и поддержку.

Хань Айцзин обрушился также с обвинениями в адрес заместителя председателя Госкомитета по оборонной науке и технике Чжун Чибина, ветерана КПК, потерявшего ногу во время Великого похода в 1930-х гг. Во время этого похода Хэ Цычжэнь своим телом прикрыла от разрывов авиабомб и пулеметного обстрела с самолетов раненого Чжун Чибина, сама получив при этом много ранений. И вот теперь, во время «культурной революции», одноногого Чжун Чибина, человека почтенного возраста и с большими заслугами перед Мао Цзэдуном, вытаскивали на митинги в Пекинском авиационном институте и там «вели против него борьбу», издевались над инвалидом и мучили его.

Ли Минь и Кун Линхуа решили пойти и рассказать об этом Мао Цзэдуну. Едва им удалось добраться до резиденции, они натолкнулись на Цзян Цин. Та сразу начала громко осуждать Ли Минь: «А, явилась, защитница императора (под «императором» она имела в виду председателя КНР и заместителя председателя ЦК КПК Лю Шаоци – главный объект политической борьбы, которую вел Мао Цзэдун. – Ю.Г.). Движение сейчас только-только силу набирает, только начинает разворачиваться; чего тут домой-то шастать? Что пришла, захотела разнюхать, выведать, чем тут пахнет?»

На шум вышел Мао Цзэдун. Он сказал о Ли Минь: «Ну что же, что она защищает императора. Ну пришла разузнать, как и что. Из-за этого дело раздувать не надо. Да что, в самом-то деле, во время проведения движения не допускается, что ли, даже дочери с отцом повидаться? Это просто черт знает что такое!»

Мао Цзэдун позвал дочь и зятя к себе, подробно расспросил их обо всем, а потом сказал ей и Кун Линхуа, что он против нападков на Чжун Чибина, что тот – «хороший человек». Мао Цзэдун велел передать эти его указания, что, собственно говоря, и спасло жизнь старому человеку.

В октябре 1969 г. вместе с другими работниками Госкомитета по оборонной науке и

технике Ли Минь выехала в провинцию Хэнань. Это объяснялось в документе ЦК КПК необходимостью рассредоточения сил в связи с мнимой угрозой нападения со стороны СССР. В Пекин Ли Минь возвратилась только после событий 13 сентября 1971 года, то есть после гибели Линь Бяо.⁴

В 1974 г. в КНР развернулось движение под лозунгом критики Линь Бяо и Конфуция. В этой связи Ли Минь с мужем решили поговорить с Мао Цзэдуном, высказать ему то, что накопилось у них на душе. В частности, сказать ему, что Цзян Цин выставляет себя перед людьми в качестве представителя Мао Цзэдуна, его воплощения, ведет себя так, как будто бы на нее нельзя найти управу; она везде пользуется особыми правами, нарушает принципы жизни партии, устанавливает свою диктатуру. Однако охрана не пустила даже одну Ли Минь к Мао Цзэдуну, очевидно выполняя инструкции руководства партии. Ли Минь пыталась пробиться к отцу, вопрошая: «Почему я не могу увидеться с папой? Вы что, проводя движение, разделяете плоть? Вот папа узнает и не согласится с вами. Вы его блокируете?» Ли Минь вернулась от ворот Чжуннаньхай домой и долго горько рыдала. Она годами не виделась с отцом. Она также не знала о том, что к этому времени Мао Цзэдун был столь тяжело болен, что руководство КПК приняло решение никого не допускать к нему. Конечно, определенную роль при принятии такого решения играла и Цзян Цин, хотя это было общее решение руководителей партии и страны. Сохранение партийно-государственной тайны, то есть сведений о состоянии здоровья Мао Цзэдуна, оказывалось, с их точки зрения, важнее, чем человеческие чувства.

Только когда в болезни Мао Цзэдуна наступил кризис, то есть уже в 1976 г., Ли Минь разрешили пройти в Чжуннаньхай и увидеться с отцом. Это оказалось возможным лишь тогда, когда всем стало ясно, что Мао Цзэдун вот-вот умрет.

При последней встрече Мао Цзэдун прошептал: «Что же ты, Цзяоцзяо, не навещала меня?» Дочь объяснила, что тут ставятся преграды. «Даже так? – удивился Мао Цзэдун. – Это не метод, надо покритиковать. Ты приходи почаще. Я о тебе вспоминаю!» Ли Минь пообещала: «Да я теперь через колючую проволоку прорвусь». Мао Цзэдун покивал, и свидание на этом закончилось. Больше Ли Минь отца живым не видела.

После его смерти Цзян Цин разрешила Ли Минь только однажды поклониться телу отца. Ли Минь гневалась, но ей оставалось только одно: в знак протеста у себя дома она специально отвела место для поминовения усопшего, поставила там портрет отца, положила цветы, сделала траурные надписи, посвящения от всей своей семьи.

Все поведение членов семьи Мао Цзэдуна и при его жизни, и в период его болезни, и после его смерти было строго регламентировано. В этом отразилась и воля Мао Цзэдуна. Выше мы уже рассказали о посещении Хэ Цзычжэнь, Ли Минь и Кун Линхуа Дома памяти председателя Мао Цзэдуна.

ЦК КПК принял специальное решение, в соответствии с которым проявляется забота о бытовой стороне жизни Ли Минь и Кун Линхуа. Они живы и сейчас; их сыну, внуку Мао Цзэдуна, уже 44 года; он женат; его жену зовут Шэнь Жун. Дочь Ли Минь и Кун Линхуа Кун Дунмэй в мае 2001 г. получила ученую докторскую степень в США.

* * *

Мао Цзэдун был знаком со своей тещей, госпожой Хэ, матерью Хэ Цзычжэнь. Госпожа Хэ была тем, что в Китае того времени называли «революционной мамой». Она разделяла идеи революционеров, помогала молодежи. Она содержала книжный магазин, прятала там гектограф. Многие печатные издания и документы различных учреждений советского района в провинции Цзянси были отпечатаны именно там.

⁴ *Линь Бяо* (1907—1971) – видный китайский политический деятель; занимал ответственные посты в КПК и армии, одно время даже считался преемником Мао Цзэдуна; несогласный с политикой, проводимой Мао Цзэдуном, попытался тайно покинуть страну, воспользовавшись самолетом, но погиб в авиакатастрофе.

Госпожа Хэ была рада за свою дочь, когда с ней соединил свою судьбу Мао Цзэдун. Он был в те времена очень тощим. Госпожа Хэ подкармливала его, приносила ему и дочери поесть и выпить. Благодаря заботе тещи Мао Цзэдун выровнялся, перестал отличаться чрезмерной худобой. На лице его заиграла кровь. Вот только волосы оставались длинными. Однако они лежали в порядке, больше не были спутанными. У Мао Цзэдуна была тогда на спине большая не заживавшая рана, появившаяся в антисанитарных условиях, в которых он долго жил. Госпожа Хэ достала народное средство и вылечила зятя.

Осенью 1934 г. Мао Цзэдун и Хэ Цзычжэнь должны были уйти в длительный поход. Теща не спала всю ночь. Она латала дыры на одежде зятя. Делала она это так искусно, что на залатанном месте получилась алая звезда. Прощаясь с дочерью и зятем, госпожа Хэ ничего не сказала, лишь взяла руку дочери и руку зятя в свои ладони и долго молча смотрела на них. Вскоре после ухода Мао Цзэдуна и Хэ Цзычжэнь враги компартии убили госпожу Хэ. Мао Цзэдун вместе с Хэ Цзычжэнь переживал ее смерть. Он ронял слезы и читал строку из своих же стихов: «Теща моя – ты мне тоже как мать».

Глава шестая

Цзян Цин

Четвертой женой Мао Цзэдуна стала Цзян Цин. Это произошло в 1938 г., то есть несколько месяцев спустя после того, как третья жена Мао Цзэдуна Хэ Цзычжэнь уехала в Советский Союз. И на сей раз Мао Цзэдун начинал новые отношения, вступил в очередной брак при живой предыдущей жене, формально даже не разведясь с ней.

Цзян Цин была родом из провинции Шаньдун. О ее родителях известно немного. Она любила свою мать и была многим обязана ей. Из какой семьи была ее мать, как была ее фамилия – этого сегодня, кажется, никто не знает. Известно лишь, что мать Цзян Цин родилась в семье человека, который служил в одном из учебных заведений в столице провинции Шаньдун городе Цзинани.

По неизвестным причинам мать Цзян Цин была вынуждена выйти замуж за плотника Ли Дэвэня, человека, который был на 30 лет старше ее. Он отличался вспыльчивым характером, часто напивался и ввязывался в драки. Будучи пьяным, он частенько бил свою жену, то есть мать Цзян Цин. В результате таких побоев она даже лишилась пальца на руке.

Первая жена Ли Дэвэня умерла, оставив ему двух детей. Таким образом, у Цзян Цин были старший сводный брат Ли Ганьцин и старшая сводная сестра Ли Юнься, или Ли Юньлу. Отец не питал никаких чувств к Цзян Цин, дети вообще были ему безразличны. Случалось и так, что мать привязывала родную дочь к спине и бежала из дома, спасаясь от побоев пьяного мужа.

Мать любила всех детей: и родную дочь, и двух приемных детей. Она делала все для того, чтобы Цзян Цин выучилась и вышла в люди.

В середине 1920-х гг. Ли Дэвэнь заразился оспой и умер. Матери Цзян Цин стало жить еще труднее. Но она все же хотела, чтобы Цзян Цин училась. Желая обеспечить ее образование, мать снова пошла в жены к некоему землевладельцу, который хотел иметь наследника, а его законная жена и наложницы никак не могли родить ему сына.

Выйдя замуж за Мао Цзэдуна, Цзян Цин рассказывала ему о горестной судьбе своей матери, на что он неоднократно говорил, что когда будет создана КНР, он обязательно возьмет тещу в свой дом, в Пекин. Однако случилось так, что в декабре 1948 г., вскоре после того как части НОАК вошли в Цзинань, мать Цзян Цин умерла.

Мао Цзэдун отправил в Цзинань вместе с Цзян Цин своих телохранителей, чтобы достойно похоронить тещу. Поездка была сложной из-за трудностей военного времени. Ехали долго на перекладных. Когда прибыли в Цзинань, оказалось, что умершую уже похоронили. Цзян Цин установила на ее могиле памятник, на котором высечены слова Мао Цзэдуна, написанные его почерком: «С болью скорбим об умершей матери».

Цзян Цин родилась в 1914 г. К моменту знакомства с Мао Цзэдуном, то есть в 1938 г., ей было 24 года, в то время как ему 45 лет.

За предшествующие годы Цзян Цин успела много раз поменять имя, что было связано с различными перипетиями как ее личной жизни, так и ее артистической карьеры. Вот неполный перечень ее фамилий, имен, псевдонимов: Лунь Шумэн, Ли Цзиньхай, Ли Юньхэ, Ли Цинъюнь, Лань Пин, Лань Пинь, Ли Шучжэнь, Чжан Шучжэнь, Ли Цзинь и, наконец, Цзян Цин – имя, под которым она вошла в историю.

Цзян Цин в одежде предпочитала голубоватые и синеватые тона. Ее сценическое имя Лань Пинь, или Лань Пин, означало «Голубая Марсилия», или «Голубое Яблоко».

В последний раз Цзян Цин изменила имя, когда начала сожительствовать с Мао Цзэдуном. Этим она как бы подчеркивала, что меняет свою жизнь. Тогда она и приняла имя Цзян Цин, что в переводе на русский язык означает «Голубая Река». Возможно, имя это явилось плодом совместного творчества Мао Цзэдуна и Цзян Цин, либо, что более вероятно, Мао Цзэдун сам нарек свою новую подругу. Ему нравилось давать имена. В классической китайской поэзии есть образ «бесчисленных голубых гор на поверхности реки», или «голубого миража». Мао Цзэдун, будучи большим знатоком китайской классической поэзии, мог использовать именно образ «Голубого Миража», давая имя своей подруге жизни. Вряд ли тогда об этом подозревала не столь сведущая в древней поэзии Цзян Цин.

К моменту встречи с Мао Цзэдуном Цзян Цин имела за плечами богатый опыт театральной жизни и несколько скоротечных и более или менее длительных романов. Знакомства ее были поистине удивительными.

Цзян Цин, как свидетельствуют некоторые источники, еще в детские годы видела в доме своих родственников или знакомых Чжао Жуна, тоже шаньдунца, как и она сама, человека, который впоследствии, находясь в Советском Союзе и живя там под фамилией Каншин (которая в Китае преобразовалась в зловещее имя Кан Шэн), вошел в историю как «китайский Берия» или «сущий дьявол».

Одним из сожителей Цзян Цин оказался видный функционер КПК, близкий как к Кан Шэну, так и к Чжоу Эньлаю человек по имени Юй Цивэй, впоследствии он был известен как Хуан Цзин. Именно по его рекомендации Цзян Цин в 1933 г. и приняли в КПК. За причастность к деятельности Компартии Китая Цзян Цин тогда же отсидела в тюрьме около двух месяцев.

После этого она в течение некоторого времени жила с Юй Цивэем, а потом была сыграна ее свадьба с известным театральным деятелем Тан На. Правда, при этом Цзян Цин умудрилась не подписать брачный контракт. Тан На так глубоко переживал тот факт, что Цзян Цин была готова жить с ним, но не оформлять отношения брачным свидетельством, что пытался покончить жизнь самоубийством. Вскоре Цзян Цин рассталась с Тан На. Кстати сказать, Тан На считал, что Цзян Цин, если она того захочет, способна заполучить весь мир. Она не ведала сомнений на свой счет. Ее партнеры-мужчины были выдающимися людьми.

Таким образом, формально Цзян Цин до встречи с Мао Цзэдуном в браке не состояла, хотя фактически побывала замужем трижды: за другом своей юности по фамилии Фэй, за Юй Цивэем и, наконец, за Тан На. Иными словами, и для Мао Цзэдуна и для Цзян Цин их брак был четвертым по счету для каждого.

Пожалуй, важно отметить, что Цзян Цин, не получив систематического образования, сама пробивалась по жизненному пути. При этом она проявила недюжинные артистические способности. В частности, в одном из шанхайских театров она сыграла Нору в спектакле по пьесе Г. Ибсена «Кукольный дом», а ее партнером в этом спектакле был выдающийся китайский артист Чжао Дань. Кроме того, она появилась и на киноэкране в нескольких кинофильмах. Одним словом, если не звездой первой величины, то видной актрисой она, безусловно, была.

Цзян Цин добивалась успехов благодаря не только своим способностям, но и при помощи своих неоднократно менявшихся друзей и покровителей. Отличаясь сильным

характером, Цзян Цин была еще и очень высокоорганизованным человеком. Ее выделяли пунктуальность, точность, любовь к порядку.

Она проявляла заботу о своем здоровье и внешнем виде. Одета всегда была очень продуманно, конечно, с учетом условий места и времени. Ее прекрасные густые и длинные волосы были хорошо ухожены. В молодые годы она не только скакала на лошадях, но и сама объезжала горячих скакунов (именно во время скачки, соревнования, которое она же и затеяла, Чжоу Энлай был сброшен с коня и повредил себе на всю жизнь руку). Она всячески пыталась произвести благоприятное впечатление на военачальников, окружавших Мао Цзэдуна. После образования КНР в распорядке дня Цзян Цин были неперенные занятия физкультурой. В холодное время года она обычно на несколько месяцев перебиралась на юг страны, в провинцию Гуандун. В общем Цзян Цин, что называется, умела «держат форму». Она была чрезвычайно восприимчива к тому, что ей доводилось читать или слышать, и постепенно стала довольно начитанным человеком. У нее были разнообразные знания во многих областях жизни.

Цзян Цин всегда тянулась к Западу. Не случайно именно Нора была ее любимой героиней, а свою дочь, которой Мао Цзэдун дал имя Ли Нэ, она называла на западный манер Лина или Лила. Ей нравилось носить костюмы и платья западного покроя. Она любила западную музыку, неплохо разбираясь в музыке вообще, предпочитала американские кинофильмы.

Когда Цзян Цин встретила с Мао Цзэдуном, при ней были и относительная молодость и в то же время достаточная опытность; она умела покетничать, но была умна, превосходя умом многих женщин, которых ранее встречал Мао Цзэдун, в том числе и его прежнюю жену Хэ Цычжэнь (во всяком случае, именно так оценивал Хэ Цычжэнь и Цзян Цин сам Мао Цзэдун). Цзян Цин была способна толково и точно выполнять канцелярскую работу, обязанности личного секретаря Мао Цзэдуна. Одним словом, это была нового типа женщина для Мао Цзэдуна, который уже тяготился своей боевой подругой Хэ Цычжэнь.

Цзян Цин была также хитра и расчетлива. Трудно сказать, любила ли она Мао Цзэдуна в действительности, но создать впечатление, окружить его заботой, организовать его быт – в этом она оказалась мастером.

В первое время, еще не заняв прочно места «законной супруги» Мао Цзэдуна, она, конечно, не проявляла таких своих качеств, как честолюбие, склоность, двурушничество, не показывала свой дурной характер. Однако потом она часто вела себя так, как будто бы ее постоянно что-то подмывало на дразги и скандалы. Цзян Цин ссорилась практически со всеми людьми, которые ее окружали, особенно угнетая прислугу, тех людей, которые от нее зависели. Она была очень мнительным человеком. Вряд ли она доверяла кому-нибудь, кроме себя. Но все это, повторимся, стало проявляться постепенно, а в первый момент Цзян Цин удалось ослепить Мао Цзэдуна своей красотой, молодостью, быть удобной подругой и в быту, и в сложной внутриполитической обстановке в партии.

Цзян Цин в те первые годы не стала политическим компаньоном Мао Цзэдуна, да это было и невозможно. И все же она довольно скоро начала внушать Мао Цзэдуну мысль о том, что «кое-кто» в партии, дескать, выступает с нападками на ее прошлое, на ее личную жизнь в театре и в кино, причем делает это, имея своей главной целью не нанесение ударов по «ничтожному секретарю» при Мао Цзэдуне, а для того, чтобы подорвать авторитет самого Мао Цзэдуна. По целому ряду причин между Мао Цзэдуном и Цзян Цин стали возникать ссоры. Мао Цзэдун сурово отчитывал Цзян Цин; она в такие моменты никогда ему не возражала, прикидываясь несчастной и обиженной в своих лучших чувствах.

Цзян Цин полагала, что Хэ Цычжэнь не смогла разделить политические убеждения Мао Цзэдуна, сама же она идеально отвечает такого рода требованиям. С точки зрения Цзян Цин, политический мир ее мужа и ее самой был совершенно одинаковым. Действительно, по сути своей политические взгляды и подход к политике, к вопросам внутрипартийной борьбы

были у Мао Цзэдуна и Цзян Цин весьма близкими. Тут они могли хорошо понимать друг друга. Это особенно проявилось во время «культурной революции». Цзян Цин прошла путь от женщины, помогавшей Мао Цзэду решать бытовые вопросы, до политического союзника, его политической опоры. Это тем более поражает, что после 10 лет жизни с Цзян Цин Мао Цзэдун перестал сначала питаться вместе с ней, а потом и спать с ней, фактически они разъехались, хотя и до и после этого Цзян Цин всегда старалась не мешать, не возражать, не ревновать, а даже помогать Мао Цзэду в тех случаях, когда он стремился «пообщаться», так сказать, накоротке с молодыми женщинами или девушками.

До 1949 г., да и позднее, Цзян Цин именовали обычно «товарищ Цзян Цин», и лишь 29 сентября 1962 г. впервые в официальной печати, в органе ЦК КПК газете «Жэньминь жибао», появилось имя Цзян Цин, при этом было сказано, что это – «супруга Мао Цзэдуна». Очевидно, люди из «ближнего круга» Мао Цзэдуна, члены руководства партии Линь Бяо, Кан Шэн, Кэ Цинши, подыграв настроениям Мао Цзэдуна (кстати сказать, это же делал и Чжоу Эньлай, по предложению которого в 1956 г. Политбюро ЦК КПК назначило Цзян Цин одним из пяти секретарей Мао Цзэдуна в ранге заместителя министра), сумели внушить ему мысль о том, что Цзян Цин может стать нужным ему человеком в борьбе против такой супружеской пары, какую представляли собой тогдашний председатель КНР Лю Шаоци и его жена Ван Гуанмэй. В этой связи можно также отметить, что впервые в той же газете «Жэньминь жибао» в ноябре 1964 г. появилась формулировка: «председатель Мао Цзэдун с супругой Цзян Цин, председатель Лю Шаоци с супругой Ван Гуанмэй».

Вернемся, однако, к истокам, то есть ко времени знакомства Мао Цзэдуна и Цзян Цин. Мао Цзэдун время от времени считал нужным появляться перед различными аудиториями в Яньани и излагал собравшимся или, вернее, собранным в порядке партийной дисциплины людям свои взгляды по тому или иному вопросу. Когда он выступал в институте искусств имени Лу Синя, а это было учреждение, где ковались кадры работников идеологического фронта и культуры, ему бросилась в глаза слушательница, сидевшая в первом ряду и буквально ловившая каждое его слово. Она задала вопрос, признанный Мао Цзэдуном очень толковым. Это и была Цзян Цин. Ей очень хотелось быть замеченной Мао Цзэдуном. И это ей удалось.

Спустя совсем немного времени Цзян Цин вызвали в распоряжение учреждений ЦК КПК, где с ней побеседовал и познакомился поближе Мао Цзэдун. В августе 1938 г. Цзян Цин перевели работать секретарем-архивариусом военного совета ЦК КПК, она стала находиться при Мао Цзэдуна почти круглосуточно.

Далее все развивалось как бы естественным путем, если говорить о соответствии происходившего характеру и желаниям Мао Цзэдуна, умелому поведению Цзян Цин и общей ситуации вокруг Мао Цзэдуна в руководстве КПК. Мао Цзэдун установил в КПК, отражая общие взгляды своих коллег по руководству, такие порядки, при которых партийная организация руководила «делами спальни» (желавшие вступить в брак члены партии писали заявления и испрашивали разрешения на это у парткома), а мужчина, безусловно, главенствовал в отношениях с женщиной; половые отношения подчинялись интересам политического свойства.

Само вступление в сожительство произошло очень грубо и просто и чем-то напоминало то, что в свое время, примерно десять лет тому назад, случилось между Мао Цзэдуном и Хэ Цзыжэнь. Как-то раз после рабочего дня Мао Цзэдун сказал Цзян Цин: «Сегодня не уходи. Переночуешь здесь. Хорошо?» Вопрос в стиле Мао Цзэдуна. Вопрос риторический, требовавший не ответа, а подчинения. Цзян Цин никогда ранее не была пассивной в отношениях с мужчинами. Но тут Мао Цзэдун, не дожидаясь пока она что-нибудь скажет, двинулся к своей уникальной широченной деревянной кровати, и Цзян Цин оставалось только последовать за ним.

Шло время. Все делали вид, что происходившее между Мао Цзэдуном и Цзян Цин никого, кроме них самих, не касается. Мао Цзэдун просто получил женщину своей мечты.

Она не была требовательной, не боролась за равноправие в отношениях с мужчиной-партнером, даже не поднимала вопрос о браке. Другие руководители ЦК партии уже тогда не решались по своей инициативе заговаривать с Мао Цзэдуном на такие щекотливые темы, делали вид, что это вроде как бы самый естественный и безболезненный выход из ситуации, когда Мао Цзэдуну требовалась женщина, а в его положении решать такие вопросы втайне от парторганов и от службы безопасности было никак нельзя. Не будем забывать, что жили они все тогда в малюсеньком городке, в буквальном смысле слова «на одном пяточке», скрыть амурные связи здесь было невозможно.

Однако настал момент, когда Цзян Цин обрядилась в широченный френч, именовавшийся «кителем ленинского покроя». С одной стороны, в нем удобно разместить свой все более заметно выпиравший живот, с другой же, напротив, он позволял продемонстрировать окружающим то, что произошло: смотрите, люди, я понесла от Мао Цзэдуна!

Цзян Цин внезапно ощутила, что она вправе утвердиться в положении если не официальной, то фактической супруги Мао Цзэдуна. Посоветовавшись предварительно с Мао Цзэдуном, она вошла как-то раз в комнату, где заседали руководители партии, и объявила во всеуслышанье: «А у меня для вас хорошая новость: мы с председателем теперь живем вместе». Никто, естественно, публично не возразил. Демарш Цзян Цин в присутствии и с благословения Мао Цзэдуна был воспринят высшими руководителями партии как должное.

Мао Цзэдун тогда же добился от руководителей КПК разрешения на его брак с Цзян Цин, без которой, как он утверждал, не мог ни жить, ни работать. В 1939 г. руководство ЦК КПК приняло такое решение, и партийные организации были уведомлены об этом. Брак Мао Цзэдуна и Цзян Цин был одобрен как мера, обеспечивавшая с бытовой и половой точки зрения работоспособность Мао Цзэдуна. При этом было поставлено условие, что Цзян Цин не будет именоваться внутри партии супругой председателя Мао Цзэдуна, а останется лишь «товарищем Цзян Цин», а в быту она будет ухаживать за Мао Цзэдуном, находиться «при теле» или «под боком» председателя ЦК партии, однако не будет принимать участия в политической деятельности, а также что этот случай никто в партии не имеет права использовать как прецедент и не последует этому примеру. Мао Цзэдун был вынужден тогда молчаливо согласиться.

Сойдясь с Цзян Цин, Мао Цзэдун перебрался в трехкомнатную пещеру. Одна из комнат стала его спальней-кабинетом, другая – комнатой Цзян Цин, а третья – гостиной. Супруги жили почти по-спартански. Из предметов роскоши у них были: граммофон с набором пластинок – арий из пекинских опер, сетка от комаров над кроватью, большое зеркало, деревянная ванна; на стене семейной пещеры висел в ту пору портрет Чан Кайши, вождя Китая в войне против японцев.

Оказавшись бок о бок с Мао Цзэдуном, Цзян Цин пришлось избавиться от многих своих старых привычек. Она вместе с ним стала есть кашку из грубого зерна, научилась готовить для него его любимые хунаньские блюда, ей пришлось полюбить перец и перченые блюда. Цзян Цин была чистоплотной женщиной. Она стала содержать их трехкомнатную пещеру в идеальном порядке. Она не терпела пыли. И это нравилось Мао Цзэдуно. Сам он мог быть небрежным, неопрятным, но если кто-то заботился о чистоте, он воспринимал это с удовольствием.

Мао Цзэдун не любил ни цветы, ни траву. Цзян Цин лично строго следила за тем, чтобы вблизи пещеры не было растений. Их выщипывали слуги. Она старалась во всем угождать вкусам и привычкам мужа. Не случайно вскоре после ее воцарения рядом с Мао Цзэдуном она была назначена руководителем его внутренней охраны, стала распоряжаться телохранителями, обслуживавшими непосредственно Мао Цзэдуна и его жилище, а также

была назначена начальником группы по обеспечению его быта.

Мао Цзэдун любил книги: исторические сочинения, классическую литературу Китая, любил стихи древних китайских поэтов. Цзян Цин упрятала подальше все книги иностранных авторов в переводе на китайский язык, которые она привезла с собой из Шанхая. В пещеру к Мао Цзэду она взяла лишь свой граммофон. Пластинки допускались только одного плана: арии из пекинских опер. Цзян Цин любила безделушки и побрякушки, но тут ей все это пришлось бросить. Цзян Цин при знакомстве с Мао Цзэдуном, конечно же, произвела впечатление своими чудесными длинными волосами. Сойдясь с ним, она укоротила волосы. Она перестала щеголять даже в праздничных случаях в старинной китайской женской одежде – в длинных платьях с высоким разрезом вдоль ног сбоку. Она обрядилась в серую армейскую форму и даже стала носить обмотки. При гостях, при иностранцах, она помалкивала в присутствии Мао Цзэдуна, только подливала чай, подносила орешки, выпивку, улыбалась гостям, при встрече и прощании пожимала им руки. Она умела создать о себе впечатление в Яньани как о «новой хорошей жене председателя». Все это пришлось по нраву Мао Цзэду.

В 1940 г. Цзян Цин родила дочь. Она не стала кормить девочку грудью, стремясь как можно быстрее восстановить и сохранить фигуру и свою привлекательность для Мао Цзэдуна. К ребенку тут же была приставлена кормилица.

В дальнейшем были еще беременности. Говорили также и о том, что Цзян Цин родила Мао Цзэду еще одного ребенка и тоже девочку, которая вскоре умерла. Но это только слухи. Первая дочь Мао Цзэдуна и Цзян Цин так и осталась их единственным ребенком; как говорили в КНР, была их «любимым дитятком», «первой принцессой Красного Китая».

* * *

Уже через несколько лет совместной жизни с Цзян Цин Мао Цзэдун окончательно пришел к выводу, что поторопился и с этим сожителем, да и со своим четвертым браком. Он даже сетовал своим телохранителям в моменты, когда эти молодые деревенские парни успокаивали его перед сном с помощью оздоровительного массажа, на то, что Цзян Цин не любит его, а, вернее, любит не его, а лишь его положение, и говорил, что если бы она была просто прислугой, он давно уже выгнал бы ее.

Дальше – больше. Цзян Цин с ее неуживчивым, заносчивым характером все больше раздражала Мао Цзэдуна. Мы уже упоминали о том, что сначала он отказался питаться вместе с ней (два разных повара стали готовить для каждого из них пищу отдельно), а потом и делить с ней ложе. Уже в 1950-х гг. Мао Цзэдун и Цзян Цин были фактически если не в разводе, то в разъезде.

Мао Цзэдун компенсировал это испытанным методом – использовал прислуживавших ему женщин и девушек. Говорили, что если кто-либо из них не очень старался угодить ему, или у нее не все получалось так, как ему того хотелось бы, то Мао Цзэдун возмущался и сетовал: «Ну, не старается, не хочет приспособиться, не идет навстречу».

Мао Цзэдун, и живя с Цзян Цин, продолжал флиртовать с молодыми женщинами.

В 1945 г., несмотря на то что Цзян Цин специально (под тем предлогом, что ей было необходимо побывать у хорошего дантиста) прилетела в Чунцин (захватив с собой и дочь), где велись переговоры между КПК и Гоминьданом, Мао Цзэдун проявлял тогда в Чунцине интерес к Чжан Сушу – одной из дочерей известного политического деятеля Чжан Чжичжуна.

В 1948 году Мао Цзэдун флиртовал с Юй Шань, красивой молодой актрисой, которая, кстати сказать, приходилась сестрой бывшему мужу Цзян Цин Юй Цивэю.

Цзян Цин и сама, в частности во время традиционных танцевальных вечеров, подводила к мужу молодых партнерш на час. Она не любила только тех женщин, которые намеревались надолго завладеть вниманием и расположением Мао Цзэдуна.

Через несколько лет жизни с Мао Цзэдуном Цзян Цин стала прихварывать; у нее возникало состояние депрессии. В апреле 1949 г. Цзян Цин отправили в Москву лечиться от тонзиллита (ей удалили миндалины). После операции она восстанавливала силы под Москвой, кажется на одной из дач И.В. Сталина, а позже в Ялте. В СССР она провела полгода и возвратилась в Пекин только в ноябре. Отметим попутно, что Мао Цзэдун вскоре после возвращения Цзян Цинн, в свою очередь, уехал в Москву для встреч с И.В. Сталиным; очевидно, что Мао Цзэдун желал находиться в Советском Союзе без своей супруги.

* * *

В ходе подготовки к провозглашению КНР и непосредственно после нее Мао Цзэдун давал всем понять, что он разочарован браком с Цзян Цин. Проявляя озабоченность судьбой своей дочери от брака с Хэ Цзычжэнь, а также упорядочивая положение самой Хэ Цзычжэнь, Мао Цзэдун делал необходимые с его точки зрения политические жесты, безусловно, становившиеся известными участникам Великого похода, старшему поколению руководителей КПК. Не случайно именно в те дни Мао Цзэдун пригласил к себе в гости своего бывшего телохранителя Чэнь Чжанфэна, который охранял его и Хэ Цзычжэнь во время вышеупомянутого похода. Всеми этими шагами Мао Цзэдун стремился подкрепить свой авторитет.

Впоследствии Мао Цзэдун также демонстрировал, что он лишь вынужден быть мужем Цзян Цин, а сердцем и душой он прежде всего вдовец Ян Кайхой. Поэтому он всячески поддерживал связи с родственниками с этой стороны. Брат Ян Кайхой Ян Кайчжи поздравил Мао Цзэдуна с созданием КНР, и Мао Цзэдун не только ответил на это поздравление, но и пригласил к себе в гости Ян Кайчжи с женой Ли Цзундэ. Мало того, он отправил в Чанша обоих сыновей поклониться могилам матери и родственников, повидаться с бабушкой.

Все это, помимо личных моментов, было демонстрацией руководству партии того, что Мао Цзэдун, начиная свою деятельность в качестве вождя партии и государства, соблюдает условия давнего брачного соглашения, то есть не только не втягивает Цзян Цин в политическую деятельность, но и, более того, не дает ей возможности выступать официально в качестве супруги главы КНР. Тем самым укреплялось уникальное руководящее положение Мао Цзэдуна. Он становился главой государства, но без супруги. Это устраивало многих, и прежде всего его самого.

И все-таки в конце 1949 г. Цзян Цин пришлось вернуться в КНР. Правда, Мао Цзэдун тут же отослал ее участвовать в проведении аграрной реформы в Уси под Шанхаем. Этот жест должен был свидетельствовать о том, что для Мао Цзэдуна и для партии Цзян Цин – не более чем один из рядовых партийных функционеров, выполняющих рутинные обязанности и наравне со всеми участвующих в массовых движениях и кампаниях.

В конце 1951 г. Мао Цзэдун отправил Цзян Цин с теми же задачами в провинцию Хубэй.

Зимой 1951/52 г. Цзян Цин на короткий срок была назначена начальником секретариата канцелярии ЦК КПК. Но очень скоро, по настоянию начальника этой канцелярии Ян Шанкуня, ее освободили от этой должности. При этом отмечалось, что Цзян Цин не способна сосредоточенно работать над документами и читать их более 10 минут подряд. Лю Шаоци, занимавший тогда положение второго лица в партии, подчеркивал в этой связи, что Цзян Цин должна сосредоточиться на проявлении заботы о быте Мао Цзэдуна и что для нее, как для члена партии, нет более важной задачи, чем выполнение именно этого поручения ЦК КПК.

Мао Цзэдун постоянно стремился в эти годы удалять Цзян Цин от себя. Цзян Цин мешала Мао Цзэдуну. Он был еще относительно молод, здоров и крепок. Политическая ситуация была такова, что Цзян Цин многим в руководстве партии и страны представлялась сомнительной и недостойной Мао Цзэдуна спутницей жизни. Соратники Мао Цзэдуна были

согласны с тем, чтобы бытовые проблемы, вопрос о женщинах, решались так, как того хотел сам Мао Цзэдун, но они не желали, чтобы семья, тем более такая супруга, как Цзян Цин, политические амбиции которой были в этом кругу хорошо известны, а ее характер тоже был всем давно ясен, участвовала в политической руководящей работе.

В начале осени 1952 г. Цзян Цин была во второй раз отправлена в Москву лечиться, теперь уже от болей в печени. Мао Цзэдун удалил ее из КНР почти на целый год. Когда умер И.В. Сталин, Цзян Цин была в Москве, однако она не имела никакого отношения к политическим связям Москвы и Пекина. Из своей второй поездки в СССР Цзян Цин возвратилась в Пекин осенью 1953 г.

В это время ситуация в семье Мао Цзэдуна была довольно сложной. Фактически существовали и вели между собой скрытую борьбу, а вернее было бы сказать грызню, представители трех разных фракций внутри одной семьи: фракции Ян Кайхой, фракции Хэ Цзычжэнь и фракции Цзян Цин. Опять в семье было «несколько партий», но теперь уже Мао Цзэдун не входил ни в одну из них, а избрал для себя роль арбитра, и то лишь в тех случаях, когда он считал нужным высказывать свое мнение. При многих иных обстоятельствах он, очевидно, думал, что ему выгодно сохранять состояние вражды и напряженности в отношениях близких людей, оставляя их в зависимости от собственных настроений и решений. Как и в партийно-государственном аппарате, Мао Цзэдун поощрял фракционные разногласия в своей семье, отводя себе место высшего судии. (Вспомним, что в 1946 г. Мао Цзэдун повелел извлечь Хэ Цзычжэнь из психиатрической лечебницы в СССР, но целый год заставил ее ждать в Москве решения о возвращении в Китай.)

Цзян Цин предпринимала попытки приблизить к себе то фракцию Ян Кайхой в борьбе против фракции Хэ Цзычжэнь, то действовала наоборот. При этом Цзян Цин всегда имела в виду одну и ту же цель – уменьшить, свести на нет влияние на Мао Цзэдуна двух других фракций, усилить собственное влияние. Эта внутрисемейная борьба шла с переменным успехом, но победы Цзян Цин она так и не принесла.

Когда Мао Аньин возвратился в Китай, то в первое время в Яньани Цзян Цин попыталась сблизиться с ним (кстати сказать, разница между ними в возрасте составляла всего восемь лет) и подыскивала ему невесту. Эта попытка окончилась неудачей, о чем мы уже рассказывали. Затем Мао Аньин сам нашел себе суженую. К тому времени Мао Аньин уже составил для себя твердое представление о взаимоотношениях Мао Цзэдуна и Цзян Цин, которую он считал своекорыстной эгоистичной особой, не любящей его отца. Свои взгляды на Цзян Цин Мао Аньин внушил и своей жене Лю Сыци. Лю Сыци и Цзян Цин невзлюбили друг друга. Отношения между ними особенно обострились после гибели Мао Аньина. Мао Цзэдун говорил Лю Сыци, что Цзян Цин восприняла известие о смерти его сына равнодушнее, чем сообщение о том, что сдохла собака. Цзян Цин тут же вычеркнула Мао Аньина из памяти. Он навсегда остался в ее сознании соперником в борьбе за положение самого близкого к Мао Цзэдуну человека, политического наследника Мао Цзэдуна. Она была одержима мыслью о том, как бы не допустить замену Мао Аньина новым наследником как со стороны фракции Ян Кайхой, так и со стороны фракции Хэ Цзычжэнь, в первую очередь помня о сыне Мао Цзэдуна, следы которого были давно утеряны, и не упуская из виду появление зятьев, внуков и т. д. Сама же Цзян Цин искала возможность сделать наследником Мао Цзэдуна если не себя, то своего человека.

В 1950–1960-х гг. сблизилась между собой вдова Мао Аньина Лю Сыци и дочь Хэ Цзычжэнь Ли Минь. Они даже жили в одной комнате в доме Мао Цзэдуна. Их роднила и профессия, и общее увлечение русским языком: Ли Минь была практически двуязычной, Лю Сыци изучала русский язык и в КНР, и во время учебы в Москве на филологическом факультете МГУ.

Уже упоминалось о том, что после гибели Мао Аньина Мао Цзэдун испытывал на протяжении некоторого времени отеческую привязанность к его молодой вдове, своей снохе

и приемной дочери Лю Сыци.

Цзян Цин настойчиво добивалась того, чтобы постепенно выжить из дома Мао Цзэдуна всех остальных его родственников, а прежде всего Лю Сыци. В конечном счете, после второго замужества Лю Сыци Цзян Цин удалось добиться своего.

Используя слабость Мао Цзэдуна к молодым красивым людям, Цзян Цин в 1950-х гг. поселила в доме Мао Цзэдуна его племянника Мао Юаньсиня, попыталась сдружить его со своей дочерью Ли Нэ. Молодые люди стали проводить вместе свободное от учебы время, катались на лодке в парке Ихэюань и т. п. Однако никакого развития эти отношения не получили, так как Ли Нэ была на редкость непривлекательна. Цзян Цин тем не менее продолжала видеть в Мао Юаньсине своего «кронпринца». Она ласково называла его «Горошинка» или «Бобочек», а он именовал ее тогда «Молодой Тетенькой».

В 1955 г. Лю Сыци поехала учиться в СССР. Туда же отправили и племянника Цзян Цин, сына ее старшей сестры Ван Бовэня. Оба были зачислены на филологический факультет МГУ. Государство выдавало подъемные студентам, отправлявшимся за границу на учебу. При этом не предусматривались деньги на приобретение теплых пальто или шуб, необходимых зимой в Москве. Мао Цзэдун выделил Лю Сыци, а заодно и Ван Бовэню, требуемую сумму. Цзян Цин это страшно разозлило. Она говорила: «Это я, а не он (Мао Цзэдун) должна выдавать деньги ему (Ван Бовэню)». Цзян Цин стремилась держать в зависимости от себя тех, кого она относил к своей фракции.

К середине 1955 г. Цзян Цин снова занемогла. У нее постоянно держалась высокая температура. Был поставлен диагноз: рак матки. В июле 1955 г. в сопровождении восемнадцатилетней медсестры Цзян Цин в третий раз выехала в Советский Союз.

Во время ее отсутствия Мао Цзэдун поддерживал связи с родственниками со стороны своей матери. Их род, род Вэнь, жил в городе Шичэн-сян. Оттуда двоюродные братья приезжали по приглашению Мао Цзэдуна навестить его в Пекин.

Цзян Цин вернулась в Пекин в 1956 г. Лечение обошлось без операции и дало хорошие результаты.

В том же 1956 г. Мао Цзэдун впервые плавал в самой большой реке Китая Янцзы. Цзян Цин сопровождала его в этой поездке. В это время произошло временное потепление отношений между ними. Мао Цзэдун написал тогда стихотворение под названием «Плавание». Некоторые синологи усматривают в нем намеки эротического характера на отношения Мао Цзэдуна и Цзян Цин.

Осенью 1956 г. у Цзян Цин снова обострилось гинекологическое заболевание. Она опять, уже в четвертый раз, поехала на лечение в СССР. Цзян Цин очень боялась тогда операции. Была слаба и подавлена.

В 1957 г. Цзян Цин продолжала находиться на лечении в Советском Союзе. В это время туда по делам приехал Чжоу Эньлай. Нужно отметить, что он испытывал некую слабость к Цзян Цин. Между ними на протяжении многих лет существовали доверительные отношения. Чжоу Эньлай был в курсе жизни Мао Цзэдуна с Цзян Цин с самых первых их встреч, неоднократно помогал улаживать размолвки между ними. Цзян Цин понимала, что среди тех, кто входит в ближний круг Мао Цзэдуна, только Чжоу Эньлай в какой-то степени сочувствует ей и стремится содействовать сохранению близости между ней и Мао Цзэдуном.

Будучи в Москве в 1957 г., Чжоу Эньлай навестил Цзян Цин в больничной палате. Он постарался поднять ее настроение, привез с собой в больницу одного из известных китайских артистов, который силой своего искусства отвлекал Цзян Цин от мрачных мыслей.

Чжоу Эньлай даже позабыл передать Цзян Цин письмо от своей супруги Дэн Инчао. Может быть, это было и к лучшему для Цзян Цин и Чжоу Эньлая, так как, очевидно, он просто велел своей жене написать такое письмо. Дэн Инчао дружила со старыми подругами по походам 1930-х гг. и не находилась в близких отношениях с Цзян Цин. Зная характер Чжоу Эньлая, можно также предположить, что все это он сделал, рассчитывая на то, что его

поступок будет должным образом оценен и Мао Цзэдуном, и Цзян Цин.

В январе 1957 г. в Кремле в честь Цзян Цин дали обед совместно супруги Н.С. Хрущева, Г.М. Маленкова, В.М. Молотова, Л.М. Кагановича. Очевидно, партийно-правительственные мужи, и в первую очередь Н.С. Хрущев, сочли такой жест необходимым в качестве вклада в развитие двусторонних советско-китайских отношений и своих личных связей с Мао Цзэдуном.

Советские гранд-дамы не знали, однако, о чем говорить с Цзян Цин. Инициативу взяла на себя жена Г.М. Маленкова. Ее вопросы оказались крайне неудачными. Перед супругой Мао Цзэдуна, очевидно исходя из сведений о ее артистическом прошлом, был поставлен вопрос: не желает ли она пройти курс обучения в одном из московских театральных учебных заведений? Это была большая бестактность. Затем последовал еще один совершенно бесцеремонный вопрос: сколько лет Цзян Цин? Она, видите ли, показалась хозяйкам совсем молоденькой. Цзян Цин, пропустив мимо ушей первый вопрос, на второй ответила, что она не так уж молода, но и не стара (в то время ей было 43 года, но выглядела Цзян Цин гораздо моложе своих лет). Настроение ее было испорчено. Оно несколько поднялось лишь тогда, когда сопровождавшая Цзян Цин врач-гинеколог из КНР сказала ей, что советские дамы были в восторге от ее манер и внешнего вида.

Мао Цзэдун, безусловно, знал о внимании, которое советское коллективное руководство проявило к нему и его супруге. В то же время в Пекине было известно о том, что Н.С. Хрущев за глаза называл Цзян Цин «смазливой любовницей» Мао Цзэдуна. Но Мао Цзэдуну было безразлично, как относятся в Москве к Цзян Цин, конечно, при соблюдении внешних приличий и оказании ей медицинской помощи.

В 1956—1957 гг., когда Цзян Цин находилась в Советском Союзе, Мао Цзэдун снова сделал ряд жестов в отношении фракции Ян Кайхой. Он поддерживал связи с родственниками по этой линии. Пригласил в гости Чэнь Юйтин – няню, ухаживавшую в свое время за его детьми в Чанша. При встрече с ней Мао Цзэдун расчувствовался и сказал: «Вот вижу тебя и чувствую себя так, как будто бы встречаюсь с Ян Кайхой».

В том же 1957 г. Мао Цзэдун написал свое известное стихотворение, посвященное памяти Ян Кайхой.

После того как Цзян Цин, подлечившись в Советском Союзе, возвратилась в КНР, Мао Цзэдун вообще старался избегать общения с ней. В те годы и он сам, и Цзян Цин довольно много времени проводили в путешествиях по стране. Они разъезжали и отдыхали врозь. У каждого была своя свита: телохранители, секретариат, секретная часть, врачи, медсестры, повара, шоферы и т. д. При этом Мао Цзэдун предпочитал свой специальный поезд с комфортабельными вагон-салонами. Цзян Цин летала на самолете. Бывали случаи, когда она намеревалась приехать именно туда, где в это время находился Мао Цзэдун. Как только ему становилось известно об этом, он тотчас давал команду быстро сниматься с места и переезжать в другую провинцию страны, благо в излюбленных местах Мао Цзэдуна и Цзян Цин были построены дачи, оборудованные всем необходимым.

Многое в привычках супругов не совпадало. Мао Цзэдун не выносил, например, домашних животных. Цзян Цин не расставалась со своими обезьянками: возилась с ними, шила им костюмчики и т. д. Мао Цзэдун был равнодушен к садовым цветам, Цзян Цин любила орхидеи: она разводила их, могла подолгу любоваться цветами. На даче Цзян Цин в Гуанчжоу был создан сад орхидей, за которым ухаживали опытные садовники. Цзян Цин любила и умела фотографировать. Ей доставляла удовольствие дорогая и сложная фотоаппаратура. Мао Цзэдуну нравилось, чтобы его запечатлевали на фотопленке в исторические моменты; при Мао Цзэдуне работала молодая привлекательная женщина – хороший фотограф, создавшая фотолетопись его жизни и деятельности. Однако сам он ни фотографией, ни чем-либо подобным не занимался.

Мао Цзэдун играл в настольные игры: в мацзян, облавные шашки, карты. Но случалось это редко. У Цзян Цин была просто страсть к карточной игре. Заполняя свой досуг, Цзян Цин

могла часами просиживать за картами, причем ее охватывал при этом страшный азарт. Одной из ее постоянных партнерш была жена известного деятеля партии Ли Лисаня – русская женщина Елизавета Кишкина. Однажды Мао Цзэдун вдруг пожелал видеть за обедом Цзян Цин. Она же как раз в это время сидела за карточным столом с упомянутой знакомой и не стала прерывать игру. Когда она освободилась, Мао Цзэдун уже отобедал. Супруги надулись друг на друга.

Лето 1958 г. Мао Цзэдун провел в провинции Хэнань. С ним были Цзян Цин и обе его дочери, Ли Минь и Ли Нэ, а также племянник Мао Юаньсинь. Стало быть, случались и периоды душевного равновесия, когда присутствие родственников его не раздражало.

В 1958 г. умер Юй Цивэй (Хуан Цзин) – видный функционер КПК, в прошлом один из мужей Цзян Цин, которому она в свое время была многим обязана. Юй Цивэй было всего 46 лет, он был всего на два года старше Цзян Цин.

Мао Цзэдун прислал на похороны Юй Цивэя, как партийного руководителя провинциального уровня, венки. (У Юй Цивэя были значительные заслуги перед Мао Цзэдуном в исполнении его секретных поручений международного характера.)

Цзян Цин на похоронах Юй Цивэя не присутствовала. Она, очевидно, предпочитала, чтобы о ее жизни до встречи с Мао Цзэдуном не вспоминали, стремилась по возможности стереть следы своего прошлого.

Расставшись с Цзян Цин, Юй Цивэй впоследствии женился на Фан Цзинь – женщине, которая вращалась в тех же кругах, что и Юй Цивэй, много знавшей о прошлом Цзян Цин. Цзян Цин выжидала случая «рассчитаться» с Фан Цзинь, что и произошло во время «культурной революции».

* * *

На рубеже 1960-х гг. Цзян Цин, не участвуя до поры в политической жизни и находясь на известном удалении от Мао Цзэдуна, занималась своим здоровьем. Она хорошо знала характер своего мужа и понимала, что рано или поздно она сможет пригодиться ему в борьбе против его политических противников.

По совету врачей Цзян Цин ежедневно играла по 20 минут в настольный теннис, плавала по 150 метров в бассейне, играла на бильярде, занималась дыхательной гимнастикой. И, как выяснилось позднее, делала все это не напрасно.

Уже упоминалось о том, что 29 сентября 1962 г. в центральном печатном органе ЦК КПК газете «Жэньминь жибао» впервые была напечатана фотография, на которой Мао Цзэдун был запечатлен вместе с Цзян Цин для всеобщего обозрения и принятия к сведению факта их супружества. Сбылась ее давняя мечта. Через четверть века после того как они сошлись в Яньани, был сделан шаг к утверждению Цзян Цин в сознании людей страны в качестве полноправной супруги председателя ЦК КПК. Порядок, установленный коллективно общим решением руководства партии в 1939 г., был в 1962 г. изменен по воле одного человека – председателя ЦК КПК Мао Цзэдуна. Этот демонстративный шаг обозначил новые тенденции во внутренней политике страны и намерения Мао Цзэдуна использовать Цзян Цин в своих политических интересах в ходе намечающейся борьбы в партии.

Проследим ретроспективно характер взаимоотношений Мао Цзэдуна и Цзян Цин на протяжении их длительной, почти сорокалетней семейной жизни: в конце 1930-х – начале 1940-х гг. их брак строился на взаимной любви, где, конечно, в первую очередь превалировало половое влечение Мао Цзэдуна к Цзян Цин. Затем, с конца 1940-х до начала 1960-х гг. наступило длительное отчуждение – человеческие чувства испарились, заменились обоюдной неприязнью. В 1960-х гг. возобновилась совместная, исключительно политическая, деятельность Мао Цзэдуна и Цзян Цин. В 1970-х гг. супруги снова стали отдаляться друг от друга. Несмотря на то что Цзян Цин оставалась политически необходима

Мао Цзэдуну, он испытывал все более сильное нежелание встречаться и видаться с ней. Супруги перешли даже на письменную форму общения между собой. Собственно говоря, здесь их и разлучила смерть Мао Цзэдуна.

Вернемся, однако, в 1960-е. В 1965 г. впервые за несколько лет Мао Цзэдун посетил Шанхай и Гуанчжоу вместе с Цзян Цин.

В 1960-х гг. она понадобилась Мао Цзэдуну для того, чтобы готовить «культурную революцию», оказалась удобным посредником для связи с рядом активных организаторов данного политического движения.

Через Цзян Цин Мао Цзэдуну было удобно поддерживать отношения с Линь Бяо. Цзян Цин, со своей стороны, способствовала новому привлечению Кан Шэна к выполнению замыслов Мао Цзэдуна. Председатель КПК далеко не случайно назначил Цзян Цин заместителем руководителя группы по делам «культурной революции» при ЦК КПК, которая, по словам Цзян Цин, очевидно, отражавшей в данном случае мысли Мао Цзэдуна, заменила в те годы ЦК партии. Мао Цзэдун считал, что Цзян Цин не имеет возможности предать его, не может отойти от него во время по крайней мере первой стадии «культурной революции», и потому фактически сделал ее одним из своих заместителей по руководству этой кампанией.

Во время «культурной революции» Цзян Цин преследовала людей, которым было известно из первых рук о том, как она жила и что делала до встречи с Мао Цзэдун. Ему же было выгодно истреблять старых членов партии, помнивших историю КПК и то, какими порой методами Мао Цзэдун шел к власти в партии, закреплялся в роли ее руководителя, а затем и государства.

Заместитель мэра города Пекина, редактор газеты «Бэйцзин ваньбао», вдова Юй Цивэй Фан Цзинь, по убеждению Цзян Цин, безусловно заслуживала кары. Ведь она в своей весьма популярной газете («Бэйцзин ваньбао» – это своеобразная пекинская «Вечерка». – Ю.Г.) поместила политические эссе, содержавшие завуалированные критические нападки на Мао Цзэдуна и Цзян Цин. В них, в частности, были намеки на то, что Цзян Цин – это «проститутка, стремившаяся к власти через постель» Мао Цзэдуна.

Цзян Цин организовала кампанию травли Фан Цзинь, женщину сначала мучили на массовых митингах, а затем, в 1967 г., арестовали. Вскоре она погибла, находясь в заключении.

К этой кампании Цзян Цин привлекла и дочь Мао Цзэдуна Ли Минь. Трудно предположить, что Мао Цзэдун не догадывался, что делали его жена и дочь. Во всяком случае, Ли Минь выступила с нападками на маршала Не Жунчжэня, к которому был в свое время близок Юй Цивэй и которого обвиняли в попытках защитить Фан Цзинь.

* * *

Используя Цзян Цин в своих политических целях, Мао Цзэдун в то же время вел обособленную от нее личную, даже своего рода семейную жизнь.

В 1960-х гг. у него появилась последняя, пятая по счету, фактическая жена. Мао Цзэдун был большим поклонником молодости и свежести. Он сам и обслуживавший его партийно-государственный аппарат устраивали дело таким образом, что подле него всегда находились привлекательные молодые девушки и женщины.

Мао Цзэдуну очень понравилась одна из них – проводница его специального поезда по имени Чжан Юйфэн; причем настолько понравилась, что он приблизил ее к себе, взял в свой дом, и Чжан Юйфэн начала денно и ночно «помогать ему в быту».

О Чжан Юйфэн стоит рассказать особо. Она родилась в 1942 г. в Северо-Восточном Китае. Родом она из города Муданьцзяна. Муданьцзян по-китайски означает «Река пионов». Девушки из этих краев считаются самыми красивыми в Китае. Чжан Юйфэн родилась в

простой семье. Отец ее был железнодорожным рабочим, а мать делала всю работу по дому. В семье было шестеро детей.

Чжан Юйфэн очень любила отца. Теплое отношение к мужчине – главе семьи было ей присуще с детства.

Она рано узнала, что такое тяжелый физический труд. Зимой в Маньчжурии стоят сибирские холода. Надо постоянно топить печь, и маленькая девочка с бамбуковой корзиной возле железнодорожных путей собирала кусочки угля и угольную крошку.

Чжан Юйфэн была сообразительна, но училась она только шесть зим, ей удалось окончить лишь начальную школу. Затем пришлось искать работу, чтобы самой содержать себя и помогать родителям.

В возрасте 14 лет Чжан Юйфэн нанялась в проводницы. Она легко общалась с людьми и не гнушалась никакой тяжелой и грязной работы. К ней хорошо относились товарки-проводницы. Ее добросовестность и аккуратность, уживчивый характер сыграли свою роль. Незадолго до этого поезда стали ходить по маршруту Муданьцзян – Пекин. Чжан Юйфэн получила место проводницы одного из вагонов этого маршрута и стала регулярно ездить в столицу страны.

В 1958 г. министерство железных дорог КНР сформировало бригаду проводников и обслуживающего персонала для состава Мао Цзэдуна. Органы безопасности провели проверку и пришли к выводу, что Чжан Юйфэн подходит для этой работы по всем статьям. Красивая, очень молодая, добросовестная, дисциплинированная, послушная и преданная девушка была переведена на новое место службы.

Она была к тому времени уже настолько вымуштрована жизнью и системой, что в первое время, уже работая в специальном составе, даже не знала о том, кто ездит в этом поезде.

Порядки были строгие. Никому и ни о чем говорить не разрешалось. И ей ни о чем, кроме самого необходимого по ее работе, тоже не сообщали. Обслуживающий персонал должен был твердо усвоить, что все, что ему приходится видеть и слышать на работе, это партийная, государственная и военная тайна; все слуги вождя находились на казарменном положении; им очень редко разрешалось писать домой, причем в письмах можно было сообщать только о своем здоровье и передавать приветы; обратным адресом служил номер почтового отделения; им также строго-настрого наказали проявлять высшую преданность председателю Мао Цзэдуну, выполнять все его желания.

Лишь спустя некоторое время Чжан Юйфэн узнала, что работает, как говорили в КНР, «под боком у председателя Мао». На одной из станций, в Банбу, Мао Цзэдун решил сфотографироваться со всеми обслуживающими его состав работниками. Возможно, он устроил им своего рода смотрины. Тут-то он и заметил Чжан Юйфэн и даже заинтересовался, как ее зовут, сколько ей лет и сколько классов ей удалось закончить в школе.

На вопросы Мао Цзэдуна за Чжан Юйфэн отвечали ее начальники. Они пояснили, что ей 16 лет, что родом она из Северо-Восточного Китая и что зовут ее Чжан Юйфэн. Сама она сразу даже и не смогла понять, о чем ее спрашивает Мао Цзэдун. Ведь он говорил с сильным хунаньским акцентом. Для того чтобы они начали понимать друг друга, требовалось время.

В 1960 г., когда Чжан Юйфэн исполнилось 18 лет, ее за безукоризненную службу в качестве проводницы и безупречное поведение перевели на работу непосредственно при Мао Цзэдуне, в его салон-вагон.

Этим железнодорожным составом для Мао Цзэдуна был заменен предыдущий поезд. Новые вагоны были построены в ГДР по секретному специальному заказу. Они прибыли в КНР в 1958 г. В новом составе были два вагона класса люкс. В одном вагоне размещалась гостиная, а в другом спальня. В гостиной, помимо стульев, имелись стол и мягкое кресло, сделанное специально для председателя Мао. Инспектируя различные провинции страны, а проще говоря, разъезжая по КНР, Мао Цзэдун сживал в этом мягком кресле. В нем он беседовал с руководителями ЦК партии или руководителями провинций.

Спальня состояла из двух помещений, основного и подсобного. В основном Мао Цзэдун спал или работал на своей знаменитой широченной деревянной кровати. Рядом были ванная комната и туалет, где все было предусмотрено для того, чтобы можно было долго, часами, сидя на унитазе, работать над документами или книгами, помещавшимися перед сидевшим вождём на специальной подставке.

В общей сложности в специальном железнодорожном составе Мао Цзэдуна было до 11 вагонов, где размещались и секретно-шифровальная служба, и кухня-ресторан, и зал для заседаний. Одним словом, это был своего рода передвижной дворец или, вернее, передвижной командный пункт для управления партией и государством.

Мао Цзэдун все время находился в движении. Вероятно, одной из причин столь длительных и безостановочных вояжей была боязнь покушения на него. Жизнь в поезде, на которую он сам себя обрек фактически на много лет, была проявлением его стиля жизни, его характера и природы.

Он одновременно и путешествовал, и в самых комфортных условиях отдыхал и развлекался, в частности, приятно проводил время с нравившимися ему подругами. Никто точно не знал, где в тот или иной момент находится Мао Цзэдун. Только он сам отдавал приказания о начале движения своего поезда, о его маршруте и о его остановках. (Это, помимо всего прочего, создавало свои трудности в перемещении пассажиров и грузов по стране. Заметим, помимо Мао Цзэдуна спецсоставы, а затем спецсамолеты позже имел каждый из членов постоянного комитета политбюро ЦК КПК.) Остальные руководители могли только предполагать, когда и где мог появиться Мао Цзэдун. Помимо специальной и подчиненной формально только канцелярии ЦК КПК, фактически тому же Мао Цзэдуну, охраны, сопровождавшей его и в поезде, была создана и специальная служба безопасности на железных дорогах, автономная от министерства общественной безопасности и от министерства обороны; эту службу, как и специальные железнодорожные войска, возглавлял Ван Чжэнь, генерал, которому Мао Цзэдун относительно доверял.

К мерам безопасности при передвижении Мао Цзэдуна по железным дорогам можно отнести и следующую: вместе с поездной бригадой, а также охраной на самом паровозе обязаны были неотлучно находиться партийные руководители той дистанции пути, по участку которой проходил спецсостав; – в случае попытки взорвать поезд они погибли бы сами в числе первых. Такая забота о своей безопасности, а равно и усиленное, если не гипертрофированное внимание к работе органов общественной безопасности, политического сыска были своего рода «пунктиком» Мао Цзэдуна. Еще в Яньани он говорил Кан Шэну: «Мне надобно учиться у Чан Кайши, то есть иметь своего Дай Ли (шеф органов политического сыска при Чан Кайши. – Ю.Г.), свою систему специальных органов».

Соперничество с Чан Кайши – это навязчивая мысль у Мао Цзэдуна. Он, например, унаследовал дачу Чан Кайши на курорте в Лушане (Чан Кайши называл ее «Хижина Прелестницы»), имея в виду под «Прелестницей» свою жену Сун Мэйлин), его мебель, в том числе и деревянную кровать. Мао Цзэдун приказал ничего не менять на этой даче, а лишь построить дополнительно у открытого плавательного бассейна еще одно спецстроение для его отдыха, а также вокруг всей территории сделать ограждение из колючей проволоки, по которой дал указание пропустить электрический ток. От дачи к бассейну и обратно Мао Цзэдун переезжал в салоне бронированного автомобиля.

Мао Цзэдун всю жизнь расстраивался, сетуя на то, что ему удалось только вытеснить Чан Кайши из континентального Китая, но ему не удалось покончить с Чан Кайши на Тайване.

Мао Цзэдун считал необходимым иметь в стране не одну, а несколько систем спецорганов и органов политического сыска: в госаппарате, в армии, в партии и на железных дорогах. Каждая из этих систем имела своего руководителя, а всеми ими, выполняя указания Мао Цзэдуна, ведал Кан Шэн. Но при этом он не доверял никому. Даже его телохранителей и охрану, находившуюся всегда под строгим контролем и наблюдением, заменили перед «культурной революцией», формально в связи с тем, что телохранители и бойцы охраны

позволяли себе в частных беседах тет-а-тет посетовать на то, как плохо живут их родные, страдая от голода.

Мао Цзэдун стремился всех в партии и в стране «держат в движении», иначе говоря, ни один из руководящих работников, да и ни один из людей вообще, состоящий на какой бы то ни было партийной или государственной службе, не мог и не должен был быть уверен в том, что его положение является прочным; Мао Цзэдун поставил дело так, что каждый из них должен был постоянно ожидать, что его куда-нибудь передвинут. Все люди должны были чувствовать свою зависимость от вождя.

* * *

Когда Чжан Юйфэн начала работать непосредственно при Мао Цзэду, ей было 18 лет, а ему 67. Разница в возрасте составляла почти полвека. Однако именно это, с точки зрения врачей, пользовавшихся Мао Цзэду, должно было способствовать продлению его умственной и физической активности.

Чжан Юйфэн была моложе всех его детей от предыдущих жен, но оказалась нужна ему в иной роли. Практически она оставалась при нем на протяжении всех последних почти 20 лет его жизни, по 1976 г. В Китае говорят, что «быть при государе – это все равно, что находиться возле лютого тигра». Чжан Юйфэн подошла для этой роли; она оказалась идеальной женщиной последних лет Мао Цзэду. В этом смысле ему снова повезло. Она была красивой, женственной. Мао Цзэду нравилось, что она такая крохотная и очень молодая, что умеет доставить ему все желаемые удовольствия и удобства. Мао Цзэдун говорил: «Товарищ Чжан Юйфэн работает добросовестно, со всей тщательностью выполняет свои обязанности. Она просто потомок Чжан Фэя, этого «Летающего Чжана»⁵; ее только выпусти, и она тут же полетит».

Кстати сказать, при Мао Цзэду существовала особая медицинская служба, врачи которой тщательно проверяли всех потенциальных партнерш Мао Цзэду по половой жизни. Прошла через все такие проверки, естественно, и Чжан Юйфэн.

Ходили слухи, что она неоднократно беременела от Мао Цзэду. Мао Цзэдун был весьма рад сохранению своих половых возможностей. Но лишь однажды он разрешил Чжан Юйфэн не делать аборт и оставить ребенка. По некоторым свидетельствам, в 1963 г. Чжан Юйфэн родила от Мао Цзэду мальчика. Мао Цзэдун дал ему фамилию и имя. Он полагал, что в этом случае можно было использовать фамилию его матери, то есть Чжан. Мальчик был рожден в резиденции Мао Цзэду Чжуннаньхае на берегах озера Наньхай («Наньхай» означает по-китайски «Южное море». – Ю.Г.). Поэтому Мао Цзэдун предложил назвать мальчика Наньцзы, то есть «Дитя озера Наньхай». Таким образом, в семидесятилетнем возрасте у Мао Цзэду родился последний его ребенок – Чжан Наньцзы.

Мао Цзэдун, конечно же, взглянул на ребенка. Вскоре к младенцу приставили кормилицу, а затем отправили в пригород Пекина, в Юйцю-аньшань, где, как говорят, расположены ясли и детский сад для внебрачных детей высокопоставленных руководителей партии и страны. Там мальчика растили и воспитывали.

Чжан Юйфэн дни и ночи напролет работала в покоях Мао Цзэду. На территории Чжуннаньхая ей был выделен отдельный флигелек, куда она и возвращалась после «трудов праведных» при Мао Цзэду.

В 1967 г. Чжан Юйфэн, следуя желаниям Мао Цзэду, вышла замуж за Лю Айминя, бойца охраны Чжуннаньхая. Он был из ее родных мест, из Северо-Восточного Китая.

Цзян Цин много раз пыталась опорочить Чжан Юйфэн, но в то же время она считалась с желаниями Мао Цзэду. Более того, ей теперь было удобно и даже необходимо, чтобы

⁵ Чжан Фэй – персонаж исторического романа-эпопеи «Троецарствие» классика китайской литературы Ло Гуаньчжуна (ок. 1330—1400).

кто-то постоянный занимал место «у него под боком», легче контролировать.

В 1970 г. Чжан Юйфэн была официально переведена работать непосредственно в покои Мао Цзэдуна в Чжуннаньхае. Ее назначили его секретарем по вопросам быта.

Чжан Юйфэн почти всегда вела себя таким образом, что Мао Цзэдун при всей его вспыльчивости не имел повода накричать на нее. И все-таки однажды такое случилось. Это произошло в 1970 г. Чжан Юйфэн просто взглядом или неловким движением, как бы нечаянным шумом показала свое недовольство тем, что молодая красивая артистка, выделенная для чтения документов Мао Цзэдуну хорошо поставленным голосом, вдруг оказалась в полураздетом виде у него «под боком». Мао Цзэдун очень не любил, просто не терпел, когда ему мешали «в таких ситуациях». Он взорвался и закричал на Чжан Юйфэн: «Раз тебе не нравится, убирайся отсюда!» Это была привычная формула, за которой следовало непременно удаление человека из дома Мао Цзэдуна. Чжан Юйфэн залилась слезами и отправилась домой выплакаться на груди Лю Айминя.

Замену ей нашли тут же. Новенькая была еще красивее и еще моложе, чем Чжан Юйфэн. Она очень старалась, но оказалось, что Мао Цзэдун уже не может и не желает заново учить ее всем своим привычкам. Вскоре он вернул Чжан Юйфэн. Причем эту «миссию возвращения» по велению Мао Цзэдуна пришлось выполнить Цзян Цин. Именно она пригласила Чжан Юйфэн обратно в покои Мао Цзэдуна.

В 1975 г. Чжан Юйфэн была назначена секретарем Мао Цзэдуна по секретному делопроизводству. Она как никто другой знала все детали последних лет жизни Мао Цзэдуна. Чжан Юйфэн выступала свидетелем на судебном процессе по делу Цзян Цин.

Чжан Юйфэн рассчитывала, что после ареста Цзян Цин руководители партии восстановят справедливость и открыто признают ее законной последней женой Мао Цзэдуна. Однако Дэн Сяопин, исходя из того, что таких заявительниц в КНР было множество, и не только применительно к Мао Цзэдуну, отказал в просьбе. Более того, ей пришлось оправдываться, когда распространились слухи, что она, дескать, отравила Мао Цзэдуна.

Говорили также, что уже после смерти Мао Цзэдуна у Чжан Юйфэн, а тогда ей не было и 40 лет, была связь с заместителем заведующего канцелярией ЦК КПК Фэн Вэньбином, которая кончилась печально. Фэн Вэньбиня перевели на другую работу, и он вскоре скончался.

В настоящее время Чжан Юйфэн получает положенное ей партией содержание на уровне министра и живет очень тихо и незаметно (кажется, в Сянгане). Ей позволили опубликовать небольшие по объему воспоминания о последних годах жизни Мао Цзэдуна. Можно, пожалуй, упомянуть и о том, что Чжан Юйфэн и дочь Цзян Цин Ли Нэ на пару владеют рестораном в Пекине, который называется «Мао цзя цай» («Блюда из меню семьи Мао»).

* * *

В первой половине 1960-х гг. Мао Цзэдун решил заняться изучением английского языка. Подобрали преподавателей. Одним из них стала весьма привлекательная женщина по имени Чжан Ханьчжи. Доподлинно известно, что она не только обучала его иностранному языку, но и оказалась вхожа к нему в последние годы его жизни. По словам самого Мао Цзэдуна, Чжан Ханьчжи была его любимой учительницей английского языка.

В свою очередь, Цзян Цин в конце 1960 – начале 1970-х гг. приблизила к себе спортсмена, чемпиона мира по настольному теннису Чжуан Цзэдуна, который был тогда же назначен на министерскую должность, то есть стал из известного пекинцем великовозрастного неуча председателем государственного комитета по физкультуре и спорту КНР. В те же годы пост министра культуры занял музыкант Юй Хойюн, который также нравился Цзян Цин.

В 1973 г. Цзян Цин переехала из Чжуннаньхае в Дяоюйтай – новый район шикарных особняков, окруженный стеной и тщательно охранявшийся, специально предназначенный

для нужд высшего руководства партии и страны, а также для высоких иностранных гостей.

Мао Цзэдун остался в Чжуннаньхае. В начале 1970-х гг. он жаловался иностранным посетителям на то, что его одолевают болезни и что «Небо уже назначило» ему «свидание».

В конце 1974 г. Мао Цзэдун и Цзян Цин обменялись письмами. Мао Цзэдун посоветовал жене не мелькать слишком часто на публике, не сколачивать «свое правительство», а задуматься над тем, что она «обидела слишком многих». Он также писал, что им лучше было бы не встречаться.

В том же 1974 г., когда Мао Цзэдун на протяжении восьми месяцев отсутствовал в Пекине и практически ослеп, Цзян Цин вела себя как «человек номер один» в составе высшего руководства партии и страны. При этом она наслаждалась всем возможным в ее положении комфортом. К ее услугам были, в частности, специально отделанные по ее указаниям вилла в Ханчжоу, резиденция в Шанхае, сад орхидей в Гуанчжоу (все эти и другие «дачи» предназначались для Мао Цзэдуна и Цзян Цин); у нее было и свое «показательное сельцо» Сяоцзинчжуан под Тяньцзинем. Кстати сказать, когда она бывала в этой своей подшефной деревне, да и вообще во время ее поездок по стране, за ней возили, в частности, и ее специальный дорожный туалет с мягким сиденьем и меховой отделкой.

В конце жизни Мао Цзэдун еще более сузил свой ближний круг. Он не доверял практически никому из своих коллег по руководству партией и страной. В начале 1970-х гг., особенно после гибели Линь Бяо, Мао Цзэдун охладел и к Чжоу Эньлаю, начав подозревать и его. Не случайно, даже уже лежа на каталке, когда его везли в операционную палату на одну из последних операций осенью 1975 г., Чжоу Эньлай не желал выпускать из рук документы, которые, как ему казалось, могли уберечь его от обвинений в том, что он «предал» дело КПК и работал в пользу Гоминьдана. Мао Цзэдун не попрощался ни с Чжоу Эньлаем, ни с Кан Шэном перед их смертью; после этого, утвердив, однако, официальные оценки их деятельности, содержащиеся в надгробных речах при их похоронах, на которых он тоже не присутствовал.

В последние годы жизни Мао Цзэдун приблизил к себе, помимо уже упомянутых Чжан Юйфэн и Чжан Ханьчжи, своих молодых родственников: племянника Мао Юаньсиня и дальнюю родственницу Ван Хайжун.

Любя молодых энергичных красивых людей, Мао Цзэдун допускал к себе также и свою переводчицу английского языка Тан Вэньшэн или Нэнси Тан. (Ее отец, Тан Минчжао, был заместителем Генерального секретаря ООН.) Она выросла в Нью-Йорке, переводила беседы Мао Цзэдуна с англоговорящими его гостями, в том числе с президентом США Ричардом Никсоном. Тан Вэньшэн была введена в состав ЦК КПК. Ван Хайжун и Тан Вэньшэн представляли тогда неразлучную парочку.

В это время семейные отношения Мао Цзэдуна были далеко не простыми и ясными. Уже упоминалось о том, что он приблизил к себе Чжан Юйфэн. В то же время Цзян Цин продолжала оставаться его женой. Они не жили вместе, но Цзян Цин получала от мужа денежное содержание. Расходы Цзян Цин увеличивались. Она попросила Мао Цзэдуна выделять ей больше денег, чем раньше. Мао Цзэдун распорядился открыть для этих целей специальный счет, ведать которым поручил Чжан Юйфэн. Так сожительница Мао Цзэдуна стала выдавать деньги его законной жене. Получая их, Цзян Цин говорила Чжан Юйфэн: «Для тебя это большая сумма, но не для меня». Цзян Цин пыталась добиться того, чтобы этим счетом ведала не Чжан Юйфэн, а Мао Юаньсинь, но Мао Цзэдун не согласился на это, учитывая взаимоотношения Цзян Цин и Мао Юаньсиня.

В январе 1975 г. Цзян Цин написала Чжан Юйфэн записку: «Нельзя ли снять для меня 8 тыс. юаней с соответствующего счета?» Обосновывая свою просьбу, Цзян Цин утверждала, что она передала агентству Синьхуа свои дорогие фотопринадлежности, за которые ей необходимо расплатиться, а долг составляет 8 тыс. юаней. Свою записку Цзян Цин закончила словами: «Если невозможно снять деньги с этого счета, выбери момент, когда он (Мао Цзэдун. – Ю.Г.) не будет занят, и попроси его просто дать мне эти 8 тыс. юаней».

Однако в тот раз Цзян Цин так и не удалось получить искомую сумму.

* * *

В 1974 г. Мао Цзэдун написал Цзян Цин:

«Мне уже 81 год. Я стар, и у меня плохое здоровье. Ты же обо мне совсем не заботишься. Совсем не уделяешь мне внимания. Я завидую семейной жизни премьера (Чжоу Эньлая. —

Ю.Г.)».

В 1975 г. Мао Цзэдун был озабочен тем, чтобы сохранять баланс сил в руководстве партии и страны. В этой связи он дал следующие указания:

«Чжоу Эньлаю следовало бы побольше отдыхать; Дэн Сяопину следовало бы побольше работать; Ван Хунвэню следовало бы побольше учиться; Цзян Цин следовало бы поменьше выступать и говорить. Надо ведь с доверием относиться к тому, как распорядилась природа: уши оставлять открытыми, а рот держать закрытым».

В середине 1975 г. Мао Цзэдун настоятельно наказывал Цзян Цин не заниматься фракционной деятельностью, «не сколачивать» «четверку» из себя самой, а также Чжан Чуньцяо, Ван Хунвэня, Яо Вэньюаня; Цзян Цин пришлось выступать с самокритикой — она каялась на заседаниях руководства партии.

В том же году Кан Шэн, находясь в больнице и чувствуя приближение своего смертного часа, понимая, что у него уже не будет иной возможности снестись с Мао Цзэдуном, не веря в надежность официальных каналов и не веря даже своему секретарю по секретному делопроизводству, послал за Ван Хайжун и Тан Вэньшэн и попросил их передать Мао Цзэдуну, что перед смертью он хотел бы уведомить его о том, что в 1930-х гг. Цзян Цин и Чжан Чуньцяо предали КПК в пользу Гоминьдана.

Очевидно, Кан Шэн решил позаботиться о своей посмертной репутации. Он хорошо знал Цзян Цин и расстановку сил в высшем эшелоне руководства партии и государства и не верил, что Цзян Цин удастся удержаться у власти после кончины Мао Цзэдуна, а она была тогда, как было ясно Кан Шэну, не за горами, и потому отмежевался от своей старой знакомой и протее.

Выслушав Кан Шэна, Ван Хайжун и Тан Вэньшэн оказались в сложном положении. Они были связаны этой общей тайной. Договориться друг с другом о том, чтобы никогда и никому об этом не рассказывать, они не могли; доверия у них друг к другу не было. Поэтому они вместе начали раздумывать над тем, как им поступить. В конечном счете неразлучная парочка отправилась к министру иностранных дел Цяо Гуаньхуа и его жене Чжан Ханьчжи. В доме Цяо Гуаньхуа состоялось совещание, в котором приняли участие три молодых женщины, обладавшие в последние предсмертные месяцы Мао Цзэдуна правом доступа в его покои, чего лишились даже высшие руководители партии и страны, включая Цзян Цин. При их беседе присутствовал опытейший царедворец и дипломат Цяо Гуаньхуа, хорошо понимавший и соотношение сил в руководстве партии и государства, и то, что скоро закончат свой жизненный путь и Чжоу Эньлай, и Мао Цзэдун. Следовательно, нужно было ориентироваться на их преемников. И тогда Цяо Гуаньхуа вместе с Чжан Ханьчжи, будучи посвящены в тайное сообщение Кан Шэна о Цзян Цин и Чжан Чуньцяо, посоветовали Ван Хайжун и Тан Вэньшэн не доводить до Мао Цзэдуна высказывания Кан Шэна, подчеркнув, что в случае необходимости Кан Шэн мог бы и сам сделать это через своего секретаря. На некоторое время донесение Кан Шэна осталось неизвестным Мао Цзэдуну.

После смерти Кан Шэна в конце 1975 г. и кончины Чжоу Эньлая в январе 1976 г. Мао Цзэдун сместил с поста Дэн Сяопина. Власть Цзян Цин и ее коллег, в том числе и Чжан Чуньцяо, на некоторое время, во всяком случае внешне, возросла. Вот тогда-то Чжан Ханьчжи, именно Чжан Ханьчжи, очевидно по совету своего мужа Цяо Гуаньхуа, и рассказала Мао Цзэдуну о словах Кан Шэна относительно Цзян Цин и Чжан Чуньцяо. При

этом Чжан Ханьчжи толковала всю историю следующим образом: это оказалось, по ее словам, кознями Дэн Сяопина, его ударом, направленным против Цзян Цин и Чжан Чуньцяо. Чжан Ханьчжи не преминула также выставить в дурном свете перед Мао Цзэдуном и свою «соперницу» Ван Хайжун, намекнув на то, что та собиралась использовать высказывания Кан Шэна в ходе дальнейшей политической борьбы. Мао Цзэдун, будучи уже в очень тяжелом состоянии, оставил сообщение Чжан Ханьчжи без видимых и немедленных последствий.

В последнее время перед смертью Чжоу Эньлая Цзян Цин весьма холодно относилась к своему старому знакомому, отражая в определенной степени и настроения Мао Цзэдуна.

Когда же Чжоу Эньлай умер, Цзян Цин явилась в больничную палату, где покоилось его тело (кстати сказать, даже прощание с телом Чжоу Эньлая было организовано не в дворцовых постройках, а прямо в больнице), не сняла, как это положено в таком случае, головной убор и сразу же нанесла обиду вдове Чжоу Эньлая, обратившись к ней неподобающим образом. Она, очевидно считая себя «императрицей», назвала Дэн Инчао, в которой она видела только вдову одного из «сановников императора», ее уменьшительным именем, что позволял себе только Чжоу Эньлай; к тому же вдова Чжоу Эньлая была старше Цзян Цин по возрасту.

Пришедший выразить соболезнование и находившийся тут же, в больничной палате, председатель постоянного комитета ВСНП, маршал Чжу Дэ был просто взбешен. Он сказал Цзян Цин: «Может быть, хватит? Может быть, ты уже достаточно навредила и людям и революции в Китае? Ты что, забыла, как в Яньани вы с Мао пришли ко мне как-то ночью, умоляя меня дать согласие на ваш брак и заявив, что ты всегда будешь держаться в стороне от политики? Да вряд ли в тебе осталось хоть что-то человеческое!» (Очевидно, в этой связи уместно напомнить о том, что в свое время Красную Армию Китая называли «Армией Чжу — Мао», то есть ставили имя командующего армией Чжу Дэ выше имени комиссара армии Мао Цзэдуна.)

* * *

Перед смертью Мао Цзэдун испытывал на себе все большее воздействие своей болезни. Он начал страдать давно. Уже в 1948 г. он время от времени не мог писать, его не слушалась рука, был вынужден диктовать свои статьи, распоряжения и выступления. У него был недуг, описанный английским врачом Дж. Паркинсоном в 1817 г., именуемый болезнью Паркинсона — клинический синдром, обусловленный поражением подкорковых ядер головного мозга. Это проявляется скованностью, анемией, дрожанием рук и ног, нарушением походки и речи и т. д. Ряд таких симптомов проявлялся у Мао Цзэдуна.

5 сентября 1976 г. в связи с кризисным состоянием здоровья Мао Цзэдуна канцелярия ЦК КПК вызвала в Пекин члена Политбюро ЦК КПК Цзян Цин, совершавшую поездку по стране.

У нее были и свои источники информации, ибо Цзян Цин не торопилась вернуться в Пекин. Она прибыла в столицу 7 сентября, появилась в доме Мао Цзэдуна и начала распоряжаться там. Она позволила себе при этом говорить, что надо радоваться тому, что страдания Мао Цзэдуна приходят конец. Лишним, по ее мнению, людям, то есть всем тем, кто не находился на дежурстве из числа работников обслуживающего персонала, Цзян Цин велела разойтись по домам.

Далее, игнорируя советы врача, не рекомендовавшего беспокоить и трогать Мао Цзэдуна, Цзян Цин начала ворочать его тело, протирать ему спину и т. д. Она надела Мао Цзэдуну слуховой аппарат и стала кричать в него. Но все было тщетно. Мао Цзэдун уже ни на что не реагировал. Активность Цзян Цин, может быть, даже ускорила его агонию.

Весь день и вечер 8 сентября с Мао Цзэдуном прощались члены руководства партии и страны. Среди них был и маршал Е Цзяньин, остававшийся после ухода Мао Цзэдуна на посту фактического руководителя вооруженных сил страны. Е Цзяньин не смог долго

смотреть на агонию вождя и вышел из комнаты. Но Мао Цзэдун дал знак вернуть его, сжал его руку, посмотрел на него, но ничего не сказал, вернее, не смог сказать. Е Цзяньин гадал, какими могли быть последние слова Мао Цзэдуна. (Спустя менее месяца после кончины Мао Цзэдуна Е Цзяньин арестовал Цзян Цин и ее сторонников в руководстве КПК.)

Вскоре после ухода Е Цзяньина Мао Цзэдун полностью потерял сознание и умер. Это случилось в 0 часов 10 минут 9 сентября 1976 г. Он умер, не оставив завещания.

После смерти Мао Цзэдуна Цзян Цин вихрем ворвалась в комнату, где лежало тело умершего. Она прежде всего приказала Чжан Юйфэн, которая формально считалась секретарем Мао Цзэдуна по секретному делопроизводству, передать ей все материалы и документы усопшего.

Чжан Юйфэн была определена на свой круглосуточный пост «под боком» у Мао Цзэдуна не только по его личному желанию, но и по решению Политбюро, причем того состава, который существовал еще до «культурной революции».

Взаимная неприязнь Чжан Юйфэн и Цзян Цин проявилась тогда со всей очевидностью. Ведь, по сути, у еще не охладевшего трупа Мао Цзэдуна столкнулись две его последних по счету супруги. Каждая из них претендовала на то, чтобы к ней относились как к подруге жизни Мао Цзэдуна и считала соперницу самозванкой.

В ответ на претензии Цзян Цин Чжан Юйфэн сообщила, что вопрос о том, как поступить с «материалами председателя», будет решать Политбюро. Цзян Цин была в бешенстве: «Ушло то время, когда собака нахальничала, благо хозяин у нее был в силе. Прошло время, когда ты могла обижать людей, пользуясь силой и властью своего покровителя. Ты ведь всего-навсего ничтожная секретарша, ты – пустое место. Разве не так?» (Любопытно, что в сознании Цзян Цин женщины при Мао Цзэдуне были как бы его собачками. На суде над ней самой Цзян Цин говорила, что она сама была всего лишь «болонкой», которая во время «культурной революции» выполняла приказы Мао Цзэдуна.)

Чжан Юйфэн твердо стояла на своем и не отдавала Цзян Цин ни ключи и шифры от сейфов, ни документы Мао Цзэдуна.

Цзян Цин схватила телефонную трубку и начала жаловаться формальному преемнику Мао Цзэдуна Хуа Гофэну:

– Председатель уже ушел в мир иной. Труп председателя еще не остыл, а тут находятся, понимаешь, такие, кто осмеливается обижать меня.

– Кто же это?

– Да кто же, как не эта Чжан Юйфэн! [...] Я потребовала у нее материалы, которые были при председателе, а она не отдает ключи. Да кто она такая, в конце-то концов? Я – супруга председателя; разве у меня даже таких прав нет? Разве это она, а не я супруга председателя?

Цзян Цин потребовала, чтобы ей, во-первых, было предоставлено право работать с архивом Мао Цзэдуна и приводить его в порядок, и, во-вторых, чтобы в ее руки была передана Чжан Юйфэн, чтобы ее перевели на должность секретаря теперь уже при самой Цзян Цин. (В свое время императрица Цыси, завладев властью после смерти мужа, тоже стремилась распоряжаться жизнями бывших наложниц императора. Одной из них она приказала отрубить руки и ноги, залечить раны, поместить в большую вазу так, чтобы из вазы торчала только голова, и принести к ней в покои, чтобы наконец-то выместить всю свою злобу на несчастной и беспомощной сопернице.)

Хуа Гофэн, ссылаясь на позицию большинства членов Политбюро, отказал Цзян Цин и в том, и в другом ее требовании.

В сейфе Мао Цзэдуна находились бухгалтерские книги, где были учтены все его гонорары и траты, но самое главное, там хранились доносы друг на друга практически всех руководителей партии, и уже умерших к тому времени, и еще остававшихся в живых. Никто из членов руководства ЦК КПК не мог допустить, чтобы все это оказалось в руках одного человека, тем более Цзян Цин. Все они были заинтересованы в том, чтобы такие секреты

партии хранились за семью печатями.

Таким образом, Цзян Цин лишилась возможности отомстить Чжан Юйфэн. Еще более важным было то, что тут же после смерти Мао Цзэдуна четко проявились разногласия между Цзян Цин и ее сторонниками, с одной стороны, и рядом других руководителей ЦК КПК – с другой. За Цзян Цин не было признано даже право в полном объеме пользоваться положением и именем супруги Мао Цзэдуна. Сама же Цзян Цин в надписи на траурном венке отрекомендовала себя не как жену, а как «ученицу» Мао Цзэдуна.

Спустя менее месяца после кончины Мао Цзэдуна Цзян Цин была арестована. Преследованиям подверглись Ли Нэ и Мао Юаньсинь. Мао Аньцин, Чжан Шаохуа и Ли Минь не были причислены к числу сторонников Цзян Цин. Так новые руководители отделили фракцию Цзян Цин от фракции Хэ Цзычжэнь и Ян Кайхой.

* * *

Дальнейшая судьба Цзян Цин общеизвестна. Она была арестована, как уже упоминалось, в октябре 1976 г. В конце 1980 г. начался судебный процесс, в ходе которого Цзян Цин твердо стояла на том, что она лишь выполняла волю Мао Цзэдуна, была всего-навсего его «болонкой»; она также говорила, что Мао Цзэдун дал своему официальному преемнику Хуа Гофэну следующие указания: «Если дело в твоих руках, я спокоен; а если возникнут проблемы, то обращайся к Цзян Цин». В начале 1981 г. за преступления, совершенные в ходе «культурной революции», Цзян Цин приговорили к смертной казни, отложив исполнение приговора на два года. Затем смертную казнь заменили пожизненным тюремным заключением. Цзян Цин провела несколько лет в тюрьме. По болезни ее оттуда выпустили. Цзян Цин поселилась в квартире своей дочери Ли Нэ, где жили также сын Ли Нэ от первого брака и ее второй муж. В 1991 году в возрасте 77 лет Цзян Цин скончалась, по одной из версий, от рака горла, а по другой, – покончила жизнь самоубийством, приняв слишком большую дозу снотворного.

Глава седьмая

Ли Нэ

Ли Нэ, единственная дочь Мао Цзэдуна и Цзян Цин, родилась, как уже упоминалось, в 1940 г. Это был десятый по счету ребенок Мао Цзэдуна. Ее имя имеет в Китае два произношения: Ли Нэ и Ли На. Мао Цзэдун предпочитал имя Ли Нэ, а Цзян Цин стремилась на западный манер звать дочь Ли На или Лина.

Ли Нэ была последним ребенком от законной жены Мао Цзэдуна. Когда она родилась, Мао Цзэдуну было уже около 50 лет. Дело было в Яньани. При Мао Цзэдуне тогда не было ни его сыновей от Ян Кайхой, ни его дочери от Хэ Цзычжэнь. Поэтому Мао Цзэдун в течение некоторого времени держал Ли Нэ вблизи от себя, хотя ребенка и отправляли на длительный срок в деревню под присмотр кормилицы, а потом и няни. Под настроение Мао Цзэдун позволял девочке приближаться к нему, играл с ней, рассказывал ей различные истории. Он обращал внимание на то, чтобы девочка была вежливой.

Когда Мао Цзэдуну пришлось покинуть Яньань и долго уходить от преследований войск противников, он взял с собой Цзян Цин и Ли Нэ (кстати, его сын Мао Аньин был отправлен им с другой колонной войск и работников учреждений ЦК КПК). Как-то раз Мао Цзэдун спросил у дочери, не боится ли она воздушных налетов. Ли Нэ ответила: «А мы с няней спрячемся в бомбоубежище, а там не страшно. И вообще, если папе не страшно, то и мне тоже не страшно».

В 1946 г., когда Мао Цзэдун находился еще в Яньани, он однажды оставил пообедать с собой плотника, чинившего оконную раму в пещере. За трапезой плотник принялся рассказывать о том, что в их деревне все отцы постоянно избивали своих детей, а кому-то даже вышибли глаз. Отец плотника считал, что он просто должен так воспитывать своего

сына.

Слушая все это, Ли Нэ призадумалась. А было ей тогда пять с половиной лет. Она положила палочки и сказала: «А мой папа хороший. Он меня ни разу не бил». Все присутствовавшие рассмеялись, кроме Мао Цзэдуна.

Когда девочке исполнилось 7 лет, встал вопрос о том, чтобы начать учить ее хотя бы писать, так как о школе говорить в условиях того времени не приходилось. Мао Цзэдун отказался от этого, ссылаясь на свой плохой почерк. Цзян Цин предпочла решить вопрос по-иному, приказала приставить к Ли Нэ няню, которая одновременно начала бы учить ее грамоте. Прежнюю няню убрали, и на это место взяли семнадцатилетнюю деревенскую девушку Хань Гуйсинь, которая несколько лет проучилась в начальной школе.

В Сибайпо, когда дело шло уже к образованию КНР и жизнь наладилась, сама директор школы при учреждениях ЦК КПК начала давать Ли Нэ уроки родного языка, арифметики, географии, общего развития. В Бэйпине (Пекине) Ли Нэ училась вместе с детьми других ответственных сотрудников ЦК КПК в специально созданной для этих целей начальной школе, называвшейся «Юйин». Это привилегированное учебное заведение произвело на Ли Нэ неизгладимое впечатление. Что же касается Мао Цзэдуна, то он учил Ли Нэ плавать.

В 1958 г. у Ли Нэ случился приступ острого аппендицита. Когда ее привезли в больницу, было решено сделать одновременно две операции – и по поводу аппендицита, и с целью удалить кончик иглы, который в детстве обломился при уколе и остался в теле девочки. Разрешение на операцию дал Мао Цзэдун.

Операцию должны были делать главный врач пекинской больницы для самых высокопоставленных руководящих работников и заведующий хирургическим отделением в присутствии заведующего терапевтическим отделением. С аппендицитом они справились быстро. А кончик иглы искали довольно долго. За годы он сместился. Стали искать его с помощью рентгеновского аппарата. Наконец нашли и удалили. Однако при операции в рану была занесена инфекция. Начался воспалительный процесс. Подскочила температура. Об этом доложили Мао Цзэдуну. У него было, как обычно, много дел. Он работал ночами и страдал от бессонницы. И все же, как отмечали его биографы, он нашел время и 3 февраля 1958 г. лично написал дочери записочку, подбодрив ее и посоветовав учиться преодолевать трудности.

Окончив среднюю школу, Ли Нэ поступила на филологический факультет Пекинского университета. Жила в общежитии, приезжала домой раз в неделю. По городу ездила на автобусе. Сначала соученики даже и не знали, что рядом с ними «первая принцесса» страны.

Во время трех лет великого голода (1959—1961), как и все студенты, Ли Нэ была обязана писать заявку на продовольственные карточки. Дело в том, что студентов поощряли брать фактически даже несколько меньше зерна, чем было положено по норме, добровольно отказываясь в своих заявках от нормы. Они сами должны были письменно выражать такое желание. Ли Нэ написала, что ей на месяц требуется только 8,5 кг зерна (меньше, чем по 300 г в день). Мао Цзэдун одобрил этот ее поступок, сочтя его патриотическим. Он также не позволял ей брать в университет продукты из дома. Однажды Ли Нэ не утерпела и захватила с собой порошковое молоко. Мао Цзэдун был этим очень недоволен. Он также ругал телохранителей, которые пытались подкармливать Ли Нэ. Не исключено, что на почве перманентного голодного состояния у Ли Нэ возникли и усилились отклонения от нормальной психики.

Летом 1965 г. Ли Нэ окончила Пекинский университет и была направлена на работу редактором в «Цзефанцзюнь бао» – в главную армейскую газету. Во время «культурной революции» Цзян Цин добилась назначения Ли Нэ главным редактором газеты. Но на этом посту она продержалась недолго.

В 1967 г. Ли Нэ состояла при отце; считалось, что она работает его связным и информирует его о том, что происходит в вузах столицы. Ли Нэ принимала участие в

руководстве митингом, на котором в Университете Цинхуа мучили в 1967 г. Ван Гуанмэй – супругу председателя КНР Лю Шаоци.

Ли Нэ долго не удавалось выйти замуж. Она и сама-то была дурнушкой, да и Цзян Цин старалась и тут все делать по-своему, никак не могла найти для дочери подходящую партию.

Помог случай.

В 1970 г. Мао Цзэдун решил, что Ли Нэ, как и каждому партийному функционеру, следует пройти трудовую закалку. Он отправил ее в «школу трудового перевоспитания руководящих работников имени 7 мая», в провинцию Цзянси, в горы Цзинганшань. Школа была организована исключительно для сотрудников канцелярии ЦК КПК.

В то время Ли Нэ было уже 30 лет и мысли ее были заняты лишь тем, как найти себе подходящего мужа. Секретарем парткома этой школы был Цао Цюаньфу, муж племянницы Мао Цзэдуна Мао Юаньчжи, дочери его младшего брата Мао Цзэминя. Мао Юаньчжи хорошо знала беды и печали своей двоюродной сестры. Вместе с мужем она старалась «решить этот вопрос». Цао Цюаньфу неоднократно рекомендовал Ли Нэ женихов из своих, из проверенных людей, сотрудников канцелярии ЦК КПК. Ли Нэ эти кандидатуры никак не удовлетворяли. Ей хотелось, как она говорила, найти кого-то из крестьян, скажем, сельского руководящего работника. Такого человека она желала видеть спутником своей жизни. Однако найти подходящего человека оказалось совсем непросто. Думается, что вообще людям, не прошедшим проверку в органах безопасности, даже приблизиться к Ли Нэ было невозможно.

Случилось, однако, так, что в той же школе трудового перевоспитания находился сотрудник обслуживающего персонала администрации курорта для руководителей партии в Бэйдайхэ. Это был молодой человек по фамилии Сюй. Хотя у него за плечами была всего-навсего начальная школа и работал он простым уборщиком или разнорабочим при дачах больших начальников, но парень он был видный, сообразительный, умел легко сходитьсь с людьми. В характере у него была участливость к другим людям. Он заметил, что Ли Нэ целыми днями томится в одиночестве, стал приглашать ее поиграть в настольный теннис, просто так поболтать, кое-что сделать в саду, в огороде. В конечном счете Сюй и Ли Нэ сошлись.

Партийная организация тут же организовала проверку биографии этого кандидата в женихи. Выяснилось, что отец Сюя – рабочий-железнодорожник на станции Шаньхайгуань близ Бэйдайхэ. Иначе говоря, социальное происхождение Сюя сочли подходящим.

Ли Нэ обратилась в партийную организацию с официальной просьбой дать разрешение на брак. Цао Цюаньфу лично взял под контроль все это дело, изучил документы будущего супруга Ли Нэ и лично же доложил вопрос руководству канцелярии ЦК КПК; отсюда, конечно же, обратились к Мао Цзэдуну. Несмотря на возражения Цзян Цин, Мао Цзэдун наложил на документе свою резолюцию, согласившись на брак Ли Нэ с Сюем.

Мао Цзэдун поручил своему телохранителю поехать в эту школу трудового перевоспитания в провинцию Цзянси, отвезти в партийную организацию документ со своей резолюцией, а также полное собрание сочинений Маркса и Энгельса в качестве свадебного подарка молодым. Это был его единственный подарок на свадьбу дочери. Она до сих пор бережно хранит этот сувенир.

Свадебной церемонией руководил лично Цао Цюаньфу. Он на свои деньги купил яблоки для свадебного стола. Он также приказал купить чай, сигареты, сладости, призвал весело отпраздновать событие. В полдень в столовой школы были накрыты два стола. Присутствовали: Мао Юаньчжи, старшая двоюродная сестра невесты, которая и была главным мотором при организации этого брака, ее муж Цао Цюаньфу, другие руководители школы. Были также приглашены несколько товарищей Ли Нэ по той роте, в которой она числилась в этой школе.

Брак Ли Нэ с Сюем оказался неудачным. Вскоре после свадьбы молодые расстались. Сюя отправили в институт железнодорожного транспорта в провинцию Хэбэй. У него было

образование в объеме только начальной школы, однако его зачислили в институт, учитывая классовое происхождение.

К этому моменту Ли Нэ была уже беременна. Через положенный срок у нее родился сын – внук Мао Цзэдуна. Сына в детстве звали Сяо Юй, то есть «Малыш Юй». После рождения ребенка был официально оформлен развод Ли Нэ с ее первым мужем. Сюй впоследствии женился и имел детей. В 1980-х гг. он пытался повидаться с сыном от брака с Ли Нэ, но канцелярия ЦК КПК ему в этом отказала.

В последние годы своей жизни, уже в середине 1970-х, Мао Цзэдун проявил заботу о Ли Нэ. С 1974 по 1975 г. она занимала посты сначала секретаря парткома уезда Пингу под Пекином, а затем одного из секретарей пекинского горкома КПК. Конечно же, после событий октября 1976 г., после того как ее мать Цзян Цин была арестована, Ли Нэ больше не могла занимать должность секретаря пекинского горкома партии.

Ли Нэ продолжала числиться сотрудницей аппарата ЦК партии и находиться в ведении канцелярии ЦК КПК. Ее определили жить в доме для сотрудников охраны ЦК КПК. Ей была выделена в этом доме квартира из четырех комнат. Туда она и вселилась со своим сыном и его няней. Канцелярия ЦК КПК подобрала для мальчика няню из старых освобожденных районов (опорных баз). Речь шла о проверенном человеке, к тому же знакомой с привычками Ли Нэ, проводшей детство на такой опорной базе.

Следует сказать, что многое в судьбе Ли Нэ объясняется состоянием ее психики. Ли Нэ трудно общалась с людьми. Тут было и что-то наследственное, возможно, усилившееся под воздействием разных факторов, в том числе и обстановки в семье. Ли Нэ всегда была заторможенным человеком, а постепенно у нее развилась шизофрения. Мао Цзэдун как-то посетовал, предсказывая, что Ли Нэ трудно придется в этой жизни.

Особенно тяжело пришлось ей после ареста Цзян Цин. Ее все время мучила мысль о том, что она, она – и вдруг оказалась «дочерью врага народа». Она заклинилась на мысли о том, что из-за этого с ней никто не захочет общаться. Да и в самом деле, люди, общество были тогда таковы, что очень многие, особенно там, где ей приходилось жить, в среде работников учреждений ЦК КПК, смотрели на Ли Нэ недобрыми глазами.

Спустя некоторое время няня оставила Ли Нэ и ее уже подросткового сына, уехав домой. Дело, возможно, было и в том, что находиться рядом с Ли Нэ было нормальному человеку весьма затруднительно.

В 1980-х годах на протяжении длительного времени Ли Нэ выдавали «зарплату»; это была сумма в 70 юаней в месяц. Жилось ей очень трудно. Например, мяса она могла купить в день всего на десять фэней (то есть примерно на десять копеек).

Сын Ли Нэ вырос очень худым. Дома у Ли Нэ, ее сына и у няни было по одному одеялу. Когда стояли зимние холода с пронизывающими ветрами, во время сна половину этого одеяла каждый из троих подсовывал под себя, накрываясь другой половиной и с трудом согреваясь таким образом. Когда приходилось совсем плохо, Ли Нэ с болью в сердце относилась букинисту и продавала книги из домашней библиотеки.

На протяжении нескольких лет жизнь Ли Нэ походила на жизнь Мао Аньцина. Она тоже большую часть времени проводила в больничной палате. Психиатрическая лечебница стала для нее вторым домом. Обычно она проживала в отдельной палате госпиталя № 305 – привилегированного лечебного учреждения для высших руководителей партии и страны и членов их семей. Когда же Ли Нэ как бы перестала в глазах тогдашнего руководства партии на некоторое время быть дочерью Мао Цзэдуна (а эти руководители хотели сосредоточить как можно более сильный огонь критики именно на Цзян Цин, чтобы, благодаря этому, вывести из-под удара Мао Цзэдуна, сохранить и его и себя как политиков, допускавших лишь некоторые ошибки, но в целом проводивших правильную политику, не имевших на своем счету преступлений) и оказалась как бы сиротой, дочерью только своей матери, то есть Цзян Цин, так сказать «членом семьи врага народа», администрация госпиталя тут же

отказала Ли Нэ, улучшений в болезненном состоянии которой не предвиделось, в предоставлении ей больничной койки на неопределенное время, как это обыкновенно бывало раньше. Нужно отметить, что отдельную палату у нее отобрали раньше, еще при жизни Мао Цзэдуна. Тогда Ли Нэ перевели в палату на четверых. Теперь же даже место в четырехместной палате ей не было гарантировано.

Так дочь Цзян Цин промучилась дома без медицинского ухода около полугода, спустя шесть месяцев, то есть уже в середине 1977 г., Ли Нэ направили «на лечение» в психиатрическую лечебницу уезда Чанпин в окрестностях Пекина.

Тут все было примитивным. По сравнению с госпиталем это были небо и земля. Медицинский персонал имел самую низкую квалификацию. Эта уездная психушка была сколком дна общества континентального Китая.

Когда Ли Нэ все-таки худо-бедно пользовали в госпитале № 305, даже после падения и ареста Цзян Цин, где царила строгая армейская дисциплина, психика Ли Нэ, за исключением особых обстоятельств, не испытывала слишком больших потрясений.

Тут же, в уезде Чанпин, все было иначе. Здесь всем вокруг хорошо было известно только одно, это – «дочь Цзян Цин». А потому на Ли Нэ обрушивалась двойная и тройная ненависть – и та, что направлялась руководством партии и страны против «четверки», и естественно накопившаяся ненависть простых людей страны, во всяком случае очень многих из них, особенно крестьян, к Мао Цзэду и его режиму, ненависть малообразованных и малокультурных людей против отпрыска вождя и дочери Цзян Цин. Каждый день в психушку приходили люди просто поглазеть на «отродье Цзян Цин». Ли Нэ оставалось только умыться горячими слезами. Можно себе хорошо представить, что в таких условиях и при таких обстоятельствах тем более никак нельзя было надеяться на выздоровление и избавление от недуга.

Ли Нэ особенно была угнетена и одновременно взбешена тем, что человек, который всегда казался ей членом семьи, человек, который десятки лет был начальником охраны ее отца, то есть Ван Дунсин, по-прежнему находился наверху и даже стал занимать еще более высокое положение, пост заместителя председателя ЦК КПК (его назначили на этот пост в благодарность за то, что он пошел против Цзян Цин и ее коллег, содействовал их аресту, встал на сторону Е Цзяньина и других ветеранов), но не проявил никакой заботы о ней, о сироте, об одинокой и несчастной женщине. Ведь он знал и о ее состоянии, и о том, что у нее есть ребенок, внук Мао Цзэдуна, и о том, что она сама не в состоянии должным образом позаботиться ни о себе, ни о своем ребенке.

Ли Нэ также ненавидела преемника Мао Цзэдуна, нового руководителя партии и страны Хуа Гофэна. Ли Нэ полагала, что он занял эту должность, опираясь на бумажку, где ее отец своей рукой написал: «Если дело в твоих руках, я спокоен». У Хуа Гофэна и в мыслях не было позаботиться о любимой дочери Мао Цзэдуна. Он был занят лишь одним: как бы подольше продержаться в положении «мудрого вождя».

Находясь в психиатрической лечебнице, Ли Нэ на протяжении длительного времени не виделась со своим сыном. Ей было известно только то, что ее сына «воспитывают» в Чжуннаньхае, что канцелярия ЦК КПК приставила к нему и няню, и телохранителя. Время от времени до нее доходили слухи о том, что телохранители, бойцы охраны, очевидно считая необходимым подтверждать свою лояльность новым руководителям, а может быть и исходя из своих личных чувств и соображений, обращали на Сяо Юя свою ненависть к «четверке»; они видели в ребенке «отродье Цзян Цин», ее «внука»; они издевались над ним и дразнили его. И все это происходило в наглухо отгороженном от внешнего мира Чжуннаньхае, в закрытой от посторонних резиденции руководства партии и страны.

Ли Нэ провела в уездной психушке более двух лет, она была выписана оттуда в 1981 г. Самыми трудными для нее были дни, когда проходил судебный процесс над «четверкой» (конец 1980-го и начало 1981 г.). Тут уж любой и каждый показывал на нее пальцем. По телевидению вживую передавали ход судебных заседаний. Его транслировали и по радио.

Внимание людей больше всего привлекала на этом процессе, конечно же, Цзян Цин.

Было, пожалуй, и еще одно обстоятельство. В отношении людей к Цзян Цин была осознанная или неосознанная доля ненависти к Мао Цзэдуна. А так как официально выступить против Мао Цзэдуна было нельзя, то усиливалось отвращение к тем и к той, в чей адрес можно было выплеснуть горечь, боль потерь и утраты близких и родных, а их были тогда по всей стране миллионы.

Само судебное разбирательство вызывало у Ли Нэ глубокое отвращение. Она не могла набраться духа для того, чтобы постоянно смотреть репортажи из зала суда. В те дни ее психика была на грани полного разрушения. Она слышала, как ее мать, в свою очередь, обрушивалась на судей, не сдерживая при этом своих чувств. И тогда, в эти моменты, Ли Нэ на некоторое время вскипала, становясь на сторону матери. Но потом, остынув, успокоившись, она была вынуждена сама себе говорить, что во время «культурной революции» ее мать совершила много преступлений. И все же Ли Нэ полагала, что большая часть того, что было сделано ее матерью, было совершено самой историей, что тут не следовало бы слишком многое вешать на того или иного конкретного человека, тем более не должно было бы выносить все это на публику, не нужно было пользоваться таким необычным методом, который ранее применялся лишь внутри партии; иначе говоря, будучи воспитана в семье Мао Цзэдуна, Ли Нэ считала, что не следовало «выносить сор из партийной избы». Ли Нэ в одно и то же время и защищала, оправдывала свою мать, и осуждала некоторые ее поступки, она как бы раздваивалась в своих оценках. Что же касается отца, то Ли Нэ продолжала считать, что он безгрешен.

Только одно приносило Ли Нэ успокоение тогда, когда она жила в уездной психушке. Ее приходила навещать ее няня с детских лет Хань Гуйсинь, а потом это было разрешено и мужу няни Ли Иньцяо, он более десяти лет был старшим телохранителем Мао Цзэдуна. Хань Гуйсинь и Ли Иньцяо были глубоко преданы Мао Цзэдуну, который в свое время способствовал их браку. Хань Гуйсинь и Ли Иньцяо знали Ли Нэ с детства и по-человечески хорошо относились к ней, жалели ее. Хань Гуйсинь по-прежнему видела в Ли Нэ маленькую девочку, нуждавшуюся в защите. Няня приносила в психушку яблоки, тщательно чистила их для Ли Нэ, у которой слезы лились по щекам при воспоминании о прежних «золотых временах», когда она была маленькой девочкой и за ней ухаживала эта ее няня.

* * *

Наступили 1980-е гг. В руководстве партии и страны произошли изменения. К власти вернулись ветераны, хлебнувшие горя во время «культурной революции». Цзян Цин и ее коллеги были осуждены. С их стороны опасности больше не было. Многие новые руководители считали необходимым опираться на наследие Мао Цзэдуна. Во всяком случае, они стали поднимать на щит его имя и дела.

В этой ситуации изменилось и положение Ли Нэ. В руководстве партии вспомнили о том, что она – дочь Мао Цзэдуна. В состоянии Ли Нэ имелась тенденция к стабилизации ее психики. Тогда-то она и была переведена из уезда Чанпин в Пекин. Канцелярия ЦК КПК предоставила ей жилье, в котором она разместилась с сыном и его няней, женщиной средних лет, уроженкой северной части провинции Шэньси. Увидев сына и оказавшись в своем новом жилище, Ли Нэ обхватила мальчика руками и заплакала, то ли от радости, то ли от горя, от того, как сложилась ее жизнь.

После ее неоднократных и настойчивых просьб канцелярия ЦК КПК предоставила Ли Нэ работу. Она стала ходить дежурить в библиотеку отдела исследований канцелярии ЦК партии. Так Ли Нэ возвратилась на работу в Чжуннаньхай, где ранее провела столько лет.

Шли годы. Молодость Ли Нэ безвозвратно ушла. Она сильно располнела и подурнела, выглядела как самая заурядная служащая. Ей доверяли только такую работу, во время которой она могла лишь читать или рассматривать книги. Иногда она составляла библиографические карточки. Собственно говоря, работу ей предоставили лишь с той целью,

чтобы она могла хоть как-то общаться с людьми. По сути дела, никто не требовал от нее никакой работы. Руководители отдела исследований сказали ей, что она может работать по своему выбору: полдня или через день. Если же того требовали домашние дела или обстоятельства, Ли Нэ могла вообще не приходить на службу. Канцелярия ЦК КПК также уведомила Ли Нэ о том, что в случае возникновения бытовых затруднений партийная организация окажет ей необходимую помощь. Однако она никогда ни о каком вспомоществовании не просила. Дни ее тянулись бесконечно.

Многие старослужащие в Чжуннаньхае все еще помнили ее. Со временем отношение к ней из холодного стало сочувственным, даже часовые у западных ворот Чжуннаньхая приветствовали ее, отдавали ей честь. Когда приходили новые бойцы охраны, то ветераны сообщали им на ушко: «Видишь, это любимая дочь Мао Цзэдуна и Цзян Цин». В общем, изменилась политическая ситуация, изменилось и положение Ли Нэ и отношение к ней, особенно со стороны людей, состоявших на партийной или государственной службе.

И еще прошло время. Перед Ли Нэ встал практический, представлявшийся ей тогда самым насущным и актуальным вопрос о новом, повторном замужестве. Ей рекомендовали женихов, она даже получала письма с такого рода предложениями. Сначала она не отвечала и не проявляла к этому интереса, полагая, что в ее возрасте замуж больше не выходят. Но в реальной жизни, дома, особенно в ее положении, без мужчины обойтись было очень трудно. От людей, разбиравшихся в вопросах воспитания детей, она слыхала, что если в доме нет взрослого зрелого мужчины, это дурно скажется на ребенке. До Ли Нэ также дошли разговоры о том, что ее первый муж по фамилии Сюй, узнав о том, что у него растет сын, приезжал в Пекин, обращался в канцелярию ЦК КПК, пытался встретиться с сыном, однако канцелярия ЦК партии не предоставила ему такой возможности и отправила его обратно к месту жительства и работы.

События продолжали развиваться. Как-то под вечер в пекинскую квартиру Ли Нэ пришла в гости ее старая няня Хань Гуйсинь. В заброшенном дворе Ли Нэ давно не было гостей. Ли Нэ с радостью пригласила няню в комнату. Хань Гуйсинь было уже за пятьдесят.

Хань Гуйсинь поинтересовалась здоровьем Ли Нэ. Та ответила, что чувствует себя лучше после того, как ей предоставили работу в канцелярии ЦК партии. Сяо Юй был отправлен в другую комнату готовить уроки.

Хань Гуйсинь спросила:

– Был слух, что отец малыша Юя приходил, расспрашивал в отделе приема посетителей о том, как вы живете.

– Я тоже слышала об этом.

– Он женился ли опять?

– Говорят, что давно уже женился. И дети есть. Но он все-таки хотел бы познакомиться с Сяо Юем. Он из крестьян, для него сын – это самое дорогое.

Хань Гуйсинь больше не расспрашивала. Обвела глазами помещение.

– Да, тебе одной жить трудновато. Ли Нэ, тебе ведь только-только стукнуло сорок лет. А Сяо Юй уже такой большой мальчик. Ты должна подумать о себе. Жизнь впереди еще долгая. Одной жить невозможно.

– Эх, тетя. Я ведь сейчас в каком положении? Я – дочь «четверки». Кто осмелится связаться со мной?

– Да нет, как ни крути, а ты – дочь великого вождя. А без председателя Мао разве существовал бы новый нынешний Китай? – Хань Гуйсинь разволновалась и добавила: – Нынешние люди, находящиеся в ЦК партии, в свое время были замечены, отобраны и подняты председателем. Да, действительно, в свои последние годы председатель допустил ошибки, но кто имеет больше заслуг, чем он?

– Да где уж мне думать об этом, – вздохнула Ли Нэ.

– Да ты посмотри только на себя и на свой дом. Тут все в запустении. И сын у тебя худющий. – Хань Гуйсинь еще раз обвела глазами убогую обстановку в комнате и наконец вымолвила: – Ли Нэ, я сегодня пришла к тебе сватать тебя. У моего старика есть приятель,

старый сослуживец. Его зовут Ван Цзинцин. Во времена Яньани он был сыном полка. Теперь ему уже за пятьдесят. Он начальник штаба подокруга в военном округе провинции Юньнань. Несколько лет назад он разошелся с женой. Сейчас приехал в Пекин в командировку. Мы ему рассказали о тебе, о твоём положении. Он говорит, что когда был ещё мальчишкой, видел тебя, и ты произвела на него тогда впечатление. Как ты думаешь, может быть, назначим время, и вы встретитесь?

Все это было неожиданно для Ли Нэ, и она не могла сразу ничего сказать. Видя её состояние, Хань Гуйсинь взяла инициативу в свои руки:

– Старина Ван скоро должен вернуться в Юньнань. Я предлагаю поступить так: вы встретитесь на следующей неделе. А как оно потом получится, мы ещё поговорим. А то и о себе, и о мальчике сама-то ты и не позаботишься.

– Да разве так можно? – Ли Нэ ещё колебалась.

– Почему же нельзя? Просто повидаетесь. Чего ты испугалась? Старина Ван человек честный, порядочный. К председателю Мао относится с преданностью.

В конце следующей недели в сопровождении Хань Гуйсинь и Ли Иньцяо на смотрины явился Ван Цзинцин.

Ван Цзинцин был родом из северной части провинции Шэньси. Это был человек чуть выше среднего роста, крепкий, плотного телосложения, с густыми бровями и большими глазами. Он производил впечатление солидности и прочности. Почти 20 лет Ван Цзинцин прослужил в полку охраны ЦК КПК. В своё время был во внешней охране Мао Цзэдуна, выполнял обязанности порученца и слуги. Затем состоял во внутренней охране Лю Шаоци. Потом его перевели в военный округ провинции Юньнань, и он несколько лет прослужил в самом глухом уголке этой провинции на реке Нунцзян. У него были жена и дети.

Сыновья и дочери были уже взрослыми, появились внуки. Жена его была военным врачом. Это была женщина с сильным характером. Оба они, Ван Цзинцин и его жена, были кадровыми работниками. В соответствии с существовавшими правилами люди в их положении уже могли при необходимости выходить в отставку. Согласно тем же установлениям при выходе в отставку жена должна была следовать вместе с мужем на его место жительства, то есть на его родину. Ван Цзинцин и его жена собирались по возрасту выходить в отставку, но жена Ван Цзинцина была намерена вернуться к себе на родину и жить вместе со своей матерью, которой было уже за 80 лет. Из-за таких разногласий супруги ссорились и дело дошло до развода. Вот при такой ситуации Ван Цзинцин, оказавшись в командировке в Пекине, навестил старого сослуживца Ли Иньцяо и попал на заметку Хань Гуйсинь, которая искала, за кого бы выдать замуж Ли Нэ.

При первой же встрече у Ли Нэ о Ван Цзинцине сразу же сложилось хорошее впечатление. Она с малых лет жила в военном лагере; её всегда, и тогда, когда она повзрослела, окружали мужчины из охраны. Она хорошо относилась к этим людям, и став взрослой. Ван Цзинцин был на все руки мастером, военной костью. Ему уже исполнилось 50 лет, но он был силен и здоров.

– Товарищ Ли Нэ, я с шестнадцати лет в полку охраны. Я и человеком-то стал благодаря воспитанию, полученному от председателя. Ради председателя Мао я готов сто раз умереть. И когда я вижу, как трудно тебе приходится в жизни сейчас, я очень переживаю. – Так высказался Ван Цзинцин, и на глазах его выступили слезы.

Ли Иньцяо сказал:

– В своё время председатель к нам хорошо относился. Ведь это он помог нам пожениться с Хань Гуйсинь.

– Сяо Юй, иди сюда, поздороваемся. Давай дядя на тебя посмотрит. – Ван Цзинцин подозвал мальчика и внимательно поглядел на него: – Да у тебя шишка на головке. Откуда это?

– Это меня мальчишки из класса побили. Они говорят, что я – отродье Цзян Цин.

– Ты заплакал?

– Нет. Я с ними подрался!

– Вот это правильно. Ты – потомок председателя Мао. Ты никогда не должен посрамить председателя Мао, что бы ты ни делал. А если кто-нибудь снова попытается обидеть тебя, ты скажи учителю, а если учитель тебя не защитит, скажи мне, скажи дяде, и дядя поможет тебе восстановить справедливость, не позволит никому просто так обижать тебя!

– Хорошо, дядя, – мальчик кивнул.

Ван Цзинцин понравился мальчику, понравился и Ли Нэ. Она много лет ждала такого сильного человека.

Перед отъездом в Юньнань Ван Цзинцин зашел еще раз. Уже без сватов. А через два месяца его снова прислали в командировку, причем на длительный срок. Они с Ли Нэ стали друзьями. Сяо Юй тоже был в восторге от дяди Ван Цзинцина.

Тогда вступила в действие партийная организация. Она довела до сведения Ли Нэ и Ван Цзинцина, что если намерения у них серьезные, то, выйдя в отставку, Ван Цзинцин получит возможность отправиться в Пекин «на лечение». Согласно правилам кадровые военные в чине от заместителя командира дивизии и выше, которые на протяжении длительного времени служили в пограничных военных округах, могли уходить в отставку с 50 лет.

Перед тем как оформить брачные отношения с Ван Цзинцином, Ли Нэ решила поговорить с находившейся в тюрьме матерью, чтобы поставить ее в известность и хотя бы формально попросить ее благословения. Ван Цзинцин согласился с этой мыслью Ли Нэ.

После того как Цзян Цин заменили смертный приговор пожизненным тюремным заключением, начиная с 1982 г. Ли Нэ разрешили один раз в месяц навещать мать. Ли Нэ и Ван Цзинцин вместе отправились в тюрьму к Цзян Цин. Ли Нэ при этом в глубине души тогда уже знала, что ни за что не откажется от Ван Цзинцина, что бы ни сказала мать, однако она хотела соблюсти нормы уважения к родителям.

Цзян Цин содержали в расположенной довольно далеко от Пекина тюрьме Циньчэн. По дороге Ли Нэ волновалась, не зная, как встретит Цзян Цин Ван Цзинцина. А он молчал и смотрел в окно. Цзян Цин содержали в отдельной камере. При ее свидании с посетителями обычно присутствовала надзирательница. Однако на сей раз Цзян Цин стала протестовать против ее присутствия, и надзирательница исчезла. Конечно, Цзян Цин и остальные понимали, что их разговор все равно прослушивался.

– Мама, это товарищ Ван Цзинцин. Мы с ним знакомы уже более полугода. Сегодня я привела его, чтобы вы на него посмотрели.

– Здравствуйте, – Ван Цзинцин отдал честь. Он не знал, как теперь называть Цзян Цин. По имени – невежливо. Товарищем – неудобно. Не мог он называть ее и как Ли Нэ «мамой». И пока никак не назвал.

– Так. Подойди, погляжу. – Цзян Цин заинтересовалась, она рассматривала и расспрашивала его.

Он отвечал на вопросы и особенно подчеркнул такую деталь:

– В свое время в Яньани я служил во внешней охране Цзаоюаня (то есть «Финикового сада», резиденции Мао Цзэдуна. – Ю.Г.). Однажды председатель вместе с вами и Ли Нэ прогуливался вдоль реки Янь и проходил мимо меня. Я отдал честь председателю и вам. Председатель сказал мне: «Устал, молодой товарищ?»

– Правда? – Цзян Цин спросила: – А сколько лет тебе тогда было?

– Шестнадцать лет.

– А, ты из дьяволят! Мне нравятся люди из охраны. Они надежные, твердые, дисциплинированные. Не похожи на этих интеллигентов. Те все мягкотелые. – И тут Цзян Цин перешла на другую тему, заговорила о том, что ее волновало, высказала мысли, которыми она тогда жила: – Ни в коем случае не следуйте примеру Хуа Гофэна и Ван Дунсина. Уж как в свое время председатель Мао пестовал их, да и они тогда с уважением относились к нему. Никак не думала, что тело председателя еще не успеет остыть, а они поднимут руку на человека, близкого председателю. Вот уж поистине люди типа Хрущева!

Ван Цзинцин выслушал эти слова и не решился ничего сказать. В то время Хуа Гофэн и Ван Дунсин уже потеряли власть, однако высказывания Цзян Цин, строго и официально говоря, член партии должен был рассматривать как «реакционные измышления».

– Ли Нэ, кто сватал?
– Товарищ Ли Иньцяо и его жена, тетя Хань Гуйсинь.
– Это достойные люди. В наше время хороших людей не так уж и много.
– Старина Ван, как тебе понравился Сяо Юй?
– Мне он очень приглянулся. Смешливый мальчик.
– Сейчас при тебе ему будет хорошо, потому что теперь он даже меня не слушается, – сказала Ли Нэ. – Это хорошо. Ребенку трудно. Без отца его могут обидеть.
– Будьте покойны, я не дам его обижать. Чем ребенок виноват!
– Я спокойна, – кивнула Цзян Цин. – А чем ты любишь заниматься на отдыхе?
– Я люблю стрелять по мишеням и занимаюсь каллиграфией.
– В следующий раз приходи и приноси свою каллиграфию. – Цзян Цин была знатоком в этом деле.

Затем Цзян Цин обратилась к дочери:

– Ли Нэ, меня тут в Циньчэн притесняют мелкие, ничтожные людишки. Напиши от меня письмо в адрес нового ЦК партии, потребуй, чтобы они немедленно выпустили меня, или уж, по крайней мере, они должны заменить тех людишек, которые меня терзают.

– Это... Такое письмо мне неподручно писать. Напиши его все-таки сама. – Ли Нэ запинаясь.

– Что? Даже ты от меня отказываешься. Видно, прахом пошло мое воспитание, напрасно я с тобой мучилась!

– Мама, не в этом дело. Я просто действительно не могу этого сделать.

– Совести у тебя нет. Меня тут обижают, а ты не хочешь мне помочь. – Цзян Цин говорила с горечью, понимая в душе, что в этом деле дочь не может сыграть никакой роли. Вероятно, она рассчитывала на то, что ее прослушивали. Затем Цзян Цин изменила тему разговора: – Есть ли новости о твоём младшем брате Юаньсине?

– Нет. Знаю только, что он по-прежнему отстранен от работы и находится под следствием.

– Эх, это я погубила его, Бобочка своего (уменьшительное от «боб», «бобовое зернышко». – Ю.Г.). Какой прекрасный молодой человек. Вот уж кто по праву может называться наследником павших героев.

Цзян Цин вздохнула.

Время свидания закончилось. Ли Нэ и Ван Цзинцин стали прощаться с Цзян Цин.

– Против вашего дела я не возражаю. Как хотите, так и поступайте. Раньше я все вмешивалась в дела Ли Нэ, да ничего хорошего из этого так и не получилось. Сегодня председателя больше нет с нами, а я вот нахожусь в таком положении. Ван Цзинцин, я благодарна тебе за то, что ты нашел в себе смелость полюбить Ли Нэ. Я благодарна тебе и за председателя. В конечном счете ты оказался бойцом охраны, преданным председателю.

– Будьте покойны, я непременно буду защищать и любить Ли Нэ и Сяо Юя. Я сполна отвечу на милость ко мне председателя. – Ван Цзинцин заставил себя склонить голову.

– По-моему, ты – человек, у которого есть совесть, – на глазах Цзян Цин блеснули слезы. Она была растрогана.

* * *

Два месяца спустя Ли Нэ и Ван Цзинцин устроили дома празднество по случаю своей свадьбы. Канцелярия ЦК КПК прислала им в подарок к свадьбе цветной телевизор японского производства марки «Сони», немецкий двухкамерный холодильник и 3 тысячи юаней. При этом было сказано, что деньги выделены из оставшихся гонораров Мао Цзэдуна и что свою долю получили все его дети.

На свадьбе было не более 20 человек. При этом все со стороны невесты: ее родственники, близкие, друзья, коллеги по работе. Свидетелями выступали Ли Иньцяо и Хань Гуйсинь. Главным из приглашенных считался один из заместителей начальника канцелярии ЦК КПК. Кроме того, двое ветеранов-руководителей (их имена остались нам не известны) прислали своих секретарей с подарками.

Жених был счастлив. Его лицо покраснело от вина. Он не раз вспоминал о том, как более 30 лет тому назад он впервые увидел свою нынешнюю невесту. Тогда под горой, на которой стоит известная яньаньская пагода Баоташань, он, шестнадцатилетний боец охраны, смотрел на маленькую девочку, которую вели за руки председатель партии и экс-кинозвезда. Сам-то он был всего-навсего горемычным ребенком из крестьянской семьи в северной части провинции Шэньси, а сегодня он смог стать зятем великого вождя. Вот уж почет, вот уж слава! Ван Цзинцин решил посвятить себя, свою оставшуюся жизнь дочери председателя, дать ей пусть позднее, но счастье.

Ли Нэ была тоже очень рада. Она смотрела на доброе и бесхитростное лицо Ван Цзинцина и ощущала, что с этого момента и она сама, и ее сын обрели тихую надежную гавань.

Ей улыбнулось простое человеческое счастье. Это было для нее в ее положении самым главным в то время.

* * *

Жизнь, конечно, оказалась, как и обычно, очень непростой. Психика Ли Нэ время от времени давала сбои. В частности, 25 декабря 1988 г., накануне 95-й годовщины со дня рождения Мао Цзэдуна, Ли Нэ рано утром пришла на площадь Тяньаньмэнь и встала в очередь в Дом памяти своего отца. В соответствии с правилами она, как родственница Мао Цзэдуна, имела право пройти в его мавзолей через специальный вход с западной стороны. Однако Ли Нэ встала в длинную очередь рядовых посетителей и медленно продвигалась в этой очереди. Но охрана проявила бдительность. Ее высмотрели, извлекли из очереди и дали возможность вне очереди посетить траурный зал. Ли Нэ в это время была целиком погружена в свои мысли и слабо реагировала на то, что происходило вокруг нее.

Глава восьмая

Свояченицы и другие

В круг тех родственников Мао Цзэдуна, с которыми он общался довольно тесно, входили две его свояченицы. Это младшая родная сестра Хэ Цычжэнь Хэ И и старшая сводная сестра Цзян Цин Ли Юнься, или Ли Юньлу.

Ли Юнься была на 12 лет старше Цзян Цин и примерно на 10 лет моложе Мао Цзэдуна. Ли Юнься была уже замужем, когда Цзян Цин была еще ребенком. Они были сводными сестрами: у них был один отец, но разные матери. И тем не менее между ними сложились очень теплые отношения.

Муж Ли Юнься был офицером. Часть, в которой он служил, была расквартирована в Тяньцзине. Старшая сестра сэкономила на многом, даже на еде, чтобы только накопить деньги и оплатить учебу Цзян Цин. Во время каникул Цзян Цин жила в доме сестры, помогала ей по хозяйству, убирала, стирала белье, делала покупки.

В 1930-х гг. сестрам не приходилось встречаться, но взаимная симпатия сохранилась. Вскоре после образования КНР муж старшей сестры умер, и Цзян Цин пригласила ее жить к себе в Чжуннаньхай вместе с ее сыном, своим племянником Ван Бовэнем.

Ли Юнься была внешне несколько похожа на Цзян Цин. Это была женщина высокого роста, правда, не столь красивая, как Цзян Цин.

У Ли Юнься было одно преимущество перед Цзян Цин. По характеру Ли Юнься была порядочным и чувствительным человеком. Кроме Ван Бовэня, у нее был еще один сын,

который утонул, когда они жили в Шаньдуне. Его смерть настолько потрясла Ли Юнься, что она постоянно вспоминала сына, заливаясь слезами.

Главной заботой Ли Юнься, когда она появилась в Чжуннаньхае, в резиденции Мао Цзэдуна и Цзян Цин, было следить за бытом Ли Нэ. Ли Юнься с сыном жила в отдельном флигеле. Она была, повторим, очень неплохим человеком, но во всем слушалась Цзян Цин и очень баловала Ли Нэ, потакала ребенку во всем.

В это время в доме жила и дочь Мао Цзэдуна от Хэ Цзычжэнь Ли Минь. Ли Юнься, очевидно, стараясь угодить Цзян Цин, не обращала никакого внимания на Ли Минь, девочка для нее просто не существовала. Ли Юнься хорошо шила и обшивала Ли Нэ, но никогда не шила ничего для Ли Минь. Обычно Ли Минь отдавали обноски Цзян Цин. Ли Юнься часто говорила няне, которая обслуживала Ли Минь: «Ты смотри, не называй Цзян Цин в разговорах с Ли Минь мачехой, не испорти отношение Ли Минь к Цзян Цин и вообще не упоминай о Хэ Цзычжэнь».

Был, однако, человек, который проявлял заботу о Ли Минь. Это была Хэ И. Она была красивой женщиной, причем острой на язык. Хэ И чувствовала себя совершенно свободно в общении с Мао Цзэдуном. Когда Хэ Цзычжэнь и Мао Цзэдун расстались, Хэ И разругалась с Мао Цзэдуном. Она сказала ему, что он – неблагодарный человек, забывший свой долг. (Впоследствии она резко возражала против его брака с Цзян Цин.) Когда Хэ Цзычжэнь находилась в Сиани перед отъездом в СССР, Хэ И говорила Мао Цзэдуну: «Все, что случилось, это целиком и полностью твоя ошибка. Ты должен немедленно написать ей».

Хэ И сердилась на Мао Цзэдуна, выговаривала ему. Он только отмалчивался. Однако несколько дней спустя, когда Хэ И снова пришла к нему, Мао Цзэдун доложил ей: «Я написал твоей старшей сестре. Она не вернется. Уже отправилась в Советский Союз».

Услышав эти слова, Хэ И зарыдала и сказала, указывая пальцем на Мао Цзэдуна, что является сильнейшей степенью осуждения в Китае: «Это ты во всем виноват».

В отношении к своим дочерям Мао Цзэдун старался занимать нейтральное положение. В то же время борьба между двумя его свояченицами иной раз ставила Мао Цзэдуна просто в тупик.

Начать рассказ о ситуации, сложившейся в этой связи, придется, забежав несколько вперед. В конце 1950-х гг. у Мао Цзэдуна в партии и в стране было много проблем. Он даже связал трудную ситуацию в КНР, слышавшиеся отовсюду крики возмущения и стоны людей, выражение недовольства и даже ненависти к нему в связи с его политикой и ее губительными для миллионов людей последствиями, с трудностями личного плана. Неизвестно, сделал ли он это спонтанно или сознательно, но на Лушаньском совещании 1959 г., переходя в наступление против своих критиков, в том числе против Пэн Дэхуая (а ведь Мао Аньин погиб, находясь под началом именно Пэн Дэхуая), Мао Цзэдун, в частности, сказал: «Всегда, что ли, так бывает, что у закоперщика и наследников нет? Вот у меня были два сына. И что же? Один мертв, другой сошел с ума». Следовательно, мысли о детях занимали определенное место в размышлениях Мао Цзэдуна, но, с другой стороны, он не гнушался спекулировать на своих отцовских чувствах, желая эмоционально воздействовать на людей внутри руководства партии или просто закрыть им рты, поставить их в положение людей, связанных жалостью и человеческим сочувствием к нему.

Здесь необходимо напомнить, что фактически у Мао Цзэдуна были, кроме Мао Аньина и Мао Аньцина, еще три сына. Один из них родился у Хэ Цзычжэнь в Москве в 1938 г., но вскоре заболел и умер. Другой, рожденный Ян Кайхой в 1927 г., звался Мао Аньлун. Следы его затерялись в Шанхае в 1930-х гг. И, наконец, третий – Мао Аньхун, которого родила Хэ Цзычжэнь в 1932 г. Его еще называли Маомао. Это был здоровый малыш, очень похожий на отца. Однако спустя некоторое время после того, как он родился, для Мао Цзэдуна и его армии возникла очень сложная обстановка. Оставалось, как тогда обычно и поступали, либо отправить малыша к родственникам в родные места, либо передать на воспитание простым крестьянам. Хэ Цзычжэнь с болью в сердце была вынуждена оставить сына. Прощание было

тяжелым. Хэ Цзычжэнь никак не могла оторваться от младенца, давала ему грудь, плакала...

Это произошло во время длительного перехода из Восточного Китая на северо-запад страны. Когда же настал период нового, второго сотрудничества Компартии и Гоминьдана, Мао Цзэдун послал людей на поиски ребенка. Однако они не нашли следов ни его, ни той крестьянской семьи, в которой оставили малыша. Мао Цзэдун помнил о нем. Он даже называл свою дочь Ли Минь «маленькой Маомао».

И вот Хэ И в первые месяцы после образования КНР пришло в голову, что если бы удалось найти Маомао, тогда позиции Цзян Цин при Мао Цзэдуне не были бы столь прочными. Хэ И предприняла большие усилия, а женщина она была, как и все в семье Хэ, очень энергичная, и, наконец, нашла парня, которого звали Маомао. Ему было около 20 лет. Иначе говоря, по возрасту он мог быть тем самым ребенком. Он был внешне похож на Мао Цзэдуна. Хэ Цзычжэнь доставила его в Пекин, и в течение некоторого времени он жил в Чжуннаньхэ в семье Мао Цзэдуна. Предполагалось, что Мао Цзэдун должен был сам решить, кто перед ним.

Конечно, Цзян Цин и ее сестра Ли Юнься были крайне недовольны этой ситуацией. Как-то рано утром после бессонной, как обычно, рабочей ночи Мао Цзэдун вышел из своего кабинета-библиотеки и сказал, что желает, чтобы за завтраком собралась вся семья. В силу того, что у Мао Цзэдуна были весьма своеобразные привычки в быту и что в его резиденции существовали своего рода разграничительные линии между кланами и даже помещения резиденции были четко поделены между этими кланами, не часто случалось, чтобы Мао Цзэдун возжелал видеть, чтобы за трапезой собралось все семейство. На сей раз он высказал именно такое пожелание.

Погода в то утро стояла прекрасная. Солнце заливало дворцовые терема и отражалось в воде озера.

Возник было вопрос о том, в каком помещении устроить этот семейный завтрак. Тут Мао Цзэдун мерными шагами направился к флигелю, в котором жил тот самый молодой человек, привезенный Хэ И в качестве сына Маомао. Слово Мао Цзэдуна было законом. Принесли еду. Однако этот домик Цзян Цин рассматривала как «территорию, оккупированную врагом». Настроение Цзян Цин сказывалось на Ли Юнься, которая сидела как на иголках, вся набычилась, слушая разговоры остальных людей за столом.

Мао Цзэдун посмотрел на Ли Юнься. Вдруг она отодвинула свой стул назад, бросила палочки для еды в сторону Мао Цзэдуна и пулей выскочила из комнаты. Цзян Цин, которая, конечно же, знала причину такого поведения своей старшей сестры, многозначительно спросила: «Как вы думаете, почему моя старшая сестра так сильно возмущена?» Мао Цзэдун ответил: «Да все потому, что считает во всем виноватой Хэ И. Разве не так?»

Впоследствии было решено, а некоторые утверждают, что это удалось точно выяснить, что упомянутый молодой человек не был Маомао. Мао Цзэдун еще раз внимательно изучил все соответствующие документы и фотографии и сказал: «Нет, это не Мао Аньхун». Возможно, он решил, что в будущем могут возникнуть слишком большие хлопоты, если он признает этого молодого человека своим сыном. Того отправили из Чжуннаньхэ в родные места. После всего случившегося Ли Юнься, когда ей доводилось снова увидеть Хэ И, злобно шипела: «Если ты еще кого-нибудь приволочешь сюда, то придется объявить Чжуннаньхэ домом для подкидышей!»

Хэ И продолжала поиски Маомао и во время одной из таких экспедиций, как утверждали, погибла в дорожной аварии. Это случилось в 1950 г.

Ли Юнься через некоторое время тоже была вынуждена выехать из Чжуннаньхэ, так как у нее не сложились отношения с Мао Цзэдуном. Она долгие годы жила со своим сыном в Пекине. В 1988 г. она заболела и умерла. Ее сын Ван Бовэнь, племянник Цзян Цин, работает в Университете Цинхуа.

Необходимо также особо рассказать о Ван Хайжун, так как она играла довольно существенную роль, тесно общаясь с Мао Цзэдуном на протяжении последних лет его жизни. Чем-то Ван Хайжун так понравилась Мао Цзэдуну, что он доверился ей, допустив к себе.

Все началось в 1962 г., когда Мао Цзэдун отмечал свое 70-летие. (Согласно принятому в Китае традиционному счету 70 лет Мао Цзэдуну исполнилось именно в 1962 г., ибо год рождения человека и считается первым годом его жизни. – Ю.Г.) 26 декабря в павильоне Цзюй-сяншу в Чжуннаньхае были накрыты два стола. На юбилей, помимо родственников, были приглашены четверо старейшин из родной провинции Мао Цзэдуна Хунань. Он всегда любил при случае подчеркнуть, что уважает людей старшего поколения. На сей раз каждому из этих четверых было заранее предложено взять с собой кого-нибудь из младшего поколения, скажем сына или дочь. Это были четыре человека в почтенном возрасте: Чэн Цянь, Е Гунчжо (Чоу Ло), Чжан Шичжао и Ван Цифань. Господин Ван Цифань был дальним родственником Мао Цзэдуна, двоюродным братом его отца. Вот он-то и привел тогда на торжественный банкет свою внучку Ван Хайжун. В других источниках утверждается, что Ван Хайжун вообще была дочерью младшего брата Мао Цзэдуна Мао Цзэминя, которую впоследствии взяла на воспитание семья Ван. Как бы там ни было, а начиная с этого вечера возникли и существовали до самой смерти Мао Цзэдуна некие особые отношения между ним и Ван Хайжун.

В то время девица Ван Хайжун упорно занималась изучением английского языка в пекинском институте иностранных языков, она была особой весьма сурового вида. Голова ее была, в понимании Мао Цзэдуна, подобна листу белой бумаги. Несмотря на молодость, Ван Хайжун можно было сразу отнести к «людям старого закала». Такими Мао Цзэдун привык видеть своих старых соратников по многолетней борьбе. Для них не существовало сомнений. Они верили, и верили прежде всего в Мао Цзэдуна. Живя этой верой, они органически отвергали все, что отвергал Мао Цзэдун. Ван Хайжун было тогда, в 1962 г., около 20 лет.

В институте иностранных языков английский Ван Хайжун преподавала знающий педагог Чжан Ханьчжи. Чжан Ханьчжи была дочерью Чжан Шичжао. В этом качестве она тоже присутствовала на уже упоминавшемся званом обеде.

В свое время в Яньани Мао Цзэдун начинал изучать английский язык, пытался упражняться в произношении английских слов. За праздничным столом Мао Цзэдун обнаружил, что тут присутствуют две молодые женщины – его, так сказать, «коллеги» по изучению английского языка. Мао Цзэдун необыкновенно обрадовался этому. Он начал было со своим тяжелым акцентом произносить известные ему несколько английских слов, чем немало потешил этих двух особ из института иностранных языков. Мао Цзэдун при этом и сам веселился. Указывая на них пальцем, он говорил: «Ну что вы смеетесь, чертовочки. Я ведь сейчас учусь, как говорится, нахожусь на полпути, везде натыкаюсь на камни. Вот вы бы и помогли мне эти камешки с дороги-то убрать!»

Трудно сказать, знал ли ранее Мао Цзэдун что-либо о Ван Хайжун и Чжан Ханьчжи. Исключать этого нельзя. Со всей определенностью можно лишь сказать, что после этой встречи Ван Хайжун и Чжан Ханьчжи стали часто бывать в Чжуннаньхае. Считалось, что они помогали Мао Цзэдуну изучать английский язык.

Чжан Ханьчжи делать это было нелегко. Она преподавала, у нее в институте была большая педагогическая нагрузка. Она была обременена и собственными домашними делами. Ей трудно было часто выбираться к Мао Цзэдуну. Но ведь и отказываться было никак невозможно. Да она была и заинтересована в знакомстве и общении с Мао Цзэдуну. Будучи очень честолюбивой, она строила далекие планы; для нее уроки английского языка, которые она давала Мао Цзэдуну, были отправной точкой для приобретения положения в «высшем свете» Пекина.

Ван Хайжун была сама себе хозяйка. Она была легка на подъем. Девица одинокая,

очень энергичная. Помимо занятий английским языком, Мао Цзэдун вел с ней беседы на отвлеченные темы. Он заполучил в ее лице благодарного собеседника, а вернее, слушательницу. Ван Хайжун была молода и довольно привлекательна. Он чувствовал, что она никак не угрожает его безопасности. Она была новым лицом в его окружении. Наконец, она была даже его родственницей. Словом, это была та молодая китайская женщина, которую он хотел лепить, формировать. Он получал удовольствие от общения с ней. При этом Мао Цзэдун, который в то время, будучи вынужден на некоторое время как бы «отойти в тень», на второй план, в политической жизни страны, страдал от отсутствия такого рода аудитории или слушателей, начал демонстрировать перед Ван Хайжун свои умственные способности. Он обожал ставить собеседников в тупик своими, на первый взгляд совершенно парадоксальными высказываниями. Это был обычный прием Мао Цзэдуна. Собеседникам иной раз казалось, что он обладает сверхчеловеческой смелостью, «посягает на основы». Жизнь к тому времени в КНР была так скована системой и режимом, что становилась общепринятой и бесспорной мысль о том, что лишь один человек, Мао Цзэдун, имеет право и способен высказывать новые мысли, открывать горизонты.

Как-то раз Мао Цзэдун спросил Ван Хайжун:

– А что ты еще читаешь, помимо книг по специальности?

Она ответила:

– Читаю ваши книги, председатель. Особенно по философии.

– Эх, все мои работы – это одна белиберда, – вздохнул Мао Цзэдун. – Я ведь не читал основополагающих трудов Маркса, Ленина. Иностранными языками я не владею. А читал я все только древние книги, которые мы называем четырехкнижием, пятикнижием. Да кроме того, как говорится, набил полный живот историями двадцати пяти династий. Что же касается Канта и Гегеля, то они мне знакомы только по обложке. Понял я из них лишь самую малость. Поэтому-то я особенно и не возражаю, когда кое-кто утверждает, что мои книги – это часть конфуцианской культуры, часть конфуцианского учения и что в них полным-полно национальных идей.

Ван Хайжун сделала большие глаза. Она была действительно поражена. Для нее это было откровением. Речь шла, с ее точки зрения, о таких прекрасных, таких таинственно-великолепных трудах, а Мао Цзэдун характеризовал их как кипу никому не нужных бумаг. Очевидно, реакция Ван Хайжун очень понравилась Мао Цзэдуну.

Далее в этой же беседе Мао Цзэдун удивил Ван Хайжун еще больше:

– Тебе надо было бы прочитать Библию и Коран. Особенно в оригинале. Иностранные языки – это величайший капитал. Ведь китайцы, люди Китая, тоже верующие, религиозные, а потому, если взять хоть меня, то получается, что я тоже, пожалуй, именно и есть религиозный вождь. Вся разница в том, что мне не приносят жертвоприношения в виде каких-нибудь там деревянных рыб и прочего.

У Ван Хайжун в глазах совсем потемнело. Ей, человеку с опытом жизни всего в 20 лет, никак было не понять сложные и глубокие мысли человека, которому было уже за 70 лет. Ван Хайжун стала для Мао Цзэдуна одной из тех женщин, к которым он тянулся не по причине плотских желаний. Ван Хайжун можно считать одним из объектов своего рода платонической любви или привязанности Мао Цзэдуна.

Был и еще один случай. Это произошло в то время, когда в стране была развернута горячая дискуссия по вопросу о романе «Сон в Красном тереме»⁶. Как-то раз в присутствии Мао Цзэдуна Ван Хайжун спонтанно начала рассказывать об одном из своих соучеников. Он бросил заниматься и английским, и французским языками, а вместо того целыми днями все читал и читал роман «Сон в Красном тереме», читал и смеялся, читал и плакал, просто

⁶ «Сон в Красном тереме» – роман-эпопея крупнейшего китайского писателя XVIII в. Цао Сюециня (1715–1764).

сходил с ума, да при этом еще и утверждал, что жизнь человека и вообще все сущее в подлунном мире – это все суета сует, дело пустое, что он не желает больше учиться, а уйдет в монастырь, в монахи.

Услышав этот рассказ Ван Хайжун, Мао Цзэдун громко расхохотался. Затем он спросил у нее:

– А ты сама-то читала этот «Сон в Красном тереме»?

– Читала.

– И кто же из героев тебе понравился?

– Да никто. – Ван Хайжун продолжила: – Прежде чем читать такие вредные книги, надо сделать профилактическую прививку, тогда, может быть, не заразишься.

Мао Цзэдун откинулся в своем резном кресле из красного дерева. Он долго смотрел на головку Ван Хайжун с двумя косичками. Тяжело покачал головой и сказал:

– Вот, возьмем, например, море. Оно способно поглотить целую сотню рек, и в нем все еще останется место. А море по-китайски – «хай». Тебя, следовательно, назвали: «Бездонная, как море». Ты способна поглотить столько же, сколько способно вместить в себя целое море. А ты оказываешься недостойной своего же собственного имени, прекрасного имени. И ведь наверняка существует очень много студентов, которые мыслят так же, как и ты. Спрашивается, ну почему в нашем новом Китае молодежи свойственна такая узость мышления, такой примитив?

Ван Хайжун с изумлением смотрела на Мао Цзэдуна. Она просто не могла пошевелиться. Она не могла произнести ни слова.

Мао Цзэдун взял со стола старое издание романа «Сон в Красном тереме», прошитое и скрепленное нитками. Поля были испещрены его пометами, там были и длинные рассуждения.

– Я к настоящему моменту прочитал эту книгу уже в пятый раз, этот вот роман «Сон в Красном тереме», – сказал он. – И если, как ты говоришь, тот ваш студент при чтении этого романа был как будто бы опален огнем, если он просто больше ничего не мог читать, и решил больше и не читать ничего, то как же можно думать, что тут виновата книга, что это ошибка романа?

Ван Хайжун вся залилась краской. Она пообещала, что еще раз прочитает этот роман.

По окончании института Ван Хайжун направили на работу в Министерство иностранных дел. Английский язык был у нее, как говорили, в прекрасном состоянии. Однако мыслила она по-прежнему крайне ортодоксально. С ее точки зрения, современная женщина могла быть только интернационалистом и коммунистом, и больше никем; но, конечно, коммунистом и интернационалистом, целиком подчиняющимся Мао Цзэдуну, без раздумий выполняющим все его желания и указания.

Вскоре Ван Хайжун заняла место личного переводчика Мао Цзэдуна. Если просмотреть газеты, то на фотографиях конца 1960 – начала 1970-х гг., в кинохронике, немногих кадрах телевизионных съемок, можно видеть за спиной Мао Цзэдуна молодую женщину с круглым личиком, белой кожей и короткими волосами. Это и была Ван Хайжун.

В своей карьере она стремительно взмыла вверх. В 1972 г. Ван Хайжун занимала в МИД КНР пост начальника управления, помощника министра. Все вокруг знали, что она пользуется доверием Мао Цзэдуна. Он и сам использовал ее при особых обстоятельствах. Например, когда после гибели Линь Бяо Мао Цзэдун решил вернуть на политическую арену Дэн Сяопина, то практически это произошло следующим образом. В зал, где должен был состояться прием в честь принца Нородома Сианука из Камбоджи, совершенно неожиданно для присутствовавших Ван Хайжун ввела, поддерживая его под руку, исхудавшего Дэн Сяопина. Было общеизвестно, что его, как «вторую по важности фигуру, идущую по капиталистическому пути», Мао Цзэдун отправил в свое время в «политический запасник». И вот тут, в присутствии хозяина банкета Чжоу Эньлая, Ван Хайжун на своем беглом английском языке представила присутствовавшим иностранным журналистам, которые просто отказывались верить своим глазам, Дэн Сяопина, объявив, что он теперь занимает

пост заместителя премьера Государственного совета КНР. Конечно, Мао Цзэдун знал что делал. Сам тот факт, что об этом публично объявила Ван Хайжун, убеждал прежде всего китайцев, а за ними и иностранцев в том, что Дэн Сяопин возвращен в политическую жизнь по воле Мао Цзэдуна.

Однажды холодным ноябрьским днем 1973 г. Мао Цзэдун сказал Ван Хайжун, которая к тому времени была уже назначена заместителем министра иностранных дел КНР: «Ты знаешь, я уже поприветствовал того, высшего, верхнего Небесного императора». Мао Цзэдун ни в малейшей степени не скрывал от нее своего ухудшившегося состояния здоровья.

В 1971 г. у Мао Цзэдуна в результате простуды началось воспаление большой доли легкого, а воспаление легких вызвало сильнейшую кислородную недостаточность. В результате развития этих процессов Мао Цзэдун впал в шок и оставался в этом состоянии довольно долго. Хотя его реанимировали, но после случившегося он уже больше не мог лежать на кровати. Днями и ночами он сидел в кресле. На это накладывались симптомы болезни Паркинсона. Мао Цзэдун всем телом непрерывно дрожал, из углов рта у него беспрестанно лилась слюна. Он уже не мог держать в руках ни карандаш, ни кисть, ни палочки для еды. Слова он произносил крайне неразборчиво.

В те времена при нем, помимо телохранителей, лечащего врача, старшей медсестры и Чжан Юйфэн, находились еще только два человека: Мао Юаньсинь и Ван Хайжун. Начиная с 1974 г. многие его указания оформлялись именно этими двумя людьми. Мао Юаньсинь и Ван Хайжун перекладывали нечленораздельные высказывания Мао Цзэдуна на понятный всем язык.

Цзян Цин рвалась к высшей власти, при этом Мао Юаньсиня она держала в своих руках. Она пыталась перетянуть на свою сторону и Ван Хайжун. В определенном смысле можно было сказать, что Ван Хайжун, будучи заместителем министра иностранных дел, стала языком Мао Цзэдуна, ее слова стали голосом Мао Цзэдуна.

Однажды Цзян Цин высказала свои мысли в беседе с Ван Хайжун, пожелав, чтобы та замолвила за нее словечко перед Мао Цзэдуном.

В этих обстоятельствах и проявился тот весьма своеобразный сплав человеческого и политического содержания, которым были наполнены и поступки, и слова Мао Цзэдуна. Он по-человечески хотел иметь при себе, при своем теле молодую женщину, в частности Ван Хайжун (возможно, Ван Хайжун дополняла Чжан Юйфэн, ибо последняя не была включена в политическую жизнь). Ее характер и политический настрой были ему необходимы. Он верил в ее преданность, он нашел в ней то, что было ему тогда очень нужно: Ван Хайжун политически не была связана ни с кем, в частности с Цзян Цин.

Ван Хайжун владело только одно чувство – чувство преданности Мао Цзэдуну. Когда Мао Цзэдун услышал от Ван Хайжун о том, что Цзян Цин хотела бы после его смерти стать «императрицей», то есть первым человеком в КПК и в КНР, он повел себя следующим образом: прихлебнул из кружки свой любимый лунцзинский зеленый чай, гладкой бескровной рукой погладил старческие пигментные пятна на другой своей руке, а затем карандашом на листе бумаги, предназначенной только для его личных записей, с трудом вкривь и вкось что-то написал. Эти иероглифы смогла разобрать только Ван Хайжун. Там было написано: «Пусть премьер Чжоу Эньлай побольше отдыхает, пусть Ван Хунвэнь побольше учится, пусть Дэн Сяопин побольше работает, пусть Цзян Цин поменьше говорит».

Цзян Цин, естественно, была в бешенстве. Она возненавидела Ван Хайжун до глубины души. Этот поступок в дальнейшем сказался на судьбе Ван Хайжун. Он лишний раз свидетельствовал о том, что она не попала под воздействие Цзян Цин.

В последние годы жизни Мао Цзэдуна Ван Хайжун была одним из тех людей, которые отвечали за состояние его здоровья. Она, когда нужно было, кормила с ложки старого человека (конечно, по большей части этим занимались Чжан Юйфэн и медсестры). Ведь сам он к тому времени не только не мог даже пиалу с едой поднять своей рукой, но и вообще

ничего не мог сделать. Он лишь лежал или полулежал, приваливаясь боком к кровати. В этом положении он был способен проглотить несколько кусочков рыбки и чуточку рисовой каши. Когда он хотел опуститься на кровать или подняться с кровати, Ван Хайжун помогала ему. Она сопровождала его в другие комнаты, в кабинет или гостиную. Мао Цзэдун передвигался с трудом, волочил ногу. Руки и ноги у него стали как будто бы не свои. Когда он усаживался в кресло, у него с подбородка текли слюни. Он ничего не говорил и погружался как бы в раздумья. Ван Хайжун при всем этом совершенно безмолвно сопровождала его. Руководители ЦК КПК, приходившие за указаниями к Мао Цзэдуну, только благодаря ей могли понять его мысли. Она стала своеобразным переводчиком Мао Цзэдуна для других китайцев. Прощаясь со своими гостями, Мао Цзэдун в то время их уже, конечно, не провожал. Он, неразборчиво произнося слова, говорил: «Она (Ван Хайжун. – Ю.Г.) очень хорошо обо мне заботится. Никогда не позволяет мне слишком много говорить».

Ван Хайжун осталась свидетелем того, что говорил Мао Цзэдун, когда рассуждал на тему о том, как поступить с его телом после того, как он умрет.

Для Мао Цзэдуна это был очень непростой вопрос. Тут он хотел сделать все так, чтобы это было для него политически выгодно и после смерти.

Еще в 1956 г. во время рабочего совещания ЦК КПК, которое проходило в Чжуннаньхае в зале Хуайжэньтан, Мао Цзэдун выдвинул предложение кремировать его. Более того, он сделал соответствующую запись в книге завещаний руководителей страны, подписавшись: «Мао Цзэдун. 17 апреля 1956 года». Может быть, это был жест, навеянный размышлениями после доклада Н.С. Хрущева о «культе личности» И.В. Сталина.

Однако кажется, что Мао Цзэдун очень мучился противоречиями. Известно, что он также говорил: «Когда я умру, перевезите мое тело в Сянтань» (в его родную деревню. – Ю.Г.). Он хотел быть похоронен на родине в уезде Сянтань, вернуться к своим корням.

В начале 1970-х гг. Мао Цзэдун побывал на кладбище Бабаошань в Пекине (аналог Новодевичьего кладбища в Москве) и сам для себя выбрал место для захоронения. Он не один раз ездил туда, чтобы еще и еще взглянуть на это место. Кажется, его последняя воля состояла в том, чтобы его тело похоронили под могильным холмом. Это должна была быть могила за номером 886 на кладбище Бабаошань.

* * *

После смерти Мао Цзэдуна в руководстве партии возникли разногласия по вопросу о том, как поступить с его телом. В конечном счете было решено превратить мумию Мао Цзэдуна в «могучую силу», что помогало стабильности ситуации в партии и в стране, укрепляло претензии руководителей КПК на власть в Китае. Вот тогда-то на пекинской площади Тяньаньмэнь – самой просторной площади в КНР – и построили крупнейший из современных мавзолеев – Дом памяти председателя Мао. Его расположили напротив трибуны, стоя на которой вожди КНР и КПК приветствовали проходившие внизу по площади колонны людей во время торжественных и праздничных дней. Ван Хайжун же в частной беседе говорила: «Тем самым была нарушена предсмертная воля председателя Мао». Получилось так, что свои интересы оставшиеся в живых руководители партии поставили выше предсмертной воли Мао Цзэдуна. Его тело стало собственностью руководства партии.

Судьба самой Ван Хайжун сложилась после смерти Мао Цзэдуна следующим образом. Она попала под следствие, была отстранена от работы и должна была отвечать на вопросы сотрудников специальных служб, которые доискивались, не связана ли она с Цзян Цин и другими выдвиженцами «культурной революции».

Пока тянулось следствие, а затем и судебное разбирательство по делу «четверки», Ван Хайжун сидела дома. Собственно говоря, она находилась под домашним арестом, правда,

очень мягким. Она выращивала цветы, сеяла траву, читала книги, занималась переводами. При этом она практически была лишена возможности куда-либо выходить из своего двора и с кем-либо общаться, кроме своих домашних. Так она провела восемь тоскливых лет. В 1984 г. Ван Хайжун вызвали в орготдел ЦК КПК, предложив вернуться к работе. Она сказала, что желала бы стать членом группы консультантов Государственного совета КНР. Объясняя свое желание, Ван Хайжун подчеркнула: «В свое время мой дедушка Ван Цифань (тот самый, который привел ее на празднование 70-летия Мао Цзэдуна. – Ю.Г.) был консультантом ГС КНР. Он смог выполнять эту работу. Я тоже смогу это делать». Ван Хайжун направили работать в качестве заместителя заведующего группой консультантов ГС КНР. Это должность в ранге заместителя министра.

Внешне Ван Хайжун не изменилась. Она по-прежнему носит короткую стрижку. На ней всегда китель с тремя пуговицами, матерчатые туфли с закругленными носами. Она предпочитает серые и голубоватые тона. Она откровенна в беседах. В ее характере есть и перчинка, присущая хунаньским женщинам. Она не гнушается сама убрать туалет в своем учреждении, если сочтет это нужным, взять в руки ведро и тряпку.

Ван Хайжун до сих пор так и не вышла замуж. Она живет с матерью, младшим братом, его женой и двумя племянниками. Ван Хайжун говорит, что она ни о чем не жалеет и не сетует на судьбу.

* * *

Существует много слухов о знакомствах Мао Цзэдуна с женщинами. Эти знакомства делятся на две категории. С одной стороны, речь идет об известных именах, преимущественно из среды литераторов и артистов. С другой стороны, говорят о многочисленных партнершах Мао Цзэдуна по танцам на более или менее длительные сроки из числа специально проверенных и подобранных для него женщин.

Если говорить о первой категории, то здесь упоминают об очень красивой театральной актрисе Фэн Фэнъин, которая в свое время играла в спектаклях театра в Яньани. Следы Фэн Фэнъин загадочно теряются.

Имеются некоторые свидетельства того, что на некоторое время возник взаимный интерес друг к другу у Мао Цзэдуна и известной писательницы и, кстати, его землячки Дин Лин. Мао Цзэдун, как говорили, даже отводил ей особое место среди «72 женщин в своем дворце». При этом он считал, что первой женой, законной супругой императора, так сказать, своего рода Цыси была тогда Хэ Цзычжэнь. Дин Лин Мао Цзэдун видел в роли своей второй жены. Известно, что в дальнейшем Дин Лин более 20 лет, с 1955 по 1979 г., провела в тюрьме и подвергалась политическим преследованиям.

Довольно длительным считают роман Мао Цзэдуна с одной из самых знаменитых звезд китайского экрана 1930–1940-х гг. красивой шанхайской киноактрисой Шангуань Юньчжу. И ее судьба оказалась трагичной. После расставания с Мао Цзэдуном в ее жизни произошли несчастья: сначала военный грузовик задавил ее единственную дочь (а жила она без мужа), а потом и сама Шангуань Юньчжу, не вынеся смерти ребенка, ушла из жизни.

В Ухане Мао Цзэдун встречался с известной цирковой артисткой, гуттаперчевой женщиной-змеей Ся Цзюйли.

В конце жизни, когда Мао Цзэдуну отказало зрение и он не мог читать, ему подобрали красивую чтицу-декламаторшу Лу Ди, которая тоже ублажала его.

Что же касается другой категории, то тут важно отметить, что в КПК и в КНР в 1954 г. по инициативе все того же организатора быта Мао Цзэдуна Чжоу Эньлая был даже принят специальный порядок, согласно которому определенные категории руководителей, скажем, члены Политбюро ЦК партии, первые секретари провинциальных парткомов, командующие и политические комиссары больших военных округов, заместители главы правительства

КНР, имели право и просто должны были в партийном и административном порядке обеспечиваться специально и индивидуально обслуживающей, людьми, которые были предназначены для того, чтобы, как это называлось, «хранить и беречь их здоровье». Им были положены такого рода медработники.

Кстати сказать, было регламентировано практически все. Было расписано, кто имел право на личные железнодорожные составы. Это было «положено» членам постоянного комитета Политбюро ЦК КПК. В дальнейшем наряду с железнодорожными спецсоставами появились и личные, так сказать, домашние самолеты. На таком личном спецсамолете «Трайидент» и разбился со своей семьей маршал Линь Бяо. В различных провинциях страны в наиболее живописных местах круглый год стояли пустые, но меблированные и со скучавшей прислугой дачи под соответствующими номерами: дача Мао Цзэдуна имела № 1, дача Лю Шаоци – № 2 и т. д. Туда время от времени являлся тот или иной руководитель со своей семьей и челядью. Обычно их было несколько десятков человек. Они жили, ели и пили практически за казенный счет, ибо цены были смехотворными. На содержание их транспорта и дач тратились большие средства из партгосказны. Да и в быту руководители имели свои привычки. Чжу Дэ, например, был непритязателен в еде, однако любил, чтобы на столе у него всегда был свежий батат и за ним, за этим бататом (как в СССР за свежей рыбкой для М.А. Суслова), гоняли самолет, скажем, из Лушаня в Северо-Восточный Китай. Чжоу Эньлай обожал французскую кухню, возил с собой на отдых специального повара из Шанхая, лучшего специалиста по французским блюдам. Чжоу Эньлай требовал, чтобы у него на столе все было, что называется, только с пылу с жару. Чэнь Юнь непременно заставлял повара отведать при нем первый кусок приготовленных кушаний. И так далее и тому подобное. Это была устоявшаяся система, о которой и поныне мало что известно.

Мао Цзэдуну целая служба, организованная для подобной «работы», обеспечивала «партнерш для танцев», а бригада медиков специально заботилась о сохранении его половой потенции. «Партнершами» были, как правило, артистки ансамблей песни и пляски того или иного военного округа или рода войск. Их отбирали специальные службы, изучая их классовое происхождение. Их осматривали врачи, выясняя состояние девственной плевы и гарантируя, что они не являются источниками половых болезней. С ними, наконец, проводили беседы руководители организаций и политические комиссары, от которых те получали персональные задания ублажать только и исключительно Мао Цзэдуна во время танцевальных вечеров и их продолжений. Все это рассматривалось как задание партии и родины. Дело было в какой-то степени добровольное. Хотя тех, кто отказывался, потом, как говорится, загоняли туда, куда Макар телят не гонял. Следы их обычно терялись. Да и тех, которые нравились и подходили Мао Цзэдуну, после того как он терял к ним интерес, тоже умело и мгновенно убирали; следов практически не оставалось.

Говорят также, что когда на танцы Мао Цзэдуну начали подставлять девушек из военного ансамбля, который в свое время работал у Пэн Дэхуая в Корее во время войны, и эти девушки пожаловались Пэн Дэхуаю, маршал сказал Мао Цзэдуну прямо в лицо все, что о нем думает. После этого Пэн Дэхуай отдал приказ упразднить ансамбль, прикомандированный тогда к Чжуннаньхаю. Кого-то из девушек и молодых женщин Пэн Дэхуаю удалось таким образом уберечь. Но затем был создан и передислоцирован в Пекин другой ансамбль. Все пошло как и было заведено.

Утверждалось, что Пэн Дэхуай однажды, прибыв по срочному делу с фронта из Кореи, когда на передовой гибли люди и ситуация для частей китайской добровольческой армии была тяжелой, никак не мог попасть к Мао Цзэдуну и был вынужден томиться в передней. А когда Пэн Дэхуай силой ворвался к нему, то увидел, что Мао Цзэдун забавлялся с девицей. Этот случай тоже обострил отношения между Мао Цзэдуну и Пэн Дэхуаем.

Одним словом, начав «танцевать» в 1937 г., Мао Цзэдун продолжал это делать до 1963 года, и даже (в немногих редких случаях) до 1965 г., то есть когда ему было уже за 70. Система прижилась. Вслед за Мао Цзэдуну и многие работники номенклатуры пользовались клубничкой как бы в освященном поведением вождя порядке.

* * *

У Мао Цзэдуна был двоюродный брат Хэ Сяоцю. Мальчишками они дружили, вместе росли в родной деревне Шаошаньчун. Затем жизнь разнесла их в разные стороны. В 1949 г. Хэ Сяоцю узнал голос Мао Цзэдуна, провозгласившего на площади Тяньаньмэнь создание Китайской Народной Республики: «Отныне китайский народ поднялся во весь рост!» Хэ Сяоцю послал Мао Цзэдуну письмо и получил от него ответ.

Когда Хэ Сяоцю заболел, Мао Цзедун пересылал ему на лечение деньги: сначала триста, а потом еще сто юаней. Однако двоюродные братья так и не встретились. 8 октября 1960 г. Хэ Сяоцю умер.

Перед смертью он завещал своему сыну, двоюродному племяннику Мао Цзэдуна Хэ Фэншэну, встретиться с Мао Цзэдуном и со всей откровенностью на правах родственника поведать ему о том, как на самом деле живут люди в деревне.

Хэ Фэншэн отличался типичным хунаньским характером: ему сам черт был не брат. Он вскоре после смерти отца приехал в Пекин, пришел к воротам резиденции ЦК КПК Чжуннаньхуа и потребовал у охраны, чтобы его пустили повидаться с родственником.

Такая встреча через несколько дней состоялась. Хэ Фэншэн рассказал Мао Цзэдуну о том, как обстояли дела в его родных местах.

Он поведал следующее: начался «великий скачок», потребовали создавать коммуны. А ведь как непросто было каждому крестьянскому двору, каждой семье обзавестись к тому времени каким-никаким, а своим домом, хозяйством. И вот в одну ночь все это было в буквальном смысле слова порушено. Стены домов, сложенные из местного кирпича, велели разрушить, истолочь и пустить на удобрение. И тогда сразу же довели дело до того, что куры стали бегать где попало, собаки стали рыскать, перескакивая бывшие стены крестьянских хозяйств. Люди стали плакать, взывая к памяти родителей. Затем стали соединять по сто, по двести дворов; чем больше были масштабы такого соединения хозяйств, тем больше, считалось, появляется коллективного хозяйства. Тут, если бы Отец Небесный наслал пожар, так сразу запылало бы все это коллективное хозяйство с одного конца деревни до другого, так как понастроили взамен отдельных домов крестьянских семей общие бараки из камыша на несколько сот человек, разделив их на небольшие каморки.

Небольшие металлические котлы для приготовления пищи, которые были в каждом крестьянском дворе и принадлежали каждой семье в отдельности, разбили; малые очаги во дворах разрушили и пустили на удобрение. Даже палочки для еды, даже плошки и блюда – все сделали общественным. Каждой производственной бригаде разрешили иметь только одну общую столовую на всех. Тут все стали есть из одного большого котла; была создана следующая система питания: каждому выдавалось по одинаковой миске еды; людей стали кормить вторично подогретым рисом, и никто при этой системе не наедался досыта; изо дня в день людям выдавали только редьку, тушенную в сое, а масла клали с гулькиным носом; и вот у мужчин от такого питания вспучило животы, они уже не могли ходить, а женщины перестали рожать, отошались до того, что их просто ветром сносило.

Голод свирепствовал. Душа болела. И ведь, что там ни говори, а началось воровство. Ведь не могли же люди просто уставиться в одну точку и ждать смерти. Поэтому некоторые были вынуждены идти на общественные поля, дергать из земли все ту же редьку и тут же жевать ее. А если их заставляли за этим занятием дежурные народные ополченцы, то связывали веревками из джута и подвешивали на полночи.

«А что же ты-то смотрел, ты – бригадир?» – такой вопрос задал Мао Цзедун.

Хэ Фэншэн ответил, что бригадир – тоже только простой член коммуны. Сегодня только старшины, начальство – одна компашка, только они и едят досыта, не голодают. Если бы можно было людям наесться досыта, то я не стал бы к вам обращаться. Как бы там ни было, делайте со мной что хотите, а пока не ликвидируют эти общественные столовые, я останусь тут и домой не вернусь!

Так заявил Хэ Фэншэн, отпил чая, придвинулся к Мао Цзэдуну и спросил: «Разве вы не говорили, что партия и народ – кровные братья, что отношения между ними – это отношения между плотью и кровью? А сейчас получается, что шкура – это шкура, а мясо – это мясо, и что – это все ЦК сделал? Или это все внизу сотворили какие-то руководящие работники?»

Мао Цзэдун сказал: нет, не они; в свое время несколько завышенно оценили обстановку; ответственность за это лежит на ЦК. Вся страна всего за год с небольшим перешла от кооперативов высшего типа к народным коммунаам; поторопились тут с продвижением. В некоторых районах действительно подготовили условия, а в других местах только поспешали угнаться за общей обстановкой, а кое-где и вообще не подготовились, а пустили дело на волю ветра, подняли, как говорится, поветрие. Кое-что рождалось и внизу, а в ЦК тоже не обязательно все было ясно.

Тогда Хэ Фэншэн рассказал Мао Цзэдуну о том, как в одном из уездов решили сразу же превратить бросовые земли в прекрасные поля и всех сразу сделать толстыми и сытыми. Направили тысячи людей строить высоченные, многометровые в высоту, дамбы и копать водохранилища.

И вот, вне зависимости от того, какая была на дворе погода: и в дождь, причем не только днем, но и по ночам, при ветрах и при снегопаде, все должны были работать. Был брошен лозунг: «Считать большой, сильный дождь мелким морозящим дождичком, а мелкий дождичек вообще не считать за дождь, а когда валит снег, то считать, что погода ясная и солнечная, а когда замерзает вода и на ее поверхности образуется лед, считать этот день днем, прекрасно подходящим для работы». В пословице говорится, что если не съешь полмеры зерна, то и не поднимешь ношу весом в дань⁷. А тут заставляли поднимать тяжелую ношу голодных людей, которые получали на обед всего полцзиня⁸ проса. Да еще от них требовали сначала выполнить задание; на одного работника в день положили норму: вырыть более десяти кубометров земли. Но тут люди хитрые как-то выкручивались, а добросовестные люди только изводились и нервничали; на пустой желудок работать все равно надо было, а в бараках, сооруженных из камыша, было грязно и сыро; лили дожди, падал снег; и вода и снег попадали внутрь этих бараков; да и ветры дули сильные, они пронизывали насквозь. И руководители действовали ужасно, из рук вон плохо относясь к людям. Когда все замерзало и поля оказывались под снегом, они все равно требовали, чтобы работали голыми руками, и только такой труд называли активным, проявлением активности в труде; ну скажите, разве это нравственно, разве этим руководителям не недостает совести, моральных качеств?

Сейчас все кадровые, руководящие работники наперебой стремятся, что называется, «запускать спутники», то есть устанавливать рекорды, вернее, докладывать о рекордах, но ведь на самом-то деле они запускают дутые спутники. Они не стремятся к истине, опираясь на факты, не действуют по совести и на основе фактов. А те из них, которые фальшивят, обманывают, затем становятся героями и могут даже получить повышение. Батат гниет, оставленный на полях; плуги лежат брошенные. Рис люди не хотят убирать, поджигают урожай. В амбарах нет ни зернышка, а все еще продолжают твердить о том, что урожайность достигла нескольких тысяч цзиней с каждого му. Когда поджидают начальство с проверкой, тогда на один участок поля собирают растения с нескольких полей, берут их оттуда, где рис удался, и твердят, что у них, дескать, получают с каждого му по несколько тысяч цзиней. Воят, что великий скачок принес великий урожай, но ведь все это курам на смех; как говорится, тут сам черт так хохотал, что у него зубы вывалились. А те люди, которые творят эти фальшивки и фальшивят в своих речах, это ведь те же самые люди, которые становятся чиновниками и получают поощрения; и они же жрут и пьют в три горла. Кадровые,

⁷ Дань – китайская мера сыпучих тел и объема, равная примерно 100 л.

⁸ Цзинь – китайская мера веса, равна ок. 500 г.

руководящие работники ведут себя как господа; они самым серьезным образом оторвались от народа, а народ, простые люди, мрут от голода; им остается только втихомолку, когда их никто не видит, грозить Небу и ругаться матерными словами.

Хэ Фэншэн не мог больше говорить и заплакал.

Так пролетели три часа. Секретарь за это время трижды возникал в комнате и предлагал Мао Цзэдуну отдохнуть.

Во время следующей встречи с Мао Цзэдуном Хэ Фэншэн, не привыкший к праздной жизни в столице (по указанию Мао Цзэдуна, его поместили в гостинице ЦК КПК и устраивали для него экскурсии по Пекину), запросился домой: «Председатель, я после Нового года поеду домой».

Мао Цзэдун, улыбаясь, сказал: «Да ведь ты же говорил, что не вернешься, пока не распустят общественные столовые?»

Затем Мао Цзэдун рассказал Хэ Фэншэну о том, что он уже обменялся мнениями с Лю Шаоци, Чжоу Эньлаем относительно того, о чем в прошлый раз рассказывал ему Хэ Фэншэн. По словам Мао Цзэдуна, ЦК КПК и Госсовет КНР изучили вопрос и считают, что надо ликвидировать общественные столовые, производство следует восстановить, приписки необходимо прекратить. Поощряя Хэ Фэншэна, Мао Цзэдун добавил: «Спасибо тебе за то, что ты представил ЦК партии самый ценный для нас материал. Это – та подлинная правда, которую не удалось добыть ни Лю Шаоци, ни Чжоу Эньлаю, ни мне!»

Затем Мао Цзэдун сказал Хэ Фэншэну: «А ты подумай вот над чем: ты – бригадир производственной бригады, то есть в какой-то степени тоже небольшой, но руководитель. Бригадир производственной бригады тоже должен управлять сотнями людей, думать об их одежде, пище, о рождении новых людей, об их старости, смерти и погребении; это крайне нелегкая задача, тяжелая ноша. В революционных рядах немало людей, которые в возрасте двадцати с небольшим лет были и командармами, и комдивами. И кто бы то ни было, будь то министр, заведующий отделом, комдив или бригадир производственной бригады, каждый из них прежде всего должен думать о служении народу. Начальники существуют не для того, чтобы они устраивали себе комфортную жизнь, создавали для себя удобства, пользовались всем и вся. Они должны шевелить мозгами, нести тяжелую ношу. Коммунист, член партии, не должен забывать о прошлых трудностях, о том, что следует преодолевать трудности, а уж удовольствия – это потом... Начальник, каким бы ни был его пост, большим или маленьким, должен прежде всего, как глава семьи, вести за собой свою команду».

Мао Цзэдун участливо поинтересовался у Хэ Фэншэна:

– Ты ведь в детстве получил травму; организм твой развивался неважно. По силам ли тебе работа низового кадрового работника?

Хэ Фэншэн ответил:

– То, с чем справляются крестьяне, и мне по плечу.

Мао Цзэдун после этого сказал:

– Тогда я даю тебе такое право, такую власть: если возникнут трудности, ты можешь в любое время обратиться ко мне. Ведь действительно в обществе очень мало таких людей, которые способны так говорить настоящую правду, как это делаешь ты, Хэ Фэншэн, – и добавил: – Когда руководители ЦК партии приезжают на места, там стараются все представить в розовом свете, показывают тебе одно только хорошее, и потому очень трудно получить правдивую информацию. Они боятся, что если проговорятся, то слетят со своего поста... Они поступают совсем не так, как ты, Хэ Фэншэн, так как ты ничего не требуешь и ни на что не жалуешься, если говорить о том, что касается тебя лично; надо поощрять кадровых работников всех уровней, чтобы все они говорили правду.

Хэ Фэншэн был человеком упорным:

– Так распустят общественные столовые или нет?

– Общественные столовые непременно надо будет распустить. Мое мнение состоит в том, что все-таки надо общественный котел заменить на малые семейные котлы. Миски для еды для нескольких человек сразу надо заменить на индивидуальные плошки. Нужно дать

крестьянам возможность наесться досыта; нельзя допускать кампанейщину – напускать то ветер, то дождь. Никому из кадровых руководящих работников нельзя позволять быть фальшивым человеком. – Мао Цзэдун также сказал: – Что же до этого проекта – подъема целинных земель вокруг озера Цяньляньху, то это, возможно, и хороший проект, но когда идет снег, когда вода замерзла, когда льют дожди и люди промокают до нитки, насквозь, заставлять наших братьев-крестьян испытывать такие трудности – это уж совсем никуда не годится. Тут мы виноваты перед братьями-крестьянами; прошу тебя, передай им мои извинения.

Хэ Фэншэн в следующий раз посетил Мао Цзэдуна только через пять лет и опять-таки в такой момент, когда он не мог молчать. Он снова обратился к Мао Цзэдуну с жалобой. Это произошло 7 октября 1966 г.

Хэ Фэншэн начал с вопроса:

– Правда ли то, что я слышал, то есть то, что вы, председатель, лично зажгли пламя культурной революции?

– А что такое? – удивился Мао Цзэдун.

– А то, что в народе снова посылают за это к такой-то матери. Ведь если в прошлом навешивали ярлыки и надевали высокие колпаки на мироедов и джентри на деревенских богатеях, то сейчас-то надевают высоченные колпаки на башку даже таким беднякам, как я, которые раньше жили просто подаянием.

Хэ Фэншэн выпалил все это одним духом и залпом выдул кружку чая. Дело происходило в вагоне поезда Мао Цзэдуна, в котором Мао Цзэдун совершал свою поездку по стране.

Мао Цзэдун улыбнулся:

– А ты, Хэ Фэншэн, все такой же непосредственный.

– Сейчас творится просто полное безобразие. Секретарь уездного парткома смотрит на нас сверху просто как на траву, как на заросли камыша, строит из себя начальника, главнокомандующего. А вас, председатель Мао, он превозносит прямо как Будду: он буквально поклоняется вам. А вы-то хоть знаете об этом?

Начиная с движения, проводившегося под лозунгом «За социалистическое воспитание» или «За воспитание в духе социализма», очень многие научились прекрасно прижимать и репрессировать неугодных, очень многие все время оказывались в положении людей, которые подвергаются упорядочению; и стиль работы совершенно испортился; отношения между людьми стали напряженными. Да что там толковать, что все вы, дескать, начальники, один поменьше, другой побольше, но на вас лежит ответственность и так далее; теперь все мы стали идущими по капиталистическому пути, ведь так? А все те, кто идет по капиталистическому пути, должны носить высокие колпаки, должны выходить на подмостки и стоять там, подвергаясь критике, становясь объектами борьбы; причем колпаки надевают тоже в зависимости от того, большой ты начальник или поменьше.

Вот я, например, бригадир производственной бригады, и у нас в деревне Хуажун являюсь самым маленьким из идущих по капиталистическому пути. Вот мне и сделали колпак небольшой из жестяного рупора, из матюгальника, который обернули белой бумагой, вот и получился высокий колпак; я не хотел его надевать, но ведь бунтари разговаривают без церемоний; они просто-напросто отлупили меня.

– А что же ваш уездный секретарь парткома?

– Секретарь уездного парткома, конечно же, пользуется «особыми привилегиями». Тут взяли металлический цин, то есть древний ударный музыкальный инструмент в виде пластины, изогнутой углом, да весом более десяти цзиней (более пяти килограммов. – Ю.Г.), и из него-то и смастерили колпак на голову самому крупному в уезде из идущих по капиталистическому пути. У него от этой тяжести лопнула кожа на голове, смешались и горячая кровь, и холодный пот, а эти бунтари еще и потешались над ним!

– Да ты не преувеличиваешь ли? – Мао Цзэдун уже не улыбался.

– Да вы, по-видимому, все еще опасаетесь того, что я говорю неправду?! Репрессиям подвергают и тех, кто является чиновником, и тех, кто чиновником не является; им тоже бежать некуда. В большой производственной бригаде Лунцин есть один простодушный честный крестьянин. Он происходит из низших слоев середняков, из бедных середняков. Так вот, еще несколько лет тому назад у него было и что надеть на себя, и что поесть. У него были жена, дети, семья. А повстречавшись с кем-либо, он все благодарил Мао Цзэдуна за это счастье. Уж не знаю откуда, но взяли такую моду, что если ты предан председателю Мао, то должен наклеить у себя в доме на стену портрет председателя Мао. И вот он побежал на улицу, купил очень большой портрет председателя Мао и повесил в парадной горнице. Откуда же ему было знать, что сильным порывом ветра этот портрет порвет. Вот тогда его и сделали новым объектом классовой борьбы, объявили активно действующим контрреволюционером; его обвинили в том, что он не питает должных чувств к председателю Мао. Красногвардейцы взяли у него дома циновку, скатали из нее длинный колпак, надели ему на голову, а его самого связали джутовой веревкой и гоняли по деревне.

Затем были получены по административной линии указания, согласно которым во всех семьях разбили семейные божества, разгромили ниши для богов, разломали святые таблички с их именами, святые изображения, посвященные матерям и отцам, и велели в каждом доме, в каждой семье создать особое место, подставку, помост или алтарь для драгоценных книг; на этот алтарь полагалось водрузить портрет Мао да добавить к нему «Избранные произведения» председателя. Причем эти алтари для драгоценных книг следовало создавать и в домах тех людей, которые уже находятся на пенсии, охвачены системой обеспечения⁹, а также в домах, где живут слепые. Каждому человеку было вменено в обязанность изучать и применять содержание этих книг во всех случаях в жизни.

Далее Хэ Фэншэн рассказал Мао Цзэдуну о том, что крестьяне больше всего боятся требований наизусть произносить вслух выдержки из произведений Мао Цзэдуна. Однако им приходится, прежде чем начать любое дело, сначала громко на память цитировать эти выдержки. Когда приходишь на осмотр к врачу, то надо сначала сказать наизусть: «Следует спасать от смерти, помогать раненым, осуществлять революционную гуманность». Когда совершаешь торговую сделку, то надо сначала на память произнести следующие слова: «Бороться с эгоизмом, критиковать ревизионизм». Перед едой надо сказать: «Экономить, жестко экономить». Перед заседанием или митингом или перед распределением трудовых единиц надо сказать: «Если не подметать, не сметать пыль, то сама собой она не исчезнет». Кое-кто, вступая в ссору, говорит: «Революция – это не приглашение гостей на обед; тут нельзя быть таким же вежливым и обходительным»... Одним словом, куда бы вы ни шли, что бы вы ни делали, сначала следует произнести на память цитату из трудов Мао Цзэдуна, а если вы этого сделать не сможете, то вас накажут, и чем больше вас наказывают, тем труднее дается вам заучивание этих цитат...

Хэ Фэншэн сказал:

– Я всегда делал все открыто и ничего не творил тайком. Во-первых, я не создал алтарь для драгоценных книг; во-вторых, я не купил гипсовый бюст (Мао Цзэдуна. – Ю.Г.). Хотя драгоценных книг мне выдали комплект, но прочитал я из них мало; очень многие иероглифы мне неизвестны. Вот это изречение о необходимости служить народу мне нравится. Я его ношу с собой.

Хэ Фэншэн также рассказал Мао Цзэдуну о том, что повсюду в последнее время разрушают то, что именуют «четырьмя старыми вещами», а душа у людей из-за этого болит.

⁹ Система обеспечения – имеются в виду престарелые, слабые люди, сироты, бобыли и инвалиды, которых в централизованном порядке обеспечивали питанием, одеждой, топливом; которые, если позволяли условия в той или иной деревне, жили в том, что именовалось «Домами счастья», при этом производственная бригада брала на себя заботу о воспитании их детей и обеспечивала их похороны; все они были неимущими и немощными людьми, поэтому-то бремя заботы о них, хотя бы в минимальной степени, брала на себя производственная бригада в деревне. – Ю.Г.

Ведь разрушают то, что накопили предки, антикварные вещи. Все это причисляют к категории четырех старых вещей. Уничтожают картины, на которых изображены дракон и феникс, устремившиеся к солнцу, или нарисованы птицы, летящие по направлению к фениксу. Жгут в костре новые шелковые картины с изображением пары фениксов, которые обращены к солнцу. В покрывалах с постелей перетаскивают зерно. Крестьяне глубоко переживают все это. Вышитые туфельки, подкладку, нижнее белье – все это выставляют на выставках, как четыре старых вещи. А в деревне Чжуцзыкоу одеколон, крем для лица считают предметами, которыми пользуются в буржуазной жизни, и бросают их в реку. Жалко, что все это идет прахом.

Мао Цзэдун в заключение их длинной беседы сказал Хэ Фэншэну:

– Решение о великой культурной революции принял ЦК на своем заседании. Первоначально мы лишь думали сбить с чиновников спесь, выбить чиновничий дух из небольшого числа руководящих кадровых работников. Но мы никак не думали, что эффект и воздействие будут такими большими и широкими. ЦК партии надо будет принять соответствующие меры. Любая политическая партия, любой человек в работе не застрахованы от ошибок. В таком же положении находится и ЦК партии. Он тоже может совершать ошибки. А когда партия совершает ошибки, их тоже надо исправлять. Вам там не подобает надевать на людей высокие колпаки. – Затем Мао Цзэдун добавил: – Все, о чем ты рассказал, очень важно. Боюсь, что если бы даже я и премьер Чжоу Эньлай и спустились в низы и не встретили бы при этом тебя, Хэ Фэншэна, то никто бы нам и не представил такую правдивую картину.

Встречи и беседы с Хэ Фэншэном были для Мао Цзэдуна редкой возможностью услышать откровенные слова человека из народа. Мао Цзэдун всегда говорил, что он стремился к этому. В то же время, судя по поведению и по высказываниям Мао Цзэдуна, он и во время такого рода разговоров был занят своими мыслями, больше пытался учить собеседника, и отстранялся от решения конкретных и больших проблем, а если и вносил какие-то коррективы в политику, то только затем, чтобы как-то сгладить трагедию, но затем снова бросить народ в пучину бедствий своими следующими политическими действиями. Одним словом, смелый и честный, умный родственник пытался вразумить Мао Цзэдуна, но его усилия оказывались тщетными. Не говоря уже о том, что Пэн Дэхуай говорил и писал Мао Цзэдуну обо всем том, что творилось в стране в результате «великого скачка». Мао Цзэдун либо отмахивался от таких слов, либо наказывал и уничтожал тех, кто так говорил, продолжая свою политику, которая оборачивалась смертями многих и многих людей.

* * *

В 1975 г., за год до смерти, Мао Цзэдун, будучи уже тяжело больным, сделал завещательные распоряжения. Они касались членов его семьи.

Вообще говоря, Мао Цзэдун был богатым человеком, может быть, самым богатым человеком в Китайской Народной Республике. Его богатство составили гонорары от издания его произведений.

Известно, в частности, что уже в 1950-х гг. на его личном счету в виде гонораров собралась сумма, превышавшая миллион юаней, а ведь это было задолго до того, как тиражи его произведений выросли во много раз и составили сотни миллионов экземпляров. Следовательно, Мао Цзэдун стал первым миллионером в КНР.

Гонорары аккуратно и скрупулезно перечислялись на личный счет Мао Цзэдуна. Сам он до денег не дотрагивался, даже в буквальном смысле этого слова. Он лишь отдавал распоряжения относительно выделения той или иной суммы. Главными статьями расходов тут были прием и небольшая помощь родственникам или старым знакомым. В общей сложности в год на это он ассигновывал не более 10 тысяч юаней. Всеми денежными делами Мао Цзэдуна ведала канцелярия ЦК КПК; там для этой цели были выделены специальные

сотрудники.

И вот в 1975 г. Мао Цзэдун распорядился единовременно выдать (как бы под окончательный расчет с ними) его жене Цзян Цин 30 тысяч юаней, его бывшей жене Хэ Цзычжэнь 20 тысяч юаней, его детям Мао Аньцину, Ли Минь, Ли Нэ по 8 тысяч юаней каждому.

Помимо упомянутых денежных сумм, канцелярия ЦК КПК выдала также дочерям Мао Цзэдуна Ли Минь и Ли Нэ по цветному телевизору и по холодильнику.

Дочь Мао Цзэдуна Ли Минь предпочла соединить 8 тысяч юаней, полученных в наследство от отца, с 3 тысячами юаней, полученными в наследство от матери (Хэ Цзычжэнь умерла в 1984 г.), и не трогать эти деньги – хранить их у себя как память о родителях.

Можно предположить, что Мао Цзэдун выделил деньги и для Чжан Юйфэн; намеки на это проскальзывали, слухи такого рода ходили.

Заключение

Подводя итоги биографии Мао Цзэдуна в свидетельствах и воспоминаниях его родных и близких, хотелось бы еще раз заострить внимание читателя на вопросе о том, в каком соотношении между собой находились чувства (родственные чувства Мао Цзэдуна к своим родным и близким) и его политическая суть – то, что он считал самым важным в своей жизни. Политик в Мао Цзэдуна всегда брал верх над человеком. Более того, человеческие чувства вообще в основном оказывались подавленными, причиной этого были политические идеалы и убеждения Мао Цзэдуна. Он был убежден и оставался в этом убеждении до самой смерти, что гуманизм, теплые человеческие чувства могут только мешать осуществлению его идеалов.

И все-таки Мао Цзэдун был человеком; ему не были чужды страсти и чувства; он любил и своих родителей, и своих жен, и своих детей. Это находило свое проявление во многих его высказываниях и поступках. Развитие отношений Мао Цзэдуна с его родными и близкими было сложным, но в общем ничем не отличалось от того, что происходит у других людей, в их жизни, семьях. Здесь, однако, важно отметить особую политизированность как мышления, так и поступков Мао Цзэдуна; к сожалению, такая политизированность не позволяла ему давать своим родным в полной мере обычную любовь – мужа, отца, брата. Антигуманные представления, имевшиеся в мозгу Мао Цзэдуна, применительно к обществу в целом, в полной мере сказались и на его семье. По сути дела, Мао Цзэдун, будучи убежден в том, что он строит общее счастье всех китайских, да и не только китайских людей, считал необходимым жертвовать при этом человеческими отношениями даже в своей семье.

Мао Цзэдун оказывался своего рода идеалистом-эгоистом, для которого его собственное политическое положение было важнее любых людей, в том числе и его ближайших родственников. Эгоизмом, и только эгоизмом, можно объяснить его отношение к родным, причем общественно-личным, идеалистически-коммунистическим эгоизмом. Обертка этого эгоизма была общественной, социалистическо-коммунистической, а начинка была личной, собственнической.

Кажется, что никто из близких родственников Мао Цзэдуна, судя по тому, как сложилась их судьба, не был по-настоящему счастлив. Это же относится и к их взаимоотношениям с Мао Цзэдуном. В Китае, особенно во время «культурной революции», да и раньше, Мао Цзэдуна сравнивали с солнцем. Можно, конечно, использовать и эту метафору, но гораздо точнее и более емко сравнить его с жерлом действующего вулкана. Оно притягивает своим величием, но сближение, слияние с ним сжигает человека. Такова природа огнедышащей лавы, такова, возможно, и природа Мао Цзэдуна как человека.

Часть II

Театр одного актера

Очерки

Очерк первый

Его дом и быт

Вероятно общепринятое мнение о том, что у человека в нормальных условиях должны быть семья, дом, причем этот дом иной раз видится как «моя крепость», то есть то место, где человек защищен от внешнего мира стенами жилища, за которыми он находится постоянно в кругу своей семьи, такое представление оказывается неприменимым в случае с Мао Цзэдуном.

И сами традиции, и условия жизни в Китае того времени, а также характер и судьба Мао Цзэдуна таковы, что может даже показаться, что он жил бездомным, а то, что было по форме его домом, – совсем не походило на привычный семейный очаг.

Мао Цзэдун был и по природе своей странником. Он любил путешествовать, перемещаться с места на место и тогда, когда такие переезды или передвижения были вынужденными, и тогда, когда он самостоятельно распоряжался собой и своими перемещениями (мы не говорим тут ни о политических решениях руководства партии и страны, ни о соображениях безопасности).

И все же, говоря о родовом гнезде, следует сказать, что у Мао Цзэдуна был отчий дом. Он стоял и сейчас стоит в прекрасном месте у пруда, просторный, из нескольких одноэтажных строений или помещений, крестьянский дом зажиточного земледельца из плодородной красноземной провинции Хунань, дом с глинобитными стенами, с земляным полом, черепичной крышей, конечно без каких бы то ни было городских затей, но надежно укрывавший человека и в холодное время года, и от летнего зноя.

Мао Цзэдун был с детства и остался до конца своей жизни неприхотливым в быту человеком. Он привык жить в условиях, когда его постоянно окружали люди; и в то же время у него почти не было вещей, особенно бесполезных в повседневной жизни. Исключение, помимо книг, составляли каллиграфические надписи и картины.

Мао Цзэдун с ранних лет привык жить в себе, находить радость в общении с самим собой; он умел и хотел, находясь среди людей, уходить в себя; и тогда он ничего не видел и не слышал вокруг, будучи занят своими мыслями или своим делом. Впоследствии он стал требовать, причем очень строго, чтобы ему никто не мешал уходить в мир его мыслей. Мир его дум и был подлинным домом Мао Цзэдуна, домом для одного человека.

Когда он покинул родную деревню, ему стало известно и привычно то, что можно назвать общежитиями при учебных заведениях: сначала в Чанша, а затем в Пекине. Это не было его домом, но было жилищем, где можно было в четырех стенах, имея крышу над головой, поддерживать свое существование. Кажется, Мао Цзэдун всегда проводил как бы естественное различие между минимальными бытовыми удобствами, а на большее он, особенно тогда, в школьные годы, и не претендовал, да и не мог рассчитывать, и максимально возможной, занимавшей большую часть его времени, жизнью его ума, его духа.

Огромное впечатление на него произвел дом его учителя Ян Чанцзи, где не только можно было насладиться беседой с хозяином, выслушать его речи, получить наставления мудрого, образованного, много знающего о Востоке и Западе человека, но и ощутить прелесть хорошей еды в сочетании с возможностью любоваться красивой молодой девушкой.

Во второй половине 1920-х гг. началось его длительное, затянувшееся практически на два десятилетия, пребывание в сельских районах Китая, в «опорных базах». Причем такая жизнь шла вплоть до той поры, когда в 1949 г. Мао Цзэдун вернулся в будущую столицу КНР, в тогдашний Бэйпин.

Итак, можно, с определенными оговорками, считать, что первая часть жизни Мао

Цзэдуна, от момента рождения и вплоть до 1949 г., то есть до того времени, когда ему исполнилось уже 55 лет, прошла в основном в деревне, в сельских районах, в провинции. Только последние 26 лет Мао Цзэдун жил в городских условиях.

В «опорных базах» дом Мао Цзэдуна на протяжении длительного времени, более десяти лет, представлял собой пещеру в горах. В таких же пещерах жили в тех местах и китайские крестьяне. Эти жилища были теплыми зимой и надежным укрытием от летнего зноя, а также от ветра и пыли. В окна были вставлены решетчатые деревянные рамы, на которые наклеивалась бумага. Иногда жилищем Мао Цзэдуна становился обычный сельский крестьянский дом, в котором он работал, а спал на створках дверей, снимавшихся хозяевами на ночь с петель.

Когда же пришло время переместиться в город, в столицу создававшейся Китайской Народной Республики, Мао Цзэдун довольно долго никак не мог приспособиться, осесть на одном месте. У него были и летние дачи. Он чуть было не обосновался в Летнем императорском дворце Ихэюань в Бэйпине. Затем жил на даче Шуанцин в пригороде Бэйпина Сяншань («Душистые горы»). Далее у него был новый дом в одном из удаленных от центра Пекина районов, на улице Ваньшоушаньлу. Это место еще называлось «Шесть новых домов», то есть домов для шести главных руководителей партии.

Наконец, к началу 1960-х, он перебрался на территорию части бывшего зимнего императорского дворца – Запретного, или Пурпурного, города, именовавшейся Чжуннаньхаем. (Той его части, что расположена на берегу озера в центре Пекина, носящего имя «Центрально-Южного моря»; так с китайского языка буквально переводится слово «Чжуннаньхай».) Там он размещался то в одном, то в другом из домов или павильонов дворца. Последний из них именовался «Ююнчи», то есть «Бассейном», так как при доме был и бассейн для Мао Цзэдуна.

Мао Цзэдун не занял покои императора, но создал в другой, западной, части императорского дворца новый «центр власти»; в 1980-х гг. (во времена Ху Яобана) некоторые экскурсанты имели возможность ознакомиться с покоями и цинских императоров, и Мао Цзэдуна.

Мао Цзэдун довольно много времени проводил вне Пекина, в поездках по стране. Эти выезды не афишировались. Обычно никто, кроме тех, кому это было «положено» знать, не ведал о том, где находился в тот или иной момент Мао Цзэдун. Чаще всего это были поездки с инспекционными целями, во время которых он проводил большую часть времени или в салон-вагоне своего специального поезда, или на предназначенных для него дачах в разных, обычно очень живописных районах страны. На берегу озера Сиху в Ханчжоу он побывал десятки раз и провел там в совокупности несколько лет.

Летом он жил довольно часто на курорте Бэйдайхэ на берегу Желтого моря, где вообще был создан целый городок из дач, каждую из которых традиционно занимал в летние месяцы (а зимой они стояли пустые) кто-либо из руководителей КПК – КНР. В Бэйдайхэ для него был отведен огороженный и тщательно охранявшийся участок земли с несколькими одноэтажными строениями. Последние годы своей жизни Мао Цзэдун провел главным образом в Пекине, в Чжуннаньхае.

Домом Мао Цзэдуна можно считать и его специальный поезд, в котором он разъезжал по стране. Вагоны этого спецпоезда были изготовлены в ГДР, славившейся в соцлагере своим вагоностроением. Мне довелось слышать рассказ тех, кто был причастен к сооружению вагона для Мао Цзэдуна. Немцы удивлялись тому, насколько дотошно китайская сторона распоряжалась отделкой внутренней части вагона. Давались указания о том, какой тканью обивать стены. При этом ткань должна была прикрепляться золотыми гвоздиками. Туалет необходимо было подстроить под привычки Мао Цзэдуна, который с молодости страдал запорами. Там он должен был иметь возможность надолго разместиться со своими документами и материалами, то есть удобно сидеть, имея перед собой

соответствующим образом изготовленный стол.

В этом спецсоставе были и несколько вагонов с обслуживающим персоналом: охраной, прислужгой, секретарями и пр.

Из чего же складывался быт Мао Цзэдуна? Каким он был? Ощущение времени было у Мао Цзэдуна весьма оригинальным. Возможно, сама природа, наградив его богатырским здоровьем и долголетием, дала ему такие могучие жизненные силы, что ему оказывалось тесно в рамках обычного человеческого времени и его привычного распределения, деления суток на три трети – сон, работа, отдых; для Мао Цзэдуна не было законом чередование дня и ночи. Сутки для него не складывались из 24 часов.

Мао Цзэдун был способен, хотел работать и действительно работал гораздо больше и дольше, чем средний человек, а спал он значительно меньше. Сон его ограничивался и оказывался для него достаточным, не превышая пяти, а то и четырех часов в сутки. При этом сами сутки складывались из 24 часов бодрствования, в основном работы с небольшими паузами для кратковременного отдыха, а также четырехчасового сна. Таким образом, для Мао Цзэдуна существовали его собственные сутки, состоявшие обычно из 28 часов.

Мао Цзэдун спал по присущему его организму графику. Время сна у него постоянно смещалось. К такому режиму работы трудно было приспособиться, но приходилось принаравливать к нему все окружавший его людей. Сон Мао Цзэдуна был плохим. Он десятилетиями, практически всю жизнь, страдал бессонницей и пользовался снотворным. Все должно было замереть вокруг Мао Цзэдуна, когда он засыпал. Охрана, как в немом кино, молча разгоняла птиц длинными шестами с привязанными к ним полосами красной материи, ибо птицы своим веселым щебетанием могли нарушить сон вождя.

Работал Мао Цзэдун яростно, по много часов, а иногда и по несколько суток подряд. Он был фанатичен в работе.

Писать и читать – вот чем была занята большая часть времени Мао Цзэдуна. Все остальное должно было подчиняться его потребностям в работе над собственными трудами, над документами его партии, то есть все тому же письму и чтению.

Если говорить о том, как питался Мао Цзэдун, то надо отметить, что тут он подчинялся приказам желудка. Он ел не три раза или четыре-пять раз в день – утром, днем и вечером, в установленное строго определенное время, а согласно потребностям, реагируя на чувство голода по мере его возникновения. Для Мао Цзэдуна процесс питания был восстановлением нарушенного равновесия между расходом и приходом питательных веществ в организме. Он был весьма непритязателен в еде. Набор продуктов, которые он предпочитал, был очень небольшим и скромным. Пища требовалась простая. Это были свежие овощи, грубые сорта необрушенного риса. Любимыми блюдами Мао Цзэдуна, помимо обязательного подсушенного на огне перца, были свинина в соевом соусе и свежая рыба – карп. Ел Мао Цзэдун обычно очень быстро. Во время трапезы предпочитал одиночество. При этом он продолжал читать.

Мао Цзэдун всю жизнь страшно много курил, а также много пил чая и ел перца. И организм его, особенно при больших рабочих нагрузках или при бессоннице, требовал принять известную дозу алкоголя. Здесь он предпочитал либо виноградные вина, либо бренди.

Во время официальных приемов, в том числе на встречах с иностранцами, да и при семейных торжествах Мао Цзэдун либо вообще ничего не пил, либо позволял себе одну рюмку вина.

Есть Мао Цзэдун мог где угодно. Антураж трапезы – столовая, столовые приборы и прочее – все это представлялось ему совершенно лишним в обыденной жизни.

Весьма существенной стороной дома и быта Мао Цзэдуна было то, что он проводил свои дни и ночи на виду. Правда, на виду у весьма ограниченного круга лиц, которые

головой несли ответственность как за жизнь и здоровье Мао Цзэдуна, так и за разглашение любых сведений о своей работе.

За Мао Цзэдуном, начиная с того момента, как он стал фактическим, а затем и официальным руководителем партии и государства, был установлен круглосуточный надзор. Служба охраны не оставляла его буквально ни на минуту – ни днем, ни ночью.

Рядом с Мао Цзэдуном, особенно в последние годы его жизни, после того как он разъехался с Цзян Цин, были женщины, помогавшие ему в быту.

На постоянном дежурстве находились медицинские сестры. Их была целая группа во главе со старшей сестрой, служившей Мао Цзэдуну чуть ли не двадцать лет.

Конечно, при Мао Цзэдуне были и личные врачи; была и возможность привлечь в любой момент бригаду медиков для оказания ему необходимой помощи.

Имелись специальные повара; причем у Мао Цзэдуна и Цзян Цин это были разные люди.

Но самым замечательным звеном в этом механизме, составлявшем дом и быт Мао Цзэдуна, была, конечно, охрана. Охрану Мао Цзэдуна непосредственно несла специальная рота, которая входила в полк, выделенный для несения дозора в Чжуннаньхае. Телохранители и бойцы охраны подчинялись министру общественной безопасности, а через него Политбюро ЦК партии.

Официально или формально Мао Цзэдун административно не распоряжался собой и своей охраной. Хотя здесь, конечно, это было так лишь в той степени, в какой этого хотел или допускал сам Мао Цзэдун. При необходимости он всегда мог отдать охране любой приказ, который был бы беспрекословно выполнен. Личный авторитет Мао Цзэдуна превалировал над инструкциями и установлениями, в том числе и касавшимися охраны.

Подразделение, непосредственно охранявшее Мао Цзэдуна, состояло более чем из ста человек. В него отбирались молодые бойцы по ряду критериев. Прежде всего, среди них не должно было быть даже двух земляков. Все бойцы были из разных уездов страны. Конечно, там были люди из одной провинции, но не было односельчан. Это были молодые, здоровые, решительные парни. В первые годы КНР весьма значительную часть их составляли неграмотные или малограмотные солдаты. Пострелять, повеселиться в мужской компании – на это они были мастера.

Мао Цзэдун впоследствии решил, что им надо дать образование, научить по крайней мере грамоте. Для них тут же, в их казарме, была создана специальная вечерняя школа. Мао Цзэдун выделил из своих гонораров деньги на приобретение учебников и прочего. В классы приходили учителя. Бойцы проходили курс начальной и неполной средней школы. Единичными были случаи поступления в институты. Большинство предпочитало работать по своей линии – в сфере общественной безопасности, а там университетское образование в то время не требовалось.

Имеющих тягу к учебе в вузах среди них практически не было.

И тем не менее Мао Цзэдун, возможно, хотел ощутить себя в роли Конфуция, наставника, великого учителя этих молодых смысленных деревенских парней.

Он сам произносил монологи перед бойцами своей охраны на различные темы; он вел с ними занятия.

Но главное – он стремился превратить их в своих учеников, но не таких, какими были ученики того же Конфуция, а в «солдат партии», готовых выполнить любой его приказ, даже если они не понимали замыслов Мао Цзэдуна.

Мао Цзэдун был лишен возможности, да он и сам лишил себя этой возможности, свободно посещать какие-либо районы страны и свободно беседовать с людьми. Все его выезды специально готовились, и непредусмотренных встреч практически не было.

Очевидно поэтому он решил обучить бойцов своей личной охраны делу проверки реального положения на местах. Время от времени каждому из них предоставлялся кратковременный отпуск для того, чтобы они могли посетить родственников, съездить в

родные места. При этом бойцы были обязаны выяснять, как идут дела в их деревнях, уездах, а по возвращении они представляли Мао Цзэдуна письменный или устный отчет.

Охрана подразделялась на внутреннюю и внешнюю. Существовало несколько поясов охраны. Ближе всех к Мао Цзэдуна находились бойцы его внутренней охраны; их было около взвода. Они назывались телохранителями. Именно они и были самыми близкими к Мао Цзэдуна людьми. Они изо дня в день общались с ним, помогали ему в быту. Телохранители ставили ему клизмы. Последние полтора десятка лет своей жизни Мао Цзэдун не принимал ванну. Врачи полагали, что погружение в горячую воду опасно для его здоровья. Ванна и баня были заменены протиранием мокрыми или влажными полотенцами. Телохранители делали Мао Цзэдуна оздоровительный массаж, протирали его, помогая ему снять усталость, напряжение, расслабиться и отойти ко сну.

Телохранители были немыми свидетелями размышлений Мао Цзедуна вслух, его бесед с самим собой. Для этой работы отбирались люди, обладавшие способностью ощущать и понимать движение каждого мускула его на лице или теле; они на лету схватывали все его пожелания и тут же выполняли их.

В комнате для дежурных была установлена электроплита, на которой в специальном котле телохранители частенько готовили для Мао Цзедуна его любимые простые блюда. Они стояли рядом с Мао Цзэдуном почти всегда, в том числе и во время важнейших заседаний руководства партии, политбюро, а также при его беседах с посетителями.

Телохранители прислуживали во время семейных трапез Мао Цзедуна. Телохранителей подбирали специально. Они должны были быть приятными Мао Цзэдуна и внешне, и по своим характерам. В частности, Мао Цзэдун считал, что парни из Северо-Восточного Китая отличаются нужной ему сообразительностью.

Все это были молодые люди. Когда они входили в возраст, их заменяли, направляя постаревших служить на другие посты в том же Министерстве общественной безопасности.

В соответствии с желанием Мао Цзедуна его жизнь фактически делилась на две половины. В одной из них ему было необходимо полное уединение, покой для работы. В другой он желал окунуться в настоящую жизнь, то есть требовал, чтобы тогда, когда он отдыхал от работы, его телохранители и прислуга вели себя шумно, оживленно, громко разговаривали, шутили и не стеснялись выражаться самым простонародным языком, ругаясь, если это необходимо.

Он любил ощущать себя в каком-то смысле главой этой семьи своих телохранителей, с удовольствием играл, например, роль отца, выбирающего невест для своих молодых парней. Здесь он был придирчив, подчеркивая необходимость подыскать такую подругу жизни, которая подходила бы телохранителю по общественному и имущественному положению.

В общем, и дом, и быт Мао Цзедуна были казенными. Постоянного пристанища у него практически не было. На протяжении почти всей своей жизни он был человеком неприкаянным.

Если говорить о некоторых деталях его быта, то можно отметить, что в определенные периоды своей жизни он любил играть в мацзян и в облавные шашки. Проигрывал редко, но если это случалось, то недоумевал: как же это кто-то оказался способен обыграть его. Однако он не сильно переживал свои поражения, быстро уходил от этих мыслей.

Мао Цзэдун в отличие от большинства людей в Китае хорошо плавал. Посетив родную деревню в конце 1950-х годов, он с гордостью демонстрировал односельчанам в пруду перед своим домом искусство плавать разными стилями.

В свое время ему пришлось много поездить верхом на лошадях. С 1928 по 1936 г. у него была одна лошадь, и он говорил, что теперь ей место в музее революции.

Мао Цзэдун привыкал к вещам. Он не желал, например, расставаться с простой бамбуковой тростью, которая долго служила ему. Если во время похода он ронял ее в пропасть, то движение колонны прекращалось до той поры, пока телохранители не доставали трость со дна ущелья. Мао Цзэдун строго запрещал без его согласия выбрасывать

его старые вещи. У него были две спальных пижамы, на каждой из которых насчитывалось более полусотни заплат. Мао Цзэдун не носил новую обувь. Ее сначала отдавали разношивать телохранителям. А далее он занашивал ботинки до такой степени, что сапожник отказывался чинить их.

Особо следует сказать о кровати Мао Цзэдуна. Он говорил, что люди обычно проводят в кроватях треть жизни, а он проводил даже еще больше времени. Кровать была его рабочим местом. Он работал лежа, опираясь на валик в изголовье кровати. Кровать его была жесткой и деревянной. Она имела в ширину более полутора метров. Треть этого пространства занимали книги и документы, с которыми работал Мао Цзэдун. Он жил на кровати. Это было его постоянное место. При этом он был в нижнем белье или в спальной пижаме.

Именно в таком виде, не поднимаясь с кровати, он проводил и заседания политбюро ЦК партии, и даже, случалось, принимал иностранных представителей. (Именно так Мао Цзэдун принимал в последний раз в жизни, в первой половине 1960-х гг., советского посла С.В. Червоненко. При этом другие члены руководства партии и страны сидели тут же, у кровати Мао Цзэдуна.)

Мао Цзэдун беспрестанно курил и пил зеленый чай. Выпив кружку или несколько кружек чая, он пальцами доставал из нее распаренные чайные листья и отправлял их в рот.

Можно сказать, что в жизни перед людьми Мао Цзэдун представал в различных образах. Во-первых, человеком, увлеченным работой настолько, что тут опасно было мешать ему. Он был серьезен и предельно сосредоточен. В эти часы он был как бы вне всего остального мира, выше всей мирской суеты. Телохранители должны были вести себя как тени.

Во-вторых, в те часы, когда он был среди «своих», то есть в кругу людей, работавших «при теле» Мао Цзэдуна – телохранителей или хранителей тела, медперсонала и личных секретарей, а также своих ближайших родственников. Здесь он позволял себе быть самим собой, раскованным, темпераментным, расслабленным, иной раз шумным, допускавшим эксцентричную походку с целью дать отдых своим затекшим членам; мог и пошуметь, рассердиться, выругаться.

В-третьих, он появлялся в образе божества на людях, почти перед любой аудиторией. Тут и самого тела Мао Цзэдуна, физической субстанции, как бы и не было. А был его величество император или Господь Бог, уделивший частицу своего драгоценного времени тем, кто находился внизу, в мирской суете. Он сохранял при этом неподвижность и неприступный вид, старался придать каждому своему слову высшую ценность и высший смысл, вкладывая в них недоступное людскому разумению глубокое содержание. Людям позволялось при этом постепенно начинать догадываться, и то лишь о части сокровенного смысла, которым, казалось, были исполнены и наполнены его слова и жесты.

Очерк второй

Его ближний круг

Какими были взаимоотношения Мао Цзэдуна с теми людьми, с которыми он более или менее постоянно в те или иные периоды своей жизни общался, и общался, как говорится, по делу?

Когда мы говорим о его ближних, то речь идет о тех, кто сталкивался с Мао Цзэдуном не тогда, когда этого требовала забота о его теле, а тогда, когда это было необходимо в связи с делом, которым он занимался.

Круг таких людей был и широк и узок одновременно. Безусловно, за свою жизнь Мао Цзэдуну пришлось общаться с бесчисленным множеством людей. И в то же время был круг людей, с которыми Мао Цзэдун либо постоянно сталкивался, общался на протяжении того или иного периода своей длинной жизни, либо отношения, конфликты или общение с которыми ярко вспыхивали, приобретали очень важное для этих людей и для Мао Цзэдуна

значение на какое-то время.

Среди этой категории людей его друзья, учителя, руководители ЦК КПК, видные деятели других партий или общественных кругов, его секретари, то есть люди, помогавшие ему вести конкретную работу по исследованию тех или иных политических вопросов, проблем теории.

* * *

Характер Мао Цзэдуна был таков, что дружеских отношений на равных он органически не допускал.

Чжоу Эньлай более сорока лет был преданным Мао Цзэдуну товарищем по партии, человеком, который, сознательно уверовав в провидческий дар Мао Цзэдуна, в его гениальность, в его превосходство, поставил все свои выдающиеся умственные и деловые качества на службу Мао Цзэдуну, старался сделать все для того, чтобы задуманное Мао Цзэдуном воплощалось в жизнь. Мао Цзедун доверял Чжоу Эньлаю. Характер такого доверия определялся личными качествами Мао Цзэдуна.

Сталкиваясь с новыми сложными проблемами, с обстоятельствами, которые были ему непонятны, с тем, что ему не подчинялось, что не слушалось его, Мао Цзедун иногда на некоторое время впадал в сомнамбулическое состояние, как бы отключался от жизни. Партия и страна при этом, если говорить об их политическом руководстве, оказывались как бы в слепом полете, в тумане и без пилота. Физически он присутствовал, но ручку управления не сжимал. В такие моменты эту ручку управления с молчаливого согласия Мао Цзэдуна брал Чжоу Эньлай. Он выводил машину на простор; появлялась видимость вещей, предметов, событий, и как бы само собой управление вновь возвращалось к Мао Цзэдуну. Согласованность действий Мао Цзэдуна и Чжоу Эньлая была идеальной или близкой к идеальной.

И все же при всей близости и взаимопонимании между Мао Цзэдуном и его ближайшим помощником вряд ли можно говорить о дружеских чувствах, связывавших этих двух людей. Во всяком случае Мао Цзедун никогда не позволял себе проявлять такие чувства, а может быть был и не способен на них. Их отношения были строгими отношениями единомышленников, но отношениями, в которых не было места внешнему проявлению человеческих чувств. Мао Цзедун в общении с Чжоу Эньлаем никогда не выходил за рамки сугубо официальных разговоров.

Здесь попутно заметим, что у Мао Цзэдуна была привычка никогда не говорить добрых слов о человеке при нем самом, да и в отсутствие человека это случалось совсем не часто. Он вообще предпочитал говорить благодарные слова, давать высокую оценку только мертвым.

* * *

Более всех руководителей ЦК КПК позволял себе прямоту и откровенность в разговорах с Мао Цзэдуном, причем не стеснясь в выражениях, Пэн Дэхуай. Получилось так, что Пэн Дэхуай оказался, пожалуй, не только самым способным, самым талантливым военачальником в окружении Мао Цзэдуна, но и тем человеком, который неоднократно спасал Мао Цзэдуну жизнь. Не говоря в данном случае о политических причинах, отметим, что в конечном счете именно столкновение характеров Мао Цзэдуна и Пэн Дэхуая привело их к разрыву и, более того, Мао Цзедун фактически уничтожил Пэн Дэхуая, разумеется, не своими руками. Во время «культурной революции» Пэн Дэхуая замучили в тюрьме. Они разошлись тогда, когда речь пошла о жизни и смерти людей. Пэн Дэхуай не мог мириться с тем, что в результате политики Мао Цзэдуна и вообще руководства ЦК КПК миллионы крестьян были обречены на голодную смерть. Мао Цзедун и в этих обстоятельствах полагал, что главное – это его идеи, его власть, а «сухие ветви» китайского человеческого дерева, то есть миллионы людей, умерших голодной смертью, так или иначе, но всегда отмирали,

отмирают и будут отмирать. Пэн Дэхуай сказал горькую правду Мао Цзэдуну. Мао Цзэдун не стерпел этого. В результате Мао Цзэдун лишился честного товарища, который поставил человеческую жизнь, жизни людей выше воли и желания Мао Цзэдуна.

* * *

Чэнь И был тем из руководителей ЦК КПК, который сумел так приноровиться к характеру Мао Цзэдуна, что отношения между ними очень напоминали дружеские, во всяком случае по форме. При встречах Мао Цзэдуна и Чэнь И звучали шутки, смех; они читали вслух друг другу стихи древних китайских поэтов; иной раз на короткое время возникала как бы непринужденная атмосфера. Возможно, именно оценив способности Чэнь И приспособляться к трудным собеседникам и в то же время его полное подчинение принятому курсу в области внешней политики, председатель ЦК КПК и назначил Чэнь И министром иностранных дел КНР.

И все-таки следует отметить, что подобие дружбы в их отношениях зиждилось, безусловно, на подчинении и интеллекта, и воли, и способностей Чэнь И желаниям, планам и намерениям Мао Цзэдуна.

Когда же во время «культурной революции» Чэнь И, отражая интересы тех партийных деятелей, той части номенклатуры, с которой он был связан намертво, попытался, даже не в прямом разговоре с Мао Цзэдуну, в чем-то как бы «поправить» вождя, мгновенно произошел разрыв. Чэнь И был отстранен от дел. Мао Цзэдун назвал его «представителем правых сил». Оказавшись в положении политического деятеля, не пользующегося доверием, Чэнь И надолго заболел, а потом умер. Мао Цзэдун положительно отзывался о Чэнь И уже после его смерти, на похоронах, но и это было продиктовано скорее политическими целями и расчетами Мао Цзэдуна. (Попутно заметим, что Мао Цзэдун не поехал на похороны И.В. Сталина, а хвалебные слова в его адрес высказал в статье, написанной уже после смерти И.В. Сталина.)

* * *

Кан Шэн оставался до самой своей смерти в числе тех действовавших в партии и в стране лиц, обладавших огромной властью, которые были нужны Мао Цзэдуну. Здесь происходило совпадение интересов, хотя и не было ни отношений на равных, ни дружбы. Кан Шэн стремился во всем угодить Мао Цзэдуну. Он играл на «слабых струнах» его души: мог вместе с ним полюбоваться старинными каллиграфическими надписями, так как и сам был неплохим каллиграфом (впрочем, и Мао Цзэдун претендовал на свой стиль письма, который в древности называли «каллиграфией безумца»), восхищаться стихами китайских поэтов древности. Однако главное было в том, что Кан Шэн умел понимать сокровенные, даже еще не полностью высказанные, скрытые желания Мао Цзэдуна и осуществлять их. Например, когда в 1957 г. Мао Цзэдун возвратился из Москвы после совещания коммунистических и рабочих партий и намекнул на то, что ему не нравится идейная направленность политики руководителей компартий стран Западной Европы, Кан Шэн, выбрав момент, сумел доказать Мао Цзэдуну, что он способен создать ряд статей с критикой взглядов, не нравившихся Мао Цзэдуну.

В Кан Шэне Мао Цзэдун находил того, кто разделял его замыслы, умел их подать в теоретической упаковке, приемлемой для Мао Цзэдуна, и мало того, на практике брал на себя всю черную и грязную работу по физическому уничтожению различными методами и способами людей, которые так или иначе мешали Мао Цзэдуну оставаться непогрешимым вождем.

Кан Шэн был умелым подручным Мао Цзэдуна, мастером гнусных дел; он не лез в друзья и тем более в преемники, а потому оставался нужным Мао Цзэдуну практически до конца жизни.

* * *

Обратимся теперь к некоторым отдельным случаям, которые, как нам представляется, помогут еще лучше понять Мао Цзэдуна как человека.

Около 1918—1920 годов были люди, которые оказали на формирование взглядов Мао Цзэдуна большое влияние. Уже говорилось о тесте Мао Цзэдуна Ян Чанцзи, упоминали мы и о Ли Дачжао.

Теперь хотелось бы сказать и о Чэнь Дусю, который был одним из основателей КПК. Мао Цзэдун в момент знакомства с Чэнь Дусю, как и в случаях с Ян Чанцзи и с Ли Дачжао, выступал в качестве молодого ученика признанных лидеров в области политического мышления.

В 1918 г. Мао Цзэдун впервые приехал в Пекин. Здесь на него оказал большое влияние Чэнь Дусю из Пекинского университета. В мае 1920 года, когда Чэнь Дусю находился уже в Шанхае, Мао Цзэдун специально приехал к нему, чтобы посоветоваться о планах создания «Союза реорганизации Хунани». Чэнь Дусю высказал свои соображения по этому поводу и познакомил Мао Цзэдуна с планами создания всекитайской партии. Они откровенно разговаривали тогда на различные темы. Под воздействием Чэнь Дусю Мао Цзэдун изменил свои в то время во многом демократические убеждения на приверженность марксизму-ленинизму. Впоследствии Мао Цзэдун говорил Эдгару Сноу: «То, что говорил тогда Чэнь Дусю о своих убеждениях, явилось для меня, вероятно, поворотным, ключевым моментом в жизни, оказало на меня глубокое влияние».

К тому времени характер Мао Цзэдуна вполне сформировался. Но он был восприимчив к наставлениям учителей, вооружавших его теоретическими взглядами и политическими установками, которые Мао Цзэдун считал пригодными для политической борьбы, для осуществления своих идеалов и планов.

Создание Мао Цзэдуном коммунистической организации в провинции Хунань произошло под прямым руководством Чэнь Дусю, который возлагал на Мао Цзэдуна надежды и опирался на него. Мао Цзэдун, в свою очередь, считал важным непосредственно ориентироваться на главного практического руководителя партии в то время.

В августе 1920 г. Чэнь Дусю, Ли Ханьцзунь, Ли Да создали первую в Китае организацию КПК, шанхайскую коммунистическую ячейку. После этого Чэнь Дусю написал Мао Цзэдуну письмо, в котором предложил создать такую же группу в Хунани, что Мао Цзэдун и осуществил. На третьем съезде КПК Чэнь Дусю уже ставил работу Мао Цзэдуна в Хунани в пример тем, кто действовал в Шанхае, Пекине, Ухане, Гуанчжоу.

После третьего съезда партии Мао Цзэдун был вместе с Чэнь Дусю в работе по сотрудничеству между Гоминьданом и компартией, реализуя план создания единого фронта борьбы.

В мае 1923 г. Мао Цзэдун по настоянию Чэнь Дусю был переведен на работу из Хунани в Шанхай, в ЦК партии. Их встречи участились. На третьем съезде партии Мао Цзэдун, как и Чэнь Дусю, вошел в состав руководства КПК. С апреля по ноябрь 1924 г. они от имени ЦК партии выпустили много совместных документов по вопросу о едином фронте. Идейно они были тогда близки, если не едины.

Разногласия между ними стали проявляться в конце 1925 г. Это касалось вопроса о крестьянах и о руководящей роли класса неимущих.

Мао Цзэдун был захвачен мыслью о решающей роли крестьян в китайской революции. Чэнь Дусю принимал в расчет отсталость крестьянства. Их мнения разошлись и по вопросу о перспективах революции в Китае, об оценке Гоминьдана, о вооруженной борьбе. Тут Мао Цзэдун, в соответствии со своим характером, был сторонником крайне резкой позиции, в отличие от Чэнь Дусю. На пятом съезде партии Чэнь Дусю выступил против взглядов Мао Цзэдуна и одержал верх. После этого их пути разошлись.

В дальнейшем события развивались таким образом, что Чэнь Дусю оказался вне

партии. Характерным, однако, представляется тот факт, что после исключения из партии Чэнь Дусю никогда публично не выступал против руководства партией Мао Цзэдуном. В то же время и Мао Цзэдун не допускал резко отрицательного, демонстративно негативного отношения к Чэнь Дусю.

Мао Цзэдун не забывал ни о влиянии на него Чэнь Дусю, ни о его роли в 1920-х гг. В 1937 г. Чэнь Дусю был освобожден властями из тюрьмы в Нанкине. Он поддержал политику единого фронта в антияпонской войне и выразил желание участвовать в работе КПК. Мао Цзэдун пригласил Чэнь Дусю на работу в Яньань. Впрочем, из этого ничего так и не получилось.

Уже после смерти Чэнь Дусю в 1945 г. в известном «Решении по некоторым вопросам истории партии» была дана положительная оценка руководящей роли Чэнь Дусю в свое время в 1920-х гг. В докладе на седьмом съезде КПК Мао Цзэдун говорил о Чэнь Дусю как о «главнокомандующем движения 4 мая» 1919 г., отмечал его заслуги в создании партии. С точки зрения Мао Цзэдуна, который тут, вероятно, хотел видеть себя «китайским Лениным», Чэнь Дусю в определенном смысле был похож на «китайского Плеханова».

В отношении Мао Цзэдуна к Чэнь Дусю просматривается и его уважение к учителям, и ориентация на практически первого по рангу реального руководителя партии, когда Мао Цзэдуну надо было заботиться о своей карьере, и непримиримость в моменты наивысшего напряжения борьбы за власть внутри партии, и стремление дать поверженному сопернику возможность как-то существовать и работать после того, как вопрос о власти уже был бесспорно решен в пользу Мао Цзэдуна.

* * *

Еще одним руководителем Компартии в 1920-х гг., который был по положению в коммунистическом движении тогда старше и выше Мао Цзэдуна, был Ли Да, один из немногих участников первого съезда КПК.

Ли Да течением событий был отнесен, если можно так сказать, на обочину внутрипартийной борьбы. Он не состоял в руководстве партии уже с 1930-х гг. Но он был жив и продолжал работать как исследователь, как ученый и в годы КНР, вплоть до 1966 г., до «культурной революции», когда его буквально замучили, довели до смерти молодые приверженцы идей Мао Цзэдуна, именовавшиеся в КНР красногвардейцами. При этом он взмолился и просил Мао Цзэдуна спасти ему жизнь, чего тот не сделал.

А в истории их отношений до того времени было много любопытного. Ли Да был человеком с очень мощным интеллектуальным потенциалом. Мао Цзэдун признавал это. В минуты откровенности он говорил, что, с его точки зрения, Ли Да – это «Лу Синь в области теории». Так как для Мао Цзэдуна в политическом плане не было современного ему писателя выше, чем Лу Синь¹⁰, то можно себе представить, каким мыслителем и теоретиком представлял в глазах Мао Цзэдуна Ли Да. Правда, надо отметить, что эта оценка была дана в частном разговоре в узком кругу, и когда у Мао Цзэдуна спросили, нет ли необходимости обнародовать ее, то он, очевидно спохватившись, сказал, что его мнение тут, дескать, ни к чему, и что история сама воздаст всем по справедливости.

Мао Цзэдун вспоминал о Ли Да тогда, когда речь шла о сложных для него теоретических вопросах. В 1958 г. в КПК выдвигалась идея:

«Учиться у Маркса, превзойти Маркса». Мао Цзэдун, прежде чем ее обнародовать, повелел обратиться за консультацией к Ли Да.

Ли Да на это сказал посланцам Мао Цзэдуна: «Да ведь Маркс же умер; как же можно его превзойти? Вот и Энгельс тоже ничего не говорил о том, чтобы «превзойти»! Как,

¹⁰ *Лу Синь* (наст. имя Чжоу Шужэнь) (1881—1936) – крупнейший китайский писатель 1-й пол. XX в., основоположник современной китайской литературы.

например, можно превзойти поэму-элегию Цюй Юаня «Скорбь отверженного» (общепризнанный образец китайской классической поэзии. – Ю.Г.)? А вот что надо бы делать, так это изучать и развивать марксизм; ну а для начала следовало бы учиться (читать книги, использовать заложенные в книгах знания); развитие марксизма является естественным результатом этой учебы. Что же касается состояния, в котором в настоящее время находится наша партия (а дело было, напомним, во время «великого скачка», когда Мао Цзэдун видел и себя, и свою партию, и страну на высшем их теоретическом и практическом подъеме. – Ю.Г.), то оно, во-первых, характеризуется тем, что такого рода учеба, такого рода знания недостаточно распространены вширь, и, во-вторых, сейчас головы у людей просто кружатся, как говорится, у них поднялась температура; в этих условиях, хочешь ты того или не хочешь, но следовало бы усилить учебу, изучение марксизма».

В результате идея «превзойти Маркса» не была пущена в ход. Мао Цзэдун очень не любил и не терпел, когда кто-нибудь оказывался мудрее, чем он, и потому, будучи в Ухане, где Ли Да жил и занимал пост ректора Уханьского университета, он сам вступил в беседу с Ли Да.

В ходе этой беседы Ли Да, будучи обеспокоен политикой Мао Цзэдуна, который толкал партию на необоснованные и рискованные действия, спросил у Мао Цзэдуна:

– Можно ли говорить, что «земля будет родить столько, насколько только у людей хватит смелости»?

Мао Цзэдун ответил:

– Как и у всего на свете, у этого лозунга есть две стороны, ему присуща двойственность.

Ли Да тут же уточнил:

– Вот ты говоришь, что этому лозунгу присуща двойственность. Иными словами, на практике ты одобряешь этот лозунг, не так ли?

Мао Цзэдун парировал:

– А если и одобряю, то что из того? А если и не одобряю, то что из того?

Ли Да разъяснил Мао Цзэдуну:

– Если одобряешь, тогда, следовательно, ты считаешь, что субъективные способности человека безграничны. Но ведь на самом-то деле субъективные способности человека в своем развитии ограничены определенными условиями. В настоящее же время весь вопрос в том, что люди действуют слишком смело, а не в том, что им не хватает смелости. Тебе не надо было бы подливать масла в огонь. В противном случае из-за этого может произойти несчастье, бедствие.

В этот момент кто-то из присутствовавших при этой беседе сделал Ли Да знак, предостерегая его против продолжения этой мысли. Мао Цзэдун увидел это и сказал:

– Ты дай ему договорить. Не будем его за это относить к числу правых.

Ли Да продолжал:

– У тебя голова слишком разгорячена. Там температура 39 градусов. А в низовых парторганизациях она может подскочить до 40 градусов, 41 градуса, 42 градусов... В результате всего этого народ Китая может постигнуть огромное бедствие. Ты признаешь такую постановку вопроса?

Продолжения эта беседа не получила.

Известно, однако, что через некоторое время Мао Цзэдун велел передать Ли Да следующее на словах: «Конфуций говорил, что когда человеку исполняется 60 лет, то он должен научиться выслушивать других людей. Когда я услышал то, что ты мне говорил, это мне сильно резало слух. Вот в этом моя ошибка. Когда-то в прошлом я писал в одной из своих статей о том, что необходимо избавиться от идеализма, призывал к духовному очищению; а на сей раз мне и самому не удалось духовно очиститься от идеализма».

Беседа Мао Цзэдуна с Ли Да говорит, как нам кажется, о том, что Мао Цзэдун по крайней мере иногда понимал, что есть люди, которые способны высказывать мысли более мудрые, чем его соображения. Мао Цзэдун даже предпринимал попытки, как и в данном

случае с Ли Да, выслушивать такого рода мнения (правда, это была единственная беседа Мао Цзэдуна и Ли Да после 1920-х гг.) и раньше или позже давать нечто вроде трезвой оценки своего поведения. Однако и эта оценка была двусмысленной. Вся беда людей, высказывавших откровенно свои мысли в беседах с Мао Цзэдуном, критиковавших его, используя уникальную возможность довести до него правду, состояла в том, что в конечном счете у Мао Цзэдуна верх брало желание утвердить свое превосходство любым путем, а человека, осмелившегося противоречить, в конце концов, если это удавалось, стереть с лица земли.

* * *

Еще одним примером того, как вел себя Мао Цзэдун как человек, может служить его политическое публичное столкновение во мнениях (уже не внутри партии) в споре с одним из известных в Китае демократических деятелей Лян Шумином.¹¹

Лян Шумин был давним знакомым Мао Цзэдуна. Они встречались в 1918 г., когда Мао Цзэдун впервые попал в Пекин. К моменту их первой встречи Лян Шумин был уже известным ученым, а Мао Цзэдун безвестным помощником библиотекаря.

В начале 1938 г. и в начале 1946 г. Лян Шумин дважды посещал Яньань и обменивался мнениями по политическим вопросам с Мао Цзэдуном. При этом Лян Шумин не соглашался с планами Мао Цзэдуна относительно радикальных преобразований в деревне, экспроприации помещичьих земель, применения насилия и введения уравнительного распределения. Он выступал за постепенные изменения, за оживление сельской экономики, за распространение образования среди крестьян.

Лян Шумин был одним из тех немногочисленных известных в Китае политических деятелей, которые не входили в КПК, но голос и мнение которых имели в свое время такой вес, что Мао Цзэдун был вынужден демонстрировать им свое уважение и желание прислушиваться к их соображениям.

Развитие отношений между Мао Цзэдуном и Лян Шумином было показательным и как конфронтация политических позиций, и как столкновение характеров. Это был еще один пример того, что умные люди пытались, рискуя своим положением и жизнью, предостерегать Мао Цзэдуна, давали ему советы, но он все больше подчинялся голосу своих желаний. Самомнение Мао Цзэдуна росло и увеличивалось быстро, он просто переставал слышать других. В Китае эту ситуацию стали называть «театром одного актера». Особенно это стало заметно после того, как он утвердился в положении единственного вождя партии-государства.

В 1950 г. Лян Шумин прибыл в Пекин из Сычуани и был в гостях у Мао Цзэдуна. Их беседа состоялась 12 марта. После обмена любезностями Мао Цзэдун поинтересовался мнением Лян Шумина о государственных делах.

Лян Шумин сказал:

– В настоящее время КПК заполучила в свои руки Поднебесную (то есть Китай. – Ю.Г.). Однако заполучить Поднебесную легко, да вот трудно управлять Поднебесной. Особенно трудно управлять ею так, чтобы в стране на протяжении длительного времени царили спокойствие и порядок; это поистине нелегко. – Мудрый Лян Шумин констатировал саморазрушение прошлого правительства Китая, чем, естественно, сразу же возбудил Мао Цзэдуна.

Мао Цзэдун заявил:

– Действительно, управлять Поднебесной трудно, но и заполучить Поднебесную тоже

¹¹ Лян Шумин (1893—1987) – ровесник Мао Цзэдуна, профессор Пекинского университета в 1917—1924 гг., зачинатель движения за преобразование деревни (1927—1937), основатель Демократической лиги Китая, образованной после Второй мировой войны; авторитетный специалист по конфуцианству.

нелегко! Известно, однако, что если люди дружно подносят хворост, то пламя вздымается высоко; если все будут соединять усилия, то и управлять Поднебесной будет нетрудно. Не сможет ли господин Лян принять участие в работе правительства?

Несколько помедлив и подумав, Лян Шумин ответил:

– А не лучше ли было бы оставить пока такого человека, как я, вне правительства?

Мао Цзэдун, казалось, был не слишком доволен такой позицией, но не стал заводить беседу в тупик, и продолжил:

– Тебе ведь приходилось заниматься вопросами строительства села и в Шаньдуне, и в Хэнани? Вот ты и мог бы поехать и поглядеть, какие изменения там произошли после Освобождения, а потом поезжай на Северо-Восток, да и сопоставь все это между собой.

С апреля по сентябрь 1950 г. Лян Шумин находился в разъездах. 23 сентября Мао Цзэдун снова пригласил его для беседы.

Вечером во время встречи Лян Шумин разъяснил свою позицию по каждому пункту. Мао Цзэдун сказал: «Ты познакомился и со старыми, и с новыми освобожденными районами, но все они расположены на севере страны; ты еще не видел, как обстоят дела на юге. Поэтому ты мог бы отправиться в Гуандун, и тогда ты соберешь еще более богатый урожай наблюдений». Лян Шумин ответил, что с посещением Гуандуна можно пока не спешить, и Мао Цзэдун согласился с этим.

Весной и летом 1951 г. Лян Шумин побывал и на юге страны, ознакомился там с положением в деревне. Эта поездка продолжалась с начала мая по конец августа. После того как Лян Шумин в течение четырех месяцев знакомился с тем, как идет земельная реформа, 30 августа состоялась его очередная беседа с Мао Цзэдуном.

Мао Цзэдун спросил:

– Каково твое впечатление от проведения аграрной реформы в Сычуани?

Лян Шумин высказал два основных тезиса:

– Во-первых, что касается аграрной реформы, то я видел желания, надежды и требования бедных крестьян, которые полагают земельную реформу весьма необходимой, а также своевременной; однако некоторые политические установки проводятся дурно; например, происходят избиения землевладельцев (помещиков), на это надо обратить внимание. Во-вторых, относительно Сычуани у меня сложилось следующее впечатление: с момента освобождения не прошло еще и двух лет, а в провинции Сычуань создана атмосфера покоя и порядка, стабильности, устойчивости. Изменения в этом плане произошли очень быстро, сверх моих ожиданий. Заслугу здесь надо отнести на счет деятельности и методов, к которым прибегли, управляя этой провинцией, Лю Бочэн и Дэн Сяопин.

Лян Шумин также особо подчеркнул, что Дэн Сяопин молодой (в то время Дэн Сяопину было 47 лет; Лян Шумин считал, что это – возраст молодости, расцвета сил для политического деятеля), способный человек, который находит глубокое понимание у людей. Кроме того, он привел в качестве примера хорошее решение вопроса о клановости в Сычуани. Выслушав Лян Шумина, Мао Цзэдун улыбнулся и сказал:

– Господин Лян зрит в корень. Дэн Сяопин – мастак во всем: от политики до военного дела, то есть и в делах гражданских, и в военных вопросах.

Представляется, что уже изначально существовали определенные разногласия между Мао Цзэдуном и Лян Шумином по вопросу о политике в отношении крестьян. Однако в 1950—1952 гг. они не выплеснулись на поверхность. Мао Цзэдун выслушивал некоторые критические замечания Лян Шумина и пытался не реагировать на них, переводя разговор на те темы, которые были ему более по вкусу. Однако вечно так продолжаться не могло, так как Лян Шумин был, что называется, «крепким орешком»: у него имелась своя голова на плечах, и он не желал поддакивать Мао Цзэду.

Дискуссия между Лян Шумином и Мао Цзэдуном разгорелась в 1953 г. Причем она

стала гласной. Все это произошло в течение десяти дней: с 8 по 18 сентября. Начался спор на расширенном заседании Постоянного комитета Всекитайского комитета НПКСК, а продолжился на расширенном заседании Центрального народного правительственного совета.

8 сентября премьер Госсовета КНР Чжоу Эньлай (который одновременно являлся еще и заместителем председателя ВК НПКСК) представил расширенному совещанию ПК ВК НПКСК доклад о генеральной линии на переходный период. Речь шла о новой генеральной линии Компартии Китая, в которой отразились взгляды Мао Цзэдуна, приведшие впоследствии и к «великому скачку», и к народным коммунам.

На следующий день после доклада Чжоу Эньлая, то есть 9 сентября, Лян Шумин, выступая при обсуждении этой генеральной линии на заседании группы членов ВК НПКСК, сказал: «Эта генеральная линия по сути дела или изначально представляет собой, так сказать, принципиальный подход или принципиальную собственность, то есть собственность, выраженную в принципах, в мыслях, собственность на принципы, а ведь это собственность, которая, если говорить о смысле, который в ней заложен, принадлежит всем нам вместе и каждому из нас в отдельности. Так что если говорить о самой генеральной линии как таковой, как линии, то тут вопросов к ней нет; остается поглядеть, как же она воплощается в жизнь, а если мы хотим хорошо сделать какое-то дело, то нужно опираться на такое положение, при котором каждый человек, все мы вместе и каждый в отдельности проявляли бы заботу об этом деле, чтобы оно затрагивало каждого, затрагивало его душу, отвечало его интересам; и вот при таком подходе мы обнаруживаем тут немало вопросов, и тут необходимо, чтобы в случае возникновения вопросов, вне зависимости от того, идет ли речь о крупных проблемах или о небольших вопросах, надо чтобы они своевременно находили отклик или доводились до тех, кто несет за это ответственность, причем это должно делаться с той целью, чтобы уменьшить ошибки в работе».

Во второй половине того же дня Чжоу Эньлай, закрывая заседание, предложил Лян Шумину выступить на очередном пленарном заседании с изложением его точки зрения.

Лян Шумин обнародовал свои взгляды. Он, в частности, говорил: «...Есть одна вещь, на которой мне хотелось бы сделать особый упор. Я хотел подчеркнуть один вопрос, а именно вопрос о крестьянах или, если хотите, вопрос о деревне. В прошлом на протяжении почти тридцати лет Коммунистическая партия Китая в ходе революции всегда исходила из того, что ее опорой является деревня, что село – это ее опорная база. Однако с той поры, как произошло вступление в большие города, и упор в работе был перемещен на город, а руководящие кадровые работники, которые сами выросли из среды крестьян, также все переместились в города, оказалось совершенно невозможно избежать такого положения, при котором деревня у нас как бы опустела, лишилась, как говорится, содержательной начинки. Причем особенно здесь следовало бы сказать о самых последних нескольких годах, потому что именно в самые последние несколько лет такое явление особенно характерно. При всем при том уровень жизни рабочих в городах, особенно в последние годы, повышается очень быстро. А вот крестьяне в деревне живут по-прежнему очень трудно и бедно. По этой причине люди из деревни повсеместно устремляются в города (включая сюда и Пекин). Город же не способен их всех вместить в себя, а потому он их отторгает, выталкивает обратно, назад, и так создается противоречие. Вот кое-кто утверждает, что в настоящее время рабочие у нас в стране живут на самом высоком, на самом богатом, девятом верхнем ярусе Неба, а крестьяне живут на самом низком, самом бедном, девятом нижнем ярусе Земли. Иными словами, рабочие живут в высшем круге рая, а крестьяне – в низшем круге ада. Жизнь у рабочих райская, а у крестьян, сравнительно с рабочими, адская. Следовательно, существует такая же разница, как между «девятым кругом рая, и девятым кругом ада». Между рабочими и крестьянами, между жизнью одних и других существует такая же огромная разница, как между жизнью тех, кто проживает в высшем круге рая и жизнью тех, кто живет в низшем круге ада. К этим словам следует прислушаться, они заслуживают внимания. Если мы в нашем движении, содержанием которого является

строительство государства, будем пренебрегать или упускать из виду подавляющее большинство народа Китая, а это крестьяне, то такие наши действия будут просто-напросто неподобающими. Особенно для Коммунистической партии, которая сегодня представляет собой руководящую партию, для партии, которая в прошлом опиралась или действовала в опоре на крестьян. Если сегодня она будет пренебрегать ими, тогда эти люди, то есть крестьяне, могут сказать: «Да что же это такое? Что же это они, как вошли в города, так и стали относиться к нам с антипатией, так и отбросили нас, так мы им стали и не нужны?» Мне бы хотелось, чтобы правительство уделило внимание этому вопросу. Я надеюсь на это».

Выступление Лян Шумина вызвало резкую реакцию со стороны Мао Цзэдуна. Возможно, дело было тут еще и в том, что внутри руководства ЦК КПК тоже были разногласия по вопросу о налаживании отношений между городом и деревней в эти годы. Мне приходилось слышать, что и Чжу Дэ выражал такого рода беспокойство.

На следующий же день после того, как Лян Шумин произнес свою речь, то есть 12 сентября 1953 г., Мао Цзэдун выступил на заседании Центрального народного правительства.

Мао Цзэдун заявил, что «... вот тут нашелся некто, кто не согласен с нашей генеральной линией, кто полагает, что жизнь крестьян слишком тяжела, и требует уважить крестьян, позаботиться о них, то есть осуществить то, что, очевидно, может быть названо малым гуманным правлением, проводить, так сказать, малую доброжелательную политику, малые гуманные меры. Вероятно, тут имеется в виду та мораль, которую проповедовали Конфуций и Мэн-цзы, когда они говорили о гуманном великом правлении, о доброжелательной политике. Так вот, если осуществлять то, что может быть названо малыми (в отличие от предлагавшегося Конфуцием и Мэн-цзы. – Ю.Г.) гуманными мерами, и не осуществлять того, что может быть названо гуманными великими мерами (под этим Мао Цзэдун имел в виду свою политику. – Ю.Г.), то это будет означать, что мы оказываем помощь американцам. Тут, видите ли, – продолжал Мао Цзэдун, – нашелся некто, кто дошел до того, что перед мастерами по владению искусством строителя, перед теми, кто в совершенстве владеет орудием строителя, топором, принимается сам размахивать топором налево и направо, то есть ведет себя так, как будто бы мы, то есть Коммунистическая партия, которая на протяжении десятилетий осуществляла крестьянское движение, все еще не понимаем крестьян. Да это же просто смешно! Это просто курам на смех. База, основа нашего сегодняшнего правительства, нашей политической власти сегодня, это как раз то положение, что коренные интересы рабочих, крестьян едины, и эту нашу основу или базу нашей власти нелегко расколоть, в нее непросто внести раскол, ее нелегко разрушить!»

Мао Цзэдун не упомянул в своей речи имя Лян Шумина. Однако Лян Шумин был вовсе не тем человеком, который мог позволить морочить голову себе и другим.

Выслушав то, что сказал Мао Цзэдун, Лян Шумин был потрясен; он никак не мог с этим смириться. Он написал Мао Цзэдуну письмо, в котором говорилось: «Кое-что из того, что было сказано тобой, адресовано мне лично, тут подразумевался я. Ты сказал, что я выступаю против генеральной линии, разрушаю союз рабочих и крестьян. Но я не вкладывал в свои слова такой смысл. Это твое утверждение является неверным. Прошу тебя взять свои слова обратно. И я еще посмотрю, хватит ли у тебя широты души, чтобы сделать это. Найдешь ли ты в себе такое великодушие, будешь ли ты настолько снисходителен?»

В письме также указывалось, что во время выступления Лян Шумина в зале, где он произносил свою речь, Мао Цзэдуна не было, и выражалась надежда на то, что Мао Цзэдун предоставит Лян Шумину такой случай, то есть возможность выступить перед полным залом и в его присутствии. Лян Шумин подчеркивал, что он хотел бы в этом своем выступлении еще раз изложить содержание своей прошлой речи, дабы устранить недоразумение.

В первой половине дня 13 сентября 1953 г. Лян Шумин передал это письмо лично в руки Мао Цзэдуну на самом заседании, то есть сделал это публично.

Мао Цзэдун пригласил его в тот же вечер побеседовать. Их разговор состоялся. Лян

Шумин настаивал на том, чтобы Мао Цзэдун устранил недопонимание, недоразумение в его отношении. Мао Цзэдун, со своей стороны, настаивал на том, что Лян Шумин выступает против генеральной линии, и никак не желает признать этого, только и всего. Лян Шумин был крайне разочарован, однако твердо стоял на своих позициях. В ходе этой беседы они неоднократно скрещивали шпаги с Мао Цзэдуном и расстались, как говорится, без радости.

На заседании, которое состоялось 17 сентября, все шло по обычному сценарию. С длинным докладом выступал один из руководителей ЦК КПК, который пространно доказывал, что исторически Лян Шумину всегда была присуща реакционность.

Мао Цзэдун прерывал оратора, чтобы сделать несколько своих вставок в этот доклад. (В 1977 г. Хуа Гофэн счел необходимым опубликовать тезисы этого выступления в 5-м томе «Избранных произведений Мао Цзэдуна».) Содержание реплик Мао Цзэдуна сводилось к следующему:

«Ты (Лян Шумин. – Ю.Г.) хотя и не тот убийца, который орудует ножом, но ты – убийца, орудием убийства людей в руках которого является кисть, перо. И если кто-то тут еще утверждает, что ты – хороший, добрый человек, добропорядочный человек, то я скажу так: ты – человек, который только прикидывается благородным мужем!

...Что же касается твоего членства в нынешнем составе ВК НПКСК, то мы лишать тебя этого членства не будем; более того, и при следующем созыве опять-таки надо будет предложить включить тебя в состав НПКСК, так как ты способен на обман, а кое-кто попадаетея на твой обман.

...Ведь если бы ты, предположим, со всей ясностью, без обиняков, выступил против генеральной линии и отстаивал необходимость уделить главное внимание, сделать главный упор на сельском хозяйстве, то в этом случае, да пусть даже твои разъяснения были бы путанными и невразумительными, мы и тогда все-таки могли бы тебя извинить. Но ведь ты же не выступаешь открыто, с открытым забралом, со всей ясностью против, а в то же время, по самой сути дела, ты выступаешь против, а вот это-то и есть то, что называется злонамеренными действиями».

Лян Шумин находился, как уже говорилось, в зале и выслушал эти ремарки Мао Цзэдуна, а также этот длинный доклад. Что было делать, учитывая такую позицию Мао Цзэдуна? Имело место открытое противостояние двух мнений. Лян Шумин оказался человеком с очень твердым, просто несгибаемым характером. После окончания выступлений руководителей ЦК КПК Лян Шумин потребовал, чтобы ему тут же предоставили слово для ответа. Однако ему обещали дать такую возможность только на следующий день.

* * *

Во второй половине дня 18 сентября 1953 г. заседание было продолжено. До его начала и Чжоу Энлай, и другие деятели настойчиво советовали Лян Шумину смириться, признать свою неправоту, публично повиниться перед Мао Цзэдуном, обещая, что в этом случае никаких организационных выводов в отношении Лян Шумина делаться не будет. Однако Лян Шумин отстаивал свое мнение, тем более что это был вопрос всей его жизни: он всегда думал о том, как наладить жизнь китайских крестьян, и в ходе своих многочисленных и продолжительных поездок по стране видел пагубность политики Мао Цзэдуна, ущемление интересов крестьян. Лян Шумин полагал, что кто-то же должен сказать слово в защиту крестьян, и был готов пойти по этому пути до конца, то есть публично заявить Мао Цзэдуноу о его неправоте в политике в отношении китайской деревни.

Лян Шумину было дано слово. Он начал говорить, расставляя все точки над «і»:

– Вчерашнее выступление руководителя ЦК оказалось для меня совершенно неожиданным. Оно просто-напросто вышло за рамки всего, что я мог ожидать. Я имею в виду принародное, публичное заявление о том, что мое выступление на заседании НПКСК сделано со злым умыслом, а особенно тот тяжелый акцент, то ударение, с которым произнес свои слова председатель, его совершенно определенное заявление, что я исхожу из дурных

намерений, действую злонамеренно. Однако если исходить только из того, что я говорил, выступая в прошлый раз, из моих подлинных слов, и заявлять, что я питаю злые намерения, то это было бы недостаточным основанием для такого вывода. Поэтому-то и бросились выискивать какие-то факты из прошлого, чтобы на основе этих фактов подтвердить, что я, дескать, всегда был реакционером и только потому и сейчас в моей позиции много злонамеренных мыслей. Но что из всего этого следует? Да то, что у меня прибавилось задач. Теперь я должен рассказать, как все это было, когда речь идет об истории, о фактах истории. Иными словами, помимо того, что мне необходимо четко и ясно разъяснить мои взгляды сегодняшнего дня, причем сделать это в первую очередь, речь идет также и о необходимости выяснить, где правда и где ложь и применительно к истории, к фактам истории. А надо вам сказать, что уж если говорить о том, что у меня было общего и в чем я расходился с КПК до освобождения, то это такая вещь, в которую просто невозможно внести ясность в двух-трех словах; тут необходимо, чтобы мне было предоставлено достаточное время...

Лян Шумин только начал это свое ответное выступление. Однако приверженцы Мао Цзэдуна сразу поняли, какова будет направленность речи Лян Шумина, и потому в зале начали раздаваться крики. Лян Шумина прерывали, не позволяли ему продолжать. Мао Цзэдун не желал допустить публичной критики в свой адрес. На этом заседании председательствовал Гао Ган. Мао Цзэдун дал ему знак прервать выступление Лян Шумина, но Гао Ган не сумел или не захотел этого сделать.

Лян Шумин упорно старался со всей полнотой и ясностью разъяснить вопрос, начиная от самых истоков. При этом он понимал, что шум в зале создают подручные Мао Цзэдуна, желающие угодить своему вождю. Лян Шумин пошел на беспрецедентный шаг в практике политической жизни КНР. Он обратился не к залу, а к президиуму заседания, причем не просто к президиуму, а лично к Мао Цзэдуну, показывая, что ссылки на мнение зала тут неуместны. Лян Шумин бросил публичный вызов Мао Цзэдуну, показав, что он не боится открытого сопоставления мнений. При этом Лян Шумин сделал это, выслушав сначала и длинный доклад и ремарки Мао Цзэдуна, то есть дав оппоненту полностью изложить свое мнение. Речь шла, таким образом, о праве на ответ. И Мао Цзэдун оказался в позиции человека, который должен был доказывать свою смелость.

Лян Шумин говорил:

— У меня сейчас есть только одно-единственное требование: предоставьте мне достаточное время. Если вы мне это время не предоставите, это будет несправедливо. Я очень надеюсь на то, что руководящая партия, а также сидящие здесь внепартийные товарищи подвергнут меня испытаниям, проверят меня, то есть предоставят мне возможность, дадут мне случай высказаться, и что это произойдет именно сегодня. Одновременно я также со всей прямоотой заявляю следующее: я, со своей стороны, тоже хотел бы подвергнуть испытанию руководящую партию; я хотел бы посмотреть, обладает ли председатель Мао Цзэдун достаточной широтой души, достаточным великодушием и снисходительностью. О какой широте души тут идет речь? Да именно о том, чтобы просто подождать, пока я изложу все это от самых истоков во всей полноте. Дайте мне возможность высказаться со всей полнотой и ясностью, установить причинную связь, установить, что тут к чему, выяснить отношения между причиной и следствием, понять и проанализировать и то, как все это было, и то, как все это будет. А после этого председатель Мао Цзэдун получит возможность кивнуть и сказать: «Да, хорошо; по сути дела у тебя изначально не было никаких дурных мыслей и намерений; тут произошло недоразумение, тут мы ошибочно поняли вопрос». Вот о какой широте души, о каком великодушии я говорю; вот какого великодушия я требую от председателя Мао Цзэдуна.

В этот момент Мао Цзэдун вставил свою реплику:

— Боюсь, что у меня не найдется того великодушия, которое ты требуешь.

Лян Шумин тут же продолжил:

— Председатель, у вас такое великодушие имеется. Если у вас найдется такое великодушие, тогда я буду еще больше уважать вас. Но если у вас действительно нет такого

великодушия, тогда я потеряю к вам уважение.

Мао Цзэдун бросил:

– Ну, у меня все-таки хватит великодушия в определенной степени. Иначе говоря, ты все-таки можешь продолжать оставаться членом НПКСК.

Лян Шумин показал, что его такими подачками купить нельзя, что это «не столь важно». Он настаивал на том, чтобы ему дали возможность продолжать свое выступление. Создалась ситуация, при которой продолжать заседание казалось невозможным. Из зала неслись крики: «Не желаем слушать чушь, которую несет Лян Шумин! Не предоставлять демократические права реакционерам! Долой с трибуны Лян Шумина!»

Но Лян Шумин стоял на своем и с трибуны не уходил. Он хотел услышать мнение Мао Цзэдуна. Мао Цзэдун рассердился и сказал:

– Это не важно? Если ты считаешь, что это (оставление за Лян Шумином поста члена НПКСК со всеми привилегиями, которыми пользовались члены этого органа. – Ю.Г.) не важно, тогда это другое дело. Если это не важно, тогда в то время, когда придет срок созывать НПКСК второго созыва, я все-таки буду предлагать тебя в качестве члена НПКСК. А что до всех этих твоих мыслей и точек зрения, то они никуда не годятся; это совершенно определено.

Лян Шумин продолжал стоять на своем:

– Что касается вопроса о том, быть или не быть мне членом НПКСК, то это дело будущего. Об этом можно было бы поговорить не спеша. Моя же мысль в настоящее время состоит в том, что я хотел бы подвергнуть испытанию правящую партию. Дело в том, что правящая партия часто заявляет нам, что она желает, чтобы существовала самокритика. Так вот я и хотел бы именно посмотреть, что такое эти разговоры о самокритике. Правдивы они или ложны, фальшивы. И если у председателя Мао Цзэдуна достанет такой широты души, тогда я буду еще больше уважать его.

Мао Цзэдун сказал:

– Критика бывает двух видов. Один – это самокритика, а другой – это критика! Так какой же метод нам применить по отношению к тебе? Применить ли нам метод самокритики? никоим образом. Тут надо действовать методом критики!

Лян Шумин ответил:

– Да я-то ставлю вопрос именно таким образом: хватит ли у председателя великодушия на то, чтобы заняться самокритикой...

Мао Цзэдун реагировал на это так:

– Господин Лян, сегодня ты говори не длинно. Вот мы дадим тебе десять минут на то, чтобы ты изложил основные мысли. Так пойдет?

Лян Шумин заявил:

– Я хотел бы рассказать об очень многих фактах. Как тут уложиться в десять минут? Я надеюсь на то, что председатель отнесется ко мне справедливо.

Тут в зале снова поднялся шум. Многие стали говорить, перебивая друг друга, выражая возмущение позицией Лян Шумина. Мао Цзэдун тоже внес в это свою лепту, сказав:

– Его вопрос или вопрос о нем – это не вопрос, который можно прояснить за несколько часов или за несколько дней; такой вопрос невозможно прояснить и за несколько месяцев... Я хотел бы указать на следующее: вопрос о Ляне – это вопрос не о нем одном, а тут мы, беря в качестве предлога его, то есть самого этого человека, вскрываем его реакционную идеологию с той целью, чтобы всем стало ясно, где тут правда и где тут неправда, то есть ложь. Он – это такой человек, от которого нет никакой другой пользы, и ничего иного из этого извлечь нельзя; у него нет иных заслуг, он играет всего-навсего и именно такую роль. Сейчас я снова предлагаю: пусть он поговорит еще десять минут. Так пойдет, господин Лян?

Лян Шумин повторил, что десяти минут ему мало и что он надеется на справедливость.

Мао Цзэдун, завершая, сказал:

– Ну, какой же ты человек. Суть твоя именно в том, что ты слушаешь и слышишь только самого себя и не слышишь общее мнение. Вот я не даю тебе говорить длинно, и ты

утверждаешь, что у меня нет «великодушия». Но ведь общее мнение в том, чтобы не давать тебе говорить. Неужели же у всех нет «широты души» или «великодушия»? Ты опять-таки говоришь еще, что не дать тебе достаточно времени – это означает обойтись с тобой не по справедливости. Но ведь сейчас все тоже не согласны и не хотят слушать твою речь, так что же в этих обстоятельствах будет справедливым? В данное время и в данных обстоятельствах справедливым будет именно не давать тебе выступить на сегодняшнем заседании НПКСК, а позволить выступить с речью на другом совещании. Господин Лян, как твое мнение?

Лян Шумин ответил:

– Как решит председатель.

Тут в зале снова поднялся шум. Было принято решение: большинство выступило против того, чтобы давать слово Лян Шумину. На этом совещание было закрыто.

Лян Шумину так больше и не предоставили трибуну. Он оставался членом НПКСК, но выступать ему больше не пришлось. Контактам же Лян Шумина с Мао Цзэдуном пришел конец.

Этот случай раскрывает столкновение характеров. Мао Цзэдун в этом противостоянии по сути дела потерпел поражение. Он не принял открытого вызова со стороны Лян Шумина.¹²

В споре Мао Цзэдуна с Лян Шумином нашла коса на камень. И в исторической перспективе, по существу вопроса, Лян Шумин оказался прав: он первым в КНР публично осудил политику Мао Цзэдуна по отношению к крестьянам.

* * *

Мао Цзэдун не мог отказать себе в удовольствии принять в Пекине, в бывшем императорском зимнем дворце, будучи в положении владыки Китая, бывшего последнего императора Цинской династии Пу И. Это произошло после того, как Пу И был интернирован Советской армией в 1945 г. в Маньчжурии, провел некоторое время в Советском Союзе, а затем был передан Мао Цзэдуну. В КНР Пу И подвергли перевоспитанию в условиях лишения свободы, убедились, что он больше не опасен, и отвели ему место научного сотрудника одного из учреждений в столице.

Мао Цзэдун все это время внимательно следил за судьбой Пу И.

Во второй половине 1961 г. Мао Цзэдун у себя дома в Чжуннаньхае устроил обед из блюд родной для него хунаньской кухни. Он пригласил на этот обед четверых почтенных старцев, которые были его земляками (Чжан Шичжао, Чэн Цяня, Чоу Ло, Ван Цифаня), пятым гостем был Пу И.

Мао Цзэдун взял Пу И за руку и посадил его рядом с собой за стол. Он сказал Пу И:

– Вот ты в свое время был надо мной верховной властью, тем, что называлось «Ваше величество», а я был всего-навсего твоим простолюдином! – И тут Мао Цзэдун положил на тарелочку Пу И ложку кушанья, блюда, приготовленного из горькой хунаньской тыквы, и произнес: – Отведай-ка нашей горькой хунаньской тыквы!.. Ну, какова на вкус? Хороша, а?

Пу И, естественно, отвечал:

– Вкусна! Вкусна!

Далее Мао Цзэдун спросил:

– А ты еще не женился?

¹² Думается, что цитата из работы Л.С. Переломова поможет лучше представить себе того человека, который не склонился перед Мао Цзэдуном: «Неслучайно один из последних великих конфуцианцев нашего века, пользовавшийся признанным авторитетом среди интеллектуалов региона, профессор Лян Шумин незадолго до своей кончины в 1987 году в беседе с профессором Л.П. Делюсиным утверждал, что основным в учении Конфуция являются не ЛИ («правила», «нормы поведения») и не ЖЭНЬ («человечность», «гуманность»), а ГАН ЦЗЯН – «твердость духа», «стойкость», «упорство» (*Переломов Л.С. Слово Конфуция.* – М., 1992. С. 91.).

– Нет еще, – отвечал Пу И.

– Тебе еще можно снова жениться! (Пу И было тогда 55 лет. – *Ю.Г.*) Однако вопрос о твоём браке следует тщательно продумать. Надо подобрать то, что действительно подойдет, потому что речь идет о том, чтобы создать семью на вторую половину жизни.

После обеда Мао Цзэдун пожелал сфотографироваться на память со своими гостями, в том числе и с Пу И.

Что же касается жены, то ее для Пу И, естественно, подобрали соответствующие компетентные органы, и брак был оформлен.

Мао Цзэдуна же продолжали время от времени занимать мысли об императорах. Тут он вспоминал и о Пу И.

В 1963 г. Мао Цзэдун в беседе с одним из иностранцев (с кубинским поэтом) вдруг заговорил о том, что он «приглашал на обед Пу И, и как же тот был этому рад». Пу И, до которого были доведены эти высказывания Мао Цзэдуна, реагировал соответственно: он многократно рассказывал об этом случае и о высказываниях Мао Цзэдуна своей проверенной и санкционированной жене после их свадьбы, сопровождая свои рассказы восхвалениями в адрес Мао Цзэдуна.

В 1964 г. во время собеседования по случаю праздника Весны Мао Цзэдун снова заговорил о Пу И: «Что касается Сюаньтуна (тут Мао Цзэдун назвал Пу И, употребляя его официальное имя, девиз его царствования. – *Ю.Г.*), то его следует привлекать на нашу сторону, причем делая это по-доброму. Он, как и император Гуансуй (так Мао Цзэдун вспомнил обоих императоров, во времена правления которых ему довелось жить. – *Ю.Г.*), был тем, кто именовался верховной, высшей властью над нами, был «Его величеством», а я был когда-то одним из простолюдинов, которыми он правил. Я слышал, что Пу И живет не очень обеспеченно. Получает зарплату всего в 180 юаней в месяц. Этого, пожалуй, слишком мало!» Тут Мао Цзэдун обратился к одному из присутствовавших, к Чжан Шичжао: «Я вот хочу выделить ему некоторую сумму из своих гонораров и через тебя передать ему на улучшение жизни. Нельзя допускать того, чтобы он, как говорится, «после длительных скитаний остался без пищи, у разбитого корыта». Ведь он все же император!»

Пу И, до которого довели и эти высказывания Мао Цзэдуна, сказал своей жене, демонстрируя, что он очень тронут такой заботой: «Да разве мы сейчас плохо живем? Питаться за счет своего труда – вот истинное счастье! – И добавил: – Мы не можем брать деньги председателя (Мао Цзэдуна); сочувствие его мы принимаем. Вот ты скажи: так правильно будет?»

При всем желании попытаться воспринять эти поступки и высказывания Мао Цзэдуна, как пример широты его души и человеческого сочувствия Пу И, никак не получается. Все это напоминало скорее игру кошки с мышью, неумный кураж беспредельного самолюбия, дурного характера, желания удовлетворить свое тщеславие. Ведь Пу И ничего дурного лично Мао Цзэдуну (да и никому другому) не сделал в свою бытность императором Цинской династии, так как был тогда еще младенцем (при восшествии на престол Пу И было 2 года, а в момент свержения – 5 лет. – *Ю.Г.*), а затем Пу И стал игрушкой в руках японцев и самостоятельных действий предпринимать тоже не мог. При всех своих личных недостатках Пу И все-таки не заслуживал такого отношения к нему. Надо также сказать, что Пу И принадлежал к императорской династии выходцев из очень малочисленной группы жителей Китая маньчжуров, а не к ханьцам, составляющим подавляющее большинство населения страны, и потому был абсолютно исключен вариант возвращения Пу И к власти над Китаем. Он не был и в этом смысле опасен для Мао Цзэдуна.

* * *

Другой пример из жизни Мао Цзэдуна говорит о том, как он поступал с людьми, которых начинал считать своими врагами внутри руководства партии.

В 1954 г. Мао Цзэдун спросил у Ло Жуйцина, занимавшего в то время пост министра общественной безопасности КНР и ведавшего охраной председателя ЦК КПК и КНР:

– А что, если мне отойти на вторую линию? Кому тогда поручить вести дела на первой линии?

Ло Жуйцин ответил:

– Если председатель отойдет и займет вторую линию, тогда на первой линии руководить должен товарищ Лю Шаоци. Вот только...

Тут Ло Жуйцин запнулся и замолк. Он имел в виду появившиеся и распространявшиеся в то время слухи, наносившие ущерб авторитету Лю Шаоци.

Мао Цзэдун не стал дожидаться, пока Ло Жуйцин закончит фразу. Он сказал своему главному тогда специалисту по особым делам и политическому сыску:

– У тебя нюх не тонкий. Ты не различаешь, где дурно пахнет, откуда тянет вонюю. – Затем добавил: – Все люди спят по-разному. Одни просто на кровати, а другие предпочитают залезть, как говорится, внутрь барабана, отгородиться от мира. На мой взгляд, ты спишь именно так, то есть в барабане. Да известно ли тебе, что кое-кто замышляет заговор, организует и создает в Пекине подпольный штаб? Вы вот утверждаете, что охраняете и защищаете меня как свое знамя. Так почему же вы прислушиваетесь к этим рассказам? Почему не спросите у меня, у своего знамени: правду тут говорят или ложь распространяют? – После паузы Мао Цзэдун продолжил: – Заговор замышляет, создает и формирует подпольный штаб не кто иной, как Гао Ган, именно Гао Ган. Когда я отойду на вторую линию, он хочет стать заместителем председателя партии.

Вскоре после этого разговора Мао Цзэдун собрался поехать в Ханчжоу, а перед отъездом созвал совещание, на которое были вызваны, в частности, Ло Жуйцин и Гао Ган. Во время совещания Мао Цзэдун сказал, что во время его отсутствия в Пекине его будет замещать Лю Шаоци. Подтверждая эти свои слова, Мао Цзэдун кивнул и добавил:

– В настоящее время в Пекине кое-кто поднимает нехороший ветер, ведет подпольную работу. – Тут он сделал жесты, сказав: – В ЦК этому ветру дается вот такое направление, – Мао Цзэдун указал вверх. – Но этот ветер дует также и сюда, – Мао Цзэдун показал рукой вниз. – Нам всем надо быть внимательными.

В заключение Мао Цзэдун спросил:

– Ну, вы согласны с этим или возражаете?

В КНР утверждали, что Гао Ган густо покраснел и через силу произнес:

– Согласны.

Вечером того же дня Гао Ган позвонил Ло Жуйцину и сказал, что хотел бы приехать к нему домой поговорить. Ло Жуйцин ответил:

– Да не надо тебе приезжать. Если есть какое дело, поговорим у тебя.

Положив трубку, Ло Жуйцин тут же позвонил Мао Цзэдуну и доложил о разговоре с Гао Ганом. Мао Цзэдун сказал:

– Поезжай, да поскорее. Посмотрим, что он скажет.

Ло Жуйцин приехал к Гао Гану домой, и тот сказал, что следует должным образом оберегать здоровье председателя (Мао Цзэдуна. – Ю.Г.). При этом обследование здоровья Мао Цзэдуна надо проводить там же, где живет председатель. Гао Ган многократно повторял, что необходимо действовать со всем вниманием, не допуская небрежности, поверхностного подхода.

Далее Гао Ган сказал, что следовало бы создать в КНР Совет министров и что в этом вопросе он согласен с Линь Бяо. Говоря все это, Гао Ган явно чувствовал себя не в своей тарелке и даже несколько в замешательстве.

Ло Жуйцин ответил:

– Я буду внимательно следить за состоянием здоровья председателя. – И добавил: – Что же касается вопроса о Совете министров, то председатель, вероятно, с тобой не согласится.

На этом Ло Жуйцин распрощался и уехал.

Вообще говоря, в человеческом плане выступление Мао Цзэдуна против Гао Гана

высветило темные стороны его характера. Ведь Мао Цзэдун сам выдвигал Гао Гана, даже противопоставлял его Чжоу Эньлаю как премьеру ГС КНР, а потом отдал на растерзание его недругам – Чжоу Эньлаю, Лю Шаоци, Чэнь Юню, Дэн Сяопину, которые сочли возможным, учитывая настроения Мао Цзэдуна, объединиться и не допустить ввода Гао Гана в круг высших руководителей партии и страны. При этом к Гао Гану Мао Цзэдун тут же пристегнул и руководителя партийной организации Восточного Китая Жао Шуши. Тем самым он хотел избавиться и от него, и от других свидетелей попыток самого Мао Цзэдуна в 1940 г. сговориться с японскими оккупантами Китая. Кстати, в этой связи был репрессирован и один из руководителей Шанхая того времени Пань Ханьнянь. Двуррушничество и предательство Мао Цзэдуна проявились в этом факте совершенно очевидно.

Одновременно эти факты высвечивают и отношение Мао Цзэдуна к Ло Жуйцину, в то время руководителю сыскных служб и его охраны. Не случайным представляется и то, что Мао Цзэдун во время «культурной революции» репрессировал Ло Жуйцина в связи с тем, что видел в нем сторонника Лю Шаоци.

* * *

В задачу автора этого очерка не входит анализ внутривластной борьбы в КПК. Но все вышеупомянутые эпизоды свидетельствуют о том, что характер Мао Цзэдуна являлся причиной напряженного состояния руководителей ЦК КПК, что подозрительность Мао Цзэдуна распространялась на всех людей из его окружения. Все боялись Мао Цзэдуна, а он сознательно формировал именно такую обстановку и стремился к тому, чтобы в руководстве партии все друг друга подозревали, все друг за другом следили и все докладывали ему о поведении своих коллег. Мао Цзэдун любил сидеть всегда в центре паутины и не допускать появления других, опасных с его точки зрения, центров. При этом свое слово Мао Цзэдун ставил превыше всех фактов, законов, инструкций и т. д. Судя даже по приведенным деталям поведения Мао Цзэдуна, с ним действительно было по-человечески страшно всем тем, кто с ним соприкасался. Тот, кто не боялся, например Пэн Дэхуай, со временем пропадал, лишался и своей доли власти и самой жизни.

Трагической была судьба и некоторых личных секретарей Мао Цзэдуна, людей, которые годами работали рядом с ним, в его доме, выполняя конфиденциальные его задания, хорошо понимая его мысли и умея помогать ему в работе.

Одним из таких секретарей был Чжоу Сяочжоу, талантливый выпускник Пекинского педагогического университета, которого Мао Цзэдун в 1936 г. в возрасте двадцати пяти лет взял к себе на работу в качестве своего секретаря. Чжоу Сяочжоу отличала критическая направленность ума, стремление выяснять все до конца. Ему приходилось поправлять и ошибки в первых вариантах работ Мао Цзэдуна.

После создания КНР Чжоу Сяочжоу стал кандидатом в члены ЦК КПК, первым секретарем комитета КПК провинции Хэнань.

В 1959 г. на Лушаньском совещании Чжоу Сяочжоу правдиво рассказывал о положении в провинции, требовал исправить «левый» уклон, не отвечавший, во всяком случае, реальной действительности. За это Чжоу Сяочжоу, с санкции Мао Цзэдуна, был включен в число членов «антипартийной группы» во главе с Пэн Дэхуаем, снят с поста первого секретаря провинциального парткома и отправлен работать заместителем секретаря партийной народной коммуны Даяо уезда Люян провинции Хунань. В 1962 г. он был переведен на должность вице-президента академии общественных наук Центрально-Южного Китая в Гуанчжоу. В 1966 г. погиб во время репрессий в ходе «культурной революции».

Столь же, если не еще более, трагична судьба другого личного секретаря Мао Цзэдуна Тянь Цзяина. 15 сентября 1956 г. Мао Цзэдун произнес вступительное слово на восьмом съезде КПК. Оно всем понравилось. Мао Цзэдуна наперебой поздравляли с успехом. Но Мао Цзэдун сказал: «Оно написано не мной. Это идет от молодых. Автора зовут Тянь Цзяин. Это

мой секретарь».

Тянь Цзяин начал работать секретарем Мао Цзэдуна с августа 1948 г. Он внес вклад в разработку первой Конституции КНР, «Проекта примерного Устава сельскохозяйственных производственных кооперативов». Редактировал первые четыре тома «Избранных произведений» Мао Цзэдуна, сборники его стихотворений. Был членом редколлегии журнала «Хунци» и т. д. Интересно отметить, что это был самоучка. У него не было никаких степеней и званий, дипломов и образования. Восхищения Мао Цзэдуна и признания его заслуг обществом он добился своим умом и трудом.

Изначально его звали Цзэн Чжэнчан. Он родился в январе 1922 г. в Чэнду. Рано потерял отца и мать. Был вынужден из-за материальных трудностей бросить среднюю школу. Стал зарабатывать на жизнь как журналист и в 1936—1937 гг. опубликовал много статей под псевдонимом Тянь Цзяин. Он исколесил практически почти всю страну. Его единственным багажом и достоянием были книги.

Работая при Мао Цзэдуне, Тянь Цзяин пытался сдерживать проявления того, что именовалось «крайней левой идеологией», и не допускать ошибок такого характера. Например, после состоявшегося в 1961 г. всекитайского совещания, на котором присутствовали семь тысяч человек, на основании результатов проведенных по итогам указанного совещания широкомасштабных и серьезных обследований, Тянь Цзяин, по указанию Лю Шаоци и Дэн Сяопина, представил Мао Цзэдуну предложения о закреплении производственных заданий за крестьянскими дворами и одновременно составил проект документа о мерах, направленных «на восстановление сельского хозяйства». Тянь Цзяин выдвинул курс на многоукладную экономику, который и включал в себя предложения о доведении производственных заданий до каждого крестьянского двора. Вскоре внутри партии все те, кто выступал за это, были подвергнуты критике. Тянь Цзяин был вынужден писать объяснения и каяться в ошибках. Характерно, что при этом он так и не упомянул о том, что выдвигал предложения Мао Цзэдуну по поручению Лю Шаоци и Дэн Сяопина, то есть принял ответственность на себя, спас Лю Шаоци и Дэн Сяопина. Тянь Цзяин также не перекладывал ответственность на тех, кто проводил обследования в низовых организациях и ячейках.

Когда началась критика исторической драмы У Ханя «Разжалование Хай Жуя», Мао Цзэдун поручил Тянь Цзяину прочитать текст этого произведения и высказать свое мнение. Тянь Цзяин прочитал пьесу и сказал Мао Цзэдуну, что там не просматривается никакого заговора; если же придать критике пьесы такую направленность, то впоследствии никто не осмелится ни изучать историю, ни писать пьесы на исторические темы.

21 декабря 1965 г. Мао Цзэдун в беседе с Чэнь Бода, Тянь Цзяином и другими сказал: «Главное зло пьесы «Разжалование Хай Жуя» состоит именно в этом слове «разжалование». Император Цзя-цин разжаловал Хай Жуя, а мы разжаловали Пэн Дэхуая. Пэн Дэхуай и есть современный Хай Жуи». На Тянь Цзяина была возложена обязанность подготовить для распространения внутри партии изложение высказываний Мао Цзэдуна по этому поводу. Тянь Цзяин позволил себе опустить в тексте ориентировки все то, что касалось Пэн Дэхуая. Он опустил также хвалебные слова Мао Цзэдуна в адрес Яо Вэньюаня, Гуань Фэна, Ци Бэньюя, то есть активистов той «культурной революции», которую Мао Цзэдун готовился развернуть.

Тянь Цзяин работал при Мао Цзэдуне восемнадцать лет (с 1948 по 1966 г.). Ему лучше, чем многим другим, были известны недостатки Мао Цзэдуна. В частном разговоре Тянь Цзяин, исходя из лучших побуждений в отношении Мао Цзэдуна, сказал, что лучше было бы, если бы Мао Цзэдун снял с себя практические повседневные обязанности и сосредоточился на теоретической работе, писал бы книги и создавал учение, направляя, таким образом, партию в ее работе. Тянь Цзяин также говорил, что если бы ему дали возможность уйти из Чжуннаньхуа, то есть не работать больше секретарем Мао Цзэдуна, тогда он мог бы высказать Мао Цзэдуну критические замечания. Во-первых, упрек в том, что Мао Цзэдун не слышит критику. Во-вторых, заявление о том, что Мао Цзэдуну не следовало

бы поступать так, как он действует в настоящее время, потому что такими своими акциями он создает основания для того, чтобы спустя сто лет люди подвергли его критике.

Эти высказывания Тянь Цзяина дошли до посторонних ушей. Поступили предложения покарать Тянь Цзяина, но Мао Цзэдун на некоторое время отвел от него удар, заявив, что «сей книгочей – наш человек!». Однако очень скоро Мао Цзэдун изменил свою позицию и перестал защищать Тянь Цзяина, а еще точнее, дал санкцию на репрессии против него.

Во второй половине дня 22 мая 1966 г. Тянь Цзяину было приказано прекратить работу, сдать дела и все документы. Поступил строгий приказ 23 мая «убраться» из Чжуннаньхая. И тогда утром того же дня Тянь Цзяин покончил с собой на своем рабочем месте, то есть там же, в Чжуннаньхае.

Он прожил 44 года и оставил, как свое завещание, следующие слова: «Верю, что партия сумеет прояснить этот вопрос; верю, что не буду несправедливо низвергнут на самое морское дно».

Существуют свидетельства того, что Тянь Цзяин хотел покончить с собой еще в 1959 г. в Лушане. Когда же это действительно произошло, то Мао Цзэдун, узнав о самоубийстве Тянь Цзяина, своего ближайшего сотрудника на протяжении почти двух десятилетий, охарактеризовал его как «ничтожного предателя».

* * *

Тяжело было находиться вблизи Мао Цзэдуна. До конца сумели продержаться неподалеку от него только такие деятели, как Чжоу Эньлай и Кан Шэн. Практически Мао Цзэдун разрушил весь свой ближний круг. Особенно трагичной была судьба тех людей, которые пытались сказать Мао Цзэдуну правду о жизни китайских крестьян, а также заступиться за интеллигенцию.

Очерк третий

Его характер и одиночество

Характер Мао Цзэдуна определяла жажда властвовать. Властвовать во всем и надо всем: и в личной жизни, и в сфере руководства партией и страной.

Мао Цзэдун всегда хотел одержать верх, стремился к победе. Это стремление было у него самоцелью. Главной мерой своих поступков и достижений он считал ответ на вопрос: удалось или не удалось победить противника, соперника. Неудачи, неуспех рассматривались им как исключение, причем недопустимое, временное.

Мао Цзэдун считал, что он разграничивает отношения между людьми, где можно было руководствоваться эмоциями, чувствами, и борьбу принципов, где должен был господствовать трезвый расчет, холодный разум. В отношениях между людьми он на словах допускал компромиссы, но в борьбе принципов не шел ни на какие уступки. Борьбу принципов Мао Цзэдун вел не на жизнь, а на смерть. Он приходил в благоприятное расположение духа только тогда, когда окончательно повергал очередного противника. На деле борьба принципов сводилась, как это всегда бывает в политической жизни, к устранению тем или иным способом, в той или иной форме, политических оппонентов. Причем борьба тут была беспощадной, жестокой; в ней Мао Цзэдун не допускал никакого человеколюбия или снисхождения к врагам.

Мао Цзэдун сознательно и подсознательно стремился к противостоянию. При этом он был мастером создания конфликтов на пустом месте.

Обладая «поперечным» характером, Мао Цзэдун находил удовольствие в сшибках с противниками. Он не только не избегал столкновений, не только не боялся их, но сам активно и инициативно шел на конфликты. Он исходил из того, что только борьба, борьба до конца, борьба открытая и борьба с применением всех возможных, имеющихся в его распоряжении средств, может приносить победу. В такой борьбе он не связывал себя

никакими рамками. Мао Цзэдун был по своему характеру человеком борьбы.

Конечно, Мао Цзэдун стремился наилучшим образом подготовиться к конфликтам и к противоборству, заранее обеспечить себе победу. Когда же он был вынужден идти на компромисс, то непременно закладывал во временные соглашения с противниками такие мины, которые обязательно взрывались в будущем.

Итак, главная черта характера Мао Цзэдуна – это его постоянная нацеленность на противоборство; он стремился одержать верх всегда и во всем, надо всем и надо всеми; он не терпел, чтобы кто бы то ни было безнаказанно бросал или бросил ему вызов; более того, он сам всегда, в любой момент, был готов к тому, чтобы бросить и принять вызов.

В случае поражений или возникновения неожиданных ситуаций, которые он не мог сразу осмыслить, Мао Цзэдун на время как бы просто выключался из жизни. Он предоставлял в эти моменты возможность действовать своим подручным. Это были люди либо типа Чжоу Эньлая, которые добивались осуществления желаний и планов Мао Цзэдуна мягкими методами, уговаривая оппонентов поступиться хотя бы внешне своими принципами, пойти на компромисс, чтобы только успокоить Мао Цзэдуна, оставить за ним верх как бы вроде только по форме; либо люди типа Кан Шэна, не останавливавшиеся перед устранением неугодных Мао Цзэдуну людей, пытавших и мучивших их морально и физически.

Дав поработать своим подручным, Мао Цзэдун возвращался на сцену и находил оправдание для любых шагов, сохраняя, по крайней мере в своих глазах и в глазах своих приверженцев и сторонников, свое лицо, свой авторитет в неприкосновенности.

Мао Цзэдун был очень мнительным человеком. Он подозревал всех и каждого. С ним трудно было говорить даже людям из его окружения, так как во всех высказываниях Мао Цзэдуна сквозило недоверие. Например, он подозревал даже ответственных руководителей своей охраны, членов руководства партии в том, что они, высказывая заботу об усилении его охраны и о мерах по обеспечению его безопасности, допускают мысль о возможности его смерти, а это – уже криминал, с его точки зрения.

Мао Цзэдун практически верил только самому себе. В своем воображении он создавал заговоры и тайные интриги, направленные против него, которые органам безопасности и политического сыска приходилось «разоблачать». Многие такого рода дела инициировались Мао Цзэдуну, который натравливал людей из руководства партии друг на друга и, питаясь их взаимными доносами, мог в любой момент состряпать дело против кого угодно из них.

Мао Цзэдун был очень умным человеком. При этом он обладал гипнотической силой воздействия на окружающих, определенными харизматическими качествами, а также большой проницательностью; многими он воспринимался как пророк. Плюс к тому у него был сильный характер. Ум в сочетании с волей и жадой власти давал просто взрывчатую смесь.

Мао Цзэдун считал, и с течением времени эта уверенность у него только возрастала, достигнув невероятных размеров, что он умнее любого и каждого, всех и вся. Поэтому с годами он становился все более невосприимчив к чужому мнению. Он любил ораторствовать один и просто не слышал других людей.

В глаза и при жизни Мао Цзэдун предпочитал ни о ком и почти никогда не говорить добрых слов. Исключения были, но редко. Характер не позволял ему публично признавать за кем бы то ни было достоинств, если только это не диктовалось сверхзадачей, далекими расчетами и политическими замыслами. Но и в этих случаях в его поощрительных высказываниях всегда содержалась существенная доля яда.

Мао Цзэдун пользовался материальными благами. У него было все необходимое для привычного и приятного для него образа жизни. Значительную часть своего времени он проводил, переезжая с одного места на другое. А все это обходилось народу в копейчку. Резиденции, дачи, спецпоезд, подразделения и части личной охраны – это все было, с его точки зрения, в порядке вещей.

В то же время его материальные и духовные потребности были ограниченными и даже несколько ущербными.

Он мог вытирать лицо и ноги одним полотенцем, да еще и «теоретически обосновывая» правильность своих действий; мог за десять лет не позволить сшить себе новый костюм. Его нижнее белье и носки пестрели заплатами. Он мог дать указания стирать с мылом только воротнички и обшлага рубашек.

Мао Цзэдун демонстративно ненавидел деньги. Никогда не прикасался к ним и подчеркивал это. В то же время он устроил дело таким образом, что баснословные гонорары за издание его произведений поступали на его счет; он знал, что эти деньги существуют, и лично распоряжался выдавать не очень значительные суммы либо в качестве материальной помощи своим родственникам и знакомым, либо на оплату поездок своих же телохранителей и бойцов охраны в их родные места с инспекционными целями.

Мао Цзэдуну нравился ограниченный круг произведений искусства, причем исключительно китайского, что он также подчеркивал: некоторые пекинские оперы, картины в манере национальной китайской живописи, каллиграфические надписи. Он, по сути дела, не воспринимал то, что именовалось при нем в КНР западным искусством. Конечно, он непрерывно читал, но в выборе литературы был нацелен либо на внутрикитайские дела, либо интересовался книгами, скажем, о Наполеоне, Гитлере, Сталине. Мао Цзэдун не любил ни кино, ни телевидение. Характеризуя самого себя, он говорил: «Еще до того, как стать марксистом, я уже был китайцем, а став марксистом, я не перестал быть китайцем». Понятна любовь человека к родине; неприятным является лишь подчеркивание нелюбви ко всему некитайскому, а это было в характере Мао Цзэдуна.

По своей натуре Мао Цзэдун был эмоциональным человеком. В своем кругу, с женами, детьми, телохранителями, он позволял себе срываться, когда ему что-то было не по нраву. Со своими супругами Хэ Цзычжэнь и Цзян Цин он был временами просто груб. На свою прислугу, на телохранителей Мао Цзэдун, случалось, орал, не выбирая выражений.

В общении с родственниками Мао Цзэдун иной раз проявлял человеческие чувства. Это происходило в те редкие моменты, когда он не думал о политике, о власти. Но как только он возвращался в эту сферу в своих мыслях, все человеческое отступало, все должно было подчиняться его политическим расчетам.

Мао Цзэдун мог быть чувствительным и даже слезливым, но это соседствовало с принятием самых жестоких политических решений о судьбах людей, об их жизни и смерти, причем такие решения могли касаться и одного человека, и населения страны.

Мао Цзэдуна привлекала молодость. Здесь мог иметь место даже поэтический порыв, проявление минутной сентиментальности. Ему нравилось, чтобы подле него в качестве телохранителей и медсестер работали красивые молодые парни и девушки.

* * *

В характере Мао Цзэдуна была одна особенность. Он мог как бы покаяться, покритиковать самого себя задним числом за несдержанность или за неумение спокойно выслушать оппонента, за ошибки формального характера. Однако внимательный анализ такого рода ситуаций свидетельствует о том, что он поступал так в тактических целях и только на словах; более того, он позволял только самому себе критиковать себя и не допускал критики в свой адрес; если же кто-нибудь критиковал его, то он был чрезвычайно подозрителен и мстителен и своего критика рано или поздно ставил в положение человека, которому уже никогда не удавалось оправдаться.

В то же время все та же жажда власти заставляла его обуздывать в необходимых случаях свой характер. Тут проявлялась другая особенность Мао Цзэдуна: он исключительно хорошо владел собой. Он никогда не позволял себе, если обстоятельства не допускали этого,

демонстративного выражения недовольства или гнева. Мао Цзэдун был внутренне не менее эмоционален, например, чем Н.С. Хрущев, но он так держал себя в руках, что складывалось обратное впечатление.

Порой возникает ощущение, что и его самокритика, да и вообще его поведение, особенно на людях, представляли собой «театр одного актера», «театр Мао Цзэдуна». Он любил быть единственным героем на сцене этой своей «пекинской оперы». Он публично сожалел о том или ином своем поступке, каялся с той целью, чтобы это производило впечатление на окружающих. Он прекрасно понимал, что любое его слово и жест в конечном счете станут широко известны. А ведь на самом деле, несмотря на такого рода самокритику, Мао Цзэдун не изменял в дальнейшем ни своего поведения, ни своих позиций по политическим вопросам.

В 1956 г. он впервые плавал в реке Янцзы. Возвратившись в Пекин, Мао Цзэдун говорил Чжу Чжунли (женщине, его лечащему врачу):

– Человек не должен бахвалиться! Вот я сейчас плавал в реке Янцзы слишком долго. Я уже ощущал во всем теле усталость. И все-таки мне хотелось еще похвастаться, и я продолжал плыть. И если бы не Е Цзылун (секретарь Мао Цзэдуна по вопросам быта. – Ю.Г.), который заставил меня подняться на борт сопровождавшего судна, то боюсь, что я просто-напросто утонул бы!

На это Чжу Чжунли, конечно же, улыбаясь, сказала:

– Я не верю. Вы очень хорошо плаваете. Мао Цзэдун заметил:

– Вот и ты не веришь. И другие тоже не верят. Мне такие чувства понятны. Потому-то чем дольше я плыл, тем больше воодушевлялся!

Чжу Чжунли подтвердила:

– Да все просто наперебой стремятся увидеть, как вы смелы и решительны.

На это Мао Цзэдун отреагировал так:

– Ох! На сей раз дело было плохо. Меня подвела гордыня. В нашем мире в любом деле нельзя допускать появления мыслей о своей исключительности. А тут положение было весьма опасным. Благо нашелся человек, который отдал приказ, и счастье еще, что я этому приказу подчинился!

В 1955 г. после корейской войны Пэн Дэхуай при содействии военачальников, да и многих других членов руководства партии, добился введения в армии воинских званий. Мао Цзэдун лично определил, кому быть десятью маршалами КНР.

Сам он склонялся к тому, чтобы в соответствии с мнением того же Пэн Дэхуая, всех остальных руководителей, принять воинское звание генералиссимуса или, если стараться быть ближе к китайскому термину, великого маршала. Именно таким титулом обладали Сунь Ятсен и Чан Кайши. Вероятно, Мао Цзэдун принимал во внимание и то, что в результате Великой Отечественной войны генералиссимусом стал и Сталин.

Однако в самый последний момент, когда мундир с погонами генералиссимуса (или великого маршала. – Ю.Г.) был уже готов, Мао Цзэдун решил, очевидно, остаться равным Наполеону, у которого были его маршалы, но сам он был выше этих званий, существовал в иной системе измерений и ценностей. Мундир генералиссимуса хранится в КНР и поныне. Теперь он – музейный экспонат, свидетель амбиций, честолюбия и победы политических расчетов Мао Цзэдуна.

Любование собой со стороны, вроде как бы выворачивание себя наизнанку, но все для того, чтобы возгордиться еще больше, получить еще одну порцию поклонения и восхищения, – вот каким было поведение Мао Цзэдуна, когда он как бы каялся и занимался самокритикой.

В 1961 г. Мао Цзэдун говорил: «Как оценить сделанное мной? Если бы положительного оказалось семьдесят процентов, а дурного тридцать процентов, то я был бы весьма

удовлетворен. Я не скрываю своих недостатков, я не святой». При этом Мао Цзэдун надеялся, что после смерти ему будет дана людьми именно такая оценка.

И это было сказано после того, как голодной смертью, явившейся результатом его политики в первую очередь, погибли десятки миллионов людей.

Мао Цзэдун твердо считал, что китайцам столь тяжело живется, что их просто воротит, скажем, от литературных произведений, в которых осуждаются темные стороны действительности, от романов обличительного характера, в которых вскрываются пороки. С точки зрения Мао Цзэдуна, было очень важно давать людям надежду. Мао Цзэдун хотел и умел уводить за собой людей в мир грез, в мир мечты, пусть далекой и неосуществимой, но прекрасной. Вся беда в том, что изменить реальные условия жизни большинства людей в КНР Мао Цзэдун не умел и не мог, не был на это способен. Вместо этого он пичкал их сознание, их чувства химерами, неосуществимыми мечтаниями, да еще и требовал от людей при этом страшных человеческих жертв, которые и становились самым реальным итогом его мечтаний и призывов. При всем этом он был реалистом в политике, а потому создал систему страха, которая пронизывала все общество в КНР и являлась одной из двух главных опор его власти; другой опорой было культивировавшееся им же отношение окружающих к нему как к вождю или, если хотите, как к божеству.

* * *

Одиночество было в одно и то же время и тем, к чему он стремился, и его естественным состоянием, и его болью, и даже страданием.

Мао Цзэдун был человеком практически без дома, без семьи, без друзей. А если уж говорить по большому счету, то и без народа. И его характер, и образ его мыслей поставили его в положение человека, изолированного и самоизолировавшегося от других людей.

Он всю жизнь был, в известном смысле, одинок. И умирал он также в одиночестве. Конец его был страшным и трагическим. Созданным им же самим режимом, системой охраны, он был отрезан от всего мира. Никто не должен был знать о том, что он болен, что он умирает. В последние годы его жизни при нем не было ни его жен, ни его детей, ни его родственников. При нем не было и друзей или даже товарищей по партии. Они либо умерли, либо были им же уничтожены, либо не имели возможности встретиться с ним.

Рядом с ним были только слуги, как их ни называй. Это, конечно, создавало удобства при уходе за больным человеком, а также атмосферу поклонения, в которой он нуждался, но это же еще более усиливало ощущение одиночества. Его последние месяцы и дни окрашивало чувство все возраставшей апатии, безразличия ко всему.

Одиночество Мао Цзэдуна порождалось как бы с обеих сторон. И сам Мао Цзэдун вел себя так, что отпугивал людей. Вся система – и политическая и партийная – была создана таким образом, что нуждалась в оракуле, которого никто не видит, с которым никто не имеет возможности общаться и который, когда сочтет это нужным, изрекает сверху, с вершины, которая находится вне поля зрения людей, в заоблачной выси, абсолютные истины.

Произошло также наложение особенностей политической партии на особенности характеров людей, возглавлявших эту партию. Во времена Мао Цзэдуна в КПК и в КНР огромную роль играли подозрительность, зависть, склоки, от которых только и можно было защититься, формально и демонстративно занимая положение человека, вождя, ко всем относящегося равно, не делающего никаких ошибок, не имеющего никаких человеческих слабостей или привязанностей.

Мао Цзэдун органически не терпел того, чтобы кто бы то ни было, будь то в партии, в государстве, в его собственной семье, в мире, занимал равное с ним положение. Более того, он и не выносил ситуации, когда кто бы то ни было претендовал на то, чтобы быть его потенциальным преемником, вторым человеком при нем. Отсюда трагедии и в руководстве партии (Лю Шаоци, Линь Бяо), и в семье (Мао Аньин).

Этим можно объяснить и феномен политического выживания и долголетия Чжоу Эньлая, Кан Шэна. Первый из них был вечно третьим, а второй – даже вечной шестеркой при Мао Цзэдуна. Они никогда не замахивались на положение формально второго человека при первом. У Мао Цзэдуна не могло быть ни преемников, ни наследников. Их можно было назначить, причем даже с согласия Мао Цзэдуна, но удержаться на этом месте было в конечном счете невозможно при живом Мао Цзэдуна. Натура Мао Цзэдуна требовала растерзать преемника или потенциального преемника.

* * *

Почему же Мао Цзэдун был так одинок?

Такой была его натура. В этом смысле он был великим эгоистом. Очевидно, быть руководителем, особенно вождем, при тоталитарной системе могут только эгоисты, хотя, в данном случае, и величающие себя коммунистами. Мао Цзэдун думал, что естественность поведения других людей ведет к развитию частнособственнических инстинктов, а свобода их мышления разрушает предложенный им идеал будущего. Поэтому он стремился навязать всем остальным установленные им правила жизни в коллективе и переделку их сознания в духе подчинения только его идеям.

Неизбежно возникало противостояние его и остальных людей. Оно было создано им самим, его миропредставлениями, его характером. Самое ужасное для других людей при этом заключалось в том, что только тот, кто слепо, не рассуждая, выполнял его предначертания, мог рассчитывать на его временную лояльность, однако равенства, а тем более дружбы, в отношениях даже с таким человеком у Мао Цзэдуна быть не могло. Остальных, более или менее самостоятельно мыслящих и действующих людей, он просто видел как своих противников, как объект борьбы, борьбы, в которой не было места ни компромиссам, ни человечности.

Мао Цзэдун жил как бы одновременно в «трех мирах». В мире своих грез, в мире реальной политической борьбы (это и был главный мир Мао Цзэдуна) и в мире человеческих взаимоотношений. Эти «три мира» были в одно и то же время и взаимосвязаны и обособлены один от другого.

Нужно было быть фанатиком, человеком, одержимым сверхценными идеями, чтобы верить в грезы, химеры, идеализированные представления о будущем и настоящем и навязывать их окружающим всей силой своего характера.

Нужно было совпасть характером с потребностями, предъявлявшимися временным эффективным функционированием тоталитарной политической системы; отрешиться от всего человеческого в себе, от всякой гуманности во имя сначала создания, а затем поддержания на плаву политической системы, стержнем которой была одна политическая партия, коммунистическая, а руководящим ядром, или центром политической паутины – один человек, который не мог и не желал руководствоваться гуманным, человеческим подходом к людям.

Наконец, будучи человеческим существом, Мао Цзэдун был вынужден при целом ряде обстоятельств вести себя по-человечески. Однако он умел, мог и, очевидно, органически был предрасположен к тому, чтобы все человеческое, что было в нем, никак не сказывалось на его функционировании в качестве центра или ядра двух его первых миров – мира его грез или идей и мира реальной политической борьбы. Бесчеловечное и эгоистическое начало в характере Мао Цзэдуна было основой его действий. Может быть, это страшно звучит, но бесчеловечность, лишение жизни других людей и давали Мао Цзэдуну заряд его собственных жизненных сил. Он жил за счет жизней других людей.

Мао Цзэдун по своему характеру одинокий человек. Судьба его была судьбой человека, обреченного своим же характером на одиночество. Политическая система, которую он

создавал, партия, которую он формировал и пестовал, требовали от каждого оставаться в конечном счете одиноким. Тем более одиноким должен был быть вождь такой партии и системы.

По своей натуре и по характеру своей политической деятельности Мао Цзэдун был несовместим с человечностью.

В его характере изначально было нечто бесчеловечное, и оно, развиваясь, отторгало все человеческое и в самом Мао Цзэдуна, и в окружавшей его жизни, в том, чего он касался.

Самая краткая характеристика Мао Цзэдуна, очевидно, такова: бесчеловечный человек.

Очерк четвертый

Его старость, болезни и смерть

Мао Цзэдун прожил длинную-длинную жизнь. Последний ее этап сопровождала мистификация, настойчивое сокрытие правды о его болезни и дряхлости. Мао Цзэдун по своему характеру, а не только в силу своих политических взглядов нуждался именно в той политической системе, структуре, режиме, которые он и создал. Они позволяли ему ощущать себя на вершине возможной для человека власти, давали иллюзию абсолютной власти, предоставляли возможность рассуждать на тему о том, что он, видите ли, не Бог. При этом подразумевалось, что положение его таково, что претензии на божественный статус имеют под собой максимум оснований, возможных для человеческого существа.

Со своей стороны, политическая система КПК – КНР, структура, режим нуждались в Мао Цзэдуна. Они не хотели допустить даже возникновения мыслей о его неизбежной смерти. Они скрыли Мао Цзэдуна на годы от глаз своего же народа. Образ Мао Цзэдуна сохранялся и поддерживался как образ не подверженного болезням, хворям, возрасту человека-бога, пышущего здоровьем. Мао Цзэдун при жизни все последние годы уже находился как бы в собственном мавзолее, причем в мавзолее, закрытом для публики. Такое положение устраивало Мао Цзэдуна и высшие слои его номенклатуры. Оно продолжалось около пяти лет, то есть почти все семидесятые годы.

Но природу ни обмануть, ни победить нельзя. Как к ней ни приспосабливайся и как от нее ни уходи, она в конечном счете возьмет свое.

Мао Цзэдун одряхлел внезапно. Он потерял физическое здоровье. Из него выдернули этот стержень.

В жизни Мао Цзэдуна были большие потрясения. Он пережил смерть своих родителей, других родственников. На всю жизнь в него вошла боль от утраты жены – Ян Кайхой. Это страдание было особенно сильным потому, что он хоронил ее, вероятно, в своих мыслях дважды: сначала при ложном известии о ее гибели, потом при правдивой информации о том, что это действительно произошло, два года спустя.

Большим потрясением стала смерть старшего сына – Мао Аньина. Эти переживания со временем, особенно в первое десятилетие после гибели сына, нарастали.

Провал «великого скачка» и народных коммун также отразился на здоровье Мао Цзэдуна.

В конце жизни его подкосили события, связанные с отлетом его заместителя Линь Бяо из КНР за границу, то есть с попыткой выступить открыто политически против него того человека, в верности которого он почти не сомневался. Линь Бяо предпринял этот шаг в 1971 г. (В своем кругу Линь Бяо называл Мао Цзэдуна «Би-52», имея в виду американский бомбардировщик, похожий внешне на слепое чудовище, летающее вне поля зрения людей, но способное обрушить на них ядерную смерть.) Мао Цзэдун испытал тогда удар такой силы, от которого он физически так и не смог оправиться. Здесь его организм сдал окончательно. Нервное напряжение сказалось в том, что Мао Цзэдун внезапно одряхлел и стал подвержен болезням, которые начали периодически мучить его, дважды в год по

крайней мере. Простая простуда при этом могла перерасти в воспаление большой доли легкого, в такой затяжной и мучительный кашель, который не давал ему спать несколько месяцев подряд. А ведь для спасения здоровья и продления жизни Мао Цзэдуна была возможность пользоваться всей медициной – и китайской, и европейской.

Постепенно в организме Мао Цзэдуна развивались необратимые явления, явившиеся следствием его образа жизни, его непомерной нагрузки на протяжении десятилетий, накопившейся усталости. После того как его нервной системе был нанесен удар в результате «дела Линь Бяо», сил Мао Цзэдуна еще хватало на то, чтобы как-то, в минимально необходимой степени удерживать рычаги управления партией-государством, оставаться формально на вершине власти; однако ему уже не хватило душевных сил для того, чтобы и физически сопротивляться болезням; его иммунитет ослаб и ослаб катастрофически.

Мао Цзэдун день ото дня, месяц от месяца, год от года терял возможность распоряжаться своим телом: переставал двигаться, надолго замирал на месте, лежа или сидя в кресле. Ему отказали ноги, потом перестали работать руки. Он не мог в последние месяцы ни держать книгу, ни поднести ложку ко рту. Затем он уже только лежал, не будучи в силах даже повернуться.

На протяжении многих десятилетий Мао Цзэдун нещадно насиловал свои глаза: он читал лежа, много работал при свечах или при керосиновой лампе. И вот в 1970-х гг. как-то вдруг у него стало слабеть зрение. Сначала он никому не говорил об этом. Потом само собой это стало очевидно тем, кто работал у него «под боком», при его «теле», «женщине, помогавшей ему в быту», а также телохранителям. Затем это дошло до Чжоу Эньлая, который даже предлагал Мао Цзэдуну свои очки.

Но дело было плохо. Мао Цзэдун, возможно, все надеялся, что его организм справится и с этим, и слепота как-нибудь сама собой пройдет. Промучился так с полгода, но потом пришлось все-таки обратиться к врачам. Был поставлен диагноз: старческая катаракта. Причем на обоих глазах. На одном без всяких надежд на выздоровление. Что касается другого, то надо было ждать примерно около года, пока катаракта созреет, и тогда оперировать этот глаз.

Так на шестьсот дней и ночей для Мао Цзэдуна наступила полная темнота. Он ослеп. Это продолжалось почти весь 1974-й и большую часть 1975 г.

Затем была проведена операция. Один глаз стал немного видеть. Врачи, хотя и не сразу, но разрешили ему читать по 15—20 минут в день.

Все это время, то есть и в 1974-м, и в 1975 г., Мао Цзэдун продолжал вслепую руководить партией и страной. Документы к нему поступали. Слуги читали ему вслух эти документы. Он отдавал распоряжения. Его резолюции фиксировались и передавались для исполнения. В тех местах на документах, где должна была стоять его отметка о прочтении, об ознакомлении, а в КПК в этих случаях ставилась не подпись, а кружок, за него рисовали такой кружок его секретари. Никто в КПК и в КНР, кроме нескольких лиц на самом верху, не знал ни о слепоте Мао Цзэдуна, ни вообще о состоянии его здоровья.

Ему становилось все труднее говорить. Он произносил лишь отдельные слова, затем только звуки. На некоторое время в последние месяцы его жизни все та же «женщина, помогавшая ему в быту», то есть Чжан Юйфэн, и в определенные моменты его племянник Мао Юаньсинь и его «как бы племянница» Ван Хайжун, и стали голосом Мао Цзэдуна. Они толковали по телефону для политбюро ЦК КПК и внешнего мира то, что он хотел сказать и пытался произнести.

Состояние его было совершенно безнадежным на протяжении нескольких месяцев 1976 г. И в ноль часов десять минут 9 сентября 1976 г., не приходя в сознание, не оставив завещательных распоряжений политического характера, Мао Цзэдун умер.

Последние годы жизни были для Мао Цзэдуна тяжелыми морально и физически. Он говорил телохранителям, что китайские крестьяне живут не так, как это предполагалось при

его социализме; он понимал и то, что ему не удалось покончить с Гоминьданом, то есть решить по-своему вопрос о Тайване; он видел, что КПК и КНР заведены в тупик, находятся в состоянии хаоса, что нарастает кризис его политической и экономической системы.

Мао Цзэдун, не надеясь на решение экономических проблем, задумал произвести революцию в «образе мыслей людей», то есть «культурную революцию», но и это ему не удалось. При этом «старых партийцев-руководителей» он отбросил или уничтожил, а новые оказались либо ненадежными, либо недееспособными. Мало того, к концу своей жизни Мао Цзэдун оказался без семьи и без друзей.

Мучительные раздумья терзали душу Мао Цзэдуна перед смертью. Понимал ли он самое главное, а именно то, что он принес невероятные страдания народу, что даже его затяжная болезнь и агония, нежелание расстаться с властью будучи слепым и недееспособным, продлили на годы тяжелейшую жизнь людей в КНР, отодвинули время реформ, которое все равно неизбежно пришло после его смерти.

Для Мао Цзэдуна вопрос о его возрасте и о смерти был, очевидно, далеко не простым. Мао Цзэдун много размышлял о смерти. Можно предположить, что он боялся ее. По крайней мере, Мао Цзэдун вел себя по-разному, когда этот вопрос так или иначе вставал перед ним.

При спокойном размышлении он отчетливо представлял себе, что существуют границы жизни каждого человека, в том числе и его самого.

По этой причине он стремился жить как можно более естественно, в ладу с природой во всем том, что касалось его организма. Он максимально приспосабливался к физиологическим закономерностям. Спал и ел тогда, когда этого требовала его природа. Питался тем, чего просила душа, к чему он привык, не позволял себе излишеств ни в пище, ни в питье.

Сохранение равновесия в организме представлялось ему залогом того, что он проживет весь срок, отпущенный ему природой. Мао Цзэдун считал, что в китайской деревне люди живут дольше, чем в городе, поэтому он стремился питаться так, как это делают крестьяне.

* * *

Мао Цзэдун пытался также уходить от мыслей о своем возрасте. До самого 1949 г. он не отмечал свои дни рождения, а ведь к тому времени ему было уже 55 лет. Ему было очень приятно, когда первое, что сказал ему И.В. Сталин при встрече в декабре 1949 г., когда сам И.В. Сталин находился на пороге своего семидесятилетия, была фраза: «Вот уж не думал, что вы такой молодой и крепкий!»

Создание КНР, вступление в должность руководителя государства так или иначе потребовали упорядочить и вопрос о его возрасте. И тогда его секретарь по вопросам быта Е Цзылун вместе с другими товарищами по партии занялись выяснением этого вопроса. Они сопоставили китайский лунный (или сельскохозяйственный) календарь с обычным календарем и установили, что Мао Цзэдун родился 26 декабря 1893 г.

Так Мао Цзэдун из «революционера, борца за свержение прежней государственной власти в Китае», который был как бы человеком без возраста, превратился в обыкновенного пожилого человека, чей возраст определялся 55 годами. Итак, день рождения Мао Цзэдуна стал общеизвестен с 1949 г.

У близких ему людей появилась необходимость и возможность отмечать дни его рождения. Мао Цзэдун был против того, чтобы его поздравляли с днем рождения. В 1950-х гг. в дни его именин, не ежегодно, дома собирались близкие родственники – жена, сыновья, дочери, некоторые из тех, кто работал подле него; устраивался домашний обед, впрочем без излишеств и роскоши. Иногда приглашались также Чжоу Эньлай, Чжу Дэ, кто-нибудь еще. Выпивали, но очень мало.

В 1960 г. (году тяжелых стихийных бедствий и последствий «великого скачка») на декабрьском ужине не было никого из членов семьи и из руководителей партии, а были только те, кто охранял Мао Цзэдуна. Они даже забыли о том, что это день его рождения, и

вспомнили об этом лишь на следующее утро, получив от Мао Цзэдуна записку, в которой он отмечал, что «стал стар» и что ему исполнилось 67 лет.

В 1949 г. Мао Цзэдун предложил запретить отмечать дни рождения и юбилеи руководителей партии. Он не желал, чтобы таким образом уделялось внимание другим руководителям КПК и КНР.

В августе 1953 г., когда не за горами был его шестидесятилетний юбилей, он, выступая на Всекитайском финансово-экономическом совещании, еще раз заявил, обращаясь и к партии в целом, и к ее руководящим кадрам:

«Во-первых, не следует отмечать дни рождения. Ведь устройство юбилейных торжеств не продлевает жизнь человека. Тут самое главное – это то, чтобы человек хорошо делал свое дело. Во-вторых, не следует преподносить подарки; по крайней мере, этого не надо делать внутри партии. В-третьих, надо провозглашать поменьше тостов за здоровье в связи с днями рождения, хотя в определенных случаях это не возбраняется, это допустимо. В-четвертых, надо бы поменьше аплодировать; правда, если это желание исходит из масс, если это они проявляют свои теплые чувства, тогда, конечно, не следует окатывать их холодной водой. В-пятых, не следует превращать имена людей в географические названия, наименования городов, улиц и т. п. В-шестых, не следует ставить на один уровень товарищей из Китая и Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина». (Интересно, что Лю Шаоци как-то заметил, что если в Европе был Маркс, то почему бы в Китае не могло бы быть Люркса.)

Вероятно, Мао Цзэдун опасался того, что если только позволить отпраздновать его юбилей, то это откроет путь к организации других бесчисленных юбилейных торжеств. А при такой ситуации снижалась самооценка Мао Цзэдуна как единственного вождя, принижалось его положение единственного божества в партии и в стране. Мао Цзэдун не желал допускать даже минимальной возможности низведения его до общечеловеческого уровня. В этих высказываниях Мао Цзэдуна нашла свое проявление его убежденность, что дело, идея – выше человека. Наконец, в этих его словах прорвалось и его сожаление о том, что ничто, в том числе и юбилеи, не сможет продлить его дней. Правда, Мао Цзэдун не советовал мешать проявлению любви народных масс к собственной персоне.

Спустя десять лет, то есть 26 декабря 1963 года, в тот день, когда Мао Цзэдуну исполнилось 70 лет, люди, работавшие подле него, предложили отметить это знаменательное событие. Узнав о готовящемся чествовании, Мао Цзэдун сказал уже упоминавшейся Чжу Чжунли: «Никому не следовало бы праздновать юбилеи, отмечать дни рождения. Надо бы изменить эту феодальную устаревшую привычку. Понимаешь, ведь дело-то в том, что когда человек отмечает свой день рождения, годовщину, рубеж в своем возрасте, то считается, что речь идет как будто бы о новорожденном, то есть о том, что у него будто бы стало на год больше жизни, хотя на самом деле ему осталось жить как раз на год меньше, его жизни осталось на год меньше; поэтому лучше уж сделать так, чтобы эта годовщина проскочила как-нибудь незаметно; пусть она пройдет потихоньку, а тогда, благодаря этому, когда стукнет 80, 90 лет, и у самого человека все еще не будет такого ощущения... Как было бы хорошо, если бы возобладали такой подход, такой взгляд...»

Кстати сказать, в 1950-х гг. Мао Цзэдун несколько раз встречался с известным китайским художником Ци Байши. Тот был озабочен одной мыслью: как бы дожить до 120 лет. Ци Байши было уже за 90 лет. Они беседовали с Мао Цзэдуну на эту тему и понимали друг друга. После смерти Ци Байши выяснилось, что он оставил в наследство Мао Цзэдуну свои коллекции картин и каллиграфических надписей.

26 декабря 1973 г. Мао Цзэдуну исполнилось 80 лет. В его адрес из ряда стран поступили приветствия и поздравления. Ким Ир Сен прислал из КНДР делегацию поздравить Мао Цзэдуна и преподнести ему подарки. Однако в самой КНР этот юбилей прошел почти незамеченным. Спустя некоторое время небольшая информация о

поздравлениях, поступивших из-за рубежа, появилась в закрытом информационном бюллетене для номенклатуры.

Для Мао Цзэдуна важным оказывался в этих случаях мир прошлого и мир будущего, но не мир настоящего. Он был против того, чтобы сказать живущему человеку добрые слова сегодня, по случаю его праздника, скажем, дня его рождения. Однако Мао Цзэдун был за то, чтобы публично, общим собранием, митингом отмечать смерть, чужую смерть.

В 1944 г. один из бойцов его охраны по имени Чжан Сыдэ выжигал уголь в пещере, свод которой рухнул и похоронил его под собой. Среди прочих дел руководители охраны доложили Мао Цзэдуну об этом случае. Мао Цзэдун поинтересовался, что стало с телом Чжан Сыдэ (заметим, вовсе не тем, как себя чувствуют и как будут жить его родные). Ему ответили, что он так и остался там, где его завалило, то есть в недрах земли. Мао Цзэдун повелел извлечь труп, обмыть, обрядить в чистую форменную одежду и устроить траурный митинг в своем кругу, то есть в коллективе бойцов его охраны. Мао Цзэдун лично почтил память погибшего своим присутствием на траурном митинге.

В связи с этим случаем Мао Цзэдун написал статью, которая была им озаглавлена так: «Служить народу». Этот лозунг стал известен с того времени практически всем и каждому в КПК, а затем и в КНР.

В статье содержались размышления Мао Цзэдуна о смысле жизни и смерти. Смысл жизни виделся ему в том, чтобы жизнь каждого конкретного человека была посвящена интересам общего дела, интересам народа. То, что только Мао Цзэдун и его партия правильно выражают эти интересы народа, ни у кого не должно было вызывать ни сомнений, ни вопросов. Более того, подчинение Мао Цзэдуну, политической организации наполняло деятельность человека при жизни высшим смыслом. Личность должна была подчинить себя Мао Цзэдуну и его партии. Дело было выше и важнее человеческой жизни.

Однако весь пафос статьи Мао Цзэдуна был не в жизни, а в смерти. Жизнь оказывалась повседневным вложением частных усилий в общее дело; при этом каждый конкретный человек что-то значил только тогда, когда он «каплей слился с массами», следующими за Мао Цзэдуну.

* * *

Мао Цзэдун хорошо понимал, что каждый человек стремится если и не жить вечно, но с надеждой получить воздаяние за свою многотрудную жизнь и страдания. Мао Цзэдун не мог никому обещать загробную жизнь, но он обещал возвести погибшему за его дело или, вернее, всем погибшим за его дело, общий памятник, монумент размером с великую гору Китая Тайшань. (На главной площади Пекина Тяньаньмэнь был поставлен тридцатисемиметровый цельный гранитный монолит – общий памятник всем погибшим.) Каждый, от простого «повара», как говорил Мао Цзэдун, и вплоть до руководителей партии, оказывался равным в смерти, то есть в одинаковой степени мог в смерти вознестись выше горы Тайшань. Смерть приобретала при этом самодовлеющее значение. В надежде на великую многозначительную смерть стоило преодолеть все трудности и мерзости жизни. Вот что предлагал людям Мао Цзэдун. Тем же, кто не желал идти за ним, делать его дело, Мао Цзэдун сулил малозначительную смерть, легче пуха и пера. Мао Цзэдун также распорядился взять за правило для партийных организаций проведение траурных митингов, причем не только в партии, но и по всей стране, во всех деревнях страны. Он надеялся на то, что эта политическая установка привлечет благодарность оставшихся в живых людей, то есть участников этих траурных митингов в адрес Мао Цзэдуна и его партии.

В 1956 г. после появления доклада Н.С. Хрущева о культе личности Сталина Мао Цзэдуна стали одолевать мысли о судьбе своего имени и своего бренного тела после смерти. И тогда он очень нервничал. Он вообще был человеком вспыльчивым и нервным. А тут он был поражен до глубины души. На протяжении десятилетий он был твердо уверен, что такие

вожди, как он и Сталин, никогда не умрут, по крайней мере в «благодарной памяти» потомков. Он думал, что их имена и тела будут храниться как святыни всех народов, трудящихся всего мира. И вдруг, совершенно неожиданно для Мао Цзэдуна, Сталина после смерти подвергли критике.

Мао Цзэдун в беседах со своими единомышленниками тогда сказал, что после своей кончины он хотел бы, чтобы его кремировали. Таким способом он хотел при любом повороте событий оказаться как бы вне досягаемости и возможной «расправы» потомков с его телом за все то, что он совершил при жизни. Более того, Мао Цзэдун организовал внутри узкого круга высших руководителей своего рода подписку на кремирование. Была заведена особая книга, в которой он своей подписью подтвердил, что желает, чтобы его кремировали, и поставил дату. Это произошло за 20 лет до его смерти.

Реальная жизнь оказалась непредсказуемой. Лю Шаоци кремировали, но не по его воле и не под его собственным именем, причем тайно. Однако, как и завещал Лю Шаоци, впоследствии его пепел, как и прах Энгельса, развеяли над морем. Пепел Чжоу Эньлая тоже развеяли над просторами китайской земли. И тот и другой по-разному ушли из жизни, но могил после себя не оставили.

Что же касается Мао Цзэдуна, то его политические наследники, руководители КПК – КНР, нуждавшиеся в культе мертвого вождя как в залоге стабильности их политической системы и сохранения их политической власти, решили хранить забальзамированные останки Мао Цзэдуна в специально сооруженном на главной площади Пекина Доме памяти председателя Мао.

* * *

После смерти Мао Цзэдуна единственный оставшийся в живых заместитель председателя ЦК КПК «старого созыва» Чэнь Юнь сказал: «Мао Цзэдун – это не бог, но человек». Это лишь часть его высказывания, появившегося в 1978 г. как итог размышлений и выводов, сделанных уже после ухода Мао Цзэдуна из жизни. Тогда Чэнь Юнь говорил: «Мао Цзэдун – это не бог, но человек. Лю Шаоци – это не дьявол, но человек. А вот Кан Шэн – это не человек, но сущий дьявол».

Оставляя в стороне вопрос о Лю Шаоци и Кан Шэне и вопрос о подходе к оценке всей эпохи, когда Мао Цзэдун был жив и действовал, находясь на вершине пирамиды власти, скажем, что Мао Цзэдун был и остается в памяти, в сознании людей нынешнего поколения, особенно людей в Китае, в трех ипостасях одновременно. Для одних он божество, самый великий китаец двадцатого столетия; для других – сущий дьявол, сатана; для третьих – человек.

Мао Цзэдун конечно же человек. Вопрос в том, как оценит Мао Цзэдуна китайский народ тогда, когда сможет свободно выражать свое мнение. Единственное, чего определенно нельзя простить Мао Цзэдуну, это людей, погибших в результате его политики, а их миллионы. Людей жалко, и это важнее любых идей, в том числе «идей Мао Цзэдуна».

* * *

Спустя несколько лет после смерти Мао Цзэдуна в КНР появилась литература о нем. Примечательно, что это произошло не сразу после его ухода из жизни; не было, так сказать, естественной реакцией на потерю вождя и любимого руководителя.

После кончины Мао Цзэдуна наступила пауза. Люди замерли, замолчали. Ни номенклатура, ни простой люд в обывденной жизни не говорили о Мао Цзэдуне, хотя в пропаганде его продолжали возвеличивать, даже распределили титулы: Мао Цзэдуна стали именовать исключительно «великим вождем», а его преемника Хуа Гофэна – только «мудрым вождем». Хуа Гофэн был внешне похож на Мао Цзэдуна. Ходили даже слухи о том, что Мао Цзэдун именно по этой причине и выбрал его своим наследником. Возможно,

эти слухи распространялись намеренно. Известно было также, что в конце своей жизни Мао Цзэдун даже как-то дал Хуа Гофэну записку, в которой рукой Мао Цзэдуна было начертано: «Если ты ведешь дела, то я спокоен».

После смерти Мао Цзэдуна все и вся в высшем руководстве КПК и КНР были практически поглощены борьбой за власть. Одних отстраняли от нее, другие приходили или возвращались к власти. При этом ситуация сложилась таким образом, что отстраняли тех, кто был готов сохранять имя Мао Цзэдуна как божественный символ, как священный образ, потому что это была одна из главных, если не единственная, опора их притязаний на власть. Было даже сочинено, выдававшееся за маоцзэдуновское, его политическое завещание: «Следовать согласно намеченному курсу». Однако подлинность этой надписи, ее принадлежность Мао Цзэдуну оспаривались. Все эти выверты с пожеланиями Мао Цзэдуна, его надписями, играли второстепенную роль. В действие вступили реальные политические силы.

В борьбе за власть победили не те, кто возвысился в последние годы жизни Мао Цзэдуна. У власти оказались по преимуществу старые его соратники, пострадавшие в той или иной степени, а то и просто отодвинутые им в тень, но не уничтоженные. Вернувшись к власти, они сначала как бы несколько позабыли о Мао Цзэдуне.

* * *

Он оставил в наследство очень много серьезных проблем как экономического, так и политического характера. Пришлось сосредоточить внимание на решении экономических вопросов, чтобы успокоить массы населения. Пришлось также возвращать доброе имя тысячам, если не миллионам китайцев, пострадавших в результате политики Мао Цзэдуна.

Однако вскоре стало очевидно, что экономика и политика тесно связаны, а потому пришлось браться и за решение политических проблем.

Вот тут и оказалось, что без идеологии обойтись невозможно. Руководители постаоцзэдуновских КПК и КНР разделились в своем отношении к усопшему вождю.

Одни из них предпочитали по существу и критично рассматривать его деятельность: говорили о «феодально-фашистском» характере существовавшего при нем режима (Е Цзяньин) и о том, что в «культурной революции» не было ничего хорошего (Ху Яобан).

Другие сочли необходимым вернуть его народу и партии в новом посмертном обличье, сделать его имя и дело одной из неперенных идеологических опор нынешнего режима (Дэн Сяопин). Мао Цзэдуна постарались преподнести как идеалиста, который желал своей нации, народу, стране, не говоря уже о партии, только хорошего, и в этом своем стремлении подчас торопился, был нетерпелив, недоучитывал отсталость и самих масс населения, и номенклатуры, и страны, невозможность для них соответствовать его взглядам; в то же время подразумевалось, что даже то, что удалось сделать Мао Цзэдуну, оказалось самым великим деянием двадцатого столетия, во всяком случае, если смотреть на это с позиций интересов Китая, нации Чжунхуа.

Во-первых, доказывали, что Мао Цзэдун оказался победителем в борьбе против Чан Кайши и его политической партии, его государства, его идеологии, его экономической и политической системы, которые не принесли китайцам ни утверждения в мире в достойной этой нации роли, ни решения вопроса о достижении иного качества жизни самой этой нации. При этом оказывалось, что хотя эта задача и не была полностью решена Мао Цзэдуну, но все-таки он оказался великим вождем, ибо сумел разрушить негодное прошлое и создать предпосылки прекрасного будущего. Что же до Чан Кайши, то любопытно, что подчеркивалось и позитивное в отношении Мао Цзэдуна к Чан Кайши, а именно тот факт, что Чан Кайши оставался патриотом Китая как единой нации, единого государства, а следовательно, занимал одинаковую с Мао Цзэдуну позицию, считая Тайвань неотъемлемой частью Китая.

Во-вторых, доказывали, что Мао Цзэдун прекрасно видел реалии, был пророком,

понимал опасности, возникавшие на пути строительства Нового Китая как мощной мировой державы, полагая при этом, что необходим переворот прежде всего не в материальной, а в духовной жизни общества, в мировоззрении всех китайцев вместе взятых и каждого в отдельности, а потому, отложив решение экономических проблем, взялся за осуществление духовного переворота. Далее констатировалось, что, к сожалению, это вылилось в трагедию «культурной революции»; но замысел был светлым. Мао Цзэдуна можно и покритиковать за идеализм, за своеобразную наивность, но может быть, время еще покажет, что без веры в эти светлые идеалы Мао Цзэдуна и его политической партии разрушается и само это прекрасное и светлое в душе и в материальной жизни, разрушается социализм, разрушаются коммунистические идеалы, и уж тогда всем грозят бедствия похуже тех, что были во времена «культурной революции», – таков был подтекст книг о Мао Цзэдуне, изданных в КНР после его смерти.

Назовем несколько книг и статей о Мао Цзэдуне:

Мао Цзэдун и ши (Мао Цзэдун: факты, факты, факты) / Сост. Дун Чжиин. – Пекин, 1989.

Цюань Яньчи. Цзоуся шэньтань ды Мао Цзэдун (Мао Цзэдун, сошедший с Олимпа). – Пекин, 1989.

Цюань Яньчи. Вэйшичжан тань Мао Цзэдун (Старший телохранитель о Мао Цзэдуне). – Пекин, 1989.

Цюань Яньчи. Мао Цзэдун ды сыжэнь шэнхо (Частная жизнь Мао Цзэдуна) // Жэхэ, № 7–8, 1989.

Чжан Юйфэн. Мао Цзэдун, Чжоу Энълай ваньянь эр сань ши (Несколько штрихов к картине последних лет жизни Мао Цзэдуна, Чжоу Энълая). Раздел из книги: 1976 нянь да ши нэйму (Подоплека великих событий 1976 года) / Сост. Сю Жу. – Пекин, 1989.

Фань Шо. Е Цзяньин цзай 1976 (Е Цзяньин в 1976 году). – Пекин, 1990.

Ши Чжэ. Суй Мао чжуси цун Яньань дао Бэйпин (Следуя за Мао Цзэдунем из Яньани в Бэйпин) // Жэньу, № 5. 1989.

Мао Цзэдун цзияо мишу Гао Чжи тань Мао Цзэдун. (Секретарь Мао Цзэдуна по конфиденциальным вопросам Гао Чжи о Мао Цзэдуне) // Тунсу вэньсюе сюанькань. Спец. вып. (общий порядковый номер 15), 1989.

Вайцзяо утай шан ды синь Чжунго линсю (Вожди нового Китая на ниве дипломатии) Воспоминания Ли Юежана; литературная обработка Цюань Яньчи. – Пекин, 1989.

Цюань Яньчи. Мао Цзэдун юй Хэлусяофу. 1957—1959 нянь. Чжун Су гуаньси цзиши. (Мао Цзэдун и Хрущев. Правда о китайско-советских отношениях 1957—1959 гг.). – Чанчунь, 1989.

Линь Циншань. Цзян Цин чэнь фу лу (Взлеты и падения Цзян Цин). – Пекин, 1988.

«Чжунго циннянь бао». 13 марта 1989 г. С. 2.

Нюйжэнь каньчжун Мао Цзэдун (Женщины ценили и уважали Мао Цзэдуна) / Сост. Ци Вэнь. Гуанси миныйу чубаньшэ. Место и год издания не указаны; не позже 1994 г.

Лю Цзечэн. Мао Цзэдун юй Сыдалинь (Мао Цзэдун и Сталин). – Пекин, 1993.

Ли Минь. Мой отец Мао Цзэдун. – Пекин, 2004.

Факты и высказывания Мао Цзэдуна, приведенные в данной работе, в основном взяты именно из перечисленных книг и статей.

Кроме того, некоторые фактические сведения, главным образом о семейной жизни Мао Цзэдуна, извлечены из следующих работ:

Ross Terrill. The White-boned demon. A biography of madam Mao Zedong. – New York, 1984.

Harrison E. Salisbury. The Long March. The untold story. – New York – London, 1985.

Помимо упомянутой литературы о Мао Цзэдуне, в КНР появились также книги, авторы которых стремятся доказывать необходимость и неизбежность присутствия образа Мао

Цзэдуна, его идей в жизни нынешней КНР и КПК. При этом особенно подчеркивается мысль о том, что сам китайский народ, рядовые крестьяне после смерти Мао Цзэдуна начали по собственной инициативе чтить его как святого, как божество, приходившее на время на землю. Возникал своего рода «призрак Мао Цзэдуна».

В этих работах рассказывалось, в частности, и о том, что вся жизнь Мао Цзэдуна обрастала в представлениях простых китайских людей мистическими подробностями. Например, утверждалось, что Мао Цзэдун не случайно дал воинской части, которая его охраняла, номер 8341, ибо это число распадается на две части: 83 – это годы отпущенной Мао Цзэдуну земной жизни, а 41 – число лет, на протяжении которых он находился у власти, считая с 1935 г., то есть с совещания в Цзуньи, когда Мао Цзэдун фактически возглавил КПК.

Можно привести названия некоторых из этих работ, упомянув о том, что частично они подготовлены ответственными сотрудниками отдела пропаганды ЦК КПК:

Ли Цзюньжэ. Мао Цзэдун юй дандай Чжунго (Мао Цзэдун и современный Китай). – Фучжоу, 1991.

Цзян Чжаою, Ли Цзюньжэ. Чжунго гэмин юй «Маодунь лунь» (Китайская революция и работа Мао Цзэдуна «Относительно противоречия»). – Фучжоу, 1990.

Чжан Таймэй. Мао Цзэдун ду ши (Мао Цзэдун читает исторические труды). – Пекин, 1992.

Мао Цзэдун юй Сянтань (Мао Цзэдун и его родной уезд Сянтань) / Сост.: Отдел по сбору исторических материалов горкома КПК города Сянтаня. – Пекин: Чжун Гун дан ши чубаньшэ, 1993.

Циннянь Мао Цзэдун юй та ды сянци ши (Молодой Мао Цзэдун и его земляки – учителя и друзья) / Гл. сост. Дай Бохань. – Чанша: Хунань чубаньшэ, 1993.

Приложения

Воспоминания телохранителя

(Фрагменты книги Цюань Яньчи «Мао Цзэдун, сошедший с Олимпа»¹³)

Об авторе

Цюань Яньчи родился в 1945 г. В 1970 г. окончил Пекинский промышленный университет. По распределению был направлен в НОАК. Служил телефонистом, радиотехником.

Затем перешел на политическую работу. Стал заместителем политрука, заместителем комиссара батальона железнодорожных войск. Обнаружил писательские способности. В 1989 г. был творческим работником политотдела ВВС Пекинского военного округа. Член Союза писателей Китая. Опубликовал произведения общим объемом более 200 печатных листов. Семь раз отмечался в КНР премиями за литературное творчество.

От автора

Итак, мой собеседник – это Ли Иньцяо, человек, который находился подле Мао Цзэдуна в течение пятнадцати лет; сначала выполнял обязанности телохранителя, затем руководителя группы телохранителей, заместителя старшего телохранителя и старшего телохранителя Мао Цзэдуна. Это ему Мао Цзэдун как-то сказал:

«Иньцяо, мои дела, дела моей семьи можно утаить от кого угодно, от самого Неба, но

¹³ Цюань Яньчи. *Цзоуся шэньтань ды Мао Цзэдун (Пекин, 1989). Пер. с кит. Ю.М. Галеновича.*

их нельзя утаить от тебя». И добавил: «Пока я жив, ты обо мне не пиши. Когда я умру, тогда можешь писать. Но пиши так, как было на самом деле».

После того как между автором этой книги и Ли Иньцяо завязались дружеские отношения и возникло доверие, я поставил перед ним ряд вопросов о Мао Цзэдуне. При этом я был готов к тому, что могу натолкнуться на глухую стену. Дело в том, что некоторые из моих вопросов были вопросами писателя, носили романтическую окраску. Например, я спрашивал: «Что больше всего любил Мао Цзэдун? Чего Мао Цзэдун боялся больше всего? Видел ли ты Мао Цзэдуна плачущим? Приходилось ли тебе видеть, чтобы Мао Цзэдун выходил из себя? Был ли ты свидетелем ссоры Мао Цзэдуна с кем-либо?» и т. д. и т. п. Однако мои опасения оказались напрасными. Отвечая на каждый из поставленных мною вопросов, старший телохранитель со всей серьезностью старался припомнить все, что было; откровенно и искренне рассказывал о том, что было ему известно.

[...] Мне думается, что каждый из потомков Яня и Хуана, то есть каждый китаец, проявляет интерес к тем вопросам, которые я задавал Ли Иньцяо, проявляет к ним столь же сильный интерес, что и я сам. Мне хочется изложить письменно и мои вопросы, и ответы старшего телохранителя для того, чтобы каждый потомок Яня и Хуана смог прочитать это. В эту книгу, которая может быть названа и так: «Двадцать ответов старшего телохранителя Мао Цзэдуна на вопросы писателя», на самом деле включены ответы не одного лишь Ли Иньцяо, но и десятков тех людей, которые находились подле Мао Цзэдуна, а потом оказались рассеяны по городам и весям Китая; все они отвечали на вопросы как очевидцы. «Старший телохранитель» – это, можно сказать, в некотором роде собирательный образ, образ «человека, находившегося подле Мао Цзэдуна», образ, созданный мною как писателем. Как и многие пожилые люди, за плечами которых длинная жизнь, долгая история, «старший телохранитель», вспоминая о революции, о прошлом, не избежал ошибок, когда речь шла о тех или иных фактах, о людях, о времени, о месте действия.

[...]

Оглавление

1. Почему Мао Цзэдун выбрал именно тебя в качестве своего телохранителя, а затем и старшего телохранителя?
2. Как можно было бы охарактеризовать основные черты характера Мао Цзэдуна?
3. Приходилось ли тебе видеть, как вел себя Мао Цзэдун перед лицом смертельной опасности?
4. Чего Мао Цзэдун боялся больше всего?
5. Видел ли ты Мао Цзэдуна плачущим?
6. Приходилось ли тебе видеть, как Мао Цзэдун сердился?
7. Что нравилось Мао Цзэдуну больше всего и что вызывало у него наибольшее отвращение?
8. Нравилось ли Мао Цзэдуну, когда все вокруг кричали ему: «Вань суй!» («Да здравствует!», или «Десять тысяч лет жизни!»). – *Прим. перев.*)?
9. Был ли Мао Цзэдун действительно «человеком очень от земли»?
10. Уделял ли Мао Цзэдун большое внимание еде?
11. Что постоянно удручало и мучило Мао Цзэдуна?
12. Понимал ли ты состояние и настроение Мао Цзэдуна в день провозглашения Китайской Народной Республики?
13. Какими были взаимоотношения Мао Цзэдуна и Цзян Цин?
14. Как Мао Цзэдун улаживал твои ссоры с Цзян Цин?
15. В чем были особенности отношения Мао Цзэдуна к людям?
16. Случалось ли Мао Цзэдуну бить своих детей?
17. А ты не мог бы рассказать о юморе Мао Цзэдуна?
18. Считал ли Мао Цзэдун, что «чтение книг – это занятие бесполезное»?

19. А не выступал ли Мао Цзэдун против того, чтобы открывать двери в Китай и проводить политику открытости?

20. О чем же сожалел Мао Цзэдун?

1. Почему Мао Цзэдун выбрал именно тебя в качестве своего телохранителя, а затем и старшего телохранителя?

Причины тут самые разнообразные. Причем сразу точно и не скажешь. Однако мне думается, что самая первая причина была в том, что я не хотел заниматься этой работой. Ведь человек, он каков: чем труднее ему что-либо дается в руки, тем больше ему этого хочется. [...]

Я выполнял обязанности порученца, прислуги, телохранителя. У меня был опыт более десяти лет такой работы. Я обладал способностями различать оттенки настроения, понимать мысли руководителей. Когда я пришел работать подле Мао Цзэдуна, я очень скоро узнал его привычки. Когда он хотел попить чая, поесть, получить книги, карандаш и даже тогда, когда он хотел или не хотел принимать гостей, ему было достаточно только шевельнуть бровью, как я уже понимал, что надо делать. Иной раз он только еще подумал о чем-то, а я уже сделал это для него.

Тут ему даже и бровью шевелить не надо было. Такое молчаливое взаимопонимание доставляло удовлетворение Мао Цзэдуну. Не раз он похлопывал меня по плечу и говорил: «Мы очень сошлись, подходим друг другу. Ты – тот человек, который умеет подмечать закономерности». [...]

В 1953 году я стал заместителем старшего телохранителя Мао Цзэдуна. Полушутливо-полусерьезно он сказал мне: «Иньцяо, ты теперь стал чиновником и больше не должен дежурить. Но ведь вовсе не видеться не годится, так ведь? Давай снова заключим соглашение. Ты будешь дежурить дважды в неделю. Пусть это позволит мне постоянно видеть тебя». Я сказал: «Идет. Так и решаем».

В 1956 году я был назначен старшим телохранителем Мао Цзэдуна. Однако я по-прежнему дежурил два раза в неделю с той целью, чтобы все соответствовало привычкам многоуважаемого старца – и в одежде, и дома, и в дороге.

В 1962 году я собрался покинуть Мао Цзэдуна и отправиться на работу в Тяньцзинь. В день моего отъезда Мао Цзэдун по своей привычке лежал на кровати и работал. В головах был постелен ковер, под ковром была подложена подушка; облокотившись на нее, он и читал документы. Я тихонько подошел к дверям с наружной стороны, хотел подождать, пока он закончит работу, и затем войти. Однако из комнаты раздался призыв:

– Иньцяо, заходи.

Как мог Мао Цзэдун узнать, что я пришел? Я подумал, что он почувствовал это сердцем или тут сработало то, что вы сейчас обычно называете шестым чувством.

Я встал у кровати Мао Цзэдуна. Он крепко сжал мне руку своей рукой. Другой рукой он легонько похлопывал меня по тыльной стороне моей руки. И так без слов мы держались за руки; никто из нас ничего не говорил.

Я заплакал первым. И как только я заплакал, так тут же прослезился Мао Цзэдун. Глотая слезы, я сказал:

– Сначала я не хотел идти сюда на работу; вы меня наняли на время; а сейчас я не хочу уходить; а вы меня теперь вынуждаете. Сколько же у вас со мной хлопот!

Мао Цзэдун, роняя слезы, вздыхал и говорил:

– Мне с тобой тоже нелегко расставаться. Я со своими детьми вижусь раз-два в год и обчелся. И только с тобой мы видимся практически каждый день. Ты мне даже ближе, чем мои дети. Однако я должен позаботиться и о твоём будущем. Я не могу заедать твоё будущее. Ты вот старший телохранитель; уровень, казалось бы, довольно высокий; однако это ведь всего-навсего уровень кадрового работника полкового масштаба, должность низкая...

– Мне все равно: низкая она или не низкая. Я не хочу покидать вас. – Я зарыдал в

голос.

Мао Цзэдун сделал движение рукой и тем самым сразу же привел меня в чувство. Он заставил меня прекратить рыдания.

– Иньцяо, после того, как я умру, приходи каждый год к моей могиле... Повидаться.

Он все похлопывал меня; ни одной связной фразы больше не сказал. Я боялся того, чтобы слезы не сказались на его здоровье. И поэтому я сначала заставил не плакать себя, а потом стал уговаривать его. Но не смог закончить и одной фразы; я снова зарыдал.

Несколько дней спустя я, наконец, осушив слезы, расстался с Мао Цзэдуном.

2. Как можно было бы охарактеризовать основные черты характера Мао Цзэдуна?

Бросать вызов. Встречать вызов. [...]

На протяжении всей своей жизни он всегда был победителем, выступал в роли сильнейшего; судя по тому, что мне довелось увидеть, он никогда не признавал себя побежденным; никогда и ни при каких обстоятельствах, под давлением каких бы то ни было оскорблений и унижений, он не склонял головы. И о чем бы ни шла речь, он не успокаивался до тех пор, пока не одерживал полной победы. [...]

Мао Цзэдун не был любителем выпить; после стаканчика виноградного вина у него могло побагроветь лицо и набухнуть шея, поэтому он редко пил вино. Однако в двух случаях допускались исключения. Во-первых, тогда, когда кончалось снотворное; для того, чтобы заснуть, он выпивал стаканчик. После одного стаканчика у него могла закружиться голова, а после трех стаканчиков он определенно ложился и засыпал. При этом он не употреблял водку, достаточно было виноградного вина или коньяка, бренди. Во-вторых, когда шло сражение или когда он писал свои труды, тогда он по несколько суток подряд не спал, и ему требовалось выпить вина.

Вино могло и взбодрить Мао Цзэдуна, и дать ему возможность заснуть; мне пришлось припасать для него немало вина.

[...] Когда уставала голова, выпивал глоток коньяка, чтобы взбодриться; сигареты курил одну за другой, чай пил непрерывно. Сваренные в кипятке чайные листья рукой отправлял в рот, прожевывал и глотал их. В первый день жевал чайные листья только после того, как на них заваривались три кружки чая подряд. На третий день жевал и глотал чайные листья, выпив только одну, заваренную на них, кружку чая. Иначе говоря, тогда кипятком каждый раз заваривался свежий чай... [...]

Сражение за Шацзядянь продолжалось три дня и две ночи. Мао Цзэдун три дня и две ночи не выходил из комнаты, не ложился в постель, не смыкал глаз. Выкурил пять с половиной блоков сигарет, выпил десятки кружек чая. [...]

Каждый раз, когда Мао Цзэдун принимал вызов, я всегда вспоминал знаменитую присказку хунаньцев, которые говорят: «Да мне сам черт не страшен!» [...]

4. Чего Мао Цзэдун боялся больше всего?

[...] Я думаю, что в определенном смысле можно сказать, что Мао Цзэдун боялся трех вещей.

Во-первых, он боялся слез. Мао Цзэдун говорил Хэ Цзычжэнь: «Чего я боюсь, так это слышать, как голоса и рыдают бедные и обездоленные люди. Когда я вижу их слезы, я не могу сдержаться, у меня тоже текут слезы». И это действительно было так. [...]

Во-вторых, он боялся крови. Ты можешь сказать: «Не городи чепуху!» Мао Цзэдун прошел через сотни боев; разве он не руководил тысячами самых разнообразных, больших и малых сражений? Разве на полях этих сражений трупы не громоздились как горы, разве там не лилась кровь рекой? Разве не были убиты, не пали жертвами многочисленные родные и друзья Мао Цзэдуна? Этот длинный список подтверждает, что Мао Цзэдун никогда ни на секунду не испытывал страха и не отступал перед жестокостью врага.

Однако ты не забывай, что я говорю в совершенно определенном смысле. После того как мы вошли в города, Мао Цзэдун начал жить на даче Шуанцин в горах Сяншань. В горах

жили тогда многие руководители ЦК, в том числе и военачальники. Эти боевые генералы привыкли к выстрелам. Ведь все это были люди, которые прошли через град пуль и снарядов. И вдруг боев не стало, и в ушах теперь стоял только птичий гомон. Это было совершенно непривычно. Они чувствовали себя не в своей тарелке. Да тут еще были мы, охрана. Каждый из нас привык стрелять. Несколько дней без стрельбы, и нам все было невмоготу. Мы не знали, куда себя деть, что делать с руками, с душой. Уж и не знаю, кто сделал первый выстрел. И тогда все нашли метод облегчать душу. Чего в Сяншане было много, так это птиц. Так давайте их стрелять! И вот тишину в Сяншане разорвали выстрелы. По правде говоря, в то время еще не было никаких законов об охране диких животных; да и во всем мире еще не было движения Гринпис. Лишь недавно закончилась мировая война. На юге Китая еще продолжались ожесточенные бои за Освобождение. Смерть десятков тысяч людей не считалась чем-то особенным. Что уж тут говорить о каких-то там птицах?

В тот день Мао Цзэдун возвратился после совещания. Я вместе с ним вернулся на дачу Шуанцин. И только мы вышли из машины, и тут как тут оказались несколько бойцов охраны. Они, настреляв воробьев, возвращались домой. Стреляли они метко и птичек набили много. Нанизали их на длинные бечевки и весело, радостные и возбужденные, возвращались к себе.

Мао Цзэдун услышал говор и смех и посмотрел в их сторону.

Посмотрел просто так. И вдруг остановился. А бойцы охраны, увидев Мао Цзэдуна, проявляя уважение к нему, прекратили болтовню и пошли медленным шагом.

Брови Мао Цзэдуна дрогнули. Он постепенно нахмурился, по привычке пожевал нижнюю губу. Спросил:

– Что несете?

– Да, вот, настреляли воробьев. – Один из бойцов показал Мао Цзэдуну нанизанных на бечевку птиц. Я ясно увидел алую кровь, которая покрывала их перья. Капли крови даже скатывались на землю, упали к ногам Мао Цзэдуна.

Лицо Мао Цзэдуна дернулось. На нем появилось выражение несдерживаемого отвращения. Он отступил на полшага назад. И внезапно закрыл рукою лицо, крикнул:

– Уберите, унесите! Я не желаю этого видеть!

Тот товарищ испугался и торопливо спрятал окровавленных воробьев за спину.

– Кто приказал вам стрелять? – спросил Мао Цзэдун, сильно нахмутив брови. – Ведь они живые. У воробьев тоже есть жизнь! Жили они себе, радовались, а вы хладнокровно их убили? Они вас звали, они вас обидели?

Товарищи в ответ молчали.

– Больше не смейте стрелять. Никому не смейте стрелять!

– Да это начальники первыми стали стрелять, – разъяснил я потихоньку. – И только потом и все стали стрелять...

– Больше никому не разрешается стрелять: ни начальникам, ни подчиненным; доведите до руководителей, что я сказал – никому нельзя стрелять!

С этого времени подвергавшиеся смертельной опасности птички снова обрели тихую и спокойную жизнь; они весело щебетали и порхали, оживленно выхаживали потомство.

Наступил 1958 год. Мао Цзэдун инспектировал деревню. Старые крестьяне пожаловались, сказали, что стаи воробьев склевывают десятки тысяч мер зерна. Нашлись специалисты, которые также подтвердили, что воробьи – вредные птицы, что они не только расхищают зерно, но и разбрасывают много зерна. Выслушав это, Мао Цзэдун сурово насупил брови, сказал: «Вредные, вредные создания!» Он стал ратовать за «необходимость избавиться от всех существ, которые вредят человеку». И тогда воробьи, крысы и так далее были отнесены к «четырем видам вредителей», стали несчастными созданиями, которые служили всеобщей мишенью, их убивали и убивали.

Затем другие специалисты сказали, что воробьи склевывают и вредных насекомых, что от них есть и вред и польза, и того и другого поровну. И только тогда по всей стране прекратилась эта кампания по уничтожению воробьев.

[...] Произошло и еще одно событие, которое оставило глубокое впечатление.

Это было приблизительно в 1964 году. Мао Цзэдун в Чжуннаньхае в павильоне Чуньюучжай был на вечере танцев. Во время перерыва он сидел в мягком кресле и курил. К нему подошла одна из артисток ансамбля политуправления ВВС, которая также была на этом вечере танцев. Она села рядом с Мао Цзэдуном. Стала болтать с ним о том о сем. Когда речь зашла об учебе и репетициях артистов этого ансамбля, Мао Цзэдун поинтересовался:

– Устаете ли вы на репетициях?

– Устаем, очень тяжело приходится. – Артистка прикрыла глаза и сказала: – Иной раз случаются несчастья.

– Какие же могут быть несчастья? – удивленно, не понимая, спросил Мао Цзэдун.

– Да как же. Вот я слыхала, что в одном театральном коллективе в Тяньцзине играли спектакль, который называется «Пес, лающий на Небо». Артистка, занятая в этом спектакле, отрабатывала боевые трюки, удар пяткой. Не остереглась, поскользнулась, упала, проткнула себе шею, проткнула прямо до...

– Ой-ой-ой, – лицо Мао Цзэдуна дернулось, на нем появилось выражение несдержанной боли. Он повернул голову в сторону, замахал рукой: – Не рассказывай; да не говори ты об этом... – Он перевел дыхание, пришел в себя, как будто бы хотел освободиться от мыслей об этой трагедии, поднялся и поспешно отошел в сторону.

Оркестр начал играть снова. Он, наморщив брови, сидел в стороне; не стал танцевать. [...]

В-третьих, боялся, когда молят о пощаде.

Мао Цзэдун был крестьянским сыном; однако он никогда не был похож на того из наших предков из известной басни, который по простоте душевной отогрел на груди змею. Как ни просили о пощаде Чан Кайши или другие враги – политические и военные, ответ Мао Цзэдуна всегда был одним и тем же: «Лучше уж преследовать бандита до самого его конца; нельзя идти на сделку с совестью ради того, чтобы добиться славы».

Однако в определенном смысле он также действительно боялся, когда кто-то молил о пощаде, просил сжалиться над ним.

Когда мы находились в северной части провинции Шэньси, то есть в те годы, когда борьба была самой трудной, один из бойцов охраны не выдержал трудностей и бежал. Побег бойца охраны – это совсем не то, что побег бойца из обычной боевой части. Ведь бойцу охраны известно немало секретов. Что случится, если эти секреты станут известны противнику?

Войска охраны немедленно организовали поиск и в конце концов схватили беглеца. Связали и привезли назад. Товарищи, вообще-то говоря, ненавидели тех, кто дезертирует; им было ненавистно само понятие побег. Да и для того, чтобы его поймать, было затрачено немало усилий. Неудивительно, что против него готово было выплеснуться много ярости: «Избить его надо, сукина сына!», «Расстрелять подонка!».

Гнев, возмущение, крики встревожили Мао Цзэдуна. Он вышел из пещеры. Поглядел на связанного беглеца. Тот был очень молод. Лицо детское. Бледное-бледное. Все в слезах и соплях. Весь он был в пыли. От страха его безостановочно била дрожь. Услышав требования расстрелять, он по-детски заплакал и закричал: «Пощадите, пощадите, пожалейте! Я не к врагу бежал, не к врагу. Я хотел домой. Прошу, пощадите меня!»

Мао Цзэдун, по сути дела, с ненавистью относился к предателям, с отвращением к дезертирам. Однако тут перед собой он увидел жалкого пойманного и возвращенного назад бойца. Он скорбно и сурово сдвинул брови, глаза его налились слезами. Он поднял руку и крикнул:

– Развяжите, развяжите, скорее развяжите его!

– Он дезертир...

– Этот негодяй...

– Какой негодяй? – Мао Цзэдун строго сдвинул брови. – Он еще ребенок. Скорее отпустите его, не пугайте дитя. [...]

Мао Цзэдун изменил тон и продолжал в духе теплоты и увещевания:

– Дите еще малое, только-только начало принимать участие в революции, еще не хлебнуло горя. Он не выдержал, захотел домой; ну, посадишь ты его, так он разве не станет еще больше стремиться домой? И к тому же ведь он не стал предателем и не перебежал к врагу; он просто еще мал. Отпустите скорее. Если дать ему побольше чего-нибудь повкуснее поесть, так он и станет поменьше думать о доме. Вы слышали, что я сказал?

И тогда этого беглеца отпустили. И он не только не понес никакого наказания, но даже в течение нескольких дней его кормили наособицу; конечно же, этот боец охраны больше не сбегал. [...]

5. Видел ли ты Мао Цзэдуна плачущим?

Мао Цзэдун был человеком твердой воли. Никакие переживания, никакие несчастья не могли выжать из него слезу. После того как в Корее на поле боя погиб его любимый сын Мао Аньин, он ничего не брал в рот, он не мог заснуть, и все сидел в одиночестве в кресле и непрерывно курил, но и тогда он не заплакал. В его глазах отражались потери, страдания, мысль, воспоминания, ненависть и гнев, в них не было только слез! Он так и не заплакал!

Однако в других случаях я действительно видел его глаза полными слез. Из уголков глаз катились слезы; он даже плакал в голос.

После того как я пришел на работу подле Мао Цзэдуна, я несколько раз видел слезы у него на глазах. В том числе наибольшее впечатление произвели три случая.

В тот период, когда создавалось наше государство, Мао Цзэдун любил смотреть спектакль – оперу «Князь Ба прощается с любимой наложницей». Он бывал на спектаклях этой оперы многократно. Причем хотел, чтобы и все другие руководители ЦК смотрели этот спектакль. Когда он видел, как князь Ба из княжества Чу проявлял недостаток героизма и в нем возобладали чувства привязанности к своим сыновьям и дочерям, как он прощался с любимой им наложницей Юй, ресницы у Мао Цзэдуна обычно дрожали, а в глазах появлялась влага. Он очень любил сильные чувства и их проявления. Как-то он пальцем надавил на пуговицу у меня на груди и прерывающимся сильным голосом сказал: «Не уподобляйся чускому князю Ба; никто из нас не должен уподобляться ему!»

Мао Цзэдун любил смотреть спектакли, персонажи которых носили старинные одежды; он любил слушать арии из пекинских опер. Причем в разные периоды своей жизни питал пристрастие к различным оперным спектаклям. В то время, когда мы шли с боями по северной части провинции Шэньси, он любил послушать, а то и часто напевал арии из опер «Военная хитрость с пустым городом», «О том, как Чжугэ Лян ухитрился достать стрелы». Когда мы находились в Сибайпо и Мао Цзэдун руководил тремя великими сражениями, он, стремясь дать отдохнуть грудной клетке, расправлял плечи, расправлял грудь и слушал пластинки с записью пекинских опер. Любил слушать арию из оперы «Царство беззаботности» в исполнении Гао Синкуя, арию из оперы «Чэнь Лун отдает последний долг» в исполнении Янь Цзюйпэна, арию из оперы «Слезы на Дикой горе» в исполнении Чэн Шоцю. В радостном настроении он и сам тоже мог спеть несколько фраз из оперы «Встреча героев». В тот период, когда главные силы нашей армии форсировали реку Янцзы и вошли в Нанкин, он неоднократно смотрел оперный спектакль «Князь Ба прощается с любимой наложницей». В 1953 году он также несколько раз подряд смотрел оперу «Легенда о Белой змейке». Каждый раз, когда он смотрел этот спектакль, у него текли слезы, нос закладывало, он не мог дышать через нос.

Помнится, это случилось в 1958 году. Мао Цзэдун приехал в Шанхай. Руководители горкома партии, готовя программу отдыха для председателя, запросили его мнение. Мао Цзэдун подумал и сказал: «И все-таки давайте посмотрим «Легенду о Белой змейке».

Вечером, сопровождая Мао Цзэдуна, я приехал в Клуб кадровых работников Шанхая. Все зрители уже сидели на своих местах. Как только они увидели вошедшего в зал Мао

Цзэдуна, все встали и начали хлопать в ладоши. Мао Цзэдун махал рукой и шел за сотрудниками, которые вели его в первый ряд. В первом ряду сидели руководящие кадровые работники горкома и городского правительства. Мао Цзэдун никогда не вел светских бесед с руководителями внутри партии. Он прямо прошел к своему месту, снова махнул рукой сидевшим позади зрителям и сел.

Мао Цзэдун сидел в своем кресле, поставленном для него в первом ряду. Оно было обито материей серого цвета. Я, как обычно, сидел рядом с ним. Дело было в том, что дежурные телохранители не отходили от Мао Цзэдуна все 24 часа в сутки. У Мао Цзэдуна был большой живот. Когда он садился, ремень врезался в талию; поэтому, как только он сел, я, как обычно, помог ему расстегнуть ремень.

Артисты давно уже были готовы. Как только Мао Цзэдун сел, так загремели барабаны. Мао Цзэдун прочно уселся в кресле. Я помог ему закурить сигарету. Мао Цзэдун очень легко включался в просмотр спектакля; говоря современным языком, это называется вхождением в роль. Не докурив и одной сигареты, он уже увлекся; глаза его неотрывно следили за актерами на сцене. Хотя он и был большим любителем покурить, но тут он не затягивался. Когда он слушал пластинки, то мог ладонью отбивать такт или даже иной раз подпевать. Но когда он смотрел спектакль, он не стучал ни ногами, ни руками, а смотрел во все глаза; он абсолютно не шевелился; и лишь выражение его лица непрерывно менялось. Его взгляд становился ясным и сочувствующим, то горячим, то взволнованным, то задушевным, то гневным. Было очевидно, что он вошел в роль юноши Сюй Сяня и в роль девицы из рода Бай, что он понимает этих людей, любит их. Особое восхищение и уважение вызывали у него те детали сюжета, где проявлялись горячие чувства, смелость и мудрость героев. В тех местах, где их голоса звучали прекрасно, он аплодировал. Когда он это делал, вслед за ним и все остальные зрители тоже хлопали в ладоши.

Однако это была пьеса с трагическим финалом. Когда на сцене появился старый монах Фа Хай из монастыря Фамэньсы, лицо Мао Цзэдуна тут же стало мрачным. На нем отразились даже напряжение, страх. Губы его раздвинулись, нижняя губа время от времени легонько вздрагивала. Он несколько раз скрипнул зубами; казалось, что он готов был просто впиться зубами в этого старого монаха.

Наконец Сюй Сянь и девица Бай начали терзающую души зрителей сцену расставания. У меня уже был опыт, и я поспешил легонько дважды кашлянуть; мне хотелось напомнить Мао Цзэдуну, что это всего лишь спектакль. Но к этому моменту напоминания потеряли свой смысл.

Действительность уже не существовала; Мао Цзэдун целиком и полностью был там, в этой древней и так волнующей сердца чудесной сказке. Крылья носа начали у него раздуваться и подергиваться.

Слезы собирались и мало-помалу накапливались; крупные слезинки уже формировались, и вот они покатались, покатались, потекли по лицу, упали на грудь.

Дело было худо. Зрителей сегодня было немало. Я встревоженно посмотрел по сторонам; в то же время я не решался делать резких движений, боясь привлечь внимание других людей. Ну, кажется, все еще ничего. Зрители были все как будто бы увлечены пьесой; никто не обращал внимания на «спектакль» у сцены, в первом ряду.

Однако волнение Мао Цзэдуна все нарастало. Слезы лились уже не капля за каплей, а просто катились ручьями. Нос заложило. Дыхание прерывалось. Он дышал со свистом. Сидевшие поблизости руководители города бросали взгляды в нашу сторону и тут же отводили глаза. Одного этого было достаточно, чтобы я встревожился. На мне лежала ответственность хранить и оберегать «ореол вождя» вокруг Мао Цзэдуна. Я снова легонько кашлянул. Но получилось еще хуже. Звук кашля не привлек внимания Мао Цзэдуна, но несколько голов повернулись к нам. Я больше не решался шуметь.

В конце концов Мао Цзэдун забылся настолько, что зарыдал в голос. Это был плач, от которого бросало в дрожь. Он, не обращая ни на кого внимания, вытер слезы, высморкался. Ну, раз уж дело дошло до этого, то мне тоже оставалось только вести себя совершенно

естественно. Я возлагал все свои надежды только на то, что спектакль скоро кончится. И действительно, он тут же и стал подходить к концу: Фа Хай уже начал теснить девицу Бай к подножью пагоды Лэйфэнта...

И как раз в этот-то момент, когда он ее «вытеснил», и произошло потрясающее событие!

Мао Цзэдун вдруг в гневе тоже выразил свое возмущение несправедливым «делом» и поднялся. Своей массивной рукой он стукнул по подлокотнику кресла и одним рывком встал: «Ну, разве тут можно не подняться на революцию? Ну, разве тут можно не подняться на бунт?»

О Небо, я не углядел! Ремень ему я расстегнул, как только он сел. А когда он поднялся, то в этот момент штаны с него свалились прямо к его ногам. Меня как палкой ударили. Я изо всех сил рванулся вперед, схватил его штаны и одним рывком натянул их на него. Я совсем перестал соображать и лишь в неописуемом волнении, укоряя и осуждая себя, и в страшной спешке дрожащими руками второпях и грубовато помогал ему застегнуть ремень. Я не уберег образ вождя; я не находил себе места из-за этого; я еще долго, очень долго все переживал это.

Мао Цзэдун ни в чем не упрекнул меня. Он даже не проявил никаких эмоций, когда с него свалились штаны. Он по-прежнему был там, в спектакле, на сцене. Крупными шагами он пошел на сцену.

Аплодисменты зала наконец пробудили его. Он чуть оторопел, а затем стал в свою очередь аплодировать. Я перевел дух; председатель вернулся в реальную жизнь.

Однако он никогда не умел скрывать ни своей любви, ни своей неприязни. Насколько мне помнится, он пожал руку «Голубой змейке» обеими своими руками, а «Сюй Сяню» и «Белой змейке» только одной рукой.

Он не обратил внимания на несчастного старого монаха «Фа Хая».

[...] Мао Цзэдун постоянно перенапрягал свою голову. Расчесывая ему волосы, можно было способствовать циркуляции крови в голове, это помогало ему снимать усталость, восстанавливать умственные силы.

Я расчесывал Мао Цзэдуну волосы, укладывая их спереди назад.

И вдруг душа моя затрепетала, глаза наполнились слезами. Перед глазами поплыли круги.

Я вспомнил о том, как после завершения трех великих сражений Мао Цзэдун переживал момент наивысшего подъема и в то же время максимальной усталости; он откинулся в кресле, горестно вздохнул и сказал: «Иньцяо, иди сюда, расчеши мне волосы, да посильнее, до боли; хочу вздохнуть просто до боли и перевести дух!» В то время я и сам был на подъеме и радовался не меньше, чем Мао Цзэдун. Я принес расческу и сказал: «Председатель, я буду расчесывать медленно, а вы закройте глаза и подремлите». В ту пору волосы у Мао Цзэдуна были густые, тяжелые, твердые, иссиня-черные.

Я стал расчесывать их спереди назад, медленно-медленно. Волосы между зубьями расчески прорывались с огромной силой, а зубья расчески сыпались и звучно падали на пол. Я любовался этим водопадом волос. И вдруг ощутил, как что-то блеснуло, вызвало резь у меня в глазах. Я поспешно наклонился и стал снова расчесывать волосы, внимательно присматриваясь; и беззвучно, внезапно потеряв голос от волнения, я вскрикнул:

– Ой-ой-ой! Председатель, у вас седой волос!

Мао Цзэдун сидел с закрытыми глазами, сидел спокойно. Мой вскрик пробудил его. Брови его медленно нахмурились; он глубоко вздохнул. Я спросил:

– Вам его вырвать?

Мао Цзэдун еще раз глубоко вздохнул, пожевал нижнюю губу:

– Вырывай!

Я тщательно поискал, нашел седой волос, ухватился за него, с силой выдернул. Сначала поднес к своим глазам, посмотрел: да, действительно, я не ошибся; потом поднес к

лицу Мао Цзэдуна, попросил его взглянуть.

[...]

6. Приходилось ли тебе видеть, как Мао Цзэдун сердился?

[...] 1 июля 1948 года Ван Мин пришел к Мао Цзэдуну. Это было как раз в то время, когда я был на дежурстве.

Ван Мин был человеком невысокого роста с квадратным лицом и очень белой кожей. Я встретил и остановил Ван Мина у дверей во двор, спросил, по какому делу? Он сказал: «Я хочу увидаться с председателем». В тот момент у Мао Цзэдуна не было особых больших неотложных дел, поэтому я кивнул: «Прошу пройти за мной».

Я был вежлив с Ван Мином, но не питал к нему горячих чувств.

Мао Цзэдун говорил мне: «Этот человек в прошлом хотел лишить меня жизни!»

В этот момент Мао Цзэдун читал документы; услышав шум и движение, он поднял голову, увидел Ван Мина и встал из-за письменного стола, обошел стол и пожал Ван Мину руку, предложил Ван Мину сесть в кресло, сам сел в кресло-качалку. Мао Цзэдун с близкими соратниками общался совершенно запросто, без всяких церемоний. Например, когда Чжу Дэ, Чжоу Эньлай, Пэн Дэхуай – вот эти товарищи, да еще Линь Бяо, – приходили к нему, а он лежал на кровати и работал, он мог продолжать работать лежа; просто они обменивались приветствиями и на этом все церемонии заканчивались. И только по отношению к людям далеким он делал все эти вежливые и церемонные жесты.

После того как они обменялись холодными приветствиями, я вышел, чтобы приготовить чай. Когда я вошел с чаем, то услышал, как Ван Мин говорил: «Решение по некоторым вопросам истории я все же никак не могу взять в толк. Некоторые соображения я все же хочу представить ЦК, я хотел бы с тобой поговорить...»

На лице Мао Цзэдуна не было улыбки; он строго и сурово внимательно слушал. Я понял, что обстановка не подходит для того, чтобы я там оставался; я поставил чай и потихоньку удалился.

Вскоре после того как я вернулся в комнату для дежурных, голоса собеседников начали становиться все громче и громче. И наконец, переросли в ссору. Я выбежал из дежурки послушать. Дискуссия шла по вопросу о решении относительно некоторых вопросов истории.

Говорили о многих людях и фактах, затрагивались даже СССР и Коминтерн. Мао Цзэдун с тяжелым хунаньским акцентом произнес фразу, которую я очень хорошо запомнил: «Значит, даже сейчас ты все еще не можешь взять в толк, так? А ведь в настоящее время мы уже скоро победим, и ты ничего не хочешь пересмотреть?»

В это время Цзян Цин была секретарем Мао Цзэдуна по административным вопросам. Я поспешил в комнату Цзян Цин и доложил ей о происходящем, а также предложил: «А может быть, пригласить зампреда Чжоу?» Цзян Цин сказала: «Ну что же, позови Эньлая, пусть послушает».

Я пригласил Чжоу Эньлая и сам вслед за ним, крадучись потихоньку, подошел к окну; услышав только две первых фразы, он повернулся ко мне, махнул рукой и показал взглядом: уходи ты, уходи, не надо здесь слушать. Я удалился на цыпочках.

Чжоу Эньлай, наклонившись к окну, тихо стоял и слушал, время от времени поводил шеей. Затем ссора начала утихать; судя по интонации, Ван Мин собрался уходить. Чжоу Эньлай бесшумно и быстро отошел от окна и скрылся. Вскоре после того как Ван Мин с ледяным выражением лица ушел, Чжоу Эньлай вошел в кабинет Мао Цзэдуна.

[...] 25 марта 1949 года Мао Цзэдун въехал в город. Из уезда Чжосянь на поезде он переехал в Бэйпин на железнодорожную станцию Цинхуаюань (студенческий городок Университета Цинхуа. – *Прим. пер.*). Когда поезд пересекал городскую стену Бэйпина, Мао Цзэдун с безграничной горечью сказал: «Как раз ровно 30 лет прошло! В то время с той целью, чтобы найти ту самую истину, на основе которой оказалось бы возможным спасение государства, спасение народа, нации, я после скитаний и там и сям приехал в Бэйпин. Ну что

же, не зря; пришлось пострадать, хлебнуть горя; но в то же время я встретил большого хорошего человека; я имею в виду именно товарища Ли Дачжао. Вот он мой настоящий хороший учитель; без его указаний и помощи не знаю, где бы я сегодня был!..»

[...] На железнодорожной станции Цинхуаюань мы не стали отдыхать, а пересели в автомашины и поехали в парк Ихэюань.

Мы слышали, что в Ихэюане (летнем императорском дворце-парке под Пекином. – *Прим. пер.*) вообще-то жили какие-то монахи и обслуживающий персонал. Когда я, следуя за Мао Цзэдуном, прибыл в Ихэюань, то внутри парка было уже пусто, не было даже тени человека. Всех людей подчистую выселил социальный отдел под руководством Ли Кэнун. Товарищ Ли Кэнун рассматривал вопросы с точки зрения обеспечения безопасности; Бэйпин был только что освобожден, затаившихся агентов Гоминьдана было очень много; творилась просто вакханалия подрывных актов, тайных убийств, а потому нельзя было не принимать строжайших мер безопасности. Однако в ситуации, когда выгнали всех людей, оказалось, что по прибытии туда Мао Цзэдуна понадобилась вода, а ее не было, стали искать еду, а еды тоже не было. Во второй половине дня надо было еще отправиться на аэродром Сиюань на церемонию по случаю вступления в город; Мао Цзэдун рассердился:

– Что это вы тут вытворяете? Чем здесь занимались те, кто прибыл раньше?

Товарищи из социального отдела объяснили, что людей выселили исходя из соображений безопасности.

Мао Цзэдун, повысив голос, на это сказал:

– То, что вы говорите, это одна только вонь! Это же идиотизм. Ведь если вы просто спустите всю воду из бассейна, осушите его, то о какой безопасности для рыбы можно говорить? Ведь вам остается в этой ситуации только подохнуть в полной безопасности, сдохнуть тут от голода!

Мао Цзэдун говорил правду. Товарищи из социального отдела решили вопросы, только обратившись снова к людям. Они помчались в харчевни, расположенные за стенами Ихэюаня, и купили там рис, три блюда и суп.

Мао Цзэдун вооружился палочками и сказал мне:

– На церемонию вступления в город ты со мной не поедешь. Отправляйся в горы Сяншань и создавай там станцию передового базирования; помоги мне устроить все как надо, решить вопросы питания и жилья. И не бери пример с них, не учись делать такие глупости.

7. Что нравилось Мао Цзэдуну больше всего и что вызывало у него наибольшее отвращение?

Не надо бы говорить такие слова, как «больше всего». Если так ставить вопрос, то я не смогу на него ответить!

Мао Цзэдуну нравилось бросать вызов и отвечать на вызов, ему нравилось читать, нравилось учиться, ему нравилось плавать, он любил пекинскую оперу; все это общеизвестно. Я бы добавил к этому еще одно: Мао Цзэдун любил снег.

[...] А я скажу, что у Мао Цзэдуна наибольшую неприязнь вызывали деньги. Мао Цзэдун в прошлом пожимал руку Чан Кайши, но Мао Цзэдун никогда не прикасался к деньгам.

Мао Цзэдун не прикасался к деньгам в Яньани; он не прикасался к деньгам в северной части провинции Шэньси; он тем более не прикасался к деньгам после вступления в города.

Помнится, что в 1950-х годах Чжан Жуйцзи прислал письмо Мао Цзэдуну; в письме говорилось о том, что после возвращения домой у него возникли трудности. Почтенный Чжан был бойцом охраны со времени наших скитаний по северной части провинции Шэньси и с той поры все время служил во взводе охраны.

Он был человеком уже немолодым. После службы в охране Мао Цзэдуна и переезда в

Пекин Чжан Жуйцзи вышел в отставку и вернулся в деревню обрабатывать землю. Он женился, и у него родился сын.

Мао Цзэдун питал особое пристрастие ко всему привычному, старому, прошлому. Прочитав письмо Чжан Жуйцзи, Мао Цзэдун немедленно распорядился выслать ему деньги.

Мао Цзэдун в быту постоянно проявлял заботу о тех, кто работал подле него. В книге учета доходов и расходов, которую я вел для него, была специальная графа: выделение средств в помощь нуждавшимся товарищам. Когда Мао Цзэдун оказывал помощь товарищам деньгами, то в том случае, если суммы выделялись из остатка зарплаты, эта ответственность падала на меня, а в том случае, если деньги брались из сумм, причитавшихся за издание рукописей, этим занимался секретарь Мао Цзэдуна.

В том случае, о котором идет речь, я выделил несколько сотен юаней из сумм, остававшихся от зарплаты, упаковал их в плотный пергаментный пакет; зная о том, что Мао Цзэдун проявляет особую заботу об этом деле, я, упаковав деньги, понес этот пакет на просмотр Мао Цзэдуну, чтобы на душе у него было спокойно.

Мао Цзэдун в этот момент читал документы. Увидев меня с пергаментным пакетом в руках, он принял его как обычное служебное письмо и хотел было извлечь содержимое, чтобы ознакомиться с ним.

– Это деньги для почтенного Чжана. Посмотрите, председатель.

Не успел я еще закрыть рот, как выражение лица Мао Цзэдуна изменилось; было такое впечатление, что нежданно-негаданно в руки ему попала мерзкая жаба. Он тут же отбросил пакет:

– Убери! Тебе поручено, ты и делай. Кто тебе велел приносить? – Мао Цзэдун нахмурил брови, стал тереть руки одна об другую, как будто бы пальцы его попали в грязь. – Я не дотрагиваюсь до денег; заруби это наперед! [...]

8. Нравилось ли Мао Цзэдуну, когда все вокруг кричали ему «Вань суй!»?

Когда-то нравилось, а когда-то и не нравилось; бывали времена, когда он привыкал к этому, а бывало и так, что это его просто тяготило, ему надоедало это слушать.

Мне вспоминается фраза Мао Цзэдуна: «Нельзя без того, чтобы вы считали меня вождем; но нельзя, однако, и чтобы вы всегда относились ко мне как к вождю; это для меня непереносимо...» Он говорил это нам – довольно многочисленной группе его телохранителей и бойцов охраны. Дело было на отдыхе; он болтал и шутил с нами; некоторые из нас чувствовали себя при этом скованно; вот тогда-то он и произнес эти слова. [...]

Следы деятельности Мао Цзэдуна были по всей стране. Но сам он не мог просто пройти по улице, не мог погулять в саду, в парке, не мог запросто пойти в кинотеатр, не мог по своей воле побывать в универмаге. Он был вождем народа, народ всей страны кричал ему: «Вань суй!». Однако он не мог свободно повидаться с кем-нибудь; в большинстве случаев это надо было заранее организовывать; и даже если в спецпоезде кто-то из обслуживающего персонала хотел повидать его, и тут это можно было сделать только с нашего согласия, то есть с согласия телохранителей. Его мысль была живой, для нее не существовало границ, а сам он не мог даже полететь на самолете. Ведь он был только одним человеком, которому в данном случае противостояло решение целого коллектива. Иной раз одним своим словом он мог изменить движение истории Китая. И в то же время, однако, даже сто фраз, сказанных им, не давали ему свободу пойти и, скажем, поесть где-нибудь в ресторане. [...]

13 августа 1958 года Мао Цзэдун завершил посещения Нанькайского и Тяньцзиньского университетов как раз к обеду. Он настоял на том, чтобы мы отправились поесть в ресторанчик, и зашел в ресторан под названием «Чжэньянчунь», что на улице Чанчуньдао. По сути дела, тут тоже была проведена соответствующая подготовительная работа; посторонние туда в это время попасть не могли; поблизости или в округе были расставлены посты.

Однако Мао Цзэдун все-таки вызвал сумятицу. Он подошел к окну и выглянул на

улицу. И надо же так случиться, что именно в этот момент в доме напротив некая женщина, которая просушивала одежду, увидела Мао Цзэдуна. Она тут же изумленно и радостно возопила: «Председатель Мао, председатель Мао, да здравствует председатель Мао!»

С той поры как слова «Мао Чжуси» и «Вань суй!» («Председатель Мао» и «Да здравствует, десять тысяч лет жизни». – *Прим. перев.*) стали неразделимым словосочетанием, дело обрело следующий вид: когда кричали «Мао Чжуси», то непременно сопровождали это словами «Вань суй!», а когда кричали «Вань суй», то непременно произносили «Мао Чжуси». И тогда в один миг со всех сторон как мощные потоки стекались людские толпы; начинали греметь, возносясь к небесам, крики «Вань суй!». Хотя очень многие люди в этих толпах хотели увидеть Мао Цзэдуна, но на практике это им не удавалось. Эта ситуация отличалась от того, что я наблюдал в северной части провинции Шэньси в свое время. Когда там старые крестьяне кричали «Вань суй!», то у людей, а это были люди разного возраста, на лице каждого из них было свое индивидуальное свежее живое чувство. Когда же толпа в Тяньцзине кричала «Вань суй!», то индивидуального в этом было мало; у всех на лицах было написано выражение горячей радости или даже было выражение, которое можно назвать слепым.

Кипевшие людские толпы окружили ресторан «Чжэньянчунь». Все улицы поблизости оказались запружены людьми; движение транспорта было парализовано, а постовые из транспортной полиции тоже теснились вслед за толпой, надеясь взглянуть на председателя Мао. Мао Цзэдун хотел пойти к людям, в массы, а мы, естественно, не соглашались на это. Да и в самом деле, какой смысл был в этой ситуации идти в массы? Ведь больше не было возможности, как это было в свое время в северной части провинции Шэньси, поболтать с крестьянами, когда они носили навоз и крутили мельничные жернова, так сказать, обследовать и изучить реальное положение в обществе. Между человеком и «божеством» могли быть только отношения поклонения с одной стороны, и оказания милости, благодеяния с другой стороны.

Тут не могло быть отношений равноправных участников диалога.

Итак, с часа дня или чуть позднее и до пяти-шести часов вечера, то есть на протяжении шести часов, мы находились в осаде.

Военный округ с помощью силы, то есть целого взвода солдат, пробился через людские толпы, подогнал автомашину марки «Варшава» к дверям ресторана «Чжэньянчунь». Группа пышащих здоровьем бойцов без всяких церемоний под своей охраной посадила Мао Цзэдуна в автомобиль. Машина эта очень тесная. В обычных условиях Мао Цзэдун там внутри не смог бы разместиться. Однако в тот день бойцы насильно втиснули его туда. Затем по-прежнему бойцы впереди расчищали путь, а сзади подталкивали машину и так, наконец, прорвали окружение. После этого происшествия на месте событий были собраны семь с половиной корзин с обувью, головными уборами, авторучками и часами, которые потеряли люди в толпе.

В Бэйдайхэ Мао Цзэдун из-за того, что люди кричали ему «Вань суй!» и он не мог запросто поговорить с ними, сердился и нервничал.

А на сей раз, встретившись с горячими приветствиями жителей Тяньцзиня, увидев толпы людей, которые сжимались как безумные, Мао Цзэдун не без упоения сказал только одну фразу: «Вот и еще одна Пагода Желтого журавля» (у этой пагоды в Учане толпа надолго плотно окружила Мао Цзэдуна. – *Прим. пер.*).

9. Был ли Мао Цзэдун действительно «человеком очень от земли»?

Именно «от земли». «От земли» с восклицательным знаком. [...] В том, как человек одевается, прежде всего выражается его натура; сразу же можно увидеть, «от земли» он или же он ориентирован на нечто «заморское», не на свое природное. Вот я сначала расскажу о нескольких мелких случаях, которые имеют к этому отношение.

Мао Цзэдун никогда не надевал новую обувь. Когда появлялась новая пара обуви, он всегда просил разносить ее или бойцов охраны, или телохранителей. А когда обувь

становилась поношенной, он ее забирал обратно и носил сам.

В годы войны Мао Цзэдун неоднократно отдавал свою обувь бойцам, у которых не было обуви. Это был образец воплощения в жизнь лозунга: «Наши руководящие кадровые работники должны проявлять заботу о каждом бойце». Однако не надевать новую обувь, отдавать ее разнашивать бойцам, это, как говорится, «вопрос иного рода».

В чем тут проблема? Это всего-навсего привычка человека, той или иной личности. Некоторые люди любят надевать и носить новые вещи; ведь красиво же выглядят новые сверкающие одежда, головной убор, ботинки. Мао Цзэдун всего этого не любил. Он сохранял крестьянские привычки и бережно относился к вещам, к пользованию вещами.

Для него первым критерием в одежде было то, чтобы она была удобна в носке: «Вам, молодым, по нраву надевать новое, а мне, в моем возрасте, покойнее надевать старые вещи». Мао Цзэдун новую обувь отдавал разносить бойцам, а затем забирал ее обратно и носил сам, приговаривая: «Так каждому из нас хорошо, каждому удобно».

По своим привычкам и внешнему виду Мао Цзэдун отличался своего рода безалаберностью, то есть тем, что он мало внимания обращал на свою внешность. Наполовину это было следствием его жизни в деревне в годы детства и юности, а наполовину объяснялось тем, что его жизнь на протяжении длительного времени была горькой и трудной, проходила в условиях военного времени.

[...] История оставила очень много фотографий Мао Цзэдуна в заплатанной одежде. А по сути дела, заплатки-то более всего испещряли те части его одежды, которые оставались вне поля зрения иностранцев: нательную рубашу и нижние штаны, да еще носки из грубых ниток. И эти-то вот заплатки и были «самыми живописными и разнообразными», они «вовсе не были правильной геометрической формы, то есть не были квадратными или круглыми». Желтые, синие, серые – какого цвета лоскут попадался под руку, такого цвета ставилась и заплатка. Иногда, когда лоскут не находился, в дело шла медицинская марля. В разные периоды своей жизни он высказывался на этот счет по-разному: «Ничего, то, что надето внизу, никто из посторонних не увидит. Мне самому не противно, и ладно». «У меня один критерий – тело не просвечивает, ветром не продувает – вот и ладно». «Я вот сэкономлю на одежде, глядишь, на фронте бойцу лишний патрон достанется». «Сейчас государство у нас еще бедное, нельзя жировать и транжирить». «Тогда, когда нет условий для аккуратности в одежде, можно и без аккуратности обойтись; и это правило соблюдать легко. А вот когда экономика развита, когда будут условия для того, чтобы тщательно заботиться об одежде, а ты все-таки не будешь придавать ей значения, – вот этого добиться трудно. Коммунист, человек партии, именно и должен уметь делать то, что делать трудно».

Но когда заплатки ставились на его выходное платье, тут он был «аккуратистом». При наложении заплат всемерно стремился подобрать материю либо от того же платья, либо поставить похожую заплату.

И сама заплатка должна была выглядеть аккуратно. Он предъявлял такие требования: «Найди хорошую материю, помоги мне подобрать подходящую. Верхнее платье видят иностранцы, чужие люди; если заплатка будет слишком сильно резать глаз, то это получится по отношению к ним невежливо».

[...] Мне же, однако, все время было не по себе. Мы, КПК, завоевали Поднебесную, а председатель Компартии не имеет даже одного не залатанного костюма. И только тогда, когда Мао Цзэдун готовился с трибуны с башни Ворот Тяньаньмэнь объявить об учреждении Китайской Народной Республики, я отправился на улицу Ванфуцзин, где мастер – портной Ван Цзыцин – сшил ему новый костюм.

Может быть, дело было в том, что по своему характеру Мао Цзэдун с детства был «привержен к привычным, старым вещам»? Ведь он никогда не выбросил ни одной своей носильной вещи, а если она становилась такой ветхой и старой, что заплатки накладывать было уже просто некуда, то тогда это старое платье пускали на заплатки.

[...] С годами Мао Цзэдун полнел. Много из его прежнего гардероба становилось ему явно мало, и он не мог носить эти вещи. Тогда он отсылал их своему сыну Мао Аньину, чтобы тот носил их. Поэтому и у Мао Аньина одежда тоже была вся в заплатках; никогда не была новенькой с иголки.

[...] Во время скитаний по северной части провинции Шэньси, начав работать подле него, я обнаружил, что у него только одно махровое полотенце. Умывался он или мыл ноги, он пользовался все тем же полотенцем. Причем оно истерлось до полной потери «махровости». Оно было похоже на тряпку из холстины. Я сказал:

– Председатель, давайте возьмем еще одно, новое, махровое полотенце. А это старое будем использовать для того, чтобы им ноги вытирать. Вытирать ноги и вытирать лицо надо бы разными полотенцами.

Мао Цзэдун подумал, сказал:

– Если разными, тогда не будет равенства. Вот мы сейчас ежедневно делаем переходы, ведем бои, и ноги натружены бывают больше, чем лицо. На мой взгляд, не надо делить; если мы разделим, то ноги могут быть в обиде.

Я прыснул и сказал:

– Ну, тогда новым полотенцем будем ноги вытирать, а старым – лицо.

Мао Цзэдун отрицательно покачал головой:

– Так счета сводить не пойдет. Ведь если я получу новое полотенце, то это только кажется, что это больших денег не стоит; а если все наши кадровые работники и бойцы, каждый человек, да сэкономит на одном полотенце, то тогда этих денег хватит на целое сражение под Шацзядянем.

Мао Цзэдун очень серьезно относился к постельным принадлежностям. Он говорил: «Человек треть жизни проводит в кровати; я провожу в постели, возможно, даже еще больше времени; поэтому непременно надо делать так, чтобы в кровати было удобно, покойно».

Говоря это, Мао Цзэдун имел в виду вовсе не то, что он много спит. Спал он примерно вдвое меньше, чем спит человек обычно. Об этом мы еще поговорим попозже. Он много времени проводил в постели потому, что у него была привычка именно лежа на кровати читать газеты, книги, работать с документами.

И как же он устроивался поудобнее на кровати? Может быть, я не сумею обрисовать это точно. Постарайся меня понять.

Прежде всего, от кровати требовалось, чтобы она была «жесткой», «прохладной». В северной части провинции Шэньси в жилищах повсюду каны, а под канами, соответственно, огонь, топка. Он не привык спать в таких условиях. Он боялся жары и не боялся холода, и куда бы его ни заносило, он спал на снятых с петель дверях дома.

[...] После того как мы вошли в города, он всегда спал на деревянной кровати, а когда ездил с инспекционными целями по стране, то всегда спал на жесткой кровати; он никогда не спал на мягких эластичных диванах или кроватях; летом в жару на его жесткую деревянную кровать клали как можно меньше белья. Если он много потел, то он сверху на подушку подкладывал несколько номеров старых газет; газеты обычно пропитывались потом, становились влажными и рвались. И так было из года в год, и это (забота о постельном белье. – *Прим. пер.*) тоже считалось «проявлением слишком большого внимания» и «лишними тратами».

Далее, он также требовал, чтобы кровать была достаточно широка. В северной части провинции Шэньси каны были довольно широки, а когда створки дверей клали на кан, то такая постель была очень солидной. После того как мы вошли в города, его кровать имела в ширину пять чи (160 см. – *Прим. пер.*). Посещая с экскурсией Чжуннаньхай, все вы можете теперь это видеть. Почему требовалась такая широкая кровать? Чтобы удобнее было читать книги. У него была привычка читать лежа; половина кровати предназначалась для книг. В настоящее время в доме-музее, где жил Мао Цзэдун, на его кровати лежит относительно

мало книг. А когда Мао Цзэдун был жив, на кровати лежало больше книг, чем сейчас; они высились грудой по полметра высотой. Не почитав, он не засыпал: а не просмотрев газет, он не вставал с постели.

В-третьих, Мао Цзэдун был очень придирчив к постельным принадлежностям, то есть к одеялу и тюфяку. Он не любил все эти вещи, изготовленные из утиного пуха или из верблюжьей шерсти; еще большее отвращение у него вызывало то, что называется настоящим тонким полотном. Он любил ткань из хлопка, подушку из хлопковой ваты. Причем чем менее яркими они были по цвету, тем, с его точки зрения, было лучше. Одеяло и тюфяк были у него из белой хлопчатобумажной ткани: и верх и изнанка. Белой наволочкой облекалась и подушка, набитая обсевками шелухи гречихи. Латанные и перелатанные ночная пижама и покрывало из махрового полотенца. Когда мы вошли в города, ему служили именно эти вещи. И когда он умирал, он по-прежнему пользовался ими же.

Каждый раз, когда я посещаю дом-музей Мао Цзэдуна, я всегда расстраиваюсь, видя все эти вещи; слезы текут из моих глаз, я не могу сдержаться себя.

У Мао Цзэдуна было также старое армейское шерстяное одеяло. Оно было ему очень дорого. Когда мы куда-нибудь ехали, одеяло тоже полагалось брать с собой. У него была привычка класть это одеяло на деревянное изголовье кровати, а уж под него подсовывалась подушка, и он опирался на все это сверху и так работал с документами. Я уже говорил, что у него была привычка работать с документами, лежа на кровати. После того как Сун Цинлин узнала об этой привычке Мао Цзэдуна, она прислала ему дорогую большую подушку.

Мао Цзэдун с особым уважением относился к Сун Цинлин. Он принял эту подушку. Она некоторое время лежала у него в головах на кровати, но в конце концов он не выдержал, и подушка отправилась в кладовку. И снова, по-прежнему, армейское шерстяное одеяло лежало в изголовье, а под ним была подушка в белой наволочке, набитая гречишной шелухой. Он говорил: «Я так привык. Не хочу ничего менять».

Может быть, кто-то и не поверит, но это достоверный факт: с конца 1953-го и до конца 1962 года Мао Цзэдун не сшил себе ни одной новой вещи. Он всегда умывался прохладной чистой водой и никогда не употреблял туалетного душистого мыла. А когда руки грязнились, или их нельзя было отмыть от жира, он мыл их тем мылом, которым стирают одежду. Он никогда не пользовался никакими «кремами», «мазями», «маслами» и тому подобными предметами ухода за кожей; он даже не пользовался зубной пастой. Он употреблял только зубной порошок. Он говорил: «Я не против зубной пасты, не против использования высококачественной зубной пасты. Раз ее выпускают, то это делают для того, чтобы ею пользовались. А если никто ею пользоваться не будет, то будет ли тогда развиваться производство? Однако зубным порошком тоже можно пользоваться. Я в Яньани пользовался именно зубным порошком, привык». Он решался заменить свою зубную щетку новой только тогда, когда его старая зубная щетка превращалась в нечто «лишенное ворсинок», в нечто подобное «земле, на которой и трава не растет». Он всегда пользовался палочками для еды, изготовленными из простого бамбука; и никогда не пользовался палочками из слоновой кости, которые дают в дорогих ресторанах. Он говорил: «Это слишком дорого. Я просто не могу взять их в руки».

Привычки Мао Цзэдуна в еде и в питье, возможно, еще более отражали то, что он был «человеком от земли».

Мао Цзэдун не мог обойтись без чая. Проснувшись, он не вставал сразу с постели, а, влажным полотенцем протерев лицо и руки, начинал пить чай. Пил чай и читал газеты, и так проходил целый час, прежде чем он, наконец, вставал. Если не было каких-либо значительных дел, так повторялось из дня в день. Он запускал пальцы в кружку и отправлял в рот оставшиеся в кружке листья заварки чая, разжевывал и глотал их. Каждый день, сколько бы чая он ни пил, остатки чая обязательно отправлял в рот и съедал. Это, вне всяких сомнений, была привычка, выработанная в детстве, когда он жил в деревне.

Мао Цзэдун любил хлебные злаки, исключая пшеницу и рис, а также любил свежую зелень. Иной раз он ел еще и дикорастущие съедобные травы. После вступления в город он

все время сохранял эту привычку, или, можно сказать, традицию. Он с самого начала и до конца своей жизни ел неочищенный рис, в который обязательно надо было подмешивать чумизу или черные соевые бобы или головки таро. Эта привычка, конечно же, сформировалась в годы войны в северной части провинции Шэньси.

Нормальная, или обычная, трапеза Мао Цзэдуна состояла из четырех блюд и супа. В число этих четырех блюд непременно входили следующие два: блюдо сушеного перца и блюдо перепревшего соевого творога. А что касается супа, то иногда это была слегка сваренная в воде болтушка из муки. Однако эта обычная трапеза была вовсе не столь уж частой для Мао Цзэдуна. Дело в том, что он был слишком «романтичен».

[...] Мао Цзэдун никогда не стремился к тому, чтобы все было регламентировано; он не желал связывать свой нрав, свой характер.

Когда он брался за работу, для него не существовало времени; не было для него и распорядка при приеме пищи; критерием тут было чувство голода. Чаще всего он ел дважды в сутки, а то и один раз в сутки. Если же он работал подряд на протяжении нескольких суток без перерывов, то бывало, что он, возможно, и ел пять-шесть раз в сутки. Он не любил, как это обычно заведено, церемонно садиться за обеденный стол и так приступать к еде; он сохранял «стиль в еде, присущий эпохе смуты и хаоса». У нас в комнате дежурных телохранителей имелась электрическая плитка, был большой эмалированный чан. Обычно мы на этой электрической плитке и в этом чане варили ему жидкую кашу-размазню из пшеничных хлопьев или лапшу, добавляли к этому соевый творог, который для него готовил его секретарь по вопросам быта Е Цзылун. Он ел все это, и это считалось трапезой. Таков был отпечаток, который оставили на его организме долгие годы военной жизни.

То, как он ел, вызывало у меня в мыслях его каллиграфию. Он никогда не мог укладывать иероглифы ровненько-ровненько в квадратики-клеточки. Он писал, доверяя кисти, то есть как бог на душу положит, не связывая себя рамками и шаблонами; его почерк кипел и бурлил, был свободным и непринужденным, размашистым и необузданным; он создавал свой собственный стиль письма, каллиграфии и был неистощим в творчестве, которому были присущи и новая форма, и новое содержание. Каждое его произведение выражало его характер, каждая форма иероглифа была неповторимой и своеобразной.

Если все, что он породил в области формы написания иероглифов, свести воедино, то есть так, чтобы это представляло собой естественное единое целое, то всем этим люди будут только восхищаться, это будет вызывать чувство зависти.

Я следовал за ним, был при нем в течение 15 лет; он ел всегда как бог на душу положит, как ему хотелось. Прием пищи могли считаться и жареные соевые бобы, и несколько печеных головок таро, и котелок жидкой каши-размазни из пшеничных хлопьев, да даже всего лишь блюдо портулака овощного или, как их еще называют, конских зубов (вид дикорастущей съедобной травы. – *Прим. пер.*).

[...]

10. Уделял ли Мао Цзэдун большое внимание еде?

Уделял. Уделял большое внимание еде перца. Он говорил, что тот, кто способен есть перец, обладает мощными революционными качествами. При этом перец не следовало жарить в масле, а надо было целыми стручками зажаривать «всухую»; он придавал большое значение тому, чтобы у этой еды, то есть у перца, вкус был натуральным.

Однако самое глубокое впечатление на меня произвело то, какое большое внимание он уделял таким блюдам, как тушеное в сое мясо и свежий карп.

В течение всей своей жизни Мао Цзэдун никогда практически не принимал и не ел укрепляющих или тонизирующих продуктов и средств.

Ну, уж если непременно надо тут о чем-то упомянуть, сказать о том, что он ел из этой категории, то это все то же тушеное в сое мясо.

[...] Мао Цзэдун никогда не уделял особого внимания еде; если рисинки или кусочки блюд падали на стол, он подбирал их и отправлял в рот; в пиале, которой он пользовался,

нельзя было найти и единого оставшегося рисового зернышка. В молодости он намеренно ел холодный рис, оставшийся от предыдущей трапезы. Так он готовил себя к будущей суровой жизни. Однако к рыбе он однажды проявил интерес, который имел «исключительное значение и в Китае, и за его пределами».

В конце 1948 года Микоян, представляя Сталина и ЦК ВКП(б), секретно посетил Сибайпо. Он жил в той части Сибайпо, что называлась Хоу-гоу. Пять членов постоянного комитета Политбюро ЦК КПК, то есть Мао Цзэдун, Чжу Дэ, Лю Шаоци, Чжоу Эньлай, Жэнь Биши, много раз вели беседы с Микояном. Говорили, что Сталин хотел было уговорить нас, воспрепятствовать нам форсировать реку Янцзы, утверждая при этом, что если мы форсируем реку Янцзы, то США всене непременно направят войска и вмешаются. (Ныне в КНР признают необоснованность этого утверждения. – *Прим. пер.*) Все переговоры проводились в комнате Мао Цзэдуна. Мао Цзэдун настаивал на своем, не желал подчиняться кому бы то ни было. Его выбор и решение загодя определялись историческими фактами. Я же буду говорить только о бытовой стороне.

Микоян и сопровождавшие его люди пробыли в Сибайпо неделю.

Помнится, что за эти дни дважды вместе выпивали. Советские привезли много консервов и выпивку, причем выложили все это, как это делают обычно иностранцы, с большой помпой. Микоян был также хорошо одет: в шубе, в меховой шапке; он выглядел очень импозантно.

А пять членов ПК ПБ ЦК КПК все были одеты в старую поношенную военную форму. А у Мао Цзэдуна одежда была еще и в заплатках. О каких там высококачественных пищевых продуктах можно было говорить в Сибайпо? Ну там, свои куры, да карп из реки Хутохэ. Из свежего карпа приготовили рыбу, тушенную в сое, нарезали ее кусочками. Тогда советские привозили с собой переводчика, а у нас были два переводчика. Ши Чжэ переводил деловые переговоры, а Мао Аньин переводил бытовые разговоры. Советские здорово пили. Микоян выпивал стакан водки под названием фэнцзю как стакан холодной воды. А из членов ПК ПБ ЦК КПК Мао Цзэдун, пригубив вино, покрывался краской; у Чжу Дэ было воспаление горла, и он не мог пить; у Жэнь Биши была гипертония, он тем более не мог пить; Лю Шаоци был способен из маленькой рюмочки выпить чуть-чуть белого; Чжоу Эньлай среди китайцев считался человеком, который мог выпить. Но куда ему было равняться с Микояном, который раз-раз и опустошал большой стакан. За столом была очень оживленная атмосфера. Однако я верил, что, исходя из мощного чувства национального самоуважения, присущего Мао Цзэдуну, он не захочет дать советским преимущества даже в питье вина. Он очень быстро пригласил их на прием, поесть. Микоян сказал:

– Все говорят, что китайская кухня очень вкусная; мы же по-китайски готовить не умеем. Вот победит революция в Китае, и нам надо будет направить людей учиться готовить еду по-китайски, прибавить к европейским блюдам и китайскую кухню.

Мао Цзэдун улыбнулся:

– Я верю, что двумя вкладами Китая в дело всего мира будут китайские лекарства и китайская кухня.

Однако один из советских гостей ткнул вилкой в направлении рыбы, тушенной в сое, и спросил:

– А эта рыба свежая? Живая?

И только получив утвердительный ответ, отправил кусочек в рот.

Мао Цзэдун взглянул на него и ничего не сказал. Однако, когда спустя год он посетил Москву, то дал строгое указание приехавшему с ним из Китая повару:

– Ты готовь мне только живую рыбу; а если они пришлют заснувшую, то отсылай ее обратно.

И вот советские прислали рыбу в сопровождении полковника охраны. Это оказалась уснувшая рыба. Повар, выполняя приказ Мао Цзэдуна, отправил рыбу обратно, отказался принять ее.

Это страшно перепугало полковника из охраны. Китайского языка он не понимал,

бросился искать переводчика. И только тут понял, что Мао Цзэдуну нужна лишь живая, а не сонная рыба.

– Я немедленно доставлю живую рыбу, – гарантировал полковник гостям.

И вот тогда-то в Кремле и большие фигуры, и челядь узнали о том, что Мао Цзэдун очень большое внимание уделяет рыбе и что если рыба не живая, то он ее есть не будет.

11. Что постоянно удручало и мучило Мао Цзэдуна?

Были, собственно, две вещи, которые почти всю жизнь мучили и удручали Мао Цзэдуна, постоянно причиняя ему неудобства. Одна из них – это отправление большой нужды; другая – это как раз сон.

Мао Цзэдун страдал привычными запорами. Он справлял большую нужду один раз в два-три дня, а случалось, что и лишь один раз в неделю. Говорят, что во время Великого похода Красной Армии весть о том, что «Мао Цзэдун облегчился, справил большую нужду», обычно встречалась во всех трех корпусах радостными криками; люди вместо водки поднимали кружки с водой и поздравляли друг друга.

[...] По сравнению с отпавлением естественных надобностей, большой нужды, еще большее беспокойство доставлял Мао Цзэдуну сон. На протяжении всей своей жизни Мао Цзэдун «вел борьбу за то, чтобы заснуть, забыться во сне»; на протяжении всей своей жизни он не расставался со снотворным.

Следуя естественному циклу или законам природы, работу и отдых чередуют на протяжении 24 часов. Но у Мао Цзэдуна тут была одна особенность. Он спал в первой половине дня, а во второй половине дня и по ночам работал. Таков был неизгладимый след, оставленный на его организме долгими годами войны. На протяжении 20 военных лет он находился в невыгодном положении, и именно в такой позиции ему приходилось противостоять врагам, имевшим преимущество. В условиях опасности со стороны вражеских самолетов он должен был в дневное время ложиться, а в ночное вставать и работать. А привычки, сформировавшиеся на протяжении 20 лет, трудно отменить.

Однако в течение большей части своей жизни он бросал вызов законам природы; и благодаря этому сформировалось то, что именовалось «днем Мао Цзэдуна». Уж и не знаю, кто, когда и где создал этот термин, но суть была в том, чтобы считать, что в упомянутом «дне Мао Цзэдуна» 28 часов. Например, сегодня в 7 часов утра он отошел ко сну, а в 11 часов утра встал ото сна, и тогда это означало, что он будет после этого работать примерно до 10 часов утра следующего дня, а потом опять заснет и в четвертом часу дня встанет с постели. И когда все это таким образом продолжается изо дня в день, тогда и получается, что его «день» на 4 часа длиннее природных, естественных суток.

Если же происходили крупные события, например велось большое сражение или проводилось важное совещание, либо надо было написать важную статью или решить серьезную проблему, либо разрешить кризис, – вот тогда он был способен не смыкать век два дня, а то и четверо суток.

[...] В обычных условиях сон Мао Цзэдуна распадался на несколько стадий. Он откладывал кисть и документы, которые были у него в руках, а иногда даже прогуливался, выйдя во двор, в течение 10 минут, иной раз обходился и без прогулки; затем говорил дежурному телохранителю: «Я посплю». Это произносилось обычно очень тихим голосом, а потому было еще более внушительным. В этот момент телохранители мгновенно уведомляли сотрудников охраны: «Председатель хочет поспать».

И тогда во дворе воцарялась мертвая тишина. Все проходившие по двору делали это с максимальной осторожностью; часовые могли остановить любого посетителя или гостя. В годы войны Чжоу Эньлай жил с Мао Цзэдунем в одном дворе. Когда он встречал телохранителей, то прежде всего интересовался: «Заснул ли председатель?» Он зажимал себе рот, шел в пещеру, плотно закрывал дверь и только тогда кашлял. После того как мы вошли в

города, мы стали жить в Чжуннаньхае. Когда Чжоу Эньлай возвращался домой, то ему приходилось обязательно проезжать по дороге, которая проходила позади комнаты Мао Цзэдуна. Как только Мао Цзэдун засыпал, охрана могла блокировать эту дорогу; запрещала движение по ней автомашин. Когда автомобиль Чжоу Эньлая подъезжал к этому месту, то ему тоже приходилось глушить мотор и катиться бесшумно, преодолевая этот участок пути.

Охрана бамбуковыми шестами, наверху которых были укреплены полоски красной материи, отпугивала появившихся вдали птиц, не позволяя им садиться на деревья во дворе; птицам не давали даже просто низко пролетать над двором. Атмосфера действительно несколько напоминала ту, которую в некоторых литературных произведениях описывают как «затишье перед большим сражением».

[...] До 1956 года Мао Цзэдун мылся, погружаясь в воду, в бане или в ванне. Затем, в связи с тем, что он уже достиг почтенного возраста и его кровеносные сосуды стали менее эластичными, возникли опасения, что в горячей воде может случиться неприятность, и тогда мытье в ванне заменили протиранием влажным полотенцем. Мао Цзэдун любил, когда ему терли спину; это хороший способ поддерживать здоровье. Особенно после работы подряд на протяжении двух-трех дней обязательно требовалось хорошенько с силой потереть ему спину, что способствовало кровообращению и снимало усталость.

Когда его протирали мокрыми полотенцами, Мао Цзэдун всегда любил поговорить с нами, телохранителями, о том о сем. Некоторые телохранители были большими шутниками, а иные людьми неразговорчивыми. Мао Цзэдун любил тех, кто умел пошутить; любил тех телохранителей, которые не чувствовали себя скованно. Шутки приводили его в радостное настроение, тут он расслаблялся душой. Разговоры были на самые разные темы: от астрономии и географии до чепухи на постном масле или, как говорится, до куриных перьев и чешуек чеснока; да даже если телохранитель портил воздух от усердия, растирая его, это тоже вызывало взрыв веселья...

Когда такое веселое протирание-купание заканчивалось, Мао Цзэдун возвращался в спальню, принимал из рук телохранителя снотворное, глотал его и ложился на кровать. Он приспособливался к высокому валику, покрытому шерстяным одеялом и находившемуся в изголовье, и продолжал просматривать документы. Телохранитель же садился либо на край кровати, либо на стул и делал Мао Цзэдуну оздоровительный массаж. Корпус тела Мао Цзэдуна уже был растерт во время протирания до боли; так что тут массировали лишь руки и ноги. Это можно было делать с силой, так как до сна было еще далеко.

Примерно через полчаса-час лекарство начинало действовать.

Мао Цзэдун начинал сам ощущать, что прежней энергии уже нет, и тогда он откладывал документы в сторону. Телохранитель, уловив момент, давал ему вторую порцию снотворного, помогал Мао Цзэдуну улечься как следует.

Приняв вторую порцию снотворного, Мао Цзэдун прекращал работу; он больше не опирался на высокий валик в изголовье кровати, медленно укладывался ровно. Тут он либо брал почитать газету, либо читал развлекательную литературу. Книги лежали у него на кровати во всю ее длину; они всегда были под рукой. Иногда он читал книги для детей, книжки-картинки с подписями под рисунками; причем с головой уходил в это занятие. Иной раз он ничего не читал, а только разговаривал с телохранителями. Во время этих разговоров уже не было оживления, шуток и смеха. Мао Цзэдун или сам рассказывал о своем прошлом, или же слушал, как телохранители говорили ему о своих делах, о домашних конфликтах и ссорах. Иногда он выслушивал наше мнение, то есть наши взгляды и мысли о людях и событиях. Мао Цзэдун, будучи в настроении спокойно поговорить и вспомнить о прошлом, прикрывал глаза, тихим голосом мне и другим телохранителям много раз рассказывал о своей молодости, о своих родителях и родственниках, о том, что ему нравилось и чего он не любил. Поглаживая меня по руке, он тихим голосом спросил:

— Иньцяо, ты меня боишься?

— Нет, не боюсь.

– А другие? Другие телохранители боятся?

– Ну, в общем-то, не боятся. Может, кое-кто... Я точно не скажу.

– И кое-кто не должен бояться. Скажи им, что Мао Цзэдун – не страшен. Он даже сам не думал, что станет председателем Компартии. Когда он был молодым человеком, таким как вы сейчас, он в то время хотел стать всего-навсего учителем. А ведь даже учителем стать непросто... Что в нем такого страшного?

Голос Мао Цзэдуна все слабел, и мы массировали его все более легкими и замедлявшимися движениями. Затем веки его смыкались, дыхание постепенно становилось ровным. Это был ключевой момент.

Тут решалось, заснет Мао Цзэдун или нет. Здесь все зависело от ощущений и чуткости телохранителя.

Я как-то промахнулся и сделал ошибочный вывод, а потому прекратил массаж и осторожно-осторожно понемногу стал вставать с кровати. И только я собрался на цыпочках выйти, как внезапно был остановлен Мао Цзэдуном.

– Не уходи. Побудь со мною; побудь еще чуть-чуть со мной.

И тут я обнаружил просвет между веками Мао Цзэдуна; его ресницы чуть дрожали. Он еще не заснул. Я расстроился. Опять все сначала, и Мао Цзэдун теперь позже заснет.

У меня есть такое ощущение, что в глубине души Мао Цзэдуна иногда могло возникать чувство одиночества. У него была жена, сыновья, дочери. Однако виделся он с ними редко. Постоянно с ним общались только мы – телохранители. Он относился к нам как к детям и смотрел на нас как на детей. Но мы были людьми, облеченными ответственностью, и, в конце концов, не могли доставлять ему подлинную натуральную или естественную радость... [...]

12. Понимал ли ты состояние и настроение Мао Цзэдуна в день провозглашения Китайской Народной Республики?

В тот день я неотлучно находился при Мао Цзэдуне.

1 октября 1949 года Мао Цзэдун нарушил традицию утреннего сна.

Примерно в 6 часов 30 минут утра он приказал:

– Иньцяо, я посплю.

Я помог ему умыться и сопровождал на кровать. В тот день я ему не делал массаж. Он сказал:

– Пока ничего не надо. Ты иди.

Я вышел и стал сидеть в комнате для дежурных.

В изголовье кровати Мао Цзэдуна была кнопка электрического звонка прямо в комнату дежурных. В комнате для дежурных стояли стол, стул и кровать. Дежурили обычно по двое: основной дежурный телохранитель и подменяющий, помогающий ему дежурить второй телохранитель. Основной дежурный телохранитель нес полную ответственность за Мао Цзэдуна и не имел права спать. Вспомогательный телохранитель нес ответственность за Цзян Цин и имел право поспать.

В тот день я был основным дежурным, не спал всю ночь, да и в первой половине дня не позволил себе сомкнуть глаз.

Хотя Мао Цзэдун и нарушил традицию утреннего сна, но мой опыт говорил о том, что ему рано утром засыпать не удавалось; он ворочался с боку на бок, и так время тянулось до полудня; он засыпал лишь в полдень. Поэтому нельзя было ждать, пока он нажмет на кнопку звонка и вызовет, а надо было по своей инициативе пойти и разбудить его. Если бы он пропустил церемонию провозглашения государства, то это была бы «историческая ошибка».

В час дня звонок не зазвонил. И тогда я прямо пошел в спальню Мао Цзэдуна.

– Председатель, председатель, – я дважды позвал его.

– Что? – Мао Цзэдун открыл глаза, посмотрел на меня. – А! – сказал он, глубоко и с шумом вздохнул.

– Уже час дня.

Я положил шерстяное армейское одеяло в изголовье, подушку подсунул под одеяло; помог ему опереться на этот валик и сесть в постели. Потом пошел в умывальную комнату и принес влажное полотенце. Протер ему лицо. И тогда он проснулся. С силой вздохнул, взял полотенце и стал сам протирать руки и с удовольствием протер также другие части тела.

Я поставил кружку горячего чая на столик у изголовья кровати.

Он левой рукой взял кружку и отхлебнул; правую руку, как обычно, вытянул и взял газеты, лежавшие на кровати. Это были свежие номера газет. Взгляд его пробежал по газетным столбцам.

Мао Цзэдун любил спать голым. Пока я ходил прополоскать полотенце, он уже надел пижаму.

Я, не мешая ему читать газеты, потихоньку стал готовить «парадную одежду» к церемонии провозглашения создания государства.

Это был костюм суньятсеновского покроя. Материю, из которой он был сшит, прислал секретарь по вопросам быта Е Цзылун. Это был отрез коричневой шерсти американского производства. Я отдал материю портному Ван Цзыцину – мастеру с улицы Ванфуцзин, попросив сшить костюм. Ван Цзыцин учился портновскому искусству во Франции, после чего возвратился на родину. Он был мастером по шитью верхнего платья. Мастерская, в которой он работал, была предшественницей ателье «Лэймэн» на улице Ванфуцзин. Мне приходилось также водить в эту мастерскую Ли Минь, Ли Нэ, для которых там также шили одежду.

Время меня поджимало. Я прервал процесс чтения им газет:

– Председатель, половина второго.

Помог ему надеть соответствующим образом специально сшитую к церемонии провозглашения КНР одежду. Потом помог ему встать. Я обошел вокруг него. Поправил костюм. А затем пригласил его поесть.

Мао Цзэдун ел, как говорится, смело и решительно; очень скоро он положил палочки на стол.

Чуть-чуть передохнул и в два часа дня прибыл в павильон Цинчжэн-дянь. Здесь уже собрались Чжу Дэ, Лю Шаоци, Чжоу Эньлай, Жэнь Биши, Чжан Лань, Ли Цзишэнь, Сун Цинлин, Гао Ган и другие руководители государства. Они провели первое заседание Центрального народного правительственного совета; было провозглашено, что члены совета приступили к своим обязанностям; было также объявлено, что в тот же день будет создано Центральное народное правительство. После заседания все его участники находились в приподнятом настроении; это проявлялось в нескрываемой радости; они оживленно беседовали в течение примерно десяти минут.

В два часа пятьдесят минут руководители, каждый отдельно, сели в автомашины. Автомобильный кортеж отъехал от павильона Цинчжэн-дянь, проехал через ворота Чжуннаньхая и спустя пять минут прибыл на стоянку позади надвратной башни Тяньаньмэнь.

Здесь все собрались, приветствуя и поздравляя друг друга. Мао Цзэдун был впереди, остальные руководители в установленном порядке следовали за ним. В то время подземный переход в башню Тяньаньмэнь еще не был сооружен.

Мао Цзэдун, которого я поддерживал под руку, по лестнице, ведущей на башню, шаг за шагом преодолел сто ступеней и поднялся на башню Тяньаньмэнь. В три часа дня, точно в назначенное время, он появился на башне Тяньаньмэнь.

(...) После того как Мао Цзэдун твердо разместился на своем месте, ответственный секретарь Линь Боцуй объявил о начале торжественной церемонии провозглашения государства. Мао Цзэдун подошел к микрофону, бросил пристальный взгляд на площадь: красные флаги реяли, колонны людей, замерев, ждали. Его плечи и грудь чуть-чуть приподнялись и опустились, и вот над территорией в девять миллионов шестьсот тысяч квадратных километров прокатился как гром его торжественный взволнованный возглас, имевший великое историческое значение:

«Центральное народное правительство Народной Республики Китая создано!»

В этот момент над площадью прокатился громоподобный радостный клич; крики радости понеслись как прибой и смешались с ликованием на башне Тяньаньмэнь. Чувства, которые в это время выражались на лице у Мао Цзэдуна, были торжественными и святыми; в его глазах полыхал огонь. В соответствии с заранее утвержденным порядком он лично поднял пятизвездный флаг Народной Республики Китая! Тогда это делалось с помощью электрического устройства; электрический рубильник был снабжен двумя надписями: «Подъем» и «Спуск».

Мао Цзэдун своей крупной рукой передвинул рубильник на «Подъем», и вот на высоком древке, устремленном ввысь и установленном на той площадке, где было заложено основание Памятника народным героям, в вышину медленно поднялся огромный пятизвездный флаг, к которому были обращены горячие торжественные взоры многотысячных масс людей, поднявших головы вверх.

Грудь Мао Цзэдуна продолжала вздыматься. Было такое впечатление, как будто бы он смотрит на только что родившееся дитя – на созданную его собственными руками Народную Республику. Из рта его вылетел возглас: «Прекрасно взмыл!»

И только затих его голос, как от мощного салюта содрогнулось Небо! Это был залп из 54 больших артиллерийских орудий; они поистине сотрясали и Небо, и Землю! Это был пик атмосферы величия, торжественности, сплочения. Говорили, что 54 орудия представляли 54 организации, входившие в состав Народного политического консультативного совета Китая; из 54 орудий были произведены 28 залпов, что символизировало прочную, как сталь, сплоченность народа всей страны. [...]

13. Какими были взаимоотношения Мао Цзэдуна и Цзян Цин?

Судя по тому, что я наблюдал в течение пятнадцати лет, там были и любовь, и ссоры. Хороших дней было больше, но и противоречий было немало; перспективы представлялись не слишком светлыми.

[...] В 1956 году по предложению Чжоу Энляя, которое поддержали все члены ПК ПБ ЦК КПК, Цзян Цин был предоставлен довольно важный пост; она была вместе с Чэнь Бода, Ху Цяому, Е Цылуном, Тянь Цзяином назначена Центральным Комитетом КПК одним из пяти ответственных секретарей председателя ЦК партии. Во время этого заседания ПК ПБ ЦК КПК я стоял навтыжку подле Мао Цзэдуна. Сначала Мао Цзэдун с этим не соглашался; в прошлом он уже много раз выступал против этого. На сей раз постоянный комитет ПБ ЦК настаивал, и он в конце концов был вынужден согласиться. Меньшинство подчинилось большинству.

[...] Я расскажу о некоторых вещах, которые мне известны.

События 7 июля 1937 года явились началом всекитайской войны сопротивления Японии. Лучшие сыновья и дочери китайской нации устремились в Яньань. Бытовые условия в Яньани того времени были необычайно трудными, да и ситуация в ходе борьбы была суровой.

[...] В те дни Цзян Цин была довольно привлекательна. У нее были густые иссиня-черные волосы, волной зачесанные назад, а на лоб была спущена челка; была и коса. Можно было распустить эти волосы, и они падали тогда на плечи водопадом. Изогнутые дугой брови, огромные живые глаза; очень аккуратный носик прекрасной формы; рот чуть великоват, однако, когда она поджимала губки, то это выглядело весьма заманчиво.

Она могла петь арии из китайских опер. Сейчас появилось немало утверждений в некоторых статьях о том, что она была третьеразрядной актрисой. Однако в свое время в Яньани, в северной части провинции Шэньси, мы смотрели на нее как на звезду; она пела арии из опер и пела их хорошо. Кинофильм, в котором она снялась, гомииньдановцы запретили. Она играла главные роли на шанхайской театральной сцене. Некоторые из нынешних видных деятелей литературы и искусства в свое время в Яньани пользовались

вовсе не большей известностью, чем Цзян Цин. Всем руководителям ЦК партии очень нравилось, как она играла в опере «Месть рыбака»; Мао Цзэдуноу тоже нравилось это. Впоследствии она научила петь арии из китайских опер и свою дочь Ли Нэ, которая выступала перед Мао Цзэдуном и перед бойцами; и надо сказать, что в то время, когда мы шли с боями по северной части провинции Шэньси, выступления Ли Нэ были для бойцов прекрасной возможностью отдохнуть и развлечься в обстановке напряженной суровой боевой жизни.

Цзян Цин обладала прекрасным почерком и литературным даром.

Особенно удачно получались у нее каллиграфические надписи в стиле кайшу. Когда Ли Нэ занялась чистописанием, Мао Цзэдун говорил: «Я пишу неважно, а вот у мамы почерк красивый». Он велел маме написать прописи для дочери. Ли Нэ училась красиво писать иероглифы у своей мамы. Сейчас у Ли Нэ тоже прекрасный почерк.

Цзян Цин любила скакать на горячих лошадях, укрощать норовистых коней. И чем непокорнее была лошадь, тем больше ей нравилось гарцевать на ней. Когда мы шли с боями по северной части провинции Шэньси, она ехала на огромном буланом коне. Он был даже, пожалуй, серо-голубой масти и очень норовистым; его прислал в подарок командующий Хэ Лун. Я слышал, что в свое время в Яньани Цзян Цин очень любила состязаться в скачках на лошадях. По характеру она была задиристой и любила одерживать верх, ей нравилось показать себя. И вот как-то раз Чжоу Эньлай собрался прочитать лекцию в партшколе ЦК, а перед тем зашел к Мао Цзэдуноу попросить соответствующих указаний. Когда же он вышел от Мао Цзэдуна, то Цзян Цин вызвалась проводить его. Они стартовали от места, именовавшегося Янцзялин. Во время этой конной прогулки Цзян Цин ожгла своего коня хлыстом, а лошадь Чжоу Эньлая испугалась и сбросила седока.

Чжоу Эньлай сломал правое плечо. Это случилось в 1939 году. Нашлись люди, которые утверждали, что Цзян Цин тогда строила заговор, хотела тайно погубить Чжоу Эньлая. Это не верно. Однако такого рода логика, лишённая разумных оснований, как раз и была изобретена Цзян Цин со товарищи во время «культурной революции». Тут получилось просто как в известной пословице: «Посеешь тыкву, получишь тыкву; посеешь бобы, бобы и вырастут». А вот я никогда не был согласен с такой логикой, которая ставит с ног на голову все доводы разума.

Цзян Цин не любила стрелять. Зато она любила играть в карты, а также вязать шерстяные вещи. Это у нее получалось очень хорошо. Она умела вывязывать самые затейливые узоры. Цзян Цин хорошо кроила и шила одежду. Юбки, платья для Ли Нэ она шила сама, и эти вещи получались очень красивыми.

Когда мы шли с боями по северной части провинции Шэньси, Цзян Цин не занималась никакими серьезными и крупными делами; да и ничего дурного она тоже не делала. Она главным образом заботилась об одежде, питании, жилье и переездах Мао Цзэдуна. Она несла ответственность за работу нашей группы телохранителей. Надо отдать ей должное: она все-таки проявляла очень большую заботу о Мао Цзэдуноу, с очень большой ответственностью относилась к этому делу. В те дни она умела и была способна сближаться с простыми людьми; она стригла работников обслуживающего персонала, рассказывала людям о некоторых вещах из области культуры, науки; обучала искусству кройки и шитья и т. д. Во время переходов она умела подбодрить людей; иногда загадывала загадки, чтобы развлечь товарищей.

[...] Цзян Цин обожала наряжаться. И она делала это с блеском. Когда мы шли с боями по северной части провинции Шэньси, она уже не носила длинные волосы, которые волной ниспадали ей на плечи, а заплетала их в две косички и закручивала узлом на затылке. Среди женщин – товарищей по партии она всегда выделялась. Девушки, молодые женщины любили позвать ее помочь расчесать волосы и принарядиться. Она охотно помогала другим женщинам; в конце концов, это ведь только прибавляло ей добрую славу. Зимой она большей частью носила военную форму, а иной раз и толстое темно-синее пальто на вате,

подогнанное по фигуре. Она делала это так, чтобы фигура была видна. А летом она предпочитала носить одежду, которую мы называли платьем «ленинского фасона». Она туго подпоясывалась.

Цзян Цин была довольна тем, что кожа у нее белая, а талия тонкая. Она любила демонстрировать свои достоинства.

Одновременно с демонстрацией своих разнообразных достоинств она беспрестанно показывала и свои недостатки: недостатки моральных качеств и недостатки характера. Эти недостатки и слабости были, казалось, присущи ей от рождения; они коренились глубоко, и тут не происходило никаких изменений; мало того, они непрестанно развивались и в конечном счете привели к разрыву и к рубцам в ее личных отношениях с Мао Цзэдуном.

Цзян Цин приехала в Яньань из Шанхая. К тому времени она уже пропиталась, «прокоптилась» современной цивилизацией. Ну, это вовсе необязательно вещь дурная. Ведь у Цзян Цин было желание пойти глубоко в массы рабочих и крестьян, слиться с ними воедино.

Однако же ее зазнайство, заносчивость, стремление выделиться из масс, ее упорное стремление демонстрировать себя и только себя, ее постоянное желание вознести себя над людьми, ее крайний индивидуализм, выражавшийся в том, что она никогда не была способна поставить себя на место другого человека, посмотреть на дело с его точки зрения, – вот все это вместе взятое приводило к тому, что она так никогда, с самого начала и до самого конца, не «слилась в единое целое» ни с кем из обыкновенных людей из масс, и более того, она никогда, с самого начала и до самого конца, так и не сумела слиться в своих чувствах со своим же собственным мужем, с Мао Цзэдуном; их сердца и души не нашли отклика друг у друга.

В самом начале, когда я пришел на работу подле Мао Цзэдуна, мы шли тогда маршами, продвигались с боями, у нас на хвосте все время висели десятки, а бывало и более ста тысяч преследовавших нас солдат. В такой напряженной и опасной обстановке Цзян Цин никогда не ссорилась с Мао Цзэдуном. Тут все плыли через бурю в одной лодке, соединяли свои усилия в упорной борьбе.

[...] Вскоре развернулось движение под лозунгами «Проведем три проверки», «Упорядочим свои дела в трех отношениях». В тот день я прислуживал ей во время еды. [...] И вдруг она положила палочки и, глядя на меня, начала жаловаться и ныть, брюзжать: «Чтоб им всем пусто было! У них, видите ли, возникли сомнения относительно моего прошлого. Я ведь, как это совершенно очевидно, вступила в революционное движение в 1932 году, а они безапелляционно утверждают, что в 1935 году!»

[...] Утром следующего дня я проводил Мао Цзэдуна, который работал ночь напролет без сна, в спальню отдохнуть. Цзян Цин еще не вставала с постели; она сидела, закутавшись в одеяло; я вышел и остался охранять двери снаружи. В спальне сначала слышался шепот и всхлипывания. Это Цзян Цин жаловалась; смутно можно было расслышать, как Цзян Цин сетовала на то, что ее обижают, выражала надежду на то, что Мао Цзэдун замолвит за нее словечко. Мао Цзэдун не соглашался. Мао Цзэдун сказал:

– История есть история. – И еще сказал: – Если уж ты в Шанхае вела себя столь революционно, так чего же ты требуешь, чтобы я еще что-то говорил?

Вслед за тем бормотание переросло в ссору. Цзян Цин кричала:

– Разве мало того, что на меня клеветают гоминьдановские реакционеры? Они много раз оповещали в газетах о том, что расстреляли и тебя, и Чжу Дэ; и фотографии были; да не одна; разве этому можно верить? – И еще я услышал ее слова: – Эти люди поют с одного голоса с гоминьдановцами; чего же они добиваются?

Я услышал, как Мао Цзэдун очень громко сказал:

– Ну и бестолочь же ты!..

Цзян Цин, плача, продолжала кричать:

– Я-то всего-навсего ничтожный секретаришка по политвопросам; какие бы провинности у меня ни были, а на них сыграть или поднять массы не удастся. Они привязались ко мне, по сути дела, для того, чтобы добраться до тебя; острием меча они метят в тебя...

Мао Цзэдун громогласно завопил:

– Вон! Убирайся с глаз моих долой!

Я поспешно отошел от двери на несколько шагов. Между мной и дверью образовался небольшой просвет. И только я утвердился на новом посту, как Цзян Цин уже полуодетая выскочила из пещеры; она рыдала и заливалась слезами; вихрем проскочила мимо меня и напрямик к жилищу Чжоу Эньлая. Каждый раз, когда у нее возникали ссоры и противоречия с Мао Цзэдуном, Цзян Цин шла жаловаться Чжоу Эньлаю. Чжоу Эньлай был мастером в деле разрешения противоречий.

У Чжоу Эньлая она проговорила с утра до полудня. И когда она возвращалась, то чувствовалось, что она уже совсем успокоилась.

А во второй половине дня я помог Мао Цзэдуну встать ото сна.

Он сидел на кровати, курил сигарету за сигаретой. Он жаловался мне, говорил долго-долго. Голос его был задумчивым, в нем прорывалась боль. В общем, речь шла вот о чем: «Ты – секретарь партийной группы, в которую я вхожу. Мне муторно, тошно на душе. Я хочу с тобой поговорить. Цзян Цин – моя жена. Если бы она была тут служащей, то я бы ее давным-давно прогнал. И в самом начале наш брак не сложился; он давно уже разрушился. Что же теперь делать? Мое положение сегодня, все конкретные обстоятельства моего положения, не допускают развода. Цзян Цин не совершила крупных ошибок, у нее нет крупных промахов. Если мне сейчас с ней развестись, товарищи могут к этому отнестись критически, а потом могут пойти разговоры. Так что же, не разводиться? Нести, значит, эту политическую ношу, это политическое бремя. Да, ничего не поделаешь. Хочешь не хочешь, а придется жить с ней дальше». Они целый день не разговаривали между собой.

[...] После того как мы вступили в города, привередливость Цзян Цин стала переходить уже всякие границы. Каждый день по утрам, когда она вставала с постели, мы, телохранители, непременно должны были приветствовать ее, произнося следующие слова: «Товарищ Цзян Цин, хорошо ли вам спалось?» И если вы не поприветствовали ее таким образом, она могла надуться и целый день вас не замечать.

Завтракала она в постели. В торце кровати было устройство, с помощью которого можно было приподнять один край кровати, и благодаря этому верхняя часть тела оказывалась также в приподнятом положении. Впоследствии, с той целью, чтобы Цзян Цин было удобно, проснувшись, протирать лицо, полоскать рот, у торца кровати был приспособлен небольшой туалетный столик, который поворачивался и оказывался прямо перед ней, когда она завтракала. Я видел в кино, как некоторые иностранцы тоже завтракают в постели. Если Цзян Цин не ощущала никаких недомоганий, то аппетит у нее был довольно хороший. За завтраком она обычно ела хлеб, сливочное масло, иногда небольшие пампушки. Она ела закуску. Это, по большей части, была горчица шпинатная – травка, поджаренная в масле и называвшаяся по-китайски «сюе ли хун», то есть «нечто алое в снегах», а также горох, сваренный в воде без соли. Иной раз немного соевого творога.

Она ела жидкую рисовую кашу; не очень часто пила также молоко. В полдень употребляла обычные блюда. Она любила есть карасей.

Если в полдень на обед не было рыбы, то за ужином рыба должна была быть обязательно. Она любила также толстолобика. Она любила есть рыбу, у которой много костей, а мякоть нежная. Карпа она ела только от случая к случаю. Она любила также есть рыбу, которая в Китае называется сезонной рыбой или по-китайски «ши юй». Но так как это было дорогое удовольствие, то она ела эту рыбу не часто. Она любила также есть кету с солеными овощами. Цзян Цин любила также есть лягушек. Когда их подавали на стол в небольшой фарфоровой пиале, то по размеру они были никак не больше голубя. Она любила

также суп из ребрышек с мясом на косточках. Обычно этот суп варили в глиняном горшочке. Каждый раз при приеме пищи был либо суп из ребрышек с мясом, либо уха. Из овощей она любила тушеные овощи с гарниром, а также то, что называется пустотелыми овощами – амарант или щирицу, сельдерей. При этом требовалось, чтобы волокна были очень мелко нарезаны. Если же она чувствовала себя неважно, тогда готовилось овощное пюре. Она зачерпывала его фарфоровой же ложечкой и ела. Она не употребляла в пищу животного масла; жарить овощи надо было только на растительном масле. Большое внимание уделялось тому, чтобы пища была легкой, не жирной.

В овощи иной раз добавлялась мясная пена, а иногда чуть ароматных грибков, шампиньонов или грибков древесных. Если иметь в виду то положение, которое занимала Цзян Цин, то нельзя считать, что ее требовательность была чем-то выходящим за рамки возможного; а иной раз это и вообще была довольно простая пища. Ее привередливость проявлялась и доходила до крайности в придирчивости ко вкусу пищи. Лишь один повар, а именно Мяо Бинфу, мог угодить ей, а остальные, включая и повара Мао Цзэдуна, не могли добиться того, чтобы приготовленная ими пища пришлась по вкусу Цзян Цин.

Вполне очевидно, что Цзян Цин была знакома с литературой по вопросам питания; меняясь сама, она одновременно всеми силами старалась оказать воздействие и на Мао Цзэдуна, но он в этом плане был «консерватором»; кто бы то ни было, лечащий врач или Цзян Цин, никто не мог изменить сформировавшихся у него привычек в еде.

Он любил перец, любил соленое, любил мясо в соевом соусе и пожирнее. Цзян Цин же более всего протестовала против того, чтобы он ел много соли, употреблял в пищу много жирного мяса. Будем же объективны теперь: в том, что касалось питания, права была все-таки Цзян Цин, а не телохранители. Однако в свое время мы были согласны с «деревенским», так сказать, «земляным духом» Мао Цзэдуна; нам не по нутру были «придирчивость» и «выпендрей» Цзян Цин. В конце концов Цзян Цин и Мао Цзэдун поссорились из-за вопроса о том, чем питаться. Я уже говорил, что Мао Цзэдун любил мясо в соевом соусе, а Цзян Цин не позволяла мне готовить его; и как бы там ни было, а ей не следовало называть Мао Цзэдуна «деревенщиной». Мао Цзэдун вспыл и сказал знаменитые слова: «Если уж мы не можем есть одно и то же, то можно питаться порознь; с этих пор пусть она ест свое, а я буду есть свое; пусть она не лезет в мои дела!» Мао Цзэдун никогда не отказывался от своих слов. Это высказывание Мао Цзэдуна повлекло за собой серьезные последствия. С того времени Мао Цзэдун больше не дотрагивался до пищи, которую ела Цзян Цин. А если муж и жена даже и не едят вместе, то отношения между ними уже находятся в опасности.

[...] Как бы там ни было, а и на отдыхе они тоже перестали быть вместе. Я вспоминаю некоторые факты, некоторые высказывания, которые имели к этому отношение.

Мао Цзэдун постепенно достигал почтенного возраста. Врач, следивший за состоянием его здоровья, обращал чрезвычайно большое внимание на то, чтобы он больше двигался. Помимо того, что он плавал и совершал пешие прогулки, от него требовали также, чтобы он один-два раза в неделю танцевал. Врач выбирал время, следил за расписанием; врач не допускал снижения двигательной активности.

Когда Мао Цзэдун плавал или танцевал, он любил, чтобы все это происходило при большом всеобщем оживлении. Обычно он работал, ел, спал в одиночестве; постоянно испытывал чувство одиночества; а потому, когда он развлекался, двигался, тут непременно требовалась группа молодых юношей и девушек. И лишь когда все они разговаривали и смеялись, оживленно болтали, ему было хорошо. Мы тоже знали о том, чего Мао Цзэдун хотел от жизни. Поэтому во время купания, плавания и во время танцев мы «отпускали вожжи дисциплины». Мы, не боясь, громко говорили, шутили и смеялись; мы смело покрикивали и даже орали. И тут уж не было строгого деления на старших и младших; все были просто людьми.

Цзян Цин же была совсем иным человеком. Для нее был невыносим сам вид молодых людей, когда «отпускались вожжи». В случае появления на публике она всегда выступала с

каменным торжественным лицом. Ее взгляд сурово переходил с одного предмета на другой; она отметала напрочь все, что было легким и раскованным.

Она начала показывать свой характер особенно начиная с 1957 года. Он становился у нее все хуже. Врач говорил, что это – проявление климакса. Тут она стала бояться ветра, пугаться звуков человеческого голоса; ей доставляло удовольствие приходить в состояние раздражения; ей нравилось вскипать, проявлять свой гнев.

Мы же в то время все были людьми молодыми и не понимали, что это еще за климакс такой? Мы знали только, что у нее болезнь. Телохранители говорили в беседах между собой: «Ну, сейчас она просто стала человеком другого ранга. Теперь она ответственный секретарь. Она уже в ранге заместителя министра, а ведь чем выше чиновничий ранг, тем труднее справляться со своими болезнями, так?»

Дело было в 1957 году. Мао Цзэдун и Цзян Цин лечились и отдыхали в Ханчжоу. Жили в гостинице «Лючжуан бингуань». Партком провинции Чжэцзян устроил танцевальный вечер в гостинице «Дахуа фаньдянь». Мао Цзэдун отправился туда один. Цзян Цин не поехала. На вечере танцев царило большое оживление. Смех не стихал. Все мы танцевали до того, что вспотели, а телохранитель Тянь Юньюй даже познакомился с девушкой из местного ансамбля и подружился с ней. Все натанцевались и навеселились досыта и наконец отправились домой. Руководители провинциального парткома, услышав от врача, следившего за состоянием здоровья Мао Цзэдуна, что он благодаря танцам очень хорошо отдохнул, были этим весьма довольны. Они вдохновились и спустя два дня снова организовали танцы для Мао Цзэдуна в гостинице «Ханчжоу фаньдянь».

В качестве партнерш по танцам обычно отбирали артисток из местного ансамбля. Мао Цзэдун их уже хорошо знал. Они были также хорошо известны и нам, телохранителям, и врачу, следившему за состоянием здоровья Мао Цзэдуна, и его секретарям. Поэтому, как только мы появились, наши знакомые шумно приветствовали нас.

Возникло такое ощущение, что предстоит большой праздник.

Однако вдруг оказалось, что этот праздник стал стремительно увядать. Люди, создававшие толпу танцующих в зале, начали отходить к стенам, отступать в стороны. В танцевальном зале повисла неловкая суровость и тишина. И те артисты и артистки из ансамбля, которые намеревались было сгруппироваться вокруг Мао Цзэдуна, чтобы пошутить и посмеяться, тоже почтительно отошли, разошлись в обе стороны. И тут возникли вежливые аплодисменты.

Оказалось, что вслед за Мао Цзэдуном появилась неприступная и строгая Цзян Цин. Ее суровый взгляд как бы держал людей на почтительном расстоянии. Тут уж было просто невозможно не ощутить напряженность, не почувствовать желания отдать почести и удалиться.

Мао Цзэдун еще пытался пошутить, чтобы вернуть хорошее настроение и чтобы все чувствовали себя непринужденно, но это уже не действовало. Люди продолжали говорить, но держались «в рамках», смеялись, но тоже «в рамках», а уж двигались исключительно «так, как положено». И атмосфера, к которой так стремился Мао Цзэдун, атмосфера, в которой люди не ощущали себя начальниками и подчиненными, вели себя непринужденно, так и не возникла. Мао Цзэдун насупил брови. Он ничего не сказал, но было совершенно ясно, что у него на душе. Сидя в кресле, он прошептал мне на ухо: «Стоило ей явиться, и все замерли...»

Заиграл оркестр, люди устремились было танцевать в центр зала, как вдруг послышался голос: «Дурно. Это дурная музыкальная пьеса. Замените ее».

Этот приказ отдала Цзян Цин. Она подошла к оркестру и явно хотела стать центром этого вечера танцев, стать его хозяйкой.

Дирижер предложил ей несколько мелодий. Она придралась к каждой из них; показала себя специалистом в этой области. И оркестранты и те, кто хотел потанцевать, изумились

тому, как много мелодий она знает. Мао Цзэдун начал тяжело дышать. Наконец с большим трудом она «милостиво повелеть соизволила», то есть выбрала несколько мелодий, и только тогда вечер танцев начался.

В первом танце Цзян Цин была партнершей Мао Цзэдуна. Говоря по справедливости, надо сказать, что Цзян Цин танцевала довольно хорошо. Ее движения в танце были аристократичными и в то же время свободными. Однако она слишком придерживалась правил, и ей недоставало горячих чувств. Мао Цзэдун бросил взгляд в мою сторону, и я тут же сообразил, дал указания телохранителям, как им действовать. Когда снова зазвучала музыка, телохранитель Ли Ляньчэн шагнул к Цзян Цин и пригласил ее на танец. Так Мао Цзэдун обрел свободу и смог потанцевать с другой партнершей. Молодые люди оживились, и прямо у всех на глазах вечер танцев пошел на подъем. И вдруг, – а Цзян Цин всегда любила неожиданности, – в танцевальном зале вновь раздался голос Цзян Цин. Зажав уши руками, она кричала:

– Это же режет слух, страшно режет слух. Это просто невыносимо! Неужели ваш оркестр способен только греметь? Вы не можете играть потише? [...] Еще тише!

Танцевальный вечер для всех был смят. Мао Цзэдуну тоже испортили настроение. Когда мы вернулись домой, Мао Цзэдун грубо сказал:

– Все настроение испортила! Где появится Цзян Цин, там везде испортит настроение. Я видеть ее больше не хочу.

Такие вещи случались несколько раз. Мао Цзэдун начал заметно избегать Цзян Цин. Он много раз говорил мне, другим телохранителям, а именно Тянь Юньюю, Фэн Яосуну, что «Цзян Цин все портит», «Цзян Цин как придет, так испортит настроение». Когда Мао Цзэдун отправлялся на периферию, то в какой бы провинции, в каком бы городе он ни был, стоило ему услышать, что туда должна приехать Цзян Цин, как он немедленно приказывал нам собираться в дорогу и уезжать. Он говорил: «Она ведь какой человек? Стоит ей только появиться, и настроение испорчено. Лучше уж нам уехать».

[...] Мао Цзэдун чем дальше, тем все больше не хотел видаться с ней. Они не ели вместе, не спали вместе, не работали вместе и даже не отдыхали и не развлекались вместе.

14. Как Мао Цзэдун улаживал твои ссоры с Цзян Цин?

[...] В 1950-х годах и в начале 1960-х годов у Цзян Цин не было никаких особых дел. Мао Цзэдун не позволял ей запускать свои руки в политику. Она мучилась от безделья и каждый день играла в карты.

В играх и развлечениях она тоже отличалась от Мао Цзэдуна. Мао Цзэдун был способен пережить свой проигрыш; для нее же проигрывать было нестерпимо.

Мао Цзэдун играл в карты крайне редко; он не часто играл и в другие настольные игры. Лишь иногда он играл с Кан Иминем (в то время Кан Иминь был заместителем начальника секретной части канцелярии ЦК КПК) в облавные шашки, причем большей частью проигрывал. Когда кто-то выигрывал у него, он не сердился, а когда кто-нибудь поддавался, вот тогда он сердился. Поэтому Кан Иминь, играя с ним в облавные шашки, всегда действовал решительно, играл в полную силу. Когда Мао Цзэдун проигрывал партию, то есть тогда, когда в данной партии больше ничего сделать было нельзя, он усиленно сосал нижнюю губу, причмокивал, вздыхал и громко сетовал, как будто бы и вкус поражения оставался с ним на всю жизнь, как будто бы и вообще сама прожитая жизнь была напрасной. Уходя, он пенял мне: «Видно, не во всем Мао Цзэдун бывает прав; вот ведь Кан Иминь обыграл его».

Цзян Цин же была иной. При игре в карты она не терпела, чтобы партнеры поддавались. Тут она вела себя так же, как и Мао Цзэдун. Однако в отличие от Мао Цзэдуна она непременно стремилась выиграть, а если выиграть не удавалось, она выходила из себя, причем это оборачивалось неприятностями для всех остальных.

Она всегда играла в паре со мной. Известно, что «на вершине горы со стужей не

справишься»; иначе говоря, если ты в карточной игре допустил ошибку, сделал неверный ход, то на тебя будет коситься твой партнер. Поэтому хотя речь-то шла всего-навсего об игре в карты, играть приходилось с замиранием сердца, с трепетом душевным. Когда нам попадались слабые партнеры, а такими были, например, находившиеся в моем подчинении телохранители, не владевшие в совершенстве искусством игры в карты, то в конечном счете мы у них выигрывали; ну, тут, можно сказать, дело обстояло довольно хорошо. Если же нам встречался сильный противник, ну, например, умные и ловкие медсестры, то тут нам приходилось нелегко. Если бы медицинские сестры нам не уступали, не поддавались, мы бы, вне всяких сомнений, проигрывали бы. Сестры же, конечно, хотели нам поддаться, но не могли делать это слишком демонстративно, так как это принесло бы еще большие неприятности. А когда у игрока в голове какие-то заботы, то он запросто ошибается, делая карточные ходы; и вот когда я ошибался при своем ходе, Цзян Цин вся бледнела от злости и бросала на меня взгляды искоса, и тогда игра превращалась для меня просто в пытку.

[...] Долго работая рядом с Мао Цзэдуном, телохранители начинали чувствовать себя членами семьи Мао Цзэдуна. И сам Мао Цзэдун относился к нам, как к членам своей семьи, как к родным. Тут и любовь была глубокая, а если ругал, то ругал так, как своего, близкого, родного человека, то есть как бог на душу положит; тут не было никакой отстраненности, тут не было необходимости выставлять свои амбиции и «думать о последствиях, то есть о том, как это обернется в будущем».

15. В чем были особенности отношения Мао Цзэдуна к людям?

[...] В делах он руководствовался разумом, применял методы, которые вытекали из теории; а в своих связях как частного лица он руководствовался чувствами. «Силу можно применять только в соответствии с законом, и только то, что отвечает законам, даст эффект; силу нельзя применять к области дружбы между частными лицами; если применять силу в сфере дружеских связей между частными лицами, то можно с абсолютной уверенностью сказать, что толка не будет. Причем не только не будет результатов, но возникнет обратный, противоположный эффект». «Я ощущаю, что для нас, для людей, понятие борьбы применимо только к столкновениям тех или иных принципов; и в то же время понятие борьбы неприменимо к отношениям частных лиц. Борьба принципов проистекает из невозможности обойтись без борьбы; борьба ведется между принципами, но не между отдельными, то есть частными, лицами. В мире весьма распространена, то есть весьма часто имеет место борьба частных лиц, отдельных людей между собой, но тут, вероятно, возможны соглашения, уступки».

При установлении и поддержании Мао Цзэдуном отношений с товарищами, с друзьями, с близкими ему людьми в каждом случае имелись свои особенности.

Тогда, когда речь шла о контактах и встречах с товарищами по партии, внутри партии, Мао Цзэдун, за исключением встреч после длительной разлуки, очень редко проявлял теплоту, а в основном тут царила строгость, и в то же время люди не были скованы рамками или нормами неких церемоний или приличий. Тут не скрывалось ни хорошее, ни дурное; тут не было места для обходных маневров; речи звучали краткие, говорили по сути дела; тут выражались с суровой прямоотой.

Что касается товарищей по партии, то Мао Цзэдун не разводил тут никаких лишних церемоний, не устраивал вежливых встреч и проводов гостей. У него была привычка работать, лежа на кровати. Я наблюдал, как иной раз главные руководители государства, правительства и армии приходили либо запросить указания, либо с докладами о работе, а он и в этих случаях не поднимался, продолжал знакомиться с документами и ставить на них резолюции. Иной раз он, уже выслушав несколько фраз из доклада, лишь тогда делал жест рукой, что означало: «Садись, говори сидя».

Если же Мао Цзэдун сидел в мягком кресле, то тогда, когда приходили товарищи по партии, он обычно не привставал, а лишь делал жест рукой, приглашая товарищей тоже сесть, а когда они садились, то разговор шел о деле; посторонние темы почти не

затрагивались.

Если же речь шла о товарищах, которых он в течение длительного времени не видел, то Мао Цзэдун вставал, встречал их и пожимал им руки, но ни в коем случае не выходил из дверей навстречу им; ну, за исключением тех ситуаций, когда в момент прибытия гостей он уже находился вне своей комнаты; в противном случае он из комнаты не выходил.

[...] Мао Цзэдун как будто бы намеренно ограничивал и сдерживал себя; он не развивал личные дружеские отношения, которые выходили бы за рамки товарищеских отношений и отношений соратников по борьбе, ни с кем-либо одним, ни с какими-либо несколькими главными ответственными руководителями партии, правительства, армии. Товарищеские отношения оставались именно товарищескими отношениями. Он всемерно избегал того, чтобы товарищеские отношения осложнялись чрезмерно теплыми личными чувствами. Например, с Чжоу Эньлаем он сотрудничал, и их связывали общие дела на протяжении нескольких десятилетий. Тут дело доходило вплоть до того, что не было по существу ни одного вопроса, касавшегося одежды, питания, жилья, транспорта для Мао Цзэдуна, которые бы не были каждодневно и ежечасно предметом прямой заботы и попечения со стороны Чжоу Эньлая. Комнаты, в которых жил Мао Цзэдун, по большей части были выбраны Чжоу Эньлаем. В годы войны и в периоды чрезвычайного положения Чжоу Эньлай обычно сам предварительно проходил частично, дабы убедиться в том, безопасно ли это, те пути, по которым предстояло проследовать Мао Цзэдуну; Чжоу Эньлай постоянно осведомлялся, что ест Мао Цзэдун. Дружеские чувства, которые их связывали, должны были быть необычайно глубокими. Каждый раз в ключевые моменты Мао Цзэдун всегда, проявляя доверие, передавал высшую власть Чжоу Эньлаю. Однако за те 15 лет, что я провел подле Мао Цзэдуна, я никогда не слышал, чтобы он сказал Чжоу Эньлаю хотя бы одну фразу, которая выходила бы за рамки товарищеских отношений и являлась бы проявлением личных чувств.

Все это связано вне всяких сомнений с историей и с современным состоянием нашей партии. В ходе многолетней вооруженной борьбы освобожденные районы были отделены один от другого; они были вынуждены вести боевые действия самостоятельно, то есть самостоятельно бороться за выживание, самостоятельно добиваться расширения своей территории; при этом было немало проявлений того, что именовалось «горным местничеством», когда каждый считал себя «выше всех на своей горе». Дело обстояло именно так, как говорил об этом Мао Цзэдун: «Было бы чудом из чудес, если бы в партии не было фракций». Мао Цзэдун же был вождем всей партии, партии в целом, поэтому он не мог позволить себе иметь любимчиков и не мог допустить того, чтобы кто бы то ни было ощущал, что к нему у Мао Цзэдуна имеется особое отношение. Возможно, что это лишь одна из причин того, что в партии у него среди товарищей не было, скажем так, слишком многочисленных и слишком глубоких дружеских связей.

В силу этого неизбежным оказалось возникновение следующей ситуации: целый ряд товарищей, в том числе руководители высокого ранга, встречаясь с Мао Цзэдун, просто при одном его виде вели себя по отношению к нему весьма и весьма уважительно, держали себя в строгих рамках и даже чувствовали себя напряженно, скованно; они не могли свободно высказать то, что им хотелось бы сказать. По мере того как авторитет Мао Цзэдуна день ото дня возрастал, все это становилось все более серьезным. Я лично считаю, что в этом один из источников того, что в конце 1960-х и в 1970-х годах в определенной степени сформировалась «система, при которой все решает глава семьи», появился, как говорится, тот самый «зал, в котором ораторствует лишь один человек».

Из этого правила были два довольно ярких исключения: Пэн Дэхуай и Чэнь И.

Отношения Пэн Дэхуая с Мао Цзэдун носили привкус глубоких дружеских чувств. Они разговаривали между собой искренне, откровенно, не заботясь о форме выражения мыслей, даже грубовато. Они смело шутили, ссорились, ругались. В то время, когда мы шли

с боями по северной части провинции Шэньси, в партии в целом давно уже стало привычным обращение «председатель Мао», и один только Пэн Дэхуай все еще прямо говорил Мао Цзэду: «Мао, старина». Вероятно, именно он был тем человеком в партии, который позже всех перешел на новое обращение к Мао Цзэду. Когда он беседовал с Мао Цзэдом, то зачастую отчаянно жестикулировал, голос его гремел и заполнял помещение; он говорил быстро, как строчит пулемет. В этих случаях и Мао Цзэдун начинал говорить с большим воодушевлением, брови его взлетали и танцевали; это было просто-напросто похоже на известную картину, на которой изображено, как два старых друга «срывают с места огромную гору». И так все это продолжалось вплоть до Лушаньского совещания (1959 г. – *Прим. пер.*); в Лушане Пэн Дэхуай в разговоре с Мао Цзэдом в последний раз дважды «поминал мамашу», то есть матерно ругался. После Лушаньского совещания, когда через некоторое время Пэн Дэхуай вновь встретился с Мао Цзэдом, он переменился, был молчалив и неразговорчив; он даже чувствовал себя скованно.

У Чэнь И был свой своеобразный стиль общения с Мао Цзэдом. Он каждый раз при встрече с Мао Цзэдом обычно звонко щелкал каблуками, вытягивался во фронт и рапортовал: «Председатель, разрешите доложить. Чэнь И прибыл с докладом!». Или так: «Председатель, я прибыл». Мао Цзэдун в ответ махал рукой: «Садись, говори сидя». И тогда Чэнь И лучезарно улыбался, заразительно смеялся и «давал себе волю». А когда он начинал шутить, то в комнате Мао Цзэда воцарялось оживление. Иной раз он и Мао Цзэдун вступали в соревнование: они наперебой вспоминали и читали стихи; это относилось к области личных отношений. В партии с Мао Цзэдом смог установить отношения глубокой дружбы, личные отношения, пожалуй, один лишь Чэнь И. Он был по натуре своей человеком живым, жизнерадостным, голос имел зычный; у него в характере были качества поэта, то есть напор, порыв и горячность. Когда он искренне радовался, то у него руки и ноги ходили ходуном; свою речь он сопровождал раскатистым хохотом; он был очень непосредственным человеком; он просто заражал окружающих своим настроением. Чэнь И был тем человеком, который нравился Мао Цзэду. В 1970-х годах Мао Цзэдун только один раз принял участие в траурном митинге. Это был митинг на похоронах Чэнь И.

[...] Мао Цзэдун в тех вопросах, когда речь шла о принципиальной борьбе или о борьбе принципов, никогда не шел на уступки; никогда в истории он не успокаивался до тех пор, пока не одерживал верх.

[...] Мао Цзэдун, по сути дела, не имел контактов с товарищами по партии, не говоря, конечно, об отношениях по работе. Только Чэнь И был тут исключением; они встречались и читали друг другу стихи. С другой стороны, у Мао Цзэда существовали отношения глубокой личной дружбы со многими видными демократическими деятелями вне партии (то есть вне КПК. – *Прим. пер.*); встречи их были довольно частыми, однако по работе они встречались не много.

[...] Если уж говорить о моих наблюдениях за те 15 лет, то надо сказать, что наедине с нами, то есть с теми людьми, которые «были подле него», Мао Цзэдун вел себя как совершенно простой обыкновенный человек.

Как-то раз в начале 1950-х годов Мао Цзэдун готовился принять иностранного гостя. Ему должен был вручить верительные грамоты вновь назначенный посол дружественного государства.

В те времена верительные грамоты вручались не так, как это делается в настоящее время, когда их просто передают, и на этом все кончается. В те времена посол сначала должен был прочитать текст документа, а председатель государства, то есть Мао Цзэдун, был обязан стоя выслушивать это. Закончив чтение, посол передавал верительные грамоты; все это выглядело весьма торжественно.

Торжественность предполагала, вполне естественно, множество церемоний. Перед тем как принять посла, Мао Цзэдун должен был предварительно быть чисто выбрит и весь его внешний вид должен был быть безукоризненным. Парикмахер Ван Хой был человеком уже весьма почтенного возраста, совершенно лысым, с седыми усами, худым лицом; он очень

походил на старого монаха Фан Чжана из кинофильма «Монастырь Шаолиньсы». Вот только он в отличие от того монаха носил старомодные очки. Он всю жизнь брил голову, и, помимо того, чтобы еще на протяжении нескольких лет выбривать голову, у него, вероятно, больше уже не могло возникнуть никаких иных непомерных желаний.

Даже надев очки, Ван Хой не преодолевал своей близорукости. Он всегда наклонял голову, вытягивал шею, прищуривал узкие глаза и смотрел то направо, то налево. Он блестяще владел бритвой. Лево́й рукой он придерживал Мао Цзэдуна за макушку; свое лицо приближал к голове клиента, медленно вытягивал правую руку; лезвие бритвы останавливалось у нижнего края волосяного покрова, казалось, что он угрожает вождю, и так он очень долго оставался без движения; и даже мы не выдерживали; лишь после всего этого он делал первое движение бритвой. Мао Цзэдун взглянул на часы, сказал:

– Ты давай побыстрее.

– Не спеши, не торопись, – Ван Хой, как все очень пожилые люди, любил поворчать и побрюзжать; он переменил место, снова занес бритву над головой Мао Цзэдуна; начал примериваться к волосам на виске Мао Цзэдуна с другой стороны; его рука, державшая бритву, беспрестанно дрожала; и опять он бесконечно долго выжидал, пока, наконец, не сделал второе движение бритвой. Затем он отступил на шаг назад и стал как бы любоваться своим произведением, начал всматриваться и вглядываться, и это тянулось и продолжалось без конца.

– Ну же, мастер Ван, ты не можешь побыстрее?

Мао Цзэдун начал нервничать, заерзал в кресле, но мастер Ван Хой, держа его за макушку и нажимая на нее, остановил его. По-прежнему медленно и слабым голосом сказал:

– Я же просил не нервничать. Не надо торопиться; я тебя не задержу и ладно, да?

Когда с немалыми трудами процесс бритья лица был завершен, Мао Цзэдун рукой вытер лоб; может быть, у него выступил пот? Затем он приподнялся, казалось, что он хотел было встать с кресла, но Ван Хой тут же удержал его голову, нажав на макушку:

– Чего это ты такой неслух? Я же тебе говорил: не нервничай, не волнуйся. Я тебя не задержу...

– Я хочу, чтобы ты действовал чуть побыстрее! – Мао Цзэдун не знал, то ли плакать, то ли смеяться.

– Соberись с духом и слушай меня. Выбрую тебя дочиста, как положено, и тогда пойдешь. – Говоря это, Ван Хой вдруг хлопнул Мао Цзэдуна дважды по затылку рукой, то есть просто-напросто шлепнул его, как это делают с детьми! Мы, присутствовавшие при этой сцене телохранители, буквально остолебенели от поступка этого старого человека!

Мао Цзэдун же не рассердился, а лишь непроизвольно глубоко вздохнул. Ван Хой, со своей стороны, как бы восстановив свой авторитет, сохранив свое лицо, стал подбривать Мао Цзэдуну затылок, одновременно бормоча и «поучая» Мао Цзэдуна:

– Вот ты – председатель государства, а председатель обязан и выглядеть как председатель. Ну а тут уж мое ремесло; если я побрею тебя не хорошо, то люди могут сказать, что Ван Хой никуда уже не годится, тогда конец и авторитету, и славе Ван Хоя... [...]

16. Случалось ли Мао Цзэдуну бить своих детей?

Нет. По крайней мере, я не видел такого и не слыхал о таком. Мао Цзэдун принес на алтарь революции китайского народа жизни шести своих родственников. Он поистине до боли любил своих детей, предъявляя к ним суровые требования.

Мао Аньин – это старший сын Мао Цзэдуна. Он вернулся в Яньань после учебы в Советском Союзе. Мао Цзэдун послал ему несколько своих старых золотанных костюмов. Он хотел, чтобы Мао Аньин отправился в деревню поучиться тому, как обрабатывают землю, у передовиков труда в пограничном районе. Вся эта история всем давно и хорошо знакома. А здесь мне хотелось бы рассказать главным образом о том, как протекала жизнь в их семье.

В «Кан да» (то есть в Университете сопротивления Японии. – *Прим. пер.*) училась некая студентка по фамилии Фу, которая приехала из Бэйпина. Это была очень красивая девушка. Надо отдать справедливость Цзян Цин. Она действительно проявляла все-таки очень большую заботу о старшем сыне Мао Цзэдуна. Когда она увидела эту девушку по фамилии Фу, ей тут же в голову пришла вполне понятная мысль. В воскресенье Цзян Цин пригласила к себе Мао Аньина и эту девушку. Они вместе пообедали и поговорили; весело и в радости провели этот день.

После того как девушка ушла, Цзян Цин спросила Аньина:

– Тебе уже 23—24 года; пора подыскать себе кого-то. Как тебе показалась эта девушка по фамилии Фу?

Мао Аньин покраснел. Яньань – это ведь небольшой город. Да и действительно такие красивые девушки, как эта Фу, встречаются не так-то уж и часто. Чуть запнувшись, Мао Аньин пробормотал:

– А это что – мысль моего отца?

– Если бы ты только сам согласился, и тогда мне достаточно сказать ему одно слово, и он не будет возражать.

И вот Цзян Цин ринулась в атаку к Мао Цзэдуну и сказала ему об этом. Мао Цзэдун, однако, покачал головой:

– После одного свидания решать на всю жизнь? Не слишком ли это легкомысленно? Ну, дитю не терпится, а тебе-то что, тоже не сидится? Позови ко мне Аньина.

Цзян Цин напутствовала Аньина:

– Иди, отец зовет тебя. Теперь все зависит от твоей позиции.

– Мне кажется, что она очень даже хороша собой... – высказался по поводу девушки Мао Аньин.

[...] Мао Цзэдун улыбнулся; не теряя юмора, он сказал:

– Если бы она не была красивой, не была бы умной, тогда и ты не подвигнулся бы душой; это мне понятно. Однако я не могу тебя понять, если ты, лишь раз увидев красивую девушку, уже растаял.

Мао Аньин смутился и как воды в рот набрал; он больше ничего не сказал.

Мао Цзэдун прогнал улыбку с лица, его тон стал суровым:

– Ну а кроме того, что она красива, что ты еще узнал о ней? Каковы ее идеалы, моральные качества, характер? Ты во всем этом разобрался? Она ведь только-только приехала из Бэйпина. Никто из нас ее не знает. А брак, если говорить о нем применительно к тебе, это ведь на всю жизнь. Это касается дела нашей революции. Ведь о тебе все говорят как о сыне Мао Цзэдуна, так ведь? Тут тебе надо быть очень внимательным и осмотрительным; нельзя легко смотреть на все это.

Ну конечно, в словах Мао Цзэдуна был резон. А эта девушка по фамилии Фу не выдержала трудностей жизни в Яньани. Она сбежала обратно в Бэйпин; мало того, она еще и выступила в печати со статьей, в которой ругала и позорила Яньань. И тогда Мао Цзэдун своим характерным хунаньским говорком напевно сказал:

– Видно, красота – дело ненадежное; надо к этому иметь еще и твердые убеждения, идеалы!

После того как учреждения ЦК партии прибыли в Сибайпо, Мао Аньин и дочь Лю Цзяньчу Лю Сыци были направлены по распределению в соседнюю деревню. Их направили туда участвовать в осуществлении аграрной реформы. Молодые люди стали встречаться, и постепенно родилось связывавшее их чувство. С помощью Дэн Инчао и Кан Кэцин (супруги Чжоу Эньлая и Чжу Дэ. – *Прим. пер.*) удалось убедить Мао Цзэдуна согласиться с тем, чтобы молодые люди стали находиться в отношениях любви.

И как раз тогда, когда Мао Цзэдун помог мне принять решение и тем самым содействовал любви между мной и Хань Гуйсинь, Мао Аньин тоже обратился к отцу:

– Па, с тобой говорила мама Кан (Кан Кэцин) обо мне и Сыци?

– М-м... – Мао Цзэдун в этот момент как раз просматривал документы, он даже не поднял головы.

– Тогда мы будем оформлять брак?

– А сколько лет Сыци?

– Восемнадцать.

– Говори правду. Восемнадцать полных или неполных?

– Неполных. Но не хватает всего нескольких месяцев.

– Нельзя. Даже если одного дня не хватает. Я занят. Ты иди пока.

Мао Аньин шел к отцу в радостном настроении, а ушел от него в расстройстве чувств. Если сравнивать, то надо сказать, что Мао Цзэдун проявил гораздо большую активность и заботу, устраивая мой брак. С одной стороны, я был этим тронут, но, с другой стороны, меня не покидало чувство некоторого беспокойства.

Однажды мы сидели на корточках во дворе и ели. Административный отдел вообще-то сначала отнес Мао Аньина к средней категории кадровых работников по нормам питания. Однако Мао Цзэдун не допустил этого. Он сказал Мао Аньину: «Вот твоя младшая сестра (имелась в виду Ли Нэ. – *Прим. пер.*) с самого детства питается по низшей категории. А ты, такой уже здоровый парень, все еще, что ли, нуждаешься в том, чтобы я тебя предостерегал от неверных шагов?» Мао Аньин на это ничего не сказал, а только взял свою плошку для риса и стал питаться вместе с нами из котла в общей столовой. И вот как-то раз мы по привычке ели, сидя на корточках, во дворе. И как раз в это время какой-то петух понесся за курицей, взметая тучи пыли. Я поспешно встал, чтобы уберечься от пыли. Мао Аньин не сдвинулся с места. У него вырвалось:

– Даже петуху нужна курица. А ведь я – человек. Мне уже двадцать семь лет!

Мне стало совестно. Мне-то был всего 21 год, а я уже готовился вступить в брак. Мао Аньин был старше меня лет на пять-шесть, а все еще не был женат.

– Да не переживай. Вот выберем момент, когда председатель будет в хорошем настроении, и ты опять поговоришь с ним, – тихо подал я голос.

Когда пришла радостная весть об уничтожении семи вражеских бригад в Восточном Китае, я сказал Аньину:

– Председатель запел арию из пекинской оперы. Иди скорее!

Когда Мао Цзэдун радовался, он любил напевать отрывки арий из пекинской оперы. Мао Аньин тут же поспешил в кабинет отца и хотел было поставить его перед свершившимся фактом:

– Па, мы уже подготовились, завтра свадьба.

– Я тебе что, разве не говорил, чтобы ты пока не женился?

– Давай я буду сам решать те вопросы, которые касаются меня лично.

– Кого ты выберешь в жены, это дело твое, тут тебе решать. Но разве тебе решать вопрос о достижении брачного возраста? Нет, эти вопросы следует решать в соответствии с существующим порядком и дисциплиной.

– Да ведь сколько людей женятся, хотя возраст еще не пришел...

– Но ведь для всех ты – сын Мао Цзэдуна! – Мао Цзэдун тяжело опустил руку с карандашом на стол: – Если ты не будешь соблюдать дисциплину, тогда кто же будет ее соблюдать?

Мао Аньин вышел совершенно как в воду опущенный.

Мао Цзэдун тоже разволновался, заговорил сам с собой: «Вот ведь так радостно было на душе, а он половину радости у меня отнял!»

Мао Аньин вернулся к себе в комнату и никак не мог отойти. Он нервничал, возмущался. Он лежал на кровати и рыдал. Никто не мог его успокоить. Командир взвода охраны Янь Чанлинь доложил о происходящем Цзян Цин. Ей, будучи мачехой, было неловко вмешиваться, вступаться. Она боялась трений и противоречий с Мао Цзэдуном. Поэтому Цзян Цин сказала: «Все-таки пусть отец сам его успокаивает». И тогда Янь Чанлинь доложил Мао Цзэдуну.

Мао Цзэдун сильно разгневался, бросил карандаш, большими шагами вышел из комнаты. Я испугался, что он побьет сына, и поспешил пойти вплотную за ним; был готов уговаривать его. Однако Мао Цзэдун даже не вошел в комнату сына. Он встал у дверей и рывкнул. Это было как удар грома. От страха затряслись и Небо, и Земля: «Мао Аньин, ты что это надумал?»

Как только раздался этот голос, как только рывкнул Мао Цзэдун, так рыдавший на постели Мао Аньин тут же присмирел. Он замер, замерли все звуки.

Мао Цзэдун повернулся и пошел. Он так больше ничего и не сказал.

Спустя несколько недель Мао Цзэдун прогуливался за околицей. И тут ему навстречу попался Мао Аньин, который возвращался из соседнего села, куда его посылали «на низовку». Мао Аньин поздоровался с отцом и хотел было улизнуть.

Мао Цзэдун поднял руку и жестом остановил его:

– Ты от меня не прячься. Дошло до тебя, что такое брак?

– Дошло, – сказал Мао Аньин, повесив голову. – Я был не прав.

– А что думает Сыци?

– До нее тоже дошло. Мы с ней уже договорились. Вот встретим следующий Новый год и тогда уж поженимся.

– Вот только теперь ты стал похож на моего сына! – Мао Цзэдун захлопал в ладоши. – Ну, ты иди.

Продолжив прогулку и сделав несколько шагов, Мао Цзэдун вдруг остановился, посмотрел на меня и спросил:

– Скажи вот, Иньцяо, к кому я отношусь более по-родственному: к родному сыну или к вам?

Я подумал и сказал:

– С точки зрения чувств, вы все-таки более по-родственному относитесь к нам.

[...] После начала войны, которая велась под лозунгом «Дадим отпор Америке, окажем помощь Корее», Мао Цзэдун решил послать сына за пределы Китая для участия в боевых действиях. Цзян Цин и некоторые другие товарищи убеждали Мао Цзэдуна отказаться от этого плана, говоря, что Аньин выполняет очень трудную задачу в той организации, где он работает, что трудно будет обойтись там без него, что не нужно ему идти на войну. Мао Цзэдун же высказал в ответ свои соображения, согласно которым его сын непременно должен был пойти воевать. На меня наибольшее и самое глубокое впечатление произвела следующая его фраза: «Он для всех – сын Мао Цзэдуна! Если он не пойдет, то кто же тогда пойдет?»

После гибели Мао Аньина Пэн Дэхуай прислал телеграмму. Е Цзылун с Чжоу Энляем и Цзян Цин посоветовались и не стали немедленно сообщать об этом Мао Цзэдуну. И только спустя некоторое время, когда Мао Цзэдун, закончив работу, прибыл на отдых в дом номер один в квартале «Шесть новых домов», Е Цзылун и Цзян Цин доложили об этой новости Мао Цзэдуну.

В этот момент Мао Цзэдун сидел в кресле. Услышав это сообщение, он оторопел, уставился на Цзян Цин и Е Цзылуна, ничего не говоря. Цзян Цин и Е Цзылун не решались снова заговорить об этом, они не осмеливались и успокаивать Мао Цзэдуна; не сговариваясь, они просто склонили головы.

И вот Мао Цзэдун поднял веки, его взгляд начал медленное движение, остановился на сигаретнице, которая стояла на чайном столике. Он потянулся за сигаретой, дважды не смог вытянуть ее из сигаретницы. Я помог ему достать сигарету, потом помог зажечь ее.

В комнате долго висела тишина. Никто не произносил ни слова. Слышался лишь свист, с которым Мао Цзэдун втягивал сквозь зубы воздух при курении. Крестьяне в северной части провинции Шэньси, когда курят, любят втягивать в себя воздух с таким присвистом. Вероятно, сигаретный дым стал есть Мао Цзэдуну глаза, а может быть, он о многом

вспоминал; я увидел, что глаза Мао Цзэдуна покраснели и увлажнились.

Е Цзылун молча вышел из комнаты.

И снова долго царило молчание. Мао Цзэдун выкурил вторую сигарету, с силой раздавил окуроч в пепельнице. Он вздохнул так, что слезы навернулись на глаза. Вспомнилось: «Все и каждый называли его – сын Мао Цзэдуна...»

Я отвернулся и заплакал.

Мао Цзэдун не плакал. Закурил еще сигарету. Начал слушать доклад Цзян Цин о подробностях гибели сына. Я расслышал лишь несколько фраз: «Вражеские самолеты налетели и стали бомбить. Сбросили напалмовые бомбы. Мао Аньин вышел из пещеры и не возвратился. Он был сожжен, умер». Больше я ничего не слышал, потому что ко мне снова и снова возвращался все тот же вздох Мао Цзэдуна: «Для всех он был сын Мао Цзэдуна...»

Мао Аньцин был вторым сыном Мао Цзэдуна и Ян Кайхой. Он вырос внешне очень похожим на отца. После героической гибели Ян Кайхой, когда Аньцин был еще ребенком, его носило и мотало по жизни сильными ветрами; он нахлебался горя в жизни, был несчастным бродягой, нищенствовал, просил подаяния, ему приходилось очень горько, он перенес очень много физических страданий. Мао Цзэдун очень любил и жалел Мао Аньцина, заботился о нем. Он знал, что у сына неважно со здоровьем, а потому не предъявлял к нему таких суровых требований, как к Мао Аньину. Кроме того, Мао Цзэдун постоянно лично интересовался тем, как идет лечение Аньцина.

В 1957 году Мао Аньцин лечился и отдыхал в Циндао. В начале августа Мао Цзэдун приехал в Циндао. Он остановился в доме для почетных гостей города Циндао и послал меня за Мао Аньцином. Отец и сын пошептались, поговорили по душам. Когда Мао Цзэдун в прошлом говорил с Мао Аньцином, то речь при этом шла главным образом об учебе, о политике, о работе. А с Аньцином отец большей частью говорил об учебе, быте и о здоровье. Мао Цзэдун слышал, что в больнице была медсестра, которая очень хорошо заботилась об Аньцине, что между ними возникло чувство. Тогда Мао Цзэдун попросил людей из охраны поехать в больницу и разобраться в ситуации; попутно посмотреть, в каких условиях Аньцин находится в больнице. Отдел охраны направил своего сотрудника Сюй Юнфу в больницу. Тот подробно расспросил о том, как живет и лечится Мао Аньцин в больнице. По возвращении Сюй Юнфу написал докладную записку. Мао Цзэдун внимательно прочитал ее и специально попросил телохранителя Тянь Юньюя передать его благодарность Сюй Юнфу. Мао Цзэдун при этом подчеркнул: «Ты скажи Сюю, что написал он очень хорошо. Поблагодари его, поблагодари его от меня».

Мао Цзэдун также очень жалел и любил двух своих дочерей – Ли Минь и Ли Нэ. Он строго следил за их домашним воспитанием. Когда родилась Ли Минь, Дэн Инчао (жена Чжоу Эньлая. – *Прим. пер.*), держа младенца на руках и самым внимательным образом рассмотрев девочку, глубоко прочувствованно сказала: «Какая, в самом деле, прелесть». И вот так ее и стали звать этим трогательным именем: «Прелесть» (или «Цзяоцзяо»). Когда в 1947 году «Прелесть» вернулась из Советского Союза и стала учиться, уже живя подле Мао Цзэдуна, тогда Мао Цзэдун и дал ей новое имя: Ли Минь.

В то время Мао Цзэдун пользовался псевдонимом «Ли Дэшэн» (в переводе с китайского: «Ли Победитель». – *Прим. пер.*). В классическом древнекитайском труде «Луньюй» есть такая фраза: «Муж благородный стремится быть в речах осторожным, а в делах искусным». Мао Цзэдун довольно много занимался изучением классической китайской литературы. Для него было весьма характерным то, что он, выражая свои надежды, наделил своих дочерей именами Ли Минь («Искусная в делах») и Ли Нэ («Осторожная в речах»).

Ли Минь и Ли Нэ с самых малых лет ели в общей столовой вместе с нами, бойцами охраны. А когда они подросли и пошли в школу, то стали питаться в школьной столовой. Они вовсе не пользовались, как бы уж заодно с отцом, коммунистическим «столом». А когда

они поступили в университет, то они и питались и жили в общежитии, в университетском городке, точно так же, как дети всех простых людей; то есть в одной комнате жили шесть-восемь студенток, спали на верхних или нижних нарах, ели ту же простую еду, что и все остальные. Они всегда ходили в старой одежде из синей материи; как и все, посещали занятия и так же, как и все, отправлялись в деревню для участия в физическом труде; как и все, они ходили пешком, ездили на велосипедах, теснились в автобусах. И если не сказать, то никто и не подумал бы, что они – дочери Мао Цзэдуна.

[...] Где-то в 1956 году Мао Цзэдун однажды во время прогулки спросил меня:

– Вот как по-твоему, кто из них лучше: Ли Минь или Ли Нэ?

– Обе они очень хорошие, – ответил я. – И тот и другой ребенок к нам относятся с большим уважением. Им ни в коей мере не присуща манера походя демонстрировать свое превосходство, чем страдают дети некоторых высокопоставленных работников. Они требовательны к себе, стремятся расти, прогрессировать.

Мао Цзэдун отрицательно покачал головой:

– С моей точки зрения, у них нет таких перспектив, как у вас. У них нет такого будущего, как у вас. Они перенесли меньше трудностей, чем вы, а будущее есть только у тех людей, которые способны переносить трудности.

– Председатель, вы, что же, хотите заставить ваших детей переносить трудности? – возразил я. – Да ведь они перестрадали намного больше, чем простые люди!

Мао Цзэдун снова покачал головой:

– Ты не прав. Когда ты произносишь все эти слова о трудностях, то ты неверно мыслишь, потому что ты начинаешь свои рассуждения с того, что они – мои дочери, а потому ты подходишь к ним с иными критериями, чем к детям из обычных, простых семей. Вот они едят в нашей столовой, верно? А ведь питание там намного лучше, чем в большинстве крестьянских семей; ну разве это не так?

– Председатель, вы всегда берете для сравнения более низкий уровень. Это несправедливо. Вот в большинстве городских семей совсем необязательно едят хуже, чем в нашей столовой. У меня дома еда лучше, чем в этой столовой.

– Ты внес вклад в революцию, – улыбнулся Мао Цзэдун. – Если ты будешь питаться получше, люди ничего дурного не скажут. Но они-то никакого вклада еще не внесли. Когда речь идет о человеке, то в вопросах быта все-таки лучше равняться на тех, кто живет хуже. Если не принимать во внимание при сравнении людей их вклад в общее дело, а меряться привилегиями, довольствием, тогда не будет вообще и самого будущего.

Среди детей Мао Цзэдуна Ли Нэ относительно меньше перенесла трудностей, чем ее братья и старшая сестра. Однако я всегда считал, что на ее долю выпало невзгод больше, чем на детей в обычных семьях. Я пришел на работу подле Мао Цзэдуна в 1947 году. Ли Нэ тогда было только семь лет. Однако она вместе с нами, солдатами, прошла нашими походными дорогами, жила под открытым небом, переживала воздушные налеты, бомбардировки, привыкла к свисту пуль и снарядов, на ее долю горечи досталось немало!

Я до сих пор помню этого маленького человечка, крохотную девочку, которой едва исполнилось семь лет. Во время переходов она несла эмалированную кружку; как и большинство бойцов, стояла в очереди, чтобы получить свою порцию соевых бобов из большого общего котла, а затем, не произнося ни слова, присаживалась на корточки возле стены и своей ручонкой доставала эти обжигаяще горячие бобы, отправляла их в ротик и жевала, жевала... И у нее, как и у взрослых людей, от бобов пучило живот, она без конца портила воздух. И эти простодушные большие глаза никогда не показывали, как она страдает и как ее ранит эта стыдоба – то есть то, что приходилось портить воздух!

И именно она в ходе нашей тогдашней суматошной боевой жизни своим милым детским голоском пела для нас арии из пекинских опер, даря нам тем самым отдых и радость.

Мао Цзэдун с особой любовью относился к этой маленькой девочке. Я помню, как

много раз Мао Цзэдун в минуты отдыха от напряженного труда обнимал Ли Нэ, легонько похлопывал ее по спине и говорил: «Деточка, моя хорошая деточка, любимая деточка...» А Ли Нэ? Она обнимала отца за шею и кричала: «Папа, мой папочка, дорогой папуля...»

Но несмотря на такие родственные чувства, Мао Цзэдун не позволял дочерям питаться вместе с ним, есть ту пищу, которую отдельно готовили для него!

После образования КНР Мао Цзэдун стал председателем Компартии и председателем Народной Республики. Няня тогда вполне естественно предложила: «Председатель, пусть Ли Нэ кушает вместе с родителями!» Мао Цзэдун сделал решительный жест рукой: «Не надо со мной, пусть все-таки ест с тобой. Води ее в столовую!»

Ли Нэ выросла у меня на глазах. Она поступила в университет и стала возвращаться домой только по субботам. Университет был расположен в пригороде. И если там устраивались какие-либо мероприятия, она покидала университет только затемно. Девушке одной в темноте добираться не очень-то безопасно. И тогда я, втайне от Мао Цзэдуна, послал за ней машину. Автомобиль остановился в укромном месте рядом с университетом. А я пошел за ней в университет. Мы, выйдя из здания, тайком сели в машину и возвратились домой. Я думал, что, благодаря таким мерам предосторожности, соученики по университету не узнают об этом, и это не будет иметь никаких последствий.

Однако об этом узнал Мао Цзэдун. Он сурово раскритиковал меня. Но я не смирился и возражал:

– Дело-то было к вечеру, скоро стало бы совсем темно. Девушке одной возвращаться в темноте опасно...

Мао Цзэдун сурово посмотрел на меня и спросил:

– А у других что, не дети? У других дети сами возвращаются. Почему же мой ребенок не может этого делать?

– Ведь для всех она – дочь Мао Цзэдуна, разве не так? – воскликнул я. Мао Цзэдун остолбенел и только хотел вспыхнуть, как я добавил: – К другим детям враги интереса не проявляют, а к ребенку Мао Цзэдуна гоминьдановские агенты проявляют очень большой интерес!

Мао Цзэдун сменил гнев на радость. В это время Гоминьдан как раз призывал к возвращению на материк. Мао Цзэдун был очень доволен тем, как я отношусь к врагу.

– Встречать не надо; действуй, как я тебе сказал. Пусть она возвращается на велосипеде, – все-таки возразил он.

Цзян Цин, которая была тут же, сказала:

– Мне еще и десяти лет не было, когда я научилась одна ходить по ночам. Она уже не маленькая. А ты не заикливайся на своем. Иди и поступай так, как тебе велел председатель.

[...] Зимой 1960 года, в то самое время, когда страна переживала самые большие экономические трудности, темнело очень рано; и в условиях, когда не разрешалось ни встретить, ни проводить ее, наша девочка имела возможность возвращаться домой только один раз в две, а то в три недели. Тогда Ли Минь, чувствуя себя неважно, отдыхала дома. А Ли Нэ по-прежнему жила и питалась в университете.

Я послал телохранителя Инь Синшаня навестить Ли Нэ. У Ли Нэ был нездоровый цвет лица. Инь Синшань спросил, не больна ли она. Дитя долго смущалось и только потом тихим голосом сказала: «Дядя Инь, мне очень есть хочется...»

Инь Синшань, вернувшись, доложил мне об этом. Да даже только из-за тех чувств, которые я испытывал по отношению к ней со времен, когда мы шли с боями по северной части провинции Шэньси, вспоминая, как она питалась черными соевыми бобами и при этом исполняла для нас арии из пекинских опер, я не мог не позаботиться о ней! Я тайком отнес ребенку печенье, которое раздобыл.

Ли Нэ, зыркнув по сторонам и убедившись, что поблизости никого не было, торопливо засунула в рот две печенинки, стала их быстро жевать и глотать. Она ела и, как преступник,

боялась, что кто-нибудь да увидит. Мне стало тягостно на душе. Она же больше не решалась есть, хорошенько спрятала печенье и решила потом понемногу «получать удовольствие». Я сказал: «Ешь, я тебе еще принесу».

Однако об этом стало известно Цзян Цин. И она задала мне трепку. Я возражал. В силу того, что уже был известный опыт, были прецеденты, уроки, она не решилась третировать меня так, как в свое время обижала телохранителей. Она боялась, что я пойду на скандал с ней. И тогда она побежала и доложила Мао Цзэдуну. Мао Цзэдун позвал меня в комнату и сурово сказал:

– Сколько раз можно повторять: ты почему это создаешь привилегии?

Я не боялся гнева Цзян Цин, но боялся гнева Мао Цзэдуна. Я тихо, запинаясь, промямлил:

– Другие родители тоже приносят детям поесть...

– Другие могут приносить, а моим детям не разрешаю относить даже одного печенья! – Мао Цзэдун стукнул по столу: – Ведь для всех она – дочь Мао Цзэдуна!

Я больше не решился ничего сказать и не осмелился носить печенье Ли Нэ. Вернувшись домой, я посетовал жене, сказав, что Цзян Цин доложила на ушко Мао Цзэдуну и раскритиковала меня. Говоря это, я сердцем понимал, что тут Цзян Цин поступила в общем-то правильно: ведь что ни говори, а Ли Нэ приходилась ей родной дочерью.

Прошло немного времени, и как-то в субботу Ли Нэ вернулась домой. Телохранитель Инь Синшань, подливая чай Мао Цзэдуну, сказал ему об этом:

– Председатель, Ли Нэ вернулась. Вы не видели ее недели две, а то и три. Может быть, вместе поужинаете?

Мао Цзэдун поднял веки, взгляд был мягкий, сказал с чувством:

– Мда, ну, хорошо, ладно.

Инь Синшань поспешил доложить Цзян Цин. Цзян Цин на мгновение опешила, потом тихо сказала:

– Добавьте риса, добавьте масла.

У Мао Цзэдуна не было специальной комнаты-столовой. Каждый раз телохранители приносили коробку с едой либо в спальню, либо в кабинет. Но сегодня приготовили четыре блюда и суп, да еще перец, соевый творог и все это разложили на четырех блюдах. Повар удовлетворенно сообщил: «Я сегодня положил двойную порцию риса!»

Ли Нэ поведала отцу в его спальне о своей учебе. Затем тактично и деликатно сказала:

– Мне все время не хватает той еды, которая на меня приходится по норме. Мало овощей. Все приготовлено на подсоленной воде. Масла не хватает. Повар недодает. На лекциях в животе постоянно бурчит.

– Трудности временные, надо пережить их вместе со всем народом. Надо быть впереди, надо вести пропаганду, надо верить Коммунистической партии... – увещевал дочь Мао Цзэдун. Он еще и добавил шутливо: – Даже я не могу контролировать повара, когда он отмеривает и отвешивает продукты!

Инь Синшань вошел в комнату и сказал:

– Председатель, еда готова.

– Так. Сегодня будем есть вместе.

Мао Цзэдун взял дочь за руку. Вместе они пошли к столу.

Ли Нэ взяла палочки, носом втянула аромат горячего риса; это был красный неочищенный рис, в него были добавлены головки таро. Она глубоко-глубоко вдыхала этот запах.

– Ох, какой аромат! – Она посмотрела на отца и мать и лучезарно улыбнулась, она была такой милой и непосредственной!

Цзян Цин взглянула на дочь, потом на Мао Цзэдуна, хотела что-то сказать, однако тут же, рядом, были телохранители, и она сдержалась. Принужденно улыбнулась, взяла палочками кусочек пищи и положила в рот дочери.

– Ешь. Ешь скорее.

Мао Цзэдун дал знак палочками.

Ли Нэ начала было есть. Но блюда были обжигаяще горячи. Она стала дуть на еду. Дунула несколько раз, затем проглотила. Глаза от жара увлажнились.

– Ешь помедленнее, куда торопиться? – Голос Мао Цзэдуна звучал размеренно. Он чуть улыбался. Однако улыбка его становилась все более неестественной.

Ли Нэ взглянула на прислуживавшего телохранителя, стыдясь сказала:

– В университете мы всегда быстро едим, я так привыкла.

– Но сейчас-то ты дома. – Мао Цзэдун сказал это очень низким голосом, он уже начал горько улыбаться.

– Ешь овощи. Ешь побольше овощей. – Цзян Цин непрерывно подносила пищу ко рту дочери своими палочками. Ее лицо было бледным. На губах застыла все та же вымученная улыбка; в душе у нее все дрожало и одеревенело. Она смотрела, как ест Ли Нэ, и это был взгляд, которым смотрят только матери.

Ли Нэ больше не связывала себя присутствием родителей, она медленно сделала лишь несколько глотков, а затем снова стала есть, как голодный волчонок или тигренок; она, почти не жуя, проталкивала в себя куски пищи. Отправляя пищу в рот, она невзначай подняла глаза, ее взгляд скользнул по столу, и тут она увидела, что еды на столе почти не осталось.

Сначала и Мао Цзэдун вслед за дочерью размеренно отправил в рот несколько кусков и даже что-то произносил при этом. Но вот постепенно он перестал говорить. Молчаливо отправил в рот еще кусочек. Стал жевать его так медленно, так медленно... Наконец он отложил палочки, перестал жевать, с тревогой глядя на дочь, он погрузился в задумчивость.

Цзян Цин уже давно перестала есть. Она поглядывала то на дочь, то на Мао Цзэдуна. Несколько раз тяжело вздохнула и, наконец, не шевелясь уставилась на Мао Цзэдуна. Иной раз, когда ей хотелось что-то сказать, она нарочно ничего не говорила, надеясь на то, что Мао Цзэдун сумеет понять и сможет сказать это первым.

– Ой, что же это вы сами не едите? – Ли Нэ с трудом оторвалась от пищи.

– Да-а... – Мао Цзэдун широко улыбнулся. – Я уже стар, ем немного. Я очень завидую вам, молодым.

Говоря это, он взял газету, повернулся в сторону и стал читать. При этом он чуть поворачивал голову, как будто бы углубился в чтение, весь ушел в него.

Цзян Цин тяжело дышала. Вдруг она взяла блюдо с рисом и выложила в пиалу Ли Нэ все, что там оставалось – полблюда риса. Затем она встала и вышла. Ее глаза были полны слез.

Мао Цзэдун, казалось, ничего не замечал. Однако, как только Цзян Цин вышла из комнаты, он тут же поднял голову и сказал дочери:

– В молодости я проводил социальные обследования в провинции Хунань, в деревне. Однажды я не ел целый день, а потом выпросил рис, оставшийся в пиале...

Он еще не кончил говорить. Но все помыслы Ли Нэ были в этот момент сосредоточены только на еде.

– Если вы не едите, то я все это доем, – попросила она.

– Доедай все. – Мао Цзэдун взглянул на дочь, затем отвел взгляд; было такое впечатление, что он больше не решался на нее смотреть. Он вновь обратился к газете, стукнул легонько по столу. – Была когда-то такая политика, которая проводилась под лозунгом: «Все уничтожать подчистую». Вот и не надо, чтобы хоть что-то пропадало понапрасну.

По сути дела, Ли Нэ и не знала о том, чем обычно питался в те времена ее отец. Если бы она знала, что ее отец иной раз за целый день съедал только одну порцию портулака овощного (огородного), то она, конечно же, не «распоясывалась» бы так, не ела так «раскованно». Она съела все до последнего зернышка, не оставила даже перышка лука, которое тоже аккуратно отправила в рот. Ее глаза с сожалением обшарили стол.

– Мне ведь еще расти и расти, у меня ужасный аппетит... Вот таких огромных пиалы я могу съесть целых три, – с этими словами она нарисовала в воздухе огромные круги.

Мао Цзэдун даже не взглянул в ее сторону. Он был прикован к газетной странице. Он лишь по привычке пожевал нижнюю губу.

– Какая сегодня вкусная еда; жалко, что... – Ли Нэ бросила взгляд на отца, потом по-детски посмотрела на телохранителя. – Дядя Инь, а нет ли еще супа? Набери из этой супницы, не будем ничего расходовать напрасно.

Инь Синшань резко отвернулся, слезы выступили у него из глаз, он бросился в кухню.

– Да, досталось дитяtku, досталось нашей Ли Нэ. – Повар извлек из сковороды две пампушки, приготовленные из белой пшеничной и кукурузной муки. Телохранитель, не дожидаясь, пока он поджарит пампушки на огне, схватил и отнес их Ли Нэ.

Ли Нэ повернулась и смущенно посмотрела на отца, затем взяла пампушку, поводила ею по блюду, подбирая остатки пищи, и отправила вкусный пирожок в рот. Инь Синшань принес горячей воды и помог Ли Нэ из остатков того, что было на блюде, создать супчик, который она и выпила.

У Мао Цзэдуна дважды булькнуло в горле. Он встал и, ничего не сказав, вышел. Он пошел во двор. И вдруг повернулся и опять пошел в дом, но не вошел в спальню, а снова повернулся и возвратился во двор. Казалось, что он и сам не понимал, что же надо делать.

Вечером Цзян Цин пришла в спальню Мао Цзэдуна, попросила телохранителя выйти. Полчаса спустя Цзян Цин вышла, глаза ее покраснели, она явно плакала. Мы понимали из-за чего и вошли в спальню Мао Цзэдуна.

– Председатель, Ли Нэ приходится слишком тяжело; как вы думаете, нельзя ли...

– Нельзя, – отрезал Мао Цзэдун, все поняв. – Если сравнивать с народом всей страны, то ей еще довольно хорошо живется.

– Но...

– Ничего не надо говорить. Мне самому на душе нелегко. Ее матери тоже несладко. Но я – кадровый работник государства. Государство установило определенные нормы для нас. Она же студентка. Если ей что-то не положено, значит, не положено. – Мао Цзэдун дважды глубоко вздохнул и с тревогой и не без назидательности произнес: – Опять все то же самое. Разве не будут все говорить: ведь она же дочь Мао Цзэдуна. Все-таки пусть каждый получает то, что ему положено. А в нынешней обстановке нужна особая строгость.

«Для всех она – дочь Мао Цзэдуна». На меня эта фраза произвела очень глубокое впечатление. Эта фраза во всей полноте отражает и ту любовь, с которой Мао Цзэдун относился к своим детям, и те суровые требования, которые он к ним предъявлял.

В 1980 году мы с женой наконец получили возможность свободно общаться с Ли Нэ. Она жила одна со своим сыном. Ей в быту приходилось довольно трудно. Мы посоветовали ей снова выйти замуж. Она сказала в ответ:

– Да вы что говорите? Моя мама – из «четверки». Кто же осмелится подойти ко мне?

И тогда я вспомнил эту фразу Мао Цзэдуна. Мы с женой начали уговаривать ее:

– Ты так не говори. Ведь твой папа все-таки великий вождь. Ведь ты – дочь Мао Цзэдуна!

Впоследствии мы с женой познакомили ее с одним человеком. Это был в прошлом боец охраны при Мао Цзэдуне Ван Цзинцин. Когда они поженились, товарищ Ян Шанкунь (председатель КНР. – *Прим. пер.*) подарил им большой пододеяльник и шоколадку. Дело в том, что в детстве Ли Нэ любила шоколад. Ян Шанкунь написал им также письмо с поздравлениями; на этом письме поставили подписи и он сам, и все члены его семьи.

17. А ты не мог бы рассказать о юморе Мао Цзэдуна?

[...] Мао Цзэдун вовсе не всегда двигался торжественно или размеренно. Ему чрезвычайно нравилось при ходьбе двигать плечами и поясницей; при этом руки и ноги его просто ходили ходуном – когда он шел, то все его тело находилось в движении. Это было очень похоже на то, как это делают в парках некоторые пожилые люди. Да вы только подумайте: ведь работая, он зачастую просиживал за письменным столом по десять и более часов подряд; при этом весь его организм застаивался; так неужели же ему не хотелось

подвигать, как говорится, всеми членами при ходьбе? Каждый раз, когда он выходил из спальни и направлялся на какое-либо заседание в Инъяньтан, то на этом коротком отрезке пути он стремился подвигать и плечами, и поясницей; он шел, а руки и ноги его ходили ходуном, и только тогда, когда он подходил к тому месту, где его могли видеть многие люди, он менял походку, и она становилась торжественной и размеренной. А когда его руки и ноги ходили ходуном, он еще и стремился дышать с шумом и с присвистом; и при этом он еще и поглядывал на следовавшего за ним телохранителя; это было безмолвное проявление юмора: «Чего обалдел? Я ведь тоже человек!»

В юморе Мао Цзэдуна находили свое отражение лучшие черты его характера.

В моменты опасности и напряжения Мао Цзэдун часто шутил. [...]

18. Считал ли Мао Цзэдун, что «чтение книг – это занятие бесполезное»?

[...] Принимая во внимание то, что общий образовательный уровень телохранителей и бойцов охраны был относительно низким, Мао Цзэдун лично выступал в качестве преподавателя: в Чжуннаньхае он организовал школу для обучения кадровых работников в свободное от работы время.

Учащимися этой школы именно и были все телохранители и все бойцы первой роты, которая несла ответственность за охрану Мао Цзэдуна. Учились мы родному языку, математике, политграмоте, истории, географии, физике, то есть шести предметам. Аудитория для занятий размещалась прямо в павильоне, в котором жил Мао Цзэдун, то есть в павильоне Сиюань, или в месте расположения первой роты. Мао Цзэдун приказал нам за счет его гонораров купить школьные сумки для каждого бойца, учебники и тетради для упражнений, то есть все необходимое для учебы. Кроме того, были куплены турник, брусья, гантели, эспандеры и другие спортивные снаряды. Иной раз, когда мы выезжали в командировки, мы брали с собой также и учителей, и учебники. Когда же наступили 1960-е годы, тогда работники, служившие подле него, в основном все уже имели полное среднее образование. В Чжуннаньхае только для тех, кто работал подле Мао Цзэдуна, была создана такая вечерняя школа для кадровых работников. Мао Цзэдун постоянно интересовался нашими успехами в учебе. Мало того, он и сам проводил занятия. Что же касается телохранителей, то в силу того, что они были совсем рядом с ним, он часто давал им дополнительные консультации и проверял, как они выполняли задания. Фэн Яосун сказал как-то то, что очень хорошо выразило наше общее настроение: «Другие учителя научили нас каждый только своему предмету, а председатель Мао Цзэдун учил нас семи предметам. Помимо тех шести предметов, которым мы учились в школе, он также научил нас тому, как проводить социальные исследования, как писать отчеты об этих исследованиях».

В настоящее время в Военном музее хранятся тетради бойцов с поправками, сделанными председателем Мао Цзэдуном, а также доклады и отчеты о социальных обследованиях, проведенных нами во время поездок в деревню, в родные места.

[...]

19. А не выступал ли Мао Цзэдун против того, чтобы открывать двери в Китай и проводить политику открытости?

[...] В первое время после образования КНР Мао Цзэдун был занят сверх головы, и все-таки он, по-прежнему сам, вырвался и отправился в Советский Союз. Почему? Да для того чтобы получить, добиться займа и помощи. Он проделал трудную подготовительную работу. Перед отправлением в путь я готовил его багаж. Он стал загибать пальцы: большой, указательный и средний. Затем сказал: «Возможно, придется задержаться. Потребуется несколько недель, вероятно месяц». Фактически же он пробыл в СССР почти два с половиной месяца. И именно в интересах народа Китая, исходя из того, что для восстановления экономики государства требовались некоторые займы, он пошел на некоторые уступки, греша против совести и убеждений, и в конечном счете добился того, что Советский Союз согласился в течение пяти лет ежегодно предоставлять Китаю заем в

сумме 60 миллионов американских долларов.

60 миллионов американских долларов! Мне доводилось слышать, как некоторые руководители говорили, что это намного меньше той помощи, которую СССР предоставил любому из социалистических государств Восточной Европы, а ведь эти государства меньше, чем одна наша провинция; населения во всех них, вместе взятых, меньше, чем в одной лишь нашей провинции. [...]

Я не бывал в этих государствах; я лишь читал в статье, которую Мао Цзэдун написал на даче Шуанцин перед образованием КНР: «помощь» со стороны США «Китаю во время войны и после войны», согласно сведениям, содержавшимся в Белой книге, составила более 4,5 миллиарда американских долларов, а по нашим подсчетам, более 5 миллиардов 914 миллионов американских долларов... Заем, который мы должны были получить, не идет ни в какое сравнение с этой суммой.

И этот-то заем в 60 миллионов американских долларов в год Мао Цзэдун, исходя из искренних чувств, когда «за каплю милосердия платят как за целый его источник», восхвалял как «всестороннюю бескорыстную великую долгосрочную помощь». В тот день, когда пришла весть о смерти Сталина, Мао Цзэдун не мог уснуть. Он принял снотворное и все равно не мог заснуть. Он написал статью «Величайшая дружба», в которой с глубоким чувством восхвалял поддержку и помощь, оказанные Сталиным революции Китая и строительству в Китае.

Когда Мао Цзэдун заявил, что хочет «с любым иностранным правительством» установить дипломатические отношения на основе принципов равноправия, взаимной выгоды и взаимного уважения территориального суверенитета, то сюда, естественно, включалось и правительство США. [...]

20. О чем же сожалел Мао Цзэдун?

[...] После создания государства (КНР. – *Прим. пер.*) Мао Цзэдун плавал в реках, морях, озерах, водохранилищах по всей стране. Куда бы мы ни приезжали, если только там было водное пространство, он хотел плавать в нем. Причем шел в воду всегда с вызовом, а на берег выходил с гордостью покорителя вод.

Однако он никогда не относился к Хуанхэ ни с чувством вызова, ни с чувством покорителя. Он много раз изучал Хуанхэ, раз за разом пристально вглядывался в нее и каждый раз серьезно задумывался, прикидывал, оценивал, сопоставлял... И затем с сожалением покидал ее, расставался с ней.

Он так ни одного раза и не плавал в реке Хуанхэ!

[...] За тысячелетия Мао Цзэдун впервые и на столь высоком авторитетном уровне пересмотрел дела Цао Цао и Цинь Шихуана, отношение к ним. Он просто-напросто высмеял всех тех, кто сопоставил нашу политическую власть и Цинь Шихуана: «Да ты ошибаешься: мы должны еще и во сто крат превзойти Цинь Шихуана». При этом он ни в коем случае не имел в виду степень насилия со стороны политической власти, а имел в виду вклад в интересах государства и нации.

[...] Мао Цзэдун обнаружил, что партия и государство, которые он выпестовал своими руками, имеют некоторые черты и свойства, которые далеко не идеальны; и в этой связи он все искал и искал способ, метод избавления от этого. Я полагаю, что в этом одна из причин того, что он развернул «культурную революцию». Однако этот его способ, как показали факты, был ошибочным и принес лишь десятилетнюю смуту.

Вот это-то и было предметом самого последнего сожаления Мао Цзэдуна, а также предметом сожаления со стороны самой истории.

Воспоминания личного врача

[...]

Когда я (Сюй Тао. – *Прим. пер.*) в первый раз увидел Мао Цзэдуна, то, ответив на его вопросы, в свою очередь спросил:

– Председатель, а как вы отнесетесь к тому, что я вас осматриваю?

– Э... не надо, нет необходимости. – Мао Цзэдун отрицательно покачал головой. Опираясь на изголовье своей кровати, он в это время читал газеты. Он заложил ногу за ногу, и обе его ноги тоже делали движения, выражавшие отрицательное отношение к моему вопросу. – Я не хочу, я не болен.

– Как же вы можете без осмотра знать, больны вы или нет?

– Но это ведь мой собственный организм. Как же мне не знать, болен я или нет?

– При некоторых заболеваниях сам человек о них как раз и не подозревает. И, кроме того, раз уж я работаю теперь при вас лечащим врачом, то я должен за все это нести ответственность.

– Я не болен. А если я не болен, то чего тут осматривать? – Мао Цзэдун сделал легкий жест правой рукой: – Ты иди. Вот когда заболею, тогда я тебя и позову.

При первой встрече я не решился продолжить разговор и потихоньку ретировался. Да, видимо, телохранители не привирали, когда рассказывали о ситуации. Мао Цзэдун не любил врачей. Мало того, он был человеком, уговорить которого было трудно; он считал себя непогрешимым, правым всегда.

Ну что же, давай-ка я сначала просто понаблюдаю. Я наблюдал за ним так с неделю со стороны и пришел к выводу: в организме Мао Цзэдуна непременно гнездятся и латентно таятся скрытые недуги.

Мао Цзэдун был перегружен работой. Его рабочее расписание на каждый день, которое находилось в руках его секретарей, было забито делами до отказа; некогда было даже дух перевести. Он страстно, до самозабвения любил читать. В библиотеке, в кабинете, в спальне – повсюду были книги. Когда он куда-либо выезжал, то багажа при нем было немного, но в деревянных ящиках он брал с собой книги и книги. Тут уж он действительно, как говорится, свитков из рук не выпускал, то есть не расставался с книгами и вечно сидел за книгами. Когда он ел, когда его стригли и брили, когда он ложился спать – он не выпускал книги из рук. Он недостаточно двигался; максимум, что тут было, это десятиминутные прогулки по двору; да еще иногда танцы по субботам. Он курил, практически не выпуская сигарету изо рта; дни и ночи он проводил в облаках дыма; он без конца пил крепкий густой чай. Спал он поразительно мало; тут ни о каком регулярном образе жизни и говорить не приходилось. Он слишком хаотично питался; и тут тоже не было никакого порядка. Очень часто он ел всего один раз за семь-восемь часов и даже за десять и более часов. Это сказывалось на состоянии здоровья тех людей, которые работали подле него. Многие среди них заполучили себе язву желудка. И при таком объеме работы, при таком образе жизни как можно было не заболеть?

И вот как-то утром я вошел в спальню Мао Цзэдуна. В это время он как раз, опершись на изголовье кровати, пил чай и читал газеты. Первое, что он делал ежедневно проснувшись, он пил чай и читал газеты.

– Председатель, я хотел бы вас осмотреть.

– Что? Ты опять пришел? – Мао Цзэдун нетерпеливо махнул рукой: – Не дам я себя осматривать.

– Я обязан вас осмотреть. – Я положил свои медицинские инструменты, необходимые при осмотре, на стол у кровати; тем самым я продемонстрировал свою решительность.

¹⁴ Воспоминания одного из врачей Мао Цзэдуна были записаны китайским журналистом Цюань Яньчи, опубликовавшим их под названием «Частная жизнь Мао Цзэдуна» (журнал «Жэхэ», 1989, № 7–8, с. 102–118). Фамилия и имя этого врача Сюй Тао. Его жена У Сюйцзюнь была медицинской сестрой при Мао Цзэдуне.

Пер. с кит. Ю.М. Галеновича.

– Ты иди. Я не болен. – Мао Цзэдун во второй раз махнул рукой.
– Даже если вы не больны, осмотр все равно необходим. Я врач. Я должен точно представлять себе состояние вашего организма.

– Какой же ты, однако, товарищ. Я ведь уже говорил, что когда я заболел, тогда и обращусь к тебе, позову тебя. – Мао Цзэдун нахмурился и в третий раз махнул рукой.

– Вы также говорили, что следует активно проводить профилактику и лечить народ от болезней. Вот я сейчас и собираюсь активно заняться профилактикой.

Мао Цзэдун посмотрел на меня с изумлением. Я стал действовать настойчивее, хотя и нервничал и находился в напряжении.

– Гм... – Мао Цзэдун хмыкнул, нахмурил брови. С неудовольствием опустил руку, в которой была газета. И тогда я начал осмотр.

Я начал с волос на голове. Глаза, уши, рот, горло – тут все было в порядке. Но вот зубы были прокурены дочерна.

– Председатель, зубы ваши никуда не годятся...

– Что? Слишком черные? Так это от того, что в Яньани мы ели черные соевые бобы...

Я прыснул со смеху, сказал:

– На бобы сваливать нечего. Причина тут в том, что вы слишком много курите. И много винного камня. Есть зубной кариес. Вас беспокоят зубы?

– Зубная боль – это не болезнь; но как зубы заболят, так жить не хочется.

Да ведь главное тут, ключ тут именно в этих словах, в этой народной мудрости: «Зубная боль – это не болезнь». С широко открытым ртом, откинувшись в кресле, он был похож на крестьянина; я уже перестал нервничать и напрягаться.

– Так говорят неграмотные люди. Это не научный подход.

– А, так ты исходишь из того, что в ваших книгах именуется наукой? А вот практика тысячелетий доказывает, что зубная боль не смертельна, от зубной боли не умирают. – Он был так серьезен, как будто бы речь шла об обсуждении важного политического вопроса.

– Да, сразу это несмертельно. Но если это затягивается, то оказывает воздействие... Дайте мне вашу руку, я измерю давление крови.

– Ты мне еще и давление будешь мерить? А вот когда мы целыми сутками совершали переходы, когда шли с боями, кто тогда измерял давление крови? Тогда было важно только одно: чтобы пуля не зацепила; а ведь все были здоровы.

– Тогда условий не было, а сейчас есть условия и нужно измерять давление.

Я внимательнейшим образом осмотрел Мао Цзэдуна с головы до пят и был просто поражен.

За исключением зубов я не нашел никаких других болезней. Особенно удивительным было то, что сердце и легкие функционировали совсем не так, как обычно у шестидесятилетнего человека; они были в потрясающем, отличном состоянии. И как это было возможно при его нагрузках по работе и при его образе жизни? Мои тогдашние ощущения я могу выразить фразой из одного театрального спектакля: «Мао Цзэдун – это просто-напросто божество!» Вот это меня в нем очень привлекло.

Мао Цзэдун, одеваясь, говорил:

– Суй Тао, ты оказался смелым человеком. – Он так же, не напрягаясь, но и не расслабляясь, поглядывал при этом на меня.

Я опешил и не понимал, о чем идет речь.

– До сих пор никто и никогда меня вот так полностью не осматривал.

У меня нет болезней. А ты потратил столько моего времени. Да, ты осмелился отнять так много моего времени!

– Так точно, председатель. По-другому тут нельзя. А при серьезном заболевании придется приглашать специалистов, устраивать еще и консилиум.

– Никого звать не надо. Позовем тебя, и хватит, – он говорил всерьез.

– Нет, так нельзя. Я не могу брать на себя такую ответственность.

– Хватит и тебя! – Мао Цзэдун настаивал. – Ты мой организм исследовал, теперь ты с

ним знаком. Мне больше ни к чему разводить церемонии, и на душе у меня теперь спокойно, и чувствую я себя при тебе естественно. Специалистов приглашать не надо, потому что тогда мне придется наряжаться, соблюдать приличия, тратить время, да и на душе будет беспокойно. Мало того, я здоров, ничем не болен, и ответственности тебе никакой нести не придется.

– Тогда будем считать, что это у нас был первичный осмотр. В дальнейшем я буду вас осматривать в установленные сроки.

– Еще осматривать? Я ведь не тот человек, к которому липнут болезни.

Я продолжил свою мысль:

– Кроме того, вы несколько склонны к полноте; придется последить за весом.

– Ха-ха-ха, – Мао Цзэдун рассмеялся. Ему было все равно: полноват он или нет. Похлопывая себя по чуть выпирающему животу, он сказал: – Разве это считается полнотой в моем-то возрасте? Да даже если я чуть полноват, это что, тоже может привести к заболеванию?

– Лучше быть чуть худощавее, чем чуть полнее.

– Вот в какой-то из твоих книг сказано, что быть чуть худощавее лучше, чем быть чуть полнее; а рано или поздно появится другая книга, в которой напишут, что быть чуть полнее лучше, чем быть чуть худощавее. Ты веришь мне, что именно так и получится?

Я не верил. А вот сегодня немало ученых провели исследования, сделали подсчеты и полагают, что быть чуть полнее – это лучше, чем быть чуть худощавее. Мао Цзэдун поистине обладал даром предвидения.

Проведя первичный осмотр и серьезно осмыслив его результаты, я составил ясное представление о направлениях работы в дальнейшем. Было очевидно, что моя центральная задача состояла в том, чтобы вывести Мао Цзэдуна из столь напряженного рабочего ритма, и тут важно было сосредоточиться на главных моментах.

Сон

Если сказать, что сон Мао Цзэдуна – это было великое дело, дело всей партии, то обычному человеку понять такое трудно; еще труднее воспринять это утверждение как подобает. На самом же деле тут нет никакого преувеличения, особенно если мы говорим о канунах великих событий. Начиная с премьера Чжоу Энляя все вожди партии, встречая людей, которые работали подле Мао Цзэдуна, прежде всего интересовались: «Поспал ли председатель?», «Хорошо ли спал председатель?». Да и сам Мао Цзэдун говорил: «В личной жизни у меня есть только три великих дела: спать, пить чай, принимать пищу».

Сон он ставил на первое место. Сон доставлял ему больше всего мучений; из-за него он раздражался; сон был для него самой большой драгоценностью; и в то же время сон был также желанным, он был тем, что приносило Мао Цзэдуну наивысшую радость, наибольшее удовлетворение. И если он сердился на телохранителей, то в восьми случаях из десяти это случалось из-за сна.

Когда я приступал к работе подле Мао Цзэдуна, Фу Ляньчжан (заместитель министра здравоохранения, в прошлом личный врач Мао Цзэдуна. – *Прим. пер.*), наставляя меня, прежде всего говорил о сне председателя. Он рассказал мне такую историю.

В годы войны наши бойцы на территории, занятой врагом, раздобыли большую бутылку снотворного; это было американское лекарство барбитон. И тогда очень многие ответственные руководители партии и армии вели себя так, как будто бы заполучили в свои руки некую драгоценность и специально с нарочным прислали это лекарство Фу Ляньчжану.

Чжоу Энлай и другие руководящие товарищи были очень рады появлению бутылки с этим снотворным и дали Фу Ляньчжану указание непременно надежно хранить это лекарство; его не разрешалось принимать больше никому; предполагалось, что, приняв несколько капель лекарства, председатель Мао Цзэдун будет хорошо спать, и это будет способствовать тому, что он выработает важные установки или будет полон сил и энергии

при решении важных дел, касающихся судеб всей партии, всей страны. Фу Ляньчжан как зеницу ока, как саму жизнь, хранил эту бутылку с лекарством, ни одной капли не давая пропасть напрасно. И только в ключевые моменты давал несколько капель Мао Цзэдуну, чтобы он мог хорошо выспаться. Зачастую, хорошо поспав, Мао Цзэдун оказывался способен работать без перерывов и без отдыха несколько суток подряд, правильно и вовремя разрешая сложные противоречия и даже принимая важные стратегические решения, оказывающие воздействие на ход исторического развития. Фу Ляньчжан говорил, что в определенном смысле эта бутылка барбитона внесла свой специфический вклад в дело революции в Китае!

Начав работать подле Мао Цзэдуна, я очень скоро понял всю справедливость слов Фу Ляньчжана. Сон Мао Цзэдуна действительно по своему значению был нечто большее, чем обычный сон; это было действительно то, что было взаимосвязано с великими делами, касавшимися всей партии, всей страны. [...]

На первый взгляд сон Мао Цзэдуна был совершенно лишен каких-либо правил; однако внимательное изучение показывало, что на самом деле он подчинялся определенным законам. Одна из закономерностей таилась в самом организме Мао Цзэдуна; когда его мозг доходил до предела переутомления, когда он уже не мог говорить от усталости, тогда он начинал пальцами совершать круговые массирующие движения, потирая себе макушку и бормоча: «Все пошло вверх дном», а затем бросал телохранителям: «Я посплю».

Была и еще одна закономерность, которую я выяснил, ведя наблюдение со стороны. Помимо тех случаев, когда, встретившись с большими проблемами, он мог не спать несколько суток, в обычных условиях его сон можно было обобщить как «ежедневную добавку в виде четырех часов» к каждому суткам; иначе говоря, для Мао Цзэдуна сутки состояли из двадцати восьми часов. Например, предположим, что сегодня он отошел ко сну в семь часов утра, в двенадцать часов дня он встал с постели; это означало, что завтра он, вероятно, отойдет ко сну в одиннадцать-двенадцать часов дня, а встанет в три-четыре часа дня; а через день, то есть послезавтра, отход ко сну отложится, вероятно, до трех или четырех часов дня, встанет же он ото сна часов в девять или в десять вечера. Такой день или такие сутки в среднем были продолжительнее естественных или природных суток на четыре часа. Конечно же, все это могло иметь место лишь тогда, когда не происходили важные события; а в тех случаях не существовало ни дня, ни ночи; тогда и речи не могло быть о какой бы то ни было регулярности.

В силу того, что его день или его сутки превышали по продолжительности натуральные или природные сутки и были специфическими сутками, это создавало определенные трудности для других руководящих товарищей из ЦК партии, а именно: перед ними вставал вопрос о том, как согласовать обычные сутки с сутками или «днем» Мао Цзэдуна. Ведь если просто сводить все это к утверждению о том, что Мао Цзэдун по утрам спал, а во второй половине дня и по ночам работал, то это по сути дела было бы неточным. Можно лишь сказать, что таких случаев было немало. Многим руководителям ЦК партии, прежде чем доложить о состоянии дел Мао Цзэдуну, всегда приходилось осведомляться: «Поспал ли председатель?», «Председатель сейчас спит или работает?» И утром, и во второй половине дня или вечером, а то и ночью – в любое время суток можно было столкнуться с ситуацией, когда Мао Цзэдун спал. И в этих случаях приходилось говорить руководящим товарищам: «Извините». Тут оставалось только раскланяться, подождать и прийти в другой раз, через некоторое время. Конечно, важные дела были исключением. В этих случаях можно было разбудить его. Мао Цзэдун был ядром Центрального Комитета партии, а также ядром руководства государством. В то время руководящие товарищи все время вращались вокруг него. И если он объявлял о созыве заседания ночью, то другим товарищам приходилось ночью выбираться из постелей и поспешать на совещание. До того, как начать работать подле Мао Цзэдуна, я служил подле Ло Жуйцина и был очень хорошо знаком с такой ситуацией. Ло Жуйцин много раз говорил мне о том, как он устал, потому что председатель ночью снова приглашал его на совещание. Можно себе представить и положение других

руководителей.

[...] Мао Цзэдун весьма активно принимал снотворное. Почти каждый день. Исходя из того, что сон был делом первостепенной важности для Мао Цзэдуна, для меня большой проблемой в работе стало распределение приема снотворного. Ведь, с одной стороны, требовалось дать ему поспать, а с другой стороны, было желательно, чтобы он принимал лекарств поменьше; надо было избежать выработки привычки к наркотику. Работа эта была чрезвычайно сложной, и в одиночку я с этим не справился бы, поэтому министерство здравоохранения помогало мне изучать вопрос и планировать прием лекарств; тут требовалась также безостановочная смена одних лекарств другими; нужно было также определять необходимую дозу лекарства для каждого приема.

Снотворное для Мао Цзэдуна я ежедневно ставил на стол у его кровати. Он всегда стремился выпить лекарства побольше. Я не позволял. Он был очень упрям, и просто так отказать ему было невозможно; приходилось уговаривать, доказывать. Он прислушивался только к убедительным доводам; лишь в этом случае он переставал настаивать на своем. Однако нельзя было давать и слишком малую дозу снотворного; тут нужна была гарантия того, что он заснет, что можно будет обеспечить отдых и восстановление сил после продолжительной напряженной умственной работы. Можете себе представить, насколько сложной и трудной была эта работа. Можно гордиться тем, что нам удавалось в основном правильно определять дозировку лекарств, обеспечивать и сон и работу председателя; он принимал снотворное на протяжении нескольких десятилетий, и не произошло ни отравления организма, ни возникновения пристрастия к наркотикам. [...]

Питание

Второй великой задачей, выполнение которой требовало от меня нервного напряжения, больших усилий и зачастую сводило на нет мою работу, было решение вопроса о том, как добиться того, чтобы Мао Цзэдун правильно питался.

Из-за того что сутки Мао Цзэдуна были длиннее обычных естественных суток, удлинялись и промежутки между приемами пищи; как только он брался за работу, так по десять и более часов подряд не принимал пищу.

В те времена, а это было вскоре после освобождения, медицинская служба Мао Цзэдуна и его охрана были слиты воедино. Отвечая за безопасность, я не решался отойти от председателя и сам питался нерегулярно, а в результате вскоре заработал язву желудка. У меня стали постоянными боли в желудке, и мне удавалось справиться с этим недугом исключительно благодаря своей молодости. Немало тех, кто работал подле Мао Цзэдуна, заболели язвой желудка; странно и удивительно было то, что сам Мао Цзэдун при этом чувствовал себя как ни в чем не бывало.

Это поистине вызывало мучительные раздумья. Я вычитал из книг, да и из бесед, то есть из каждодневных разговоров с Мао Цзэдуном, тоже следовало, что в молодые годы он сознательно закалял свой организм и даже нарочно ел холодный рис; он ел тот рис, который оставался от предыдущей трапезы, и даже прокисший рис; и таким образом он подготовил себя к будущей суровой борьбе. Это, естественно, свидетельствовало о том, что от молодых ногтей он обладал незаурядной волей. И все же, как же так получилось, что при всем этом не зародились в его организме корни будущих болезней?

[...] Мао Цзэдун никогда не предъявлял высоких требований ни к еде, ни к питью. Он любил жирное мясо и свежие овощи. Конечно, для организма полезно потреблять больше свежих овощей. Но против жирного мяса я не мог не возражать. Я-то возражал, да он меня и слушать не хотел. Я все повторял и повторял, говорил, как вреден жир, рассуждал о холестерине. Он слушал меня со всей серьезностью, а выслушав, с улыбкой пропускал мимо ушей, не обращал на мои доводы внимания. Он говорил:

– Нельзя не выслушать тебя, не выслушать то, что ты говоришь; но если я буду прислушиваться ко всему, если я всему буду верить, то тогда я погиб, тогда мне крышка. Если обращать на еду такое внимание, как ты об этом говоришь, тогда сотни миллионов крестьян Китая не должны были бы выжить. Когда человек после рождения начинает запоминать иероглифы, то это и есть начало его дури; ты ухватываешь суть?

Он был упрям, но и я отличался упорством; поймав случай и не боясь быть назойливым, я снова заговорил о принципах питания. Я сказал:

– Если нет условий, то требовать особого внимания к вопросам питания было бы неверным; но если такие условия есть и тем не менее упрямитесь, не желая обращать внимание на вопросы правильного питания, то это тоже неправильно.

Мао Цзэдуну надоело меня слушать; он махнул рукой, выпроваживая меня вон. Он сказал:

– За много лет я привык питаться именно так. Во всем должно соблюдаться равновесие, стабильность; и какие бы доводы ты ни приводил, тебе никак не уйти от равновесия, никак не уйти от необходимости сохранять сложившийся баланс. У меня сложился свой баланс; а вот тебе не удастся; ты его непременно хотел бы разрушить и обратить в состояние хаоса. Ты тут не занимайся подрывной деятельностью.

В этом вопросе его действительно было трудно сдвинуть с места.

Мао Цзэдун также говорил: «Вот ты говоришь, что я в еде не исхожу из доводов разума. Однако верность теоретических положений проверяется практикой. А разве у меня плохое здоровье? Вот если ты будешь сам руководствоваться при организации своего питания набором тех доводов, которые ты мне тут приводил, то ты совсем не обязательно будешь так же здоров, как я, дожив до моего возраста». [...]

[...] Он ел в соответствии с потребностями организма, когда ему хотелось есть; он прислушивался к голосу природы, естества, а в итоге не жаловался на хвори, и организм его всегда был здоровым, и он постоянно был полон энергии. В общем-то я накопил немало знаний, но объяснить этот феномен не мог; да и до сей поры это остается для меня загадкой.

[...] Еще большие трудности вызывало следующее обстоятельство: телохранителями при Мао Цзэдуне были молодые парни, которые либо всего несколько лет учились в начальной школе, либо и вовсе не учились, и все, что они делали, они делали без должной аккуратности. Яблоки, например, просто брали руками и ели, да еще и тебе могли предложить откусить. Если же я приносил что-то мытое или с очищенной кожурой и только в таком виде ел, то начинались разговоры об отрыве от масс; телохранители начинали поглядывать с презрением: «Да он интеллигент»; «Аккуратист занюханный». В этой связи у меня просто был забот полон рот. Дело в том, что если бы я даже и не боялся того, что у меня из-за этого могут испортиться отношения с народными массами, с простыми людьми, я все равно должен был волноваться и опасаться главным образом того, что при таких антисанитарных привычках трудно избежать дурного воздействия на здоровье Мао Цзэдуна.

Как-то раз Мао Цзэдун поел всего один раз за день. Я не выдержал и дал совет:

– Председатель, если вы будете продолжать столь безалаберно питаться, то рано или поздно нанесете ущерб своему здоровью. Ведь, с точки зрения науки, именно ежедневное трехразовое питание наиболее соответствует закономерностям усвоения пищи...

– Вот это у тебя самый настоящий догматизм, – Мао Цзэдун просто прервал меня. С обычной уверенностью в своей правоте он решил поспорить со мной: – Ведь вот после резекции желудка надо есть поменьше, но почаще; а ты небось и об этом будешь говорить как о «наиболее» важной закономерности?

– Это – особая ситуация.

– Понятие всеобщего существует среди океана вещей и явлений, которые специфичны; ничто не должно носить абсолютный характер, ничто из того, что говорится. Никогда не начинай со слова «наиболее». Люди едят для того, чтобы восстанавливать свои силы, а

работа — это расход сил; и до тех пор, пока человек жив, это противоречие будет существовать вечно. Нельзя только есть и не работать; нельзя и только работать и не есть; тут следует поддерживать равновесие. Противоречие будет существовать всегда, и человек должен будет безостановочно поддерживать равновесие. Одного ли раза достаточно или десяти раз — это не важно, а важно, чтобы наличествовало равновесие между расходом и поступлением; вот это и будет отвечать требованиям сохранения здоровья. А разве ты можешь сказать, что у меня тут нет закономерности?

Мне нечего было возразить. Равновесие между расходом и поступлением — это действительно основная закономерность жизни. Однако мне трудно было примириться с его методом такого сбалансирования.

Он любил жирное мясо, однако ел его вовсе немного. Проходило какое-то время, он ощущал желание полакомиться и приказывал: «Принесите мясо, тушенное в соевом соусе; надо подпитать мозг». Либо в случае сверхурочной работы, после тридцати рабочих часов, он мог съесть и четыре-пять блюд. Конечно, все это было очень скромно. Или речь шла о блюде шпината или о нескольких головках печеного таро. Он ел не с той целью, чтобы получить удовольствие, а лишь для того, чтобы восстановить равновесие между расходом и приходом, чтобы обеспечить себе рабочее состояние.

То, что он мало спал, конечно же, с неизбежностью сказывалось на желудке. И тут у Мао Цзэдуна был свой метод решения этой проблемы: он ел перец. Он не мог пить вино; одной рюмки виноградного вина было достаточно для того, чтобы у него краснело лицо, становились пунцовыми уши. Он любил, однако, есть перец; он съедал его целое блюдо, а цвет лица у него от этого не менялся, сердцебиение не усиливалось.

[...] Мао Цзэдун любил есть перец стручками; он не любил перец, резанный на части; он также не любил, чтобы перец жарили в масле. Он не ел и перец в виде порошка или пудры. А вот любил стручки целиком; любил головки острого перца, подсушенные на огне. Ему приносили именно такой перец, и Мао Цзэдун ел его прямо так. Тем самым он повышал свой аппетит, мог съесть много; ну и таким образом он поддерживал равновесие между «приходом и расходом».

Кто знает, может быть, эта привычка и была причиной постоянных запоров у Мао Цзэдуна. Когда случались запоры, то все те же телохранители должны были ставить ему клизму. И в этих целях Мао Цзэдун тоже имел свой метод смягчения противоречий. Он любил есть свежие овощи, свежую зелень; причем тут был свой отработанный до мелочей ритуал. Например, шпинат никогда не резали на части; его жарили целиком, и в таком виде Мао Цзэдун и ел его. Иначе говоря, в котел помещали все растение целиком, с корнями, стеблем и листьями; а при приеме пищи зачастую Мао Цзэдун за один раз палочками захватывал все, что лежало на блюде; он хрумкал с большим смаком. И другие овощи он тоже ел по возможности в целом виде или сохраняя их естественные волокна целиком. Он говорил: «Зубы у человека вырастают для того, чтобы жевать и хрустеть. А если ты все порежешь, все измельчишь, тогда у тебя нож заменяет твои же зубы, тогда тебе зубы придется отправить на пенсию».

[...] Основным продуктом питания Мао Цзэдуна был необрушенный рис. Южане, что вполне естественно, любят есть рис. После вступления в города он по-прежнему сохранял привычку есть хунаньский красный необрушенный рис. Он очень редко ел лучшие сорта риса: рис сорта «сяо-чжань» или рис сорта «дамы» из Северо-Восточного Китая. В рис обычно нужно было по его вкусу добавлять чумизу, угловатую фасоль или батат, то есть сладкий картофель, и головки таро. Он часто говорил: «Такая, значит, у меня судьба: я люблю есть грубое зерно».

Ел он очень чисто, в пиале на дне не оставлял ни одного зерна, палочками он управлялся с большим искусством, тут же подхватывал рисинки, которые попадали на стол, и отправлял их в рот, а я при этом просто немел от удивления. Мао Цзэдун же не придавал

этому особого значения, он вел себя так, как будто бы таково естественное поведение всех людей на земле.

Когда Мао Цзэдун брал в руки палочки для еды, то он обычно любил постучать ими по краю пиалы и с чувством, вздохнув, произнести:

– Вот, когда все крестьяне смогут есть то, что едим мы, тогда можно будет считать, что это будет дело, это будет великолепно.

Когда мы привыкли друг к другу, то уже не стеснялись в выражениях. Я частенько высказывался так:

– Председатель, ну как это называется? В мире столько вкусных вещей, а вы ведь ничем не ограничены, и тем не менее вы ничего не хотите есть.

Мао Цзэдун серьезно смотрел на меня:

– Ну ты и загнул. Тебе и этого всего мало? Чего же ты еще хотел бы? Ты просто хочешь стать капиталистом.

По сути дела, в то время я питался ничем не хуже председателя. А сейчас и я, и телохранители, находившиеся при Мао Цзэдуне, вероятно, едят лучше, чем в те годы ел председатель Мао Цзэдун. Однако в то время я не мог так сказать. Я мог только предлагать, рассказывать о знаменитых блюдах и предлагать, чтобы он их попробовал.

Мао Цзэдун хмурил брови:

– Мы что, собираемся устраивать государственный прием? Да кушанья, о которых ты говоришь, это дорогие блюда; но ведь не обязательно, что дорогое блюдо является в то же время и питательным. По-моему, для человека хороши все злаки; человека можно прокормить чумизой. Вот ведь мелкие землевладельцы, помещики, богатые крестьяне, кулаки – все они жили дольше, чем капиталисты. Ты веришь, что это так?

Мне делать было нечего, я кивал головой. [...]

Лечение

Должным образом наладить лечение Мао Цзэдуна – вот то дело, которое я никому не мог передоверить, да, собственно говоря, это и была моя первая обязанность.

Когда я работал подле Мао Цзэдуна, то болел он очень редко.

[...] Он и на самом деле никогда не болел заразными болезнями. Мао Цзэдун вообще болел редко, но это вовсе не значит, что мне легко было работать. Иной раз мне приходилось далеко не сладко. При этом существовали две главных трудности, с которыми я сталкивался. Во-первых, было непросто уговорить Мао Цзэдуна принять лекарства. Во-вторых, тяжело было иметь дело с Цзян Цин.

Как-то раз Мао Цзэдун был в неважном настроении, он постоянно хмурился и втягивал сквозь зубы холодный воздух. Да еще и пища не шла ему в горло, он все время хватался за щеку. Я заметил это и тут же подумал о его зубах. Настоял на осмотре. И ему пришлось сесть в плетеное кресло и открыть рот.

Конечно, это было воспаление десны. Опухоль была огромная и уже нагноилась.

– Зубная боль – это не болезнь; но как зубы заболят, так жить не хочется. – Я напомнил ему эти его собственные слова. Он засмеялся. Я сказал: – На сей раз тут действительно есть заболевание. Десна нагноилась, лимфатические узлы распухли. Вам надо бы принять лекарство, принять антибиотики.

Мао Цзэдун от боли морщил брови, но по-прежнему улыбался:

– Ох уж эти мне врачи. Любите вы пичкать человека лекарствами.

– Да уж. Как же можно без лекарств, если человек заболел?

– Я обхожусь без лекарств. – Иной раз Мао Цзэдун был очень похож на упрямого ребенка. Он отрицательно замотал головой, и в то же время было очевидно, что его мучила страшная зубная боль.

– Не хайте врачей, если у вас что-то болит, – это вы сами говорите постоянно. – Я знал,

что с председателем спорить трудно; здесь лучше всего было привести, нападая на него, его же собственные слова.

– Я хаю не врачей, а лекарства. А нет ли у тебя какого-нибудь такого способа, чтобы обойтись без лекарств?

– Если заболевание серьезное, то без лекарств не обойтись, тут обязательно надо пить лекарства. Приняв антибиотик, вы сможете очень быстро поправиться.

Мао Цзэдун обычно действовал, руководствуясь своей интуицией. А его интуиция, непосредственные ощущения такого великого человека, действительно проникали, как говорится, на три вершка в глубину.

Он говорил:

– Я не принимаю лекарств. Ведь если человек поправляется, только приняв лекарство, то это лишь означает, что сопротивляемость его организма не играет должной роли; это означает, что речь идет о незакаленном человеке. Надо мобилизовать сопротивляемость организма на противодействие внешней агрессии. А если всегда принимать лекарства, то сопротивляемость будет ослабевать, и тогда, когда бактерии вторгнутся снова, жди беды! Стать сильным можно только благодаря борьбе сил сопротивления.

– А если так, то к чему вообще выпускать лекарства? – спросил я.

Мао Цзэдун сказал:

– В тех случаях, когда обойтись одной лишь силой сопротивления организма не удастся, можно лекарствами помочь себе победить противника. Вот я и посмотрю на то, как на сей раз сумеют одержать победу силы сопротивления моего организма!

Мне его переговорить не удалось; пришлось пойти на компромисс:

– Ну, хорошо. Я еще понаблюдаю. Если ваши силы сопротивления не сумеют победить, то я должен буду дать вам лекарства.

Спустя несколько дней Мао Цзэдун справился с зубной болью без антибиотиков. Он удовлетворенно улыбался:

– Ну что? Моя сопротивляемость взяла верх. Вот тебе и опора на собственные силы; нельзя опираться только на помощь извне. Ничто на свете не выходит за рамки этой истины.

Помню также, что однажды Мао Цзэдун перенес незначительное заболевание. Я давал ему лекарства, а он возвратил их мне все целиком. Он не раз говорил мне:

– Сюй Тао, нельзя ведь совсем не прислушиваться к тебе как к врачу; но нельзя и слушаться тебя на все сто процентов. Если я буду слушаться тебя во всем, тогда я пропал. Если же совсем не буду слушаться, тогда я тоже ни на что не буду годен.

Когда же он болел довольно серьезно, то он иной раз слушался меня. Но, даже соглашаясь принимать лекарства, он дважды, а то и трижды переспрашивал, выяснял необходимость этого. Я окончил медицинский институт, а потому был способен привести целый ряд доводов. Он верил мне и принимал лекарства осознанно. Еще в 1953 году он много раз говорил мне:

– Китайские лекарства и китайская кухня – вот два великих мировых вклада Китая. Если ты не веришь, то подожди, и ты убедишься в этом.

[...] Начиная с эпохи Яньани, с яньаньских лет, Мао Цзэдун строго запрещал Цзян Цин вмешиваться в политику. Из-за этого, чему и я и телохранители были живыми свидетелями, Цзян Цин громко скандалила с Мао Цзэдуном. Мао Цзэдун не шел на уступки. Однако после 1963 года Цзян Цин постепенно, шаг за шагом, начала вторгаться в политическую деятельность партии. Тому было много причин. Немалую роль сыграли в этом Линь Бяо, Кан Шэн. Одновременно нетрудно было заметить, что ее карьеристские честолюбивые устремления и политические заговоры проявлялись все более отчетливо по мере того, как Мао Цзэдун достигал все более почтенного возраста, а здоровье его становилось все хуже.

В силу того, что он слишком сильно утомлялся, то есть в силу постоянного переутомления, а также из-за неустроенности его быта, отсутствия упорядоченности в питании Мао Цзэдун начал дряхлеть довольно рано. Процесс одряхления в самом начале проявлялся вовсе не в болезнях.

В 1965 году иностранный писатель Андре Мальро после встречи с Мао Цзэдуном писал так: «С начала беседы Мао Цзэдун только вставлял сигарету в рот или клал ее на край пепельницы; он не делал больше никаких других движений... Он внезапно вздергивал кверху оба плеча, потом опускал плечи... Мао устало поводит руками; потом, держась обеими руками за подлокотники кресла, поднялся. Он был прямее станом, чем все мы; был подобен великой каменной глыбе. За ним следовала медицинская сестра; он шел шажок за шагом, держась прямо и жестко, то есть так, как будто бы он был лишен эластичности...»

Это не была болезнь. Но это было старение, одряхление, которое было еще более труднопереносимым, еще более тяжелым для человека, чем недуг. Мао Цзэдун был великим бойцом; его не прельщало ничто материальное; он смело делал выбор в пользу самой трудной и горькой борьбы. Он выступал в качестве сильнейшего перед лицом всех своих противников или партнеров, выступал как победитель. Однако перед лицом старости или столкнувшись с дряхлостью, с увяданием, он, как и все живое, как и все живые существа, какими бы великими они ни были, не смог преодолеть законы природы. Андре Мальро изучал и описывал очень многих знаменитых в мире вождей. К Мао Цзэдуну он проявил уважение и почтение. После беседы с Мао Цзэдуном он был потрясен до глубины души. Дело было в том, что первые признаки возможного инсульта головного мозга всегда находят свое проявление в замедленности движений, в заторможенности и в жесткости движений. Этим страдал Черчилль. Когда он отправился в Париж получать орден освобождения, он передвигался так же, как впоследствии и Мао Цзэдун.

С годами Мао Цзэдун все больше дряхлел и угасал, как свет керосиновой лампы, в которой все более и более истощается запас керосина. После событий 13 сентября 1971 года (попытка тогдашнего преемника Мао Цзэдуна, заместителя председателя ЦК КПК Линь Бяо, улететь из КНР. – *Прим. пер.*) Мао Цзэдун несколько суток не мог спать. Он дважды, трижды принимал снотворное, но не мог заснуть. Старшая медсестра У Сюйцзюнь чрезвычайно нервничала. Хотя такое случалось и ранее, но теперь речь шла о человеке в очень солидном возрасте; его постепенно дряхлевший организм внезапно развалился. Когда был созван X съезд КПК, Мао Цзэдун уже не был в состоянии «мерными шагами здорового человека занять свое место в президиуме». Ему уже с трудом удавалось двигаться. А при закрытии съезда он покинул свое кресло уже после того, как все делегаты ушли из зала.

В 1972 году Мао Цзэдун перенес серьезное заболевание. Это случилось накануне прибытия Никсона в КНР. Я тогда в последний раз принял участие в лечебных мероприятиях, направленных на обеспечение жизнедеятельности организма Мао Цзэдуна.

Визит Никсона в КНР был большим событием. Было необходимо, чтобы Мао Цзэдун принял его. ЦК КПК создал группу врачей, чтобы принять срочные меры помощи. Этой работой лично ведал Чжоу Эньлай. Он пригласил и меня: «Сюй Тао, ты хорошо знаешь состояние председателя в прошлом. Ты тоже прими участие в этой работе».

В процессе нашей работы тогда Мао Цзэдуну ввели много антибиотиков. Глядя на тело председателя, ослабленное тяжелым заболеванием, я вспоминал о том, как он когда-то не желал принимать антибиотики, когда у него нагноилась десна; я вспоминал и о том, как он плавал в свое время в море в Бэйдайхэ, как он был тогда силен духом и могуч телом, когда бросал вызов ревущей морской стихии; при этом меня как будто бы полосовали ножами по сердцу, слезы выступили на глазах.

Однако после того как лечебные мероприятия были проведены, Цзян Цин была недовольна результатами; она назвала врачей, участвовавших в консилиуме, шпионско-контрреволюционной бандой, а также запугивала всех, припоминая «заговор врачей» в Советском Союзе. О том деле газета «Правда» 13 января 1953 года писала так: «Недавно органы государственной безопасности раскрыли террористическую группу врачей, которые применяли вредные методы лечения с целью сократить жизнь руководителей Советского Союза». Тогда пятеро врачей были обвинены и арестованы.

Когда Цзян Цин объявила, что мы являемся шпионско-контрреволюционной бандой, она уже была «крупной фигурой», стоявшей на вершине политического руководства

государством и внушавшей страх. Политическая атмосфера того времени была такова, что одной этой фразы могло оказаться достаточно для того, чтобы наши головы покатались на землю. И разве кто-нибудь мог перечить ей? Я потерял тогда почти всякую надежду.

В конце концов эта новость дошла до Мао Цзэдуна. Он был слаб физически; он только поднял руку и спросил Цзян Цин:

– Вот ты говоришь, что эти врачи – это банда шпионов и контрреволюционеров; а знаешь ли ты, кто главарь этой банды?

Цзян Цин открыла рот, но не осмелилась отвечать опрометчиво:

– Я знаю.

Мао Цзэдун вдруг показал себе на кончик носа:

– Это как раз я и есть. – Одной этой фразой он спас нас, врачей, принимавших участие в консилиуме, и тем самым не допустил повторения в Китае трагедии советских врачей. Мао Цзэдун сказал: – Они – эти врачи – были рядом со мной и следовали за мной столько лет; если бы они хотели погубить меня, они давным-давно сделали бы это. Я свои болезни знаю. Мне также известно, что все они – необыкновенно хорошие товарищи!

Впоследствии мир для Мао Цзэдуна стал постепенно съезживаться. Память ослабевала; при этом он, скорее всего, забывал о том, что с ним произошло только что, совсем недавно, и, напротив, он хорошо помнил свою молодость, помнил о том, что случилось с ним в молодые годы. Так всегда происходит с человеком, когда он стареет. Мао Цзэдун тут не был исключением. Его деятельность в сфере духа непрерывно сокращалась, сила принятия решений, выдачи оценок, а также внимание ослабевали, рассеивались; все это было прологом к затруднениям речи.

[...] Медицинские работники, оказавшись лицом к лицу со старением, с одряхлением Мао Цзэдуна, ничего не могли поделать; они могли только изо всех сил заботиться в определенном смысле о его быте.

У Сюйцзюнь (жена Сюй Тао. – *Прим. пер.*) от накопившейся усталости заболела и попала в больницу. Она выписалась только весной 1976 года. Мао Цзэдун пригласил ее на обед. Перед обедом они вместе смотрели кинофильм. Это была кинокартина «Незабываемое сражение» с Да Шичаном в главной роли. Мао Цзэдун вообще не очень любил смотреть кино. Но это был исключительный случай. Чем старше он становился, тем чаще он вспоминал о далекой, сотрясавшей мир борьбе, которая предшествовала созданию республики. При этом на глазах у него появлялись слезы. Когда же на экране появились кадры, рассказывавшие о том, как народная освободительная армия вошла в город (Шанхай. – *Прим. пер.*) и как ее приветствовали с несравненным энтузиазмом массы людей, Мао Цзэдун спросил у моей жены У Сюйцзюнь: «А ты тогда была среди этих школьников?»

У Сюйцзюнь училась в Шанхае. Мао Цзэдун знал об этом. Тогда она действительно была среди тех, кто приветствовал НОАК. Она, заливаясь слезами, кивнула, не вымолвив ни слова.

И тут у Мао Цзэдуна слезы полились рекой. Он больше не мог сдерживаться. Зарыдали все, кто был в кинозале. Не ожидая конца фильма, врачи и сестры, поддерживая Мао Цзэдуна, увели его. [...]

**Воспоминания женщины, «помогавшей ему в быту»
(Фрагменты статьи Чжан Юйфэн «Несколько штрихов к картине жизни Мао
Цзэдуна, Чжоу Эньлая» ¹⁵)**

¹⁵ В этом разделе читателям предлагается перевод части воспоминаний Чжан Юйфэн, написанных ею в 1988 г. (Раздел из книги «1976 нянь да ши нэйму – Подоплека великих событий 1976 года») / Сост. Сю Жю. Пекин: Дунфан, 1989. С. 377—400.

Пер. с кит. Ю.М. Галеновича.

[...]

Состояние здоровья Мао Цзэдуна в последние годы его жизни. Год 1971-й. [...]

В реальной жизни он, в конечном счете, был человеком, и к тому же старым человеком, достигшим преклонного возраста. К этому времени ему было ни много ни мало, а целых 77 лет; он совершенно не был похож на пышущего здоровьем, полного бодрости и энергии человека цветущего вида, каким его люди себе обычно представляли; напротив, он превратился в седовласого старца и явно одряхлел.

[...] Состояние здоровья руководителей нашей страны всегда было окружено завесой секретности. Покров тайны вокруг состояния здоровья председателя Мао Цзэдуна был еще более плотным. Обычно лишь весьма немногие знали о том, что председатель болен, и еще более ограниченный круг людей был посвящен в то, насколько серьезно он болен.

[...] Начиная с весны 1971 года председатель Мао Цзэдун каждый раз с приходом весны и с наступлением зимы заболел и при этом страдал довольно серьезными старческими недугами.

В том году председатель заболел всего-навсего бронхитом, что было вызвано простудой. Он стал кашлять ночи напролет; причем кашель становился все тяжелее, и никак не наступал перелом к лучшему. Затем врачи поставили диагноз: «воспаление большой доли легкого». Тем, кто страдает таким заболеванием, более всего противопоказаны переутомление и курение. Председатель же не мог отказаться именно от этих своих привычек. Он не мог бросить курить и уж тем более не мог прекратить работать. [...] Он не слишком доверял силе лекарств. Врачи иной раз давали ему полезные советы, но он говорил, что «словам врачей можно верить на одну треть, ну максимум наполовину». Он полагал, что с ударами болезни можно справиться, опираясь на силы сопротивления, заложенные в организме. [...] Однако когда речь шла о пожилom человеке, у которого все функции организма были ослаблены, тогда было явно невозможно по-прежнему надеяться на то, что организм сам справится с болезнью. Именно по этим причинам его заболевание затягивалось, становилось все тяжелее, а сам председатель страдал и мучился от боли. Днем кашель не давал ему лечь, и только по ночам он мог сидеть в мягком кресле. [...]

Присутствие на траурном митинге по случаю кончины Чэнь И

6 января 1972 года ушел из жизни маршал Чэнь И [...] (в соответствующих документах не предусматривалось участие в мероприятиях траурного характера ни председателя Мао Цзэдуна, ни других членов политбюро ЦК партии. – *Прим. пер.*).

[...] 10 января, как и обычно после полуденного приема пищи, он должен был поспать. Однако... вдруг он спросил меня, который теперь час. Я сказала ему: «Сейчас половина второго». Он тут же сказал: «Вызывай машину. Я хочу поехать на похороны товарища Чэнь И». [...] В это время председатель Мао Цзэдун был одет в ночную рубашку и в тонкие шерстяные брюки. Мы принесли ему одежду серого цвета, то есть то, что носило название «формы Мао Цзэдуна», которую он обычно надевал, принимая гостей. Он сказал: «Не стоит переодеваться. Я надену сверху спальный халат и сойдет». Мы все-таки надели на него верхнюю часть его парадной одежды (то есть нечто вроде френча. – *Прим. пер.*), но когда попытались надеть брюки, он воспротивился, причем столь решительно, что и я, и У Сюйцзюнь почувствовали, что мы не сможем переубедить его. Но разве можно было допустить, чтобы председатель выехал в одних только тонких шерстяных брюках? Правда, нам был хорошо известен норов председателя. Иной раз просто никто не мог

сопротивляться, когда он хотел что-то сделать. Если же он не желал чего-либо делать, то, как бы вы его ни уговаривали, сделать это было не так-то легко; поэтому нам удалось только сверху накинуть на него шубу. Председатель сел в легковой автомобиль марки «ЗИС», который ему в 1950-х годах подарило советское правительство, и машина понеслась прямо на запад вдоль по улице Чаньаньцзе...

В зале для траурных церемоний на кладбище Бабаошань (кладбище в Пекине; примерно такое же, как Новодевичье кладбище в Москве. – *Прим. пер.*) никак не ожидали приезда председателя. [...] Даже товарищ Чжан Цянь (вдова Чэнь И. – *Прим. пер.*) и дети Чэнь И не ожидали, что председатель приедет так скоро.

[...] Когда я ввела товарища Чжан Цянь в зал, то там вокруг председателя Мао Цзэдуна уже сидели многочисленные руководящие товарищи. [...] Председатель Мао Цзэдун увидел скорбь товарища Чжан Цянь, попросил ее сесть рядом с ним и сказал:

– Я тоже приехал, чтобы попрощаться с товарищем Чэнь И! Товарищ Чэнь И был хорошим товарищем!

[...] Председатель Мао Цзэдун, используя тот случай, что на траурном митинге по случаю кончины Чэнь И присутствовал камбоджийский принц Нородом Сианук, рассказал иностранному гостю о том, как Линь Бяо 13 сентября на самолете хотел бежать в Советский Союз, и о том, что он разбился в Ундурхане¹⁶. Он также сказал:

– Линь Бяо был против меня; Чэнь И поддерживал меня.

[...] После завершения траурной церемонии председатель Мао Цзэдун, еще раз сжав руку товарища Чжан Цянь, прощался с ней и долго-долго не отпускал ее руку. Товарищ Чжан Цянь, а также очень многие старые товарищи проводили председателя Мао Цзэдуна прямо до автомобиля.

Среди тех, кто провожал председателя Мао Цзэдуна до автомашины, был врач, которому бросилось в глаза, что когда председатель Мао Цзэдун хотел сесть в машину, то ноги его явно не слушались; ему пришлось предпринять несколько попыток, чтобы поднять ногу, и только при моей поддержке он сел в машину. [...]

Внезапный шок у Мао Цзэдуна

В январе 1972 года из-за чрезвычайного переутомления председатель Мао Цзэдун снова заболел. И так как его заболевание началось внезапно, то этого не ожидали даже мы, то есть все те, кто работали все время, находясь рядом с ним, а также врачи и сестры.

На сей раз в связи с заболеванием легких и сердца, а также с серьезным кислородным голоданием, Мао Цзэдун впал в шоковое состояние. Находившаяся тогда на дежурстве товарищ У Сюйцзюнь, обнаружив это, немедленно толчком распахнула никогда до той поры не отворявшуюся большую стеклянную дверь и изменившимся голосом с тревогой позвала: «Скорее!»

В это время я находилась в комнате дежурных телохранителей; услышав ее крик, мы все вместе вбежали в гостиную председателя (к тому времени она уже была превращена в спальню и комнату для лечебных процедур); врач, наблюдавший председателя, также прилетел как на крыльях.

Председатель лежал на кровати на боку, казалось, что он «заснул». Товарищ У Сюйцзюнь одна из всех старалась нащупать пульс у Мао Цзэдуна. Уж не знаю, то ли нервничая, то ли от страшного напряжения, У Сюйцзюнь сказала врачу: «Пульс не прощупывается».

И вот тогда я впервые в жизни увидела, как предпринимают экстренные меры для спасения больного, оказавшегося при смерти. Главный врач, находившийся тут же, сказал,

¹⁶ *Ундурхан* (Ундерхаан) – город в МНР, адм. центр аймака Хэнтий; 13 сентября 1971 г. здесь погиб в авиакатастрофе при попытке улететь из КНР зам председателя ЦК КПК, министр обороны КНР Линь Бяо.

что надо сделать уколы, и назвал необходимое лекарство. Старшая медсестра У Сюйцзюнь повторила вслух название лекарства, затем бросилась к шкафу с иглами, чтобы набрать лекарство в шприц, а потом начала делать уколы председателю. Раз за разом она вводила лекарство...

Председатель находился уже в полном забытии. Он ничего не знал о том, какая напряженная атмосфера царила тут, на месте событий. В то время, когда оказывалась экстренная медицинская помощь, врач-кардиолог У Сюйцзюнь, поддерживая председателя, сильно и ритмично массировал ему спину и непрерывно звал его: «Председатель Мао, председатель Мао». Я тоже помогала ему и звала: «Председатель, председатель...»

Жизненные силы председателя были поистине велики. Благодаря энергичным мерам по спасению его жизни, он, наш почтенный старец, медленно открыл глаза. Увидев, что предстало у него перед глазами, он был несколько озадачен и недоумевал, как будто бы спрашивал: а что это вы все тут делаете? Дело было в том, что он ничего не знал о том, что тут только что происходило.

Все присутствовавшие безгранично радовались тому, что председатель Мао Цзэдун спокойно пришел в себя. Все заулыбались как дети. Было такое впечатление, как будто бы только что ничего не случилось. На самом же деле все намеренно приняли такой беззаботный вид, опасаясь, как бы председатель не разволновался. Когда председатель Мао Цзэдун узнал о том, что он только что пережил шоковое состояние, он умиротворяюще сказал:

– У меня такое ощущение, как будто бы я немного вздремнул.
[...]

Прием перед постелью больного [...]

21 февраля 1972 года. Хотя председатель был болен, но он твердо помнил о том, что сегодня Никсон прибывает в Пекин. Он лежал на своей больничной кровати и время от времени осведомлялся о времени приземления президентского самолета Никсона... Только успели Никсон и сопровождавшие его лица вернуться в отведенную им резиденцию после завтрака, который устроил для них премьер Чжоу Эньлай, и только они собрались было отдохнуть, как председатель Мао Цзэдун решил принять Никсона. Мы доложили об этом премьеру Чжоу Эньлаю. С момента прибытия президента Никсона в Пекин прошло всего четыре часа...

Это решение председателя создало для нас определенные трудности в работе. Прежде всего, во время его болезни в гостиной, то есть в комнате для приема гостей, была поставлена большая кровать, а также многие другие разнообразные предметы, необходимые для удобства больного; гостиную требовалось привести в надлежащий вид. Еще более затруднительным было то обстоятельство, что председатель уже более месяца был болен, и его одежда не находилась в должном порядке. У него сильно отросли волосы, он очень давно не брился.

Поскольку нужно было принять столь важного гостя, обычно не придававший значения внешнему виду, председатель позволил побрить и постричь себя, но и только, а все остальное, с его точки зрения, не имело значения. Вот таким был его характер и нрав.

Парикмахер был очень опытным человеком. Он очень быстро принес свои инструменты и мгновенно постриг и побрил председателя, а затем смазал волосы и расчесал их. Председатель надел ту самую «форму Мао Цзэдуна» серого цвета, которую сшили в соответствии с представленным нами образцом. И вот возник привычный образ вождя, возник мгновенно, прямо на глазах. И если не считать одутловатости и некоторой слабости, то в его внешнем виде нельзя было разглядеть никаких слишком больших изменений.

Итак, после полудня в тот день, 21 февраля 1972 года, председатель, ослабевшее тело которого я поддерживала, в своей резиденции принял президента Никсона, доктора Киссинджера и сопровождавшего их господина Лорда.

Никсон в своих воспоминаниях оставил живое и подробное описание этой встречи, имевшей важный символический смысл: «Его физическая слабость была очевидна. Когда мы вошли, ему требовалась помощь секретаря, чтобы встать. Извиняясь, он сказал мне, что уже не может очень хорошо произносить слова. Чжоу Эньлай объяснил это бронхитом, однако я считаю, что фактически это было следствием апоплексического удара».

[...] «Китайцы планировали, что наша встреча продлится всего 15 минут. Мао был полностью увлечен беседой, а потому она продлилась целый час. Я отметил, что Чжоу Эньлай постоянно поглядывал на часы на руке, потому что Мао уже начал уставать». [...] «После того как беседа завершилась, Мао проводил меня до дверей. Он шел медленно, шаг за шагом. Он говорил, что все время чувствует себя нездоровым. Я в ответ сказал: «Но дух у вас очень хорош». Он чуть-чуть повел плечами и сказал: «Внешний вид обманчив».

Наши средства массовой информации относительно объективно сообщили о приеме председателем Мао Цзэдуном иностранных гостей. В сообщении говорилось: «Председатель Мао Цзэдун в своей резиденции принял президента США Никсона и сопровождающих его лиц и имел с ними беседу, продолжавшуюся один час». Я отметила, что в этом сообщении не появились такие слова, как «пышущий здоровьем», «необычайно здоров».

[...]

Мао Цзэдуну делают операцию на глазах

[...] Весной 1974 года к недугам председателя Мао Цзэдуна добавилась еще одна тяжелая болезнь. Он начал ощущать, что глаза его смутно различают предметы. Для человека, который на протяжении многих лет читал документы и накладывал на них резолюции, лично писал статьи; для человека, который трудился не покладая рук, не было страданий непереносимее, чем эти. Однако председатель Мао Цзэдун [...] не позволил мне спешно пригласить врача, чтобы тот провел обследование, а также не разрешил мне сказать кому бы то ни было, что он потерял зрение.

Оказавшись перед перспективой утраты способности читать документы, он был вынужден задуматься над тем, как же ему накладывать резолюции на документах. Он сам лично всю жизнь шел впереди всех и всех вел за собой в деле хранения государственной тайны, соблюдения дисциплины и системы правил. Все документы, которые ему присылались, доклады, письма могли читать только он сам и его секретари по особо важным и секретным делам, и без его собственноручной резолюции никто не имел права самовольно знакомиться с этими документами и читать их. Предъявляя такие требования к тем людям, которые работали подле него, он предъявлял такие же требования и к своей родне и детям; они не были тут исключением.

[...] Из-за того что зрение ему этого не позволяло, председатель велел мне читать ему документы, книги, письма, газеты, а он воспринимал все это на слух; и именно с этого времени работники из обслуживающего персонала начали вместо него на документах, относительно которых он высказывал свое мнение, в соответствии с этим мнением, рисовать кружочки и писать резолюции.

В августе 1974 года в провинции Хубэй в городе Ухане в доме для почетных гостей на берегу озера Дунху, где остановился председатель Мао Цзэдун, он прошел обследование состояния зрения. Точный диагноз гласил: «Старческая катаракта». При этом степень поражения левого и правого глаза была различной. Это заболевание состоит в том, что в зрачке появляется белесый отсвет, отблеск, из-за чего хрусталик мутнеет. После того как болезнь председателя Мао Цзэдуна была выявлена и диагностирована, оказалось, что не существует таких методов лечения, которые бы дали эффект быстро. С медицинской точки зрения думать о мерах лечения можно было только после того, как болезнь пройдет несколько стадий: стадию возникновения опухоли, ее роста, созревания и стадию, когда опухоль будет находиться в перезревшем состоянии. Лишь тогда, исходя из состояния больного, только и можно заняться лечением болезни. Это означало, что при такой болезни

оставалось только ждать; ждать до того момента, когда катаракта созреет, и только после этого оказывалось возможным сделать операцию.

Когда у председателя Мао Цзэдуна заболели глаза, то об этом из членов ЦК партии и даже из членов политбюро знали по-прежнему только те несколько человек, которые отвечали за руководство группой врачей, лечивших председателя Мао Цзэдуна, то есть премьер Чжоу Эньлай, Ван Дунсин, а также несколько других; народ всей страны тем более не знал об этой ситуации.

[...] Председатель, проявляя стальную волю и оптимизм, противостоял болезни. В течение нескончаемой «темной ночи» катаракта на его правом глазу в своем развитии достигла стадии зрелости. В августе 1975 года бригада врачей, исходя из состояния здоровья председателя в то время, внесла предложение о проведении операции и представила соответствующий план. После того, как он был рассмотрен и утвержден товарищами, руководившими в ЦК КПК группой врачей, лечивших председателя Мао Цзэдуна, об этом было также доложено самому председателю и было испрошено его согласие. Затем началась необходимая подготовка. Операция относилась к категории обычных небольших операций, но эту операцию делали председателю, и скальпель становился предметом огромного значения; ответственность возрастала невероятно. Врачи относились к этому с удвоенной и даже утроенной осторожностью.

Чтобы сделать все это более удобным для председателя, операционную устроили в небольшом помещении, размещавшемся между спальней и гостиной в том доме, где жил председатель. Там была проведена строгая дезинфекция; были доставлены необходимые медицинские инструменты и оборудование; и таким образом эта комната превратилась в чистую спокойную операционную палату для небольших хирургических операций.

Однажды, в середине августа во второй половине дня, после того как председатель хорошо поспал, он проснулся и находился в прекрасном настроении. А в это время собравшиеся поблизости врачи, медсестры, а также те люди, которые работали подле председателя, обсуждали вопросы, имевшие отношение к операции. Более всего их беспокоил вопрос о том, возможно ли гарантировать стопроцентный успех. Главным хирургом при операции на глазу председателя был доктор Тан Ючжи. Это был внимательный и опытный специалист. Он знал о настроениях собравшихся и о том, какие надежды на него возлагаются. Однако он хладнокровно подходил ко всему этому. Когда речь пошла об этой операции, то он не выдавал векселей и не стремился своими словами удовлетворить всех и вся. Он сказал: «Есть гарантия на 70—80%; максимум на 90%». Если сказать честно, то я в то время была очень наивной и надеялась, что он даст стопроцентную гарантию; как это было бы хорошо, — думала тогда я.

После того как я тактично и деликатно сказала председателю об операции, он с радостью согласился. Вот это действительно была радость. Все захлопотали, стали готовиться к операции.

К вопросам рождения, старости, болезни, смерти председатель всегда относился с оптимизмом; подходил к ним как к естественным явлениям. Он никогда не терял веры и сил под напором старческих недугов, которые телесно терзали его. Вот и тогда, когда ему должны были сделать операцию на глазу, он по-прежнему в отношениях с людьми сохранял атмосферу полной уверенности и твердой воли. Он велел мне пойти и поставить запись арии Юе Фэя из известной оперы. [...] Председателю особенно нравились слова этой арии. Слушая бравурную музыку, он, переваливаясь, вошел в операционную палату и сел. Звучали слова арии: «Я пришел в ярость, оперся руками на перила; сильные порывы бури стихли. Я поднял голову, бросил взгляд на небо, издал протяжный могучий зов. Тридцать честолюбцев обратились в пыль; на восемь тысяч ли — только облака и луна. Не бесцельно прожиты юные годы, и не надо зря сокрушаться».

[...] Итак, он слушал оперу, а врач делал ему операцию. Доктор Тан, облаченный в свои медицинские доспехи, уверенно сделал председателю операцию по удалению катаракты. Хотя сама операция продолжалась всего несколько минут, однако этот небольшой скальпель

весил в это время много тысяч цзиней.¹⁷

Перед тем как сделать операцию председателю, мы уведомили по телефону премьера Чжоу Эньлая, который в это время как раз болел, а также других руководящих товарищей, отвечавших за лечение председателя. Узнав об этом, все они прибыли в резиденцию председателя. [...] Приближаясь к дому председателя, все они заранее выходили из своих автомобилей и далее шли пешком, чтобы не помешать операции; [...] они сидели в большой гостиной, расположенной рядом с той комнатой, где делали операцию, и отправились восвояси только тогда, когда операция завершилась.

На сей раз операция, как мы все и надеялись, прошла чрезвычайно успешно. Когда спустя неделю была снята марлевая повязка с глаза председателя, он открыл глаз, поглядел. Внезапно, взволнованно указывая на одежду одной из присутствовавших работниц обслуживающего персонала, он точно определил ее цвет и рисунок на ней. И еще, указывая на стену, он сказал: «А она белая».

Итак, один глаз председателя восстановил способность видеть. Пришел конец тем более чем шестистам дням и ночам, которые были для него временем без зрения, временем жизни в темноте. Все присутствовавшие при этом были рады успеху операции на глазу и приносили свои поздравления. На лице у каждого из присутствовавших играла радостная улыбка.

[...] После того как премьер Чжоу Эньлай ушел из жизни (в январе 1976 г. – *Прим. пер.*), настроение у председателя Мао Цзэдуна стало чрезвычайно скверным; он нервничал и не желал разговаривать. Он безостановочно читал, нещадно эксплуатируя тот самый единственный глаз, на котором так недавно, только-только была сделана операция. Хотя в это время он уже мог самостоятельно читать книги и документы, однако из-за того, что он был слишком слаб, обе руки его дрожали, у него уже не было сил поднять эти самые документы. Стараясь удовлетворить желание почтенного старца читать и преодолеть трудности, каждый из нас, то есть из тех, кто работал подле него, стремился помогать ему, держа перед ним книгу или документ. Думается, что в это время он мог уходить от страданий, которые доставляли ему болезни, только погружаясь в чтение книг и документов.

Стремясь сохранить лишь недавно выздоровевший глаз председателя, врачи рекомендовали ему не читать слишком много, не переутомлять глаз. Но он совершенно не желал прислушиваться к этим советам, а мне оставалось только, выполняя пожелания почтенного старца, давать ему безостановочно читать или просматривать документы либо книги.

[...]

Последняя ночь в канун последнего для него Нового года

Весной 1976 года во время праздника Весны и сама погода, и реальная действительность были таковы, что просто мороз по коже продирал. Это была очень холодная зимняя ночь; на небе в темноте мерцали звезды; дом председателя Мао Цзэдуна, то есть павильон Ююнчи в Чжуннаньхае, тонул во мраке. Слабый свет бросала лишь ровная цепочка фонарей. Кроме наводившего уныние и страх ветра, не было слышно ни звука. Вот такой одинокой, такой холодной и была ночь в Ююнчи накануне праздника Весны.

У председателя Мао Цзэдуна не было гостей; не было и его родственников, а с ним были только те, кто работали подле него; они вместе с ним коротали последнюю в его жизни ночь перед праздником Весны.

Новогодний ужин я скормила ему ложечка за ложечкой. К этому времени председатель не только утратил способность и силы, необходимые для того, чтобы, как говорится, «поднять руку за пищу», но ему было очень трудно даже «открыть рот, когда к нему

¹⁷ Цзинь – китайская мера веса, около 500 граммов.

поднесена еда», и сделать глотательное движение. В тот день, как и обычно, лежа на кровати на боку, он съел несколько кусочков рыбы из Учана, которую он очень любил, и немного рисовой каши. Это и был самый последний новогодний ужин великого вождя.

После еды мы помогли ему встать с кровати и проводили в гостиную. Он сел в кресло, откинул голову на спинку кресла и отдыхал, спокойно сидел там. Наступала ночь, и издалека стали слышны разрывы новогодних хлопушек. Он посмотрел на тех сотрудников, которые днем и ночью были с ним. Дальние разрывы хлопушек навели его на мысль о том, как это было в прежние годы. Тихим глухим голосом он сказал мне: «Запалите хлопушки. Вам, молодым, тоже надо бы встретить Новый год». Тогда я и уведомила об этом его желании тех сотрудников, которые в это время находились на дежурстве. Они взяли несколько хлопушек и стали поджигать их за домом. Когда председатель Мао Цзэдун услышал взрывы хлопушек, на его похудевшем дряблом лице появилась слабая улыбка. Мы в душе поняли, что эта слабая улыбка председателя есть проявление его добрых пожеланий, адресованных нам – работникам, которые находились при нем. Это был тот самый момент, когда председатель Мао Цзэдун, почтенный старец, который прошел через огонь и дым ожесточенных многодесятилетних войн, провел за собой через трудности китайский народ к созданию Китайской Народной Республики, в последний раз слышал «орудийные залпы». Эти взрывы он посвятил нам. В последний момент своей жизни он по-прежнему вдохновлял нас на то, чтобы мы избавлялись от устаревшего и шли навстречу новому.

Часть II

Сталин и Мао

Два вождя

Предисловие

Всего три с половиной года, с конца 1949 г. по начало 1953-го, Сталин и Мао Цзэдун находились в равном положении, то есть обладали высшей властью и в своих партиях, и в своих государствах. Именно тогда с их благословения пропаганда обеих партий, и ВКП(б) – КПСС и КПК, рисовала картину советско-китайских отношений самыми розовыми и радужными красками, внушая простому человеку мысли о нерушимости советско-китайской дружбы и о том, что у этих двух народов есть два вождя: Сталин и Мао Цзэдун; вожди были как бы равновеликими, их имена составляли один ряд, правда, в этом ряду имя Сталина ставилось перед именем Мао Цзэдуна.

В нашей стране была создана песня «Москва – Пекин», под которую каждую неделю с Ярославского вокзала уходили поезда в Пекин. Помнится, что в этой песне были такие слова:

Русский с китайцем братья навек.
Крепнет единство народов и рас.
Плечи расправил простой человек.
С песней шагает простой человек.
Сталин и Мао слушают нас! Слушают нас!

(С последней строкой первого куплета происходили метаморфозы вслед за переменами в политике партии. Когда Сталин умер, в текст внесли изменения, и он стал звучать так: «Сталин и Мао в сердце у нас! В сердце у нас!»; когда же Сталина в нашей стране раскритиковали, а Мао Цзэдуна не сочли единственным высшим руководителем межкомдвижения, тогда слова песни изменили еще раз, и они стали выглядеть так: «Дружба навеки в сердце у нас! В сердце у нас!» Итак, имена Сталина и Мао исчезли, а их место

заняла «дружба», о которой ранее в песне слов не было.)

Припев:
Москва – Пекин, Москва – Пекин,
Идут, идут вперед народы.
За светлый труд, за прочный мир
Под знаменем свободы.
Слышен на Волге голос Янцзы,
Видят китайцы сиянье Кремля.
Мы не боимся военной грозы,
Воля народов сильнее грозы.
Нашу победу славит земля! Славит земля!
В мире прочнее не было уз,
В наших колоннах ликующий май.
Это шагает Советский Союз,
Это могучий Советский Союз,
Рядом шагает новый Китай! Новый Китай!¹⁸

В тексте песни была заложена важная тогда, с точки зрения Сталина, пропагандистская установка о необходимости сохранения мира, с чем вряд ли полностью и именно в такой формулировке был согласен Мао Цзэдун.

В заключительном куплете песни опять проводилась мысль о том, что Сталин хотел бы видеть Мао Цзэдуна в одном строю с собой, его государство в одном лагере, в одном строю с СССР, но при этом на первом месте, в голове колонны должен был всегда оказываться Советский Союз, могучий Советский Союз, а новому Китаю отводилось место рядом с СССР, но как бы чуть уступая ему первенство в движении и при принятии решений.

В КНР же, очевидно с благословения Мао Цзэдуна, в те же годы распевали свою песню:

Туаньцзе цзинь,
Туаньцзе цзинь,
Чжун Су жэньминь
И тяо синь.
Сыдалинь хэ Мао Цзэдун цзай линдао,
Баовэй шицзе чицзю хэпин.

Это означало:

Теснее ряды,
Теснее ряды,
У народов Китая и СССР единое сердце.
А во главе у нас Сталин и Мао Цзэдун,
Они защищают вечный мир на земле.

Мао Цзэдун скрепя сердце был вынужден мириться и с тем, что имя Сталина приходилось ставить перед его именем, и с необходимостью вторить Сталину тогда, когда тот настаивал на тезисе о необходимости сохранять прочный мир во всем мире.

Миллионы людей в обеих странах на протяжении нескольких лет жили под гипнозом

¹⁸ Москва – Пекин. Музыка В. Мурадели, стихи М. Вершинина. Москва – Пекин: репертуарный сборник // Ред. Фельдман Е. М. – М.: Сов. Россия, 1959. – С. 7–8.

такого рода лозунгов и слов. При этом большинство искренне верило, что все это так и есть на самом деле. Прозрение пришло, но оно пришло в результате мучений, на которые именно Сталин и Мао Цзэдун обрекли народы.

Сталин и Мао Цзэдун. Два тирана, два диктатора двадцатого столетия. Погубители десятков миллионов жизней в своих странах, вожди двух крупнейших государств-соседей. Политические и государственные деятели, номинально или формально объединенные одной идеологией – марксизмом-ленинизмом – и фактически разъединенные и, более того, поставленные один против другого самой сутью своих воззрений и претензий на лидерство, на господство как в области идеологии, так и в геополитике. Сталин и Мао Цзэдун – это, так сказать, товарищи-соперники, это союзники поневоле.

В известной степени каждый из них выражал интересы своей нации, далее – своего государства-партии и, наконец, свои личные интересы. Ни один не желал, по сути дела, считаться с позицией другого. Компромиссы и соглашения между ними были вынужденными, появлялись как результат упорной борьбы. Мао Цзэдун считал, что он со Сталиным сыграл вничью. Думается, что Сталин видел себя победителем в игре с Мао Цзэдуном. Всю тяжесть их борьбы пришлось нести народам обеих стран. Если Сталин был горем России, то Мао Цзэдун – горем Китая.

Сталин был практически хозяином в своей партии и в государстве задолго до того, как таким хозяином в своей партии стал Мао Цзэдун, и намного раньше того, как Мао Цзэду удалось в результате поражения его внутривластного соперника Чан Кайши создать свое государство – Китайскую Народную Республику. Иными словами, Сталин пришел к власти в своей партии на пять-десять лет раньше, чем Мао Цзэдун – в своей, а к власти в своем государстве Сталин пришел на двадцать пять – тридцать лет раньше, чем Мао Цзэдун – в своем. Правда, и из жизни Сталин, который был на 14 лет старше Мао Цзэдуна, ушел раньше на 23 года.

Сталин и Мао Цзэдун общались друг с другом только однажды; это произошло в конце жизни Сталина в Москве, куда был вынужден поехать с визитом Мао Цзэдун. Это было довольно длительное и далеко не простое свидание. Оно продолжалось почти два месяца.

До той поры они связывались между собой либо путем переписки, обмена телеграммами, либо через доверенных лиц, посредников. При этом сыграли свою роль некоторые политические фигуры. Существовал своего рода институт полномочных представителей. Отношения Сталина и Мао Цзэдуна осложняло то, что внутри КПК были деятели, которые делали ставку на помощь Москвы в своей борьбе за власть в КПК.

Две супруги Мао Цзэдуна, два его сына, его дочь либо провели в СССР по нескольку лет, либо неоднократно бывали в нашей стране, что пытался использовать Сталин и чего не желал замечать Мао Цзэдун.

Уникальные это были лидеры, и уникальными были их отношения. Каждый из них был непоколебим в своем убеждении, что именно он и его партия, его идеология отражают коренные интересы не только его собственного народа, но и всего человечества, во всяком случае его трудящейся части. Они думали, что все, что они делают, осуществляется в интересах большинства простых людей. На самом же деле и тот и другой создали в своих странах тоталитарные режимы, партийно-государственные властные структуры, погубили миллионы и миллионы людей, своих сограждан, исторически отбросили свои страны и народы назад, задержали их развитие.

Сталин и Мао Цзэдун были несовместимы. Между ними не было и не могло быть взаимопонимания. Если казалось, что оно по каким-то вопросам существовало, то это было обманчивое, внешнее впечатление. Не было взаимопонимания, не могло быть и настоящей дружбы и тем более не могло быть искреннего союза.

Обстоятельства сложились таким образом, что войн или значительных военных столкновений между Россией (СССР) и Китаем (КНР) при Сталине и Мао Цзэду не было.

Отношения Сталина и Мао Цзэдуна важны и как контакты двух выдающихся личностей в мировой истории, и как связи лидеров двух крупнейших в двадцатом веке

коммунистических партий и соответствующих государств, и как отношения руководителей двух великих держав, двух мировых наций. Это были сношения периода постепенного, крайне замедленного взаимного знакомства наших двух наций, взаимного узнавания, приближения к взаимопониманию, нахождения решений ряда вопросов, закладывания основы для нормальных двусторонних отношений, выработки принципов двусторонних отношений.

Под этим углом мы и предпримем попытку рассмотреть некоторые представляющиеся нам важными стороны взаимоотношений Сталина и Мао Цзэдуна.

Коминтерн и суневец Мао Цзэдун

В начале 1950-х гг. советский академик И.П. Бардин, посетив родную деревню Мао Цзэдуна Шаошаньчун, оставил в книге отзывов такую запись: «Горы дали Советскому Союзу Сталина, горы дали Китаю Мао Цзэдуна. Да здравствует советско-китайская дружба!» Очевидно, он искал нечто общее у Сталина и Мао Цзэдуна. Они для него были горными орлами или сынами могучих гор, исполинами... Академик И.П. Бардин не одинок в своих представлениях о Сталине и Мао Цзэдуне. Действительность была, однако, весьма сложной и противоречивой, а основа их взаимоотношений вовсе не такой же непоколебимой, как горы, будь то в нашей или в соседней стране.

Сталин и Мао Цзэдун слышали один о другом в первой половине 1920-х гг., когда Сталину было уже за сорок, а Мао Цзэдуну – за тридцать лет... Это были вполне сформировавшиеся политические бойцы. И тот и другой приняли марксизм-ленинизм, по сути дела, как инструмент осуществления своей политики, как подспорье в достижении власти над людьми.

Тогда Сталин еще не был первым руководителем ни в партии, ни в государстве. Ему только предстояла ожесточенная схватка в борьбе за место преемника Ленина, дни которого были сочтены.

Мао Цзэдун вообще был лишь одним из деятельных функционеров своей крайне немногочисленной тогда партии. Он не был ее руководителем и даже не входил в число тех нескольких человек, которые тогда определяли политику партии.

Жизнь постепенно ставила Сталина и Мао Цзэдуна в ситуацию, когда некое взаимоприспособление становилось с годами неизбежным, так как оба они действовали в сфере политической и идейной борьбы, каждый прежде всего в своей стране, но и на международной арене, а наши страны были соседями, между ними была самая длинная в мире и одна из самых сложных в мире по своей истории сухопутная и речная граница. Кроме того, и в той и в другой стране в первой половине двадцатого столетия на арену идеологической и политической борьбы вынесло силы, которые имели между собой нечто весьма сходное или родственное.

В первой половине 1920-х гг. имело место известное взаимодействие руководителей Коминтерна (фактически РКП(б) и партии Гоминьдан Китая (ГМД). Одним из условий сотрудничества РКП(б) и ГМД была договоренность о разрешении членам КПК вступать в личном качестве в Гоминьдан и работать в его руководящих органах. Мао Цзэдун, будучи в то время одновременно членом двух политических партий, КПК и ГМД, заведовал одним из отделов ЦИК ГМД и старался закрепиться в этом положении. При этом он иной раз выступал как еще более правоверный гоминьдановец, чем иные «чистые» суневцы, как тогда называли сторонников Сунь Ятсена в нашей стране. Мао Цзэдун старался демонстрировать свою верность политике и принципам Сунь Ятсена.

В 1924 г. член Дальневосточного секретариата Коминтерна, работник восточного отдела Исполкома Коммунистического интернационала молодежи С.А. Далин присутствовал на пленуме Центрального комитета Социалистического союза молодежи Китая, который был созван в конце марта в Шанхае. В работе пленума принимал участие Мао Цзэдун в качестве представителя ЦК КПК.

Судя по воспоминаниям С.А. Далина, Мао Цзэдун, выступая в ходе этого пленума, ссылаясь на новые «три принципа» Сунь Ятсена и утверждал, что Гоминьдан является революционной рабочей партией, которая должна быть принята в Коммунистический интернационал.

С точки зрения С.А. Далина, сам Гоминьдан на своем съезде в январе 1924 г. даже не ставил вопрос о принятии его в Коминтерн. По уставу Коминтерна в каждой стране могла существовать только одна коммунистическая партия. Принятие Гоминьдана в Коминтерн означало бы признание его коммунистической партией и ликвидацию той, членом ЦК которой являлся Мао Цзэдун.

С.А. Далин также отмечал, что в своем выступлении Мао Цзэдун решительно высказался против классового подхода к китайскому крестьянству, против выдвижения лозунгов, которые противопоставляли одну часть крестьянства (безземельных арендаторов) другой – богатым собственникам. Он трактовал все крестьянство – и арендаторов, и земельных собственников, больших и малых, – как единый класс, противостоящий капитализму и иностранному империализму.

И наконец, писал С.А. Далин, в своем выступлении Мао Цзэдун ничего не сказал по центральному вопросу пленума – о работе среди рабочей молодежи.¹⁹

Воспоминания С.А. Далина позволяют увидеть семена будущих расхождений между руководителями советских и китайских коммунистов, в частности между Сталиным и Мао Цзэдуном.

Анализ высказываний Мао Цзэдуна, о которых писал С.А. Далин, свидетельствовал о том, что их автор отражал тогда – а это было время, когда Сунь Ятсен был еще жив, – мнение твердых суневцев, которые, исходя из договоренности о взаимодействии с Москвой, вполне логично выдвигали предложение о вступлении ГМД в Коминтерн.

Тем более что в 1923 г., всего за несколько месяцев до описываемых событий, руководители Коминтерна сами предлагали Гоминьдану вступить в Коминтерн. В Москве, в том числе и Сталин, принимали мысль о допустимости, исходя из условий Китая, существования и деятельности двучленной или двусоставной партии, так сказать гибрида ГМД и КПК. Мао Цзэдун, отражая интересы руководства КПК, полагал, что принятие ГМД в Коминтерн укрепило бы позиции коммунистов внутри ГМД. Позиция же Москвы была непоследовательной. Она то предлагала ГМД вступить в Коминтерн, то возражала против этого.

Далее, Мао Цзэдун выражал общий тогда для ГМД и КПК взгляд на китайское крестьянство как на силу, выступавшую прежде всего против двух врагов – капиталистов и иностранцев-империалистов. Здесь Мао Цзэдун опять-таки стоял на общих позициях ГМД и КПК, не переходя к пропаганде классовой борьбы, что немедленно привело бы к расколу между КПК и ГМД. Иначе говоря, выступление Мао Цзэдуна свидетельствовало, что речь шла о лидере, который с самого начала ратовал за самостоятельность в отношениях с Москвой и за поиск общности внутри Китая перед лицом даже своего единственного заграничного союзника, которым тогда была Россия. Мао Цзэдун уже тогда не желал играть роль послушного исполнителя очередных конъюнктурных указаний из Москвы, которые были противоречивыми, так как тогда общая линия Москвы в отношении ГМД и КПК не представляла собой чего-то цельного.

Сталин в Москве в то время видел главную реальную силу, с которой следовало сотрудничать, в Гоминьдане. КПК он считал только небольшим подспорьем в этой работе. Во всяком случае, думается, что эти детали поведения Мао Цзэдуна говорили о вероятности столкновения в будущем мнений Сталина и Мао Цзэдуна как двух лидеров, которые претендовали на господствующее положение или по крайней мере на полную самостоятельность в своих высказываниях, решениях и действиях.

¹⁹ Долин С.А. Китайские мемуары, 1921—1927. – М.: Наука, 1982. – С. 180—181.

Сталин, Мао Цзэдун и Чан Кайши

В момент окончания Второй мировой войны Сталин связывал будущее Китая с Чан Кайши. При этом он полагал, что все жизненные артерии Китая как в области политики и экономики, так и в военной сфере находятся в руках Чан Кайши, который пользовался поддержкой и помощью со стороны США.

В то же время на практике Сталин продолжал оказывать всемерную помощь КПК и Мао Цзэдуну. СССР оставался тогда надежным тылом и арсеналом для вооруженных сил КПК.

По отношению к Чан Кайши Сталин проводил тогда политику, представлявшую собой сочетание маневров во взаимоотношениях одновременно и с Вашингтоном, и с Нанкином.

Сталин уверял Вашингтон в том, что в Москве не считают Мао Цзэдуна лидером, способным взять под свою власть весь Китай. Сталин заверял американских партнеров в желании иметь дело с Чан Кайши. Таким образом, он удерживал США от вмешательства во внутреннюю борьбу в Китае.

Политика Сталина представляется сегодня единственно возможной в условиях того времени и главным образом содействовавшей наращиванию своих сил Мао Цзэдуну, способствовавшей успехам КПК в ее борьбе против Гоминьдана, в определенной степени нейтрализовавшей действия США.

Политика Сталина позволяла сохранять нормальные мирные отношения между Россией и Китаем и в то же время оставаться в положении того, кто прямо не вмешивается в борьбу сил в Китае, сохраняя за собой возможность при любом повороте событий в Китае быть нужным обоим противоборствовавшим силам.

Сталин, Мао Цзэдун и Киткомпартия

Сталин, будучи и по своей природе, и по подходу к вопросам политического характера, к оценке политических деятелей человеком крайне недоверчивым и подозрительным, не доверял Мао Цзэдуну.

Мао Цзэдун также и по характеру, и по стилю политической деятельности был столь же недоверчив и подозрителен, как и Сталин. Сталин не пользовался доверием у Мао Цзэдуна.

Отношения между ВКП(б) и КПК (включая сюда и все, что было связано с деятельностью Коминтерна) сложились таким образом, что не могло быть и речи о том, чтобы Мао Цзэдун мог полагаться на кого бы то ни было в руководстве ВКП(б) как на человека, близкого ему идейно, или как на проводника своих взглядов в целях оказания воздействия на ВКП(б) и Сталина. Для Мао Цзэдуна проблема Сталина оборачивалась ожесточенной и длительной борьбой против своих политических соперников внутри КПК, в которых он часто видел проводников влияния Сталина на ход китайских дел.

В КПК действительно были руководители, которые вели борьбу с Мао Цзэдуну за власть над партией и при этом стремились заручиться поддержкой Сталина.

Одним из них был Ван Мин (Чэнь Шаоюй). Он имел репутацию «большевика», пользовался определенным доверием Сталина. Ван Мин в свое время учился в СССР. На протяжении длительного времени он являлся руководителем делегации КПК в Коминтерне, был членом Исполкома Коминтерна, членом его президиума. В КПК, в окружении Мао Цзэдуна, на него смотрели как на главного эксперта Сталина по вопросам колониальных и зависимых стран.

Ван Мин родился в 1904 г. В 1925 г. его приняли в КПК и вскоре после этого направили в Москву на учебу в университет имени Сунь Ятсена.

В университете на Ван Мина большое впечатление произвел тогдашний проректор П.А. Миф, который был сторонником Сталина и пользовался его покровительством.

Сталин считал разработку и проведение в жизнь политики в отношении Китая одним из

своих главных дел в сфере внешних сношений. Он полагал, что вопросы Китая должны решаться только им одним. Даже члены Политбюро ЦК ВКП(б), а затем и КПСС были информированы о состоянии дел в отношениях с Китаем только постольку, поскольку Сталин считал это нужным, то есть знали лишь часть того, что думал и делал Сталин относительно Китая.

При этом Сталин придавал большое значение подбору кадров, которым он доверял работу по Китаю. Это доверие не было абсолютным. Более того, Сталин предпочитал время от времени устранять практически всех тех, кто помогал ему в работе по Китаю, заменяя их новыми людьми, которых через определенное время заменяла очередная смена.

Так оказывалось, что Сталин и только Сталин как бы знал все, владел всей историей вопроса, а исполнители могли знать только часть истории.

При Сталине (да и позже, практически на протяжении всего советского периода истории России в XX веке) китаеведы или люди, занимавшиеся практической работой по Китаю, были искусственно разделены или даже разорваны на своего рода смены, на временные отряды, которые приходили на свои посты как на пустое место, а затем, через некоторое время, чаще всего просто исчезали и уступали место своим преемникам, не передавая им вахту, знания, опыт.

Провалы в китаеведении, провалы в практической работе по Китаю, имея в виду провалы во времени, возникали периодически. Это позволяло Сталину толковать политику в отношении Китая и его руководителей, ведущих политических сил по своему усмотрению.

В то же время это наносило ущерб и китаеведению, и политике в отношении Китая, да и национальным интересам России. Сталин, по сути дела, лишь временно использовал некоторых китаеведов или практических работников, допускавшихся к китайским делам, но не извлекал целиком и полностью, а также в исторической последовательности и преемственности уроки из их опыта и знаний, особенно и главным образом в том, что касалось ситуации внутри Китая.

Вероятно, именно по этой причине Сталину, благодаря его природным способностям, политическому чутью и опыту, удавалось практически почти без срывов добиваться своих внешнеполитических целей в китайской политике; в то же время он неоднократно ошибался, когда речь шла о внутривнутриполитических процессах в Китае. Но это не наносило ущерба его видимому престижу как первого знатока китайского вопроса в партии и в стране, ибо людей, которые оказывались свидетелями его ошибок, быстро устраняли; они уходили в небытие или молчали до конца дней своих; их можно понять, ибо только так они могли сохранить свою жизнь. Так, кстати сказать, вели себя многие, в том числе Г.Н. Войтинский, М.М. Бородин; собственно говоря, и в наше время, на рубеже XX и XXI столетий, такого рода традиция умолчания о пережитом, очевидно и по инерции, сохранялась теми китаеведами или практиками в работе по Китаю, которые были еще живы и могли бы многое рассказать, если бы сочли это необходимым и возможным.

Итак, при Сталине проводилась политика весьма придирчивого отношения к тем, кто ведал работой по Китаю. Их отстраняли от работы по Китаю, раскритиковав или без объяснения причин. Так произошло с Г.Н. Войтинским, М.М. Бородиным, Б. Ломинадзе. Китаеведение, особенно во всем том, что соприкасалось с политикой, было опасным занятием, опасным для самой жизни китаеведов.

Одних китаеведов устраняли. Им на смену приходили другие. Например, П.А. Миф занял пост заведующего китайским отделом восточной секции Коминтерна. Между П.А. Мифом и Ван Мином к тому времени, очевидно, сложились хорошие, доверительные отношения, так как во время поездки делегации Коминтерна в Китай в 1927 г. именно Ван Мин выступал в качестве ее переводчика. Вполне вероятно, что П.А. Миф и Ван Мин были единомышленниками во взглядах на китайский вопрос.

В 1928 г. П.А. Миф сменил К. Радека на посту ректора университета имени Сунь Ятсена. В марте 1928 г. П.А. Миф стал заведующим восточной секцией Коминтерна.

С 18 июня по 11 июля 1928 г. в СССР проходил шестой съезд КПК, работа которого в

значительной степени определялась Н.И. Бухариным и П.А. Мифом, которые выступали в качестве представителей Коминтерна. Они принимали участие и в выработке документов съезда, и в формировании состава ЦК партии, выступали на съезде. При этом переводчиком им служил Ван Мин.

В апреле 1929 года Ван Мин возвратился в Китай, где работал в центральном органе партии – газете «Хун ци», опубликовав более 30 статей, которые, по сути дела, пропагандировали в КПК указания Коминтерна.

Одним словом, Ван Мин уже тогда твердо стоял на коминтерновских позициях, то есть исходил из необходимости неуклонно выполнять указания Сталина, что вызывало у ряда руководителей КПК антипатию к нему. Предлог для того, чтобы наказать Ван Мина, был найден довольно быстро. Ван Мин был раскритикован руководителями КПК Сян Чжунфой и Ли Лисанем за антипартийную линию и сектантство и на полгода поставлен под надзор в партии. Наряду с ним получили партийные взыскания Цинь Бансянь, Ван Цзясян и Хэ Цышу.

23 июля 1930 г. Исполком Коминтерна принял проект решения по китайскому вопросу, в котором содержалась критика в адрес Ли Лисаня.

В ноябре 1930 г. Коминтерн направил П.А. Мифа в Шанхай в качестве своего представителя. 22 ноября на расширенном заседании Политбюро ЦК КПК были приняты к исполнению указания Коминтерна, были также сняты взыскания с Ван Мина, Цинь Бансяня, Ван Цзясяна, Хэ Цышу.

Поскольку Коминтерн осудил руководителя ЦК КПК Ли Лисаня, постольку пострадавший от Ли Лисаня Ван Мин оказался в роли героя борьбы против Ли Лисаня и настоял на созыве экстренного заседания ЦК КПК.

Во всех этих событиях большую роль играл П.А. Миф. 7 января 1931 г. в Шанхае был созван четвертый пленум ЦК КПК шестого созыва. На пленуме были приняты документы, проекты которых подготовил П.А. Миф. Он настаивал на вводе Ван Мина в руководство партии. Ряд членов ЦК выступали против этого.

13 января 1931 г. П.А. Миф, выступая в качестве представителя Коминтерна, провел совещание с выступавшими против избрания Ван Мина в ЦК. П.А. Миф говорил им, что Ван Мин – настоящий большевик, обладающий самым высоким в КПК уровнем теоретической и политической подготовки; Ван Мин – это, по выражению П.А. Мифа, стопроцентный проводник линии Коминтерна; доверие Ван Мину – это доверие Коминтерну. П.А. Миф также заявил, что тот, кто выступит против решений четвертого пленума, будет считаться выступившим против Коминтерна и будет наказан в партийном порядке.

В результате Ван Мин, который до того не был даже членом ЦК, сразу же был избран членом Политбюро ЦК КПК. Сян Чжунфа был избран генеральным секретарем, однако практически работой ЦК КПК ведал Ван Мин, власть была сконцентрирована в его руках.

После четвертого пленума было реорганизовано и руководство комсомола. Его секретарем вскоре был назначен Цинь Бансянь (Бо Гу). Так руководство ЦК КПК и комсомола оказалось в руках Ван Мина. В июне 1931 г. Сян Чжунфа был арестован и казнен. Ван Мин стал исполняющим обязанности генерального секретаря ЦК партии.

Однако спустя немного времени Ван Мин вернулся в Москву, где при поддержке П.А. Мифа стал руководителем делегации КПК в Коминтерне. В результате сложилась система или структура, при которой Ван Мин проводил из Москвы линию Коминтерна, а Цинь Бансянь выполнял его указания в Китае.

В сущности говоря, все это свидетельствовало о том, что после событий 1925—1927 гг. в Китае, когда у Сталина оказались разорванными отношения с Чан Кайши, с Гоминьданом, с Китайской Республикой, он предпринял энергичные шаги, направленные на то, чтобы руководство КПК состояло из людей, которые беспрекословно выполняли бы его решения.

П.А. Миф был проводником такой политики Сталина. Ему удалось найти в КПК людей, на которых, во всяком случае по мнению П.А. Мифа, Сталин мог положиться. Этими людьми оказались прежде всего Ван Мин и Цинь Бансянь. Роли между ними были

распределены так, чтобы руководство и китайской секцией Коминтерна, и деятельностью КПК и китайского комсомола на месте, то есть в Китае, находилось в руках именно этих фактически доверенных людей Сталина. Так в конце 20 – начале 30-х гг. сложилась казавшаяся тогда прочной связка: Сталин, П.А. Миф, Ван Мин, Цинь Бансянь. Это был в то время единственный рычаг воздействия Сталина на ход событий в Китае.

Однако жизнь не стояла на месте. Возникали новые осложнения, которые требовали принятия новых решений.

Международная обстановка становилась все более напряженной; в воздухе явно запахло порохом; перспектива войны становилась реальностью. Возникла существенная угроза интересам и Советского Союза, и Китайской Республики со стороны Японии. В этих условиях Сталин и Чан Кайши предпринимали усилия по восстановлению дипломатических отношений и налаживанию необходимого обеим сторонам сотрудничества.

Взгляды и интересы Сталина и Мао Цзэдуна в это время во многом, если не по существу, не совпадали. Ван Мин же следовал за Сталиным, а потому между Ван Мином и Мао Цзэдуном также существовали разногласия и велась борьба.

Сталин исходил из того, что в ходе исторического развития он занял положение высшего, причем единственного высшего, руководителя огромной политической силы мирового значения. Ядром этой силы было Советское государство, СССР. Следовательно, с точки зрения Сталина, исходя из глобальных интересов мирового развития всем сторонникам марксизма, ленинизма, коммунизма следовало беспрекословно подчиняться одному центру, ему лично, то есть Сталину, ибо только сохранение СССР, наращивание его военной и иной мощи могло обеспечить продвижение вперед общего дела Сталина и всех его сторонников, всех коммунистов земного шара. С точки зрения Сталина, лозунг «Защитим Советский Союз», «С оружием в руках отстоим Советский Союз» был в условиях того времени главным лозунгом. Решению именно этой задачи, то есть сохранению СССР как сильной державы, должна была быть подчинена деятельность всех коммунистов всего мира, ибо все они, в представлении Сталина, были объединены классовыми интересами, которые преобладали над всеми иными, в том числе и над частными национальными интересами, а потому коммунисты любой национальности, любой страны должны были защищать базу мировой революции – СССР. Без СССР, без него самого, то есть без Сталина, погибли бы и все коммунисты; только отстояв СССР, коммунисты всех стран получали надежду на достижение впоследствии победы в своих странах. Такова была логика Сталина.

Исходя из такого подхода к вопросу Сталин и стремился найти в Китае таких коммунистических лидеров, которые понимали бы его позицию, подчинялись его слову. Ван Мин оказался таким человеком.

Мао Цзэдун по-иному смотрел и на ситуацию в мире, и на ситуацию в Китае. Он по-иному видел и роль СССР, и роль Сталина.

С точки зрения Мао Цзэдуна, следовало сохранять отдельность и самостоятельность Китая, китайцев, Компартии Китая от Сталина, считаясь при этом с необходимостью быть в одном лагере со Сталиным, а также используя возможность получения максимальной практической помощи со стороны Сталина. Мао Цзэдун, внешне до поры до времени признавая то, что Компартия Китая была секцией Коминтерна и должна была видеть в Москве и в Сталине центр и лидера мирового коммунистического движения, в то же время, проводя свою линию внутри КПК в ходе своего продвижения к руководству Компартией Китая, подчеркивал значение Китая, Компартии Китая, подразумевая при этом, что обе стороны, коммунистическая партия в СССР и коммунистическая партия в Китае, взаимно зависят одна от другой и взаимно заинтересованы друг в друге; причем со временем степень такого рода зависимости будет только ослабевать.

В позиции Мао Цзэдуна имелись и сильные, и слабые места. Ее сила состояла в том, что обращение к мысли о независимости и самостоятельности Китая и китайцев находило отклик у многих в Китае. Для этого были и объективные основания.

В то же время реальная ситуация сложилась таким образом, что в первой половине XX

века Китай, стремившийся решать свои внутренние проблемы, в особенности вопрос об объединении страны, а также находясь перед лицом грозившей ему опасности национальной гибели, главным образом в связи с агрессией со стороны Японии, мог с надеждой и определенными основаниями обращаться лишь к одному потенциальному союзнику, к СССР: и когда речь шла о гражданской или внутренней войне в Китае в 20-х гг., и когда речь шла об отпоре японскому нашествию в 30-х гг. Общие или совпадавшие национальные интересы сводили Россию (СССР) и Китай вместе. Обе стороны, каждая из них в отдельности, были заинтересованы во взаимодействии. В то же время и материально, и политически на мировой арене Москва могла дать тогда Китаю относительно больше, чем Китай мог дать Москве.

Объективно получалось так, что Мао Цзэдун хотел пользоваться помощью со стороны Москвы, особенно в борьбе за власть внутри Китая, и в то же время не попадать в полное подчинение Сталина. Это была трудная задача.

Ситуация была сложной и применительно к области внешней политики, и применительно к внутренним делам в Китае.

В сфере внешней политики Мао Цзэдун полагал, что в условиях японского нашествия ему и его сторонникам даже легче будет вести борьбу за власть в Китае, над Китаем. Японская агрессия в глазах Мао Цзэдуна имела и свои плюсы, ибо в этих условиях политический противник Мао Цзэдуна внутри Китая, то есть Чан Кайши, не имел возможности расправиться с Мао Цзэдуном и его вооруженными силами. Отсюда и расхождения в позициях Сталина и Мао Цзэдуна по этому вопросу.

В то время как Сталин требовал добиться национального единства в Китае, то есть временного прекращения внутренней, или гражданской, войны в Китае в интересах совместного оказания и правительством Китайской Республики, и армией КПК отпора японцам, требовал поставить Китай в качестве заслона на пути расширения японской агрессии и против всего Китая, и, особенно в дальнейшем, против Советского Союза, что было вполне вероятно, Мао Цзэдун не желал содействовать тому, чтобы задача борьбы за власть, за разгром Гоминьдана, была подчинена интересам оказания отпора японской агрессии. Мао Цзэдун вообще не верил в то, что война Японии против Китая – это смертельная угроза для Китая; что же касается СССР, то, по мнению Мао Цзэдуна, тот должен был прежде всего сам справляться со своими врагами, да еще и помогать Китаю. Мао Цзэдун исходил из того, что национальные интересы СССР заставят его оказывать Китаю помощь в борьбе против японской агрессии; более того, национальные интересы Советского Союза, по мнению Мао Цзэдуна, должны были заставлять его оказывать помощь именно ему, Мао Цзэду, как руководителю Компартии Китая, в расчете на то, что при власти Мао Цзэдуна и КПК в Китае Советскому Союзу будет легче обеспечить для себя мир на своих границах с Китаем.

Применительно к внутривнутриполитической борьбе в Китае взгляды Сталина и Мао Цзэдуна также сильно расходились. Сталин желал национального единства в Китае, единства КПК и Гоминьдана, в целях оказания отпора Японии. Мао Цзэдун полагал, что главное – это, выдвигая лозунг сопротивления Японии, в то же время использовать ситуацию для того, чтобы свергнуть власть Чан Кайши, Гоминьдана и занять место верховного владыки Китая.

Ван Мин, находясь в Москве и отражая настроения Сталина, выступал против целого ряда предложений и шагов Мао Цзэдуна. Однако Сталин и Коминтерн оказались неспособны определять исход внутривнутриполитической борьбы в Компартии Китая. Ван Мин оставался главным представителем этой партии в Москве, но его сторонники в КПК были отстранены от власти Мао Цзэдуном.

Ван Мин утратил влияние и власть после совещания в Цзуньи в 1935 г. Мао Цзэдун занял тогда в партии руководящее положение.

Возможно, Ван Мин не сразу осознал то, что тогда произошло. Более того, он даже иной раз придавал преувеличенно большое значение частностям.

В 1937 г. Ван Мин говорил в Москве Ван Цзясяну, что теперь уже П.А. Миф оказался у

него в подчинении в качестве рядового работника и должен с уважением относиться к нему, Ван Мину.²⁰

Итак, после того как Мао Цзэдун фактически пришел к власти в КПК в 1935 г., Ван Мин еще оставался в Москве руководителем делегации КПК в Коминтерне. Он все еще считал, что, всегда выступая на стороне Сталина, он сохраняет важное место в руководстве КПК и потенциально имеет основания претендовать на место первого руководителя КПК по возвращении в Китай.

Сталин же понимал, что люди из КПК, находившиеся в Москве, к тому времени уже не могли определять развитие ситуации не только в Китае, но и в КПК, а потому был вынужден переориентироваться на работу с теми, кто находился внутри Китая, то есть на работу с Мао Цзэдуном.

Иначе говоря, сначала Мао Цзэдуну удалось своими силами, силами своих сторонников захватить руководство партией. Мао Цзэдун, несмотря на позицию Сталина, сумел добиться руководящего положения в КПК, и тогда Сталину пришлось, начиная с 1936—1938 гг., считаться с Мао Цзэдуном как с руководителем КПК. Правда, это означало лишь, что Сталин в одно и то же время приспосабливался к особенностям Мао Цзэдуна как политика и стремился проводить свою линию, заставляя Мао Цзэдуна и КПК считаться с его интересами. Так начался период сопоставления, столкновения и согласования интересов Сталина и Мао Цзэдуна.

В этой связи важно упомянуть о том, как произошло на практике признание Сталиным руководящей роли Мао Цзэдуна в Компартии Китая.

С 16 сентября по 6 ноября 1938 г. в штаб-квартире КПК, небольшом городе Яньани, затерянном в горах на севере Китая, проходили заседания шестого пленума ЦК КПК шестого созыва. Это был важный пленум. В каком-то смысле его можно даже приравнять к съезду партии. И дело было не только в том, что со времени шестого съезда КПК, проведенного, как уже упоминалось, в 1928 г. на территории СССР, неподалеку от Москвы, прошло уже целых десять лет, и не только в том, что со времени предыдущего пленума истекло уже пять лет, но и в том, что коренным образом изменилась ситуация: началась широкомасштабная японская агрессия на территории собственно Китая, прекратилась, во всяком случае декларативно, гражданская война и налаживалось сотрудничество между двумя главными политическими силами Китая – Гоминьданом и Компартией Китая – в целях оказания всей мощью объединившейся китайской нации отпора Японии. Весьма существенно переменилась и обстановка внутри самой КПК, которая проявляла все большую самостоятельность. Наконец, немаловажным было и то, что Китайская Республика и Советский Союз оказались в результате развития исторических событий перед необходимостью укреплять двусторонние межгосударственные отношения, имея перед собой, по существу, общую угрозу со стороны агрессора – японского милитаризма. Мао Цзэдун говорил, что «шестой пленум ЦК решил судьбу Китая».²¹

На шестом пленуме ЦК КПК шестого созыва политический доклад «О новом этапе» сделал член Политбюро ЦК партии Мао Цзэдун, выступавший от имени Политбюро. В конце пленума произошло событие, сыгравшее немалую роль и в истории партии, и в двусторонних отношениях Сталина и Мао Цзэдуна. Заключительную речь на пленуме произнес член Политбюро Ван Цзясян. Незадолго до пленума он возвратился из Москвы, общепризнанного тогда центра международного коммунистического движения и штаб-квартиры ВКП(б). Участники пленума с напряженным вниманием ожидали сообщения Ван

²⁰ Лю Цзечэн. Мао Цзэдун юй Сыдалинь – Мао Цзэдун и Сталин. – Пекин: Чжун Гун Чжунъян дан сяо чубаньшэ, 1993. – С. 294. (Далее: Лю Цзечэн ...)

²¹ Речь Мао Цзэдуна по вопросу о выборах на седьмом съезде КПК 10 июня 1945 г. – См.: Гуанмин жибао. 16.08.1986.

Цзясяна о том, с чем он приехал из Советского Союза. Ван Цзясян не обманул их ожиданий. В устной форме он довел до сведения членов ЦК КПК мнение Сталина и Г.М. Димитрова. Примерный смысл этого сообщения был таков: «Исходя из практики борьбы в ходе китайской революции необходимо признать, что товарищ Мао Цзэдун является вождем Компартии Китая».²²

Сталин и Мао Цзэдун ни в 20-х, ни в 30-х гг. не встречались друг с другом. В отличие от многих руководителей компартий различных стран Мао Цзэдун не ездил в Москву, в Коминтерн, к Сталину за инструкциями и советами. До 1949 г. Мао Цзэдун вообще не выезжал из Китая. Сталин же, проявляя большое и постоянное внимание к тому, что происходило в Китае, интересовался и политической деятельностью, и взглядами Мао Цзэдуна, сетуя иной раз на то, что он никак не может составить о них четкого представления. Гораздо лучше, чем Мао Цзэдун, Сталину были известны некоторые другие лидеры КПК, особенно те из них, кто работал в Коминтерне, бывал в Москве. В то же время Сталин общался с весьма узким кругом иностранных коммунистов и мало кто из китайцев мог похвалиться тем, что виделся лично со Сталиным. В общем, сведения о Мао Цзэдуна были у Сталина косвенными; практически никто из советских коммунистов не имел возможности долго наблюдать Мао Цзэдуна в 20-х и 30-х гг. и представить Сталину развернутый портрет. Со своей стороны и Мао Цзэдун не имел возможности составить полное представление о Сталине, ибо посредников для общения со Сталиным у Мао Цзэдуна в то время практически не было.

Сталин полагал своей прерогативой формирование высшего руководства многих зарубежных коммунистических партий; при этом зачастую все решало личное впечатление Сталина о том или ином деятеле. В случае с Мао Цзэдуном Сталин был вынужден действовать как бы с завязанными глазами.

И тем не менее в 1938 г. Сталин принял решение признать Мао Цзэдуна вождем Компартии Китая. Существуют рассказы со ссылками на очевидцев о том, что Ван Цзясян перед отъездом из Москвы имел встречу с Г.М. Димитровым, формальным главой Коминтерна. Именно во время этой встречи Ван Цзясяну и было сказано, что Сталин признает Мао Цзэдуна вождем Компартии Китая. Но сказал это не сам Г.М. Димитров, а ответственный работник Коминтерна Д.З. Мануильский, который фактически был соглядатаем Сталина в аппарате Коминтерна. Г.М. Димитров сидел молча, но само его присутствие свидетельствовало о том, что Сталин принял такое решение и всем, в том числе Г.М. Димитрову, оставалось лишь молча соглашаться с этим. Д.З. Мануильский же выступил в данном случае как «голос Сталина».

К 1938 г. Мао Цзэдун, по существу, уже в течение более трех лет был высшим руководителем КПК, формально являясь лишь членом Политбюро ЦК партии. Таким образом, Сталин фактически был вынужден заочно согласиться с реально сложившимся в Китае, в КПК положением.

Мао Цзэдун, с одной стороны, обязан самому себе своим возвышением внутри руководства КПК. Он мог быть недовольным и тем, что Сталин на протяжении ряда лет (1935—1938) как бы не замечал того, что Мао Цзэдун уже занимает пост первого лица в КПК, или формально не признавал этого, а также продолжал оказывать слишком большое доверие Ван Мину; во всяком случае, Сталин своей позицией на протяжении нескольких лет держал Мао Цзэдуна в подвешенном состоянии, сохраняя скрытую угрозу вмешаться и изменить состав руководства ЦК КПК. В то же время, учитывая обстановку того времени, реальный вес Сталина в лагере коммунистов всего мира, Мао Цзэдун был и благодарен Сталину за то, что тот в конечном счете, как папа римский международного коммунистического движения, фактически короновал его официально в качестве вождя КПК в 1938 г. Таким образом Сталин сохранил отношения сюзерен – вассал, а Мао Цзэдун был

²² Гуанмин жибао. 16.08.1986.

вынужден принять тогда эти правила игры.

Сталин признал Мао Цзэдуна вождем КПК после того, как он убедился в том, что Мао Цзэдун, по крайней мере внешне, с подчеркнутым уважением относится к советам Москвы, советам Сталина.

В 1937 г. Сталин говорил представителям КПК в Коминтерне Ван Мину, Ван Цзясяну, Кан Шэну и Дэн Фа, что не следует бояться того, что компартия может утонуть в национально-освободительной борьбе. Иначе говоря, Сталин и Мао Цзэдун далеко не были догматиками; они искали общий язык, который позволял им находить точки соприкосновения и получать по крайней мере тактическую свободу в рамках согласованных стратегических позиций. Вспоминая об упомянутой беседе, Ван Цзясян писал: «Когда Ван Мин поставил вопрос о стратегическом этапе китайской революции, Сталин ответил, что главное сейчас бить японцев, а обо всех этих предметах прошлого сейчас не стоит говорить. Когда разговор коснулся проблемы военной промышленности, Сталин сказал, что отсутствие артиллерии создает большие трудности и Советский Союз готов оказать помощь. Когда же в беседе был затронут вопрос о политической власти, Сталин сказал, что политическая власть будет в ваших руках повсюду, куда вступят ваши войска. При обсуждении стратегических проблем Сталин указал, что в войне с Японией не следует начинать с ударов по голове, а это практически означало, что надо вести партизанскую войну»²³. В целом было очевидно, что у Сталина и Мао Цзэдуна было много общего и в мышлении, и в подходе к ряду важных проблем, а также что советы Сталина позволяли Мао Цзэдуну не только черпать ценные для него мысли, но и давали толчок к развитию ряда принципиальных положений. Мао Цзэдун волей обстоятельств оказывался в то время в положении ученика Сталина; он и на самом деле был последователем и учеником.

Говоря об отношениях между Сталиным и Мао Цзэдуном перед началом Второй мировой войны, следует упомянуть о том, что у них были некоторые общие позиции по вопросу о расстановке сил в мире и о политике компартий обеих стран. В частности, и тот и другой в течение определенного времени полагали, что следует налаживать отношения с Германией, Италией, Японией, а Мао Цзэдун прощупывал возможность установления связей с правительством Ван Цзинвэя, который сотрудничал с японцами.

В 1939 г. по случаю 60-летия Сталина Мао Цзэдун счел необходимым выступить с речью на специальном торжественном собрании в Яньани, посвященном этому юбилею. В своей речи он, в частности, сказал: «Обычно говорят: «С древности так повелось, что редко кому удастся дожить до семидесяти лет». Да ведь вообще-то говоря, в нашем мире и до 60 лет дожить далеко не просто. И все же, спрашивается, почему мы отмечаем юбилей только товарища Сталина? Да потому, что он-то как раз и есть то, что называют звездой спасения всех угнетенных... Да именно потому, что он возглавляет великий Советский Союз, потому что он возглавляет великий Коммунистический Интернационал, потому что он возглавляет движение за освобождение всего человечества, он помогает Китаю воевать с Японией».²⁴

Далее Мао Цзэдун высказался об обстановке в мире. Он отметил следующее: «В настоящее время в мире есть два фронта борьбы. С одной стороны, речь идет об империализме, который представляет собой фронт угнетения народов. С другой стороны, речь идет о социализме, который представляет собой фронт оказания сопротивления, отпора угнетению. Что же касается фронта национальной революции колоний и полуколоний, то кое-кто понимает это так, что он вроде как бы находится где-то в промежутке, посередине; и все же его острие направлено против империализма, он просто не может не привлекать на свою сторону в качестве своего друга социализм, не может не встать на сторону революционного фронта тех угнетенных, которые оказывают сопротивление. И на фронте

²³ Там же.

²⁴ Синьхуа юебао. 1950. Новогодний номер.

революции, и на фронте контрреволюции должен быть кто-то главный, должен быть командующий. Кто является командующим фронтом контрреволюции? Да именно империализм, да не кто иной, как Чемберлен. А кто является командующим фронтом революции? Да именно социализм, да не кто иной, как Сталин. Товарищ Сталин – руководитель мировой революции. Это чрезвычайно важно. То, что у человечества есть Сталин, это великое дело. Потому что с ним и при нем легко делать дела. Вы знаете, что Маркс умер, Энгельс тоже умер, Ленин тоже умер; и если бы не было Сталина, то кто бы смог распоряжаться, отдавать приказы? Это поистине счастье, что в настоящее время в мире существует Советский Союз, существует коммунистическая партия и существует Сталин. Именно это облегчает наше дело. Чем же занимается руководитель или распорядитель революции? Он добивается того, чтобы каждый человек был обеспечен едой, одеждой, кровом, книгами; а для того, чтобы все это было так, необходимо руководить борьбой миллиардов угнетенных; причем нужно довести это дело до окончательной победы. Вот что падает на долю Сталина. А раз это так, то мы должны поздравить его, поддержать его, должны учиться у него».²⁵

В данном случае Мао Цзэдун претендовал на то, чтобы дать свою оценку ситуации, свою оценку Сталина и его роли. Мао Цзэдун хотел, чтобы члены его партии ориентировались на его оценку роли Сталина, а не на то, что предлагалось иностранцами, особенно из Москвы. Пожалуй, суть высказываний Мао Цзэдуна тогда состояла в том, что он признает руководящую роль Сталина, но не постольку, поскольку тот, прежде всего, защищает интересы своей партии и страны или общие интересы своей страны, и в частности Китая, а постольку и в той мере, поскольку и насколько Сталин отвечает требованиям Мао Цзэдуна и его партии.

Русский историк Д.А. Волкогонов отмечал²⁶, что Сталин не только ознакомился с вышеупомянутым выступлением Мао Цзэдуна, озаглавленным «Сталин – друг китайского народа» и датированным 1939 г., то есть приуроченным к 60-летию Сталина, но и подчеркнул в этом документе следующие строки: «Чествовать Сталина – это значит стоять за него, за его дело, за победу социализма, за тот путь, который он указывает человечеству... Ведь сейчас огромное большинство человечества живет в муках, и только путь, указываемый Сталиным, только помощь Сталина может избавить человечество от бедствий»²⁷. В этой связи думается, что Сталин прежде всего увидел в словах Мао Цзэдуна то, что ему хотелось увидеть, или то, с помощью чего он как бы имел возможность воздействовать на Мао Цзэдуна, заставляя Мао Цзэдуна и его партию подчиняться своей воле; возможно, Сталин в то время лишь начинал ощущать всю потенциальную угрозу противостояния или конфронтации с Мао Цзэдуном в будущем.

Весной 1943 г., в напряженный период в ходе Великой Отечественной войны в нашей стране, японцы, продолжая агрессию против Китая, готовились и к тому, чтобы нанести с востока удар по Советскому Союзу. СССР и его армия оказались перед угрозой войны на два фронта. Сталин прислал Мао Цзэдуну телеграмму, заявив, что он готов предоставить вооружение и снаряжение для нескольких дивизий армии КПК, и выразил пожелание о том, чтобы КПК направила своих бойцов на территорию Монгольской Народной Республики, где они получили бы упомянутое вооружение и снаряжение и смогли в случае необходимости дать отпор агрессии Японии с востока против СССР.

Рассуждая в своем кругу о содержании этой телеграммы Сталина, Мао Цзэдун с улыбкой говорил, что, конечно, хорошо, что они готовы предоставить нам вооружение и

²⁵ Там же.

²⁶ Волкогонов Д.А. Семь вождей. – М., 1995. – С. 251.

²⁷ Мао Цзэдун. Избр. произведения. Т. 3. 1953. – С. 189.

снаряжение; но таскать для них каштаны из огня, нет уж, увольте, ведь от этого толка не будет; то, что нам предлагается, результата не даст! Монголия – это огромная открытая территория, а у Японии много самолетов; да японцы даже запрятанную глубоко в горах Яньань своими бомбардировками превратили в развалины. Каким же образом предполагается, что мы получим это вооружение? Японская оккупационная армия – это действительно мощная армия, а наши силы малы. Таким образом, мы могли бы как-то взаимодействовать с армией СССР, которая ведет антифашистскую войну, только разворачивая на просторах Китая партизанские действия, благодаря чему враг увяз бы в трясине такой войны, не имея возможности выбраться из нее.

Вслед за тем Мао Цзэдун дал указания Люй Чжэнцао, Сяо Кэ, Ли Юньчану, Чэн Цыхуа в максимально короткие сроки перебросить свои силы в район Шаньхайгуаня, Великой Китайской стены и развернуть партизанские действия, сковывая силы японцев; однако Мао Цзэдун не дал согласия на то, чтобы направить людей в Монголию для получения оружия и снаряжения.

Сталин не согласился с рассуждениями Мао Цзэдуна и дал вторую телеграмму, прося ускорить решение вопроса.

Мао Цзэдун опять не согласился с предложением Сталина.

Мао Цзэдун полагал, во всяком случае на словах, что для него предпочтительнее воевать на просторах Китая мелкими партизанскими группами, имея при себе только винтовку и перекинутый через плечо узкий и длинный, напоминающий колбасу мешок с чумизой для пропитания. На самом же деле Мао Цзэдун ставил интересы своей борьбы за власть в Китае выше интересов военного разгрома внешних сил, грозивших гибелью обоим нациям, обоим государствам, в то время СССР и Китайской Республике.

В это время Ван Мин стал ратовать за то, чтобы «сформировать десятки дивизий, вооруженных новейшей военной техникой, превратив эти войска в костяк армии» КПК. Некоторые другие руководители поддержали Ван Мина и стали уговаривать Мао Цзэдуна принять предложение Сталина. Мао Цзэдун считал, что не нужно подчиняться каждому слову Сталина. Направление людей в Монголию за вооружением Мао Цзэдун считал напрасным трудом. Он полагал, что бойцы там попусту погибнут. Поэтому Мао Цзэдун снова не согласился с предложением Сталина.

Сталин прислал в третий раз телеграмму, настаивая на выполнении своего предложения. Мао Цзэдун и на этот раз не согласился.

Несмотря на то что в это время в руководстве КПК были люди, которые предлагали Мао Цзэдуну поступить согласно предложению Сталина, то есть послать людей и получить предлагавшееся оружие (кстати сказать, тогда США хотели вооружить ГМД, а Сталин – КПК), Мао Цзэдун в ответ только отрицательно качал головой.

Случилось так, что именно в это время центральные учреждения КПК в Яньани поразила эпидемия гриппа. Заболели и несколько телохранителей. У них появился кашель и поднялась температура. Врачи рекомендовали Мао Цзэдуну в целях профилактики принимать лекарства. Ши Чжэ тоже советовал Мао Цзэдуну принимать лекарства. В ответ Мао Цзэдун говорил, что все это чушь; зачем ему принимать какие-то лекарства, если он не болен? Нужно верить в силы сопротивления своего собственного организма. Он уделял внимание физической закалке и не заболел гриппом. Однако вскоре у него воспалилась десна, она сильно опухла, и уже началось нагноение.

Врач рекомендовал принять антибиотик.

Мао Цзэдун не желал делать этого. Он рассуждал так:

«Зубная боль – это не болезнь. Болезнь – это то, что грозит смертью!»

Мао Цзэдун отказывался, упирая на то, что в Китае тысячи лет обходились без пенициллина.

Мао Цзэдун настойчиво повторял, что следует опираться на собственные силы, а не на

помощь (пусть лекарствами) из-за рубежа.²⁸

Иначе говоря, Мао Цзэдун искал доводы, которые были бы убедительными для его сторонников и утверждали его правоту в отношениях со Сталиным. Мао Цзэдун стремился представлять перед своими соотечественниками в образе защитника независимости и самостоятельности китайцев перед лицом Сталина, относительно нашей страны, хотя, по сути дела, в условиях войны против Германии на Западе и Японии на Востоке страны антифашистской коалиции имели своей главной задачей разгром военной машины Токио и Берлина.

Весной 1945 г. Кан Шэн, который работал на протяжении некоторого времени в Москве в Коминтерне вместе с Ван Мином, выступая перед группой делегатов седьмого съезда КПК, отмежевался от Ван Мина, утверждая при этом, что он всегда был за Мао Цзэдуна и против Ван Мина. Авторы из КНР (уже после смерти и Кан Шэна, и Мао Цзэдуна) подчеркивали, что Кан Шэну удалось таким образом обмануть Мао Цзэдуна и влезть к нему в доверие²⁹. В то время внутри руководства КПК складывался круг приверженцев и подручных Мао Цзэдуна, причем единение их происходило на основе осуждения Ван Мина, а по сути дела, на основе противопоставления самих себя во главе с Мао Цзэдуном Сталину.

С 1942 по 1944 г. в Яньани Мао Цзэдун осуществлял кампанию, которая получила название движения за исправление стиля, то есть политического поведения, отношения к проблемам; по сути дела, это была кампания политической чистки партии от всех тех, кто не был согласен с Мао Цзэдуном, особенно по вопросу о взаимоотношениях с Коминтерном, то есть с ВКП(б) и со Сталиным. В КПК при этом утверждали, что это был важный этап во взаимоотношениях между революцией в Китае, то есть между КПК и Коминтерном. Одновременно это был также важный этап сопоставления взглядов и мыслей Сталина и Мао Цзэдуна на проблемы революции в Китае, этап острого столкновения и борьбы двух подходов к китайской действительности и событиям в Китае, к вопросам революции в Китае, подходов Сталина и Мао Цзэдуна. Иначе говоря, Мао Цзэдун развернул широчайшую, охватившую практически всю его партию, Коммунистическую партию Китая, кампанию, в ходе которой от каждого члена партии требовалось отмежеваться от поддержки Сталина как вождя и поддерживать как вождя одного только Мао Цзэдуна. Мао Цзэдун использовал ситуацию именно в тот период, когда Сталин был занят войной с Гитлером, заставил членов своей партии критически посмотреть на Сталина. А заодно и на ВКП(б), СССР, да и на Россию.

Еще на совещании в Цзуньи в 1935 г. Мао Цзэдун подчеркнул то, что у него были расхождения со Сталиным (Коминтерном) и по политическим, и по военным вопросам. Тогда Мао Цзэдун представил себя своим сторонникам как руководителя, который оказывает сопротивление политике Сталина, полагая ее ошибочной в отношении КПК, Китая, советско-китайских отношений.

Когда же было развернуто движение за исправление стиля в Яньани, то Мао Цзэдун стал систематически, всесторонне выступать против политики Сталина, называя это борьбой против догматизации марксизма-ленинизма. Мао Цзэдун повел идеологическую борьбу против того, чтобы делать приемлемый для Китая шаблон из опыта СССР, против обожествления решений Коминтерна. Свою цель Мао Цзэдун видел при этом в том, чтобы устранить, отбросить контроль со стороны Сталина и Коминтерна над КПК в идейном и политическом плане. Мао Цзэдун все это делал под лозунгом отстаивания и развития независимости и самостоятельности, суверенитета КПК. Он называл это стремлением к истине на основе фактов. Мао Цзэдун именовал свою кампанию движением за раскрепощение или освобождение в духовном, идейном отношении.

²⁸ Лю Цзечэн... С. 406—409.

²⁹ Там же. С. 410.

Одним словом, годы Отечественной войны в СССР, годы, когда Сталин был занят и не имел возможности активно воздействовать на положение внутри КПК, в Китае, Мао Цзэдун использовал для того, чтобы вывести свою партию, своих сторонников из-под идейного и политического господства и контроля со стороны Сталина.³⁰

Разъясняя позицию Мао Цзэдуна, Чжоу Энляй говорил в период движения за исправление стиля в Яньани: «Возникновение и развитие Коммунистической партии Китая связано с получением немалого числа указаний и помощи со стороны Коминтерна, однако опорой для Коммунистической партии Китая служит не Коминтерн, а народ Китая»³¹. Смысл этого высказывания Чжоу Энлая состоит в том, что Мао Цзэдун и его сторонники стремились отграничить себя от Сталина и его партии, внушить себе и другим, что на Сталина и его последователей нужно смотреть лишь как на внешнюю по отношению к Китаю силу, пытающуюся подчинить себе китайцев, но в то же время вынужденную заботами о самой себе кое в чем помогать КПК.

В одной из книг, изданных в КНР издательством Центральной партийной школы ЦК КПК, утверждалось, что около 4 часов утра 22 июня 1941 г. в кабинете Сталина в Кремле собрались все члены Политбюро ЦК ВКП(б).

Сталин нервничал. Он, в частности, стал разыскивать телеграмму, которую ему прислал некоторое время тому назад Мао Цзэдун из Яньани.

Маленков напомнил, что в свое время, получив эту телеграмму, Сталин охарактеризовал содержащееся в ней сообщение как безосновательный вымысел.

Упомянутая телеграмма была короткой: «Гитлеровская Германия нападет на СССР 21 июня; надеемся, что своевременно будут приняты необходимые меры».

Китайский автор при этом подчеркивал, что направление такой телеграммы свидетельствовало о том, что, во-первых, Мао Цзэдун проявил тогда заботу о судьбе Советского Союза, его предложение было правильным и своевременным; во-вторых, Сталин не придавал должного значения совету Мао Цзэдуна.

После нападения Германии на его страну Сталин, по мнению китайского автора, понял, что он допустил ошибку, и приказал Ворошилову: «Дайте от своего имени телеграмму главнокомандующему Чжу Дэ с выражением благодарности».

Ворошилов сказал, что он немедленно выполнит это указание.

Китайский исследователь также утверждал, что Сталин, оказавшись перед лицом смертельной угрозы его стране, имел за спиной братскую партию, огромные ресурсы Китая, его неисчерпаемый людской потенциал.³²

Тот же китайский автор полагал, что Мао Цзэдун и КПК оказали решительную поддержку и практическую помощь советскому народу в его Отечественной войне. 23 июня 1941 г. Мао Цзэдун призвал партию создать широкий антифашистский международный единый фронт, оказав тем самым помощь СССР в отпоре фашистам, в священной Отечественной войне, а также предпринять практические действия в целях изгнания японского империализма из Китая.

Мао Цзэдун полагал, что вступление СССР в войну в огромной степени усилило мощь антифашистского лагеря. Указания Мао Цзэдуна представляли собой точный анализ ситуации, вдохновляли народ Китая на войну сопротивления Японии, оказывали моральную поддержку советскому народу в его Отечественной войне.³³

³⁰ Там же. С. 413.

³¹ Чжоу Энляй сюаньцзи – Избранные произведения Чжоу Энлая. В 2 т. Пекин, 1980. Т. 1. – С. 139.

³² Лю Цзечэн... С. 419—420.

³³ Там же. С. 421.

10 сентября 1941 г. Мао Цзэдун выступил с речью на расширенном заседании Политбюро ЦК КПК. Он подробно раскритиковал то, что он называл левоуклонистскими авантюристическими ошибками Ван Мина и их корнями. При этом Мао Цзэдун подчеркнул, что в прошлом в КПК на протяжении длительного времени господствовал субъективизм. Линия Ли Лисаня и левоуклонистский оппортунизм, присущий заключительному периоду советского движения в Китае, все это и представляло собой субъективизм. Проявления субъективизма во время завершающего периода советского движения в Китае были наиболее серьезными; он проявлялся тогда всесторонне, господствуя в партии на протяжении самого длительного времени; результаты или последствия его были ужасающими. Так происходило потому, что сторонники такого субъективизма именовали себя проводниками «линии Коминтерна», рядились в тогу марксизма, а осуществляли фальшивый марксизм.³⁴

Тогда Мао Цзэдун впервые и с точки зрения теории, и с точки зрения практической политики критиковал ошибки линии, которую проводил Ван Мин. Ван Мин же был представителем Сталина в Китае. Это был его «императорский посол», «высочайше уполномоченный» представитель в КПК. Поэтому-то все это, по сути дела, было не только критикой Ван Мина, но и представляло собой первую по счету систематизированную критику в теоретическом плане со стороны Мао Цзэдуна того, что ему представлялось субъективизмом Сталина в подходе к вопросам революции в Китае.³⁵

После выступления Мао Цзэдуна некоторые сторонники Ван Мина начали каяться и выступать с самокритикой. Но сам Ван Мин не уступал Мао Цзэдуну.

Выступая на том же расширенном заседании Политбюро ЦК КПК 12 сентября 1941 г., Ван Мин не только не был самокритичен, как того хотелось бы Мао Цзэдуну, но, напротив, утверждал, что линия в свое время проводилась правильная. Ван Мин возложил ответственность за главные ошибки на завершающем этапе советского периода деятельности КПК на Бо Гу, подчеркнув, что в то время сам он, то есть Ван Мин, выступал против Бо Гу, находясь еще в СССР.³⁶

1 февраля 1942 г. Мао Цзэдун начал кампанию исправления стиля в КПК.

Ван Мин в этой связи выступил с осуждением политики и методов Мао Цзэдуна. Он полагал, что Мао Цзэдун выступал против ленинизма, Коминтерна, ВКП(б), СССР, против КПК. Ван Мин также считал, что Мао Цзэдун хотел бы всех и вся подчинить себе, поставить себе на службу, создать маоцзедунизм, учредить в партии свою единоличную диктатуру, ввести военную диктатуру, что Мао Цзэдун не желал видеть того, что осуществлявшееся им движение за исправление стиля наносило огромный вред и КПК, и народу Китая, вред международному коммунистическому движению и мировой революции.

Ван Мин и в 1942—1943 гг. продолжал настаивать на своем, полагал, что вся эта кампания борьбы за исправление стиля развернута главным образом с той целью, чтобы подвергнуть репрессиям всех тех членов партии, которые вернулись в Китай после работы в Москве.³⁷

В КПК – КНР подчеркивали, что, по сути дела, проводившееся в Яньани движение за исправление стиля было направлено именно на то, чтобы нанести удар по идеологии Сталина и его представителя в Китае Ван Мина, так как эта идеология считалась Мао Цзэдуном догматизмом, а борьба против нее расценивалась или называлась освобождением от идейных пут. Мао Цзэдун добивался в ходе этого движения того, чтобы его сторонники

³⁴ Там же. С. 422.

³⁵ Там же.

³⁶ Там же. С. 422—423.

³⁷ Там же. С. 424—425.

освобождались от того, что он именовал слепой верой в линию Коминтерна, в указания Коминтерна. Напротив, они должны были поверить в идеи Мао Цзэдуна, которые он преподносил им как сочетание теоретических положений марксизма-ленинизма с практикой революции в Китае. Именно это должно было, по мысли Мао Цзэдуна, стать компасом или руководящей идеологией для членов КПК.³⁸

На самом же деле оказывалось, что Мао Цзэдун использовал трудное для Сталина время Отечественной войны против Гитлера для того, чтобы заставить всех членов Коммунистической партии Китая следовать за собой и видеть в Сталине силу, которую можно использовать в интересах Мао Цзэдуна, его сторонников, но которой никак нельзя доверять и которой не следует подчиняться. Идейный разрыв Мао Цзэдуна и его сторонников со Сталиным произошел именно в годы Отечественной войны СССР против Германии. Очевидно, тут сыграли свою роль два обстоятельства: во-первых, жизнь доказала, что Сталин допустил непростительную ошибку и не был готов к войне с Германией; во-вторых, на некоторое время у Мао Цзэдуна возникла даже мысль о том, что Сталин проиграет войну Гитлеру и что со Сталиным может быть покончено.

Мао Цзэдун хотел при этом добиться того, чтобы марксизм-ленинизм приобрел китайскую форму, был синизирован, или китаизирован. Мао Цзэдун стремился поставить себе на службу терминологию и ряд положений из области теории, а также политической практики, которые были присущи марксизму-ленинизму, коммунистическому движению в разных странах, помимо Китая, прежде всего в СССР. В этом была одна из главных причин и целей проведения кампании исправления стиля.

Взаимоотношения (заочные) между Сталиным и Мао Цзэдуном были в 1930–1940-х гг. сложными. Сталин, очевидно, предпочел бы видеть на посту руководителя КПК другого политика, отличавшегося от Мао Цзэдуна тем, что он в большей мере прислушивался бы к Сталину и, по сути дела, был бы, безусловно, надежным другом и союзником России (СССР).

Однако Сталин понял, что приходится считаться с реальным положением в КПК, с тем, что Мао Цзэдуно удалось взять верх в руководстве партии. Поэтому Сталин делал шаги по налаживанию отношений с Мао Цзэдуном. Очевидно, Сталин пришел к выводу о том, что применительно к Китаю оказывалось невозможным посадить во главе партии доверенного человека Москвы, деятеля, который на протяжении длительного времени находился в СССР и доказал свою лояльность Сталину. Во главе КПК мог быть только политик, практически не покидавший Китая и не «запятнанный» «близостью» к иностранцам, прежде всего в данном случае к СССР.

Поэтому Сталин предпочел не вступать в борьбу с Мао Цзэдуном в ходе внутривластных споров внутри КПК, а сделать хорошую мину при плохой игре, то есть перестать поддерживать свою прежнюю креатуру и выставить себя перед Мао Цзэдуном и всем руководством КПК в качестве иностранца, уважающего мнение, созревшее в Китае, и реалиста, прагматика, считающегося с ситуацией, сложившейся внутри КПК; более того, Сталин таким образом, пожалуй, впервые предал своих людей внутри КПК, отдал их на растерзание Мао Цзэдуно, надеясь хотя бы такой ценой сохранить необходимые связи между собой и Мао Цзэдуном. Здесь Сталин продемонстрировал, что для него собственные интересы и в определенной степени интересы его государства важнее сохранения верности своим союзникам внутри КПК, внутри Китая, если эти союзники оказались недостаточно сильны для того, чтобы самим прийти к власти; Сталин фактически бросил их и не помог им в борьбе за власть против Мао Цзэдуна.

В ключевой момент борьбы внутри КПК за власть над партией Сталин поддержал Мао Цзэдуна, выступил за то, чтобы именно он занимал положение высшего руководителя партии. В то время авторитет Коминтерна был очень высоким, организационная дисциплина

³⁸ Там же. С. 425.

в Коминтерне была жесткой. При поддержке Коминтерна Ли Лисань, Ван Мин стали на некоторое время основными руководителями КПК. В 1937 г. Ван Мин возвратился в Китай. В то время он занимал высокое положение в Коминтерне: был членом президиума ИККИ, его секретарем. В КПК его видели как главного эксперта Сталина по проблемам колониальных и зависимых стран, как возвратившегося на родину «императорского посла» или «высочайше уполномоченного» представителя Сталина, Коминтерна и Москвы. Он стал привлекать людей на свою сторону, пытался распоряжаться, занять место руководителя партии, которое тогда уже принадлежало Мао Цзэду. Деятельность Ван Мина привела к расхождениям во мнениях, которые проявились, в частности, на заседании Политбюро ЦК КПК в декабре 1937 г. И вот в этот ключевой момент, когда уже имели место смута и разброд, осенью 1938 г. на шестом пленуме ЦК КПК прибывший из Москвы Ван Цзясян передал участникам пленума указания Коминтерна, которым руководил Сталин, то есть фактически указания Сталина, о том, что он со всей определенностью поддерживает Мао Цзэда в качестве вождя Коммунистической партии Китая. При этом Коминтерн, то есть Сталин, критиковал высказывания Ван Мина. Эта позиция Сталина сыграла большую и важную роль в деле упрочения положения Мао Цзэда в руководстве КПК.

Далее следует упомянуть, что в ходе проведения яньаньского движения за исправление стиля формально борьба шла против Ван Мина, однако, по сути дела, это была критика Сталина, его политики. Сталин был этим недоволен, однако он проявил выдержку и терпение. Он смолчал, не высказался. Вообще говоря, и Сталин, и Мао Цзэдун пользовались этим приемом. Очно или заочно они в ряде случаев, понимая, что партнер выступает с острой критикой или просто-напросто ведет борьбу, предпочитали отмолчаться, тем самым, с одной стороны, подвешивая вопрос, сохраняя за собой возможность впоследствии вернуться к обсуждению той или иной проблемы и, с другой стороны, давая понять, что, несмотря на те или иные важные разногласия, существовали и другие обстоятельства, которые властно требовали от партнеров сохранять мосты в отношениях между ними. Так и в данном случае Сталин не стал выступать с протестами.

Вообще необходимо отметить, что в свое время, а именно в 1948—1949 гг., Сталин с большим подозрением относился к КПК, не исключая того, что она может стать «второй партией, подобной Союзу коммунистов Югославии», а КНР может превратиться во «вторую Югославию», сам же Мао Цзэдун может оказаться «вторым маршалом Тито». С точки зрения Сталина, СКЮ, Югославия и Тито предали его, Сталина, и оказались во враждебном Советскому Союзу военном лагере. Сталин весьма опасался того, что и на Востоке Китай Мао Цзэда может оказаться в военном лагере, враждебном СССР.

Следует отметить, что Сталин принимал во внимание разницу, по крайней мере в численности населения и размерах территории, между Китаем и Югославией и никогда не был с Мао Цзэдуном и КПК столь груб, как в отношении к СКЮ и к Тито. Сталин хорошо знал о том, что Мао Цзэдун всемерно стремится действовать совершенно самостоятельно и отдельно от Москвы. Однако Сталин предпочитал не осложнять отношения и оказывал поддержку Мао Цзэду; этот мотив был преобладающим в действиях Сталина. Позиция Сталина, с одной стороны, позволила сохранять относительно тесные отношения между Сталиным и Мао Цзэдуном и, с другой стороны, дала возможность Мао Цзэду провести в Яньани движение за исправление стиля, то есть в определенной степени идейно отмежеваться от Сталина, а также провести чистку и партии, и армии от своих политических противников, которые в известной части, возможно, были ближе к Сталину и предпочитали видеть во главе КПК не Мао Цзэда.

И, наконец, позиция Сталина в конце 1930-х гг. практически состояла в том, что он не поддержал, а бросил Ван Мина. Это имело несколько последствий. С одной стороны, и сам Ван Мин, и многие другие деятели в КПК поняли, что, во всяком случае на данном этапе развития событий, они не могут рассчитывать на поддержку Сталина в их борьбе против Мао Цзэда, что Сталин считается прежде всего с реальным соотношением сил внутри КПК (важно, что тогда Мао Цзэдун не пошел на прямое физическое устранение Ван Мина,

который сохранил определенные, хотя фактически лишь номинальные, позиции в руководстве партии). С другой стороны, Мао Цзэдун был вынужден сохранять и видимость, да и в определенной степени и существо отношений со Сталиным. Мао Цзэдун полагал, что Сталин поступил с реальной жизнью, с фактами. В то же время Мао Цзэдун считал, что Сталин поступил таким образом, то есть фактически предал Ван Мина и назвал Мао Цзэдуна вождем КПК, скрепя сердце, с болью отрывая Ван Мина от себя, иначе говоря, лишь вынужденно совершая справедливый, с точки зрения Мао Цзэдуна, поступок. Мао Цзэдун рассматривал развитие своих отношений со Сталиным всегда как результат борьбы; он видел себя и Сталина двумя политическими соперниками. Мао Цзэдун и его сторонники стремились трактовать, особенно для внутрипартийного потребления в КПК, процесс развития отношений между Сталиным и Мао Цзэдуном как историю, в ходе которой Мао Цзэдун был всегда прав, а Сталин совершал ошибки в отношении Мао Цзэдуна, КПК, но постоянно под давлением Мао Цзэдуна был вынужден исправлять их; при этом вся заслуга Сталина в глазах Мао Цзэдуна состояла в том, что он оказывался способен исправлять свои ошибки. Такая трактовка позволяла Мао Цзэдуну «сохранять лицо» перед своими сторонниками и в то же время унижать Сталина, который постоянно «терял и терял лицо». Мао Цзэдун при этом всегда стремился подчеркивать, что он хранит честь китайской нации, отстаивает ее интересы, выступает не как последователь Сталина, а ведет КПК и китайскую революцию по особому самобытному пути, который во многом не походит на советскую модель. Мао Цзэдун фактически предлагал своим сторонникам проявлять снисхождение к Сталину, который был вынужден, несмотря на всю свою подозрительность или сохраняя всю свою подозрительность (вообще говоря, председатель не осуждал подозрительность, ибо это было то, что объединяло его и Сталина, так как здесь для того и для другого речь шла о бдительности в отношении классовых врагов, то есть их собственных недругов), все-таки проделать сложную эволюцию от подозрительности к поддержке, а затем и к восхищению Мао Цзэдуном.

Что же касалось конкретно оценки ситуации во время проведения в Яньани движения за исправление стиля, то, с точки зрения Мао Цзэдуна и его апологетов, важно было доказывать полнейшую правоту Мао Цзэдуна, а потому все происходившее трактовалось как результат осознания Сталиным того, что линия Ван Мина, а следовательно, и его собственная линия, вела революцию в Китае к поражению, в то время как идеи Мао Цзэдуна сулили возможность поворота событий к успешному развитию революции; Сталин, по мысли Мао Цзэдуна, в этой ситуации с уважением отнесся к фактам, «отбросил» Ван Мина и поддержал Мао Цзэдуна. Оказывалось, таким образом, что Сталин выступал в роли «способного ученика» Мао Цзэдуна, по крайней мере в том, что касалось Китая и КПК. С точки зрения Мао Цзэдуна и его сторонников, Сталину в этой ситуации пришлось не только обуздать себя, холодным рассудком подавить свои чувства (к Ван Мину), но это потребовало от Сталина также повернуть в ином ракурсе привычные для него представления о расстановке сил в Коминтерне. Сталину пришлось это сделать и молчаливо признать, что критика Ван Мина во время яньаньского движения за исправление стиля, то есть фактически осуждение просчетов самого Сталина, является справедливой. Китайские авторы подчеркивали в этой связи, что позиция Сталина в то время показывала «широту его воззрений и поступков как пролетарского революционера».³⁹

15 мая 1943 г. Коминтерн был распущен. Получив телеграмму, Мао Цзэдун надолго замолчал и задумался.

26 мая ЦК КПК принял решение, в котором одобрил роспуск Коминтерна, отметив при этом, что эта организация оказала КПК большую помощь, но в то же время партия способна сама решать все вопросы.

Мао Цзэдун охарактеризовал историю деятельности Коминтерна словами: «Начало и

³⁹ Там же. С. 430—431.

конец были замечательными, но вот серединка подкачала». При этом Мао Цзэдун оговорился, что не все было замечательно и в начале и в конце, и не все было однозначно «в середине» деятельности Коминтерна.

Мао Цзэдун утверждал, что внутренние факторы играют основную роль в процессе изменений, а внешние факторы создают только условия для тех же изменений. Отсюда Мао Цзэдун делал вывод о том, что вне зависимости от того, допускал или не допускал бы ошибки Коминтерн, все-таки все решалось в КПК, в Китае, им самим и его сторонниками. Мао Цзэдун полагал, что когда сражаются две армии, то одна из них «непременно победит, а другая потерпит поражение, а потому вопрос о том, кто победит, а кто потерпит поражение, решается соотношением внутренних факторов».⁴⁰

Итак, вся история взаимоотношений Сталина и Мао Цзэдуна применительно к связям между Коминтерном (ВКП(б) и КПК была историей борьбы за отдельность и самостоятельность со стороны Мао Цзэдуна при учете обоими партнерами, то есть Сталиным и Мао Цзэдуном, того, что у них имелись совпадавшие интересы, по крайней мере временного характера. Эта же история свидетельствовала о том, что внутри КПК на протяжении нескольких десятилетий были силы, которые в большей мере ориентировались на Сталина, чем Мао Цзэдун, и Сталин по мере возможности, которую он сам определял, оказывал поддержку этим силам. Однако как только Сталин понял, что внутри КПК Мао Цзэдун добился перевеса и занял руководящее положение, он твердо встал на позиции признания того факта, что дело применительно к КПК приходилось иметь исключительно с Мао Цзэдуном. В сфере межпартийных отношений Мао Цзэдун всегда исходил из необходимости иметь своим главным партнером в Москве Сталина, а Сталин постепенно пришел к пониманию того, что его главным партнером в КПК являлся Мао Цзэдун.

Сталин и родственники Мао Цзэдуна

История сложилась таким образом, что территория государства, где властвовал Сталин, на два-три десятилетия оказалась тылом Мао Цзэдуна, где могли, в частности, в условиях относительной безопасности отсиживаться его родные, которые, в случае если бы они попали в руки политических противников Мао Цзэдуна в Китае, могли бы лишиться жизни.

В СССР за эти годы побывали брат Мао Цзэдуна Мао Цзэминь, две супруги Мао Цзэдуна Хэ Цычжэнь и Цзян Цин, три сына Мао Цзэдуна – Мао Аньин и Мао Аньцин от его жены Ян Кайхой и оставшийся для нас безымянным младенец, которого родила и похоронила в Москве Хэ Цычжэнь, а также дочь Мао Цзэдуна от Хэ Цычжэнь Цзяоцзяо, или Ли Минь. Для Мао Цзэминя пребывание в СССР оказалось кратким, для Цзян Цин это были месяцы лечения и отдыха, а Хэ Цычжэнь пришлось провести в Советском Союзе около восьми лет, причем почти половину этого срока в психиатрической больнице, почти по десять лет провели в СССР Мао Аньин, Мао Аньцин и Цзяоцзяо. Для них даже русский язык стал вторым родным языком. Родственники Мао Цзэдуна попадали в Советский Союз при различных обстоятельствах.

К 1937 г. произошли изменения в некогда прекрасных отношениях между Мао Цзэдуном и его женой Хэ Цычжэнь. Ее переместили с поста секретаря Мао Цзэдуна на работу в банк. Нужно также сказать, что после продолжительного и изобиловавшего трудностями перехода на северо-запад страны и прихода в Яньань Хэ Цычжэнь в 1936 г. родила дочь, которую сначала стали звать Цзяоцзяо, то есть «Прелесть», и которой Мао Цзэдун впоследствии дал имя Ли Минь. В Яньани Хэ Цычжэнь отдала дочь на воспитание в крестьянскую семью, а сама начала учиться в Антияпонском университете. Она фактически переселилась в общежитие этого учебного заведения.

В 1937 году Мао Цзэдун и Хэ Цычжэнь все больше отдалялись друг от друга. Виной

⁴⁰ Там же. С. 431—433.

тому было и столкновение характеров, и стремление Мао Цзэдуна иметь свободу в связях с другими женщинами. Отношения между Мао Цзэдуном и Хэ Цзычжэнь стали холодными.

Состояние Хэ Цзычжэнь осложнялось тем, что в свое время она была ранена и из ее тела не были удалены все осколки. В Яньани не было нужных врачей. Она решила уехать сначала в Сиань, а затем в Шанхай для того, чтобы там сделать операцию и избавиться от осколков. И тут вдруг выяснилось, что Хэ Цзычжэнь снова беременна.

Несмотря на уговоры Мао Цзэдуна остаться, Хэ Цзычжэнь решила уехать из Яньани и в конце 1937 г. Хэ Цзычжэнь тронулась в путь.

Когда она добралась до Сиани, Шанхай был уже в руках у японцев. Поездка к шанхайским врачам стала невозможной. Мао Цзэдун предлагал Хэ Цзычжэнь вернуться в Яньань, но она решила обратиться к врачам в СССР и сначала на машине переехала в Ланьчжоу, а затем в Дихуа (Урумчи), откуда на самолете прилетела в Москву в октябре 1938 г.

Врачи в СССР, к которым обратилась Хэ Цзычжэнь, установили, что оставшиеся у нее в голове, в спине и в груди осколки уже так затянулись, что предпочтительнее не трогать их и не делать операцию.

Затем Хэ Цзычжэнь родила ребенка. Спустя месяц после рождения младенца Хэ Цзычжэнь отдала его в ясли, а сама пошла на учебу в КУТВ (Коммунистический университет трудящихся Востока им. И.В. Сталина).

После отъезда Хэ Цзычжэнь из Яньани в 1938 г. в жизни Мао Цзэдуна появилась Цзян Цин. По решению секретариата ЦК КПК Мао Цзэдуну и Цзян Цин было разрешено вступить в брак при том, однако, условии, что Цзян Цин не будет принимать участия в политической деятельности. В конце ноября 1938 г. Мао Цзэдун и Цзян Цин поженились. Это произвело разрушительное воздействие на психику Хэ Цзычжэнь, которая в результате коварства и бесчеловечного поведения Мао Цзэдуна была вынуждена внезапно осознать, что она оказалась вдали от своей родины, без мужа, без дочери, без сына и вне своей политической партии.

Так в конце 30-х гг. супруга Мао Цзэдуна Хэ Цзычжэнь оказалась вдали от ставшего неожиданно для нее бывшим мужа в стране, где властвовал Сталин.

Сталину было прекрасно известно, что Мао Цзэдун в то время был заинтересован в том, чтобы Хэ Цзычжэнь не мешала его новому личному счастью с Цзян Цин.

Хэ Цзычжэнь в СССР попала под постоянный надзор органов внутренних дел Сталина. Сначала она находилась в Москве, где родила и вскоре похоронила сына, а затем была переведена в Иваново вместе с дочерью Цзяоцзяо, которую Мао Цзэдун, сойдясь с Цзян Цин и узнав о смерти младенца сына в Москве, отправил в 1939 г. к матери из Яньани. Кстати, в Ивановском интернациональном детском доме в это время оказались два сына Мао Цзэдуна от брака с его женой Ян Кайхой и дочь от его же брака с Хэ Цзычжэнь. Хэ Цзычжэнь проявляла заботу и о своей дочери, и о сыновьях Ян Кайхой.

Злоключения, особенно в личной жизни, так подействовали на Хэ Цзычжэнь, что она потеряла душевное равновесие. На несколько лет ее поместили в больницу для душевнобольных; при этом она продолжала находиться под наблюдением сотрудников сталинской политической полиции.

Одним словом, ситуация сложилась таким образом, что в конце 30-х годов и в первой половине 40-х гг. судьбой Хэ Цзычжэнь фактически распоряжались Сталин и Мао Цзэдун, а вернее, Мао Цзэдун и Сталин.

После окончания Второй мировой войны Мао Цзэдун решил вернуть Хэ Цзычжэнь в Китай. После некоторых проволочек Сталин удовлетворил желание Мао Цзэдуна. В 1946 г. Хэ Цзычжэнь вместе с дочерью была переправлена в Маньчжурию и снова оказалась в полной власти Мао Цзэдуна.

В целом можно сказать, что Сталин оказал услугу Мао Цзэдуну, приняв у себя в стране его жену тогда, когда Мао Цзэдун, по сути дела, был рад избавиться от ее присутствия на некоторое время. Затем, очевидно по согласованию с Мао Цзэдуном, Сталин держал Хэ

Цзычжэнь несколько лет в сумасшедшем доме, вернув ее затем Мао Цзэдуну по его требованию. Весь этот эпизод мог лишь способствовать поддержанию отношений между Сталиным и Мао Цзэдуном, если не говорить о страданиях несчастной женщины, которая оказалась игрушкой или пешкой в руках и того и другого политика. Ни Сталин, ни Мао Цзэдун не проявили человеческого отношения или сочувствия к Хэ Цзычжэнь.

Жена Мао Цзэдуна Цзян Цин в конце 40-х и в 50-х гг. неоднократно бывала в Советском Союзе, проводила там по несколько месяцев подряд. В основном это были поездки, обосновывавшиеся необходимостью пройти курс лечения.

Мао Цзэдун и Цзян Цин были просто помешаны на своем здоровье. И действительно, в Советском Союзе Цзян Цин лечили хорошие врачи, которые, в частности, сохранили ей здоровье на долгие годы, несмотря на рак матки.

Мао Цзэдун не волновался из-за того, что его супруга неоднократно в 40–50-х гг. подолгу находилась в Советском Союзе на лечении и отдыхе. В известные моменты это было ему даже политически выгодно, ибо снимало головную боль, которую вызывало постоянное желание Цзян Цин вмешиваться в политику. К этому времени Мао Цзэдун и Цзян Цин фактически не жили вместе, у каждого была своеобразная личная жизнь. В общем, Мао Цзэдун несколько не опасался того, что Цзян Цин может оказаться заложницей в руках Сталина. Да и Сталин понимал, что жизнь Цзян Цин не могла служить инструментом воздействия на Мао Цзэдуна, но лишь позволяла лишний раз подчеркивать желание Сталина содействовать Мао Цзэду в устройстве его личных и семейных дел.

Мао Цзэдун не давал Цзян Цин во время ее пребывания в СССР почти никаких политических поручений, за одним, пожалуй, исключением. Когда в Москве в больнице долго и мучительно умирал бывший связной Сталина в Яньани в 1942—1945 гг. П.П. Владимиров, тогда, вполне очевидно по поручению Мао Цзэдуна, Цзян Цин неоднократно навещала его в больнице, очевидно, в связи с тем, что Мао Цзэдун хотел удостовериться в том, что П.П. Владимиров действительно смертельно болен, и в том, что он умер.

Лишь однажды Цзян Цин, будучи в СССР, попыталась сыграть некую роль на политической сцене, но ее реплики оказались для нее крайне неудачными.

Дело было так.

В июле 1949 г., когда в СССР находилась делегация во главе с Лю Шаоци, Цзян Цин тоже была в Советском Союзе на лечении. 27 июля Сталин устроил на своей даче в Кунцево прием для китайской делегации во главе с Лю Шаоци, пригласив на этот прием и Цзян Цин.

Во время банкета Цзян Цин долго не произносила ни слова. Это было удивительно, учитывая ее разговорчивость. Впоследствии переводчик этой делегации Ши Чжэ узнал, что перед банкетом Лю Шаоци наказал Цзян Цин помалкивать.

Однако Цзян Цин не удержалась. Перед приемом она советовалась со своей компаньонкой о том, какими словами лучше выразить уважение к Сталину. Во время обеда она выбрала подходящий, с ее точки зрения, момент и предложила тост: «Товарищи! Прошу всех поднять бокалы. Давайте все вместе выпьем за здоровье товарища Сталина! Здоровье Сталина – это наше счастье! Я желаю товарищу Сталину вечного здоровья!» Этот тост привлек внимание всех присутствовавших к супруге Мао Цзэдуна. Она же продолжила: «Прошу всех поднять бокалы. Прошу всех вместе со мной выпить за товарища Сталина!»

Сталин улыбнулся, чокнулся с Цзян Цин и осушил бокал.

Затем Сталин подошел к китайским гостям и сказал: «Я впервые слышу, что мое здоровье – это ваше счастье! Не перебор ли это?»

Цзян Цин зарделась.

Сталин отошел в другой угол комнаты, затем, поразмыслив, повернулся к присутствующим и заговорил:

«Самым важным для нас являются братская дружба и сплочение между нами (очевидно, Сталин имел в виду ВКП(б) и КПК. – Ю.Г.). Именно это имеет важное значение для мировой революции. А жив Сталин или нет, мы все равно по-прежнему должны быть сплочены. Наша сила в единстве! Наша сплоченность теснейшим образом связана с мировой

революцией и судьбами человечества; именно это имеет важнейшее значение».

Тут все присутствующие начали провозглашать здравицы, желать Сталину вечного здоровья.

Сталина все это не очень-то обрадовало. Он поднял бокал и сказал, обращаясь к китайским гостям:

«Конечно, мне приятно слышать, когда мне желают долгих лет жизни и говорят другие прекрасные слова. Однако на самом-то деле человек смертен, человек в конце концов умирает! Никто не может жить вечно!

Я никогда не любил льстить кому бы то ни было, но вот другие все время мне льстят. Мне это надоело! Когда я говорю, что китайские марксисты обрели зрелость, что люди в Советском Союзе и в Европе должны у вас учиться, я не превозношу вас; это не просто вежливые слова. Ведь именно из-за того, что люди в Западной Европе возгордились, они после смерти Маркса, Энгельса отстали и центр революции с запада переместился на восток, а теперь перемещается дальше в Китай и на Восток Азии». ⁴¹

Вслед за тем Сталин поставил бокал и со всей серьезностью предложил Советскому Союзу и Китаю взять на себя определенные обязанности в мировом революционном движении, то есть должным образом поделить между собой работу, иначе говоря, сотрудничать, распределяя между собой участки работы. Он выразил пожелание, чтобы Китай впредь больше сосредоточивался на помощи национально-демократическим революционным движениям народов колоний, полуколоний и зависимых стран, потому что и сама китайская революция, и ее революционный опыт оказывают относительно большое влияние на них и они могут брать этот опыт на вооружение и воспринимать его. Что же касается СССР, то в данном случае он не имеет возможности оказывать такое же влияние и играть такую же роль, как Китай. Причины очевидны. Ведь и Китай находится в подобном положении, так как ему труднее, чем Советскому Союзу, оказывать влияние на Европу.

Мао Цзэдун был весьма недоволен этим экспромтом Цзян Цин. Он решил, что ее нельзя больше допускать до Сталина.

Автор одной из книг, изданных в КНР, бывший свидетелем описываемых событий, считал также, что, отправляясь в СССР для встреч со Сталиным, Мао Цзэдун именно по этой причине не взял с собой Цзян Цин. ⁴²

Что же касается Сталина, то он лично проявлял внимание даже к деталям организации пребывания Цзян Цин в СССР. Она находилась под усиленной охраной и наблюдением. Ее переводчица служила в МГБ и была одной из постоянных партнерш Цзян Цин по игре в карты, а это было одним из любимых занятий Цзян Цин во время отдыха в СССР. По личному указанию Сталина, который считал, что обычный больничный халат будет слишком тяжел и неудобен для Цзян Цин, для нее был сшит легкий шелковый халат; кстати сказать, Сталин даже сам выбрал материю зеленого цвета для этого халата. Сталин также дал указание разместить Цзян Цин на его даче на Черноморском побережье.

Сталин знал о том, что Цзян Цин не допускают к участию в политической жизни Компартии Китая, поэтому он не предпринимал никаких попыток привлечь ее в качестве посредника в его отношениях с Мао Цзэдуном.

Мао Цзэдун также не вовлекал Цзян Цин в межпартийные отношения, в том числе и в свои отношения со Сталиным.

Цзян Цин находилась в СССР и в тот период, когда шла подготовка к созданию КНР, и во время самой этой грандиозной церемонии провозглашения нового государства в Пекине. Это было предпочтительно, с точки зрения Мао Цзэдуна.

⁴¹ *Ши Чжэ.* Цзай лиши цзюйжэнь шэньбянь – Рядом с гигантом истории. – Чжунъян вэньсянь чубаньшэ, 1991. – С. 412.

⁴² *Лю Цзечэн...* С. 401.

Случилось так, что Цзян Цин оказалась в СССР и тогда, когда умер Сталин. И опять ее не привлекли ни к каким политическим мероприятиям.

Одним словом, Цзян Цин не сыграла никакой роли в политических отношениях Сталина и Мао Цзэдуна, хотя Сталин сделал все возможное с той целью, чтобы было проявлено максимально возможное внимание к супруге Мао Цзэдуна во время ее лечения в Советском Союзе. Это также служило созданию благоприятной атмосферы в отношениях Сталина и Мао Цзэдуна.

Старший сын Мао Цзэдуна Мао Аньин в конце 30-х гг. был вывезен под чужим именем через Западную Европу из Китая в Советский Союз. Благодаря этому и сам Мао Аньин получил возможность спокойно и в безопасности жить и учиться в СССР в свои юные годы, и Мао Цзэдун мог быть спокоен за жизнь своего старшего сына, с которым он время от времени переписывался.

Мао Аньин, которого в Советском Союзе стали называть Сережей, Сергеем, был помещен, как и другие дети руководителей и видных деятелей зарубежных компартий, в Ивановский интернациональный детский дом, где он стал практически двуязычным человеком; для Мао Аньина и китайский, и русский языки были родными.

Мао Аньин жил в Советском Союзе с пятнадцати до двадцати пяти лет. Здесь он получил образование, в том числе и высшее военно-политическое образование, а также политическое воспитание. Он провел в нашей стране и предвоенные годы, для которых характерными были сталинские политические репрессии, и трудное время Великой Отечественной войны, в которой ему даже довелось участвовать на ее последнем этапе в качестве офицера Советской Армии и члена ВКП(б). После войны его направили на учебу на китайское отделение Московского института востоковедения.

Сталин лично следил за судьбой Мао Аньина. Во время Великой Отечественной войны Мао Аньин обратился к Сталину с письмом, в котором просил взять его в действующую армию и отправить на фронт. По поручению Сталина в Ивановский интернациональный детский дом приезжал для бесед с Мао Аньином секретарь Исполкома Коминтерна Д.З. Мануильский. Сталин сумел и удовлетворить просьбу Мао Аньина, и дать ему возможность побывать в рядах действующей армии и в то же время сохранил на Великой Отечественной войне старшего сына Мао Цзэдуна живым.

В 1946 г. Мао Цзэдун решил, что его старшему сыну пора возвращаться на родину. Сталин принял Мао Аньина перед его отъездом в Яньань и подарил ему личное оружие, пистолет с памятной надписью.

Можно предположить, что Сталин был бы не прочь иметь в лице Мао Аньина посредника при своих контактах с Мао Цзэдуном; кстати сказать, такой опыт у Сталина уже был, если вспомнить о случае с Чан Кайши и его старшим сыном Цзян Цзинго (Николаем Владимировичем Елизаровым, как его называли в Советском Союзе), который тоже провел более десяти лет в СССР, тоже окончил здесь Военно-политическую академию, стал командиром Красной Армии и членом ВКП(б).

Мао Цзэдун не захотел этого. У него были иные планы использования своего старшего сына.

По некоторым сведениям, Мао Цзэдун в конечном счете направил Мао Аньина служить под началом одного из руководителей своих спецслужб Ли Кэнуна, с которым Мао Аньин, как говорят, не раз приезжал в СССР для координации работы соответствующих служб и органов, в том числе и перед началом корейской войны.

Во время самой корейской войны Мао Цзэдун отправил Мао Аньина в Корею, где он служил переводчиком в штабе командующего добровольческой армией Пэн Дэхуая и переводил беседы Пэн Дэхуая и руководителя ТПК и КНДР Ким Ир Сена. Вскоре после прибытия на корейский фронт Мао Аньин погиб при бомбардировке американцами штаба Пэн Дэхуая.

В целом отношение Сталина к Мао Аньину только способствовало поддержанию благоприятной атмосферы в его личных отношениях с Мао Цзэдуном.

П.П. Владимиров – нечаянный посредник между Сталиным и Мао Цзэдуном

В 1973 г. в Москве в издательстве Агентства печати «Новости» вышла в свет книга: *П.П. Владимиров. Особый район Китая. 1942—1945.* Тексту было предпослано следующее пояснение:

«Петр Парфенович Владимиров родился в 1905 г. Свою трудовую жизнь начал на Воронежском заводе сельскохозяйственных орудий учеником слесаря, позже работал слесарем на паровозоремонтном заводе в Тихорецке. В 1927 г. вступает в члены ВКП(б). С 1931 г. служил в рядах Советской Армии. После окончания военной службы поступил в Московский институт востоковедения имени Нариманова и успешно закончил его.

С мая 1938 до середины 1940 г. П.П. Владимиров работал в Китае в качестве корреспондента ТАСС. С апреля по август 1941 г. он снова в Китае по заданию ТАСС.

В мае 1942 года командирован в Яньань (Особый район) в качестве связного Коминтерна при руководстве ЦК КПК с одновременным исполнением обязанностей военного корреспондента ТАСС. Здесь он пробыл до ноября 1945 г.

В 1946 г. перешел на работу в МИД СССР.

С 1948 по 1951 г. – генеральный консул СССР в Шанхае. С 1952 года – посол СССР в Бирме.

После тяжелой болезни скончался в Москве 10 сентября 1953 года.

В публикуемых дневниках П.П. Владимирова записи личного и служебного характера переплетаются. Это, видимо, не случайно. В условиях постоянной слежки, созданной главой карательных органов в Особом районе Кан Шэном, записная книжка-дневник была единственно удобным и безопасным местом хранения копий различных переводов, документов ИККИ, статей, сводок, служебных телеграмм и т. п.

Яньаньские дневники П.П. Владимирова, подготовленные к печати Ю.П. Власовым, публикуются с сокращениями.

Фото сделаны П.П. Владимировым». ⁴³

Итак, в 1973 г., в период накала политической борьбы между тогдашними советскими и китайскими руководителями, за три года до смерти Мао Цзэдуна, спустя двадцать лет после смерти Сталина и спустя почти тридцать лет после описываемых в книге событий, Москва решила раскрыть до того времени тайную страницу из истории взаимоотношений Москвы и Яньани, Сталина и Мао Цзэдуна.

Так всплыло имя П.П. Владимирова.

Хотя, в сущности, это не его собственная фамилия. Сталин и Мао Цзэдун считали неотъемлемой частью своей политической деятельности, да и вообще своей жизни, а также жизни своих подданных секретность и тайны во всем. Псевдонимы, клички были в большом ходу.

Вот почему в Яньани появился П.П. Владимиров, который на самом деле был Петром Парфеновичем Власовым. Он был женат, у него были сыновья, один из которых и стал впоследствии известным в нашей стране человеком – Юрием Петровичем Власовым, в первой половине своей жизни великолепным спортсменом, штангистом, чемпионом мира по поднятию тяжестей, в течение ряда лет «самым сильным человеком планеты». Затем Ю.П. Власов проявил литературный талант, стал много писать.

Очень любя своего отца, Ю.П. Власов добился разрешения опубликовать книгу, составленную на основе тех материалов, которые его отец присылал в Москву из Яньани. Конечно, это произошло прежде всего и главным образом благодаря удачному стечению обстоятельств, то есть благодаря тому, что руководители ЦК КПСС, нуждаясь в аргументах в

⁴³ *Владимиров П.П. Особый район Китая. 1942—1945.* – М., 1973. – С. 5. (Далее: *Владимиров П.П. ...*)

политическом споре со своими оппонентами в Пекине, решили воздействовать на читателей, прежде всего в своем собственном государстве, с помощью опубликования книги прямого свидетеля деятельности Мао Цзэдуна в трудные для нашей страны годы войны (1942—1945). Но и настойчивость Ю.П. Власова сыграла при этом свою роль.

Итак, сначала об авторе книги. Мы будем называть его П.П. Владимиров, то есть тем именем, под которым он вошел в историю советско-китайских, да и русско-китайских отношений.

Собственно говоря, этот сюжет позволяет нам сказать о китаеоведах, которым в той или иной степени довелось принимать участие в осуществлении контактов и связей между нашими странами и их руководителями в XX веке, особенно в советский период нашей истории.

Как бы человек ни относился к внутривнутриполитическим событиям, то есть к тому, что происходило в его стране, что творил в свое время Сталин, если этот человек китаевед и если его профессия ставила его в такие условия, что ему приходилось работать в Китае и что все, как говорится, двадцать четыре часа в сутки он был занят только одним главным делом — участием в практике двусторонних отношений с Китаем, на первый план для такого китаеоведа-подвижника выдвигалась забота об обеспечении и защите интересов своей страны, своего народа, если хотите, своей нации. Знание Китая и китайцев, искренняя доброжелательность по отношению к ним только помогали осуществлять основную задачу, то есть содействовать сохранению условий для выживания своей нации на территории ее проживания, содействовать соответствующим взаимоотношениям с китайскими партнерами, прежде всего с руководителями этой страны.

Китаеведы, которым пришлось иметь дело с руководителями ЦК КПК, зачастую проходили более или менее длительный и сложный путь осознания того, что Мао Цзэдун и его сторонники и последователи лишь вынужденно имеют дело или даже сотрудничают с нашей страной, а на самом деле настроены глубоко враждебно по отношению к ней. Эти откровения, рано или поздно посещавшие многих китаеведов, были трагедией. Иные китаеведы замыкались в себе и не желали ни с кем рассуждать на эти темы. П.П. Владимиров оказался в исключительном положении. Судьба уготовила ему, компетентному китаеведу, роль единственного связного между Сталиным и Мао Цзэдуном на протяжении трудных военных лет 1942—1945 гг.

П.П. Владимиров выполнял свои обязанности и доносил до Мао Цзэдуна то, что ему приказывала Москва. Одновременно он информировал Москву, прежде всего и главным образом Сталина (через Г.М. Димитрова), о действиях, настроениях Мао Цзэдуна, о Мао Цзэдуне как о политике и личности; в свое время это называлось характеристикой политических, деловых и личных качеств того или иного объекта изучения.

В этой роли П.П. Владимиров оказался человеком на своем месте. Прежде всего это был китаевед из лучших в нашей стране. Он был талантлив и настолько владел китайским языком, и устным и письменным, что был способен без переводчика общаться с Мао Цзэдуном и другими китайскими руководителями.

Он оказался искусным дипломатом, который умел расположить к себе по-человечески многих китайских собеседников.

Наконец, он был патриотом своей страны и человеком с исключительно сильной волей и характером. Представим только себе, что ему приходилось непосредственно общаться с Мао Цзэдуном, самому решать вопросы, возникавшие в ходе, по сути дела, постоянных контактов с ним, и в то же время знать, что его информация предназначена, так сказать, на том конце провода, а вернее радиоканала, для такого подозрительного и недоверчивого политика и полновластного диктатора в своем государстве, каким был Сталин.

Что же это был за человек?

П.П. Владимиров родился в 1905 г., то есть за двенадцать лет до октябрьских событий 1917 г. Именно в эти годы он начал входить в жизнь. Мальчик был трудолюбив. Происхождение его было таково, что он пошел работать на завод слесарем.

Ум П.П. Владимиров был политически ориентирован. Политические события, политическая жизнь – вот что интересовало его. Он был идеалистом, верил в лозунги и вступил в ВКП(б) искренне, по влечению к тому, что ему представлялось правдой, во что он верил и что составляло для него главный интерес в жизни.

Таким образом, имея безукоризненное, или, как тогда говорили, незапятнанное происхождение, а также рабочую биографию, П.П. Владимиров был принят в партию, а затем в Красную Армию. Кадровики должным образом оценили его способности и потенциал. Его направили изучать китайский язык. В Московском институте востоковедения, лучшем учебном заведении, где способные молодые люди имели возможность получить прекрасную базу для того, чтобы в дальнейшем работать с китайским языком и по Китаю, П.П. Владимиров стал хорошим китаеведом, приобрел солидный багаж необходимых знаний о Китае.

Судя по всему, одновременно партия готовила его и как военного разведчика.

П.П. Владимиров был весьма разносторонним человеком и обладал многими талантами: он был и прекрасным китаеведом, и военным разведчиком, и хорошим журналистом. Но самое главное было в том, что он не мог жить без того, чтобы каждый день, каждый миг не плавать в море мыслей о нашей политике в отношении Китая, в море китайских политических страстей и перипетий. Политика, Россия и Китай и их политические отношения – вот главный интерес жизни П.П. Владимирова.

Ему повезло. Получив, как уже упоминалось, хорошую китаеведческую базу знаний в Москве, он провел несколько лет в Китае, где приобрел практические знания и навыки, окунулся в китайскую действительность и оказался готов к самой трудной, но и самой интересной для него работе. Очевидно, неожиданно для себя он попал в центр того, что его интересовало. В самом расцвете сил, в возрасте 37 лет, его направили в Яньань, где он выполнил главное дело своей жизни, произвел работу, которая доставила ему величайшее удовлетворение. Хотя, конечно, нужно подчеркнуть, что взаимоотношения нашей страны и Китая, а точнее, Сталина и Мао Цзэдуна, были в то время настолько сложными, что содействовать их нормальному развитию было, конечно же, делом далеко не простым. П.П. Владимиров пришел к пониманию того, что Мао Цзэдун в одно и то же время и вождь идейно родственной ВКП(б) политической партии, и политический деятель, враждебно настроенный по отношению к нашей стране. П.П. Владимиров откровенно докладывал в Москву обо всем этом. Сталин не заменил П.П. Владимирова. Такие китаеведы, как он, оказывались необходимы своей стране и любому ее руководителю, если этот руководитель отстаивал интересы своей страны и не закрывал глаза на то, с чем приходилось иметь дело в Китае; особая нужда в таких китаеведах возникала в те периоды, когда наша страна переживала большие трудности.

П.П. Владимиров не был интриганом. Он не применялся к частным настроениям ни Сталина, ни Мао Цзэдуна. Но он ощущал, что Мао Цзэдун способен на враждебные действия по отношению к нашей стране, а Сталин способен отстаивать жизненно важные интересы нашей страны в ее взаимоотношениях с Китаем, с Мао Цзэдуном.

Петр Парфенович Владимиров прожил всего 48 лет. Однако ему выпала судьба на протяжении почти трех с половиной лет быть фактически связующим звеном между Сталиным и Мао Цзэдуном. Волей-неволей он оказался вовлечен в сложнейшие отношения между ними во время Второй мировой войны, Великой Отечественной войны нашего народа, Войны сопротивления Китая японской агрессии. Он многое знал, причем, как говорится, из первоисточников.

К счастью, сохранились его сообщения в Москву из Яньани, остались его дневниковые записи, публикация которых его сыном Юрием Петровичем Власовым в книге «Особый район Китая» дала возможность получить сведения о взаимоотношениях Сталина и Мао Цзэдуна в тяжелые военные годы.

Настроения Сталина и Мао Цзэдуна, их взгляды на целый ряд военных и политических вопросов можно себе представить на основании внимательного прочтения записей П.П.

Владимирова.

Накануне отъезда П.П. Владимирова в Яньань его приняли руководители ИККИ Г.М. Димитров и Д.З. Мануильский, которые подробно ознакомили его с обстановкой в КПК и в Особом районе.

Основная обязанность П.П. Владимирова в Яньани состояла в том, чтобы глубоко разобраться в действиях и взглядах Мао Цзэдуна, информировать о них Москву, Сталина, а также доводить до сведения Мао Цзэдуна сообщения, которые он получал из Москвы.

П.П. Владимирову пришлось работать в Китае в годы, когда Сталин находился в трудном положении в связи с ситуацией, создавшейся в ходе Великой Отечественной войны против гитлеровской армии.

Сталин был заинтересован в обеспечении максимально возможной степени безопасности восточных рубежей СССР. В этой связи П.П. Владимиров должен был внимательно следить, с помощью КПК, за поведением японской оккупационной армии в Китае, особенно на границе с СССР, а также за процессом оказания сопротивления японской агрессии со стороны единого фронта, в который тогда входили Гоминьдан и КПК.

П.П. Владимиров сумел проанализировать взгляды и политическую активность Мао Цзэдуна и прийти к четким выводам, информировать о них Сталина, Москву.

П.П. Владимирову также удалось нарисовать портрет Мао Цзэдуна, отразив в нем и его биографию, и его поведение как политика и как человека.

П.П. Владимиров выяснил, что помимо Москвы у Мао Цзэдуна, по сути дела, в Яньани была постоянная связь с резидентом американцев, который выступал в Яньани под именем доктора Ма Хайдэ, а на самом деле был уроженцем Ближнего Востока Джорджем Хэйтемом.

П.П. Владимиров обратил внимание на то, что Мао Цзэдун считался только с силой, в частности с военной мощью немцев и японцев.

Отношение Мао Цзэдуна к Сталину, по наблюдениям П.П. Владимирова, представляло собой смесь внешнего намеренно подчеркнутого уважения, даже преклонения, с постоянными упреками и претензиями. В то время когда СССР выдерживал натиск германской армии, терпел поражения на фронтах, Мао Цзэдун и его сторонники позволяли себе издеваться над горем людей в нашей стране и одновременно выражать недовольство тем, что Советский Союз не поставляет им вооружение или не поставляет его столько, сколько им хотелось. Причем это оружие Мао Цзэдун имел в виду использовать исключительно в борьбе за власть внутри Китая против Чан Кайши. Мао Цзэдун не считался с тем, что представлялось П.П. Владимирову реальностью, то есть не желал видеть в Советском Союзе главную опору всего комдвижения. Мао Цзэдун не желал исходить из тезиса Москвы о том, что крах СССР означал бы неминуемый конец и КПК, Мао Цзэдуна. Здесь мнения Мао Цзэдуна и Сталина расходились.

В июне 1942 г. П.П. Владимиров пришел к мысли о враждебности Мао Цзэдуна по отношению к нашей стране: «Разговоры некоторых руководителей КПК о своем дружелюбии, коим явилось-де предупреждение о нападении Германии, откровенно спекулятивны. Действительность – скрытая враждебность Кан Шэна, а возможно, и председателя ЦК КПК – Мао Цзэдуна...

Враждебность Мао Цзэдуна?! Нет, для меня теперь это отнюдь не такая уж еретическая мысль». ⁴⁴

3 июля 1942 г., когда положение Сталина и СССР было тяжелым на фронтах Отечественной войны, Мао Цзэдун в беседе с П.П. Владимировым сказал, что советское правительство может не беспокоиться, тревоги Сталина и советского народа понятны ему и китайскому народу, и поэтому «я отдал приказ подготовиться к ведению боевых операций против японских фашистов. Пусть только посмеют нарушить границы СССР! Прошу не

⁴⁴ Владимирова П.П. ... С. 47.

беспокоиться. 8-я НРА ведет соответствующую передислокацию». ⁴⁵

Мао Цзэдун на словах выражал свое дружелюбие. На деле он, во-первых, не выполнял своих обещаний помогать Советскому Союзу в его Великой Отечественной войне и, во-вторых, настраивал своих сторонников на постоянную конфронтацию с Москвой, со Сталиным, на постоянную подозрительность к Москве и к Сталину; при этом внутри КПК дело было поставлено таким образом, что сторонники Мао Цзэдуна могли доказывать свою верность Мао Цзэдуну только при условии, что они проявляли на словах и на деле враждебность и подозрительность по отношению к СССР.

Сталин в этой ситуации считался с реальным положением дел и стремился к тому, чтобы удерживать Мао Цзэдуна хотя бы на формально благожелательных в отношении СССР позициях. (Попутно отметим, что такие коллизии в наших двусторонних отношениях повторялись и повторяются до сих пор.)

П.П. Владимирову было также известно, что в июле 1941 г. Москва обратилась к КПК с просьбой сорвать концентрацию японских войск у советской границы; «особенно важно нарушать нормальное движение на железных дорогах...»

Эту просьбу, а также и другие – руководители КПК не выполнили. ⁴⁶

П.П. Владимиров констатировал, что для руководителей КПК «важно, что есть возможность отсиживаться в Особом районе. А какой ценой куплена эта возможность и где решается теперь будущее мирового революционного движения, им безразлично. Это факт». ⁴⁷

29 июля 1942 г. П.П. Владимиров записал в своем дневнике: «Председатель ЦК КПК (Мао Цзэдун. – Ю.Г.) отзывается о советских руководителях пренебрежительно. Так, об И.В. Сталине, не скрывая презрения, заявил: «Он не знает и не может знать Китая, однако лезет обо всем судить. Все его так называемые положения о нашей революции – вздорная болтовня. И в Коминтерне болтают то же самое».

У председателя ЦК КПК весьма смутное представление о Советском Союзе, все понятие о котором заключается для него в одном слове – «республика» – и больше ничего.

Председатель ЦК КПК никогда в Советском Союзе не бывал и, по-моему, даже щеголяет этим.

О Советском Союзе у него самое искаженное представление, очевидно, сформировавшееся не без влияния Кан Шэна.

И что самое удивительное, он никогда нас не расспрашивает о Советском Союзе. Все, что происходит в нашей стране, для него лишено интереса. Его интересует только обстановка на советско-германском фронте.

В разгар битвы под Москвой в октябре – декабре прошлого (1941 г. – Ю.Г.) года председатель ЦК КПК заявил: «Вот Сталин доболтался, дальше некуда! Вот поглядеть бы, как этот вождь болтает сейчас там, в Москве». ⁴⁸

30 августа 1942 г. Мао Цзэдун в разговоре с П.П. Владимировым, у которого в Китае появилось и китайское имя Сун Пин, «выпытывал»: «Сталин – революционер? А любит красный перец?.. Настоящий революционер обязательно ест красный перец»... Он отхлебнул из кружки и заметил: «Александр Македонский наверняка обожал красный перец. Он великий человек и революционер в своем деле. И Сталин, конечно, ест перец. Ешь перец и ты, Сун Пин. Давай, если ты революционер»...

⁴⁵ Там же. С. 56.

⁴⁶ Там же. С. 57.

⁴⁷ Там же. С. 58.

⁴⁸ Там же. С. 63.

Мао Цзэдун не морщась закладывал в рот стручок за стручком, сдабривая их глотками ханжи. Надо отдать должное: пьет он изрядно и не теряет контроля над собой». ⁴⁹

Из Москвы для ориентировки П.П. Владимирову были направлены документы Коминтерна 20–30-х гг. Очевидно, телеграммы П.П. Владимирова создали у Сталина ощущение, что его связной способен сообщать важные сведения о Мао Цзэдуне, который как бы «раскрывался» в моменты, когда СССР приходилось трудно во время войны с Германией, и проявлял свои подлинные настроения. Фактически Сталин нацеливал в это время П.П. Владимирова на критическое отношение к деятельности Мао Цзэдуна.

П.П. Владимиров отмечает, что «власть над армией – вот что было целью Мао Цзэдуна». У Мао Цзэдуна нет военного таланта. По собственному признанию Мао Цзэдуна, одной из любимых книг его молодости была «Великие герои мира». Он в восхищении перед знаменитыми завоевателями, царями и всеми, кто сумел утвердиться на вершине «человеческой пирамиды». ⁵⁰

15 сентября 1942 г. П.П. Владимиров писал в своем дневнике: «Все здесь в Яньани убеждает меня, что скрытые подспудные политические процессы в руководстве КПК вступили в новую фазу. Эта политическая фаза стимулируется ослаблением роли Коминтерна в результате мировой войны и тяжелым положением Советского Союза». ⁵¹

В сентябре – октябре 1942 г. П.П. Владимиров, основываясь на собственных фронтовых наблюдениях, констатировал, что война КПК с японскими захватчиками «носит ярко выраженный пассивный характер. Это не война регулярной армией, а война партизанскими отрядами.

Невольно складывается такое впечатление, что 8-я НРА выжидает итоги столкновения фашистской Германии с Советским Союзом и что здесь, в Особом районе, равнодушны к борьбе советского народа.

Руководство КПК не принимает сколько-нибудь эффективных мер по связыванию японских экспедиционных сил на севере страны. Это бесспорный факт. Все просьбы Москвы к руководству КПК любым путем помешать японцам готовиться к войне против СССР остались без последствий.

...

Доктрина Мао Цзэдуна: война на сохранение собственной живой силы, отнюдь не на истребление захватчика. Осуществляется сие за счет ослабления сопротивления врагу и сдачи новых территорий.

...

Из поездки на фронт я вынес твердое убеждение в том, что руководство КПК сражаться с японцами не намерено, а войну рассматривает как благоприятный момент для создания своих баз. И не своими силами, а силами противоборствующих сторон: японцев и гоминьдановцев.

Японцы наносят поражение гоминьдановцам – власть центрального правительства колеблется. В этот район сразу проникают части 8-й НРА. Если надо, они добивают своих соратников по единому антияпонскому фронту, но власть захватывают.

Отступая перед захватчиками, Мао Цзэдун ищет случая пожить на столкновениях войск центрального правительства и японцев. В условиях народного горя, бедствий, неисчислимых жертв, покорения страны фашистами – тактика более чем коварная...

О какой интернациональной политике тут говорить, ежели для Мао Цзэдуна и собственный народ – всего лишь материал в борьбе за власть! Кровь, страдания, беды

⁴⁹ Там же. С. 80.

⁵⁰ Там же. С. 87.

⁵¹ Там же. С. 89–90.

миллионов для него понятия абстрактные.

О роль личности в истории! Как хрестоматийно просто мы порой толкуем ее!». ⁵²

Из наблюдений П.П. Владимирова следовало, что Сталин был хорошо знаком с Мао Цзэдуном как политиком и человеком уже по описаниям своего представителя в Яньани.

Очень многое разделяло Сталина и Мао Цзэдуна. Прежде всего, разное представление о своей собственной роли, о роли своего государства, армии, партии в мире и в двусторонних отношениях.

Их разделяло также отношение к войне, опыт войны, полное непонимание партнера по такому важному вопросу, как война.

Донесения П.П. Владимирова также создавали у Сталина устойчивое мнение о том, что в военном плане Мао Цзэдун и его армия являются слабыми. Возможно, отсюда и столь продолжительное, даже ошибочно затянутое, представление Сталина о Мао Цзэдуна как о политике, который не способен взять в свои руки власть над Китаем.

Когда обозначились военные успехи СССР в войне с Германией, Мао Цзэдун тут же отреагировал. Смысл его реакции в оценке П.П. Владимирова состоял в следующем: «На всякий случай не терять равнения на СССР!». ⁵³

Мао Цзэдун пришел к выводу о необходимости считаться со Сталиным не в силу внутренней борьбы в Коминтерне, не в результате перипетий борьбы внутри КПК, а вследствие военной победы Сталина, СССР над германской военной машиной.

П.П. Владимиров также отмечал: «Мао Цзэдун, недовольный помощью СССР чунцинскому правительству, полностью игнорирует тот факт, что эта помощь не лично Чан Кайши, но армиям, которые в этой части света ведут неравную борьбу с японской военщиной – одной из главных сил мирового империализма». ⁵⁴

До П.П. Владимирова доходят новые высказывания Мао Цзэдуна о Сталине: «Мао Цзэдун все более груб со своими оппонентами.

Когда в споре один из них сослался на статью Сталина, Мао Цзэдун крикнул: «Вы, «москвичи», если Сталин даже испортит воздух, готовы нюхать и восторгаться!»

А перед нами Мао рассыпается в похвалах Сталину. И это тоже не без умысла. В расчете, что я передам это в Москву. Ведь расположение Сталина сулит Мао Цзэдуну немалые выгоды в будущем». ⁵⁵

По случаю 25-й годовщины Октября, отмечал П.П. Владимиров, Мао Цзэдун направил в Москву телеграмму:

«С большой радостью приветствую годовщину Октября. Я уверен, что эта годовщина является поворотным пунктом не только в войне Советского Союза с Германией, но и поворотным пунктом к победе антифашистского фронта над фашизмом во всем мире...

Отныне задача мирового антифашистского фронта в том, чтобы поднять все силы для наступления против фашизма и нанести ему решительный удар.

Красная Армия в боях под Сталинградом показала всему миру образцы народного героизма. Она является детищем Октябрьской революции. Знамя Октябрьской революции непобедимо. Контрреволюционный фашизм будет уничтожен.

Мы, китайский народ, приветствуем победу Красной Армии и отмечаем свою победу. Мы сами ведем освободительную войну против Японии. Наши успехи хотя и являются еще малыми, но мы уверены в грядущей победе...

⁵² Там же. С. 93—95.

⁵³ Там же. С. 96.

⁵⁴ Там же. С. 97.

⁵⁵ Там же. С. 100—101.

Победа над фашизмом является делом не только определенным, но и недалеким. Задача китайского народа в том, чтобы напрячь все усилия и разбить японский фашизм».⁵⁶

Сталин, с одной стороны, мог быть удовлетворен или, вернее, мог довольствоваться тем, что Мао Цзэдун вынужден выступать с ним на одной стороне в ходе Второй мировой войны. Вместе с тем Мао Цзэдун подчеркивал тезис о том, что он сам, отдельно и самостоятельно, то есть без помощи Сталина и СССР, ведет борьбу в интересах Китая. Мао Цзэдун также не придавал должного значения роли нашей страны в разгроме держав оси. Это не могло радовать Сталина.

Характеризуя выводы, к которым приходили те несколько человек из СССР, которые находились в те годы в Яньани, П.П. Владимиров писал: «Крутые ситуации Второй мировой войны выявляют политический облик Мао Цзэдуна. В борьбе за власть он избрал путь политических спекуляций. Это факт.

Поелику возможно, он пытается сорвать куш с тех, кого называет «братьями по классу», не гнушаясь демонстрацией заплат на своем даньи (летней одежде). И ему плевать, что «братья по классу» истекают кровью.

В той или иной мере такие взгляды разделяют все наши товарищи.

Южин, отмечая «недостатки» Мао Цзэдуна, считает его коммунистом, но с левацкими загибами. Всю идеологическую борьбу в КПК Игорь Васильевич определяет как типичную борьбу за власть и только».⁵⁷

В январе 1943 г. П.П. Владимиров писал: «Я не должен знать пощады к себе. Я должен писать правду. Я не должен лгать себе, искать компромиссных путей. Будут мои корреспонденции печатать или нет и как отнесутся к моим докладам в Москве – меня не должно волновать. Моя обязанность – писать правду. Я в долгу перед тысячами людей, которые гибнут в борьбе с фашизмом».⁵⁸

18 января 1943 г. в беседе с П.П. Владимировым Мао Цзэдун заметил, что «опыт ВКП(б) непригоден и вреден для КПК». По мнению П.П. Владимирова, речь идет о недоверии к ВКП(б), о пренебрежении ее опытом, более того, о том, чтобы карать за симпатии к ВКП(б).⁵⁹

В феврале 1943 г. П.П. Владимиров пришел к выводу о том, что «Мао Цзэдун рассматривает СССР не в качестве идейного союзника и друга, а как попутчика, которого следует любыми средствами «доить...».⁶⁰

В июле 1943 г. возникла угроза захвата Особого района войсками центрального правительства. Мао Цзэдун в этой связи подчеркивал свою лояльность по отношению к Москве и просил остановить Чан Кайши. П.П. Владимиров констатировал, что «Москва приняла меры. Руководители Гоминьдана публично отказались от намерения вторгнуться в Особый район».⁶¹

15 августа 1943 г. Мао Цзэдун заявлял: «Мы честно и активно боролись с японской армией, не получая ни от кого никакой помощи. Гоминьдану помогали Советский Союз, Англия и США. Лучше мы накопим силы, разгромим Чан Кайши, захватим власть в Китае, и

⁵⁶ Там же. С. 103.

⁵⁷ Там же. С. 118.

⁵⁸ Там же. С. 119—120.

⁵⁹ Там же. С. 122.

⁶⁰ Там же. С. 131.

⁶¹ Там же. С. 175.

тогда с поддержкой указанных стран разгромим японских захватчиков...». ⁶²

В сентябре 1943 г. в записях П.П. Владимирова появляется мысль о расчетах Мао Цзэдуна «и пожить территориально за счет Гоминьдана, и поглубже втянуть в конфликт КПК – ГМД Советский Союз, а при случае заставить СССР воевать и с Чан Кайши, и с японцами, укрепляясь самим при этом». ⁶³

После роспуска Коминтерна в мае 1943 г. П.П. Владимиров был оставлен Москвой в Яньани по договоренности с руководством ЦК КПК до окончания войны. ⁶⁴

Здесь важно отметить, что представителем Коминтерна П.П. Владимиров был лишь на протяжении примерно одного первого года своего пребывания в Яньани, а более двух последующих лет он формально оставался военным корреспондентом ТАСС, но, по сути дела, был уполномоченным или личным представителем Сталина в расположении центральных учреждений КПК и при Мао Цзэдуне. П.П. Владиминову за первый год своей работы в Яньани удалось поставить себя таким образом, что и Сталин, и Мао Цзэдун предпочли иметь его посредником в своих контактах до конца Второй мировой войны.

Радист из группы П.П. Владимирова, военный разведчик Николай Николаевич Риммар вспоминал: «Когда в мае 1943 года появилось заявление о самороспуске Коминтерна, Мао Цзэдун решил переименовать Коммунистическую партию Китая в Народную. И аргумент – в нем суть его взгляда на партию: из крестьян эта партия и в крестьянской стране. Тут ключ для понимания революции в Китае и самого Мао Цзэдуна...

Мао Цзэдун вошел в контакт со Сталиным. Тот не одобрил – и сорвалось переименование. А сам факт примечательный. Не была, не будет эта партия, по мысли Мао Цзэдуна, коммунистической. И, кроме того, готовился он к союзу с американцами. Тем другое название партии больше по душе. В общем, прикидывал будущее председатель ЦК КПК, готовился...». ⁶⁵

В октябре 1943 г. П.П. Владимиров сопоставлял Мао Цзэдуна и Чан Кайши: «Два националиста с разных позиций одержимы идеей власти. Но один в Чунцине делает это откровенно и, во всяком случае, сопротивляясь иностранной оккупации, а другой, – позабыв о чести и страданиях родины, обманывая свою партию и уничтожая ее заслуженных руководителей...». ⁶⁶

П.П. Владимиров мучительно переживал происходившее в Яньани, тяжелые мысли одолевали его в связи с вопросом о том, каким может быть отношение к его работе в Москве. Он писал в своем дневнике: «Как бы ни оценивали в Москве мою работу, буду писать о том, что вижу.

В конце концов, разве дело во мне?...». ⁶⁷

В ноябре 1943 г. Мао Цзэдун дал приказ изменить отношение к советским представителям в Яньани. П.П. Владимиров отмечал: «Чем больше успехи нашей Красной Армии, тем восторженнее заверения руководителей КПК в дружбе с Советским Союзом. Каждый день я слышу поздравления тех, кто еще вчера издевался над нашими бедами. Кан

⁶² Там же. С. 187.

⁶³ Там же. С. 201.

⁶⁴ Там же. С. 206.

⁶⁵ Воспоминания Н.Н. Риммара (машинопись в обработке Ю.П. Власова). – С. 57. (Далее: *Риммар Н.Н.* ...)

⁶⁶ *Владимиров П.П.*... С. 211—212.

⁶⁷ Там же. С. 213.

Шэн и тот снял слезку за мной...». ⁶⁸

Тогда же П.П. Владимиров писал: «Не перестает удивлять отношение ответственных работников ЦК КПК к Советскому Союзу. Скрытое и вечное недовольство, что Советский Союз не поставляет Особому району оружие, снаряжение и просто различные товары. Здесь или не понимают, или не хотят понять, что наш народ ведет жесточайшую войну в своей истории, что советский народ истекает кровью, что экономике СССР нанесен колоссальный ущерб...

Происходит автоматическое перенесение представлений об Америке на СССР. Но на земле Америки не взорвалась ни одна бомба, не горели города и враг не оккупировал целые промышленные области. Ее народ не уничтожали планомерно и безжалостно.

И хотя Америка воюет, ее экономика развивается в исключительно выгодных условиях. Отсюда ее возможности оказывать помощь по ленд-лизу странам антигитлеровской коалиции.

Для СССР любая помощь – это перенапряжение и без того подорванной экономики. Здесь смотрят на СССР как на бездонную бочку, из которой можно и нужно черпать различного рода материальные средства. Но даже в эти годы наше государство оказало руководству КПК помощь в виде крупных валютных сумм. Это была помощь из последних сил.

Я сам был свидетелем подобных операций. И Мао Цзэдун это отлично знает. Он лично получал эти весьма крупные суммы...». ⁶⁹

По случаю 26-й годовщины Октябрьской революции, отмечал П.П. Владимиров, Мао Цзэдун направил в Москву следующую телеграмму:

«Товарищу Сталину, ЦК ВКП(б), Красной Армии, народам СССР.

Представляя Китайскую компартию и китайский народ, я горячо приветствую и поздравляю Вас с 26-й годовщиной Октябрьской революции и с великими победами Красной Армии в антифашистской войне...

Китайский народ, воодушевляемый Вашими победами в течение 26 лет, всегда будет рука об руку вместе с Вами сплоченно шагать вперед, единодушно добиваться окончательной победы в антияпонской национально-освободительной войне...». ⁷⁰

По сравнению с тем, что писал Мао Цзэдун год назад, видна существенная разница. Мао Цзэдун понял, что победа в войне с Германией будет за нашей страной. Поэтому он уже не подчеркивал тезис об отдельности своей борьбы, напротив, он стремился подтвердить желание идти вместе со Сталиным. Мао Цзэдун также намекал на то, что он снова принимает тезис Сталина о необходимости вести войну против японских агрессоров в Китае объединенными усилиями и ГМД, и КПК. Мао Цзэдун в этой связи назвал антияпонскую войну не просто освободительной, как в 1942 г. в подобном же документе, а национально-освободительной. Одним словом, ощущалось, что Мао Цзэдун был вынужден в конце 1943 г. внешне в большей степени считаться со Сталиным, чем прежде, в 1941—1942 гг. Еще одна особенность телеграмм Мао Цзэдуна по случаю советских ежегодных праздников – это подчеркнутое самомнение, выпячивание своей роли, даже известная наглость, что не могло вызывать симпатии у Сталина, расположения к Мао Цзэдуну. В тот момент такое поведение Мао Цзэдуна было даже оскорбительным, если исходить из того, что делал и чего не делал Мао Цзэдун в ходе Второй мировой войны.

Москва, Сталин защитили в телеграмме, направленной в Яньань, работников КПК, которые побывали в СССР и по возвращении в Китай испытали на себе тяжелые удары в

⁶⁸ Там же. С. 219.

⁶⁹ Там же. С. 236—237.

⁷⁰ Там же. С. 220—221.

ходе внутрипартийной кампании, организованной Мао Цзэдуном.

4 января 1944 г. Мао Цзэдун в этой связи беседовал с П.П. Владимировым.

Мао Цзэдун сразу повел речь о своем уважении к Советскому Союзу, ВКП(б), И.В. Сталину.

Мао Цзэдун также сказал, что он питает искреннее уважение к китайским товарищам, которые получили образование или работали в СССР.

Мао Цзэдун говорил также о значении СССР для существования Особого района, о важности единого антияпонского фронта, о политической роли бывшего Коминтерна для КПК.

Мао Цзэдун также сказал, что он получил телеграмму от товарища Димитрова по вопросам коминтерновской политики. Телеграмма вызвала у него большие раздумья, взволновала и очень близка ему тревогами, заботами. Он понимает глубокое, искреннее стремление товарища Димитрова помочь руководству КПК и ценит эту помощь, ибо она всегда оказывалась мудрой.⁷¹

8 января 1944 г. Мао Цзэдун посетил П.П. Владимирова в его доме и в личной беседе один на один сказал, что «в едином антияпонском фронте он видит мощную силу, способную противостоять японской агрессии, что он искренний сторонник объединения всех национальных сил и делает все возможное для укрепления и развития антияпонского блока. Однако он считает, что необходим твердый кулак для сдерживания агрессивности Гоминьдана. Такой кулак способен нейтрализовать активность врагов Особого района.

После каждой фразы председатель ЦК КПК повторял, как он глубоко чтит опыт товарищей Сталина и Димитрова.

О Ван Мине председатель ЦК КПК вдруг повел речь в совершенно другом тоне, почти дружелюбно! «Я даже сразу не понял, что он говорит о Ван Мине», – отметил П.П. Владимиров.

«Визит закончился весьма неожиданным образом. Председатель ЦК КПК попросил несколько листов бумаги. Сел за стол и тут же набросал текст телеграммы для товарища Димитрова. Телеграмму он вручил мне, – писал П.П. Владимиров, – с просьбой срочно «отстукать» ее в Москву. Мао выглядел обеспокоенным, в движениях его сквозила напряженность и нервозность.

На прощанье председатель ЦК КПК сказал, что до сих пор он и другие китайские работники явно недостаточно помогали нам в работе. И пообещал исправить этот промах.

...

В своей телеграмме Димитрову, как бывшему руководителю Коминтерна, Мао Цзэдун просит понять правильно внутрипартийную политику руководства КПК. Просит не волноваться товарища Димитрова, успокоиться, ибо все переживания товарища Димитрова дороги и сердечно близки ему. Суть беспокойства его и Димитрова одна и та же, так как у них одни и те же мысли.

Мао Цзэдун сообщает, что, кроме телеграммы, посланной в Москву второго января, он хочет еще раз указать на основные принципиальные вопросы, за проведение которых борется руководство КПК.

В телеграмме от второго января была разъяснена точка зрения по данным вопросам, но необходимо еще раз определить существо задач и политики. Мао Цзэдун благодарит бывшего руководителя Коминтерна за помощь, за предупреждение о недопустимости раскола единого антияпонского фронта и недопустимости в современных условиях антигоминьдановской политики. Мао Цзэдун заверяет бывшего руководителя Коминтерна в своем искреннем уважении.

Далее он сообщает, что с июля 1943 года и по нынешний день энергично проводились меры по укреплению единства партии. В результате внутрипартийная обстановка резко

⁷¹ Там же. С. 249—250.

улучшилась. Суть этой внутрипартийной политики – объединение и сплоченность. Что касается Ван Мина, к нему относятся исходя из тех же главных положений внутрипартийной политики: объединение и сплочение.

Политика по отношению к Гоминьдану неизменна. Она исходит из необходимости единого антияпонского фронта, и руководство КПК всегда строго ее придерживалось. Суть этой политики – сотрудничество с Гоминьданом, необходимость сотрудничества. В нынешнем 1944 году в характере взаимоотношений КПК и ГМД нужно ожидать улучшения. Мао Цзэдун подчеркивает, что он на это рассчитывает».

Разъясняя свое отношение к этой акции Мао Цзэдуна, П.П. Владимиров писал:

«Да, есть над чем поразмыслить. Мао, безусловно, понял мое отношение к политическим событиям в Особом районе. Визит председателя преследовал цель не только убедить Москву в дружественности руководства КПК, но и разъяснить наконец мне, как следует понимать его – Мао – политику. Это попытка сбить меня с моих позиций. И если не сбить, то поколебать. Значит, Мао будет разворачивать действия в прежнем духе и попытается заранее обеспечить себе свободу таких действий. Действий по существу антисоветских».⁷²

Итак, Сталин предпринял попытку сдерживать деятельность Мао Цзэдуна, направленную на то, чтобы, используя отсиживание в тылу, полностью подчинить себе партию и ее вооруженные силы, настроить их против Москвы как потенциального, да и нынешнего противника, а также на решительную борьбу в скором будущем против Гоминьдана. При этом Сталин сам непосредственно не выступил с открытым забралом. Он сделал это через Димитрова, хотя формально тот уже не являлся политиком, имеющим какое-либо отношение к КПК и Мао Цзэдуну. Между Сталиным и Мао Цзэдуном оказались два посредника – Димитров и П.П. Владимиров. Мао Цзэдун был вынужден заверить формально Димитрова, а фактически Сталина в том, что он приостановит выкорчевывание из своей партии Ван Мина и людей, которые в той или иной степени ориентировались на Москву или исходили из того, что их и Сталина объединяют общие интересы, которые определяют политику КПК. Мао Цзэдун также был вынужден заверять Сталина в том, что он будет поддерживать политику сотрудничества с Гоминьданом, с Чан Кайши.

П.П. Владимиров, исходя из внутренней убежденности в правильности своей оценки действий Мао Цзэдуна как направленных против его родины, против России, то есть, по терминологии того времени, действий антисоветских, не колебался. Вполне очевидно, что именно такая позиция П.П. Владимирова в то время была приемлема, с точки зрения Сталина. Итак, в 1944 г. Сталин и Мао Цзэдун оказались на грани серьезного столкновения взглядов. Сталин оказал нажим на Мао Цзэдуна. Мао Цзэдун был вынужден, по крайней мере внешне, несколько отступить от своих намерений; однако это было лишь оттягивание грядущих столкновений политических взглядов Сталина и Мао Цзэдуна.

П.П. Владимиров писал: «Сообразив, что действительное положение в КПК известно в Москве до мельчайших подробностей, Мао Цзэдун и его сторонники перестраиваются. Они понимают, что без помощи СССР им не выжить. Наглость, с которой они вели себя, сменяется особым вниманием к маскировке своей сектантской политики.

Мао Цзэдун и его сторонники никогда не откажутся от политики, за которую боролись столько лет и которая сейчас окончательно выкристаллизовалась и восторжествовала, – это один из выводов, который я довел до сведения Москвы.

Телеграммы Мао Цзэдуна – дань вежливости. Заигрывание со мной и услужливость – маска!

Я на долгом, непрекращающемся трагикомическом спектакле».⁷³

⁷² Там же. С. 251—253.

⁷³ Там же. С. 255—256.

В связи с вышеупомянутыми событиями Н.Н. Риммар вспоминал о том, что Мао Цзэдун устроил «ради нас» обед. «Конечно, не ради нас. Обед он дал вскоре после телеграммы Димитрова в связи с травлей Ван Мина как лидера интернационалистов в КПК. Владимиров передал в Москву содержание рецепта, по которому давали лекарства Ван Мину. Центр ответил, что формально микстура составлена верно, но при хранении [а такую именно прописали Ван Мину] разлагается на свои ртутистые части. Они и вызывают токсическое поражение организма. Дабы разрядить обстановку, рассеять сомнения, задобрить нашу группу, которая стала свидетелем попытки убийства политического оппонента председателя ЦК КПК, и был устроен тот обед. Правда, ему предшествовали попытки Мао Цзэдуна обработать в «доверительных» беседах Владимирова. Я тогда передал серию обширных сообщений Петра Парфеновича для Центра».⁷⁴

Н.Н. Риммар также вспоминал, что в ответ на вопрос, знает ли он иностранный язык, Мао Цзэдун, «как обычно, в неторопливой манере ответил:

– Нет, мне вполне достаточно китайского. А кто из иностранцев не понимает, – пусть изучает китайский.

Сказано это было как о вещах само собой разумеющихся. Потом Мао Цзэдун заявил, что не повторит ошибку Сталина. Не помню, с кем он говорил, но вот смысл его речи:

– Сталин допустил ошибку, даже серьезную ошибку, когда подверг репрессиям только часть делегатов семнадцатого съезда ВКП(б), надлежало эту акцию распространить на всех делегатов за ничтожным исключением; нет, мы такую ошибку не допустим! Мы пойдем дальше!»⁷⁵

Из сообщений П.П. Владимирова в первой половине 40-х гг. Сталину становилось ясно, что Мао Цзэдун – это политик, нацеленный на конфронтацию с внешним миром, в том числе с СССР, что это вождь компартии, который намерен идти еще дальше Сталина в борьбе за власть и уничтожении своих соперников и вообще всех, кого он считал инакомыслящими, руководитель партии, который стремился использовать все методы, уже применявшиеся Сталиным на пути к высшей власти в партии и в стране, и далее – перещегоолять во всем этом Сталина.

21 января 1944 г. Мао Цзэдун при новой встрече с П.П. Владимировым заметил: «Для Китая политика США – вопрос первостепенной важности».⁷⁶

Мао Цзэдун в своих стратегических расчетах всегда стремился к тому, чтобы играть на противоречиях национальных интересов России (СССР) и США, сталкивать и срамливать их между собой, чтобы самому пользоваться создавшейся в их отношениях ситуацией.

П.П. Владимиров, изучая Мао Цзэдуна и его политику, пришел к выводам о том, что «порабощенные народы обращаются к национализму как протесту, как самоутверждению, как к силе, стихийно объединяющей страну. Но всего лишь шаг – и «протестующий» национализм уже шовинизм и расизм!

...Спекуляция на дорогих каждому человеку идеалах отечества – для Мао Цзэдуна отличное средство против интернационалистической сущности марксизма-ленинизма. Патриотизм в КПК незаметно подменяется национализмом.

Исторический обман и подлог – вот метод захвата власти Мао Цзэдуном.

...

Именем социализма Мао предает социализм, именем Коммунистической партии он уничтожает Коммунистическую партию, именем демократии – утверждает террор».⁷⁷

⁷⁴ Риммар Н.Н... С. 68.

⁷⁵ Там же. С. 69.

⁷⁶ Владимиров П.П... С. 256.

⁷⁷ Там же. С. 261—262.

К концу февраля 1944 г. П.П. Владимиров пришел к заключениям, которые, с его точки зрения, давали ответ на вопросы о том, почему Мао Цзэдун «отважился» на борьбу с Коминтерном, подавление друзей Советского Союза и ВКП(б).

Здесь сыграли свою роль благоприятные для личных планов Мао Цзэдуна обстоятельства: резкое возрастание обособленности Особого района; ослабление роли Коминтерна; тяжелая война СССР с Германией; «факты не оставляют сомнений – Мао решил, что нам конец», – писал П.П. Владимиров. К лету 1942 г. Мао Цзэдун окончательно утвердился в мысли о том, что поражение СССР предreshено. Мао Цзэдун считал самым благоприятным для себя обстоятельством войну: «Мир поглощен войной, мир захлебывается кровью, мир разобщен войной»...

«Однако случилось нечто для него непредвиденное. Советский Союз выстоял и побеждает. Военно-политическая обстановка в мире круто меняется. Следует приспособливаться. Новая обстановка не оставляет времени для подобных кампаний. К тому же чжэнфын свое дело сделал, да и нецелесообразно теперь обращать на себя внимание неблагоприятным поведением. Все внимание председателя ЦК КПК поглощает будущая расстановка сил в Китае и те силы, которые могут повлиять на эту расстановку».⁷⁸

В апреле 1944 г. П.П. Владимиров констатировал: «Не получив от Советского правительства оружие в 1941 году, Мао Цзэдун затаил недовольство. Понять политику СССР он решительно отказывается, да и просто не хочет. Финансовую и военную помощь Советского правительства китайскому народу он в расчет не принимает. Его интересует то оружие, которое можно применить для завоевания власти в стране. В этом плане позиция СССР в 1941 году его озлобила. Он и до этого отличался различного рода уклонами, но после 1941 года пошел на разрыв идейных связей с ВКП(б) и антисоветизм, как обязательный элемент своей политики. Тяжелое положение СССР в 1941 и 1942 годах окончательно развязало ему руки. Военное поражение СССР представлялось для него фактом бесспорным.

Однако блестящие победы СССР в прошлом году и начало агонии гитлеризма не вызвали у него растерянности... В главном он не изменился. Та же политика, но другими методами и средствами. И существеннейший элемент этой политики – антисоветизм.

Сближение с Америкой и Великобританией сулит Мао выгоды не только военные. Он рассчитывает создать надежный политический противовес СССР на Дальнем Востоке».⁷⁹

В ночной беседе с П.П. Владимировым, состоявшейся 15 июля 1944 г., Мао Цзэдун заявил о том, что «отныне генеральный курс Компартии – полная самостоятельность, рассчитанная на противопоставление Гоминьдану. По его замечаниям, – писал П.П. Владимиров, – я понял, что нынешняя ситуация в стране – радостная неожиданность для руководства КПК. Теперь очевидно, что режим чунцинского правительства во главе с Чан Кайши в преддверии кризиса и страха. Поэтому метод переговоров изжил себя. Переговоры больше не нужны, они отголосок прошлого...

«Позиция Америки играет огромную роль для нашего будущего», – сказал председатель ЦК КПК.

Он и его сторонники уверены в неизбежности сближения Америки и Великобритании с Особым районом... Союзникам ничего не остается, как признать Особый район (а за ним и другие советские районы) единственной реальной силой в Китае.

Мао ни словом не обмолвился о Советском Союзе, о его заинтересованности в решении дальневосточной проблемы, несмотря на то что советские дальневосточные границы уже не

⁷⁸ Там же. С. 265—266.

⁷⁹ Там же. С. 284—285.

раз были районами военной напряженности или кровавых конфликтов.

...
Мао Цзэдун и его сторонники явно полагают шантажировать союзников мифом об агрессивности СССР, который якобы мечтает поглотить Китай (особенно Маньчжурию). В будущих отношениях с союзниками это пугало будет одним из самых важных аргументов в пользу сближения Соединенных Штатов и Великобритании с Яньанью.

Однако и это еще не вся правда. Председатель ЦК КПК не только намеревается заполучить оружие и оттеснить Чан Кайши, но и признанием Америкой и Великобританией Особого района исключить сколь-нибудь эффективное участие СССР в решении дальневосточной проблемы. И вообще нейтрализовать любые дипломатические усилия СССР.

Мао намеревается с помощью США и Великобритании обрести ту силу, которая поможет ему заполучить власть над всем Китаем и вести политику, отвечающую лишь его собственным интересам».

В ходе бесед с Мао Цзэдуном П.П. Владимиров ощущает, «как неприятен я ему и как в сущности он далек от нас». ⁸⁰

П.П. Владимиров обобщает свои наблюдения: «Опыт общения с Мао убеждает меня в том, что он правдив лишь тогда, когда это отвечает его интересам. Для него не существует моральных норм. Есть сила или возможность чего-то добиться (пусть самыми грязными средствами) – делай! Доводы найдутся потом!

...Ни один человек, ни миллионы не интересуют Мао Цзэдуна. Важно продвижение к власти. Какие жертвы будут в том или ином случае, авантюра это или нет, можно ли добиваться большего с меньшими затратами – сие его не трогает. Можно сказать, совсем не трогает – и это не преувеличение. Народ он рассматривает лишь как сырье для осуществления собственных планов. Иногда в его беседах со мной проскальзывает нечто мессианское. Он – над человечеством, над законами, моралью, страданием. Увлекаясь, Мао порой говорит именно в таком тоне. Он совершенно черств. Понятия добра или зла для него преломляются в понятие целесообразности для него лично. Увлекаясь, он становится красноречив и говорит, говорит... Тогда и следа не остается от его вялости». ⁸¹

П.П. Владимиров имел возможность близко наблюдать Мао Цзэдуна на протяжении спрессованных трудных военных лет. Но он не имел возможности наблюдать Сталина. Вероятно, характеристика, данная П.П. Владимировым Мао Цзэдуну, точно рисовала этого политика; она же приложима и к Сталину. Нечаянным посредником между двумя такими подобными одна другой фигурами и оказался П.П. Владимиров. Это было феноменальное явление. На таком посту оказался не высокопоставленный номенклатурщик, а честный человек, добросовестный специалист по Китаю и талантливый военный разведчик с прекрасными дипломатическими способностями. Собственно говоря, он искренне защищал интересы своей страны и видел враждебность Мао Цзэдуна к его народу и стране. Деятельность П.П. Владимирова пришлась на те трудные военные годы, когда и Сталин был вынужден в отношениях с Мао Цзэдуном прежде всего думать о том, как защитить главные интересы своей страны, своей нации, ибо на карту было поставлено ее выживание. С точки зрения Мао Цзэдуна, вопрос о выживании не стоял: ни для его нации, ни для него самого; что же до нации-соседа, то Мао Цзэдуну ее не было жаль.

22 июля 1944 г. в Яньань прибыли сотрудники американской миссии. П.П. Владимиров отмечал, что это – «день высшего торжества для Мао Цзэдуна!

...

В конце концов все равно, признают ли американцы или нет КПК ведущей силой Китая

⁸⁰ Там же. С. 301—303.

⁸¹ Там же. С. 304.

(именно таким было настроение Мао Цзэдуна накануне), главное – заполучить оружие, побольше оружия! А как обращаться с оружием, председатель ЦК КПК знал и знает – власть захватывают силой...

Оккупация страны японцами, потворство агрессии, предательство интересов Советского Союза, борющегося именем всех революционных сил с фашизмом, – это для Мао лишь «тактические условности», не больше...».⁸²

В августе 1944 года П.П. Владимиров подчеркивал, что Мао считает, что Коминтерн – «иностранный орган, который навязывал свою волю, враждебен китайским особенностям революции и не раз вредил ей».⁸³

Н.Н. Риммар вспоминал:

«Как-то осенью 1944 года я менял аккумулятор приемника «Родина». Он тогда уже находился в средней комнате (в пещере, где жили Мао Цзэдун и Цзян Цин. – Ю.Г.). Была еще и Цзян Цин.

– Товарищ Ли (Мао Цзэдун называл Н.Н. Риммара «товарищем Ли» или «Ли Маэром». – Ю.Г.), скажите, видели ли вы Сталина? Где и когда?

Я оглянулся на голос. Мао Цзэдун стоял, полистывая книгу. Я ответил, что видел неоднократно, ибо родился и вырос в Сочи, а Сталин не реже раза в год приезжал на отдых. Правительственный санаторий севернее парка Ривьера – там моя старшая сестра Валентина работала бухгалтером. Вход в санаторий строго ограничен, но я проходил свободно как представитель райкома комсомола. В такие посещения я много раз видел Сталина. Он гулял в одиночестве или в обществе Молотова, Калинина. Много раз встречал Сталина в городе. Еще чаще по дороге в Мацесту, куда он ездил на ванны. Сталин всегда ездил в открытой машине рядом с водителем. И сейчас помню: в черной кожанке, такого же цвета кожаной фуражке, строгий взгляд только перед собой...

Поточнее переводить мой рассказ помогала Цзян Цин. Мао Цзэдун задумчиво ходил дорожкой: три-четыре шага и назад. Потом остановился, не обращаясь ни к кому из нас, сказал:

– Сталин уже стар, да-да, стар, но и я не молод, – помолчав с минуту, добавил: – А потом кто? Не вижу! Нет, не вижу!

Это было сказано без рисовки. Стоял он какой-то миг и снова заходил. Лицо его еще больше окаменело. Он молча ходил, глядя куда-то поверх нас. Я с Цзян Цин сидел за столом. Так продолжалось довольно долго. Затем Цзян Цин шевельнулась, встал и я. Прощание ничего не изменило в Мао Цзэдуне. Руку он подал, но это все равно если бы я взял в ладонь полотенце: мягкая, безвольная, однако теплая. Никто из нас не проронил ни слова. Цзян Цин по обыкновению проводила меня до наружной двери. При расставании она сказала, что теперь Мао Цзэдун будет очень долго и много думать».⁸⁴

12 августа 1944 г. Мао Цзэдун, очевидно в связи с прибытием в Яньань американской миссии связи, сказал П.П. Владимирову: «Мы подумываем о том, чтобы переименовать нашу партию. Именовать ее не «Коммунистическая», а как-то по-другому. Тогда для Особого района сложится более выгодная обстановка, особенно среди американцев...»⁸⁵

По мнению П.П. Владимирова, «у руководства КПК и американцев – «медовый месяц». Те и другие усердно обхаживают друг друга».⁸⁶

⁸² Там же. С. 306—307.

⁸³ Там же. С. 311.

⁸⁴ Риммар Н.Н. ... С. 71—72.

⁸⁵ Владимиров П.П. ... С. 315.

⁸⁶ Там же. С. 316.

19 августа 1944 г. П.П. Владимиров записал в своем дневнике: «Сегодня на дороге мне встретились два бойца, которые толкали ручную тележку. В тележке на рулонах полотнищ с лозунгами лежали портреты Сталина, Черчилля, Рузвельта и английского короля Георга. Портрет короля Георга значительно крупнее остальных. Куда и зачем везли портреты и лозунги, не знаю. Скорее всего готовится прием новой группы иностранных корреспондентов и, судя по размерам портрета, – англичан».⁸⁷

В 1944 г. по распоряжению Мао Цзэдуна в Яньани была написана пьеса под названием «Товарищ, ты пошел по ложной дороге!». Пьеса осуждает Ван Мина, тех партийцев, которые допускали возможность сотрудничества с Гоминьданом и с Чан Кайши⁸⁸. Это явно камень в огород Сталина.

По мнению П.П. Владимировой, «Мао Цзэдун считает, что СССР ослаблен войной. Это предубеждение заставляет его не активизировать политику защиты интересов СССР, а переориентироваться на Соединенные Штаты. Создается впечатление, что ему даже было бы на руку наше действительное ослабление.

Вместо честного сотрудничества с Москвой, основанного на идейной общности, игра...»⁸⁹

По свидетельству Н.Н. Риммара, «осенью 1944 года Цзян Цин подготовила к постановке пьесу Корнейчука «Фронт». Меня пригласили для консультаций на один из просмотров. Цзян Цин и артистов интересовали наш быт, отношения, форма одежды...

После просмотра я сказал, что артисты представляют офицеров Советской Армии суетливыми, фальшиво энергичными, крикливыми и... расхлябанными. Особенно меня поразил герой пьесы Орлов (не наш, конечно, хирург Андрей Яковлевич). Орлов из пьесы – это совершенно невоспитанный и грубый тип.

Этот китайский Орлов из пьесы мог запросто в штабе фронта усесться на письменный стол или развалиться в кресле, закинув ногу на ногу, улегшись на локоть, и рассуждать, покуривая и сплевывая на пол, – и это в разговоре с офицерами, равными или даже старшими по чину!

Помню, я возмутился. Однако чувства сдержал. Поразмыслив, решил подступить с другой стороны. Как можно спокойнее и равнодушнее я попросил их проиграть акт из пьесы местного драматурга на военную тему. Артисты изобразили человека, достойного уважения, настоящего коммуниста-командира. Он говорил мало, но весомо и вел себя безупречно: ни крика, ни плевков, ни каншэновской заносчивости. Даже когда пленный японский офицер с бранью кинулся на него, он, сохраняя достоинство, лишь жестом указал на дверь. Пленного увели. Зашли младшие командиры, командующий армией – все как в хорошо организованном штабе армии, где командиры – коммунисты. Я остановил артистов и спросил:

– Кем можно назвать русского коммуниста Орлова после того, как зритель посмотрит обе пьесы?

Тягостным молчанием был ответ.

Моя критика не принесла результат. Цзян Цин что-то изменила, что-то смягчила, но в целом все сохранила как прежде. После двух представлений пьесу сняли под нажимом Владимировой. Кстати, Мао Цзэдун не мог не быть информирован обо всем. Однако ни словом, ни жестом не проявил отношение к пьесе «Фронт» в исполнении яньаньской труппы,

⁸⁷ Там же. С. 319.

⁸⁸ Там же. С. 324.

⁸⁹ Там же. С. 324—325.

хотя слыл знатоком театра. Впрочем, такая «постановка» и была «отношением»...». ⁹⁰

Столкновением взглядов, позиций, даже проявлением скрытой борьбы Сталина и Мао Цзэдуна были постановки в Яньани этих двух пьес: китайской «Товарищ, ты пошел по ложной дороге!» и пьесы А. Корнейчука «Фронт».

Следует иметь в виду, что, с одной стороны, Сталин особо отметил пьесу А. Корнейчука «Фронт». Она даже была напечатана в центральной газете «Правда». Корнейчук выполнял, по сути дела, заказ Сталина. Он своей пьесой доказывал, что в поражениях Красной Армии были виноваты некоторые ее военачальники, которые отстали от времени и пытались руководить военными действиями так, как это они привыкли делать еще во времена Гражданской войны в нашей стране. В армию приходили новые военачальники, которые начинали побеждать немецких захватчиков. Пьеса должна была доказывать, что Сталин и военачальники его типа способны разбить армию Гитлера. Вероятно, имея в виду такие соображения, Москва и порекомендовала поставить в Яньани эту пьесу.

Мао Цзэдун был вынужден согласиться с рекомендацией Москвы. Формально он выполнил ее пожелание. Мао Цзэдун даже отрядил для постановки пьесы свою жену – специалиста в области драматического театра.

В то же время Цзян Цин наверняка руководствовалась если не прямыми указаниями Мао Цзэдуна, то духом его отношения к Сталину, к нашей стране и к нашей армии. Поэтому Цзян Цин при попустительстве Мао Цзэдуна, а если точнее, то просто с ведома и по наущению Мао Цзэдуна, представила Красную Армию в самом неприглядном виде. Именно по этой причине П.П. Владимиров и настоял на том, чтобы спектакли были прекращены.

С другой стороны, тогда же, в том же 1944 г., на сцене того же яньаньского драматического театра, конечно же по прямому указанию Мао Цзэдуна, была поставлена пьеса с красноречивым названием «Товарищ, ты пошел по ложной дороге!». Речь в ней шла о руководителях КПК, уклонившихся от пути, по которому партию вел Мао Цзэдун; всем в Яньани без слов было понятно, что они пошли «по московской», или «по сталинской», дорожке.

Таким образом, Сталин, используя пьесу Корнейчука, попытался внедрить в Яньани представление о мощи своей армии, хотя его попытка, из-за саботажа Мао Цзэдуна, оказалась безуспешной. Мао Цзэдун, со своей стороны, используя спектакль по пьесе «Товарищ, ты пошел по ложной дороге!», внушал яньаньским зрителям мысль о том, что частью главного содержания работы партии в то время была борьба против влияния Сталина и Москвы на деятельность Компартии Китая.

Если Сталин пытался хоть как-то спланировать обе партии на основе военной борьбы против, по сути дела, общего врага, то Мао Цзэдун стремился вносить в души людей в своей партии и в своей стране враждебные чувства по отношению к России, ее людям, ее армии.

В истории взаимоотношений Сталина и Мао Цзэдуна осознанно или случайно не раз возникали столкновения в сфере литературы и искусства; политическая борьба Сталина и Мао Цзэдуна переносилась и в эту сферу, проявлялась в ней.

В сентябре 1944 г. П.П. Владимиров дал Мао Цзэдуну следующую характеристику:

«У председателя ЦК КПК нет друзей. Есть нужные люди, но друзей нет. Для него имеет ценность лишь тот, кто ему сейчас необходим. Все, что не полезно для него, – безразлично или вредно. К тому же он допускает опасное смешение понятий полезности лично для себя и «своей» революции. Революцию он не представляет иначе как свою собственность. Вне сферы личных интересов для него ничего не имеет смысла. В том числе и революция...»

Это особенное честолюбие. Он довольно равнодушен к жизненным удобствам. Все воплощает власть. Пути к наивысшей власти – единственно праведные. Его облик, образ жизни – презрение к тому, что ограничивает власть. Все прах, кроме власти. Жизнь великих

⁹⁰ Риммар Н.Н. ... С. 81—82.

мужей истории для него пример именно с этих позиций.

Его увлекают великаны прошлого именно безраздельностью своей власти. По Мао Цзэдуну, власть – это единственно стоящий смысл жизни, это оправдание всего, это праздник, это все-все...

Партия и народ – всего лишь фикции (некие абстрактные величины), которые служат его целям.

Мао общается со многими людьми, но он удивительно нелюдим. По сути дела, он одинок. Черство одинок. Окончательно одинок. Опасно одинок.

Его сила в интуиции. Он не столько понимает, сколько чувствует непреоборимость марксизма в революционных потрясениях нашего века. Он умело прикладывает свой «марксизм реальности» для расчистки пути к власти. Он заходит к власти со стороны революционной бури. Он калечит марксизм каждый раз, когда философия этого учения приходит в противоречие с его личными взглядами. Он прикрывается демагогией и калечит...

В основном его деятельность – это лихорадочный подбор наиболее подходящей тактики в продвижении к власти. Принципы для него имеют значение лишь как обязательства других перед революцией. Это очень удобно для него. Это делает людей подвластными его воле. Принципы связывают миллионы людей, он выступает от имени принципов, но сам чувствует себя свободным от этих принципов.

«Марксизм реальности» – это и есть его философия. Философия моральной скудости и гипертрофированных амбиций...»⁹¹

П.П. Владимиров оказался на своем посту в Яньани в такое время и в таких условиях, когда его страна вела смертельный бой с внешней агрессией, угрожавшей существованию русских, россиян как нации. Поэтому можно понять убежденность П.П. Владимирова в абсолютной или почти абсолютной правоте Сталина, Москвы, СССР в их взаимоотношениях с Мао Цзэдуном. Мао Цзэдуна П.П. Владимиров видел глубоко, а его сообщения из Яньани в Москву давали возможность при желании составить довольно полное и точное представление о Мао Цзэдуне и как о политике, и как о личности. У Сталина такая возможность была.

22 сентября 1944 г. Мао Цзэдун в беседе с П.П. Владимировым высказал следующие соображения:

«Американцы не в состоянии одни решить китайский вопрос и тем более весь комплекс дальневосточных вопросов. Выступление Москвы в решающий момент неизбежно. Такое выступление, наряду с урегулированием жизненно необходимых интересов на восточных границах Советского Союза, сможет заодно «развязать и китайский узел». Чан Кайши, безусловно, будет против выступления Москвы.

СССР понес громадные потери и, очевидно, ощущает недостаток в живой силе. Мы готовы помочь. Руководство КПК подобрало бы свыше десяти тысяч командиров и отправило для переподготовки в Сибирь. Этот комсостав возглавил бы нашу новую огромную армию, которая действительно помогла бы войскам Советского Союза и в Маньчжурии, и в других районах, занятых японцами.

Когда нависла угроза над советским Дальним Востоком, КПК без единого слова выделила два своих лучших полка. То же самое может быть и в будущем, но в несравненно более солидных масштабах.

Смысл этих высказываний настолько прозрачен, что комментарии излишни», – писал П.П. Владимиров.⁹²

27 сентября 1944 г. П.П. Владимиров писал:

⁹¹ Владимиров П.П. ... С. 342—343.

⁹² Там же. С. 345.

«Призрак власти для Мао Цзэдуна выше любых партийных интересов. За спиной Советского Союза он пытается на свой лад разрешить дальневосточный вопрос.

Спекулируя на военных поражениях Чан Кайши, председатель ЦК КПК жаждет укрепиться за счет американцев, чтобы впоследствии против их же воли стать ведущей силой Китая. Ради этого он согласен не только изменить название партии, но и предать интересы Советского Союза.

Мао Цзэдун считает Советский Союз слишком обескровленным борьбой с фашистской Германией и потому неспособным на скорые и эффективные военные действия на Дальнем Востоке. А раз так, не стоит себя обременять... Для него шансы американцев гораздо предпочтительнее, и он с усердием набивается к ним в партнеры.

Для Мао бесспорно, что сейчас предопределяется судьба Дальнего Востока и Китая. И главный арбитр – только США!». ⁹³

Очевидно отражая позицию Сталина, П.П. Владимиров писал в своем дневнике о том, что Мао Цзэдун проводил линию на раскол страны; раскол страны – основная причина успеха японцев; политика Мао Цзэдуна явно в интересах японской военщины; с Чан Кайши же возможно сотрудничество в рамках единого антияпонского фронта; и он к этому стремился; он неоднократно приглашал Мао Цзэдуна на переговоры – тот их отвергал или проваливал; Мао Цзэдун добивается ослабления Чан Кайши любой ценой, пусть даже японцы захватывают китайскую землю.

«Мао Цзэдун называет себя коммунистом. Как же коммунист может содействовать оккупации своей родины захватчиками, разграблению ее национальных богатств?! И он отнюдь не заблуждается насчет единого антияпонского блока. Он отлично знает, что это действительно сила, но он предпочитает оставлять Чан Кайши один на один с японцами и марионетками, а сам участвует в сопротивлении, ограниченном партизанской войной». ⁹⁴

П.П. Владимиров полагал, что Мао Цзэдун стремился добиться того, чтобы США признали Особый район, а в результате «столкнуть интересы двух великих держав и поживиться за счет и тех и других – это его четкая тактика...» ⁹⁵

В ноябре 1944 г. в Яньани было получено сообщение о намерении Чан Кайши направить в Москву для встречи со Сталиным своего сына Цзян Цзинго. Это известие встревожило Мао Цзэдуна, который попытался «устаами» П.П. Владимирова «вводить в заблуждение Москву». П.П. Владимиров передал в свою столицу сообщение Мао Цзэдуна, но сопроводил телеграмму своим мнением, указав на то, что Мао Цзэдун сообщает надуманные цифры, ибо действительная численность вооруженных сил КПК гораздо меньше; Мао Цзэдун опасается быть уличенным в неискренности; Чан Кайши располагает данными о фактическом отношении руководства КПК к единому антияпонскому фронту; миссия Цзян Цзинго вообще может вскрыть ряд неблагоприятных моментов в политике руководства КПК; Мао Цзэдун стремится заранее выгородить себя. ⁹⁶

П.П. Владимиров видел, что Мао Цзэдуна «раздражает необходимость отношений с Москвой. Он готов порвать все свои связи с нами, если бы только...». ⁹⁷

П.П. Владимиров, конечно, прекрасно представлял себе свое положение в Яньани. Он записывал в своем дневнике: «Да-а, жизнь изобилует здесь западнями. Можно сказать, что

⁹³ Там же. С. 349—350.

⁹⁴ Там же. С. 360—361.

⁹⁵ Там же. С. 363.

⁹⁶ Там же. С. 366—367.

⁹⁷ Там же. С. 383.

мое естественное состояние – непрерывное напряжение. Попытки одурачить или скомпрометировать меня (спойть, вывести истинное отношение Москвы к яньаньским событиям, бесконечность каверзных вопросов – самых невинных с виду, соблазнить покладистостью девиц, стремление навязать свои измышления и, наконец, купить доверие) – это не столько, чтобы избавиться от меня, сколько обратить в свою веру. Нет, не завербовать, а сделать «своим» в полном смысле слова. Убедить и принудить меня поверить во все, что отстаивает Мао, представить в своих отчетах Москве политику Мао как непогрешимую и защищать его интересы. Здесь на это бьют!

Пожалуй, они уже верят, что я усвоил их образ мыслей. Именно поэтому председатель ЦК КПК столь часто «исповедуется передо мной». Но это не откровения с товарищем – Мао Цзэдун из тех, кто взвешивает каждое свое слово и поступок...

Я пользуюсь его «доверием». Это игра в доверие...»⁹⁸

Отношение к П.П. Владимирову и было, собственно говоря, отношением к Сталину, с известными поправками на различия в положении этих двух людей. В замечаниях П.П. Владимирову ощущалось и отношение Сталина к Мао Цзэдуну.

22 декабря 1944 г. Мао Цзэдун в беседе с П.П. Владимировым, в частности, заявил, что в случае необходимости он сформирует в Особом районе «свое правительство. Пусть тогда Чан Кайши попляшет в своем Чунцине! И Особому району плевать, признают ли такое правительство Советский Союз (!), Соединенные Штаты и Великобритания. Будут благоразумны – не станут привередничать. Откажутся налаживать межгосударственные отношения – КПК не пропадет. Десять лет, двадцать лет, целый век не будут признавать нашего правительства, а потом все равно пойдут на мировую и пришлют своих послов. Все признают! Хоть на сто первый год, а признают! Никуда не денутся – признают!»

Сообщая о высказываниях Мао Цзэдуна, П.П. Владимиров обратил внимание Москвы на то, что Мао Цзэдун, особенно в беседах с американскими представителями в Яньани в 1944 году, «явно рассчитывал разрешить внутривластные вопросы в стране, заручившись поддержкой и помощью Соединенных Штатов. Конечно, он и словом не обмолвился о том, что рассчитывал и рассчитывает противопоставить Москве Белый дом.

С помощью американцев Мао пытался заранее придать будущему столкновению с Гоминьданом выигрышный для себя характер. На деле все эти месяцы он предлагал Белому дому себя вместо Чан Кайши. Он не мог не сознавать, что американцы согласились бы на такого рода союз лишь на строго определенных политических условиях, и в первую очередь на условиях изоляции Советского Союза в дальневосточной политике.

Фактически в торге за оружие стоит именно это стремление Мао Цзэдуна. Он, разумеется, осознает все трудности подобного сближения. Однако надежду лелеял и, возможно, лелеет по сию пору. Ведь недаром Чжоу (Чжоу Энлай. – Ю.Г.) перед самым вылетом Баррета (руководителя группы связи США в Яньани. – Ю.Г.) передал ему новое письмо Патрику Хэрли (послу США в Чунцине. – Ю.Г.).

Именно предпочтение американцами Чан Кайши заставляет Мао сейчас искать опору в Москве, не порывая окончательно с Белым домом. На это рассчитаны секретная переписка, сцена с Барретом, которую он мне изобразил, и другие факты. Во всяком случае, Мао перестраховывается – это так. Москва в его планах вроде запасного варианта. Конечно, худшего для него варианта...

В таком духе я, – писал П.П. Владимиров, – и составил доклад для Москвы». ⁹⁹

Очевидно, что отношение Сталина к происходившим тогда в Китае событиям, и в частности к политике Мао Цзэдуна, было выражено в статье «Положение в Китае» (Обзор. Автор П. Крайнов), опубликованной 2 декабря 1944 г. в газете «Известия». В Яньани к этой

⁹⁸ Там же. С. 393—394.

⁹⁹ Там же. С. 404—405.

статье проявили повышенное внимание. По словам П.П. Владимирова, «Мао Цзэдун воспринял статью по-своему. Для него она – доказательство будущей активности СССР на Дальнем Востоке».

П.П. Владимиров полагал, что в статье была указана основная причина военного поражения – раскол Китая, раскол национальных сил; Москва, по сути дела, предупреждала, что не позволит Гоминьдану прибегать к военной силе в отношениях с КПК; статья также доказывала, что не отождествляет судьбы китайской революции и китайских коммунистов с курсом Мао Цзэдуна; в статье выражалась надежда, что здоровые силы китайского общества возобладают в политике единого антияпонского фронта.

В статье содержался весьма примечательный тезис: «Причиной создавшегося критического положения... является наличие значительного влияния в правящих кругах Китая реакционных элементов, которые вместо политики укрепления национального единства и демократии в стране проводят политику разъединения национальных сил... Губительная подрывная политика реакционеров и капитулянтов еще не пресечена». ¹⁰⁰

Мао Цзэдун мог воспринимать эти упреки Сталина в свой адрес. П.П. Владимиров мог, благодаря такой постановке вопроса в Москве, утверждаться в мысли о том, что его оценка ситуации принимается Сталиным.

Вполне очевидно, что Мао Цзэдун намеренно через П.П. Владимирова доводил до Сталина свое отношение к Чан Кайши (особенно имея в виду роль, которую Сталин сыграл в свое время при освобождении Чан Кайши из-под ареста в Сиани в 1936 г.). П.П. Владимиров отмечал: «Мао не может спокойно произносить имя Чан Кайши. Мало того, что он обычно присовокупляет к нему набор бранных слов, он к тому же не устает повторять, что рано или поздно dokonает чунцинского правителя («пусть тот не обольщается – я не остановлюсь ни перед какими методами и средствами!»)». ¹⁰¹

В декабре 1944 г. Мао Цзэдун рассматривал как компромиссный в развитии его отношений с американцами вариант создания Объединенного штаба всех вооруженных сил Китая, в котором будут заседать представители вооруженных сил Компартии, Гоминьдана и США во главе с американским генералом. Белый дом мог выдвинуть такой проект, и Чан Кайши поневоле пришлось бы с ним согласиться.

Этот проект Мао Цзэдун заранее ненавидел.

П.П. Владимирову стало известно, что Мао Цзэдун в кругу своих единомышленников сказал, что «вариант с Объединенным штабом хуже цепей еще и потому, что если Советский Союз денонсирует советско-японский договор о нейтралитете и начнет военные действия против Японии в Маньчжурии или Внутренней Монголии, то 8-я НРА может оказаться перед заслоном из американских десантных частей где-то в стороне от боевых операций советских войск. Это явится непростительной ошибкой, ибо власть там должна захватываться КПК. Однако американцы при такой ситуации этого категорически не допустят. В итоге КПК не воспользуется результатом побед советских войск, так как пути просачивания в такие районы будут заблаговременно перекрыты союзниками». ¹⁰²

План Мао Цзэдуна в ситуации, когда отвернуться от варианта с Объединенным штабом не удастся, предусматривал обязательство КПК выставить не менее сорока своих полнокровных полков. В этой связи П.П. Владимиров замечал: «Невольнo напрашивается другое сравнение: если бы руководители КПК выделили хотя бы половину этих сил в поддержку позиции Советского Союза на Дальнем Востоке в 1941—1942 годах! Тогда они просто наплевали на все наши беды! А в телеграммах клялись в дружбе. Не скупились на

¹⁰⁰ Там же. С. 406—408.

¹⁰¹ Там же. С. 409.

¹⁰² Там же. С. 409.

слова...»¹⁰³

29 декабря 1944 г. П.П. Владимиров передал в Москву следующее:

«Последние события доказывают, что Мао Цзэдун и его сторонники спешно перестраиваются и затевают нечестную игру с Советским Союзом. Их цель – выжать для себя все из будущей активности СССР на Дальнем Востоке ради своих корыстных планов».¹⁰⁴

Накануне нового 1945 г. П.П. Владимиров записал в своем дневнике следующее:

«Я не имею права болеть, не смею уставать, не смею проявлять своего настроения. С рассвета и до глубокой ночи я на ногах. Я должен угадывать и прочитывать то, что скрыто за информацией, поставляемой мне канцеляриями Мао Цзэдуна и шефа цинбаоцзюй (разведывательного управления Мао Цзэдуна. – Ю.Г.). Кстати, ложь в цифрах стала здесь нормой.

От меня во многом зависит, как будет прочтена ложь, которую Мао Цзэдун старается внушить своими телеграммами Москве, и ложь, распространяемая агентством Синьхуа и местной печатью.

Своими откровениями – долгими беседами с глазу на глаз, доверительной посылкой телеграмм советскому руководству через нашу радиостанцию – Мао пытается превратить меня в соучастника своей нечистоплотной игры.

Я чувствую глубокую и затаенную неприязнь ко мне председателя ЦК КПК (я знаю слишком много!), но он мастерски разыгрывает роль искреннего друга. Для него и всех остальных я почетный гость. Меня всячески обхаживают и подчеркивают, что я «свой человек»...»¹⁰⁵

Особенность положения П.П. Владимирова состояла в том, что он должен был иметь постоянно на протяжении нескольких лет дело с одной стороной в этих чрезвычайно непростых отношениях, то есть с Мао Цзэдуном. Из Москвы (не непосредственно от Сталина) П.П. Владимиров получал лишь редкие указания, отдельные материалы. П.П. Владимиров действовал на свой страх и риск. Он понимал, что его деятельность одобряется Сталиным, лишь на основании сообщений из Москвы о том, что ему предписывают находиться в Яньани до конца войны.

В лице П.П. Владимирова в историю двусторонних отношений наших стран вошел человек уникальный: не принадлежащий к партийно-государственной номенклатуре, честный, любящий свою родину, не общавшийся близко со Сталиным, но умный, знающий, профессионально (как разведчик и дипломат) грамотный, трудолюбивый и ответственный перед своей страной, твердо защищавший ее интересы так, как их понимали идеалисты и патриоты России, а в то время Советского Союза.

П.П. Владимиров оказался на перекрестке связей и противоречий Сталина, Мао Цзэдуна, Чан Кайши, Рузвельта. Он должен был понять тайные пружины дипломатии всей этой четверки. П.П. Владимиров переиграл Мао Цзэдуна, не пойдя у него на поводу, что было далеко не просто. Еще до прихода Мао Цзэдуна к власти в Китае П.П. Владимиров тонко и точно обрисовал его в своих сообщениях, направленных в Москву, фактически Сталину, как политика и человека; благодаря телеграммам П.П. Владимирова Сталин имел возможность составить себе полное представление о Мао Цзэдуне уже в первой половине 1940-х гг.

1945-й, год победы в Великой Отечественной войне нашей страны, год победы во Второй мировой войне, год победы в Войне сопротивления Китая Японии, стал последним

¹⁰³ Там же. С. 409—410.

¹⁰⁴ Там же. С. 413.

¹⁰⁵ Там же. С. 413.

годом работы П.П. Владимирова в качестве связного Москвы при Мао Цзэдуне.

5 января П.П. Владимиров отмечал: «Председатель ЦК КПК опять подчеркнул мне, что для революционного преобразования Китая необязательно знание марксизма-ленинизма. Важно знать Китай, его нужды, обычаи, историю...

Мао Цзэдун избегает в разговорах даже простого упоминания о ВКП(б). К опыту нашей большевистской партии (хотя он любит ссылаться на него) не проявляет ни малейшего интереса.

После окончательного утверждения своей безоговорочной власти в поведении Мао еще более заметно желание слыть непререкаемым авторитетом во всех партийных и государственных делах.

Соответственно своему положению Мао выработал и манеру поведения. Говорит едва слышно – поэтому все должны напряженно вслушиваться. В движениях медлителен. Часами почти неподвижен в своем кресле.

Во всех своих поступках и каждом слове он учитывает психологию Китая. И обидчив, очень обидчив...»¹⁰⁶

В январе 1942 г. П.П. Владимиров добился от Мао Цзэдуна согласия на то, чтобы впредь информацию ему передавал не Кан Шэн (шеф цинбаоцзюй, которого П.П. Владимиров охарактеризовал Москве как отступника от марксизма-ленинизма и палача китайских коммунистов-интернационалистов), а Е Цзяньин.¹⁰⁷

В этой связи представляется уместным высказать следующие соображения. П.П. Владимиров был резидентом советской военной разведки в Яньани. До его прибытия туда и в первое время после начала его работы в Особом районе Мао Цзэдун представил ему в качестве партнера по разведывательной работе Кан Шэна и его службу. В каком-то смысле можно сказать, что ведомство Кан Шэна было аналогом НКВД и его разведывательных органов. П.П. Владимиров, очевидно ссылаясь на специфику своих задач, то есть на то, что его интересуют главным образом военные разведывательные сведения, сумел настоять на том, чтобы его партнером стала военная разведка Мао Цзэдуна, руководителем которой в то время и был Е Цзяньин.

П.П. Владимиров сообщал в Москву о том, что Мао Цзэдун «убеждал союзников в полной национальной независимости КПК (!) и всячески давал им понять, что изоляция СССР на Дальнем Востоке отвечает не только американским интересам. В Вашингтоне не приняли его авансы всерьез. Там решили, что Мао хочет просто пожить за их счет».¹⁰⁸

Мао Цзэдун был заинтересован в том, чтобы мировое общественное мнение оказывало давление на Вашингтон с тем, чтобы США отказались от поддержки Чан Кайши. В этой связи Мао Цзэдун в середине января 1945 г. через радиостанцию П.П. Владимирова отправил в Москву телеграмму, в которой сообщал о своих планах оказания нажима на Лондонский конгресс профсоюзов.

П.П. Владимиров констатировал, что Мао Цзэдун «окончательно выбрал меня в качестве своего передаточного звена в переписке с Москвой. Он уверовал в эту тактику...

...Тщательное сопоставление цифр (характеризовавших численность профсоюзов в районах, находившихся под властью КПК. – Ю.Г.) и сам факт, как составлялась эта телеграмма в Москву, привели меня к убеждению, что телеграмма не что иное, как преднамеренная дезинформация. Одна из многих за последние годы...

Я дополнил телеграмму председателя ЦК КПК своим мнением. Я сообщил Москве, что телеграмму можно принять лишь как документ, свидетельствующий о желании ввести

¹⁰⁶ Там же. С. 415.

¹⁰⁷ Там же. С. 419.

¹⁰⁸ Там же. С. 422.

руководителей ВКП(б) в заблуждение.

Никакого совета у руководства ВКП(б) Мао Цзэдун получить не рассчитывает. Такой совет его не интересует, так как он уже давно приступил к действиям, не подумав согласовать их с программной платформой прогрессивных профсоюзов мира.

Задача председателя ЦК КПК в том, чтобы через конгресс профессиональных союзов еще раз попытаться решить свои внутривластные задачи, прямо противоречащие интересам борьбы с Японией. При этом председатель ЦК КПК упирает на то, что он якобы борется за единство всех национальных сил страны. В действительности его деятельность направлена на раскол и кризис власти в стране. Изгнание японских захватчиков из Китая он возлагает на внешние силы (СССР и США).

Количество членов профессиональных объединений определено произвольно. Составитель данной телеграммы член политбюро Чжоу Эньлай. Можно без преувеличения сказать, что это перлы его бессонного служебного рвения. Чжоу Эньлай автор большинства внешнеполитических документов. По отношению к Москве полностью поддерживает недобросовестный курс председателя ЦК КПК». ¹⁰⁹

П.П. Владимиров верно ориентировал Сталина, давая точные политические характеристики руководителей КПК, в том числе и Чжоу Эньлая.

6 февраля 1945 г. П.П. Владимиров пришел к заключению, что «Мао Цзэдун не прочь заморозить все дипломатические акции с Чунцином и Вашингтоном. Но боится оказаться в проигрыше: вдруг СССР не начнет войны с Японией!

Укрепление позиций Советского Союза на Дальнем Востоке, в связи с этим новая расстановка сил и неизбежное укрепление позиций КПК – эти вопросы не дают покоя ее руководству. На кого ставить: на Америку или СССР?». ¹¹⁰

В феврале 1945 г. П.П. Владимиров писал: «И Яньань и Чунцин мечтали о союзе с Соединенными Штатами. Обе стороны пытались рассчитаться друг с другом американским оружием и долларами. Обе стороны предлагали за это свою страну на откуп заокеанским торгашам. Вашингтон предпочел Чан Кайши, и теперь Мао Цзэдун напоминает Москве о классовой солидарности: американцы и Чан сговорились и это угрожает Особому району.

Чтобы озлобить Москву, Мао насыщает телеграмму фактами о «политической проституции Гоминьдана» (выражение Мао из беседы со мной)». ¹¹¹

П.П. Владимиров пришел к выводу о том, что «тактика развала антияпонского фронта уходит своими корнями едва ли не ко времени подписания Сианьского соглашения. Ее цель – разрыв с Коминтерном и затем последовательное уничтожение партийцев, связанных с Коминтерном, признающих тактику и авторитет Коминтерна. Это породило чжэнфын.

В таких условиях Мао Цзэдун не колеблясь поставил на карту судьбу Особого района и Компартии – только бы добиться своих внутривластных целей... (в июле сорок третьего года антигоминьдановской кампанией и отводом частей 8-й НРА с фронта Особый район был поставлен под угрозу разгрома)... Но и риск не был совершенно безрассуден! Председатель ЦК КПК полагал, что Советский Союз не позволит гоминьдановцам расправиться с китайскими коммунистами. И, однако, я стал свидетелем панического настроения Мао Цзэдуна в дни июльского кризиса 1943 года. Мао вдруг засомневался: а если СССР, поглощенный борьбой с гитлеровцами, не сможет заступиться?! Это потрясло Мао Цзэдуна. Тогда я впервые узнал о том, что Мао подвержен хроническому заболеванию, в насмешку прозванному русским народом «медвежьим»...

Безответственность Мао и жизни сотен тысяч коммунистов? Для СССР и не могло быть

¹⁰⁹ Там же. С. 423—425.

¹¹⁰ Там же. С. 432.

¹¹¹ Там же. С. 442—443.

выбора. Готовящаяся расправа была решительно пресечена демаршем Советского правительства. Этот факт Мао Цзэдун скрыл от партии...

Однако и эти объяснения до конца не раскрывают степени риска. Мао Цзэдун знал, что такое для СССР 1943 год – год тяжелейших военных и экономических испытаний, переломный год войны. На этот счет я передавал ему полную информацию. Мао пренебрег этим обстоятельством, рискуя втянуть СССР в конфликт на Дальнем Востоке.

Этот конфликт ставил под угрозу и совместные американо-советские усилия по борьбе с гитлеризмом. Ведь Соединенные Штаты не остались бы безучастными к конфликту Москва – Чунцин, ибо гоминьдановский Китай связывал значительные японские силы и был (и остается) плацдармом для броска непосредственно на Японию, не говоря уже о политико-экономической ценности Чан Кайши для США.

СССР должен сейчас, по мнению, вызревающему в руководстве КПК, вступить в войну против Японии и своими силами и средствами очистить территории, которые КПК затем превратит в свои опорные базы. Вооруженные силы КПК в основном и сохраняются для этого будущего раздела страны в споре с Чан Кайши. Войска КПК должны лишь содействовать будущим операциям советских или союзных войск, которым отводится основная роль в разгроме японцев. Этот момент упустить нельзя, им следует воспользоваться – вот ключевой пункт планов, вынашиваемых верхушкой КПК». ¹¹²

После Ялтинской конференции глав трех союзных держав – СССР, США, Великобритании – Мао Цзэдун стремился выпытывать у П.П. Владимирова ответ на вопрос о том, будет ли СССР воевать с Японией; «по Мао Цзэдуну, Советский Союз обескровлен, советская экономика дезорганизована, людские ресурсы исчерпаны»; Чжоу Дэ и другие военные «уверены, что Советский Союз пакт с Японией денонсирует и выступит против Японии»; «в верхушке КПК самые противоречивые суждения».

«Гибкая и скупая на слово советская дипломатия сбивает с толку Мао. Он не может не осознавать, что с определенного момента Москва избегает держать его в курсе своих важных решений. Сдержанность Москвы угнетает Мао. Он не может не догадываться, чем она вызвана...» ¹¹³

П.П. Владимиров писал также о том, что Чжоу Энлай «наведывался в Москву осенью 1939 года (лечил больную руку). Он мельком сообщил (19 февраля 1945 г. в разговоре с П.П. Владимировым в Яньани. – Ю.Г.) о своих впечатлениях того времени. Не всех, конечно. Революция в Китае, которую сделает советское оружие, – вот цель тогдашнего визита Чжоу, инспирированного Мао Цзэдуну. Если не напрямую, но именно эти вопросы выяснялись в Москве осенью 1939 года. На этот счет я был в свое время проинформирован. С удовольствием слушал совершенно иную версию визита...

Там же, в Москве, Чжоу уточнял позиции ИККИ, которые ему были и без того известны: объединенный отпор со стороны всех национальных сил Китая японской агрессии. И вообще прощупывал настроение Советского правительства по дальневосточным проблемам, пытался определить направление этой политики, возможность вступления СССР в войну против Японии со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Я теперь достаточно знаю Чжоу. Не сомневаюсь, главным в том визите было стремление узнать вероятность разрыва СССР с Чунцином ради всеобщего вооружения войск КПК.

Это было полным игнорированием военно-политической обстановки в начале войны! Только свои планы, только свои интересы, а что до военных осложнений для СССР, никого из них это не интересовало. Жизнь все это доказывает...» ¹¹⁴

¹¹² Там же. С. 444—445.

¹¹³ Там же. С. 448—449.

¹¹⁴ Там же. С. 451.

Н.Н. Риммар также дал свою характеристику Чжоу Эньлаю:

«Чжоу привлекал внимание к себе подвижностью. Отрывисто взмахнет рукой и, кажется, вот вспорхнет, и нет его. В разговоре создавалось ощущение, будто он физически жаждет проникнуть в тебя. И еще поражала способность мгновенно изменяться. Со стороны представлялось, будто в мире нет для Чжоу важнее собеседника. Но стоит обратиться к нему другому, как собеседник превращался как бы в пустое место.

Здоровался он своеобразно. После приветствия и рукопожатия, в котором чисто по-мужски отдавал свою ладонь всю без остатка, произносил:

– Коньяк? – и загадочно подмигивал.

Людьми, расположением которых Чжоу Эньлай дорожил, как драгоценностью, являлись Мао Цзэдун и Чжу Дэ. С повышенным вниманием относился к Цзян Цин, Кан Шэну, Эми Сяо и Е Цзяньину.

С неинтересными собеседниками Чжоу Эньлай прерывал разговор при любом поводе. В подобном случае он демонстрировал учтивость и деликатность. Тому, кто отвлекал его, говорил: «Одну минуточку», а собеседнику: «Извините, мы так мило беседовали, но...» Незаметно кивая головой в сторону, разводил руками: мол, ничего не поделаешь. И отходил. Всегда и везде он показывал свою доброжелательность, готовность выслушивать самым прилежным образом.

Когда я пригляделся к нему, стало ясным его актерство. Он играл, и играл, прямо скажем, отменно. Соглашался с Владимировым в оценке лиц и их позиций в одной обстановке – чаще так бывало, когда он приходил к нам по своим делам, – а спустя ничтожное время, но уже в другой обстановке, утверждал совсем обратное и вел себя иначе. Осознание этой черты делало его понятным.

Мне трудно представить Чжоу Эньлая иначе, как ищущего лошадку, на которую можно поставить. Он выделялся умом, энергией, организаторскими способностями, но волей духа, принципиальностью и этакой настойчивостью или напористостью, граничащей с жестокостью, был обделен. Он не верил в свои силы, робел и не смел отстаивать свою точку зрения, тем более неуклонно проводить ее в жизнь, например, как это делал Мао Цзэдун до последнего своего дня. Он всегда заглядывал Мао Цзэдуну в рот. Он лучше всех понимал, что Мао Цзэдун та самая лошадка, которая принесет успех, если ее держаться. При всем том он выступал и со своими идеями. Как правило, они лежали между идеями противоборствующих сторон. Он являлся мастером компромисса. Председателю ЦК КПК это нравилось. Во-первых, Мао Цзэдун не хотел упустить работника, который четко работает на любом посту, а во-вторых, подобная линия Чжоу Эньлая демонстрировала демократичность верхушки партии. Своей терпимостью председатель ЦК КПК как бы поощрял демократический принцип в руководстве, которым в действительности не пахло. Чжоу Эньлай был удобен Мао Цзэдуну как буфер для смягчения столкновений противоборствующих сторон».¹¹⁵

В феврале 1945 г. Мао Цзэдун говорил: «Китай будет очищен от японцев в ближайшие два, три года»¹¹⁶. Иначе говоря, Мао Цзэдун, как и многие мировые лидеры, не предвидел возможности быстрого разгрома японской армии в Маньчжурии силами Советской Армии.

21 февраля 1945 г. Мао Цзэдун впервые четко сформулировал свое отношение к решениям Крымской конференции (главным образом в части, касающейся возможности участия СССР в войне против Японии).

«Никаких сомнений быть не должно, – заявил Мао, – Советский Союз определенно примет участие в боевых действиях против Японии. Необходимо это твердо усвоить!»

¹¹⁵ Риммар Н.Н. ... С. 64—66.

¹¹⁶ Владимиров П.П. ... С. 452.

По мнению Мао Цзэдуна, КПК «должна всеми средствами добиваться от руководителей антигитлеровской коалиции определенных решений по Китаю, как члену антифашистского блока. Перед такой силой, как Рузвельт, Черчилль, Сталин, глава чунцинского режима определенно спасует. Тогда он окажется в ловушке! Ему ничего не останется, как уступить, но это будет уступка нам! Мы постараемся опереться на самые мощные политические силы. Поэтому не исключено, что Чан Кайши реконструирует свое правительство. И эта реконструкция должна быть коренной!»

По мнению П.П. Владимирова, «позиция Мао Цзэдуна предельно ясна. Главное – «доконать Чана», то есть развязать гражданскую войну! Все остальное лишь обработка общественного мнения, которая должна дать выигрыш времени Компартии для полной мобилизации».

«По-настоящему смущает Мао нечто другое (а не вероятность того, что США усилят военную помощь Гоминьдану. – Ю.Г.). Он до конца не уверен, что Советский Союз выступит против Японии. Вроде бы заявляет, что СССР будет воевать, но сам колеблется. Это факт. Именно отсюда все оттяжки решительных внешнеполитических и внутривнутриполитических акций руководства Компартии до второй половины апреля. Что ж, похоже на Мао! Даже перед своими соратниками до конца не искренен».

П.П. Владимирова сделал вывод о том, что «у Мао Цзэдуна нет выбора. Другого союзника, кроме СССР, у КПК нет. Никакие обещания Мао не рассеяли подозрений руководителей американской политики. США укрепляют Чан Кайши. Это и определяет поведение председателя ЦК КПК».

Союз с Москвой в борьбе против Японии может объективно сыграть положительную роль в оздоровлении КПК, и особенно – в формировании нового поколения коммунистов-интернационалистов». ¹¹⁷

П.П. Владимирова также констатировал, что руководство в Москве, «несмотря ни на какие политические махинации Мао, твердо держит курс на поддержку КПК». И далее: «В освобожденном Китае СССР обретет могучего друга, союз с которым поставит лагерь социализма в исключительно выгодное положение». ¹¹⁸

П.П. Владимирова, наблюдая за действиями Мао Цзэдуна на протяжении длительного периода времени, отмечал, что политику Мао Цзэдуна «часто называют таинственной восточной дипломатией, каверзной, туманной...

Но это всего лишь бульварное представление. На самом деле подобная политика логична и последовательна.

Такой логичностью и последовательностью отличается и политика председателя ЦК КПК. Меняются условия, и он, приспособляясь, непрерывно меняет внешние формы борьбы, но не ее существо. Главное остается. В данном случае – это полный отказ от единого антияпонского фронта, антисоветизм, искоренение «догматизма».

И никакой таинственной восточной хитрости здесь нет. Да, он изменяет обещаниям, договорам. Унижает и возвышает людей, рядится в одежды народолюбца, а в своих апартаментах – вельможа. Разыгрывает спектакли перед Барретом, иностранными репортерами, подсовывает мне чушь, обманывает Москву.

Вздор! Чепуха! Никакой восточной мудрости и хитрости нет. Это бульварщина и выдумки! Если и есть здесь особая, так называемая восточная дипломатия, то она в циничности средств!». ¹¹⁹

В феврале 1945 г. Мао Цзэдуна направил Сталину поздравление в связи с очередной

¹¹⁷ Там же. С. 452—457.

¹¹⁸ Там же. С. 459—460.

¹¹⁹ Там же. С. 461.

годовщиной создания Советской (Красной) Армии. П.П. Владимиров, говоря об «изворотливости» Мао Цзэдуна, подчеркивал: «В тексте и следа нет от той циничной насмешливости, которой Мао Цзэдун развлекал своих сторонников осенью 1941 года. Сейчас 1945 год! И Мао Цзэдун льстит Сталину... Теперь Мао Цзэдун уверяет Сталина, что его гениальный опыт вселяет веру в победоносность окончания величайшей освободительной борьбы...»¹²⁰

В конце февраля 1945 г. Мао Цзэдун в беседе с П.П. Владимировым заговорил о смерти, неизбежности смерти, неотвратимости судьбы. Он рассуждал о бренности бытия, бессмертии. Чувствовалось, что «мысль о смерти угнетает его». Реагируя на высказывания и вопросы Мао Цзэдуна, П.П. Владимиров сказал: «...в поселковой школе еще до революции на уроках закона божьего нас просвещали по части священного писания. Так, в писании о смерти сказано: «...ибо прах ты и во прах возвратишься»...

Мао усмехнулся и швырнул сигарету на пол.

На прощанье он вдруг спросил: «Неужели вы не приглядели здесь ни одной милой женщины? Не стесняйтесь на этот счет».

«Я отделался шуткой», – сказал П.П. Владимиров¹²¹. 5 марта П.П. Владимиров продолжил записи на эту тему в своем дневнике:

«Ведь есть привлекательные девушки, – сказал мне председатель ЦК КПК, заканчивая очередную беседу. – И совершенно здоровые. Сомневаетесь? Пусть такую осмотрит Алофу (окитаизированное имя А.Я. Орлова). А может, есть на примете?»

Вот не предполагал за Мао Цзэдуном таланта сводника! Я обратил все в шутку. И мы расстались.

А ближе к вечеру в нашем доме появилась девушка. Появилась мягко, неслышно. Застенчиво поздоровалась и сказала, что пришла убраться в дом.

Одета она была грубо, как все, но поверх ватника белел воротничок, столь редкий здесь. И талию перехватывал солдатский ремень. Тонюсенькая талия. Щеки плотные, упругие. Кожа чистая, смуглая. Лоб правильный, открытый. Черные до плеч волосы с цветком вместо заколки. Большие узкие глаза...

Да, на скудном пайке выглядят несколько иначе.

Я вынес табуретку. Поставил под нашим единственным деревом возле дувана. Она напряженно присела, улыбаясь. Потом приветливо отвечала на вопросы, а сама настороженно ждала, поджав маленькие изящные ноги в плетеных тапочках.

Я отснял несколько кадров и проводил ее.

Слов нет, девушка удивительной красоты!

По дороге она рассказала, что учится в университете, только поступила. Она совсем девочка.

Господи, как все это гнусно! Поскорее бы домой! За стол и чтоб вокруг родные лица!». ¹²²

Мао Цзэдун был не только сводником, но эта область человеческих отношений представляла для него один из существенных интересов его повседневной жизни. Он опустил до того, что сам попытался перенести стиль поведения в своей внутрикитайской деятельности на отношения с представителем Сталина, другой страны, нашей страны. Здесь сквозит полное непонимание Мао Цзэдуном лучших качеств человека, как китайца, так и русского. Подлость и низменность души Мао Цзэдуна через эту бытовую сценку проявляется во всей своей отвратительной наготе.

¹²⁰ Там же. С. 462.

¹²¹ Там же. С. 463—464.

¹²² Там же. С. 468.

1 марта 1945 г., «совершенно неожиданно для себя, Мао Цзэдун получил ответную телеграмму И.В. Сталина. Председатель ЦК КПК немедленно созвал совещание...». ¹²³

В яньаньской газете 4 марта 1945 г. аршинными иероглифами была набрана ответная телеграмма И.В. Сталина на поздравления Мао Цзэдуна и Чжу Дэ. ¹²⁴

П.П. Владимиров полагал, что «в Мао Цзэдуне поражает убежденность, что жестокость есть следствие справедливости, что, собственно, жестокости нет! Есть справедливость – и только! Он никогда не ставит под сомнение справедливость своих решений. И тогда эта убежденность в жестокости превращается в насилие. Это характерный стиль его работы...

Я ни разу не слышал, чтобы он кому-нибудь выразил сочувствие, разве только в беседах с иностранными гостями, делегациями других баз... Тут он может потолковать о своей скорби к униженным народам, посетовать на жестокость японцев, обласкать словом «простого человека». ¹²⁵

Человечность, высокая нравственность и культурность П.П. Владимирова позволяли ему, с одной стороны, глубже разглядеть сущность политики и характера Мао Цзэдуна и, с другой стороны, возвыситься и над Сталиным, и над Мао Цзэдуном в своем общем взгляде на проблемы мировой политики, двусторонних межпартийных и межгосударственных отношений, а также отношений между людьми.

По мнению П.П. Владимирова, «в переговорах с Патриком Хэрли (посол США в Чунцине. – Ю.Г.) председатель ЦК КПК разоблачил себя. Ведь он рассчитывал на понимание американцев... Председатель ЦК КПК предлагал Америке свой союз, гарантировал независимость Яньани от политического курса Москвы и т. п.». ¹²⁶

П.П. Владимиров пришел к выводу о том, что «на ближайшие годы председатель ЦК КПК сделал выбор. Вынужден был сделать. Перед Чан Кайши ему не устоять. За Чан Кайши вся мощь США. Значит, равнение на Советский Союз. Именно в этом плане перестраивается вся работа в Компартии.

Канкан Мао перед Москвой сменяется глубоким почтительным реверансом и потоком самых правоверных марксистских фраз.

Мао ставит на интернационалистические принципы ВКП(б). Ставит хладнокровно, расчетливо... Партийцы принимают все это за чистую монету. Искренне радуются победам СССР. Пресса, радио, выступления политработников создают обстановку повышенной доброжелательности к СССР». ¹²⁷

«В Яньани от рядового партийца до работника самого высшего ранга считают само собой разумеющимся, что советские вооруженные силы решат все задачи, которые были до сих пор не по плечу Яньани. Они освободят Внутреннюю Монголию для КПК, они разгромят Квантунскую армию в Маньчжурии, и лавры побед советского оружия достанутся Яньани. Мао рассчитывает превратить Особый район в огромную территорию, которую для него отвоюет Советский Союз». ¹²⁸

Состоявшийся в 1945 г. седьмой съезд КПК «окончательно убедил» П.П. Владимирова «в циничной расчетливости Мао Цзэдуна.

¹²³ Там же. С. 466.

¹²⁴ Там же. С. 469.

¹²⁵ Там же. С. 471.

¹²⁶ Там же. С. 489.

¹²⁷ Там же. С. 500—501.

¹²⁸ Там же. С. 502.

Вторая мировая война – бедствие для всех народов мира, в том числе для Китая. Мао Цзэдуна же она – благо! В горе, бедах, конфликтах, политических кризисах политические цели Мао Цзэдуна легче прокладывают путь. Путь к власти!

Древние греки мудро говорили, что человек есть мера всех вещей. В этом смысле Мао предельно точно воспроизводит свой мир (политикой, приемами, ложью). Безотрадный мир, в котором нет ничего, кроме национализма и его неотъемлемого придатка – насилия». ¹²⁹

25 мая 1945 г. П.П. Владимиров записал: «На торжественном приеме в Кремле в честь советских военачальников Сталин провозгласил великолепный тост за здоровье русского народа». ¹³⁰

25 мая 1945 г. Мао Цзэдун, выступая на съезде партии, говорил: «Ленин и Сталин в прошлом сотрудничали с оппозиционерами. Это было в пору, когда оппозиционеры возглавляли определенные течения в рабочем классе. Но когда эти течения иссякли, с оппозиционерами было порвано.

Теперь Коминтерна нет. Единого руководящего мирового коммунистического движения как будто нет, но на самом деле это не так.

Коммунистические партии всего мира смотрят на своего вождя, слушают все, что он говорит. Коммунисты всего мира уделяют огромное внимание каждому слову этого вождя и руководствуются этими словами. Это руководящие идеи – курс, которым идет весь мир. Одним из таких коммунистов являюсь я». ¹³¹

Комментируя эти высказывания Мао Цзэдуна, П.П. Владимиров писал: «В речи Мао Цзэдуна 25 мая есть слова, адресованные Сталину. Хорошо зная его циничные отзывы о Сталине, верить в искренность Мао невозможно. Для меня это двоедушие Мао не столь ново. Просто без помощи СССР Особому району не выстоять в грядущей гражданской войне.

Но в панегирике Мао угадываются скрытые притязания на такой же авторитет, каким пользуется И.В. Сталин. Амбиции у этого хунаньца беспредельны!». ¹³²

П.П. Владимиров считал, что «теперь уже можно утверждать, что борьба Мао Цзэдуна с Коминтерном началась с января 1935 года – времени его выдвижения на пост руководителя КПК. После выступлений Мао 25 мая и 10 июня сомнений на этот счет быть не может: с конференции в Цзуньи начался коренной поворот курса КПК». ¹³³

25 июня 1945 г. П.П. Владимиров записал в своем дневнике высказывание президента США из его заключительной речи при закрытии конференции в Сан-Франциско и подписании Устава Организации Объединенных Наций: «Фашизм целиком не исчез... Легче убрать тиранов и уничтожить концентрационные лагеря, чем убить идеи, которые привели к их возникновению и дали им силу».

И далее П.П. Владимиров высказал свою мысль: «Захват власти в стране во что бы то ни стало – главная цель Мао Цзэдуна. Партия интересуется его постольку, поскольку может обеспечить эту власть. Отсюда весь набор вроде бы справедливых лозунгов и фраз, ссылки на Маркса, Ленина».

В этой связи приходит на ум мысль о том, что искренние и честные, верившие в идеалы люди из нашей страны, работавшие в Китае, в его районах, находившихся под властью Мао Цзэдуна, с течением времени нередко приходили к мыслям о родстве тиранов и диктаторов

¹²⁹ Там же. С. 548—549.

¹³⁰ Там же. С. 580.

¹³¹ Там же. С. 584.

¹³² Там же. С. 588.

¹³³ Там же. С. 609.

двадцатого столетия, в частности о сходстве Гитлера и Мао Цзэдуна; другое дело, оценивали ли они при этом соответствующим образом и действия Сталина.

28 июня 1945 г. в дневнике П.П. Владимирова появилась следующая запись:

«Начальник Генерального штаба китайских войск Хо Инцин заявил:

«— пока американцы не высадятся на китайском континенте, чунцинские войска не в силах изгнать японцев;

— для изгнания оккупантов с помощью американцев тоже понадобится очень много времени, несмотря на то, что морская связь между Китаем и Японией, возможно, окажется прерванной;

— опираясь на военные ресурсы Маньчжоу-Го, японские войска смогут долго и упорно защищаться».

...

В Москву прибыл Сун Цзывэнь — председатель Исполнительного юаня национального правительства и министр иностранных дел Китайской Республики. Накануне решающих событий на Дальнем Востоке Гоминьдан старается наладить отношения со своим могучим соседом.

* * *

Съезд КПК — подготовка к гражданской войне. О чем бы ни говорили делегаты, в конце концов все сводилось к вопросу о борьбе с Гоминьданом.

Съезд пошел за Мао Цзэдуном — это результат ожесточенного подавления «московской группы» и практического разрыва с идеологическими принципами Коминтерна.

Деятельность Мао и К^о в годы смертельной схватки Советского Союза с фашистской Германией объективно шла на пользу японским милитаристам. Зато сейчас, когда от Советского Союза зависит решение дальневосточной проблемы и когда «скобки» не прочь разгромить Компартию, Мао Цзэдун прикидывается верным интернационалистом и другом моего народа. Что же, политическая ситуация на международной арене и в самом Китае не оставляет другого выбора этому великому мастеру разрушения единства». ¹³⁴

Когда в начале июля А.Я. Орлов поздравил Мао Цзэдуна с двадцатичетырехлетием КПК, Мао Цзэдун четко и твердо ответил: «Если бы не было СССР — не бывать Компартии Китая!». ¹³⁵

П.П. Владимиров все больше убеждался в том, что «уже со времен Цзуньи Мао Цзэдун с недоверием и враждебностью относится не только к Коминтерну, но и к Советскому Союзу. Для него Москва имела (и, конечно, имеет) ценность лишь как сила, которая должна помочь свалить Чан Кайши...

...

О победе Советского Союза над гитлеровской Германией говорят много, но из всего этого следует недвусмысленный вывод о том, что Советский Союз тот «друг, который поможет КПК набрать силу и мощь для уничтожения режима Чан Кайши». Об этом не заявляют открыто, но все это подразумевают и с нетерпением ждут начала войны СССР с Японией...» ¹³⁶

9 июля 1945 года П.П. Владимиров записал в дневнике: «Тема, которая всегда волнует Мао, — это власть Чан Кайши и сам Чан Кайши.

Упрямо склонив подбородок к груди, Мао готов ругать его в любое мгновение. И

¹³⁴ Там же. С. 614—615.

¹³⁵ Там же. С. 615.

¹³⁶ Там же. С. 616.

каждый раз Чжоу может сообщить что-то новое, и всегда точно по настроению Мао». ¹³⁷

«Вы становитесь китайцем, – сказал мне (записывал П.П. Владимиров. – Ю.Г.) Мао. – Настроение ваше даже для близких ничего не говорит». ¹³⁸

П.П. Владимиров пришел к выводу о том, что «шовинизм в КПК – одна из трагедий развития национального самосознания Китая» ¹³⁹. Со своей стороны хотелось бы отметить, что национальное самосознание в Китае отравлено мыслью о превосходстве китайцев (ханьцев) и Китая над всеми народами и странами мира. Причем многие китайские политики двадцатого столетия, в том числе, может быть, прежде всего Мао Цзэдун, эксплуатируют эту генетическую предрасположенность китайцев позитивно воспринимать все рассуждения на эту тему. Они присовокупляют сюда мысль о том, что Китай обидели иностранцы за те десятилетия или век-полтора, когда Китай стал знакомиться с внешним миром, и за эти обиды иностранцы рано или поздно должны поплатиться и расплатиться. Дело усугубляется агрессивностью размышлений китайских лидеров нашего столетия на эти темы; они всегда предпочитают быть в наступлении, предъявлять те или иные претензии внешнему (с точки зрения Срединного царства, то есть Китая) миру. Все бурление, происходящее в Китае на протяжении всего двадцатого столетия, питается, как одной из главных, мыслью о необходимости нанесения ударов по иностранцам, на это же направлены и лозунги или призывы к «возрождению Китая» или к «модернизации Китая». Речь идет для целого ряда китайских руководителей, прежде всего для Мао Цзэдуна, о выводе Китая на современный или самый передовой научно-технический и особенно военный уровень для того, чтобы «восстановить справедливость», то есть наказать окрестные народы и страны, сначала ближние, а потом и дальние.

5 августа 1945 г. в дневнике П.П. Владимирова появляется запись:

«Мао Цзэдун предпринимает лихорадочные попытки разузнать намерения Москвы и одновременно как-то вынудить Москву в будущей войне с Японией активно вмешаться во внутренние дела Китая. Его мечта – с помощью Красной Армии подвергнуть разгрому и гоминьдановский военный и административный аппарат в районах, сопредельных с зоной боевых действий. Он рассчитывает втянуть СССР в конфликт с Гоминьданом. Если же это не получится, то за спиной Красной Армии развернуть новые армии КПК, перевооружиться и осесть на новых обширных территориях Китая. Так или иначе все эти варианты предполагают военный конфликт Советского Союза с чунцинским правительством.

Для Мао Цзэдуна мы не идейные союзники, а орудие, которым он рассчитывает пользоваться для решения собственных целей. В беседах со мной председатель ЦК КПК налегает на то, что мы «заинтересованная сторона в урегулировании тихоокеанских проблем».

За всем этим вырисовывается угроза столкновения Советского Союза с США.

Мао Цзэдун опьянен обстановкой, в которой, как он считает, можно стремительно продвигаться к собственным целям». ¹⁴⁰

С 9 августа 1945 г. СССР считал себя в состоянии войны с Японией. «Вступление Советского Союза в войну вызвало замешательство руководства КПК. Никто здесь не ожидал столь быстрой переброски наших войск из Германии на Дальний Восток и не предполагал от них ударов такой мощи. Красная Армия сокрушила японскую оборону.

В этом замешательстве особенно проявилась застарелая «болезнь» руководства КПК –

¹³⁷ Там же. С. 618.

¹³⁸ Там же. С. 619.

¹³⁹ Там же. С. 622.

¹⁴⁰ Там же. С. 629.

недооценка возможностей Советского Союза. И это отнюдь не заблуждение, а именно «болезнь», порожденная идеологической чужеродностью интернационализму и отрицанием советской действительности.

Руководство КПК лишь механически взвешивало шансы Советского Союза: раз потери в войне с Германией велики – значит, СССР обескровлен и неспособен в столь быстрые сроки подготовиться к войне с Японией». ¹⁴¹

В связи со вступлением СССР в войну против Японии Чан Кайши направил телеграмму Сталину, в которой писал, что «объявление Советским Союзом войны Японии вызвало у китайского народа глубокое воодушевление» и что с самого начала оборонительной войны Китая «СССР первым оказал нам величайшую моральную и материальную помощь, за которую наш народ преисполнен признательности». ¹⁴²

«Военное наступление Красной Армии в Маньчжурии и Забайкалье парализует волю председателя ЦК КПК. Нужны срочные и ответственные решения – впереди крутая перемена обстановки в Китае, а председатель ЦК КПК пребывает в полнейшей растерянности, граничащей с прострацией.

В эти дни особенно проявляется одно из качеств его натуры – трусливость. В нем ничего не осталось от обычной императорской величавости. Я встречаюсь с маленьким слабовольным человеком. И к тому же страдающим по всем признакам «медвежьей болезнью»...» ¹⁴³

Любопытным представляется то, что Сталин и Мао Цзэдун практически почти одинаково реагировали на события, которые выбивали их из привычной колеи, и тогда обнаруживалась ничтожность их сути как «человеков».

К концу своего пребывания в Яньани П.П. Владимиров пришел к общим выводам относительно Мао Цзэдуна и его отношения к нашей стране:

«В беседе со мной Мао Цзэдун заявил, что Советский Союз должен безвозмездно помогать КПК сейчас и в будущем. И именно от этого зависели и будут зависеть отношения между КПК и ВКП(б)...

У Мао Цзэдуна органическая неприязнь к Советскому Союзу. В Советском Союзе, несмотря на все его заявления о дружбе, он видит идейного недруга. Это не причуда – неприязнь к Коминтерну, ВКП(б) – и отнюдь не личные обиды. Существенно другое: этот антисоветизм имеет уже десятилетнюю историю. С того времени, когда он послал в Москву Ван Цзясяна для выяснения «прокапитулянтских» настроений Коминтерна, Мао Цзэдун считал, что Коминтерн и Москва плодят «догматиков». Планомерно, шаг за шагом, с конференции в Цзуньи Мао Цзэдун вбивал клин между ВКП(б) и КПК. В соответствии со своими планами он и преобразовывал КПК.

Он видел в деревне главную революционную силу и расходился в этой оценке с Коминтерном. И он добился своего – КПК осела в сельских районах. Здесь процесс принял свой логический характер. КПК стала вырождаться в аграрную партию с присущей ей идеологией. Все это происходило, разумеется, не без борьбы между интернационалистическими и националистическими, марксистскими и мелкобуржуазными течениями в КПК. В известной мере эта борьба не закончилась и до сих пор.

Таким образом, «марксизм реальности» (думается, что это то же самое, что выражается формулой: «стремление к истине на основе фактов», а далее и «социализм со спецификой [или своеобразием] Китая». – Ю.Г.) – не результат деятельности удачливого политика – это система философии, опирающейся на солидную идеологическую и экономическую базу. Что

¹⁴¹ Там же. С. 633.

¹⁴² Там же.

¹⁴³ Там же. С. 634.

бы ни говорили на съезде о пролетарском духе – им в партии и не пахнет. Под пролетарским духом здесь понимают солдатскую покорность всех воле Мао Цзэдуна. Итак, круг замкнулся. Деревня «съела КПК». Мао Цзэдун действительно стал вождем, но отнюдь не передовой пролетарской партии. Все соответствовало классической формуле: «бытие определяет сознание».

Таким образом, «марксизм реальности», этот «чжэнфынный марксизм», – не каприз истории, не причуда истории, а отражение объективных процессов. Эти процессы действовали, действуют и будут действовать. И суть их проистекает из всего уклада жизни страны, ее экономики, соотношения классов, традиций и т. п. Из среды, сформированной этими факторами, черпала и черпает свое пополнение КПК.

Поэтому становится понятной неприязнь к Советскому Союзу, Коминтерну, ВКП(б) не только Мао Цзэдуна, но и других вожаков партии.

Не они двигают историю, а их двигают объективные процессы этой гигантской крестьянской страны. В данном случае не в их власти «давать направление стопам своим», ибо они концентрированное выражение настроений той среды, которая преобладает в стране. Они крайнее выражение философии мелкого собственника со всеми его националистическими амбициями. Этот процесс трансформации КПК может принимать различные формы, но не менять сущности и направления.

Я знаю правду их действительного отношения к Советскому Союзу и ВКП(б). Даже при нынешней вынужденной доброжелательности их высказываний о большевизме их поведение поразительно напоминает сцену в ресторане при встрече вождей немецких социал-демократов, свидетелем которой был и описание которой оставил Максим Горький: «Пили рейнское вино и пиво; вино было кислое и теплое, пиво хорошее; о русской революции и партии с.-д. говорили тоже кисловато и снисходительно, а о своей немецкой партии – очень хорошо! Вообще – все было очень самодовольно, и чувствовалось, что даже стулья довольны тем, что их отягощают столь почтенные мягкости вождей». Своим «марксизмом реальности» лидеры КПК отравляют не только свою партию и народ...

Оценку «марксизма реальности» я даю с позиций ортодоксального марксизма, ибо другого философского подхода не признаю. Основаниями для моих выводов послужили факты. Факты, а не слова или работы Мао Цзэдуна типа «О новой демократии»...

Здесь уместно вспомнить замечание Розы Люксембург об оппортунистах: «Вы не стоите на марксизме, а сидите, даже – лежите на нем»...

А о Мао Цзэдуне и его сторонниках в КПК я бы сказал еще резче...»¹⁴⁴

Капитуляция Японии, по свидетельству П.П. Владимирова, «потрясла руководство КПК. Япония, по их мнению, должна была обороняться еще несколько лет (во всяком случае, не менее двух)».¹⁴⁵

«Руководство КПК считает, что при определении театров военных действий СССР взял на себя только Маньчжурию, предав забвению интересы КПК и ее вооруженные силы. Брюзжания по сему поводу хоть отбавляй!»¹⁴⁶

П.П. Владимиров писал, что он «случайно ознакомился с телеграммой из штаба Новой 4-й НРА. Из этого донесения становится совершенно ясно, что существует постоянная связь между руководством Компартии и главным командованием японскими экспедиционными силами. Текст телеграммы не оставлял сомнений в том, что сообщения о контактах с японским командованием регулярно поступают в Яньань.

Потом я выяснил, что эта связь между штабами войск КПК и японских действует

¹⁴⁴ Там же. С. 634—636.

¹⁴⁵ Там же. С. 639.

¹⁴⁶ Там же. С. 639.

давно. Конечные пункты связи: Яньань – Нанкин». ¹⁴⁷

В этой связи П.П. Владимиров также подчеркивал, что Мао Цзэдун «долго объяснял мне причины, которые побудили руководство Компартии установить связь с японским оккупационным командованием.

Факт позорный, и Мао Цзэдун старался поубедительнее аргументировать свои объяснения.

Из беседы выяснилась вся неприглядность этой картины. Отношения с японским командованием были установлены давно и находились под строгим секретом. Всего несколько человек в руководстве КПК знали о ней. Агент Мао Цзэдуна (или «связист», как называл его Мао) был вроде прикомандированного к штабу генерала Окамура в Нанкине. По мере необходимости он беспрепятственно сновал между Нанкином и штабом Новой 4-й НРА, тщательно охраняемый японской контрразведкой.

В штабе Новой 4-й НРА этого агента (японца по происхождению) ждала соответствующая информация от председателя ЦК КПК. Сведения агента из штаба Новой 4-й НРА немедленно передавались кодом по радио в Яньань». ¹⁴⁸

В этой связи вспоминается попытка Сталина в ходе Великой Отечественной войны вступить в опосредованный контакт с Германией через болгар. При всем различии ситуаций Сталину и Мао Цзэдуну было присуще общее стремление к политическому беспределу, выходу в своих личных интересах за все мыслимые и немыслимые рамки политической и человеческой деятельности.

В конце августа 1945 г. до сведения руководства КПК было доведено «решение Советского правительства о невмешательстве во внутренние дела Китая.

Мао Цзэдун был вынужден дать согласие на встречу с Чан Кайши в Чунцине.

...

Решение Москвы о невмешательстве означает отказ от поддержки авантюрной политики Мао Цзэдуна, которая породила ситуацию, чреватую мировым конфликтом.

Сейчас проблема вышла за рамки чисто национальные, китайские. Фактически действия Мао создали предпосылки для военного столкновения США и СССР.

Москва ответила решительным отказом втянуть себя в подобный конфликт. Это расстраивает личные планы Мао Цзэдуна. Рушит всю его стратегию воевать и действовать чужими руками, не считаясь с реальной обстановкой. А обстановка такова, что сейчас на земле Китая добивают остатки японцев Красная Армия и войска США. Продолжение политики Мао Цзэдуна в данной ситуации неизбежно приводит КПК к столкновению с Гоминьданом. За спиной Гоминьдана Соединенные Штаты. Заключая договор с Чуицином, Советский Союз исходил из реальной обстановки как в Китае, так и в мире.

Москва объявила, что будет выполнять условия договора, заключенного с китайским правительством в июле сего года. Для Мао это удар!

Он рассчитывал на свободу действий, обеспеченную военной мощью Советского Союза. Больше того, он мечтал о той конфликтной ситуации, которая возникла сейчас.

Вопреки желанию руководства Яньани, в эти две недели в высшей степени проявилась подноготная его политических приемов. Нас подталкивали на драку, всячески создавали условия, при которых избежать новой драки было бы невозможно. А то, что эта драка не что иное, как мировая война, на это плевать хотели с яньаньской колокольни.

Подход Москвы – это учет реальной обстановки не только в Китае, но и в мире. Это решительный отказ от новой мировой войны». ¹⁴⁹

¹⁴⁷ Там же. С. 640.

¹⁴⁸ Там же. С. 641.

¹⁴⁹ Там же. С. 645—647.

Мао Цзэдун был вынужден лететь в Чунцин для встречи с Чан Кайши. «Мао Цзэдун еще раз просил подтвердить готовность Советского правительства гарантировать его личную безопасность в Чунцине. Он просил в случае угрозы его безопасности предоставить ему убежище в советском военном представительстве в Чунцине. Я подтвердил ему, что его личная безопасность гарантирована, что он может рассчитывать на убежище в советском военном представительстве. Однако всякие сомнения излишни. Чан Кайши не посмеет посягнуть на его жизнь. Это твердая гарантия Москвы». ¹⁵⁰

Сталин дважды в истории выступил в качестве гаранта личной безопасности и жизни лидеров Китая: сначала в 1936 г. во время событий в Сиани в отношении Чан Кайши, а затем в 1945 г. в Чунцине в отношении Мао Цзэдуна. Позиция Сталина заставила Мао Цзэдуна дважды в истории пойти на переговоры и соглашения с Чан Кайши; тем самым Сталин дважды добивался единства китайской нации, нации Чжунхуа.

П.П. Владимиров записал в своем дневнике в конце августа 1945 г.: «Судя по отношению председателя ЦК КПК, он думает, что с 1944 года я целиком под его влиянием, понимаю и разделяю его политику. Он уверен, что саботаж единого антияпонского фронта и борьбы с японцами, постоянная дезинформация Москвы, торговля с Белым домом, попытка изолировать Советский Союз в дальневосточной политике – это его тайна». ¹⁵¹

«Характерная черта яньаньской политики – выжимать все экономические и политические выгоды. Идеиные соображения при этом в расчет не идут. Главное – выжать все из ситуации». ¹⁵²

Одна из последних записей П.П. Владимирова в Яньани, датированная 2 сентября 1945 г.:

«В значительной мере благодаря Мао Цзэдуну единый антияпонский фронт в стране был фактически развален. Углубление раскола между Гоминьданом и КПК поставило Китай на грань национальной катастрофы. Боевые действия последних лет развивались трагически и предвещали победу фашистской Японии.

Однако такой поворот событий не тревожил Мао. Учитывая политическую обстановку в мире, он сосредоточил все усилия на захвате власти в стране, переложив заботы по разгрому Японии на плечи СССР и союзников. Мао маневрировал политически и не вел активной борьбы с оккупантами, выжидая момента, когда после разгрома Германии СССР и союзники обрушат весь свой боевой потенциал на Японию. Страна опустошалась оккупантами, народ бедствовал, погибал, вымирая с голоду, но Мао выжидал своего часа, чтобы двинуть всю свою военную силу на захват власти.

Разгром фашистской Японии, главным образом США и Советским Союзом, устранил угрозу порабощения Китая захватчиками и ликвидировал опасные последствия тактики развала антияпонского блока. Но эта нечистоплотная политика Мао дорого обошлась китайскому народу, понесшему неисчислимые людские и материальные потери в результате попустительства японскому нашествию...

Зато сейчас Мао Цзэдун хотел бы пожинать все выгоды своей тактики накопления силы, за которой было фактическое выжидание событий». ¹⁵³

Регулярные записи в дневнике Петр Парфенович Владимиров прекратил 4 сентября 1945 г.

16 ноября 1945 г. все радиооборудование бывшего тассовского корпункта было

¹⁵⁰ Там же. С. 648.

¹⁵¹ Там же. С. 652.

¹⁵² Там же. С. 653.

¹⁵³ Там же. С. 654—655.

передано местным китайским властям.

17 ноября Владимиров, Орлов и Риммар вылетели из Яньани на советском самолете в Чанчунь (Маньчжурия) и в тот же день прибыли в Читу.

26 ноября Владимиров, Орлов и Риммар вернулись в Москву из яньаньской командировки.

Н.Н. Риммар вспоминал, что через два дня после возвращения всем троим вручили правительственные награды. «В тот раз домой не отпустили и Владимирова. Предполагался вызов к Сталину. Но из-за приезда в Москву высоких иностранных гостей эта встреча не состоялась. Сталин был занят.

10 декабря Мао Цзэдун прислал Сталину телеграмму с просьбой вернуть Андрея Яковлевича (врача Орлова. – Ю.Г.). Причина: недомогание самого Мао Цзэдуна, некоторых руководителей и невозможность получить квалифицированную медицинскую помощь, а также и недоверие к китайским врачам. После отдыха Андрей Яковлевич отправился второй раз в Яньань.

...
...Он погиб в авиационной катастрофе через четыре года после нашего возвращения из Яньани». 154

Судьба П.П. Владимирова и отношение Сталина к его работе в Яньани, к его позиции относительно Мао Цзэдуна позволяют лучше понять политику Сталина применительно к Китаю, внутрикитайским политическим силам, и в частности к Мао Цзэдуну.

Петр Парфенович Владимиров нежданно-негаданно оказался в роли посредника между Сталиным и Мао Цзэдуном. Причем в такие годы, когда решались и вопросы о выживании и той и другой нации, и дальнейшая политическая судьба и Сталина, и Мао Цзэдуна.

П.П. Владимиров не был направлен в Яньань лично Сталиным или даже по прямому указанию Сталина. Более того, ни до поездки в Яньань, ни после нее П.П. Владимиров никогда не встречался со Сталиным. Сталин имел намерение или планировал вызвать к себе П.П. Владимирова и его коллег после их возвращения из Яньани, но этого так и не произошло. Возможно, в этом нашли свое отражение странные духовные связи между Сталиным и П.П. Владимировым. Иначе говоря, Сталин втайне, в душе был удовлетворен тем, что он читал в посланиях П.П. Владимирова из Яньани, но он инстинктивно ни с кем не хотел говорить на эти темы. Позиция П.П. Владимирова отвечала настроениям и интересам Сталина, но самым тайным, не предназначенным для их обсуждения с кем бы то ни было. Телеграммы П.П. Владимирова из Яньани в Москву были теми материалами, которые определяли некоторые политические решения Сталина, который, однако, предпочитал не говорить об этом даже с самим П.П. Владимировым.

Вообще представляется, что Сталин считал отношения нашей страны с Китаем настолько важными, что никому не позволял не только принимать решения в этой области, но даже прикасаться к процессу выработки решений и шагов в двусторонних отношениях с Китаем.

Сталин исходил из необходимости обеспечения интересов нашей страны в отношениях с Китаем. Отсюда следовал вывод о необходимости побудить или заставить политические силы внутри Китая идти на союзные отношения с СССР в той или иной форме. Юридическое оформление тех или иных союзных отношений было необходимо, с точки зрения Сталина, в двусторонних отношениях Китая и России (СССР). В то же время Сталин не доверял китайским лидерам, полагая, что только временно и под давлением обстоятельств они соглашались на те или иные союзные отношения с СССР и что такого рода соглашения оставались договоренностями главным образом на бумаге.

Сталин не доверял Мао Цзэдуну. Он всегда допускал и имел в виду возможность того, что Мао Цзэдун способен сговориться с какими-либо силами внутри Китая и за его

154 Риммар Н.Н... С. 114—115.

пределами в ущерб интересам СССР, если Мао Цзэдун счел бы это выгодным. В этой связи Сталин считал целесообразным использовать существовавшие в то время межпартийные отношения, а то и просто марксистско-ленинскую фразеологию для поддержания благоприятного климата в двусторонних отношениях и в то же время заставлять Мао Цзэдуна не выступать против интересов СССР.

Сталин вполне разделял убеждение П.П. Владимирова в том, что Мао Цзэдун, по сути дела, внутренне, генетически настроен враждебно в отношении СССР, хотя обстоятельства заставляли Мао Цзэдуна играть роль друга нашей страны.

Судьба П.П. Владимирова сложилась таким образом, что к 1942 г. он был одним из ведущих специалистов по Китаю в Генеральном штабе Красной Армии с трехлетним опытом работы в Китае и в звании батальонного комиссара.

Очевидно, что именно поэтому и в то же время случайно именно он был назначен в 1942 г. на должность начальника группы военных корреспондентов ТАСС и связного Исполкома Коминтерна при ЦК КПК.

Сын П.П. Владимирова (настоящая фамилия которого была, напомним, Власов) Юрий Петрович Власов в своей «Повести об отце»¹⁵⁵, рассказал о многом, что осталось за рамками книги «Особый район Китая».

На П.П. Владимирова во время его командировки в Яньань в качестве военного корреспондента и связного Коминтерна было также возложено исполнение «ряда специальных задач, главная из которых – контроль за состоянием Квантунской армии: дислокация, численность, штабы, приказы. Решение задачи требует охвата наблюдением не только Маньчжурии, но и всего Северного Китая. При назначении отцу было тридцать пять лет», – подчеркивал Ю.П. Власов.¹⁵⁶

К тому времени П.П. Владимирова «был более чем сведущ в делах Китая. Он объездил верхом на лошади, в автомобилях и жалких переполненных поездах, исходил пешком почти всю страну (кроме самых южных провинций), да еще в пору японского нашествия, скрытой, но кровавой гражданской войны между Гоминьданом и КПК, самоуправства могущественных феодальных клик».¹⁵⁷

Напомним, что перед выездом в Яньань с П.П. Владимирова беседовал Г.М. Димитров. Он был тогда председателем Исполкома Коминтерна. В этой беседе участвовал и секретарь Исполкома Коминтерна Д.З. Мануильский, который был высшим функционером из числа членов ВКП(б) в Коминтерне в то время.

Г.М. Димитров и Д.З. Мануильский были теми двумя высшими руководителями, которые имели над собой в делах Китая только Сталина.

При этом Д.З. Мануильский точно выполнял все указания Сталина и не позволял себе ни самостоятельности в мышлении, ни инициативы в действиях.

Это вовсе не означает, что Г.М. Димитров шел вразрез с мнением Сталина, однако он был весьма самостоятелен при принятии политических решений. Г.М. Димитров и Сталин были самыми высшими авторитетами в вопросах политики в отношении КПК, во всяком случае, если не Китая в целом, и размышляли о таких сторонах этой политики, о которых никто, кроме них, больше не размышлял, но лишь выполнял указания сверху.

Г.М. Димитров был действительно значимой фигурой при выработке и проведении политики Коминтерна в отношении КПК. Позиция Г.М. Димитрова при этом определялась всем его жизненным и политическим опытом, а за его плечами было знакомство с тем, что собой представлял нацизм в Германии.

¹⁵⁵ См.: Проблемы Дальнего Востока. 1990. № 6. – С. 124—134; 1991. № 1. – С. 171—181.

¹⁵⁶ Там же. С. 125.

¹⁵⁷ Там же.

Сталина и Г.М. Димитрова объединяло общее, весьма настороженное отношение к Мао Цзэду, сформировавшееся на основе их многолетнего изучения людей, работавших в Китае, в том числе членов КПК, а также поступавших в их распоряжение материалов о положении в Китае и КПК.

Выше уже упоминалось о том, что в 1936 г. член руководства КПК Ван Цзясян, работавший тогда в Коминтерне, перед отъездом в Яньань был принят Г.М. Димитровым и Д.З. Мануильским. При этом Д.З. Мануильский, сославшись на мнение Сталина и Исполкома Коминтерна, поручил Ван Цзясяну уведомить ЦК КПК о том, что Москва признает Мао Цзэдуна в качестве вождя Коммунистической партии Китая. Весьма характерно, что Г.М. Димитров лишь молча присутствовал при этом.

Это вовсе не означает, что между Сталиным и Г.М. Димитровым были некие существенные разногласия по проблемам КПК и относительно Мао Цзэдуна. Просто Сталин (да, очевидно, и Г.М. Димитров) пришел к выводу о неизбежности такого шага в целях поддержания своего собственного авторитета для КПК, хотя здесь Сталин был лишь вынужден мириться с реальным положением в КПК. Подчеркнем еще раз, что такое сообщение представителю КПК передал не лично Сталин и даже не Г.М. Димитров, а лишь Д.З. Мануильский. (Об этом мне довелось услышать от человека, которому рассказывал об этой сцене присутствовавший при ней Ван Мин.)

Судя по воспоминаниям П.П. Владимирова, которые сохранились в памяти его сына, беседа с Г.М. Димитровым перед отъездом в Китай произвела на П.П. Владимирова большое впечатление.

Дело было в том, что оба они исходили из необходимости в первую очередь защищать интересы СССР и ВКП(б). При этом они оба понимали, что руководители КПК делятся на две части. Одни готовы считать себя членами одного общего отряда коммунистов Земли и исходить из того, что защита и сохранение СССР, особенно в условиях Второй мировой войны, – это первостепенная задача и первое условие успехов коммунистического движения в других странах; другая часть руководителей КПК отделяла себя от СССР и ВКП(б), Коминтерна и полагала, что они должны заботиться главным образом о своих интересах, в этой связи они хотели бы только «доить» СССР в своих интересах.

В этой связи представляется уместным сказать о том, что все первые лица нашей страны (и СССР, и России) заинтересованы в защите интересов своей страны. Эти интересы обеспечиваются, в частности, поддержанием нормальных мирных отношений с Китаем. Более того, при необходимости возможны в разных формах союзные отношения с Китаем в целях отпора угрозе интересам и той и другой страны. Ради поддержания такого рода, по крайней мере внешне, нормальных и мирных отношений с Китаем лидеры нашей страны готовы идти на всевозможные шаги и действия. Вместе с тем все наши первые лица понимали и понимают в разной степени, что Китай способен на акции, враждебные в той или иной степени по отношению к нашей стране. Не допустить таких акций, защитить свою страну – эта задача существует наряду с первой, уже указанной задачей, то есть с сохранением и поддержанием нормальных мирных отношений с Китаем, всегда, но она находится по временам на первом плане, но по большей части в тени.

Что же касается тех должностных лиц нашей страны, которые на практике осуществляют внешние сношения с Китаем, то среди них можно выделить две категории людей. Причем эти должностные лица могут находиться на любых самых высоких постах, исключая только пост высшего руководителя страны.

Одна категория – это люди, которые на первый план ставят и защищают интересы своей страны. Другая категория должностных лиц – это люди, которые, по сути дела, подлаживаются к мнению китайской стороны, готовы в той или иной степени идти на ущемление интересов своей страны. Должностные лица, относящиеся к первой категории, в большей мере ориентируются на защиту национальных интересов. Должностные лица, относящиеся ко второй категории, ориентируются на поиски компромисса в отношениях с китайскими руководителями, причем за счет ущемления интересов своей страны.

Г.М. Димитрова и Сталина объединяла забота о защите интересов СССР, России. П.П. Владимиров был твердым сторонником именно этой линии в политике.

По свидетельству Ю.П. Власова, «к сожалению, высокая общая культура и идейная убежденность оказывались уже тогда скорее исключением – многие известные деятели проявляли на своих государственно-партийных постах и узость, и ограниченность, и патологическую склонность к интригам и подозрительности. Отец вспоминал встречи с другим работником, тоже, можно сказать, первой величины, – секретарем ЦК по международным делам. Наивность его вопросов и рекомендаций, порой и явное невежество до последних дней жизни вызывали у отца презрение и насмешку, но все это происходило уже позже, когда отец стал генеральным консулом в Шанхае, а затем – послом в Бирме. Отец едко замечал:

– И все достоинства лишь в длинном росте...

Воспоминания о желчности, вельможной распушенности и служебной неосведомленности этого руководителя международной политики, будущего многодесятилетнего члена Политбюро, даже спустя годы оскорбляли отца, погружая в угрюмую задумчивость на долгие часы. То был Суслов.

Без преувеличения, Димитрову Владимиров обязан и жизнью (ее продлением до сорока восьми лет), и пониманием задач там, в Москве, на решение которых он так неожиданно для себя вышел, и не только пониманием, но и деятельной поддержкой. Димитров оказался его опорой в Москве. Без поддержки на таком уровне немыслимой оказалась бы сама попытка овладения всей совокупностью вопросов, неразрывно сплетенных в яньаньском узле». ¹⁵⁸

В Яньани П.П. Владимиров возглавлял группу из шести, а затем из трех человек, считая его самого. Примерно через год после его прибытия в Яньань в группе наметилось размежевание. Кое-кто попытался из карьерных соображений подставить под удар Москвы П.П. Владимирова. «С их точки зрения, радиogramмы начальника группы об обстановке в высших партийных органах КПК, особенно критическая оценка председателя КПК, давали достаточно убойного материала. И впрямь, Мао Цзэдун – авторитетнейший деятель международного революционного движения, член высших международных организаций, лидер китайской революции. А кто такой Владимиров? Как смеет какой-то батальонный комиссар совать нос в подобные «сферы»? Ведь двое руководителей группы на протяжении почти пяти лет до него ничем подобным себя не обременяли, скрупулезно следуя инструкциям: изучению японского военного присутствия в Маньчжурии и Северном Китае – и только». ¹⁵⁹

В конце 1943 г. из Яньани в Москву улетели трое из членов группы. В Яньани остались всего трое: хирург Орлов, радист Риммар и Владимиров – по-прежнему начальник группы.

«Несколько человек из группы, уже в Москве, составляют доклады на превышение полномочий Владимиром, его политическую близорукость, вредную поддержку Ван Мина, вмешательство и занятие делами, совершенно не входящими в круг его обязанностей! Особенно беспощадно разоблачителен некто А. Если бы он знал, что ему готовит судьба! Он забыл китайскую поговорку: если ты собрался мстить – не забудь вырыть вторую могилу. Поговорка исполнилась буквально, но только с задержкой...

Этих людей срочно принимает Димитров. Он дает слово каждому. Совещание длилось около двух часов. Димитров подвел итог кратко. Он определил доводы этих работников (доносчиков, по существу, потому что ничего подобного они не говорили Владимиру в Яньани, а только «копили материал») как лишённые смысла, ребяческие, связанные с непониманием обстановки в Китае и удивительно близорукие. Само их обращение он назвал постыдным. По его предложению эти работники были откомандированы на фронт

¹⁵⁸ Там же.

¹⁵⁹ Там же. С. 125—126.

(начальниками различных армейских спецслужб). В Яньань же на имя Владимирова пошла телеграмма, в которой, по существу, выражались доверие и благодарность за смысл, направленность работы и достигнутые результаты. Димитровастораживают внутривнутрипартийная борьба и обстановка в Политбюро ЦК КПК, в которых Владимиров сумел вскрыть столько тайно враждебного, мелкобуржуазного, раскольнического. Внимание Димитрова привлекают политические портреты Мао Цзэдуна и его ближайшего окружения. Это дает ключ к пониманию событий – не показных действий, деклараций, а сути политики, направления подлинного движения партии.

Для «какого-то» батальонного комиссара это была высшая из наград. Владимиров начинает распутывать яньаньский узел на свой страх и риск. В строго ограниченном своде обязанностей (и полномочий) категорически отсутствовали требования оценок состояния КПК и его руководства – это было делом Коминтерна, его Исполнительного Комитета. Задачи Владимирова чисто посреднические, передаточные – по Коминтерну и самостоятельные – по Квантунской армии.

Зорге ценою жизни определил, что Япония отказывается от нападения на Советский Союз, но это не значило, будто Япония исключала это нападение из своих дальнейших планов. Она выжидала. Определяющим моментом становился Сталинград. Падет – не миновать войны на два фронта. На Владимирова ложилась ответственная задача: наряду с другими службами (о них он, разумеется, ничего не знал, таков закон) следить за состоянием Квантунской армии, по возможности знать японские Директивы. Яньань открывала для этого широкие возможности. Она, как наблюдательная вышка, торчала над северными провинциями Китая. В Яньань стекалась информация – японские тылы были доступны по всем направлениям, китайские коммунисты посылали своих людей, они добывали необходимые сведения. То была налаженная и эффективно действующая система сбора информации. По тону, по кратким замечаниям уже смертельно больного отца я видел: он гордится своей работой. Трудно сказать, сколько из этих людей уцелело после 1949 г., когда Мао Цзэдун под вымышленными предлогами в несколько дней истребил тысячи своих соотечественников как предателей (они содействовали военным усилиям Советского Союза). Имена их стали известны из приказа Сталина. Он их, что называется, выложил Мао... И была беспощадная бойня. Уцелеть было невозможно. Это мучило отца и годы спустя. Смысл происходящего не укладывался в его сознании».

Связной Сталина И.В. Ковалев и Мао Цзэдун

Институт связных, уполномоченных или эмиссаров возник как необходимость в советско-китайских отношениях. Хотя следует сказать, что и во времена Николая II такой прием, как направление в Китай доверенного уполномоченного самим русским монархом, применялся.

Однако только в 20–40-х и в начале 50-х гг. этот институт, во всяком случае с советской стороны, стал как бы непременным штрихом общей картины двусторонних отношений.

Отношения сии были сложными прежде всего потому, что в Китае на протяжении всего этого времени практически существовало двоевластие или многовластие. Москва должна была иметь дело не с одной, а с несколькими политическими силами Китая одновременно. Так возникала необходимость помимо или наряду с официальным дипломатическим представителем, полпредом или послом СССР в Китайской Республике или Китайской Народной Республике, иметь еще и представителя при другой или других властных структурах в Китае.

Дело было и в том, что в указанный период просто не было возможности иметь между сторонами межгосударственные отношения в чистом их виде, то есть ограничиваться только одним посольством при одном правительстве.

В Китае в эти три десятилетия вели между собой борьбу различные политические силы.

Официально признанное на мировой арене центральное правительство Китая почти всегда не было единственным правительством в стране, единственной властью для всего Китая. Москве приходилось иметь дело со всеми, чаще всего с двумя реальными властными структурами внутри Китая. При каждой из этих структур у Москвы были свои представители. Кто-то из них выступал в качестве полпреда или посла, кто-то в качестве политического советника, кто-то в качестве военного советника, кто-то в качестве военного корреспондента и связного Исполкома Коминтерна, кто-то в качестве уполномоченного по восстановлению железнодорожной сети и т. д. Суть, однако, при этом была одна: все эти официальные и неофициальные представители имели в Москве одного хозяина – Сталина.

Хотя, учитывая специфику ситуации внутри Китая, да и внутри Советского Союза (а это было связано с существованием в 20 – начале 40-х гг. Коммунистического интернационала в Москве), дела с Китаем, с различными политическими силами внутри Китая велись как бы параллельно или независимо друг от друга по государственной (или по нескольким государственным) и по партийной линиям.

Здесь существовала даже борьба или некая квазиборьба на определенном чиновничьем уровне между представителями нескольких ветвей чиновничьего аппарата в Москве: коминтерновской, дипломатической, других госструктур, а также военной разведки и внешней разведки органов государственной безопасности. Взаимоотношения этих ведомств были весьма сложными; сама система, существовавшая, в частности при Сталине, их сталкивала, ибо таким образом Сталин рассчитывал получать разную информацию по различным каналам и формировать объективную картину происходившего в Китае; кроме того, Сталин никому не доверял, а потому натравливал одни ведомства на другие, заставляя их ревниво следить друг за другом.

Однако повторим и подчеркнем еще раз: все нити во всех случаях сходились в руках у Сталина, который намеренно формировал и сохранял такую структуру отношений с Китаем, пользовался этой структурой.

Институт связных, уполномоченных, особоуполномоченных, эмиссаров, советников и т. п. возник как естественная реакция на исторически возникшую необходимость. С появлением на всей территории континентального Китая одной государственной структуры, то есть с образованием КНР, не сразу, но довольно скоро этот институт прекратил свое существование. И все же в первые месяцы существования КНР Москва имела в этом государстве и своего посла Н.В. Рощина, и личного представителя Сталина в лице И.В. Ковалева.

Со стороны Сталина была предпринята попытка сохранить отдельно от совпосла в КНР и специального представителя партии, ВКП(б), однако Мао Цзэдун отверг эту попытку, предложив, чтобы эти функции выполнял посол, который одновременно был бы членом ЦК партии.

Стороны договорились о том, что каждая из них будет иметь в соответствующей столице соседнего государства только одного высшего официального представителя, то есть посла. Все остальные представители партнера должны были выступать в составе посольства. С советской стороны на протяжении некоторого времени по инерции (ибо фактические межгосударственные отношения начались еще при отсутствии посольств, когда по линии Министерства внешней торговли СССР уже были установлены связи в Маньчжурии с властями КПК), а также отражая тяготение работников внешней торговли к определенной самостоятельности в своих операциях за рубежом, предпринимались попытки отстаивать самостоятельное положение торгового представителя, или торгпреда, в КНР (была воздвигнута даже стена с воротами между территориями посольства и торгпредства СССР в КНР), но эти попытки со временем заглохли.

Что же касается связей между партиями, то Сталин и Мао Цзэдун условились иметь прямые связи между Центральными комитетами двух партий. В этих целях контакты имели место через послов, которые обращались непосредственно в ЦК соответствующей партии по поручению ЦК своей партии.

Когда связи между партиями оказались разорванными, тогда отпала на время эта функция в деятельности послов. Когда же стороны в 1989 г. предприняли усилия для нормализации межгосударственных отношений, тогда были восстановлены и связи между партиями. В то время, во всяком случае в составе своего посольства в Москве, китайская сторона, ЦК КПК считал необходимым на определенное время иметь специальных сотрудников, которые были работниками центрального аппарата КПК.

Вернемся, однако, к вопросу о том времени, когда и сама обстановка в Китае, и ситуация, сложившаяся в двусторонних советско-китайских отношениях требовали появления при Мао Цзэдуне связного, уполномоченного или личного представителя Сталина.

Таким представителем далеко не случайно стал Иван Владимирович Ковалев. Он выполнял эту работу в 1948—1950 гг.

Иван Владимирович Ковалев родился в 1901 г. Он участвовал в больших и малых войнах, начиная с Гражданской, поднялся до высших ступеней в государственной иерархии. В 1937 г. он был назначен начальником стратегически важной Западной железной дороги, в 1939-м стал начальником управления Наркомата путей сообщения (НКПС), в том же году был командирован в Монголию в качестве уполномоченного Совета Народных Комиссаров СССР по транспортному обеспечению операций комкора Г.К. Жукова под Халхин-Голом, в следующем году отвечал за организацию транспортных перевозок во время войны с Финляндией. Великую Отечественную войну И.В. Ковалев встретил в должности заместителя комиссара Государственного контроля СССР. На третий день после начала войны И.В. Ковалев был вызван к Сталину и получил от него задание «развязать» транспортные пробки на западном направлении, где сложилась тяжелейшая ситуация. Вскоре после успешного выполнения задачи И.В. Ковалев был назначен начальником Управления военных сообщений Генерального штаба Красной Армии. В этом качестве он сыграл выдающуюся роль в организации контрнаступления под Москвой. В начале 1942 г. по докладу И.В. Ковалева было принято решение об организации Транспортного управления Государственного Комитета Обороны СССР, и он стал его членом.

И.В. Ковалев принимал самое активное участие в руководстве крупнейшими операциями войны, включая такие из них, как Сталинградская и Курская битвы, сражение за Днепр, штурм Берлина. В декабре 1944 г. И.В. Ковалев был назначен наркомом НКПС, в июле – обеспечивал проезд на конференцию в Потсдам советской делегации во главе со Сталиным, а сразу же после этого – организовывал беспрецедентную по масштабам операцию по переброске советских войск на Дальний Восток для войны с Японией.

Журналист Н. Хлебодаров, который последним из его коллег встречался с Г.К. Жуковым, писал, что на вопрос о том, чьи имена среди творцов Победы следует называть первыми, Г.К. Жуков ответил: «Пожалуй, первым я назову генерала Ковалева. Без хорошо работающих железных дорог мы не смогли бы осуществлять не только большие оперативные перевозки, но и бесперебойный подвоз материально-технических средств на большие расстояния. Именно Ковалев организовал эту гигантскую работу так, что ни одна крупная военная операция не была разгадана противником, хотя у него под носом перебрасывались целые армии. Исключительную роль железнодорожный транспорт сыграл в первые тяжелые месяцы Великой Отечественной войны, справившись с эвакуацией и переброской войск к линии фронта. Думаю, что роль и значение этой отрасли в нашей Победе практически не оценены по достоинству. Попробуйте его разговорить. Ему есть что вспомнить».¹⁶⁰

Из всего этого следует, что в тот момент, когда Мао Цзэдун более всего нуждался именно в том, чтобы железнодорожный транспорт обеспечил операции его армии в ходе

¹⁶⁰ Хлебодаров Н. Особые миссии генерала Ковалева // Социалистическая индустрия. 1989. 9 мая; Он же . Чествование юбиляра // Гудок. 1991. 28 июня.

войны внутри Китая против войск Чан Кайши, Сталин отрядил, совершенно очевидно, лучшего специалиста в этой области И.В. Ковалева в помощь Мао Цзэду. Одновременно Сталин уполномочил И.В. Ковалева быть его личным представителем при Мао Цзэду.

Отвечая на вопросы китаевода С.Н. Гончарова, И.В. Ковалев следующим образом охарактеризовал основные этапы своей работы в Китае:

«В середине мая 1948 года я был приглашен в ЦК партии, где имел беседу со Сталиным. Он показал мне только что полученную телеграмму от Мао Цзэду, содержание которой я дословно помню до сих пор. Мао писал, что в сфере вооруженной борьбы Компартия Китая накопила определенный опыт. Одновременно Мао подчеркивал, что совершенно отсутствует опыт управления экономикой, что КПК не способна управлять многосложным хозяйством больших городов. В связи с этим Мао просил ЦК ВКП(б) командировать в Китай группу специалистов для решения экономических задач, а также для восстановления железных дорог в освобожденных районах страны. Решением Политбюро я был назначен руководителем этой группы, с которой и отбыл в Китай в начале июня.

Официально я именовался тогда представителем Совета министров СССР по делам Китайской Чанчуньской железной дороги, которая находилась в совместном владении Китая и нашей страны. Это было сделано для того, чтобы не афишировать нашу помощь КПК. Вся наша работа происходила в обстановке строжайшей секретности.

Все, что касалось Китая, Сталин держал в своих руках. Даже самые мелкие, локальные просьбы Мао Цзэду направлялись только ему, только в его адрес. Так, в начале 1949 года по ряду вопросов я обратился к Молотову и Вышинскому. Вместо ответа я получил и от того и от другого телеграммы, где говорилось: «Впредь по всем вопросам, связанным с Вашей миссией в Китае, обращайтесь только к Филиппову» (псевдоним Сталина, которым он пользовался в зашифрованной переписке с руководством КПК).

На первом этапе деятельность нашей группы, состоявшей из примерно 300 инженеров и квалифицированных рабочих, была сконцентрирована на Северо-Востоке Китая, в Маньчжурии. В сотрудничестве с китайцами мы отремонтировали 1300 км железнодорожных путей и 62 моста. Это в очень большой степени способствовало победе коммунистов в этом стратегически важном районе.

В декабре 1948 года я вернулся в Москву, где доложил об обстановке в Китае лично Сталину. В январе 1949 года я снова отбыл в эту страну, сопровождая А.И. Микояна, который провел исключительно важные секретные переговоры с ее высшими руководителями. Во время этих переговоров я впервые лично познакомился с Мао Цзэдом, Лю Шаоци и Чжоу Эньлаем, с которыми в дальнейшем поддерживал самые тесные рабочие контакты.

С этого момента в содержании моей миссии в Китае произошли важные изменения. Ранее я основное внимание сосредоточивал на организации технической помощи китайским коммунистам – теперь же одной из главных задач стало информирование Сталина о ситуации в руководстве КПК, в стране в целом, поддержание связи между Мао и Сталиным.

В марте 1949 года китайское правительство переехало из деревни Сибайпо около города Шицзячжуан (пров. Хэбэй) в Пекин. Мне выделили дом в районе гор Сяншань, в окрестностях Пекина, в 800 метрах от резиденции Мао. С этих пор мы с ним стали общаться почти ежедневно.

Весной – летом 1949 года шла интенсивная работа по подготовке к созданию нового китайского государства. В связи с этим была организована комиссия Политбюро ЦК КПК по экономическим вопросам, куда вместе с Мао, Лю Шаоци и Чжоу Эньлаем входил и я. Таким образом, мне довелось участвовать в обсуждении важнейших вопросов будущего устройства КНР.

В июле – августе 1949 года я сопровождал делегацию во главе с Лю Шаоци во время ее секретного визита в Москву. Тогда состоялись переговоры со Сталиным по важнейшим проблемам двустороннего сотрудничества и международной обстановки. Вернулись в Китай мы вместе с Лю Шаоци, привезя с собой еще 250 советских специалистов. В это время число

советских специалистов, работавших в Китае, превысило 600 человек.

Пожалуй, наиболее важным эпизодом моей работы в Китае явилась поездка с Мао Цзэдуном в Москву в декабре 1949 – феврале 1950 г. После затяжных и непростых переговоров со Сталиным тогда был подписан Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между двумя странами, другие важные документы.

Таким образом, мне посчастливилось участвовать в ключевых событиях, связанных со становлением Китайской Народной Республики, с началом нового этапа в советско-китайских отношениях. Очень многое из происшедшего тогда до сих пор остается неизвестным для широкой публики». ¹⁶¹

Участвовавший во всей этой деятельности один из личных переводчиков Мао Цзэдуна Ли Юежань писал о работе И.В. Ковалева в Пекине в 1949 г. следующее: «Военный совет ЦК КПК часто присылал к (месту проживания) Ковалева «кожаную папку», полностью заполненную совершенно секретными телеграммами, среди которых были сообщавшие об обстановке в боевых действиях на юге. Даже такой переводчик, как я, и то не имел к ним доступа. Переводили их пять переводчиков, которых Ковалев привез с собой. Накануне образования Нового Китая и после этого Ковалев за время, проведенное в Китае, проделал немалую работу, внес свой собственный вклад в развитие дружественных отношений между Китаем и Советским Союзом». ¹⁶²

И.В. Ковалев дал свой ответ и на вопрос о роли «ядерного фактора» в советско-китайских отношениях. Дело в том, что премьер Госсовета КНР Чжоу Энлай в 1967 г. заявлял, что «многие были напуганы атомной бомбой. В то время даже Сталин испытал психологический шок и был обеспокоен возможностью начала третьей мировой войны...» ¹⁶³. В связи с этим в КНР делали вывод, что Сталин заботился прежде всего о том, чтобы не быть втянутым в прямое столкновение с США из-за гражданской войны в Китае, и потому проявлял сдержанность в военной поддержке китайских коммунистов, даже был готов идти на компромиссы за счет их интересов (так излагал вопрос С.Н. Гончаров). ¹⁶⁴

И.В. Ковалев в этой связи высказал следующие соображения:

«Это действительно важный вопрос. Отвечая на него, хочу прежде всего отметить, что во время гражданской войны в Китае действительно возникали ситуации, казалось бы грозившие перерасти в глобальный конфликт. Так, в конце апреля 1949 года, как раз в тот момент, когда силы НОАК форсировали Янцзы, в районе одной из переправ появился английский фрегат «Аметист». Он получил серьезные повреждения в ходе артиллерийской дуэли; та же участь постигла и крейсер «Лондон», прибывший, дабы «наказать коммунистов» ¹⁶⁵. В связи с этим срочно было созвано заседание британского парламента, в ходе которого консерваторы требовали объявить войну красному Китаю, высадить морскую пехоту, пустить тяжелые бомбардировщики на Пекин; подобные настроения нашли определенную поддержку за океаном, в США. И по настроениям, царившим в Пекине, и по реакции Москвы на мои доклады я чувствовал, что наступил критический момент. Советские

¹⁶¹ Проблемы Дальнего Востока. 1991. № 6. – С. 84—85.

¹⁶² Ли Юежань. Вайцзяо утайшан ды Синь Чжунго линсю – Вожди Нового Китая на дипломатической арене. – Пекин, 1989. – С. 10—15.

¹⁶³ См.: Premier Zhou's Criticism of Liu Shaoqi, Wenge Tongxun. 1967. October 6 // Survey of China Mainland Press. – Hong Kong. 4060. 1967. November 15. – P. 7.

¹⁶⁴ См.: Проблемы Дальнего Востока. 1991. № 6. – С. 87.

¹⁶⁵ Подробнее о ходе инцидента с английскими военными кораблями см.: Кан Маочжао. Инцидент с английским военным кораблем «Аметист» // Синь Чжунго вайцзяо фэньюнь. – С. 33—47.

войска на Ляодунском полуострове, военный флот в Порт-Артуре, на других тихоокеанских базах были приведены в полную боевую готовность. К счастью для всех, столкновения тогда удалось избежать, однако вероятность его была весьма высока.

Теперь – непосредственно о том, как Сталин относился к угрозе ядерной войны и как это влияло на его политику в отношении Китая. С этим вопросом мне пришлось непосредственно столкнуться несколько раз, впервые – в конце марта – начале февраля (апреля? – Ю.Г.) 1949 г.

Началось все с того, что ко мне зашел товарищ из китайской военной разведки, сказавший, что, если меня интересуют секретные сведения из штаба Чан Кайши, он поможет мне встретиться с коммунистом-подпольщиком из Шанхая. После того, как я дал утвердительный ответ, такая встреча была организована в пригороде Шэньяня (Мукдена) с соблюдением всех правил конспирации. Звали этого подпольщика Лю Сяо. Помню, на меня он произвел сильное впечатление своими отвагой, хладнокровием, прекрасным знанием обстановки. Позднее, в 50-х – начале 60-х годов Лю Сяо был послом КНР в СССР.

Помимо прочих важных сведений, Лю Сяо сообщил мне, что его друзьям удалось добыть сверхсекретные планы «азиатского варианта» развязывания третьей мировой войны, разрабатываемые американцами. По словам Лю Сяо, этот вариант предусматривал заключение военного союза между США, Японией и чанкайшистским Китаем. Затем американцы должны были высадить трехмиллионную армию в портах Северного и Северо-Восточного Китая, японцы – возродить распущенную императорскую армию, а гоминьдановцы – мобилизовать новые миллионы солдат, дабы подкрепить действия американских войск. Генеральному наступлению всех этих войск на север должен был, по сведениям Лю Сяо, предшествовать внезапный ядерный удар по более чем ста заранее отобраннным объектам в Маньчжурии, советском Приморье и Сибири. После разгрома НОАК и советской группировки на Дальнем Востоке планировалось развивать дальнейшее наступление в общем направлении на Урал.

Даже сейчас, когда многое стало известно об американских планах нанесения превентивного ядерного удара по СССР, мне трудно судить о том, насколько достоверными были эти сведения Лю Сяо. Тогда же, спустя всего лишь три с небольшим года после окончания Второй мировой войны, мне просто невозможно было убедить себя в их реальности. Тем не менее я, конечно, тут же доложил о них в Москву. Обычно Сталин быстро отвечал на информацию подобного рода, но тут ответа долго не было. Телеграмма от «товарища Филиппова» пришла лишь после того, как я неоднократно докладывал ему аналогичную информацию, полученную из других источников. Поскольку этот документ исключительно важен для понимания того, как же на самом деле оценивал в то время Сталин ситуацию в мире, приведу здесь соответствующую цитату из него:

«Война не выгодна империалистам. Кризис у них начался, они воевать не готовы. Атомной бомбой пугают, мы ее не боимся.

Материальных условий для нападения, для развязывания войны нет.

Сейчас дело обстоит так, что Америка меньше готова для нападения, чем СССР для отпора. Так обстоит дело, если анализировать с точки зрения нормальных людей – объективных. (Л.И. Брежнев говорил С.Г. Лапину перед его отъездом в качестве посла СССР в КНР в 1965 г.: «Мао Цзэдун – маньяк». – Ю.Г.)

Но в истории есть ненормальные люди. Военный министр США Форрестол страдал галлюцинациями.

Мы готовы к отпору?» (Следует отметить, что приводимые сведения об оценке Сталиным ядерной угрозы в общем совпадают со сведениями, которые сообщает на сей счет В.М. Молотов. Согласно рассказам Молотова, Сталин не рассматривал угрозу ядерного нападения как непосредственную, поскольку число таких бомб у США было ограниченным, а также потому, что СССР уже достаточно далеко продвинулся к тому времени в реализации

собственной ядерной программы. – Ю.Г. 166.)

Думаю, что в этой телеграмме выражено реальное отношение Сталина к возможности вспышки мировой ядерной войны. Он неоднократно в разных формах повторял такую оценку. Например, во время переговоров с Лю Шаоци в июле 1949 г. Сталин заявил, что «Советский Союз сейчас достаточно силен для того, чтобы не испугаться ядерного шантажа США».

Таким образом, никак нельзя говорить о том, что послевоенная стратегия Сталина определялась его страхом перед американским ядерным оружием, напротив, он скорее недооценивал серьезность изменений, которые внесло в мировую стратегию это оружие.

Вместе с тем Сталин достаточно трезво оценивал соотношение сил в мире и стремился избежать любых осложнений обстановки, способных привести к столкновению с США, к новой мировой войне. (И в этом случае сведения, приводимые И.В. Ковалевым, в общем совпадают с сообщениями Молотова, который также указывал на то, что Сталин заботился прежде всего о том, чтобы «не перейти грань» в отношениях с главными противниками и не спровоцировать их на конфликт. – Ю.Г.)¹⁶⁷. Это также ярко проявилось во время визита в Москву делегации во главе с Лю Шаоци.

Китайская сторона в то время попросила нас поддержать планируемое ею наступление на Тайвань советскими авиацией и подводными лодками. Когда 11 июля 1949 г. Сталин впервые принял Лю Шаоци, то дал развернутый ответ на этот вопрос.

Прежде всего он подчеркнул, что в результате войны экономике СССР нанесен колоссальный урон, страна опустошена от западных границ до Волги. Советская военная поддержка нападения на Тайвань будет означать столкновение с американскими авиацией и флотом, создаст предлог для развязывания новой мировой войны. «Если мы, руководители, пойдем на это, – заявил Сталин, – русский народ нас не поймет. Более того. Он может прогнать нас прочь. За недооценку его военных и послевоенных бед и усилий. За легкомыслие». Конечно, в этих сталинских рассуждениях о русском народе присутствует привкус демагогии, столь характерной для этого деятеля, однако сделанный им анализ международного положения и ситуации в стране следует признать в целом верным.

Сталин предложил тогда детально обсудить вопрос на расширенном заседании Политбюро ЦК ВКП(б) с участием военных и некоторых министров. Еще до этого заседания Лю Шаоци неоднократно связывался с Пекином и 27 июля 1949 г., когда такое заседание состоялось, заявил о согласии с аргументами Сталина и о том, что уполномочен отозвать обращения Политбюро ЦК КПК по Тайваню и Гонконгу. (С.Н. Гончаров в этой связи отмечал, что сведения, приводимые И.В. Ковалевым, косвенно подтверждаются сообщением видного руководителя КНР Бо Ибо о том, что во время визита данной делегации именно 27 июля «Лю [Шаоци], Гао [Ган] и Ван [Цзясян] вместе со Сталиным, Булганиным и Василевским провели переговоры о военных планах...»¹⁶⁸. Вместе с тем сведения о содержании переговоров, приводимые И.В. Ковалевым, в этом, как и во многих других случаях, совершенно уникальны, они просто отсутствуют в самых последних китайских исследованиях на данную тему, в которых привлекаются новые ценные архивные материалы. – Ю.Г.).¹⁶⁹

¹⁶⁶ См.: Сто сорок бесед с Молотовым. Из дневника Феликса Чуева. 1991. – С. 81—85.

¹⁶⁷ Там же. С. 85—86, 92—93, 93—94 и далее.

¹⁶⁸ См.: Бо Ибо. Жогань Да Цзюецэ юй шицзянь ды Хоугу – Воспоминания о некоторых важных решениях и событиях. Т. 1. – Пекин, 1991. – С. 37.

¹⁶⁹ См., например: Чжоу Цзюнь. Первоначальное исследование причин, по которым НОАК не смогла осуществить план Тайваньской кампании в первый период после основания государства // Чжун Гун дан ши яньцзю. – Пекин, 1991. № 11. – С. 67—75.

Впоследствии, уже при Хрущеве, у нас снова были с китайцами разногласия по поводу путей решения тайваньской проблемы. Я все же считаю, что Сталин тогда поступил правильно, что его решение помогло избежать мировой войны». ¹⁷⁰

В своих беседах с И.В. Ковалевым историк-китаевед С.Н. Гончаров выяснял мнение собеседника о том, какую роль отводил Китаю Сталин в своей глобальной стратегии, как оценивал значение победы революции в Китае для судеб мира, а также как мыслил себе Сталин основное содержание сотрудничества между двумя государствами и партиями после победы революции в Китае, существовали ли у него какие-либо долгосрочные планы относительно «разделения ответственности» за судьбы мира между двумя коммунистическими гигантами?

И.В. Ковалев дал следующие разъяснения: «Этот вопрос слишком серьезен для того, чтобы, отвечая на него, пересказывать сталинские тезисы по памяти, здесь важна каждая формулировка. Поэтому я буду часто цитировать свои дневниковые записи тех лет, а также некоторые важные документы из моего личного архива.

Сталин, конечно же, придавал огромное значение победе китайской революции. В мае 1948 года, сразу же после того, как он показал мне телеграмму Мао Цзэдуна с просьбой о помощи, он заявил: «Мы, конечно, окажем новому Китаю всю возможную помощь. Если социализм победит и в Китае и наши страны пойдут одним путем, то победу социализма в мире можно считать обеспеченной. Нам не будут угрожать никакие случайности. Поэтому мы не можем жалеть сил и средств для помощи китайским коммунистам».

Такой подход он подтвердил спустя несколько дней, во время беседы, состоявшейся накануне моего отъезда в Китай. Помню, что на столе у него среди множества книг и бумаг лежал томик Ленина. Он полистал, нашел нужное и прочитал мне несколько фраз о роли китайской революции в деле победы социализма во всем мире.

Такая оценка Сталиным роли китайской революции, конечно же, ставила вопрос о том, как должно в общестратегическом и практическом плане строиться взаимодействие между двумя партиями в новых условиях. Много внимания обсуждению этого вопроса было уделено во время визита в Москву делегации во главе с Лю Шаоци в июле – августе 1949 года.

Тогда я вел подробные записи всего, что говорил Сталин, не только для себя лично, но и для предстоящих бесед с Мао Цзэдуном. К тому времени я уже хорошо знал, что Мао никогда не бывает удовлетворен сведениями, исходящими из одного источника, будет перепроверять данные своих людей в разговорах со мной.

Сохранился у меня любопытный документ – 21 страница, плотно исписанная от руки. Когда на памятном заседании Политбюро 27 июля 1949 года Сталин разбирал письменный доклад Лю Шаоци, то Лю по-китайски, а я и Ши Чжэ – по-русски записывали его замечания и советы. Потом мы решили проверить друг друга, сопоставили свои записи, и выяснилось, что слушали мы одно и то же, а записали по-разному. Здесь я буду использовать свою версию того, что в этом и в других случаях говорил Сталин.

Прежде всего о том, как тогда Сталин оценивал значение китайской революции. Во время одного из приемов в честь Лю Шаоци Сталин провозгласил тост в честь победы китайской революции, за здоровье Мао Цзэдуна и других китайских руководителей. Затем он сказал: «Я никогда не любил льстецов, и, когда мне много льстят, я чувствую к этому отвращение. То, что я говорю об успехах китайских марксистов и о том, что советский народ и народы Европы должны учиться у вас, вовсе не означает, что я заискиваю перед вами или говорю вам комплименты.

Вследствие зазнайства лидеров революционного движения Западной Европы, после смерти Маркса и Энгельса, социал-демократическое движение на Западе стало отставать в

¹⁷⁰ Проблемы Дальнего Востока. 1991. № 6. – С. 86—88.

своем развитии. Центр революции с Запада переместился на Восток, а сейчас он переместился в Китай и Восточную Азию.

Я говорю, что вы уже играете важную роль и вам, конечно, не следует зазнаваться. Но одновременно я утверждаю, что и ответственность, возложенная на вас, еще более возросла. Вы должны выполнить свой долг по отношению к революции в странах Восточной Азии.

Возможно, что в общих вопросах теории марксизма мы, советские люди, несколько сильнее вас. Однако если говорить о применении марксистских принципов на практике, то вы обладаете таким большим опытом, что нам стоит поучиться у вас. В прошлом мы уже многому научились у вас.

Один народ должен учиться у другого. Пусть даже это очень маленький народ – у него всегда имеется много такого, чему нам стоит поучиться...»

(Приводимая И.В. Ковалевым речь Сталина в общем совпадает с версией китайского участника событий – Ши Чжэ – в той части, где советский лидер говорит о перемещении революционного центра в Азию, в Китай. Ши Чжэ при этом сообщает, что Сталин, имея в виду Китай и СССР, выразил надежду на то, что «младший брат превзойдет старшего брата». В целом же И.В. Ковалев излагает выступление Сталина куда более подробно. Следует отметить, что Ши Чжэ указывает на то, что Сталин одновременно выразил сожаление в связи с тем, что мешал китайской революции, ибо недостаточно разобрался в происходившем¹⁷¹. «Нисколько не пытаясь опровергнуть реальность этого сообщения, – отмечал С.Н. Гончаров, – можем лишь констатировать, что не можем подтвердить его достоверность – в личном архиве И.В. Ковалева подобных записей не сохранилось»¹⁷². – Ю.Г.)

Разбирая представленный доклад Лю Шаоци, Сталин особо остановился на своем подходе к отношениям между партиями. Тогда в этом была особая необходимость, поскольку китайцы, опасаясь подозрений в том, что они «пошли по пути Тито», заявили о том, что Компартия Китая будет следовать решениям ВКП(б).

(Сообщение об этом предложении КПК подтверждается сведениями, приводимыми в книге О. Владимиров [О.Б. Рахманина] – ответственного сотрудника ЦК КПСС, который имел доступ к архивам¹⁷³. Так комментировал высказывания И.В. Ковалева С.Н. Гончаров¹⁷⁴. – Ю.Г.)

В ответ на это Сталин сказал: «В своем докладе китайская делегация заявила, что КПК будет подчиняться решениям Компартии Советского Союза. Это кажется нам странным. Партия одного государства подчиняется партии другого государства. Такого никогда не было, и это непозволительно. Обе партии должны нести ответственность перед своими народами, взаимно совещаться по некоторым вопросам, взаимно помогать друг другу, а при возникших трудностях тесно спланиваться – это верно. Вот сегодняшнее заседание Политбюро с вашим участием явилось своего рода связью между партиями. Так и должно быть».

Все, что говорит здесь Сталин, верно, не придерешься, но поступал-то он совсем иначе, пытался подчинить себе всех – и Югославию, и партии других социалистических стран. Высказавшись о ведущей роли КПК в Восточной Азии, а также о принципах межпартийных

¹⁷¹ См.: *Ши Чжэ*. С председателем Мао в Москву // *Проблемы Дальнего Востока*. 1989. № 1; *Он же*. Что я видел и слышал во время визита председателя Мао в Москву // 1946—1976 Мао Цзэдун шэнхо шилу – Правдивая хроника жизни Мао Цзэдуна с 1946 по 1976 год. – Нанкин, 1989. – С. 24—26.

¹⁷² *Проблемы Дальнего Востока*. 1992. № 1–3. – С. 90.

¹⁷³ См.: *Владимиров О.* Из истории советско-китайских отношений в 50-х годах // К дискуссии в КНР о Мао Цзэдуне. – М., 1981. – С. 55.

¹⁷⁴ *Проблемы Дальнего Востока*. 1992. № 1–3. – С. 90.

отношений, Сталин не мог не конкретизировать свой подход к последней проблеме. Сделал он это, отвечая на вопрос Лю Шаоци о возможности вступления КПК в Коминформ. Приведу пространный отрывок из своих записей, ибо из него ясен подход Сталина не только к самому этому вопросу, но и его оценка характера китайской революции.

Итак, отвечая на вопрос, может ли КПК вступить в Коминформ, Сталин заявил: «Может. Но я полагаю, что не совсем нужно. Почему? Потому, что между положением стран новой демократии Восточной Европы и положением Китая существует коренное различие. Вследствие этого и проводимая политика в обоих случаях не должна быть одинаковой. На мой взгляд, два момента отличают Китай от стран Восточной Европы.

Первый момент. Китай долгое время находился под ярмом империализма, который, я полагаю, сейчас еще не отказался от угроз Китаю.

В настоящее время Китаю нужно прилагать колоссальные усилия, чтобы противостоять давлению со стороны империализма. В этом самая характерная особенность нынешнего положения Китая. Для стран новой демократии этот момент не характерен. Второй момент. Китайская буржуазия и буржуазия стран Восточной Европы не одно и то же. Буржуазия стран Восточной Европы опозорила себя тем, что в период фашистской оккупации сотрудничала с фашистами, а затем вместе с ними эвакуировалась. Вследствие этого пролетариат смог установить свою диктатуру и получил все основания для того, чтобы конфисковать предприятия, принадлежавшие буржуазии. После этого он быстро вступил на путь социализма.

Фактически в странах Восточной Европы существует не диктатура пролетариата, а народная демократия, парламент и отечественный фронт являются формами ее проявления.

Совершенно иное положение в Китае. Китайская буржуазия в период японской оккупации не капитулировала перед японцами и не эвакуировалась вместе с японцами. Когда китайский народ поднялся на борьбу с Америкой и Чан Кайши, она также не сотрудничала ни с американцами, ни с Чан Кайши. Поэтому у китайского революционного правительства не было оснований к тому, чтобы выступить против национальной буржуазии и взять в свое управление ее предприятия.

В Китае еще нельзя устанавливать революционную власть диктатуры пролетариата. Существующая сегодня в Китае революционная власть по существу является демократической диктатурой рабочих и крестьян, а единый национальный фронт, Политический консультативный совет являются формами проявления ее. Это коренным образом отличается от фактически существующей в странах Восточной Европы диктатуры пролетариата, выступающей в форме народной демократии, парламента и отечественного фронта.

Два вышеуказанных момента обуславливают собой возможность существования немалых различий между политикой, проводимой в Китае, и политикой, проводимой в странах Восточной Европы. Вследствие этого вступление КПК в Коминформбюро не соответствует моменту.

Обстановка в странах Восточной Азии имеет много общего с положением в Китае и допускает возможность организации союза компартий Восточной Азии. Это более необходимо и своевременно, чем вступление КПК в Коминформбюро.

Возможно, что сейчас еще преждевременно организовывать союз компартий Восточной Азии; поскольку СССР является страной, расположенной и в Европе, и в Азии, постольку он будет принимать участие в союзе компартий Восточной Азии».

Китайские руководители были окрылены поддержкой и заявлениями Сталина о том, что центр революционного движения переместился с Запада на Восток, что китайские коммунисты должны стать во главе народов Восточной Азии и повести их за собой. В связи с этим Мао Цзэдун и Лю Шаоци вскоре занялись разработкой своеобразной стратегии и тактики революционного движения в странах Азии. Вместе с тем они практически проигнорировали предложение Сталина о создании азиатского Коминформа.

Все это проявилось во время подготовки и проведения конференции профсоюзов стран

Азии в Пекине в ноябре 1949 года. Там с докладом выступил Лю Шаоци, который провозгласил китайский опыт революционной вооруженной борьбы универсальным для азиатских стран. С этим выступлением связан один эпизод, который воспроизвожу здесь по своим дневниковым записям.

Я получил текст доклада Лю Шаоци заранее и дней за 15 до конференции доложил его в шифровке Сталину. Ответа из Москвы до самой конференции так и не последовало, поэтому я на нее ходить не стал, а отправил туда одного из своих сотрудников.

Советские профсоюзы на конференции представлял секретарь ВЦСПС Соловьев. Прослушав доклад Лю Шаоци, Соловьев не поддержал основные его тезисы. Сталин, узнав об этом, прислал телеграмму, где назвал Соловьева «двурушником» и вообще резко осудил его. Этот вопрос обсуждался на совещании у Мао Цзэдуна, где Соловьев признал допущенную им ошибку. Мао после этого отправил Сталину письмо с просьбой не осуждать Соловьева, ибо он не причинил никакого вреда.

Хоть я и не обладаю документальной информацией, но мне кажется, что вряд ли Сталин поступил так, поскольку он был полностью согласен с докладом Лю Шаоци, скорее наоборот.

Он, наверное, просто не хотел портить отношения с Мао накануне предстоявших переговоров и, как и в случае с Гао Ганом, пожертвовал ради этого невинным человеком». ¹⁷⁵

С.Н. Гончаров комментировал эти высказывания И.В. Ковалева следующим образом:

«Соображения И.В. Ковалева о том, что Сталин отнюдь не был в восторге по поводу содержания речи Лю Шаоци, косвенно подтверждаются тем, что она была опубликована в «Правде» лишь 4 января 1950 г., более чем через месяц после ее произнесения, между тем важные речи китайских лидеров, содержание которых устраивало Сталина, появлялись в этой газете практически немедленно. Момент данной публикации также был выбран не случайно — она должна была продемонстрировать удовлетворение Сталина в связи с прорывом на переговорах с Мао, который был достигнут в ночь со 2 на 3 января 1950 г.

Кроме того, как сообщил известный историк-китаевед Ю.М. Гарушянц, по сведениям, полученным от советских специалистов, участвовавших в подготовке и проведении профсоюзной конференции в Пекине, после ознакомления с выступлением Лю Шаоци Сталин дал указание усилить изучение в СССР работы Ленина «Детская болезнь «левизны» в коммунизме». Возможно, это свидетельствует о том, что он рассматривал китайские теории как «левацкий уклон». ¹⁷⁶

Попутно необходимо отметить, что для Сталина «его люди» не представляли никакой ценности; если он считал это выгодным, если он находил в этом возможность «доказать» Мао Цзэдуну, что искренность и доверительность в их двусторонних отношениях он ставит превыше всего, что он, Сталин, безусловно поддерживает Мао Цзэдуна на посту высшего руководителя КПК и КНР, Сталин «выдавал» Мао Цзэдуну всех тех людей — советских и китайских, которые или как-то выступали против Мао Цзэдуна, или пытались настроить Сталина против Мао Цзэдуна. Этот прием Сталин использовал неоднократно, и он перестал быть необычным в отношениях Сталина и Мао Цзэдуна. Весьма характерно то, что Мао Цзэдун, в свою очередь, не следовал этому примеру Сталина, то есть не «выдавал» ему «своих людей».

В беседах с И.В. Ковалевым С.Н. Гончаров поставил также вопрос в связи с подходом Сталина к отношениям Китая с ведущими государствами Запада, прежде всего такими, как Соединенные Штаты Америки. При этом С.Н. Гончаров исходил, по его словам, из того, что в исторических трудах распространено мнение о том, что советский лидер очень опасался

¹⁷⁵ Там же. С. 77—80.

¹⁷⁶ Там же. С. 90—91.

нормализации отношений между Новым Китаем и этими странами и потому стремился создать препятствия подобному развитию событий. Существуют два основных примера, которыми подтверждаются такие выводы.

В начале ноября 1948 г., вскоре после освобождения Шэньяня войсками НОА, новые коммунистические руководители города встретились с местным американским консулом Эгньюсом Вардом. В беседах Вард выражал заинтересованность в сотрудничестве и в усилении контактов с новыми властями, представители КПК также продемонстрировали аналогичную заинтересованность и выражали надежду на взаимные дружбу и помощь в дальнейшем¹⁷⁷. Однако вскоре консульство США было блокировано войсками НОА, Вард был фактически изолирован от внешнего мира, что самым негативным образом сказалось на перспективах установления отношений с США. Некоторые специалисты полагают, что решение об изоляции Варда было принято под давлением со стороны СССР.

Второй случай относится к маю – июню 1949 г. После захвата силами НОА Нанкина советский посол Рошин покинул бывшую гоминьдановскую столицу и последовал на юг, в Гуанчжоу, вслед за правительством Китайской Республики. Американский же посол Лейтон Стюарт остался в Нанкине для того, чтобы налаживать контакты с КПК. Ранее Стюарт был ректором Яньцзинского (Пекинского) университета, имел хорошие связи в стране. Стюарт провел ряд встреч с Хуан Хуа – начальником управления внешних сношений военной администрации Нанкина и его бывшим студентом. В ходе переговоров Стюарт выразил пожелание провести свой день рождения в Пекине и встретиться там с руководителями КПК. На это было получено согласие Мао Цзэдуна и Чжоу Эньлая, однако визит не состоялся, поскольку не был санкционирован Государственным департаментом и президентом США. В это же время, в самом конце июня 1949 г., когда Мао Цзэдун опубликовал свою статью «О демократической диктатуре народа», в которой сформулировал курс на союз с СССР, власти КПК в Шэньяне предприняли дополнительные репрессивные меры против упоминавшегося 192-го генконсула США Варда. Американские разведывательные ведомства сообщали тогда, что подобное резкое изменение китайской позиции – от попыток завязать связи с США к враждебности к ним и однозначной ориентации на союз с Москвой – было вызвано тем, что в Пекин прибыл специальный представитель Сталина и оказал сильнейшее давление на Мао Цзэдуна.¹⁷⁸

С.Н. Гончаров в этой связи и обратился к И.В. Ковалеву за разъяснениями, как к одному из немногих людей, которые обладали реальной информацией о позиции и роли нашей страны во всех этих событиях.

Отвечая на поставленные вопросы, И.В. Ковалев заявил: «Эти вопросы не только сложные, но еще и очень деликатные, острые. Тогда мы считали американский империализм своим главным противником и никаких вопросов здесь для нас не было. Я не принадлежу к тем людям, которые стремятся исторические факты подгонять под современные взгляды, и потому постараюсь изложить все, как было на самом деле. В этой проблеме нужно выделить две части – общая позиция Сталина в отношении связей китайских коммунистов с США и другими капиталистическими странами и два конкретных эпизода, о которых вы упомянули. В моем дневнике сохранилась запись, имеющая непосредственное отношение к заданному вопросу. Выглядит она так: «15 марта 49 г.

Ответ тов. Ф(илиппова) министру экономики Маньчжурии Чэнь Юню.

Передайте т. Чэнь, что мы, русские коммунисты, стоим за то, чтобы китайские коммунисты не отталкивали от себя национальную буржуазию, а привлекали к

¹⁷⁷ См.: *Чжао Сяолу*. Усилия в критический момент: анализ политики КПК в отношении США в 1949 г. // *Шэхой кэсюе чжаньсянь*. – Чанчунь, 1990. № 4. – С. 213.

¹⁷⁸ См.: *Foreign relations of the United States, 1949. Vol. 8.* – P. 367—370, 766—769; *Russel D. Buhite*. *Soviet-American Relations in Asia, 1945—1954.* Oklahoma, 1981. – P. 85; *Хуан Хуа*. Несколько моих встреч с Лейтоном Стюартом вскоре после освобождения Нанкина // *Синь Чжунго вайцзяо фэнъюнь*. – С. 22—32.

сотрудничеству как силу, способную помочь в борьбе с империалистами. Поэтому советуем поощрять торговую деятельность национальной буржуазии как внутри Китая, так и вовне. Скажем, торговлю с Гонконгом или с другими иностранными капиталистами.

Китайские коммунисты должны сами решить, какие товары покупать и какие продавать».

Такой линии на одобрение торговли Китая с капиталистическими государствами Сталин придерживался и в дальнейшем. Его отношение к политическим контактам между КПК и этими странами было более сложным. Так, в телеграмме, присланной им Мао Цзэдуну в апреле 1949 года, он писал:

«...Мы считаем, что демократическому правительству Китая не следует отказываться от установления официальных отношений с некоторыми капиталистическими государствами, включая США, если эти государства официально откажутся от военной, хозяйственной и политической поддержки чанкайшистского гоминьдановского правительства. Это условие необходимо по следующим мотивам.

В настоящее время политика США направлена на раздробление Китая на Южный, Средний и Северный, с тремя правительствами. При этом США поддерживают Южное и Среднее правительства Гоминьдана – как видно, не прочь поддержать и Северо-Восточное демократическое правительство с тем, чтобы эти правительства дрались между собой и ослабляли друг друга, а США могли бы извлечь из этого пользу. Поэтому, если вы хотите иметь единый Китай во главе с коммунистами, нужно установить официальные отношения только с теми капиталистическими правительствами, которые официально откажутся от поддержки Кантонской и Нанкинской группировок.

Мы считаем, что не следует отказываться от иностранного займа и от торговли с капиталистическими странами при определенных условиях. Все дело в том, чтобы условия займа и торговли не налагали таких экономических и финансовых условий на Китай, которые могли быть использованы для ограничения национального суверенитета демократического государства и для удушения национальной промышленности».

Еще более четко Сталин высказался на этот счет во время заседания Политбюро 27 июля 1949 года, когда комментировал доклад Лю Шаоци: «Вы не должны беспокоиться о получении признания со стороны империалистических государств, тем более по поводу того, как они к вам относятся. У вас есть хорошая линия поведения – торговля с империалистическими странами. У них уже начался экономический кризис. Я полагаю, это ускорит признание. А сейчас с ними надо торговать». Все эти мысли совпадали с уже упоминавшимся высказыванием Сталина о том, что основная задача Китая – противостояние империализму.

Такое, мягко говоря, не самое позитивное отношение Сталина к установлению дипломатических отношений между Китаем и империалистическими державами определяло и мой подход к этому вопросу. Не буду скрывать, любые шаги КПК в этом направлении вызывали обостренную реакцию. Это и понятно – ведь в разгаре была «холодная война». В качестве примера нашего тогдашнего отношения к этой проблеме могу привести свой доклад, который я представил Сталину в декабре 1949 года, после того, как приехал вместе с Мао в Москву. В разделе двенадцатом, посвященном проблемам внешней политики, сообщалось:

«Вы (то есть И.В. Сталин. – *И.К.*) советовали, что новому правительству не следует отказываться от установления дипломатических отношений с капиталистическими государствами, включая Америку, если эти государства официально откажутся от военной, экономической и политической поддержки Чан Кайши, гоминьдановского режима в целом.

Между тем, несмотря на то, что Англия и Америка активно поддерживали и поддерживают Чан Кайши, руководство ЦК КПК до ноября 1949 г. было заражено иллюзиями быстрого признания этими странами Народной Республики Китай.

Как отражение этих настроений Лю Шаоци и Ли Лисань высказались против участия в конференции профсоюзов азиатских стран, Японии, Индии и др., подвластных или

связанных с англо-американским блоком, для того чтобы не вызвать раздражения со стороны Америки и Англии...

В плане таких же настроений находится и отрицательное отношение Чжоу Эньлая к посылке групп советских специалистов в Шанхай и Тяньцзинь, поскольку в этих пунктах сосредоточены большие экономические интересы Америки и Англии.

Подобные настроения являются результатом давления на ЦК со стороны буржуазных демократов и других капиталистических элементов внутри страны, которые желали и желают скорейшего признания Америкой и Англией нового Китая для того, чтобы, опираясь на империалистические государства, китайская буржуазия могла предотвратить дальнейшую демократизацию Китая и не допустить укрепления и расширения дружбы между Китаем и Советским Союзом».

Опасения такого рода возникали и позднее, уже во время пребывания Мао в Москве. У меня было устойчивое впечатление о том, что китайцы особенно озабочены вопросом о признании со стороны США, что они рассчитывают на скорое признание. В январе 1950 года в беседе со мной Мао Цзэдун заявил, что допустить дипломатические миссии в Китай они хотели бы лишь после заключения с Советскими Союзом Договора о дружбе, военно-экономическом и политическом союзе, о кредите, о торговле и других.

«Опираясь на договоры с Советским Союзом, мы могли бы, — заявил Мао, — немедленно приступить к пересмотру и аннулированию неравноправных договоров, заключенных чанкайшистским правительством с империалистическими странами».

О содержании этой беседы я доложил Сталину. По моему мнению, Мао в этой беседе торопил Советский Союз отказаться от всех своих интересов в Китае и в зависимости от этого ставил вопрос о пересмотре и аннулировании неравноправных договоров, заключенных чанкайшистским правительством с империалистическими странами. Он уклонялся от предъявления США условий отказа от поддержки Гоминьдана и режима Чан Кайши, высказанных в советах Сталина.

Таким вот был наш общий подход к этой проблеме. Теперь — о конкретных вопросах. Сначала — об изоляции американского консула в Шэньяне.

Еще перед освобождением этого города встал вопрос о том, как быть с иностранными консульствами, в частности с американским. Китайцы обратились ко мне за советом. По моим сведениям, консульство располагало мощной радиостанцией, там находился американо-чанкайшистский разведцентр, за его стенами отсиживались непосредственно участвовавшие в боях с НОА военные советники. Никаких официальных указаний или специальных установок на сей счет я не имел и потому выразил свое личное мнение. Я посоветовал: генеральное консульство США в Мукдене блокировать и его сотрудников не выпускать. Всем другим консульским работникам жестко ограничить право выезда, а при выездах установить сопровождение. Если у китайских товарищей есть уверенность в том, что в ряде мест имеются и продолжают работать радиостанции, произвести их изъятие.

После этого Мао Цзэдун отправил телеграмму Сталину, спрашивая совета о том, как быть с американским генконсульством. Мао писал, что товарищ Ковалев советовал изолировать консульство от внешнего мира и отобрать радиостанцию, но мы-де не решились. Особенно его волновал вопрос о конфискации радиостанции — ведь для этого пришлось бы вступить на территорию консульства. «Просим Ваших указаний, как нам поступить», — так заканчивалась телеграмма. Сталин попросил рассказать эпизод в подробностях, а когда я закончил, то спросил, по какой причине я посоветовал изолировать только консульство, но не радиостанцию. Я ответил: «Заметил у китайских товарищей занятую тенденцию — они не хотят ссориться с американцами, хотят, чтобы ссорились мы. Лично я на их месте поступил бы с консульством в Мукдене так, как поступают на войне с вражеским штабом. Но советовать этого китайцам не хотел, они ж потом сошлются на мой совет».

Сталин рассмеялся и одобрил мою позицию. На телеграмму Мао он отвечать не стал.

Вообще у нас складывалось впечатление, что китайцы слишком уж деликатно

действуют в отношении американцев. Вызывало, например, удивление то, что они не предприняли никаких шагов по изгнанию военного флота США из порта Циндао. Китайцы делали вид, что не замечают присутствия в их территориальных водах и на китайской земле американского флота и их баз.

Теперь о контактах Лейтона Стюарта с китайскими представителями. Здесь хотел бы прежде всего подчеркнуть, что с Мао Цзэдуном у нас были доверительные отношения, мы с ним обсуждали самые острые вопросы вполне откровенно, и своих подходов к установлению отношений с капиталистическими странами он от меня не скрывал. У меня сохранилась ученическая тетрадь, в которой я законспектировал содержание беседы с Мао 24 апреля 1949 года – сразу же после того, как НОА форсировала Янцзы. Мао тогда, в частности, сказал следующее:

«Американцы сократили охрану посольства в Нанкине с 40 человек до 6. Вообще Америка за последнее время стала вести себя осторожно. Англия еще не имела с Компартией соприкосновения и потому допускает глупости.

Послы не уехали из Нанкина для того, чтобы установить контакты с Компартией, так как у них в Нанкине и в Шанхае главные интересы».

Из этих слов вполне понятно, что и КПК была совсем не против того, чтобы пойти на контакты с Америкой. Помню, что еще в середине апреля 1949 года, незадолго до начала операции по форсированию Янцзыцзяна, ко мне пришел Чжоу Энляй и рассказал, что американский посол Лейтон Стюарт стремится связать КПК с американскими коммерсантами с чисто деловыми целями. По крайней мере так обставляет свою деятельность. Стоит ли Центральному Комитету пойти на такие контакты?

Я уже тогда привык к тому, что самые щекотливые вопросы Мао зондирует через Чжоу Энлая. Несомненным было для меня и то, что и на сей раз Чжоу Энляй пришел ко мне не сам по себе, а по поручению Мао. И второе я тоже знал: Стюарт к тому времени уже имел связи с ЦК КПК. Так что вопрос о деле был задан уже после того, как дело было уже сделано – хотя бы частично. И третье, что мне было известно: Стюарт был самый подходящий человек для установления таких контактов: долго жил в Китае, был ректором Пекинского университета, имел широкие связи во всех кругах китайского общества. Да и собственная его позиция в отношении коммунистического Китая, пожалуй, отличалась от официальной правительственной.

С другой стороны, Мао Цзэдун не мог, да и не хотел нарушать дружеские отношения с СССР ради проблематичных отношений с Америкой, памятуя, что если Америка что-то дает, то взамен требует вдвое. Эта двойственная ситуация и привела ко мне Чжоу Энлая.

Дело ваше внутреннее, ответил я, но у меня есть к вам несколько вопросов. А именно: как руководство КПК расценивает попытки США спасти режим Чан Кайши и расчленил Китай на несколько Китаев? Как ваши с ним контакты соотносить с подготовкой последнего удара по войскам Чан Кайши? Что ожидает КПК от встречи с американскими коммерсантами в условиях продолжающейся вооруженной борьбы с чанкайшистами? Может, американцы субсидируют вашу борьбу?

Чжоу вздохнул, развел руками и перевел разговор на другую тему. Но несколько дней спустя, видимо, понукаемый Мао Цзэдуном, опять пришел с теми же вопросами, и опять я ответил ему то же. Уже после форсирования Янцзы и вступления войск НОА в Нанкин я узнал, что там встретились и побеседовали Стюарт и доверенный человек Мао Цзэдуна (если память не изменяет – Хуан Хуа).

Вот так было дело. Что же касается приезда какого-то специального советского представителя, который якобы прибыл с целью оказания давления на Мао, то мне об этом ничего не известно – а я информирован обо всех наших мероприятиях в Китае».¹⁷⁹

В целом представляется, что отношения Сталина и Мао Цзэдуна находились в 1948—

¹⁷⁹ Проблемы Дальнего Востока. 1992. № 1–3. – С. 80—85.

1950 гг. в состоянии перехода от главным образом межпартийных связей, подкрепляемых в ряде случаев определенными контактами между государственными учреждениями обеих сторон, к прежде всего по форме межгосударственным отношениям. При этом И.В. Ковалев как уполномоченный Сталина, занимавший в свое время в правительстве СССР пост народного комиссара путей сообщения, то есть выступавший в качестве чиновника министерского уровня, был тогда подходящим передаточным звеном в отношениях Сталина и Мао Цзэдуна. Тем более что он был прекрасным специалистом, с помощью которого решались важнейшие военно-стратегические задачи переброски войск Мао Цзэдуна по территории континентального Китая, чем обеспечивались реальные победы Мао Цзэдуна в войне против Чан Кайши. В то же время он не был китаеведом, не владел китайским языком, не был способен вести беседы с китайцами без переводчика. Судя по воспоминаниям И.В. Ковалева, он не сумел вникнуть в глубину позиции Мао Цзэдуна. Он, скорее, был просто связным между Сталиным и Мао Цзэдуном, хотя и обладал важной информацией.

Время побед в гражданской войне в Китае оказалось сложным периодом, когда и Сталин, и Мао Цзэдун проявляли сугубую осторожность, ибо их связи начинали выходить на уровень официальных двусторонних межгосударственных отношений и вызывать реакцию на мировой арене.

А.И. Микоян – «Голос и ухо Сталина» и Мао Цзэдун

Когда завершилась Вторая мировая война, сначала на Западе, а потом и на Востоке, Сталин мог испытывать удовлетворение по крайней мере официальным состоянием двусторонних отношений с Китаем. Ему удалось побудить и вынудить президентов США Ф. Рузвельта, а затем и Г. Трумэна заставить руководителя Китайской Республики Чан Кайши пойти на подписание с Советским Союзом договора о дружбе и союзе. Благодаря этому Сталин обеспечивал на годы по крайней мере формальное состояние мира на своем восточном фланге, а также фактически получал возможность выстроить защитный пояс вдоль границ Советского Союза с Китаем, включая благоприятное, с точки зрения России, решение вопроса о Монголии, которая становилась общепризнанным в мире, в том числе и Китайской Республикой, отдельным и самостоятельным государством, представлявшим собой своего рода буфер между Россией и Китаем. Одним словом, Сталин мог быть доволен существованием договора с Китаем, с Китайской Республикой, и в общем и целом состоянием двусторонних межгосударственных отношений с ней.

Однако очень скоро ситуация начала стремительно меняться. Не говоря уже о том, что иным стал характер отношений между СССР и США, превратившись из союзнических во время Второй мировой войны в отношения противостояния, «холодной войны», что, конечно же, отразилось и на степени надежности советско-китайского договора и предвещало трудную борьбу за сохранение приемлемых отношений с Китайской Республикой, внутри Китая уже в 1946 г. вспыхнула широкомасштабная внутренняя война между войсками центрального правительства Китайской Республики и армией Коммунистической партии Китая.

В ходе этой внутренней войны Чан Кайши имел поначалу некоторые успехи; его войска даже вынудили Мао Цзэдуна покинуть его многолетний опорный пункт в горах на севере страны, город Яньань. Затем положение изменилось. Уже в 1947 г. становилось все более ясно, что Чан Кайши потерпит поражение в войне на континенте Китая, а Мао Цзэдун победит и создаст свое государство.

Перед Сталиным встала задача, очень сложная по своему дипломатическому характеру. Он, конечно же, продолжал не только поддерживать секретные связи с Мао Цзэдуном и Компартией Китая, но и оказывал ей, особенно ее вооруженным силам, весьма существенную помощь. В то же время Сталин стремился сохранять по мере возможности определенные межгосударственные связи с правительством Китайской Республики, с Чан Кайши. При этом Сталин был весьма озабочен тем, чтобы ничто не осложнило его и без того

непростые отношения с США.

И все же в ходе внутренней войны в Китае, по мере приближения развязки, победы вооруженных сил Коммунистической партии Китая все более настойчиво заявляла о себе необходимость приступить к строительству новых отношений с Коммунистической партией Китая, имея в виду, что она и ее руководители, прежде всего Мао Цзэдун, выйдут на мировую арену не только в качестве одного из самых могущественных, по крайней мере потенциально, государств, но и как сильный сосед Советского Союза.

Одним словом, возникала необходимость менять характер двусторонних отношений с политическими силами внутри Китая, по крайней мере на первых порах их формы, то есть постепенно прощаться с Чан Кайши как с главным партнером в Китае и знакомиться с новым основным китайским партнером, то есть с Мао Цзэдуном.

Сталин понимал неизбежность новых шагов в этом направлении, но он был при этом предельно осторожен и нетороплив.

Необходимость новых отношений со Сталиным осознавал и Мао Цзэдун. При этом он был заинтересован в том, чтобы получить от Сталина максимально возможную помощь как вооружением, так и вообще материальную помощь и в то же время заставить Сталина пойти на такие шаги, которые разрушали бы отношения Сталина с Чан Кайши, с Китайской Республикой, обостряли бы отношения Сталина и СССР не только с Чан Кайши и Китайской Республикой, но и с США и их союзниками. Мао Цзэдун был намерен заново строить все здание межгосударственных, да и межпартийных отношений с СССР и КПСС. В частности, с его точки зрения, предстояло искать и определять новые основы связей между сторонами, а следовательно, вырабатывать и заключать новый договор между ними взамен старого, подписанного представителями СССР и Китайской Республики в 1945 г. Сталин же был бы удовлетворен и простым подтверждением того факта, что прежний договор сохраняет свою силу. Или, во всяком случае, Сталин желал получить вместо старого договора точно такой же новый и сохранить в этом плане характер отношений между партнерами.

В 1947 г. Мао Цзэдун поставил перед Сталиным вопрос о личной встрече, выразив желание прибыть в СССР. Он предполагал добраться на автомашине до советско-китайской границы, откуда выехать в Москву.

Вообще говоря, Сталин, понимая, что в конечном счете такая встреча может стать неизбежной, не доверял Мао Цзэдуну, полагал, что тот предпримет меры с целью доведения до сведения и Чан Кайши, и американцев, что такая встреча со Сталиным состоялась. В то же время Сталин уже не мог прямо отказаться от предложения Мао Цзэдуна, хотя это, с его точки зрения, было предпочтительнее. Мао Цзэдун спешил создавать более выгодные для себя условия и в двусторонних отношениях, и на мировой арене, а Сталин предпочитал как можно дольше оттягивать момент личной встречи с Мао Цзэдуном.

Отвечая на предложение Мао Цзэдуна, Сталин 15 июня 1947 г. писал своему фактическому представителю тогда при Мао Цзэдуне и одновременно личному врачу Мао Цзэдуна советскому медику А.Я. Орлову: «Передайте Мао Цзэдуну, что ЦК ВКП(б) считает желательным его приезд в Москву без каких-либо разглашений. Если Мао Цзэдун также считает это нужным, то нам представляется, что это лучше сделать через Харбин. Если нужно будет, то пошлем самолет. Телеграфуйте результаты беседы с Мао Цзэдуном и его пожелания».¹⁸⁰

Очевидно, Сталин продолжал с различных сторон оценивать возможные последствия своей личной встречи с Мао Цзэдуном. Ведь это была бы встреча с лидером вооруженной оппозиции, что могло бы серьезно осложнить отношения с государством, с которым у СССР существовали дипломатические отношения, то есть с Китайской Республикой. Сталин, вероятно, все-таки не верил в то, что его возможная встреча с Мао Цзэдуном останется

¹⁸⁰ Архив Президента РФ (Далее: АПРФ). Ф. 39. Оп. 1. Д. 31. Л. 23. Здесь и далее в этом разделе работы все архивные документы цитируются по: *Ледовский А.М.* Секретная миссия А.И. Микояна в Китай // Проблемы Дальнего Востока. 1995. № 2. – С. 98.

тайной; он предполагал, что сами китайские коммунисты намеренно сделают тайное явным, так как это было в их интересах. Возможно, именно в этой связи спустя пятнадцать дней Сталин направил А.Я. Орлову следующую телеграмму: «Ввиду предстоящих [военных] операций и ввиду того, что отсутствие Мао Цзэдуна может плохо отразиться на операциях, мы считаем целесообразным временно отложить поездку Мао Цзэдуна». ¹⁸¹

Переписка Сталина и Мао Цзэдуна продолжалась. Было условлено, что Мао Цзэдун отправится в Москву в середине июля 1948 г. Мао Цзэдун решил поторопиться. 26 апреля 1948 г. он уведомил Сталина: «Я решил раньше срока отправиться в путь в СССР. Намечено выехать в первых числах из уезда Фоупин (100 километров севернее г. Шицзячжуана) пров. Хэбэй и под прикрытием войск перейти железную дорогу Бэйпин – Калган... Возможно, в первых числах или середине июня можно прибыть в Харбин. Затем из Харбина – к Вам... Я буду советоваться и просить указаний у товарищей из ЦК ВКП(б) по политическим, военным, экономическим и другим важным вопросам... Помимо этого, если будет возможность, то хотелось бы проехать в страны Восточной, Юго-Восточной Европы, где изучить работу народного фронта и другие виды работы». Вместе с собой Мао Цзэдун собирался взять членов Политбюро ЦК КПК Жэнь Биши и Чэнь Юня, а также двух секретарей и несколько других работников-шифровальщиков, радистов. «Если Вы согласны с намеченным планом, то будем действовать по нему. Если Вы не согласны с ним, тогда остается выход один – ехать одному». ¹⁸²

29 апреля 1948 г. Сталин ответил: «Ваше письмо от 26 апреля получено. Можете взять, кого Вы считаете и сколько считаете нужным. Оба русских врача должны выехать вместе с Вами. С оставлением одной радиостанции в Харбине согласны. Об остальном поговорим при встрече». ¹⁸³

Спустя пятнадцать дней Сталин вновь останавливает Мао Цзэдуна: «В связи с возможным развитием событий в районах Вашего пребывания и, в частности, с начавшимся наступлением войск Фу Цзюи (один из генералов армии Китайской Республики. – Ю.Г.) на Юйсянь, т. е. в направлении тех районов, через которые Вы намерены следовать к нам, нас беспокоит, не отразится ли Ваше отсутствие на ходе событий, а также насколько безопасен Ваш переезд.

Исходя из этого, не следует ли Вам несколько отложить поездку к нам. В случае, если Вы решите свой выезд не откладывать... просим сообщить, куда выслать самолет и когда. Ждем Вашего ответа» ¹⁸⁴. Мао Цзэдун ответил тут же, 10 мая: «Тов. Сталин. Сегодня получил Ваше письмо. Весьма благодарен Вам. При настоящем положении целесообразно на короткое время отложить мою поездку к Вам... Нуждаюсь в отдыхе на короткое время, после чего могу лететь на самолете. Место аэродрома и порта сообщу после выяснения». ¹⁸⁵

Борьба по вопросу о поездке продолжалась. Мао Цзэдун настаивал на выезде в СССР и 4 июля 1948 г. писал Сталину: «Состояние моего здоровья, по сравнению с двумя месяцами тому назад, значительно лучше. Я решил в ближайшее время поехать к Вам. Есть три пути следования к Вам: воздухом, морем и по суше. Но во всех случаях мы должны проехать через Харбин, так как мне нужно поговорить с рядом ответственных товарищей из Маньчжурии... Надеемся, что самолет около 25 числа сего месяца прилетит в Вэйсянь...

¹⁸¹ Там же. Л. 24.

¹⁸² Там же. Л. 30—31.

¹⁸³ Там же. Л. 32.

¹⁸⁴ Там же. Л. 33.

¹⁸⁵ Там же. Л. 34.

Если решите перевезти нас морским путем, то надеемся, что судно в конце этого месяца придет в назначенный порт... Если же воздушный и морской пути невозможны для перевозки нас, то мы все равно выезжаем около 15 числа этого месяца на север». Мао Цзэдун сообщил, что вместе с ним выезжают 20 человек, и просил, в случае поездки воздухом, прислать два самолета.¹⁸⁶

Сталин ответил 14 июля следующим сообщением: «ТЕРЕБИНУ. (Теребин – подлинная фамилия А.Я. Орлова. – Ю.Г.) Передайте Мао Цзэдуну следующее: «Ввиду начавшихся хлебозаготовок руководящие товарищи с августа месяца разъезжаются на места, где они пробудут до ноября месяца. Поэтому ЦК ВКП(б) просит тов. Мао Цзэдуна приурочить свой приезд в Москву к концу ноября, чтобы иметь возможность повидаться со всеми руководящими товарищами».¹⁸⁷

В своей телеграмме в Москву 14 июля 1948 г. А.Я. Орлов писал, что Мао Цзэдун просил передать следующий ответ: «Тов. Сталин. Согласен с Вашим мнением, изложенным в телеграмме от 14 июля. Отложим поездку к Вам до конца октября – начала ноября»¹⁸⁸. Докладывая о содержании и своих впечатлениях от разговора с Мао Цзэдуном, состоявшегося во время передачи ему упомянутой телеграммы Сталина, А.Я. Орлов отмечал, что Мао Цзэдун не принял всерьез ссылок на занятость советских руководителей хлебозаготовками. «Неужели, – сказал он, – в СССР придают такое большое значение хлебозаготовкам, что на них выезжают руководящие лица ЦК партии?» А.Я. Орлов добавлял: «Насколько я знаю Мао Цзэдуна, более шести лет, его улыбка и слова «хао, хао – хорошо, хорошо» в то время, когда он слушал перевод, отнюдь не означали, что он доволен телеграммой. Это достаточно ясно было видно. По моему личному убеждению, Мао Цзэдун считал, что в худшем случае ему будет отказано в присылке самолета или судна. Но даже это было для него маловероятно, тем более что самолет был предложен из Москвы. Он был уверен, что именно сейчас он поедет. Видимо, поездка для него самого стала нужной. С большим нетерпением ждал он ответа... Чемоданы Мао Цзэдуна упаковывались, даже были куплены кожаные туфли (он, как и все здесь, ходит в матерчатых тапочках), сшито драповое пальто. Вопрос не только о самой поездке, но и о сроке им был уже решен. Оставалось только, каким путем ехать. Он сейчас внешне спокоен, вежлив и внимателен, чисто по-китайски любезен. Истинную же душу его трудно видеть. Жэнь Биши производит впечатление, что он не ожидал отсрочки поездки. Мельников (второй советский врач при Мао Цзэдуна; работник из ведомства Л.П. Берии. – Ю.Г.) мне говорил, что 15 июля Мао Цзэдун задал ему аналогичный вопрос о хлебозаготовках».¹⁸⁹

28 августа 1948 г. А.Я. Орлов сообщил Сталину о беседе с Мао Цзэдуном, в ходе которой руководитель КПК перечислил вопросы, которые ему хотелось бы обсудить со Сталиным:

«Мао Цзэдун говорил, что если в 1947 году он не спешил с поездкой в Москву, то сейчас, в 1948 году, обстановка изменилась и он хочет поскорее поехать в Москву. О многом хочет поговорить там, по некоторым вопросам попросить совета, по некоторым – помощи, в пределах возможного.

Вопросы, по которым Мао Цзэдун намерен говорить в Москве, суть:

1. Об отношениях с малыми демократическими партиями и группами (и демократическими деятелями).

¹⁸⁶ Там же. Л. 35—36.

¹⁸⁷ Там же. Л. 37.

¹⁸⁸ Там же. Л. 38.

¹⁸⁹ Там же. Л. 40.

- О созыве Политического консультативного совета.
2. Об объединении революционных сил Востока и о связи между коммунистическими партиями Востока (и другими).
 3. О стратегическом плане борьбы против США и Чан Кайши.
 4. О восстановлении и создании промышленности в Китае, в том числе (и в особенности) военной, горнодобывающей, путей сообщения – железных и шоссейных дорог. Сказать там, в чем мы (КПК) нуждаемся.
 5. О серебряном займе в сумме 30 миллионов американских долларов.
 6. О политике (линии) в отношении установления дипломатических отношений с Англией и Францией.
 7. По ряду других важных вопросов.

Подытоживая сказанное, Мао Цзэдун подчеркнул: «Надо договориться о том, чтобы наш политический курс полностью совпадал с СССР». ¹⁹⁰

В телеграмме в Москву от 28 сентября 1948 г. Мао Цзэдун писал: «По ряду вопросов необходимо лично доложить ЦК ВКП(б) и главному хозяину [Чтобы] получить указания, я намерен приехать в Москву согласно времени, указанному в предыдущей телеграмме. Сейчас пока в общих чертах докладывая изложенное выше, прошу Вас передать это в ЦК ВКП(б) и товарищу главному хозяину. Искренне надеюсь, что они дадут нам указания». ¹⁹¹

В телеграмме, посланной 21 ноября 1948 г., Мао Цзэдун, сославшись на небольшое заболевание, а также на занятость вопросами, связанными с операциями на фронтах войны, попросил перенести время своего приезда в Москву на конец декабря 1948 г.. ¹⁹²

14 января 1949 г. на заседании Политбюро ЦК ВКП(б) было принято решение вновь отложить приезд Мао Цзэдуна в Москву и вместо этого направить в Китай члена Политбюро ЦК ВКП(б), заместителя председателя Совета министров СССР А.И. Микояна.

А.И. Микоян должен был посетить Мао Цзэдуна в качестве полномочного представителя Сталина, имея своей главной задачей выслушать соображения Мао Цзэдуна с тем, чтобы по возвращении в Москву доложить о них Сталину.

А.И. Микоян 22 сентября 1960 г. представил в Президиум ЦК КПСС Записку о своей поездке в Китай. Ниже приводится полный текст этого документа, цитируемого по публикации А.М. Ледовского: ¹⁹³

Записка А.И. Микояна в Президиум ЦК КПСС о поездке в Китай в январе – феврале 1949 г.

Подлежит возврату

Разослано членам Президиума в ЦК КПСС

ЦК КПСС и кандидатам в члены (Общий отдел, 1-й сектор)

Президиума ЦК КПСС № П2375

Сов. Секретно ОСОБАЯ ПАПКА ЦК КПСС

В связи с выявившимися расхождениями между компартией Китая и компартиями других стран и предстоящим обсуждением этих вопросов, считаю необходимым разослать членам Президиума и кандидатам в члены Президиума ЦК в целях ознакомления текст

¹⁹⁰ Там же. Л. 41.

¹⁹¹ Там же. Л. 42.

¹⁹² Там же. Л. 44.

¹⁹³ Проблемы Дальнего Востока. 1995. № 2. – С. 100—110.

сообщений, переданных мною в январе – феврале 1949 г. во время поездки в Китай, а также указаний ЦК, посылавшихся мне в тот же период.

Сообщения эти передавались шифром из Сибайпо, где тогда находились Революционный комитет (такого органа не существовало. – *А.М. Ледовский*; имелся, однако, Революционный военный совет народа Китая. – *Ю.Г.*) и ЦК Компартии Китая, и приводятся без каких-либо изменений или дополнений, в точной копии. При Мао Цзэдуна были тогда два советских армейских врача – Терebin (погиб впоследствии при аварии самолета в Советском Союзе) и Мельников, лечившие Мао Цзэдуна и его семью. Они имели радиостанцию и выполняли функции связи.

Считаю также необходимым коснуться некоторых обстоятельств, относящихся к моей поездке, и хода переговоров.

В 1947—1948 годах происходил обмен мнениями между нашим ЦК и Мао Цзэдуном о его приезде в Москву. В Москве он ни разу не был, и приглашение с нашей стороны было ему передано еще в июне 1947 года, выражалась готовность принять его для обсуждения вопросов китайской революции, проблем, которые встанут перед КПК после военной победы, в том числе и советско-китайских вопросов.

Однако сроки поездки неоднократно оттягивались из-за трудностей в средствах сообщения в связи с отдаленностью мест пребывания Мао Цзэдуна, из-за его болезни, осложнений в боевых действиях китайской революционной армии и по другим причинам.

К концу 1948 года боевые действия китайских коммунистов развивались быстрыми темпами и в благоприятном направлении. В Северном Китае шли решающие бои. Китайская революционная армия, получившая оружие японской Квантунской семисоттысячной армии, которое было нами полностью передано Китаю, двигалась к центру Китая в направлении Пекина.

14 января 1949 года на заседании Политбюро ЦК при обсуждении ответа Мао Цзэдуну на запрос о времени его приезда Сталин высказал соображение о том, что приезд Мао Цзэдуна в данное время вряд ли целесообразен. Он находился в то время в роли партизанского руководителя, и хотя намечался его приезд инкогнито, но скрыть поездку было невозможно, сведения об его отъезде из Китая наверняка бы просочились. Поездка его, без сомнения, была бы истолкована на Западе как посещение Москвы для получения инструкций от компартии Советского Союза, а сам он назван московским агентом. Это нанесло бы ущерб престижу КПК и было бы разыграно империалистами и кликой Чан Кайши против китайских коммунистов.

Между тем вскоре могло быть образовано официальное революционное правительство Китая, которое мог возглавить Мао Цзэдун. Тогда он получал уже возможность поездки не инкогнито, а официально в качестве главы правительства Китая и в целях переговоров с соседним государством. Это, наоборот, повысило бы престиж и авторитет китайского революционного правительства и приобрело бы большое международное значение.

Хотя такая отсрочка визита Мао Цзэдуна в СССР оттягивала обсуждение назревших вопросов, но эту отрицательную сторону можно было устранить командированием в Китай одного из членов Политбюро нашего ЦК.

В то время все было уже подготовлено к приезду Мао Цзэдуна. Политбюро, обсудив этот вопрос, одобрило предложения Сталина, и он тут же продиктовал телеграмму Мао Цзэдуну, в которой говорилось:

«Мы все же настаиваем, чтобы Вы отложили временно Вашу поездку в Москву, так как Ваше пребывание в Китае очень необходимо в настоящее время. Если хотите, мы можем немедленно послать к Вам ответственного члена Политбюро в Харбин или в другое место для переговоров по интересующим нас вопросам».

Мао Цзэдун сообщил на это, что он решил временно отложить поездку в Москву и что они приветствуют направление члена Политбюро в Китай, высказав одновременно пожелание, чтобы его приезд состоялся в конце января или в начале февраля и не в Харбин, а к месту их нахождения.

Сталин предложил поехать в Китай мне.

Чтобы иметь минимум трудностей в переговорах в Китае и быть лучше подготовленным, исключить лишние запросы Москвы, я набросал список возможных вопросов, которые китайцы могут поставить перед нами, обдумал возможные ответы и обсудил их со Сталиным и другими членами Политбюро.

К этому времени выявились два вопроса, которые были дискуссионными и к которым проявился различный подход – нашего ЦК и ЦК КПК.

I. О несогласии нашего ЦК с точкой зрения КПК, считавшей, что после победы китайской революции все партии, кроме КПК, должны уйти с политической арены. В телеграмме Мао Цзэдуна от 30 ноября 1947 года говорилось: «В период окончательной победы китайской революции, по примеру СССР и Югославии, все политические партии, кроме КПК, должны будут уйти с политической арены, что значительно укрепит китайскую революцию».

В ответной телеграмме нашего ЦК, подписанной Сталиным 20 апреля 1948 года, по этому поводу, в частности, было сказано: «Мы с этим не согласны. Думаем, что различные оппозиционные политические партии в Китае, представляющие средние слои китайского населения и стоящие против гоминьдановской клики, будут еще долго жить и киткомпартия вынуждена будет привлечь их к сотрудничеству против китайской реакции и империалистических держав, сохранив за собой гегемонию, то есть руководящее положение. Возможно, что некоторых представителей этих партий придется ввести в китайское народно-демократическое правительство, а само правительство объявить коалиционным, чтобы тем самым расширить базу этого правительства в населении и изолировать империалистов и их гоминьдановскую агентуру».

Как известно, в связи с этим советом КПК изменила свою политику в отношении буржуазных партий.

II. Об отношении к предложению нанкинского правительства Советскому правительству принять на себя посредничество между нанкинским правительством и КПК о прекращении войны и заключении мира.

9 января 1949 года была получена нота нанкинского правительства, которое предложило правительству СССР (а также правительствам Франции, Англии и США) принять на себя посредничество между нанкинским правительством и КПК о прекращении войны и заключении мира.

В телеграмме Мао Цзэдуну наш ЦК сообщал:

«Мы думаем ответить таким образом: Советское правительство всегда стояло и продолжает стоять за прекращение войны и установление мира в Китае, но раньше, чем дать свое согласие на посредничество, оно хотело бы знать, согласна ли другая сторона – китайская компартия, принять посредничество СССР. Мы думаем так ответить и просим сообщить, согласны ли Вы на это. Если не согласны, подскажите нам более целесообразный ответ.

Мы думаем также, что Ваш ответ, если Вас запросят, должен быть примерно таким: китайская компартия всегда высказывалась за мир в Китае, ибо гражданскую войну в Китае начала не она, а нанкинское правительство, которое и должно нести ответственность за последствия войны. Китайская компартия стоит за переговоры с Гоминьданом, однако без участия тех военных преступников, которые развязали гражданскую войну в Китае. Китайская компартия стоит за непосредственные переговоры с Гоминьданом без каких-либо иностранных посредников».

К этой телеграмме от 10 января Сталиным 11 января 1949 года было сделано разъясняющее дополнение:

«Как видно из сказанного выше, наш проект Вашего ответа на предложение Гоминьдана рассчитан на срыв мирных переговоров. Ясно, что Гоминьдан не пойдет на мирные переговоры без посредничества иностранных держав, особенно без посредничества США. Ясно также, что Гоминьдан не захочет вести переговоры без участия Чан Кайши и

других военных преступников. Мы рассчитываем поэтому, что Гоминьдан откажется от мирных переговоров при тех условиях, которые выставляет КПК. В результате получится, что КПК согласна на мирные переговоры, ввиду чего ее нельзя обвинять в желании продолжать гражданскую войну. При этом Гоминьдан окажется виновником срыва мирных переговоров. Таким образом, мирный маневр гоминьдановцев и США будет сорван и Вы можете продолжать победоносную освободительную войну. Ждем ответа».

12 января Мао Цзэдун послал ответ, в котором говорилось, что правительству СССР на ноту нанкинского правительства следовало бы ответить следующим образом: «Правительство СССР всегда желало, а также желает видеть мирный, демократический и единый Китай. Однако каким путем достичь мира, демократии и единства Китая – это собственное дело народа Китая. Правительство СССР, основываясь на принципе невмешательства во внутренние дела других стран, считает неприемлемым участие в посредничестве между обеими сторонами в гражданской войне в Китае...»

Только СССР имеет крайне высокий авторитет среди народа Китая, поэтому если СССР в ответе на ноту нанкинского правительства займет такую позицию, как было изложено в Вашей телеграмме от 10.1, то это приведет к тому, что США, Англия и Франция могут считать, что участие в посредничестве является должным и приведет к тому, что Гоминьдан получит повод для оскорбления нас как воинственно настроенных элементов. А широкие народные массы, которые недовольны Гоминьданом и питают свои надежды на скорую победу НОА, будут в отчаянии...

Сейчас мы склонны к тому, чтобы со всей правотой отклонить мирный обман Гоминьдана, так как сейчас, исходя из того, что соотношение классовых сил в Китае уже имеет коренное изменение и международная общественность тоже не в пользу нанкинского правительства, а НОА летом сего года уже может перейти реку Янцзы и наступать на Нанкин.

Как будто нам не потребуется предпринимать еще раз обходный политический маневр. В настоящей обстановке, от проведения еще раз обходного маневра, больше вреда, чем пользы».

На это последовала подписанная Сталиным телеграмма Мао Цзэдуну от 14 января, в которой, в частности, говорилось: «Как можно ответить на такой маневр нанкинцев и США. Возможны два ответа. Первый ответ: прямо и неприкрыто отклонить мирные предложения нанкинцев и тем самым провозгласить необходимость продолжения гражданской войны. Но что это будет означать? Это значит, во-первых, что вы выложили на стол главный козырь и отдаете в руки гоминьдановцев такое важное оружие, как знамя мира. Это значит, во-вторых, что вы помогаете вашим врагам в Китае и вне Китая третировать компартию, как сторонницу продолжения гражданской войны, и хвалить Гоминьдан, как защитника мира. Это значит, в-третьих, что вы даете возможность США обработать общественное мнение Европы и Америки в том направлении, что с компартией мир невозможен, так как она не хочет мира, что единственное средство добиться мира в Китае – организовать вооруженную интервенцию держав, вроде той интервенции, которая проводилась в России в течение четырех лет с 1918 года по 1921 год».

Далее говорилось о втором, гибком варианте ответа в духе уже изложенных в первой телеграмме советских предложений. В тот же день, 14 января, Мао Цзэдун заявил в своей телеграмме, что «в основном курсе (срыв мирных переговоров с Гоминьданом, продолжение революционной войны до конца) мы с Вами совершенно едины», а также сообщил, что они в этот день опубликовали 8 условий, на которых согласны вести мирные переговоры с Гоминьданом. В связи с этим Мао Цзэдуну было сообщено, что из его последней телеграммы «видно, что между нами установилось единство взглядов по вопросу о мирном предложении нанкинцев и что Компартия Китая уже начала «мирную» кампанию. Значит, вопрос надо считать исчерпанным». ¹⁹⁴

¹⁹⁴ См. также: *Тихвинский С.Л.* Переписка И.В. Сталина с Мао Цзэдуном в январе 1949 г. // Новая и

В Китай я направился под фамилией Андреев и так и подписывал телеграммы, адресуя их на вымышленную фамилию Филиппова. Сделано это было по инициативе Сталина на случай, если бы из Китая просочилась информация о моем пребывании там.

Вылетел я в Китай 26 января, прибыл туда 30 января и пробыл до 8 февраля 1949 года. Со мной вместе были в Китае б. министр путей сообщения Ковалев (Ковалев И.В. (1901—1993). В 1948—1949 гг. – руководитель группы советских специалистов по экономическим вопросам, представитель ЦК ВКП(б) при ЦК КПК), намечавшийся тогда в качестве нашего представителя при ЦК КПК, и переводчик, работник аппарата ЦК тоже по фамилии Ковалев (Ковалев Е.Ф. (1907—1996), в то время – ответственный работник аппарата ЦК ВКП(б).

Из Порт-Артура вылетели рано утром до рассвета и к рассвету прибыли на бывший японский военный аэродром около Шицзячжуана. Встречали главком Чжу Дэ (Чжу Дэ (1886—1976), в то время член Политбюро и секретариата ЦК КПК. Главком НОАК), член политбюро Жэнь Биши и переводчик Ши Чжэ (Ши Чжэ (1914—?), в то время работник аппарата ЦК КПК). Отсюда на трофейном додже ехали километров 160—170 к местонахождению ЦК партии и ревкома – Сибайпо, расположенному в горном ущелье.

Первые два дня Мао Цзэдун вводил в курс истории китайской революции и имевшей место фракционной борьбы внутри китайской компартии. Позже, при следующих встречах, также возвращался к этим вопросам истории КПК, много говорил, как тяжело ему было бороться против левого и правого уклонов, как партия была разбита и армия разгромлена из-за деятельности Ван Мина (Ван Мин (Чэнь Шаоюй) (1904—1974), в то время член ЦК КПК, зам. Председателя Политико-юридического комитета), которого поддерживал Коминтерн, как потом удалось исправить ошибки, как фракционеры уничтожали кадры китайских коммунистов и что он сам едва жив остался, его арестовывали, исключали из партии, хотели уничтожить. Но с того времени, как Ван Мина и Ли Лисаня (Ли Лисань (1899—1967), в то время член ЦК КПК, зам. Председателя Всекитайской федерации профсоюзов) удалось разоблачить, Мао Цзэдун, по его словам, работает хорошо со своими товарищами, положил конец уничтожению партийных кадров. Он был и остается сторонником проявления терпимости внутри партии, считает, что не надо выводить из ЦК за разногласия, не надо преследовать.

Вот Ван Мин, говорил Мао Цзэдун, сыграл плохую роль, но мы его оставили в ЦК, он находится в расположении ЦК, хотя никакой работы фактически не ведет. Он очень подробно говорил об ошибках Ван Мина, видимо, хотел проверить, как мы к нему относимся и нет ли у нас попыток на него опереться или слушать его советы. Мне было известно о разногласиях между Мао Цзэдуном и Ван Мином, и я не поддерживал разговоров о нем. Еще в Москве условились, что с Ван Мином я встречаться не буду, на беседах же у Мао Цзэдуна он ни разу не присутствовал и не пытался встретиться со мной.

Заслуживают внимания некоторые вопросы, обсужденные с Мао Цзэдуном и другими членами Политбюро КПК:

1. На мой вопрос, когда думает Мао Цзэдун завершить захват основных промышленных центров Китая – Нанкин, Шанхай и др., он сказал, что с этим не торопится. Он говорил, например, что «потребуется еще 1–2 года для того, чтобы мы были в состоянии целиком политически и экономически овладеть Китаем», давал понять, что до этого война кончиться

новейшая история. – М., 1994. № 4–5. – С. 132—140. Там, в частности, отмечено следующее: «В воспоминаниях китайского дипломата и публициста Ши Чжэ ошибочно указывается: «В декабре 1948 г. советская сторона направила нам письмо, полученное советским правительством от гоминьдановского правительства. Оно просило Советский Союз урегулировать спор между ГМД и КПК, прекратить гражданскую войну, уговорить коммунистов не воевать... Советское правительство передало нам оригинал (русский текст) письма без каких-либо комментариев». (Воспоминания Ши Чжэ напечатаны: Жэньу. 1988. № 1. – С. 139—148. Приведенную цитату см. на с. 141.)

не может.

При этом он высказал и такую мысль, что они избегают брать крупные города, а стараются захватить сельские районы. Например, не хотят брать Шанхай. Шанхай – мол, крупный город, а у китайской компартии нет кадров. Компартия в основном состоит из крестьян, а в Шанхае коммунистическая организация слабая. Наконец, Шанхай живет за счет привозного сырья и топлива. И если они возьмут Шанхай, то привоза топлива не будет, промышленность остановится, разрастется безработица, все это ухудшит положение населения. КПК должна подготовить кадры, к чему уже приступили, и в свое время, когда кадры будут готовы, они займут Шанхай и Нанкин.

Руководствуясь позицией нашего ЦК, выработанной еще до моего отъезда из Москвы, я оспаривал это, доказывал, что чем скорее они займут большие города, тем лучше, кадры вырастут в ходе борьбы. Рано или поздно вопрос о продовольствии и сырье для Шанхая все равно встанет. Зато занятие Шанхая серьезно ослабит Чан Кайши, даст пролетарскую основу коммунистам.

II. Мао Цзэдун не придавал необходимого значения пролетарской прослойке в составе компартии, и внимание КПК к городу и рабочему классу было слабее, чем к крестьянству. Эта позиция коренилась в старом времени, когда компартия и армия действовали в горах, далеко от рабочих центров. Времена изменились, а отношение к рабочим осталось прежним.

Из записей бесед видно, например, что Мао Цзэдун «с удовольствием подчеркнул, что компартия пользуется безраздельным влиянием в деревне, там у нее нет конкурентов. В этом коммунистам помог Чан Кайши своей политикой в отношении крестьянства. Другое дело в городах. Здесь если среди студенчества компартия пользуется сильным влиянием, то в рабочем классе Гоминьдан сильнее компартии. Например, в Шанхае после победы над Японией, когда компартия работала легально, ее влияние распространялось примерно на 200 тыс. рабочих из 500 тыс. рабочих, остальные шли за Гоминьданом».

Заслуживает внимания и такое высказывание Мао Цзэдуна: «Китайские крестьяне сознательнее всех американских рабочих и многих английских рабочих».

III. Руководствуясь указаниями ЦК, я уговаривал Мао Цзэдуна не откладывать образования революционного правительства Китая, создать его быстро на базе коалиции, что будет выгодно. Скажем, сразу после занятия Нанкина или Шанхая объявить о создании нового революционного правительства. Это было бы выгодно и в международном отношении – после этого коммунисты действовали бы уже не как партизаны, а как правительство, и это облегчило бы дальнейшую борьбу с Чан Кайши.

Мао Цзэдун считал, что не следует торопиться с созданием правительства, говорил даже, что им выгоднее жить без правительства. Если, мол, будет правительство, то будет коалиция, значит, и перед другими партиями нужно будет держать ответ за свои дела, что внесет сложность. Пока же они действовали как революционный комитет, независимый от партий, хотя и поддерживали связь с другими партиями. Это, утверждал Мао Цзэдун, помогает очистить страну от контрреволюционных элементов. Он упорствовал в этом деле, доказывал, что правительство надо организовать не сразу после взятия Нанкина (предполагалось в апреле), а лишь в июне или июле. Я же настаивал на том, что лишняя оттяжка образования правительства ослабляет силы революции.

Как известно, правительство было образовано 30 сентября.

IV. О Порт-Артуре. Мао Цзэдун рассказал, что к нему приходила одна женщина – буржуазный общественный деятель и поставила вопрос о том, что когда революционное правительство придет в Китае к власти, то Советскому Союзу уже не будет смысла сохранять военно-морскую базу в Порт-Артуре и что для Китая получить обратно эту базу будет великим делом.

Мао Цзэдун сказал, что, по его мнению, такая постановка вопроса неправильна, эта женщина не понимает политики, что в Китае коммунисты и в Советском Союзе коммунисты, но это не исключает, а вполне допускает, чтобы осталась советская база в Порт-Артуре. Поэтому они, китайские коммунисты, стоят за то, чтобы эта база сохранилась. Американский

империализм сидит в Китае для угнетения, а Советский Союз сидит в Порт-Артуре для защиты от японского милитаризма. Когда Китай настолько окрепнет, что будет в состоянии защищаться от японской агрессии, тогда СССР сам не будет нуждаться в базе в Порт-Артуре.

Наш ЦК и Сталин имели иной подход к этому вопросу: не нужно иметь там базу, если правительство в Китае будет коммунистическим. Я изложил китайским товарищам эту позицию. Получив мое сообщение о китайской позиции в этом вопросе, Сталин писал в телеграмме для Мао Цзэдуна 5 февраля 1949 года:

«...С приходом к власти китайских коммунистов обстановка меняется в корне. У Советского правительства имеется решение отменить этот неравный договор (имеется в виду Договор о дружбе и союзе, подписанный 14 августа 1945 г. в Москве представителями правительств Советского Союза и Китайской Республики. Одновременно были подписаны соглашения о Китайской Чанчуньской ж. д. [предусматривало совместную эксплуатацию].; о Порт-Артуре [предусматривало использование обеими сторонами в качестве военно-морской базы, оборона которой вверялась СССР]; о Дальнем [предусматривало объявление Дальнего портом, свободным, открытым для торговли и судоходства всех стран и передачу части пристаней и складских помещений Советскому Союзу в аренду]. Договор был аннулирован советской стороной в связи с подписанием 14 февраля 1950 г. Договора о дружбе, союзе и взаимной помощи между СССР и КНР) и увести свои войска из Порт-Артура, как только будет заключен мир с Японией и, следовательно, американские войска уйдут из Японии. Однако если Компартия Китая сочтет целесообразным немедленный вывод советских войск из Порт-Артурского района, то Советский Союз будет готов исполнить это пожелание КПК».

Мао Цзэдун настаивал на своем, но видно было, что у него какие-то свои тактические соображения, которые он не раскрывал.

V. О Синьцзяне. Этот вопрос также представляет интерес. У Мао Цзэдуна были подозрения в отношении наших намерений в Синьцзяне. Он говорил о том, что в Илийском округе Синьцзяна существует движение независимости, которое не подчиняется урумчинскому правительству, и что там существует коммунистическая партия. Рассказывал, что, когда он в 1945 году встречался с Бай Чунси (Бай Чунси (1893—1966) – в то время видный деятель правительства Китайской Республики) в Чунцине, тот передал, что в Илийском округе местные повстанцы располагают артиллерией, танками и самолетами советского производства.

Я ему четко заявил, что мы не стоим за движение независимости синьцзянских народностей и тем более не имеем никаких притязаний на синьцзянскую территорию, считая, что Синьцзян входит и должен входить в состав Китая.

Мао Цзэдун внес предложение о постройке железной дороги между Китаем и СССР через Синьцзян. Жэнь Биши, в качестве варианта, предложил построить такую дорогу через Монголию. Позже, когда обсуждался этот вопрос в Москве, Сталин высказался за то, чтобы строить дорогу через Монголию, поскольку путь короче и строительство дешевле, а во вторую очередь строить дорогу через Синьцзян.

VI. О Монголии. Мао Цзэдун по своей инициативе спросил, как мы относимся к объединению Внешней (имеется в виду МНР) и Внутренней Монголии. (В то время – районы, населенные монголами, на территории ряда провинций Северного и Северо-Восточного Китая.) Я ответил, что мы такое объединение не поддерживаем, так как оно привело бы к потере значительной территории Китая. Мао Цзэдун сказал – он считает, что Внешняя и Внутренняя Монголия могли бы объединиться и войти в состав Китайской Республики. На это я ему заявил, что это невозможно потому, что Монгольская Народная Республика давно пользуется независимостью. После победы над Японией и китайское государство признало независимость Внешней Монголии. МНР имеет свою армию, свою культуру, быстро идет по пути культурного и хозяйственного развития, она давно поняла вкус независимости и вряд ли когда-нибудь добровольно от независимости откажется. Если она когда-нибудь и объединится с Внутренней Монголией, то в результате наверняка

образуется объединенная независимая Монголия. Присутствовавший на беседе Жэнь Биши подал при этом реплику, что во Внутренней Монголии три миллиона населения, а во Внешней Монголии – один миллион. В связи с этой моей информацией Сталин прислал мне телеграмму для ознакомления Мао Цзэдуна, в которой указывалось:

«Руководители Внешней Монголии стоят за объединение всех монгольских районов Китая с Внешней Монголией под знаком независимости объединенного монгольского государства. Советское правительство высказывается против этого плана, так как он означает отрыв от Китая ряда районов, хотя этот план и не угрожает интересам Советского Союза. Мы не думаем, чтобы Внешняя Монголия пошла на отказ от своей независимости в пользу своей автономии в составе Китайского государства, если даже все монгольские районы будут объединены в автономную единицу. Понятно, что решающее слово в этом деле принадлежит самой Внешней Монголии».

По ознакомлении с этой телеграммой Мао Цзэдун сказал, что он принимает ее к сведению и что «они, конечно, не защищают велико-китайскую шовинистическую линию и не будут ставить вопрос об объединении Монголии».

VII. О признании будущего революционного правительства другими странами. У Мао Цзэдуна было два варианта на этот счет – первый, чтобы иностранные государства и первым СССР сразу признали новое правительство Китая. Второй вариант, которому Мао Цзэдун явно отдавал предпочтение, заключался в том, чтобы не добиваться немедленного признания нового правительства, а если иностранное правительство заявит о своем желании признать его, то не отвергать, но и согласия пока не давать, продолжая такую тактику примерно в течение одного года. Выгоды второго варианта, говорили китайцы, заключаются в том, что, имея свободные руки, новое правительство легче сможет нажимать на все иностранное в Китае, не считаясь с протестами иностранных правительств.

* * *

Мао Цзэдун все время говорил, что они, ЦК КПК, ждут указаний и руководства от нашего ЦК. Я ему отвечал, что ЦК нашей партии не может вмешиваться в деятельность ЦК Коммунистической партии Китая, не может давать никаких указаний, не может руководить Компартией Китая. Каждая из наших партий самостоятельна, мы можем давать только советы, когда нас об этом попросят, но указаний давать не можем.

Мао Цзэдун упорствовал, заявлял, что ждет указаний и руководства от нашего ЦК, так как у них еще мало опыта, нарочито принижал свою роль, свое значение как руководителя и как теоретика партии, говорил, что он только ученик Сталина, что он не придает значения своим теоретическим работам, так как ничего нового в марксизм он не внес и проч.

Это, я думаю, восточная манера проявления скромности, но это не соответствует тому, что на деле Мао Цзэдун собой представляет и что он о себе думает.

В подтверждение сказанного выше приведу некоторые выдержки из имевших тогда место бесед с Мао Цзедуном. Уже во время первой беседы он заявил:

«Прошу учесть, что Китай сильно отстал от России, мы слабые марксисты, делаем много ошибок (подчеркнуто в оригинале. – А.М.), и если к нашей работе подходить с меркой России, то окажется, что у нас ничего нет».

Я ответил, что «эти слова, возможно, свидетельствуют о скромности лидеров ЦК КПК, но с ними трудно согласиться. Нельзя 20 лет руководить гражданской войной в Китае, привести ее к такой победе, будучи слабыми марксистами. Что касается ошибок, то они бывают у всех активно действующих партий. И наша партия совершает ошибки, но она твердо держится правила беспощадно вскрывать свои ошибки, чтобы их не повторять и учиться на них. Мао Цзэдун добавил, что ошибки они совершают честно и исправляют честно, и привел пример. В 1946 году ЦК КПК совершил ошибку в проведении земельной реформы. Когда стали разбираться, оказалось, что еще в 1933 году о земельной реформе им было написано совершенно правильно, о чем забыли в 1946 году. Если бы снова в 1946 году

это прочитали, этих ошибок не совершили бы. Они вновь перепечатали в 1946 году то, что было написано о земельной реформе в 1933 году, и открыто объявили крестьянам об этой своей ошибке, взяв на себя ответственность за ошибки, ибо руководство отвечает за ошибки низовых работников, хотя само руководство этих ошибок не совершило.

Я заметил, что нельзя соглашаться с утверждением Мао Цзэдуна о том, что если подойти к китайской революции с российской меркой, то окажется – ничего нет.

Во-первых, китайская революция представляет из себя великое историческое событие, во-вторых, было бы неправильно применять российскую мерку без учета той конкретной действительности, в которой протекает революция в Китае.

Как бы в подтверждение этого Мао Цзэдун сказал, что КПК в 1936 году (видимо, речь идет о первой половине 1930-х гг.) в советских районах проявила догматизм, копируя советские методы, что привело тогда к серьезному поражению».

Далее Мао Цзэдун заявил, что «одной из больших задач КПК является марксистское просвещение кадров. Раньше у них считалось, что кадры должны прочитать всю марксистскую литературу. Теперь убедились, что это невозможно, ибо кадры учатся у них, одновременно ведя большую практическую работу. Поэтому они решили обязать свои кадры прочитать двенадцать марксистских произведений. Перечислив эти произведения (Манифест. От утопии к науке [имеются в виду «Коммунистический Манифест», «Развитие социализма от утопии к науке»], Государство и революция. Вопросы ленинизма и другие), он не назвал ни одного китайского марксистского произведения.

Я тогда спросил Мао Цзэдуна, считает ли он правильным, что в списке 12 книг для партпросвещения кадров КПК нет ни одного произведения лидеров КПК, теоретически освещающего опыт китайской революции.

Мао Цзэдун ответил, что он, лидер партии, ничего нового не внес в марксизм-ленинизм и не может ставить себя в один ряд с Марксом, Энгельсом, Лениным и Сталиным.

Подняв бокал за здоровье товарища Сталина, он подчеркнул, что в основе теперешних побед китайской революции лежит учение Ленина – Сталина и что Сталин не только учитель народов СССР, но и учитель китайского народа и народов всего мира. О себе Мао Цзэдун сказал, что он ученик Сталина и не придает значения своим теоретическим работам, что они только претворяют в жизнь учение марксизма-ленинизма, ничем его не обогащая.

Более того, он лично послал на места строгую телеграмму, запрещающую называть его фамилию вместе с фамилиями Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина (документ не опубликован. – **А.М. Ледовский**), хотя об этом ему приходится спорить со своими ближайшими товарищами.

Я ответил, что это говорит о скромности Мао Цзэдуна, но с ним нельзя согласиться. Марксизм-ленинизм применяется в Китае не механически, а на основе учета особенностей, конкретных условий Китая. У китайской революции свой путь, дающий ей облик антиимпериалистической революции. Поэтому освещение опыта КПК не может не представлять теоретической ценности, не может не обогатить марксистскую науку. Разве можно отрицать также, что обобщение китайского опыта имеет теоретическую ценность для революционного движения стран Азии. Конечно, нельзя.

Мао Цзэдун заметил, что у них сильное ударение на особенности Китая делали сторонники Ван Мина для борьбы против линии партии. (В действительности в те годы и позднее в документах КПК и историографии КНР Ван Мина обвиняли в догматизме, копировании советского опыта, в непонимании необходимости учитывать особенности Китая и китайской революции. – **А.М. Ледовский** .)

На это я ответил, что обычно националистические элементы конкретные исторические особенности своих стран используют для того, чтобы свернуть партию на путь буржуазного перерождения, марксисты же учитывают эти особенности, чтобы по-марксистски-ленински руководить революцией, с чем не стал спорить Мао Цзэдун».

В моей телеграмме от 5 февраля 1949 года сообщалось, что в одной из бесед Мао Цзэдун «подчеркнул, что при разработке вопроса о характере китайской революции он

основывался на высказываниях товарища Сталина, относящихся к 1927 г., и на его позднейших работах о характере китайской революции.

Мао Цзэдун сказал, что для него особенно ценным оказались указания товарища Сталина о том, что китайская революция является частью мировой революции, а также критика национализма Симича (Симич, Станое – в то время министр иностранных дел Югославии) из Югославии.

Мао Цзэдун несколько раз подчеркнул, что он является учеником товарища Сталина и держится просоветской ориентации».

* * *

Во время последней беседы, состоявшейся 7 февраля, Мао Цзэдун выразил удовлетворение проведенным обсуждением важнейших вопросов и горячо благодарил Сталина за заботу о китайской революции.

«Когда я прибыл во Владивосток, туда позвонил Поскребышев и по поручению Сталина сообщил, что Политбюро очень довольно проделанной мной работой в Китае. Каждый день на Политбюро зачитывались и обсуждались мои телеграммы. Сталин просил поскорее прибыть в Москву и рассказать обо всем поподробнее.

Приехав в Москву, я действительно узнал, что Сталин и другие члены Политбюро были довольны и считали, что я хорошо выполнил свою миссию.

Прилагаются тексты моих телеграмм из Сибайпо и полученных мной ответов на них из Москвы.

А. Микоян». 195

В ходе бесед А.И. Микояна в Сибайпо обсуждались вопросы, связанные с предложением правительства Китайской Республики правительствам Советского Союза, Великобритании, Франции и Соединенных Штатов Америки выступить посредниками в целях приостановки военных действий и прекращения войны в Китае между вооруженными силами правительства Китайской Республики и войсками Компартии Китая. Это обращение содержалось в документах правительства Китайской Республики, датированных 8 и 9 января 1949 г.

Чан Кайши пошел на этот шаг, желая если не получить помощь и поддержку в интересах сохранения сложившегося на то время положения, то по крайней мере для того, чтобы заставить все заинтересованные стороны сделать более ясным свое отношение к происходившим в Китае событиям, к явно надвигающемуся военному поражению правительства Китайской Республики на континенте Китая и к приближавшейся победе во внутренней войне Компартии Китая и Мао Цзэдуна.

Сталин счел необходимым вступить с Мао Цзэдуном в обсуждение возможных позиций Советского Союза и Компартии Китая. Мао Цзэдун сначала был настроен только на прямой и демонстративный отказ от каких бы то ни было переговоров и хотел, чтобы Советский Союз просто отказался от посредничества, предлагавшегося ему Нанкином. Однако затем, под давлением аргументов Сталина, Мао Цзэдун был вынужден заявить, что Компартия могла бы пойти на переговоры, но при определенных, как представлялось и Сталину, и Мао Цзэдуну, неприемлемых для правительства Китайской Республики условиях.

Пока Сталин и Мао Цзэдун согласовывали свои позиции, США, Великобритания и Франция активно стремились как можно быстрее узнать о том, каково будет отношение СССР и Компартии Китая к предложению Нанкина.

Сталин и Мао Цзэдун согласовали свои позиции путем обмена телеграммами 14 января 1949 г. Министерство иностранных дел СССР дало послу Китайской Республики в Москве ответ, соответствовавший существу договоренности между Сталиным и Мао Цзэдуном, 17

195 АПРФ. Ф. 3. Оп. 65. Д. 606. Л. 1–17. Машинописный текст, копия.

января 1949 г.¹⁹⁶

Сталин считал необходимым привлечь внимание Мао Цзэдуна к тому факту, что США и другие западные державы дали ответ Нанкину 13 января 1949 г., то есть еще до окончательного достижения договоренности между Сталиным и Мао Цзэдуном, в тот момент, когда позиция Москвы была уже известна Мао Цзэдуну, а сам он еще не дал Сталину окончательного ответа относительно своего отношения к предложениям Москвы. Из этого Сталин, очевидно, сделал вывод о том, что Мао Цзэдун мог допустить или намеренно осуществить передачу соответствующей информации США, другим западным державам. Советский Союз оказывался при этом в положении единственной из четырех великих держав, которая все еще колебалась и не отказалась выступить в роли посредника в то время, как три западные державы уже заняли четкую позицию по этому вопросу и заявили о ней. 13 января 1949 г. посол США в Нанкине Дж. Л. Стюарт передал правительству Китайской Республики официальный ответ правительства США, в котором, в частности, говорилось, что «при нынешней обстановке попытки выступить в роли посредника не принесут желаемых результатов»¹⁹⁷. Опубликованная позже дипломатическая переписка, как отмечал российский исследователь архивов А.М. Ледовский, в частности телеграмма Стюарта из Китая в Госдепартамент, показывала, что он был убежден, что Советский Союз не согласится принять участие в посреднической акции.¹⁹⁸

А.М. Ледовский также отмечал, что и Москва, и наше посольство в Нанкине были весьма удивлены столь быстрой и негативной реакцией США, поскольку имелись веские основания полагать, что предложение Нанкина о посредничестве было согласовано с представителями правительства США. В этой связи в Москве возникло подозрение, что это произошло в результате утечки информации о переписке между Сталиным и Мао Цзэдуном. Об этом А.И. Микоян сказал Мао Цзэдуну в беседе 3 февраля 1949 г., при которой присутствовали также Чжоу Эньлай, Лю Шаоци, Чжу Дэ и Жэнь Биши. Он напомнил, что в телеграмме от 10 января по поводу обращения нанкинского правительства Сталин предупредил о необходимости сохранения обмена мнениями между Москвой и ЦК КПК по этому вопросу в строгой тайне. А.И. Микоян сказал Мао Цзэдуну и его коллегам: «Нам известно, что Англия, Америка и Франция стояли за то, чтобы взять на себя функции посредничества между Гоминьданом и КПК. Позже, каким-то образом узнав, что СССР и КПК против иностранного посредничества, эти державы, не желая осрамиться, изменили свою позицию и отказались от посредничества. В связи с этим необходимо серьезно заняться вопросами конспирации и заинтересоваться, нет ли среди окружающих КПК болтающих людей, через которых эта информация могла попасть к американцам»¹⁹⁹. В телеграмме в Москву об этой беседе А.И. Микоян писал: «Мао Цзэдун совершенно отклонил такую возможность, ибо, как он заметил, такие серьезные вопросы и, в частности, переписка с Москвой бывают известны только присутствующим членам ЦК, одному переводчику Ши Чжэ и тов. Терebinу. Указанные лица совершенно надежны, и в них он не сомневается. Что касается данного случая, он заявил, что англо-американцы еще до того, как была известна наша позиция, открыто писали, что СССР и КПК будут против посредничества. Я ответил, – подчеркнул А.И. Микоян, – что тогда это могло быть только их предположением, однако западные державы поспешили отказаться от посредничества после того, как они получили

¹⁹⁶ Правда. 1949. 18 янв.

¹⁹⁷ FRUS. 1949. China. Vol. V III. – P. 547.

¹⁹⁸ Ibid. P. 25. Цит. по: Ледовский А.М. Секретная миссия А.И. Микояна в Китай // Проблемы Дальнего Востока. 1995. № 3. – С. 94–105.

¹⁹⁹ АПРФ. Ф. 39. Оп. 1. Д. 39. Л. 47.

достоверные сведения о нашей позиции. Мао Цзэдун повторил, что не исключена (так в тексте. По смыслу следует: исключена. – Ю.Г.) возможность просачивания информации из окружения КПК». ²⁰⁰

При встрече А.И. Микояна с Чжоу Энляем и Чжу Дэ 1 февраля 1949 г. Чжоу Энлай попросил разъяснить мотивы, которыми руководствовался СССР, дав указание советскому послу передислоцироваться в Гуанчжоу вместе с правительством Китайской Республики, оставившим Нанкин.

А.М. Ледовский вспоминал, что 18 января 1949 г. МИД Китайской Республики известил все посольства и миссии зарубежных стран, что 21 января правительство Китайской Республики переезжает из Нанкина в Гуанчжоу и предлагает им последовать туда же. Из всех глав дипломатических представительств только советский посол последовал этому предложению. Вместе с послом в Гуанчжоу переехала основная часть работников посольства. В Нанкине была оставлена небольшая группа сотрудников МИД и некоторых других советских ведомств, которая находилась там вплоть до образования КНР. Дипломатические представительства других стран оставались в Нанкине. В частности, там находился вплоть до августа 1949 г., то есть уже тогда, когда Нанкин был под властью КПК, и посол США Дж. Л. Стюарт.

А.И. Микоян в упомянутой беседе с Чжоу Энляем «разъяснил, что это закономерно, ибо в Китае пока имеется только одно правительство, при котором аккредитован наш посол, и естественно, что он переехал вместе с китайским правительством в Кантон (Гуанчжоу), оставив часть посольства в Нанкине. По существу это не только не нанесет ущерба нашему общему делу, а, наоборот, поможет ему». ²⁰¹

А.М. Ледовский также отмечал, что важное место в беседах А.И. Микояна в Сибайпо занимало обсуждение планов военно-политической деятельности КПК и НОАК, вопроса о средствах и источниках их материально-технической поддержки.

В первой же беседе с А.И. Микояном, состоявшейся 30 января 1949 г., Мао Цзэдун заявил: «Чтобы наверняка победить в районе Нанкина и Шанхая, нужно будет войска Линь Бяо, являющиеся лучшими, направить из района Бэйпина на Юг и Запад, чтобы лишить Гоминьдан возможности перебросить отсюда подкрепления в район Нанкин – Шанхай. Положение в районе Бэйпина сложное, и потребуется некоторое время, чтобы здесь закрепиться». ²⁰²

В той же беседе Мао Цзэдун подчеркнул: «Коммунисты строят свои планы из расчета на худшее. Они готовятся после некоторой передышки и подготовки силой взять эти города (т. е. Нанкин и Шанхай). Мирный исход событий у Бэйпина (21 января Фу Цзои [командующий войсками Китайской Республики в Бэйпине] подписал соглашение с представителями КПК о мирной сдаче Бэйпина [Пекина]. 31 января НОАК без боя вступила в Бэйпин) сократил сроки для отдыха и подготовки этих войск к наступлению. Время нужно не только для отдыха, но и:

а) для переваривания и воспитания тех сотен тысяч пленных гоминьдановцев, которые за последнее время влились в Народно-освободительную армию;

б) для подтягивания тылов и восстановления разрушенных железных дорог, питающих фронт;

в) для накопления патронов и снарядов из текущего производства, ибо запасов мало. Дело осложняется тем, что нужны боеприпасы для оружия американского, японского,

²⁰⁰ Там же. Цит. по: *Ледовский А.М.* Секретная миссия А.И. Микояна в Китай // Проблемы Дальнего Востока. 1995. № 3. – С. 95.

²⁰¹ Там же. Л. 20.

²⁰² Там же. Л. 2.

чехословацкого и советского образцов;

г) нужно время также и для подготовки кадров по управлению районами Шанхая и Нанкина. Там мало продовольствия, надо запастись им. Мы не успеваем печатать деньги для этих районов...». ²⁰³

Судя по словам Мао Цзэдуна, войска Линь Бяо получили в Маньчжурии от советского командования не только японское трофейное оружие, но также оружие чехословацкого и советского производства. По понятным соображениям, подчеркивал А.М. Ледовский, руководство КПК старалось это не афишировать. Мао Цзэдун в беседе 5 февраля 1949 г. сказал А.И. Микояну, что, когда после капитуляции армии Фу Цзои в Бэйпин входили подразделения войск Линь Бяо, у них было полностью изъято «все советское вооружение и заменено американским вооружением». Мао Цзэдун сказал, что КПК хотела показать таким образом, «как Чан Кайши снабжает войска НОАК американской техникой». ²⁰⁴

Здесь, конечно, сказывалось и постоянное стремление Мао Цзэдуна преуменьшать, если не сводить на нет, при всякой возможности значение поддержки и помощи со стороны Сталина и СССР.

В беседах неоднократно поднимался вопрос о роли и помощи Коммунистической партии Китая со стороны Советского Союза и в предыдущие годы вообще, и в период подготовки НОАК к новому этапу военных действий в Китае в 1949 г.

В обобщенном виде этот вопрос рассматривался в беседе А.И. Микояна с Мао Цзэдуном 4 февраля 1949 г. При этой беседе присутствовали Чжоу Эньлай, Лю Шаоци, Чжу Дэ. В телеграмме в Москву о содержании этой беседы А.И. Микоян, в частности, писал: «Далее Мао Цзэдун подчеркнул, что Сов. Союз оказал и оказывает большую помощь КПК и за это последняя очень признательна ВКП(б). Китайская революция, продолжал Мао Цзэдун, является частью мировой революции. В связи с этим частные интересы должны подчиняться общим. Это мы всегда учитываем, когда обращаемся за помощью к Сов. Союзу. И если, предположим, Сов. Союз и не дал бы чего-либо, то мы не будем на него в обиде. Когда перед отъездом в Москву Ло Юнхуан (так в тексте. По-видимому, имеется в виду Ло Жунхуань (1902—1963), в то время политкомиссар войск НОАК в Северо-Восточном Китае, первый политкомиссар 4-й полевой армии НОАК, впоследствии маршал. – Ю.Г.) спрашивал меня, как ставить вопрос о помощи нам со стороны Сов. Союза, я сказал ему, что не надо изображать положение так, что мы погибаем и что у нас нет своих возможностей, но подчеркнул, что нам желательно получить от вас соответствующую помощь, касающуюся Маньчжурии. С 1947 года и Линь Бяо часто запрашивал Москву об оказании помощи по тем или иным вопросам. Я, сказал Мао Цзэдун, дал указания Гао Гану о том, что за все, что мы берем у СССР, обязательно ему оплачивать и, кроме того, разрешать нехватку в тех или иных материалах за счет гоминьдановских районов. Китайские товарищи должны рационально использовать помощь Сов. Союза. Если бы не было помощи со стороны Сов. Союза, подчеркнул Мао Цзэдун, мы едва ли могли бы одержать нынешние победы. Это, однако, не значит, что мы не должны опираться и на свои собственные силы. Но нельзя и не считаться с тем фактом, сказал Мао Цзэдун, что военная помощь Сов. Союза в Маньчжурии, составляющая 1/4 всей Вашей помощи, играет весьма существенную роль». ²⁰⁵

В беседе 4 февраля 1949 г. обсуждались также вопросы о формах связей между ВКП(б) и КПК и о кандидатуре будущего посла КНР в СССР. Мао Цзэдун подчеркнул, что «КПК нуждается во всесторонней помощи от ВКП(б). Нужно двух советников: одного по

²⁰³ Там же.

²⁰⁴ Там же. Л. 37.

²⁰⁵ Там же. Л. 58.

экономическим, другого по финансовым вопросам»²⁰⁶. Чжоу Энлай, говоря о партийном советнике, сказал, что «по главным вопросам КПК хотела бы непосредственно связываться с ЦК ВКП(б)», и подчеркнул, что «основные вопросы будут решаться в Москве».²⁰⁷

Таким образом, был сделан шаг к размежеванию межгосударственных и межпартийных отношений. Мао Цзэдун не пожелал иметь в Пекине представителя ЦК ВКП(б) по чисто партийным вопросам, то есть агента Сталина, который получил бы возможность общения не только и, может быть, не столько с Мао Цзэдуном, сколько с другими руководителями КПК, с аппаратом ЦК КПК. Это снимало вопрос о постоянном присутствии в Пекине ответственного работника ЦК ВКП(б), который как бы имел всегда доступ в ЦК КПК. Мао Цзэдун предполагал, что посольство не должно непосредственно заниматься связями между партиями. Возможно, Сталин на каком-то этапе и предпочел бы иметь представителя ЦК ВКП(б) в Пекине, хотя скорее всего тут он желал по форме идти навстречу любым пожеланиям Мао Цзэдуна, тем более что в будущем в этой связи мог встать вопрос о появлении в Москве на паритетной основе представителя ЦК КПК.

Мао Цзэдун в беседе с А.И. Микояном 4 февраля 1949 г. предложил направить в Москву в качестве посла Ван Цзясяна. (Ван Цзясян (1906—1974), в то время член Бюро ЦК КПК по Северо-Восточному Китаю, с марта 1949 г. член ЦК КПК.) Характеризуя его, Мао Цзэдун сказал, что «в прошлом он допускал ошибки вместе с группой Ван Мина». Указав, что в 1937 г. Ван Цзясян находился в Москве, Мао Цзэдун отметил, что «в июле 1937 года он вернулся к нам с указаниями Коминтерна, которые соответствовали нашей политической линии. Эти указания помогли нам в преодолении своих ошибок»²⁰⁸. А.И. Микоян ответил, что «у нас нет возражений по вопросу о кандидатуре будущего посла в Москве».²⁰⁹

Таким образом Мао Цзэдун ввел традицию назначать в качестве посла в СССР члена ЦК партии.

Советский дипломат, работавший в то время в Китае, А.М. Ледовский, характеризуя ситуацию, в частности, писал, что после завершения военных действий в Маньчжурии она стала служить главной тыловой базой обеспечения военных операций НОАК по овладению Северным Китаем и другими районами Китая. Необходимо было организовать переброску из Маньчжурии и через Маньчжурию из СССР оружия, боеприпасов, продовольствия и многого другого. Важнейшую роль в этом сыграло восстановление железнодорожных линий, ведущих в Северный Китай и далее к реке Янцзы. В этой работе участвовало большое число советских инженерно-технических работников — служащих КЧЖД. Советские железнодорожники, будучи высококвалифицированными специалистами широкого профиля, оказывали помощь коммунистическим властям в Маньчжурии в восстановлении не только железных дорог, но и многих других отраслей народного хозяйства.

Для координации работы по оказанию советской помощи по просьбе руководителя Северо-Восточного Бюро ЦК КПК Гао Гана, поддержанной Мао Цзэдуном, советское руководство в конце 1948 г. направило в Маньчжурию группу советников-специалистов. Руководителем этой группы был назначен генерал И.В. Ковалев, который в годы Великой Отечественной войны был наркомом путей сообщения СССР.²¹⁰

²⁰⁶ Там же. Л. 57.

²⁰⁷ Там же.

²⁰⁸ Там же. Л. 57—58.

²⁰⁹ Там же. Л. 58.

²¹⁰ По словам А.М. Ледовского, после образования КНР И.В. Ковалев продолжал некоторое время возглавлять группу советских специалистов. Однако, имея прямую связь с Москвой, он по-прежнему считал себя личным представителем И.В. Сталина, не согласовывал свои действия с послом Н.В. Роциным. Это

Руководители КПК в беседах с советскими представителями высоко оценивали работу, проделанную группой специалистов под руководством И.В. Ковалева. Еще до приезда А.И. Микояна в Китай Мао Цзэдун направил И.В. Сталину следующую телеграмму:

«Здравствуйте, товарищ Сталин!

Мы очень благодарим Вас за то, что Вы откомандировали к нам товарища Ковалева для оказания нам помощи по восстановлению железных дорог и других экономических работ!

При помощи товарища Ковалева и других советских товарищей пути сообщения железных дорог в Маньчжурии в основном уже восстановлены. Сейчас тов. Ковалев совместно с китайскими товарищами разработал план по восстановлению железных дорог всего Северного Китая, т. е. в области севернее от р. Янцзы, с протяжением более трех тысяч километров, на 1949 год. Если к зиме сего года этот план будет выполнен, тогда мы будем иметь 18 000 километров железных дорог (включая сюда железные дороги в Маньчжурии), которые будут пущены в эксплуатацию. Для осуществления этого плана потребуется ряд самых необходимых материалов, также потребуются паровозы, машины, инструменты, масло и др. материалы для восстановления железных дорог в Северном Китае. Но, кроме того что мы можем себе обеспечить, мы нуждаемся в неотложной помощи с Вашей стороны, т. е. получить от Вас большую часть из этих материалов, тогда только сможем начать работу по восстановлению железных дорог.

Прилагая при этом два списка заказов материалов, в приобретении которых нам нужна Ваша помощь, как об этом указывалось выше, прошу Вас пересмотреть эти списки, и если мы сможем получить утверждение с Вашей стороны, а также если Вы распорядитесь скорейшим образом отпустить нам в порядке кредита и с возможной быстрой погрузкой и отправкой, то мы будем очень признательны Вам.

С Большевицким приветом и наилучшим пожеланием Вашему здоровью!

МАО ЦЗЭДУН

8 января 1949 г.»²¹¹

В беседах в Сибайпо А.И. Микоян информировал руководителей КПК о том, что предпринимается в СССР для выполнения различных просьб китайской стороны.

1 февраля 1949 г. в ходе беседы с А.И. Микояном Чжу Дэ и Чжоу Эньлай изложили целый ряд пожеланий и просьб. Весьма характерно, что Мао Цзэдун редко присутствовал в тех случаях, когда речь шла о просьбах к Москве; более того, Мао Цзэдун иной раз пытался создавать впечатление, что он и его подчиненные добиваются успехов сами, без какой бы то ни было помощи со стороны СССР. Реальная ситуация была иной. И Сталин, и Мао Цзэдун хорошо знали об этом.

А.И. Микоян после беседы 1 марта докладывал И.В. Сталину: «Мы, сказал Чжоу Эньлай, ощущаем большой недостаток в противотанковых орудиях, которых у нас всего 150 штук, в связи с чем мы хотели бы просить Сов. Союз дать нам некоторое количество противотанковых орудий. У нас неблагополучно и с танками. Имеющиеся танки – преимущественно легкие, самый тяжелый – 15 тонн. Под Сюйчжоу мы захватили до 70 танков, но в большинстве уже основательно потрепанных. У нас не хватает сырья, и мы хотели бы получить от Сов. Союза тротил для производства боеприпасов. Мы хотели бы просить Сов. Союз дать нам также специалистов и оборудование для производства вооружения, а также командировать советников по организации армии, по военно-учебным

побудило Рощина доложить об этом в Москву. Сталин направил в Китай комиссию для проверки деятельности И.В. Ковалева и советских специалистов, по итогам работы которой И.В. Ковалев был отозван из Китая. (Ледовский А.М. Секретная миссия А.И. Микояна в Китай // Проблемы Дальнего Востока. 1995. № 3. – С. 98, 105.)

заведениям и организации тыла, включая промышленность вооружения.

Я ответил, что мы в принципе согласны помочь организацией производства вооружения и дать советников, по вопросу же о зенитных и противотанковых орудиях ничего сказать не могу и сообщу в Москву для рассмотрения. Далее Чжоу Эньлай сказал, что они хотели бы получить от нас стальные рельсы, газолин, около 5000 автомашин и ряд других машин и материалов, на что я ответил, что по всем этим заявкам надо войти с ходатайством в наше правительство».²¹²

Вопросы, касавшиеся оказания помощи со стороны СССР, были чрезвычайно важны тогда для руководителей КПК. 2 февраля 1949 г. Чжу Дэ и Жэнь Биши «особое внимание уделили вопросам промышленного развития Китая и сотрудничества в этом деле между Китаем и СССР. При этом особую роль в советско-китайском сотрудничестве они отводили Маньчжурии». В телеграмме об этой беседе А.И. Микоян, в частности, сообщил следующее:

«Жэнь Биши подчеркнул, что в своих народнохозяйственных планах они большое место уделяют Маньчжурии с целью превратить ее в кузницу обороноспособности страны. Она должна производить автомашины, самолеты, танки и другие виды вооружения. Тут же он сказал о том, что в промышленном освоении Маньчжурии они надеются на помощь со стороны Сов. Союза. Он назвал следующие формы этой помощи:

- 1) Совместные советско-китайские экономические объединения.
- 2) Займы от СССР.
- 3) Концессии, предоставляемые Сов. Союзу.

Жэнь Биши сказал, что помощь СССР нужна для эксплуатации таких редких ископаемых, как уран, магний, молибден и алюминий, которые находятся около Мукдена, Цзиньчжоу и в провинции Жэхэ. В свое время японцы вывезли одну тонну урана. Если эти ископаемые представляют интерес для Сов. Союза, то можно было бы поставить вопрос об их эксплуатации на совместных началах или предоставить специальную концессию Сов. Союзу.

Жэнь Биши подчеркнул, что промышленное освоение Маньчжурии требует высококвалифицированных специалистов. На Аньшаньском металлургическом комбинате они вынуждены пользоваться услугами японских специалистов. В связи с этим, сказал Жэнь Биши, мы просим дать нам из Сов. Союза не менее 500 специалистов по различным народнохозяйственным вопросам».²¹³

В беседе с А.И. Микояном 3 февраля 1949 г. Лю Шаоци, касаясь вопроса о промышленном развитии Китая, заявил:

«Создание промышленной базы в освобожденном Китае немыслимо без помощи Советского Союза и стран народной демократии. Эта помощь должна сыграть решающую роль для нас. Мы представляем, что формами этой помощи могут быть:

- 1) Передача опыта социалистического переустройства хозяйства.
- 2) Снабжение нас соответствующей литературой, командирование к нам советников и техников по различным отраслям хозяйства.
- 3) Предоставление нам капиталов.

Мы считаем, что Советский Союз, страны народной демократии и Китай должны оказывать друг другу взаимную экономическую помощь. С помощью Советского Союза мы быстрее придем к социализму, если, конечно, не будем допускать ошибок. Для нас ясно, что без помощи Советского Союза мы не сможем восстановить Аньшаньский комбинат в Маньчжурии. В связи с этим мы хотели бы заранее знать возможные размеры помощи нам со стороны Советского Союза, чтобы предусмотреть ее в наших народнохозяйственных

²¹² АПРФ. Ф. 39. Оп. 1. Д. 39. Л. 29.

²¹³ Там же. Л. 37.

планах».²¹⁴

Мао Цзэдун был вынужден и сам во время заключительных бесед с А.И. Микояном 6 и 7 февраля поднять важнейшие вопросы, касавшиеся помощи со стороны Советского Союза Коммунистической партии Китая. Мао Цзэдун обратился к Москве с просьбой предоставить заем в размере 300 млн американских долларов и в счет этого займа поставить ряд необходимых материалов, машин и проч. Он упомянул, в частности, о поставках серебра для выпуска китайской твердой валюты, нефтепродуктов и 3000 автомобилей. В телеграммах об этих беседах говорилось: «Мао Цзэдун сказал, что 300 млн – это наша потребность, мы не знаем, можете ли вы дать нам эту сумму, меньше или больше ее, но если и не дадите, то мы в обиде на вас не будем»²¹⁵. «Он выразил пожелание получить названную сумму в течение 3 лет, начиная с 1949 года, равными долями, и сказал, что в будущем этот заем будет выплачен Китаем вместе с начислением соответствующего процента».²¹⁶

«До сих пор, – говорил Мао Цзэдун, – мы получали вооружение бесплатно. Но нам известно, что в производство советского вооружения вложен труд советских рабочих, который следует оплатить»²¹⁷. По словам Мао Цзедуна, ЦК КПК уже подготовил список потребных машин и материалов, однако неизвестна их общая стоимость и будет ли она укладываться в заем. Не ясен вопрос о том, чем должен оплачиваться этот заем. Мао Цзэдун сказал, что если вопрос о займе решится положительно, то ЦК КПК направит в Москву делегацию для подписания соответствующего соглашения. Он выразил также пожелание послать в СССР группу работников для ознакомления с работой советских банков».²¹⁸

В ходе бесед в Сибайпо А.И. Микоян обсуждал с Мао Цзедуном и другими руководителями КПК целый ряд проблем внешней политики.

А.М. Ледовский отмечал в этой связи, что содержание обмена мнениями по вопросу о советско-китайском договоре и соглашениях 1945 г. было частично изложено в Записке А.И. Микояна. Представляется, однако, важным привести полностью запись беседы А.И. Микояна с Мао Цзедуном по этому вопросу, которая содержалась в его телеграмме в Москву в то время.

В телеграмме говорилось:

«О СОВЕТСКО-КИТАЙСКОМ ДОГОВОРЕ

По вопросу о советско-китайском договоре я сказал, что мы считаем советско-китайский договор о Порт-Артурском районе неравным договором, заключенным для того, чтобы помешать сговору Гоминьдана с Японией и США против СССР и освободительного движения в Китае. Этот договор, сказал я, принес известную пользу освободительному движению в Китае, но теперь, с приходом к власти китайских коммунистов, обстановка в стране в корне меняется. В связи с этим, продолжал я, у Советского правительства имеется решение отменить этот неравный договор и вывести свои войска из Порт-Артура, как только будет заключен мир с Японией. Но если китайская компартия, сказал я, сочтет целесообразным немедленный вывод войск, то СССР готов пойти на это. Что касается договора (так в тексте. Правильно: соглашения. – Ю.Г.) о Китайско-чанчуньской железной дороге, то мы не считаем его неравным договором, так как эта дорога была построена главным образом на средства России. Возможно, сказал я, что в этом договоре принцип

²¹⁴ Там же. Л. 44.

²¹⁵ Там же. Л. 85—86.

²¹⁶ Там же.

²¹⁷ Там же.

²¹⁸ Там же. Л. 86.

равноправия не вполне проведен, но мы готовы обсудить этот вопрос и решить его с китайскими товарищами по-братски.

Оценка договора как неравноправного была настолько неожиданной для Мао Цзэдуна и членов Политбюро, что вызвала у них откровенное удивление. После чего Мао Цзэдун и члены Политбюро почти враз заговорили о том, что сейчас не следует выводить советские войска из Ляодуна и ликвидировать базу в Порт-Артуре, так как этим мы только поможем США. Мао Цзэдун заявил, что вопрос о выводе войск из Ляодуна мы будем держать в секрете и что договор можно пересмотреть только тогда, когда в Китае будет разбита политическая реакция, народ будет мобилизован в наступление на иностранный капитал с целью его конфискации, когда с помощью Советского Союза «мы приведем себя в порядок». Китайский народ, сказал Мао Цзэдун, благодарен Сов. Союзу за этот договор. Когда мы укрепим, тогда «вы уйдете из Китая» и мы заключим советско-китайский договор о взаимопомощи наподобие советско-польского договора.

Далее Мао Цзэдун сказал, что в определении принадлежности имущества КЧЖД наблюдаются мелкие неполадки, которые можно разрешать на месте. Например, гоминьдановские войска забрали часть предприятий КЧЖД, а с приходом НОА они были последней вновь переданы КЧЖД. В народе говорят, что гоминьдановцы взяли эти предприятия согласно советско-китайскому договору, а НОА, как бы в нарушение договора, отдает их КЧЖД. Мао Цзэдун высказался за то, чтобы Гао Ган и Ковалев И. разобрались в этом вопросе и доложили КПК и ВКП(б)». ²¹⁹

А.М. Ледовский отмечал, что важное место в беседах заняли такие темы, как перспективы развития политической и экономической ситуации в Китае, политика КПК в городе и в деревне, ее отношение к различным социальным группам и партиям, к иностранному капиталу.

В Записке А.И. Микояна отмечалось, что еще в 1947 и 1948 гг. выявились определенные расхождения в подходах Москвы и ЦК КПК к вопросу о роли различных партий Китая (кроме КПК) в политической жизни страны на заключительном этапе внутренней войны и после ее завершения. Напомним, что в Записке А.И. Микояна приводился фрагмент из телеграммы Сталина в ЦК КПК от 20 апреля 1948 г. Представляется весьма существенным привести опущенную в Записке часть телеграммы Сталина. В ней говорилось: «Надо иметь в виду, что китайское правительство после победы Народно-освободительной армии Китая будет по своей политике, по крайней мере в период после победы, длительность которого сейчас трудно определить, национальным революционно-демократическим правительством, а не коммунистическим.

Это значит, что не будут пока что осуществлены национализация всей земли и отмена частной собственности на землю, конфискация имущества всей торговой и промышленной буржуазии от мелкой до крупной, конфискация имущества не только крупных землевладельцев, но и средних и мелких, живущих наемным трудом. С этими реформами придется подождать на известный период.

К Вашему сведению, – писал далее Сталин, – в Югославии кроме коммунистической партии существуют другие партии, входящие в состав народного фронта». ²²⁰

Вопрос о содержании и перспективах политики КПК неоднократно затрагивался и в беседах в Сибайпо. В Записке А.И. Микояна отмечалось, что он обратил внимание лидеров КПК на слабость позиций партии в городах и передал соображения руководства ВКП(б) о том, что скорейшее занятие больших городов обеспечит КПК «пролетарскую основу». В телеграммах в Москву из Сибайпо А.И. Микоян сообщил, что руководители КПК отмечали отсутствие у кадров партии опыта работы в городах. В одной из бесед Мао Цзэдун говорил о

²¹⁹ Там же. Л. 78—79.

²²⁰ Там же. Д. 31. Л. 28—29.

том, что на протяжении последних 20 лет в руках КПК не было крупных городов, что впервые она получила, благодаря Советской Армии, такие крупные центры, как Харбин.²²¹

Другие руководители КПК, говоря об отсутствии опыта и ясной политики в городах, рассказывали А.И. Микояну о том, что поначалу в ряде городов новые власти «передали в руки рабочих конфискованные торговые предприятия, они делили между собой товары этих предприятий, распродала их, а помещения разбирали»²²². В ответ на информацию и запросы А.И. Микояна по итогам бесед из Москвы поступило несколько телеграмм и по вопросам политики в городах. В этих телеграммах Сталин высказал ряд рекомендаций и обращал внимание руководства КПК на необходимость усиления работы среди рабочих, а также среди молодежи, женщин, подчеркивал необходимость ускоренной подготовки соответствующих кадров. По вопросам политики в отношении рабочих в одной из телеграмм из Москвы рекомендовалось «не запрещать забастовок, иначе КПК лишится доверия рабочих». В телеграмме в Москву о беседе 5 февраля 1949 г. А.И. Микоян сообщал, что этот совет «вызвал заметное недоумение у Мао Цзэдуна и у присутствовавших членов Политбюро». В целом же, писал А.И. Микоян, телеграммы из Москвы с советами по упомянутым вопросам (о рабочих, молодежи и др.) «произвели хорошее впечатление. Во время их изложения Мао Цзэдун и члены Политбюро дружно поддакивали, и Мао Цзэдун сказал, что советы будут выполнены».²²³

Особо обсуждались вопросы об отношении к иностранному капиталу и к национальной буржуазии. По поручению Сталина А.И. Микоян заявил руководителям КПК: «По вопросам иностранной собственности мы придерживаемся того мнения, что надо национализировать собственность японскую, французскую и, по возможности, английскую. В отношении американской собственности надо вести осторожную политику, чтобы создавать у американцев мнение, что их интересы будут учтены новыми [коммунистическими] властями».²²⁴

В беседе с Лю Шаоци, состоявшейся 3 февраля 1949 г., большое внимание было уделено вопросу об отношении к национальной буржуазии. «Лю Шаоци заявил, – говорилось в телеграмме А.И. Микояна об этой беседе, – что они будут проводить конфискацию предприятий компрадорской буржуазии под видом конфискации бюрократического капитала. Что касается частных предприятий национальной буржуазии, то через 1–2 года можно поставить вопрос об их судьбе в плане национализации». На это А.И. Микоян сказал: «Осторожная политика в отношении национальной буржуазии является правильной. Пока не следует говорить о национализации ее предприятий. Лучше присмотреться к ней и, когда власть окрепнет, поднять вопрос о ней». Лю Шаоци выразил полное согласие.²²⁵

В той же беседе Лю Шаоци говорил: «Основной вопрос нашей политики – это вопрос о том, куда пойдет Китай. Самой сложной проблемой для Китая является вопрос о мелких товаропроизводителях: пойдут ли они по кооперативному пути, то есть к социализму, или к капитализму. Мы всегда помним указания Ленина, – подчеркнул Лю Шаоци, – о том, что мелкобуржуазное хозяйство является источником, порождающим капитализм...

Наша цель – это постепенный переход к социализму путем усиления планового начала в хозяйстве. Переход к социализму будет носить длительный характер по времени и

²²¹ Там же. Д. 39. Л. 69.

²²² Там же. Л. 92.

²²³ Там же. Л. 74.

²²⁴ Там же. Л. 69.

²²⁵ Там же. Л. 41.

ожесточенный по борьбе. У нас также встанет вопрос кто – кого, как в свое время его ставил Ленин.

По нашим подсчетам, для полного наступления на капиталистические элементы в нашем хозяйстве придется переждать 10—15 лет, после чего мы возьмемся за передачу промышленных и торговых предприятий в руки государства и этим самым ускорим движение Китая к социализму.

Перевод сельского хозяйства на социалистические рельсы, – сказал Лю Шаоци, – мы мыслим только лишь при условии подведения индустриальной базы под сельское хозяйство». ²²⁶

Характеризуя различные тенденции в партии в отношении общих перспектив политики КПК, Лю Шаоци говорил: «Во-первых, в партии есть люди, которые считают, что надо всемерно развивать капитализм и опираться на него. По существу это означает уступку капиталистическим элементам, капитуляцию перед капитализмом. Эти люди хотят создать из Китая обычное буржуазное капиталистическое государство, т. е. восстановить полуфеодальные и буржуазные порядки. Во-вторых, в партии есть люди, которые склонны по-левацки, авантюристически поспешно строить социализм. Эта тенденция выражается в том, что кое-кто составляет необоснованные планы, не учитывая наших возможностей. В результате эти тенденции наносят вред союзу рабочего класса с крестьянством. Надо, – сказал Лю Шаоци, – решительно бороться с этими тенденциями, и в этом отношении мы просим советов со стороны СССР». ²²⁷

Существенно отметить и рекомендации Сталина в отношении национальной политики КПК. В Записке А.И. Микояна уже приводились данные об обсуждении в Сибайпо вопросов о Монголии и о Синьцзяне. В то же время в ней опущены упоминания о рекомендациях Москвы относительно общих принципов будущей национальной политики КНР. В телеграмме в Москву о беседе с Мао Цзэдуном 4 февраля 1949 г. А.И. Микоян писал: «Я передал Мао Цзэдуну, что наш ЦК не советует Китайской компартии чересчур размахиваться в национальном вопросе путем предоставления независимости национальным меньшинствам и тем самым уменьшения территории Китайского государства в связи с приходом к власти китайских коммунистов. Следует дать национальным меньшинствам автономию, не независимость.

Мао Цзэдун обрадовался этому совету, но по его лицу было видно, что он не собирался давать независимость кому бы то ни было». ²²⁸

В заключительной беседе с А.И. Микояном 7 февраля 1949 г. Мао Цзэдун изложил свой общий подход к вопросам экономической политики КПК после ее прихода к власти. Он, в частности, заявил: «В Китае имеется 90 миллионов крестьянских дворов, объединяющих 360 миллионов человек, среди них 10 процентов (так в тексте. По-видимому, это опечатка. В то время, по оценкам, принятым в КПК, бедняки составляли 60—70% населения деревни. – *А.М. Ледовский* . – *Ю.Г.*) (Можно также предположить, что Мао Цзэдун имел в виду только беднейшее крестьянство, упоминая о 10%. – *Ю.Г.*) бедняков – союзников рабочего класса. Руководство принадлежит пролетариату. Крестьянству мы дали землю, но не дали товаров, в которых оно нуждается и которых у нас нет. Если мы не разовьем промышленность, то не обеспечим крестьян товарами, а значит, потеряем руководство ими.

Мы рады тому, что СССР оказывает нам горячую поддержку и помощь, но нельзя победить, надеясь только на помощь извне. Поэтому, защищая интересы рабочих, через

²²⁶ Там же. Л. 42—43.

²²⁷ Там же. Л. 46.

²²⁸ Там же. Л. 54.

профсоюзы, через вмешательство государства и торговлю с целью снижения цен путем продажи зерна, топлива и товаров для рабочих и городского населения, защищая бедняков в деревне путем вовлечения их в производственную и сбытовую кооперацию, мы должны также дать возможность развиваться и частным предприятиям. Мы намерены использовать два лозунга Сунь Ятсена:

1. Ограничение капитала путем контроля.
2. Вытеснение ростовщического капитала, который вреден народу.

Мы считаем возможным и необходимым разрешить свободную конкуренцию на внутреннем рынке Китая. Мы должны, поскольку мы еще слабы и отстали в экономическом отношении, использовать частный капитал, но не допуская здесь торопливости». Далее Мао Цзэдун сказал, что при наличии более высокого уровня промышленного и общего экономического развития дореволюционной России Советскому Союзу потребовалось 12 лет перехода к социалистическому преобразованию сельского хозяйства. В Китае, по словам Мао Цзэдуна, при его экономической отсталости, переходный период будет тоже длительным. «Для сокращения переходного периода, – заявил Мао Цзэдун, – мы будем нуждаться в экономической помощи. Мы считаем возможным получить эту помощь только от СССР и стран новой демократии. Нам необходим заем на 3 года (1949—1951) на сумму 300 млн американских долларов, по 100 млн долларов в год с оплатой процентов. Мы хотели бы получить заем частично оборудованием, нефтью и др. товарами, а также серебром, необходимым нам для укрепления юаня».²²⁹

По просьбе Мао Цзэдуна А.И. Микоян провел ряд многочасовых бесед с членами Политбюро ЦК КПК по вопросам экономического положения в Китае и экономической политики КПК. После этого многие проблемы обсуждались с участием Мао Цзэдуна. По итогам этих обсуждений А.И. Микоян в телеграмме в Москву сообщил: «Необходимо отметить, что члены Политбюро, с которыми я беседовал, вполне компетентны и держат себя уверенно в вопросах общеполитических, партийных, в крестьянском вопросе и в общеэкономических вопросах. Однако очень слабо подкованы в хозяйственных вопросах. Они имеют очень смутное представление о промышленности, транспорте, банках. Например, не имеют никаких данных о японской собственности, конфискованной после войны Гоминьданом, не знают, какие важнейшие иностранные предприятия имеются в Китае и каким государствам они принадлежат. Не имеют также сведений о деятельности иностранных банков в Китае... Они не знают также, какие предприятия принадлежат бюрократическому капиталу, которые они хотят конфисковать, сколько их находится на освобожденной территории и в каком состоянии... Все их хозяйственные планы носят характер общих установок без попытки конкретизации даже в отношении того, что находится под их властью в освобожденных районах. Сидят в глухой деревне и оторваны от действительности... В процессе беседы выяснилось, что у них нет конкретных планов относительно того, что они собираются взять в свои руки в качестве экономической опоры государства (крупные банки, крупная промышленность и другие)».²³⁰

А.И. Микоян предложил руководителям КПК представить в Москву свои конкретные заявки на предмет получения от СССР соответствующей помощи. Мао Цзэдун просил ускорить осуществление различных поставок по предыдущим заявкам КПК, связанным с решением задач оперативного характера. Для заключения соглашения о займе и обсуждения других проблем, возникавших в ходе быстро развивавшихся событий, руководство КПК, сказал Мао Цзэдун, имеет в виду через некоторое время направить в Москву специальную делегацию.

Как отмечалось в приведенной выше телеграмме Мао Цзэдуна Сталину от 8 января

²²⁹ Там же. Л. 95.

²³⁰ Там же. Л. 89—90.

1949 г., китайское руководство просило ускорить рассмотрение и осуществление поставок по предыдущим заявкам КПК. Для обсуждения вопросов дальнейшей экономической и военной помощи, а также вопроса о займе, как отмечалось в ряде бесед и соответственно в телеграммах А.И. Микояна в Москву, руководство КПК намеревалось направить в СССР специальную делегацию.

Такая делегация во главе с секретарем ЦК КПК Лю Шаоци посетила Москву в секретном порядке в июне – июле 1949 г. и вела переговоры со Сталиным и другими советскими руководителями.²³¹

Русский историк-китаевед С.Н. Гончаров в беседе с И.В. Ковалевым поставил следующий вопрос:

«Начиная с 50-х годов китайские руководители, а вслед за ними и историки, журналисты стали часто упоминать один эпизод, связанный с поездкой Микояна. По их утверждениям, во время бесед с Мао Цзэдуном советский представитель по поручению Сталина посоветовал не развивать дальнейшее наступление против Чан Кайши на Юге Китая, не форсировать реку Янцзы и остановиться на ее северном берегу. Давая свое объяснение подобной рекомендации Сталина, китайцы приводят несколько главных возможных причин ее появления на свет: недооценку советским лидером потенциала китайской революции, неверие в возможность быстрой и окончательной победы в гражданской войне; боязнь того, что в случае наступления коммунистов на Юге Соединенные Штаты открыто вмешаются в конфликт на стороне Чан Кайши, что, в свою очередь, способно было привести к развязыванию третьей мировой войны; высказывались и предположения о том, что Сталин вообще не был заинтересован в создании единого мощного Китая под контролем коммунистов, что он хотел раздробить эту страну, сохранив Юг за Чан Кайши, чтобы затем утверждать советское влияние, используя противоречия между Севером и Югом. Вполне понятно, что все эти версии вызывали в Китае крайне негативное отношение, неприятие. До сих пор в КНР идут дискуссии по данному вопросу, причем одни специалисты утверждают, что Микоян вообще не говорил ничего подобного, другие же продолжают утверждать, настаивать на том, что сталинские рекомендации все же были им изложены. Что вы можете сказать по этому вопросу, как один из немногих непосредственных участников переговоров?»²³²

Отвечая на вопрос С.Н. Гончарова, И.В. Ковалев говорил следующее:

«Да, я действительно участвовал во всех переговорах А.И. Микояна с китайскими руководителями. Они продолжались неделю и проходили в уже упоминавшейся деревне Сибайпо, около города Шицзячжуан. Сначала Микоян, по просьбе китайских товарищей, сделал доклад о международной обстановке. Затем начались переговоры, затрагивавшие в

²³¹ Ледовский А.М. Секретная миссия А.И. Микояна в Китай // Проблемы Дальнего Востока. 1995. № 3. – С. 104—105.

²³² Среди работ, где утверждается, что Сталин через Микояна передал указание не пересекать Янцзы и не развивать наступление на юг, можно назвать: Лю Сяо. Посольская миссия в Советском Союзе [часть 1]. // Шицзе чжиши. – Пекин. 1987. № 3. – С. 15; Цюй Син. Политика Советского Союза в отношении Китая накануне и после его основания // Гоцзи гун инь. – Пекин. 1986. № 6. – С. 4. Эти работы основаны на высказываниях Мао Цзэдуна и Чжоу Эньлая о том, что Сталин не верил в силы китайской революции и стремился раздробить страну на «южную и северную династии», где юг контролировался бы Чан Кайши, а север – коммунистами. Косвенно подтверждает подобную версию в своих воспоминаниях и видный военачальник Не Жунчжэнь. См.: Nie Rongzhen. Inside the Red Star: The Memoirs of Marshal Nie Rongzhen. – Beijing, 1988. – P. 585. Вместе с тем Ши Чжэ, который был переводчиком во время переговоров с Микояном, категорически утверждает, что ничего подобного он не говорил. См.: Ши Чжэ. Вместе с председателем Мао от Яньани до Бэйпина // Жэнью. – Пекин. 1989. № 5. – С. 152; Ши Чжэ. Первый визит председателя Мао в Советский Союз // Синь Чжунго вайцзяо фэньюнь – Рассказы о дипломатии Нового Китая. – Пекин, 1990. – С. 8–9. К аналогичному выводу пришли два авторитетных китайских специалиста, которые провели разыскания в архивах и опросили очевидцев событий. См.: Юй Чжань, Чжан Гуанью. Разыскание о том, отговаривал ли нас Сталин от переправы через Чанцзян // Синь Чжунго вайцзяо фэньюнь. – С. 15—21.

основном вопросы советского содействия в восстановлении и развитии экономики нового Китая. Насколько помню, никаких советов о том, чтобы прекратить наступление против Чан Кайши на берегах Янцзы, Микоян не излагал.

Это вовсе не значит, что во время переговоров не возникало острых ситуаций или разногласий. Так, например, Мао Цзэдун, ссылаясь на мнение некоей «руководительницы революционного крыла партии Гоминьдан», сообщил, что там бытует мнение о необходимости добиваться от Советского Союза выполнения двух условий: безвозмездного возвращения Китаю советской доли имущества Китайской Чанчуньской железной дороги (бывшей КВЖД) и согласия СССР на включение Монгольской Народной Республики в состав Китая. По словам Мао, в случае выполнения этих условий левое крыло Гоминьдана готово было порвать с Чан Кайши и заключить с коммунистами союз для борьбы против него. Микоян, насколько я помню, ответил, что он не уполномочен обсуждать подобные проблемы. Есть основания полагать, что ссылкой на «руководительницу революционного Гоминьдана» Мао и другие китайские руководители прикрывали собственные позиции, позднее они не раз возвращались к упомянутым выше вопросам.

Что касается вопроса о сталинских рекомендациях относительно наступления китайских коммунистов на юге страны, то мне доподлинно известно следующее. В апреле 1949 года (то есть накануне переправы через Янцзы) Сталин в ответ на запросы китайских руководителей и мою информацию прислал Мао пространную телеграмму, имевшую очень большое значение. В основном там излагались советы, как лучше организовать различные стороны жизни Нового Китая; в разделе седьмом этой телеграммы Сталин давал свою оценку военно-политической ситуации в стране.

Сталин подчеркивал, что, хотя военные успехи Народно-освободительной армии Китая (НОАК) являются блестящими, кампанию против Чан Кайши ни в коем случае нельзя считать завершенной. По мнению Сталина, «англо-франко-американцы» страшатся того, что выход НОА к границам сопредельных с Китаем стран создаст в них, а также на занимаемых чанкайшистами островах революционную ситуацию. В этих условиях они могут пойти на любые меры – от блокады до вооруженных столкновений с Китаем для того, чтобы сохранить острова и Азию. Сталин отмечал, что особенно возросла опасность высадки англо-американских войск в тылу у главных сил НОАК, ушедших на юг. В связи с этим Сталин излагал три рекомендации, которые я сейчас приведу дословно, по тексту документа:

«а) Не торопиться и серьезно подготовить поход НОА на юг для выхода к границам с соседними странами.

б) Выделить из главных сил НОА, идущих на юг, две хорошие армии, перебросить их в районы портов, пополнить и держать в готовности для предупреждения войск врага.

в) Не сокращать пока войска НОА».

Как видим, Сталин здесь не ведет речь о том, чтобы пресечь наступление НОАК на юге, он лишь рекомендует, как лучше его организовать.

Мне неизвестно о каких-то других рекомендациях Сталина остановить наступление. Возможно, позже китайцы ошибочно приписали вышеупомянутые советы ко времени визита Микояна. Сейчас трудно сделать окончательные выводы, это станет реальным, когда откроются архивы». ²³³

В КНР дали свою трактовку поездки А.И. Микояна в Китай в начале 1949 г. При этом прежде всего утверждалось, что «Сталин послал Микояна в Китай за тем, чтобы выслушать мнение Мао Цзэдуна». ²³⁴

Ход событий при этом интерпретировался так: в апреле 1948 г. Мао Цзэдун с частью учреждений ЦК КПК перебазировался в провинцию Хэбэй. Приближалась победа во

²³³ Проблемы Дальнего Востока. 1991. № 6. – С. 85—86.

²³⁴ Лю Цзечэн... С. 524.

внутренней войне против армии Китайской Республики. Полагая, что существовали важные вопросы, которые требовалось обсудить при личной встрече со Сталиным, Мао Цзэдун принял решение совершить поездку в Советский Союз. Он предполагал сначала добраться на автомашине до советско-китайской границы, откуда и направиться в Москву.

Однако оказалось, что Сталин придерживался иного мнения.

В ответ на предложение Мао Цзэдуна и его просьбу о встрече Сталин прислал телеграмму, в которой говорилось о том, что в решающий момент в ходе революционной войны в Китае Мао Цзэдуну было бы нецелесообразно покидать свой пост. Если же имелась необходимость обсудить важные вопросы, то Сталин предполагал направить в Китай одного из членов своего Политбюро в качестве полномочного представителя, чтобы этот представитель выслушал мнение Мао Цзэдуна; Сталин также выражал надежду на то, что Мао Цзэдун еще раз обдумает свое предложение.

Мао Цзэдун принял предложение Сталина.

В мае того же года Мао Цзэдун обосновался в деревне Сибайпо уезда Фупин провинции Хэбэй и был готов принять гостей из Советского Союза. Однако обстановка в ходе боев осложнилась. Учитывая возросшую опасность, советская сторона предпочла отложить визит.

В декабре 1948 г. Сталин переслал Мао Цзэдуну письмо, которое правительство Китайской Республики направило правительству СССР. В этом документе содержалась просьба к СССР выступить в качестве посредника с тем, чтобы добиться приостановки войны между войсками правительства Китайской Республики и войсками Мао Цзэдуна, прекратить внутреннюю войну. В письме имелись выражения такого рода: «братоубийственная война», «все еще» существующая необходимость «оборонить страну от агрессии». Эти выражения трактовались как просьба к советской стороне уговорить КПК отказаться от ведения войны.

Однако Сталин, учитывая военный перевес сил КПК, не поддавался на удочку Чан Кайши. Правда, советское правительство ограничилось только тем, что передало письмо (текст письма на русском языке) КПК и при этом не выразило своего мнения. Ши Чжэ перевел текст письма на китайский язык и передал его Мао Цзэдуну.

Иначе говоря, в материалах, которые опубликованы в КНР, их авторы старались создать впечатление, что Сталин как бы отстранился от того, чтобы занять определенную позицию, особенно позицию поддержки в общем и целом действий Мао Цзэдуна. Судя по приведенным выше документам, это сознательное и намеренное искажение фактов.

Китайские авторы также отмечали, что, получив перевод письма правительства Китайской Республики правительству СССР, Мао Цзэдун только чуть улыбнулся и не придавал этому значения.²³⁵

Далее утверждалось, что только тогда, когда в январе 1949 г. войска КПК взяли Тяньцзинь, уничтожили противника под Баодинем и обстановка на фронтах прояснилась и стала устойчивой, Сталин послал А.И. Микояна с секретной миссией в Китай. С А.И. Микояном поехали замминистра путей сообщения СССР, ответственный за восстановление КЧЖД И.В. Ковалев, китаевед Е.Ф. Ковалев и сотрудник охраны.

А.И. Микоян был членом Политбюро ЦК партии, заместителем председателя Совета министров СССР. Это была импозантная фигура. Он вылетел с советского аэродрома в Дальнем и приземлился в Шицзячжуане. Его встретили Ши Чжэ и Ван Дунсин, которые и препроводили А.И. Микояна в Сибайпо. По пути А.И. Микоян неоднократно требовал остановить автомашину, заходил в дома простых крестьян, разговаривал с мужчинами и женщинами, со старыми и малыми. Он и не старался держать в секрете свою миссию.

Будучи обеспокоен этим, Ши Чжэ пытался остановить А.И. Микояна, а затем, увидев тщетность своих попыток, спросил: «Если вы хотите сохранить поездку в тайне, почему вы

²³⁵ Там же. С. 525.

бегаете куда попало и демонстрируете себя?»

А.И. Микоян ответил: «Да разве тут у вас что-либо может быть сохранено в тайне?! Думаю, что завтра-послезавтра агентство Рейтер, или ЮПИ, или другое телеграфное агентство передаст сообщение об этой поездке: причем они не только будут рассказывать о том, что я посетил Китай, но, вероятно, станут утверждать, что русские дьяволы занимаются в Китае подрывной деятельностью. А раз это так, то к чему все эти меры предосторожности?»

Ши Чжэ дал ему свои разъяснения, но А.И. Микоян их не слушал. Однако спустя два года А.И. Микоян, встретившись с Ши Чжэ, принес свои извинения: «Вплоть до настоящего времени ни одно иностранное информационное агентство, ни Рейтер, ни ЮПИ, так и не опубликовало сообщения о моей поездке в Шицзячжуан и Сибайпо. Это свидетельствует о том, что вы действительно пустили глубокие корни в массах и народ верит вам, слушается вас, идет за вами. Ваши сила и влияние являются беспримерными. Вы знаете, этого мы в СССР добиться не можем. Если у нас где-нибудь появится иностранец, это сразу же становится известно во всей округе».

А.И. Микоян находился в Сибайпо неделю. В общей сложности он три полных дня провел в беседах с пятеркой: Мао Цзэдун, Лю Шаоци, Чжоу Эньлай, Чжу Дэ, Жэнь Биши. Остальное время заняли отдельные беседы, отдых, развлечения.

По приезде А.И. Микояна в Сибайпо Мао Цзэдун принял его и представил секретарей ЦК КПК. А.И. Микоян, со своей стороны, передал приветы от Сталина и всех членов Политбюро ЦК ВКП(б), пожелания Компартии Китая добиться скорейшей победы, полностью освободить Китай. Затем он вручил Мао Цзэдуну подарок Сталина – отрез шерстяной материи. При этом А.И. Микоян сказал, что Сталин проявляет большую заботу о развитии революции в Китае и «направил меня сюда для того, чтобы выслушать ваше мнение. Я доложу по возвращении Сталину о том, что будет вами сказано; принимать же решения будет Сталин».

На следующий день начались официальные переговоры, в ходе которых говорил главным образом Мао Цзэдун. Чжоу Эньлай, Жэнь Биши бросали реплики, делали некоторые пояснения. Мао Цзэдун подряд говорил целых три дня, то есть 1, 2 и 3 февраля 1949 г.

Мао Цзэдун высказал следующие соображения:

Вплоть до настоящего времени революция в Китае развивается довольно быстро, относительно быстро развивается и военная ситуация. Возможно, тут не понадобится слишком много времени. Иначе говоря, очевидно, потребуется меньше времени, чем мы предполагали ранее, и мы сможем форсировать реку Янцзы, а дальше окажется возможным развивать наступление на юг. Предполагаем, что после переправы через реку Янцзы нам не понадобится особенно много времени, как мы уже окажемся в состоянии взять Нанкин, овладеть Шанхаем и другими большими и важными городами. После овладения несколькими важными городами южнее реки Янцзы мы не ожидаем, что у врага сохранятся какие-либо значительные реальные силы.

Мао Цзэдун продолжил:

Наша армия обладает сильной волей, ее боевой дух высок. Главные особенности нашей армии: хороший классовый состав, высокая сознательность; бойцы и командиры относительно молоды, подвижны. Они полны энтузиазма, обладают высокой боеспособностью. Они не только способны преодолевать трудности, есть, как говорится, горькое, они способны также развивать свои преимущества, инициативу и гибкость при принятии решений и в действиях. Поэтому, при том условии, что руководство будет на высоте, если мы в области стратегии, в тактике, в оперативном плане не допустим больших ошибок, у нас есть гарантия того, что мы одержим полную победу.

Мао Цзэдун подчеркнул:

Наши лозунги, наши политические установки целиком и полностью отвечают интересам и требованиям широких народных масс, люди их поддерживают, они им

нравятся. По всей стране массы рабочих и крестьян, а также и слои передовой интеллигенции, образованных людей, выступают вместе с нами. Реакционные элементы из числа последних, то есть из числа интеллигенции, образованных людей, большей частью уходят с Гоминьданом или на Тайвань, или за границу. Можно сказать, что сегодня сердца людей обращены к нам, симпатии народа на нашей стороне. Это благоприятные условия и прекрасная возможность для того, чтобы мы целиком и полностью разгромили Чан Кайши, Гоминьдан. «Надо ловить момент, больше такой возможности может не быть!» Нельзя упустить такой случай. А ведь и в действительности дело обстояло именно таким образом: после того, как в 1947 году армия Чан Кайши захватила Яньань, мы, находясь тогда в северной части провинции Шэньси, в октябре того же года выбросили лозунг, призыв: «На Нанкин, живьем взять Чан Кайши!»; а вслед за тем мы бросили еще один лозунг, еще один призыв: «Форсировать реку Янцзы, освободить весь Китай!» Вот наши стратегические руководящие лозунги, причем мы должны будем постепенно претворить их в жизнь. Когда мы оставляли Яньань, то говорили: он захватил Яньань, а мы сумеем взять Нанкин. Наши методы в отношении Чан Кайши: действовать острием против острия, не уступать ни пяди земли.

Вслед за тем Мао Цзэдун проанализировал три проблемы, которые стояли тогда перед КПК:

Во-первых, проблема создания новой политической власти после победы в войне. На повестку дня уже встали такие вопросы, как характер этой власти, ее формы, структура, наименования органов власти. Эти вопросы уже обсуждались в партии. Прежде всего, кратко охарактеризовать существо этой власти можно следующим образом: это демократическая диктатура народа на основе союза рабочих и крестьян, причем ее сутью является не что иное, как диктатура пролетариата. Однако когда речь идет о таком государстве, как наше, то тут наиболее подходящим, наиболее рациональным и лучше всего эмоционально воспринимаемым будет именно такое наименование, как демократическая диктатура народа.

Далее стоит вопрос о структуре, о составных частях этой власти. Мы полагаем, что она должна представлять собой коалиционное правительство. Формально она не будет именоваться так, но по своей сути это должно быть именно коалиционное правительство. В настоящее время в Китае, помимо Коммунистической партии, существуют также несколько различных демократических партий и организаций, некоторые из них сотрудничают с нами на протяжении многих лет. Хотя они и не могут считаться мощными организациями, да они и не многочисленны, хотя они и не обладают каким-либо влиянием ни в массах рабочих и крестьян, ни в вооруженных силах, однако они пользуются определенным влиянием и в кругах интеллигенции, и среди наших соотечественников за рубежом. Мы намерены продолжать спланировать их, проявлять о них заботу, оставить для них некоторые посты в правительственных учреждениях. Однако руководящая власть в государстве должна находиться в руках Коммунистической партии Китая. Это определено и не подлежит пересмотру, тут недопустимы какие бы то ни было колебания.

Окажется ли возможным сплотить людей и добиться единства действий, если речь идет о такого рода власти, имеющей коалиционный характер? Это вопрос практических действий, это вопрос, касающийся методов работы и создания определенных структур. С одной стороны, структуры, порядок можно постепенно создавать и совершенствовать, оздоравливать; методы работы тоже можно в процессе работы постепенно согласовывать и совершенствовать. Что же касается трудностей и трений, возникающих в ходе работы, то они непременно будут появляться, однако их также непременно можно преодолевать и улучшать ситуацию. Одним словом, структура правительства в основном будет такой, как об этом только что было сказано. Коммунистическая партия Китая – это ее ядро, ее костяк. Новая власть должна непрестанно усиливать и расширять сферу работы, направленной на обеспечение единого фронта.

Во-вторых, непосредственно после победы встает именно такая задача, как

восстановление производства и экономическое строительство. Как только закончится война, мы тут же не только должны взяться за восстановление производства, но и должны создавать совершенно новую, современную, мощную экономику страны. Тут не обойдешься выдвиганием неких лозунгов, призывов; эту задачу невозможно выполнить принятием нескольких решений. Здесь необходима правильная политика. Мы сейчас как раз изучаем в качестве подспорья для себя опыт двукратного восстановления хозяйства в Советском Союзе (после Октябрьской революции 1917 года и после окончания Второй мировой войны). Население Китая составляет 500 миллионов человек. Только на словах легко привести это население в движение, организовать и упорядочить. Перед нами в настоящее время стоит именно следующая актуальная задача: мы должны решить вопросы, касающиеся обеспечения народа одеждой, питанием и жильем, а также вопросы, касающиеся налаживания производственного строительства.

Мао Цзэдун указал:

Народные массы обладают героической силой, силой могучей, силой наиболее надежной и непобедимой. Наши профессиональные организации рабочих, организации женщин, молодежные организации в годы войны сыграли огромную роль. Они могут также сыграть еще более полноценную и великую роль в производственном строительстве. В настоящее время в масштабах всей страны массы еще не организованы в полной мере, а это ставит перед нами очень трудную задачу. Что же касается нынешних форм, то у рабочего класса есть собрания представителей рабочих и служащих, у женщин есть федерации женщин; что же касается молодежи, то тут речь идет почти о половине населения всей страны, поэтому помимо такой формы организации, какую представляет собой союз молодежи, пожалуй, надо будет создавать и развивать другие подобные организации, а именно такие, как федерация студентов и прочие формы молодежных организаций.

А.И. Микоян здесь вставил свое слово:

Не приведет ли создание нескольких различных молодежных организаций к распылению и даже расколу сил молодежи? Не вызовет ли это противоречия и трения в работе с молодежью? Не лучше ли было бы иметь для молодежи только одну организацию, что облегчило бы организацию молодежи, упорядочение ее рядов, руководство ею?

Мао Цзэдун помрачнел:

В Китае молодежи более ста миллионов. Как же можно загнать их в один загон с помощью одной только организации? А если даже мы их всех загоним в один такой загон, то как с ними работать? Формы и методы работы с молодежью должны быть соответствующими, должны быть гибкими, поэтому вполне естественно, что тут необходимо также гарантировать, что молодые люди сыграют при этом должную роль.

А.И. Микоян поспешил заявить:

Я приехал только за тем, чтобы послушать, только со своим ухом; у меня нет права высказывать мнение.

В дальнейшем А.И. Микоян больше не вставлял свои реплики, когда говорил Мао Цзэдун.

В-третьих, анализируя проблемы, стоявшие тогда перед КПК, Мао Цзэдун остановился на вопросе об армии.

Далее он рассуждал о международных проблемах и об общем курсе внешней политики Китая. При этом он привел образное сравнение. С его точки зрения, сначала следовало подмести и прибраться в своем доме и только затем приглашать в него гостей.

Мао Цзэдун говорил:

В нашем доме сейчас довольно много мусора. Так получилось в силу того, что империалистические элементы натоптали там своими железными копытами. И если допустить, чтобы некие бесцеремонные, ничего не смыслящие в приличиях и нормах поведения гости плюс к тому, что мы имеем, намеренно и осознанно нанесли к нам и еще всякий мусор, тогда вообще будет трудно что-либо сделать для исправления положения. А

ведь они заявляют: «В вашем доме изначально была одна сплошная грязь, ведь так? Чего же вы тут еще и выступаете с вашими протестами?!» При таких обстоятельствах нам с ними просто не о чем разговаривать. Мне представляется, что ситуация, при которой друзья входят в двери нашего дома и между нами устанавливаются дружественные отношения, является совершенно нормальной, да и просто необходимой. А если плюс к тому они еще и согласятся протянуть нам руку помощи, то это будет еще лучше, разве не так?! Что касается этого вопроса, мне хотелось бы на этом сегодня закончить. Однако нам хорошо известно, что существуют и такие, кто хотел бы проникнуть к нам украдкой, подсмотреть в замочную скважину, своими железными копытами они хотят топтаться в нашем доме; несмотря на это, мы пока, временно все еще не имеем возможности дать им достойную отповедь. Что же до империалистических элементов, то они преследуют неблагоприятные цели. С одной стороны, они хотели бы прихватить кое-что в нашем доме, урвать там для себя кое-что; в то же время они действуют так для того, чтобы мутить воду. Ведь в мутной воде легче выловить рыбку. Нам не нравится, когда к нам являются такие вот люди.

В настоящее время мы все еще не освободили половину нашей территории. В континентальной части страны справиться с этой задачей относительно легче. Тут вопрос решается простым продвижением наших войск. Что же касается островных территорий в морях, то дело обстоит сложнее. Здесь необходимо применить другие, более гибкие методы для того, чтобы освободить эти территории. Или применить метод мирного перехода; иначе говоря, при этом потребуются относительно длительное время. В таких обстоятельствах нет особого смысла спешить с освобождением Сянгана, Аомэня. Напротив, следует использовать изначальное положение этих двух районов, особенно Сянгана; это благоприятное условие для развития нами отношений со странами, которые лежат за морями. Это предоставляет нам удобства при ведении экспортно-импортной внешней торговли. Одним словом, следует принимать окончательные решения, исходя из развития ситуации.

Тайвань — это территория Китая. Тут спорить не о чем. В настоящее время, оценивая ситуацию, можно прийти к выводу о том, что все остатки сил Гоминьдана отступят туда и в дальнейшем создастся ситуация противостояния между нами и ими через морской пролив; при этом не будут поддерживаться какие бы то ни было отношения. К тому же тут существует и такая проблема, как США. По сути дела, Тайвань находится под защитой и прикрытием со стороны американского империализма. Таким образом, вопрос о Тайване оказывается еще более сложным, чем вопрос о Тибете. Для того чтобы освободить Тайвань, потребуется еще больше времени.

В настоящее время в ходе освободительной войны мы одерживаем одну победу за другой и продвигаемся вперед. При этом вплоть до сего момента мы еще не встретились с серьезными попытками империализма вмешаться или ставить нам преграды. Мелкие столкновения случались неоднократно. Например, кое-где в окрестностях Тяньцзиня, в окрестностях города Циндао в провинции Шаньдун имели место конфликты. Во всех такого рода случаях они просто-напросто пытались испытать нас. Получая с нашей стороны отпор и ощущая наши удары, они уползали назад, вели себя, как черепаха, которая прячется под свой панцирь. А вслед за тем они впадали в панику и бежали, отступали, их и след простыл, они предпочли за благо убраться. Будут ли иметь место такого рода ситуации южнее реки Янцзы, я пока не знаю.

Опыт, который у нас накопился к настоящему времени, свидетельствует о том, что американские вооруженные силы не имеют намерения быть вовлечены непосредственно во внутреннюю войну в Китае. Они лишь косвенно как бы суют свой нос в наши дела. Они в больших количествах поставляют армии Чан Кайши оружие и боеприпасы (военное имущество и снаряжение, которое осталось после окончания Второй мировой войны); они питают надежды на то, что эти отбросы сыграют свою роль. Прочие империалисты в настоящее время похожи на глиняного Будду, который переходит реку вброд. Он

заботится при этом только о самом себе, они готовы поступиться честью ради спасения своей шкуры; каждый из них думает лишь о собственной безопасности, никто из них не желает, да практически и не может, не имеет сил для того, чтобы пуститься в авантюры. В настоящее время мы сталкиваемся именно с такой ситуацией на мировой арене. А это также является одним из условий, благоприятствующих достижению нами полной и окончательной победы в войне освобождения. В истории Китая просто трудно найти подобную ситуацию. Мы ни в коем случае не можем упустить такой случай.

Мы еще предъявим счета империалистам по нескольким реестрам. Во-первых, они должны целиком и полностью отменить все свои привилегии в Китае. Во-вторых, вооруженные силы империализма, его полицейские силы должны покинуть Китай. Что же касается проживания на территории Китая выходцев из других стран, то мы будем решать этот вопрос в соответствии с общими правилами проживания иностранцев и с международными обычаями. Империалистические элементы никогда еще не считали китайцев за людей. Вот и придется их проучить; пусть они протрезвеют, пусть у них в голове прояснится.

Помимо этого, Мао Цзэдун говорил в беседах с А.И. Микояном о вопросах национальной политики, аграрной реформы, политики по отношению к национальной буржуазии. Он также ознакомил А.И. Микояна с положением в Коммунистической партии Китая. При этом он особо остановился на том, какой политики придерживается партия в отношении тех своих функционеров, которые допустили ошибки. Он привел пример: такие деятели, как Ван Мин, Ли Лисань, несмотря на то что они допустили ошибки в вопросе о линии партии и несмотря на то что их деятельность нанесла огромный урон партии, избраны членами ЦК партии. Это произвело на А.И. Микояна глубокое впечатление. Когда А.И. Микоян присутствовал в 1956 г. на восьмом съезде КПК, он специально отметил, что доложил Сталину об этом обстоятельстве, однако Сталин никак не отреагировал на это.²³⁶

Впоследствии в разговоре с Ши Чжэ А.И. Микоян рассказал о том, какое впечатление произвел на него Мао Цзэдун. А.И. Микоян считал, что Мао Цзэдун дальновиден, твердо проводит свой курс, он мудрый стратег; это незаурядный руководитель. А.И. Микоян имел также в Сибайпо беседы с Чжоу Энлаем и Жэнь Биши.

Рано утром 7 февраля 1949 г. А.И. Микоян в сопровождении Чжу Дэ и Жэнь Биши выехал в Шицзячжуан. Осмотрев город, он улетел на своем самолете. Поездка А.И. Микояна в Китай – это случай, когда Сталин впервые направил прямо в Китай члена Политбюро с той целью, чтобы разобраться в ситуации и непосредственно выслушать мнение Мао Цзэдуна. Это также первая личная встреча: встреча лицом к лицу важных руководителей двух партий – ВКП(б) и КПК. Все это сыграло важную роль в процессе знакомства Сталина с Мао Цзэдуном и революцией в Китае. Так оценивали в КПК – КНР визит А.И. Микояна в Китай в январе – феврале 1949 г..²³⁷

В литературе, изданной в КНР, особо выделяется следующий момент. В начале февраля 1949 г., в дни пребывания А.И. Микояна в Сибайпо, Мао Цзэдун однажды вечером нанес ему визит. На сей раз Мао Цзэдун высказал свои соображения по вопросу о независимости и суверенитете, самостоятельности в решениях.

²³⁶ Попутно отметим, что А.И. Микоян, очевидно, совершил три поездки в Китай. Один раз в 1949 г. по поручению Сталина и два раза, в 1956 г. и в 1957 г., по просьбе Н.С. Хрущева. В 1956 г. он разъяснял китайским руководителям выступление в Москве против культа личности Сталина, а в 1957 г. рассказывал Мао Цзэду о «деле антипартийной группы» Маленкова, Кагановича, Молотова; в тот раз между советской и китайской сторонами возникли также разногласия в связи с вопросом о производстве атомного оружия в КНР: А.И. Микоян пытался уговорить Мао Цзэдуна не настаивать на изготовлении атомных бомб в КНР, обосновывая это наличием в руках СССР «ядерного зонтика», однако Мао Цзэдун непременно желал иметь свое ядерное оружие.

²³⁷ Лю Цзечэн... С. 524—531.

При этом он, в частности, сказал:

И во время Войны сопротивления Японии, и во время Войны за освобождение страны наша партия на всех этапах проводила политический курс, для которого были характерны независимость, самостоятельность в принятии решений, суверенность, опора в ходе развития на собственные силы. Факты свидетельствуют о том, что этот наш политический курс является правильным, а шаги, которые мы предпринимали, были обоснованными, хотя мы и встретились с немалыми трудностями, и при продвижении вперед нам на пути встретятся еще большие ухабы и рытвины. Несмотря на все это, мы по-прежнему полны уверенности и твердой поступью идем вперед к намеченным нами целям. Мы не остановимся и не будем делать передышку до тех пор, пока не добьемся победы. У нашей партии есть и решимость, и уверенность в этом; в равной степени такая решимость и уверенность есть и у нашего народа. Тут мы абсолютно непоколебимы.

Затем Мао Цзэдун в ходе этой беседы с А.И. Микояном перешел к изложению своих взглядов на дружбу, на отношения дружественного характера, проанализировав вопрос о настоящих и мнимых друзьях. Он сказал:

Мы полагаем, что чем ближе мы к победе в своем движении вперед в ходе Войны за освобождение страны, тем больше мы нуждаемся в друзьях. При этом я имею в виду настоящих друзей. Одновременно мы тем более нуждаемся в сочувствии и поддержке со стороны друзей. Существует различие между настоящими и фальшивыми друзьями. Настоящие друзья нам сочувствуют, поддерживают нас и помогают нам, проявляя при этом искренние чувства дружбы. Фальшивые друзья внешне дружественны, однако они либо кривят душой, либо действуют, имея дурные намерения, а добившись того, что люди попадают на их обман, они злорадствуют и радуются чужой беде. Однако мы вполне способны проявлять бдительность в этом плане.

Согласно наблюдениям Ши Чжэ, который переводил эту беседу, А.И. Микоян сосредоточенно выслушал рассуждения Мао Цзэдуна, на его лице отразилось некое беспокойство, однако он сдержался, понимая, что у него нет возможности постичь всю глубину намеков Мао Цзэдуна, предназначенных для сведения Сталина. Поэтому А.И. Микоян никак не выразил своего отношения к тому, что сказал Мао Цзэдун, ограничившись тем, что, вероятно, по возвращении доложил обо всем услышанном Сталину.

Ши Чжэ подчеркивал, что, по сути дела, рассуждения Мао Цзэдуна представляли собой критику великодержавного шовинизма, который, по мнению Мао Цзэдуна, был присущ Сталину.²³⁸

Мао Цзэдун стремился даже в быту, используя его мелочи, давать понять, что он видел в действиях советской стороны, Сталина попытки унижить его, проявить великодержавный шовинизм, и давал резкий отпор в этих случаях.

Мао Цзэдун всегда подчеркивал, что для него всякие поползновения, направленные на то, чтобы внести в обыденную жизнь некие аристократические замашки, да особенно если это в его сознании связывалось с проявлением великодержавного шовинизма иностранцами, и прежде всего советскими (русскими), совершенно нетерпимы.

В 1949 г. внимание Мао Цзэдуна привлекло то, что А.И. Микоян прибыл в Сибайпо в добротной, если не роскошной, шубе с большим меховым воротником и в дорогой меховой шапке (вероятно, знатоки Китая предупредили о том, что в этом путешествии следует беречься от простуды; с другой стороны, А.И. Микоян был одет так, как обычно одевалась верхушка в СССР). Мао Цзэдун также полагал, что самой своей походкой, жестами, всей манерой поведения А.И. Микоян намеренно демонстрировал свое высокое положение.

Мао Цзэдун сначала проявил необходимое внешнее уважение к посланцу Сталина. Однако затем, как свидетельствовал китайский очевидец, и внешний облик А.И. Микояна, и его повадки, представлявшиеся Мао Цзэдуну проявлением и высокомерия, и

²³⁸ Там же. С. 616—617.

великодержавного шовинизма, вызвали у Мао Цзэдуна антипатию к А.И. Микояну.²³⁹

Во время пребывания А.И. Микояна в Сибайпо в 1949 г. Мао Цзэдун трижды устраивал в его честь приемы. В Сибайпо в условиях того времени еще не было возможности сделать эти банкеты роскошными. Повар, который готовил обед, особенно гордился тем, что к столу была подана свежая речная рыба, приготовленная в красном соусе (кстати, одно из любимых блюд Мао Цзэдуна). А.И. Микоян, со своей стороны, припас к столу много разнообразных консервов, водку и виноградные вина.

По утверждению сторонников Мао Цзэдуна в Китае, А.И. Микоян был не дурак выпить. Причем он пил не рюмочками, а большими фужерами или стаканами. Он брал такой стакан, наливал туда больше половины китайской водки «Фэньцзю» и выпивал этот стакан одним махом в несколько глотков. Мао Цзэдун такое превосходство советского гостя над китайскими хозяевами удручало. Он не хотел уступать ни в чем, даже в этом. Сам Мао Цзэдун от алкоголя быстро краснел. Он пригубливал и не пил рюмку до конца. Чжу Дэ, Лю Шаоци, Жэнь Биши пили мало. Только Чжоу Эньлай был способен как-то помериться силами с А.И. Микояном. Но в несколько глотков выпить стакан ему было не под силу. Он тоже пил умеренно, подчеркивали авторы воспоминаний из КНР.

Будучи обеспокоен тем, что в способности выпить китайцы уступали А.И. Микояну, Мао Цзэдун постарался переключить внимание на то, что было подано к столу, настойчиво потчuya гостей: «Кушайте, кушайте. Отведайте вот рыбку из Хутохэ, из нашей речки!»

А.И. Микоян попробовал китайские яства и похвалил их: «Всем известно, что в Китае еда вкусна. Мы так приготовить не можем. Вот революция в Китае победила, теперь нам надо бы прислать людей в Китай учиться готовить по-китайски, чтобы разнообразить нашу кухню».

Тут Мао Цзэдун чрезвычайно обрадовался. Он был рад потому, что А.И. Микояну пришлось признать превосходство китайцев. Далее Мао Цзэдун положил А.И. Микояну кусочек рыбки, приготовленной в красном соусе, и, улыбаясь, сказал: «Мне думается, что есть две вещи, два великих вклада Китая в мировом масштабе: во-первых, это лекарства китайской медицины, а во-вторых, это блюда китайской кухни!» Переводчик с советской стороны спросил: «Это свежая рыба?» Только получив утвердительный ответ, А.И. Микоян попробовал эту рыбу.

Мао Цзэдун огорчился.

На этом, с нашей точки зрения, вроде бы совершенно незначительном примере видно, каким было отношение Мао Цзэдуна к Сталину, его посланцу, людям из СССР (России) и насколько разнились советские и китайские собеседники. В СССР никогда не придавали такого важного значения подобным мелочам жизни. В то же время в СССР не думали о том, что каждая деталь в умах Мао Цзэдуна и его сторонников рассматривалась прежде всего как часть политической борьбы против всех иностранцев, в данном случае против людей из СССР, из России.

Да, в нашей стране традиционно различают свежую и уснувшую, тем более мороженую, рыбу. В этом ничего особенного нет. В то же время вряд ли стоило обращать внимание именно на это во время обеда у Мао Цзэдуна. Здесь советская сторона допустила ляпсус. Хотя, впрочем, Мао Цзэдун все равно, при его настрое в отношении Сталина и

²³⁹ В 1956 г. мне довелось в течение целого дня работать с А.И. Микояном во время его пребывания в Ухане. Действительно, даже некоторые его жесты были картинными, да и вообще он давал понять свою значительность окружающим. В то же время А.И. Микоян был одним из наиболее дипломатичных и обходительных людей в советском руководстве, во всяком случае с иностранцами, с китайцами. Что же касается руководителей КПК – КНР, и прежде всего Мао Цзэдуна, то и они вели себя не менее претенциозно, чем советские руководители, в том числе А.И. Микоян. Одним словом, эти политики друг друга стоили. К этому необходимо присовокупить следующее замечание. Вполне очевидно, что для Мао Цзэдуна не существовало и априори не могло существовать симпатичного советского человека, в том числе и прежде всего советского руководителя; его антипатия к советским (к русским, к тем, кто был из России) была изначально заданной ему, казалось, генетически, она была просто патологической. (Прим. авт.)

СССР, нашел бы что-то иное, чтобы выразить свое недовольство гостями. Они были виноваты уже тем, что прибыли из СССР.

Не исключено также, что переводчик был вынужден задать этот вопрос по просьбе А.И. Микояна или зная его привычки. Он должен был уверить А.И. Микояна в том, что на столе блюдо из живой рыбы, ибо только такую рыбу ел А.И. Микоян.

При нормальных отношениях с этим следовало считаться, не следовало воспринимать это как проявление некоего особого, приправленного великодержавным шовинизмом высокомерия и деланого аристократизма (так сказать, буржуазности), брезгливости. Однако Мао Цзэдун искал любую зацепку, чтобы убеждать себя и своих сторонников в том, что Сталину, советским, русским присуще национальное высокомерие по отношению к китайцам, а следовательно, Мао Цзэдун сознательно и последовательно на протяжении всей своей политической карьеры или ее большей части возбуждал в своих соотечественниках ненависть к русским как к нации.

Мао Цзэдун был весьма злопамятен, особенно в таких случаях.

В декабре 1949 г. Мао Цзэдун прибыл в Москву. Давая указания приехавшему с ним (кстати сказать) его личному повару (в том, что касалось обслуживающего персонала, да и вообще обслуживания высоких руководителей, КПК – КНР не только не отличалась от КПСС – СССР, но и могла еще дать несколько очков вперед; Мао Цзэдун, на словах будучи скромнейшим из скромных, на деле пользовался, по сути дела, рабским трудом весьма многочисленной челяди и вел жизнь в таких роскошных условиях, какие, может быть, и не снились советским руководителям), Мао Цзэдун велел: «Вы должны готовить для меня только блюда из живой рыбы. Если же они (советские) пришлют уснувшую рыбу, швырните им ее назад!».²⁴⁰

Когда доставили рыбу к столу Мао Цзэдуна под присмотром полковника из советской охраны, повар, увидев, что рыба уснула, и выполняя указание Мао Цзэдуна «швырнуть ее им обратно», отказался принимать эту рыбу.

Послали за переводчиком, и тогда выяснилось, что Мао Цзэдуну нужна только живая рыба. Недоразумение мгновенно уладили. Тут же доставили взамен уснувшей живую рыбу. Обо всем этом мгновенно доложили и Мао Цзэдуну, и Сталину.

Мао Цзэдун полагал, что таким образом он добился того, что с ним стали считаться в Москве люди и на высшем, и на низовом уровне. В 1957 г. перед приездом Мао Цзэдуна в Москву Н.С. Хрущев, давая указания о том, как принимать китайского гостя, в частности, говорил: «С Мао Цзэдуном дело иметь непросто. Он уснувшую рыбу не ест».²⁴¹

Если сопоставить оценки, которые давали визиту А.И. Микояна в Китай советская и китайская сторона, то становится вполне очевидно, что существовало значительное недопонимание между ними. Они лишь нащупывали некоторые точки соприкосновения. У них были различные представления и о себе, и о партнере. Существовали объективные обстоятельства и интересы, которые заставляли обе стороны делать шаги навстречу друг другу, но существовали и весьма значительные расхождения между позициями руководителей ВКП(б) – СССР и КПК.

Визит А.И. Микояна в Китай был важной составной частью процесса подготовки к личной встрече Сталина и Мао Цзэдуна.

Сталин и посланец Мао Цзэдуна Лю Шаоци

²⁴⁰ Цзай Мао Цзэдун шэньбянь ши у нянь – 15 лет рядом с Мао Цзэдуном. – Хэбэй жэньминь чубаньшэ, 1991. – С. 98.

²⁴¹ Лю Цзечэн... С. 618.

Существует выдвинутая в КПК – КНР версия, согласно которой Сталин в 1949 г. никак не хотел, чтобы войска Мао Цзэдуна переправлялись через реку Янцзы. При этом можно себе представить, что обуянный своей подозрительностью и патологической или генетической ненавистью к России (СССР) Мао Цзэдун мог рассуждать и таким образом: Сталин одновременно и ненавидел Китай, и боялся его, поэтому Сталина устраивал Китай, разделенный, подобно Германии, Корее или Вьетнаму, на два государства: на «Северное царство» Мао Цзэдуна и «Южное царство» Чан Кайши; Сталин исходил из того, что при таких обстоятельствах границы СССР были бы защищены более успешно, вдоль границ Советского Союза на востоке был бы создан защитный пояс из зависящих от Москвы стран; китайцы были бы заняты своими проблемами, а ему (Сталину) было бы легче иметь дела одновременно, но порознь с двумя китайскими государствами, с каждым из двух китайских лидеров, то есть и с Мао Цзэдуном, и с Чан Кайши; при этом и тот и другой оказался бы в трудном положении и нуждался бы в поддержке Сталина.

Мао Цзэдун действительно был иррационален и опасно агрессивен в своих размышлениях, стратегических и тактических планах и даже частично практических действиях, когда дело касалось, в частности, России (СССР). В одной из бесед 11 апреля 1957 г. Мао Цзэдун вспоминал: «Вплоть до 1949 года, то есть вплоть до того момента, когда мы должны были уже вот-вот форсировать реку Янцзы, находился кое-кто, ставивший преграды на этом пути; говорили, что этот некто считал, что ну ни в коем случае нельзя переправляться через Янцзы, ибо форсирование реки Янцзы, дескать, непременно приведет к тому, что США введут в бой свою армию, а в результате в Китае может создаться ситуация, при которой будут одновременно существовать два царства, две династии: «Северная династия и Южная династия». Однако мы этого некто не стали слушать, не стали ему повиноваться. Мы форсировали реку Янцзы, а США так и не решились пустить в ход свою армию; в результате в Китае так и не возникла ситуация одновременного существования «Северной и Южной династий». А вот если бы мы послушались его, вот тогда действительно могли бы появиться «Северная династия» и «Южная династия».²⁴²

В литературе, изданной в КНР, также утверждалось, что этим «некто» был Сталин, который якобы имел такого рода мысли, причем замыслы Сталина проявлялись во внешнеполитических действиях СССР. Ссылались на то, что в момент подготовки НОАК к переправе через реку Янцзы, когда правительство Китайской Республики в панике готовилось к передислокации из Нанкина на Тайвань, Москва продолжала «показывать», что она «не желает искренне поддерживать народно-освободительное движение, находившееся под руководством Мао Цзэдуна и КПК», а хотела бы «явно или тайно различными методами защищать господство гоминьдановского правительства». Эти тенденции Сталина и советского правительства «проявились в нескольких фактах»:

Во-первых, в январе 1949 г., когда временным президентом Китайской Республики был Ли Цзунжэнь, посольство СССР в Китайской Республике выработало с Ли Цзунжэнем проект двустороннего соглашения, стремясь тем самым продемонстрировать, что Советский Союз желает «по-настоящему сотрудничать» с Китайской Республикой при том условии, что это государство в будущем при любых ситуациях будет занимать нейтральную позицию и устранять воздействие США на ход событий в Китае. Это соглашение оказалось невозможно подписать только по той причине, что правительство США сочло «нелогичным», чтобы в одно и то же время Ли Цзунжэнь просил о помощи США и вел с Москвой переговоры об устранении влияния США в Китае. Рассуждая на эту тему, автор из КНР подчеркивал, что, с его точки зрения, фактом остается то, что в последний момент, когда НОАК уже свергала гоминьдановское правительство, Москва стремилась «по-настоящему сотрудничать» с гоминьдановским правительством.

Во-вторых, версия автора из КНР содержала утверждение о том, что накануне

²⁴² Там же. С. 536.

освобождения Нанкина в апреле 1949 г. в отличие от всех остальных дипломатических представителей посол СССР Н.В. Рошин оказался единственным членом дипкорпуса, который сопровождал правительство Китайской Республики при его переезде из Нанкина в Гуанчжоу.

Далее говорилось, что, когда руководимая КПК НОАК вошла в Нанкин, советского посольства уже не было в Нанкине. На самом же деле, согласно свидетельству тогдашних работников советского посольства, часть его сотрудников оставалась в Нанкине в эти дни, причем они тут же вступили в контакт с руководителями частей НОАК; посол Н.В. Рошин действительно с другими советскими дипломатами выехал вместе с правительством Китайской Республики, при котором он был аккредитован, в Гуанчжоу.

По мнению автора из КНР, такое поведение посла СССР говорило о подлинном и, что само собой подразумевалось, очевидно негативном отношении СССР к народной освободительной войне, которая велась под руководством Компартии Китая.

Зная о реальном, хотя и скрытом тогда, по крайней мере формально, от внешнего мира взаимодействии Сталина и Мао Цзэдуна, о чем свидетельствовали документы, связанные с визитом А.И. Микояна в Китай в начале 1949 г., никак нельзя согласиться как с вышеуказанными утверждениями автора цитируемой работы, так и с намеками, содержащимися в вышеприведенных словах Мао Цзэдуна. На самом деле на протяжении всего довольно продолжительного времени перед образованием КНР шла напряженная практическая работа, в ходе которой Сталин оказывал Мао Цзэдуна всестороннюю реальную поддержку и помощь, хотя при обсуждении ряда проблем стороны занимали самостоятельные и отличавшиеся одна от другой позиции.

Пять месяцев спустя после визита в Китай А.И. Микояна, то есть в июле 1949 г., Мао Цзэдун поручил Лю Шаоци возглавить делегацию, которая была направлена в СССР. Специально давая свои разъяснения в связи с вышеупомянутыми фактами, Сталин говорил в то время в беседе с Лю Шаоци, что посол СССР в Китайской Республике Н.В. Рошин последовал за гоминьдановским правительством в Гуанчжоу потому, что «мы хотели наблюдать за обстановкой в Гоминьдане». С точки зрения упомянутого автора из КНР, это было разъяснение, которое можно охарактеризовать известным выражением: «На воре шапка горит». Разъяснение было неубедительным. Ведь в то время НОАК имела явное преимущество, Гоминьдан разваливался, не мог оказывать сопротивления, «мирные переговоры» завершились крахом. «Да разве была хотя бы минимальная необходимость того, чтобы в ситуации того времени направлять посла «следить» за обстановкой в Гоминьдане в Гуанчжоу?» – задавал риторический вопрос автор из КНР. Он не желал принимать во внимание твердое и обоснованное намерение Сталина не дать в руки ни США, ни партии Гоминьдан Китая, Китайской Республики никаких формальных поводов для обвинения Советского Союза во вмешательстве во внутреннюю борьбу в Китае. Более того, такое поведение Сталина способствовало укреплению тезиса Мао Цзэдуна о том, что всех своих побед КПК добилась в опоре на собственные силы, без помощи из-за рубежа. Сталин, фактически всемерно содействуя Мао Цзэдуна и КПК в их борьбе против Чан Кайши, в то же время был согласен оставить суть дела, подлинный характер взаимоотношений и помощи со стороны ВКП(б) и СССР Мао Цзэдуна и КПК в тайне от всего мира, включая даже народы СССР и Китая.

Наконец, автор из КНР считал, что к вышеуказанному можно присовокупить «еще один убедительный факт», а именно то обстоятельство, что вплоть до мая 1949 г., то есть вплоть до того момента, когда Гоминьдан потерпел уже полное поражение на материке, СССР все еще вел с правительством Чан Кайши переговоры по торгово-экономическим вопросам, касавшимся Синьцзяна.

Однако, принимая во внимание и ту роль, которую и советы Сталина, и действенная реальная помощь со стороны СССР в переброске частей НОАК в Синьцзян на самолетах ВВС СССР сыграли в овладении Мао Цзэдуном Синьцзяном, никак нельзя считать объективными и доказательными такого рода рассуждения. Все они направлены лишь на то,

чтобы, извращая факты, любой ценой создавать у читателей в КНР впечатление о том, что Сталин всегда, и особенно в 1949 г., был противником победы Мао Цзэдуна, его армии и партии во внутренней войне в Китае. Такие утверждения направлены на то, чтобы как можно глубже разобщать Россию и Китай, народы наших двух стран.

Тем не менее автор из КНР подводил следующий итог этих своих рассуждений: все эти факты со всей ясностью показывают отношение Сталина и правительства СССР к Мао Цзэдуну и руководству Компартии Китая, а также их отношение к чанкайшистскому Гоминьдану. Поэтому-то Мао Цзэдун и говорил, что «в 1949 году и в 1950 году, на протяжении этих двух лет», Сталин и Советский Союз «оказывали на нас очень сильное давление».²⁴³

Именно в этом ключе толковался в КПК – КНР и визит в 1949 г. делегации во главе с Лю Шаоци в СССР. При этом акцент делался на том, что поездка делегации Лю Шаоци была главным образом предназначена для того, чтобы подготовить личную встречу Сталина и Мао Цзэдуна.

Конечно, вопрос о личной встрече Сталина и Мао Цзэдуна назревал. Обе стороны нуждались в том, чтобы готовиться к такой встрече и готовить ее. И все же отношения между Сталиным и Мао Цзэдуном, между ВКП(б) и КПК в то время носили характер такого активного и многостороннего взаимодействия и союзнических связей, что главным тогда было решение многочисленных практических вопросов, которые возникали как в процессе завершения вооруженной борьбы против сил Чан Кайши на континенте Китая, так и особенно в связи с необходимостью восстановить экономику Китая, оказать ему помощь по целому ряду направлений. То, что два лидера, две партии, два государства (СССР и КНР) естественным образом оказывались в роли союзников, было очевидно и бесспорно для большинства всех тех, кто активно участвовал в огромной работе по практическому сотрудничеству и оказанию помощи Китаю (КНР) со стороны России (СССР). Только в воспаленном мозгу Мао Цзэдуна вся ситуация рисовалась иначе. Даже Сталин был в общем-то настроен не столь подозрительно, как Мао Цзэдун, в тот момент. Конечно, настрой Мао Цзэдуна накладывал тогда и со временем стал накладывать все больший отпечаток на характер взаимоотношений, делая их фактически отношениями товарищей или союзников поневоле, отношениями союзников-соперников. Что же касается Сталина, то, столкнувшись, теперь уже в практике двусторонних межгосударственных отношений, с подозрительностью Мао Цзэдуна (в которую тот и играл намеренно, очевидно, полагая, что это еще один рычаг давления на Сталина и отстаивания своей независимости), он предпринимал целый ряд действий, которые без учета указанного обстоятельства выглядели просто неразумными или явно направленными во вред национальным интересам своей страны; Сталин стремился делать все возможное и невозможное, чтобы рассеивать подозрения Мао Цзэдуна, демонстрировать разумным людям в Китае, что такого рода подозрения относительно нашей страны лишены оснований. Подчеркнем также лишний раз, что отношения Сталина и Мао Цзэдуна всегда были окрашены взаимной подозрительностью и недоверием.

Вернемся, однако, к поездке делегации во главе с Лю Шаоци в Советский Союз летом 1949 г.

В начале мая 1949 г. Мао Цзэдун принял решение направить в Москву с секретной миссией делегацию во главе с Лю Шаоци. В состав делегации были включены будущий посол КНР в СССР Ван Цзясян, руководитель Северо-Восточного Китая Гао Ган, а также Дэн Лицзюнь, Гэ Баоцюань и другие. Первоначально Мао Цзэдун полагал, что задача этой группы должна была состоять в подготовке его поездки в СССР. Однако затем, под давлением реальной жизни, миссии был придан самостоятельный характер. Слишком много возникло серьезных вопросов, которые требовали огромной работы и согласования их обеими сторонами. Конечно, попутно перед делегацией Лю Шаоци стояла и задача готовить

²⁴³ Там же. С. 536—537.

будущую поездку Мао Цзэдуна в СССР.

Мао Цзэдун поручил Лю Шаоци быть его посланцем, доверил Лю Шаоци от его имени вести переговоры со Сталиным и ЦК ВКП(б), согласовывать и решать важные вопросы. Выбор Мао Цзэдуном для этих целей именно Лю Шаоци был далеко не случайным.

Дело в том, что к тому времени Лю Шаоци утвердился в роли фактического первого заместителя Мао Цзэдуна или фактически второго человека в КПК. Таким образом, формально Мао Цзэдун сохранял лицо. Внешне это могло восприниматься так, что в напряженный момент перед образованием КНР, когда Мао Цзэдуну было трудно вырваться из Китая и посетить Москву, он направил туда в качестве своего представителя самую высокую после себя фигуру в своей партии.

Однако дело было не только и не столько в этом. Ведь Мао Цзэдун мог, например, направить в Москву для бесед со Сталиным Чжоу Эньлай, который был, безусловно, самым преданным сторонником Мао Цзэдуна. Однако Чжоу Эньлай был известен Сталину как «тень Мао Цзэдуна», причем «тень», которая по поручению Мао Цзэдуна предпринимала маневры для установления контактов с администрацией США накануне образования КНР. Мао Цзэдун знал, что Сталин не будет доверять Чжоу Эньлаю, но он может проявить некое доверие к Лю Шаоци. Мао Цзэдун хотел направить в Москву того из руководителей ЦК КПК, который сумел бы внушить Сталину определенное доверие к себе. Фигура Лю Шаоци в этом свете представляла как нельзя более подходящей. Лю Шаоци полагал, что ВКП(б) и КПК должны связывать прочные товарищеские отношения, а будущую КНР и СССР должны были связывать союзнические отношения. Для Лю Шаоци не существовало колебаний в вопросе о том, в каком лагере должна была находиться КНР после своего создания. Мао Цзэдун и Чжоу Эньлай предпочли бы сохранять дистанцию от всех мировых сил, не склоняться ни в одну из сторон, во всяком случае не быть ближе к СССР, чем к США. Однако, с одной стороны, в Вашингтоне не восприняли и не приняли игру Мао Цзэдуна, не поверили ему и не были готовы вступать с ним в некие хотя бы формально нормальные дипломатические (или скрытые) отношения. С другой стороны, внутри КПК, да и в самом Китае в то время большинство людей, имевших отношение к активной политической жизни, были довольно твердо настроены в пользу развития особых дружественных и союзнических отношений с традиционным уже в XX веке союзником – Советским Союзом. Мао Цзэдун был вынужден считаться с реалиями Китая и мировой арены, стараться сохранить лицо, объявить, что он – сторонник того, чтобы стоять на одной стороне с СССР, склоняться в сторону СССР. («Склоняться в одну сторону», то есть в сторону СССР, – формула, по сути дела, выдававшая подлинные настроения Мао Цзэдуна; из этой формулы следовало, что для Мао Цзэдуна любое «склонение» или отклонение от золотой середины, от своего эгоцентризма, в том числе и в сторону СССР, являлось только вынужденным и временным.) Исходя из всех этих причин, Мао Цзэдун сам даже, очевидно, несколько опасался ехать тогда в Москву. Ему было понятно, что Сталин мог знать о его маневрах и заигрывании с Вашингтоном. Поэтому Мао Цзэдун предпочел отправить в Москву Лю Шаоци, чтобы показать Сталину лидера той фракции или, вернее, той части руководителей КПК, которая действительно, исходя из рациональной оценки обстановки, полагала, что в интересах Китая, КНР, КПК вступить в тесные товарищеские, дружественные, союзнические отношения с СССР и с ВКП(б). Направляя Лю Шаоци в Москву, Мао Цзэдун подавал Сталину сигнал о том, что, несмотря на горечь от определенного характера отношений в прошлом, ныне открывается перспектива выгодных для обеих сторон, для обоих государств и обеих партий двусторонних отношений. Согласно замыслу Мао Цзэдуна, поездка Лю Шаоци должна была в какой-то степени развеять у Сталина подозрения в отношении самого Мао Цзэдуна и расчистить путь для его приезда в Москву.

Визит делегации Лю Шаоци в СССР был важным, имел глубокий смысл. Он состоялся накануне образования КНР. Это был большой внешнеполитический шаг, а не только поездка делегации по партийной линии. По сути дела, это была поездка первой партийно-правительственной делегации КПК на высоком уровне. Если же учесть то обстоятельство,

что с советской стороны в переговорах участвовал Сталин, а с китайской стороны Лю Шаоци выступал от имени Мао Цзэдуна, представляя Мао Цзэдуна, то эту поездку следует видеть и как первую советско-китайскую встречу на высшем уровне, состоявшуюся в СССР. Лю Шаоци был первым высокопоставленным руководителем КПК, который посетил СССР уже не в качестве представителя одной из компартий, входивших в Коминтерн, а в качестве одного из главных лидеров самостоятельной и независимой политической партии, победившей в ходе вооруженной борьбы в своей стране и готовившейся создать новое государство, в котором должна была занять место правящей партии. Иначе говоря, в лице Лю Шаоци Сталин впервые увидел перед собой китайского партнера из числа руководителей Компартии Китая, победившей на китайском континенте и представлявшей, по сути дела, и сильнейшую в мире после ВКП(б) коммунистическую партию, и крупнейшее в мире среди социалистических стран после СССР государство. Сталину и Лю Шаоци, как посланцу и представителю Мао Цзэдуна, предстояло решать не только важные проблемы двусторонних партийных и государственных отношений, но и рассматривать мировые проблемы, особенно касавшиеся ситуации на Дальнем Востоке.

Сталин и Мао Цзэдун, несмотря на всю их взаимную подозрительность и настороженность, придавали важнейшее значение отношениям друг с другом. Поэтому Сталин с такой осторожностью и вниманием отнесся к приезду Лю Шаоци в Москву. Мао Цзэдун еще в сентябре 1948 г., выступая на заседании Политбюро ЦК КПК, говорил: «Что касается окончания подготовки к переходу от новой демократии к социализму, то в этом деле Советский Союз действительно оказывает нам помощь, и прежде всего это находит свое выражение в содействии развитию нашей экономики».²⁴⁴

В этой связи Мао Цзэдун придавал особое значение налаживанию отношений с СССР, со Сталиным. После окончания этого заседания Политбюро ЦК КПК Мао Цзэдун уведомил Сталина о его результатах, причем особенно подчеркнул, что по целому ряду вопросов он хотел бы доложить Сталину и ЦК ВКП(б), в связи с чем Мао Цзэдун желал бы в конце ноября 1948 г. выехать в Москву. 16 октября того же года Мао Цзэдун телеграфировал Сталину: «По таким вопросам, как созыв Политической конференции, создание временного центрального правительства, мне было бы желательно посоветоваться и определиться в конце ноября, когда я встречу с вами».

Хотя к тому времени Коминтерн уже не существовал, но КПК видела в ВКП(б) все еще старшего брата и по крупным вопросам советовалась с ней, отмечал один из видных членов руководства КПК Бо Ибо²⁴⁵. 30 декабря 1948 г. Мао Цзэдун в телеграмме Сталину писал о том, что в настоящее время в распоряжение ЦК КПК вызваны Гао Ган, Жао Шуши, Бо Ибо, Лю Бочэн, Чэнь И, Ло Жунхуань, Линь Боцуй. При встрече будет обсуждаться вопрос о стратегическом курсе в целом на 1949 год и о подготовке к созыву (весной 1949 г.) второго пленума ЦК КПК седьмого созыва. После совещания с вышеупомянутыми лицами Мао Цзэдун предполагал выехать в Москву, чтобы по возвращении созвать второй пленум ЦК КПК седьмого созыва.

Однако Сталин, очевидно зная о разногласиях внутри руководства КПК, особенно по вопросу о будущих отношениях КНР с СССР и с США, решил не давать Мао Цзэдуну такого козыря, то есть не позволить ему съездить в Москву и, вернувшись, предстать перед своими коллегами в качестве лидера, позицию которого якобы одобрил сам Сталин. Сталин направил для бесед в Сибайпо А.И. Микояна. Мао Цзэдун всесторонне обрисовал положение в Китае и рассказал о наметках работы по различным направлениям. Когда А.И. Микоян возвратился в Москву, по утверждению автора из КНР, политика Советского Союза по отношению к Гоминьдану и Чан Кайши, характеризовавшаяся некой неясностью,

²⁴⁴ Там же. С. 540.

²⁴⁵ Там же.

расплывчатостью, представлявшая собой флирт с неблагоприятными целями и совершенно явную попытку «политического балансирования на стальной проволоке», вовсе не претерпела изменений: советский посол Н.В. Рощин не только отправился вслед за правительством Гоминьдана в Гуанчжоу, но, мало того, уже после того, как Народно-освободительная армия Китая взяла Нанкин, СССР все-таки по-прежнему вел переговоры с гоминьдановским правительством по вопросу о заключении «соглашения о продлении деятельности совместной советско-китайской авиакомпании (о полетах по трассе Хами – Алма-Ата)».

25 марта, после того как учреждения ЦК КПК передислоцировались в Бэйпин, когда вот-вот должен был решиться вопрос о создании государства, позиция СССР, который выступал в качестве главы лагеря социализма, была для Нового Китая ключевой в том, что касалось отношений с внешним миром; по этой причине Мао Цзэдун и ЦК КПК приняли решение как можно скорее отправить делегацию в СССР, чтобы провести соответствующую работу со Сталиным и с ВКП(б). Вскоре было решено, что в СССР выедет делегация во главе с Лю Шаоци.²⁴⁶

Сталин воспринимал желание Мао Цзэдуна направить в Москву для переговоров Лю Шаоци как вполне естественный в тех условиях шаг в начинавшихся складываться новых отношениях двух больших соседних государств, как понимание того, что существуют реальные интересы обеих наций, обеих сторон, конкретика установления и первых шагов в развитии отношений между двумя странами на новой основе, когда партнеры исходят из того, что жизнь и мировая ситуация заставляют их быть союзниками на мировой арене, по крайней мере на десятилетия. Вместе с тем для Сталина приезд в Москву делегации во главе с Лю Шаоци был первой возможностью лично познакомиться с рядом руководителей Коммунистической партии Китая, партии-победительницы в почти четвертьвековой вооруженной (по большей части) борьбе против Чан Кайши. Это было знакомство с руководителями нового китайского государства.

Мао Цзэдун, вероятно, очень нервничал, отправляя в Москву Лю Шаоци. Конечно, при иных обстоятельствах он предпочел бы сам начинать и вести дела со Сталиным. Однако ситуация сложилась таким образом, что проблемы требовали немедленного обсуждения и решения, а Мао Цзэдун еще не был готов перейти к решению конкретных вопросов; он жил в мире своих общих представлений о взаимоотношениях двух наций, о взаимоотношениях его самого и Сталина; при этом Мао Цзэдун хотел иметь за плечами полную победу во внутренней войне в Китае, поражение Чан Кайши, прежде чем вступить в личный контакт со Сталиным. За несколько лет до победы в гражданской войне, даже за год до нее, встреча со Сталиным носила бы иной, так сказать, промежуточный характер и позволяла бы отложить постановку принципиальных, с точки зрения Мао Цзэдуна, вопросов на более позднее время, нежели теперь, на пороге образования КНР; Мао Цзэдун предпочел провести такую встречу уже за этим порогом, выступая в качестве главы нового государства.

Мао Цзэдун был весьма озабочен тем, чтобы правильно, со своей точки зрения, настроить Лю Шаоци. Мао Цзэдуну представлялось, что предстоявшие переговоры следует рассматривать как очень тонкую материю, как обсуждение проблем, от решения которых зависит не только ближайшее, но и весьма отдаленное будущее. Отсюда требования Мао Цзэдуна твердо отстаивать то, что он считал принципиальными позициями; однако при этом требовалось и уважать «старшего брата», не ранить чувства товарищества. Это была сложная задача. Ведь когда Мао Цзэдун говорил о принципах, то речь, по сути дела, шла о согласовании или об отстаивании каждым из партнеров своих национальных и личных интересов. Мао Цзэдун и Сталин, что вполне естественно, в весьма значительной степени по-разному представляли себе и свои интересы, и интересы партнера. Мао Цзэдун был вынужден вводить тезис о необходимости уважительного отношения к «старшему брату». В

²⁴⁶ Там же.

этой формулировке заключалось большое противоречие, ибо, с точки зрения Мао Цзэдуна, Сталин, его партия и государство либо вообще не были «старшим братом», либо с такой ситуацией приходилось вынужденно считаться временно, на некоторый срок. Более того, Мао Цзэдун сам (либо его аппарат) изобрел этот термин – «старший брат» – и сам же его эксплуатировал, исподволь, а то и прямо внушая своим сторонникам, что им предстоит преодолеть отношение к себе со стороны Сталина как отношение вышестоящего к нижестоящему, что они должны быть нацелены на борьбу за это. В равной степени тезис о товарищеских чувствах в двусторонних отношениях был тоже двусмысленным в устах Мао Цзэдуна, ибо он-то всегда был озабочен тем, чтобы, по сути дела, толковать позицию советской стороны, позицию Сталина как стремление под прикрытием разговоров о товарищеских отношениях и чувствах товарищества (братских коммунистических партий) навязывать китайцам свою волю. (Вообще следует сказать, что обычным приемом Мао Цзэдуна было конструирование, измышление позиции партнера, представление этой позиции своим сторонникам как единственно правильной и нацеливание этих сторонников на борьбу против вымышленного противника и его вымышленной Мао Цзедуном позиции.)

Именно в этой связи Мао Цзэдун далее считал необходимым со всей твердостью в ходе переговоров подчеркивать тезис о независимости и суверенитете Китая. Мао Цзэдун также требовал проводить в жизнь в ходе переговоров привычные для него политические установки, соответствовавшие тому, что П.П. Владимиров именовал «реальным марксизмом» Мао Цзэдуна, или принципу «стремления к истине на основе фактов», а это означало, что Лю Шаоци и другим было необходимо использовать толкование фактов истории для защиты правильности позиции КПК, которая в целом ряде случаев не совпадала с видением ситуации Сталиным.

Одновременно Мао Цзэдун предлагал Лю Шаоци самым внимательным образом выслушивать соображения Сталина, советской стороны, их предложения и при этом прилагать все силы для того, чтобы добиваться помощи из-за рубежа. Для Мао Цзэдуна внимание к рассуждениям Сталина, его предложениям должно было быть использовано в качестве рычага для обеспечения получения как можно большей помощи из Советского Союза.

Мао Цзэдун неоднократно беседовал с Лю Шаоци, высказывая свое мнение и растолковывая свой принципиальный подход к ведению переговоров.

1 июля 1949 г. Мао Цзэдун провел в Чжуннаньхае специальное совещание с участием всех членов делегации. Во время этого совещания он всесторонне изложил свое видение задач делегации и ее действий. Мао Цзэдун при этом особо подчеркнул следующее положение: «Наибольшей убедительной силой обладают факты. Приводите факты и разъясняйте наши принципиальные подходы. Случается и так, что только тогда, когда факты делают ситуацию понятной, оказывается возможным довести до партнера нашу принципиальную позицию. Итак, факты, факты, максимально используйте факты».²⁴⁷

Перед самым началом переговоров со Сталиным Лю Шаоци и Гао Ган высказали в беседе с сопровождавшим их делегацию И.В. Ковалевым соображения, касавшиеся важной области интересов сторон.

И.В. Ковалев доложил Сталину о том, что в разговоре с ним Лю Шаоци и Гао Ган подчеркнули желательность более тесных контактов в работе советских и китайских разведывательных учреждений, а также объединенной программы действий против империалистов и реакционеров, то есть прежде всего против США и Чан Кайши.

При этом Лю Шаоци и Гао Ган сделали упор на том, что многие из тех, кто был в свое время рекомендован КПК для работы в советских разведывательных организациях, а в равной степени и из тех китайцев, которые были самостоятельно завербованы советскими разведывательными организациями, оказались вне контроля со стороны Компартии Китая,

²⁴⁷ Там же. С. 541.

разложились, а в ряде случаев были перевербованы разведками США или Гоминьдана. Учитывая эти обстоятельства, Лю Шаоци и Гао Ган считали, что советская и китайская стороны должны совместно провести чистку применительно к этим людям. При этом Гао Ган сослался на пример Маньчжурии, где власти КПК выявили и конфисковали 300 радиопередатчиков, в том числе 40 предположительно советских, однако, по сути дела, они работали в интересах Гоминьдана и США. По мнению Гао Гана, это стало возможным из-за отсутствия необходимых контактов между органами информации и разведки обеих сторон, то есть СССР и Компартии Китая.²⁴⁸

В связи с этим демаршем Мао Цзэдуна, произведенным им через посредников, то есть через Лю Шаоци, Гао Гана и И.В. Ковалева, перед Сталиным встала необходимость сделать первый серьезный шаг в области новой компоновки системы двусторонних отношений в ее, возможно, наиболее деликатной и чувствительной части. Раньше, на протяжении десятилетий, в 20–40-х гг., считалось как бы само собой разумеющимся, что все коммунисты земного шара составляют единый военный лагерь с центром или штабом в Москве и все они при необходимости должны быть агентами, разведчиками в стане врага, общего врага. В Китае существовала мощная разветвленная разведывательная сеть советских агентов или агентов, которые работали на общий центр, на Москву. С 1936 г. одна из главных резидентур такой сети находилась в Яньани. Ее-то на протяжении нескольких лет возглавлял П.П. Владимиров, а затем А.Я. Орлов. И вот наступило время, когда перед самым образованием КНР Мао Цзэдун поставил вопрос о необходимости фактически полностью размежеваться в этой сфере деятельности, перейдя на чисто деловые отношения в тех случаях, когда партнеры нуждаются один в другом в связи с осуществлением той или иной частной операции. (Кстати сказать, такого рода сотрудничество впоследствии действительно имело место.) Сталин давно уже исходил из того, что двусторонним отношениям его самого с китайскими лидерами и всех соответствующих учреждений следует основываться на полном признании независимости и самостоятельности каждого из партнеров. Поэтому, получив этот сигнал Мао Цзэдуна, Сталин предпринял конкретные шаги. Он, в частности, принял решение передать во власть Мао Цзэдуна всю советскую агентуру в Китае: и ту, которая была совместной с КПК, и ту, которая была до той поры вне власти КПК и Мао Цзэдуна. Получив списки этой агентуры, через некоторое время Мао Цзэдун уничтожил этих людей. Да, Сталин оказался предателем в глазах очень многих сведущих работников, в том числе П.П. Владимирова. В то же время необходимо понимать, что это был ультиматум со стороны Мао Цзэдуна, да даже со стороны Китая, китайской нации как независимой и самостоятельной нации, и Сталин был вынужден поступить таким образом; у него не было иного выхода. С точки зрения взаимоотношений двух наций, это было нормальное развитие событий, исправление своеобразного перекоса. Однако, с точки зрения отношения к человеку, к людям, и Сталин, и Мао Цзэдун показали себя бесчеловечными людьми. Сталин не потребовал от Мао Цзэдуна гарантировать личную неприкосновенность, жизнь этим отважным и ценным для обеих наций людям. Мао Цзэдун (как и почти всегда в его отношениях со Сталиным, с нашей страной) поступил еще хуже, так как именно он отдал приказ уничтожить, истребить этих людей, практически патриотов Китая, за то, что они в его глазах были национальными предателями, так как, видите ли, «замарались», прикоснувшись к чуждой и враждебной, с точки зрения Мао Цзэдуна, стране. В этом акте ярко проявилась ненависть Мао Цзэдуна к русским, к России (к СССР), ко всем китайцам, которые позволили себе, руководствуясь своим пониманием национальных интересов своей страны и будучи ее патриотами, вместе с русскими, с Россией (СССР) бороться против общего врага двух наций, то есть против японских агрессоров.

2 июля 1949 г. делегация во главе с Лю Шаоци выехала из Пекина. На поезде она

²⁴⁸ Цит. со ссылкой на «неопубликованные воспоминания» И.В. Ковалева. См.: Sergei N. Goncharov, John W. Lewis, Xue Litai. *Uncertain Partners. Stalin, Mao, and the Korean War.* – Stanford University Press, 1993. – P. 233—234.

прибыла в Дальний, откуда на советском самолете была доставлена в Хабаровск. Полет проходил над территорией Кореи. Из Хабаровска делегация летела, делая остановки в Чите, Красноярске, Новосибирске, где местные руководители устраивали торжественные приемы. Поэтому полет в Москву занял почти целую неделю, шесть дней.

Для Лю Шаоци это было третье по счету посещение Советского Союза. Он бывал в Москве в 20-х и в 30-х гг. Лю Шаоци чувствовал себя уже не пилигримом, который искал в свое время в СССР революционные истины, а одним из великих вождей Нового Китая. (Не случайно впоследствии Лю Шаоци говорил: «Если в Европе был МАРкс, то почему бы в Китае не быть ЛЮрксу».)

На следующий день после прибытия в Москву, то есть утром 10 июля 1949 г., делегация во главе с Лю Шаоци была приглашена на дачу Сталина в Кунцево. Сталин, а также члены Политбюро ЦК ВКП(б) Молотов, Ворошилов, Маленков, Булганин, Берия, Каганович, Микоян встретили делегацию.

Сталин и Лю Шаоци обменялись рукопожатиями и приветствиями. Так началась встреча двух великих политических деятелей, уроженцев Грузии и Хунани.

Сталин представил Лю Шаоци членов Политбюро ЦК ВКП(б) и пригласил делегацию к столу. Это был необычный, с точки зрения китайских гостей, жест. Они восприняли его как желание Сталина сразу же создать теплую атмосферу. Банкет был роскошным. Обычно застолья у Сталина затягивались надолго. Этот прием продолжался почти четыре часа. Беседа во время банкета была непринужденной, и возникло ощущение теплоты.

Место Лю Шаоци было рядом со Сталиным. Сталин говорил медленно, четко произнося слова, вел себя скромно, на его лице играла улыбка. Он излучал дружелюбие. В ходе беседы ставились и весьма существенные вопросы. Члены делегации сожалели о том, что обстановка не позволяла им фиксировать письменно обмен мнениями.

После возвращения в отведенную для него резиденцию Лю Шаоци тут же собрал делегацию и восстановил содержание беседы со Сталиным. При этом Лю Шаоци выделил вопросы, по которым ему удалось достичь взаимопонимания со Сталиным, вопросы, по которым сохранялось непонимание, и вопросы, которые требовали дальнейших углубленных бесед. Таким образом закладывалась основа для ведения переговоров в дальнейшем.

Ван Цзясян предложил, чтобы Лю Шаоци подготовил в письменном виде доклад о положении в Китае. По мнению Ван Цзясяна, это позволило бы придать своего рода плановый характер предстоящим переговорам. Ван Цзясян при этом также сказал, что если положить такого рода доклад в основу переговоров, то удастся более глубоко обсудить вопросы, это также позволит Сталину и его людям более глубоко и систематизированно понять ситуацию и проблемы Китая. Благодаря этому окажется возможным не только со всей полнотой обсудить проблемы, но и не ходить кругами, возвращаясь к одним и тем же вопросам.

Лю Шаоци принял предложение Ван Цзясяна. Такой доклад был быстро подготовлен и при следующей встрече передан Сталину, который внимательно изучил его и разослал для ознакомления членам Политбюро ЦК ВКП(б) и военачальникам, потребовав от них высказать свои соображения и внести предложения.

В 10 часов вечера 11 июля 1949 г. Сталин пригласил делегацию во главе с Лю Шаоци в свой кабинет в Кремле, где обычно происходили заседания Политбюро ЦК ВКП(б). С советской стороны наряду со Сталиным присутствовали Молотов, Маленков, Берия, Микоян, Каганович, Булганин, Шверник, а также Суслов, начальник Генштаба, высшие военачальники.

Сталин сам председательствовал на заседании. Он сказал: «Это совещание проводится в соответствии с пожеланием делегации Компартии Китая. Дело в том, что в докладе делегации Компартии Китая довольно много места уделено военным вопросам, освещению хода военных действий, войны. Поэтому мы пригласили наших военачальников, чтобы они познакомились с ситуацией». Сталин взял в руки доклад Лю Шаоци и сказал: «Доклад товарища Лю Шаоци написан весьма ясно и точно. Наши товарищи прочитали его, и у них

не возникло никаких вопросов».

Лю Шаоци проявил большое уважение к Сталину. Он сказал: «Хотя революция в Китае скоро одержит победу, однако Новый Китай еще не создан, нам предстоит решать еще более великие, еще более трудные задачи. В нашем докладе мы высказали некоторые соображения общего порядка. Совсем не обязательно, что мы тут во всем правы. Мы бы хотели получить на сей счет указания товарища Сталина». Вслед за тем в ходе обмена мнениями Лю Шаоци еще раз повторил эту формулировку: «указания товарища Сталина».

Сталин улыбнулся и, сделав отрицательный жест рукой, сказал: «Товарищ Лю Шаоци, когда же это было, чтобы я «давал указания»? Наши партии – это братские партии, у нас тут нет вышестоящих и нижестоящих. Как же я могу «давать указания»? И именно потому, что наши партии – это братские партии, мы и проявляем заботу друг о друге. Когда речь идет о некоторых вопросах, касающихся наших китайских братьев, мы высказываем кое-какие соображения, вносим некоторые предложения на ваше рассмотрение, для вашего сведения. Верны ли наши соображения и предложения? Совсем не обязательно. И вы ни в коем случае не обязаны воспринимать их как некие «указания»; если же вы будете относиться к ним как к чему-то, что следует всенепременно исполнять, то из этого ничего хорошего не получится, ничего хорошего не получится!»

Лю Шаоци высказал свое восхищение скромностью Сталина и его равноправным подходом и, начиная с этого времени, внес соответствующие исправления в свои формулировки. Сталин рассмеялся. Атмосфера в ходе переговоров стала еще более теплой.²⁴⁹

²⁴⁹ Лю Цзечэн... С. 542—543.

А.М. Ледовский обнаружил в Архиве Президента Российской Федерации доклад главы делегации ЦК Китайской компартии Лю Шаоци, адресованный «ЦК ВКП(б) товарищу Сталину И. В.» и датированный 4 июля 1949 г. В этом документе содержатся сведения, в основном совпадающие с приведенными в тексте данной работы на основе публикации автора из КНР Лю Цзечэна.

В то же время необходимо отметить, что на полях упомянутого доклада Лю Шаоци имеются пометки Сталина. В частности, в связи с упоминанием о том, что в авиации НОАК имеется 7500 человек, а в военно-морском флоте – 7700 человек, Сталин задал вопросы: «А летчики есть? Моряки есть?»

В связи с заявлением, что Мао Цзэдун «назначен председателем Центрального Правительства», Сталин спросил: «Это что: президент (*подчеркнуто*) на деле?»

Сталин далее также задал вопрос: «Что такое бюрократический капитал?»

Он согласился с положениями доклада, где говорилось, что «народно-демократическая диктатура не является диктатурой буржуазии, но также она не является диктатурой пролетариата», а также с тем, что эта диктатура не является формой буржуазного парламентаризма. Сталин соглашается с необходимостью сотрудничать с национальной буржуазией. Он также допускал заключение «колдоговоров, исключающих стачки».

Сталин подчеркнул положение о «неправильности и вредности проведения в жизнь системы чрезмерного централизма», соглашаясь с этим.

В связи с тезисом доклада о том, что «в Китае пока что нет таких реакционных буржуазных партий, которые имеются в европейских странах», Сталин задал вопрос: «А группа компрадоров?» Его интересовал вопрос о том, какие ограничения собирались осуществлять в Китае в отношении «работы экономических предприятий империалистов». Сталин соглашался с конфискацией земель религиозных миссий и церквей и с распределением этих земель с согласия верующих.

Сталин советовал проводить дифференцированную внешнюю политику и писал: «Кто не признает Китпра (китайское правительство. – Ю.Г.), – тому не давать каких-либо облегчений по торговле с Китаем (кризис в США заставит США заняться торговлей с Китаем). Использовать китайских купцов для этого».

Сталин соглашался с предложением не торопиться с получением признания со стороны иностранных государств. В то же время он дал утвердительный ответ на вопрос о том, «сможет ли СССР и страны новой демократии поскорее признать новое правительство Китая, даже если империалистические страны в своей политике будут игнорировать нас?». В докладе содержалось заявление: «Советско-китайский договор о дружбе и союзе в прошлом уже принес большую пользу китайскому народу. Новое правительство Китая примет этот договор, и это будет еще большим вкладом для народов Китая и СССР и особенно для китайского народа. Мы полностью желаем принять этот договор. Во время установления дипломатических отношений между СССР и новым Китаем потребуются заниматься этим договором. В общем, в отношении этого договора можно будет действовать по одному из следующих трех вариантов:

1. Новое правительство Китая заявит о своем полном принятии этого договора и продолжении его действия без каких бы то ни было изменений.

Во время визита делегации в Москву Сталин и Лю Шаоци встречались и беседовали шесть раз. В ходе первых пяти встреч происходил обмен мнениями. Шестая встреча была прощальной.

В соответствии с указаниями Мао Цзэдуна Лю Шаоци прежде всего рассказал Сталину о конкретной ситуации в Китае, с фактами и цифрами в руках показав, что в стране происходят необратимые громадные перемены. Поражение Чан Кайши предрешено. Никто больше не должен питать никаких иллюзий в отношении Чан Кайши. Лю Шаоци говорил, что в ходе народной освободительной войны, которая ведется в Китае под руководством Компартии Китая, к настоящему времени уже в основном одержана победа; немного времени понадобится для того, чтобы можно было завоевать полную победу. К концу мая

2. В духе первоначального текста договора представители обоих правительств снова заключат новый договор о дружбе и союзе между СССР и Китаем для того, чтобы на основе новой обстановки были внесены некоторые стилистические изменения и изменения по содержанию.

3. Представители правительств обеих стран обменяются нотами о том, что данный договор временно остается таким, какой он и есть, но они готовы в соответствующий момент вновь его пересмотреть.

Какой вариант из трех является хорошим?»

В этой связи Сталин заметил: «Решить вопрос с приездом Мао в Москву».

В связи с упоминанием в докладе о том, что Советский Союз вывез машинное оборудование из Маньчжурии, Сталин заметил: «Из Маньчжурии вывезли мы японский капитал частично, и далеко не полностью». В докладе также было сказано следующее: «Когда мы не в состоянии сами оборонять свое побережье, то если бы мы не согласились на расположение советских войск в Порт-Артуре, то это было бы помощью для империалистов. По вопросу о МНР мы говорили, что монгольский народ в соответствии с принципом самоопределения наций потребовал независимости и мы должны признать независимость Монголии. Однако если МНР пожелает соединиться с Китаем, то мы приветствовали бы это. Лишь только народ Монголии имеет право решить этот вопрос. По вопросу о вывозе Советским Союзом машинного оборудования из Маньчжурии мы говорили, что эти машины принадлежали японцам и Советский Союз вывез оборудование в качестве трофейного имущества для использования в своем социалистическом строительстве и из соображений, чтобы это оборудование не попало в руки китайской реакционной партии, которая использовала бы его в борьбе против китайского народа. СССР действовал совершенно правильно.

Правильны ли эти наши объяснения?»

Сталин соглашался с таким толкованием вопросов, особо подчеркнув мысль о том, что «лишь только народ Монголии имеет право решать этот вопрос».

В докладе предлагалось создать Советско-Китайскую смешанную авиационную компанию. Сталин согласился с этим. В докладе также ставился вопрос о том, как лучше решить вопрос об установлении отношений со странами народной демократии Восточной Европы и о торговле с ними. Сталин писал в этой связи: «Путем прямых переговоров с ними. Мы поможем».

В докладе ставился вопрос о направлении в Китай советских специалистов. Сталин согласился удовлетворить эту просьбу.

В докладе было также сказано следующее:

«По вопросу об отношениях между ВКП(б) и КПК т. Мао Цзэ-дун и ЦК КПК считают:

ВКП(б) является главным штабом международного коммунистического движения, а КПК представляет лишь только штаб одного направления. Интересы части должны быть подчинены интернациональным интересам, а поэтому КПК подчиняется решениям ВКП(б), хотя Коминтерн не существует и КПК не входит в состав Информбюро европейских компартий».

Комментируя это положение, Сталин пишет решительное «Нет!».

Далее в докладе сказано: «Если по некоторым вопросам между КПК и ВКП(б) возникнут разногласия, то КПК, изложив свою точку зрения, подчинится и решительно будет выполнять решения ВКП(б)». И здесь Сталин заявил решительное «Нет!». Далее в докладе говорилось: «Мы считаем, что необходимо установить как можно более тесные взаимные связи между двумя партиями, взаимно обмениваться подходящими политическими ответственными представителями для того, чтобы решать вопросы, интересующие наши две партии, и, кроме того, достигать большего взаимного понимания между нашими партиями».

Сталин подчеркнул эти формулировки и написал решительное «Да!».

Наконец, в докладе просили совета о «времени приезда Мао Цзэдуна в Москву, и каким образом это лучше сделать». Сталин написал: «Да. В конце 1949 года, после установления дипотношений».

В докладе высказывалось также «полное согласие с условиями, выставленными тов. Сталиным И.В. в отношении займа Советского Союза Китаю в сумме 300 000 000 ам. долларов» и «благодарность Советскому Союзу за его помощь китайскому народу». «Мы желаем, чтобы ЦК ВКП(б) и товарищ Сталин постоянно и без всяких стеснений давали бы свои указания и критиковали бы работу и политику КПК» – так заканчивался этот документ. (АПРФ. Ф. 45. Оп. 1. Д. 328. Л. 32—50.)

1949 г. Народно-освободительная армия Китая уже освободила обширные районы Китая общей площадью в 2 млн 900 тыс. квадратных километров, что составляет 30% всей территории Китая. Население освобожденных районов уже достигает 275 млн человек, что составляет 57% всего населения страны. Освобождены 1043 города, начиная от уездных центров и кончая такими крупными городами, как Шанхай, Нанкин, Бэйпин, Тяньцзинь, Ухань; иначе говоря, освобожден 51% всех городов страны. За три года войны, которая началась в июне 1946 г., Народно-освободительная армия Китая уничтожила 5 млн 500 тыс. солдат и офицеров армии Гоминьдана. В гоминьдановской армии к настоящему времени осталось, включая все тыловые учреждения, всего около 1 млн 500 тыс. солдат и офицеров. Причем из них только немногим более 200 тыс. человек – это действительно более или менее боеспособные войска. Что же касается Народно-освободительной армии, то ее численность уже составила 3 млн 900 тыс. человек. В том числе численность четырех полевых армий достигла 2 млн 400 тыс. человек. Летом и осенью 1949 г. Народно-освободительная армия в ходе боевых операций рассчитывает освободить Фуцзянь, Хунань, Цзянси, Шэньси, а зимой планирует освободить Гуандун, Гуанси, Юньнань, Гуйчжоу, Сычуань, Сикан, Ганьсу, Нинся, Цинхай. Таким образом, окажется возможным в основном завершить войну против Гоминьдана. Остаются острова Тайвань и Хайнань, а также Синьцзян и Тибет. Вопрос о Тибете необходимо решать политическими методами. Освобождение островов Тайвань и Хайнань, а также Синьцзяна придется отложить до будущего года. Помимо того, что КПК добилась громадных военных успехов, она также одержала полную победу в политическом отношении; все демократические партии и группы в Китае выступают на стороне Коммунистической партии Китая.

В КНР считали нужным подчеркнуть, что Сталин выразил свое громадное доверие и уважение к Лю Шаоци. Он внимательно выслушал его. По ходу изложения говорил: «Хорошо!», «Хорошо!». Он дал высокую оценку революции в Китае. Он со всей искренностью отметил политическую зрелость Мао Цзэдуна и других руководителей Компартии Китая. Сталин сказал: «В Китае имеется большой ценный опыт воплощения в практику общих марксистских истин, этот опыт заслуживает изучения в Советском Союзе. В прошлом мы уже очень многому учились у вас; в будущем мы должны усилить такого рода учебу. Усилить сплочение на основе марксизма». ²⁵⁰

Казалось, что это высказывание Сталина не только свидетельствовало об общности позиций партнеров по переговорам, но даже льстило Китайской компартии. Однако Лю Шаоци, исходя из указаний, которые дал ему Мао Цзэдун, с недоверием и подозрительностью отнесся к этим словам Сталина.

Дело в том, что, с точки зрения Мао Цзэдуна, которую тогда отражал и Лю Шаоци, хотя и в Китае, и в СССР говорили о марксизме, однако Сталин, проявляя на словах заботу о революции в Китае или говоря о революции в Китае, рассчитывал на то, что революцию в Китае будут развивать в соответствии с советской моделью. Мао Цзэдун же полагал, что его главная задача в деле отстаивания независимости Китая, как он ее понимал, состояла в том, чтобы не поддаваться именно на такого рода уловки со стороны Сталина, не допустить того, чтобы в Китае дела велись по советской модели, а точнее, чтобы в КПК не допускалась и мысль о том, что в Китае что-то может делаться, скажем, вслед за СССР, за ВКП(б).

Собственно говоря, многое так и делалось. По сути дела, Мао Цзэдун во многом шел по стопам Сталина и даже перешеголял его во многих своих действиях, которые нанесли ущерб китайскому народу, унесли жизни миллионов людей, но на словах все это должно было, с точки зрения Мао Цзэдуна, выглядеть «чисто китайским», трактоваться как имеющее китайское своеобразие. Одним словом, позиция Мао Цзэдуна состояла всегда в том, чтобы не только быть начеку в отношении Сталина и вообще ВКП(б), КПСС, советских руководителей, России как нации, но и сознательно создавать, практически по большей

²⁵⁰ Там же. Л. 544—545.

части из воздуха, противоречия между двумя странами, обострять их и доводить до взрыва, вплоть до применения оружия.

Мао Цзэдун полагал, что он должен и в теории, и на практике внушать членам своей партии, вообще китайцам, что Сталин и СССР хотят навязать свой контроль Китаю и китайцам и что, противодействуя этому, дела в Китае должны вестись по китайским правилам, и здесь Мао Цзэдун использовал свою формулировку: соединение общих принципов марксизма-ленинизма с практикой революции в Китае. С точки зрения Мао Цзэдуна, именно эта его формула и вызывала у Сталина недоверие и возбуждала подозрительность. А это находило свое выражение в действиях Сталина – так считал Мао Цзэдун. Он любые действия Сталина стремился толковать в соответствии с таким своим пониманием, и ситуации в двусторонних советско-китайских отношениях, и отношения Сталина к нему лично и к Китаю. Именно в этой связи, как считал Мао Цзэдун, СССР во время народной освободительной войны в Китае и проводил свою политику «балансирования на стальной проволоке» в отношении Китая, в отношении Мао Цзэдуна и Чан Кайши.

Исходя из такого подхода Мао Цзэдуна к этим вопросам, Лю Шаоци в ходе бесед со Сталиным разъяснял те вопросы, которые касались строительства Нового Китая, то есть нового китайского государства, будущей тогда КНР. Основная задача Лю Шаоци состояла в том, чтобы показать Сталину, что Мао Цзэдун и КПК будут действовать по-своему и не допустят вмешательства во внутренние дела Китая. Вместе с тем было вполне очевидно, что, по сути дела, и Мао Цзэдун, и Лю Шаоци восприняли и приняли многие советы Сталина по этим вопросам, но желали бы внешне, на словах подчеркивать свою полную оригинальность и независимость. В целом такая трактовка вопроса, очевидно, устраивала и Сталина. Вообще говоря, в создавшейся ситуации манера Сталина состояла в том, чтобы сносить длинные тирады китайских лидеров, не отвечать на намеки, исходя из того, что многие утверждения Мао Цзэдуна и его, так сказать, «контрудары» основывались на подозрениях в отношении Сталина и его позиции, и сосредоточивать внимание на решении конкретных проблем. Лю Шаоци же тогда говорил:

«Мы намерены созвать новую политическую консультативную конференцию и создать центральное правительство. Новая политическая консультативная конференция будет созвана не одной только Коммунистической партией Китая или, скажем, лишь немногими, несколькими партиями, а всеми демократическими партиями и группами, а также народными (то есть общественными, как это понималось в СССР. – Ю.Г.) организациями и представителями национальных меньшинств и китайцев, проживающих за границей. Все они совместно будут вести подготовительную работу по созыву конференции. Уже создан комитет по подготовке и проведению такой конференции. Политическая консультативная конференция Китая – это та организационная форма, которая является привычной с точки зрения народных масс в качестве организации единого революционного национального фронта Китая. Мы готовимся к тому, чтобы превратить ее в постоянно действующий орган. Там, где это будет необходимо, мы создадим ее органы на местах, то есть создадим местные политические консультативные конференции. Что касается всекитайской политической консультативной конференции, то мы предполагаем, что на ней будет принята общая программа, которую будут уважать все партии и организации, будет избрано центральное правительство, будет обнародована декларация и будут приняты документы о государственном флаге, гербе и гимне».

Касаясь вопроса о структуре органов государственного управления и о политической системе в стране, Лю Шаоци дал следующие пояснения:

«Новое государство будет государством демократической диктатуры народа, руководимым пролетариатом (классом неимущих, то есть китайских, прежде всего сельских, люмпенов. – Ю.Г.) и основанным на союзе рабочих и крестьян. Рабочий класс – это руководящая сила этой диктатуры. Союз рабочих, крестьян и революционной интеллигенции (буквально: людей, которые обладают знаниями и настроены революционно. – Ю.Г.) – это

основная сила этой диктатуры. Одновременно мы будем спланировать максимально большее число представителей, а также политических партий и групп из числа мелкой буржуазии и национальной буржуазии, которые способны с нами сотрудничать, для участия в этой диктатуре. Демократическая диктатура народа в Китае и «демократическая диктатура рабочих и крестьян», положение о которой Ленин выдвинул в 1905—1907 годах, имеют сходные черты. Между ними имеются и различия. Общее между ними в том, что они находятся под руководством пролетариата, а их основу составляет союз рабочих и крестьян. Отличие заключается в том, что демократическая диктатура народа в Китае включает в себя представителей и группы той национальной буржуазии, которая желает бороться против империализма, феодализма и бюрократического капитализма. Форма демократической диктатуры народа в Китае – это система собраний народных представителей (представителей народа. – Ю.Г.), это не парламентская буржуазная система; напротив, она близка к системе советов. Однако у нее есть и отличия от системы советов при диктатуре пролетариата. Дело в том, что в собрания народных представителей входят и представители национальной буржуазии. Вот некоторые говорят так: «После свержения власти Гоминьдана или после осуществления земельной реформы противоречия между пролетариатом и буржуазией в Китае тут же становятся главным противоречием, а потому борьба рабочих и капиталистов должна немедленно превратиться в главную борьбу». Мы полагаем, что такая постановка вопроса является неверной. Ведь в этом случае мы просто силком загнали бы на сторону империализма ту национальную буржуазию, которая в настоящее время все еще способна сотрудничать с нами. Если бы в современном Китае началось осуществление такого рода политики, это была бы опасная авантюра. После свержения политической власти Гоминьдана противоречия между трудом и капиталом объективно продолжают существовать и напряженность в этом плане будет постепенно усиливаться. Поэтому рабочий класс будет вести против буржуазии необходимую борьбу в соответствующих формах. Только при этом условии возможно защитить интересы рабочего класса и интересы демократической диктатуры народа. Однако в то же самое время в отношениях с национальной буржуазией также совершенно необходимы определенные уступки, соглашательство и коалиция в соответствующих формах с той целью, чтобы, сконцентрировав силы, противостоять внешним врагам и преодолевать отсталость Китая. В Китае, начиная с сегодняшнего дня и до осуществления национализации обычного национального капитала, нужно будет пройти еще много этапов, и на это потребуются довольно длительное время. Продолжительность этого периода будет в конечном счете определяться различными внешними и внутренними условиями. Можно предположить, что на это уйдет от десяти до пятнадцати лет».

Сталин проявил большой интерес к внешней политике Нового Китая. В этой связи Лю Шаоци сделал специальные разъяснения. Он сказал, что все права контроля над Китаем, которыми пользовались все и всякие империалистические силы, включая право контроля над военными делами, в политической области, в сфере экономики и культуры, должны быть в равной степени целиком и полностью ликвидированы. Такое решение принято вторым пленумом ЦК КПК седьмого созыва. Оно является твердым и изменению не подлежит. Что же касается дипломатической деятельности в будущем, то она будет осуществляться в соответствии со следующими принципиальными положениями: (1) вести борьбу со всеми империалистическими государствами, имея целью осуществление полной национальной независимости Китая; (2) в межгосударственных вопросах выступать на одной стороне с Советским Союзом и различными государствами новой демократии против угрозы новой войны, отстаивая мир и демократию во всем мире; (3) использовать противоречия, существующие между теми или иными капиталистическими государствами; (4) в условиях мира и взаимного благоприятствования развивать торговые отношения Китая с иностранными государствами, делая при этом особый упор на развитие торговых связей с Советским Союзом и странами новой демократии.

Лю Шаоци сказал, что никто из дипломатов, которые в то время находились в Китае, не будет признаваться имеющим дипломатические привилегии, их будут рассматривать только

как иностранных граждан и соответственно обращаться с ними. В результате такой политики народ ощутит, что Китай уже встал на собственные ноги, что Коммунистическая партия Китая не боится империализма; это также избавит Новый Китай от множества хлопот. После создания нового центрального правительства немедленно встанут вопросы об установлении официальных дипломатических отношений с различными государствами, об участии в деятельности ООН, в других межгосударственных организациях и межгосударственных форумах. Те или иные империалистические государства, вероятно, на протяжении некоторого времени либо будут не замечать Новый Китай, либо выдвинут некие условия, связывающие его по рукам и ногам, в качестве цены за дипломатическое признание. «Конечно же, для нас эти условия будут неприемлемы. Если же те или иные империалистические государства станут проводить политику признания нового правительства Китая, то мы будем готовы установить с ними дипломатические отношения. В этот момент нам хотелось бы надеяться на то, что Советский Союз сможет признать Новый Китай прежде упомянутых государств. Мы будем проводить политику «склонения в одну сторону», заняв позиции на одной стороне, то есть будем стоять вместе с Советским Союзом в лагере борьбы против империализма. Лю Шаоци также отметил, что Мао Цзэдун готов в момент установления китайско-советских дипломатических отношений посетить Москву с официальным визитом; в этой связи было бы желательно, чтобы советская сторона рассмотрела вопрос о сроках и форме этого визита. Что касается предоставления Советским Союзом займа в триста миллионов американских долларов, то это следует осуществлять в соответствии с мнением товарища Сталина; мы благодарны Советскому Союзу за помощь».

Сталин выслушал Лю Шаоци с большим вниманием, одобрительно покачивая время от времени головой. Он выразил одобрение соображений относительно государственного устройства Нового Китая, его политической системы и политических установок. Со всей ясностью он указал на то, что все это свидетельствует о том, что и Мао Цзэдун, и Коммунистическая партия Китая являются совершенно зрелыми в политическом отношении. Он также заявил, что Советский Союз будет со всей решительностью поддерживать Новый Китай. Сталин сказал следующее:

«Как только будет создано правительство Нового Китая, так СССР немедленно признает его. Советско-китайский договор 1945 года – это неравноправный договор. Так случилось потому, что в то время мы имели дело с Гоминьданом и не могли поступить иначе. После появления Нового Китая Мао Цзэдун может приехать в Москву. Мы решим этот вопрос после прибытия Мао Цзэдуна в Москву».

Сталин также пояснил, что советские войска, расквартированные в Порт-Артуре, предназначены для сдерживания вооруженных сил США и Чан Кайши; они находятся там также с той целью, чтобы защищать СССР, а также защищать интересы революции в Китае.

Сталин сказал далее следующее:

«В свое время мы приняли в ЦК ВКП(б) закрытое решение о том, что после подписания мирного договора с Японией и вывода США своих войск из Японии СССР может рассмотреть вопрос о выводе своих сил из Порт-Артура. Если китайские товарищи пожелают, то Советский Союз может вывести эти войска прямо сейчас. Дальний должен в едином порядке подпадать под юрисдикцию властей Северо-Восточного Китая. В настоящее время порт Дальний должен использоваться в интересах обоих наших государств. Такого реального положения дел».

Во время этих бесед Сталин и Лю Шаоци достигли предварительного устного согласия по целому ряду вопросов. Например, по вопросу о приглашении в Китай советских специалистов для оказания помощи в строительстве экономики, о направлении в Советский Союз на учебу китайских студентов, о сотрудничестве и взаимопомощи в сфере здравоохранения. По всем этим вопросам было достигнуто единство мнений. В соответствии с потребностями восстановления производства в Китае было подписано соглашение об условиях оплаты работы советских специалистов в Китае; при этом в предварительном порядке стороны договорились о направлении в Китай специалистов в различных областях;

эти специалисты должны были направляться в Китай отдельными группами и на определенные сроки.²⁵¹

Во время одной из бесед Лю Шаоци специально остановился на вопросе о поражении Гоминьдана.

Сталин проявил особый интерес к этому вопросу. Он сидел, курил трубку, сосредоточенно слушал и просил повторить те положения, которые представлялись ему неясными.

Лю Шаоци говорил следующее:

«Наши отношения с Гоминьданом – это, с одной стороны, борьба и, с другой стороны, союз. Во время первого по счету сотрудничества Гоминьдана и Компартии Китая Гоминьдан и Чан Кайши совершили предательство, к которому мы тогда ни в малейшей степени не были готовы, поэтому нам пришлось пережить много временных неудач, поражений. Во время второго по счету сотрудничества Гоминьдана и Компартии Китая мы уже четко представляли себе ситуацию, поэтому, когда после завершения Войны сопротивления Японии Чан Кайши совершил предательство и вознамерился развязать внутреннюю войну, мы уже были к этому готовы и встретили его, как говорится, «острием против острия»; мы оборонялись и в то же время наносили контрудары, повели народную освободительную войну, в результате которой Гоминьдан и Чан Кайши были свергнуты».

Сталин выслушал это в задумчивости. По наблюдениям и воспоминаниям китайского переводчика этой беседы Ши Чжэ, на лице Сталина отразились угрызения совести. Очевидно, как полагал Ши Чжэ, он ясно помнил, что в августе 1945 г. Гоминьдан и Чан Кайши хотели начать внутреннюю войну, замыслили, как говорится в Китае, «поднять нож мясника», чтобы уничтожить членов Коммунистической партии Китая. Мао Цзэдун повел тогда, как толкует эти события КПК, свою партию и революционный народ на оказание сопротивления и нанесение ответных ударов, на вооруженный отпор; так, собственно говоря, и началась внутренняя война в Китае. И именно в этот момент Сталин направил в ЦК КПК телеграмму, в которой говорилось, что если в Китае вспыхнет внутренняя война, то это может привести к исчезновению китайцев как нации! И вот теперь само историческое развитие оказалось противоположным его тогдашним предсказаниям; история доказала, что он был не прав. И сегодня делегация КПК в его присутствии излагает эту историю. Вот в связи с чем Сталин и ощутил неловкость и замешательство. Он глубокомысленно заметил: «Тут враги дали нам урок, болезненный урок!» И вдруг Сталин спросил:

«А как вы полагаете, мы нанесли вам урон?»

Лю Шаоци из вежливости ответил:

«Нет».

Сталин отрицательно покачал головой и сказал:

«Нет, мы вам нанесли урон, навредили. Мы не очень хорошо разобрались в том, что происходит в Китае. Иной раз, исходя из добрых побуждений, совершали ошибки».

Сталин произнес эти слова совершенно серьезно, искренне, они выдавали его глубокие внутренние терзания.

В комнате повисла тишина.

Все погрузились в глубокие раздумья.

Сталин добавил:

«Когда Мао Цзэдун поехал в Чунцин, это было опасно. Существовала вероятность того, что Си-Систы (СИ-СИ – специальная служба при Чан Кайши. – Ю.Г.) и другие агенты спецслужб попытаются убить его!»

Лю Шаоци пояснил: «Последствия поездки Мао Цзэдуна в Чунцин были весьма благоприятными, так как мы немедленно захватили политическую инициативу».

Сталин заинтересованно спросил:

²⁵¹ Там же. Л. 543—548.

«Не потерпели ли вы урон тогда, когда вместе с американцами приняли участие в мирных переговорах? И не помешали ли мы вам в этом?». ²⁵²

Лю Шаоци ответил: «В ходе мирных переговоров ЦК КПК смотрел на вещи совершенно трезво. Здесь мы понесли лишь незначительный ущерб. Однако все эти мирные переговоры, которые велись в то время, оказались весьма необходимыми, так как США и Чан Кайши были изолированы, а в результате нам удалось свергнуть Гоминьдан, свергнуть Чан Кайши. Никто не сказал, что мы были совершенно не правы, когда поступали именно таким образом».

Сталин улыбнулся и сказал:

«Победителей не судят. Все, что приносит победу, оказывается верным. Вы поступили правильно. Вы победили».

Сталин понял, что Лю Шаоци отвечал ему отрицательно на его вопрос из вежливости, делая уступки из приличий. Помолчав, Сталин, снова мучаясь угрызениями совести, сказал:

«Китайские товарищи – люди вежливые, соблюдающие приличия. Откровенно говоря, мы ощущаем, что мы вам помешали. И у вас есть в этой связи критические соображения, только вы не хотите их высказывать. Конечно, вы должны обращать внимание на то, правильно мы говорим или нет, потому что мы зачастую недостаточно понимаем суть того, что происходит у вас, и, вероятно, мы в своих словах допускаем ошибки. Однако если мы в наших высказываниях ошибаемся, то вы все равно соглашаетесь. Мы обратили на это внимание». ²⁵³

Такая постановка вопроса Сталиным оказалась неожиданной для Лю Шаоци и членов делегации. Она выходила за рамки инструкций и указаний, полученных ими от Мао Цзэдуна, который наказал Лю Шаоци говорить в том духе, что китайские товарищи несут главную ответственность, когда речь идет о вопросах революции в Китае. По мнению Мао Цзэдуна, не нужно было высказывать в адрес Сталина никаких критических соображений и замечаний, тем более Мао Цзэдун не требовал от Сталина выступления с самокритикой.

Однако Сталин, вопреки ожиданиям Мао Цзэдуна, открыто при встрече с Лю Шаоци и членами его делегации занялся самокритикой.

Сталин высказался следующим образом:

«Вы правильно действуете, когда решили сотрудничать с национальной буржуазией и привлечь ее в правительство. Национальная буржуазия в Китае отличается от национальной буржуазии в странах Восточной Европы и в Германии. Там буржуазия во время войны сотрудничала с Гитлером, сама себя покрыла позором, а затем была вынуждена бежать вместе с Гитлером, оставив свои предприятия. Поэтому после победы в войне с Гитлером в указанных странах остался лишь вопрос об этих предприятиях, но не о их владельцах. Не такова национальная буржуазия в Китае. Во время войны с Японией она не капитулировала перед Японией и, следовательно, не бежала вместе с японцами при их отступлении. Хотя после капитуляции Японии часть этой буржуазии при поддержке Чан Кайши попыталась наладить отношения с американцами, получить помощь со стороны США, однако оказалось, что после заключения китайско-американского договора о торговле и мореплавании это было не только экономически невыгодно для китайской буржуазии, но не было выгодно даже с точки зрения морских перевозок. Это был очень большой удар по китайской буржуазии. И вот тогда китайская национальная буржуазия повернула против США и Чан Кайши. Компартия Китая использовала антиамериканский настрой национальной буржуазии. Курс КПК на долговременное сотрудничество с этой буржуазией является правильным. Он необходим для того, чтобы побудить китайскую национальную буржуазию встать в антиимпериалистический лагерь. Это и потребовало выработки такой политики,

²⁵² *Ши Чжэ.* Цзай лиши цзюйжэнь шэньбянь – Рядом с гигантом истории. – С. 414.

²⁵³ Там же.

которая была бы в интересах национальной буржуазии. Например, в том, что касается таможенного протекционизма, политики в отношении между трудом и капиталом».

Сталин также конкретно анализировал противоречия между трудом и капиталом и методы их разрешения. Он сказал, что противоречия между трудом и капиталом существуют объективно. Для того чтобы избежать ситуации, при которой борьба рабочих разрушала бы наше сотрудничество с буржуазией, необходимо, чтобы капиталисты и рабочие заключали между собой договоры, в которых имелись бы гарантии интересов рабочих, следует убеждать капиталистов становиться цивилизованными капиталистами, которые с уважением относятся к интересам рабочих, добиваться того, чтобы наше сотрудничество с буржуазией смогло существовать на протяжении относительно длительного времени.

Лю Шаоци выразил свое согласие с позицией Сталина и с его анализом.

Сталин спросил, какие еще вопросы имеются у китайской делегации.

Лю Шаоци поставил несколько вопросов, подготовленных заранее. Это были главным образом два вопроса: во-первых, о вероятности третьей мировой войны; во-вторых, об оценке сил мировой революции, об оценке двух лагерей.

Сталин ответил так:

В настоящее время вероятность третьей мировой войны не слишком велика. Дело объясняется тем, что сейчас никто не обладает для этого достаточной мощью. Силы же революции находятся в процессе развития, силы народа стали мощнее, чем они были до войны. Империализму, если он замыслит начать мировую войну, по крайней мере понадобятся лет двадцать на ее подготовку. Если народ не захочет войны, война не начнется. Что же касается вопроса о том, насколько долго удастся удержать мир, то это будет зависеть и от наших усилий, и от развития обстановки. В силу того что мы заинтересованы в строительстве, для нас важен мир; необходимо прикладывать усилия, чтобы обеспечить побольше мирных лет. Конечно же, никто не может гарантировать того, что в мире не найдутся безумцы, не найдутся военные маньяки. Далее Сталин привел пример. Он обратился к событиям, которые имели место за несколько дней до этой беседы. Некий американский военный в связи со слухами о том, что «Советская Армия высадилась на Аляске», выпрыгнул из окна высотного дома и покончил жизнь самоубийством.

В ходе этой беседы Лю Шаоци сказал Сталину: «Мы рассчитываем создать центральное народное правительство 1 января 1950 года».

Сталин в этой связи сказал:

«Очень скоро вы форсируете реку Янцзы. Где вы учредите правительство? Государство не может на протяжении длительного времени жить без правительства».

Лю Шаоци ответил: «Мысль товарища Мао Цзэдуна заключается в том, что не следует торопиться в вопросе о создании правительства. Дело в том, что в свое время в городе Жуйцзине мы уже создавали центральное советское правительство, однако в силу того, что условия для этого тогда не созрели, это не сыграло большой роли».

Сталин с сомнением покачал головой: «Сегодня так, а завтра – по-другому. Время несется быстро. Наш опыт свидетельствует о том, что без правительства нельзя жить долго, партия не может подменять правительство. В противном случае, если срок, когда не будет правительства, окажется длинным, империалисты могут использовать это обстоятельство и вмешаются, дело тогда может дойти и до вмешательства целой коалиции. Когда ночь длинна, тогда одолевают многочисленные сны, в голову приходят разные фантазии. А уж если империалисты вмешаются, тогда можно попасть в пассивное положение».

Вслед за тем Лю Шаоци поставил вопрос о признании Нового Китая на мировой арене. Позиция Сталина по этому вопросу была совершенно ясной: решительная поддержка.

Незадолго до этого некоторые страны Восточной Европы полагали, что Мао Цзэдун, будучи на эмоциональном взлете, проявит очень сильные национальные чувства, и если дело обернется плохо, то Китай может стать второй Югославией, а Мао Цзэдун может превратиться во второго Тито. В этой связи в этих странах Восточной Европы раздавались призывы к бдительности. Поэтому в КПК полагали, что нет гарантии признания Нового

Китая на мировой арене. Ведь капиталистические страны совершенно определенно не стали бы торопиться с признанием Нового Китая, а подлинное отношение к этому Советского Союза до этого момента, как полагал Мао Цзэдун, еще не было прощупано до самого дна. И вот сейчас позиция Сталина оказалась такой ясной. Это вдохновляющим образом повлияло на делегацию во главе с Лю Шаоци, который направил в ЦК КПК телеграмму, а ЦК КПК ускорил шаги по созданию Центрального народного правительства. Первоначально планировалось создать Центральное народное правительство 1 января 1950 г. Однако затем, учитывая эти обстоятельства и желание народа, срок создания передвинули на 1 октября 1949 г.

Сталин придавал очень большое значение вопросу о сплочении народов и о взаимопомощи.

Во время четвертой беседы с Лю Шаоци Сталин подчеркивал:

Сплочение, взаимопомощь и сотрудничество между народами являются чрезвычайно важными. Предварительным условием для сплочения, взаимопомощи и сотрудничества выступает взаимное доверие народов, искренность в отношениях друг к другу. Конечно, все это не может заменить собой политику и стратегию, и все же это – действительно норма дружественных отношений.

После обмена мнениями во время этой беседы Сталин пригласил делегацию на просмотр кинофильма. Кинопросмотр состоялся тут же, в зале переговоров. Стоило Сталину только произнести слово, и тут же погас свет, началась демонстрация кинофильма. Сначала был показан документальный кинофильм об испытаниях ядерного оружия, о взрыве атомной бомбы. Вероятно, испытание было проведено где-то на севере Советского Союза у полярного круга. На экране появилась бескрайняя пустыня, засыпанная снегом. Показался самолет и сбросил бомбу, поразил цель, поднялось облако; взрыв был неимоверной силы, строения просто смело... В фильме конкретно был показан процесс испытания ядерного оружия, взрыва атомной бомбы, ее мощь и масштабы действия. Говорили, что этот документальный фильм иностранцам в СССР был тогда показан впервые.

В КПК тогда такого рода жест Сталина воспринимали следующим образом: в то время мир был разделен на два лагеря, СССР и США вели между собой борьбу за то, чтобы стать гегемоном, то есть временным властителем мира, не по праву присвоившим себе эту роль. США осуществляли ядерный шантаж. Сталин пригласил китайскую делегацию на просмотр этого фильма с той целью, чтобы на фактах, которые приводились в этом фильме, показать, что у него тоже есть атомная бомба и потому не следует слепо полагаться на Запад. Если враг действительно захочет нанести удар с применением атомных бомб, то Советский Союз сумеет дать надлежащий ответ, а нашим друзьям будет обеспечена защита в виде имеющегося у СССР ядерного оружия.

После просмотра этого документального кинофильма люди приглушенными голосами обменивались впечатлениями о мощи ядерной бомбы.

Сталин, пребывая в приподнятом настроении, сказал членам делегации, что наука и техника развиваются семимильными шагами, движутся с такой скоростью, что иной раз это превосходит все ожидания. Однако, когда речь идет об испытаниях атомной бомбы, то есть оружия массового поражения, никто не говорит об этом открыто, этим занимаются за закрытыми дверями, тайно, секретно; в этой связи атомную бомбу называют иногда «секретным оружием». Китайская делегация восприняла эти рассуждения Сталина как намек на то, что он подразумевал под этим, что в СССР тоже работают над еще более новыми видами вооружений.

27 июля Сталин устроил банкет на втором этаже своей дачи в Кунцеве. Он пригласил членов делегации и Цзян Цин.

После того как Цзян Цин предложила тост, Сталин чокнулся со всеми и был, очевидно, рад. Цзян Цин сказала, что «здоровье товарища Сталина – это наше счастье!». Очевидно, что ее слова задели Сталина за живое. В этой связи он отметил, что центр революции перемещается на Восток. Он сказал: «Люди на Западе возгордились и после смерти Маркса,

Энгельса отстали. Центр революции с Запада переместился в СССР, а теперь перемещается дальше – в Китай».

Сталин подчеркнул: «Что касается марксизма, то, возможно, мы в Советском Союзе и раньше вас ознакомились с общетеоретическими положениями, возможно, что прочитали побольше литературы. Однако если говорить о воплощении основных принципиальных установок марксизма в практику, то тут нам есть чему у вас поучиться, у вас тут есть значительный опыт, заслуживающий изучения».

Сталин далее сказал:

«Сегодня вы называете нас старшим братом. Хотелось, однако, пожелать, чтобы младший брат догнал и перегнал старшего брата. И это не только наше общее пожелание, оно также отвечает закономерностям развития; ведь новое всегда превосходит старое! А теперь прошу всех поднять бокалы и выпить за то, чтобы младший брат обогнал старшего брата!»

Эти слова Сталина прозвучали искренне. Лю Шаоци, слушая его, очень нервничал и никак не мог согласиться принять тост.

Сталин пояснил:

«С перемещением центра мировой революции лежащая на вас историческая ответственность станет тяжелее. Я высказываю наше искреннее пожелание!»

Лю Шаоци все же не принимал тост. Он сказал: «Старший брат – это все-таки старший брат. Младший брат – это все-таки младший брат! Мы всегда будем учиться у старших!»

Присутствовавшие при этом советские руководители наперебой уговаривали Лю Шаоци выпить:

«Младший брат догонит и перегонит старшего брата; это закон. Надо выпить за предложение товарища Сталина!»

Лю Шаоци все же не соглашался, он нервничал, покраснел.

Так получилось, что Сталин предложил тост за перемещение центра мировой революции, пожелав, чтобы младший брат перегнал старшего брата, но Лю Шаоци со всей решительностью не принял этот тост. Долго все препирались. И все-таки Лю Шаоци так и не выпил.

Советские руководители не могли взять в толк, почему Лю Шаоци так поступил. Они исходили из того, что по кавказским обычаям в тостах проявляется искренность и высказываются добрые пожелания. Почему же Лю Шаоци не выпил?

Европейцы зачастую не понимают характер наций Востока, которые подвергались гнету и находились в рабстве. Лю Шаоци был одним из вождей народной революции в Китае. На протяжении длительной революционной борьбы в бесчисленных сражениях он оттачивал и свой разум, и свою волю и смелость. Однако в глубине души все еще оставались отпечатки гнета и рабства. В характере человека Востока были и трудолюбие, и искренность, и терпение, и скромность, то есть многочисленные прекрасные качества. Но перед «великими фигурами» человек Востока никак не мог выпрямить спину до конца.

Лю Шаоци посетил Москву по поручению Мао Цзэдуна и от имени Мао Цзэдуна встретился со Сталиным. Задачи, поставленные перед ним Мао Цзэдуном, он выполнил в соответствии с поручением. От имени Мао Цзэдуна он сделал то, что было необходимо. Однако, как полагали в КПК сторонники Мао Цзэдуна, Лю Шаоци не мог передать характер Мао Цзэдуна, своим поведением продемонстрировать, что такое абсолютно негибкий характер Мао Цзэдуна. В КПК гадали, как поступил бы в такой ситуации Мао Цзэдун, и приходили к выводу, что Мао Цзэдун, наверное, не был бы слишком уж скромным, он полностью разогнул бы спину. Мао Цзэдун многократно ратовал за то, чтобы сбросить с плеч давившее на них бремя прошлого гнета и рабства, смело думать и смело действовать, смело выходить вперед, делать то, чего никто раньше не делал, чего не делали предшественники!

Мао Цзэдун много раз критиковал проявления рабства в характере людей. Он выступал против того, чтобы гнуть спину перед старшими, склонять голову, не решаться сесть в их

присутствии. Мао Цзэдун говорил, что «у раба стоять вошло в привычку».

Лю Шаоци был, с точки зрения сторонников Мао Цзэдуна, чересчур осторожен. Он не выпил, когда Сталин предложил тост.

Такова была разница в характерах Лю Шаоци и Мао Цзэдуна. Она проявилась еще больше во время поездки Мао Цзэдуна в СССР, состоявшейся несколько месяцев спустя. Тогда встретились две равноценные фигуры. В этом было отличие Мао Цзэдуна от Лю Шаоци.²⁵⁴

Так трактовались в КПК – КНР события, происходившие во время поездки делегации Лю Шаоци в СССР в 1949 г.

В сущности же, Лю Шаоци оказался в безвыходном положении, когда только отмалчивание и недействие могли дать ему возможность более или менее сохранить лицо по возвращении в Китай. Дело было в том, что Лю Шаоци прекрасно знал о том, что обо всех его словах и даже обо всех его эмоциях, обо всем, что выразится на его лице, будет непременно доложено Мао Цзэдуну, причем в духе критики поведения Лю Шаоци. Если бы Лю Шаоци был свободен от подозрительности Мао Цзэдуна, он повел бы себя иначе. Лю Шаоци отличался огромной самостоятельностью в своих действиях и решениях, будучи, однако, ограничен объективно сложившейся ситуацией, то есть культом Мао Цзэдуна и его подозрительностью, болезненной мнительностью, особенно тогда, когда речь шла об отношениях со Сталиным. Лю Шаоци в данном случае сумел все же точно выполнить инструкции Мао Цзэдуна, будучи поставлен, кстати сказать, в весьма затруднительное положение по вине, в частности, супруги Мао Цзэдуна.

Пожалуй, можно подчеркнуть, что эта поездка показала: обе стороны оказались способны решать многочисленные и важные вопросы практического характера. Вместе с тем недоверие одной стороны к другой, недопонимание в целом ряде важных проблем создавали очень сложный фон для отношений, где Сталин пытался приспособиться к Мао Цзэдуну, но в то же время не допустить ни полного отрыва КПК и КНР от СССР и ВКП(б), ни навязывания Мао Цзэдуну своей интерпретации всей истории двусторонних отношений. Уступки, на которые шел Сталин, были в одно и то же время как бы весьма существенными, ибо он в своих выступлениях даже занимался не только самокритикой, но и самоуничижением, но в то же время он подспудно вел линию на то, чтобы в основе своей сохранять положение, при котором Китай оставался бы не только в числе союзников СССР, но и, хотя бы молчаливо, признавал, что СССР – сила, за атомным плечом которой Китай так или иначе, но укрывается. Визит Лю Шаоци несколько прояснил для каждой из сторон позиции партнера, двинул вперед развитие отношений на практике, но в то же время оставил под вопросом многое в двусторонних отношениях. Становилось ясно, что, несмотря на все уже сделанное, только встреча Сталина и Мао Цзэдуна, их беседы могут сыграть главную роль в формировании характера двусторонних отношений, по крайней мере на относительно длительный срок.

Сталин и Мао Цзэдун накануне образования КНР

Накануне образования КНР, то есть тогда, когда стало очевидно, что обеим сторонам, обоим лидерам придется иметь дело с соседним государством, а не только с идейно родственной партией, стала со все большей остротой вставать проблема взаимных отношений двух соседних государств, правящими в которых были коммунистические партии, а высшими и бесконтрольными руководителями которых были Сталин и Мао Цзэдун.

Вполне очевидно, что у Сталина и Мао Цзэдуна были отличавшиеся одно от другого представления и о своем, и о соседнем государстве.

²⁵⁴ Лю Цзечэн... С. 551—555.

Сталин, безусловно, считал себя если не величайшим, то не уступающим никому по величию, по государственной мудрости (и хитрости) руководителем. Государство, во главе которого он стоял, он видел как мировую державу, равной которой по военной силе могли быть только США. Отсюда его взгляд на все другие государства как на в определенном смысле второстепенные по сравнению с СССР. Это, однако, ни в коей мере не означало, что Сталин с презрением относился к настоящей и особенно к будущей мощи ряда других государств: Германии, Японии, Китая.

В межгосударственных отношениях с Китаем Сталин, имея за плечами опыт связей с Чан Кайши и Китайской Республикой, стремился прежде всего обеспечить интересы безопасности СССР, принимая во внимание и саму фигуру Мао Цзэдуна, и возглавлявшиеся им политические силы. На практике Сталин ни в малейшей степени не ущемлял китайцев, ханьцев как нацию, однако он вел линию на то, чтобы заставлять соседнее китайское государство находиться в военном союзе с СССР. Это могло по-разному восприниматься людьми в Китае.

Мао Цзэдун считал такую линию поведения Сталина проявлением того, что он именовал великодержавным шовинизмом.

Однако, с точки зрения Мао Цзэдуна, когда он говорил о великодержавном шовинизме, дело было не только и не столько в оценке конкретной государственной политики, проводившейся Сталиным по отношению к Китаю.

Мао Цзэдун, по сути дела, всегда был склонен исходить из мысли о том, что Китай и он сам, как лидер Китая, должны занимать главное место на планете.

Положение, престиж, даже военную мощь Сталина, а затем и других советских руководителей и их государства Мао Цзэдун считал незаслуженно присвоенными ими, раздутыми, узурпированными, причем в ущерб ему, Мао Цзэдуну, то есть Китаю.

Мао Цзэдун (уже после смерти Сталина, но это не должно смущать, ибо в этом вопросе и практическая политика Мао Цзэдуна, и его мысли были последовательными и при жизни Сталина, и вплоть до смерти самого Мао Цзэдуна) утверждал:

«СССР не таков, как мы. Во-первых, царская Россия представляла собой империализм (руководствовалась в своей политике принципами империи); во-вторых, затем (на смену царской империи, царской России) пришла Октябрьская революция, в результате чего многие люди в СССР очень уж возгордились; они очень высоко подняли свой хвост».²⁵⁵

Итак, по Мао Цзэдуну, оказывалось, что Россия виновата исторически перед Китаем в том, что она проводила имперскую политику. Мао Цзэдун не допускал мысли о том, что и Россия, и Китай были империями, их политику на разных исторических этапах их развития можно называть имперской; у них могут быть при таком подходе претензии друг к другу.

Здесь, пожалуй, важно то, что в сознании Мао Цзэдуна Россия была изначально виновата перед Китаем и должна была вернуть ему свои долги, в том числе и территориальные. Китай же был безупречен в отношениях с Россией.

Сталин никогда не ставил вопрос таким же образом: он не говорил о вине Китая перед Россией, сам вопрос о чьей-то исторической вине не существовал для Сталина. Вот это-то и было, очевидно, дополнительным стимулом для Мао Цзэдуна, заставлявшим его утверждать, что Россия совершила в отношении Китая историческую несправедливость и должна расплачиваться за свои преступления.

Далее, Мао Цзэдун полагал, что вина России усугублена тем, что в ней произошло то, что он именовал Октябрьской революцией (имелся в виду вооруженный политический переворот в октябре 1917 года). С точки зрения Мао Цзэдуна, на старую вину России перед Китаем после Октября 1917 года наложилась новая вина (или к старым долгам добавился новый долг России перед Китаем), а именно то, что люди в России якобы слишком возгордились, незаслуженно возгордились, почувствовали себя выше людей других стран,

²⁵⁵ Мао Цзэдун. Лунь ши да гуаньси – О десяти важнейших взаимоотношениях. См.: Лю Цзечэн... С. 619.

выше людей Китая, что, по мнению Мао Цзэдуна, совершенно нетерпимо.

С этим утверждением также никак нельзя согласиться. Противопоставление наций, сталкивание их – вот основная черта политики Мао Цзэдуна в этом вопросе. Во всяком случае, при всех недостатках и преступлениях Сталина у него не было политики, которая сталкивала людей России и Китая. Преступления и ошибки Мао Цзэдуна усугублялись тем, что он сознательно вел (и довел) дело к столкновению двух наций – России (СССР) и Китая (КНР), причем довел развитие событий не только до стадии идеологического противостояния, когда в Пекине допустили мысль о возможности вооруженного столкновения, применения оружия, начала «пограничной войны» (термин Чжоу Эньлая, вероятно, либо позаимствованный им у Мао Цзэдуна, либо отражавший настроения и мысли Мао Цзэдуна) против СССР, но и на практике начали такие вооруженные столкновения, то есть применили оружие, убили на границе русских людей, людей России.

Что же касается своей задачи, то ее Мао Цзэдун видел прежде всего в том, чтобы заставить Сталина, СССР, людей России «поджать (незаслуженно поднятый ими) хвост», занять приниженное положение относительно Мао Цзэдуна и Китая, знать свое место, которое, конечно же, по мысли Мао Цзэдуна, было подчиненным по отношению к Китаю, к нему самому, то есть к Мао Цзэдуну.

Мао Цзэдун также говорил в этой связи следующее:

«Под давлением обстоятельств (складывавшейся обстановки. – Ю.Г.) эти своего рода твердолобые упрямы в Советском Союзе все еще осуществляют великодержавную шовинистическую политику, но этот номер у них с нами не пройдет. Наш курс в настоящее время заключается в том, чтобы все-таки попытаться помочь им, а конкретный метод, с помощью которого мы могли бы оказать им помощь, состоит в том, чтобы прямо в лицо говорить им об их недостатках. На сей раз (очевидно, имелись в виду двусторонние переговоры делегаций двух коммунистических партий – КПСС и КПК – в Москве в 1964 г. – Ю.Г.) наша делегация поехала в Москву и там выложила все начистоту, разоблачила их и вскрыла перед ними некоторые проблемы. Я в телефонном разговоре сказал товарищу Чжоу Эньлаю (возглавлявшему в Москве делегацию КПК. – Ю.Г.), что эти люди (советские руководители. – Ю.Г.) руководствуются только своей выгодой и в то же время у них наблюдается помутнение разума; это ослепленные алчностью политиканы, у которых голова вскружилась от жадности, которые зарвались и в погоне за наживой потеряли голову; поэтому лучшим методом в общении и разговорах с ними может быть только один – отругать их на чем свет стоит, крыть их последними площадными словами».²⁵⁶

В этой же связи так называемая полемика между КПСС и КПК, а по сути дела, противостояние и борьба двух партийно-государственных машин с использованием всех средств, имевшихся в их распоряжении, за исключением военных (до 1969 г.), и вооруженные столкновения (1969 г.) на советско-китайской границе практически в КПК – КНР, отражая точку зрения Мао Цзэдуна, рассматривались тоже как своего рода критика великодержавного шовинизма, присущего, по мнению того же Мао Цзэдуна, Сталину, последующим советским лидерам, КПСС, СССР и людям СССР, России.

Так, Мао Цзэдун, выдвинув бездоказательное, чисто умозрительное, а по сути дела, лживое обвинение в адрес не только Сталина, но и вообще России, русских людей в том, что они относились к китайцам с позиций великодержавности и шовинизма, хотя этим русские люди как нация не грешили, по крайней мере в отношении Китая и ханьцев, не ограничивал себя после этого ничем, выбирая средства борьбы против России и русских людей, полагая применение оружия против них, начало войны против них на границах Китая (КНР) и России (СССР) вполне приемлемым средством, с помощью которого только и можно было, по мнению Мао Цзэдуна, поставить Россию и русских на место, заставить их поджать хвост,

²⁵⁶ Мао Цзэдун. Цзай шэн ши цзычжищюй данвэй шуцзи хойи шан ды цзянхуа – Речь на совещании секретарей парткомов провинций, городов, автономных районов. См.: *Лю Цзечэн...* С. 619.

смирению пойти за Мао Цзэдуном, Китаем, ханьцами.

В 1949 г. накануне образования КНР Мао Цзэдун заявил: «Человек Китая встал во весь рост!». ²⁵⁷

Так Мао Цзэдун провозгласил исходное положение при осуществлении внешней политики нового государства, то есть КНР. Он подчеркнул, что это государство будет бороться за независимость и самостоятельность своей внешней политики, будет устранять все остатки отступлений от этой политики, не допустит никаких новых отклонений от нее. Мао Цзэдун также подчеркнул, что новое государство будет стремиться отражать интересы человека Китая, то есть будет представлять интересы китайской нации, нации Чжунхуа. Из этого следовало, что интересы нации, в понимании их Мао Цзэдуном, оказывались при этом выше, чем, так сказать, абстрактные положения марксистской, ленинской теории, выше идеологии, которая, как многим тогда представлялось, особенно в Советском Союзе, играла первенствующую роль, скрепляя отношения русских и китайцев; интернационализм, во всяком случае в его сталинском понимании, оказывался при этом менее важным для Мао Цзэдуна; для него преобладали интересы нации Чжунхуа, в том числе и необходимость «восстановить справедливость и равенство» в отношениях с северным соседом КНР. Вполне естественно было ожидать, что такая позиция относится ко всем внешнеполитическим партнерам КНР, в том числе и, возможно, прежде всего к СССР.

В этой связи представляется вполне логичным заявление Мао Цзэдуна на торжественной церемонии провозглашения Китайской Народной Республики от имени ее центрального правительства: «Настоящее правительство является единственным законным правительством, представляющим народ всей страны – Китайской Народной Республики. Настоящее правительство желает установить дипломатические отношения (внешние связи. – Ю.Г.) с любыми правительствами, которые намерены уважать такие принципы, как равноправие, взаимная выгода, а также взаимное уважение территориальной целостности и суверенитета». ²⁵⁸

Из этого следовало, что Мао Цзэдун распространил принципы мирного сосуществования на отношения КНР с любыми правительствами, то есть на все государства. Он последовательно проводил линию на то, чтобы не выделять страны той или иной системы, чтобы не связывать вопрос о социально-экономическом строе в той или иной стране с вопросом о межгосударственных отношениях и тем более не подчинять вопрос о межгосударственных отношениях вопросу о классовой солидарности социалистических стран, а говоря еще конкретнее, чтобы не считать, что в межгосударственных отношениях страны социалистической системы исходят, прежде всего, из идеи о пролетарском интернационализме, подчиняются единому руководящему центру всех мировых социалистических сил [во всяком случае, в ситуации или до той поры, когда такой центр находится не в КНР, а в СССР], подчиняются интересам классовой солидарности, которая в одно и то же время и превращает их в единый военный лагерь, общие интересы которого выше интересов каждого отдельного социалистического государства, и противопоставляет их как единое целое, как единый военный лагерь, странам капиталистической системы как единому враждебному лагерю, как общему военному врагу. В то же время Мао Цзэдун четко отделял сферу межгосударственных отношений от сферы идеологии; это относилось и к отношениям с Советским Союзом. Особенно ярко это проявлялось тогда, когда речь шла о столкновении национальных интересов.

Что касается дружбы, то это понятие, с точки зрения Мао Цзэдуна, не относилось к

²⁵⁷ Бянь Яньцзюнь, Гун Юйчжи, Ван Юйшао, Фэн Хой. Синь Чжунго ды ци бу. Цзянь го илай Мао Цзэдун вэньгао яньцзю синь дэ чжи – Мао Цзэдун и первые шаги нового Китая. Один из итогов изучения рукописей Мао Цзэдуна со времени создания КНР // Хунци. 1988. № 8. – С. 22.

²⁵⁸ Хунци. 1988. № 6. – С. 27.

сфере межгосударственных отношений. Это была область отношений, отдельных от межгосударственных отношений; это была часть отношений между народами, причем понятие «народ» здесь виделось Мао Цзэдуна в классовом понимании. Он полагал, что существовали некие общие классовые интересы трудящихся (а только они и входили в понятие народа) обеих стран; народ СССР, с точки зрения Мао Цзэдуна, поддерживал лидеров в КПК – КНР в их борьбе за «восстановление справедливости» в отношениях между нациями – Китаем и Россией.

Мао Цзэдун объяснял выдвижение на первое место среди внешних связей КНР в 1949 г. межгосударственных отношений с СССР и государствами, которые назывались странами народной демократии, тем, что это диктовала тогда международная обстановка, а также исторические условия²⁵⁹. Тем самым подчеркивалась мысль о временном характере создавшейся ситуации, о тактических ходах, которые была вынуждена совершать тогда только что образовавшаяся КНР.

Именно особые условия и ситуация в мире в то время и были теми обстоятельствами, которые побудили Мао Цзэдуна совершить поездку в СССР в конце 1949 – начале 1950 г. Такая поездка была вынужденной, с точки зрения Мао Цзэдуна; она представляла собой, по сути дела, отступление от провозглашенных им в день создания КНР, то есть 1 октября 1949 г., принципов внешней политики нового государства китайской нации, нации Чжунхуа.

Мао Цзэдун тогда полагал, что КНР должна была развивать связи и сотрудничество с социалистическими государствами²⁶⁰. При этом речь не шла ни о братских, ни о дружественных отношениях между государствами (идеологический элемент, теоретические установки марксистской теории при этом отсутствовали), но лишь об отношениях сотрудничества, лишь о развитии связей. Во всяком случае, именно это было предпочтительным с точки зрения Мао Цзэдуна.

Даже само наименование того договора, который был подписан в Москве во время пребывания там Мао Цзэдуна 14 февраля 1950 г., также было вынужденно принято китайской стороной. Мао Цзэдун предпочел бы говорить не о дружбе и союзе в отношениях СССР и КНР (как это первоначально предложила советская сторона, то есть предложил Сталин) и даже не о взаимной помощи (а это была поправка Чжоу Эньлая, направленная на то, чтобы хоть как-то уравнивать партнеров), а о сотрудничестве и о развитии связей на основе полного равноправия и взаимной выгоды. Не случайно он упоминал и об уважении территориальной целостности и суверенитета. Здесь содержался намек, как показало развитие событий, на неурегулированность «прошлых счетов» и на недовольство политикой и действиями советской стороны на границе между двумя странами.

Даже тогда, когда речь шла о внешней торговле в 1949—1950 гг., когда КНР находилась в изоляции, Мао Цзэдун подчеркивал, что хотя, принимая во внимание сложившуюся ситуацию, Советский Союз и занимал первое место во внешнеторговых связях КНР, однако, с точки зрения Мао Цзэдуна, даже в эти годы следовало готовиться и вести торговлю с другими странами, в том числе с Англией, США.²⁶¹

В целом направленность внешней политики Мао Цзэдуна в момент образования КНР, постановка им вопроса о необходимости искать пути развития связей с возможно более широким кругом стран представляется разумной. Однако, анализируя состояние отношений между Сталиным и Мао Цзэдуном, нельзя пройти мимо тенденции Мао Цзэдуна выражать недовольство сложившимися к тому времени советско-китайскими отношениями, подчеркивать временный характер связей, возникших между СССР и КНР сразу же после

²⁵⁹ Там же.

²⁶⁰ Там же.

²⁶¹ Там же. С. 28.

образования КНР. Очевидно, с точки зрения Мао Цзэдуна, этим связям были присущи, по крайней мере, два недостатка: неравноправие партнеров с перевесом в сторону Москвы и смешение идеологических установок и межгосударственных отношений; и то и другое, как полагал Мао Цзэдун, ущемляло интересы КНР – КПК, нации Чжунхуа и должно было носить временный характер.

Вполне очевидно, что в момент образования КНР это новое государство продолжило политику предшествовавших государств китайской нации (в этом смысле КНР продолжила политику Китайской Республики, а Мао Цзэдун соревновался с Чан Кайши, стараясь показать, что он «лучше» борется за равенство в отношениях с СССР). Основными задачами этой политики было стремление решить вопросы территориального характера, то есть добиваться «восстановления исторической справедливости» путем пересмотра договоров о границе и возвращения Китаю «утраченных» китайской нацией в истории территорий, а также проведение совершенно независимой и самостоятельной внешней политики. Это предполагало отделение основанных на всеобщих мировых юридических принципах, как и со всеми другими государствами планеты, нормальных межгосударственных отношений с СССР от своеобразных или особых отношений между коммунистическими партиями и народами соответствующих стран. При этом отношения между партиями и народами должны были, с точки зрения Мао Цзэдуна, помочь ему заставить Сталина, его государство «исправить» «историческую несправедливость» в отношении Китая. Мао Цзэдун был нацелен на борьбу за изменение временно складывавшегося под давлением упомянутых обстоятельств характера двусторонних связей между СССР и КНР. Поэтому прямо с октября 1949 года эти отношения стали в его глазах отношениями, для которых были в одно и то же время характерны и сотрудничество, и борьба, а точнее, и борьба, и сотрудничество.

Организатором конкретной работы в сфере внешней политики был поставленный Мао Цзэдуном на этот пост премьер ГАС КНР и по совместительству министр иностранных дел КНР Чжоу Эньлай. Он же выступал в качестве члена высшего руководства КПК: члена Политбюро ЦК КПК, члена Постоянного комитета Политбюро ЦК КПК, заместителя председателя ЦК КПК. Одним словом, именно Чжоу Эньлай выражал и конкретизировал внешнюю политику Мао Цзэдуна, в том числе и прежде всего в отношении ВКП(б) – СССР.

При этом исходная позиция Чжоу Эньлая состояла в том, чтобы «отстаивать независимость» китайской нации²⁶². В весьма значительной степени благодаря усилиям и дипломатическим способностям Чжоу Эньлая, который выполнял стратегические замыслы Мао Цзэдуна, были осуществлены большие изменения во внешней политике КПК – КНР в отношении СССР и США, если брать в целом все, что было сделано с 1949 по 1976 г.: китайско-американские отношения были от противостояния через диалог доведены до учреждения на взаимной основе миссий связи в столицах обеих стран (косвенным следствием этого явился приход представителей Мао Цзэдуна в ООН), а китайско-советские отношения были от союза через период раскола приведены к противостоянию. В КПК – КНР это расценивалось как проявление в полной мере идеи Чжоу Эньлая (а по сути дела, Мао Цзэдуна) о независимой внешней политике КНР.²⁶³

Здесь Мао Цзэдун, очевидно при помощи Чжоу Эньлая, использовал вопрос о принципе суверенитета. И в СССР, и в КНР было нечто общее при взгляде на этот вопрос: в обеих странах полагали, что принцип суверенитета – это необходимый принцип международных отношений, что все страны должны уважать его, что на суверенитет никто не имеет права посягать. По крайней мере номинально, в декларативном плане, и Сталин, и Мао Цзэдун одинаково смотрели на этот вопрос. Очевидно, они полагали выгодным, ссылаясь на такой принцип, требовать невмешательства зарубежных стран во внутренние

²⁶² Чжун Гун дан ши яньцзю. 1988. № 2. – С. 3.

²⁶³ Там же.

дела СССР и КНР, а также проводить свою особую внешнюю политику.

В то же время у Сталина и Мао Цзэдуна, особенно сразу же после образования КНР, возникли и начали углубляться разногласия по этому вопросу.

Сталин полагал, что тогда, когда речь шла об отношениях между собой социалистических государств (а даже в наименованиях двух государств, СССР и КНР, это нашло в каждом случае свое выражение, ибо применительно к СССР присутствовало само слово «социалистический», а применительно к КНР слово «народный», что, с поправкой на период после Второй мировой войны, означало также характеристику классовой природы государства), то ряд принципов международных отношений, в том числе и принцип суверенитета, безусловно, как бы сами собой, подразумевались; более того, характер отношений между ними вполне естественно изначально приобретал черты дружелюбия, братства, глубочайшего идейного единства. Одним словом, отношения между странами с различным общественным строем находились на той ступени, когда важно было добиваться соблюдения ряда принципов, в том числе и принципа суверенитета. Очевидно, с точки зрения Сталина (а в данном случае и Мао Цзэдуна), обращение к принципам международного права, в частности к принципу суверенитета, было одним из приемов классовой борьбы на международной арене против враждебных социализму империалистических государств.

Сталин также полагал, что отношения социалистических стран находились на иной, более высокой – с точки зрения теории, которой он руководствовался, – ступени развития, где речь не шла об абстрактном, оторванном от классового содержания суверенитете по той, казалось бы, простой причине, что это (как бы) само собой разумелось, а главное, значительно более важное, чем суверенитет, состояло в том, чтобы развивать отношения классовой дружбы, а в необходимых случаях и союза, взаимной, в том числе военной, помощи социалистических стран как составных частей единого социалистического лагеря.

Мао Цзэдун видел ситуацию по-иному. Он полагал, что именно принадлежность социалистических стран к некоей общности, отнесение ими самих себя к социалистическим странам, признание ими, что они, каждая в отдельности и все вместе, являются странами с социалистическим общественным строем, влекли за собой ущемление принципа суверенитета. Мао Цзэдун исходил из того, что навязанное Сталиным превалирование интернационализма (социалистического интернационализма) над принципом суверенитета, вознесение интернационализма над суверенитетом, требование подчинять свои национальные интересы неким общим социалистическим интересам, а по существу, интересам одной страны – Советского Союза, то есть сама практика отношений между государствами, и заставили КПК – КНР выступать в защиту соблюдения принципа суверенитета в отношениях между социалистическими странами.

По сути дела, Сталин выносил принцип суверенитета за границы социалистического лагеря; Мао Цзэдун настаивал на внесении принципа суверенитета внутрь социалистического лагеря. Сталин под прикрытием тезиса о пролетарском интернационализме стремился подчинить себе другие нации; Мао Цзэдун под прикрытием принципа суверенитета пытался освободиться от опеки Сталина. По сути дела, Сталин был с точки зрения классовой теории более последователен, чем Мао Цзэдун. В то же время и Сталин, и Мао Цзэдун лишь прикрывали теоретическими рассуждениями свою практическую политику, в которой каждый из них ставил превыше всего свои личные интересы, а также по-своему понимавшиеся ими интересы своих наций. Сталин маскировал классовой теорией свой национализм, ущемление национальных интересов других стран. Мао Цзэдун же до поры до времени поднимал знамя суверенитета, чтобы освободиться от зависимости от Сталина, СССР, КПСС. В то же время такая позиция Мао Цзэдуна была временной и ограниченной по месту действия, так как она была предназначена для того, чтобы изменить характер взаимоотношений между КНР и СССР. Когда Мао Цзэдун ощущал свою силу, он сам стремился выступать в роли такого же «старшего брата», что и Сталин. Так было, в частности, в отношениях Мао Цзэдуна с севером Кореи, такие попытки он делал

и в отношениях с севером Вьетнама. Более того, когда Сталин умер, Мао Цзэдун стал претендовать на его место и теперь уже сам попытался поставить в зависимость от своей воли национальные интересы Советского Союза.

Весьма характерным в этой связи представляется признание в КПК – КНР того факта, что в 50-х гг. Чжоу Эньлай считал, что в условиях противостояния двух лагерей – лагеря социализма и лагеря империализма, – имея в виду такую цель, как оказание сопротивления главной угрозе для независимости и суверенитета КНР, которую тогда создавали США, заключение КНР союза с СССР (то есть договора, датированного 14 февраля 1950 г.) было необходимым; можно было понять, почему обе стороны пошли на самоограничения.²⁶⁴

Таким образом, вполне очевидно, что для Мао Цзэдуна и Чжоу Эньлая вступление одной социалистической страны в союзные отношения с другой социалистической страной трактовалось как обоюдное ограничение суверенитета, которое можно было понимать как временное и вынужденное обстоятельствами.

Именно в этой связи, также отражая взгляды Мао Цзэдуна, Чжоу Эньлай неоднократно указывал на то, что «нельзя терять независимый характер своей партии и государства». Он также говорил, что «не нужно опираться на чужую помощь», не нужно «слепо копировать их опыт». Чжоу Эньлай выдвигал также следующее положение: «Хотя стратегически и оставаться в союзе, но в тактическом плане нельзя не критиковать их (СССР. – Ю.Г.)».²⁶⁵

Следовательно, Мао Цзэдун в своих взаимоотношениях со Сталиным в момент образования КНР видел свою задачу в том, чтобы прежде всего отстаивать независимый характер как нового государства, так и своей политической партии. Иначе говоря, Мао Цзэдун тогда повел борьбу за независимость и партии, и государства в отношениях с КПСС и СССР. Дело, однако, осложнилось для Мао Цзэдуна двумя обстоятельствами: враждебным отношением к КНР со стороны США и других ведущих капиталистических стран, а также сформировавшимися исторически и носившими своеобразный характер отношениями с СССР и ВКП(б), которые в одно и то же время и были необходимыми Мао Цзэдуну в его борьбе за создание КНР, и, с другой стороны, как полагал Мао Цзэдун, связывали КПК и КНР, ограничивали их свободу и независимость.

Необходимо отметить, что отношение к опыту СССР и ВКП(б), к опыту Сталина, также носило у Мао Цзэдуна двойственный характер. С одной стороны, он нуждался и в этом опыте, и в помощи со стороны Сталина. С другой стороны, Мао Цзэдун стремился в принципе сразу же представить обращение к этой помощи, к этому опыту как что-то временное и вынужденное обстоятельствами. Причем намерение вести дело к отказу от этого опыта и этой помощи представлялось как борьба за независимость и самостоятельность.

Не случайно и то, что в трактовке Чжоу Эньлая (а следовательно, и Мао Цзэдуна) задачи КНР в области межгосударственных отношений СССР и КНР носили двойственный характер. В условиях враждебного отношения к КНР со стороны США и их союзников (особенно важно, что среди них была и Япония) Пекину, исходя из стратегической расстановки сил на том этапе развития обстановки на мировой арене, в первые годы после образования КНР приходилось оставаться в союзнических отношениях с СССР.

Однако перед КНР всегда стояла задача изменить ситуацию, содействовать переменам в обстановке на мировой арене, добиваться создания возможностей для полной самостоятельности КНР от всех союзных отношений, в том числе и с СССР. Этой цели должна была служить политика, при которой по конкретным вопросам, по частным проблемам КНР, оставаясь в стратегическом союзе с СССР (а по сути дела, под стратегией здесь имелись в виду временные, обусловленные обстоятельствами тактические ходы), должна была критиковать его; Чжоу Эньлай говорил при этом о критике «в тактическом

²⁶⁴ Там же. С. 4.

²⁶⁵ Там же.

плане», хотя, по сути дела, речь шла как раз, наоборот, о критике, которая выражала стратегическую ориентацию КПК и КНР на выход из союзнических отношений с СССР и ВКП(б). Такая критика была предназначена для того, чтобы прокладывать путь к установлению отношений независимых субъектов между СССР и КНР, давать определенные сигналы и Советскому Союзу, и странам Запада, прежде всего США.

Даже в период, когда имел место по крайней мере внешний декларативный подъем в области советско-китайской дружбы, то есть в первой половине 50-х гг., Чжоу Эньлай со всей твердостью, как отмечали в КНР, «исходил из принципа невмешательства во внутренние дела, неущемления суверенитета, решительно отвергал замыслы и попытки СССР включить КНР и ее внешнюю политику в колею своей стратегии и военные дела»²⁶⁶. Из этого, в частности, следовало, что для Мао Цзэдуна и Чжоу Эньлая речь шла не о тактике, а о стратегии, когда они выступали против тех или иных аспектов во внешнеполитической деятельности, в частности Сталина.

В 1956 г. Чжоу Эньлай критиковал внешнюю политику Сталина во время Второй мировой войны за то, что в ней «были и неудачи, например (в СССР. – Ю.Г.), непременно хотели раздвинуть хоть немного свои территории». Чжоу Эньлай также говорил, что «внешнеполитический курс (СССР. – Ю.Г.) после войны не был целиком и полностью таким, каким ему следовало быть; возможно, победа в войне вскружила голову... привела к росту тенденции великодержавной идеологии и националистических тенденций».²⁶⁷

Таким образом, Мао Цзэдун и отражавший его мнение Чжоу Эньлай исходили из того, что Сталин в результате Второй мировой войны в своей внешней политике в еще большей степени, чем ранее, скажем, до Второй мировой войны, выражал интересы нации и в то же время руководствовался великодержавной идеологией, проявлял националистические тенденции, в том числе и при подходе к территориальным вопросам. В КНР при этом имели в виду то, что происходило почти по всему периметру границ СССР в результате или после Второй мировой войны: пребывание советских войск в Корее, Китае, Иранском Азербайджане, в странах Восточной Европы, а также определенные изменения границ в районах, примыкавших к СССР. Все это требовало, с точки зрения Мао Цзэдуна, особых усилий для отстаивания внешнеполитической независимости нового китайского государства.

В этом плане нельзя не затронуть и вопрос о соотношении связей в сфере идеологии и межгосударственных отношений, когда речь шла о двух мощных государствах, провозглашавших свою принадлежность к лагерю социализма.

В письме, датированном 20 октября 1949 г. и адресованном Сталину, Мао Цзэдун подчеркивал, что цель пребывания в Советском Союзе его посланца Ван Цзясяна будет заключаться в выполнении обязанностей посла КНР в СССР; одновременно в качестве заместителя министра иностранных дел КНР Ван Цзясян будет решать основные вопросы в отношениях КНР с «новыми демократическими странами Восточной Европы»; в дополнение к этому в качестве представителя ЦК КПК Ван Цзясяну, который являлся членом ЦК КПК, поручалось поддерживать контакты по вопросам связей между двумя партиями со Сталиным и с ЦК ВКП(б).²⁶⁸

Таким образом, связи между государствами и партиями были отделены друг от друга и в то же время Мао Цзэдун предложил поддерживать межпартийные контакты через членов ЦК, представителей партий, которые одновременно занимали посты полномочных послов своих государств в столицах обеих стран.

²⁶⁶ Там же. С. 4–5.

²⁶⁷ Там же. С. 4.

²⁶⁸ Jianguo Yilai Mao Zedong Wengao Diyi Ce (1949.9 – 1950.12) [Документы Мао Цзэдуна со времени образования КНР. Т. 1 (сентябрь 1949 – декабрь 1950)]. – Пекин, 1987. – С. 71.

В начале 60-х гг., то есть после того как, по мнению Мао Цзэдуна, СССР распространил на межгосударственные отношения разногласия между двумя партиями по вопросам идеологии, теории, Чжоу Эньлай, отражая взгляды Мао Цзэдуна, обобщил опыт и уроки отношений между двумя партиями и двумя странами за несколько десятилетий и сделал вывод о том, что революция и строительство «на собственную практику народов различных стран», «на самостоятельные соображения партий различных стран», «должны опираться на собственную независимость и самостоятельность и на свои силы во всех странах».²⁶⁹

При этом Чжоу Эньлай выступал против того, чтобы принцип суверенитета рассматривался только как привилегия «цивилизованного мира». Он также был против того, чтобы под вывеской «пролетарского интернационализма» «протаскивать» «теорию ограниченного суверенитета» или гегемонизм в любых других формах²⁷⁰. Это в КНР относили к действиям, которые СССР предпринимал как в Восточной Европе (в Чехословакии), так и на Востоке (в Афганистане).

Очевидно, можно представить себе развитие отношений между СССР и КНР сразу же после ее создания как процесс разграничения межгосударственных и межпартийных (идеологических) отношений.

Дело в том, что связи между двумя крупнейшими в мире коммунистическими партиями предшествовали появлению отношений между двумя государствами, которые провозгласили себя социалистическими или идущими по пути строительства социализма. Таким образом, межпартийные, окрашенные определенной идеологией отношения существовали между двумя партнерами намного раньше, чем межгосударственные. Конечно же, это сказывалось на Сталине и на Мао Цзэдуна, которые оказывались сразу в двух ипостасях: вождей своих партий и глав (фактических глав) своих государств.

Объективно после создания КНР возник вопрос о строительстве межгосударственных отношений двух социалистических государств – СССР и КНР. Опыта строительства таких отношений не было. Все связи СССР с другими социалистическими странами до той поры были отношениями действительно огромной партии и страны с несопоставимо меньшими по своим масштабам партиями и государствами. В тех случаях даже не возникал вопрос о строительстве межгосударственных отношений особого или иного типа, чем отношения главы социалистического лагеря с одним из своих отрядов.

С Китаем такой вопрос на практике возник сразу же, даже до образования КНР, во время переговоров А.И. Микояна с китайскими руководителями в Сибайпо и Лю Шаоци со Сталиным – в Москве летом 1949 г.

Возникла задача разграничения, а с точки зрения Мао Цзэдуна, и отделения межгосударственных отношений от идеологических связей, связей между единомышленниками-коммунистами двух различных стран, каждая из которых представляла собой мощную самостоятельную силу на мировой арене.

Процесс разделения межгосударственных и межпартийных отношений был трудным и длительным. Логично, конечно, задаваться вопросами о том, возможно ли было обойтись без раскола, разрыва, вооруженных столкновений на границе и т. д. Однако все это произошло в реальной жизни и стало опытом, из которого можно и нужно выносить уроки.

Думается, однако, что взаимоотношения между нашими двумя нациями, между государствами наших наций имеют под собой как их главную опорную часть совпадающие интересы. Обе наши нации заинтересованы в выживании, в обеспечении мирных условий для развития и поддержания нормальных межгосударственных отношений на принципах равенства и независимости.

Что же касается того, что накопилось в багаже межпартийных идеологических

²⁶⁹ Чжун Гун дан ши яньцзю. 1988. № 2. – С. 5.

²⁷⁰ Там же.

отношений, то там было и то, что могло помочь формированию добрососедских межгосударственных отношений при правильном использовании этого багажа.

Процесс, однако, оказался болезненным. Это произошло и по объективным причинам (нации еще не пришли к взаимопониманию по вопросам территорий, границ и т. д.), и по субъективным причинам. Особенно виноваты в этом вожди обеих наций и их окружение, которые формировали политику обеих стран. Лидеры оказались в плену устаревших и устаревавших представлений и стереотипов; они стремились навязать один другому свое верховенство. Случилось так, что на практике обе стороны опасались одна другую, палка была перегнута в другую сторону, то есть отношения были доведены до разрыва, вооруженной конфронтации и лишь потом пришли в более или менее нормальное состояние.

Один урок истории ясен: нельзя ничего навязывать друг другу, нельзя в области двусторонних межгосударственных отношений исходить из презумпции общности, идейной общности или общности межгосударственных интересов; всегда следует говорить о себе, о своей стороне и ее интересах, разъясняя свои позиции и терпеливо ожидая того, что другая сторона, если она сочтет это необходимым, сама отзовется и заявит, что она хотела бы обсудить тот или иной вопрос, о котором партнер вел речь применительно к себе.

Встречи Сталина и Мао Цзэдуна в Москве (декабрь 1949 – февраль 1950)

В последние годы опубликованы некоторые документы из архивов, рассказывающие о том времени. Было немало свидетелей встреч Сталина и Мао Цзэдуна в Москве в конце 1949 – начале 1950 г. Существуют рассказы представителей и одной и другой стороны об этих событиях. И все же прежде всего представляется логичным дать слово одному из тех, кому в то время Сталин многое поручал, когда дело касалось поддержания связей с Мао Цзэдуном.

Уполномоченный или представитель Сталина в тех районах Китая, где у власти находился Мао Цзэдун в 1948—1949 гг., Иван Владимирович Ковалев готовил визит Мао Цзэдуна в Москву в конце 1949-го – начале 1950 г. и сопровождал его в этой поездке.

И.В. Ковалев вспоминал:

«Хочу прежде всего подчеркнуть, что, прежде чем Сталин и Мао впервые пожали друг другу руки, они уже долгие годы общались заочно, посредством телеграмм, переговоров между своими представителями и т. п. Не все в этих контактах было гладко, у обоих имелись основания для взаимного недоверия. В конце 1948 года, когда окончательно стали ясными перспективы военной победы КПК, оба лидера, наверное, окончательно поняли, что им придется встретиться, чтобы урегулировать взаимные отношения. С этого момента пошел процесс активной взаимной притирки, зондажа позиций друг друга по ключевым вопросам. Мне довелось активно участвовать в этом процессе.

Когда в декабре 1948 года я впервые прибыл в Москву для доклада Сталину, то обратил внимание на то, что он активно интересовался, чью сторону приняли китайские коммунисты по острой тогда югославской проблеме. Начиная с февраля 1949 года он не единожды спрашивал меня в своих радиogramмах о том, каково истинное отношение китайских товарищей к договору о Китайской Чанчуньской железной дороге, считают ли они его по-настоящему равноправным. Во время переговоров с Лю Шаоци он также в форме зондажа поставил вопрос о дальнейшей судьбе нашей базы в Порт-Артуре. Он тогда сказал: «Наше правительство считает, что после вывода американских войск из Японии Советский Союз мог бы подумать о выводе своих войск из Порт-Артура. Но если китайская компартия признает необходимым немедленный отвод советских войск из Порт-Артура, то для того, чтобы китайская компартия выиграла в политическом отношении, СССР готов сейчас же отвести войска из Порт-Артура...»

Мао, пожалуй, был еще более активным в зондаже позиций Сталина. Кроме того, он в придачу очень стремился рассеять возможные подозрения Сталина, связанные с историей их контактов.

Начиная с января 1949 года Мао неоднократно и подробно рассказывал мне о всех перипетиях истории внутрипартийной борьбы в КПК, которая неоднократно завершалась сменой генеральных секретарей ЦК. При этом он подчеркивал, что против его воли и желания борьба эта зачастую сопровождалась массовым избиением не только руководящих партийных кадров, но и основного ядра партии. Возможно, так он хотел отмежеваться от обвинений в репрессиях против тех деятелей, которых поддерживали в Москве.

В каждой из подобных бесед Мао Цзэдун в виде шутки говорил о том, что он один из тех людей, кому ЦК ВКП(б) не доверяет. Его, мол, в Москве считают правым «оппортунистом» и ярким противником той «московской» группировки, которая возглавлялась Ван Мином и в которую входили многие очень известные руководящие деятели. При этом Мао неизменно добавлял, что остался единственным из руководящих товарищей в ЦК КПК, кто не бывал еще в СССР, не встречался не только со Сталиным, но и с другими членами Политбюро, за исключением Микояна, который прилетал в начале 1949 года. В связи с этим мне неоднократно приходилось высказывать свое мнение о том, что для устранения предубежденности Мао Цзэдуну следует установить личные контакты с ЦК нашей партии и со Сталиным.

Одновременно Мао активно прощупывал мнение советского руководства по важнейшим проблемам — например, связанным с районами, имеющими важное стратегическое значение для двух стран. Так, 10 марта 1949 года Мао составил следующую телеграмму в ответ на обращение из Москвы: «Об установке знаков на реке Амур. Согласны с мнением дружеской стороны и просим прислать техников, расходы на установку знаков китайская сторона берет на себя, и право на знаки будет принадлежать китайской стороне. Знаки будут на обоих берегах — просим дружескую сторону установить, какие правила должны соблюдаться обеими сторонами, а мы обязуемся строго выполнять правила. Просьба передать через тов. Ковалева...» Пожалуй, это была первая договоренность двух стран по пограничной проблеме.

Летом 1949 года Мао подробно излагал мне свои взгляды на Синьцзян, пограничный с нами район Северо-Западного Китая, населенный смешанным китайско-мусульманским населением. Он считал Синьцзян стратегически значимой провинцией на случай новой войны с империалистами, смотрел на него как на прямую и защищенную дорогу из СССР в Китай и заметил, что военные планируют освободить Синьцзян от гоминьдановцев в 1950—1951 годах. В июле того же года Сталин заявил Лю Шаоци о том, что мы готовы оказать прямое содействие в освобождении Синьцзяна.

Получается, что некоторые сложные вопросы были согласованы еще до личной встречи. Однако не во всем дело шло столь гладко. Я уже упоминал о том, что еще во время визита Микояна Мао поднял вопрос о присоединении Монголии. После этого такой вопрос мне китайские товарищи задавали постоянно. Однажды, когда мы беседовали о государственных образованиях для национальных меньшинств Китая, Мао Цзэдун сказал: «А почему бы нам не пойти на объединение Внутренней и Внешней Монголии под знаком автономии, но в составе Китайской Демократической Республики?» Я ответил, как всегда, что не уполномочен решать этот вопрос, что это внутреннее дело Монгольской Народной Республики, но что вряд ли монгольский народ пойдет на такую автономию. Мао согласился и продолжил разговор.

Определенные сложности возникли и по вопросу о нашем кредите Китаю. Вопрос об этом был поставлен в апреле 1949 года, и Сталин, отвечая на него, указывал в своей телеграмме: «Что касается вопроса о займе со стороны СССР, то мы должны сообщить Вам следующее.

Торговлю с Китаем по принципу товар за товар мы ведем и будем вести. Для этого не требуется разрешения Верховного Совета СССР. Что касается займа, то правительство само не может решить этого вопроса, так как вопрос о займе подлежит решению Верховного Совета, а он, не возражая против займа Китаю, все же должен иметь соответствующий документ, подписанный представителями государства, обращающегося с просьбой о

помощи. Без этого Верховный Совет СССР не может дать согласие о займе».²⁷¹

Со своей стороны нам хотелось бы отметить, что отношения между Сталиным и Мао Цзэдуном развивались стремительно. В течение нескольких лет внутренней, или гражданской, войны в Китае, начиная с 1946 и по 1949 г., эти отношения от межпартийных, включавших в себя в завуалированной или тайной форме и отношения по линии ряда государственных ведомств, становились отношениями партийно-государственными, постепенно преобразовывались в сложный симбиоз из партийных и государственных отношений, то есть формально разделялись на межгосударственные и параллельно существовавшие с ними по форме, но, по сути дела, все определявшие в двусторонних связях межпартийные отношения. При этом двусторонние отношения прошли через этап своеобразных региональных межгосударственных отношений: СССР – Маньчжурия. Ситуация осложнялась и тем, что со стороны Мао Цзэдуна проявлялись намерения заключать договоры между двумя партиями (это в одно и то же время, по замыслам Мао Цзэдуна, должно было на практике обеспечивать реальную помощь со стороны Сталина, втягивать его в противостояние с Чан Кайши и США и их союзниками и в то же время постепенно утверждать тезис о равноправии и самостоятельности, отдельности и независимости двух партий, да и двух стран, наций в их отношениях) и в то же время втягивать СССР в войну против Гоминьдана, Китайской Республики и США. Что же касается кредитов или займов, то до образования КНР в указанный период Сталин предпочитал, считаясь с ситуацией в мире, не нарушать общепринятых норм межгосударственных отношений и не давать никакого повода обвинять его в прямом участии в гражданской войне в Китае, а Мао Цзэдун вынужденно соглашался с этим. Как следствие этого, обе стороны осуществляли такого рода связи по привычной и не раз возникавшей в двусторонних отношениях в XX веке формуле: центральное правительство одной из стран – местные власти, фактические местные власти одного из регионов другой страны. В данном случае такого рода отношения существовали между СССР и Маньчжурией, или Северо-Восточным Китаем. По этой линии и предоставлялись кредиты в ходе гражданской, или внутренней, войны в Китае до образования КНР.

И.В. Ковалев продолжал:

«Мао, по-моему, больше всего боялся, что Сталин откажет в кредите, он понимал, в сколь тяжелом положении находится экономика СССР. В связи с этим за неделю до отъезда, 3 декабря 1949 года, он специально вызывал меня, чтобы рассказать о бедственном состоянии китайского народного хозяйства.

Еще одной причиной для беспокойства было сопротивление со стороны членов правительства из числа левых гоминьдановцев. На первом же заседании левые гоминьдановцы категорически воспротивились поездке, указывая, что, согласно традиции, «зарубежные варвары» всегда приезжали к императору Китая на поклон, но никогда не было наоборот. На том же заседании другие представители буржуазных кругов стали возражать против поездки на том основании, что она осложнит отношения Китая с Америкой, Англией, Францией и лишит страну экономической помощи с их стороны.

Так что, хоть перед поездкой многие вопросы и были утрясены, у Мао были основания

²⁷¹ Комментируя эту ситуацию, российский историк С.Н. Гончаров писал о том, что в своих воспоминаниях Бо Ибо отмечает, что «30 (июля) товарищ (Лю) Шаоци подписал в Кремле с Маленковым соглашение о кредите». – *Бо Ибо*. Указ. соч. С. 37. [См. прим. 170.] Здесь речь идет скорее не о межгосударственном кредите, который имел в виду Сталин, а о кредите в счет оплаты текущей советской помощи. В своей телеграмме из Москвы от 3 января 1950 г. Мао Цзэдун, в частности, отмечал, что только что согласовал вопрос о советском кредите и что «...мы запросили 300 миллионов долларов, оплачивать будем постепенно в течение нескольких лет. Мы потому не выдвинули более значительную просьбу, что ныне в течение нескольких лет для нас лучше побольше экономить». (*Мао Цзэдун*. Телеграмма в ЦК относительно вопроса об отъезде Чжоу Эньлая в Советский Союз для участия в переговорах // *Цзянь го илай Мао Цзэдун вэньгао* – Рукописи Мао Цзэдуна со времени основания государства. – Пекин, 1987. – Т. 1. – С. 213.) Это говорит о том, что до момента приезда Мао в Москву вопрос о межгосударственном кредите еще не был согласован.

для волнений. Характерно, что в эту московскую поездку, где предстояло решать важнейшие для Китая вопросы, Мао Цзэдун не взял с собой ни советников, ни руководящих работников ЦК и правительства, ни даже небольшой рабочий аппарат. В поездке его сопровождали только Чэнь Бода и переводчик Ши Чжэ (Карский).

По-моему, такое решение Мао можно рассматривать как желание провести встречи со Сталиным без свидетелей с китайской стороны. Это подтверждается и тем, что перед самым отъездом из Пекина Чжоу Эньлай от имени Мао Цзэдуна обратился ко мне с просьбой взять с собой Н.Т. Федоренко специально для перевода его переговоров со Сталиным и другими советскими руководителями. Он тщательно оберегал свой авторитет и боялся его принизить в глазах товарищей по партии.

Теперь о непосредственной организационной подготовке к визиту. Впервые Мао Цзэдун заявил о своей готовности совершить визит в Москву в конце апреля 1949 года, и я передал его предложение Сталину одновременно с просьбой уточнить сроки визита. Выразив намерение совершить эту поездку, Мао очень волновался, опасаясь за свой авторитет. Уже тогда встреча со Сталиным его явно пугала.

В это время шли операции по форсированию Янцзы, наступление на Юге Китая. В связи с этим Сталин прислал на имя Мао телеграмму, где, в частности, говорилось: «Вам не следует спешить с поездкой в Москву. Вы не можете оставить сейчас Китай и руководство делами в связи со сложностью обстановки на Юге и в связи с тем, что Китай, по существу, не имеет правительства, а это сопряжено с определенной опасностью для дела революции». В телеграмме также содержались советы по организации будущего китайского правительства.

Прочитав это, Мао Цзэдун очень обрадовался. Вскочив с места, он поднял руки и трижды прокричал: «Десять тысяч лет жизни Сталину!» По-моему, он был обрадован тем, что поездка в Москву не будет связана с его отстранением от руководства на завершающем этапе революции, а также от образования правительства, которое он намеревался возглавить, он также понял, что Москва признает в нем лидера китайской революции.

Поздней осенью 1949 года мы снова и на сей раз всерьез занялись подготовкой к организации визита Мао. Мало кому известно, что первоначально Мао намеревался выехать за рубеж на целых три месяца – месяц в Москве, Ленинграде, Сталинграде с подписанием советско-китайского договора о дружбе, с беседами со Сталиным по коренным теоретическим и практическим проблемам коммунистического движения в мире (Мао особенно тщательно готовился к этим беседам), второй месяц – поездка в Польшу, Чехословакию и Румынию, третий месяц Мао собирался провести в санатории в Сочи. По моему совету визит решили сделать закрытым.

Я специально уделил столько внимания подготовке визита, всему, что ему предшествовало, поскольку это, наверное, самая малоизвестная часть всей этой истории. А теперь несколько слов о том, как проходило пребывание Мао в Москве.

Поезд прибыл на Северный (ныне Ярославский) вокзал утром 16 декабря. В салон-вагоне Мао к этому времени был подготовлен стол, причем он сам помогал расставлять экзотические кушанья. Встречали его Булганин и Молотов, которые категорическим отказом ответили на его приглашение присесть к столу, сославшись на то, что это не положено по протоколу. Под тем же предлогом они отказались от приглашения Мао поехать на отведенную для него дачу в одной машине. Поместили его на сталинской дальней даче, в Усове. Мао был явно огорчен холодностью приема.

В тот же день Сталин принял Мао Цзэдуна, но доверительной беседы, на которую тот рассчитывал, не получилось. После этого Мао несколько дней томился на даче. К нему приезжали по очереди Молотов, Булганин, Микоян, но и с ними были только короткие официальные разговоры. Я был на связи с Мао, видел его каждый день, понимал, что он расстроен и беспокоится. Во время очередного доклада сказал об этом Сталину. Тот ответил мне: «К нам приехало много иностранных гостей. Не следует выделять из них товарища Мао».

21 декабря Мао участвовал в праздновании 70-летия Сталина, которое проходило в

Большом театре, а на следующий день он пригласил меня к себе для беседы, запись которой попросил передать Сталину. Вот эта запись:

«Сегодня, 22 декабря, Мао Цзэдун пригласил меня к себе. При встрече присутствовал в качестве переводчика тов. Федоренко. Мао Цзэдун сказал следующее:

1. Содержание Вашей беседы с Мао Цзэдуном от 16 декабря он сообщил в ЦК КПК и ожидает мнения членов ЦК по затронутым в беседе с Вами вопросам.

2. Очередную встречу Мао хотел бы иметь ориентировочно 23—24 декабря.

3. Мао Цзэдун намерен представить на Ваше решение два варианта программы дальнейших переговоров. Первый вариант предусматривает решение следующих вопросов: советско-китайский договор, соглашение о кредите, договор о торговле, соглашение об установлении авиасообщения и другие вопросы, в том числе вопрос о признании Китая Бирмой. По этому варианту предполагается вызвать Чжоу Эньлая в Москву для оформления подписания соглашений. Причем Мао Цзэдун отметил, что то время, которое понадобится Чжоу Эньлаю для приезда в Москву, он (Мао Цзэдун) использует для поездки в Сталинград и Ленинград.

Второй вариант предусматривает обсуждение во многом тех же вопросов, что и в первом варианте, но без оформления их соответствующими соглашениями. В этом случае в настоящее время не будет необходимости в приезде Чжоу Эньлая в Москву. Для оформления и подписания соглашений Чжоу Эньлай мог бы приехать в другое время.

Мао Цзэдун в беседе неоднократно подчеркивал, что решение всех вопросов, в том числе и вопроса о его отдыхе и лечении в Союзе, он полностью передает на Ваше усмотрение.

4. Мао Цзэдун выразил желание нанести визиты и поговорить с членами Политбюро ЦК ВКП(б) Молотовым, Микояном, Булганиным и Шверником».

Запись я, конечно, передал Сталину, но особых изменений в положении Мао Цзэдуна не наступило, он по-прежнему был практически в изоляции. В отместку он отказался принять нашего посла в Китае Рощина, который попросился на прием по делам, связанным с японской компартией.

В конце января 1950 года прибыл Чжоу Эньлай, и переговоры пошли успешнее. На этой стадии переговоров я уже не участвовал, поскольку лег в больницу с застарелой болезнью горла».²⁷²

* * *

16 декабря 1949 г. Мао Цзэдун приехал в Москву. Поезд подошел к перрону в полдень. На вокзале его встречали заместитель председателя Совета министров СССР Молотов, министр обороны маршал Булганин, министр внешней торговли Меньшиков, заместитель министра иностранных дел Громыко. При этом Молотов и Булганин выступали и в качестве членов Политбюро ЦК ВКП(б). Таким образом подчеркивался партийно-государственный характер визита.

На перроне был выстроен почетный караул. Мао Цзэдун произнес короткую речь: «Дорогие товарищи и друзья! Я рад представившемуся мне случаю посетить столицу первого в мире великого социалистического государства. Между народами двух великих стран, Китая и СССР, существует глубокая дружба. После Октябрьской социалистической революции Советское правительство, следуя политике Ленина, Сталина, прежде всего аннулировало неравноправные в отношении Китая договоры периода империалистической России. На протяжении почти 30 лет советский народ и Советское правительство многократно оказывали помощь делу освобождения народа Китая. Никогда не будет предано забвению то, что в трудные для себя времена народ Китая получал эту братскую помощь со

²⁷² Проблемы Дальнего Востока. 1992. № 1–3. – С. 85—90.

стороны советского народа и Советского правительства... В настоящее время важные задачи состоят в том, чтобы укреплять возглавляемый СССР лагерь мира во всем мире, выступать против поджигателей войны, укреплять союзнические отношения между двумя великими странами, Китаем и СССР, и развивать дружбу народов Китая и Советского Союза. Я верю, что благодаря победе народа Китая и образованию Китайской Народной Республики, благодаря общим усилиям государств новой демократии, а также миролюбивых народов мира, благодаря общим чаяниям и тесному сотрудничеству двух великих стран, Китая и СССР, и в особенности благодаря правильной политике маршала Сталина в сфере межгосударственных отношений, все эти задачи будут непременно и полностью выполнены и эта работа принесет прекрасные результаты».

В заключение Мао Цзэдун провозгласил: «Десять тысяч лет дружбе и сотрудничеству (совместной работе) Китая и СССР!». ²⁷³

Итак, Мао Цзэдун по прибытии в Москву сразу же обозначил основные параметры своей позиции. Партнеров по предстоящим беседам и переговорам он назвал «товарищами» и «друзьями». Иначе говоря, он ожидал и требовал от них отношения к себе, своей партии, своей нации как к другу и товарищу по общему делу, товарищу, разделяющему одну и ту же идеологию, связанному известными теоретическими положениями и практическими делами.

Мао Цзэдун подчеркнул свою радость в связи с прибытием в столицу «первого в мире социалистического государства». Здесь был заложен намек на то, что, с его точки зрения, должна существовать разница между отношением к старой России, царской России, и к социалистической стране; эта разница может существовать и проявляться с его стороны лишь тогда, когда нынешняя Россия (СССР) докажет делами, что она не отождествляет себя и свою политику, свое отношение к Китаю с политикой царской России.

Далее Мао Цзэдун дал понять, что он разделяет понятия народа и государства применительно к нашей стране. При этом что касается народа, то тут он исходит из глубоких дружеских чувств, которые питал, питает и должен питать народ нашей страны к нему, его партии, его государству и его нации.

Весьма характерно, что при Мао Цзэду в КНР – КПК глубоко укоренилась и стала аксиомой мысль о том, что дружба между Китаем и другими странами должна пониматься исключительно как дружественное отношение к Китаю со стороны иностранцев, как горячая любовь к Китаю и китайцам со стороны зарубежных гостей. Только таких иностранцев в Китае Мао Цзэдуна считали и именовали «международными друзьями». Такая дружба не предполагала равенства партнеров и ответных таких же дружеских чувств со стороны КПК – КНР, Китая и китайцев по отношению к иностранцам, включая и нас, нашу страну. Все словоизлияния дружественного характера со стороны официальных представителей КПК – КНР всегда были формальными и по сути своей весьма сдержанными; при этом чувства дружбы к Китаю со стороны наших людей и соответствующие чувства китайцев к нашей стране, к СССР, к России никогда не ставились при Мао Цзэдуна на равный уровень. Что же касается известного тезиса о «старшем брате» (нас в КНР называли «советскими старшими братьями»), а также повторяли формулу: «Сегодня СССР – это наше завтра»), то ее придумали не в Москве, не в ЦК КПСС, а в КПК – КНР и употребляли так и в таком смысле, что это, по сути дела, вызывало только протест в китайской душе, ибо при этом пропагандисты Мао Цзэдуна намеренно создавали впечатление, что этот термин изобретен в СССР специально для того, чтобы унижить китайцев как нацию, представить их в качестве всего-навсего «младших братьев» или «братьев меньших» России и СССР.

Мао Цзэдун своими высказываниями подчеркивал, что он требует соответствующей позиции и от советского государства, которое должно считаться с мнением своего народа, то есть «любить и уважать Китай», и не действовать во вред китайской стороне. Вот в чем состояла мысль Мао Цзэдуна, таившаяся за этими формулировками.

²⁷³ Синьхуа юебао. 1950. Новогодний номер.

Мао Цзэдун сразу же поставил два наших народа и два наших государства, две наши страны, две наши нации в совершенно равное положение. Он назвал их равновеликими, с одной стороны, и великими по своему положению в сообществе мировых наций. Так Мао Цзэдун подчеркнул, что он считает себя представителем великой державы, которая допускает только отношения, основанные на полном равноправии.

Мао Цзэдун, переходя к характеристике политики советской стороны, прежде всего подчеркнул, что ему хотелось бы, чтобы эта политика отличалась от политики того, что он назвал «империалистической Россией» или «имперской Россией», а по сути дела, «Российской империей». Таким образом, он осудил политику по отношению к Китаю со стороны России на протяжении всей истории, предшествовавшей Октябрю 1917 года. Мао Цзэдун провел четкую грань между своим отношением к политике России до появления во главе страны Ленина и Сталина и тем, что ему хотелось бы видеть в качестве политики нашей страны уже при Ленине, Сталине. Таким образом, Мао Цзэдун отметал какие бы то ни было положительные стороны в истории отношений двух наций до Октября 1917 года, полностью отрицал наличие положительных сторон в политике России по отношению к Китаю до Октября 1917 года. Мао Цзэдун поймал или считал, что он поймал, советских руководителей на их же собственной идеологии, из которой следовало отрицание всего положительного в политике царской России на протяжении всей истории России в ее взаимоотношениях с Китаем до Октября 1917 года.

Мао Цзэдун впервые прибыл в Россию, в Москву, впервые обратился с речью к нашему народу и к руководителям ВКП(б) и СССР в их собственной столице и при этом позволил себе дать оценку нашей истории, делить ее на периоды, осуждать все и вся в нашей истории, имея в виду наше отношение к Китаю и наши взаимоотношения с Китаем. При этом он не делил историю Китая и отношение в Китае к России на периоды, не отделял свое государство, то есть КНР, от предшествующих китайских государств, когда речь шла об отношениях с нашей страной, и не осуждал ничего в политике предшествовавших китайских государств в отношении России (в том числе и СССР), не выделял положительные и отрицательные стороны в этой политике; Мао Цзэдун подчеркивал, что нам придется иметь дело с Китаем, с Новым Китаем, то есть с потенциально, да и уже, могучей великой мировой державой, и в то же время с Китаем тысячелетий. Мао Цзэдун выступал от имени, как он полагал, всей китайской нации, представляя ее во всей ее истории, а не отмежевываясь от всего или от негативного в истории китайской нации и в ее отношениях с Россией, с нашей страной. Так в речи Мао Цзэдуна сразу же обозначился главный мотив его политики: утверждение, что он всегда и во всем прав, а мы, Россия, всегда и во всем должны перед ним оправдываться, мы виноваты во всем прошлом, до Октября 1917 года во всяком случае, причем мы еще должны доказать, что на деле признаем нашу вину и готовы делом доказать свое желание повиниться перед ним и его нацией.

Мао Цзэдун объединил имена Ленина и Сталина, вводя далее в своей речи тезис о том, что именно они осуществляли политику, включавшую в себя аннулирование договоров, которые были неравноправными в отношении Китая. Таким образом, Мао Цзэдун внешне как бы похвалил, снисходительно и сверху, Ленина – Сталина за эти действия, исправлявшие несправедливость в отношении Китая, но в то же время за этой формулировкой скрывался намек на то, что Сталин несет в равной степени с Лениным ответственность за выполнение обещания, которое, с точки зрения и Мао Цзэдуна, было дано в свое время, а именно за обещание вернуть Китаю отторгнутые у него Россией территории. Во всяком случае, на первом этапе отношений между КНР и СССР. Мао Цзэдун тем самым намекал на необходимость полностью покончить со всеми теми условиями и со всем тем, что он относил к сфере несправедливостей, несправедливых договоров России с Китаем. Сюда включались и договоры, заключенные до Октября 1917 года, и все остальные договоры, подписанные в дальнейшем, включая договор 1945 года, заключенный при Сталине и Чан Кайши. А это означало, в частности, что Мао Цзэдун снова поднимал вопрос о статусе Монголии. Более того, таким образом сразу же выбивалась основа из-под существовавшей тогда

государственной границы между Россией (СССР) и Китаем (Китайской Народной Республикой), то есть Мао Цзэдун открывал возможность при подходящих, с его точки зрения, условиях как пересмотра существующей границы, так и выдвижения территориальных требований к нашей стране.

Наконец, Мао Цзэдун отмечал, что на протяжении почти тридцати лет советский народ и советское правительство неоднократно оказывали помощь делу освобождения народа Китая. Это была формулировка, имевшая не одно потайное дно. Ее можно было понять и как констатацию того, что наша страна и ее руководители оказывали помощь китайской нации, включая и помощь Гоминьдану в ходе гражданской войны за объединение страны, и помощь в Войне сопротивления Японии. Эту формулировку можно было понимать и как намек на то, что Мао Цзэдун хотел бы разграничивать действия советской стороны, выделяя в них то, что он соглашался называть помощью делу освобождения, то есть помощью только Компартии Китая, если говорить о ее взаимоотношениях с Гоминьданом, о ее борьбе против Гоминьдана.

Мао Цзэдун обещал никогда не забывать о братской, как он назвал ее, помощи со стороны нашего народа и нашего государства в трудные для народа Китая времена. Эта формула также была расплывчатой и допускала разные толкования; во всяком случае, здесь очевидно намеренно отдельно говорилось о государстве и народе нашей страны.

Считаясь с позицией Сталина, а главное, с международной обстановкой, с реально существовавшей угрозой для КПК – КНР, Мао Цзэдун выражал согласие в принципе помогать Сталину в укреплении его лагеря, в борьбе против его противников на мировой арене, которых он называл людьми, провоцирующими войну. Мао Цзэдун выражал также на словах готовность укреплять союзные отношения с нашим государством. С одной стороны, это явно была своего рода вынужденная уступка Сталину; однако, с другой стороны, это было признание Мао Цзэдуном в то время необходимости союза с нашей страной.

Мао Цзэдун выступал за развитие дружбы между двумя народами, что в его понимании означало, что он намерен настаивать на оказании с нашей стороны неэквивалентной помощи в восстановлении и развитии экономики и усилении армии его государства. Иначе говоря, Мао Цзэдун за моральную поддержку требовал конкретных экономических вложений.

Весьма характерно, что Мао Цзэдун ни словом не упомянул ни о вкладе нашей страны в победу над фашистской Германией и милитаристской Японией, ни о том, что эта победа была завоевана ценой десятков миллионов жизней наших людей. Мао Цзэдун не упомянул о том, что наша страна понесла самый большой ущерб во время Второй мировой войны среди держав-победительниц. Таким образом, Мао Цзэдун отводил тезис о необходимости считаться с трудностями экономического положения в СССР в момент, когда КНР выдвигала свои запросы относительно экономической помощи с нашей стороны. Мало того, такая позиция Мао Цзэдуна и в нравственном плане ущемляла чувства нашего народа.

Мао Цзэдун в этой речи позволил себе лишь два раза упомянуть имя Сталина, не отметив даже, что приехал в нашу страну по его приглашению и на его юбилей. Более того, упоминания имени Сталина были сделаны Мао Цзэдуном в контексте завуалированных претензий к политике Сталина, требований к нему идти навстречу желаниям китайской стороны во время предстоявших тогда переговоров. Мао Цзэдун даже именовал Сталина не «генералиссимусом Сталиным», а только «маршалом Сталиным», как бы понижая его в звании и авторитете на целую ступень и не признавая то воинское звание, которое было присвоено Сталину в СССР в результате победы над германским фашизмом в Великой Отечественной войне и во Второй мировой войне.

В целом эта речь не могла понравиться Сталину. Во всяком случае, она сразу же дала пищу для уточнения представления о Мао Цзэдуне и его позиции. Явление Мао Цзэдуна на Ярославском железнодорожном вокзале в Москве в декабре 1949 г. было выходом на сцену опасного для Сталина товарища-соперника или союзника-соперника.

Погода в день приезда Мао Цзэдуна в Москву стояла очень холодная. К тому же по пути Мао Цзэдун простыл, ему нездоровилось. Сразу же после краткой церемонии встречи

Мао Цзэдун на автомашине в сопровождении Молотова отправился на дачу Сталина под Москвой, где его разместил хозяин. Это был многозначительный жест со стороны Сталина. Во-первых, Сталин уступал Мао Цзэдуну собственный «загородный дворец». Во-вторых, так обеспечивалась полная безопасность Мао Цзэдуна, который оказывался под опекой личной охраны Сталина. Наконец, тем самым создавались условия для конфиденциальных встреч и бесед со Сталиным. Мао Цзэдун получал уединенное пристанище, чего он, с точки зрения Сталина, желал. На этой даче никто не мог побывать у Мао Цзэдуна без ведома Сталина. Возникает даже мысль о том, что это была и своего рода «мягкая изоляция» Мао Цзэдуна от внешнего мира, хотя никто, разумеется, не препятствовал Мао Цзэдуну, сопровождавшим его лицам в их передвижении.

По дороге на дачу Молотов сообщил, что Сталин приглашает Мао Цзэдуна на первую встречу в Кремль в шесть часов вечера того же дня.

Мао Цзэдун, приехав на дачу, прежде всего поспал. Затем отдал распоряжения относительно подготовки визита к Сталину и задумался.

Можно попытаться себе представить, что он чувствовал. Все-таки это была его первая встреча со Сталиным. Сталин был одной из всемирно признанных тогда «великих фигур» первой половины двадцатого столетия. Сталин был вождем всего того идеологического и политического направления, к которому принадлежали Мао Цзэдун и его партия. Мао Цзэдун знал, что Сталин далеко не полностью доверяет ему. Даже накануне отъезда Мао Цзэдуна в СССР Сталин задавался вопросом, не пойдет ли КПК по югославскому пути и не станет ли Мао Цзэдун «вторым Тито» (Сталин полагал, что Тито и Югославия «предали» его, стали врагами СССР на международной арене). С другой стороны, Сталин не мог не учитывать того, что объективная действительность побуждала Мао Цзэдуна быть в целом ряде вопросов вместе со Сталиным, с СССР. Ведь Мао Цзэдуну пришлось сказать: «В плане межгосударственных отношений мы принадлежим к антиимпериалистическому фронту, возглавляемому Советским Союзом».

Мао Цзэдун стремился к тому, чтобы с китайской стороны было как можно меньше свидетелей того, как будет происходить его первая встреча со Сталиным. Вероятно, Мао Цзэдуном владели очень противоречивые чувства. Он побаивался Сталина и был настроен на то, чтобы доказывать при встрече с ним свою лояльность, стараться развеивать подозрения Сталина. Однако при этом Мао Цзэдун исходил главным образом, во-первых, из необходимости сразу же поставить себя в совершенно независимое положение, заставить Сталина считаться с его позицией в КПК – КНР и, во-вторых, создать предпосылки для налаживания отношений со Сталиным, предполагавших получение КПК – КНР конкретной, прежде всего экономической и военной, а также политической помощи и поддержки со стороны Сталина.

Для Сталина первая личная встреча с Мао Цзэдуном также представлялась весьма важной. Возможно, что если он и не побаивался Мао Цзэдуна, то все-таки ему было несколько не по себе, в частности, и из-за того, что у него не было собственного опыта общения с Мао Цзэдуном. В великой соседней стране произошла смена власти, там появился новый общегосударственный и партийный лидер, а Сталин с ним никогда до той поры не встречался, несмотря на то что это был вождь Коммунистической партии Китая. Сталин, с одной стороны, прекрасно понимал необходимость налаживания союзных отношений с Китаем при Мао Цзэдуне и, с другой стороны, конечно, хотел, чтобы Мао Цзэдун считался с его волей. В целом Сталин был уверен в себе и в своем положении в своем государстве, в своей партии. На встречу с Мао Цзэдуном он пригласил целый ряд советских партийных и государственных деятелей, чтобы в их присутствии показать им, как следует вести дела с Мао Цзэдуном. Сталин предпочел не проводить первую встречу с Мао Цзэдуном один на один.

С собой в Кремль на встречу со Сталиным Мао Цзэдун взял, не считая телохранителя, только одного человека – своего советника и личного переводчика Ши Чжэ.

Советский шофер доставил Мао Цзэдуна в Кремлевский дворец за три минуты до

назначенного срока, то есть в 17 часов 57 минут. Мао Цзэдуну докладывали, что Сталин любит точность, поэтому он был доволен, прибыв точно к назначенному часу.

Секретарь Сталина А.Н. Поскребышев предложил Мао Цзэдуна чуть подождать, а сам вошел в кабинет Сталина, закрыв за собой дверь, чтобы доложить о приходе гостя. Так Мао Цзэдун перед первой встречей со Сталиным оказался в положении гостя, который вынужден пусть всего минуту, но ждать, пока его пригласит хозяин.

Ровно в шесть часов под бой напольных часов Мао Цзэдуна пригласили в кабинет Сталина в Кремлевском дворце: «Товарищ Сталин просит председателя Мао Цзэдуна войти».

Мао Цзэдун, как обычно в таких случаях, медленно и плавно направился в кабинет. За ним следовал Ши Чжэ.

В кабинете выстроились цепочкой члены советского руководства. Первым в их ряду стоял Сталин. Он был в форме генералиссимуса. За ним выстроились Молотов, Маленков, Берия, Булганин, Каганович, Вышинский. В качестве переводчика с советской стороны выступал Н.Т. Федоренко.

Как только Мао Цзэдун вошел в кабинет, Сталин выступил ему навстречу и, улыбаясь, протянул обе руки. Так он приветствовал Мао Цзэдуна. Мао Цзэдун тоже протянул вперед обе руки. Состоялось рукопожатие. Итак, и наконец, и впервые лично встретились два крупнейших в мире коммунистических лидера. Рукопожатие было крепким.

«Здравствуйте!» – с подъемом произнес Сталин.

«Здравствуйте!» – с чувством ответил Мао Цзэдун.

«Рады вашему приезду!»

«Спасибо, товарищ Сталин!» Они продолжали пожимать друг другу руки.

Сталин, пристально разглядывая Мао Цзэдуна, сказал: «Замечательно, замечательно! Вы еще так молоды, у вас такой цветущий вид...»

Мао Цзэдун, в свою очередь, ответил: «Вы, товарищ Сталин, тоже в отменном здравии!»

Сталин поблагодарил кивком головы. Затем он представил Мао Цзэдуну своих коллег, начиная с Молотова. Мао Цзэдун обменялся с ними рукопожатиями и приветствиями. В свою очередь, он представил Сталину сопровождавшего его Ши Чжэ.

Сталин пригласил Мао Цзэдуна садиться.

Мао Цзэдун и Ши Чжэ сели по одну, а Сталин и его коллеги по другую сторону стола для заседаний.

Когда все уселись, Сталин сказал, глядя на Мао Цзэдуна: «Великое дело! Поистине сделано великое дело! Вы добились великой победы. Вы внесли очень большой вклад в дело китайского народа; вы – славный сын китайского народа! Мы от всей души желаем вам крепкого здоровья!»

Мао Цзэдун, зная о том, что Сталин неоднократно весьма критически относился к его политике в ходе внутривнутриполитической борьбы в Китае, высказывая в этой связи различного рода подозрения и сомнения, вероятно, не ожидал, что с самого начала встречи Сталин станет так хвалить его. Однако Мао Цзэдун не смутился и не стал возвращать любезность, а, покачивая головой, сказал: «Да нет же, мне на протяжении длительного времени приходилось терпеть гонения, меня даже лишали права голоса; мне было что сказать, да не было случая и места, чтобы высказаться».

Китайская пословица гласит: «За праздничным столом можно тысячу раз выпить с человеком и все равно не узнать, кто он такой; однако бывает, что для этого хватит и полсловечка, если оно сказано прямо, без экивоков».

Вот и в данном случае получилось так, что в кабинете Сталина до этих слов Мао Цзэдуна царила некая весьма приподнятая, подчеркнута дружественная, горячая атмосфера, все и каждый (с советской стороны) были на подъеме, взволнованны, и вдруг при таких торжественных обстоятельствах Мао Цзэдун своей полуфразой, несколькими словами, в которые он вкладывал глубокий смысл и которые предполагали несколько иную тональность разговора, гораздо большую откровенность и свободу собеседников в своих высказываниях,

как бы заморозил всю эту праздничную атмосферу. Мао Цзэдуну удалось как бы мгновенно заставить застыть всю эту обстановку торжественности, священнодействия, предполагавшегося взаимного воспевания. Более того, психологически Мао Цзэдун сразу продемонстрировал свою обидчивость, а должно было предполагать, что это и обидчивость КПК, и обидчивость китайской нации в связи с реальными действиями и политикой Сталина, советской стороны в прошлом. Сталин и его коллеги оказались в ситуации, когда им как бы пришлось успокаивать обиженного гостя, то есть, с точки зрения Мао Цзэдуна, он занял активные позиции, а Сталина загнал в угол.

В КПК – КНР, в их пропаганде создавшуюся ситуацию характеризовали следующим образом: все находившиеся в кабинете не сговариваясь подняли головы и воззрились на вождя КПК, который сразу показал, что не намерен ни к кому приспосабливаться и ловчить, а, напротив, проявил себя собеседником, настроенным на обмен репликами, исполненными глубокого смысла, и на постановку острых вопросов. Мао Цзэдуну на секунду удалось удивить советских партнеров по переговорам. Сразу стало ясно, что перед ними политик, которому даже в мелочах, даже при обмене простыми любезностями лучше пальца в рот не класть.

Сталин с удивлением посмотрел на Мао Цзэдуна. Могло показаться, что он не сразу нашелся. На ходу приходилось менять начало того сценария первой встречи, который заранее сложился у Сталина в голове. Он привык к тому, что на протяжении нескольких десятилетий большинство лидеров, с которыми ему приходилось общаться, в беседах с ним предпочитали проявлять осторожность, ходить вокруг да около, выжидая, что скажет Сталин, и ориентируясь на его позицию. Сталин крайне редко кого-либо хвалил; он вообще не привык приспосабливаться к собеседнику, навязывая ему свою манеру разговора и свою тактику беседы. На сей раз при первой же встрече с Мао Цзэдуном сразу же выяснилось, что этот китаец даже не желает соблюдать правила внешних приличий, не разводит «китайские церемонии», не высказывает радости, услышав пожелания здоровья, услышав даже похвалу из уст самого Сталина в свой адрес. Казалось бы, чего еще можно желать, встречаясь в первый раз, закладывая основы отношений? Сталин предполагал, что своими высказываниями в начале беседы он как бы обезоружит Мао Цзэдуна, поставит его в оборонительное и пассивное положение. Мао Цзэдун же предпочел сразу броситься в бой... Мао Цзэдун предложил сражение умов.

Мао Цзэдун продолжал говорить со своим тяжелым хунаньским акцентом: «Те, кто выступал против меня, многое позволяли себе; и кое-что остается неясным, если говорить о том, кто прав и кто не прав, вплоть до настоящего времени это все еще неясно».

Сталин знал, что Мао Цзэдун имел в виду ряд руководящих деятелей внутри КПК, прежде всего Ван Мина. (Кстати сказать, Ван Мин – это псевдоним Чэнь Шаоюя; а сам иероглиф «мин» из псевдонима Ван Мина означает по-китайски «ясность»; таким образом Мао Цзэдун намекнул на то, кого он имел в виду.) Сталин поддерживал Ван Мина, стремясь с его помощью заставить КПК быть более послушной воле Коминтерна, а по сути дела, воле Сталина. В то же время Сталин полагал, что такого рода вопросы были уже выяснены и сняты, ибо несколько месяцев тому назад, в середине 1949 г., во время пребывания в Москве делегации КПК во главе с Лю Шаоци Сталин в ходе беседы с Лю Шаоци осудил Ван Мина и даже прямо выступил с самокритикой. И вот теперь, при первой же встрече, Мао Цзэдун ничтоже сумняшеся прежде всего поставил именно этот вопрос.

Сталин мгновенно нашелся и ответил Мао Цзэдуну репликой, которая позволяла на данном этапе считать инцидент исчерпанным: «Нет, нет, ни в коем случае! Кто старое помянет, тому глаз вон!» Он сделал решительный жест правой рукой, в которой была зажата трубка, и добавил: «Победа поставила все точки над «i», прояснила, кто прав, кто виноват; победа – это все! Победителей не судят, это очевидная истина».

Такой ответ при данных обстоятельствах позволил на время закрыть практически важный и сложный вопрос, и атмосфера в кабинете снова стала теплой. Мао Цзэдун не мог не согласиться с логикой Сталина, предпочитая воспринимать его слова в том смысле, что

тот признал его победу, а следовательно, неправоту его противников внутри КПК.

Выслушав перевод слов Сталина, Мао Цзэдун засмеялся. Засмеялись и все остальные.

Далее Сталин сказал со всей серьезностью: «Победа революции в Китае изменит соотношение сил в мировом масштабе. Чаша весов, на которую положена мировая революция, потяжелела. Мы искренне поздравляем вас с победой и надеемся, что вы добьетесь новых, еще больших побед!»

Мао Цзэдун кивнул и ответил: «От имени народа Китая я сердечно благодарю советский народ за поддержку и помощь, которую он оказывал нам на протяжении длительного времени. Народ Китая не забудет друзей...»²⁷⁴

Прежде чем высказать свои соображения относительно описания в литературе, изданной в КНР, первой в истории встречи Сталина и Мао Цзэдуна 16 декабря 1949 г. в Кремле, представляется необходимым привести рассказ об этой же встрече ее очевидца Н.Т. Федоренко, который выступал во время этой беседы в качестве переводчика с советской стороны.

Н.Т. Федоренко писал: «Запомнилась обстановка первой встречи Сталина и Мао Цзэдуна. Она проходила в кабинете Сталина в Кремле. По долгу службы мне пришлось сопровождать Мао Цзэдуна, быть переводчиком.

Восприятие ситуации людьми разными, разумеется, бывает неодинаково, часто очень индивидуально. В моей памяти наиболее рельефно отобразился момент встречи этих двух фигур. Когда перед нами открылись двери, Сталин находился в глубине кабинета, и нужно было пройти всю комнату, чтобы подойти к нему. Неторопливо, характерным для него шагом, он медленно отдалялся от своего рабочего стола, за которым, похоже, до этого занимался делами. По крайней мере можно было так подумать. Сдержанность, спокойный его вид выражали уверенность. Сделав несколько шагов нам навстречу, он отнюдь не проявлял признаков поспешности.

Иным было поведение Мао Цзэдуна. Обычно неторопливый, медлительный, он вдруг перевоплотился на моих глазах. Стремительно зашагал по ковровой дорожке, и я едва успевал за ним. Был он заметно взволнован, во всем его облике проступала внутренняя озабоченность.

– Здравствуй, товарищ Сталин, – эмоционально произнес Мао Цзэдун и быстрым движением заключил руку Сталина в свои ладони. Он долго тряс ее, выражая глубокое удовлетворение по случаю встречи.

– Рад вашему приезду, товарищ Мао Цзэдун, – негромко произнес Сталин. И после небольшой паузы добавил: – А выглядите вы моложе и крепче, чем я представлял.

Таким было первое соприкосновение этих двух людей. Можно сказать, что это была встреча овечьего ореолом славы наставника и верного его последователя.

Затем Сталин пригласил гостя к длинному столу для заседаний, стоявшему вдоль стены.

– Попросите товарища Мао Цзэдуна занять место с той стороны стола, чтобы мы сидели друг против друга, – обратился ко мне Сталин и показал рукой стул для гостя.

Когда Мао Цзэдун сел, а сопровождавший его помощник Ши Чжэ расположился рядом, Сталин, повернувшись ко мне, понизив голос, произнес:

– А вы садитесь в торце стола, на председательское место. Здесь вам будет удобно, да и нам не станете мешать.

Я без того сознавал, что был здесь лишним. Понимал, что и хозяин, и гость с радостью обошлись бы без моего присутствия, но вынуждены терпеть неизбежно это зло, соблюдая к тому же приличие, по крайней мере внешне.

...

И за столом также обнаружились особенности этих двух людей в манере держаться и

²⁷⁴ Лю Цзечэн... С. 12—18.

говорить. У Сталина заметная настороженность, немногословие, короткие реплики, с привычным грузинским акцентом. Изредка он бросал скошенные взгляды на прибывшего издалека гостя. Сталин вообще редко смотрел на собеседника. Его взгляд обычно был обращен куда-то в сторону. Это, признаться, несколько осложняло быстрое и точное воспроизведение переводчиком его высказываний. Правда, когда он замечал мои затруднения, то тотчас повторял фразу с безупречной артикуляцией. Следует заметить, что Сталин с первой же встречи был неизменно предупредителен к своему vis-a-vis.

А с другой стороны – торопливый, поистине скоропалительный, но учтивый рапорт гостя, на хунаньском диалекте. И оттого слова у него, казалось мне, были какими-то рассыпчатыми. Мао Цзэдун докладывал обстановку в Китае, рассказывал о сражениях против гоминьдановцев, об экономической разрухе, земельной проблеме и бесконечных трудностях в стране. Довольно пространно говорил о том, что история Китая – это нескончаемые внутренние и внешние войны. Повторял, что народная революция, которая осуществлялась путем вооруженной борьбы, была неотвратима. Китайские коммунисты неколебимо в это верили и не останавливались ни перед какими жертвами. Победа революции дала возможность народу стать на ноги, выпрямиться во весь свой могучий рост.

Мао Цзэдун, разумеется, сердечно благодарил Сталина за братскую помощь китайским коммунистам. За великое бескорыстие, которое проявлял Советский Союз. За революционную верность. Сколько мне помнится, он не затрагивал вопроса о прошлых расхождениях с Коминтерном и лично со Сталиным о путях китайской революции. Не касался этого и Сталин.

Китайские коммунисты, по их утверждению, нашли свой собственный путь к победе, сочетая, как они говорят, всеобщую истину марксизма-ленинизма с конкретными условиями китайской революции. Известно также, что в июле 1949 года, когда Лю Шаоци прибыл в Советский Союз в качестве представителя КПК, Сталин, как сообщают китайские источники, выразил сожаление, что он лично и другие в прошлом вмешивались в китайскую революцию своими советами и предложениями. При этом он сказал, что «мы были помехой для вас, и я очень об этом сожалею»²⁷⁵. И хотя самокритичное это признание было сделано приватно, оно представляется очень необычным для Сталина.

Нет нужды подробно излагать весь ход той беседы Сталина и Мао Цзэдуна. Это была их первая встреча, и многое в разговоре носило общий характер. Отмечу лишь, что Сталин слушал Мао Цзэдуна с большим вниманием, переспрашивал его, а иногда задавал вопросы, чтобы прояснить то или иное положение. Был точен в своих формулировках и, похоже, стремился уловить оттенки фраз и слов при переводе. Все это постоянно держало меня в напряжении. К тому же не покидало чувство страха».²⁷⁶

Думается, что можно разделить это вступление к беседе Сталина и Мао Цзэдуна, с точки зрения психологии и логики каждого из собеседников, на три части.

Сначала Сталин попытался создать предпосылки для конструктивных переговоров, ограничившись простой констатацией того, что сделано великое дело и что Мао Цзэдуну принадлежит очень большая заслуга, он по праву может называться сыном народа Китая. Сталину представлялось, что это был максимум того, на что он мог пойти; он признал победу Мао Цзэдуна во внутривластной борьбе в Китае, отметил его личные заслуги. Сталин хотел бы оставаться в роли арбитра, который имеет верховную власть оценивать все сделанное другими. Сталин, очевидно, предполагал, что тем самым он сразу же заставит Мао Цзэдуна рассыпаться в благодарности или, по крайней мере, произойдет обмен любезностями, после чего можно будет перейти к беседе по существу вопросов.

²⁷⁵ У Сюцюань. Мемуары дипломата. – Пекин, 1985. – С. 9–10 (на кит. яз.).

²⁷⁶ Федоренко Н.Т. Сталин и Мао: беседы в Москве // Проблемы Дальнего Востока. 1989. № 1. – С. 151–153.

Более того, Сталин, очевидно, также думал, что он учитывает восточный или китайский менталитет, начиная беседу с похвал и тем самым позволяя ее участникам сохранять лицо. С формальной точки зрения Сталин, как ему казалось, хорошо продумал начало разговора, сделав его по форме как бы неожиданным и приятным сюрпризом для Мао Цзэдуна, а по сути дела, желая взять инициативу в свои руки.

Однако оказалось, что ни форма, ни существо высказываний Сталина не устраивали Мао Цзэдуна. Он тут же ринулся в атаку. Мао Цзэдун фактически сразу же выдвинул условия, которые советская сторона должна была выполнить, если она желала снять или устранить препятствия на пути нормального течения дальнейшей беседы, да и развития двусторонних отношений вообще. Такими препятствиями в глазах Мао Цзэдуна была позиция Сталина, который в прошлом поддерживал соперников Мао Цзэдуна внутри руководства КПК и вообще по многим вопросам внутривластного развития в Китае высказывал и навязывал мнения и решения, которые были неверными, с точки зрения Мао Цзэдуна. Мао Цзэдун фактически потребовал, чтобы советская сторона признала, что в прошлом она была не права, а он, Мао Цзэдун, был прав в вопросах, которые касались внутривластной борьбы в Китае. Мао Цзэдун напомнил также, что его победа – это победа, которой он добился не благодаря, а в весьма значительной степени вопреки позиции Сталина.

Сталин нашел достойный ответ. Собственно говоря, и Мао Цзэдун, и Сталин в данном случае облекли свои позиции в такие формы, что прямо не были названы ни имена, ни факты, но это и позволило найти выход из затруднительного положения.

По сути дела, Сталин прибег в сложившейся ситуации к эффектно и эффективно приему, который позволил каждому из участников беседы считать, что он выиграл или, во всяком случае, сохранил лицо. Сталин применил формулу, которой впоследствии будут пользоваться и другие участники советско-китайских переговоров. Сталин привел пословицу «Кто старое помянет, тому глаз вон» и подкрепил ее крылатым выражением «Победителей не судят». (Собственно говоря, это напоминает и высказывание Дэн Сяопина в беседе с М.С. Горбачевым в 1989 году: «Завершить прошлое, открыть будущее».)

Так оказалось, что партнеры-соперники достойны один другого. И тот и другой показали, что они умеют применять неожиданные приемы в ходе беседы. Если пользоваться шахматной терминологией, то складывается впечатление, что сначала Сталин объявил шах Мао Цзэдуну, на что Мао Цзэдун ответил шахом со своей стороны. После этого Сталин рокировался, что дало возможность обеим сторонам продолжить беседу; при этом каждый из партнеров считал себя победителем. Так завершилась вторая часть начала их беседы.

В третьей части оба собеседника создавали предпосылки для конструктивных бесед по вопросам налаживания отношений.

Здесь, пожалуй, уместно сказать несколько слов, которые могут в какой-то степени помочь раскрытию поведения Сталина и Мао Цзэдуна в ходе этой части беседы. Дело в том, что Сталин был как бы вынужден принять упреки Мао Цзэдуна, и в то же время высказывания Сталина не были полным признанием своей неправоты, скорее они предлагали выход из создавшегося положения, при котором обе стороны оставляют за собой право оставаться при своем мнении относительно некоторых вопросов истории, хотя и договариваются не поднимать эти вопросы. Таким образом, основа дальнейших отношений оказывалась довольно зыбкой. Ее можно было при желании взорвать напоминаниями о прошлом.

Мао Цзэдун был сосредоточен прежде всего на том, чтобы, во-первых, подтвердить и застолбить независимое положение свое и своей партии, своего государства и, во-вторых, заставить Сталина признать, что он считает ошибочной борьбу против Мао Цзэдуна внутри его партии и больше не будет поддерживать соперников Мао Цзэдуна внутри руководства КПК. Конечно, Мао Цзэдун имел в виду и отношение Сталина к Чан Кайши.

Однако тут позиции Мао Цзэдуна не были, в глазах Сталина, убедительными.

Дело в том, что Сталин беспокоился не столько о внутрикитайских делах, особенно о

делах внутри КПК, хотя эти вопросы он рассматривал как важные, от решения которых зависело и состояние главного, то есть состояние отношений России (СССР) и Китая. Сталин был всегда заинтересован в том, чтобы обеспечить безопасность своей страны. Он не желал допускать, чтобы из Китая кто-то из китайских руководителей вонзил нож в спину его стране.

На протяжении многих лет Сталин имел своим партнером Чан Кайши и добился успехов в своих предприятиях.

В то же время Мао Цзэдун на протяжении почти десяти лет старался найти общий язык с американцами; при этом подразумевая, что он может в интересах налаживания дел с США пойти на охлаждение отношений со Сталиным, на некоторое отстояние от России, на то, чтобы не стоять с ней в одном лагере и не гарантировать союз с ней против третьих стран, включая и США. Особенно такую активность Мао Цзэдун усилил перед победой в гражданской войне против Чан Кайши. Сталину было известно, что в руководстве КПК существуют два крыла. Одно крыло, сердцевину которого составляли Мао Цзэдун и Чжоу Эньлай, выступало за более тесные отношения с США. Другое крыло, в которое входил, в частности, Лю Шаоци, предпочитало иметь тесные союзные отношения с СССР. Только под давлением целого ряда обстоятельств Мао Цзэдун был вынужден, во всяком случае на словах и публично, объявить о том, что он склоняется на сторону СССР, на сторону Сталина. Это, по сути дела, было признанием со стороны Мао Цзэдуна его вины перед Сталиным, причем вины важнейшей, так как речь шла о попытках Мао Цзэдуна совершить то, что в глазах Сталина могло выглядеть как предательство.

Таким образом, если Сталин был вынужден каяться в своих ошибках применительно к внутренним делам в Китае, особенно в КПК, в поддержке соперников Мао Цзэдуна внутри КПК, то Мао Цзэдун был вынужден публично отмежевываться от своих же реальных попыток отойти от СССР и вступить в близкие отношения с США. При этом Мао Цзэдун не мог в такой ситуации предъявлять Сталину претензии в связи с его отношениями с Чан Кайши.

Одним словом, Мао Цзэдун напал на Сталина, намекнув на поддержку Сталиным его противников внутри Китая, а Сталин отвел это весьма ловко, указав на то, что о старом вспоминать не в интересах обеих сторон.

Так, вступление в беседу закончилось как бы вничью, если говорить о ее психологическом подтексте. В то же время оказывалось, что Мао Цзэдун уступал Сталину в сфере международной политики, в то время как Сталин вынужден был признавать некие свои поражения применительно к внутренним делам в КПК, в Китае.

При этом важно, что Сталин занимал безукоризненную позицию, если говорить о двусторонних межгосударственных отношениях России (СССР) и Китая (КНР), даже об их действиях в то время на мировой арене. Мао Цзэдун здесь выглядел как политик, позиции которого не мог сочувствовать народ России (СССР), да она не была и в интересах китайского народа в то время.

После своего рода разминки беседа вступила в новую фазу.

Далее в ходе беседы Сталин спросил Мао Цзэдуна: «Господин Мао Цзэдун, как повашему, что мы могли бы сделать на сей раз? Каковы ваши соображения и пожелания?»

Таким образом Сталин завершил обмен репликами вводного характера, во время которых советская сторона дала свою оценку достижениям китайской стороны, Мао Цзэдуна, а далее обе стороны намекнули на то, что в прошлом каждая из них полагала действия партнера не вполне удовлетворительными, со своей точки зрения, перешел, так сказать, к текущим делам.

Своим вопросом он, во-первых, определил характер поездки Мао Цзэдуна в Москву. В глазах Сталина это была прежде всего встреча двух лидеров, персонально его самого и Мао Цзэдуна, следовательно, согласно логике Сталина, речь шла об обмене мнениями между ними двоими и о принятии ими же двоими решений в интересах обеих сторон. И здесь Сталин пожелал в качестве, если угодно, хозяина принимающей стороны или старшего по

возрасту услышать мнение Мао Цзэдуна. По всем правилам этики, и русской и китайской, Сталин поступил корректно. Форма и приличия были соблюдены.

Сталин формально предоставлял теперь инициативу Мао Цзэдуну. Он ставил, казалось бы, самые нормальные и простые вопросы, на которые обычно и дается ясный ответ. Сталин, во всяком случае, желал поставить Мао Цзэдуна в положение политика, который первым высказывается, тем самым давая возможность партнеру получить определенные преимущества.

Однако Мао Цзэдун и на сей раз не стал следовать, так сказать, общепринятым этическим нормам и вновь постарался поставить партнера перед новой загадкой. Он посмотрел по сторонам и сказал: «На сей раз цель приезда состоит в том, чтобы кое-что сделать. Но вот то, что получится в результате, должно и радовать глаз, выглядеть приятно, и на вкус быть съедобным, даже вкусным!»

Буквальный перевод этих слов Мао Цзэдуна был сделан советским переводчиком. Сталин и его коллеги явно ожидали пояснений к этим словам.

Тогда Ши Чжэ пояснил: «Радовать глаз или приятно выглядеть – это означает, что форма должна быть внешне красивой, что все должно выглядеть привлекательно и внушительно. Быть съедобным или вкусным – это значит, что все должно быть содержательным, иметь совершенно реальное наполнение».

Для советских собеседников, коллег Сталина, высказывания, сделанные в такой форме, были непривычными. Берия даже прыснул от смеха.

Сталин, напротив, не улыбался. Для него была важна суть дела. Он стал ставить целенаправленные дополнительные вопросы. Мао Цзэдун не стал прямо отвечать на них, но был, очевидно, вынужден пояснить, что он имеет в виду вызвать в Москву Чжоу Эньлая. Это позволило Сталину обострить ситуацию в ходе беседы. Он со всей решительностью подчеркнул, что желает иметь дело с Мао Цзэдуном, а не с его посредником: «Если уж мы не можем определить, что будем делать, то какой смысл приглашать Чжоу Эньлая?»

Однако Мао Цзэдун уклонился от дальнейшего разъяснения своей позиции.²⁷⁷

За этим обменом репликами скрывались глубокие и важные для каждого из собеседников расчеты и размышления.

Сталин полагал, что результатом визита Мао Цзэдуна в Москву должно было стать подписание договора, соответствующего документа, под которым, с точки зрения Сталина, должны были бы стоять подписи Сталина и Мао Цзэдуна. Такой документ, согласно расчетам Сталина, должен был явиться результатом договоренности персонально двух высших руководителей, то есть лично Сталина и Мао Цзэдуна. Сталин перед началом переговоров с Мао Цзэдуном был намерен получить подпись Мао Цзэдуна на документе, который прочно связал бы обе нации на длительное время. Собственно говоря, Сталин желал получить вместо договора с Чан Кайши договор с Мао Цзэдуном, или, иными словами, Сталин считал важнейшей задачей переговоров во время встречи с Мао Цзэдуном в Москве в 1949 г. подготовку и подписание документа, который позволил бы обеим нациям в течение длительного времени (нескольких десятилетий) не опасаться за свои тылы в сложной для каждой из них обстановке на мировой арене. Соображения Сталина в этом плане отвечали национальным интересам обеих наций в то время.

У Мао Цзэдуна были свои расчеты. Прежде всего он был намерен в максимально возможной степени сохранить и подчеркнуть свою независимость, самостоятельность, отдельность от Сталина. Все, что давало повод слишком сильно связывать имена Сталина и Мао Цзэдуна, было неприемлемо с его точки зрения. Ведь в Китае, в КПК, он на протяжении многих лет создавал себе образ самого решительного борца за независимость своей страны, своей партии от всех и вся, особенно от Коминтерна, от ВКП(б), от Сталина. Мао Цзэдун не мог допустить того, чтобы всего-навсего один визит в Москву и одна встреча со Сталиным

²⁷⁷ Лю Цзечэн... С. 18—19.

перечеркнули все его многолетние усилия. Он не желал допустить того, чтобы в Китае, в КПК кто бы то ни было имел повод сказать, что Мао Цзэдуну в результате встречи со Сталиным пришлось в Москве пойти на поводу у Сталина, стать вслед за ним в шеренге вождей международного коммунистического движения, да и, более того, просто признать вторичность Китая по отношению к России.

Для Сталина как бы само собой разумеющимся был такой реальный порядок вещей, при котором он сам и его нация были на первом месте, а Мао Цзэдун должен был следовать за ним. В то же время договор, который имел в виду Сталин, по сути дела, был в интересах обеих наций. Сталин вел свою линию таким образом, чтобы вопрос о приоритете, о том, кто за кем следует, как бы и не возникал. Для него вопрос о договоре оказывался более важным в тот момент. Хотя, конечно, Сталин исходил из того, что все договоры имеют значение лишь постольку-поскольку, но все-таки иметь договор в реальной жизни, с точки зрения Сталина, было лучше, чем не иметь его.

Мао Цзэдун хотел опустить вопрос о договоре на более низкий уровень. Для него главное было в том, чтобы всемерно подчеркивать, что не в договоре или другом документе дело, а надо прежде всего заставить Сталина признать принципы равенства и независимости в отношениях между двумя нациями, двумя вождями. У Мао Цзэдуна была своя логика. Она в определенной степени отвечала интересам обеих наций. В ней был, однако, изъян. А именно Мао Цзэдун не желал, даже в сложной для него и его нации обстановке того времени, в глазах внешнего мира оказываться неразрывно связанным с Россией, со Сталиным. В перспективе Мао Цзэдун оставлял, таким образом, возможность для любого поворота в отношениях наших двух наций. Он не исключал и их противостояние.

Сталин же желал по крайней мере на десятилетия исключить подобное развитие событий хотя бы с помощью таких формальных документов, как договор и примыкающие к нему соглашения. В этом была разница в позициях Сталина и Мао Цзэдуна во время их первой встречи в Кремле 16 декабря 1949 г.

Нельзя исключать и того, что разногласия между Сталиным и Мао Цзэдуном были еще глубже. В отличие от общепринятого в СССР на протяжении многих лет взгляда, согласно которому в определенном смысле фигуры Сталина и, уж во всяком случае, Ленина были самыми крупными фигурами в мировой истории XX столетия, Мао Цзэдун полагал, что он – фигура покрупнее и Ленина, и Сталина. Ведь ему удалось встать во главе значительно более населенной страны, чем Ленину и Сталину. Мало того, Мао Цзэдун был уверен и в том, что как мировая нация ханьцы, китайцы, значительно превосходят все остальные нации, в том числе и русских. Вообще Мао Цзэдун исходил из того, что в результате исторической случайности и только в результате временного (всего в полтора-два десятилетия) зигзага России удалось ущемить Китай территориально, политически, даже идеологически. Однако Мао Цзэдун стремился поставить Россию и русских на свое место, указать им на их место соотносительно с таким гигантом, как Китай. Мао Цзэдун в своей деятельности и высказываниях всегда исходил из необходимости исправить упомянутую (с его точки зрения) историческую случайность. Для Мао Цзэдуна поездка в Москву в результате победы и прихода к власти в Китае была не просто визитом младшего собрата по коммунистическому движению, визитом просителя экономической, военной и политической помощи и поддержки, а визитом победителя, визитом, все значение которого советским коллегам, в том числе и Сталину, еще предстояло познать. Мао Цзэдун ощущал себя представителем реально начавшей возрождаться нации Китая, нации Чжунхуа. Не случайно для Мао Цзэдуна главной в то время была мысль о том, что «человек Китая встал во весь рост». Мао Цзэдун мыслил такими историческими категориями, как века и тысячелетия, вечность. Здесь он считал необходимым дать понять всем, прежде всего Сталину, что он, Мао Цзэдун, – это воплощение Китая, вечного Китая, то есть такого гиганта, с которым Сталину при всех его претензиях никогда не сравняться и с которым придется считаться уже сейчас.

Иными словами, Мао Цзэдун хотел заставить в максимально возможной тогда степени

считаться с собой всех, прежде всего Сталина. Собственно говоря, Мао Цзэдун не желал опускаться до уровня Сталина, становиться на один уровень со Сталиным. Мао Цзэдун уже тогда, да, очевидно, уже давно, полагал, что его калибр превышает калибр Сталина.

Вопрос Сталина, по сути дела, ставил их обоих на равную ступень. Сталин шел тут, с его точки зрения, на максимальные уступки. Он признавал принцип равноправия в отношениях с Мао Цзэдуном и предлагал вместе обсудить вопросы и подписать соответствующие документы. Казалось, что Мао Цзэдун должен был быть весьма доволен такой позицией Сталина. Но не тут-то было.

Оказалось, что Мао Цзэдун и тут не идет навстречу Сталину. Он был готов наблюдать за подготовкой к подписанию неких документов, возможно, обмениваться мнениями или находить иные формы для того, чтобы, наблюдая за переговорами и подготовкой документов со стороны, следить за тем, чтобы они для всего мира, для Китая и для СССР, а с точки зрения Мао Цзэдуна, прежде всего и главным образом для Китая, имели достойный вид, то есть по своей форме были приемлемы, никак не ущемляли достоинство и суверенитет Китая, и в то же время чтобы по своему содержанию они принесли реальную выгоду Китаю. Мао Цзэдун желал оставаться в стороне от всей практической работы по переговорам и подписанию документов.

Сталин вынудил Мао Цзэдуна в первой же беседе заявить, что он предполагает вызвать в Москву Чжоу Эньлая.

С точки зрения Сталина, это поведение Мао Цзэдуна было совершенно нелогичным. Более того, в глазах Сталина это могло выглядеть как отказ Мао Цзэдуна «помериться силой» со Сталиным и вызвать в Москву для этой цели «своего меньшего брата» Чжоу Эньлая. Это было уже просто оскорбительно. Это показало Сталину, что Мао Цзэдун претендует на место более высокое по отношению к нему, к Сталину.

Но ларчик открывался, очевидно, просто. Мао Цзэдун не исключал любого варианта развития событий в ходе переговоров в Москве, в том числе и такого варианта, при котором сторонам не удалось бы согласовать соответствующие документы.

Более того, Мао Цзэдун предпочел бы, очевидно, просто побывать в Москве с визитом, который не включал бы в повестку дня переговоры и подписание документов.

В ходе первой же беседы в Кремле оказалось, однако, что Сталин настойчиво требует именно документа, венчающего визит, причем предполагает подписать его вместе с Мао Цзэдуном.

Поэтому-то Мао Цзэдуну пришлось сразу же заявить, что он вызовет в Москву Чжоу Эньлая.

Это пришлось сделать потому, что Сталин заставил Мао Цзэдуна взять на себя ответственность. Сталин даже пригрозил, фактически поставив вопрос очень резко. С его точки зрения, ничто в отношениях не будет развиваться до тех пор, пока в принципе это не будет решено Сталиным и Мао Цзэдуном. Сталин решительно отвел попытку Мао Цзэдуна принизить его, поставить на один уровень с Чжоу Эньлаем.

Забегая вперед, скажем, что борьба по этому вопросу продолжалась. Когда стало ясно, что Мао Цзэдун отказывается подписывать договор в качестве главы правительства наряду со Сталиным (а такая возможность теоретически существовала, так как в тот момент формально или официально Сталин занимал пост председателя Совета министров СССР, а Мао Цзэдун был председателем Центрального народного правительства КНР), тогда Сталин вынудил Мао Цзэдуна провести в Москве долгое время, вплоть до того момента, когда текст договора был полностью согласован, иначе говоря, когда для внешнего мира было очевидно, что подготовка договора проходила под руководством Сталина и Мао Цзэдуна и сомнения могли появляться лишь в связи с тем, что подготовка этого договора потребовала такого длительного времени, что давало некоторые основания предполагать, что Сталин «выжимает» договор из Мао Цзэдуна, и присутствовать при подписании договора, под которым свои подписи поставили министры иностранных дел.

Мао Цзэдун своим поведением стремился показать США и другим странам, что он

снижает уровень отношений с СССР и что он подчеркивает свою независимость, то есть, прежде всего, то, что сам он лично никакими соглашениями со Сталиным не связан. Будущий договор не становился, таким образом, «пактом Сталин – Мао Цзэдун».

Небольшая деталь помогает уяснить ситуацию. Во время пребывания в Москве летом того же 1949 г. делегации во главе со вторым лицом в КПК Лю Шаоци Сталин в беседах с ним всегда называл его «товарищем». В то же время 16 декабря, когда Мао Цзэдун приехал в Москву, он обращался к Сталину со словом «товарищ», но Сталин упорно и настойчиво именовал Мао Цзэдуна «господином». Таким образом, Сталин резервировал за собой возможность перехода или неперехода в дальнейшем на обращение «товарищ», привычное и обычное в среде руководителей компартий различных стран, при общении с Мао Цзэдуном.

Собственно говоря, на этом обмене репликами первая беседа Сталина с Мао Цзэдуном и закончилась.

Во всяком случае, такой вывод можно было бы сделать, основываясь только на том, что опубликовано к настоящему времени в КНР в этой связи.

Если же принять во внимание новые материалы, появившиеся в печати в нашей стране, тогда появляется возможность дополнить представление о первой личной встрече Сталина и Мао Цзэдуна.

Мао Цзэдун, оказывается, поставил перед Сталиным следующий вопрос: «Китай нуждается в мирной передышке продолжительностью в 3–5 лет... ЦК КПК поручил мне выяснить у Вас, каким образом и насколько обеспечен международный мир (очевидно, более точен перевод: мир в области межгосударственных отношений на мировой арене. – Ю.Г.)?»

Сталин ответил, что непосредственной угрозы для Китая в настоящее время не существует: «Япония еще не встала на ноги... Америка, хотя и кричит о войне, ее боится... в Европе запуганы войной... С Китаем некому воевать. Разве Ким Ир Сен, – засмеялся Сталин, – пойдет на Китай?». ²⁷⁸

Описывая другие части беседы, русский историк Д.А. Волкогонов далее отмечал:

«Говорили о договоре дружбы, союзе и взаимопомощи между Китаем и СССР, о Порт-Артуре, о большом кредите для Пекина, о помощи СССР в создании Китаем морского флота, военной промышленности, связи. Сталин щедро обещал большую помощь.

Затем Мао завел разговор о том, что они, китайцы, видят трудности в занятии острова Формоза Народно-освободительной армией. Нельзя ли использовать «советских летчиков-волонтеров или секретные воинские части для ускорения захвата Формозы?»

Сталин старается уклониться от этой щекотливой просьбы: может дать «повод американцам для вмешательства». Но, как всегда, его дьявольски изощренный ум находит неожиданный выход: «Можно было бы отобрать роту десантников, забросить на Формозу и через них организовать восстание на острове». ²⁷⁹

Таким образом, в первой беседе со Сталиным Мао Цзэдун сначала побудил Сталина высказать его мнение о возможностях противника, то есть США и их союзников, начать в ближайшее время, в ближайшие годы войну против КНР, СССР, а затем, получив заверения Сталина в том, что он такой возможности не видит (здесь Сталин, думается, далеко не случайно, как бы в шутку назвал имя Ким Ир Сена как возможного виновника будущей войны), попытался спровоцировать Сталина на оказание военной помощи Пекину в гражданской войне в Китае, в результате чего вероятным было и столкновение СССР и США. Из слов Мао Цзэдуна следовало, что он попытался представить Сталина как политика, который боится войны, а себя самого выставить в образе смелого военного стратега и тактика, который готов пойти и на военное столкновение с США в случае, если Сталин окажет ему соответствующую военную поддержку, то есть пойдет в таком военном

²⁷⁸ АПРФ. Ф. 45. Оп. 1. Д. 329. Л. 8–17. Цит. по: Волкогонов Д.А. Семь вождей. – М., 1995. – С. 250.

²⁷⁹ Там же. С. 250–251.

конflikте на поводу у Мао Цзэдуна, уступив Мао Цзэдуну место главнокомандующего в такой будущей войне. Здесь проявились и изощренный ум Мао Цзэдуна, и его спекулятивные настроения, и его демагогия, а в равной степени и трезвость Сталина тогда, когда речь шла о вероятной войне в эти годы. Мао Цзедун продолжал свою неизменную линию на то, чтобы обострять отношения СССР и США, спекулировать внутри КПК и внутри КНР на тезисе о том, что он, Мао Цзедун, как настоящий китаец, настоящий ханец и революционер, войны не боится, а Сталин боится войны. Тем самым Мао Цзедун все время стремился выставить себя в качестве политика, который на порядок выше Сталина.

Сталин и Мао Цзедун, несмотря на все издержки, были в целом удовлетворены началом общения. Мао Цзэдуну особенно была по душе та почтительность, с которой к нему обращался Сталин.

По сути дела, первый день пребывания Мао Цзэдуна в Москве стал первым днем борьбы двух политиков.

В ходе этой борьбы выяснилось, что каждый из них хочет блюсти только свои интересы, предпочитая обеспечивать именно их, невзирая на то что это ущемляет интересы партнера. С самого начала Сталин и Мао Цзедун показали, что только непреодолимая сила может заставить каждого из них пойти на уступки и компромиссы.

Такой непреодолимой силой было только совпадение национальных интересов обеих стран, да и то лишь в тех случаях, когда Сталин и Мао Цзедун субъективно воспринимали и принимали такую общность. Общность национальных и государственных интересов заставляла двух лидеров вступать в переговоры и вырабатывать документы. Однако все, чего при этом удавалось добиваться, было вынужденным компромиссом между их позициями.

Первая встреча Сталина и Мао Цзэдуна, состоявшаяся в Кремле 16 декабря 1949 г., позволила им впервые лично познакомиться друг с другом, но не положила начало обсуждению и решению деловых вопросов.

Спустя некоторое время Сталин предпринял новую попытку побудить Мао Цзэдуна приступить к дискуссиям по существу проблем.

Сталин позвонил Мао Цзэдуну по телефону, поинтересовался его здоровьем. Спросил, каковы его планы, пожелания, что он собирается предпринять.

Мао Цзедун не торопился с ответами. Он поблагодарил Сталина за заботу о его здоровье и пропустил мимо ушей все вопросы Сталина.

Сталин повторил их еще дважды.

И тогда Мао Цзедун, улыбаясь, сказал: «Ах, это. Давайте подождем, пока приедет товарищ Чжоу Энлай, а тогда и обсудим!» Сталину пришлось положить телефонную трубку.²⁸⁰

Мао Цзедун намеренно не желал вступать в прямые переговоры со Сталиным. Из-за его позиции в первые дни его пребывания в Москве советско-китайские переговоры так и не начались.

Сталин оказался в положении, когда Мао Цзедун, с точки зрения советской стороны, с точки зрения, казалось бы, общепринятой логики, вел себя совершенно нелогично. По сути дела, у сторон было много проблем, требовавших решения. Однако начать их обсуждение не удавалось. Мао Цзедун не желал выступать в роли просителя и не ставил перед Сталиным никаких вопросов, не просил оказать помощь новорожденному государству, то есть Китайской Народной Республике. Мао Цзедун на протяжении нескольких дней давал понять, что он ни в чем не зависит от Сталина.

Скорее всего Мао Цзедун хотел показать Сталину, насколько изменилась ситуация. Ведь Мао Цзедун находился в Москве, то есть как бы в руках у Сталина; оказалось, однако, что Сталин не мог у себя в столице оказать никакого давления на Мао Цзэдуна.

Со своей стороны, Мао Цзедун исходил из нескольких соображений. Он желал

²⁸⁰ Лю Цзечэн... С. 40.

показать всем, что приехал в Советский Союз прежде всего с той целью, чтобы проявить уважение и вежливость, приехал, чтобы поздравить Сталина с 70-летием. Наряду с этим он выражал желание немного отдохнуть в СССР, а также установить со Сталиным хорошие личные отношения.

Мао Цзэдун своими действиями и высказываниями подчеркивал, что в основном он приехал именно в вышеуказанных целях.

Что же до переговоров между двумя партиями, двумя государствами о разного рода соглашениях и договоре, то тут Мао Цзэдун доводил до советских собеседников мысль о том, что в соответствии с решением политбюро ЦК КПК этим должен был заниматься премьер Государственного административного совета и по совместительству министр иностранных дел КНР Чжоу Эньлай. Сам же Мао Цзэдун, выступая в качестве как бы главнокомандующего всеми силами своей нации, в качестве ее вождя, желал ограничиться только тем, чтобы взирать на переговоры с высот стратегии, охватывая взглядом обстановку в целом; он ни в коем случае не желал вникать в то, как вели конкретные дела его помощники и подчиненные; Мао Цзэдун тем более не желал лично вступать в переговоры со Сталиным по конкретным проблемам, договору и соглашениям. При этом Мао Цзэдун исходил, в частности, из того, что Сталин бывает по временам весьма субъективен, то есть не желает принимать во внимание интересы партнера, а упрямо умеет настоять на своем, а потому если бы Мао Цзэдун вступил в прямые переговоры со Сталиным, то это могло обернуться не в пользу Мао Цзэдуна. Ведь Мао Цзэдун хорошо понимал, что ведение дипломатических переговоров – это не его конек. Здесь Мао Цзэдун уступал Чжоу Эньлаю. С другой стороны, вполне могло случиться и так, что между Сталиным и Мао Цзэдуном могли бы возникнуть споры и разногласия по каким-либо конкретным вопросам, что могло повлечь за собой осложнения в двусторонних межпартийных и межгосударственных отношениях. По всем этим причинам Мао Цзэдун и уходил от неоднократных предложений Сталина вступить в непосредственные переговоры, так сказать, с глазу на глаз. Сталин, напротив, предпочитал именно такой характер и такую форму переговоров, так как был уверен, что в этих условиях сумеет добиться для себя наилучших результатов.

Здесь играло роль и еще одно обстоятельство. Мао Цзэдун хотел, чтобы Сталин сам предложил со своей стороны помощь Китайской Народной Республике. В этом случае у Мао Цзэдуна руки оказывались развязаны. Он имел бы тогда возможность, если бы счел это необходимым, во-первых, утверждать, что не он просил о помощи, а Сталин сам предложил (или навязал) эту помощь. Во-вторых, поведение Сталина, в зависимости от обстоятельств, в дальнейшем Мао Цзэдун мог бы трактовать как проявление советской стороной искреннего или неискреннего отношения к Китаю. Одним словом, Мао Цзэдун не желал бы выступать в роли просителя, но, напротив, стремился занять трон китайского властителя, принимающего дань или должное от иностранцев. Мао Цзэдун имел в виду и такое развитие событий, при котором Сталин так и не дал бы распоряжение начать переговоры с Чжоу Эньлаем и не предложил бы Китаю помощь; в этом случае (который, пожалуй, был совершенно невероятным, но который в своих мыслях мог иметь в виду Мао Цзэдун) у Мао Цзэдуна появлялись бы возможность и предлог говорить своим коллегам, что Сталин неискренен по отношению к Китаю. Одним словом, Мао Цзэдун строил свои расчеты исходя из желания иметь возможность в будущем давать любую (от положительной до крайне отрицательной) оценку действиям Сталина в момент образования КНР.

По случаю приезда Мао Цзэдуна Сталин, конечно же, устроил прием в честь Мао Цзэдуна, так сказать, попытался приобщить его к традиционным уже тогда застольям у Сталина членов высшего руководства партии и государства. Кремлевское угощение было обильным. На столе перед каждым прибором были поставлены карточки с именами гостей. Перед местом Мао Цзэдуна на карточке значилось: «Господин Мао Цзэдун».

Стол был, как обычно у Сталина, продолговатым. В торце размещался сам Сталин. По одну сторону стола сидели Мао Цзэдун и Ши Чжэ, а по другую сторону стола – советские руководители: Молотов, Маленков, Берия, Булганин, Каганович, Вышинский. Переводчиком

Сталину служил Н.Т. Федоренко.

Примечательно, что Сталин выдвинул в качестве второго лица при встречах с Мао Цзэдуном в Москве Молотова. Микоян, которого Сталин посылал в Китай перед образованием КНР для проведения переговоров с Мао Цзэдуном, даже не присутствовал при этих встречах с Мао Цзэдуном в Кремле.

Банкет начался с того, что Сталин предложил выпить за здоровье Мао Цзэдуна, сказав: «Вы одержали великую победу. За ваше дальнейшее движение вперед!» Так Сталин еще раз подчеркнул, что образование КНР он воспринимает как великую победу, но в то же время выражает пожелание, чтобы Мао Цзэдун двигался вперед, очевидно, к дальнейшему сближению с ним, Сталиным.

Во время банкета беседу вели только Сталин и Мао Цзэдун. Остальные ограничивались отдельными репликами. В разговоре Сталин и Мао Цзэдун затрагивали различные темы. Они говорили о действиях на фронтах сражений во время войн, о проблемах экономического строительства, о заготовках зерна, о земельной реформе, о методах работы в массах. Однако больше всего речь шла об истории борьбы китайских коммунистов и об истории революции в Китае; именно эти вопросы оказались в центре внимания в ходе этой беседы.²⁸¹

Сталин вел себя при этом крайне осторожно. Он не высказывал своего мнения, не давал своей оценки, а как бы прислушивался и присматривался к тому, что говорил Мао Цзэдун, проявляя при этом большой такт.

И в то же время в ходе всего приема в воздухе как бы витал дух взаимной подозрительности собеседников. Каждый из них был настороже и все время ждал подвоха со стороны партнера.

Это находило свое проявление даже в мелочах. Вот Мао Цзэдун, который также внимательно следил за каждым словом и жестом Сталина, стараясь поскорее сформировать свое собственное представление о нем, заметил, что Сталин смешал в стакане красное и белое вино и выпил эту смесь. Мао Цзэдун тут же, как бы в частном порядке, заинтересовался у Н.Т. Федоренко, почему Сталин смешал красное и белое вино.

Н.Т. Федоренко не нашелся, что ответить, и хотел было обратиться за разъяснением к самому Сталину, но Мао Цзэдун не желал даже в такой мелочи выступать в роли просителя, да и просто человека, задающего вопрос, показывающего, что ему что-то не ясно, а потому воспрепятствовал тому, чтобы Н.Т. Федоренко спросил об этом у Сталина.

Однако Сталин был начеку, он ни на секунду не выпускал Мао Цзэдуна из поля зрения. Увидев, что его переводчик шушукается с Мао Цзэдуном, Сталин грозно спросил: «О чем это вы там шепчетесь тайком? У кого это за спиной?»

Н.Т. Федоренко тут же вскочил и тихо доложил Сталину о вопросе Мао Цзэдуна.

Мао Цзэдуно стало не по себе от такой подозрительности Сталина, но ему оставалось только затаиться сигаретой и отмалчиваться.

Сталин продолжал наседать на переводчика: «А почему вы прямо не спросили у меня?»

Переводчик оправдывался: «Простите, этого мне не разрешил сделать товарищ Мао Цзэдун. Он полагает, что спрашивать вас об этом было бы невежливо».

Сталин понял ситуацию и пошутил. Он спросил у Н.Т. Федоренко: «А кого в таком случае ты как переводчик должен слушаться?»

Н.Т. Федоренко мгновенно вытянулся в струнку и отрапортовал: «Конечно, вас, товарищ Сталин!»

Сталин засмеялся и сказал, обращаясь к Мао Цзэдуно: «Знаете что? Эта привычка у меня с молодых лет. Я обычно пью белое виноградное вино. Но у меня есть своего рода вера в красное виноградное вино. Дело в том, что, будучи в ссылке, я как-то простудился, а добрый доктор тайком дал мне немного красного вина и таким образом спас меня от смерти, когда я находился на волосок от гибели. Вот с тех пор я и поверил в то, что красное вино

²⁸¹ Там же. С. 43.

имеет лечебное значение, оно полезно для здоровья!»

Мао Цзэдун в ответ заметил: «Вот и вы говорите о вашем опыте, о тех знаниях, которые приходят в результате обобщения опыта». ²⁸²

Мао Цзэдун говорил так потому, что до этого в ходе разговора, когда Сталин фактически хотел выяснить, является ли Мао Цзэдун марксистом, исходит ли он из основных положений марксистско-ленинской теории в своей деятельности, Мао Цзэдун разъяснял, что его марксистские позиции и его действия рождались в результате обобщения своего собственного практического опыта.

Во время очередного застолья у Сталина в честь Мао Цзэдуна гость пространно излагал историю своей борьбы за победу в Китае.

Вообще говоря, ситуация приобрела несколько странный, с точки зрения Сталина, характер. Руководитель Компартии Китая и новообразованного китайского государства Мао Цзэдун впервые приехал в Москву, а деловая часть визита не начиналась. Мао Цзэдун навязывал свой стиль общения, он решительно отказывался от того, что представлялось Сталину привычным, имея в виду опыт конференций «большой тройки» во время Второй мировой войны, то есть от дискуссий за круглым столом по существу вопросов и от принятия в этой связи принципиальных решений.

Мао Цзэдун не привез с собой ни видных партийных и государственных деятелей, ни экспертов, а приходил к Сталину только с переводчиком. Ведение переговоров явно откладывалось до прибытия в Москву Чжоу Эньлая. Сталину пришлось мириться с этим. Однако он не терял времени даром и приемы в честь Мао Цзэдуна стремился превратить в инструмент изучения личности своего гостя.

Мао Цзэдун любил вещать во время такого рода застолий. Он привык, чтобы такого рода собрания превращались в действо, где говорит практически только один или по преимуществу один оратор, то есть он сам. Вероятно, Мао Цзэдун полагал, что своими пространными речами он сумеет побудить Сталина считаться с собой.

Сталин же имел привычку в необходимых случаях внимательно и долго слушать собеседников. Он был чрезвычайно терпелив, никогда не прерывал разглагольствования Мао Цзэдуна. Более того, несмотря на то, что по ряду вопросов в истории у Сталина и Мао Цзэдуна были различные взгляды на то, как следовало вести борьбу за победу компартии в Китае и вообще дела в Китае, теперь, принимая Мао Цзэдуна в Москве, Сталин ни разу не позволил себе перевести выступления Мао Цзэдуна в дискуссию, не обострял вопросы и не вступал в спор. Он внимательно слушал, стремясь в результате извлечь для себя пользу из рассуждений Мао Цзэдуна, изучить собеседника, чтобы затем в практической деятельности использовать результаты такого изучения в своих интересах. Более того, Сталин, соглашаясь на форму общения, предложенную Мао Цзэдуном, соблюдая эти «китайские церемонии», упорно готовился к решению вопросов по существу в ходе предстоявших переговоров, в том числе и с учетом того, что вытекало, с точки зрения Сталина, из длинных рассказов Мао Цзэдуна за обеденным столом.

Одним словом, неожиданно для себя Мао Цзэдун нашел в Сталине терпеливого и внимательного слушателя, который никогда не перебивал его.

При этом Сталин действительно самым внимательным образом вслушивался в слова Мао Цзэдуна.

Мао Цзэдун, рассказывая о том, как его армию окружил противник и она попала в трудное положение, придавал большое значение тому, какой именно приказ он отдал, какими словами был выражен этот приказ. Мао Цзэдун сказал, что его приказ звучал следующим образом: «Не страшиться трудностей и опасностей, с отвагой и готовностью идти на смерть, не бояться ее и смотреть ей в глаза, считая, что смерть – это лишь окончание борьбы на

²⁸² Там же. С. 62—63.

жизненном пути на Земле, только возвращение на Небо»²⁸³. При этом Мао Цзэдун употребил выражения, которые трудно было понять на слух; они были взяты из высказываний знаменитого полководца Юе Фэя, который жил в эпоху Сун, то есть несколько столетий тому назад.

Сталинский переводчик Н.Т. Федоренко, вполне естественно, не мог сразу и на слух понять слова из древнего китайского письменного языка, да еще и в трудном для понимания не только иностранцами, но и китайцами, если это только не земляки Мао Цзэдуна, его хунаньском произношении. Поэтому Н.Т. Федоренко попросил Мао Цзэдуна написать иероглифами эти слова. Мао Цзэдун написал и начал подробно разъяснять, что означает это выражение.

Сталин не понимал по-китайски. Увидев, что его переводчик и Мао Цзэдун что-то пишут и переговариваются между собой, а ему ничего не переводится, Сталин тут же, в силу своей подозрительности, сказал Н.Т. Федоренко: «Ну, что там у вас? Вы что, полагаете, что будете здесь долго секретничать?»

По свидетельству китайского переводчика Ши Чжэ, Н.Т. Федоренко мгновенно побледнел от страха и запинаясь сказал: «Нет... Нет... Иосиф Виссарионович, у меня возникли трудности с переводом этого слова».

«Но ваши трудности что-то очень затянулись!» Своим пронзительным взглядом Сталин буквально пригвоздил переводчика к месту. Тот просто смешался и не знал, что делать. После тяжелой паузы Сталин сказал: «Переведите по смыслу буквально!»

Н.Т. Федоренко снова попросил Мао Цзэдуна разъяснить это высказывание Юе Фэя и изложил Сталину смысл этих слов. Только тут Сталин смягчился и кивнул.

Сталин сказал Мао Цзэдуну о Юе Фэе: «Это был поистине талантливый полководец, который проявил дух бесстрашия, а также выдающийся ум и талант!»

Мао Цзэдун любил философствовать и писать стихи. Сталин считал себя авторитетом в области языкознания. В ходе беседы они коснулись и связи языка и мышления.

Сталин подробно разъяснил Мао Цзэдуну свои взгляды, изложенные в его работе по вопросам языкознания. А затем спросил Мао Цзэдуна: «Я полагаю, что язык, будучи орудием выражения мыслей, не носит классового характера. А как вы думаете, господин Мао Цзэдун?»

«Действительно, язык – это орудие выражения мыслей, – сказал Мао Цзэдун. – Между культурами и языками различных наций есть общее, есть и различия. Взять хотя бы ханьские (китайские) иероглифы и ханьский язык. Хотя ими и непросто овладеть, однако на практике их может освоить любой. При желании и при непрерывном совершенствовании овладеть ими можно; в этом деле тоже нет никаких различий в зависимости от общественного и классового положения».

Н.Т. Федоренко очень заинтересовало то, каким образом Мао Цзэдун в данном случае увязал теорию и практику. «Он невольно перестал писать, поднял голову, и воззрился на Мао Цзэдуна», – отмечал китайский переводчик в своих воспоминаниях.

Сталин недовольно поглядел на своего переводчика и вдруг рявкнул: «Товарищ Федоренко!»

Н.Т. Федоренко сначала ошеломился, потом повернулся к Сталину, а тот приказал ему: «Возьмите вашу тарелку и подойдите сюда!»

Когда переводчик подошел, Сталин, не глядя на него, сказал: «Попробуйте это блюдо!»

Переводчик стоял не шевелясь, ни жив ни мертв.

Тогда Сталин сказал: «Это редкое блюдо. Возможно, вы отведаете его первый раз в жизни... Первый и последний, как говорится».

Переводчик продолжал стоять столбом.

²⁸³ Н.Т. Федоренко отмечал, что речь шла о понятии «возвращение в первоисходное» или «возвращение в первоисходное». [Федоренко Н.Т. Сталин и Мао: беседы в Москве // Проблемы Дальнего Востока. 1989. № 1. – С. 155.]

«Берите же!» Хотя Сталин сказал это ровным тоном, но, по наблюдению китайского переводчика, это был приказ, тут не оставлялось возможности сомневаться.

Китайский переводчик, описывая эту сцену, невольно передавал и свои собственные чувства, а возможно, и некоторые настроения Мао Цзэдуна. Ши Чжэ утверждал, что слова Сталина, особенно его слова «в последний раз», заставили советского переводчика покрыться холодным потом.

В обязанности Ши Чжэ, как и других китайских переводчиков и сотрудников, обслуживавших Мао Цзэдуна, входило не только на двух языках составлять запись всех бесед Мао Цзэдуна с советскими собеседниками, но и снабжать эту запись описанием мимики, жестов, эмоционального состояния всех советских людей, присутствовавших при беседах Мао Цзэдуна, в частности со Сталиным.

Ши Чжэ и самому было прекрасно известно, что такое гнев Сталина и что такое гнев Мао Цзэдуна.

Ши Чжэ добавил, что он заметил также, что до начала банкета официантка что-то тихо сказала Сталину, после чего блюдо с этим кушаньем поставила не перед ним, а сбоку от него. Ши Чжэ внимательно следил за тем, чтобы Мао Цзэдуна не отравили на банкете у Сталина.

Н.Т. Федоренко пришлось отведать предложенное ему блюдо.

Сталин поинтересовался, как оно ему понравилось. Переводчик ответил, что оно очень деликатное. Сталин рассмеялся.

Мао Цзэдун рассмеялся следом за Сталиным (кстати, во время всей этой сцены, как отмечал Ши Чжэ, Мао Цзэдуну оставалось только спокойно и молча сидеть и покуривать). Рассмеялись и все остальные присутствовавшие при этом участники банкета и с советской, и с китайской стороны.²⁸⁴

21 декабря в Москве торжественно праздновали 70-летие Сталина. В президиуме торжественного заседания, состоявшегося в Большом театре, Мао Цзэдун сидел по левую руку от Сталина (по правую руку находился Н.С. Хрущев). Текст выступления Мао Цзэдуна зачитал Н.Т. Федоренко. В этой короткой речи содержались и такие слова: «Товарищ Сталин – учитель и друг народов мира, а также учитель и друг народа Китая. Он развил революционную теорию марксизма-ленинизма, внес выдающийся и весомейший вклад в дело мирового коммунистического движения. Народ Китая в ходе своей тяжелой борьбы против угнетателей глубоко ощущал важность дружбы со стороны товарища Сталина». При этих словах зал взорвался аплодисментами. Сталин повернулся к Мао Цзэдуну, благодарно кивнул, улыбнулся и зааплодировал вместе с залом.

Далее в речи говорилось: «На этом торжественном заседании я имею честь от имени народа Китая и Коммунистической партии Китая поздравить товарища Сталина с семидесятилетием, пожелать ему здоровья и долголетия. Желаю счастья и процветания нашему великому другу и союзнику, Советскому Союзу, находящемуся под руководством товарища Сталина. Да здравствует великое небывалое единство мирового рабочего класса под руководством товарища Сталина».²⁸⁵

Оба руководителя по этому случаю демонстрировали друг другу и перед внешним миром свою заинтересованность в сохранении и развитии двусторонних отношений союза и дружбы. При этом Мао Цзэдун считал необходимым и был вынужден именовать Сталина не только «другом», но и «учителем» народа Китая.

Не учителем Мао Цзэдуна, а учителем народа Китая. (Кстати, в китайском языке понятие «учитель» выражается несколькими различными словами, использовавшимися в лексиконе Мао Цзэдуна. Мао Цзэдун, поучая свою партию, неоднократно говорил об

²⁸⁴ Лю Цзечэн... С. 102—104.

²⁸⁵ Жэньминь жибао. 1949. 23 дек.

«учителях наоборот», то есть о тех, кто учит тому, как не следует поступать, кого следует расценивать только негативно.)

Как бы там ни было, а такого рода высказывания Мао Цзэдуна говорили Сталину, что, по сути дела, Мао Цзэдун заинтересован в грядущих переговорах и в оказании Советским Союзом помощи Китайской Народной Республике. Дело было, очевидно, в поисках формы, которая позволила бы обеим сторонам начать такие переговоры.

В то время играла роль и еще одна особенность ситуации. В такой стране, как Китай, которая едва-едва закончила гражданскую войну, где большинство населения предпочло новый режим, режим Мао Цзэдуна, старой власти, власти Чан Кайши, еще очень сильны были и чувства некой общности с идеологией Сталина, идеологией его партии. Поэтому Мао Цзэдун был вынужден тогда считаться и с этой своего рода инерцией положительного отношения к СССР, к Сталину, как к друзьям и союзникам в борьбе, которая шла в Китае на протяжении последних десятилетий. С другой стороны, и в Советском Союзе существовало тогда традиционное сочувствие большинства людей Китаю и лично Мао Цзэдуну, которого официальная пропаганда представила населению нашей страны тогда как верного последователя Сталина, как друга и союзника. Ни Сталин, ни Мао Цзэдун не были заинтересованы в разрушении этих стереотипов в сознании населения обеих стран и в какой-то степени считались с ними, поддерживали их.

После того как торжества в Москве по случаю 70-летия Сталина завершились и делегации компартий целого ряда стран разъехались по домам, Мао Цзэдун в соответствии с ранее намеченным планом остался в Москве. Считалось, что он продолжает знакомиться с нашей страной, отдыхает, совершает экскурсии.

Мао Цзэдун, конечно, жадно впитывал собственные впечатления о нашей стране. (В свое время более четверти века тому назад то же самое делал Чан Кайши, который также провел тогда несколько месяцев в СССР.)

В феврале – марте 1920 г. Мао Цзэдун в беседе с одним из основателей Коммунистической партии Китая Ли Дачжао высказал пожелание организовать «отряд для ознакомительной поездки в Россию», которую он при этом именовал тогда «первой по уровню культуры страной мира». Тогда же в письме одному из своих однокашников Мао Цзэдун отмечал, что эта идея «переполняет его радостью и надеждами». ²⁸⁶

Прошло почти три десятилетия, и Мао Цзэдун прибыл в нашу страну не в качестве члена «отряда для ознакомительной поездки», а как глава государства и правящей в нем партии. Мао Цзэдун ставил своей целью использовать эту поездку для знакомства в максимально возможной степени с нашей страной. Во время первой же встречи со Сталиным, состоявшейся 16 декабря 1949 г., в ответ на вопрос Сталина о его пожеланиях Мао Цзэдун прямо заявил, что на сей раз он приехал, во-первых, для того, чтобы поздравить Сталина с 70-летием, и, во-вторых, для того, чтобы познакомиться с Советским Союзом, причем он хотел бы побывать в нашей стране везде: на севере и на юге, на западе и на востоке.

После окончания юбилейных торжеств по случаю 70-летия Сталина Мао Цзэдун совершил экскурсию. Он побывал на Московском автомобильном заводе, который тогда носил имя Сталина.

По поручению Мао Цзэдуна Ши Чжэ отобрал несколько кинофильмов, которые и были показаны Мао Цзэдуну. Это были фильмы, рассказывавшие об известных исторических личностях: Петре Первом, Наполеоне, Кутузове, Александре Невском.

Узнав об интересе Мао Цзэдуна к такого рода кинофильмам, Сталин сказал Ши Чжэ: «Мао Цзэдун поступает мудро. На отдыхе он просматривает кинофильмы, рассказывающие об исторических деятелях. Это самый экономичный способ узнать что-то об этих людях». ²⁸⁷

²⁸⁶ Лю Цзечэн... С. 128.

²⁸⁷ Там же. С. 128.

22 декабря 1949 г. Мао Цзэдун направил в ЦК КПК телеграмму, в которой говорилось: «В ходе подготовки договора о торговле с СССР вам надлежит исходить из оценки ситуации в целом, а это означает, что, конечно же, ставя СССР на первое место, надо, однако, готовиться к тому, чтобы вести торговлю с Польшей, Германией, Англией, Японией, США и другими странами». Мао Цзэдун также сообщал, что он «уже условился со Сталиным о беседе 23 или 24 декабря».²⁸⁸

В этот момент, как утверждают китайские авторы, возникло осложнение в двусторонних отношениях.

24 декабря 1949 г. прибывший вместе с Мао Цзэдуном в Москву И.В. Ковалев, в то время главный советский советник в КНР, представил Сталину доклад «О некоторых вопросах политики и практики ЦК КПК». В этом документе говорилось следующее: в КПК, в ее ЦК, кое-кто в прошлом был настроен проамерикански и антисоветски, а в настоящее время руководители ЦК поддерживают этих людей; Лю Шаоци организовал и возглавил необоснованную критику Гао Гана; в составе Центрального народного правительства деятели из демократических партий составили слишком большой процент, что на практике привело к тому, что правительство превратилось в коалиционное собрание различных партий, и т. д. Китайские авторы также утверждали, что этот доклад составлен на основании материалов, которые были представлены Гао Ганом из Северо-Восточного Китая.

По мнению китайских авторов, Гао Ган начиная уже с того времени инициировал разногласия в партии и, кроме того, «стал передавать внутреннюю информацию за рубеж», то есть превратился в советского шпиона. Гао Ган пытался в опоре на поддержку со стороны Сталина узурпировать и захватить власть. Упомянутый доклад создавал, по мнению китайских авторов, неверное представление о политической жизни в высшем эшелоне руководства КПК. Можно даже сказать, считали китайские авторы, что этот доклад сыграл весьма негативную роль, провоцируя разлад как в отношениях внутри ЦК КПК, так и в отношении между КНР и СССР.²⁸⁹

И.В. Ковалев по профессии был специалистом по железным дорогам. Техническим специалистом. Сталин говорил, что он в данном случае «влез в политику».

Уже упоминалось о том, что после окончания Второй мировой войны на Востоке Сталин направил И.В. Ковалева руководить работами по восстановлению железнодорожной сети в Маньчжурии. По совместительству он был назначен полномочным представителем СССР в правлении КВЖД.

После того как в начале 1949 г. в Китае побывал А.И. Микоян, И.В. Ковалев стал старшим по рангу среди официальных лиц из СССР, работавших тогда в Китае, самым высоким представителем советского правительства.

В конце марта 1949 года вслед за тем, как Мао Цзэдун и другие руководители ЦК КПК разместились в пригороде Бэйпина Сяншане (в Душистых горах), И.В. Ковалев перебрался из Северо-Восточного Китая в Бэйпин (как тогда именовался Пекин) и тоже разместился по соседству с Душистыми горами. Через советскую военную радиостанцию, которой пользовался А.Я. Орлов, врач, лечивший Мао Цзэдуна и других руководителей КПК, И.В. Ковалев передавал сообщения в СССР о положении в Китае.

Обосновавшись в Душистых горах, И.В. Ковалев вызвал к себе советского консула в Бэйпине С.Л. Тихвинского и попросил о встрече с Мао Цзэдуном.

Вечером Мао Цзэдун принял И.В. Ковалева и С.Л. Тихвинского в своей резиденции «Шуанцин» и вкратце рассказал им о стратегии освободительной войны, о планах военных

²⁸⁸ Там же. С. 128—129. (См. также: Жогань чжунда цзюецэ юй шицзянь ды вэньти — О некоторых важных вопросах политики и практики. Т. 1. — Чжун Гун Чжунъян дан сяо чубаньшэ. Июль 1991. — С. 40.)

²⁸⁹ Лю Цзечэн... С. 129.

действий, о политике КПК.

Китайские авторы, рассказывая об этой встрече, делали особый упор на том, что, имея в виду опасения Сталина, заключающиеся в том, что народная освободительная война в Китае может вызвать массированное вмешательство и агрессию со стороны вооруженных сил США, что может привести к военному столкновению США и СССР, может вызвать третью мировую войну, Мао Цзэдун особенно подчеркнул, что «победа будет за нами».

Мао Цзэдун тогда говорил, что «вскоре вы увидите результаты Хуайхайского сражения. Следующий шаг – это форсирование реки Янцзы и продвижение на юг. Освобождение территории к югу от реки Янцзы. Если не произойдет чего-либо экстраординарного, то у нас есть уверенность в победе. Кое-кто опасается того, что США могут непосредственно вмешаться в ход боевых действий, принять участие в этой войне. Однако вплоть до сегодняшнего дня так и не видно никаких признаков того, что это может произойти. Например, мы не позволили американской армии высадиться на берег в районе Циньхуандао; мы также не разрешили их кораблям пристать там к берегу, а в результате они просто улизнули. В районе города Тяньцзиня американские военные вышли из города, попробовали провести разведку; произошло столкновение с нашими вооруженными силами, имели место несколько стычек; в результате они убрались восвояси, отступили в пределы городского района. В окрестностях города Циндао американская армия также предприняла несколько вылазок, причем блефовала, пыталась пустить пыль в глаза, производя при этом максимально возможный шум. Однако, получив удар, они убрались обратно в город, как черепаха спрятались в свой панцирь. Мало того, вскоре они отвели из Циндао свои боевые корабли. В других портах, например в Яньтае, Вэйхае, мы и не видели корабли США. Поэтому вплоть до настоящего времени мы так и не видели попыток американской армии действительно по-настоящему сразиться с нами; мы также не видели того, чтобы они проявляли признаки зондирования нашей реакции, пускали пробные шары с той целью, чтобы воспрепятствовать продвижению вперед нашей армии. Поэтому мы с достаточной степенью уверенности можем вести народную освободительную войну, проводить нашу политику. Можно со всей определенностью утверждать, что в конечном счете победа будет за нами».

В ходе этой беседы Мао Цзэдун находился в приподнятом настроении, смеялся и шутил. Однако И.В. Ковалев все время ставил какие-то конкретные вопросы, просил разъяснений. Принимая это во внимание, Мао Цзэдун, Лю Шаоци, Чжоу Эньлай, Чжу Дэ и другие руководители неоднократно дополнительно встречались и беседовали с ним, давали пояснения и разъясняли ситуацию в Китае и существо проблем; помогали ему составить относительно правильное представление о характере, особенностях и основных политических установках революции в Китае. Мао Цзэдун проявлял такое терпение только потому (хотя он прямо и не говорил об этом, но смысл его поведения и поступков был именно таков), что фактически он надеялся на то, что И.В. Ковалев сумеет «правильно» доложить об обстановке Сталину и руководителям ВКП(б), «правдиво» расскажет им о революции в Китае.

Вскоре Мао Цзэдун поручил Лю Шаоци во главе делегации отправиться в СССР для встречи со Сталиным. Вместе с этой делегацией поехал и И.В. Ковалев. Перед отъездом в СССР Мао Цзэдун, Лю Шаоци специально приняли И.В. Ковалева в Чжуннаньхае, провели с ним довольно длительную беседу. Мао Цзэдун специально остановился на ходе и перспективах народной освободительной войны, на основных особенностях и задачах современного этапа революции в Китае; сказал, что освободительную войну непременно следует довести до конца, что он не остановит свою армию до тех пор, пока не будет одержана окончательная победа. Он подчеркнул следующий тезис: поскольку путь развития является извилистым, изобилует поворотами, постольку и нашу революцию тоже следует, соответственно этим извивам и поворотам, подразделять на этапы и осуществлять ее именно с учетом этого обстоятельства; и все-таки как бы там ни было, а мы уверены в конечной победе. Революция в Китае – это довольно длительный, протяженный по времени процесс.

Для того чтобы с этапа народной демократии, или демократии народа, по различным революционным показателям вступить на этап социалистического строительства, или строительства социализма, необходимо довольно длительное время, и одновременно тут необходимы условия, а именно нужны люди, людские ресурсы и материальные ресурсы, причем никак нельзя обойтись без какого-нибудь из них. В настоящее время нам нужно подготовить и мы должны обеспечить наличие именно этих двух условий.

Мао Цзэдун также сказал И.В. Ковалеву, «проявляя определенную заботу о нем»: «Теперь ты, сопровождая делегацию, возвращаешься на родину. Хотя тебе и придется потрудиться, однако ты сможешь побыть вместе с нашими товарищами. Это ведь для тебя тоже хорошая возможность, благоприятный случай».

Кто же мог предположить, писали китайские авторы, что, сопровождая на сей раз Мао Цзэдуна в его поездке в СССР, И.В. Ковалев не только устно представил Сталину доклад, содержание которого не соответствовало действительности, но пошел на безграничную клевету, написав для Сталина письменный доклад, который был провокационным, вносящим раздоры. Прочитав доклад И.В. Ковалева, Сталин поверил тому, что в нем было написано, и не только направил документ на прочтение членам советского руководства, но это усилило его подозрительность в отношении Мао Цзэдуна, а потому Сталин на протяжении нескольких дней не виделся с Мао Цзэдуном, оставил того как бы в забвении. А в силу того что отношение Сталина к Мао Цзэдуну изменилось, изменилось и отношение к Мао Цзэдуну всех других советских руководителей. По этой причине Мао Цзэдун сидел на сталинской даче безвыездно и пребывал в скверном расположении духа.

И в эти-то дни И.В. Ковалев и переводчик с советской стороны Н.Т. Федоренко навестили Мао Цзэдуна. Осведомились о его самочувствии, спросили, привык ли он к условиям жизни в Москве, каковы его планы.

Мао Цзэдун был на пределе терпения, он взорвался и рассердился, сказав И.В. Ковалеву: «Вы вызвали меня в Москву, а я тут ничего не делаю; для чего вы все это сделали? Для чего я сюда приехал? Неужели же только для того, чтобы целыми днями только жрать, срать и спать?»

И.В. Ковалев страшно перепугался, вскочил и вытянулся в струнку, опустил голову. Китайские авторы подчеркивали, что он не решался даже голову поднять. Он лишь пробормотал: «Товарищ Сталин поручил мне навестить вас, осведомиться, каковы ваши планы...»

Не дожидаясь, пока И.В. Ковалев закончит фразу, Мао Цзэдун вклинился в его речь и сказал: «Какие планы, что я делаю? Да я целый день только и знаю, что делаю всего-навсего три вещи: жру, сру, сплю. Разве я, Мао Цзэдун, приехал в Москву только для того, чтобы поздравить Сталина с юбилеем?».²⁹⁰

И.В. Ковалев был вынужден ретироваться.

После его ухода Мао Цзэдун сказал Ши Чжэ: «Таким людям надо давать жестокий урок! Только так можно заставить его пойти к Сталину и доложить, что происходит. Пусть доложит!»

Ши Чжэ попытался пояснить свое видение ситуации: «Ковалев всего-навсего заместитель министра; у него нет возможности увидеться со Сталиным. Он не может доложить о том уроке, который был ему дан. Он и не осмелится рассказать об этом. Если же он это скажет, то навлечет на себя гнев, осуждение и наказание!»

В ответ Мао Цзэдун только загадочно улыбнулся.²⁹¹

В это время мировая печать распространяла разного рода слухи. Английские газеты

²⁹⁰ Синь Чжунго вайцзяо фэнъюнь лу – О перипетиях внешней политики Нового Китая. – Шицзе чжиши чубаньшэ. Май 1990. – С. 11.

²⁹¹ Лю Цзечэн... С. 131—132.

писали, что Сталин поместил Мао Цзэдуна под домашний арест.²⁹²

Сталин не желал допустить того, чтобы получали подтверждение сообщения, которые свидетельствовали о разладе в отношениях.

Сталин спросил Мао Цзэдуна, нет ли у него желания поехать еще куда-нибудь помимо Москвы. Мао Цзэдун понимал, что Сталин нуждается в том, чтобы поместить в газетах какое-либо сообщение о программе пребывания Мао Цзэдуна в СССР и тем самым рассеять разного рода слухи. Поэтому Мао Цзэдун сказал, что он полагал бы возможным съездить в Ленинград на экскурсию. Кроме того, Мао Цзэдун сказал Сталину: «Я хотел бы вызвать сюда Чжоу Энляя».

Сталин выразил в этой связи удивление и спросил: «Зачем Чжоу Энляю приезжать в Москву, с чем он приедет?»

Мао Цзэдун, услышав эти слова Сталина, помрачнел. Он полагал, что Сталин в данном случае недостаточно искренен.

В связи с тем, что Сталин не был осведомлен о намерениях Мао Цзэдуна, он в течение некоторого времени не знал, что делать. В этой связи Сталин пригласил к себе посла КНР в СССР Ван Цзясяна, чтобы осведомиться у него о планах и настроениях Мао Цзэдуна. Ван Цзясян неоднократно встречался ранее со Сталиным, и у них сложились хорошие отношения. Ван Цзясян при встрече со Сталиным постарался его успокоить и немедленно отправился доложить об этой встрече Мао Цзэдуну.

К тому времени Мао Цзэдун уже успокоился и сказал Ван Цзясяну следующее: «Если меня сюда побудили приехать только для того, чтобы участвовать в юбилейных мероприятиях, то это было бы слишком примитивно, нужно выработать политический документ».

Ван Цзясян, будучи искусным дипломатом, отправился после этого в МИД СССР, где в беседе поставил этот вопрос следующим образом. Ван Цзясян сказал, что председатель Мао находится в Москве уже на протяжении некоторого времени; не было бы целесообразным, исходя из международной обстановки, подумать о подписании документа между КНР и СССР.

Реакция советской стороны была скорой. На следующий же день был дан ответ. Было сказано, что советская сторона согласна подписать документ. Сталин по своей инициативе пригласил Мао Цзэдуна для новой беседы.

Мао Цзэдун согласился. Впоследствии он говорил Ши Чжэ, что «Сталин был великим марксистом, однако порой он проявлял слабость к тем, кто ему наушничал; Сталин совершал ошибки, прислушиваясь к клевете и наветам. В результате он оказывался в дураках. В вопросах революции в Китае он много раз попадался на удочку Гоминьдана. Сначала попался на удочку Чан Кайши и потерпел ущерб. Потом снова попался на удочку, теперь уже Ван Мина, и снова потерпел ущерб. И наконец опять попался на удочку Чан Кайши. Видно, нельзя забывать о классовом анализе!». ²⁹³

Вполне очевидно, что, с точки зрения Мао Цзэдуна, он считал себя «классово» «более чистым», чем Сталин.

Сталин исходил из видения ситуации в мире в целом. Реагируя на домыслы, появившиеся в зарубежной печати, которая утверждала, что Сталин поместил Мао Цзэдуна под домашний арест, и не желая допустить провокаций, которые способны внести разноречивость в двусторонние отношения, Сталин тут же отреагировал на это.

Сталин выслушал также доклад И.В. Ковалева о том, что Мао Цзэдун рассердился, и высказал критические замечания. Сталин все это хладнокровно обдумал. Принимая во внимание необходимость установления тесных добрососедских отношений с новым

²⁹² Там же. С. 132.

²⁹³ Там же. С. 132—133.

китайским государством, Сталин принял решение передать Мао Цзэдуна копию этого доклада И.В. Ковалева. Причем лично передать ее. Тем самым Сталин хотел показать Мао Цзэдуна, что он со всей искренностью и доверием относится к нему.

Мало того, Сталин, что случалось с ним очень редко, изменил свое мнение и дал согласие на приезд в Москву Чжоу Эньлая.

Такова пекинская трактовка развития событий во время пребывания Мао Цзэдуна в Москве с 16 декабря 1949 г. по 2 января 1950 г. Со своей стороны, хотелось высказать следующие соображения.

Сталин сразу же после прибытия Мао Цзэдуна в Москву предложил ему приступить к переговорам на высшем уровне для обсуждения всех вопросов, интересующих обе стороны. Мао Цзэдун уклонился от этого предложения, попытавшись спустить переговоры на более низкий уровень. Сталин на протяжении нескольких дней со всем вниманием выслушивал длинные речи Мао Цзэдуна во время застолий и в то же время продолжал настаивать на начале переговоров на высшем уровне. Мао Цзэдун до конца декабря никак не соглашался на это.

Затем Мао Цзэдун (возможно, и под давлением сгушавшейся атмосферы ожидания в Пекине развития событий в двусторонних отношениях) пошел на грубость, на оскорбительные действия в отношении советской стороны, применив в разговоре со связным Сталина И.В. Ковалевым неприличные выражения, в которых он высказал свое неудовольствие тем, что стороны никак не могут приступить к делу. Это была попытка сделать хорошую мину при плохой игре, переложить вину с больной головы на здоровую.

Сталин узнал о грубости Мао Цзэдуна, но повел себя сдержанно. Он, однако, пригласил к себе посла КНР в СССР Ван Цзясяна и постарался успокоить Мао Цзэдуна, проявив все возможное расположение к нему.

Мао Цзэдун, выслушав доклад Ван Цзясяна об этом разговоре, был, очевидно, вынужден поручить Ван Цзясяну кружным путем через МИД СССР довести тогда до Сталина свое согласие приступить к переговорам.

В целом получилось так, что Сталин проявил большее терпение и выдержку, чем Мао Цзэдун, и добился согласия Мао Цзэдуна на начало переговоров на высшем уровне.

В восемь часов вечера 2 января 1950 г. Сталин послал Молотова и Микояна на дачу с той целью, чтобы обсудить с Мао Цзэдуном вопросы, касающиеся заключения двустороннего советско-китайского договора.

Мао Цзэдун трактовал происходящее таким образом, как будто бы Сталин изменил свою позицию, проявил уважение к китайским товарищам. Тогда Мао Цзэдун и сам занял гибкую позицию и предложил не один, а даже несколько вариантов дальнейших действий, предоставив своим советским собеседникам выбрать один из них.

Мао Цзэдун в беседе с Молотовым и Микояном предложил следующие три варианта дальнейших действий.

Первый вариант. Подписать новый китайско-советский договор; «закрепить в новом договоре китайско-советские отношения, что вдохновит рабочих, крестьян, интеллигенцию, а также левое крыло национальной буржуазии Китая, даст возможность изолировать правое крыло национальной буржуазии; в международном плане мы сможем обрести еще более крупный политический капитал, чтобы противостоять империалистическим государствам, чтобы пересмотреть все те договоры, которые были в прошлом подписаны между Китаем и империалистическими государствами».

Второй вариант. Обе стороны выступают с кратким коммюнике от имени своих информационных агентств, поясняя, что они обменялись мнениями по вопросу о старом или прежнем китайско-советском договоре.

Третий вариант. Подписывается заявление, в котором содержится характеристика основного содержания двусторонних межгосударственных отношений. Если предпочтительным окажется второй или третий вариант, то Чжоу Эньлай может и не приезжать в Москву.

Молотов сказал: «Первый вариант представляется хорошим. Чжоу Энълай может приехать».

Мао Цзэдун тут же спросил: «Означает ли это, что новый договор заменит старый договор?». ²⁹⁴

Молотов ответил: «Конечно». Однако он выразил сомнение в том, сможет ли Чжоу Энълай достаточно быстро прибыть в Москву.

В КНР этот эпизод описывали еще и следующим образом.

Молотов и Микоян во второй половине дня 2 января 1950 г. приехали в резиденцию Мао Цзэдуна с той целью, чтобы конкретно посоветоваться относительно срока прибытия Чжоу Энълая в Москву и о времени подписания договора. При этом Молотов поставил вопрос следующим образом: в условиях, когда Новый Китай только что создан, у Чжоу Энълая дел по горло, сможет ли он в сжатые сроки прибыть в Москву? Мао Цзэдун с улыбкой сказал: «Нет проблем, сможет прибыть в нужное время».

До этого Сталин неоднократно выражал желание провести переговоры с Мао Цзэдуном и заключить договор. Мао Цзэдун, однако, настаивал на том, чтобы в Москву приехал Чжоу Энълай для ведения переговоров с советской стороной и для подписания договора. Мао Цзэдун, как считают китайские авторы, занял такую позицию после глубоких раздумий. Он полагал, что в сфере дипломатии Чжоу Энълаю действовать сподручнее, чем ему, ибо Чжоу Энълай был выдающимся дипломатом. ²⁹⁵

После создания Китайской Народной Республики при назначении Чжоу Энълая на пост премьера Государственного административного совета и по совместительству министра иностранных дел Мао Цзэдун многократно хвалил Чжоу Энълая, говоря: «Чжоу Энълай сильнее меня там, где речь идет о крупных вопросах деятельности в сфере межгосударственных отношений; у него имеются способности улаживать самые разнообразные сложные противоречия».

Таким образом, главной причиной того, что Мао Цзэдун снова и снова настойчиво добивался того, чтобы Чжоу Энълай вышел на сцену и повел переговоры с советской стороной, было именно то, что Мао Цзэдун желал использовать мастера дипломатических дел Чжоу Энълая на передовой линии в первой же крупной внешнеполитической акции Нового Китая.

Мао Цзэдун полагал, что, во-первых, руководитель не может быть глубоким знатоком во всех областях, не может претендовать на то, чтобы быть специалистом в любой области, но он обязан умело подбирать людей, кадры. Ответственность руководителя, говоря обобщенно, состоит главным образом в том, чтобы принимать решения, а также в том, чтобы умело подбирать кадры, которые бы точно выполняли эти решения. Всякого рода планы, решения, приказы, указания – все это относится к категории «принятия решений». Но для того чтобы все эти решения, принципы, мысли претворить в жизнь, необходимо сплотить кадры, создать команду и побудить ее к действию; вся такого рода работа относится ко второй категории, то есть к тому, что можно назвать «использованием кадров».

В период поездки в СССР Мао Цзэдун не только принял правильные решения, но и сам лично устно согласовал принципиальные позиции со Сталиным; следовательно, следующий шаг состоял в умелом подборе кадров; тут никак нельзя было все брать на себя, делать все одному; надо было дать некоторую свободу действий, позволив Чжоу Энълаю, которого он считал дипломатом более сильным, чем он сам, провести переговоры и подписать договор.

Далее, Мао Цзэдун подчеркивал, что в любом деле нужно «оставлять резерв», поле для маневра, он не был согласен с теми, кто считал, что надо сразу же выкладывать все до конца или начинать прямо с максимума, то есть вступать в переговоры «на самом высоком

²⁹⁴ Ши Чжэ. Цзай лиши цзюйжэнь шэньбянь – Рядом с гигантом истории. Декабрь 1991. – С. 440.

²⁹⁵ Лю Цзечэн... С. 196.

уровне». Мао Цзэдун знал, что Сталин питает подозрения и относительно него самого и того пути революции в Китае, на котором настаивал Мао Цзэдун, знал, что у Сталина были на все это свои взгляды критического характера. Мао Цзэдун учитывал также и то, что Сталин иной раз становился довольно «груб», «безапелляционен». В этой ситуации вступать самому в прямые переговоры со Сталиным по конкретным вопросам, касавшимся заключения договора, было нецелесообразно. Мао Цзэдун исходил из того, что, если паче чаяния по каким-то вопросам стороны не смогут прийти к договоренности и переговоры могут зайти в тупик или сорваться, вряд ли кто-либо иной, кроме двух первых лиц, сможет как-то уладить вопросы, выступить в роли посредника, и тогда могло оказаться, что поля для маневра, резерва для каких-то иных шагов уже могло и не быть. Если же направить Чжоу Эньлая для ведения переговоров с руководителями советского правительства, то даже в случае возникновения неких разногласий или споров он сам, то есть Мао Цзэдун, и Сталин могли бы, находясь на более высоком уровне, принять надлежащие меры, внести коррективы, отладить механизм, достичь согласия и решить проблемы самым благоприятным образом.

В-третьих, Мао Цзэдун исходил из необходимости соблюдения принципа паритетности сторон, «соответствия калибров»; он хотел, чтобы все соответствовало законам и юридическим нормам, чтобы все «выглядело достойно, красиво, привлекательно». Обладая философским направлением ума, Мао Цзэдун был склонен к обобщениям высокой степени и зачастую чрезвычайно сложные вещи сводил к очень сжатым и внешне простым формулировкам, прибегал к весьма конкретным зримым образам; таким образом, при первом взгляде все становилось ясным. На сей раз он применил формулировку следующего содержания: будущий документ, то есть договор между КНР и СССР, должен был стать «приятным на вкус и на взгляд». Эта формула и относилась к категории такого рода высокой степени обобщений и в то же время была классическим образцом чрезвычайно конкретной образности. По мнению китайского автора, неудивительно, что Сталин так и не мог взять ее в толк, с начала и до конца. А ведь на самом-то деле после того, как сначала был выработан проект, а затем был подписан и сам китайско-советский договор о дружбе, союзе и взаимной помощи, все пришли в восхищение и только изумленно восклицали: «Ну, ты только посмотри! Разве это не та самая вещь, которая «приятна на вкус и на взгляд»?» «Приятна на вкус» именно потому, что в нее вложено самое реальное содержание; роль этого договора заключалась в том, что он обеспечивал здоровое развитие Нового Китая в условиях, когда он не подвергался агрессии. «Приятна на взгляд» именно потому, что этот документ был прекрасен по форме, благодаря чему люди во всем мире могли увидеть, что Новый Китай и СССР, две великие социалистические страны, вступили между собой в союз, оказывали друг другу помощь и состояли в дружбе, выступали против агрессии, способствовали миру во всем мире, расширяли влияние социализма. Для того чтобы добиться этой цели, и было необходимо вести переговоры и заключать договор таким образом, чтобы калибр представителей с обеих сторон был одинаковым, чтобы все здесь соответствовало нормам международного права и международной практике, обычаям. Поэтому-то когда Сталин пошел на уступки и согласился заключить договор, предложив, чтобы свои подписи под ним поставили он сам и Мао Цзэдун, Мао Цзэдун все-таки не согласился с ним. Он улыбнулся, покачал головой и сказал: «Вы – председатель Совета министров, а я – не премьер. Поэтому у нас с вами разные калибры. А что до подписания документа, то я хотел бы вызвать своего премьера». Сталин принял мнение Мао Цзэдуна.²⁹⁶

Главное, на что хотелось бы обратить внимание в данном случае, – это на то, что в КПК – КНР извращают положение дел, утверждая, что Мао Цзэдун был инициатором заключения советско-китайского договора 1950 г., что Мао Цзэдун сам предложил его основные принципы и заставил Сталина пойти на уступки и заключить договор.

На самом же деле Сталин был инициатором заключения договора между СССР и КНР,

²⁹⁶ Там же. С. 196—198.

ему долго пришлось вынуждать Мао Цзэдуна согласиться на переговоры по этому договору и вообще на то, чтобы в принципе подписать такой договор, и в конце концов Сталин добился согласия. Он вынудил Мао Цзэдуна пойти на подписание в 1950 г. договора между СССР и КНР о дружбе, союзе и взаимной помощи.

Вернемся, однако, к беседе Мао Цзэдуна с Молотовым и Микояном 2 января 1950 г.

Мао Цзэдун улыбнулся. Он зажег сигарету и, покуривая, стал загибать пальцы, производя свои подсчеты: «Я дам телеграмму, которая будет в Пекине 3 января. Чжоу Энляо на подготовку пять дней. Следовательно, он выедет из Пекина 9 января. 11 дней будет ехать на поезде. 19 января прибудет в Москву. С 20 января до конца месяца, то есть примерно в течение десяти дней, будут проходить переговоры и будут подписываться разного рода договоры и соглашения. В начале февраля мы с Чжоу Энляем возвратимся на родину».²⁹⁷

Молотов и Микоян приняли подсчеты Мао Цзэдуна. Затем они все вместе обсудили программу дальнейшего пребывания Мао Цзэдуна в СССР, которая предусматривала посещение Мавзолея Ленина, поездку в Ленинград, в город Горький, различные экскурсии. После этого Молотов и Микоян отправились докладывать о результатах беседы Сталину.

В высказываниях Мао Цзэдуна в ходе этой беседы был важный пункт, который либо не захотели заметить, либо не заметили и не поняли Молотов и Микоян. Неизвестно, существует ли запись беседы с Мао Цзэдуном, сделанная Молотовым и Микояном. Поэтому ответить на этот вопрос трудно.

Что же касается позиции Мао Цзэдуна, то думается, что он далеко не случайно подчеркнул тезис о том, что считает необходимым пересмотреть все те договоры, которые были подписаны Китаем с империалистическими государствами. Учитывая то, что к тому времени, когда Мао Цзэдун делал эти высказывания, все договоры (не носившие характер документов о территориальном размежевании и о границах), считавшиеся (и в Китае, и на Западе) неравноправными, были уже отменены, аннулированы и заменены новыми, нужно сказать, что, следовательно, Мао Цзэдун имел в виду существовавшие между Китаем и другими странами и подписанные обеими сторонами в прошлом договоры о границе, в том числе и о территориальном размежевании и о границе с Россией. Мао Цзэдуну такая постановка вопроса давала возможность в дальнейшем говорить, что он ставил территориальный вопрос и вопрос о границе перед Сталиным или его представителями, причем ставил его как условие подписания нового двустороннего договора о дружбе и союзе. Таким образом, Мао Цзэдун подтвердил позицию китайской стороны и на переговорах 1924 г., и при Чан Кайши. Более того, тем самым он, говоря о том, что новый договор должен будет заменить прежний договор, то есть договор 1945 г., фактически ставил вопрос и о пересмотре принятого в 1945 г. решения в отношении Монголии.

Молотов и Микоян предпочли не касаться всех этих вопросов. Они доложили о предложениях Мао Цзэдуна Сталину. Возможно, они даже не упомянули о тех тонкостях, которые содержала позиция Мао Цзэдуна и о которых речь шла выше. Сталин также не стал (нельзя исключать и того, что это было сделано намеренно) реагировать на эти высказывания Мао Цзэдуна.

На практике получилось следующее. Мао Цзэдун как бы зарезервировал свою позицию – позицию, которая дублировала тезисы китайской стороны, повторявшиеся на протяжении всей первой половины XX века. Фактически Сталин и Мао Цзэдун предпочли, учитывая реальную ситуацию и насущные интересы обеих наций, да и свои собственные интересы, сосредоточиться на подготовке нового договора о союзе и дружбе (не затрагивавшего позиций сторон по вопросу о принадлежности территорий и о границах), соответствующих частных соглашений, оставляя как бы на будущее сложные вопросы двусторонних отношений, касавшиеся территориального размежевания (в том числе и вопроса о статусе

²⁹⁷ Ши Чжэ. Цзай лиши цзюйжэнь шэньбянь – Рядом с гигантом истории. Декабрь 1991. – С. 440.

Монголии) и границ.

Сталин выслушал доклад Молотова и Микояна и был, очевидно, удовлетворен, так как позиция Мао Цзэдуна давала наконец возможность перейти к конкретной подготовке соответствующих документов, особенно договора о союзе и дружбе. Он решил, что он сумел вынудить Мао Цзэдуна пойти на подписание договора и других документов и что теперь есть все условия для того, чтобы ему лично посетить Мао Цзэдуна, имея своей целью закрепление достигнутого успеха и снятие недоразумений, углубление взаимного понимания, дружбы и доверия.

Через несколько дней, в начале января 1950 г., как-то вечером Сталин, а также Маленков, Молотов, Берия, Микоян и другие советские руководители приехали из Москвы на дачу навестить находившегося там вождя КПК и КНР Мао Цзэдуна.

Мао Цзэдун вышел им навстречу в гостиную, обменялся приветствиями и рукопожатиями со Сталиным и другими советскими руководителями, сопроводил их в столовую, и начался банкет.

Сталин любил ночные застолья. У Мао Цзэдуна также были весьма своеобразные привычки; он предпочитал работать по ночам. Таким образом, это была их ночная беседа, беседа двух сов.

Сталин и Мао Цзэдун сидели в торце стола, а между ними находился переводчик. Советские руководители разместились по одну сторону стола, а китайские деятели по другую его сторону, рядом с Мао Цзэдунем.

Стол, естественно, ломился от угощений. На нем стояли бутылки с коньяком, водкой, грузинскими винами, минеральной водой.

Сначала Молотов от имени Сталина предложил выпить за здоровье Мао Цзэдуна.

Выпили, и воцарилась атмосфера взаимного расположения.

Сталин прежде всего поинтересовался здоровьем Мао Цзэдуна: в Москве холодно, привык ли Мао Цзэдун. Он выразил также пожелание, чтобы Мао Цзэдун хорошенько отдыхал и берег свое драгоценное здоровье.

Сталин сказал: «Все мы – люди Востока, понимаем друг друга. На протяжении более ста лет Китай обижали иностранные государства, его эксплуатировали и угнетали империалисты. Китай – великая страна; она оказывает очень большое влияние на весь мир. Китайцы – люди трудолюбивые, смелые, мудрые. Они обладают древней культурой. Компартия Китая – это зрелая партия, в которой много опытных работников. Особенно следует сказать о таком великом вожде, как Мао Цзэдун. Это он, руководя революцией, одержал победу. Эта победа поистине далась нелегко! Теперь вам нужно оберегать интересы своего государства, своей страны, оберегать интересы своей нации, а также надо оберегать своего вождя. Беречь дружбу между народами».

Мао Цзэдун выразил благодарность Сталину и ЦК ВКП(б), правительству СССР за помощь, поддержку и понимание. Он также предложил, исходя из нынешней международной ситуации, подписать новый договор между КНР и СССР о дружбе и союзе; можно также заключить соглашения о кредите, о торговле, о воздушном сообщении и т. д. Сталин сказал: «В прошлом мы высказывали некоторые такие соображения критического характера относительно революции в Китае, которые не следовало делать. В этой связи мы чувствуем угрызения совести... В настоящее время будет очень хорошо заключить новый советско-китайский договор о дружбе и союзе. Причем есть конкретное предложение: под этим договором поставить свои подписи мне и господину Мао Цзэдуну».

Мао Цзэдун сказал со своей обычной улыбкой: «Вы – председатель Совета министров, я же не являюсь премьером. У нас разный калибр. Если уж надо подписывать документ, то мне надо будет позвать своего премьера».²⁹⁸

²⁹⁸ У Сюцюань. « Чжун Су юхао тунмэн хучжу тяюе» цзяньдин ды цзинго – О том, как был заключен Договор о дружбе, союзе и взаимной помощи между СССР и КНР. (Лю Цзечэн... С. 155.)

Сталин согласился с этим. Он сказал, что Чжоу Эньлай – выдающийся политический деятель и дипломат; он очень талантлив. Очень хорошо будет пригласить его, чтобы вместе и посоветоваться. Все остальные советские руководители согласились пригласить премьера Чжоу Эньлая для проведения конкретных переговоров. (В то же время Сталин, как бы с трудом и после продолжительной борьбы, согласившись с приездом в Москву для выработки и подписания договора именно главы правительства, премьера ГАС КНР Чжоу Эньлая, очевидно, имел в виду впоследствии сделать еще один шаг: не выступать в роли партнера Чжоу Эньлая и не подписывать договор на уровне председателей правительств или глав правительств, а предложить подписать договор министрам иностранных дел, а в этом случае партнером Чжоу Эньлая становился А.Я. Вышинский, занимавший в государственной и партийной иерархии пост, далеко не равнозначный постам Чжоу Эньлая. Сам же Сталин не только сохранял равное положение с Мао Цзэдуном, но и в каком-то смысле ставил Чжоу Эньлая (а опосредованно и Мао Цзэдуна) в приниженное положение, вынуждая его подписывать договор не с главой правительства, а с министром иностранных дел СССР.)

Очевидно, что Сталин очень хотел добиться своей главной цели, то есть заставить Мао Цзэдуна подписать договор между двумя государствами о союзе и дружбе. При этом Сталин предпочел бы подписать такой документ вместе с Мао Цзэдуном. Сталин желал как можно прочнее объединить две нации. Мао Цзэдун предпочитал не объединять их так прочно, как того хотел Сталин. Мао Цзэдун полагал, что пока Россия (СССР) еще не равня Китаю (КНР). За Россией (СССР) он видел долг, имея в виду территориальные претензии прежде всего. Мао Цзэдуну важно было сохранять тезис о вечной вине России перед Китаем.

Мао Цзэдун отказался поставить свою подпись под этим документом. В то же время он был вынужден пойти на заключение такого договора.

Формулировка, в которую Мао Цзэдун облек свой отказ поставить подпись под договором наряду со Сталиным, была формально безукоризненной, но по существу оскорбительной для Сталина и советской стороны. Прежде всего, вообще отказ от предложения Сталина выступить на мировой арене на одном уровне с ним сам по себе выглядел как неприличное действие. Во-вторых, Мао Цзэдун поставил вопрос таким образом, что он поручает подписать договор как бы своему «меньшому брату», своему подчиненному чиновнику; тем самым, кстати сказать, прозрачно намекая на то, что этот договор не является, с его точки зрения, документом первостепенной важности, документом о вечной и нерушимой дружбе, а лишь временным вынужденным договорным актом, который не может стать вечным и главнейшим до тех пор, пока Россия не признает свою «историческую вину» перед Китаем и не возвратит Китаю якобы принадлежащие ему территории, по крайней мере полтора миллиона квадратных километров. Это тоже было выражение шовинистической натуры и высокомерия со стороны Мао Цзэдуна. В-третьих, Мао Цзэдун, по сути дела, сказал, что полагает Сталина ровней только Чжоу Эньлаю, который у него, Мао Цзэдуна, является только распорядителем делами правительства. Мао Цзэдун позволил себе сказать, что он и Сталин – деятели разного калибра, имея в виду, конечно же, не только чисто формальные моменты, которые действительно существовали, но и то, что его собственный политический вес в истории тяжелее, чем вес Сталина, что он, Мао Цзэдун, орудие более крупного калибра, чем Сталин. А ведь, по сути дела, и Сталин, и Мао Цзэдун занимали равное положение в своих странах, для своих народов, будучи их вождями. С чисто формальной точки зрения, и мы об этом уже упоминали, Сталин был главой исполнительной власти, то есть председателем Совета министров СССР. Мао Цзэдун был главой законодательной власти, то есть председателем Центрального народного правительства. При желании, если бы Мао Цзэдун захотел принять предложение Сталина, он, очевидно, мог бы настоять на таком изменении или толковании соответствующих юридических актов в КНР, что это дало бы ему возможность предстать перед народами Китая и России (КНР и СССР), перед всем миром в качестве мирового лидера, который по своему калибру равен Сталину и который подписал международный договор, имевший шанс получить известность в качестве «пакта Сталина – Мао Цзэдуна». Мао Цзэдун не хотел всего

этого.

Одним словом, Сталин имел основания быть недовольным позицией Мао Цзэдуна по этому вопросу и его отношением к предложению вместе поставить подписи под двусторонним договором о союзе и дружбе.

Однако Сталин и в данном случае пошел на компромисс, поступился этими все-таки формальными и второстепенными моментами ради того, чтобы сделать главное, то есть добиться появления договора, связывающего СССР и КНР отношениями союза и дружбы.

Можно посмотреть на этот вопрос и по-иному. Вряд ли Сталин не знал о том, что Мао Цзэдун по должности – глава законодательной власти в КНР, а потому в его прерогативы не входит подписание международных договоров. Однако перед Сталиным стояла задача сохранить свой престиж и не дать возможности выступать с нападками на его позицию в Китае. Сталин предложил Мао Цзэдуну совместно подписать новый советско-китайский договор, зная, что Мао Цзэдун откажется от этого. Но честь была, как говорится, предложена. Кроме того, такое предложение Сталина свидетельствовало о том, что Сталин выступает за принцип равенства в отношениях. Он подчеркнул тем самым, что полагает Мао Цзэдуна фигурой, равной себе.

Далее, Сталин знал, что Мао Цзэдун предполагает призвать в Москву Чжоу Эньлая, в частности, имея в виду, что именно Чжоу Эньлай будет от имени КНР подписывать новый советско-китайский договор. Сталин, конечно же, не мог допустить того, чтобы под договором стояли подписи Чжоу Эньлая и его самого, то есть Сталина. Это было бы своего рода неравноправие. Мао Цзэдун в этом случае оказывался формально и внешне как бы выше Сталина. Таким образом, Сталин формально предложил Мао Цзэдуну подписать договор вместе с ним. Отказ Мао Цзэдуна развязывал Сталину руки, давал ему предлог и повод не подписывать договор наряду с Чжоу Эньлаем. Сталин выдвинул на роль полномочного представителя с советской стороны А.Я. Вышинского, в то время министра иностранных дел СССР. Таким образом и оказалось, что с советской стороны договор подписал государственный деятель меньшего калибра, чем Чжоу Эньлай. В то же время открыто или с полным основанием осуждать СССР за это Мао Цзэдун не имел возможности, ибо Сталин сам первым предложил ему подписать договор вместе с собой.

Так, в результате сложных маневров, сохраняя лицо, обе стороны вышли из трудного положения, создававшегося в связи с формальным вопросом о том, кто подпишет договор. При этом партнеры оказались изобретательны и изворотливы, пожалуй, действительно в равной степени. Они сыграли в данном случае, как говорится, вничью.

Такое впечатление могло создаваться, если знакомиться лишь с версией китайской стороны и находить объяснения фактам, о которых предпочитали писать сторонники Мао Цзэдуна.

При обращении к двустороннему документу оказывалось, что обе стороны формально были совершенно равноправны и сохраняли лицо. Более того, становилось ясно, что Сталину и в данном случае вполне удалось найти взаимоприемлемую формулировку, согласно которой «калибры» Сталина и Мао Цзэдуна уравнивались.

В двустороннем советско-китайском коммюнике о подписании 14 февраля 1950 г. договора и соглашений между Советским Союзом и Китайской Народной Республикой было сказано следующее:

«В течение последнего времени в Москве имели место переговоры между Председателем Совета министров СССР И.В. Сталиным и министром иностранных дел СССР А.Я. Вышинским, с одной стороны, и Председателем Центрального народного правительства Китайской Народной Республики г-ном Мао Цзэдуну и Премьером Государственного административного совета и министром иностранных дел г. Чжоу Эньлаем, с другой, во время которых были рассмотрены важные политические и экономические вопросы отношений между Советским Союзом и Китайской Народной Республикой.

...

...Договор и соглашения были подписаны со стороны СССР А.Я. Вышинским и со стороны Китайской Народной Республики г. Чжоу Энляем». ²⁹⁹

Обращает на себя внимание то, что авторы этого документа стремились сделать его сугубо межгосударственным, а не партийно-государственным и что Мао Цзэдуна и Чжоу Энляя в этом коммюнике именовали «господами».

Далее в ходе беседы Мао Цзэдун сказал, что империалисты на Западе испытывают крайнее беспокойство в связи с созданием Нового Китая и особенно в связи с установлением китайско-советских дружественных отношений. Они распространяют клевету, клезуничают, бросают камешек в наш огород, занимаются провокациями и сеют раздоры, вбивают клин, провоцируют раскол и вносят разлад, тщетно и сумасбродно пытаются подорвать отношения дружбы между партиями, государствами КНР и СССР. В этом отношении мы непременно должны повышать бдительность, сорвать заговоры империалистов.

Сталин сказал, что Ленин вскрыл и показал закономерности развития последней стадии капитализма, то есть империализма, доказал, что революция пролетариата способна одержать победу в стране, которая представляет собой самое слабое звено империалистического фронта, и может построить в этой стране социализм. Основываясь на ленинизме, мы сорвали империалистическую блокаду, прорвали окружение и разгромили вооруженную агрессию, построили в СССР социализм. Конечно, империализм желал бы разрушить его. В настоящее время создан Новый Китай, силы мирового лагеря социализма намного возросли, дни империализма сочтены. Классовая борьба непременно будет обостряться, становиться все более сложной, враждебные, противостоящие нам силы с неизбежностью будут оказывать все более отчаянное сопротивление, будут вести подрывную работу. Провоцировать раздоры, стараться внести раскол, разложить революционные силы и лагерь социализма – вот те методы, которыми обычно пользуются враждебные силы.

При этих словах Сталин вручил Мао Цзэдуну экземпляр доклада И.В. Ковалева «О некоторых вопросах политики и практики ЦК КПК» и сказал: «Почитайте, возможно, вас это заинтересует». И добавил: «Ковалев – специалист в области железнодорожного транспорта, а не политик. Он полный профан в политике. Но он влез в политику. Почитайте только, что он понаписал?!»

Мао Цзэдун взял доклад, не стал его читать, а тут же передал сидевшему рядом с ним своему переводчику Ши Чжэ. Затем Мао Цзэдун заметил: «Ленинское учение – это развитие марксизма. В чем же Ленин развил марксизм? Во-первых, в том, что касается мировоззрения, он развил его именно в области материализма и диалектики. Во-вторых, он развил марксизм в области теории революции, тактики революции, особенно в области классовой борьбы, диктатуры пролетариата и в вопросе о партии пролетариата. У Ленина есть также учение о строительстве социализма. Начиная с Октябрьской революции 1917 года революция включает в себя строительство. У Ленина был уже семилетний опыт, чего не было у Маркса. Мы изучаем именно эти основные принципы марксизма-ленинизма».

Сталин подчеркнул, что, по его мнению, Мао Цзэдун глубоко разобрался в основных принципах марксизма-ленинизма и в том, как он гибко на практике увязывает теоретические положения с действительностью, благодаря чему он сумел, руководя революцией в Китае, привести ее к победе. Он выразил надежду на то, что Мао Цзэдун серьезно обобщит опыт революции в Китае, с тем чтобы содействовать развитию международного коммунистического движения.

Далее Сталин и Мао Цзэдун обменивались мнениями о том, как в ходе революции в Китае была одержана победа, анализировали успешный опыт революции. Беседа продолжалась до глубокой ночи. В беседе царило полное единодушие.

2 января 1950 г. Мао Цзэдун направил в ЦК КПК телеграмму следующего содержания:

²⁹⁹ Советско-китайские отношения. 1917—1957: Сб. док. – М., 1959. – С. 217—218.

«В последние два дня в работе здесь имело место важное движение вперед. Товарищ Сталин уже дал согласие на приезд товарища Чжоу Эньлая в Москву, на заключение нового китайско-советского договора о дружбе и союзе, а также ряда соглашений: о кредите, о торговле, о воздушном сообщении». Мао Цзэдун дал указание Чжоу Эньлаю и его заместителю по Государственному административному совету Ли Фучуню как можно скорее прибыть в Москву.

Ши Чжэ перевел на китайский язык документ под грифом «совершенно секретно», то есть доклад И.В. Ковалева, врученный Мао Цзэдуну Сталиным, и, передавая его Мао Цзэдуну, сказал: «Это, по сути дела, тайный донос с жалобой на нас».

Мао Цзэдун прочитал документ и, улыбнувшись, сказал: «Вот уж действительно провоцирование раздоров! Однако тот факт, что Сталин смог передать нам такого рода документ, чтобы мы с ним ознакомились, показывает, что он хорошо разбирается в обстановке в целом, правильно ее оценивает и выдвигает на первое место общие интересы, учитывает именно их. Это свидетельствует также о том, что он не только проявляет высокую степень бдительности и что его не так-то легко провести, он не попадается на чью-либо удочку, но и говорит о том, что хотя он и питает в отношении нас некоторые подозрения, но в целом он все же нам доверяет, он все же искренен, он хочет дружить и совместно работать, сотрудничать».

Ши Чжэ считал, что документ, о котором идет речь, был редким по своей ценности докладом. И то, что Сталин в данном случае поступил с такой прямоотой и откровенностью, не только мгновенно сорвало замыслы тех, кто хотел бы посеять вражду, внести разлад, спровоцировать раскол, но и усилило взаимопонимание и доверие, углубило дружбу и желание полагаться друг на друга партий и государств, то есть СССР и КНР.³⁰⁰

Важно отметить, что сам факт передачи доклада И.В. Ковалева Сталиным Мао Цзэдуну не имел немедленных последствий. И И.В. Ковалев, и Гао Ган оставались на своих постах еще на протяжении некоторого времени.

Правда, в результате маневров посла СССР в КНР Н.В. Рощина в Пекин прибыла группа товарищей из Москвы, которая проверила деятельность И.В. Ковалева, и в результате он был в 1950 г. отозван в СССР.

После смерти Сталина Мао Цзэдун занял такую позицию, в результате которой Гао Ган был раскритикован внутри КПК и ушел из жизни.

И все же дать оценку поступку Сталина не так просто. Сталин сделал весьма необычный шаг. Но этот шаг давал ему возможность не только доказать свое намерение строить отношения с Мао Цзэдуном на основе взаимного доверия (в возможных пределах), но и показывал Мао Цзэдуну, что подлинная позиция Сталина, которую излагал в своем докладе И.В. Ковалев, тоже не была направлена во вред Мао Цзэдуну. Более того, Сталин, передавая этот доклад, шел навстречу пожеланию Мао Цзэдуна полностью прекратить какое бы то ни было вмешательство ВКП(б) во внутренние дела КПК. Сталин также косвенно показывал Мао Цзэдуну, что внутри КПК находились и могут находиться силы, которые ориентируются на Сталина, а потому и Мао Цзэдун должен учитывать это в своих взаимоотношениях со Сталиным. Иными словами, характеризовать сам факт передачи доклада И.В. Ковалева Сталиным Мао Цзэдуну просто как акт предательства Сталина по отношению к его подчиненным и некоторым китайским деятелям — этого далеко не достаточно. Это был умелый ход в политической игре двух крупных политиков, игре, в результате которой в чем-то выигрывали, а в чем-то проигрывали не только отдельные лидеры и деятели, но целые страны и народы.

После того как Сталин передал Мао Цзэдуну доклад И.В. Ковалева, Мао Цзэдун, проявляя уважение к Сталину и к его трудам и мнению, сказал Ши Чжэ: «Сталин высказывал немало верных соображений, которые в свое время сыграли важную роль. Вот, например, в

³⁰⁰ Лю Цзечэн... С. 152—157.

июле 1928 года, когда в Москве проходил VI съезд Компартии Китая, некоторые товарищи из руководства нашей партии не имели ясного представления о характере, задачах, движущих силах революции в Китае и споры по этим вопросам не утихали. Сталин указал на то, что в то время китайское общество по своему характеру по-прежнему было обществом полуколониальным, полуфеодальным. Он заявил, что «по своему характеру китайская революция на современном этапе своего развития является буржуазно-демократической революцией». Политическая ситуация в то время представляла собой период между двумя подъемами революции, а потому генеральная задача партии состояла не в том, чтобы осуществлять наступление, а в том, чтобы завоевывать на свою сторону массы, готовить восстание. Вот все эти установки и сыграли важную роль в деле руководства революцией в Китае в то время». ³⁰¹

2 января 1950 г. Мао Цзэдун ответил на вопросы корреспондента ТАСС.

Вопрос: Какова в настоящее время ситуация в Китае?

Ответ: Военные операции развиваются в Китае благоприятно. В настоящее время Коммунистическая партия Китая и Центральное народное правительство Китайской Народной Республики осуществляют поворот к мирному экономическому строительству.

Вопрос: Господин Мао Цзэдун, как долго вы рассчитываете побыть в Советском Союзе?

Ответ: Я предполагаю, что несколько недель. Продолжительность моего пребывания в СССР частично определяется временем, которое необходимо для решения ряда вопросов, затрагивающих интересы Китайской Народной Республики.

Вопрос: Не могли бы вы сказать, какие именно вопросы вы имеете в виду?

Ответ: Среди этих вопросов прежде всего вопросы относительно китайско-советского договора о дружбе и союзе, о предоставлении Советским Союзом кредита Китайской Народной Республике, о торговле между нашими двумя странами и о торговом соглашении, а также другие вопросы. ³⁰²

Мао Цзэдун исходил из того, что в то время и КНР, и СССР были заинтересованы прежде всего в налаживании дружественных отношений между двумя партиями, двумя государствами.

На этом пути существовали многочисленные трудности.

С точки зрения Мао Цзэдуна, следовало учитывать то обстоятельство, что Сталин с подозрительностью относился к Мао Цзэдуну и к КПК; необходимо было, конечно же, принимать во внимание все то, что было связано с появлением секретного доклада И.В. Ковалева Сталину; Мао Цзэдун также считал нужным реагировать на высказывания западной печати относительно того, что «Сталин держит Мао Цзэдуна под домашним арестом в Москве».

Мао Цзэдун стремился, в определенной степени и при известных условиях, снимать эти трудные вопросы.

При этом он исходил из того, что противоречия, возникавшие и существовавшие между ним и Сталиным, порождены не только тем фактом, что ВКП(б) и КПК по-разному понимали целый ряд вопросов, не только тем, что играли свою роль действия целого ряда стран Запада, прилагавших большие усилия, чтобы добиться раскола между СССР и КНР; здесь играли роль и подозрения Сталина относительно Мао Цзэдуна и КПК. Мало того, с точки зрения Мао Цзэдуна, если копнуть глубже, то на характере советско-китайских отношений в то время, на характере отношений между Сталиным и Мао Цзэдуном отражалось и существование неравноправных, с точки зрения Мао Цзэдуна, договоров, оставленных тем, что Мао Цзэдун воспринимал и именовал как агрессию царской России

³⁰¹ Там же. С. 157—158.

³⁰² Жэньминь жибао. 1950. 3 янв.

против Китая; иначе говоря, речь шла о территориальных претензиях Китая к России и о границе между двумя странами. Мао Цзэдун также полагал, что существуют известные противоречия между великодержавным шовинизмом, в котором он обвинял Сталина, его партию, его государство, да, собственно говоря, и Россию как нацию, и тем, что он именовал Новым Китаем. Здесь он имел в виду свое государство или свою партию-государство, которые должны были, с его точки зрения, повести бескомпромиссную в историческом плане борьбу против всех упомянутых отрицательных сторон в поведении, высказываниях и позиции России как нации, а Сталина как высшего руководителя этой нации в то время.

Мао Цзэдун желал дать понять Сталину, что речь шла не о беседах, переговорах и соглашениях между фактически неравными друг другу партнерами и даже не о соглашениях между братскими и дружественными партиями и государствами, а о нахождении компромисса в таких областях, где стороны еще не высказали одна другой все свои претензии, еще не пришли к каким-то устраивающим, во всяком случае китайскую сторону и Мао Цзэдуна, решениям и не поняли, что исторические претензии у Китая и Мао Цзэдуна не только существуют, но в принципе и в перспективе являются определяющими для характера отношений двух наций.

Отношения и ситуация сложились таким образом, что обе стороны в сложившейся для них на мировой арене обстановке были заинтересованы в том, чтобы пойти на демонстрацию перед всем миром своей дружбы и даже союза, но это вовсе не означало, что нет проблем, которые ждут решения и до решения которых искренние добрососедские отношения, по сути дела, невозможны.

Таким образом, перед Мао Цзэдуном стояла задача довести до сведения Сталина всю остроту и сложность ситуации, добиться от него уважения интересов Мао Цзэдуна, его нации, партии, государства.

Мао Цзэдун всю первую часть своего пребывания в СССР посвятил решению именно этой задачи. Он не желал выглядеть марионеткой в руках Сталина, да он и не был ею; он не желал также делать вид, что в двусторонних отношениях все хорошо, что Сталин, его партия-государство – это не только лидер и вождь всего лагеря социализма, но и правая сторона, сторона, у которой в принципе и в главном нет недостатков, в руках которой и высшая истина, и высшая власть, и главные материальные (в том числе и военные) силы.

По всем этим причинам Мао Цзэдун с первых же слов при общении со Сталиным заявил, что ему много лет не давали высказаться, а ему есть что сказать и что он пока еще не высказал все свои обиды и претензии.

Далее, он довел до Сталина свою позицию в следующих словах: «Вы что же думаете, что я, Мао Цзэдун, приехал в Москву только для того, чтобы принести свои поздравления Сталину в связи с его юбилеем?» Здесь содержался намек на то, что еще неизвестно, кто и кого должен был бы поздравлять, кто и к кому должен был бы приехать, какое событие является более важным, а также кто перед кем должен извиняться за прежнее неверное поведение и действия. Мао Цзэдун особенно тем самым подчеркивал, что он приехал вовсе даже, по сути дела, и не за тем, чтобы приносить свои поздравления Сталину. Мао Цзэдун давал понять, что он ждет от Сталина признания вины за прошлые грехи, признания значения победы Мао Цзэдуна в Китае, материального содействия строительству в Китае, причем содействия, которое является по крайней мере равным, если вообще не должно восприниматься как выплата старых долгов Китаю.

Мао Цзэдун полагал, что он заставил Сталина не только неоднократно звонить ему, иностранцу, который занял и сам дом Сталина под Москвой, и не получать, по сути дела, ответа на вопросы, которые интересовали Сталина прежде всего, а затем узнать о грубых высказываниях Мао Цзэдуна и предпринять ряд шагов, которые Мао Цзэдун воспринимал как должное. Сталин был вынужден приехать к Мао Цзэдуноу и стать его гостем. Сталин должен был неоднократно признавать, что в прошлом был не прав. Сталин был вынужден говорить, что он испытывает угрызения совести в связи с тем, что он виноват перед Мао Цзэдуноу и неверно себя вел в том, что касается китайских или внутрикитайских дел.

Наконец, Сталин был вынужден пойти на беспрецедентный шаг.

Стремясь искупить свою прежнюю вину, то есть покаяться, что он был не прав, высказывая подозрения в отношении Мао Цзэдуна, он не только фактически отмежевался от Ван Мина, от тех людей, которые стояли на его стороне в его разногласиях с Мао Цзэдуном в прошлом в Китае, в КПК, но и передал в руки Мао Цзэдуна Гао Гана как представителя тех сил внутри КПК, которые уже после создания КНР старались быть вместе со Сталиным и против Мао Цзэдуна. Сталин предал и своих приверженцев в Китае, и своего же собственного представителя при Мао Цзэдуне, то есть И.В. Ковалева.

Такое предательство, двойное предательство, было тем самым шагом Сталина, который и позволил Мао Цзэдуну несколько удовлетвориться и согласиться на подписание договора о дружбе и союзе между КНР и СССР. Так начала вырисовываться перспектива формирования того плода, который, по Мао Цзэдуну, должен был и привлекательно, солидно выглядеть, и быть по вкусу Мао Цзэдуну, если говорить о конкретных договоренностях по развитию двусторонних межгосударственных отношений.

Примечательно, что в запасе у Мао Цзэдуна, очевидно на тот случай, если бы Мао Цзэдуна продолжала не удовлетворять позиция Сталина, были и еще некоторые приемы воздействия на партнера.

Именно на рубеже 1949 и 1950 г. сторонники Мао Цзэдуна внутри КПК предлагали ему побеседовать со Сталиным по вопросу о великодержавном шовинизме Советского Союза.

В ответ Мао Цзэдун отрицательно покачал головой. С его точки зрения, так поступать было нехорошо. Ведь речь шла о вопросе, который касался прежде всего не Мао Цзэдуна, а СССР, самого Сталина; вот пусть, считал тогда Мао Цзэдун, он сам и разбирается в этом вопросе. А нам не следует слишком распускать свои руки, слишком далеко протягивать их. Тем более не следует из-за того, что мы победили, так зазнаваться и преисполняться таким высокомерием. Да, признавал и утверждал Мао Цзэдун, Сталин допустил ошибки в вопросе о подходе к революции в Китае, но ведь он признал свои ошибки. И не только на сей раз, когда он заговорил об «угрызениях совести». Он говорил об этом и в беседе с Лю Шаоци летом 1949 г. (Значит, Мао Цзэдун сознательно заставлял Сталина каяться в ошибках много раз.) Ведь тогда, в беседе с Лю Шаоци, Сталин говорил следующее: «В силу того, что мы не разобрались в ситуации, мы и предлагали вам (Китаю) плохие решения. Таким образом мы создали трудности в вашей работе. Мы просто помешали вам». Сталин фактически признал, что он ошибался, его слова – это принесение нам извинения. И тут мы не можем действовать по принципу: раз уж мы кого-то ухватили, то следует держать и давить дальше. Тем более мы не можем исходить из тезиса: «Мы способны побеждать и обойдемся без помощи из-за рубежа».

Мао Цзэдун подчеркивал: «В эпоху империализма в любом государстве подлинная народная революция, если у нее не будет помощи в различных формах со стороны международных революционных сил, не сумеет сама одержать победу... Прошу всех поразмыслить над следующим: если бы не было Советского Союза, если бы он, скажем, вообще не существовал, если бы не было победы во Второй мировой войне, в войне против фашизма, если бы не появились все эти государства демократии народа (народной демократии), если бы не поднялись как раз в настоящее время на борьбу угнетенные народы Востока, если бы не было борьбы между народными массами и угнетателями внутри капиталистических стран, то есть в США, Англии, Франции, Германии, Италии, Японии и т. д., если бы не было всего этого в совокупности, тогда международные реакционные силы, которые давят на нас, усилили бы свое давление даже не знаю во сколько раз; спрашивается, смогли бы мы победить в этой ситуации? Очевидно, что не смогли бы. А если бы даже победили и хотели бы закрепить нашу победу, это бы нам тогда не удалось, это оказалось бы невозможным».³⁰³

³⁰³ Лю Цзечэн... С. 176.

Если попытаться перевести эти рассуждения Мао Цзэдуна на более простой и ясный язык, то окажется, что Мао Цзэдун, с одной стороны, солидаризировался с теми силами внутри КПК и КНР, внутри Китая, которые обвиняли Сталина, СССР, Россию в великодержавном шовинизме, и, с другой стороны, выступал за то, чтобы, оставив эту позицию в запасе, пока выжать все возможные выгоды из открывавшихся перспектив сотрудничества с СССР, то есть доить СССР, пока это будет возможно на практике, отложив выяснение отношений с ним и предъявление ему претензий на будущее, когда Китай будет достаточно силен, чтобы требовать удовлетворения этих претензий.

15 января 1950 г., почти месяц спустя после своего прибытия в Москву, Мао Цзэдун приехал на поезде в Ленинград.

Планировалось с вокзала направиться в Смольный и отдохнуть. Мао Цзэдун заявил, что он полон воодушевления и хотел бы сразу побывать на Балтийском море. Прямо с железнодорожного вокзала, уважая желание гостя, машины понеслись на берег Финского залива.

День был морозный. Снег покрывал все вокруг, не было видно даже границы между сушей и льдом в заливе.

Мао Цзэдун более часа ездил на машине по льду залива. Когда вдали показался Кронштадт, Мао Цзэдун вышел из машины и сказал, глядя на снег и лед: «Революция делает природу еще более величественной! Смотрите, ведь тут все вокруг на тысячи ли сковано льдом!»

Сопровождавшие пояснили Мао Цзэдуну, что толщина льда в том месте Финского залива, где они стояли, достигает 1–1,5 метра.

Глядя вдаль на залив, Мао Цзэдун прочувствованно сказал: «У меня есть желание. Я хотел бы от Хайшэньвэя (так Мао Цзэдун именовал Владивосток, который Ленин называл «городом нашенским». – Ю.Г.), то есть от западного берега Тихого океана, добраться до Балтийского моря, то есть до восточного берега Атлантического океана, а затем от берега Черного моря добраться до Северного полярного круга. Ведь только тогда я смог бы сказать, что прошел СССР вдоль и поперек, то есть побывал там везде: на Востоке, на Западе, на Юге, на Севере».

В Ленинграде Мао Цзэдун посетил Кировский механический завод, побывал в музейных залах Зимнего дворца, а также в бывших царских покоях: опочивальне, кабинете, гостиной, библиотеке. Сопровождавшие сказали ему, что в Зимнем дворце есть и Китайский зал, но ознакомиться с ним нельзя, так как там идут ремонтные работы.

Мао Цзэдун всегда считал необходимым подчеркивать свои чрезвычайно сильные чувства протеста против антикитайской деятельности империалистов, в том числе если не прежде всего России. Поэтому, услышав такие разъяснения, он тут же сказал находившемуся рядом с ним Ши Чжэ: «На самом-то деле им просто неудобно открывать этот зал; им стыдно показывать его нам! Ведь подумать только, сколько же награбила в Китае царская Россия!»

Мао Цзэдун специально совершил экскурсию на крейсер «Аврора», во время которой с восхищением подчеркнул, что именно с него был произведен выстрел по Зимнему дворцу во время Октябрьской революции.

Он осмотрел также памятные места обороны Ленинграда во время Великой Отечественной войны.

Вечером Мао Цзэдун смотрел в Кировском театре оперы и балета балет «Баядерка» с Лебедевой в главной роли. Спектакль был ярким, и по его окончании Мао Цзэдун послал Ван Цзясяна и Чэнь Бода на сцену преподнести Лебедевой цветы от имени его делегации. Лебедева начала аплодировать Мао Цзэдуну, за ней последовал зал.

Впоследствии Мао Цзэдун говорил: «Октябрьская революция 1917 года, народ Советского Союза под руководством Ленина и Сталина сверг царя и реакционное господство буржуазии, создал СССР – государство диктатуры пролетариата. Через 32 года народ Китая под руководством Коммунистической партии Китая сбросил с себя три огромных горы (имелись в виду империализм, феодализм и бюрократическая буржуазия. – Ю.Г.), которые

давили на него и представителем которых был Чан Кайши, создал Новый Китай – государство диктатуры демократии народа. Возникает, однако, вопрос о том, как Сталин относился к Чан Кайши?».³⁰⁴

В связи с вышеупомянутым вопросом представляется необходимым отметить и то, как трактовали ответ на этот вопрос в КПК – КНР. В соответствующей литературе утверждалось, например, что в момент окончания Второй мировой войны Сталин связывал будущее Китая с Чан Кайши. При этом он полагал, что все жизненные артерии Китая, как в области политики и экономики, так и в военной сфере, находились в руках Чан Кайши, который при этом пользовался поддержкой и помощью со стороны США. В тот не очень продолжительный, но мирный промежуток в жизни Китая, когда Война сопротивления Японии была окончена, а гражданская война еще не началась, Сталин не считал Мао Цзэдуна лидером тех сил, которые в будущем могли стать правящей партией в континентальном Китае. Он говорил в беседе с представителем правительства США Г. Гопкинсом, что Китай, включая в это понятие и Коммунистическую партию Китая, в настоящее время пока не имеет такого руководителя, который был бы способен взять под свою власть страну в целом; исходя из того, что СССР не хотел бы вести переговоры с Китаем разьединенным, расколотым, Сталин был готов поддержать Чан Кайши и его правительство. В период Ялтинской конференции Сталин дал заверения, гарантии президенту США. Это зафиксировано в совершенно секретном меморандуме президента США Г. Трумэна: «Во-первых, Сталин будет всемерно содействовать объединению Китая под руководством председателя Цзяна (Чан Кайши). Во-вторых, после окончания войны Китай должен продолжать находиться под руководством председателя Цзяна (Чан Кайши)».³⁰⁵ В этой связи в КНР также подчеркивали, что, когда в Китае в 1946 году началась гражданская война, Сталин посылал телеграммы Мао Цзэду и ЦК КПК, требуя от них не вести эту войну, и утверждал, что такая война «грозит опасностью уничтожения китайской нации».³⁰⁶

Вполне очевидно, что политика Сталина в этом вопросе выглядит не только гибкой, но и безупречной с точки зрения обеспечения интересов КПК в сложившейся в то время обстановке; он учитывал в момент окончания Второй мировой войны позицию США и в то же время вел дело к переговорам между Чан Кайши и Мао Цзэдуном, чтобы закрепить позиции Мао Цзэдуна при определенных гарантиях и СССР, и США; одновременно он вынуждал США оказывать давление на Чан Кайши, заставляя его считаться со Сталиным. Что же касается точки зрения сторонников Мао Цзэдуна, то они делали упор на искажении и на измышлении позиции Сталина, отрывались от реалий; при этом на самом деле Мао Цзэдун и его сторонники пользовались всемерной и весьма существенной реальной поддержкой и помощью Москвы как в момент окончания Второй мировой войны, так и в годы гражданской войны в Китае, которую они вели против Чан Кайши.

По возвращении в Москву Мао Цзэдун находился в ожидании приезда Чжоу Эньлая. Чжоу Эньлай позвонил Мао Цзэдуну из Новосибирска, но слышимость была плохой. Пришлось перезвонить уже из Свердловска. Они беседовали более часа. Мао Цзэдун рассказал Чжоу Эньлаю о проделанной им работе, о своих пожеланиях в связи с содержанием договора, который предстояло подписать. Он поинтересовался мнением Чжоу Эньлая. Таким образом, Чжоу Эньлай узнал из первых рук о намерениях Мао Цзэдуна и стал готовиться к тому, чтобы сразу же по прибытии в Москву приступить к работе.³⁰⁷

³⁰⁴ Там же. С. 199—200.

³⁰⁵ Цзян Цзунтун ми лу – Секретные записи президента Цзяна. Т. 1. – С. 41—42.

³⁰⁶ Лю Цзечэн... С. 7–8.

³⁰⁷ Там же. С. 216.

20 января 1950 г. премьер ГАС и по совместительству мининдел КНР Чжоу Эньлай прибыл в Москву. На железнодорожном вокзале ему была устроена торжественная встреча, во время которой он, в частности, заявил: «В данном случае я прибыл в Москву согласно указанию председателя Центрального народного правительства КНР Мао Цзэдуна для участия в консультациях по вопросу об укреплении государственных связей между двумя великими государствами, КНР и СССР».

В прошлый раз Чжоу Эньлай приезжал в Москву десять лет назад. В июне 1939 г. при падении с лошади он сломал руку и приехал из Яньани в СССР на лечение, проведя тогда в Москве более восьми месяцев.

Ныне он приехал уже в качестве руководителя правительства Нового Китая. Вместе с ним прибыли заместитель председателя народного правительства Северо-Восточного Китая Ли Фучунь, министр внешней торговли КНР Е Цзичжуан, заведующий отделом СССР и стран Восточной Европы МИД КНР У Сюцюань и другие.

Сразу же по прибытии Чжоу Эньлай направился к Мао Цзэдуну. Через день Чжоу Эньлай переехал с отдаленной дачи, на которой его разместили, в резиденцию Мао Цзэдуна и поселился над ним на втором этаже. Это облегчило возможность постоянно советоваться с Мао Цзэдуном по ходу переговоров.

Чжоу Эньлай мгновенно занялся делами. С одной стороны, он участвовал в переговорах, которые проходили в Кремле. С другой стороны, он руководил работой Ли Фучуня и других своих коллег, каждый из которых выполнял конкретные поручения. Чжоу Эньлай постоянно держал Мао Цзэдуна в курсе событий.

21 января, когда Чжоу Эньлай находился в Кремле, Мао Цзэдуну позвонил Сталин, осведомившись о его мнении относительно дальнейших переговоров.

Мао Цзэдун в ответ сказал: «У меня нет никакого мнения. Все мнения, какие имеются, там, у Чжоу Эньлая. А разве Чжоу Эньлай не ведет переговоры в Кремле?!»

Сталин и без того был чрезвычайно подозрительным человеком, а здесь у него и вовсе возникла уйма вопросов. Он пригласил в свой кремлевский кабинет Ши Чжэ и попросил снова передать его слова Мао Цзэдуну, стремясь понять мысль и пожелания Мао Цзэдуна.

Мао Цзэдун ответил, что он всего-навсего хотел, чтобы в переговоры вступил Чжоу Эньлай и у него нет никаких иных мнений или соображений.

Ши Чжэ перевел Сталину слова Мао Цзэдуна.

Сталин громко рассмеялся. Да, действительно, руководитель Китая хорошо знает своих людей, умеет их использовать. Сталин глубже понял характер Мао Цзэдуна, его стиль поведения.

По сути дела, Мао Цзэдун попытался после прибытия Чжоу Эньлая в Москву уйти от участия в переговорах относительно договора между СССР и КНР. Однако Сталин сумел настоять на том, чтобы эти переговоры вели лично он и Мао Цзэдун в присутствии своих коллег по руководству государствами и партиями.

В соответствии с договоренностью между Сталиным и Мао Цзэдуном 22 января 1950 г. состоялась беседа Сталина с Мао Цзэдуном и Чжоу Эньлаем. При этом присутствовали советские руководители, в частности Молотов, Вышинский; с китайской стороны были Ли Фучунь, Ван Цзясян. В качестве переводчика выступал Ши Чжэ.

Перед началом беседы Молотов, согласно заведенному обычаю, предложил тост за здоровье Мао Цзэдуна, за здоровье Чжоу Эньлая, за здоровье всех присутствовавших.

После этого Сталин нарушил традицию. Он сам поднял рюмку и предложил выпить за Мао Цзэдуна, Чжоу Эньлая, приветствовал их приезд в Москву, выразил надежду на то, что все будут, объединяя свои усилия, укреплять советско-китайскую дружбу; предложил выпить за советско-китайскую дружбу!

После того как Сталин выпил уже два бокала своего специально для него приготовленного вина, он пришел в прекрасное расположение духа и заговорил о том, что ранее ему не приходилось встречаться с Мао Цзэдуном. Но встретились они как старые знакомые и их беседы проходят замечательно. Сталин также сказал, что он с большим

интересом относится к вопросам революции в Китае. В настоящее время революция в Китае победила. Это еще одна великая победа вслед за победой Октябрьской революции в России. Это великая победа пролетариата в стране, население которой составляет четверть всего населения Земли. Это великая победа марксизма-ленинизма на Востоке. Эта победа изменила расстановку сил в мире, склонила чашу весов в пользу революционных сил. Эту победу не только следует приветствовать, но тут имеется огромный ценный опыт, который нужно обобщать, который заслуживает изучения. «Не могли бы вы, господин Мао Цзэдун, – сказал Сталин, – поподробнее рассказать нам об этом?»

Мао Цзэдун зажег сигарету, глубоко затянулся и начал рассказывать. Он полагает, что Сталин был прав. Победа революции в Китае действительно великая победа марксизма-ленинизма на Востоке, еще одна великая победа мирового пролетариата, которая последовала за Октябрьской революцией в России. Он сказал, что в прошлом ему уже приходилось отмечать, что залпы Октябрьской революции донесли до нас марксизм-ленинизм. Это образное обобщение характеризует начало революции. В реальной действительности очень и очень нелегко соединить общие истины марксизма-ленинизма и конкретную практику революции в Китае. Революция в Китае прошла через длительный и сложный извилистый процесс поисков. В Китае существует своя реальная ситуация. Кое-кто в прошлом не принимал во внимание реалии Китая, делал все в соответствии с советской моделью, а в результате дело довели почти до того, что революция в Китае зашла в тупик. Вот поэтому если говорить об опыте революции в Китае, то его можно, обобщая, свести к одному положению, а именно: необходимо в обязательном порядке настаивать на том, чтобы общие истины марксизма-ленинизма соединялись с конкретной практикой Китая, осуществлять руководство со стороны политической партии пролетариата (в буквальном переводе: класса, у которого нет имущества), строить демократическую диктатуру народа, в которой руководящую роль играет пролетариат, а основой или базой которой является союз рабочих и крестьян, опрокинуть три большие горы, которые давят на голову народа Китая, постепенно осуществлять переход к социализму.

Сталин выразил удовлетворение изложением вопроса, сделанным Мао Цзэдуном. Однако намеренно или нет, но, упоминая имя Мао Цзэдуна, он снова назвал его «господин Мао Цзэдун».

И тут Ши Чжэ не сдержался. Переведя слова Сталина, он поставил этот вопрос: «Товарищ Сталин, у меня есть вопрос, прошу ваших разъяснений. Можно?»

Сталин не знал, что это за вопрос. Улыбаясь, он кивнул: «Можно, можно, конечно, можно».

Ши Чжэ сказал: «Товарищ Сталин, мы, китайские товарищи, с огромным уважением относимся к вам и к советским руководителям и всегда называем вас и советских руководителей «товарищами». Я, однако, не понимаю, почему вы называете товарища Мао Цзэдуна господином?»

Сталин опешил. Вопрос был поставлен столь прямо и ясно, что уйти от ответа было невозможно. Причем это было сделано в присутствии Мао Цзэдуна.

Давненько никто Сталину вопросов не задавал!

Сталин посмотрел на Мао Цзэдуна, затем на Ши Чжэ и вдруг рассмеялся. Он сказал: «Верно, товарищ; действительно, «товарищ»!

Затем Сталин повернулся к Молотову, Маленкову, Берии и другим руководителям и сказал: «Верно, товарищ, надо называть товарищем. Начиная с этого момента немедленно переходим на обращение «товарищ».

Вслед за этим Сталин повернулся к Мао Цзэдуну и, подавая пример, улыбаясь сказал: «Товарищ Мао Цзэдун, давайте продолжим беседу...»

Разговор продолжался в весьма дружелюбной атмосфере.

Это было лишь небольшое вкрапление в беседу. Но этот эпизод показал, что Сталин был способен менять свое мнение. С точки зрения китайцев, близких к Мао Цзэдуну, Сталин в обращение «господин» вкладывал свое недоверие к Мао Цзэдуну, сомнения в том, является

ли Мао Цзэдун настоящим марксистом, сомнения в том, не боится ли он рабочих, можно ли его считать настоящим «товарищем». В свое время Сталин пренебрегал живой душой марксизма, то есть принципом конкретного анализа конкретной ситуации, когда именовал Мао Цзэдуна господином.³⁰⁸

Представляется весьма примечательным, что Сталин продолжал называть Мао Цзэдуна господином даже после его прибытия в Москву.

Он согласился именовать Мао Цзэдуна товарищем только после того, как Мао Цзэдун дал согласие на разработку советско-китайского договора о дружбе, союзе и взаимной помощи.

Очевидно, что обращение «господин», с точки зрения Сталина, показывало внешнему миру, что двусторонние отношения СССР и КНР вписываются в общие рамки мировых межгосударственных отношений.

Для Сталина Чан Кайши и Мао Цзэдун, два руководителя Китая, на протяжении длительного времени оказывались при этом птицами одного полета.

Сталин действительно хотел подчеркнуть, что Мао Цзэдун еще должен своими действиями, а не только на словах доказать, что он может быть назван в Москве «товарищем».

Важно, что этот вопрос был вопросом во время пребывания Мао Цзэдуна в Москве и что этот вопрос был решен только тогда, когда были сделаны и со стороны Мао Цзэдуна реальные шаги в области осуществления двустороннего сотрудничества. Все это показывало, с какими сложностями продвигалось вперед дело развития взаимоотношений Сталина и Мао Цзэдуна. Их встречи и беседы в Москве в 1949—1950 гг. не были на этом пути исключением.

Сталин, Мао Цзэдун и В.М. Молотов

В декабре 1949 г. Сталин послал Молотова к Мао Цзэдуну, чтобы побольше выведать о Мао Цзэдуне.

Это произошло в те дни, когда Мао Цзэдун (в трактовке авторов из КНР) находился практически без дела на даче Сталина.

Мао Цзэдун вышел в переднюю и приветствовал Молотова, осведомившись о его здоровье.

Молотов отвечал, что он приехал по поручению Сталина навестить Мао Цзэдуна. Он добавил, что в Москве очень холодно, и посоветовал Мао Цзэдуну беречь здоровье и хорошенько отдохнуть.

Мао Цзэдун передал Сталину благодарность за его заботу. Затем он пригласил Молотова в гостиную, где и состоялся их разговор.

Молотов, проявив дипломатический такт, начал с того, что Мао Цзэдун приехал издалека, не посчитался с трудностями с той целью, чтобы углубить взаимопонимание и дружбу между партиями и государствами, СССР и КНР. Он подчеркнул, что и Сталин, и он сам очень тронуты этим поступком Мао Цзэдуна и весьма признательны ему за это. Если председатель Мао, продолжил Молотов, предполагает приступить к работе, то к нему просьба высказать свои соображения; причем не только он сам будет всемерно содействовать этому, но и товарищ Сталин тоже выразил желание лично взять на себя такого рода работу и приложить к этому свои силы, чтобы углубить таким образом дружбу народов СССР и КНР.

Мао Цзэдун, улыбаясь, ответил, что его принимают замечательно, окружили гостеприимством, проявляют по отношению к нему дружеские чувства. Он не испытывает никаких трудностей. Что же касается дел, которые надо будет сделать, то в прошлый раз он уже говорил об этом лично со Сталиным; лучше всего было бы дожидаться приезда в Москву

³⁰⁸ Там же. С. 217—220.

товарища Чжоу Эньлая и тогда заняться этими делами.

Конечно, Мао Цзэдун понимал, что Сталин через Молотова хотел бы выслушать его мнение о том, какие именно вопросы предлагает обсудить китайская сторона, иначе говоря, Сталин хотел услышать из уст Мао Цзэдуна просьбы относительно помощи и заключения договора, а также примыкающих к нему соглашений. Сталин предпочитал поставить Мао Цзэдуна в положение просителя, в зависимое положение. Мао Цзэдун не мог с этим согласиться. Во всяком случае, по форме он никак не желал допустить такого развития событий. Вот почему Мао Цзэдун не желал давать по этому поводу какие бы то ни было объяснения. Он исходил из того, что у советской стороны имелся опыт, и если уж она собиралась помочь КНР, то она и должна была сама первая выдвинуть свои предложения, что, по мнению Мао Цзэдуна, и могло бы послужить демонстрацией или проявлением, если хотите доказательством, как искренности отношения Сталина к Мао Цзэдуну и Китаю, так и их подлинно дружеских чувств; если же советская сторона не желает выдвигать предложения, не выдвигает их до сих пор и не выдвинет их и в дальнейшем, то это, по мнению Мао Цзэдуна, означало, что у нее нет искренности в отношении к КНР, а в такой ситуации, продолжал размышлять Мао Цзэдун, постановка вопроса нашей, то есть китайской, стороной делу не поможет, никакой пользы не принесет или поможет как мертвому припарки; более того, если дело обернется таким образом, то китайская сторона может очутиться в положении просителя, так сказать нищего, который молит о помощи. Мао Цзэдун не желал попадать в такое им самим в его собственном мозгу сконструированное положение, а потому он оставил без ответа этот вопрос Молотова, пропустил его снова мимо ушей.

Имея в голове все эти соображения, Мао Цзэдун предпочел доводить свои мысли до собеседника в своей обычной манере намеков и окружными путями. Он сказал, что Октябрьская революция (1917 года в России) принесла нам (китайцам) марксизм-ленинизм; вот это и была самая большая помощь Китаю. В настоящее время революция в Китае одержала победу, и в этой связи есть очень многое в области опыта и уроков, что заслуживает обобщения.

Затем Мао Цзэдун начал рассуждать на тему об истории революции в Китае, о ходе борьбы внутри Компартии Китая.

Молотов слушал Мао Цзэдуна и поначалу даже кивал и время от времени произносил: «Да, да». Однако мало-помалу у него появилось отсутствующее выражение лица. Спустя некоторое время он уже только слушал с бесстрастным выражением лица и не задавал никаких вопросов.

Мао Цзэдун мог этому только удивляться. В его представлении Молотов был главным помощником Сталина в области внешней политики, в иностранных делах. Он занимался конкретными международными вопросами. С точки зрения Мао Цзэдуна, Молотов мало изучал вопросы революции в Китае, поэтому ему недоставало знаний по теории и философии международного коммунистического движения. Мао Цзэдун полагал, что Молотов не мог во всей полноте осознать смысл высказываний Мао Цзэдуна. Очевидно, что перед ним была поставлена иная задача, а именно попытаться получше узнать Мао Цзэдуна.

Действительно, сошлись два политических деятеля, каждый из которых был о себе очень высокого мнения и недооценивал, неверно оценивал собеседника. В глазах Молотова Мао Цзэдун был еще только начинающим марксистом – государственным руководителем, в то время как он сам работал еще с Лениным, а затем со Сталиным, будучи вторым лицом в партии и государстве. Сталин поставил перед Молотовым две конкретные задачи: попытаться выяснить, во-первых, каковы запросы китайцев относительно подготовки договора, соглашений, объемов помощи и, во-вторых, что собой представляет Мао Цзэдун как личность, как политик.

Не получив ответа на первый вопрос, Молотов попытался хотя бы что-то узнать по второму вопросу. Молотов долго слушал Мао Цзэдуна, а затем как бы невпопад внезапно спросил: «А вы читали «Капитал» Маркса?» Мао Цзэдун откровенно сказал: «Нет, не читал».

На лице Молотова выразилось изумление³⁰⁹. Очевидно, он не понял, что не все слова Мао Цзэдуна следует понимать буквально.

Впоследствии Молотов, вспоминая об этой беседе и отвечая на вопрос о том, как ему показался Мао Цзэдун, говорил: «Чаем поил. И разговаривал насчет того, что вот надо бы встретиться со Сталиным, когда удобнее... Сталин его не принимал несколько дней и попросил меня: «Поезжай к нему, посмотри, что за тип». Жил он на даче Сталина, на Ближней.

Я поговорил с ним и сказал Сталину, что его стоит принять. Человек он умный, крестьянский вождь, такой китайский Пугачев. Конечно, до марксиста далековато – он мне признался, что «Капитал» Маркса не читал».³¹⁰

Советско-Китайский договор о дружбе, союзе и взаимной помощи (1950)

У Сталина и Мао Цзэдуна имелись различные представления о том, каким был процесс согласования вопроса о советско-китайском договоре.

Сталин по прибытии Мао Цзэдуна в Москву предпочел предоставить ему инициативу, побудить его первым выдвинуть предложение о подписании договора и других документов по частным вопросам межгосударственных отношений. Конечно, Сталин исходил из того, что с появлением в континентальном Китае нового государства возникла необходимость установления и закрепления, в том числе и в форме межгосударственных договоров и соглашений, прочных добрососедских связей между Москвой и Пекином. Сталин последовательно, на протяжении всей второй четверти XX века, проводил курс на то, чтобы формально и официально наши две нации были связаны юридическими документами, которые прежде всего давали хотя бы видимость гарантии взаимного ненападения и, с другой стороны, предостерегали общих военных противников наших двух наций от нанесения удара по любому из двух партнеров без риска встретить объединенное сопротивление обоих союзных государств.

Другое дело, что в тактических целях Сталин в первых же беседах с Мао Цзэдуном сам не выступил в качестве инициатора заключения такого договора. Он не желал оказаться в роли просителя, полагая, что Мао Цзэдун должен признать свою определенную зависимость от него, Сталина, да и признавать Сталина и его государство в качестве главной силы на международной арене, благодаря позиции и помощи которой Мао Цзэдун, его партия смогли одержать победу во внутриполитической и вооруженной борьбе в Китае.

Когда же Мао Цзэдун показал, что прямо ставить вопрос о договоре он тоже не желает, то есть не хочет оказываться в личной беседе со Сталиным в роли просителя, Сталин на протяжении некоторого времени предпринимал усилия с тем, чтобы вынудить Мао Цзэдуна признать свое место относительно его, Сталина.

Мао Цзэдун прозрачно намекнул, что он предпочел бы на высшем уровне не начинать прямых переговоров о договоре. Сталин, напротив, будучи уверен в себе и в том, что в переговорах лицом к лицу с Мао Цзэдуном он сумеет настоять на решениях, которые представлялись ему необходимыми, добивался именно проведения встречи на высшем уровне для обсуждения всех вопросов, в том числе и для принятия принципиальных решений по вопросу о договоре. Поэтому Сталин, услышав предложение Мао Цзэдуна вызвать в Москву для ведения переговоров Чжоу Энляя, дал резкий ответ, подчеркнув, что в конечном счете все вопросы могут быть решены только при личной встрече Сталина и Мао Цзэдуна.

В результате Сталин вынудил Мао Цзэдуна косвенно через посла КНР в СССР Ван

³⁰⁹ Там же. С. 85—86.

³¹⁰ Чуев Ф.И. Сто сорок бесед с Молотовым. – С. 111—114.

Цзясяна первым поставить вопрос о заключении договора и соответствующих соглашениях.

Советская сторона, то есть Сталин, немедленно дала положительный ответ. Таким образом, Сталин и Мао Цзэдун, конечно же, понимали, что главным итогом поездки Мао Цзэдуна в Москву должен явиться договор об основах отношений между СССР и КНР. Исходя из тактических соображений ни один из них прямо в личной беседе не захотел быть инициатором выдвижения предложения о заключении такого договора.

После обмена прямо и косвенно грубоватыми и нервными репликами Мао Цзэдун был вынужден, очевидно и позицией Сталина, и давлением на него изнутри своей же собственной страны, предпринять инициативные шаги и через посредника предложил подписать договор. Весьма характерно при этом, что Сталин и Мао Цзэдун использовали при этом не межпартийные каналы, а государственные учреждения, то есть Министерство иностранных дел СССР и посла КНР в СССР.

Вслед за этим Сталин согласился на приезд в Москву Чжоу Эньлая для участия в переговорах о договоре.

Правда, при этом он предпринял изощренный маневр, предложив, чтобы он сам и Мао Цзэдун поставили свои подписи под этим договором. Таким образом, Сталин снова показал, что он, во-первых, не только за подписание договора, но за подписание его на высшем уровне и, во-вторых, что так или иначе, но главные решения будут принимать только первые лица.

Мао Цзэдун формально опять-таки ушел от предложения Сталина, передоверив подписание договора с китайской стороны Чжоу Эньлаю. Тем самым Мао Цзэдун, во-первых, как бы отмежевался от прямого участия в составлении и подписании договора и, во-вторых, как бы принизил значение договора, ибо подписи первых руководителей, сами имена Сталина и Мао Цзэдуна, значили, конечно, гораздо больше, чем подписи министров иностранных дел.

Однако, по сути дела, Сталин настоял на проведении ряда личных встреч с Мао Цзэдуном, которые не были абсолютно равнозначны ведению переговоров по тексту договора, но в ходе которых определялись основные принципы, на которых базировались отношения сторон, да и договор.

Таким образом, в целом, с точки зрения Сталина, он решил главную задачу и привел дело к переговорам и подписанию договора, несмотря на ухищрения Мао Цзэдуна. Сталин пошел на ряд уступок Мао Цзэдуну (однако все они носили формальный и частный характер) в ходе продвижения к началу реальных переговоров по вопросу о договоре между СССР и КНР. Сталин полагал, что именно он был той стороной, которая последовательно выступала за закрепление двусторонних отношений и заключение договора.

Иное мнение было у Мао Цзэдуна. Он также полагал, что центральным пунктом в его беседах со Сталиным был вопрос о заключении советско-китайского договора о дружбе, союзе и взаимной помощи. С точки зрения Мао Цзэдуна, этот документ должен был стать проявлением на практике выдвинутой им формулы: «создать вещь, приятную на вкус и на взгляд». Мао Цзэдун принимал во внимание то, что к его встрече со Сталиным и к этому договору было тогда приковано всеобщее внимание во всем мире.

Однако Мао Цзэдун, толкуя позиции сторон перед началом переговоров о договоре, утверждал, что Сталин сначала не думал о заключении договора, однако после нескольких бесед с Мао Цзэдуном он не только согласился подписать договор, но и предложил, чтобы под ним «поставили свои подписи я и товарищ Мао Цзэдун». Мао Цзэдун не пожелал сам выходить в данном случае на авансцену и настоял на том, чтобы в Москву для ведения переговоров был вызван Чжоу Эньлай; советская сторона согласилась с мнением Мао Цзэдуна.

Уже после смерти Сталина и появления доклада Хрущева о Сталине на XX съезде КПСС Мао Цзэдун в беседе с послом СССР в КНР П.Ф. Юдиным высказал, в частности, свой взгляд на то, как проходили советско-китайские переговоры перед подписанием договора о дружбе, союзе и взаимной помощи 14 февраля 1950 г.

П.Ф. Юдин в записи беседы с Мао Цзэдуном отмечал следующее:

«Недоверие Сталина к КПК, продолжал далее Мао Цзэдун, проявилось и во время посещения Мао Цзэдуном Советского Союза. Одной из главных наших целей поездки в Москву было заключение китайско-советского договора о дружбе, союзе и взаимопомощи. Китайский народ спрашивал нас, будет ли подписан договор СССР с Новым Китаем, почему до сих пор продолжает юридически существовать договор с гоминьдановцами и т. д. Вопрос о договоре был чрезвычайно важным для нас моментом, который определял перспективы дальнейшего развития КНР.

На первой же беседе со Сталиным, сказал Мао Цзэдун, я внес предложение заключить договор по государственной линии, но Сталин уклонился от ответа. Во время второй беседы я вновь возвратился к этому вопросу, показав Сталину телеграмму ЦК КПК с подобной же просьбой о договоре. Я предложил для подписания договора вызвать в Москву Чжоу Энляя, поскольку он является министром иностранных дел. Сталин воспользовался этим предложением в качестве предлога к отказу и сказал, что «так поступать неудобно, поскольку буржуазная печать будет кричать о том, что все китайское правительство находится в Москве». Впоследствии Сталин уклонялся от всяких встреч со мной. С моей стороны была попытка дозвониться к нему на квартиру, но мне ответили, что Сталина нет дома, и рекомендовали встретиться с Микояном. Меня все это обидело, сказал Мао Цзэдун, и я решил ничего больше не предпринимать и отсиживаться на даче. Затем состоялся неприятный разговор с Ковалевым и Федоренко, которые предложили мне поехать в экскурсию по стране. Я резко отклонил это предложение и ответил, что предпочитаю «отсыпаться на даче».

Спустя некоторое время, продолжал Мао Цзэдун, мне вручили проект моего интервью для печати, который был подписан Сталиным. В этом документе сообщалось, что в Москве идут переговоры о заключении советско-китайского договора. Это уже был значительный шаг вперед. Возможно, что в изменении позиции Сталина, сказал Мао Цзэдун, нам помогли индусы и англичане, которые в январе 1950 г. признали КНР. Вслед за этим начались переговоры, в которых принимали участие Маленков, Молотов, Микоян, Булганин, Каганович, Берия. Во время переговоров по инициативе Сталина предпринималась попытка получить КЧЖД в единоличное владение Советского Союза. Впоследствии, однако, было принято решение о совместной эксплуатации КЧЖД, кроме того, КНР предоставляла СССР военно-морскую базу в Порт-Артуре, в Китае открывались четыре смешанных общества. По инициативе Сталина, сказал Мао Цзэдун, Маньчжурия и Синьцзян практически превращались в сферы влияния СССР». ³¹¹

Представляется, что эти высказывания Мао Цзэдуна были предназначены, прежде всего, для Хрущева, с которым Мао Цзэдун в то время имел дело. Мао Цзэдун рисовал ход событий перед подписанием договора 1950 г. таким образом, чтобы получить основания впоследствии поднимать целый ряд проблем в переговорах с Хрущевым. Вместе с тем высказывания Мао Цзэдуна представляли собой смесь действительно имевших место фактов, а также их вольной интерпретации, вплоть до полного искажения того, что тогда происходило в действительности. Во всяком случае, мы считали необходимым привести здесь эти высказывания Мао Цзэдуна с той целью, чтобы дать читателю возможность лучше представить себе Мао Цзэдуна как политического деятеля, с которым приходилось иметь дело Сталину и другим руководителям нашей страны.

Немедленно после того, как Чжоу Энлай прибыл в Москву 20 января 1950 г., стороны начали переговоры. Они проходили в Кремле. Обе стороны старались создавать дружественную обстановку и атмосферу. При первой встрече речь шла об основных принципах и главном содержании договора.

Первым на этом заседании слово взял Мао Цзэдун. Он начал с анализа международной

³¹¹ Проблемы Дальнего Востока. 1994. № 5. – С. 105—106.

обстановки и заявил, что в новой ситуации отношения дружбы и сотрудничества между двумя государствами, КНР и СССР, должны быть закреплены в форме договора. Далее он указал на то, что японский империализм принес величайшие беды Востоку, Азии и особенно нации Китая. Он также в серьезной степени угрожал безопасности СССР на Востоке. Поэтому содержание договора должно быть направлено на усиление сотрудничества обоих государств в сфере политики, экономики, в военной области, в сфере культуры и внешних сношений. Договор должен предусматривать меры, ставящие заслон на пути как возрождения японского империализма, так и новой агрессии Японии в сговоре с другими странами.

Сталин серьезно слушал Мао Цзэдуна, куря свою трубку. Когда Мао Цзэдун закончил свое выступление, Сталин тут же с ним согласился и конкретно высказался и по ряду вопросов: о договоре о мире и дружбе, о КЧЖД, о Порт-Артуре, о Дальнем, о внешней торговле, о соглашении по внешней торговле, о предоставлении займа, о сотрудничестве в области воздушного сообщения.

Мао Цзэдун предложил объединить в одном соглашении три вопроса: о КЧЖД, о Порт-Артуре и о Дальнем.

Сталин согласился с этим предложением и сказал: «Советско-китайский договор должен быть новым договором. Что же касается Ялтинского соглашения, то его можно не принимать во внимание. При решении вопроса о Порт-Артуре можно было бы избрать одно из двух: либо возвратить его в установленные ограниченные сроки, имея в виду то, что Советский Союз выведет оттуда свои войска после того, как будет заключен мирный договор с Японией; либо можно сейчас вывести войска, однако формально временно не изменять прежний договор».

Мао Цзэдун согласился с первым предложением Сталина, то есть с тем, чтобы советские войска были выведены после подписания мирного договора с Японией.

Далее Сталин отметил, что вопрос о Дальнем – это внутреннее дело Китая и что «Китай может сам решать этот вопрос».

При обсуждении вопроса о КЧЖД китайская сторона, исходя из недостатка у нее опыта хозяйственного управления, а также представляя дело таким образом, что она, готовясь к переговорам, с самого начала не имела в виду изменять такую форму, как совместное хозяйственное управление советской и китайской сторонами этой железной дорогой, поставила вопрос только о сокращении сроков такого управления, а также предложила изменить пропорцию, в которой определялась принадлежность капитала. К моменту переговоров каждая из сторон владела 50 процентами имущества КЧЖД. Китайская сторона предложила, чтобы это соотношение было изменено на 51:49 в пользу китайской стороны. Она также выступила за то, чтобы начальником управления КЧЖД был китаец.

Советская сторона согласилась сократить сроки совместного управления дорогой, но не согласилась на изменение пропорций при распределении капитала. Она настаивала на том, чтобы имущество принадлежало сторонам в равных долях, то есть делилось в пропорции 50:50. Советская сторона также внесла предложение о том, чтобы представители обеих сторон поочередно находились на постах начальника и заместителя начальника управления КЧЖД.

Тут Сталин поставил вопрос о том, чтобы гражданам третьих государств не разрешалось проживать на северо-востоке Китая, в Восточном Китае, в Синьцзяне.

Сталин исходил из того, что после Второй мировой войны США проявляли интерес к Китаю. Для Сталина вопрос о проникновении американцев в Северо-Восточный Китай представлялся наиболее болезненным.

В 1945 г. во время переговоров Сталина с представителями правительства Китайской Республики Сун Цзывэнем и Цзян Цзинго Сталин уже выдвигал предложение о том, чтобы не допускать американцев в Северо-Восточный Китай, причем выдвинул это в качестве главного условия предоставления помощи правительству Китайской Республики.

При согласовании СССР и КНР договора о дружбе и союзе Сталин снова поставил этот

вопрос. Мао Цзэдун твердо настаивал на том, что КПК никогда не была настроена «проамерикански»; она никогда не позволяла американцам появляться на территории Северо-Восточного Китая, поэтому такая постановка вопроса Сталиным была воспринята китайской стороной как бесцеремонная и оскорбительная. У Мао Цзэдуна она вызвала неприязнь. На участников переговоров сразу же повеяло холодом.

Чжоу Эньлай поставил контрвопросы: «Что имеется в виду под термином «граждане третьих стран»? В Северо-Восточном Китае проживает очень много корейцев; относятся ли они к категории граждан третьих стран? И тем более я уж и не говорю о монголах».

Сталин не сразу нашел ответ. Он стал раскуривать трубку, но никак не мог зажечь спичку. Трижды она не загоралась у него.

Сидевший рядом с ним Мао Цзэдун улыбнулся. Он зажег спичку, дал Сталину прикурить и лишь затем с юмором сказал: «Товарищ Сталин, Новый Китай и Старый Китай – это совсем разные вещи! Мы давным-давно выгнали американский империализм из Северо-Восточного Китая! А что до тех так называемых граждан, которые кормились за счет агрессии против Китая, то о них и говорить нечего; они давно уже сбежали, поэтому нет и никакого вопроса об их проживании там».

Сталин раскурил трубку и, снимая неловкость, улыбнулся: «Я не хотел бы вмешиваться во внутренние дела Китая. Ставя этот вопрос, мы имели в виду воспрепятствовать деятельности людей из империалистических стран, США, Японии, Англии, при их проникновении в Северо-Восточный Китай. В настоящее время китайские товарищи решили этот вопрос, и это, конечно же, хорошо».

Здесь столкнулись мнения Сталина и Мао Цзэдуна. Каждый из партнеров полагал, что он настоял на своем. Мао Цзэдун добился того, что в договорные документы соответствующие положения включены не были. Сталин мог предвидеть это. Ведь то же самое произошло и в 1945 г. в результате переговоров с делегацией правительства Китайской Республики в Москве. В то же время для Сталина самым важным было довести до Мао Цзэдуна свою главную мысль. Он никак не мог согласиться с тем, чтобы Мао Цзэдун или любой другой его китайский партнер вступил в какие бы то ни было отношения с США, предусматривающие ущемление национальных интересов нашей страны. Сталин высказался достаточно ясно, и Мао Цзэдун понял его позицию. Он должен был уразуметь, что сможет получать выгоды от сотрудничества с СССР только до тех пор, пока не вступит в союзные отношения с США или в такие отношения, которые будут сочтены в Москве угрожающими интересам нашей страны.

Вслед за тем стороны перешли к вопросу о работе в КНР советских специалистов. С точки зрения Сталина, соглашаясь направить в КНР советских специалистов, он тем самым предлагал Мао Цзэдуну такую помощь, которая была бесценна, особенно в условиях того времени, учитывая то, что это были лучшие специалисты в разных областях, которые были в то время необычайно нужны в самом СССР, так как он далеко еще не оправился от ран Великой Отечественной войны.

Мао Цзэдун трактовал вопрос, во всяком случае для себя и для своих сторонников, иначе. Он видел в этом акте прежде всего вынужденное обстоятельствами приглашение в КНР иностранцев в качестве технических экспертов. Мао Цзэдун стремился всячески затушевать или принизить значение того факта, что Китай находился на более низкой ступени развития во многих областях экономики и относительно передовой опыт наших специалистов действительно помогал КНР выходить из отсталости и разрухи. С точки зрения Мао Цзэдуна, это была прежде всего временная мера. Кроме того, он полагал, что, вообще говоря, КНР могла бы приглашать любых иностранцев. То, что это оказались люди из СССР, было, в представлении Мао Цзэдуна, обусловлено только сложившимися временно неблагоприятными для КНР условиями. При этом Мао Цзэдун не делал акцента и даже старался вовсе не придавать значения тому, что знания, опыт этих специалистов представляли величайшую ценность. Он также никогда не принимал во внимание, что Сталин и его страна, идя на этот шаг, отрывали часть своих лучших специалистов от работы

внутри СССР, от себя, замедляя темпы восстановления собственной страны после страшных разрушений Великой Отечественной войны.

Мао Цзэдун и его сторонники трактовали ситуацию таким образом, что КНР, находясь в самом начале своего пути, была намерена пригласить много советских специалистов, которые могли помочь китайцам развернуть строительство в целом ряде областей.

Мао Цзэдун был заинтересован в приезде этих специалистов, он не мог обойтись без них. Однако он хотел, чтобы эта акция не укрепляла и в СССР, и в КНР мнение о том, что Советский Союз оказывает помощь КНР, находится в положении дающего, то есть того, кто дает, причем дает бесценные вещи.

Столкновение разного видения этого вопроса Сталиным и Мао Цзэдуном нашло свое выражение при обсуждении вопроса о том, будут ли иметь право китайские власти, в том числе суды, рассматривать дела и выносить приговоры в тех случаях, когда советские специалисты совершат какие-либо, возможно противоправные, действия на территории КНР. При обсуждении этого вопроса Сталин выдвинул условия, которые Мао Цзэдун счел кабальными: советские специалисты должны были пользоваться привилегиями, особыми правами; иначе говоря, если кто-либо из них совершил бы в Китае ошибку, китайская сторона не могла решать такого рода вопросы, а специалиста следовало передавать советской стороне для проведения расследования и решения вопроса.

Признавая, что позиция Сталина при этом не была лишена оснований, китайская сторона тем не менее представляла внутри КПК и КНР свое согласие с предложением Сталина не только просто как вынужденное определенными, в том числе и приемлемыми даже с точки зрения Пекина, обстоятельствами (речь шла о сохранении духа и атмосферы дружбы между двумя партиями, руководствовавшимися одной классовой идеологией, а при таких обстоятельствах представлялось неважным, классовый суд какой страны или коммунистическая партия какой страны разберется и накажет вероятного правонарушителя), но как позицию Сталина, недостойную руководителя социалистического государства, ибо он при этом, с точки зрения Пекина, подражал примеру, который показывали при оказании помощи зарубежным государствам империалистические страны; с точки зрения Мао Цзэдуна и его коллег, это не только шло вразрез с принципами пролетарского интернационализма, но и являлось проявлением тенденции к великодержавному шовинизму. При этом в Пекине даже вспоминали о том, что Сталин инородец, который оказывался, как это в свое время отмечал Ленин, большим поборником русского шовинизма, чем чистокровный русак. В Пекине позицию Сталина толковали следующим образом: Сталин поступил таким образом с той целью, чтобы русский человек видел, что он, Сталин, заботится о его интересах, хотя, по сути дела, все получалось наоборот.

Думается, что на том этапе состояния государства и общества в КНР, особенно учитывая националистические и антирусские настроения Мао Цзэдуна, а также принимая во внимание то, что речь шла всего о нескольких годах работы советских специалистов в Китае, Сталин имел больше оснований для того, чтобы настаивать на таком решении этого вопроса (ведь благодаря этому действительно обеспечивались интересы советских людей, работавших в Китае в качестве советников, а угроза для них в тогдашней КНР существовала; подход к вопросу Сталина представляется меньшим злом, чем подход к этому же вопросу Мао Цзэдуна), чем Мао Цзэдун на том, чтобы возражать против такой постановки вопроса. Тем более что время показало, что именно Мао Цзэдун и его последователи постоянно стремились и стремятся к тому, чтобы китайцы, граждане КНР, не были подсудны властям других стран даже тогда, когда они находятся на их территории; особенно упорно Пекин настаивает на этом принципе, когда речь идет о преступлениях его граждан на территории России.

Китайская сторона также полагала, что стремление Сталина защищать интересы своей страны в ущерб уважению интересов КНР проявилось также при подготовке соглашений об учреждении двух смешанных советско-китайских акционерных обществ (по нефти и по цветным металлам) в Синьцзяне, а также в вопросе об обмене консульствами между двумя

государствами.

В ходе переговоров обсуждались также вопросы: о передаче китайской стороне большого количества оружия, хранившегося в районе границы в Синьцзяне; об открытии консульств СССР в Северо-Восточном Китае и консульств КНР во Владивостоке, Чите и Хабаровске; о советских гражданах и вообще о россиянах, проживавших в Китае.

С конца прошлого, девятнадцатого, века в Маньчжурии в связи со строительством железных дорог и по другим причинам обосновывались люди из России, которые внесли значительный вклад в развитие этого региона, постепенно создавая вместе с китайцами район передового развития, по крайней мере части экономики Китая; при благоприятном развитии событий Маньчжурия могла бы стать большим Сянганом (Гонконгом) при одном весьма существенном различии, а именно в условиях, когда Северо-Восток Китая находился бы под властью только правительства Китая.

Кроме того, вследствие событий 1917 года в России в Северо-Восточный Китай, то есть в Маньчжурию, бежало довольно много людей из России. Россияне в Маньчжурии создали много промышленных и торговых предприятий. В 1949 г. СССР принял решение конфисковать все эти предприятия и в едином порядке включить их в компанию «Чурин». Во время переговоров состоялась дискуссия принципиального характера по всем этим вопросам, после чего они были переданы для конкретного изучения и подготовки проекта решения рабочим группам. Руководителем рабочей группы китайской стороны был Ли Фучунь.

Что касается вопросов, касавшихся Синьцзяна, то Мао Цзэдун принял решение впоследствии направить в Москву руководителя Синьцзяна для подписания этих соглашений. Так Мао Цзэдун попытался еще раз принизить уровень такого рода соглашений, еще раз выразить таким образом свое несогласие в принципе с такой формой отношений между двумя государствами. Сталин не согласился с этим. В конечном счете соглашения, очевидно, принимая во внимание, что эти соглашения носили не региональный, а межгосударственный, межправительственный характер, были подписаны 27 марта в Москве министром иностранных дел СССР А.Я. Вышинским и Чрезвычайным и Полномочным Послом КНР в СССР Ван Цзясяном (Мао Цзэдун все-таки добился того, чтобы эти документы подписывал не министр иностранных дел КНР Чжоу Эньлай).

Характеризуя обмен мнениями в Москве, в КНР подчеркивали, что в ходе переговоров Чжоу Эньлай выступал в качестве главного оратора от имени китайской стороны. Мао Цзэдун вставлял по ходу дела взвешенные реплики, содействуя тому, чтобы переговоры проходили в атмосфере дружелюбия, и придавая им плавный характер. При этом Мао Цзэдун особенно подчеркивал мысли о необходимости сплочения и дружбы народов двух стран, а также о том, что нужно внимательно следить за возрождением японского милитаризма. Он говорил, что японский милитаризм на протяжении длительного времени приносил горе и страдания китайскому народу. Первая мировая война предоставила японскому империализму возможность для того, чтобы навязывать свое господство Китаю, однако благодаря героической борьбе и мощным усилиям китайского народа двадцать одно требование, предъявленное Китаю Японией, хотя и обрело форму документа, подписанного Юань Шикаем, но их так и не удалось провести в жизнь. События 18 сентября 1931 г. также явились началом этапа превращения Японией Китая в свою колонию. Тогда крупные мироеды, крупные милитаристы, крупные чиновники, крупные компрадоры, во главе со своим главарем Чан Кайши создали лагерь компрадоров, людей, торгующих своей родиной. Они отступили от границ нации, сговорились с империализмом и стали утверждать, что, дескать, революция в любом случае хуже, чем империализм, а потому отдали приказ армии Северо-Восточного Китая не оказывать сопротивления и даже перебросили армию Северо-Восточного Китая с передней линии отражения японской агрессии в Северо-Западный Китай, чтобы она там осуществляла карательные походы против компартии; они также направили войска для того, чтобы подавить Фэн Юйсяна, Цай Тинкая, Ма Чжаньшаня, то есть всех тех генералов, которые оказывали сопротивление Японии. Если бы не было этой

кучки компрадоров, то есть людей, торгующих своей родиной, японский империализм никак не смог бы действовать столь разнузданно на земле Китая.

Сталин внимательно слушал Мао Цзэдуна и иногда кивал в знак согласия. Однако Мао Цзэдун и сопровождавшие его лица отметили, что, когда Мао Цзэдун сказал, что во время Войны сопротивления Чан Кайши предавал интересы страны, стараясь при этом возвыситься, жестоко подавлял движение народного сопротивления Японии, Сталин нахмурился и особой радости не показывал.

Мао Цзэдун был не из тех людей, которые изменяют свою позицию в зависимости от выражения лица собеседника. Он закурил и продолжал свой рассказ.

Сталин тоже продолжал покуривать и внимательно слушать Мао Цзэдуна.

На этом заседании стороны очень быстро достигли согласия по всем основным принципиальным вопросам, касавшимся советско-китайского договора о дружбе и союзе. Молотов и Микоян, с одной стороны, и Чжоу Эньлай, с другой стороны, обменялись также соображениями по конкретным вопросам, касавшимся текста договора.³¹²

Высказанные в данном разделе работы соображения основаны на анализе материалов, опубликованных в КНР. Для полноты картины представляется необходимым привести здесь и то, как отражено содержание встречи Сталина и Мао Цзэдуна 22 января 1950 г. в документе советской стороны (с этим документом нас любезно ознакомил А.М. Ледовский):

Запись беседы И.В. Сталина с председателем центрального народного правительства Китайской Народной Республики Мао Цзэ-Дуном

22 января 1950 г.

После приветствий и краткого разговора на общие темы состоялась беседа следующего содержания.

Сталин: Имеется две группы вопросов, которые необходимо обсудить: одна группа вопросов касается существующих соглашений между СССР и Китаем; вторая группа вопросов касается текущих дел о Маньчжурии, Синьцзяне и др.

Я думаю, что лучше начать не с текущих вопросов, а с обсуждения существующих соглашений. Мы считаем, что эти соглашения надо менять, хотя раньше мы думали, что их можно оставить. Существующие соглашения, в том числе договор, следует изменить, поскольку в основе договора лежит принцип войны против Японии. Поскольку война окончена и Япония оказалась разбитой, положение изменилось, и теперь договор приобрел характер анахронизма.

Прошу высказаться по вопросу о договоре о дружбе и союзе.

Мао Цзэ-дун: Мы еще не имеем конкретно разработанного проекта договора и имеем лишь некоторые наброски.

Сталин: Мы можем обменяться мнениями, а затем подготовить соответствующий проект.

Мао Цзэ-дун: Исходя из нынешней обстановки, мы считаем, что нам следовало бы закрепить существующие между нами дружественные отношения при помощи договоров и соглашений. Это имело бы положительный резонанс как в Китае, так и в области международных отношений. В договоре о союзе и дружбе должно быть зафиксировано все то, что гарантирует процветание наших государств, а также предусмотрена необходимость предотвращения повторения агрессии со стороны Японии. Поскольку существует заинтересованность в процветании обоих государств, постольку не исключено, что империалистические страны попытаются помешать этому.

³¹² Лю Цзечэн... С. 296—300.

Сталин: Верно. У японцев остались кадры, и они непременно поднимут голову, особенно при условии продолжения американцами их нынешней политики.

Мао Цзэ-дун: Указанные мною два момента кардинальным образом отличают наш будущий договор от существующего. Раньше гоминдан лишь на словах говорил о дружбе. Теперь положение изменилось, и имеются все условия для настоящей дружбы и сотрудничества.

Кроме того, если раньше говорилось о сотрудничестве в проведении войны против Японии, то теперь речь должна идти о предотвращении агрессии со стороны Японии. Новый договор должен включать вопросы политического, экономического, культурного и военного сотрудничества. Наиболее же важным вопросом будет экономическое сотрудничество.

Сталин: Нужно ли сохранять положение, зафиксированное в статье 3 существующего Договора о дружбе: «...Эта статья остается в силе до того времени, пока по просьбе обеих Высоких Договаривающихся Сторон на Организацию Объединенных Наций не будет возложена ответственность за предупреждение дальнейшей агрессии со стороны Японии»?

Мао Цзэ-дун: Думаю, что этого положения сохранять не следует.

Сталин: Мы тоже считаем, что не следует. Какие же положения нам нужно предусмотреть в новом договоре?

Мао Цзэ-дун: Мы считаем, что в новом договоре следовало бы предусмотреть пункт о консультации по международным вопросам. Включение этого пункта в договор усилило бы наши позиции, поскольку среди китайской национальной буржуазии существуют возражения против политики сближения с Советским Союзом в вопросах международных отношений.

Сталин: Хорошо. При заключении договора о дружбе и сотрудничестве включение такого пункта само собою разумеется.

Мао Цзэ-дун: Правильно.

Сталин: Кому мы поручим подготовку проекта? Я думаю, что это нужно поручить Вышинскому и Чжоу Энь-лаю.

Мао Цзэ-дун: Согласен.

Сталин: Перейдем к соглашению о КЧЖД. Какие предложения имеются у Вас по этому вопросу?

Мао Цзэ-дун: Может быть, следует принять в качестве основы принцип о юридическом сохранении в силе соглашения о КЧЖД, как и соглашения о Порт-Артуре, а фактически допустить изменения?

Сталин: Значит, Вы согласны с тем, чтобы объявить о юридическом сохранении существующего положения, но прибегнуть к соответствующим фактическим изменениям.

Мао Цзэ-дун: Мы должны исходить из учета интересов двух сторон – как Китая, так и Советского Союза.

Сталин: Верно. Мы считаем, что договор о Порт-Артуре является неравноправным.

Мао Цзэ-дун: Но ведь изменение этого соглашения задевает решения Ялтинской Конференции?!

Сталин: Верно, задевает – ну и черт с ним! Раз мы стали на позицию изменения договоров, значит, нужно идти до конца. Правда, это сопряжено с некоторыми неудобствами для нас, и нам придется вести борьбу против американцев. Но мы уже с этим примирились.

Мао Цзэ-дун: В этом вопросе нас беспокоит лишь то, что это может повлечь нежелательные последствия для СССР.

Сталин: Как известно, мы заключили существующий договор во время войны с Японией. Мы не знали, что может выкинуть Чан Кайши. Мы исходили из того, что нахождение наших войск в Порт-Артуре будет в интересах Советского Союза и дела демократии в Китае.

Мао Цзэ-дун: Вопрос ясен.

Сталин: В таком случае не считаете ли Вы приемлемым такой вариант: объявить, что соглашение о Порт-Артуре остается в силе до подписания мирного договора с Японией,

после чего русские войска выводятся из Порт-Артура. Или может быть предложен другой вариант: объявить о сохранении существующего положения, а практически вывести войска из Порт-Артура. Какой из этих вариантов больше подходит, тот и примем. Мы согласны на любой вариант.

Мао Цзэ-дун: Этот вопрос следует обдумать. Мы согласны с мнением товарища Сталина и считаем, что соглашение о Порт-Артуре должно остаться в силе до подписания мирного договора с Японией, после подписания договор теряет силу и советские войска уходят. Однако нам хотелось бы, чтобы в Порт-Артуре осуществлялось наше военное сотрудничество и мы могли бы обучать свой военно-морской флот.

Сталин: Вопрос о Дальнем. Мы не намерены обеспечивать каких-либо прав Советского Союза в Дальнем.

Мао Цзэ-дун: Будет ли Дальний сохранен как свободный порт?

Сталин: Поскольку мы отказываемся от своих прав, Китай сам должен решить вопрос о Дальнем: будет ли он свободным портом или нет. В свое время Рузвельт настаивал на том, чтобы Дальний был свободным портом.

Мао Цзэ-дун: Таким образом, сохранение свободного порта было бы в интересах Америки и Англии?

Сталин: Конечно. Получается: дом с открытыми воротами.

Мао Цзэ-дун: Мы считаем, что Порт-Артур мог бы быть базой для нашего военного сотрудничества, а Дальний – для советско-китайского экономического сотрудничества. В Дальнем имеется целый ряд предприятий, которые мы не в силах эксплуатировать без помощи со стороны Советского Союза. Нам следует развивать там экономическое сотрудничество.

Сталин: Значит, соглашение о Порт-Артуре остается в силе до подписания мирного договора с Японией. После заключения мирного договора существующее соглашение теряет свою силу и русские выводят свои войска. Так ли я резюмировал высказанные мысли?

Мао Цзэ-дун: Такова основа, и именно это мы хотели бы изложить в новом договоре.

Сталин: Продолжим обсуждение вопроса о КЧЖД. Скажите нам, как полагается коммунистам, какие у вас имеются сомнения?

Мао Цзэ-дун: Основная мысль сводится к тому, чтобы в новом соглашении было отмечено, что совместная эксплуатация и управление будут продолжаться и впредь. Однако, что касается управления, то основную роль в нем должна играть китайская сторона. Далее, необходимо изучить вопрос о сокращении срока действия соглашения и определить размер капиталовложений сторон.

Молотов: При условии сотрудничества и совместного управления какого-либо предприятия двумя заинтересованными государствами обычно предусматривается паритетное участие сторон, а также чередование в замещении должностей. В старом соглашении управление дорогой принадлежало советской стороне, однако в дальнейшем мы считаем необходимым предусмотреть чередование в осуществлении функций управления. Скажем, такое чередование могло бы осуществляться через каждые два-три года.

Чжоу Энь-лай: Наши товарищи считают, что существующее правление КЧЖД и должность управляющего следует устранить и вместо них создать комиссию по управлению дорогой, причем предусмотреть, что должности председателя комиссии и управляющего будут замещаться китайцами. Однако, в связи с предложением товарища Молотова, над этим вопросом следует подумать.

Сталин: Если речь идет о совместном управлении, то нужно, чтобы замещение руководящих должностей менялось. Так было бы логичнее. Что касается срока действия соглашения, то мы не возражаем против его сокращения.

Чжоу Энь-лай: Не следует ли изменить соотношение капиталовложений сторон и, вместо существующих паритетных условий, увеличить капиталовложения китайской стороны до 51%?

Молотов: Это пошло бы вразрез с существующим принципом о паритетности сторон.

Сталин: Мы, действительно, имеем соглашения с чехами и болгарами, по которым предусматривается паритетность, равенство сторон. Уж если совместное управление, то пусть будет и равное участие.

Мао Цзэ-дун: Нужно дополнительно изучить этот вопрос с таким расчетом, чтобы были обеспечены интересы обеих сторон.

Сталин: Давайте обсудим соглашение о кредите. Тому, о чем была достигнута договоренность, нужно придать форму соглашения между государствами. Имеются ли какие-нибудь замечания?

Мао Цзэ-дун: Входит ли поставка военного снаряжения в денежный кредит?

Сталин: Это Вы можете решить сами: можно отнести на счет кредита, можно оформить и торговым соглашением.

Мао Цзэ-дун: Если военные поставки отнести за счет кредита, то у нас останется мало средств для промышленности. Поэтому, видимо, часть военных поставок придется отнести за счет кредита, а часть – за счет товаров. Нельзя ли сократить срок поставок промышленного оборудования и военного снаряжения с 5 до 3–4 лет?

Сталин: Надо посмотреть, каковы наши возможности. Дело упирается в заказы для нашей промышленности. Тем не менее, срок действия соглашения о кредите можно было бы перенести на 1 января 1950 года, так как фактически поставки должны начаться теперь. Если бы в соглашении начало кредитования предусматривать с июля 1949 года, то для международной общественности было бы непонятно, как могло быть достигнуто соглашение Советского Союза с китайцами, которые еще в то время не имели своего правительства. Думаю, что Вам следовало бы поспешить с представлением списка заказов для промышленного оборудования. Следует иметь в виду, что чем скорее такой список будет представлен, тем лучше для интересов дела.

Мао Цзэ-дун: Мы считаем, что условия кредитного соглашения весьма благоприятны для Китая. По этому кредиту мы платим всего лишь один процент.

Сталин: В наших соглашениях о предоставлении кредита для стран народной демократии предусматривается получение двух процентов. Мы могли бы, – говорит шутя тов. Сталин, – и для Вас повысить этот процент, если Вы этого желаете. Мы, конечно, исходили из того, что китайская экономика крайне разорена.

Как видно из получаемых телеграмм, китайское правительство готовится использовать свою армию в хозяйственном строительстве. Это очень хорошо. В свое время мы тоже практиковали использование армии в нашем экономическом строительстве и имели положительные результаты.

Мао Цзэ-дун: Правильно. Мы используем опыт советских товарищей.

Сталин: Вы ставили вопрос о получении Китаем некоторого количества зерна для Синьцзяна?

Мао Цзэ-дун: Пшеницы и текстиля.

Сталин: Для этого Вам нужно представить соответствующие заявки в цифрах.

Мао Цзэ-дун: Хорошо, мы это подготовим. Как мы поступим с торговым договором?

Сталин: Каково Ваше мнение? До сих пор имелся договор о торговле лишь с Маньчжурией. Нам хотелось бы знать, каково положение будет в дальнейшем: будем ли мы заключать отдельные договора с Синьцзяном, Маньчжурией и другими провинциями или единый договор с центром?

Мао Цзэ-дун: Мы хотели бы иметь единый договор с центром. Но Синьцзян, в свою очередь, может иметь отдельное соглашение.

Сталин: Только Синьцзян, а как Маньчжурия?

Чжоу Эн-лай: Для Маньчжурии заключение отдельного соглашения исключается, так как договор с центром в основном обеспечивается за счет поставок из Маньчжурии.

Сталин: Нам хотелось бы, чтобы соглашения с Синьцзяном или Маньчжурией утверждались центральным правительством и чтобы центральное правительство несло за них ответственность.

Мао Цзэ-дун: Нужно, чтобы договор с Синьцзяном был заключен от имени центрального правительства.

Сталин: Правильно, так как провинциальное правительство может многого не учитывать, а центральному правительству всегда виднее.

Какие еще имеются вопросы?

Мао Цзэ-дун: В настоящее время самым главным вопросом является экономическое сотрудничество – восстановление и развитие экономики в Маньчжурии.

Сталин: Я думаю, мы поручим подготовку этого вопроса т. т. Микояну, Вышинскому, Чжоу Эн-лаю и Ли Фу-чуню.

Какие еще вопросы?

Мао Цзэ-дун: Я хотел бы отметить, что присланный Вами в Китай авиаполк оказал нам большую помощь. Им перевезено около 10 тыс. человек. Разрешите мне поблагодарить Вас, товарищ Сталин, за помощь и просить Вас задержать этот авиаполк в Китае с тем, чтобы он оказал помощь в переброске продовольствия войскам Лю Бочэна, готовящимся к наступлению в Тибет.

Сталин: Это хорошо, что вы готовитесь к наступлению. Тибетцев надо взять в руки. По поводу авиаполка поговорим с военными и дадим Вам ответ.

Беседа продолжалась два часа.

На беседе присутствовали тт. Молотов, Маленков, Микоян, Вышинский, Рошин, Федоренко и Мао Цзэ-дун, Чжоу Эн-лай, Ли Фу-чунь, Ван Цзя-сян, Чэнь Бода и Ши Чжэ [Карский].³¹³

Пожалуй, здесь уместно отметить, что у Сталина и Мао Цзэдуна были расхождения в вопросе о Японии, а вернее, о том положении договора, где упоминались Япония и другие государства.

Дело в том, что в конце XIX и в первой половине XX века Япония представляла собой главную угрозу не только национальным интересам и национальной безопасности Китая, но и, в известной степени и в известный период, самому существованию китайской нации. Китай стремился к тому, чтобы у него были союзники или хотя бы один союзник в противостоянии японской угрозе.

Поэтому Китай был заинтересован в том, чтобы, начиная с конца XIX века и по крайней мере по середину XX века или даже вообще в XX веке, иметь договор или договоры с Россией как с союзником Китая в оказании отпора японской агрессии.

Иначе говоря, случилось так, что в XX столетии Россия (СССР) была той единственной страной в мире, которая выступала в качестве союзника Китая в его противостоянии с Японией, а также единственной страной, которая помогала определенным силам внутри Китая в ходе гражданских войн (сначала за объединение страны, а затем в Войне сопротивления японской агрессии и далее в гражданской войне).

Россия в конце позапрошлого и в первой половине прошлого столетия также оказалась в состоянии определенного противостояния с Японией. Однако для нее это была в большей степени искусственная конфронтация, во всяком случае, речь не шла о самом существовании России (СССР) как нации, как государства.

В то же время Россия (СССР) была заинтересована в мире и покое на своей протяженной границе с Китаем. К тому же в течение длительного времени, когда Япония хозяйничала на части территории Китая, она создавала и непосредственную угрозу интересам нашей страны.

Таким образом, Россия (СССР) также была заинтересована в определенных союзных отношениях с Китаем в качестве противовеса опасности, грозившей со стороны японских милитаристов.

Иными словами, Мао Цзэ-дун был заинтересован в том, чтобы советско-китайский

³¹³ АПРФ. Ф. 45. Оп. 1. Д. 329. Л. 29—38.

договор 1950 г. был прямо обращен против Японии. Сталин, очевидно, мог и предпочел бы обойтись без упоминания Японии в тексте договора. Однако он был вынужден пойти на уступку Мао Цзэду, и поэтому известное положение было включено в текст договора, Япония была в нем упомянута. В то же время Сталин и в этом случае добился уступки от Мао Цзэду. В соответствующем положении договора виден компромисс между позициями Сталина и Мао Цзэду. Сталин предпочел бы не упоминать о Японии, а Мао Цзэду о других государствах, то есть прежде всего о США. И то и другое упоминание было смягчено. Ведь речь шла и о Японии, и о японском империализме, а также не о США, а о каком-либо государстве, которое объединилось бы с Японией в актах агрессии.

В целом это положение договора явилось ослабленным и с точки зрения Сталина, и с точки зрения Мао Цзэду. Сталину не удалось сделать договор либо нейтральным (лишенным упоминания каких-либо третьих стран в качестве сил, угрожающих общим интересам СССР и КНР), либо антиамериканским и не допустить его антияпонскую направленность. Мао Цзэду не удалось сделать договор исключительно антияпонским и лишить его хотя бы косвенной антиамериканской направленности. И все же это был шаг на пути к полному отказу об упоминании третьих стран в двусторонних договорных документах, которые Москва подписывала с Пекином.

Встреча Сталина и Мао Цзэду в Москве, безусловно, беспокоила руководителей других государств, и прежде всего США.

В тот момент, когда обе стороны уже договорились в принципе о проведении переговоров и о необходимости подписать договор о дружбе и союзе и когда Чжоу Энлай находился уже на пути в Москву, государственный секретарь США Д. Ачесон 12 января 1950 г. выступил с речью о политике США в Азии, подчеркнув, что Советский Союз, по его мнению, стремится присоединить к себе северные районы Китая, что он почти преуспел в том, чтобы поступить с Маньчжурией так же, как он обошелся в свое время с МНРД. Ачесон намекал на то, что Советский Союз может воспользоваться настроениями, существовавшими, по мнению Д. Ачесона, в ряде районов Китая, особенно во Внутренней Монголии и в Синьцзяне, и заключавшимися в стремлении отделиться от Китая и стать частью СССР. При этом Д. Ачесон намекал на то, что это должно волновать руководителей КНР и что эта ситуация представляется очень важной и для США.

Иначе говоря, Д. Ачесон пытался вбить клин в отношения между Сталиным и Мао Цзэду, пользуясь известной подозрительностью каждого из них. В то время у американцев не было никаких надежд на нахождение компромиссов со Сталиным, поэтому все их усилия были сосредоточены на том, чтобы играть на настроениях Мао Цзэду.

Более того, нельзя исключать того, что Пекин намеренно допустил утечку информации о своей подлинной позиции в ходе переговоров Мао Цзэду со Сталиным с той целью, чтобы, с одной стороны, поставить Сталина в невыгодное положение в переговорах с Мао Цзэду, за спиной которого, косвенно поддерживая его, стояли США, и, с другой стороны, лишний раз продемонстрировать Вашингтону, что Пекин, даже ведя переговоры со Сталиным, оставляет возможность нахождения в будущем взаимопонимания с США на основе общего осуждения ряда сторон политики Сталина, нашей страны.

Сталин мог воспринимать появление этих высказываний государственного секретаря США, учитывая и имевшие место в последние годы заигрывания Мао Цзэду с Вашингтоном, и известный в среде коммунистов в СССР тезис о том, что на всякую ситуацию следует смотреть прежде всего под углом ответа на вопрос: кому это выгодно и кому это невыгодно? А Сталину могло представляться, что это невыгодно исключительно Москве и ему самому, а выгодно, в различной степени, и Вашингтону, и Пекину, то есть Мао Цзэду. Возможно, что Сталин не исключал даже и того, что Мао Цзэду сам, используя различные методы и каналы, инициировал заявление Д. Ачесона о том, что СССР намерен в ходе предстоящих переговоров закрепить за собой ряд районов Китая или превратить их в зоны своего преимущественного влияния, в свои фактические колонии: по мнению Мао Цзэду, таких районов было три – Маньчжурия, Монголия, Синьцзян, а Д. Ачесон говорил

о четырех районах: МНР, Внутренняя Монголия, Маньчжурия, Синьцзян.

Как бы там ни было, а объективно демарш американцев привел к тому, что Сталин и Мао Цзэдун разъяснили один другому свои позиции по вопросу прежде всего о МНР, а также по вопросам, касавшимся в той или иной степени и других соответствующих районов: Маньчжурии и Синьцзяна. Речь Д. Ачесона показывала Мао Цзэдуну, что США могут при известных обстоятельствах и нахождении неких компромиссов между Вашингтоном и Пекином посмотреть на вопрос о Монголии не так, как это было в Ялте в 1945 г.

Речь Д. Ачесона также поставила перед Сталиным вопрос о том, что ему совершенно необходимо заставить Мао Цзэдуна следовать за Москвой там, где речь идет о политике США, то есть демонстрировать единство позиций Сталина и Мао Цзэдуна перед лицом Вашингтона.

Однако отношение ко всем этим вопросам Мао Цзэдуна было, вполне очевидно, иным. Он желал даже в этом случае, с одной стороны, оставаясь в определенном едином лагере со Сталиным, в то же время подчеркивать, в том числе и перед самим Сталиным, что он намерен сохранять свою независимость и самостоятельность, а точнее, свою отдельность от Сталина и СССР, от России, в той мере, в какой это будет ему удаваться, и, с другой стороны, демонстрировать Соединенным Штатам Америки, что они имеют возможность надеяться на отсутствие полной монолитности в отношениях Сталина и Мао Цзэдуна, а следовательно, что в будущем возможны и дипломатические, а также политические игры Пекина и Вашингтона в пику Советскому Союзу.

Итак, Сталин воспринял речь Д. Ачесона как чрезвычайно серьезный повод для выяснения отношений с Мао Цзэдуном. В этой связи 17 января Сталин направил на дачу к Мао Цзэдуну Молотова и Вышинского.

Советские собеседники поставили вопрос о том, в каком состоянии находятся внешние связи КНР.

Мао Цзэдун дал свои разъяснения: «Наша страна в прошлом находилась под железной пятой империалистов, которые своим кованым сапогом топтали китайскую землю. Однако после освобождения мы должны произвести уборку в своем доме, навести в нем порядок. А вот когда мы в нашем доме все приберем и вычистим, наведем порядок, расставим мебель, вот тогда мы и будем приглашать людей к нам в гости. Наши старые друзья могут появиться у нас несколько раньше; они могут также помочь нам в работе по уборке помещения. Вот, например, с Советским Союзом и социалистическими странами у нас уже установлены дипломатические отношения. Однако что касается других гостей, то им придется подождать. Мы знаем, что есть и такие, кто хотел бы украдкой заглядывать в наш дом, кто хотел бы со своим копытом влезть к нам; пока мы временно еще не имеем возможности должным образом реагировать на это. Что же до империалистов, которые с неблагоприятными намерениями пытаются проникнуть в наш дом и что-то в нем ухватить, и более того, даже хотели бы замутить воду и выловить рыбку в этой мутной воде, то мы вынуждены проявлять бдительность и не спешить устанавливать с ними дипломатические отношения».

Высказывания Мао Цзэдуна, как обычно, были образными, но каждое слово несло политический смысл. Не оставляет мысль о том, что все, что формально было адресовано неким империалистам, могло относиться не только к США, но и при определенном, с нашей точки зрения, с точки зрения китаевода, просто необходимом и базирующемся на знании истории и фактов воображении к СССР. Во всяком случае, если принимать во внимание дальнейшее развитие событий и позицию Мао Цзэдуна по отношению к СССР в последующем, для такого восприятия его слов имелись основания. Очевидно, что его высказывания были рассчитаны на то, чтобы насторожить и советских собеседников, заставить их быть еще более осторожными и осмотрительными в делах с КНР.

Молотов, как и положено дипломату, отнес все высказывания Мао Цзэдуна относительно империалистов исключительно к США и счел позицию Китая совершенно правильной. Он сказал: «Таким образом империализм не осмелится третировать Китай, он будет вынужден по-новому смотреть на Новый Китай». Далее Молотов передал Мао

Цзэдуну текст речи Д. Ачесона. Он также предложил, чтобы СССР, КНР и МНР по отдельности выступили с официальными заявлениями с целью осуждения клеветнических утверждений государственного секретаря США. Молотов предложил, чтобы эти заявления были сделаны в соответствующих столицах и появились в один и тот же день, 21 января 1950 г.

Мао Цзэдун ознакомился с текстом речи Д. Ачесона, выразил свое возмущение ее содержанием и тут же согласился на предложение Молотова.

Однако, проводив гостей, Мао Цзэдун задумался. Он прекрасно понимал, что Сталин вынуждает его совместно выступить единым фронтом перед общим противником, то есть перед американским империализмом, перед США. Мао Цзэдун не хотел демонстрировать здесь свое полное единство со Сталиным, то есть, по сути дела, подтверждать, что в вопросе об отношениях с США он вынужден следовать за Сталиным. Мао Цзэдун понимал, что и Москва, и Вашингтон сделали свои сильные ходы, пытаясь заставить Пекин прояснить его позицию в треугольнике Москва – Вашингтон – Пекин, прямо ответить на вопрос о том, с кем и против кого он, Мао Цзэдун, выступает в результате встреч и бесед со Сталиным. В этой ситуации Мао Цзэдун решил уклониться от шага, предложенного Сталиным, и в то же время внешне как бы соблюсти приличия в отношениях со Сталиным. Мао Цзэдун принял решение перевести вопрос в плоскость различия в формах реакции на демарш Вашингтона, на высказывания государственного секретаря США. Это было прямое нарушение слова, данного Мао Цзэдуном в беседе с Молотовым и Вышинским, а фактически слова, данного Мао Цзэдуном Сталину. Однако Мао Цзэдун считал этот вопрос настолько важным, может быть, самым важным или одним из самых важных в своей внешней политике, что пошел на этот шаг.

Мао Цзэдун принял решение не делать одновременно с Москвой официального заявления, то есть не выступать в один и тот же день вместе с Москвой и Улан-Батором (Сталин хотел тем самым и дать понять Вашингтону, что и в вопросе о МНР Мао Цзэдун вынужден идти за ним) с заявлениями министров иностранных дел, а просто ограничиться опубликованием статьи в своей центральной печати. 19 января текст такой статьи, написанной самим Мао Цзэдуном, был передан в Пекин для опубликования в форме ответов на вопросы корреспондента заведующего управлением информации Центрального народного правительства КНР Ху Цяому. Мао Цзэдун много раз применял такого рода прием, когда его соображения появлялись в печати за подписью его подчиненных. Однако все это имело место тогда, когда речь не шла еще о межгосударственных отношениях. Тем более что на сей раз акция Мао Цзэдуна была осуществлена, несмотря на явные грядущие серьезные осложнения в его отношениях со Сталиным, причем практически по главному вопросу мировой политики, по вопросу об отношениях с США.

Как и было обусловлено в беседе Молотова с Мао Цзэдуном, Советский Союз и Монгольская Народная Республика в один и тот же день, 21 января 1950 г., выступили с официальными заявлениями в связи с речью государственного секретаря США; это было сделано в форме заявлений министров иностранных дел каждого из этих двух государств в отдельности.

В заявлении министра иностранных дел СССР указывалось на то, что отношения между СССР и КНР имеют под собой прочную основу дружбы, взаимного уважения независимости и территориальной целостности, что МНР существует как независимое суверенное государство более 30 лет (и это отмечено в Ялтинском соглашении СССР, США и Великобритании), что правительство Китая еще в 1945 г. признало МНР, а КНР и МНР установили между собой нормальные дипломатические отношения.

В Пекине в тот же день, 21 января, были опубликованы ответы на вопросы корреспондента заведующего управлением информации правительства КНР Ху Цяому. Заявления министра иностранных дел КНР не появилось.

Сталин придавал случившемуся серьезное значение. Через несколько дней он пригласил к себе в Кремль Мао Цзэдуна и Чжоу Эньлая. При этом было подчеркнуто, что с советской

стороны в беседе будут участвовать только Сталин и Молотов. В качестве переводчика с Мао Цзэдуном и Чжоу Эньлаем был Ши Чжэ. Сталин заранее не предупредил Мао Цзэдуна, о чем пойдет речь.

По наблюдениям Ши Чжэ, Сталин и Молотов были настроены дружелюбно, однако в их поведении не было прежней теплоты.

После того как все уселись, Сталин сказал: «Я пригласил вас сегодня, чтобы обменяться мнениями в этом узком кругу. У Молотова есть кое-что сказать, давайте сначала выслушаем его».

Молотов изложил следующее: «В прошлый раз мы договорились о том, что в связи с речью Ачесона каждый выступит с официальным заявлением с осуждением клеветнических утверждений Ачесона. Мы также условились, что заявление осуждающего характера будет сделано от имени официальных властей. Хотелось бы спросить, опубликовало ли китайское правительство такое заявление?»

Мао Цзэдун тут же ответил: «Опубликовало. Оно опубликовано от имени Ху Цяому».

Сталин поинтересовался: «Кто такой этот Ху Цяому?»

Мао Цзэдун пояснил: «Заведующий управлением информации. В этом качестве он и выступил с заявлением».

Сталин сказал: «В соответствии с международной практикой любой журналист может высказать свое мнение по любому вопросу, опубликовать интервью или комментарий. Но никакие его слова никоим образом не выражают официальную позицию и точку зрения. Поэтому в заявлении частного лица (журналиста) может быть сказано что угодно, но это ничего не стоит».

Вслед за тем Молотов сказал: «Мы ранее условились о том, что Китай выступит с официальным заявлением, иначе говоря, речь шла о заявлении, которое носило бы представительный характер, было бы авторитетным. Однако управление информации – это никоим образом не авторитетная организация, оно не представляет правительство. Интервью заведующего управлением информации корреспонденту никоим образом не заменяет собой выражение официальной точки зрения. Китайская сторона поступила не в соответствии с нашей предварительной договоренностью и таким образом пошла вразрез с нашим соглашением. В результате мы не достигли того эффекта, на который рассчитывали. Что при этом думает китайская сторона, нам не ясно. Раз уж мы договорились, достигли единодушного соглашения, то его следует выполнять, соблюдать. Держать слово – важнейшая часть нашего сотрудничества. Таковы наши соображения. Сегодня мы хотели бы послушать мнения и разъяснения китайских товарищей».

Мао Цзэдун, слушая Молотова, менялся в лице. Легкая улыбка сменилась холодностью, затем презрением и наконец даже гневом.

Сталин добавил: «Таким образом, мы сбились с шага. Пошли не в ногу, а это ослабляет наши силы. Я полагаю, что все мы должны держать слово, тесно взаимодействовать, идти в ногу, только так мы будем сильны».

Тут Сталин посмотрел на Мао Цзэдуна и увидел, что тот весь кипит от возмущения и гнева; и тогда Сталин улыбнулся и дружелюбно сказал: «Товарищ Мао Цзэдун, впереди еще много времени; у нас будет еще очень много случаев и возможностей, когда мы будем взаимодействовать, сотрудничать. Пусть нынешний случай окажется только первым неудачным блином, давайте извлечем из этого опыт и уроки, усилим наше сотрудничество в дальнейшем. Именно это мы и должны сделать. Хотя в нынешнем случае нет ничего экстраординарного, однако мы все-таки действовали не в соответствии с первоначально определенным планом, мы сбились с ноги. Таким образом мы предоставили врагу возможность найти щель, которую он может использовать».

Мао Цзэдун только курил, глубоко затягиваясь. Он не произнес ни слова. Он был суров и холоден. Хотя Сталин улыбался и говорил, увещевал, на лице Мао Цзэдуна не было и тени улыбки, он не пошел навстречу ни в чем, он не выдал из себя ни единого слова.

Чжоу Эньлай выступил с пояснениями и разъяснениями. Он сказал, что Китай

поступил таким образом исходя из исторического опыта. В прошлом очень хорошие результаты давал именно такой метод разоблачения измышлений Коммунистической партией Китая. Так она поступала и в отношении гоминьдановского правительства Чан Кайши, и в отношении японского империализма, и даже в отношении опубликованной Государственным департаментом США Белой книги. В 1949 г. Госдепартамент США опубликовал Белую книгу, а КПК тогда раскритиковала ее в документе, подписанном редакцией агентства Синьхуа. Спрашивается, почему нельзя было применить тот же самый метод при критике измышлений Ачесона?

Сталин, слушая его, отрицательно качал головой.

Разъяснения Чжоу Эньлая результата не дали. Когда же Чжоу Эньлай увидел, что Мао Цзэдун занимает все те же позиции и ни в чем не идет на уступки, он тоже стал суров и серьезен, он тоже по-прежнему ни в чем не уступал. Он был сдержан и немногословен, держался твердо.

Мао Цзэдун сидел рядом с ним; он ничего не опровергал, но ничего и не разъяснял. В глубокой задумчивости он курил одну сигарету за другой.³¹⁴

О чем мог думать Мао Цзэдун? Совершенно очевидно, что молчание было с его стороны приемом, показывающим, что принципиальные позиции и подходы сторон к поднятому вопросу настолько различны, что тут не о чем и говорить. Каждая из сторон должна была, по мысли Мао Цзэдуна, задуматься над тем, что происходит и как она себя ведет, а также о том, в чем состоит принципиальный подход к такого рода вопросам со стороны партнера.

Мао Цзэдун исходил из того, что в данном случае Молотов выражал мнение Сталина, который, безусловно, изложил Молотову свои соображения перед этой беседой, и они распределили роли, высказывая одну и ту же принципиальную позицию.

Замысел Сталина был вполне очевиден. Он решил воспользоваться формальным поводом, когда Мао Цзэдун действительно отступил от прежней договоренности. Таким образом, представился случай, имея определенные и даже неопровержимые доказательства, упрекнуть Мао Цзэдуна в том, что он не держит слова, а это было, конечно, недопустимо в отношениях Сталина и Мао Цзэдуна.

Более того, Сталин был намерен упрекнуть Мао Цзэдуна в том, что тот не держит слова, не только и не столько из-за того, что Мао Цзэдун хотел просто по форме поступить по-своему, проявить, так сказать, формальную самостоятельность, но и, и это главное, Сталину было необходимо бросить упрек Мао Цзэдуну именно в связи с тем, что он, по сути дела, отходил от того, что Сталин считал принципиальным сразу в нескольких отношениях.

Во-первых, слово Сталина должно было быть законом в его лагере. Во-вторых, с точки зрения классового подхода, ленинского или даже ленинско-сталинского, да и маоцзедуновского подхода к вопросам, следовало в сфере мировой политики на первое место ставить классовую солидарность (а не национальные интересы, хотя, по существу, Сталин хотел заставить Мао Цзэдуна согласиться с его подходом, в то время как Мао Цзэдун в перспективе хотел не только быть целиком и полностью самостоятельным, но и подчинить себе национальные интересы России) и выступать единым фронтом перед лицом классового врага, не давать этому врагу никаких оснований рассчитывать на то, чтобы найти трещину между классово едиными союзниками, СССР и КНР, Сталиным и Мао Цзэдуну.

В-третьих, Сталин исходил также из того, что Мао Цзэдун на протяжении ряда лет неоднократно, если не постоянно, предпринимал усилия для того, чтобы найти общий язык с американцами, в том числе и во время гражданской или внутренней войны против Чан Кайши в континентальном Китае, чтобы отмежеваться от Сталина и СССР, от ВКП(б) в области международных отношений, чтобы показывать, что он, Мао Цзэдун, ни в коем случае не будет всегда и во всем выступать на стороне Сталина и идти следом за Сталиным

³¹⁴ *Ши Чжэсэ*. Цзай лиши цзюйжэнь шэньбянь – Рядом с гигантом истории. – С. 456.

при решении вопросов на мировой арене. А это, с точки зрения Сталина, было тройным предательством или попыткой тройного предательства: предательством классовой ленинско-сталинско-маоцзэдуновской точки зрения, предательством лично Сталина, предательством общих интересов России и Китая.

Сталину представлялось, что в данном случае он наконец впервые за все уже довольно продолжительное время визита Мао Цзэдуна в СССР получил возможность заставить Мао Цзэдуна признать свою ошибку и признать верховенство Сталина.

Ведь ситуация сложилась таким образом, что любые слова Мао Цзэдуна в ответ на упреки Сталина и Молотова могли создать прецедент признания КПК, КНР, Мао Цзэдуном ошибки, а следствием этого могла стать необходимость и в дальнейшем действовать исключительно по воле Сталина.

Мао Цзэдун предпочел выбраться из ловушки, расставленной Сталиным, весьма необычным путем. Он как бы испарился, вышел из игры; он просто сидел и молчал с отсутствующим видом; на некоторое время Мао Цзэдун, физически или материально продолжая находиться в одном помещении со Сталиным, Молотовым, Чжоу Эньлаем и Ши Чжэ, духовно исчез, дух его унесся за пределы сталинского кабинета в Кремле; Мао Цзэдун, по сути дела, не участвовал в беседе со Сталиным с того самого момента, как только Сталин и Молотов выдвинули свои упреки в его адрес. (Вообще говоря, такой прием в своей политической карьере Мао Цзэдун использовал неоднократно; тем самым он хотел лишить оппонентов возможности в последующем утверждать, что Мао Цзэдун как-то реагировал на обвинения в его адрес; в дипломатической практике это соответствовало отказу принимать ноту или заявление партнера; Мао Цзэдун молчал, как у нас иногда говорят, как партизан на допросе.)

У Мао Цзэдуна был свой взгляд на случившееся. Этот взгляд в принципе расходился с пониманием вопроса Сталиным.

Мао Цзэдун полагал, что он представляет великую партию – КПК, независимое и суверенное государство – КНР. И эта партия, и это государство, с его точки зрения, ни в чем не были ниже, чем ВКП(б) и СССР, да если уж говорить начистоту, то даже и превосходили их, хотя прямо и громко говорить тогда об этом время, по его мнению, просто еще не пришло и не созрело. Однако на практике Мао Цзэдун стремился в ходе своих встреч со Сталиным в 1949—1950 гг. всеми возможными способами утверждать именно принцип независимости и равенства, а по сути дела, отдельности в отношениях правящих политических партий в СССР и в КНР и этих двух государств. Сталину это не нравилось прежде всего потому, что Мао Цзэдун «отделялся» от него там, где речь шла, с точки зрения Сталина, о противостоянии общему противнику или классовому врагу; далее Сталину не нравилось, что при этом Мао Цзэдун был намерен, используя заинтересованность СССР в мирных и дружественных отношениях с КНР, «доить» нашу страну, постепенно изыскивая пути к налаживанию связей с классовым противником, причем таких связей, которые могли привести к союзу США и КНР против СССР.

Когда Молотов поставил Мао Цзэдуна перед необходимостью реагировать на речь Ачесона, Мао Цзэдун был вынужден на словах осудить заявление государственного секретаря США. В то же время он формально согласился дать одновременно с СССР (и даже МНР, «даже», ибо Мао Цзэдун не считал окончательно решенным вопрос о Монголии) официальную отповедь утверждениям Ачесона. По сути дела, помимо вышеуказанных соображений, Мао Цзэдун решил использовать на первый взгляд исключительно невыгодную для него ситуацию в своих интересах, обернуть проигрыш выигрышной стороной. Он нашел прием, благодаря применению которого решал, как ему представлялось, сразу несколько задач.

Во-первых, демонстрировал и Сталину, и всему миру свою самостоятельность и отдельность. Во-вторых, показывал США, что даже во время его продолжительного пребывания «в руках у Сталина», в Москве, он продолжает вести борьбу со Сталиным. В-третьих, он подтверждал, особенно в глазах своих сторонников, что у Китая (КНР) и у

России (СССР) существуют различные взгляды и на вопрос о Монголии, и на вопрос об истории и современном состоянии советско-китайских отношений, особенно применительно к северным районам Китая.

Мао Цзэдун в принципе считал необходимым настоять на том, что в любом случае и при любых обстоятельствах он имеет право и будет действовать так, как считает нужным, своими методами.

Мао Цзэдун считал, что Сталин должен удовлетвориться тем, что его предложение было принято и китайская сторона осудила речь Ачесона.

Формально Мао Цзэдун даже подчеркнул, что китайская сторона в условленное время выступила с официальным заявлением. Если бы советская сторона сочла несущественным вопрос о форме официального заявления китайской стороны, стороны могли бы найти компромисс.

Мао Цзэдун понимал, что компромисса тут быть, однако, не могло. Вопросы были принципиальными: должны ли союзники держать слово, надежен ли союз наших двух стран в современном мире.

Здесь для Мао Цзэдуна становились несущественными доводы Молотова и Сталина о том, что международные обычаи, практика международных отношений считают официальным выражением позиции правительства только заявления от имени правительства, министерства иностранных дел или министра иностранных дел. Мао Цзэдун сознательно пошел на конфронтацию со Сталиным; более того, он вынес разногласия на показ для всего мира. По сути дела, Мао Цзэдун продемонстрировал, что МНР является марионеткой СССР, а КНР ею не является, что по этому столь острому вопросу в истории русско-китайских отношений между Новым Китаем, то есть между КНР, и Россией, то есть СССР, продолжают сохраняться разногласия.

Сама постановка вопроса Сталиным и Молотовым о том, что выступления Москвы и Пекина на мировой арене должны быть согласованы и по своей форме, вызывала принципиальные возражения у Мао Цзэдуна.

Мао Цзэдун тесно увязывал межгосударственные и межпартийные отношения. Он, во всяком случае внутри своей партии, среди своих сторонников, настойчиво проводил мысль о том, что, с его точки зрения, после роспуска Коминтерна, явившегося чисто формальным актом, Сталин, ВКП(б) и «даже правительство СССР» по-прежнему в отношениях с компартиями других стран ведут себя как «партия-отец», как «старший брат», причем такие «отец» или «старший брат», которые не желают принимать во внимание соображения «младших братьев». Мао Цзэдун намеренно ввел в обращение в своей партии и попытался распространить на другие партии именно эти самые термины «партия-отец» и «старший брат» для того, чтобы создавать отрицательное отношение и к России (к СССР), и к Сталину как в Китае, так и за рубежом, чтобы готовить «бунт» «младших братьев» против «диктата» «отца» или «старшего брата». Это была не только борьба за равенство и самостоятельность со стороны Мао Цзэдуна, но борьба за то, чтобы со временем поставить Россию (СССР) в приниженное положение нации, кругом виноватой перед всем миром и особенно перед Китаем.

У Мао Цзэдуна был, естественно, и свой взгляд как на саму речь Ачесона, так и на реакцию на нее в Москве. Мао Цзэдун считал вполне естественными в условиях того времени попытки Вашингтона внести разлад в отношения Москвы и Пекина. В то же время Мао Цзэдун полагал, что в своей речи Ачесон указал на действительно имевшие место недостатки и ошибки в политике Сталина.

Мао Цзэдун имел в виду стремление Сталина не только сохранить МНР в качестве отдельного от КНР государства, но и заполучить особые права для СССР в ряде районов Китая, то есть в Маньчжурии и в Синьцзяне; с точки зрения Мао Цзэдуна, это было требование Сталина передавать советским властям всех советских специалистов, которые проштрафились в Китае, а также не допускать американцев и граждан прочих фактически союзных с США стран на территорию ряда районов КНР (прежде всего Северо-Восточного

Китая и Синьцзяна), а также сохранение за СССР преимущественных позиций в руководстве хозяйственной деятельностью и во владении долей капитала ряда смешанных компаний или акционерных обществ, действовавших на территории КНР.

Однако то, что Мао Цзэдун именовал особыми правами или привилегиями, было, с точки зрения Сталина, минимальной и даже заниженной платой за помощь КНР – КПК, которую предполагали оказывать и уже частично оказывали СССР – ВКП(б), помогая восстанавливать и развивать экономику КНР и особенно отдавая делу строительства в Китае бесценные знания прекрасных советских специалистов в различных областях. Сталин при этом как бы уже и не говорил о том, что он фактически соглашался ставить свою безопасность в зависимость от интересов КНР (это, конечно, имело и свои плюсы, и свои минусы), защищать интересы КНР, давал обещание вместе с Пекином отражать наскоки врагов, Японии и союзных с нею стран, а здесь слово СССР как военной державы в то время было нужно КНР, во всяком случае, в большей мере, чем поддержка со стороны КНР Советскому Союзу.

С точки зрения Мао Цзэдуна, в создавшейся ситуации Сталину следовало, с одной стороны, дать отповедь клеветническим наскокам со стороны Ачесона. Мао Цзэдун полагал, что здесь должен был найти свое выражение принцип «отделения своих от врагов», а потому был согласен пойти навстречу Сталину перед лицом общего врага и тоже осудить высказывания государственного секретаря США, назвав их клеветой.

Однако, в то же время и с другой стороны, Мао Цзэдун полагал, что Ачесон верно подметил и указал на определенные недостатки и ошибки в политике Сталина по отношению к КНР. Поэтому, полагал Мао Цзэдун, вместо того чтобы заставлять КНР просто идти вслед за СССР, из чего следовало, что Пекин признает, что Москва не допускала ошибок по отношению к КПК – КНР, Сталину следовало бы признать и самому исправить свои ошибки и недостатки, что могло бы содействовать сплочению, в частности, с КНР. Мао Цзэдун считал недостатками Сталина его высокомерие, зазнайство, великодержавие, даже шовинизм.

Мао Цзэдун был недоволен тем, что Сталин не принял во внимание, что Мао Цзэдун пошел ему навстречу и вместе с ним формально осудил речь госсекретаря США. Мао Цзэдун сделал это исходя из своего тезиса о необходимости «разграничения врагов и своих». Иначе говоря, Мао Цзэдун в то время полагал, что главную опасность для него в создавшихся и временно существовавших тогда условиях представляли США, поэтому их нужно и можно было относить к категории «врагов», а Сталина можно было также временно и в создавшихся условиях относить к числу относительно «своих». Из всего этого следовало, что, выбирая из двух зол меньшее (а для Мао Цзэдуна и США, и Сталин были «двумя злами»), Мао Цзэдун был вынужден кривить душой и делать снисхождение, то есть смотреть сквозь пальцы на ошибки и недостатки Сталина. Здесь ярко проявлялась натура Мао Цзэдуна, который всегда, по крайней мере в своих мыслях в то время, ставил себя выше Сталина, как, впрочем, и выше любого другого человека в Китае и за его пределами, во всем мире. Сталин тоже проявлял свою натуру в отношениях с Мао Цзэдуном, фактически на протяжении всего времени пребывания Мао Цзэдуна в Москве то так, то этак пытаясь заставить Мао Цзэдуна следовать за собой, навязать ему свою волю.

Мао Цзэдун полагал, что, выступив с осуждением речи Ачесона, он выполнил формальности, то есть оказал поддержку Сталину перед лицом внешнего врага. Мао Цзэдун делал это, несмотря на то что, по существу, был не согласен с политикой Сталина и, по сути дела, таким образом как бы снисходил к его трудностям в отношениях с американцами.

Мао Цзэдун всегда стремился отделять трудности Сталина в отношениях с американцами от своих трудностей в отношениях с американцами. В этом состояли, может быть, самые существенные разногласия между Сталиным и Мао Цзэдуном в период их встреч и бесед в Москве в 1949—1950 гг. Ведь Сталин хотел бы добиться признания Мао Цзэдуном того, что и он сам, и его партия, и его государство являются лишь составной частью единого военного лагеря, который существует на мировой арене в окружении врагов

и в котором должна соблюдаться военная дисциплина, должно существовать подчинение одному верховному главнокомандующему, то есть Сталину.

Мао Цзэдун никак не желал согласиться с такой позицией Сталина. Он, фактически на словах признавая, что США и их союзники являются противником и КНР, и СССР, по сути дела, желал оставлять дверь открытой для того, чтобы при первой же возможности самостоятельно и отдельно повести дела с Вашингтоном, при этом независимо от СССР; более того, с точки зрения Мао Цзэдуна, будущее взаимодействие в отношениях с США могло иметь одной из своих основ общее осуждение целого ряда сторон политики России (СССР).

Мао Цзэдун был крайне недоволен тем, что Сталин не принял во внимание такой важный шаг Мао Цзэдуна, как осуждение речи госсекретаря США, но и, более того, не отнесся к КНР как к равному в правах партнеру, а начал настаивать на том, чтобы само осуждение речи Ачесона было осуществлено в форме, копировавшей советскую модель такой акции. Мао Цзэдун видел в этом поступке Сталина и отсутствие уважения к принципу равноправия, и отсутствие уважения по отношению к «братской партии» и к «братской стране». Он полагал, что он не мог уступить ни в чем, так как это означало бы соглашательство в вопросе о государственном суверенитете и национальном самоуважении.

Таким образом, Сталин и Мао Цзэдун не могли достичь взаимопонимания по этому вопросу. Они расходились принципиально, они были несовместимы в очень многом.

Сталин и Мао Цзэдун – союзники поневоле. Сталин предпочел бы иметь не равноправного партнера и союзника, а зависящих от него во всем государство и его лидера. Однако силой обстоятельств Сталин был вынужден вступать в отношения союза и оформлять эти отношения с Мао Цзэдуном. Мао Цзэдун предпочел бы независимость и самостоятельность, отдельность. Однако точно так же, силой обстоятельств, он был вынужден вступать со Сталиным в отношения союза.

Оказалось, что в беседах Сталина и Мао Цзэдуна каждый из собеседников должен был внимательно анализировать не только общий смысл сказанного, но и каждую формулировку, фразу, слово, если хотите, каждый звук или даже незвук. Дело в том, что даже молчание, неотчет на вопрос тоже имели значение, содержали в себе загадку, которую предстояло разгадать, представляли собой маневр, на который приходилось реагировать. Имели значение не только высказывание или молчание, но и выражение лица. Даже с этой точки зрения общение Сталина и Мао Цзэдуна было еще более сложным, чем общение, например, Сталина с Черчиллем или Рузвельтом.

Попутно отметим также, что Мао Цзэдун так же подозрительно смотрел на своих подчиненных, как и Сталин на своих. В ходе бесед в Москве это проявилось применительно к Сталину в случаях, известных нам с Н.Т. Федоренко (см. выше), а применительно к Мао Цзэду – в случае с Чэнь Бода (см. ниже).

Молотов и Чжоу Эньлай во время встреч Сталина и Мао Цзэдуна в Москве играли роль главных интерпретаторов и проводников сталинских и маоцзэдуновских мыслей, разъяснения их партнерам по переговорам; они служили при необходимости передаточным звеном посланий от Сталина к Мао Цзэду и обратно; это был необходимый компонент механизма общения между собой Сталина и Мао Цзэдуна, без которого ни тот, ни другой обойтись просто не могли. При этом Сталин и Мао Цзэдун выдвинули на передний план своих самых доверенных и лучших дипломатов: Молотова и Чжоу Эньлая. Другое дело, что Сталин считал нужным в ряде случаев подкреплять Молотова Микояном и Вышинским.

Что же касается вышеупомянутой беседы Сталина с Мао Цзэдуном по вопросу о форме реакции на речь госсекретаря США, то она так и закончилась размолвкой. Стороны остались на своих позициях.

Сталин решил тут же исправить возникшую атмосферу. Он пригласил Мао Цзэдуна и Чжоу Эньлая поехать тут же из Кремля на его дачу в Кунцево.

Мао Цзэдун ничего не сказал, но не возражал.

Сталин сделал необычный жест. Он предоставил заднее широкое сиденье в своем

автомобиле Мао Цзэдуну и Чжоу Эньлаю, а сам вместе с Ши Чжэ разместился на откидных сиденьях. Несмотря на радушие и гостеприимство Сталина и на то, что в автомобиле все они сидели близко друг к другу, в кабине сначала царил молчок. Ши Чжэ, ощущая неловкость, а также выдавая то, что он очень нервничал, попытался заговорить со Сталиным. Он обратился к нему со словами: «Товарищ Сталин, помнится, что вы обещали побывать у нас в резиденции в гостях?» Сталин ответил: «Да, я говорил об этом. Я и сейчас не отказался от этого желания».

Ши Чжэ исходил из того, что в свое время Мао Цзэдун высказывал намерение пригласить Сталина в гости. На кухне даже была проведена подготовка. Сталина собирались потчевать уткой по-пекински, бараниной, которую варили прямо на столе в особом устройстве, так сказать в китайском самоваре, знаменитой водкой – маотаем. Ши Чжэ заговорил об этом, желая сгладить возникшую в ходе беседы неловкость и вывести отношения из некоего тупика.

Сталин тут же воспользовался благоприятной возможностью. Он живо откликнулся на слова Ши Чжэ, сказав, что он не только говорил об этом в свое время, но и сейчас не отказался от этого желания.

Мао Цзэдун, однако, тут же спросил Ши Чжэ: «О чем это ты с ним говоришь? Не приглашай его к нам в гости». В этом также проявилось нервическое состояние Мао Цзэдуна.

Ши Чжэ пришлось признать, что именно об этом он и заговорил со Сталиным. Мао Цзэдун решительно отрезал: «Берем свое слово назад, не будем приглашать его к нам».

Тут уже Сталин заинтересовался: «Что он говорит?»

Ши Чжэ ничего не оставалось, как ответить так: «Ничего особенного. Это мы просто так между собой говорили».

Сталин больше ни о чем не спросил.

Далее они в молчании ехали полчаса до дачи Сталина.

По приезде Сталин стал ухаживать за Мао Цзэдуном и Чжоу Эньлаем.

Через полчаса приехали другие руководители ВКП(б) – СССР.

Начался банкет. Сталин был оживлен. Мао Цзэдун по-прежнему сидел и не произносил ни слова.

Настроение Мао Цзэдуна передалось окружающим.

Стремясь разрядить атмосферу, Сталин встал и завел патефон. Сначала он пригласил всех послушать музыку, а затем стал призывать танцевать. Маленков, Булганин, Молотов по призыву Сталина пошли плясать. Они приглашали и китайских коллег. Но ни Мао Цзэдун, ни Чжоу Эньлай не присоединились к пляшущим. В конце концов радужные хозяева вытащили плясать Чжоу Эньлая и Ши Чжэ.

Мао Цзэдун продолжал сидеть и молчать. Молотов, Маленков несколько раз пытались втянуть его в круг танцующих, но он отказывался, качал головой.

Чжоу Эньлай пытался сгладить неловкость. Он разговаривал, шутил, ел, пел и даже пошел в пляс. Однако он делал все это, учитывая настроение Мао Цзэдуна.

Только глубокой ночью Мао Цзэдун и его спутники возвратились в свою резиденцию.³¹⁵

Итак, между Сталиным и Мао Цзэдуном произошла размолвка.

Хотя, если вдуматься, дело было вовсе не таким простым. То, что случилось в этот вечер, представляется, может быть, главным столкновением в борьбе между Сталиным и Мао Цзэдуном.

Можно себе представить, о чем тогда думал Сталин.

Он был уязвлен до глубины души. По прибытии Мао Цзэдуна в Москву стало ясно, что Мао Цзэдун, прежде всего, выдвигает претензии к Сталину в связи с вмешательством во

³¹⁵ Лю Цзечэн... С. 354—356.

внутренние дела в Китае, в дела партии Мао Цзэдуна. Сталин после известных размышлений решил устранить это препятствие на пути налаживания отношений. Он пошел на такой шаг, который, с его точки зрения, в максимальной степени показывал его твердые намерения больше не вмешиваться во внутрикитайскую политическую борьбу. Сталин фактически предал и своего главного в то время доверенного человека при Мао Цзэдуне, то есть И.В. Ковалева, и некоторых видных деятелей самой Компартии Китая, которые фактически были склонны к тому, чтобы признавать верховенство Сталина в обмен на поддержку в их борьбе против Мао Цзэдуна и его команды. При этом Сталин знал, что Мао Цзэдун действительно предпринимал на протяжении целого ряда лет попытки наладить отношения с американцами и за Мао Цзэдуном шла значительная часть членов руководства партии, но в то же время находились люди, которые вставали практически в оппозицию Мао Цзэдуну, докладывали Сталину о настроениях и шагах Мао Цзэдуна и клялись в том, что уж они-то не будут действовать проамерикански, а будут ориентироваться только на Сталина. И все-таки Сталин передал их (в частности, Гао Гана) в руки Мао Цзэдуна. Сталин рассчитывал, что благодаря его такому, как он полагал, неожиданному для Мао Цзэдуна смелому шагу все препятствия для решения вопросов, стоявших перед Сталиным и Мао Цзэдуном, будут сняты.

Сталин, очевидно, пришел к выводу о том, что внутри КПК Мао Цзэдун обеспечил себе к тому времени такую поддержку, что всякая борьба против него внутри его партии была в то время бесперспективна. Сталин своим таким шагом рассчитывал также выбить из рук Мао Цзэдуна его «старые козырные карты», то есть его утверждения о том, что Сталин продолжает пытаться внутри КПК опираться на кого-то из китайцев, которые выступают против Мао Цзэдуна.

К изумлению и негодованию Сталина, оказалось, что это совсем не так. Мао Цзэдун проглотил жертв, которые были предложены ему Сталиным. Он был действительно доволен. Но ему этого оказалось мало. В дальнейшем, совсем скоро, он поступил так, что это никак не укладывалось в ожидания Сталина; Мао Цзэдун продемонстрировал, что его отношения со Сталиным в настоящем и будущем – это непрерывная борьба.

Сталин исходил из того, что во внутрикитайских делах теперь, с образованием КНР, он может демонстрировать Мао Цзэдуну свое полное понимание и отдавать их полностью на откуп Мао Цзэдуну. Но в мировых делах Сталин требовал от Мао Цзэдуна по крайней мере подтверждения того, что в самом главном, в вопросе о том, чтобы занимать единые позиции там, где речь идет о противостоянии с США, Мао Цзэдун будет следовать за ним, за Сталиным, так как себя Сталин видел руководителем всего мирового лагеря борьбы против США. Подспудно Сталин имел в виду и следующее: борьба в мировом масштабе была столь острой, что все остальные вопросы, в том числе и трудные проблемы в двусторонних советско-китайских отношениях (вопросы территориального порядка и вопросы, касавшиеся границы), должны быть заморожены, стать на какое-то время «неприкасаемыми», если хотите, подчиненными относительно главного вопроса – противостояния с США.

И вдруг Сталин обнаружил, что Мао Цзэдун желает быть, как он это хотел бы называть, полностью независимым и самостоятельным от него не только в том, что касалось внутрикитайских дел, но и по вопросам мировой политики. Да дело было даже не в независимости и самостоятельности в мировых вопросах, а в том, что Мао Цзэдун фактически отказывался становиться надежным союзником Сталина в этих вопросах. Иначе говоря, со стороны Мао Цзэдуна можно было ожидать подвоха. Мао Цзэдун, как стало ясно Сталину, был способен при подходящих условиях, то есть тогда, когда СССР не сможет силой защищать свои границы и территории, а впрочем, в той или иной степени и гораздо раньше, поставить свои требования к СССР (касавшиеся вопросов о территории и о границе) на первый план, невзирая на существование США; да даже более того, именно такая постановка вопроса Мао Цзэдуном переводила его со временем и по сути дела в положение силы, с которой должны были считаться и СССР, и США. Мир становился или мог стать не биполярным (СССР – США), а по крайней мере триполярным (СССР – США – КНР), а до той поры и в конкретных условиях того времени позиция Мао Цзэдуна была выгодна США и

не выгодна Сталину, следовательно, для Сталина шаг Мао Цзэдуна был предательством по отношению к нему со стороны Мао Цзэдуна на мировой арене.

Однако Сталин был вынужден спасать то, что можно было спасти из двусторонних советско-китайских отношений, и в то же время использовать реальную заинтересованность КНР в помощи со стороны СССР в военном и экономическом плане, поэтому он был вынужден в ответ на молчание Мао Цзэдуна тоже промолчать, затаить в себе свои мысли и попытаться на практике двинуть вперед дело обсуждения текста советско-китайского договора.

Что же касается характера Сталина, то весьма примечательно, что он, с одной стороны, проявил недюжинную выдержку и силу и постарался сохранить хотя бы внешне теплую атмосферу в двусторонних отношениях; попутно заметим, что власти и харизмы Сталина в тот вечер и в ту ночь хватило для того, чтобы заставить пить и плясать перед собой не только своих подчиненных, но и подданных Мао Цзэдуна, то есть всех, кроме самого Мао Цзэдуна.

Мао Цзэдун, со своей стороны, видел ситуацию как чрезвычайно серьезную. Упор на формальные моменты, на международные обычаи, ссылки на международное право и практику, которые делали фактически и Сталин, и Молотов, не были убедительны для Мао Цзэдуна.

Да и вообще необходимо сказать, что и Сталин, и Мао Цзэдун, когда кому-либо из них это было выгодно, ссылались на международное право, прямо и громогласно или в своих оценках для внутреннего пользования. Так, Мао Цзэдуну не нравилось нарушение Сталиным норм международного права, когда он поставил вопрос о неподсудности советских граждан, советских специалистов китайским властям и законам в тех случаях, когда они нарушили бы законы и правила, действовавшие на территории КНР. Со своей стороны, Сталин ссылался тоже на нормы международного права, на международные обычаи, когда речь шла о согласованном общем демарше официальных властей обеих стран перед лицом США и всего мира. И в то же время и Сталин, и Мао Цзэдун не считались с позицией партнера-соперника, если полагали это для себя выгодным и необходимым.

Сталин и Мао Цзэдун действовали в конечном счете как два «самодержца», как те, для кого иной раз вынужденно существовали некие «законы», а иной раз такие «законы» для них и не существовали, как те, кто способен на нарушение всякого «закона», на «беспредел». Для Сталина и Мао Цзэдуна любой «договор» или «соглашение», любая даже уже согласованная международная акция, даже уже осуществленное дипломатическое признание другого государства (СССР, МНР в одном случае; КНР или Китайской Республики в другом случае) – это только «бумажка», которую при необходимости можно не заметить и обойти.

Сталин и Мао Цзэдун внешне прикрывались положениями как бы общей для них «теории», то есть марксизма-ленинизма, а именно ссылались на интернациональный долг, на классовую солидарность, хотя сутью их политики была всегда смертельная борьба против всех тех, кого они в данный момент считали своими противниками; речь шла о борьбе не на жизнь, а на смерть, острием против острия, то есть о борьбе с целью уничтожения противника всеми доступными средствами; при этом предполагалось, что разрешены все приемы: и те, что уже использует против тебя противник, и те, до применения которых противник еще не додумался.

Сталин и Мао Цзэдун исходили при этом как бы из интересов своих наций. Сталин защищал интересы русских, как утверждали в КНР, когда хотели уязвить Сталина в отступничестве от интернационализма. Мао Цзэдун защищал интересы китайцев, как говорили в СССР, упрекая Мао Цзэдуна в великоханьском национализме. В общем, стороны обвиняли одна другую в великодержавном шовинизме. Частично это было и так, и вообще анализ с точки зрения национальных, а не классовых интересов больше объясняет в политике Сталина и Мао Цзэдуна. Однако на самом деле все решалось или определялось для каждого из них тем, что было еще более важным, самым важным и для Сталина, и для Мао Цзэдуна, а именно борьбой каждого из них за сохранение власти, за приобретение еще большей власти, то есть их собственными эгоистическими интересами, которые фактически

превалировали над всем остальным.

Мао Цзэдун, размышляя о том, что тогда происходило, мог сопоставлять содержание дипломатического демарша СССР, то есть заявления министра иностранных дел СССР А.Я. Вышинского, с тезисами своей собственной статьи, которая была опубликована в виде интервью руководителя управления информации Ху Цяому китайскому корреспонденту.

В своей статье (в интервью Ху Цяому) Мао Цзэдун называл утверждения Д. Ачесона «клеветническими». Однако если попытаться разобраться в том, что именно не нравилось Мао Цзэдуну, то оказывалось, что он упрекал США в том, что основой их политики было стремление превратить Китай в свою колонию, что они оказали за несколько последних лет помощь Чан Кайши в размере 6 млрд долларов, что США неверно понимали и свои собственные интересы, и интересы Китая. Из всех тезисов Мао Цзедуна в данном случае следовало, что он выдвигает те условия, при принятии которых США могли бы надеяться на благоприятное развитие двусторонних отношений с КНР; более того, в этом случае по-иному стоял бы, очевидно, с точки зрения Мао Цзедуна, и вопрос об отношениях между КНР и СССР. Особенно привлекала внимание цифра американской помощи Чан Кайши. Нельзя исключать того, что Мао Цзэдун заранее хотел принизить размеры той помощи в виде займа, которую в то время Сталин мог оказать Мао Цзэдуну (этот заем составил 300 млн долларов и был рассчитан на пять лет (1950—1954); в КНР – КПК демонстративно выражали недовольство столь «скромным» займом). Это был и намек на то, что нормализация отношений КНР и США потребовала бы от США отказа от односторонней помощи Чан Кайши и новых миллиардных вложений в военную и гражданскую экономику КНР.

Что же касается утверждений Д. Ачесона относительно намерений СССР поставить Китай под свой контроль, оккупировать четыре района в северной части Китая (Маньчжурию, обе Монголии – Внутреннюю и Внешнюю, Синьцзян), то Мао Цзэдун лишь объяснял, почему США так или иначе ставили эти вопросы, исходя из своих интересов в тот или иной момент. Более того, Мао Цзэдун, ссылаясь на казус с американским дипломатом, которого китайские коммунисты сначала арестовали, так как он оставался на занятой ими территории, а затем отпустили или, говоря формально, выдворили за пределы территории КНР именно в то время, когда Мао Цзэдун находился в Москве, доказывал, что в Маньчжурии за СССР осталось лишь право участвовать в совместном хозяйственном управлении КВЖД, что Маньчжурия находится исключительно под контролем китайцев. Мао Цзэдун считал необходимым довести до сведения американцев, что он не пойдет на требования Сталина дать гарантии не пускать в ряд регионов Китая граждан США, других западных государств.

Мао Цзэдун в своей статье не говорил специально о состоянии советско-китайских отношений, он не говорил о «бескорыстном друге – СССР», он не критиковал следующее утверждение Д. Ачесона: «Интересы русских в Северном Китае и в других районах страны существовали задолго до появления коммунизма. Это все началось не с появлением коммунизма. Это существовало задолго до появления коммунизма». Таким образом, Мао Цзэдун в ответ на речь Д. Ачесона, с одной стороны, показывал, что он желает проводить свою политику в отношении любой страны, будь то США или СССР. Во-вторых, он перечислял свои исторические претензии к США: стремление Вашингтона добиваться своей политикой превращения Китая в американскую колонию, помощь сопернику Мао Цзедуна в политической и военной борьбе в Китае, то есть помощь Чан Кайши. Мао Цзэдун также ставил в вину американцам их непоследовательность, в частности то, что они в зависимости от обстоятельств по-разному толковали характер отношений СССР и КПК, что объяснялось ориентацией Вашингтона на Чан Кайши.

Мао Цзэдун делал особый упор на доказательство того, что США могут не волноваться: Мао Цзэдун не допустит господства русских в Маньчжурии.

Наконец, Мао Цзэдун намеренно и специально не реагировал на ряд высказываний Д. Ачесона, утверждавшего, что Россия действовала в истории, задолго до появления СССР, в своих интересах, то есть во вред интересам Китая. Мао Цзэдун полагал, что эти слова

государственного секретаря США отражали факты; более того, главное тут было в том, что Мао Цзэдуну был близок взгляд на Сталина как на преемника политики прежней России в отношении Китая, политики, которую Мао Цзэдун если не огульно, то почти полностью считал вредной для Китая.

Итак, Мао Цзэдун, возможно, сам же и спровоцировав речь государственного секретаря США, использовал ее появление и ситуацию, когда он знал о предстоящем появлении официального заявления Министерства иностранных дел СССР (то есть фактически заявления Сталина) по этому поводу, для того чтобы выступить с разъяснением американцам своей политики в отношении США и СССР в момент, когда приближалось подписание договора между СССР и КНР; фактически Мао Цзэдун раскрыл перед Вашингтоном свою принципиальную позицию по вопросам советско-китайских и китайско-американских отношений в ходе бесед со Сталиным в Москве.

Мао Цзэдун в этом своем выступлении практически лишь формально осудил высказывания Д. Ачесона как клевету, но, по сути дела, не только не выступил в едином строю со Сталиным против утверждений Вашингтона, но как бы молчаливо солидаризировался с антирусскими и антисоветскими высказываниями американца по вопросу о характере политики России (а вслед за ней и СССР), по отношению к Китаю. Таким образом, Мао Цзэдун показал американцам, что им не следует опасаться союза Москвы и Пекина.

Далее, Мао Цзэдун использовал эту возможность для того, чтобы довести до Вашингтона свои условия движения по пути налаживания нормальных отношений с Вашингтоном в будущем.

Министр иностранных дел СССР А.Я. Вышинский (а по сути дела, сам Сталин) делал особый упор именно на осуждении высказываний Д. Ачесона по вопросу о Монгольской Народной Республике. При этом министр иностранных дел СССР напоминал о том, что МНР существует уже три десятилетия, что ее статус оговаривался в Ялтинском соглашении, а следовательно, США тогда соглашались с ним. Он также напоминал, что в 1945 г. Китайская Республика признала МНР, а КНР в 1949 г. установила с ней дипломатические отношения.

В своей статье (в интервью Ху Цяому) Мао Цзэдун ни словом не затронул эту проблему. Иными словами, он не осудил высказывания Д. Ачесона.

Мао Цзэдун сделал это совершенно сознательно. Он хотел показать и своим коллегам по руководству КПК – КНР, и американцам, всему внешнему миру, включая и СССР, Сталина, что КПК и КНР не будут подстраиваться в этом вопросе под мнение Сталина, идти за ним. Мао Цзэдун пошел в данном случае наперекор Сталину не только потому, что Сталин позволил себе осуждать такую форму демарша Пекина, как опубликование интервью Ху Цяому вместо заявления министра иностранных дел, и не только потому, что упреки Сталина и Молотова затрагивали суверенитет и самоуважение КПК и КНР, но и потому, что упреки со стороны Сталина, в которых Мао Цзэдун усмотрел проявление великодержавного шовинизма, вызвали у него глубокое возмущение, гнев и размышления.

Мао Цзэдун полагал, что, с одной стороны, важно не забывать, что Россия сыграла неблагоприятную роль в истории двусторонних отношений, но, с другой стороны, следует помнить о том, что Ленин и Сталин оказывали помощь Китаю, вследствие чего и стали звучать лозунги: «Россия – наш учитель!», «Идти по пути русских!»

Однако, с точки зрения Мао Цзэдуна, еще более важным было то, что в конце Второй мировой войны, или Войны сопротивления Японии, Сталин оказал давление на Чан Кайши и заставил его принять позорные условия, подписать, с точки зрения Мао Цзэдуна, так называемый или пресловутый «Советско-китайский договор о дружбе и союзе». Во время переговоров в Москве в 1945 г. Сталин дал представителям гоминьдановского правительства Сун Цзывэню и Цзян Цзинго заверения в том, что «СССР поможет гоминьдановскому правительству объединить Китай». Сталин заставил в 1945 г. делегацию правительства Китайской Республики подписать четыре соглашения: упомянутый договор о дружбе и союзе, а также документы о Восточно-Маньчжурской и Южно-Маньчжурской железных

дорогах, о Порт-Артуре и Дальнем, а также о МНР или, в терминологии Мао Цзэдуна, о «так называемой независимости Внешней Монголии».

Мао Цзэдун реагировал на это. В июле 1949 г. делегация КПК во главе с Лю Шаоци вела переговоры со Сталиным в Москве. Произошел обмен мнениями и по этому вопросу. Тогда позиция Сталина была предельно ясной. Он сказал: «Как только будет создано правительство Нового Китая, так СССР немедленно признает его. Советско-китайский договор 1945 года – это неравноправный договор, так как в то время мы имели дело с Гоминьданом. Тогда мы не могли поступить иначе».³¹⁶

Мао Цзэдун не мог согласиться с тем, что теперь, давая ответ Д. Ачесону, Сталин представил этот договор снова как равноправный. Очевидно, что Мао Цзэдун не желал в данном случае считаться с тем, что высказывания, содержащиеся в заявлении советского министра иностранных дел, были предназначены прежде всего для Вашингтона, то есть Мао Цзэдун не соглашался с тем, что у Сталина есть право в дипломатических целях говорить Вашингтону одно, а в закрытом порядке заверять Мао Цзэдуна в другом. Ведь Сталин полагал, что он таким образом защищает общие интересы всех коммунистов планеты, единые интересы социалистического лагеря перед лицом общего противника, что же касается взаимоотношений внутри этого лагеря, то Сталин предпочитал рассматривать этот вопрос отдельно и относить его возможные решения на будущее. Для Сталина вопросы отношений между нациями были подчиненными относительно вопросов отношений в мире между классовыми врагами. Мао Цзэдун же выдвигал на первый план именно вопросы отношений между нациями, а если говорить точнее, то территориальные и прочие исторические претензии Китая к другим странам.

С другой стороны, сам Мао Цзэдун стремился разграничивать два вопроса. Один – вопрос об установлении дипломатических отношений с МНР. Другой – вопрос о неравноправных договорах и об ошибочных методах Сталина, который исходил, с точки зрения Мао Цзэдуна, из позиций великодержавного шовинизма. Поэтому в интервью Ху Цяому, то есть в статье Мао Цзэдуна, по вопросу о Монголии и не было сказано ни слова.

Сталин, учитывая позицию Мао Цзэдуна, больше не стал возвращаться к этому вопросу.

Тем не менее Сталин нашел пути косвенного выражения своего мнения по следам случившейся между ними размолвки.

В одном из последующих разговоров с Мао Цзэдуном Сталин, осознавая, что между ним и Мао Цзэдуном недостает взаимопонимания, что существуют особенности культуры Китая, подробно выяснял для себя смысл многих китайских вещей и явлений, в том числе и самых повседневных.

Выслушав подробные разъяснения Мао Цзэдуна, Сталин сказал своим коллегам, что китайский язык, китайская письменность имеют свой особый национальный характер; тут все совершенно не похоже на представления, имеющиеся в языках Европы и Америки. При этом Сталин заявил, что китайская нация – это великая нация, а Мао Цзэдун – великий сын китайской нации! «Слышали, надо уважать культуру Китая, уважать Мао Цзэдуна!» – сказал Сталин.³¹⁷

Сталин был в достаточной степени дипломатичен, чтобы подчеркнуть свое внимание к культуре Китая, к китайцам, лично к Мао Цзэду. Во всяком случае Сталин подчеркивал свое уважение к культуре и особенностям Китая, стремясь тем самым и нащупывать общую почву в переговорах и отношениях с Мао Цзэдуном.

Мао Цзэду никогда не приходила в голову мысль о том, что взаимное недопонимание существует и потому, что он сам, Мао Цзэдун, не ценил культуру России, не

³¹⁶ Там же. С. 362.

³¹⁷ Там же. С. 362—363.

призывал своих сторонников понимать, что эта культура им неизвестна, что она самобытна и оригинальна, что в ней есть чему поучиться, что это не китайская культура, а потому следует учиться уважать и понимать и культуру России, и людей России. Словом, одним из важнейших недостатков Мао Цзэдуна было то, что он, очевидно органически, был неспособен относиться к другим народам, их культурам как к равным своему народу и культуре своего народа. Неравноправие в отношениях к другим народам – неотъемлемое качество Мао Цзэдуна.

Сталину был присущ великодержавный шовинизм. Мао Цзэдун тоже был болен этой болезнью. При этом Сталин хотя бы на словах проявлял уважение к культуре другого народа, а Мао Цзэдун этого не делал никогда; его шовинизм и презрение к другим народам были по сравнению со сталинским великодержавным шовинизмом в квадрате. Весьма примечательно, что Мао Цзэдун практически совершенно не интересовался ни нашей страной, ни ее культурой, ни фактически даже историей ВКП(б) и не задавал в этой связи никаких вопросов Сталину.

Сталин во время пребывания Мао Цзэдуна в Москве проявлял инициативу для того, чтобы беседовать с Мао Цзэдуном, расспрашивать его о Китае, в том числе и о китайской революции.

Однажды, когда переговоры относительно текста договора были очень затяжными и напряженными, Сталин пригласил Мао Цзэдуна, Чжоу Эньлая, Ван Цзясяна в соседнюю комнату и попросил Мао Цзэдуна откровенно высказать то, что у него лежало на сердце.

Мао Цзэдун снова начал рассказывать о том, как в период аграрной революции в Китае он подвергся нападкам со стороны тех, кто проводил ошибочную линию, тогда его даже оттеснили от руководства. «Они отняли у меня право высказывать свое мнение, не позволяли мне участвовать в работе...»

Сталин, как обычно, серьезно и внимательно слушал Мао Цзэдуна. Судя по выражению его лица, отмечал китайский переводчик, Сталин и симпатизировал Мао Цзэдуну, и испытывал некую неловкость.

Мао Цзэдун же все более воодушевлялся. Внезапно он даже встал с кресла и, указывая на Ван Цзясяна, сказал: «Он, они, именно они и наносили по мне удары, вытесняли и оттесняли меня! Вот он и есть тот самый человек, который в Советских районах [Китая] и совершал эти ошибки!»

Чжоу Эньлай и Ван Цзясян просто места себе не находили, не знали, как реагировать, как остановить Мао Цзэдуна.

Сталин же сказал с удивлением: «Ну, посол Ван, ну ты и силен; значит, ты тоже совершал такие ошибки?!»

Ван Цзясян искренне ответил: «Да, совершал».

Мао Цзэдун почувствовал, что он слишком разошелся, и исправил положение: «Он давно уже исправился. А теперь он у нас сильный работник. После проведения нами движения за исправление стиля работы в Яньани мы осуществляли курс на то, чтобы извлекать урок из ошибок прошлого в назидание на будущее и относиться к тем, кто ошибался, как к больным, лечить и вылечивать их. Совершил ошибку, исправь ее, и дело с концом. А уж если исправился, тогда мы больше не будем и вспоминать о прошлом, как говорится, прошлое тут в вину не ставится, за прошлое не взыскивается. Я и сам совершал ошибки, но я осознавал и исправлял их, исправлял втихомолку, украдкой!».³¹⁸

Думается, что эта сцена говорит об уровне культурности Мао Цзэдуна, а также о том, что в беседах со Сталиным Мао Цзэдун никак не выглядел великим мыслителем. Более того, поведение Мао Цзэдуна наводит на мысли о его неуравновешенности и об отклонениях в его психике; ведь он повторялся в беседах со Сталиным и заклинивался на вопросе о своих обидах.

³¹⁸ Там же. С. 363.

Конечно, Сталин не давал Мао Цзэдуну почувствовать свои подлинные настроения. Более того, Сталин понял, что следует проявлением внимания к рассказам Мао Цзэдуна создавать определенную атмосферу в ходе переговоров и встреч.

Знакомившийся с архивом президента Российской Федерации Д.А. Волкогонов писал, что на Сталина произвела большое впечатление старинная китайская притча, рассказанная однажды ему в беседе Мао Цзэдуном.

...На севере Китая жил старик по имени Юй-гун («глупый дед»). Дорогу от его дома на юг преграждали две большие горы. Юй-гун решил вместе с сыновьями скрыть эти горы мотыгами. Увидев это, другой старик, Чжи-соу («мудрый старец»), рассмеялся и сказал: «Где же вам скрыть такие горы? Глупостями занимаетесь...» Юй-гун ответил: «Я умру – останутся дети, дети умрут – останутся внуки, и так поколения будут сменять друг друга бесконечной чередой. Горы высоки, но выше уже стать не могут: сколько сроем, настолько они и уменьшатся. Почему же нам не под силу их скрыть?» Юй-гун продолжал рыть горы... Это растрогало бога, и он унес эти горы...

Сталин помолчал и негромко прокомментировал: «Диалектика». А Мао заключил: сейчас две большие горы давят на Китай: феодализм и империализм.³¹⁹

Сталин любил при случае и такого рода философствования. Это было ему по душе, особенно когда рассказывал такие притчи он сам или, на худой конец, кто-то вроде Мао Цзэдуна, то есть политический деятель, с которым приходилось считаться.

Сталин был осторожен в оценке этого рассказа. Он всего-навсего расценил это как проявление диалектики в мышлении.

Вероятно, он понимал, что, как и обычно, все такого рода истории в устах Мао Цзэдуна имели двойное и тройное дно. Мао Цзэдун в данном случае, конечно же, имел в виду необходимость диалектического подхода к проблемам, но, помимо того, он намекал на то, что кое-кто мнит себя «мудрецом», считая его, Мао Цзэдуна, «туповатой деревенщиной, китайским Пугачевым», причем сильно ошибается в своих оценках. Далее Мао Цзэдун отметил, что он имел в виду борьбу против феодализма и империализма; политике Сталина, по мнению Мао Цзэдуна, в частности, были присущи и черты феодализма, и свойства империализма. Вполне очевидно, что Мао Цзэдун намекал и на то, что он собирается долго и упорно работать с той целью, чтобы проложить себе, своей нации путь на юг, то есть намерен добиться изменения отношений с другими странами, помимо Советского Союза, который находился к северу от Китая; здесь, пожалуй, таилась и мысль Мао Цзэдуна об установлении, несмотря на противодействие Сталина, в конечном счете отношений и с США. Можно предположить и то, что Мао Цзэдун под «двумя горами», которые пока засты свет Китаю, имел в виду Россию (СССР) и США. Согласно мысли Мао Цзэдуна, когда-нибудь настанет такое время, когда китайцы «сроят» эти «две горы» на своем пути. Вполне вероятно, что это еще далеко не все задумки, которые имелись у Мао Цзэдуна тогда, когда он рассказывал Сталину эту притчу.

Д.А. Волкогонов также указывал на то, что 22 января 1950 г. в беседе со Сталиным Мао Цзэдун засомневался, что их договоренность «задевает решения Ялтинской конференции»... Сталин же ответил: «Верно, задевает, ну и черт с ним! Раз мы стали на позицию изменения договоров, значит, нужно идти до конца...»³²⁰

Этот момент во взаимоотношениях Сталина и Мао Цзэдуна представляется весьма любопытным. Ведь тут, по сути дела, Сталин выступает в роли «возмутителя спокойствия» в мире, то есть ради налаживания отношений с Мао Цзэдуном он готов идти и на какое-то обострение отношений с США; в то же время Мао Цзэдун, с одной стороны, выглядит как

³¹⁹ Эту притчу Мао впервые использовал еще в июне 1945 г., когда выступал с речью при закрытии седьмого съезда КПК. Цит. по: Волкогонов Д.А. Семь вождей. – М., 1995. – С. 252.

³²⁰ АПРФ. Ф. 45. Оп. 1. Д. 329. Л. 32. Цит. по: Волкогонов Д.А. Семь вождей. – С. 252—253.

человек осторожный, советующий Сталину бережно относиться к сохранению баланса сил в мире, но, с другой стороны, позиция Мао Цзэдуна в данном случае, как нам представляется, это не более чем провокация, толкающая Сталина на еще большую «неосторожность» в отношениях с США.

Спустя два года Сталин в беседах с Чжоу Энляем, который посещал его в Москве по поручению Мао Цзэдуна, не раз высказывался на темы мировой политики.

Так, 3 сентября 1952 г. Сталин сказал Чжоу Энляю: «Хорошо, если бы в Бирме было прокитайское правительство. В бирманском правительстве немало жуликов, изображающих из себя каких-то деятелей...»

Узнав, что Мао Цзэдун подавил восстание в Тибете, Сталин посоветовал Чжоу Энляю: «Надо туда строить дорогу. Без дороги трудно поддерживать в Тибете должный порядок. Тибетские ламы продаются кому угодно – и американцам, и англичанам, и индусам, всем, кто больше заплатит».³²¹

Политический цинизм, в котором Сталин и Мао Цзэдун время от времени как бы стремились перешеголять один другого, был постоянным спутником политики и того и другого. При этом весьма характерно то, что в этих случаях обычно Мао Цзэдун, сразу или повременив, следовал советам Сталина. Сталин же не получал и не принимал никаких советов такого рода от кого бы то ни было, включая Мао Цзэдуна.

14 февраля 1950 г. в Кремле состоялась торжественная церемония подписания советско-китайского договора о дружбе, союзе и взаимной помощи.

Сталин и Мао Цзэдун прибыли на церемонию, обменялись рукопожатиями, осведомились взаимно о здоровье друг друга, и торжество началось.

От имени КНР договор подписал премьер Государственного административного совета и по совместительству министр иностранных дел КНР Чжоу Энлай. От имени СССР под документом поставил свою подпись министр иностранных дел СССР А.Я. Вышинский. Чжоу Энлай и Вышинский обменялись речами.

В тот день одновременно были подписаны несколько документов: договор о дружбе, союзе и взаимной помощи между СССР и КНР, соглашение о КЧЖД, Порт-Артуре и Дальнем, соглашение о предоставлении кредита Китайской Народной Республике, а также соглашение о предоставлении Советским Союзом помощи КНР в строительстве 50 промышленных объектов.

Первоначально предполагалось подписать также и соглашение о внешней торговле. Однако оно оказалось не готово к подписанию, как утверждали в КНР в литературе, посвященной этим событиям, из-за небрежности, допущенной работниками советской стороны. Когда же Сталин, недоумевая в связи с отсутствием этого документа, осведомился, в чем дело, ему доложили, что «не готов китайский текст».

Ши Чжэ услышал эти слова и перевел их Мао Цзэдуну, который был весьма недоволен и с иронией сказал: «Ну, конечно, как ни крути, а у них во всех ошибках всегда мы виноваты!»

Сталин, не понимая по-китайски, обратил внимание на выражение лица Мао Цзэдуна и поинтересовался: «Что сказал председатель Мао?»

Ши Чжэ уклонился от прямого ответа, сказав лишь, что они с Мао Цзэдуном обменялись мнениями «в частном порядке».

Сталин с сомнением покачал головой, но больше ничего не спросил.

Сталин был чуть ниже ростом, чем Мао Цзэдун. Во время фотографирования участников официальной церемонии подписания советско-китайского договора Сталин чуть подался вперед и поэтому на снимке оказался одного роста с Мао Цзэдуном.

После церемонии Сталин дал банкет в честь Мао Цзэдуна и китайской делегации. Банкет был непродолжительным, но атмосфера была теплой. Сталин предложил тост:

³²¹ Там же. Л. 86—87.

«Товарищ Мао Цзэдун, за полный успех вашего визита к нам!»

Мао Цзэдун осушил рюмку и поблагодарил Сталина за радушный прием и за помощь, пожелал Сталину здоровья.

Молотов, Микоян, Вышинский по поручению Сталина вели конкретные переговоры относительно текста подписанного договора с Чжоу Энляем, Ли Фучунем и Ван Цзясяном. В ходе переговоров они лучше узнали друг друга.

Микоян, намекая на дипломатический талант Чжоу Энлая и поднимая бокал за его здоровье, с юмором сказал: «Теперь я наконец понял, почему Коммунистическая партия Китая пришла к власти».

Чжоу Энлай в ответ заметил: «Товарищ Микоян, скоро вы сможете увидеть, что Коммунистическая партия Китая способна, руководя народом, построить процветающий Новый Китай».

Прежде чем рассматривать некоторые особенности нового советско-китайского договора, представляется естественным привести здесь его полный текст; тем более что это позволит сопоставлять тексты договоров 1950 г. и 1945 г. (этот текст включен в монографию автора «Два генералиссимуса Сталин и Чан Кайши»):

«Договор о дружбе, союзе и взаимной помощи между Союзом Советских Социалистических Республик и Китайской Народной Республикой

Президиум Верховного Совета Союза Советских Социалистических Республик и Центральное народное правительство Китайской Народной Республики,

исполненные решимости путем укрепления дружбы и сотрудничества между Союзом Советских Социалистических Республик и Китайской Народной Республикой совместно воспрепятствовать возрождению японского империализма и повторению агрессии со стороны Японии или какого-либо другого государства, которое объединилось бы в любой форме с Японией в актах агрессии,

исполненные желания укреплять длительный мир и всеобщую безопасность на Дальнем Востоке и во всем мире в соответствии с целями и принципами Организации Объединенных Наций,

глубоко уверенные, что укрепление отношений доброго соседства и дружбы между Союзом Советских Социалистических Республик и Китайской Народной Республикой отвечает коренным интересам народов Советского Союза и Китая,

решили с этой целью заключить настоящий договор и назначили в качестве своих уполномоченных:

Президиум Верховного Совета Союза Советских Социалистических Республик – Андрея Януарьевича Вышинского, министра иностранных дел Союза ССР,

Центральное народное правительство Китайской Народной Республики – Чжоу Энлая, Премьера Государственного административного совета и министра иностранных дел Китая.

Оба полномочных представителя после обмена своими полномочиями, найденными в должной форме и полном порядке, согласились о нижеследующем:

Статья 1

Обе Договаривающиеся Стороны обязуются, что ими совместно будут предприниматься все имеющиеся в их распоряжении необходимые меры в целях недопущения повторения агрессии и нарушения мира со стороны Японии или любого другого государства, которое прямо или косвенно объединилось бы с Японией в актах агрессии. В случае, если одна из Договаривающихся Сторон подвергнется нападению со стороны Японии или союзных с ней государств, и она окажется, таким образом, в состоянии войны, то другая Договаривающаяся Сторона немедленно окажет военную и иную помощь всеми имеющимися в ее распоряжении средствами.

Договаривающиеся Стороны также заявляют о своей готовности в духе искреннего

сотрудничества участвовать во всех международных действиях, имеющих своей целью обеспечение мира и безопасности во всем мире и будут полностью отдавать свои силы скорейшему осуществлению этих целей.

Статья 2

Обе Договаривающиеся Стороны обязуются в порядке взаимного согласия добиваться заключения в возможно более короткий срок совместно с другими союзными во время второй мировой войны державами мирного договора с Японией.

Статья 3

Обе Договаривающиеся Стороны не будут заключать какого-либо союза, направленного против другой Стороны, а также не будут участвовать в каких-либо коалициях, а также в действиях или мероприятиях, направленных против другой Стороны.

Статья 4

Обе Договаривающиеся Стороны будут консультироваться друг с другом по всем важным международным вопросам, затрагивающим общие интересы Советского Союза и Китая, руководствуясь интересами укрепления мира и всеобщей безопасности.

Статья 5

Обе Договаривающиеся Стороны обязуются в духе дружбы и сотрудничества и в соответствии с принципами равноправия, взаимных интересов, а также взаимного уважения государственного суверенитета и территориальной целостности и невмешательства во внутренние дела другой Стороны – развивать и укреплять экономические и культурные связи между Советским Союзом и Китаем, оказывать друг другу всякую возможную экономическую помощь и осуществлять необходимое экономическое сотрудничество.

Статья 6

Настоящий договор вступает в силу немедленно со дня его ратификации; обмен ратификационными грамотами будет произведен в Пекине.

Настоящий договор остается в силе в течение 30 лет, причем если одна из Договаривающихся Сторон за год до истечения срока не заявит о желании денонсировать договор, то он будет продолжать оставаться в силе в течение 5 лет и в соответствии с этим правилом будет пролонгироваться.

Составлено в г. Москве 14 февраля 1950 года в двух экземплярах, каждый на русском и китайском языках, причем оба текста имеют одинаковую силу.

По уполномочию Президиума

Верховного Совета Союза

Советских Социалистических Республик

А. Вышинский

По уполномочию Центрального народного правительства

Китайской Народной Республики

Чжоу Эньлай» .³²²

В литературе, изданной в КНР, утверждалось, что проект советско-китайского договора о дружбе, союзе и взаимной помощи был составлен на основе принципов, определенных в ходе обмена мнениями между Сталиным и Мао Цзэдуном, а также Чжоу Эньлаем. Работа над самим документом началась с того, что советская сторона, учитывая основные идеи, выдвинутые Чжоу Эньлаем, и его мнение относительно основного содержания договора, изложенное в его выступлении, представила на рассмотрение китайской делегации свой проект договора.

Чжоу Эньлай, ознакомившись с этим проектом, сказал: «Так не пойдет. Сюда не включено многое из того, о чем я говорил. Надо будет вносить поправки».

Чжоу Эньлай сначала посоветовался с Ван Цзясяном, Ли Фучунем, Чэнь Бода, а затем

³²² *Известия. 1950. № 39. – 15 февр.*

доложил о ситуации Мао Цзэдуну.

Мао Цзэдун прочитал проект договора, представленный советской стороной, и отрицательно покачал головой: «Это не годится. Давайте мы сами составим свой проект!»

После этого Чжоу Энлай за два дня подготовил новый проект договора, который Ши Чжэ быстро перевел на русский язык. Затем проект был передан советской стороне для внесения поправок. Советская сторона, ознакомившись с проектом, выразила удовлетворение. Представленный китайской стороной проект, после внесения в него небольших изменений, был одобрен советской стороной.

Первоначально договор носил следующее наименование: «Договор о дружбе и союзе между СССР и КНР». Иначе говоря, советская сторона предложила то же самое наименование, которое носил и договор, подписанный СССР и Китайской Республикой в 1945 году. Чжоу Энлай предложил внести в наименование договора слова «и взаимной помощи». Мао Цзэдун одобрил мысль Чжоу Энлая: «Было бы хорошо добавить слова «и взаимной помощи», потому что здесь выражена идея равенства, равноправия и взаимной выгоды, интересов обеих сторон; речь идет о взаимно оказываемой помощи!» В результате, так как советская сторона приняла эту поправку, договор и получил свое окончательное официальное наименование: «Договор о дружбе, союзе и взаимной помощи между СССР и КНР».

Китайская сторона в работах, посвященных истории подписания договора, утверждает, что именно благодаря настойчивости Мао Цзэдуна и китайской стороны был заключен и сам договор и был определен тридцатилетний срок его действия. Китайская сторона также признавала, что этот договор сыграл позитивную роль и в сдерживании возрождения японского милитаризма, и в защите независимости Нового Китая.

Спустя некоторое время после подписания договора Сталин дал в Кремле банкет в узком составе. На банкет были приглашены Мао Цзэдун, Чжоу Энлай, другие китайские гости, а также руководитель Вьетнама Хо Ши Мин.

Во время банкета Хо Ши Мин обратился к Сталину: «Товарищ Сталин, мне бы хотелось получить ваши указания».

Сталин улыбнулся: «Почему это вы у меня просите указаний? Я всего-навсего председатель Совета министров, а вы – глава государства. Вы по чину выше, чем я. Это мне следует просить у вас указаний».

Хо Ши Мин как бы в шутку продолжил: «Вот вы подписали договор с китайскими товарищами. Давайте воспользуемся тем случаем, что я нахожусь здесь, и давайте мы с вами подпишем тоже договор!»

Сталин сказал: «Вы прибыли к нам тайно. Как же мы можем с вами подписывать договор? Ведь люди могут спросить, а этот откуда свалился?»

Хо Ши Мин с юмором ответил: «Ну, это просто. Давайте самолет, грузите меня на него, поднимайте в небо; пусть он там сделает круг, а вы пошлите на аэродром кого-нибудь встречать меня. А потом опубликуйте в газетах сообщение об этом. Разве мы таким образом не сможем легализовать мой визит? А уж затем наши два государства могли бы и договор подписать!»

Сталин ничего не сказал на это. Он затаился дымом, улыбнулся и промолвил: «Да, у вас, людей Востока, большая сила воображения».

Так Сталин в присутствии Мао Цзэдуна прозрачно намекнул на условность рассуждений о «калибре» первых руководителей компартий и соответствующих стран, а также на то, что сам он прочно стоит на почве реальности, но вынужден иметь дело с такими руководителями стран Востока, которых отличает «большая сила воображения» и которые иной раз просто живут в воображаемом мире своих размышлений.

Подчеркнем, что первая статья советско-китайского договора о дружбе, союзе и взаимной помощи гласила: «Обе Договаривающиеся Стороны обязуются, что ими совместно будут предприниматься все имеющиеся в их распоряжении необходимые меры в целях недопущения повторения агрессии и нарушения мира со стороны Японии или любого

другого государства, которое прямо или косвенно объединилось бы с Японией в актах агрессии. В случае, если одна из Договаривающихся Сторон подвергнется нападению со стороны Японии или союзных с ней государств, и она окажется, таким образом, в состоянии войны, то другая Договаривающаяся Сторона немедленно окажет военную и иную помощь всеми имеющимися в ее распоряжении средствами».

После возвращения из СССР Мао Цзэдун председательствовал на заседании правительства КНР, которое состоялось 11 апреля 1950 г. На этом заседании Чжоу Эньлай выступил с докладом о советско-китайском договоре. На заседании после обсуждения договор был утвержден или ратифицирован. (Кстати, кинодокументы свидетельствуют о том, что Мао Цзэдун поставил на голосование этот вопрос. Все присутствовавшие подняли руки, кроме Мао Цзэдуна.) На этом заседании Мао Цзэдун, в частности, отметил следующее:

«Можно задаться вопросом о том, находясь в каком именно положении, мы подписали этот договор? А вот в каком именно положении: мы одержали победу над одним врагом, то есть над реакцией внутри нашей страны; мы свергли нашу внутреннюю реакцию, во главе которой стоял Чан Кайши и которая пользовалась поддержкой зарубежных реакционеров. Зарубежных реакционеров мы также изгнали из пределов нашей страны, в основном изгнали. Однако в мире есть и еще реакционные силы, я имею в виду зарубежный империализм. Ну и внутри нашей страны у нас еще очень много трудностей... Вот в этих-то условиях мы и испытываем необходимость в друге... Наши отношения с СССР, нашу дружбу с СССР мы должны были закрепить на правовой основе, то есть в договоре. Мы должны были скрепить договором дружбу двух государств – КНР и СССР, должны были установить между нашими двумя государствами союзные отношения... Если империалисты будут готовы нанести по нам удар, воевать против нас, на этот случай мы и договорились, пригласили себе помощника, подручного».

Говоря о главном смысле и договора, и соответствующих соглашений, Мао Цзэдун также указывал на следующее:

«Заключая в настоящее время китайско-советский договор и соглашения, мы тем самым юридически закрепляем дружбу между нашими двумя государствами, КНР и СССР. Тем самым мы приобретаем надежного союзника, что позволяет нам свободно действовать, разворачивая строительство внутри нашей страны, и содействует тому, чтобы совместными усилиями отражать возможную агрессию со стороны империализма, добиваться мира во всем мире». Одним словом, «эта акция позволяет нашей Республике занять более выгодное положение, заставить капитализм действовать так, как нам это нужно, это благоприятствует тому, чтобы все государства без каких бы то ни было условий признали Китай...»

...эта акция имеет своим следствием то, что капитализм не отважится на опрометчивые, безрассудные действия». ³²³

Мао Цзэдун в дальнейшем полагал, что подписание этого договора имело и некоторые негативные последствия. США и Япония, например, сочли, что, вступив в этот договор, СССР и КНР стали рассматривать Японию и ее защитника и покровителя США в качестве своего вероятного противника. В результате государственный секретарь США Д. Ачесон, выступая в Вашингтоне 15 марта 1950 г., выразил сожаление и недовольство тем, что Пекин вступил на путь союза с СССР. Под этим предлогом Запад в дальнейшем в 1951 г. оформил свои союзнические отношения с Японией. Вскоре был заключен «Американо-японский договор о взаимной безопасности».

Мао Цзэдун и его сторонники утверждали, что Сталин ранее, то есть до приезда Мао Цзэдуна в Москву, высказывал подозрения относительно Мао Цзэдуна и специфического китайского революционного пути; однако во время переговоров в Москве Сталин проявил полное уважение к Мао Цзэдуну и возглавлявшейся им делегации Нового Китая и не только согласился с предложением Мао Цзэдуна и пошел на заключение советско-китайского

³²³ Лю Цзечэн... С. 366—370.

договора о дружбе, союзе и взаимной помощи, но и сделал целый ряд явных уступок в вопросах двусторонних отношений. Русские согласились до конца 1952 г. безвозмездно передать КНР КЧЖД, а после заключения мирного договора с Японией не позднее конца 1952 г. вывести советские войска из Порт-Артура, а также передать КНР все оборонительные сооружения в этом районе. СССР пошел на это при следующем условии: в случае войны этими оборонительными сооружениями могли пользоваться совместно обе стороны. СССР также безвозмездно передавал китайской стороне свое имущество, находившееся в Пекине. СССР согласился в течение пяти лет предоставить КНР заем в сумме 300 миллионов американских долларов (в дальнейшем китайская сторона подчеркивала незначительность этой суммы, с ее точки зрения, а также то, что заем был предоставлен под проценты; советская сторона указывала на то, что проценты были самые низкие в мировой практике того времени). Все это представляло собой резкий контраст по сравнению с тем договором, который был подписан в 1945 г. СССР и Китайской Республикой.³²⁴

Думается, что имелись нюансы в толковании сути договора 1950 г. подписавшими его сторонами. Обе стороны были заинтересованы в обеспечении мирных условий для развития своих государств; отсюда обе стороны гарантировали друг другу мир в двусторонних отношениях; более того, они в известной степени предупреждали внешние потенциально враждебные им силы, что могут совместно оказывать отпор нападению на каждую из них. Для СССР, для Сталина было, очевидно, самым важным связать оба государства взаимоотношениями дружбы и союза, или, иными словами, заставить Мао Цзэдуна оказаться привязанным к Советскому Союзу в качестве его военного союзника, что закреплялось в договорной форме. Для Мао Цзэдуна важно было такой гранью повернуть толкование этого документа, чтобы внешний мир увидел в нем прежде всего проявление стремления Мао Цзэдуна, КПК – КНР к независимости и самостоятельности, отдельности от СССР и понял, что для только что образованной тогда КНР важно было обеспечить невступление любой страны, в том числе, и в данном случае особенно, Советского Союза, в какие-либо союзы, альянсы, направленные против КНР. Для Мао Цзэдуна важным представлялось подчеркивать в качестве основной мысли советско-китайского договора идею равноправия сторон, лишь на втором месте оказывалось (фактически как вынужденное) принятие предложения Сталина о взаимной военной и иной помощи друг другу, если одна из договаривавшихся сторон подверглась бы агрессии, которую развязало бы третье государство, в одиночку или со своими союзниками.

Возможно, что Мао Цзэдун уже тогда сделал для себя вывод о том, что для КНР практически не существует серьезной угрозы извне (не случайно в начале корейской войны Мао Цзэдун подчеркивал, что эта война будет носить лишь сугубо локальный характер); во всяком случае при том условии, что КНР не будет находиться в союзных отношениях с СССР или что эти отношения, как станет ясным внешнему миру, существуют только на бумаге. Для Мао Цзэдуна договор 1950 г. был только бумажкой в части военного союза с Советским Союзом; Мао Цзэдун не собирался действовать в военном союзе с СССР, во всяком случае, не желал следовать за военной политикой СССР. Об этом свидетельствовала политика, которую Мао Цзэдун проводил уже в 50-х гг. Да и Сталин своей осторожностью в ходе корейской войны, своим нежеланием ставить СССР под угрозу прямого военного столкновения с США продемонстрировал, что и он не намерен подвергать безопасность СССР угрозе ради рискованных действий Мао Цзэдуна; в этом смысле договор 1950 г. был «бумажкой» и для Сталина, и для Мао Цзэдуна. В целом же Мао Цзэдун с самого начала, с момента образования КНР, на словах будучи вынужден говорить о том, что он «склоняется в одну сторону», то есть встает на сторону СССР в его противостоянии с США и Западом в целом, по сути дела, взял твердый курс на то, чтобы в военном отношении не находиться ни в какой форме обязательного союза, а далее и сотрудничества с СССР, исключая

³²⁴ Там же. С. 370.

заимствование у Советского Союза новой и новейшей технологии и вооружений, и прежде всего изобретений в области ядерной и ракетной военной техники. Не случайно обмены и сотрудничество в этой области прекратились позднее всего, то есть в 1965 г. Мао Цзэдун ставил перед своими специалистами и учеными задачу вынуждать Советский Союз оказывать помощь КНР, одновременно активно и упорно добиваясь того, чтобы как можно быстрее стать и в этих областях независимым от СССР государством. Итак, очевидно можно сказать, что Сталин стремился заставить Мао Цзэдуна хотя бы формально и хотя бы на протяжении двух-трех десятилетий состоять в едином военном лагере с Советским Союзом, а Мао Цзэдун предпочитал быть совершенно отдельным государством, не имеющим со Сталиным, с СССР союзных отношений и в то же время использующим ситуацию для того, чтобы вызнать и ставить себе на службу военно-технические секреты СССР.

14 февраля 1950 г. посол КНР в СССР Ван Цзясян устроил в московской гостинице «Метрополь» прием по случаю подписания советско-китайского договора о дружбе, союзе и взаимной помощи.

В литературе, изданной в КНР, это событие описано следующим образом.

Прием был назначен на 6 часов вечера. Были приглашены более 500 человек.

Обычно Сталин никогда не посещал такого рода приемы. Поэтому присутствовавших волновал вопрос о том, будет ли он на сей раз гостем посла КНР.

Ровно в 6 часов 30 минут Сталин приехал на прием вместе с членами Политбюро ЦК ВКП(б).

Мао Цзэдун встретил Сталина в дверях зала, где проходил прием. Они обменялись рукопожатиями, осведомились о здоровье друг друга, затем прошли на свои места за столом.

Решение о присутствии Сталина на этом приеме было принято на заседании Политбюро.

За банкетным столом Сталин сказал с улыбкой Мао Цзэдуну: «Мне сказали, что вы выразили пожелание о том, чтобы я присутствовал на этом приеме. Это против правил, принятых в Советском Союзе. Мы обсудили этот вопрос на заседании Политбюро и согласились нарушить обычай. Поэтому я с радостью буду с вами на этом банкете».

Мао Цзэдун сказал: «В вашем возрасте, учитывая состояние здоровья, вы могли бы просто для вида побыть здесь немного; вам необязательно быть здесь до конца».

Сталин ответил: «Вам ведь тоже непросто было приехать сюда к нам. Да и Политбюро согласилось. Я с радостью буду вашим гостем».

Практически помещение, где проходил прием, было поделено стеклянной перегородкой на две части. В той, что поменьше, сидели Сталин, Мао Цзэдун, Чжоу Эньлай, члены Политбюро ЦК ВКП(б). Остальные гости находились за перегородкой и сначала не имели возможности слышать то, что говорилось за главным столом. Однако вскоре по указанию Чжоу Эньлая стеклянную перегородку убрали, и получился один большой зал.

Чжоу Эньлай выступил на банкете первым. Он пожелал, чтобы советско-китайская дружба продолжалась из поколения в поколение, отметил, что братское единение двух партий и государств является величайшим вкладом в дело мировой революции, поблагодарил СССР за бескорыстную помощь, сказал, что Китай хочет учиться у старшего брата.

Сталин выступил на приеме, будучи в прекрасном расположении духа. Он призвал хранить дружбу и братские чувства, связывающие Советский Союз и КНР, отметив, что об этом уже говорил Чжоу Эньлай, выразив и его мысль. Конечно, продолжил Сталин, социалистический лагерь должен быть таким, каким его обрисовал Чжоу Эньлай; к сожалению, сегодня здесь не хватает одного из членов социалистического лагеря; не была приглашена Югославия по той причине, что она сама себя отрезала и поставила вне социалистического лагеря. В этой связи Сталин выразил сожаление, сказав далее, что наша сила в сплоченности.

Сталин и Мао Цзэдун в ходе банкета желали друг другу здоровья. Прием продолжался

допоздна.³²⁵

Существует свидетельство историка, изучавшего архивные документы, что прием 14 февраля 1950 г. устраивал в гостинице «Метрополь» в Москве не посол КНР Ван Цзясян, а премьер ГАС КНР Чжоу Эньлай. При этом Чжоу Эньлай приглашал Сталина на свой прием «вместе с супругой».³²⁶

Вряд ли можно предположить, что Мао Цзэдун и Чжоу Эньлай не знали о семейном положении Сталина. Нельзя исключать и того, что это был мелкий укол с их стороны, проявление желания хотя бы немного и тут уязвить Сталина (тем более что Чжоу Эньлай, устраивая другой прием от своего имени в Москве 18 сентября 1952 г., также приглашал на него Сталина «с супругой»).

Уже упоминавшийся выше Н.Т. Федоренко в своих воспоминаниях привел тоже описание этого приема и того, что ему предшествовало.

Н.Т. Федоренко писал:

«— Нам хотелось бы, товарищ Сталин, устроить небольшой прием после подписания договора, — обратился Мао Цзэдун с просьбой во время очередной встречи.

— Естественно, — сказал хозяин.

— Но не в Кремле, а в другом месте, например в «Метрополе».

— А почему не в Кремле?

— Видите ли, товарищ Сталин, Кремль — это место государственных приемов Советского правительства. Это не совсем подходит для нашей страны — суверенного государства...

— Да, но я никогда не бываю на приемах в ресторанах и не посещаю иностранных посольств. Никогда...

— Наш прием без вас, товарищ Сталин... Нет, нет, просто невыносимо. Мы вас просим, очень просим, пожалуйста, согласитесь, — настаивал Мао Цзэдун.

Наступила пауза. Сталин не спешил с ответом. Он как бы сосредоточивался. Мао Цзэдун исповедально ждал согласия хозяина, не сводя с него глаз.

— Хорошо, товарищ Мао Цзэдун, я приду, если вы этого так хотите, — произнес наконец Сталин и заговорил на другую тему».

Н.Т. Федоренко по указанию охраны встречал Сталина у гардероба при входе в зал ресторана «Метрополь». Сталин разделся и спросил: «— Как тут дела, все в сборе?

— Да, товарищ Мао Цзэдун и другие китайские друзья уже давно на месте, ожидают вас.

— В таком случае — ведите меня, — сказал он и прикоснулся рукой к моему плечу.

Я сопровождал Сталина в банкетный зал, где его встретили громкими рукоплесканиями и шумными возгласами восторга. Это было всеобщее ликование — и мрачных пессимистов, и очень осторожных оптимистов.

На какой-то миг Сталин остановился, окинул взглядом собравшихся, затем попросил провести его к Мао Цзэдуну, который стоял за длинным столом «президиума». Они поздоровались, пожали друг другу руки и обменялись общими фразами относительно здоровья и дел. Затем китайские товарищи во главе с Чжоу Эньлаем начали подходить к Сталину, чтобы поздороваться и обменяться рукопожатиями. Настроение у всех было приподнятое. В некотором отдалении стояли Берия, Маленков, Хрущев, Ворошилов, Микоян, Шверник, Сулов, Булганин.

...

Все с нетерпением ждали самого главного — слова Сталина. Именно он должен и может сказать нечто сокровенное, что выразит истину момента, глубокий смысл исторического события. И это мгновение наступило. Прикоснувшись к бокалу с вином, Сталин сделал жест

³²⁵ Там же. С. 450—451.

³²⁶ АПРФ. Ф. 45. Оп. 1. Д. 329. Л. 51. Цит. по: *Волкогонов Д.А.* Семь вождей. — С. 253.

рукой – внимание:

– Дорогие товарищи, мы должны быть благодарны истории за то, что она дала нам такого выдающегося марксиста-ленинца, неустрашимого коммуниста Мао Цзэдуна. За его здоровье и успехи, до дна, товарищи!».³²⁷

Вероятно, что в этот день или несколько ранее Мао Цзэдун получил от Сталина и некоторые советы по ведению дел внутри страны. Об этом говорит тот факт, что Мао Цзэдун и Чжоу Эньлай в телеграмме от 17 февраля 1950 г., адресованной Лю Шаоци, передали предложение, высказанное Сталиным в беседе с ними и состоявшее в том, что, во-первых, было бы целесообразно разделить на два этапа процесс распределения помещичьей земли и имущества и распределения имущества богатых крестьян и, во-вторых, что в настоящее время не следует конфисковывать землю и имущество богатых крестьян.³²⁸

Очевидно, что остается скрытым характер отношений Сталина и Мао Цзэдуна там, где речь шла о «золоте партии», о финансовых взаимоотношениях. Здесь пока известно немного.

В свое время Сталин на протяжении многих лет оказывал прямую помощь Мао Цзэдуну, КПК, причем деньги передавались и непосредственно Мао Цзэдуну в Яньани, и, в частности, Чжоу Эньлаю в Чунцине наличными.

После образования КНР произошли изменения. Теперь уже Мао Цзэдун был обязан вносить наличные деньги, валюту, в фонд помощи зарубежным компартиям, причем этим фондом на практике распоряжался Сталин.

В частности, в письме к Мао Цзэдуну в феврале 1953 г. (одно из последних при жизни Сталина в Пекин) утверждалось: «Работа западноевропейских компартий, вроде французской, итальянской, английской, слишком усложнилась. Эти компартии требуют гораздо большей помощи, чем до сих пор... Компартия Советского Союза решила увеличить свой взнос в фонд (поддержки мирового коммунистического движения. – Ю.Г.) и считает необходимым внести вместо 800 тысяч долларов в год 1 млн 300 тыс.

Если КПК внесет на 1953 год 1 млн 100 тыс. долларов, то можно будет удовлетворить потребности указанных партий. Ждем ответа». Мао тут же дал согласие: «Передадим Панюшкину наличными».³²⁹

17 февраля Мао Цзэдун, Чжоу Эньлай и китайская делегация отбыли из Москвы. Их провожал Молотов. Он говорил, что Мао Цзэдуну следует обратить особое внимание на необходимость беречь свое здоровье; беречь здоровье везде: и в дороге, и по возвращении на родину. Молотов подчеркнул, что Сталин несколько раз наказывал ему сказать это Мао Цзэдуну. Молотов также заметил, что следовало бы должным образом обеспечивать охрану Мао Цзэдуна. Это, сказал он, наше вам напутствие.³³⁰

Советская сторона действительно оказала содействие китайской стороне в организации охраны Мао Цзэдуна. Эта помощь носила всесторонний характер и касалась даже мелочей. В результате при организации охраны Мао Цзэдуна было обеспечено сочетание собственно китайских методов с методами, заимствованными в СССР. Возможно, что именно благодаря этому в работе охраны Мао Цзэдуна вплоть до его кончины не было сбоев.

На перроне при отъезде Мао Цзэдун в своей речи сказал следующее:

«Я и делегация Китая, а также товарищ Чжоу Эньлай и другие провели встречи в Москве с генералиссимусом Сталиным и другими ответственными товарищами из

³²⁷ Федоренко Н.Т. Сталин и Мао: беседы в Москве // Вопросы Дальнего Востока. 1989. № 1. – С. 162—164.

³²⁸ Хунци. 1988. № 6. – С. 25.

³²⁹ АПРФ. Ф. 56. Оп. 1. Д. 343. Л. 41. Цит. по: Волкогонов Д.А. Семь вождей. – С. 267.

³³⁰ Лю Цзечэн... С. 451.

правительства Советского Союза. Трудно даже подобрать такие слова, которыми можно было бы должным образом охарактеризовать установившиеся между нами полное взаимопонимание и глубокую дружбу, основывающиеся на коренных интересах народов двух наших великих стран. Все смогут быть свидетелями того, что закрепленная в уже подписанном договоре сплоченность народов двух наших великих стран, Китая и Советского Союза, является вечной и нерушимой, никто не может нас разделить. Причем эта сплоченность будет не только с неизбежностью оказывать свое влияние, способствуя расцвету обоих наших государств, Китая и Советского Союза, СССР и КНР, но она будет также с неизбежностью оказывать влияние на будущее человечества, будет оказывать влияние на победу дела мира и справедливости во всем мире...»

Находясь в Советском Союзе, мы посетили целый ряд промышленных и сельскохозяйственных предприятий, увидели те великие успехи, которых добились советские рабочие, крестьяне и интеллигенция в строительстве социализма; мы видели то сочетание революционного духа и практической сметки, которое присуще советскому народу и которое воспитано товарищем Сталиным и ВКП(б); все это в еще большей степени укрепило изначально присущую членам Коммунистической партии Китая веру в то, что важный опыт строительства СССР в экономике, культуре и в других областях станет примером для строительства в Новом Китае». ³³¹

26 февраля поезд, в котором ехал Мао Цзэдун, прибыл на пограничную станцию КНР Маньчжурия. Отсюда Мао Цзэдун направил Сталину телеграмму, выразив благодарность за прием. Такую же телеграмму Чжоу Эньлай отправил А.Я. Вышинскому. Сопровождавшие Мао Цзэдуна заместитель министра иностранных дел СССР Лаврентьев и сотрудники охраны на станции Маньчжурия передали от Сталина в подарок Мао Цзэдуну и Чжоу Эньлаю два легковых автомобиля.

Вечером 4 марта 1950 г. Мао Цзэдун и Чжоу Эньлай возвратились в Пекин.

Сталин и издание работ Мао Цзэдуна

8 февраля 1950 г. при встрече с Мао Цзэдуном Сталин предложил отредактировать и издать в Советском Союзе все работы Мао Цзэдуна. Тем самым Сталин хотел прежде всего снять упреки в том, что он с подозрением относится и к самому Мао Цзэдуну, и к его сочинениям. В истории это было первое предложение Сталина издать в СССР труды руководителя зарубежной коммунистической партии.

Сталин назвал «важным делом» редактирование и издание работ Мао Цзэдуна.

Эта мысль возникла у Сталина далеко не случайно. Такое решение стало представляться ему необходимым тогда, когда стало совершенно ясно, что Мао Цзэдун придет к власти в континентальном Китае.

Уже упоминалось о том, что в июле 1949 г. в ходе встречи с Лю Шаоци в Москве Сталин предложил тост, сказав, что центр мировой революции сначала переместился из Европы в Советский Союз, а в будущем переместится в Китай. При этом Сталин пояснил, что, по его мнению, с перемещением центра мировой революции должна увеличиться и мера ответственности перед историей, которая падает на Китай.

Мао Цзэдун, конечно же, знал об этих высказываниях и мог предполагать, что предложение Сталина о редактировании и издании его трудов внутренне связано с мыслью Сталина о перемещении центра мировой революции в Китай. Мао Цзэдун кивнул, соглашаясь с предложением Сталина, и выразил пожелание о том, чтобы Сталин направил в Китай специалиста для редактирования его трудов.

Сталин рекомендовал советского философа П.Ф. Юдина. Мао Цзэдун выразил

³³¹ Жэньминь жибао. – 1950. – 20 февр.

благодарность.

Вернувшись в КНР в апреле 1950 г., Мао Цзэдун направил Сталину телеграмму, в которой официально попросил П.Ф. Юдина прибыть в КНР для проведения этой работы.

В начале мая 1950 г. Мао Цзэдун в своей резиденции Фэнцзюань в Пекине созвал заседание Политбюро ЦК КПК для того, чтобы обсудить это предложение Сталина.

Политбюро пришло к заключению, что предложение Сталина представляется очень важным. На заседании было решено создать комиссию по редактированию избранных произведений Мао Цзэдуна. Секретарям Мао Цзэдуна Чэнь Бода и Тянь Цзяину было поручено собрать и подготовить соответствующие работы Мао Цзэдуна на китайском языке, которые подлежали окончательному отбору и утверждению Мао Цзэдуном. Работа по переводу этих работ на русский язык была поручена Ши Чжэ и Н.Т. Федоренко.

В июле 1950 г. П.Ф. Юдин прибыл в Пекин. Он начал читать и редактировать работы Мао Цзэдуна. В сентябре стало ясно, что переводчики не справляются с огромным объемом работы и отстают от тех, кто собирал и готовил труды Мао Цзэдуна на китайском языке. Тогда Мао Цзэдун, видя, что П.Ф. Юдин простаивает, предложил ему прочесть ряд лекций в различных организациях Пекина. 21 сентября по приглашению Общества китайско-советской дружбы Лю Шаоци председательствовал на большом собрании, посвященном началу таких чтений; П.Ф. Юдин выступил тогда с докладом на тему «Переходный период от капитализма к социализму в СССР». Доклад был встречен овацией. В конце сентября заканчивался срок пребывания П.Ф. Юдина в КНР. 30 сентября 1950 г. Мао Цзэдун направил Сталину телеграмму следующего содержания:

«Юдин работает здесь уже более двух месяцев. Однако в силу того, что он до сего времени еще не завершил работу по оказанию помощи при редактировании «Избранных произведений Мао Цзэдуна», ему необходимо еще некоторое время для окончания этой работы. Кроме того, желательно, чтобы он совершил экскурсии в Шаньдун, Нанкин, Шанхай, Ханчжоу, Чанша, Гуанчжоу, Ханькоу, Сиань, Яньань, Шэньян, Харбин и выступил с политико-теоретическими докладами и лекциями перед нашими кадровыми работниками. Выполнение двух вышеуказанных задач требует в общей сложности более четырех месяцев. В этой связи прошу вас дать разрешение на продление срока работы товарища Юдина в Китае до конца января или до конца февраля 1951 года. Прошу телеграфировать ваше согласие».

9 октября Сталин ответил:

«...Настоящим уведомляю вас, что Юдин может остаться в Китае до конца сего года для завершения работы по подготовке к изданию «Избранных произведений Мао Цзэдуна» и для выступлений перед партийными работниками в различных городах Китая».

Вслед за тем, как это и планировал Мао Цзэдун, П.Ф. Юдин отправился в поездку по КНР для чтения лекций и с экскурсионными целями. Тезисы его выступлений публиковались в газете «Жэньминь жибао» в начале декабря 1950 г.

После возвращения из поездки П.Ф. Юдин прочитал перевод на русский язык работы Мао Цзэдуна «Относительно практики» и «выразил свое восхищение». В беседе с Мао Цзэдуном он отмечал ее достоинства и просил согласия на сокращение некоторых выражений, которые могли шокировать иностранцев. Мао Цзэдун согласился с небольшими поправками П.Ф. Юдина.

Русский текст этой работы был направлен в Москву. Сталин ознакомился с ним, и по его указанию эта работа Мао Цзэдуна в декабре 1950 г. была опубликована в журнале «Большевик», а также в газете «Правда»; затем в январе 1951 г. ее издали в СССР отдельной брошюрой.

В 1952 г. в СССР был издан в переводе на русский язык первый том «Избранных произведений Мао Цзэдуна». В 1953 г. был издан третий том.

Во время своего пребывания в КНР П.Ф. Юдин много раз имел ночные беседы с Мао Цзэдуном. Они обсуждали вопросы философии, редактирования «Избранных произведений Мао Цзэдуна». Мао Цзэдун хорошо отзывался о работе П.Ф. Юдина. Очевидно, он ставил и

вопрос о назначении его послом в КНР. Однако Сталин, исходя из того, что П.Ф. Юдин был кабинетным ученым и ему не доставало опыта в области практической политической деятельности, так и не назначил его послом в КНР.³³²

После смерти Сталина в 1953 г. Хрущев согласился с предложением Мао Цзэдуна и направил П.Ф. Юдина послом в КНР. (Кстати сказать, Мао Цзэдун в те годы направил в Советский Союз послом военного разведчика Лю Сяо.)

Попутно можно упомянуть, что П.Ф. Юдин был не согласен с критикой Хрущевым деятельности Сталина. Более того, он полагал, что Хрущев «должен нести ответственность за советско-китайскую ссору».

Н.Т. Федоренко в качестве очевидца опубликовал свидетельства того, «как академик П.Ф. Юдин редактировал Мао Цзэдуна».

В своих воспоминаниях Н.Т. Федоренко отмечал, что по прибытии П.Ф. Юдина в Пекин «он тотчас был приглашен Мао Цзэдуном, который предавался воспоминаниям о ранних выступлениях Юдина, беспощадно обличавшего противников марксизма и материалистической диалектики. Не скупился на комплименты и заранее благодарил за «просвещенную» помощь при подготовке текстов его работ, которые, конечно же, страдают «невежеством» и полны «грубых ошибок».

Спустя некоторое время состоялась встреча с Мао Цзэдуном для разбора замечаний и рекомендаций академика. По мнению присутствовавшего при этой встрече Н.Т. Федоренко, разбор теоретических работ Мао Цзэдуна «скорее демонстрировал хорошо организованную деятельность Комиссии ЦК КПК и ее руководителя (Чэнь Бода), весьма компетентную их работу, которая в сущности как бы предвосхитила замечания советского философа и свела разговор о них к простой формальности». Комиссия Чэнь Бода «внесла в первоначальный текст значительно больше корректив, чем об этом говорилось во время упомянутой встречи с Мао Цзэдуном. Более того, многие замечания Юдина либо не были приняты, либо изложены в иной редакции». В результате «дело свелось все к тем же «китайским церемониям». Ничего критического по содержанию избранных работ Мао Цзэдуна высказано не было. Напротив, одни фразы в превосходной степени».³³³

После того как Мао Цзэдун принял предложение Сталина издать его сочинения в Советском Союзе, в Москву поступило официальное предложение ЦК КПК об издании «сочинений товарища Сталина на китайском языке».³³⁴

Итак, Сталин первым предложил издать труды Мао Цзэдуна в Советском Союзе. Мао Цзэдун был фактически вынужден сделать ответный шаг. Ни труды Сталина не оказали особого воздействия на китайцев, ни труды Мао Цзэдуна не произвели сенсации в Советском Союзе. Такого рода «обмен любезностями» остался одним из жестов в сложной игре, во взаимоотношениях Сталина и Мао Цзэдуна.

Одним из, пожалуй, отрицательных последствий этого шага было назначение Хрущевым послом в КНР в угоду Мао Цзэдуноу советского философа академика П.Ф. Юдина, в то время как здесь нужен был такой же китаевед, каким был П.П. Владимиров.

Китайская Чанчуньская железная дорога (КЧЖД)

Одновременно с договором о дружбе, союзе и взаимной помощи между СССР и КНР 14 февраля 1950 г. стороны подписали также соглашение о Китайской Чанчуньской железной дороге, Порт-Артуре и Дальнем.

³³² Лю Цзечэн... С. 388—392.

³³³ Проблемы Дальнего Востока. 1992. № 6. – С. 74—78.

³³⁴ АПРФ. Ф. 45. Оп. 1. Д. 338. Л. 48. Цит. по: Волкогонов Д.А. Семь вождей. – С. 251.

Эта дорога была построена в начале XX века на территории Северо-Восточного Китая, или в Маньчжурии, на средства России. В свое время Россия и Китай, по предложению российской стороны, пришли к соглашению о сооружении этой железной дороги как частного предприятия российских коммерческих структур на территории Китая. Обе стороны были заинтересованы в сооружении Китайской Чанчуньской железной дороги (КЧЖД), или Китайской Восточной железной дороги (КВЖД).

Прежде всего, это делалось в рамках союза обеих стран в целях противодействия захватническим планам Японии, иначе говоря, сооружение железной дороги подкрепляло тайный договор России и Китая о взаимной помощи и союзе в отражении агрессии Японии, направленной против интересов России и Китая на Дальнем Востоке; при этом следует отметить, что в то время у Китая не было иного союзника в противостоянии Японии, чем Россия. Россия также была заинтересована в такого рода отношениях с Китаем.

Далее, эта железная дорога обещала внести свой вклад в экономическое развитие как российских дальневосточных земель, так и Китая, который в то время сам не имел ни средств, ни сил, чтобы осуществить такой проект. Россия же благодаря сооружению этой дороги получала относительно короткий рельсовый путь во Владивосток и выход по железной дороге к незамерзающим портам на Желтом море, то есть к Порт-Артуру и Дальнему.

Сталин представлял себе вопрос о КЧЖД как проблему, доставшуюся в наследство от взаимоотношений России и Китая, как овеществленный труд и капитал России, русских людей, который можно было передать КНР немедленно или со временем на определенных условиях.

Что же касается этих условий, то, с точки зрения Сталина, и после Второй мировой войны, особенно после образования КНР, обстановка в этой части земного шара, то есть в регионах Дальнего Востока СССР и северо-востока КНР, характеризовалась прежде всего напряженностью в отношениях СССР и КНР, с одной стороны, и США и их союзников, с другой стороны. С точки зрения Сталина, необходимо было продемонстрировать единство позиций СССР и КНР, чтобы добиваться подписания мирного договора с Японией, урегулирования ситуации и смягчения военного противостояния.

Мао Цзэдун видел ситуацию по-своему. Он соглашался на ряд практических предложений Сталина, суть которых сводилась к тому, что в принципе СССР уходит и со временем (либо незамедлительно) обязательно уйдет из Маньчжурии, но пока (пока это будут считать необходимым власти КНР, пока они будут просить об этом) советские войска останутся в Порт-Артуре, чтобы защищать и СССР, и КНР, а железная дорога пока будет функционировать в интересах и СССР, и КНР. Мао Цзэдун считал такие шаги необходимыми и неизбежными в сложившейся обстановке, то есть Мао Цзэдун хотел использовать в интересах усиления военного потенциала КНР Советскую Армию и флот, а советские навыки в эксплуатации железной дороги использовать в интересах восстановления и налаживания разрушенного войной хозяйства КНР; иначе говоря, Мао Цзэдун был намерен использовать довольно существенную военную и экономическую помощь со стороны Сталина.

Складывалось положение, при котором Сталин и Мао Цзэдун взаимно имели выгоду от такого решения вопросов о КЧЖД, Порт-Артуре и Дальнем. При разумном и объективном подходе к делу возникала возможность для обеих сторон толковать ситуацию таким образом, что этот сложный вопрос в двусторонних отношениях России и Китая находил таким образом такое решение, которое не только отвечало интересам и СССР, и КНР, но и позволяло объективно, без предвзятого, односторонне негативного отношения к политике России, толковать действия обоих государств на рубеже XIX и XX веков, а также в первой половине XX века как обусловленные их взаимными интересами.

Все дело было, однако, в том, что Мао Цзэдун был нацелен исключительно на то, чтобы не только сохранять в КНР унаследованное от Цинской монархии и от Китайской Республики предвзятое, однозначно отрицательное отношение к России (в равной степени и

к советской России, и к царской России) и ее политике в отношении Китая, но и навечно внедрить в умы китайцев мысль об историческом долге России перед Китаем, который рано или поздно придется вернуть, а также об исторической несправедливости России как нации перед Китаем, в чем России придется рано или поздно повиниться перед Китаем.

Мао Цзэдун полагал, что КПК – КНР следовало твердо и последовательно утверждать, что Китайская Чанчуньская железная дорога, Порт-Артур (Люйшунькоу) и Дальний (Далянь) были сооружены Россией, находились в ее ведении, находились в аренде у России в результате того, что она вынудила правительство династии Цин дать на это «согласие». По мнению Мао Цзэдуна, ситуация с КЧЖД явилась результатом раздела Китая сильными империалистическими державами, в том числе Россией.

Далее, взгляды Мао Цзэдуна на ситуацию, выраженные одним из высокопоставленных работников дипломатического ведомства КПК – КНР, состояли в том, что вплоть до образования КНР Советский Союз «все еще выступал в качестве хозяина КЧЖД, а Китай лишь принимал участие в ее управлении; в Люйшунькоу и Даляне были расквартированы советские войска, построены военные сооружения и т. д.».

Да, Мао Цзэдун был вынужден и считал для себя выгодным временно считаться с тем, что ситуация, сложившаяся после окончания Второй мировой войны, не только отражала характер отношений между правительством Китайской Республики и правительством СССР, но и давала и дала возможность вооруженным силам Мао Цзэдуна развернуть приведшие к его победе военные действия против Чан Кайши с территории Северо-Восточного Китая как своей военной базы, причем армия Мао Цзэдуна получила и вооружение от СССР, от Советской Армии.

Однако при всем при том Мао Цзэдун придавал главенствующее значение самому факту присутствия СССР на территории Китая, несмотря на то что это присутствие отвечало насущным интересам его самого и его вооруженных сил.

Сталин внимательно относился к такого рода вопросам. Вполне естественной для Сталина была позиция, о которой Мао Цзэдуну в присутствии членов руководства КПК сообщил представитель Сталина А.И. Микоян в Сибайпо еще до образования КНР, а именно мнение Сталина о том, что договор, который был заключен правительством СССР и правительством Китайской Республики в 1945 г., то есть договор о дружбе и союзе между Сталиным и Чан Кайши, являлся, по мнению Сталина, неравноправным договором, договором, ущемлявшим интересы Китая. Сталин считал этот договор вынужденным и для СССР в условиях, когда ему приходилось иметь дело с государством, во главе которого стоял Чан Кайши. Сталин по своей инициативе предложил изменить и выправить создавшееся положение.

Позиция Сталина была, с одной стороны, простой и ясной, а с другой – совсем непростой. Проста и ясна она была потому, что Сталин явно предлагал не считать действующим неравноправный договор 1945 г. Непроста она была потому, что тем самым Сталин как бы вынуждал Мао Цзэдуна исправить несправедливость и взамен неравноправного договора подписать равноправный договор в то время, как Мао Цзэдун предпочел бы вообще не связывать себя со Сталиным договором. Ситуация, однако, сложилась таким образом, что сторонам пришлось пойти и на подписание нового договора, и на подписание ряда соглашений, в том числе и о КЧЖД. Этого требовали национальные интересы обеих стран, требовала реальная жизнь.

В феврале 1950 г. в соответствии с новым соглашением Советский Союз должен был полностью передать права на эксплуатацию и управление Китайской Чанчуньской железной дорогой, военно-морскую базу советских войск в Порт-Артуре и торговый порт Дальний, а также все другие сооружения правительству Китайской Народной Республики.

Сталин и Мао Цзэдун при этом пришли к обоюдному согласию (причем по настоянию Мао Цзэдуна, так как Сталин был готов немедленно вывести советские войска из Северо-Восточного Китая) передать все вышеупомянутое Китайской Народной Республике после

заклучения мирного договора с Японией, но не позже конца 1952 г.³³⁵

Найденное в то время Сталиным и Мао Цзэдуном решение отвечало и национальным интересам обеих стран, и интересам самих Сталина и Мао Цзэдуна. Во всяком случае, на практике оно только укрепляло позиции каждой из сторон в регионе в тот период. Повторим, что в принципе Сталин по своей инициативе предложил завершить период советского присутствия на территории Северо-Восточного Китая, а Мао Цзэдун согласился с этим.

Казалось бы, обе стороны имели основания констатировать, что при наличии доброй воли можно решать сложные проблемы истории двусторонних отношений, закладывая прочную основу этих отношений, во всяком случае применительно к Маньчжурии.

Сталин в общем и целом занимал именно такую позицию.

Однако Мао Цзэдун считал необходимым и этот положительный пример в деле решения сложных вопросов в двусторонних отношениях трактовать так, чтобы он навсегда оставался основанием для предъявления претензий с китайской стороны российской стороне, для упреков в адрес России в неравноправии, несправедливости, обидах, ущербе, нанесенном ею Китаю. Создавалось впечатление, что Мао Цзэдун был недоволен позицией Сталина, предложившего развязать этот узел и практически развязавшего его. Мао Цзэдун хотел бы проигнорировать позицию Сталина, добиться того, чтобы люди в Китае о ней забыли. Мао Цзэдун на практике был вынужден действовать в соответствии с достигнутой договоренностью, получая при этом выгоду для себя. В то же время он постарался отделить конкретное решение проблемы от принципиальной постановки вопроса об исторических несправедливостях России в отношении Китая, о вечной задолженности России Китаю. Мао Цзэдун никак не хотел снять вопросы в двусторонних отношениях. Даже тогда, когда они практически не существовали, Мао Цзэдун намеренно создавал впечатление, что «исторический долг» Россией Китаю «не выплачен».

В качестве примера такого подхода можно рассмотреть то, как в КПК – КНР трактовали вопрос о КЧЖД уже после того, как на практике этот вопрос был решен, причем по инициативе Сталина.

С точки зрения Мао Цзэдуна, Япония в период оккупации Северо-Восточного Китая уже выплатила Советскому Союзу стоимость КЧЖД и купила суверенное право на эту железную дорогу. Хотя этих денег оказалось маловато, признавали сторонники Мао Цзэдуна (а сумма эта действительно была не просто мизерной, но чисто условной), однако, подчеркивалось в КПК, «при Мао Цзэдуне так или иначе деньги были выплачены. После вступления советских войск в Северо-Восточный Китай» (именно такова официальная оценка Мао Цзэдуном и его сторонниками участия СССР в разгроме Японии на последнем этапе Второй мировой войны, что, с точки зрения нашей страны, несправедливо, ибо так или иначе, а мы отдали более тридцати тысяч жизней в вооруженной борьбе против японских войск тогда на территории Маньчжурии) и капитуляции Японии Советский Союз снова стал обладать суверенным правом на Китайскую Чанчуньскую железную дорогу. После создания КНР СССР, считали сторонники Мао Цзэдуна, вообще говоря, должен был безоговорочно передать свое суверенное право на железную дорогу, однако ввиду того, что Советский Союз по Китайской Восточной железной дороге был связан с городом Хайшэньвэем (так сторонники Мао Цзэдуна называют Владивосток с той целью, чтобы подчеркивать временную принадлежность этого «китайского поселения» России), а это был значительно более короткий путь по сравнению с передвижением по Дальневосточной железнодорожной магистрали, проходящей по советской (российской) территории, Советский Союз попросил разрешения в течение определенного периода времени совместно пользоваться суверенным правом и выгодой от Китайской Чанчуньской железной дороги... Вследствие того, что у КНР в то время еще не было возможностей (приходилось признавать сторонникам Мао Цзэдуна) для ее эксплуатации и управления ею, а также технических возможностей,

³³⁵ Советско-китайские отношения. 1917—1957: Сб. док. – С. 221—222.

временное совместное управление и использование этой дороги двумя государствами при таких обстоятельствах для КНР все-таки приносило пользу, поэтому, как и раньше, было дано согласие на совместное использование двумя государствами права и выгод от эксплуатации Китайской Чанчуньской железной дороги.³³⁶

Имущество в Маньчжурии

В советско-китайском коммюнике о подписании 14 февраля 1950 г. договора и соглашений между Советским Союзом и Китайской Народной Республикой, в частности, отмечалось следующее:

«Одновременно г. Чжоу Энлай и А.Я. Вышинский обменялись также нотами о решении Советского правительства передать безвозмездно правительству Китайской Народной Республики имущество, приобретенное советскими хозяйственными организациями у японских собственников в Маньчжурии, а также о решении Советского правительства передать безвозмездно правительству Китайской Народной Республики все здания бывшего военного городка в Пекине».³³⁷

Существует и односторонняя трактовка этих договоренностей, отражающая позицию Мао Цзэдуна. Известный дипломат У Сюцюань, принимавший участие в переговорах 1950 г. в Москве, в своих воспоминаниях отмечал, что «обе стороны достигли договоренности о том, что Советский Союз полностью и безвозмездно передаст Китаю имущество, захваченное им у Японии в Северо-Восточном Китае, а также казармы военного городка Советского Союза в Пекине и прочее, также оставшееся от царской России. Все эти соглашения и договоренности были совершенно необходимы для защиты независимости и суверенитета нашего государства».³³⁸

У Сюцюань также отмечал: «По договоренности кроме того предусматривалось, что Советский Союз должен был безвозмездно передать Китаю захваченное им у японцев на Северо-Востоке нашей страны имущество, а именно – целый ряд заводов, фабрик и рудников, а также их машинное оборудование и прочее. Однако в действительности советские войска, когда они покидали Северо-Восточный Китай, все машинное оборудование, которое можно было демонтировать и перевезти, а также инвентарь, материальные ресурсы и прочее почти полностью перевезли в Советский Союз. На Аньшаньском металлургическом комбинате, в Шэньянском арсенале, на Сяофэнманьской электростанции и в других местах «безвозмездно» было передано только несколько пустых домов; даже фортепьяно, диваны, предметы хорошей обстановки и т. п. из квартир японских чиновников и офицеров, а также большое количество всевозможных материальных ресурсов, захваченных у противника, были ими вывезены в СССР. В этом отношении их стиль оказался невысоким, обнажал тяготение к национальному эгоизму и отнюдь не соответствовал тому, что они заявляли на словах. Впрочем, в то время мы учитывали главным образом обстановку в целом, обращали внимание на самое главное и основное и по этим конкретным вопросам не собирались затевать с ними спор. Отношение к нам со стороны Сталина и других руководителей совкомпартии все-таки было довольно сердечным, они к тому же оказывали помощь строительству в нашей стране».³³⁹

³³⁶ У Сюцюань. Вайцзяобу ба нянь (1950 нянь и юе – 1958 нянь ши юе) – Восемь лет в Министерстве иностранных дел (январь 1950 – октябрь 1958 гг.) // Шицзе чжиши. 1983. № 16. – С. 10.

³³⁷ Известия. 1950. № 39. – 15 февр.; Советско-китайские отношения. 1917—1957. – С. 218.

³³⁸ Шицзе чжиши. 1983. № 16. – С. 10.

³³⁹ Там же. С. 10—11.

Прежде всего, отметим, что У Сюцюань, вполне очевидно отражая позицию Мао Цзэдуна, намеренно смешивал два исторических периода, два вопроса.

Один период – это время сразу же по окончании Второй мировой войны на Востоке, то есть 1945—1946 гг. Это ситуация, когда Советская Армия разгромила японские войска и принимала их капитуляцию в Маньчжурии, что было сопряжено с большими сложностями, так как Сталину пришлось иметь дело и с японцами, и с Чан Кайши, и с Мао Цзэдуном. При этом у Сталина, у СССР, у России был свой счет к японской армии, к Японии как агрессору. По всем этим причинам и возник вопрос о разграничении в Маньчжурии китайского и трофейного японского имущества, на которое претендовал СССР в качестве победителя в войне, понесшего максимальные (среди союзных держав) человеческие жертвы в своей Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.

Вопрос об этом имуществе, о промышленных предприятиях, принадлежавших японцам, тесно переплетался с вопросом о позиции Сталина в отношении борьбы внутри Китая между Мао Цзэдуном и Чан Кайши. Сталин действовал таким образом, чтобы не укреплять позиции Чан Кайши в его противостоянии с Мао Цзэдуном, прежде всего в Маньчжурии. Поэтому Сталин не хотел оставлять бывшее японское промышленное оборудование в руках Чан Кайши, предпочитая вывезти его из Северо-Восточного Китая, пусть даже и без применения в СССР, где оно по большей части превратилось в груды металлолома, а то и вовсе оказалось никому не нужным мусором.

Итак, один вопрос – это вопрос о ситуации, возникшей сразу же по окончании Второй мировой войны на Востоке в 1945 г.

Другой вопрос – это вопрос о ситуации, возникшей в 1949 г. после образования КНР. С момента окончания войны прошло уже четыре года. Положение в Маньчжурии значительно отличалось от существовавшего в 1945 г. Оно характеризовалось, если говорить о советско-китайских связях, об отношениях Сталина и Мао Цзэдуна, прежде всего тем, что Сталин в максимально возможной степени оказывал помощь Мао Цзэду, причем помощь сугубо материальную, военную и экономическую; помощь уникальную, так как никто больше из-за рубежа не помогал тогда Мао Цзэду. Сталин помогал вооружить войска Мао Цзэдуна, благодаря чему в значительной степени удавалось успешно вести войну внутри Китая против Чан Кайши. По указанию Сталина была в необычайно сжатые сроки налажена работа железнодорожной сети в Северо-Восточном Китае, что дало возможность развернуть восстановление экономики этой самой в то время промышленно развитой части Китая. В этих условиях вопрос о японском имуществе выглядел и на самом деле был весьма второстепенным. Вывезенное в СССР промышленное оборудование вернуть в Китай было физически невозможно, да и нечего было возвращать. Вывозилось оно еще при власти Чан Кайши. Повторим, что вывозили его главным образом не для того, чтобы сохранить, а для того, чтобы вырвать из рук Чан Кайши, действуя в интересах Мао Цзэдуна.

Претензии в этой связи к Сталину, к СССР, к России со стороны Мао Цзэдуна и его сторонников и последователей выглядят как стремление намеренно создать на пустом месте предлог для раздувания ненависти к России, для создания извращенного представления о двусторонних отношениях.

Необходимо также сказать, что, с точки зрения Сталина и СССР, вопрос о трофеях, захваченных у японцев в ходе Второй мировой войны, был далеко не простым. С одной стороны, речь шла, конечно, о трофеях, захваченных Советской Армией в ходе военных действий в 1945 г. на территории Китая, союзника СССР в войне против японской агрессии. Здесь следовало в максимально возможной степени с уважением относиться к суверенитету Китая. С другой стороны, речь шла о войне и о последствиях вооруженной борьбы против такого сильного и жестокого военного врага, как японский милитаризм, который изматывал СССР в течение многих лет. Здесь мог даже частично вставать вопрос о компенсации за счет японского имущества того ущерба, который понес СССР. Наконец, важно еще раз отметить, что промышленное оборудование вывозилось из Северо-Восточного Китая Советским Союзом в такое время и в таких условиях, когда оно, будучи оставлено на месте, могло

попасть в руки противника Компартии Китая Гоминьдана и могло быть использовано в вооруженной борьбе Гоминьдана против КПК. В 1945—1946 гг. никто не мог предсказать, насколько длительной и трудной будет эта борьба. Кстати сказать, тогда претензии в связи с японским имуществом и действиями СССР в его отношении предъявлял Сталину только Чан Кайши, но никак не Мао Цзэдун.

Одним словом, Сталин решал вопросы, касавшиеся упомянутого промышленного оборудования, таким образом, чтобы это отвечало его общим с Мао Цзэдуном классовым и партийным интересам.

Формально можно найти основания упрекать ряд военнослужащих Советской Армии в том, что они вывезли к себе домой, в СССР, из домов, принадлежавших японцам в Маньчжурии, обстановку, предметы быта и т. п. Да, такими тогда были эти люди, многие из которых уже прошли перед этим трудные годы сражений против гитлеровской армии на Западе и не видели особой разницы между врагом в Германии, в других европейских странах, оккупированных гитлеровской армией, и на территории Китая, занятой японцами, к которым счет у русских людей тех поколений был солидным, вплоть до претензий в связи с оккупацией части территории нашей страны японской армией в 20-х гг. Представляется также, что тут можно было бы принимать во внимание, что речь шла о поступках людей, которые рисковали и жертвовали своей жизнью и кровью, освобождая Северо-Восточный Китай от японских захватчиков. Трудно согласиться с тем, что тут имели место не индивидуализм, жадность, низкая культура отдельных людей, а национальный эгоизм, якобы присущий нашему народу.

Здесь представляется уместным сказать о том, что в КНР при Мао Цзэдуна и при его преемниках при оценке внешней политики СССР начиная чуть ли не с Октябрьской революции 1917 года главным ее мотивом довольно часто называли национальный эгоизм. Возможно, необходимо принимать во внимание и то обстоятельство, что о национальном эгоизме сторонники Мао Цзэдуна говорили только применительно к политике СССР, когда речь шла о двусторонних советско-китайских отношениях. Упрек в национальном эгоизме представляется не только совершенно незаслуженным, но и намеренно обидным, направленным на разжигание вражды в отношениях двух наций. Этот упрек был порожден прежде всего настроениями Мао Цзэдуна, который патологически ненавидел Россию и был несправедлив в оценке ее политики и ее людей.

Кредит Пекину

Одним из результатов встреч и переговоров Сталина и Мао Цзэдуна в Москве было подписание 14 февраля 1950 г. соглашения о предоставлении Советским Союзом кредита Китайской Народной Республике. В соответствии с этим соглашением СССР удовлетворял просьбу Центрального народного правительства КНР о предоставлении Китаю кредита для оплаты оборудования и других материалов, которые СССР согласился поставить Китаю.

Правительство СССР предоставило правительству КНР кредит в долларовом исчислении в сумме 300 млн ам. долларов из расчета 35 ам. долларов за унцию чистого золота.

Ввиду чрезвычайной разоренности Китая, вследствие длительных военных действий на его территории советское правительство согласилось предоставить кредит на льготных условиях в расчете из 1% годовых.

Кредит предоставлялся в течение пяти лет, начиная с 1 января 1950 г., равными частями по 1/5 кредита в течение каждого года для оплаты поставок из СССР оборудования и материалов, в том числе оборудования для электростанций, металлургических и машиностроительных заводов, оборудования шахт для добычи угля и руд, железнодорожного и другого транспортного оборудования, рельсов и других материалов для восстановления и развития китайской экономики. Цены на оборудование и материалы должны были определяться на основе цен мировых рынков.

Правительство КНР обязалось погашать кредит, а также проценты по нему поставками сырья, чая, золотом, ам. долларами. Цены на сырье и чай должны были определяться на основе цен мировых рынков.

Погашение кредита должно было осуществляться в течение 10 лет равными ежегодными долями по 1/10 суммы полученного кредита не позднее 31 декабря каждого года. Первый очередной платеж должен был быть произведен не позднее 31 декабря 1954 г., а последний – 31 декабря 1963 года.³⁴⁰

Предоставляя такой кредит, Сталин был, очевидно, удовлетворен тем, что таким путем закреплялись экономические взаимосвязи двух стран, создавалась взаимная заинтересованность в продолжении сотрудничества. Сталин был также удовлетворен тем, что кредит предоставлен на столь льготных условиях. В целом ему представлялось, что предоставление кредита служит делу укрепления тесных отношений между сторонами, может вызывать у Мао Цзэдуна, в КПК – КНР, добрососедские чувства в отношении СССР.

Однако Мао Цзэдун был настроен в этой связи совсем по-иному.

Мао Цзэдун был, очевидно, и доволен, и недоволен предоставлением кредита. Доволен прежде всего потому, что эта финансовая помощь была тогда совершенно необходима КНР; нигде в мире Мао Цзэдун не мог ее тогда получить, кроме как в СССР. При этом кредит был предоставлен на самых выгодных условиях, под самый низкий процент.

Мао Цзэдун считал необходимым стремиться извлечь из отношений со Сталиным максимально возможную материальную выгоду для себя, своего государства и партии.

В то же время Мао Цзэдун внушал своим сторонникам в КПК – КНР, что Сталин выделил для КНР смехотворно малую сумму кредита и при этом вынудил КНР предоставлять Советскому Союзу важное стратегическое сырье.

Сторонники Мао Цзэдуна, вторя своему вождю, также старались создавать впечатление об СССР как о государстве, руководствующемся национальным эгоизмом, богатом и процветающем, но не желающем должным образом поделиться своими лишними деньгами с КНР.

Уже упоминавшийся У Сюцюань писал, что в 1950 г., то есть спустя всего пять лет после окончания Отечественной войны, в нашей стране, «хотя... [и] было пережито бедствие столь великой войны, однако в Москве уже нельзя было заметить каких-либо явных следов военного времени, можно было отметить высокие темпы восстановления, что свидетельствовало об очень хорошем положении в области экономического развития»³⁴¹. Комментируя эти высказывания У Сюцюаня, представляется необходимым сказать, что помощь, в том числе и в виде предоставления кредита Китайской Народной Республике, не была просто выгодной сделкой для СССР, не была выделением части ненужных средств богатым и полностью оправившимся от войны государством и народом стране, которая испытывала громадные трудности, нуждаясь в восстановлении хозяйства, разрушенного в ходе антияпонской и гражданской войн. Нет, Советский Союз в 1950 г. никак нельзя было отнести к числу стран с благоприятным экономическим положением; помощь, в том числе и заем, которая оказывалась тогда Китайской Народной Республике, была дележом своих скромных ресурсов с китайцами.

Балет «Красный мак»

Во время пребывания Мао Цзэдуна в Москве имел место небольшой, но весьма показательный для характеристики степени взаимного недопонимания инцидент.

Рассказ о самом этом инциденте уместно предварить некоторыми пояснениями.

³⁴⁰ Советско-китайские отношения. 1917—1957. – С. 223—224.

³⁴¹ Шицзе чжиши. 1983. № 16. – С. 11.

Сталин и Мао Цзэдун жили каждый в своей реальности. Реалии нашей страны и Китая очень сильно разнились. Это, естественно, сказывалось на миропредставлениях и каждой из двух наших наций, народов в целом, и каждого конкретного представителя и той и другой нации, в том числе Сталина и Мао Цзэдуна.

Даже по такому, казалось бы, наиболее близкому и понятному для них вопросу, как вопрос о том, что такое революция, между Сталиным и Мао Цзэдуном существовали расхождения и имелось недопонимание.

Для Сталина революция была прежде всего событиями Октября 1917 года, которые происходили в городах при участии городского населения, рабочих; деревня в этом случае как бы следовала за городом. Кроме того, для Сталина его партия и государство были первооткрывателями нового пути, первопроходцами, чей опыт мог и должен был использоваться в других странах. Что, собственно говоря, мог посоветовать, предложить или навязать Сталин другим странам, кроме своего опыта в первую очередь? Это был опыт вооруженных восстаний в городах, восстаний, в которых ведущую роль играла его партия.

В этой связи, если говорить упрощенно, Сталин считал необходимым использовать и применять опыт своей страны в ходе революции в Китае.

В Китае ситуация для сил, к которым принадлежал и которые затем возглавил Мао Цзэдун, складывалась таким образом, что они организационно оформились, сформировались и начали развиваться, не только имея тесные связи с руководством правящей партии в СССР, но и в весьма значительной степени с большой материальной помощью этой партии, ее представителей, находившихся в Китае и выполнявших указания Сталина.

Развитие ситуации в ходе внутривластной борьбы в Китае, сама китайская действительность, основными характерными чертами которой оказались слабость опоры коммунистической партии в городах и реальная возможность для нее организовывать очаги своей деятельности, причем вооруженной деятельности, в глухих сельских районах страны, создавали реалии революции в Китае, из которых так или иначе исходил Мао Цзэдун.

Сталин иной раз был способен правильно увидеть внутривластную ситуацию в Китае, но в других случаях неверно оценивал ее. То же, кстати сказать, относится и к Мао Цзэдуну и его взглядам на внутривластную ситуацию в СССР.

У Сталина были свои взгляды на то, как необходимо вести дела в Китае. При этом он полагал, что кто-кто, а уж родственная ему Коммунистическая партия Китая должна прислушиваться к его мнению и выполнять его указания. Однако в ЦК были политики, придерживавшиеся различных взглядов на этот вопрос. Часть из них шла за Сталиным. Другая часть желала все делать по-своему. К этой части принадлежал Мао Цзэдун.

Примером недопонимания между Сталиным и Мао Цзэдуном может служить эпизод, имевший место в одной из бесед между ними в Москве.

В ходе этой беседы Сталин спросил: «Товарищ Мао Цзэдун, я вот никак не могу понять, почему вы не взяли в свои руки Шанхай сразу же, как только войска Чан Кайши утратили контроль над этим городом?» Таким образом, с точки зрения Сталина, если город падает тебе в руки, то его нужно сразу же взять. Осуществление революции для Сталина начиналось с захвата в свои руки больших городов.

Мао Цзэдун, отвечая Сталину, прежде всего высказал ряд предварительных замечаний. Он отметил, что в каждой стране имеются свои особенности, складывается своя реальная ситуация, у каждой партии имеется своя практика решения вопросов; в Китае кое-кто, продолжил Мао Цзэдун, старался все делать по советской модели, во весь голос кричал о необходимости видеть города центрами работы партии, призывал поднимать восстания рабочих, но в результате отрыва от китайской действительности были понесены тяжелые потери. Стало очевидным, что одержать победу в революции можно только при сочетании основных принципов марксизма с практикой революции в Китае.

Далее в ходе этой беседы Мао Цзэдун планировал, начав с рассказа о том, как он вел борьбу против Чан Кайши, пояснить свою мысль и ответить на вопрос Сталина. Нужно сказать, что при этой беседе Сталина и Мао Цзэдуна присутствовал личный политический

секретарь Мао Цзэдуна Чэнь Бода. Он сидел рядом с Мао Цзэдуном, внимательно слушал, вел запись беседы и держался невидимкой, скромно.

Однако случилось так, что, как только Мао Цзэдун упомянул имя Чан Кайши, в глазах Сталина промелькнул огонек, он обратился к Чэнь Бода: «Кстати, я читал книгу товарища Чэнь Бода «Чан Кайши – общий враг китайского народа».

На Чэнь Бода эти слова Сталина, само обращение Сталина к нему произвели столь сильное впечатление, что он тут же оживился. В свое время Чэнь Бода учился в СССР и овладел русским языком. Поэтому, не дожидаясь окончания перевода высказывания Сталина на китайский язык для Мао Цзэдуна, Чэнь Бода уже закивал и начал поддакивать Сталину.

Чэнь Бода настолько забылся, что невольно стал тянуть одеяло на себя, ощутил себя в центре беседы.

А ведь, по сути дела, деталь, которая привлекла внимание Сталина, не принадлежала перу Чэнь Бода, так как он просто имел в виду случай, о котором рассказал в своих воспоминаниях Рузвельт-младший.

Сын президента США Франклина Делано Рузвельта, сопровождавший отца во время Каирской конференции 1943 г., описывал действительно имевший место случай. Во время Каирской конференции Чан Кайши с супругой устроили коктейль.

Резиденция Чан Кайши находилась на расстоянии около одного километра от резиденции Рузвельта. По поручению отца Рузвельт-младший должен был представлять его на этом коктейле. Когда Рузвельт-младший вошел в резиденцию Чан Кайши, жена Чан Кайши мадам Сун Мэйлин буквально вцепилась в него, усадила на стул рядом с собой и на протяжении получаса искусно вела беседу, во всем соглашаясь с гостем, поглаживая его по колену и стреляя глазками. Рузвельт-младший вспоминал, что он тогда в полной мере ощутил ее очарование как женщины и ее привлекательность, особенно для мужчин.

Именно этот случай и вызвал живой интерес у Сталина.

Он на некоторое время переключил свое внимание с Мао Цзэдуна на Чэнь Бода и, улыбаясь, сказал: «В вашей книге содержится весьма, весьма интересная история о Сун Мэйлин и Рузвельте-младшем!». ³⁴²

Невольно Чэнь Бода стал центром разговора, а Мао Цзэдун оказался несколько в стороне.

Это не вызвало особой радости у Мао Цзэдуна, который пристально посмотрел на своего секретаря.

Сталин же воодушевился, разговорился и вдруг поднял бокал с вином, встал, подошел к Чэнь Бода и предложил тост: «За китайского ученого, историка и философа товарища Чэнь Бода!»

Чэнь Бода это настолько потрясло, что он даже перестал как обычно заикаться, поспешно поднял бокал и сказал, кивая и обращаясь к Сталину: «За здоровье самого выдающегося в мире историка и философа товарища Сталина!». ³⁴³

Мао Цзэдун был в полном изумлении. Чэнь Бода к тому времени уже довольно давно работал при нем. Он всегда держался скромно, был честен и не гнался за славой. Даже черновики проектов документов, которые он готовил для Мао Цзэдуна, Чэнь Бода после их использования никогда не сохранял, а при встречах и беседах с другими людьми всегда подчеркивал, что все идеи, высказывавшиеся Мао Цзэдуном, все его статьи принадлежат лично Мао Цзэдуну. Однако в присутствии Сталина он потерял самообладание, забыл даже о том, что сидит рядом с Мао Цзэдуном, сам заговорил со Сталиным об истории и философии, да еще и выпил со Сталиным, обменявшись с ним тостами.

³⁴² *Е Юме.* Чэнь Бода ци жэнь – Чэнь Бода как человеческая личность // Наньфан чжоумо. 1991. 5 апр. – С. 2.

³⁴³ Там же.

В ходе беседы создалась весьма необычная ситуация. Мао Цзэдун налился гневом, но в присутствии Сталина сдержался. Ему представлялось чудовищным, что кто-то осмелился оказаться в центре беседы на высшем уровне. Причем это был человек из его команды, Мао Цзэдун тогда, очевидно, с еще большей силой ощутил, какой магией личного воздействия обладал Сталин, как слабы оказывались многие китайцы при беседах с ним; это тем более укрепило Мао Цзэдуна в решимости отстаивать свою самостоятельность в беседах со Сталиным и в практических действиях. Очевидно, Мао Цзэдун решил также испытать Чэнь Бода, поставив его в положение, когда он будет вынужден говорить советским партнерам неприятные для них вещи.

Более всего Мао Цзэдун был возмущен и раздосадован тем, что эпизод с Чэнь Бода помешал ему в полной мере развернуть свою аргументацию и выполнить план беседы со Сталиным, который Мао Цзэдун наметил заранее.

Чэнь Бода же даже после окончания беседы и возвращения в резиденцию делегации, в отведенную ему комнату, находился на вершине блаженства. Он переживал свой триумф: его похвалил сам Сталин. В этот момент раздался стук в дверь, и Чэнь Бода передали записку Мао Цзэдуна: «Ты не будешь присутствовать при следующей беседе!»

Чэнь Бода был поражен как громом, у него искры посыпались из глаз, и он рухнул на кровать.

На этом злоключения Чэнь Бода не кончились.

Спустя несколько дней Мао Цзэдуну потребовалось составить проект документа. Он послал за Чэнь Бода, но оказалось, что того нет на месте.

Секретарь по секретному делопроизводству Е Цзылун доложил Мао Цзэдуну, что Чэнь Бода переехал в посольство.

Мао Цзэдун никак не мог успокоиться: «Как это он переехал? Зачем он уехал в посольство?. Он мой секретарь, здесь его место работы, подле меня! Почему он мне ничего не сказал прежде, чем перебраться в посольство?»

Мао Цзэдун приказал вернуть Чэнь Бода из посольства.

Его немедленно доставили. Чэнь Бода повинился перед Мао Цзэдуну. Оказалось, что у Чэнь Бода в Москве учился сын, которому было 16 лет и с которым Чэнь Бода не виделся много лет; вот он и решил провести с сыном в посольстве несколько дней...

Мао Цзэдун никак не утихал: «А почему ты переехал, не получив моего согласия? Где у тебя, в конце-то концов, место работы? Да ты понимаешь, что такое дисциплина?»

Увидев Мао Цзэдуна в гневе, Чэнь Бода понял, что дело серьезное, результаты его могут быть непредсказуемыми. Чэнь Бода опустил голову и начал каяться во всех смертных грехах. Обещал, что такое больше никогда не повторится.

Мао Цзэдун любил, чтобы люди каялись перед ним в ошибках. Тогда он, исходя из того, что человек оказывался, как говорится, у него на крючке, то есть в полной зависимости от него, подчеркивал, что он желает проявить великодушие, и обычно давал провинившемуся возможность исправиться, иначе говоря, доказать свою преданность Мао Цзэдуну.

Вот и на этот раз Мао Цзэдун поступил точно так же. Он оставил Чэнь Бода при себе. А через несколько дней и произошел эпизод с балетом «Красный мак», в котором Чэнь Бода пришлось сыграть свою роль.

Дело в том, что советская сторона пригласила Мао Цзэдуна на просмотр балета Р.М. Глиэра «Красный мак» в Большом театре.

Очевидно, что это ни в коей мере не был шаг, которым Мао Цзэдуну пытались навязывать трактовку событий в Китае, советско-китайских отношений и т. п. Во всяком случае, сознательно такая задача не ставилась. Советские хозяева, в том числе высшие кураторы советского искусства в ЦК ВКП(б), действительно полагали, что постановка балета «Красный мак» – это вклад в дело развития дружбы советского и китайского народов, проявление симпатий к Китаю; это был единственный в балетном искусстве спектакль на китайскую тему.

Одним словом, в Москве думали, что посещение Мао Цзэдуном спектакля Большого театра, а именно балета «Красный мак», выльется в очередную демонстрацию советско-китайской дружбы.

На практике все получилось по-иному.

Мао Цзэдун, очевидно прислушавшись к словам своих экспертов, а возможно, и потому, что при его изощренно подозрительном взгляде на все действия и слова советских партнеров он с самого начала, только узнав, что ему предлагают посмотреть спектакль на китайскую тему, да еще с названием «Красный мак», решил проявить осторожность.

Мао Цзэдун исходил, очевидно, прежде всего из того, что в СССР вообще не понимают Китай и, следовательно, не могут правильно отобразить китайские реалии. В этом смысле он даже интуитивно, а возможно и сознательно, решил на этом примере еще раз дать почувствовать Сталину, что он, Мао Цзэдун, является единственным человеком, который правильно толкует события в Китае, что все, что делается в этом плане в ВКП(б) и в СССР, в том числе и в руководстве партии и государства, да и деятелями литературы и искусства, все это проявление предвзятого и неверного взгляда на Китай, который он, Мао Цзэдун, будет исправлять при всякой возникающей для него возможности.

Кстати сказать, Мао Цзэдун не мог себе представить, что балет «Красный мак» мог быть поставлен в Москве не специально для того, чтобы пропагандировать неверные, в том числе и прежде всего сталинские, взгляды на взаимоотношения России и Китая, русских и китайцев, русской и китайской революции. Для Мао Цзэдуна это было мелкое проявление большой политики. Конечно же, он не мог просто поддаться на такого рода «провокацию» и сразу же принять приглашение посетить спектакль в Большом театре.

Мао Цзэдун отправил на предварительный или испытательный, разведочного характера просмотр именно Чэнь Бода и своего советника-переводчика Ши Чжэ, то есть тех двух людей из своего окружения, которые знали русский язык.

Воспоминания Чэнь Бода об этом случае, вероятно, отражают не только его собственный настрой, не только те мысли и чувства, которые испытывал Чэнь Бода в те дни, когда он едва-едва избежал наказания со стороны Мао Цзэдуна за свои прегрешения, свое «низкопоклонство» перед Сталиным, но и, что вполне вероятно, часть настроений, с которыми Мао Цзэдун отрядил Чэнь Бода для этой миссии.

Чэнь Бода учился в нашей стране, но он никогда в своей жизни не видел балетного спектакля до этого вечера.

Его сразу же поразило, что балерины бегают по сцене на пуантах. Он писал в своих воспоминаниях, что одно это сразу же насторожило его, ибо он понял это таким образом, что в Советском Союзе хотят тем самым просто показать, что в Китае существует варварский обычай бинтовать девочкам ножки, оставляя их уродливыми и маленькими.

Далее Чэнь Бода начал тут же, в ложе, изводить своими вопросами сопровождавшего его Н.Т. Федоренко. Чэнь Бода представлялось, что в этом балете его авторы хотели бы представить дело таким образом, что революцией в Китае руководили члены команды советского торгового судна, пришедшего в китайский портовый город, что именно им китайская революция обязана и своим развитием, и своей победой.³⁴⁴

Н.Т. Федоренко также вспоминал, что Чэнь Бода в ходе представления стал задавать множество вопросов, да все с подковырками. Он утверждал, что таких китайцев, которые показаны на сцене, в действительности не существует. Чэнь Бода говорил, что, очевидно, в СССР именно такими уродливыми хотели бы представлять себе китайцев.

Чэнь Бода хотел уйти из театра, не дожидаясь конца спектакля. Его с трудом удалось удержать от этого шага.

После окончания балета Чэнь Бода был вынужден встретиться с руководителями театра, с автором музыки и с артистами. Вместо слов восхищения и благодарности он,

³⁴⁴ Лю Цзечэн... С. 258—260.

однако, заявил, что от просмотра у него осталось тягостное впечатление. Дело в том, разъяснил Чэнь Бода, что в Китае под красным маком обычно понимают опиум, а опиум – злейший враг китайского народа, опиумом отравлены поколения людей в Китае.³⁴⁵

К слову сказать, у Чэнь Бода, хотя он, как уже упоминалось, и учился в Москве, и владел в известной степени русским языком, и, как предполагалось, был знаком с жизнью в нашей стране, с ее культурой в частности, на деле были несколько странные представления о, казалось бы, очевидных вещах.

Например, сопровождая Мао Цзэдуна во время его пребывания в Москве, Чэнь Бода смотрел в присутствии Н.Т. Федоренко по телевизору балет «Лебединое озеро».

«– Как вам понравился балет? – спросил я [писал Н.Т. Федоренко] Чэнь Бода.

– Очень забавно, но скажите, почему все женщины голые? – в свою очередь спросил он меня, имея в виду, что в китайском традиционном театре актрисы выступают в тщательно задрапированных костюмах. Иными словами, традиции у нас здесь разные. Китайская актриса всегда появляется на сцене в наряде, который скрывает ее фигуру и формы.

Не менее примечательный случай имел место и во время трансляции по телевидению оперы с участием нашего знаменитого баса.

– Как вам его исполнение? – поинтересовался я у Чэнь Бода.

– Скажите, а почему он ревет, как бугай? – в свою очередь спросил меня профессор.

– Это наш знаменитый бас, он поет не чужим, а своим могучим голосом. Нам, русским, его пение очень по душе. Примерно так же, как вам нравится пекинская опера, где поют не своими голосами, как нам представляется, а так сказать, козлетоном... – дерзнул я парировать Чэнь Бода.

– Ах так? Неужели? – воскликнул мой просвещенный собеседник». ³⁴⁶

Но вернемся к балету «Красный мак». Чэнь Бода и Ши Чжэ доложили обо всем увиденном Мао Цзэдуну, который полностью разделял их мнение о вредности идей этого спектакля.

Советская сторона тем не менее и в дальнейшем настойчиво предлагала Мао Цзэдуну посетить этот балетный спектакль в Большом театре. Мао Цзэдун не пожелал этого сделать.

В свое время в этой связи в Москве было довольно много разговоров.

Можно лишь отметить, что взаимное непонимание, в том числе и по вопросам, связанным с этим спектаклем, не исчезло. Балет «Красный мак» еще несколько лет сохранялся в репертуаре Большого театра. Его, правда, после посещения спектакля Чэнь Бода переименовали в балет «Красный цветок». ³⁴⁷

В целом очевидно, что действительно у Сталина и Мао Цзэдуна было разное понимание многих вопросов; причем они упорно оставались при своем мнении, хотя в иных случаях шли на компромиссы.

Применительно к обстоятельствам, связанным с балетом «Красный мак», с точки зрения Сталина, речь шла о том, как подавать внутри СССР революционные события в Китае. Его устраивала версия, на основе которой и был сделан балет «Красный мак». Сталин, очевидно, считал, что балет играл исключительно позитивную роль в нашей стране, ибо

³⁴⁵ Федоренко Н.Т. Ночные беседы (Переговоры о советско-китайских отношениях) // Открывая новые страницы. – М., 1989. – С. 135–148.

³⁴⁶ Федоренко Н.Т. Сталин и Мао: беседы в Москве // Проблемы Дальнего Востока. 1989. № 1. – С. 159.

³⁴⁷ В 1959 г. мне довелось сопровождать видного политического и военного деятеля КПК и КНР маршала Е Цзяньина во время просмотра в Большом театре СССР именно балета «Красный мак». Мне запомнилось, что Е Цзяньин в антракте счел нужным подчеркнуть, что в этом спектакле есть музыкальный фрагмент: вкрапление известной китайской мелодии, песни со словами «Дунфан хун. Тайян шэн. Чжунго чула гэ Мао Цзэдун (Восток заалел. Солнце взошло. В Китае родился Мао Цзэдун)». По мнению Е Цзяньина, этот музыкальный фрагмент в балет «не вписывался». – Ю.Г.

только укреплял сочувствие к борьбе китайцев, укреплял мысль о нашем совместном с ними деле.

Мао Цзэдун не желал соглашаться с тем, чтобы в произведениях искусства в СССР китайцев изображали следующими за их советскими товарищами. Сталин же, как это вполне понятно, хотел, чтобы он и его силы играли главную роль везде, в том числе и в Китае; во всяком случае, чтобы именно такое представление воспитывалось у людей в СССР.

Столкновение мнений по этому вопросу было неизбежным следствием расхождений между Сталиным и Мао Цзэдуном по существу взаимоотношений наших двух стран.

Соотношение валют и реальный характер отношений

Сталин и Мао Цзэдун достигли в начале 1950 года согласия по ряду вопросов. Интересы обеих наций заставили их пойти на заключение договора и нескольких соглашений.

При этом в тех случаях, когда речь шла о совершенно конкретных материальных интересах сторон, приходиться к согласию или даже к компромиссу оказывалось далеко не просто. Очевидно, конкретные исполнители действовали, руководствуясь общими принципиальными указаниями Сталина и Мао Цзедуна, каждый из которых с недоверием относился к партнеру и ревностно отстаивал интересы своей нации, государства, партии.

Одним из таких конкретных, но весьма важных вопросов был вопрос о соотношении валют. У Сюцюань в этой связи писал: «На этот раз как только приступили к практическим вопросам, имеющим отношение к интересам обоих государств, переговоры сразу же стали не такими успешными и гармоничными. По целому ряду вопросов стали возникать разногласия и споры, и среди них наиболее важным оказался вопрос о валютах двух государств, а именно – как правильно определить соотношение между «жэньминь би» («народной банкнотой» КНР. – Ю.Г.) и советским рублем... Советские деятели стремились, опираясь на свою силу, оказать на нас давление, курс своего рубля они определяли очень высоко, а курс нашего «жэньминь би» сравнительно низко. Мы по этому поводу представили свои соображения, не совпадающие с их мнением, но они упорно придерживались своей позиции, что вызвало споры между сторонами; и все те из нас, кто принимал участие в переговорах, отнюдь не испытывали радости. Однако, принимая во внимание обстановку того времени, действительно вести дело к ссоре представлялось не очень выгодным. В конце концов, после того как мы обратились к внутригосударственным инстанциям за указаниями и получили их согласие, нам ничего не оставалось делать, как идти на уступки и компромиссы, и фактически соотношение валют двух государств было определено в условиях относительного неравноправия. В ходе этих споров мы в полной мере ощутили великодержавный шовинизм и национальный эгоизм, существующие в Советском Союзе, когда во имя интересов собственной страны они навязывают свою волю другим и не считаются с интересами других стран, пусть даже это будет братское государство, с которым они поддерживают отношения сердечной дружбы. Советский Союз впоследствии превратился в агрессивную, экспансионистскую сверхдержаву и на международной арене стал проводить гегемонизм, причем это не было случайным, поскольку первые признаки этого существовали еще в период Сталина. В начале 50-х годов, хотя в ходе усиленной пропаганды на все лады проповедовалась великая и нерушимая дружба между двумя странами – Китаем и Советским Союзом, в действительности уже возникли некоторые неприятные явления, которые закладывали семена разрыва отношений между двумя государствами».³⁴⁸

Давая общую оценку советско-китайским отношениям в начале 50-х гг., то есть в тот период, когда во главе своих партий и государств находились Сталин и Мао Цзэдун, У

³⁴⁸ Шицзе чжиши. 1983. № 16. – С. 12.

Сюцюань писал: «Наши отношения с Советским Союзом в то время были в целом равноправными и взаимовыгодными, но одновременно с этим, если говорить о дружбе, то она не обходилась без противоречий, а если говорить о единении, то оно не обходилось без борьбы». ³⁴⁹

И далее: «Вообще говоря, китайско-советские отношения в начале 50-х годов все еще были отношениями сплоченности и дружбы, однако уже тогда существовали факторы разногласий и разрыва». ³⁵⁰

Вполне очевидно, что между Сталиным и Мао Цзэдуном имелись существенные расхождения во взглядах на двусторонние советско-китайские отношения.

С точки зрения Сталина, во взаимоотношениях двух коммунистических партий (ВКП(б) и КПК) и руководимых ими государств (СССР и КНР) следовало бы исходить из того, что эти отношения в обоих случаях с образованием КНР начинаются как бы с чистой страницы; при этом ни один из нынешних партнеров не несет ответственности за предыдущую историю двусторонних отношений, хотя извинения частного порядка и могут быть принесены. Далее, Сталин полагал, что если уж руководители материкового Китая провозгласили свое намерение идти по пути социализма, если уж Компартия Китая является правящей политической партией в стране, то у такого китайского государства не только не может быть никаких серьезных вопросов к СССР и его политике, касающихся прошлого и настоящего двусторонних отношений, но сама постановка такого рода вопросов должна рассматриваться как проявление классово чуждых коммунистам (Советского Союза, а также, следуя этой логике, и Китайской Народной Республики) взглядов.

В истории отношений двух наций в 1949 г. возникла ситуация, в определенном смысле сходная с той, которая уже была в их отношениях после появления советской России в 1917 г. Тогда советская сторона (Ленин) тоже попыталась исходить из того, что отношения между советской Россией и китайским государством начинаются с новой страницы на том основании, что Советское государство не отвечает за политику прежней России и что существует такая общая надежная и прочная основа наших отношений, как классовая солидарность советских и китайских трудящихся.

У китайских партнеров взгляд на ситуацию был несколько иным. Они не стремились начинать писать историю отношений с чистой страницы, но всегда подчеркивали, что в истории двусторонних связей существуют нерешенные вопросы. Кроме того, Мао Цзэдун в 1949 г. полагал, что Сталин намеренно не придает должного значения победе компартии в материковом Китае, а также тому факту, что эта победа достигнута главным образом благодаря собственным усилиям киткомпартии. Национальные и личные амбиции лидеров двух партий и стран приходили при этом в столкновение. Разногласий было довольно много. Они были следствием взаимного непонимания сторон.

Действительно существовали вопросы, которые остались от прошлого и которые нужно было либо решать, либо договориться о том, чтобы отложить их решение. Однако такого рода переговоры тогда не имели и не могли иметь места. Слишком разными были представления сторон: каждой о себе и о партнере.

В 1949 г. Сталин намеренно преувеличивал тезис о дружбе между СССР и КНР, а Мао Цзэдун намеренно преувеличивал тезис о противоречиях и борьбе между ними. Что же касается противоречий, то они существовали и объективно, и в миропредставлениях и обеих партий, и обоих народов, и обоих государств, и обоих лидеров. Однако объективно существовавшие противоречия можно было разрешить либо договориться о том, чтобы отложить их решение на исторически длительный срок. К сожалению, дело было прежде всего в том, что неразрешимый характер носили субъективные и временные противоречия,

³⁴⁹ Там же.

³⁵⁰ Там же. С. 15.

то есть противоречия между Сталиным и Мао Цзэдуном, между их взглядами и миропредставлениями. Значительную часть таких противоречий составляли претензии на руководящее положение, на власть; другая их часть представляла отражение в мышлении каждого из лидеров интересов обеих стран и народов, обеих партий. Здесь зачастую имело место сочетание объективно существовавших вопросов и ошибочных мнений, искусственно создававшихся обоими лидерами проблем.

Предстояли годы урегулирования позиций обеих сторон. Путь к этому был непростым. На этом пути постоянно возникали те или иные трудности.

Синьцзянская нефть

С одной стороны, в первые годы существования КНР отношения между СССР и КНР были широкими и тесными. По подсчетам У Сюцюаня, в первой половине 50-х гг. КНР заключила с Советским Союзом и странами Восточной Европы свыше 110 различных соглашений, в то время как со всеми остальными государствами не более двух-трех десятков соглашений.

С другой стороны, по словам того же У Сюцюаня, «именно в то время, однако, у нас с Советским Союзом не по всем вопросам всегда существовало такое полное единодушие, неизбежно наряду с этим возникали определенные разногласия. Так, например, в китайско-советской акционерной нефтяной компании в Синьцзяне Советский Союз в одностороннем порядке выступил с требованием расширить границы районов, где велась разведка нефтяных месторождений. В соответствии с соглашением капиталовложения в участки нефтяных месторождений производит наша страна, поэтому, если расширить границы нефтяных месторождений, это будет равнозначно тому, чтобы наша страна увеличила свои капиталовложения в них, а СССР соответствующим образом также должен был бы дополнительно поставить оборудование для нефтяных промыслов. Мы вместе с товарищем Ван Чжэнем, ответственным за работу в Синьцзяне, поставили этот вопрос перед послом СССР, но они тем не менее не собирались увеличивать поставки оборудования, а стремились всего лишь к тому, чтобы мы в одностороннем порядке расширили границы нефтяных месторождений. Мы, само собой разумеется, не могли пойти на это и вели дела, твердо придерживаясь принципов соглашения».³⁵¹

Эта ситуация представляется типичным примером того, как действовали исполнители, исходя из принципиальных позиций, определенных для них Сталиным и Мао Цзэдуном.

В СССР исходили из широкого научного взгляда на этот вопрос и стремились, начав нефтеразведку в Синьцзяне, осуществить ее во всей полноте, добиться максимального охвата площадей потенциальных нефтяных районов и тем самым полностью решить задачи нефтеразведки в интересах прежде всего китайской стороны. Из этого и исходили в своих предложениях советские геологи.

Оказывалось, однако, что обе стороны были стеснены в средствах и не выделяли их на расширение соответствующих работ.

Советские геологи не предъявляли в этой связи никаких, тем более политических, претензий китайской стороне.

Китайские же чиновники, исходя из духа отношения Мао Цзэдуна к СССР, поднимали такого рода вопросы на уровень политических обобщений, подчеркивая тезис о наличии разногласий и о том, что советская сторона хотела якобы ущемить материально китайскую сторону.

Кинофильм «Путешественник Пржевальский»

³⁵¹ Там же. С. 13.

В первые годы после образования КНР в Китае демонстрировалось много советских кинофильмов. Китайские кинокартины также шли в Советском Союзе.

Стороны предоставляли друг другу для широкого показа практически почти все свои фильмы. На практике не возникало никаких вопросов, то есть все, что предлагала одна из сторон, другая сторона брала и показывала у себя.

Однако и тут имело место одно исключение. Оно носило сугубо политический характер, который придавала ему китайская сторона.

В Советском Союзе в последние годы жизни Сталина была выпущена на экран целая обойма кинофильмов об известных русских ученых, деятелях искусства и т. д. В том числе появился цветной художественный фильм о знаменитом русском географе, путешественнике по Центральной Азии и Дальнему Востоку Николае Михайловиче Пржевальском (1839—1888). Кинофильм так и назывался – «Путешественник Пржевальский». Для своего времени он был относительно заметным явлением. Вполне естественно, что фильм был предложен к прокату в КНР. Советская сторона даже полагала, что этот фильм может послужить делу укрепления и развития дружбы между народами Советского Союза и КНР, так как в нем участвовали в качестве действующих лиц представители обоих народов.

Н.М. Пржевальский был прежде всего и главным образом ученым, одним из самых знаменитых путешественников XIX века, когда еще существовали белые пятна на нашей планете.

Н.М. Пржевальский получил возможность осуществлять свои экспедиции благодаря тому, что он состоял на службе в русской армии, в ее Генеральном штабе. При его финансовой поддержке он и отправлялся в путешествия; перед ним же, а также перед Русским географическим обществом он отчитывался по возвращении. В каждой из экспедиций Н.М. Пржевальского участвовали от 4 до 21 человека; в том числе лишь сам начальник экспедиции и один-два его помощника были среди них образованными людьми; остальные были казаками или проводниками. Научные результаты этих путешествий совершенно ясно свидетельствовали о том, что Н.М. Пржевальский проводил изыскания совершенно открытого научного характера, обогащал мировую науку, в том числе и науку Китая, данными о тех районах земного шара, куда до него не ступала нога ни одного из ученых. Н.М. Пржевальский всегда имел самые добрые отношения со всеми местными жителями во время своих экспедиций. Его научные заслуги ценились столь высоко, что в Петербурге ему был поставлен памятник на добровольные пожертвования членов Русского географического общества.

Реакция представителей КПК – КНР на предложение демонстрировать в континентальном Китае кинофильм «Путешественник Пржевальский» была неожиданной для советской стороны.

Очевидно, все случившееся в этой связи было следствием отношения Мао Цзэдуна к Сталину, Советскому Союзу, России. Отражая настроения Мао Цзэдуна, чиновники его партийно-государственного аппарата проявляли особую подозрительность, бдительность и настороженность, когда речь шла о советско-китайских, русско-китайских отношениях, когда в произведениях советской литературы или искусства каким-либо образом затрагивался Китай.

Нельзя исключать и того, что, получив для просмотра копию кинофильма «Путешественник Пржевальский», ее показали Мао Цзэдуну.

Представляется допустимым и еще одно предположение. Известно, что в КПК очень тщательно собирали и изучали любые крохи информации о руководителях других, важных, с точки зрения Мао Цзэдуна, стран, и прежде всего о Сталине и иных руководителях ВКП(б) – СССР.

Вполне возможно, что пекинским советологам была известна легенда о том, что Н.М. Пржевальский – это родной отец Сталина. Кстати сказать, внешнее сходство Н.М. Пржевальского и Сталина поразительно. Эксперты могли доложить Мао Цзэдуну и об этой версии.

Как бы там ни было, а в ответ на рядовое, с точки зрения советской стороны, предложение демонстрировать в КНР кинофильм «Путешественник Пржевальский» последовала далеко не обычная реакция, а вернее даже сказать, дипломатический или политико-дипломатический демарш со стороны Пекина.

Вот как характеризовал события высокопоставленный чиновник МИД КНР У Сююань: «...Советский Союз рекомендовал нам для демонстрации свой кинофильм под названием «Путешественник Пржевальский», содержание которого сводилось к показу истории некоего русского «путешественника», совершившего «экспедицию» в Китай. Мы предварительно просмотрели этот кинофильм и обнаружили, что в данной картине народ нашей страны изображается в состоянии крайней бедности, темноты и невежества, чиновники маньчжурско-цинского правительства в кинофильме тем более выглядели подобострастными уродинами перед лицом русских, которые в отношении китайцев совершали некие «благотворительные» акции, делали мелкие подачки, одаривали их небольшими порциями жидкой каши и т. д. и т. п., то есть они в полной мере использовали приемы империалистов. Мы считали, что это, по сути дела, кинофильм, который открыто поддерживал экспансионистов царской эпохи и оскорблял народ нашей страны, поэтому было решено не принимать эту кинокартину. Руководство поручило мне вместе с товарищем Чжоу Яном (одним из руководителей пропагандистского аппарата ЦК КПК. – Ю.Г.) встретиться с послом СССР Роциным и заявить ему, что, по нашему мнению, эта кинокартина может вредно отразиться на чувствах китайского народа, оказаться неблагоприятной для дружбы и сплоченности народов Китая и Советского Союза. Мы поставили их в известность о том, что правительство нашей страны не согласно импортировать эту кинокартину. Роцин выслушал нас, но ничего не сказал. Это... свидетельствует о том, что между Китаем и СССР в период дружбы имелись противоречия и велась борьба».³⁵²

Итак, в КПК – КНР Н.М. Пржевальского сочли русским военным шпионом, действовавшим на китайской территории, выполнявшим экспансионистские планы и пренебрежительно относившимся к китайцам. В Пекине на самом высоком уровне, на уровне правительства КНР, иначе говоря, вполне вероятно, на уровне Мао Цзэдуна, рассматривали и отношение к Н.М. Пржевальскому в СССР, и создание фильма о нем как оскорбление национального достоинства китайцев, как антикитайскую акцию, как проявление великорусского шовинизма и экспансионизма, как доказательство того, что и Сталин продолжал поддерживать экспансионистские настроения в СССР в отношении китайских земель.

Казалось бы, что это – мелкий эпизод, который заслуживает только улыбки и забвения. Однако все дело в том, что позиция пекинских чиновников в данном случае отражала мнение Мао Цзэдуна, показывала, что враждебность по отношению даже к лучшим представителям русского народа, русской науки, общавшимся с китайцами в ходе своих научных изысканий, причем в довольно отдаленном уже прошлом, в крови у Мао Цзэдуна; все это свидетельствовало о том, что иррациональное восприятие России как вечного и главного врага Китая являлось у Мао Цзэдуна настолько сильным, что это могло со временем проявиться в самых невероятных на первый взгляд политических и военных шагах с его стороны. Патологическая ненависть к Сталину, к России затмевала глаза и разум Мао Цзэдуна.

Сталин, Мао Цзэдун и Н.С. Хрущев

Н.С. Хрущев во времена Сталина был одним из членов советского руководства. Сталин поручал тогда Н.С. Хрущеву решение некоторых вопросов внутренней, но не внешней

³⁵² Там же.

политики. Таким образом, Н.С. Хрущев имел возможность наблюдать довольно близко некоторые эпизоды, характеризовавшие практическое поведение Сталина при решении вопросов в отношениях с Мао Цзэдуном, с КПК – КНР.

В своих воспоминаниях Н.С. Хрущев оставил описания некоторых подробностей китайской политики Сталина. В то же время необходимо, очевидно, принимать во внимание то, что практически к проведению политики в отношении Китая Сталин привлекал в большей степени В.М. Молотова, А.И. Микояна и в меньшей степени Н.А. Булганина, но не других членов Политбюро, в том числе и не Н.С. Хрущева.

И все же у Н.С. Хрущева сложилось свое представление о взаимоотношениях Сталина и Мао Цзэдуна. Оно имело определенное значение в связи с тем, что Н.С. Хрущев стал преемником Сталина на посту первого лица в КПСС – СССР.

Хрущев вспоминал, в частности, что во время ночных застолий у Сталина в присутствии узкого круга своих ближайших соратников Сталин постоянно возвращался к такому вопросу: «Что же за человек такой, в конце-то концов, этот Мао Цзэдун? Мне о нем ничего не известно. Он никогда не бывал в Советском Союзе». По свидетельству Хрущева, Сталин подозревал, что Мао Цзэдун занимает узкокрестьянские позиции, что он боится рабочих, пренебрегает рабочим движением и изолированно создает базы для Красной Армии. Хрущев полагал, что «Сталин всегда был очень недоволен Мао Цзэдуном. Он наклеил ему ярлык; дал ему определение с точки зрения ортодоксального марксиста. Сталин часто называл Мао Цзэдуна «(не настоящим, а) маргариновым марксистом».³⁵³

Монголия

Уже упоминавшийся работник внешнеполитического фронта КПК – КНР У Сюцюань в своих воспоминаниях отмечал, что «после подписания вышеуказанных договора и соглашений (14 февраля 1950 г. – Ю.Г.) два государства к тому же сделали совместное заявление о том, что договор и соглашения, заключенные Советским Союзом в августе 1945 г. с бывшим гоминьдановским правительством Китая, все без исключения утратили свою силу».³⁵⁴

Из этого следовало, что Мао Цзэдун желал представить дело таким образом, что КНР свободна от обязательств, которые взяли на себя Китайская Республика и Чан Кайши в отношении вопроса о МНР, согласившись с тем, что вопрос о ее независимости будет решаться путем всенародного плебисцита.

В 1945 г. Советский Союз, Сталин, беря на себя обязательства вступить в военные действия против Японии, по существу, соглашался пожертвовать жизнями своих бойцов ради разгрома японского милитаризма – общего врага СССР, Китая, других союзных держав. В то же время в качестве одного из условий вступления в войну против Японии Сталин потребовал признать независимость и самостоятельность такого государства монгольской нации, как Монгольская Народная Республика, учитывая ее вклад в дело общей борьбы против милитаристской Японии и во Вторую мировую войну в целом. Здесь, очевидно, нашла свое проявление последовательная линия в политике Сталина на то, чтобы закрепить в международных юридических документах сам факт национального самоопределения монгольской нации, о чем в принципе шла речь еще в Обращении СНК РСФСР к китайскому народу и правительствам Южного и Северного Китая, датированном 25 июля 1919 г. Сталин воспользовался возможностью добиться от США и Великобритании признания статус-кво МНР; он также сумел получить согласие президента США Рузвельта на то, чтобы США воздействовали на Чан Кайши и Китайскую Республику, практически заставив их смириться

³⁵³ Лю Цзечэн... С. 66—67.

³⁵⁴ Шицзе чжиши. 1983. № 16. – С. 10.

со статус-кво МНР. В условиях 1945 г., будучи заинтересован в разгроме Японии с помощью Советской Армии, а также будучи вынужден считаться с позицией президента США, Чан Кайши в конечном счете пошел на удовлетворение требования Сталина, исходя прежде всего из того, что без вступления СССР в войну против Японии Китаю, США, другим союзным державам пришлось бы на протяжении довольно длительного времени (месяцами, если не целый год) вести войну и жертвовать жизнями миллионов своих, а не русских (советских) солдат.

Мао Цзэдун в качестве главы нового государства, то есть в качестве председателя правительства КНР, судя по заявлению У Сюцюаня, безусловно отражавшего мнение Мао Цзэдуна, стремился по-своему интерпретировать высказывание Сталина о том, что договор 1945 г. был неравноправным, и утверждать в сознании людей в КНР, а также за ее рубежами, что договоренности Сталина и Чан Кайши в 1945 г. «все без исключения» «утратили свою силу».

С точки зрения Мао Цзэдуна, это, возможно, в первую очередь означало, что он снова ставит в повестку дня при обсуждении двусторонних отношений вопрос о Монголии.

Очевидно, что именно исходя из такого толкования этого вопроса в 1954 г. Чжоу Энлай, выражая мнение Мао Цзэдуна, вновь поднимал перед Н.С. Хрущевым и другими советскими руководителями, преемниками Сталина, вопрос о вхождении МНР в состав КНР. Здесь Мао Цзэдун и Чжоу Энлай проделывали нечто подобное своему же пируэту в отношении того, что ими трактовалось как «обещание Ленина вернуть Китаю незаконно отторгнутые у него Россией китайские земли»; согласно трактовке Мао Цзэдуна, Ленин обещал это сделать, но не успел выполнить свое обещание, а Сталин не пожелал выполнить обещание Ленина. Что же касается Монголии, то по логике Мао Цзэдуна получалось, что Сталин в 1949 г. признал договоренности с Чан Кайши в 1945 г. неравноправными, а следовательно, обещал пересмотреть вопрос о Монголии, то есть обещал вернуть ее Пекину; Сталин умер, не успев выполнить свое обещание, а его преемники, прежде всего Н.С. Хрущев, не захотели выполнить обещание Сталина относительно судьбы Монголии.

Это характерный пример причудливости мышления Мао Цзэдуна, который постоянно стремился умозрительно фабриковать позицию партнера, в данном случае Сталина, а затем по-своему толковать ее, особенно тогда, когда партнера либо уже не было в живых, либо когда по объективным причинам открытое публичное сопоставление точек зрения сторон оказывалось невозможным.

В данном случае все дело в том, что Сталин действительно говорил о неравноправном характере договора 1945 г., имея при этом в виду те его части, которые относились к КЧЖД, Порт-Артуру и Дальнему. Что же касается высказываний У Сюцюаня, отражавших позицию Мао Цзэдуна и его преемников, то обращение к документам, по крайней мере опубликованным в СССР, представляет эту картину в ином свете. Сталин был вполне последователен в своей позиции.

В советско-китайском коммюнике о подписании 14 февраля 1950 г. договора и соглашений между Советским Союзом и Китайской Народной Республикой, в частности, содержалось следующее положение:

«В связи с подписанием договора о дружбе, союзе и взаимной помощи и соглашения о Китайской Чанчуньской железной дороге, Порт-Артуре и Дальнем г. Чжоу Энлай и А.Я. Вышинский обменялись нотами о том, что заключенные 14 августа 1945 года между Китаем и Советским Союзом соответствующие договор и соглашения потеряли силу, а также, что оба правительства констатируют полную обеспеченность независимого положения Монгольской Народной Республики в результате референдума 1945 года и установления с ней дипломатических отношений Китайской Народной Республикой».³⁵⁵

³⁵⁵ Известия. 1950. № 39. – 15 февр. Советско-китайские отношения. 1917—1957. – С. 218.

Синьцзян

В своих воспоминаниях Н.С. Хрущев отмечал следующее: «Приблизительно в то же время (1949—1950 годы. – Ю.Г.) встал вопрос о Синьцзяне. Я не могу вспомнить, обсуждали эту проблему Сталин непосредственно с Мао, когда тот находился в Москве, или вопрос обговаривался через товарища Микояна, который был нашим первым представителем, направленным в Китай иметь дело с Мао.

Во время войны мы заняли и укрепили Синьцзян, закрыв его для Чан Кайши. Занятие Синьцзяна нами было в интересах Советского Союза и китайских коммунистов. К тому времени, когда коммунисты нанесли поражение Чан Кайши, мы распоряжались в Синьцзяне. У нас там были наши люди, и вся провинция работала на нас. Однако после победы китайской Красной Армии Сталин подтвердил Мао Цзэдуну, что Синьцзян принадлежит Китаю.

Затем Сталин совершил серьезную ошибку: он предложил Мао, чтобы мы организовали смешанную компанию для эксплуатации природных ресурсов в Синьцзяне. Китайцы приняли предложение без возражений, но, вне всяких сомнений, им не понравилась сама эта идея. Они должны были чувствовать, что у СССР есть определенные виды на Синьцзян и что смешанная компания представляла собой покушение на китайскую территорию и независимость. Так Сталин посеял семена вражды и антисоветских, антирусских чувств в Китае». ³⁵⁶

К сожалению, Н.С. Хрущев выражал мнение, в котором были смешаны и факты, и его представления о фактах и о том, что происходило в действительности в связи с вопросом о Синьцзяне во времена Сталина.

Если говорить о том, какова была позиция Сталина по вопросу о Синьцзяне тогда, когда ему впервые пришлось обсуждать ее с Мао Цзэдуном, то она, на наш взгляд, выглядит безукоризненно относительно интересов наших двух стран.

Прежде всего, Сталин твердо исходил из того, что Синьцзян – это неотъемлемая часть Китая. На практике он не только не предпринимал никаких шагов для того, чтобы как-то урезать суверенитет Китая и власть Мао Цзэдуна над Синьцзяном, но пошел далеко вперед в сравнении с Мао Цзэдуном в вопросе об установлении власти Мао Цзэдуна над Синьцзяном.

Именно Сталин, услышав во время бесед с Лю Шаоци летом 1949 г. о том, что Мао Цзэдун собирается ставить Синьцзян под свой контроль только в 1950 г., обратил внимание Мао Цзэдуна и его представителей на то, что нельзя оставлять Синьцзян в подвешенном состоянии, так как туда могут дотянуться чужие руки из-за рубежа. В этой связи Сталин предложил оказать помощь в переброске военных сил Мао Цзэдуна на советских транспортных самолетах в Синьцзян. Мао Цзэдун согласился с этим, и эта операция была осуществлена.

Далее Сталин предложил оказать помощь в переброске представителей Мао Цзэдуна в Синьцзян для налаживания связей с соответствующими политическими силами на месте. И это было осуществлено.

Да, Сталин стремился к тому, чтобы в Синьцзяне не было присутствия и влияния американцев, однако, во всяком случае на том этапе развития ситуации, это было в обоюдных интересах и Сталина, и Мао Цзэдуна.

Что же касается создания смешанных предприятий в Синьцзяне, то при Сталине они давали выгоду обеим сторонам. При этом необходимо учитывать и то, что китайская сторона не могла сделать тогда для развития Синьцзяна того, что оказывалось возможным выполнить благодаря участию Советского Союза. С другой стороны, нет никаких признаков того, что у Сталина имелись планы навечно закрепить Синьцзян в качестве «сферы влияния» СССР.

³⁵⁶ Khrushchev remembers. The Last Testament. – Bantam Books, Inc. New York, 1976 (Хрущев вспоминает. Последний завет. – «Бентам букс». Нью-Йорк, 1976). – Р. 273.

В целом история советско-китайских отношений применительно к Синьцзяну, в том числе и в 30-х гг., может служить примером такого решения вопросов двусторонних отношений, которое шло на пользу и той и другой стороне.

Хайнаньский каучук

Н.С. Хрущев вспоминал, продолжая свою мысль об ошибочном предложении Сталина создать в Синьцзяне смешанную советско-китайскую компанию для эксплуатации природных ресурсов: «Я сказал Сталину, что китайцы будут, вероятно, возражать против наших попыток получить торговые концессии от них таким же образом, как это делали в прошлом англичане, португальцы и другие иностранцы. «Ты чего суешь свой нос в это дело? – огрызнулся Сталин. – Это не твоего ума дело». И с этим он продиктовал послание Мао, запрашивая подходящую территорию, на которой предполагалось устроить каучуковую плантацию.

Некоторое время спустя мы получили телеграмму от Мао, содержащую его ответ. Несколько человек присутствовали, когда мы прочли ответ Мао на предложение Сталина: «Мы согласны создать каучуковую плантацию для вас на острове Хайнань у берегов Вьетнама, но мы делаем это на определенных условиях. В частности, мы предлагаем, чтобы вы предоставили нам кредиты, машины и техническую помощь, необходимую для того, чтобы создать и развивать плантацию нашими собственными силами. Мы возместим вам затраты на эту помощь поставками каучука».

После того как Сталин закончил читать послание Мао, наступило длительное молчание. Я избегал взгляда Сталина, потому что знал, что он не позабыл о моем предостережении против того, чтобы выступить с таким предложением. Теперь ответ Мао пришел, как горькая пилюля, которую пришлось проглотить.

Мао, конечно, был абсолютно прав, отвечая именно так, как он это сделал. Он не пытался быть нападающей стороной; он просто подчеркивал гордость и права Китая.

Мы согласились с встречным предложением китайцев и предоставили им помощь, которую они просили, чтобы создать плантацию каучуконосов, но в конце концов ничего из этого не получилось. Я не думаю, что китайцы с энтузиазмом отнеслись к этому проекту. Они заплатили нам за наши тракторы и займы, но мы не получили от этой сделки никакого каучука.

Этот инцидент должен был оставить свой след в душе у Мао. Как и Сталин, Мао был не из тех, кто забывает. Опыт его общения со Сталиным сначала по вопросу о Синьцзяне, а теперь по вопросу о плантации каучуконосов был вполне достаточным, чтобы убедить его в том, что политика Сталина в отношении Китая имела много общего с империалистической политикой капиталистических стран. Точно так же, как и Сталин, Мао был глубоко недоверчивым человеком. Поэтому конкретные свидетельства того, что Сталину не следует доверять, во много раз увеличились в силу его подозрительности». ³⁵⁷

Сталин ставил перед Мао Цзэдуном вопрос о каучуке, сохраняя лицо и, во всяком случае внешне, исходя из интересов и СССР, и КНР. В начале 1952 г. Сталин направил телеграмму Мао Цзэду, внося предложение, которое, по его мнению, могло положить конец зависимости от империалистов в таком стратегическом сырье, как каучук: «Вам следует осуществить насаждение в Китае каучуковых деревьев, обеспечив по крайней мере 200 тысяч тонн натурального каучука в год. Остров Хайнань – база для каучука... Техникой поможем». ³⁵⁸

³⁵⁷ Ibid. P. 274—275.

³⁵⁸ АПРФ. Ф. 45.Оп. 1. Д. 341. Л. 114. Цит. по: Волкогонов Д.А. Семь вождей. – С. 270.

Сталин, Мао Цзэдун и Гао Ган

Во время пребывания Мао Цзэдуна в Москве в конце 1949 г. – начале 1950 г. Сталин, стремясь на деле продемонстрировать и свое доверие к Мао Цзэдуну, и желание способствовать упрочению двусторонних личных отношений со своим китайским партнером, вручил ему копию секретного доклада своего доверенного представителя в то время при Мао Цзэдуне в КНР И.В. Ковалева. В этом документе содержались собранные И.В. Ковалевым, в том числе в беседах с некоторыми руководителями КПК и КНР, в частности с членом Политбюро ЦК КПК и заместителем председателя Центрального народного правительства КНР Гао Ганом, сведения о настроениях руководителей КПК, об их отношении к СССР.

Личный переводчик и консультант Мао Цзэдуна по советским делам Ши Чжэ тогда же ознакомил Мао Цзэдуна с содержанием этого документа. В то время этот жест Сталина сыграл свою роль, помог успешному ведению переговоров в Москве. Мао Цзэдун тогда не предпринял никаких мер ни вообще в связи с этим документом, ни по отношению к Гао Гану. Вероятно, он хотел, во-первых, сохранить в тайне практически от всех своих коллег по руководству КПК содержание документа, переданного ему Сталиным, а в равной степени и сам факт передачи такого документа. Во-вторых, Мао Цзэдун не считал возможным в то время, в ситуации, когда КНР во многом зависела от помощи со стороны СССР, развернуть в КПК борьбу против людей, так или иначе сотрудничавших с советскими коллегами. В-третьих, Мао Цзэдун желал усыпить бдительность Гао Гана. В-четвертых, при жизни Сталина Мао Цзэдун считал нецелесообразным, а вероятно и невозможным, открыто наказывать Гао Гана.

Такая позиция Мао Цзэдуна, с одной стороны, показывала, что он все-таки, очевидно, побаивался возможной реакции Сталина на свое выступление против Гао Гана, а с другой стороны, Мао Цзэдун исходил из того, что умолчание, выдержка позволяли ему в данном случае не попасть в некую зависимость от Сталина, которому он в таком случае оказывался как бы обязанным за помощь в борьбе против врагов Мао Цзэдуна внутри КПК. Мао Цзэдун сохранял при этом и свою независимость в этом плане, и, наконец, он хотел в ответ на неожиданный жест Сталина (передачу секретных сведений о действиях советской стороны, то есть И.В. Ковалева, и о действиях некоторых китайских высокопоставленных лиц, раскрывавших взаимоотношения внутри руководства КПК), со своей стороны, продемонстрировать неожиданное отношение к докладу И.В. Ковалева, то есть сделать вид, что эта «бумажка» для него ничего не значит, не имеет особой цены, что сведения, содержащиеся в ней, вроде как бы или были ранее известны Мао Цзэдуну, или расценивались им по-своему. В общем, Мао Цзэдун в ответ на хитроумный и коварный ход Сталина применил фигуру умолчания и недействия, которая, с его точки зрения, была тогда самым выгодным и также хитроумным и коварным ходом с его стороны.

По возвращении в Пекин в начале 1950 г. Ши Чжэ сделал полный перевод этого документа на китайский язык. Передавая перевод Мао Цзэдуну, Ши Чжэ сказал: «Председатель, я перевел доклад, переданный вам Сталиным. Почитайте его! Там, в частности, говорится, что товарищи Лю Шаоци, Чжоу Эньлай выражали недовольство Советским Союзом; право, уж и не знаю, кто мог дать такую информацию?»

Мао Цзэдун ознакомился с текстом доклада и с презрением, как показалось Ши Чжэ, произнес: «Пока его трогать не будем. Подождем, посмотрим, а там видно будет!»

Прошло время. Умер Сталин.

Летом 1953 г. Гао Ган и секретарь Бюро ЦК КПК по Восточному Китаю Жао Шуши проявляли большую активность в ходе проводившегося тогда всекитайского совещания по финансово-экономическим вопросам. Они критиковали Бо Ибо, однако, по сути дела, направляли острие своих ударов против Лю Шаоци. Обстановка на совещании накалилась.

Ши Чжэ вспоминал, что он тогда спросил Мао Цзэдуна: «Что это они делают? Почему все время нападают на Бо Ибо?»

Мао Цзэдун улыбнулся и разъяснил, что эти нападки обращены не против Бо Ибо, а против Лю Шаоци и Чжоу Эньлая. При этом Мао Цзэдун велел Ши Чжэ снова представить ему доклад И.В. Ковалева.

И тут Ши Чжэ снова вспомнил голос Сталина: «Почитайте, возможно, это вам пригодится!»

Мао Цзэдун заново ознакомился с докладом, в котором, в частности, утверждалось, что в КПК имеется «проамериканская фракция» во главе с Лю Шаоци. Эти заявления Мао Цзэдун, очевидно, сопоставлял с тем фактом, что после визита Гао Гана в СССР в КПК начали распространяться слухи о том, что Сталину не понравился Лю Шаоци, что он также не ценит Чжоу Эньлая, но больше всего ему по нраву Гао Ган. Именно вследствие этого Мао Цзэдун и стал обращать особое внимание на деятельность Гао Гана. При этом Мао Цзэдун применил коварный прием: он стал выдвигать Гао Гана, косвенно демонстрируя свою поддержку Гао Гану в противовес Лю Шаоци. Гао Ган же, со своей стороны, предпринял внутри руководства партии переговоры с рядом высокопоставленных деятелей, предлагая произвести изменения или в составе руководства, или в распределении обязанностей, снизив положение Лю Шаоци. Дэн Сяопин, с которым, в частности, говорил Гао Ган, немедленно доложил об этом Мао Цзэдуну. (Следует сказать, что одним из приемов, которыми постоянно пользовался Мао Цзэдун, был следующий. Мао Цзэдун не имел ни дружеских, ни приятельских отношений с кем бы то ни было в руководстве партии. Он поощрял при этом всех своих младших коллег на то, чтобы они в беседах с ним жаловались один на другого, рассказывали ему все, что знали, о других членах руководства. Так Мао Цзэдун стравливал всех руководителей партии между собой, всегда оставаясь в положении высшего арбитра.)

Трудно сказать совершенно определенно, каковы были тогда намерения Мао Цзэдуна. С одной стороны, он никогда не помогал кому бы то ни было твердо занимать пост второго человека в партии и в стране. Если это и случалось, то либо (очень редко и фактически в виде исключения) помимо воли Мао Цзэдуна, либо (по большей части) временно, согласно расчетам того же Мао Цзэдуна. Следовательно, Мао Цзэдун проводил многоходовую комбинацию. Он, по сути дела, поощрял Гао Гана на борьбу против Лю Шаоци, занимавшего положение второго человека в партии. Ведь Гао Ган получил повышение при переводе его с периферии в Пекин. При этом его назначили на пост, который фактически заставлял Гао Гана бороться за власть, прежде всего в сфере экономики, финансов, главным образом с Лю Шаоци. И перевод Гао Гана из Северо-Восточного Китая, и назначение его на высшие посты были осуществлены по инициативе Мао Цзэдуна.

Мао Цзэдун далеко рассчитал свою комбинацию. Как он и предвидел, Гао Ган, оказавшись в Пекине и надеясь на поддержку со стороны Мао Цзэдуна в борьбе против его главного соперника в руководстве партии, то есть против Лю Шаоци, начал вести беседы с рядом руководителей партии, уговаривая их выступить против Лю Шаоци. Они же побежали с докладами к тому же Мао Цзэдуну. Так, Дэн Сяопин доложил Мао Цзэдуну о действиях Гао Гана. У Мао Цзэдуна в руках оказался выбор: выступить против Гао Гана или допустить отстранение Лю Шаоци.

Нельзя исключать того, что большую роль сыграло то обстоятельство, что все это имело место после смерти Сталина. Мао Цзэдун считал момент подходящим для того, чтобы заставить своих коллег еще больше, чем раньше, не доверять СССР, КПСС, Н.С. Хрущеву. При этом он учитывал, что из всех членов руководства партии больше всех был в определенной степени связан с Москвой именно Гао Ган, а Лю Шаоци тоже был в числе тех руководителей, которые предпочитали пока, на многие годы, иметь дело и взаимовыгодные связи также с Советским Союзом; во всяком случае, Лю Шаоци на практике не вел дело к военной конфронтации с Советским Союзом, чего постепенно добивался Мао Цзэдун. Одним словом, если говорить об отношении к СССР, то ни Гао Ган, ни Лю Шаоци не рассматривались Мао Цзэдуну как его надежные союзники. Мао Цзэдун предпочел в создавшейся ситуации устранить Гао Гана, но при этом так обставить дело, чтобы заставить и Лю Шаоци, и остальных членов руководства, во-первых, оказаться в зависимости от Мао

Цзэдуна, который на сей раз устранил не их, а Гао Гана от власти, и, во-вторых, выступать вместе с Мао Цзэдуном в его все усиливавшемся противостоянии с советскими руководителями, в частности с Н.С. Хрущевым.

Итак, Мао Цзэдун пошел на устранение Гао Гана, которого он фактически представил своим коллегам по руководству партии как «советского агента». Это, в частности, означало, что немедленно после смерти Сталина Мао Цзэдун стал активно поворачивать КПК, приводить ее в состояние оппозиции по отношению к КПСС и СССР. Мао Цзэдун поднял внутри партии поветрие подозрительности и вылавливания «советских агентов», китайцев, которые работают на «заграницу», то есть на СССР, передают советским гражданам «секретные сведения» о положении в КНР. Мао Цзэдун уже тогда, сразу же после смерти Сталина в 1953 г., практически сделал первый и весьма значительный шаг, опуская «бамбуковый занавес» между КНР и СССР, между людьми двух стран. С советской стороны такой занавес ни тогда, ни вплоть до событий на границе в 1969 г. не опускался.

«Агенты Москвы», по Мао Цзэдуну, оказывались тогда первыми и главными врагами КПК и КНР. Это было в 1953—1955 гг., когда в СССР превалировало отношение к КНР как если не к самому надежному союзнику, то, во всяком случае, не как к той стране, «агентов» которой следовало опасаться.

Мао Цзэдун счел необходимым довести до сведения высших руководителей КПСС и СССР свою оценку ситуации внутри руководства КПК. Это было сделано столь изощренно, что складывается впечатление, что в Москве тогда так и не поняли не только глубины замыслов Мао Цзэдуна, но даже вообще о чем идет речь и в какой связи происходившее в КНР соотносилось с политикой Мао Цзэдуна в отношении Советского Союза.

В третьей декаде декабря 1953 г. в КНР для участия в торжественной церемонии открытия Аньшаньского металлургического комбината прибыл заместитель председателя Совета министров, министр металлургической промышленности СССР Тевосян.

В то время Гао Ган занимал посты секретаря Бюро ЦК КПК по Северо-Восточному Китаю и политического комиссара военного округа Северо-Восточного Китая. Во время пребывания Тевосяна в Северо-Восточном Китае Гао Ган не только лично сопровождал его, но и, используя этот случай, превозносил самого себя и чернил других китайских руководителей, особенно он нападал на Лю Шаоци, Чжоу Эньлая.

Мао Цзэдуну, естественно, немедленно доложили об этом. Он еще более насторожился. Возможно, это и была та последняя капля или тот случай, когда Мао Цзэдун счел необходимым вернуться к вопросу о Гао Гане, вновь ввести этот сюжет, не упоминая прямо имя Гао Гана, в отношения с новым тогда советским руководством, пришедшим на смену Сталину. Мао Цзэдун, очевидно, решил напомнить Н.С. Хрущеву о том, что советская сторона, наследница Сталина и его политики, виновата еще и в том, что внутри КПК и КНР находятся силы, которые в опоре на Москву, на ее прямую или косвенную помощь или сочувствие пытаются вмешиваться во внутренние дела КПК и КНР, свергнуть самого Мао Цзэдуна. Мао Цзэдун таким образом хотел сразу же после смерти Сталина, на похороны которого он демонстративно не поехал, поставить новых советских руководителей в оборонительное положение людей, вынужденных при первых же контактах с Мао Цзэдуном оправдываться и идти на уступки, чтобы угодить вождю КПК.

В то время Мао Цзэдун отдыхал в Ханчжоу. После прибытия Тевосяна в Пекин Мао Цзэдун пригласил его и посла СССР Юдина к себе в Ханчжоу. Ши Чжэ было поручено сопровождать советских гостей.

2 января 1954 г. Ши Чжэ, сопровождая Тевосяна и Юдина, приехал в Ханчжоу. На железнодорожном вокзале Ши Чжэ с удивлением увидел начальника управления безопасности Шанхая Ван Фаня. Ши Чжэ и Ван Фань были знакомы со времен Яньани, поэтому Ши Чжэ позволил себе пошутить: «Ты что же это, бросил Шанхай и приехал сюда?»

Ван Фань ответил: «Я прибыл для того, чтобы охранять председателя Мао!»

Ван Фань произнес эти слова совершенно серьезно, без улыбки.

Ши Чжэ недоумевал, но ответ на его вопросы скоро стал очевиден. Мао Цзэдун

действительно требовал в то время повышения бдительности по всем линиям, причем бдительности, вызванной необходимостью противодействовать работе «советской агентуры».

На следующий день Мао Цзэдун принял Тевосяна и Юдина. Ши Чжэ служил при этом в качестве переводчика. Атмосфера во время этой встречи была напряженной. Вскоре после начала разговора Мао Цзэдун, вскользь осведомившись у собеседников о том, как идет их работа, круто повернул направление беседы и совершенно серьезно заговорил о проблемах, которые существовали тогда, по его мнению, и в КПК, и в КНР.

Мао Цзэдун сказал: «У нас в партии, а можно сказать и в стране, возникла смута. Естественно, что то, о чем я вам сегодня рассказываю, это лишь одна из возможностей, одно из возможных направлений развития событий. Как повернется дело в дальнейшем, нужно будет посмотреть. Если попытаться кратко охарактеризовать эту смуту, то можно сказать, что дело в том, что нашелся кое-кто, кто хотел бы свалить меня. В истории нашей страны, в истории Китая, известна ситуация, когда княжество Цинь вознамерилось уничтожить Шесть княжеств и даже уничтожило одно из них, то есть княжество Чу. Княжество Цинь – это вот его родная провинция Шэньси (тут Мао Цзэдун показал пальцем на Ши Чжэ), а княжество Чу – это не что иное, как провинция Хунань (говоря это, Мао Цзэдун показал пальцем на себя самого). Так случилось в истории, таковы факты. Как же обстоят дела в настоящее время? Тут еще надо будет посмотреть».

(Конечно, вряд ли советские собеседники Мао Цзэдуна могли понять, что, говоря о провинции Шэньси, Мао Цзэдун имел в виду Гао Гана, уроженца именно этой провинции, а говоря о провинции Хунань, он мог иметь в виду и себя самого, и Лю Шаоци, также уроженца провинции Хунань. Иначе говоря, Мао Цзэдун намекал на то, что Гао Ган предпринимал тогда попытки отстранить от власти, по крайней мере, Лю Шаоци. Мао Цзэдун при этом предполагал, что в Москве, во всяком случае на уровне Н.С. Хрущева, сразу сопоставят эти его слова с известными им фактами, то есть с тем, что Гао Ган снабжал секретной информацией Сталина и был в глазах Мао Цзэдуна советским агентом, с помощью которого Москва хотела бы после ухода из жизни Сталина заставить и Мао Цзэдуна отойти от власти. Мао Цзэдун мог также предполагать, что его намек будет понят Москвой следующим образом: Мао Цзэдун намерен убрать Гао Гана, но он оставлял у власти Лю Шаоци, который, как это было на самом деле и это было известно Москве, накануне образования КНР выступал против стремления Мао Цзэдуна, мнение которого, как и всегда, разделял Чжоу Эньлай, формально и официально иметь обычные нормальные отношения и с СССР, и с США, но фактически вступить в более близкие отношения с США.)

Ши Чжэ слушал Мао Цзэдуна, улыбался и переводил его слова. Он действительно был родом из провинции Шэньси, то есть его можно было назвать и человеком из княжества Цинь, но у него не было намерений уничтожить Шесть княжеств и тем более он не уничтожал никогда княжества Чу. Он был благонамеренным членом КПК, и никогда у него не было и в мыслях кого бы то ни было свергать. Хотя Мао Цзэдун и указал на него пальцем, но имел он в виду совсем не то, о чем было сказано буквально. Он имел в виду вовсе не Ши Чжэ. Поэтому Ши Чжэ переводил слова Мао Цзэдуна, ведя себя совершенно спокойно и естественно; он улыбался и переводил точно, не смешался и не потерялся, не упустил ни одного слова, ни полслова при переводе.

Тевосян и Юдин, слушая Мао Цзэдуна и перевод его слов, подняли головы, заинтересовались и с удивлением посмотрели на Мао Цзэдуна и на Ши Чжэ.

Мао Цзэдун рассмеялся. У него были тут свои расчеты. Он не собирался раскрывать карты. Иначе говоря, Мао Цзэдун сказал только то, что сказал, предоставив собеседникам возможность разгадывать очередной ребус Мао Цзэдуна.

Ши Чжэ же понимал, что Мао Цзэдун, говоря о провинции Шэньси, имел в виду Гао Гана. Гао Ган был родом из уезда Хэншань провинции Шэньси. В 1926 г. Гао Ган вступил в КПК. Последовательно занимал посты политкомиссара, секретаря Бюро ЦК КПК по Северо-Западному Китаю, политкомиссара военного округа Северо-Восточного Китая, секретаря

Бюро ЦК КПК по Северо-Восточному Китаю, заместителя председателя Центрального народного правительства КНР и пр. На седьмом съезде КПК он был избран членом ЦК КПК, а на первом пленуме ЦК КПК седьмого созыва членом Политбюро ЦК КПК. В 1953 г. с санкции Мао Цзэдуна он был переведен на работу в Пекин, где стал председателем Государственного планового комитета. Гао Гана обвинили в том, что он вступил в сговор с руководителем Восточного Китая Жао Шуши и они якобы замыслили расколоть партию, захватить и узурпировать власть в партии и в государстве; при этом утверждалось, что Гао Ган хотел стать генеральным секретарем ЦК КПК или премьером Госсовета КНР. (Кстати сказать, Гао Ган никогда не посягал на власть самого Мао Цзэдуна.)

Ши Чжэ признавался впоследствии, что тогда он все-таки никак не мог понять, зачем Мао Цзэдуну нужно было не называть прямо Гао Гана, а говорить о провинции Шэньси, да еще и показывать пальцем на Ши Чжэ.

(Можно предположить, что Мао Цзэдун решил не трогать Гао Гана при жизни Сталина, а после его смерти он сначала попытался именно в такой иносказательной форме, дававшей возможность маневра при любом повороте событий, выяснить возможную реакцию Н.С. Хрущева на вероятное смещение Гао Гана. Кстати сказать, Н.С. Хрущев, во-первых, вряд ли понял смысл высказываний Мао Цзэдуна [а Тевосян и Юдин вряд ли сами смогли понять, в чем тут дело, и растолковать это Н.С. Хрущеву] и, во-вторых, вряд ли понимал, что Мао Цзэдун тогда проверял его способность на решительные шаги, особенно когда речь шла или о людях, близких к Москве, или о политике Мао Цзэдуна в отношении СССР и КПСС; Мао Цзэдун мог тогда предполагать, что Н.С. Хрущев, будучи, как это было общеизвестно, человеком импульсивным, мог пойти на решительное противодействие планам Мао Цзэдуна. На практике оказалось, что Н.С. Хрущев хотя и осуждал поступок Сталина в отношении доклада И.В. Ковалева и в отношении Гао Гана, но пальцем не пошевелил, чтобы защитить Гао Гана. Так Н.С. Хрущев своим поведением открыл путь для быстрого продвижения Мао Цзэдуна по пути противоборства с Москвой.)

Вся эта сцена в Ханчжоу выглядела весьма странно. Перед лицом людей из СССР показывать пальцем на Ши Чжэ, говорить, что он уроженец Шэньси, а затем утверждать, что уроженец Шэньси хочет свалить, отстранить от власти самого Мао Цзэдуна.

Ши Чжэ значительно позже, вспоминая об этой беседе, выражал недоумение. Хотя он и знал, что Мао Цзэдун имел в виду Гао Гана, но советские гости этого не знали.

Когда Мао Цзэдун замолчал и не стал больше ничего говорить, а было видно, что ни Тевосян, ни Юдин ничего не поняли, Ши Чжэ (осталось неясным, по своему почину или заранее получив указания Мао Цзэдуна) рассказал советским гостям о том, как дело было в истории, как княжество Цинь уничтожило княжество Чу.

Вот рассказ Ши Чжэ. Когда это случилось, то есть когда княжество Цинь уничтожило княжество Чу, у людей из княжества Цинь не было единого мнения, они не были сплочены воедино. В исторических записках знаменитого китайского историка Сыма Цяня говорилось о том, что в то время внутри княжества Цинь существовали очень сильные противоречия. Властитель княжества Цинь, которого звали Цинь Шихуан, хотел уничтожить княжество Чу и спросил своего главного военачальника Ван Цзяня: сколько нужно воинов, чтобы уничтожить княжество Чу? Ван Цзянь ответил, что необходимы 600 тысяч воинов.

Тогда Цинь Шихуан подумал, что все население княжества Цинь составляет 600—700 тысяч человек. Если всех их отдать под команду Ван Цзяня и тот с ними уйдет в поход, тогда страна опустеет, не так ли? А если по пути войска Ван Цзяня поднимут бунт, если это войско повернет копьё против своего властителя, разве нельзя предположить, что тогда Ван Цзянь сможет завладеть всем княжеством Цинь?

Другой полководец, Ван Лин, сказал, что он уничтожит княжество Чу с войском численностью в 200 тысяч воинов. Этого ему, дескать, достаточно. Что же, ладно, быть по сему! Цинь Шихуан принял решение и дал Ван Лину 200 тысяч солдат.

Но кто же мог предположить, что Ван Лин окажется совершенно неспособным полководцем. Его двухсоттысячное войско было весьма скоро окружено и уничтожено

армией княжества Чу. Более того, княжество Чу всей своей военной мощью нависло над границами княжества Цинь и стало реально угрожать ему.

Делать было нечего, Цинь Шихуан был вынужден проявить твердость и снова попросил Ван Цзяня взяться за дело. Однако Ван Цзянь, имея свидетельства того, что Цинь Шихуан проявлял в отношении его самого и его предложений слишком большую подозрительность, не пожелал вернуться из своей добровольной отставки. Пришлось Цинь Шихуану сесть в колесницу и лично отправиться туда, где жил Ван Цзянь, то есть в Пиньян, чтобы просить его взять дело в свои руки. Ван Цзянь сказал, что, если мы хотим покорить и уничтожить царство Чу, нам не обойтись без шестисоттысячной армии! Цинь Шихуану пришлось стиснув зубы промолвить: «Ладно! Вот тебе шестисоттысячное войско!»

И тогда Ван Цзянь выступил в поход во главе 600 тысяч воинов. Цинь Шихуан лично провожал войско в поход. При этом он спросил у полководца, не нужно ли ему что-нибудь еще. Ван Цзянь, увидев, что властитель никак не может успокоиться и полностью довериться ему, сказал тогда: «Вот после того, как царство Чу будет покорено и уничтожено, я хотел бы получить надел в тысячу цинов прекрасной земли (около 700 гектаров. – Ю.Г.), куда бы я мог, уйдя в отставку, удалиться, чтобы дожить свой век». Цинь Шихуан понял тогда, что у Ван Цзяня нет никаких коварных планов, и поспешил заверить его в том, что все его пожелания будут исполнены. И вот тогда-то, имея за собой прочный тыл, Ван Цзянь очень быстро уничтожил княжество Чу, после чего подал прошение об отставке и о желании вернуться в родные места, чтобы жить на покое в старости.

Эта полная смысла и интересная история с двойным, а может быть, и тройным дном была выслушана гостями с большим вниманием. Они смеялись в ходе рассказа Ши Чжэ. Трудно сказать наверняка, однако думается, что и посол Юдин, и заместитель председателя Совета министров Тевосян и не поняли смысла высказываний Мао Цзэдуна, и не захотели брать на себя толкование его слов. Мы подробно рассказали здесь обо всем этом с той целью, чтобы показать, как сложно иметь дело с руководителями Китая и как важно посылать знатоков Китая в качестве доверенных представителей в эту страну, а также как важно руководителям нашей страны полагаться на мнение китаеведов.

Только впоследствии Ши Чжэ узнал, что в то время, когда состоялась эта беседа в Ханчжоу, Мао Цзэдун уже внес свои коррективы в проект резолюции и готовился созвать четвертый пленум ЦК КПК седьмого созыва.

С 6 по 10 февраля 1954 г. в Пекине работал четвертый пленум ЦК КПК седьмого созыва. В китайской печати утверждалось, что на этом форуме было вскрыто и раскритиковано то, что было названо антипартийной деятельностью Гао Гана и Жао Шуши. Было единогласно принято «Решение об укреплении сплоченности партии». Проект этого документа был подготовлен Мао Цзэдуном. В марте 1955 г. ЦК КПК созвал всекитайскую конференцию, на которой было принято «Решение об антипартийном союзе Гао Гана, Жао Шуши». Гао Ган и Жао Шуши были исключены из партии и сняты со всех постов как в партии, так и вне ее.

На этой конференции Мао Цзэдун сказал, в частности, следующее:

«Появление антипартийного союза Гао Гана, Жао Шуши – это не случайное явление. Это острое проявление напряженной классовой борьбы, которая разворачивается на современном этапе развития нашей страны. Преступная цель этого антипартийного союза состояла в том, чтобы расколоть нашу партию, заговорщическими методами захватить в свои руки высшую власть в партии и в государстве и тем самым проложить путь к контрреволюционной реставрации. Вся наша партия под руководством своего сплоченного воедино Центрального Комитета уже целиком и полностью разгромила этот антипартийный союз, благодаря чему наша партия еще более сплотилась и окрепла. Это важная и великая победа в ходе той ожесточенной борьбы, которую мы ведем ради дела социализма».

Мао Цзэдун не говорил в этой речи о документе, который передал ему Сталин, а в этом документе содержались записи высказываний Гао Гана. Однако вполне очевидно, что Мао Цзэдун и Н.С. Хрущев по-разному и даже с противоположных позиций смотрели на этот

поступок Сталина. Так считали в КПК.

Н.С. Хрущев, конечно же, симпатизировал Гао Гану, критикуя Сталина. Он писал: «Из-за того, что Сталин предал Гао Гана, мы лишились человека, который был настоящим другом и который мог предоставлять Советскому Союзу правдивую информацию о положении в руководстве Китая». Далее Н.С. Хрущев следующим образом анализировал ситуацию: «Почему же Сталин предал Гао Гана? Мне думается, что его на это толкнула собственная подозрительность. Как он сам говорил, он никому не верил, даже самому себе. Он считал, что рано или поздно, но Мао Цзэдун узнает о том, что Гао Ган по секрету жаловался на него, поэтому, если это всплывет, Мао сможет бросить Сталину упрек в том, что он подстрекал к выступлению против правительства Китая. Вот тогда Сталин принял решение: лучше пожертвовать Гао Ганом, чтобы завоевать доверие Мао».

Мао Цзэдун всегда следил за тем, чтобы не допустить интриг против себя. Он был недоверчив и всех подозревал. Он всегда искал предателей в своих рядах. Искал тех, кто способен передать секреты КПК и КНР иностранцам. В марте 1955 г. в своей речи на упоминавшейся всекитайской партийной конференции Мао Цзэдун говорил:

«Для нашей партии дело Гао Гана, Жао Шуши – это важный наглядный урок и хорошее предостережение. Вся партия должна повысить бдительность и непременно добиться того, чтобы в партии больше не возникали такого рода явления. Гао Ган, Жао Шуши внутри партии занимались заговорщической тайной деятельностью; за спиной у своих же товарищей они вносили раздор и занимались провокациями, но публично они притворялись и маскировали свою деятельность. Они использовали совершенно гнусные методы; в истории весьма часто так действовали классы помещиков и буржуазии. Маркс, Энгельс в «Коммунистическом манифесте» говорили: «Коммунист считает для себя постыдным скрывать свою точку зрения и свои намерения». Мы – члены коммунистической партии, не говоря уже о том, что мы партийные работники высшего звена, поэтому наша политическая деятельность должна быть кристально честной; мы должны всегда открыто говорить о своих политических взглядах; по каждому важному и большому политическому вопросу выражать свое согласие или несогласие; мы ни в коем случае не должны учиться тут у Гао Гана, Жао Шуши, то есть не должны следовать их примеру и заниматься интригами, строить заговоры».³⁵⁹

В КПК полагали, что у Мао Цзедуна и Н.С. Хрущева были разные взгляды на вопрос о Гао Гане. Их позиции были противоположными. Мао Цзэдун считал, что настоящий коммунист не должен подражать Гао Гану и Жао Шуши и заниматься интригами, действовать заговорщическими методами. Н.С. Хрущев же проявлял полное сочувствие к Гао Гану, жалел о том, что Сталин «предал» его, жалел о «потере» «настоящего друга», который мог снабжать СССР «ценной информацией».

Спустя полтора года, 15 ноября 1956 г. (то есть уже после доклада Н.С. Хрущева с критикой Сталина на XX съезде КПСС) Мао Цзэдун в своей речи на втором пленуме ЦК КПК восьмого созыва остановился на вопросе о Гао Гане. Мао Цзэдун при этом сказал: «Теперь по вопросу о поддержании тайных связей с границей, о передаче секретных сведений иностранцам, за границу. Есть ли у нас в Китае такие люди, которые за спиной ЦК партии сообщают информацию иностранцам? На мой взгляд, есть такие. Например, один из них – это Гао Ган. Это подтверждают многочисленные факты».

Мао Цзэдун не стал конкретно рассказывать о материале, который передал ему Сталин; вслед за тем он сказал: «24 декабря 1953 года на конференции, когда был вскрыт вопрос о Гао Гане, я объявил о том, что в городе Пекине существуют два штаба. Один штаб – это мы с вами, этот штаб действует, так сказать, на свету, при солнечном свете, открыто, он раздувает праведное пламя и поднимает чистый ветер. Что же такое второй штаб? Его можно назвать подпольным штабом или штабом в подземелье. Он тоже действует, но действует скрыто, в

³⁵⁹ Мао Цзэдун сюаньцзи – Избр. произв. Мао Цзедуна. Т. 5. – С. 142.

темноте; он раздувает несправедное пламя и поднимает нечистый ветер. Известный исторический персонаж Линь Дайюй (из романа «Сон в Красном тереме». – Ю.Г.) говорила, что дело всегда обстоит таким образом: либо ветер с Востока возьмет верх над ветром с Запада, либо, наоборот, ветер с Запада возьмет верх над ветром с Востока. (Кстати сказать, в романе «Сон в Красном тереме» под ветром с Востока имелась в виду законная жена китайского императора или первая законная жена в традиционной китайской семье, а под ветром с Запада – наложницы императора или наложницы в традиционной китайской семье; в императорском дворце в Пекине законная жена жила в восточной части дворца, а наложницы – в его западной части. – Ю.Г.) Как же обстоят наши дела в настоящее время, сейчас? Да вот как: либо тот ветер, что дует, так сказать, на свету, при солнечном свете, открыто, подавит другой ветер, который дует в темноте, скрыто; либо, в противном случае, все получится наоборот и ветер, дующий в темноте и скрыто, может подавить ветер, дующий открыто и при солнечном свете. Ведь когда эти люди раздувают свои мехи и дует ветер в темноте, скрытый ветер, они имеют своей целью именно погасить, придавить наш ветер, дующий при солнечном свете; они хотят свергнуть очень многих людей».

Мао Цзэдун предостерег партийных и государственных руководящих работников высшего и среднего звена от того, чтобы они передавали секретные сведения иностранцам, за границу. Он со всей ясностью указал на то, что «так поступать нехорошо». Вслед за тем он пояснил свою мысль: «Вот мы не согласны кое с чем из того, что делается в Советском Союзе, Советским Союзом. ЦК нашей партии уже неоднократно доводил наше мнение до их сведения. Кое о чем мы еще не говорили. Мы еще скажем об этом в будущем. Но если что-то необходимо сказать, это должно делаться только через Центральный Комитет нашей партии. Что же касается того, что именуется информацией, информацией секретного характера, то ее передавать за границу никоим образом нельзя. Передача такого рода информации не принесет никакой пользы; более того, она обернется вредом. Ведь все это только разрушает отношения между двумя партиями, двумя странами. А те, кто этим занимается, сами на себя навлекают неприятности, осложнения, беду. Ведь если ты, например, действуешь за спиной у своей партии, то это всегда означает, что совесть у тебя нечиста. Если ты передал информацию секретного характера и доложил об этом, тогда и дело с концом. Но если не доложил, тогда нужно будет провести расследование, а когда расследование будет проведено и все будет выяснено, тогда тебе придется понести соответствующее наказание».

В этом выступлении Мао Цзэдун изложил свое мнение, обосновав запрет передавать информацию иностранцам, а также рассказал о том, какими методами следует исправлять положение. В КПК считали, что, сказав об этом с предельной ясностью, Мао Цзэдун не уподобился Н.С. Хрущеву. Позицию Н.С. Хрущева в Пекине расценивали как исходящую исключительно из национального эгоизма, из желания добиться положения гегемона, к чему, собственно говоря, стремилась КПСС, то есть «руководящая партия», «партия-отец»; Н.С. Хрущев, полагали в Пекине, исходил из своего темного замысла поставить братские партии под свой контроль и манипулировать ими.

В КПК также подчеркивали, что случайность – проявление закономерности; выступление Мао Цзэдуна имело в виду обобщение опыта и извлечение уроков из ошибок Гао Гана; при этом, по сути дела, Мао Цзэдун не только дал необходимые, с его точки зрения, пояснения относительно поступка Сталина, но и развернул необходимую, также с его точки зрения, критику Н.С. Хрущева.³⁶⁰

Подход Сталина и Мао Цзэдуна к вопросу о Гао Гане проясняет целый ряд аспектов политики обеих сторон по отношению друг к другу.

Начать с того, что в свое время фраза Мао Цзэдуна относительно ветра с Востока и ветра с Запада, которые ведут между собой непримиримую борьбу вплоть до гибели одного из соперников, трактовалась в СССР (а вполне возможно, эту установку в Москве так и не

³⁶⁰ Лю Цзечэн... С. 453—459.

поняли тогда) исключительно как оценка Мао Цзэдуном классовой ситуации в мире, борьбы сил социализма, то есть СССР и КНР, КПСС и КПК совместно, против империализма, прежде всего против США.

На самом же деле оказывается, что Мао Цзэдун настраивал тогда свою партию и свое государство на бескомпромиссную, а при необходимости даже смертельную, борьбу против СССР и КПСС, против России. Под ветром с Востока он понимал КПК и КНР, Китай, а под ветром с Запада он понимал КПСС, СССР, Россию.

Мао Цзэдун не имел тут в виду США.

Далее, Сталин, передав Мао Цзэдуну секретный доклад И.В. Ковалева, стремился решить ряд задач: развеять подозрительность Мао Цзэдуна (или, по крайней мере, выбить из рук Мао Цзэдуна козыри, позволявшие тому говорить о закулисной борьбе Сталина, КПСС и СССР против Мао Цзэдуна, КПК и КНР), дать понять, что он может пойти на многое для того, чтобы успокоить партнера (и действительно, вскоре вся советская агентура, работавшая до 1949 г. в Китае, была передана спецорганам КНР); Сталин показывал также своим жестом, что он предлагает строить отношения на основе взаимного доверия. Он также демонстрировал Мао Цзэдуну и то, что у него есть возможности знать о подлинных настроениях Мао Цзэдуна, в том числе и о том, что ряд близких к Мао Цзэдуну руководителей КПК, а возможно и сам Мао Цзэдун, склонялись к налаживанию отношений с США в ущерб налаживанию отношений с СССР накануне образования КНР. (Мао Цзэдуну пришлось переориентироваться на СССР только потому, что Вашингтон не ответил на заигрывания КПК в то время). Тем самым Сталин давал понять Мао Цзэдуну, что у того тоже совесть нечиста, если говорить о его подлинном отношении к СССР, к России.

Сталин вынудил Мао Цзэдуна до поры до времени молчать.

Мао Цзэдун затаил свое недовольство Сталиным и стал изливать его только после смерти Сталина.

Важно также отметить, что Н.С. Хрущев, на словах осуждая поступок Сталина в отношении Гао Гана, на деле даже пальцем не пошевелил для того, чтобы спасти Гао Гана, которого Мао Цзэдун репрессировал не при жизни Сталина, а тогда, когда во главе КПСС находился Н.С. Хрущев; другой вопрос, что у Н.С. Хрущева тогда практически не было рычагов воздействия на Мао Цзэдуна.

После смерти Сталина Мао Цзэдун именно на примере Гао Гана начал в партии кампанию открытого пересмотра отношения к СССР. Мао Цзэдун отвел СССР место такой же заслуживавшей подозрения зарубежной страны, как и прочие государства, потребовав повышать бдительность именно и особенно в отношении СССР. По Мао Цзэдуну, оказывалось, что подозрительность в отношении социалистической страны должна была быть еще выше, чем подозрительность в отношении капиталистической страны; социалистическая страна, в данном случае СССР, оказывалась, с точки зрения Мао Цзэдуна, еще более опасным, первым по счету, врагом Китая, КНР, КПК. Так Мао Цзэдун, вынужденно молчавший при жизни Сталина, после его смерти начал различными методами отдалять одну от другой и две партии, КПСС и КПК, и два государства, КНР и СССР.

Некоторые сведения о «деле Гао Гана» содержатся в беседе китаеведа С.Н. Гончарова с представителем Сталина при Мао Цзэдуне И.В. Ковалевым.

С.Н. Гончаров задал вопрос:

«Следующий вопрос связан не с большой политикой, а с загадочными перипетиями одной человеческой судьбы. Речь пойдет о судьбе Гао Гана. Этот человек сыграл выдающуюся роль в руководстве Маньчжурской революционной базой, послужившей основным опорным пунктом, обеспечившим победу коммунистов в гражданской войне; не менее значительной была роль Гао Гана и во время войны в Корее, когда он отвечал за тыловое обеспечение китайских добровольцев; он также занимал ряд самых ответственных постов в центральном правительстве страны и в партии. Тем большим шоком для многих явились появившиеся в 1954 году, вскоре после смерти Сталина, сообщения о том, что Гао Ган помещен под домашний арест; затем последовала информация о том, что Гао Ган

покончил жизнь самоубийством. Официально Гао Ган обвинялся в «антипартийной раскольнической деятельности», однако ходили упорные слухи о том, что подлинная причина состояла в слишком близких и доверительных связях Гао Гана с СССР, используя которые он рассчитывал упрочить свои позиции в борьбе за власть. Известны ли Вам какие-либо факты, позволяющие пролить свет на причины столь трагического конца этого деятеля?»

И.В. Ковалев ответил на этот вопрос следующим образом:

«В период работы в Китае я поддерживал с Гао Ганом самые тесные рабочие контакты, у нас с ним были доверительные, более того, даже товарищеские отношения. Гао запомнился как человек незаурядный, обладавший задатками крупного руководителя. В 1954 году я уже не работал в Китае и потому не хочу строить догадки относительно того, что тогда произошло. Хочу рассказать о некоторых эпизодах, которых я лично был свидетелем и которые позволяют пролить свет на дальнейшую участь Гао Гана.

Первый из них произошел 27 июля 1949 года на том самом заседании Политбюро ЦК ВКП(б), где Лю Шаоци снял вопрос о Тайване. (Согласно сообщению того же И.В. Ковалева, Мао Цзэдун и его коллеги по руководству КПК до этого просили Сталина поддержать планировавшееся ими наступление на Тайвань советскими авиацией и подводными лодками. – Ю.Г.) После этого, заметно взволнованный, слово взял Гао Ган. Полностью поддержав выступление Лю, Гао затем сообщил, что хотел бы высказать свое личное предложение.

Гао заявил, что предлагает объявить Маньчжурию 17-й советской социалистической республикой в составе СССР (тогда в СССР насчитывалось 16 республик – Карело-Финская тоже имела союзный статус). По мнению Гао Гана, это обезопасило бы Маньчжурию от нападений со стороны американцев и превратило бы ее в еще более надежную базу для продолжения наступления на юг с целью окончательного разгрома Чан Кайши. Кроме того, Гао Ган предложил разместить в порту Циндао советский военный флот, укрепить советские войска в Дальнем и увеличить их численность, обосновывая это примерно такими же соображениями. После завершения выступления Гао присутствовавшие разразились аплодисментами, однако по лицу Лю Шаоци было видно, что он взбешен.

Тут встал Сталин и, обращаясь к Гао, сидевшему в первом ряду, сказал: «Товарищ Чжан Цзолинь!» Все присутствовавшие были буквально потрясены таким обращением, ибо Чжан Цзолинь был бандитом, который стал диктатором Маньчжурии, опираясь на поддержку японцев, и был ими уничтожен, когда попытался переметнуться на сторону американцев.

После завершения заседания мы с Гао и Лю сели в машину и поехали в их резиденцию. Лю сразу же набросился на Гао с обвинениями в предательстве, Гао огрызнулся в ответ. Когда приехали, Лю Шаоци тут же дал Мао шифрограмму с требованием немедленно отозвать Гао Гана домой за предательский поступок. Гао же, подойдя ко мне, сказал, медленно подбирая русские слова, что хотел бы в конфиденциальном порядке и через советского переводчика сообщить мне информацию о положении в руководстве КПК. По его мнению, многие соратники Мао были заражены правотроцкистским уклоном. Он также сказал, что хочет сделать важное заявление по поводу неискреннего и антисоветского поведения некоторых китайских руководителей в отношении ЦК ВКП(б).

Я немедленно поднялся на второй этаж и по телефону-вертушке доложил обо всем происходящем Сталину. Тот признал, что чрезвычайно резко раскритиковал Гао, однако подчеркнул, что это было необходимым, ибо в противном случае ситуация могла быть неправильно понята китайским руководством. Он также запретил мне выслушивать информацию от Гао Гана, мотивируя это тем, что мне предстоит возвращаться для работы в Китай и потому нельзя втягиваться в распри в китайском руководстве. Насколько мне известно, выслушать эту информацию от Гао Гана было поручено другому товарищу и запись беседы была передана Сталину. Сталин также заявил, что нельзя немедленно отпускать Гао домой, нужно задержать его на несколько дней.

Через три дня на своей даче в Кунцеве Сталин устроил специальный прием в честь отъезда Гао Гана. На нем Сталин активно пытался помирить Гао и Лю, даже заставил их выпить друг с другом за дружбу. Лю сделал это с явной неохотой, только чтобы удовлетворить просьбу гостеприимного хозяина.

Утром следующего дня Гао Ган улетал на родину. Настроение у него было подавленное, никто из членов китайской делегации его не провожал. Я понял, что вчерашнее примирение было формальным, и немедленно доложил об этом Сталину. В тот же день во время беседы с Лю Шаоци Сталин заявил: «Я тогда сгустил краски насчет товарища Гао, вы тоже, и без всяких оснований. Доложите мое мнение товарищу Мао».

Лю, очевидно, выполнил эту просьбу – вскоре Гао Ган получил ответственные посты во вновь образуемом Центральном народном правительстве Китая. Надо сказать, что в это время в разговорах со мной Мао Цзэдун постоянно подчеркивал, что он всегда поддерживал Гао Гана и, в частности, спас его от попытки уничтожить со стороны бывшего секретаря ЦК КПК Бо Гу. Это, однако, не означало, что все тучи над головой Гао Гана рассеялись.

В сентябре 1949 года к Мао Цзэдуну прибыла делегация миллионеров из Гонконга и стала его просить дозволить совершить поездку в Маньчжурию. Мао согласился, и после поездки миллионеры снова прибыли к нему доложить о впечатлениях. В Маньчжурии им, в общем, понравилось, говорили, что там порядок в отличие от хаоса гоминьдановского юга.

Вместе с тем гонконгцы заявили, что хоть в Маньчжурии и порядок, но все-таки там как-то не по-китайски, а скорее как у северного соседа. Больше всего их поразило то, что совсем не увидели на северо-востоке портретов Мао, а только одни портреты Сталина. Мао, услышав это, страшно разгневался и в тот же день вызвал Гао Гана для участия в заседании Политбюро ЦК КПК. Единственным вопросом повестки дня стал «вопрос о портретах».

Следует признать, что гонконгские капиталисты сказали правду – во всех учреждениях, на предприятиях, на фасадах домов в Маньчжурии висели портреты Сталина, а портретов Мао почти не было видно. Сталинские изображения во многих случаях были совсем на него не похожи, он там был изображен с восточными, китайскими чертами лица – но все, конечно, знали, кто это такой.

История этого вопроса такова. Еще в конце 1948 года группа работников советского документального кино, посетивших перед этим Албанию, а затем прибывших в Китай, высказывала свое разочарование в связи с тем, что в Мукдене после прихода к власти коммунистов не видно портретов Сталина. Под влиянием подобных замечаний Гао Ган велел изготовить портреты Сталина и вывесить их на зданиях в Мукдене и других городах Маньчжурии. Возможно, одновременно так он выражал свое недовольство Мао, сейчас трудно сказать.

Заседание Политбюро продолжалось до поздней ночи, и примерно часу в четвертом зашел ко мне Гао Ган, с возмущением стал рассказывать о том, что там произошло. Первым выступил Лю Шаоци и обрушился на Гао с резкой критикой. Он напомнил о московском предложении Гао Гана сделать Маньчжурию 17-й советской республикой и соединил это с отсутствием портретов Мао. После этого выступил Чжоу Эньлай, который обвинил Гао в предательстве китайского народа и стремлении передать Маньчжурию СССР. Он предложил вывести Гао из состава членов Политбюро и вообще из ЦК КПК. Помню, Гао Ган тогда особенно был огорчен позицией Чжоу, которого он считал своим лучшим другом. Мао Цзэдун своего личного мнения не высказывал и просто проголосовал за резолюцию, в которой осуждалась «линия Гао Гана» и предлагалось снять сталинские портреты по всему Китаю.

После ухода Гао я долго не мог уснуть, настроение у меня резко испортилось. В конце концов решил срочно доложить об этом в Москву.

На следующий день стали ко мне ходить китайские представители, в том числе Лю Шаоци, с объяснениями по поводу портретов. Говорили, что решили их снять по причине плохого качества. В конце концов, хоть я и не хотел, пришлось по этому поводу объясняться с Мао Цзэдуном. Мы с ним договорились, что портреты Сталина не будут снимать в

советских воинских учреждениях, в смешанных советско-китайских учреждениях, а также в китайских партийных и комсомольских комитетах.

На другой день пришла телеграмма от Сталина. Он поддержал линию Мао Цзэдуна и Лю Шаоци, осудил Гао Гана. Меня это тогда очень поразило. Потом, по прошествии времени, я лучше стал понимать происшедшее. Я ведь отлично по своему опыту знал, что Сталин людей, или, лучше сказать, по его мнению, людишек, воспринимал только кучно, как муравьиную массу, а не как личностей. Для него люди были только средством в политической игре. Потому он и бросил тогда Гао Гана, который искренне был ему предан, на произвол судьбы, что в тот момент считал более важными для себя хорошие отношения с Мао.

Я с этой телеграммой пошел к Мао Цзэдуну, однако ту ее часть, где Сталин осуждал Гао Гана, читать ему не стал. Каким-то образом кто-то об этом пронюхал и сообщил в Москву. День спустя поступил оттуда грозный запрос, мне снова пришлось идти к Мао и на сей раз довести до него весь текст. Мао был очень доволен подобным дополнением. К сожалению, и на этом не закончилась история с портретами.

В начале декабря 1949 года, когда мы с Мао Цзэдуном ехали в Москву для переговоров со Сталиным, Мао приказал сделать остановку в Мукдене (Шэньяне) и пригласил меня осмотреть город. Вскоре я понял причину этой непредвиденной остановки – он хотел убедиться в том, как выполняется решение Политбюро о портретах. На всех больших домах в Мукдене были большие портреты Сталина в форме генералиссимуса, а портретов Мао Цзэдуна нигде не было. Мао был явно раздосадован. Когда вернулись на вокзал, секретарь горкома ему доложил, что трудящиеся северо-восточных провинций и лично товарищи Гао Ган и Линь Бяо подготовили целый вагон подарков к 70-летию товарища Сталина и этот вагон уже прицеплен к его поезду. Мао в ответ заявил: «Вагон отцепить, подарки выгрузить. Половину отвезете на квартиру к Гао Гану, другую половину – к Линь Бяо. И сообщите этим товарищам, что мы везем подарки товарищу Сталину от всего Китая и что Маньчжурия пока что принадлежит Китаю»...

Последний смертельный удар был нанесен по Гао Гану во время визита Мао в Москву. Накануне визита я начал писать для Сталина подробный доклад о положении в Китае и завершил его уже в поезде. Там я сравнивал реальные действия Мао и его соратников по основным вопросам внутренней и внешней политики с теми советами, которые давал им Сталин. В этой связи я высказывал довольно острые критические замечания в адрес китайских руководителей. В феврале 1950 года, незадолго до отъезда Мао Цзэдуна из Москвы обратно в Пекин, я узнал о том, что Сталин передал Мао этот мой доклад, а также другие шифровки, где тоже были критические сообщения в адрес ЦК КПК. Это было бы еще полбеды, но он одновременно вручил Мао папки с информацией Гао Гана, которые тот посылал лично ему.

Много позже факт передачи Сталиным Мао Цзэдуну этих документов подтвердил и А.И. Микоян. 25 июля 1967 года в беседе со мной он сказал, что до сих пор не может найти объяснения и оправдания этому поступку Сталина, безусловно ставшему одной из причин для последующих гонений на Гао Гана. Мне же с самого начала было ясно, что этот поступок Сталина фактически предпринимает участь Гао Гана.

С точки зрения Мао, Гао Ган был человеком ненадежным, пытавшимся опереться на Сталина для укрепления собственных позиций. Пока Сталин был жив, он его еще терпел, а как только Сталин умер – рассчитался с ним». ³⁶¹

Комментируя высказывания И.В. Ковалева, С.Н. Гончаров, в частности, отмечал следующее:

«В 1958 г. во время конференции в Чэнду Мао Цзэдун заявил: «Сталин очень любил Гао Гана и специально подарил ему автомобиль. Гао Ган каждый год 15 августа (дата начала

³⁶¹ Проблемы Дальнего Востока. 1991. № 6. – С. 88—91.

боевых действий Красной Армии в Маньчжурии) отправлял Сталину поздравительную телеграмму»³⁶². В этой фразе сквозит едва скрываемая неприязнь Мао к «особым отношениям» между Гао и Сталиным».

И далее:

«Сведения о передаче Сталиным материалов И.В. Ковалева и Гао Гана Мао Цзэдуну содержатся в воспоминаниях Н.С. Хрущева. При этом следует иметь в виду, что американские издатели воспоминаний допустили серьезную ошибку, указав, что «советским представителем в Китае», о котором идет речь в данном фрагменте, был А.С. Панюшкин. На самом деле здесь Хрущев безусловно имеет в виду И.В. Ковалева. Хрущев сообщает следующее: «...В то время Сталин назначил специалиста-железнодорожника, который во время войны был народным комиссаром. Я забыл, как его зовут, но помню, что после того, как японцы были разбиты в Северном Китае, Сталин отправил этого человека, чтобы руководил восстановлением железных дорог на Северо-Востоке Китая, а также был нашим полномочным представителем на Северо-Востоке. Мы доверяли ему. Сталин рассматривал его как свое доверенное лицо.

Этот наш представитель начал присылать нам большое количество сообщений, где говорилось о том, что среди членов китайского руководства многие испытывают сильную неудовлетворенность в отношении Советского Союза и нашей партии. Он, однако же, сообщал, что открыто выступают против нас Лю Шаоци, Чжоу Эньлай и другие люди. Мао не было среди тех, на кого он указывал, но он и не предпринимал никаких мер для пресечения распространявшихся в Китае антисоветских настроений. Сталин передавал нам некоторые присылаемые этим послом материалы, поэтому мы знали об их содержании.

Совершенно ясно, что очень многие сведения о настроениях в КПК присылались нам Гао Ганом, тогда он был членом Политбюро и Председателем Северо-Востока. Там у него были самые тесные связи с нашими представителями. Однажды в штаб-квартире Гао Гана в Шэньяне проводили праздничный военный парад. Некоторые китайские руководители были возмущены тем, что мы вооружали армию Мао советскими танками, побывавшими в ремонте. Они возмущенно заявляли: «Русские сбывают нам старые, поломанные танки»... Сталин задумал снискать доверие и дружбу Мао, поэтому передал Мао его (т. е. И.В. Ковалева) доклады относительно его бесед с Гао Ганом и заявил: «Вот, возьмите, возможно, вас заинтересуют эти вещи»³⁶³. В общем воспоминания Хрущева совпадают со сведениями И.В. Ковалева. Следует только отметить, что в них есть отдельные мелкие неточности. Так, например, по сообщению А.М. Ледовского, который в то время был советским генконсулом в Шэньяне, он был свидетелем упомянутого в сообщении инцидента с танковым парадом. По его словам, критика в адрес состояния советской военной техники раздалась не со стороны китайцев, а со стороны советского военного специалиста, полковника, который в связи с этим немедленно был отозван в Москву.

Китайская версия этого эпизода приводится Бо Ибо: «Как раз в это время (24 декабря 1949 г.) Главный советник в Китае, сопровождавший председателя Мао, Ковалев зачитал Сталину свой письменный доклад «Относительно некоторых направлений политики ЦК КПК и практических проблем». В докладе говорилось: внутри КПК, среди членов ЦК есть некоторые люди, которые в прошлом были проамериканцами, антисоветчиками, сейчас руководство ЦК поддерживает их. Лю Шаоци организовал и возглавил безосновательную критику Гао Гана. В составе Центрального Народного правительства слишком велик удельный вес демократических деятелей, на самом-то деле оно превратилось в ассоциацию различных партий и т. п. Говорят, что этот доклад был составлен на Северо-Востоке по

³⁶² Мао Цзэдун сысян ваньсуй! – Да здравствуют идеи Мао Цзэдуна! – Токио, 1969. – С. 163.

³⁶³ Хрущев Н.С. Цзуйхоу инь. Хэлусяофу хойи лу сюйцзи – Последний завет. Продолжение воспоминаний Хрущева. – Пекин, 1988. Т. 1. – С. 246—247.

материалам, представленным Гао Ганом. (Это поясняет, что уже начиная с тех времен Гао Ган начал творить смуту внутри партии.) Этот доклад неверно отражал политическую жизнь в высшем эшелоне нашей партии, можно даже сказать, что вносил разброд в ЦК нашей партии, сыграл очень негативную роль. Возможно, в связи с этим, после того как председатель Мао приехал в Китай (очевидно, ошибка; должно быть, по смыслу в Москву. – Ю.Г.), на протяжении определенного времени советская сторона не слишком проявляла инициативу, а председатель Мао безвылазно сидел за закрытыми дверями. Председатель Мао излил свой гнев перед советскими сопровождающими лицами, заявив: «Мы прибыли в Советский Союз отнюдь не специально для того, чтобы поздравить (Сталина) с днем рождения, нужно еще обсудить важные проблемы двусторонних отношений». После того как Сталин об этом узнал, сразу провел с председателем Мао переговоры, а также передал председателю Мао этот доклад главного советника Ковалева, увеличив тем самым взаимопонимание и взаимное доверие (хотя некоторые подозрения и не были рассеяны окончательно)». ³⁶⁴

Корейская война

В первое время после подписания советско-китайского договора о дружбе, союзе и взаимной помощи у многих в СССР и КНР создавалось впечатление о том, что отношения двух наций, двух народов, двух стран, двух государств (СССР и КНР), двух партий (ВКП(б) и КПК) как бы перешли на новый этап, этап товарищеских и братских отношений, этап нерушимой дружбы. Представлялось, что после личной встречи Сталина и Мао Цзэдуна между ними установились отношения взаимного уважения и тесного сотрудничества. Лишь сами вожди и узкий круг близких к ним функционеров понимали, что речь идет о сотрудничестве и борьбе или о борьбе и сотрудничестве в одно и то же время, что Сталин и Мао Цзэдун – это соратники поневоле или товарищи-соперники.

Очень скоро реалии в двусторонних отношениях, а особенно на мировой арене, заставили осознать, что согласовывать мнения, особенно по острым и новым вопросам, не говоря уже об оставшихся подвешенными старых проблемах, вовсе не так просто.

Особенно явно это проявилось в связи с начавшейся летом 1950 г. войной на Корейском полуострове, или корейской войной.

После окончания Второй мировой войны на Востоке корейская нация оказалась разделенной. Были созданы два корейских государства, два государства одной нации. На юге полуострова Корейская Республика, или Республика Корея, а на севере Корейского полуострова – Корейская Народно-Демократическая Республика.

Каждое из этих двух корейских государств претендовало на то, чтобы поглотить и уничтожить другое корейское государство, занять территорию всего полуострова и иметь лишь одно корейское государство, государство корейской нации.

Без решения руководителей каждой из частей корейской нации, каждого из двух корейских государств война на полуострове не могла бы начаться. К сожалению, и в северной, и в южной части Кореи такую войну считали допустимой. Более того, корейские руководители и в той и в другой части Корейского полуострова привлекали в свою защиту, себе в поддержку сильные государства: КНДР обратилась за помощью к КНР и СССР, а Корейская Республика воззвала к США.

³⁶⁴ *Бо Ибо.* Жогань Да Цзюецэ юй Шицзянь ды Хойгу – Воспоминания о некоторых важных решениях и событиях. – Пекин, 1991. Т. 1. – С. 40—41. По мнению С.Н. Гончарова, «версия Бо Ибо в общем не противоречит сообщению И.В. Ковалева, хотя некоторые моменты в ней вызывают сомнения. Например, вряд ли правомерно приписывать недоверие Сталина к Мао только влиянию доклада И.В. Ковалева. Корни этого недоверия лежат весьма глубоко, и проявилось оно не после 24 декабря 1949 г., когда Сталин ознакомился с докладом, а с момента первой встречи двух лидеров 16 декабря». (Проблемы Дальнего Востока. 1991. № 6. – С. 92—93.)

Корейская война имела свою предысторию.

5 марта 1949 г. в Кремле состоялась встреча Сталина с Ким Ир Сеном по его просьбе. При этой встрече с корейской стороны присутствовали министр иностранных дел КНДР Пак Хен Ен и др. С советской стороны – министр иностранных дел СССР А.Я. Вышинский и посол СССР в КНДР Т.Ф. Штыков.

По свидетельству знакомившегося с архивными документами русского военного историка Д.А. Волкогонова, после довольно долгого получасового ожидания в приемной Сталин наконец принял делегацию. Выйдя из-за письменного стола, советский вожь своей неторопливой походкой подошел к взволнованным встречей корейцам, по очереди пожал им руки, жестом пригласил занять места за длинным столом. Беседа длилась один час пятьдесят минут. Собственно, говорили только Сталин и Ким Ир Сен. Несколько раз лишь Штыков и Пак Хен Ен подавали голос, чтобы дать необходимые справки.

После протокольных любезностей о дороге и самочувствии Сталин, сразу приступив к делу, спросил, какая помощь нужна Корейской Народно-Демократической Республике.

КИМ ИР СЕН: Мы утвердили двухлетний план восстановления и развития народного хозяйства. Нам нужны машины, оборудование и запасные части для промышленности, связи и транспорта, а также других отраслей народного хозяйства. Нужны советские специалисты для проектирования новых заводов и фабрик, проведения геолого-разведочных работ...

СТАЛИН: Всю эту помощь окажем, дадим и специалистов.

КИМ ИР СЕН: Экспорт из Кореи не покрывает импорта, и страна нуждается в кредите от советского правительства.

СТАЛИН: В каких размерах требуется кредит?

КИМ ИР СЕН: В пределах от 40 до 50 миллионов американских долларов.

СТАЛИН: Дадим кредит в сумме 200 миллионов рублей, то есть 40 миллионов долларов...

В таком ключе шла беседа: Ким Ир Сен вежливо просит, а Сталин, как правило, говорит: «дадим», «сделаем», «пошлем специалистов», «примем на учебу». Лишь иногда произносит «подумаем», когда, например, Ким Ир Сен просит построить железнодорожную ветку протяженностью 58 километров от Краскино (СССР) до Аоди (КНДР). Затем корейский лидер переходит к военным вопросам.

КИМ ИР СЕН: На юге Кореи еще находятся американские войска, усиливаются происки против Северной Кореи, которая имеет сухопутную армию, но морская оборона отсутствует. Нужна помощь Советского Союза.

СТАЛИН: Сколько американских войск в Южной Корее?

КИМ ИР СЕН: Около 20 тысяч человек.

ШТЫКОВ (*уточняет*): Примерно 15—20 тысяч человек.

СТАЛИН: Имеется ли на юге национальная корейская армия?

КИМ ИР СЕН: Имеется численностью около 60 тысяч человек.

СТАЛИН (*шутя*): И вы боитесь их?

КИМ ИР СЕН: Нет, не боимся, но хотели бы иметь морские боевые единицы.

СТАЛИН: Какая армия сильнее – северная или южная?

ПАК ХЕН ЕН: Северная армия сильнее.

СТАЛИН: Во всех военных вопросах окажем помощь. Корее нужно иметь военные самолеты.

Затем СТАЛИН спрашивает, проникают ли они в южнокорейскую армию, имеют ли там своих людей.

ПАК ХЕН ЕН: Наши люди проникают туда, но пока себя там не проявляют.

СТАЛИН: Правильно, что не проявляют. Сейчас проявлять себя и не нужно. Но южане тоже, видимо, засылают на север своих людей, и нужна осторожность и бдительность.

После этого собеседники договорились о характере военной помощи, подготовке корейских офицеров в Советском Союзе, о развитии экономических отношений и по другим

вопросам.³⁶⁵

Д.А. Волкогонов отмечает далее, что речь пока прямо не идет о военном объединении двух частей Кореи. Но Сталин, по донесениям Штыкова, знает: в Пхеньяне уже живут этой идеей... Надо все взвесить, отвечает вождь.

Сталин поддержал военную тему, поднятую Ким Ир Сеном, лишь до определенного рубежа, присматриваясь к собеседнику, оценивая перспективы дальнейшего развития севера и событий на полуострове.

В течение всего 1949 г. продолжались интенсивные поставки вооружения и боевой техники, боеприпасов, другого военного снаряжения в Северную Корею. Сталину докладывали об объеме и темпах поставок, вождь ставил свою закорючку «И» (которую можно расценить как «Иосиф» или «ознакомился», «согласен»). Северокорейцы прощупывали прочность позиций южан: нарушали разделительную линию, проводили «разведку боем». После одной из таких вылазок Штыкову из Москвы 27 октября 1949 г. пришла грозная шифровка от Сталина: «Вам было запрещено без разрешения центра рекомендовать правительству Северной Кореи проводить активные действия против южных корейцев... Вы не донесли о подготовке крупных наступательных действий 2-й полицейской бригады и фактически допустили участие в этих действиях наших военных советников... Обязываем дать объяснение».³⁶⁶

По мнению Д.А. Волкогонова, пожалуй, ключевой документ появился на свет 19 января 1950 г. Написал его Т.Ф. Штыков в Пхеньяне. Вот его содержание:

«Особая. Вне очереди.

...Вечером 17 января министр иностранных дел Пак Хен Ен устроил прием в честь отъезда корейского посла в Пекин. Во время него Ким Ир Сен сказал мне следующее: «Теперь, когда освобождение Китая завершается, на очереди стоит вопрос освобождения Кореи на юге страны... Партизаны не решат дела... Я не сплю ночами, думая, как решить вопрос объединения всей страны». Затем, говорится в телеграмме, Ким Ир Сен заявил, что, когда он был в Москве, товарищ Сталин ему сказал о том, что наступать на юг не надо; в случае же наступления армии Ли Сын Мана на север страны можно переходить в контрнаступление на юг Кореи. Но так как Ли Сын Ман до сих пор не начинает наступление, а значит, освобождение народа южной части страны и ее объединение затягивается... Ему, Ким Ир Сену, нужно побывать у Сталина и спросить разрешения на наступление для освобождения Южной Кореи. Ким Ир Сен говорил о том, что сам он начать наступление не может потому, что он коммунист, человек дисциплинированный и указания товарища Сталина для него являются законом. Мао обещал помощь, и он, Ким Ир Сен, с ним тоже встретится.

Ким Ир Сен настаивал на личном докладе Сталину о разрешении наступать на Юг с Севера...

Ким Ир Сен был в состоянии некоторого опьянения и вел разговор в возбужденном состоянии.

Штыков».³⁶⁷

Д.А. Волкогонов отмечает, что Сталин раздумывал над сообщением Штыкова больше недели. Мао еще был в Москве и, как полагал Д.А. Волкогонов, лечился, отдыхал. Сталин

³⁶⁵ АПРФ. Ф. 45. Оп. 1. Д. 346. Л. 24—35. В этом разделе работы все архивные документы (из АПРФ) цитируются по: *Волкогонов Д.А. Семь вождей. В данном случае: с. 282—285.*

³⁶⁶ Там же. Л. 1.

³⁶⁷ Там же. Л. 7.

встретился с ним. Стенограмма этой встречи, видимо, не велась. Два вождя были осторожны. Скорее всего, судя по дальнейшим их шагам, они решили окончательно ответить Ким Ир Сену после новой встречи и изучения вопроса военными специалистами...

Сталин, все взвесив, в конце концов собственноручно написал в Пхеньян шифрованную телеграмму для Ким Ир Сена:

«Штыкову, особая.

Сообщение от 19 января 1950 года получил. Такое большое дело нуждается в подготовке. Дело надо организовать так, чтобы не было большого риска. Готов принять...

Мы хотели бы ежегодно получать 25 тысяч тонн свинца. Готовы оказать техническую помощь.

30.01.50.

И. Сталин». ³⁶⁸

По мнению Д.А. Волкогонова, в Пхеньяне телеграмму расценили как фактическое согласие на операцию с условием достижения гарантированного успеха. Через два-три дня после встречи с Ким Ир Сеном Штыков 4 февраля вновь шлет через министра иностранных дел А.Я. Вышинского Сталину сообщение, в котором передает просьбы корейского лидера решить вопрос ускорения выплат по займу, а также получить новый кредит из СССР для закупок вооружения. Ким Ир Сен спрашивает разрешения довести количество пехотных дивизий до десяти, для чего нужно сформировать еще три соединения. ³⁶⁹

После еще одной консультации с Пекином Сталин, как отмечал Д.А. Волкогонов, 9 февраля 1950 г. разрешает начать подготовку широкомасштабной операции на Корейском полуострове, одоблив, таким образом, намерение Пхеньяна военным путем «объединить» родину. Эта дата фактически является официальным началом подготовки КНДР к наступательной войне с целью насильственного воссоединения двух государств. Активизируются поставки из СССР в Северную Корею танков, артиллерии, стрелкового вооружения, боеприпасов, медикаментов, нефти. Одновременно Сталин, как явствует из его переписки, хотел бы получить оттуда свинец, серебро, золото. Ким Ир Сен с готовностью сообщает, что «КНДР поставит в 1950 году в Советский Союз моноцитового концентрата – 15 000 тонн серебра – 40 тонн». ³⁷⁰

Дается согласие и на поставку значительного количества золота, взамен же запрашиваются крупные партии техники и оружия из СССР. Сталин благодарит за готовность к поставкам стратегического сырья и материалов и обещает полностью выполнить заявки Ким Ир Сена в военной области.

А тем временем подготовка к боевым действиям шла полным ходом: в КНДР поступали военная техника, снаряжение, оружие. В штабе корейской армии с участием советских советников велась в глубокой тайне разработка плана широкомасштабной операции. Шло ускоренное формирование нескольких новых корейских соединений. Мир еще не знает, что скоро он станет свидетелем одной из самых кровопролитных локальных войн XX века.

По всем имеющимся данным, продолжает Д.А. Волкогонов, в начале апреля 1950 г. Ким Ир Сен еще раз, теперь тайно, посетил Москву, где имел встречу со Сталиным. Стенограмму беседы и другие документы обнаружить не удалось. Однако еще 30 января, за два месяца до апрельской встречи, Сталин дал согласие на приезд Ким Ир Сена. Об этом

³⁶⁸ Там же. Л. 8.

³⁶⁹ Там же. Цит. по: Волкогонов Д.А. Семь вождей. – С. 287.

³⁷⁰ Там же. Л. 80.

есть документальное свидетельство. Затем в ряде последующих (после встречи в апреле) шифровок есть ссылки на договоренности, достигнутые во время ЛИЧНЫХ бесед «в начале 1950 года». ³⁷¹

Когда подготовка была в разгаре, Сталин решил еще раз посоветоваться с Пекином, отмечал Д.А. Волкогонов. Будучи чрезвычайно осторожным политиком, он все свои особые депеши шлет, подписываясь, как и в годы войны, вымышленными именами. Так, в переписке с Мао Цзэдуном, с Тольятти и некоторыми другими лицами Сталин стал «Филипповым». В мае 1950 г. 14-го числа Сталин продиктовал Поскребышеву:

«Особая. Для Мао Цзе Дуна. Тов. Мао Цзе Дун!

В беседе с корейскими товарищами Филиппов и его друзья высказали мнение, что в силу изменившейся международной обстановки они согласны с предложением корейцев приступить к объединению. При этом было оговорено, что вопрос должен быть решен окончательно китайскими и корейскими товарищами совместно, а в случае несогласия китайских товарищей решение вопроса должно быть отложено до нового обсуждения. Подробности беседы могут рассказать Вам корейские товарищи...

Филиппов». ³⁷²

Типично сталинский стиль, отмечает далее Д.А. Волкогонов: в телеграмме, подписанной «Филипповым», говорится, что «в беседе с корейскими товарищами Филиппов»... Сталин осторожен; по сути, уже несколько раз давший согласие на военное «объединение» Кореи, он все время оставляет «запасной предохранитель», который бы мог, в случае особых обстоятельств, задержать или даже отменить одобренную операцию.

В Пекине быстро согласились со Сталиным, писал Д.А. Волкогонов, вероятно на основании архивных материалов. Подготовка к операции стала вестись форсированно, и уже 30 мая Штыков докладывал в Москву, что Ким Ир Сен сообщил, что начальник Генерального штаба закончил разработку принципиального оперативного решения (вместе с советским советником Васильевым) на наступление. Он, Ким Ир Сен, его одобрил. Организационная подготовка заканчивается к 1 июня. Из 10 дивизий 7 готовы для наступательных действий. В июле начнутся дожди. «Мне генералы Васильев и Постников доложили, что тогда потребуется больше времени на сосредоточение. Генштаб предлагает начать в конце июня». Штыков сообщал, что для маскировки северокорейцы намерены «от имени Отечественного фронта предложить южанам мирное объединение страны».

МОЕ МНЕНИЕ. (Сталин, читая, подчеркнул эти два слова.) «Поскольку Ким Ир Сен настроен начать операцию в конце июня, а к этому времени подготовку войск можно закончить, следовательно, можно согласиться с этим сроком. Корейцы просят бензин и медикаменты. Прошу срочных указаний». ³⁷³

Сталин собственноручно написал на телеграмме: «Инстанция одобряет Ваши предложения. Получение медикаментов и нефти будет ускорено». Подумав, советский лидер, все еще «маскируясь», поставил подпись: «Громыко». Отчеркнув жирной чертой текст, внизу приписал для исполнителей:

«Сообщено т. Громыко для передачи т. Штыкову». ³⁷⁴

В этом государстве для поддержания режима чрезвычайной секретности, подчеркивал

³⁷¹ Там же. Л. 8.

³⁷² Там же. Д. 334. Л. 55. Цит. по: Волкогонов Д.А. Семь вождей. – С. 288.

³⁷³ Там же. Д. 346. Л. 94. Цит. по: Волкогонов Д.А. Семь вождей. – С. 288—289.

³⁷⁴ Там же. Л. 96.

Д.А. Волкогонов, вожди могли подписываться не только вымышленными фамилиями, но и именами своих подчиненных. К слову, А.А. Громыко работал тогда первым заместителем Вышинского.

Сталин очень не хотел, чтобы американцы уличили его в прямом участии в подготовке войны, хотя это сделать было непросто. Буквально накануне начала боевых действий совпосол в Пхеньяне шлет еще одну депешу непосредственно вождю.

«Вне очереди. Особая. Тов. Сталину.

Ким Ир Сен просил передать: для наступления и десанта нужны корабли. Два корабля прибыли, но экипажи не успели подготовить. Просит десять советских советников использовать на кораблях. Считаю, просьбу удовлетворить надо.

20 июня 1950 г.

Штыков». ³⁷⁵

Ответ пришел быстро: «Ваше предложение отклоняется. Это дает повод для вмешательства. Громыко. 22-VI-50». Сталин лично дирижировал разворачивающимися событиями. Кроме полученных телеграмм из Пхеньяна ему несколько раз докладывал о ходе подготовки к «объединению» начальник Генерального штаба Советской Армии.

Радио Пхеньяна на рассвете 25 июня передало давно подготовленное сообщение: «Сегодня рано утром войска марионеточного правительства Южной Кореи начали внезапное наступление на территорию Северной Кореи по линии 38-й параллели. Противник вторгся на глубину от одного до двух километров...»

Сталинский сценарий соблюдался строго. Помните его «хитрые» указания Ким Ир Сену: «Наступать на юг не надо; но в случае наступления армии Ли Сын Мана на север страны, тогда можно переходить в контрнаступление на юг Кореи».

Однако Совет Безопасности, собравшийся на свое 473-е заседание 25 июня 1950 г., безошибочно констатировал «вооруженное нападение на Корейскую Республику войск Северной Кореи».

С началом боевых действий, когда северокорейцы вторглись в Южную Корею, Ким Ир Сен вновь попросил направить советских советников непосредственно в части, ведущие бои на передовой. Штыков в разговоре с корейским вождем пообещал, что уговорит Москву согласиться. Но тут же последовал жесткий окрик из Кремля. Стиль – сталинский.

«Пхеньян. Совпосол.

Как видно, Вы ведете себя неправильно, так как пообещали корейцам дать советников, а нас не спросили. Вам нужно помнить, что Вы являетесь представителем СССР, а не Кореи.

Пусть наши советники пойдут в штаб фронта и в армейские группы в гражданской форме в качестве корреспондентов «Правды» в требуемом количестве. Вы будете лично отвечать перед советским правительством за то, чтобы они не попали в плен.

Фын Си». ³⁷⁶

Впервые Сталин в зашифрованном сообщении подписывается загадочным китайским именем Фын Си. Но, как показывает опыт истории, истину нельзя обречь на пожизненное заключение. Рано или поздно тайное становится очевидным, общедоступным. Так и теперь, прочтя эту книгу, читатели могут добавить к длинному списку сталинских псевдонимов восточное Фын Си³⁷⁷. (Возможно, что этот псевдоним родился, отражая мысль Сталина о

³⁷⁵ Там же. Л. 109.

³⁷⁶ Там же. Л. 145—147. Цит. по: Волкогонов Д.А. Семь вождей. – С. 290.

³⁷⁷ Волкогонов Д.А. Семь вождей. – С. 290—291.

том, что корейская война – это не его авантюра, а стратагема вождей КНР и КНДР. – Ю.Г.)

Д.А. Волкогонов далее отмечает, что уже после того, как северокорейцы в первые же дни войны взяли Сеул и казалось, что общий успех рядом, одно усилие – и обещание Ким Ир Сена сбудется, Сталин не разрешил генералу Васильеву переехать в захваченный город, чтобы помогать военному руководству управлять войсками в непосредственной близости фронту. Фын Си очень не хотел, чтобы США, ООН, мировое общественное мнение уличили его в прямом участии. Хотя уже тогда ни у кого не оставалось сомнений в степени и характере причастности Москвы к этой войне. Для Сталина же важно было поддержать версию не только об «оборонительном» характере войны для Северной Кореи, но и о чисто «техническом» участии в ней Советского Союза. Во всяком случае, его соотечественники из СССР были в этом уверены долгие десятилетия.

В «Советской военной энциклопедии» говорится: корейская война 1950—1953 годов «развязана южнокорейской военщиной и правящими кругами США с целью ликвидировать Корейскую Народно-Демократическую Республику и превратить Корею в плацдарм для нападения на КНР и СССР.

План нападения был разработан американской военной миссией и южнокорейским военным командованием в мае 1949 года... К началу лета 1950 года марионеточному режиму во главе с Ли Сын Маном удалось с помощью США подготовить более чем 100-тысячную армию, вооруженную американским оружием и боевой техникой».³⁷⁸

Как «готовился марионеточный режим» Ли Сын Мана, автор книги (то есть Д.А. Волкогонов) знает меньше, но ему доподлинно известно о том, как готовился режим Пхеньяна, и о решающей роли Москвы в инициировании войны на Корейском полуострове.

По официальной советской и северокорейской версии, «25 июня южнокорейские войска перешли в наступление. Им удалось потеснить охранные отряды и вторгнуться на 1–2 км на территорию КНДР. Ее правительство немедленно отдало распоряжение отбросить противника и разгромить его основные силы»³⁷⁹. «Может быть, потому, что южнокорейцы готовились к «агрессии», они уже через три дня после начала войны сдали свою столицу Сеул?»—с иронией спрашивает Д.А. Волкогонов.

Сталинская ложь долгие десятилетия монопольно господствовала в советской историографии. Лишь спустя десятилетия стало возможным сказать правду об истоках и характере тех событий.

Победоносно начав войну, Ким Ир Сен был окрылен. В «освобожденных» районах создавались «народные комитеты». (Кстати, Ким Ир Сен применял в данном случае терминологию Мао Цзэдуна.) Победа, казалось, находилась совсем рядом... Советники настаивали на быстром развитии успеха, мобилизации всех сил для достижения полной военной победы. Ведь Сталину обещали гарантированную победу... А для этого, правда, требовалась все новая и новая помощь со стороны СССР. 30 июня Штыков шлет новую телеграмму, в которой передает Сталину просьбу Ким Ир Сена поставить в июле миллионы патронов, сотни тысяч снарядов и гранат, а также средства связи, запасные части к самолетам, горючее, смазочные материалы, снаряжение... В конце лаконичное: «Просьбу Ким Ир Сена поддерживаю. Прошу Ваших указаний о поставке хотя бы 50% указанного количества до 10 июля 1950 года. Штыков».³⁸⁰

В углу телеграммы-списка сталинское размашистое синим карандашом: «Удовлетворить». Единодержец обычно ни с кем не советовался. Он знал возможности

³⁷⁸ Советская военная энциклопедия. Т. 4. – С. 35. Цит. по: Волкогонов Д.А. Семь вождей. – С. 291.

³⁷⁹ Там же.

³⁸⁰ АПРФ. Ф. 45. Оп. 1. Д. 346. Л. 100—103. Цит. по: Волкогонов Д.А. Семь вождей. – С. 292—293.

страны. Что-что, а военный потенциал ее был велик. Только после Великой Отечественной войны сколько вооружений и боевой техники осталось... Многие его решения сугубо единоличны и безапелляционны. Ведь он был земным богом... Правда, Сталин в этой войне пытался поделить ее тяготы с Китаем. Так, по его настоянию, Китайской Народной Республике была передана боевая техника для двух авиационных дивизий, с тем чтобы прикрыть транспортные коммуникации в Корею.³⁸¹

Война, как известно, не раз резко качнулась, словно кровавый маятник, то в одну, то в другую сторону. В первом периоде войны, до середины сентября, северокорейские войска, воспользовавшись внезапностью, добились больших оперативных успехов. Кроме Сеула в их руках оказались города Чхунчхон, Каннин, Пхэнтхэк, Оксон, Инчхон, Вонджу, Чхунджу, Самчхон и многие другие. Казалось, исход войны предreshен. Сталин уже поздравлял Ким Ир Сена. Рукой вождя написана шифровка в его типичном стиле:

«Совершенно секретно. Пхеньян. Совпосол.

Передайте Ким Ир Сэну на словах нижеследующее. Если он потребует в письменном виде, передайте ему в письменном виде, но без моей подписи.

ЦК ВКП(б) приветствует товарища Ким Ир Сэна и его друзей за великую освободительную борьбу корейского народа, которую ведет т. Ким Ир Сэн с блестящим успехом. ЦК ВКП(б) не сомневается в том, что в скором времени интервенты будут изгнаны из Кореи с позором...

28 августа 1950 г.

Фын Си».³⁸²

Ответ Ким Ир Сэна был весьма скорым:

«Дорогому товарищу Сталину И. В.

Мы глубоко тронуты Вашим вниманием. Приносим Вам, дорогому нашему учителю, благодарность за теплое участие и совет... Преисполнены решимости завоевать окончательную победу в борьбе против американских интервентов, стремящихся вновь закабалить Корею...

Желаем Вам многих лет жизни и здоровья.

Преданный Вам —

Ким Ир Сэн.

(По поручению Политсовета ЦК Трудовой партии Кореи.) 31 августа 1950 года».³⁸³

Но скоро Сталину пришлось «засомневаться», вопреки высказанной им в телеграмме Ким Ир Сэну уверенности. 16 сентября «южные» вместе с американцами нанесли мощный контрудар. Операция включала в себя высадку в районе Инчхона крупного, в составе 10-го армейского корпуса США, морского десанта. Одновременно началось наступление и с Пусанского плацдарма. Южные корейцы и американцы стремительно двинулись на север. Войска Ким Ир Сэна понесли тяжелое поражение, потеряв огромное число убитыми и плененными, большую часть артиллерии, танков. Авиация американцев господствовала в воздухе, уничтожая на земле в стане противника все, что передвигалось, что подавало признаки жизни. От радужных надежд на быструю победу не осталось и следа. Стало ясно с грозной очевидностью, что без непосредственной, прямой помощи китайских или советских войск северу не устоять. Все повисло на волоске.

³⁸¹ Там же. Д. 334. Л. 88—89.

³⁸² Там же. Д. 347. Л. 5—8. Цит. по: *Волкогонов Д.А.* Семь вождей. — С. 293.

³⁸³ Там же. Л. 14—15.

Спустя четыре дня Сталин, ознакомившись с докладом военных у себя в кабинете, осознал серьезность ситуации, но не уловил ее угрожающего характера. Он сообщил в Пекин свое решение: «Ликвидация создавшейся опасности может быть решена немедленным выводом в район Сеула значительных сил с основного фронта и созданием в районе Сеула, севернее и восточнее его, крепкого фронта».³⁸⁴

Но положение было не просто угрожающим, а катастрофическим, а сталинское указание совершенно нереальным. «Полководец» вновь переоценил себя.

1 октября министр иностранных дел КНДР Пак Хен Ен вручил Штыкову для передачи Сталину срочное послание Ким Ир Сена. В пространном письме, которое помогали сочинять советские советники, северокорейский лидер обрисовал эволюцию борьбы на фронте. «Противник, терпя поражение за поражением, был загнан на небольшую территорию самой южной оконечности Южной Кореи, и мы имели большой шанс на победу в последних решающих сражениях... Но США, мобилизовав почти все сухопутные, морские и воздушные силы, находящиеся на Тихом океане, 16 сентября 1950 года осуществили десантную операцию в районе Инчхона. Овладев Инчхоном, противник ведет уличные бои в городе Сеуле... Вражеская авиация, не встречая никакого сопротивления с нашей стороны, полностью хозяйничает в воздухе... Некоторая часть наших войск окружена противником...

Дорогой товарищ Сталин! Если противник будет форсировать наступательные операции на Северную Корею, то мы не в состоянии будем собственными силами приостановить противника. Поэтому, дорогой Иосиф Виссарионович, мы не можем не просить от Вас особой помощи. Иными словами, в момент перехода вражеских войск через 38-ю параллель нам очень необходима непосредственная военная помощь со стороны Советского Союза.

Если по каким-либо причинам это невозможно, то окажите нам помощь по созданию международных добровольных частей в Китае и в других странах народной демократии для оказания военной помощи нашей борьбе.

С уважением ЦК Трудовой партии
Кореи, Ким Ир Сен, Пак Хен Ен.

29 сентября 1950 года».³⁸⁵

Сталин находился на отдыхе на одной из своих многочисленных дач на побережье Черного моря. Ему доложили паническую телеграмму Ким Ир Сена в два часа ночи 1 октября 1950 г. Уже через час Сталин подписал свое «Филиппов» под шифровкой следующего содержания:

«Пекин. Совпосол. Для немедленной передачи Мао Цзе Дуну или Чжоу Энь Лаю.

Я нахожусь далеко от Москвы в отпуске и несколько оторван от событий в Корее. Однако по поступившим сегодня мне сведениям из Москвы я вижу, что положение у корейских товарищей становится отчаянным...

Следовало бы немедленно двинуть к 38-й параллели хотя бы 5–6 дивизий. Китайские дивизии могли бы фигурировать как добровольные».³⁸⁶

В телеграммах Матвееву и Штыкову в Пхеньян, отправленных днем, Сталин грозно выговаривает о «крупных ошибках «в управлении войсками». Вождь, рассматривавший море сквозь стройные силуэты кипарисов на своей даче, дает целую страницу советов, как действовать арьергардам, где использовать танки и при всем этом не допустить, «чтобы хотя

³⁸⁴ Там же. Л. 24. Цит. по: *Волкогонов Д.А.* Семь вождей. – С. 294.

³⁸⁵ Там же. Л. 41—45. Цит. по: *Волкогонов Д.А.* Семь вождей. – С. 294—295.

³⁸⁶ Там же. Д. 334. Л. 97. Цит. по: *Волкогонов Д.А.* Семь вождей. – С. 295.

бы один военный советник попал в плен». ³⁸⁷

Итак, 25 июня 1950 г. вспыхнула война на Корейском полуострове, или корейская война. 27 июля президент США Г. Трумэн принял решение направить войска США для участия в этой войне, а также ввел американский Седьмой флот в Тайваньский пролив в целях ограждения острова от высадки войск материкового Китая, то есть КНР; одновременно ООН приняла решение о направлении на Корейский полуостров вооруженных сил ООН для участия в войне на стороне корейцев-южан.

28 июня Мао Цзэдун выступил на заседании правительства КНР, осудив действия США и заявив, что «дела, касающиеся тех или иных государств, должны решаться народами самих этих государств, тут нечего делать США»; «сочувствие народа всего Китая должно быть на стороне тех, кто подвергся агрессии». ³⁸⁸

В тот же день Чжоу Эньлай, выступая в качестве премьера ГАС и министра иностранных дел КНР, осудил США за их агрессию в Корее и на Тайване, а также за вмешательство в азиатские дела.

После своего выступления на заседании правительства КНР Мао Цзэдун и Центральный военный совет КПК приняли решение о срочной передислокации 13-го корпуса НОАК на северо-восток КНР с целью укрепления обороны этого региона.

Мао Цзэдун осудил действия президента США, отметив при этом, что прежняя позиция Вашингтона, заявлявшего о невмешательстве в дела, связанные с Тайванем, оказалась «фальшью». При этом Мао Цзэдун заявил, что США лишь внешне выглядят сильными, и призвал народ Китая и народы всего мира «разгромить любые провокации американского империализма». ³⁸⁹

Сталин и правительство СССР осудили агрессивные действия США.

События на Корейском полуострове развивались драматически. Сначала северные корейцы пошли в наступление, заняли значительную часть юга Кореи. Однако затем, главным образом американцы, хотя формально международные вооруженные силы ООН, нанесли поражение северным корейцам, заставили их отступить в пределы КНДР.

США отправили в Корею 40-тысячную армию, которая повела наступление на север полуострова, в связи с чем, как полагали в Пекине, была создана угроза для границ КНР. Американские самолеты стали летать над территорией КНР. Чан Кайши предложил направить 33 тысячи своих солдат для участия в войне в Корее. США не согласились на это.

Перед Мао Цзэдуном встал вопрос: направить ли войска из КНР в Корею для участия в войне?

Мао Цзэдун понимал, что участие в корейской войне ставит под угрозу только что созданное государство, Китайскую Народную Республику. Нужно было также учитывать, что китайский народ получил мирную передышку всего на год или даже меньше чем на год.

С другой стороны, Мао Цзэдун считал, что характер отношений с корейцами требует участия в этой войне.

Мао Цзэдун видел Корейский полуостров, во всяком случае в перспективе, как сферу преимущественного влияния или воздействия КПК и КНР.

Мао Цзэдун помнил о том, что США не решились прямо вмешаться в гражданскую войну в Китае.

Мао Цзэдун полагал себя стратегом именно вооруженной борьбы в масштабах огромных территорий.

³⁸⁷ Волкогонов Д.А. Семь вождей. – С. 295—296.

³⁸⁸ Лю Цзечэн... С. 557.

³⁸⁹ Мао Цзэдун. Дигочжуи хэ ице фаньдунпай ши чжи лаоху – Империалисты и все реакционеры – это бумажные тигры. // Жэньминь чубаньшэ, 1958. – С. 27.

Мао Цзэдун, очевидно, был рад, когда обнаружил, что его отношение к войне как к допустимому и почти «рядовому» шагу, как к «естественному» продолжению политики разделяет Ким Ир Сен. Мао Цзэдун занял позицию твердой поддержки намерений Ким Ир Сена ликвидировать Республику Корея, или Корейскую Республику (государство корейцев в южной части Корейского полуострова), и распространить свою власть на весь полуостров. При этом Мао Цзэдун рассчитывал постепенно добиться того, чтобы Корея Ким Ир Сена (или другого корейского руководителя из Трудовой партии Кореи) вошла в орбиту влияния или воздействия Мао Цзэдуна.

Мао Цзэдун также был намерен в своих расчетах отделять одни регионы мира от других. Ему всегда представлялось, что США слишком далеки географически от Северо-Восточной Азии. Возможно, что Мао Цзэдун не верил в то, что США действительно будут жизнями своих солдат защищать Республику Корея.

Настроившись на участие в войне на Корейском полуострове, во всяком случае на то, чтобы быть твердым тылом для Ким Ир Сена, Мао Цзэдун рассчитывал также фактически поставить Сталина в пассивное положение, собственно заставить Сталина пропустить себя вперед, признать ведущее положение Мао Цзэдуна – как более смелого и воинственного политика.

Мао Цзэдуна несколько не волновали предстоявшие людские потери в войне на Корейском полуострове.

Одно из главных отличий положения и позиции Сталина по сравнению с Мао Цзэдуном состояло в том, что Сталин был готов всеми средствами оборонять то, что он считал принадлежавшим ему или входившим в сферу его влияния (КНР и КНДР Сталин не мог считать входившими или хотя бы по преимуществу входившими в сферу своего влияния: Мао Цзэдун и Ким Ир Сен оказались более самостоятельными фигурами, чем этого хотелось бы Сталину), но он был решительно против того, чтобы расширять в обозримом будущем сферу своего воздействия или влияния военными мерами, путем войны. Сталин был вынужден считаться с общими настроениями и ситуацией в своей стране, в СССР, то есть он был вынужден и на словах, а в общем и в значительной части на деле не заниматься военными авантюрами после окончания Второй мировой войны. Корейская война была навязана Сталину Ким Ир Сеном и Мао Цзэдуном. Он не мог не принять в ней ограниченного участия, стараясь все делать таким образом, чтобы СССР не оказался вновь втянут в войну. В этом смысле Сталин был против войны, а Мао Цзэдун за. Сталин достаточно навоевался во время Великой Отечественной, а Мао недостаточно и во время Войны сопротивления Японии, и во время войны против Чан Кайши. Война для Сталина, то есть Великая Отечественная война, и война для Мао Цзэдуна, то есть яньаньское отсиживание далеко от войны, а затем хотя и довольно массовые, но в общем-то почти бескровные, относительно и соотносительно с войной между СССР и Германией, передвижения войск по территории Китая, очень сильно отличались одна от другой.

Представляется также, что просматривается некий параллелизм ситуаций в Китае и Корее. И там и там вожди, то есть Мао Цзэдун и Ким Ир Сен, были нацелены на объединение всей территории страны под своей властью. При этом они рассчитывали, что Сталин во всяком случае будет их надежным тылом, но и, кроме того, окажет им всю возможную и необходимую помощь вооружением, советниками и т. д.; иначе говоря, Мао Цзэдун и Ким Ир Сен постоянно стремились к тому, чтобы создавать напряженность и остроту в отношениях СССР и США, чтобы благодаря этому самим уходить в тень и пользоваться плодами советско-американской конфронтации; предпочтительнее всего для Мао Цзэдуна и Ким Ир Сена было бы вообще состояние войны или затянувшегося вялотекущего военного конфликта между Москвой и Вашингтоном. При этом Ким Ир Сен, очевидно под воздействием Мао Цзэдуна, разделял его мысль о том, что лидеры Китая и Кореи смелее и мудрее Сталина, что Сталин вообще должен быть поставлен в положение робкого политика, чрезмерно опасющегося США, в то время как Мао Цзэдун и Ким Ир Сен якобы их несколько не боялись, и фактически «не позволяющего» Мао Цзэдуну и Ким Ир

Сену «вершить революцию» в их странах, то есть пытавшегося остановить наступление Мао Цзэдуна и Ким Ир Сена на юг их стран, добиться увековечения раскола Китая и Кореи на два государства, что, с точки зрения Мао Цзэдуна и Ким Ир Сена, соответствовало корыстным эгоистическим интересам Сталина и его государства, но шло во вред Мао Цзэдуну, Ким Ир Сену и их государствам. В этой ситуации, когда Мао Цзэдун и Ким Ир Сен, в общем-то, как лидер меньший по калибру и следовавший за Мао Цзэдуном, были просто одержимы идеей войны до победного конца в целях объединения национальных территорий своих стран и стремились обязательно устранить раскол своих наций на «южные и северные царства», Сталин был вынужден приспособиться к требованиям Мао Цзэдуна и Ким Ир Сена. Единственное, что ему удалось, – это избежать прямого и непосредственного участия своей армии, флота (но не авиации) в боях, которые повели Мао Цзэдун в 1949 г. в Китае и Ким Ир Сен в 1950 году в Корее.

Но вернемся к развитию событий в ходе корейской войны. Когда первое наступление Ким Ир Сена вдруг обернулось не только его поражением, но и участием в боях американской армии, вооруженных сил ООН, перед Мао Цзэдуном встал вопрос теперь уже не о поддержке – политической и материальной – действий Ким Ир Сена по военному разгрому Республики Корея, а о том, как остановить американцев на границах КНР и как сохранить воздействие на Ким Ир Сена.

Мао Цзэдун был вынужден, заботясь о своем престиже и о своем положении у власти, решиться на ввод своих войск в Корею, но уже не с наступательными целями, а для того, чтобы сдержать американцев.

Мао Цзэдун вызвал в Пекин из Северо-Западного Китая Пэн Дэхуая, которому он предполагал поручить командование войсками, направлявшимися в Корею.

1 октября 1950 г. американские войска перешли 38-ю параллель и начали продвижение уже по северной части Корейского полуострова.

2 октября Мао Цзэдун послал Сталину следующую телеграмму: «Мы приняли решение направить части нашей армии под именем Добровольческой армии в Корею для ведения боевых действий против войск США и их прихвостня Ли Сын Мана, оказав тем самым помощь корейским товарищам. Мы считаем такие действия необходимыми. Если США захватят всю Корею и силам революции в Корее будет нанесено серьезное поражение, тогда американские захватчики еще больше распояшутся, что грозит неприятностями Востоку в целом».

«В создавшейся ситуации мы решили 15 октября ввести в бой 12 дивизий, переброшенных в Маньчжурию, разместив их в соответствующих районах Северной Кореи (необязательно на 38-й параллели) с тем, чтобы они, с одной стороны, вели бои с врагом, который пересек в ходе своего наступления 38-ю параллель, причем в первый период вести только оборонительные бои, уничтожать отдельные подразделения противника, всесторонне выясняя ситуацию; с другой стороны, дождавшись, когда прибудет советское оружие, вооружить им наши войска, а затем во взаимодействии с корейскими товарищами перейти в контрнаступление и уничтожить армию американских агрессоров!»³⁹⁰

По сути дела, это был призыв к Сталину спасти Мао Цзэдуна, а заодно и Ким Ир Сена, так как без поддержки со стороны Сталина военное поражение потерпели бы и Ким Ир Сен, и Мао Цзэдун. Таким образом, война, в которой Сталин не хотел участвовать, обернулась таким образом, что те деятели, которые хотели сами выдвинуться вперед и отодвинуть Сталина на задний план, то есть Мао Цзэдун и Ким Ир Сен, были теперь вынуждены снова «знать свое место» и просить СССР, Сталина о помощи для того, чтобы хотя бы сохранить статус-кво.

Характеризуя создавшуюся ситуацию, русский военный историк Д.А. Волкогонов писал, что маятник войны резко качнулся на север. Теперь на весы политического престижа

³⁹⁰ Ши Чжэсэ. Цзай чжаньчжэн ды бэйхоу – За кулисами войны // Цзюньши ши линь. 1992. № 3.

были поставлены не только амбиции Ким Ир Сена, как «полководца-освободителя», но и Сталина вместе с Мао Цзэдуном, благословивших корейского вождя на эту войну. Советский диктатор в энергичных выражениях составил еще одно письмо Мао Цзэдуну, где, в частности, есть строки, от которых и сегодня веет смертельным холодком. По существу, рассматривается возможность и вероятность третьей мировой войны. Сталин пишет в Пекин:

«...США из-за престижа могут втянуться в большую войну; будет, следовательно, втянут в войну Китай, а вместе с тем втянется в войну и СССР, который связан с Китаем пактом о взаимопомощи. Следует ли этого бояться? По-моему, не следует, так как мы вместе будем сильнее, чем США и Англия, а другие капиталистические европейские государства без Германии, которая не может сейчас оказать США какой-либо помощи, не представляют серьезной военной силы. Если война неизбежна, то пусть она будет теперь, а не через несколько лет, когда японский милитаризм будет восстановлен, как союзник США»

391

Д.А. Волкогонов далее подчеркивает, что становится страшно, когда осознаешь, что третья мировая война стала почти реальностью во время противостояния блоков в Корее (ситуация, граничащая с таким же риском мировой ядерной войны, повторилась и во время Карибского кризиса). И эту войну могли «организовать» те, кто по-прежнему мыслил по-коминтерновски: коммунистические вожди. Известно, что в самый критический момент для американских войск в Вашингтоне действительно рассматривался вариант дальнейшего ведения войны с использованием ядерного оружия. Об этом писала американская печать.³⁹²

Мао ответил весьма быстро: «Очень рад, что в Вашем ответе говорится о совместной борьбе Китая и СССР против американцев... Безусловно, если воевать, то воевать нужно теперь... Целесообразно направить не пять-шесть дивизий, а по крайней мере девять...».³⁹³

Однако после получения этой депеши поступило новое сообщение, что в Пекине все еще обсуждают не только детали, но и саму возможность китайского военного вмешательства. Сталин серьезно забеспокоился, тем более что из Пекина пришла очередная телеграмма. Там выражали опасение в связи с возможностью «открытого столкновения с США». Мао Цзэдун допускал, что даже «если Северная Корея потерпит поражение, она изменит форму борьбы на партизанскую войну». Сообщал, что высылает к Сталину для обсуждения ситуации Чжоу Эньлай и маршала Линь Бяо.³⁹⁴

Хотелось бы обратить внимание на растерянность Мао Цзэдуна в связи с развитием событий. Нерешительность и трусость вообще были присущи Мао Цзэдуну тогда, когда он получал ощущение возможности военного разгрома его войск или войск его союзников в Корее. Мао Цзэдун метался, колебался. Он пытался оказать воздействие на Сталина, предрекая «неприятности Востоку в целом», то есть и восточным или дальневосточным районам СССР, в результате возможного развития событий в ходе войны, начатой с его благословения на Корейском полуострове.

Сталин ответил, как нам представляется, с учетом психологии Мао Цзэдуна. Сталин при этом, очевидно, исходил из уверенности в том, что если не будет иметься никаких существенных доказательств прямого участия СССР в военных действиях в Корее, то американцы не пойдут на войну против СССР. В то же время Сталин в ответ на упоминание в телеграмме Мао Цзэдуна об угрозе Востоку в целом, по сути дела, выдвинул тезис о том, что надо смотреть на дело с глобальной точки зрения и видеть, что возможна мировая война,

391 АПРФ. Ф. 54. Оп. 1. Д. 334. Л. 110—111. Цит. по: Волкогонов Д.А. Семь вождей. — С. 296.

392 Волкогонов Д.А. Семь вождей. — С. 295.

393 АПРФ. Ф. 45. Оп. 1. Д. 334. Л. 126. Цит. по: Волкогонов Д.А. Семь вождей. — С. 296—297.

394 Там же. Л. 105—106. Цит. по: Волкогонов Д.А. Семь вождей. — С. 297.

в которой могут пострадать, если не погибнуть, и весь Советский Союз, и весь континентальный Китай. Тем самым Сталин показал Мао Цзэдуну, к чему привели амбиции его и его союзника Ким Ир Сена, и посоветовал с помощью войск Мао Цзэдуна восстановить статус-кво, то есть ситуацию, при которой продолжали бы существовать два корейских государства, разделенных по 38-й параллели.

Получив мнение Сталина, Мао Цзэдун и его коллеги по Политбюро ЦК КПК заволновались. Они испугались того, что американская военная мощь обрушится прежде всего на Китай, и в какой-то момент были даже готовы бросить Ким Ир Сена, предложив ему продолжать войну в Корее партизанскими методами.

4 октября 1950 г. в Пекине с участием прилетевшего из Северо-Западного Китая Пэн Дэхуая начало заседать Политбюро ЦК КПК. Обсуждался вопрос о направлении войск в Корею. Пэн Дэхуай исходил при этом из того, что вторжение американцев в Корею и выход американских войск на реку Ялуцзян, по которой проходила китайско-корейская граница, создавали опасность для Северо-Восточного Китая; в то же время установление американцами контроля над Тайванем создавало угрозу Шанхаю, Восточному Китаю. США могли в создавшихся условиях использовать любой предлог для того, чтобы начать войну против КНР. По мнению Пэн Дэхуая, если тигр был намерен сожрать человека, то только сам тигр и решал, когда это сделать. КНР не должна была идти на уступки США. Если американцы отважились на агрессию, КНР придется отражать эту агрессию. Ситуация, по мнению Пэн Дэхуая, складывалась таким образом, что трудно было приступить к строительству социализма, не померившись силами с США.

Свои соображения Пэн Дэхуай изложил на заседании Политбюро в Пекине 5 октября. Он, в частности, сказал также следующее: «Направить войска в Корею необходимо; если мы сплхуем в этой войне, это будет равнозначно тому, что мы на несколько лет позже одержим победу в войне за освобождение. Если американцы встанут на реке Ялуцзян и на Тайване, тогда они смогут в любой момент найти предлог для начала агрессивной войны».³⁹⁵

Пэн Дэхуай понимал необходимость вступления для КНР в войну в Корею в создавшихся условиях. Он видел в этом единственный шаг, который был способен сохранить плоды победы Мао Цзэдуна над Чан Кайши на континенте Китая.

Возможно, Пэн Дэхуай был одним из немногих, во всяком случае одним из меньшинства, членов Политбюро ЦК КПК, которые были настроены столь решительно и поддерживали первоначальное предложение Мао Цзэдуна о вводе войск в Корею (может быть, Пэн Дэхуай в то время оказался даже смелее Мао Цзэдуна при принятии такого решения, чего ему впоследствии не мог простить Мао Цзэдун). Большинство же членов Политбюро были настроены по-иному. Они больше не хотели войн и считали, что следовало бы сосредоточить усилия на восстановлении и развитии экономики КНР.

Если провести рискованную, как мы хорошо понимаем, параллель с позицией Ленина в момент заключения Брестского мира, то можно сказать, что Мао Цзэдун, как в свое время Ленин (правда, разница была в том, что Ленин выступал за капитуляцию перед военным противником, а Мао Цзэдун за вступление в войну против военных сил, которые фактически давали отпор военной провокации Ким Ир Сена и наказывали Ким Ир Сена и стоявших за его спиной Мао Цзэдуна, да и, в определенной степени, Сталина, за эту провокацию; между Лениным и Мао Цзэдуном было тут и общее: оба действовали во вред интересам своих народов в этих ситуациях), видя, что он остался в меньшинстве по вопросу о войне и мире в связи с войной в Корее, очевидно, пригрозил, что он создаст новую партию и новую армию, и только так, предъявив ультиматум, заставил большинство членов Политбюро в конечном счете согласиться с вводом войск в Корею.

На упомянутом заседании Политбюро ЦК КПК при обсуждении вопроса о вступлении в войну войск КНР, чему было дано название движения за оказание сопротивления США и

³⁹⁵ Пэн Дэхуай цышу – автобиография Пэн Дэхуая. – Жэньминь чубаньшэ, 1981. – С. 258.

предоставление помощи Корее (сам этот термин был обманом: США не нападали, а давали отпор провокации с применением военных сил; помощь оказывалась не Корее, а только части корейцев, которые выступали на стороне Ким Ир Сена и частично Мао Цзэдуна, ибо в то время внутри Трудовой партии Кореи еще были люди, ориентировавшиеся на Мао Цзэдуна), были высказаны и иные соображения, отличные от тех, которые предлагали, в частности, Мао Цзэдун и Пэн Дэхуай. При этом члены Политбюро ЦК КПК говорили, что тут следовало бы соблюдать осторожность, так как речь шла о ситуации в целом, об интересах партии и страны в их совокупности. Прежде всего, возникал вопрос о том, окажется ли по силам армии КНР противостоять войскам США, находившимся на территории Кореи, и сумеет ли НОАК эффективно решить корейскую проблему. Во-вторых, хотя и предполагалось, что армия КНР должна была вступить в схватку с американцами не на территории КНР, а в Корее (пусть даже и под именем Добровольческой армии), все равно следовало быть готовыми к тому, что США объявят о вступлении в войну против КНР, а в этой связи американцы по крайней мере могли бомбардировать с воздуха и крупные города КНР, и ее промышленные базы, а также могли силами своих ВМС удар по прибрежной полосе, из-за чего пошло бы прахом выполнение уже вступившего в действие плана экономического строительства. Кроме того, у КНР еще не было ВВС, а США обладали преимуществом в воздухе. Члены Политбюро также утверждали, что в данном случае, принимая решение о вводе войск в Корею, следовало бы заручиться поддержкой и помощью со стороны Советского Союза (оказывалось, что рваться в авантюру Мао Цзэдун мог и сам, и даже вопреки осторожности Сталина, а вылезать из ямы, в которую Мао Цзэдун сам угодил, он не мог без помощи Сталина). А потому желательно было бы выслушать мнение Сталина. В этой обстановке, еще до завершения заседания Политбюро ЦК КПК, Мао Цзэдун отправил Чжоу Эньлая с секретной миссией к Сталину.

Как видно, Мао Цзэдун в этот момент проявлял большие колебания. Сначала он принял решение в начале октября направить войска в Корею, даже сообщил об этом Сталину. Затем он, возможно, сам, не будучи уверен в правильности такого решения, а может быть, под давлением большинства членов Политбюро ЦК КПК, изменил свое мнение, решил не направлять войска в Корею и, для того чтобы объяснить свою непоследовательность Сталину, послал в Советский Союз с секретной миссией Чжоу Эньлая, который должен был сообщить Сталину, что Мао Цзэдун во изменение ранее принятого им решения теперь предпочитает не вступать в войну на Корейском полуострове. По сути дела, Мао Цзэдун поручил Чжоу Эньлаю весьма деликатную миссию. Чжоу Эньлай должен был упросить Сталина взять на себя и только на себя, без участия армии Мао Цзэдуна, решение проблемы, возникшей в связи с военной авантюрой, начатой на Корейском полуострове главным образом Ким Ир Сеном и Мао Цзэдуном, правда с вынужденного согласия и Сталина.

События развивались стремительно и в большой тайне. Чжоу Эньлай с переводчиком Ши Чжэ и шифровальщиком Кан Имином 8 октября вылетел из Пекина и прибыл в Москву. В то время в Москве находился на лечении Линь Бяо. На следующий же день, то есть 9 октября, Линь Бяо вместе с Чжоу Эньлаем вылетел в Абхазию на дачу Сталина под Адлером. Там их ждали члены Политбюро ЦК ВКП(б).

Переговоры начались во второй половине дня 9 октября 1950 г. С китайской стороны их вели Чжоу Эньлай и Линь Бяо; переводчиком выступал Ши Чжэ. С советской стороны в переговорах участвовали члены Политбюро ЦК ВКП(б) во главе со Сталиным.

Сталин прежде всего пояснил ситуацию на фронте войны в Корее. Он указал на то, что к тому времени северные корейцы уже потерпели крупнейшее поражение; серьезная обстановка, сложившаяся в Корее, весьма неблагоприятна для всех нас.

Чжоу Эньлай, как утверждают авторы из КНР, сразу же расставил все точки над «і», сказав следующее:

«Что касается обстановки в целом, то она в Китае известна. Принимая во внимание главным образом реалии ситуации внутри своей страны и субъективные факторы, мы полагаем, что лучше было бы не посылать наши войска в Корею. Так следовало бы

поступить по той причине, что в результате многолетней длительной войны, которая год за годом приносила тяжелые разрушения, оказывается невозможным выполнить целый ряд задач, касающихся налаживания жизни государства и народа. Если мы сейчас снова втянемся в войну, мы не только лишимся возможности улучшить жизнь народа, справиться с соответствующими трудностями, но тогда не может быть и речи и о восстановлении экономики страны. При таких обстоятельствах нам пришлось бы взвалить на себя тяжелый груз расходов на войну; это действительно трудно; к этому следовало бы добавить решение такого вопроса, как снабжение армии вооружением и пополнение ее боеприпасами; трудностей тут непереворот. А если такая война затянется и станет тупиковой, тогда это затронет интересы и других братских стран. Вот по всем этим соображениям и представляется, что лучше было бы не посылать войска».

Сталин выслушал Чжоу Энляя и сказал:

«На данный момент американские войска уже пересекли 38-ю параллель, вторглись в северную часть Кореи. Если корейцы не получают из тыла помощи, они смогут продержаться максимум только неделю. В этой ситуации вместо того, чтобы оказывать безнадежное сопротивление и в конечном счете оказаться уничтоженным врагом, лучше было бы как можно раньше по своей инициативе отступить».

Сталин, видя, что Чжоу Энлай молчит, улыбнулся и сказал:

«Самим отступить или быть уничтоженным врагом, все равно все это означает только одно: позволить врагу оккупировать всю Корею, а тогда американская армия и армия их марионеток выйдет на реки Ялу (то есть на китайско-корейскую границу) и Туманную (то есть на советско-корейскую границу). В этом случае, как нам представляется, особенно северо-восток Китая лишится возможности жить спокойно. Конечно, внутри собственно Китая ситуация несколько иная, однако тогда, пожалуй, вряд ли можно будет говорить о восстановлении экономики Северо-Восточного Китая. Тогда они (американцы) получат возможность совершать провокации в любое время, смогут заявиться и с неба, и с суши, и с моря.

Далее, если уж корейские товарищи сами продержаться не могут и находятся на краю гибели, то не лучше ли было бы тогда немедленно сказать им, чтобы они в организованном порядке начали бы планомерный отход, и согласиться на то, чтобы они могли свои главные силы, оружие, материальные ценности и часть своих людей отвести в пределы Северо-Восточного Китая, а своих пожилых людей, ослабевших и больных, людей, получивших увечья, и раненых по большей части отправить в Советский Союз. Надо было бы живую силу отвести в Северо-Восточный Китай для того, чтобы впоследствии содействовать новому наступлению в Корею. Из Северо-Восточного Китая наступать на Корею гораздо легче, чем из Советского Союза. Одним словом, мы оба, обе наши страны, должны взять на себя эту ношу. Предлагаю о том, о чем мы договорились в ходе переговоров, то есть наше мнение относительно отступления, немедленно сообщить телеграммой Ким Ир Сену; нельзя тянуть время».

В это время Линь Бяо вставил реплику. Он сказал: «Нет необходимости отводить живую силу; пусть они останутся на территории Кореи. Там много гор, есть леса; они могли бы уйти в лесные чащи и ущелья и вести длительную партизанскую войну. Причем можно было бы распространить боевые действия и на Юг, и на Север Кореи и выжидать удобного момента». (Возможно, Линь Бяо полагал, что он высказывает мнение, которое разделял и Мао Цзедун.)

Сталин не проявил интереса к этому предложению. Он ответил так:

«Пожалуй, враг не позволит партизанам действовать. А быстро их уничтожит. Поскольку нет намерений направить войска, у нас есть конкретный план по размещению корейских товарищей и их вооруженных людей, по сохранению живой силы для использования ее, когда придет время».

Далее Сталин высказал и свои соображения относительно предположений о введении в Корею войск КНР и осуществления того, что в КНР именовалось движением за оказание

отпора США и помощи Корею. Иначе говоря, он дал свою оценку планов Мао Цзэдуна, которые в начале октября были сообщены ему из Пекина соответствующей телеграммой за подписью Мао Цзэдуна.

Сталин сказал:

«В соответствии с тем, о чем мы (то есть Советский Союз) давно уже заявили, наши войска уже полностью выведены из Кореи. Для нас было бы трудно в настоящее время снова вводить войска в Корею, так как это означало бы, что мы вступаем в прямое военное столкновение с США. Поэтому предположим, что Китай сможет направить известную часть своих войск, а мы должны будем в этом случае поставить оружие и боеприпасы; в ходе боевых действий мы могли бы также обеспечить прикрытие с воздуха нашей авиацией. Естественно, что ее действия были бы ограничены работой в тылу и на линии фронта; наши самолеты не могут проникать в глубь вражеской территории; мы не можем допустить того, чтобы враг сбивал наши самолеты над своей территорией и брал в плен наших летчиков, так как это имело бы неблагоприятный международный резонанс. В свое время предполагалось оснастить сухопутные войска Китая (пехоту, артиллерию, инженерные, танковые, механизированные войска), авиацию, а также изыскать возможности с той целью, чтобы помочь создать военно-морской флот (это потребует очень больших денежных средств и много времени)».

Сказав это, Сталин, касаясь планов направления войск в Корею, выдвинул целый ряд конкретных предложений. Например, относительно количества дивизий, которые должны быть оснащены вооружением; относительно того, сколько танков Советский Союз мог бы предоставить в виде помощи; сколько артиллерийских орудий, самолетов, сколько вооружения для оснащения механизированных частей и специализированных частей и т. д.

Китайская сторона все это воспринимала и толковала в беседах в своем кругу, не в присутствии представителей СССР, как отражение той ситуации, что после Второй мировой войны у Сталина, у Советского Союза оставалось очень много вооружения.

Сталин также сказал:

«Китай планирует реорганизовать свою армию с той целью, чтобы все рода войск стали регулярными, приобрели единообразие, осовременились. И этот подход совершенно правилен; он представляется разумным. Однако наш опыт говорит о том, что в ходе войны выполнять такого рода планы нужно гораздо быстрее и гораздо эффективнее, чем в мирное время. Одновременно, в связи с тем что войска будут участвовать в боях, можно будет своевременно обнаруживать недостатки и своевременно же исправлять их, чтобы добиваться дальнейшего совершенствования. Китайская сторона выдвинула предложения относительно реорганизации вооруженных сил. Мы передали их товарищу Булганину для того, чтобы он изучил эти предложения с нашими военными и с китайскими товарищами и чтобы были приняты соответствующие меры. А теперь все же необходимо немедленно довести до сведения корейских товарищей результаты нашего обсуждения и наши предложения. Прошу вас, не теряя времени, как можно раньше провести подготовку к отступлению».³⁹⁶

Таким образом, было очевидно, что Сталин, с одной стороны, учитывал вариант ввода войск КНР на территорию Кореи, выдвинутый в начале октября Мао Цзэдуном, и был готов к его практической реализации; с другой стороны, Сталин был также готов согласиться и на предложение китайской стороны не вводить войска КНР в Корею, а отвести живую силу Ким Ир Сена на территорию КНР и частично СССР. Представляется, что, с точки зрения Сталина, в этом случае возникали потенциальные очаги напряженности в регионе, однако все или почти все участники событий оказывались в зависимости от позиции Сталина.

Очевидно, здесь необходимо лишний раз подчеркнуть, что Сталин не был инициатором начала войны в Корею. Пожалуй, он был вынужден соглашаться с предложениями Ким Ир Сена начать войну против южных корейцев под давлением и самого Ким Ир Сена, и

³⁹⁶ Цзечэн... С. 561—563.

косвенно, учитывая благосклонное отношение к этой идее Пекина, то есть Мао Цзэдуна. Вообще следует сказать, что ни Мао Цзэдун, ни Ким Ир Сен после прихода к власти в соответствующих государствах (в отличие от ситуации в Восточной Европе) не были марионетками в руках Сталина. Да, они в определенной степени зависели от Сталина, были вынуждены считаться с его мнением, но в то же время они не только обладали достаточной самостоятельностью для того, чтобы принимать целый ряд важных и не всегда нравившихся Сталину решений, но и заставляли Сталина мириться с их политикой в регионе.

За развязывание корейской войны в первую очередь несут ответственность Ким Ир Сен и Мао Цзэдун и лишь во вторую очередь Сталин. Само собой, что свою долю ответственности несут и руководители юга Кореи и их союзники в США, которые, обладая информацией о возможности начала корейской войны, не вступили в контакты со Сталиным в целях разрешения назревавшего кризиса.

Сталин, очевидно, не имел особых возражений и против того, чтобы появилось (если к тому вынуждали обстоятельства временно непреодолимой силы) единое корейское государство, пусть на основе государства южных корейцев, так как существование такого государства, с точки зрения Сталина, могло укреплять позиции СССР на Дальнем Востоке, ибо практически все государства региона – КНР, Япония, Корея – в этом случае были бы заинтересованы в том, чтобы СССР поддерживал стабильность в Северо-Восточной Азии и помогал им противостоять своим потенциальным противникам в том же регионе. Важно подчеркнуть, что после Второй мировой войны политика Сталина на Дальнем Востоке была исключительно мирной, направленной на оборону, в ней не было провокационных элементов, которые могли бы поставить под угрозу мирное развитие СССР. Только действия Мао Цзэдуна, Ким Ир Сена (если говорить только о партнерах и союзниках Сталина) создавали такого рода угрозы, и Сталин стремился тушить эти пожары либо в зародыше, либо со временем.

Наконец, из анализа беседы Сталина с Чжоу Эньлаем, состоявшейся 9 октября 1950 г. на даче Сталина на Кавказе, очевидно, на озере Рица, следовало, что Сталин имел планы активно содействовать реорганизации и перевооружению армии КНР, рассчитывая, видимо, на то, что в результате у него могут появиться реальные союзники в КНР, а также самым эффективным образом связывая СССР и КНР как военных союзников. Что же касается Мао Цзэдуна, то он был вынужден идти на развитие военного сотрудничества со Сталиным, но всемерно старался воспитывать своих коллег по руководству КПК и КНР в том духе, что за всеми действиями Сталина следовало видеть только козни лидера, заботившегося лишь о себе и о своем государстве. Значение помощи, которая оказывалась КНР со стороны Сталина, намеренно снижалось пропагандистскими утверждениями партии Мао Цзэдуна о том, что Сталин просто сбывал в КНР то вооружение, которое ему было совершенно не нужно в СССР. Мао Цзэдун также всемерно стремился спекулировать на тезисе о том, что Сталин боится столкновения, особенно прямого военного столкновения с США, в то время как он, то есть Мао Цзэдун, в отличие от Сталина не боится этого. Нельзя исключать того, что в конечном счете и такого рода соображения подвели Мао Цзэдуна к принятию решения о направлении своих войск в Корею.

После окончания переговоров со Сталиным Чжоу Эньлай и другие китайцы вместе с Булганиным возвратились в Москву на самолете. Вскоре по прибытии в свою резиденцию Чжоу Эньлай получил телеграмму от Мао Цзэдуна. Ее первые слова были такими: «После вашего отъезда мы продолжали заседание (Политбюро ЦК КПК). Большинство членов Политбюро выступили за направление войск». Далее в телеграмме анализировалась ситуация, определялась дислокация войск, их перемещения и план ввода их в боевые действия, а также высказывались соображения тактического порядка. Прочитав эту телеграмму, Чжоу Эньлай ничего не сказал и погрузился в раздумья.

Вечером Чжоу Эньлай встретился с Молотовым и прежде всего довел до него содержание телеграммы, выразив пожелание, чтобы об этом было доложено Сталину. Кроме того, Молотов и Чжоу Эньлай обсудили конкретные вопросы, касавшиеся поставки

Советским Союзом танков и артиллерийских орудий.³⁹⁷

Таким образом, в отношениях Сталина и Мао Цзэдуна возникла ситуация, в которой Мао Цзэдун снова сначала говорил и писал одно, а затем другое. Чжоу Эньлай при этом оказался в положении посредника, на которого и свалил Мао Цзэдун все шишки.

Отправив Чжоу Эньлая в Москву для того, чтобы поставить Сталина в известность о своем решении не направлять войска КНР на Корейский полуостров для участия в войне против США, южных корейцев и международных вооруженных сил, Мао Цзэдун в тот же день, то есть 8 октября 1950 г., дал следующую телеграмму:

«Пэн Дэхуаю (командующему и по совместительству политкомиссару Добровольческой армии народа Китая),

Гао Гану (командующему и по совместительству политкомиссару Военного округа Северо-Восточного Китая),

Хэ Цзиньняню (заместителю командующего Военным округом Северо-Восточного Китая),

Дэн Хуа (командующему 13-м корпусом),

Хун Сюечжи (первому заместителю командующего 13-м корпусом),

Се Пэйжаню (политкомиссару 13-го корпуса).

(1) В целях оказания помощи народу Кореи в его войне за освобождение, оказания отпора наступлению американского империализма и его прихвостней, защищая интересы народа Кореи, народа Китая и народов стран Востока, приказываю Добровольческой армии народа Китая немедленно вступить в пределы Кореи и во взаимодействии с корейскими товарищами предпринять военные действия против агрессоров и добиться славной победы. (Представляется весьма характерным для мышления Мао Цзэдуна, что в его приказе не было даже намека или ссылки на то, что КПК – КНР посылают свои войска в Корею по просьбе корейцев. – Ю.Г.)

(2) В состав Добровольческой армии народа Китая включить 13-й корпус и приданные ему 38, 39, 40, 42-ю армии, а также штаб погранартиллерии и приданные ему 1, 2, 8-ю артиллерийские дивизии. Все вышеупомянутые части немедленно привести в боевую готовность и выступить по получении приказа. (Судя по всему, такой приказ Мао Цзэдун отдал 9 октября 1950 года. – Ю.Г.)

(3) Назначить товарища Пэн Дэхуаю командующим и по совместительству политкомиссаром Добровольческой армии народа Китая.

(4) Определить административный район Северо-Восточного Китая в качестве тыловой базы нашей Добровольческой армии народа Китая; в этой связи и осуществлять все необходимое тыловое снабжение, а также выполнять обязательства по помощи корейским товарищам; возложить ответственность за координацию, руководство и обеспечение работы по выполнению обязательств по оказанию помощи корейским товарищам на командующего и по совместительству политкомиссара Военного округа Северо-Восточного Китая товарища Гао Гана.

(5) Наша Добровольческая армия народа Китая, будучи введена в пределы Кореи, обязана проявлять чувства дружбы, любви и уважения по отношению к народу Кореи, народной армии Кореи, демократическому правительству Кореи, Трудовой партии Кореи (то есть к Коммунистической партии), а также к другим демократическим партиям и группировкам и к вождю народа Кореи товарищу Ким Ир Сёну, строго соблюдать воинскую и политическую дисциплину; именно это и представляет собой крайне важную политическую основу, гарантирующую выполнение военных задач.

(6) Необходимо со всей глубиной оценивать всевозможные трудности, которые могут возникать и несомненно возникнут, а также быть готовыми преодолевать эти трудности, проявляя высокой степени энтузиазм, смелость, скрупулезность, терпение, упорство в труде.

³⁹⁷ Там же. С. 564.

В настоящее время и обстановка в межгосударственных отношениях в целом, и ситуация внутри нашей страны благоприятны для нас и не благоприятны для агрессоров, и, если только товарищи проявят решительность и смелость и сумеют должным образом сплотить народ, будут умело вести боевые действия против агрессоров, победа в конечном счете будет за нами.

Председатель Революционного военного совета народа Китая Мао Цзэдун

8 октября 1950 года. Пекин». ³⁹⁸

Таким образом, 2 октября Мао Цзэдун, очевидно, ни с кем не посоветовавшись, во всяком случае до созыва заседания Политбюро (а возможно, заседание Политбюро Мао Цзэдуну пришлось созвать по требованию его членов, узнавших о том, что практически без согласия большинства членов Политбюро ЦК КПК Мао Цзэдун принял решение о вступлении страны в войну, причем в войну против США; хотя, скорее всего, Мао Цзэдун, уже приняв решение, созвал заседание Политбюро, чтобы посмотреть, как его члены отнесутся к его новой идее, и заставить их затем проштамповать его решение), принял решение направить войска в Корею; затем на заседании Политбюро ЦК КПК было принято решение не направлять войска, и 8 октября Мао Цзэдун отправил Чжоу Эньлая к Сталину для того, чтобы разъяснить принятое решение; в тот же день, то есть 8 октября, Мао Цзэдун отдал приказ войскам вступить на территорию Кореи (осталось неясным, было это сделано до того, как такое решение было принято большинством членов Политбюро, или после этого; скорее всего, это было сделано уже во исполнение решения Политбюро); это решение было принято уже после отлета Чжоу Эньлая в СССР, либо в тот же день, либо на следующий день, то есть 9 октября. Во всяком случае, телеграмма с уведомлением о решении направить войска в Корею была представлена Чжоу Эньлаю в Москве 9 октября. Судя по поведению Чжоу Эньлая, сам он ранее выступал против ввода войск в Корею; в любом случае Чжоу Эньлай, будучи в СССР, не принимал участия в голосовании членов Политбюро ЦК КПК по этому вопросу (скорее всего Чжоу Эньлай изменял свою позицию точно в соответствии с менявшимися мнениями Мао Цзэдуна).

Итак, Сталин сначала, 2 октября, получил решение Мао Цзэдуна вступить в войну и направить войска в Корею. Затем, 8 октября, Чжоу Эньлай от имени того же Мао Цзэдуна сообщил Сталину, что войска в Корею направляться не будут. Тем не менее Сталин высказал Чжоу Эньлаю свои соображения в связи с вероятностью ввода войск КНР в Корею. Очевидно, что Сталин имел в виду возможность дальнейших колебаний Мао Цзэдуна.

9 октября Чжоу Эньлай сообщил о решении ввести войска в Корею Молотову, а следовательно, об этом тотчас же было доложено Сталину.

В общем, Сталину было очевидно, что в руководстве КПК – КНР происходила серьезная борьба по этому вопросу (еще бы, речь шла о войне!) и существовали столь серьезные разногласия, что Мао Цзэдуну приходилось сначала в срочном порядке и практически единолично принимать решение, а затем, вероятно под давлением членов Политбюро, по крайней мере временно отменять или приостанавливать выполнение уже принятого им решения.

Это заставляло и Сталина не торопиться и проявлять сугубую осторожность. Даже учитывая необходимость поддерживать любые действия Мао Цзэдуна в создавшейся ситуации, Сталин должен был принимать во внимание возможность изменения уже принятых в Пекине решений, а потому выжидал, прежде чем предпринимать практические действия.

Сталин в принципе соглашался прикрыть действия китайской армии с воздуха силами

³⁹⁸ Хун Сюечжи. Кан Мэй Юань Чао чжаньчжэн хойи – Воспоминания о войне в целях оказания отпора США и помощи Кореи. – Цзефанцзюнь взньи чубаньшэ, 1990. – С. 15.

советской военной авиации.

Китайская сторона упрекала Сталина за колебания при осуществлении этого обещания и намерения, толкуя поведение Сталина, а вернее мотивы его действий, следующим образом.

8 октября 1950 г. Мао Цзэдун официально сформировал Добровольческую армию народа Китая, назначил Пэн Дэхуая ее командующим, дал указания о передислокации войск. Таким образом, с этого дня, с точки зрения Мао Цзэдуна, все было готово к практическому вводу войск в Корею.

Сталин же тогда уведомил Мао Цзэдуна о том, что советская авиация еще не готова, в связи с чем необходимо временно отложить введение войск в Корею.

Именно эта просьба Сталина и была расценена в Пекине как проявление колебаний.

Думается, что и Сталин, и Мао Цзэдун долго взвешивали последствия, колебались, принимая решения, связанные с участием в той или иной форме своих военных (да, собственно, своих государств) в войне в Корею.

В Пекине полагали, что Сталин кривил душой, когда писал о том, что его авиация еще не готова, и видели подлинную причину колебаний Сталина в том, что он сомневался в способности армии Мао Цзэдуна противостоять вооруженным силам США. При этом в Пекине полагали, что Сталин также опасался того, что развитие событий может вовлечь СССР в прямое военное столкновение с США, что, в свою очередь, может привести к третьей мировой войне. Таким образом, Мао Цзэдун и в этой ситуации продолжал внушать своим коллегам мысли о том, что Сталин не верит в силы КПК – КНР, а следовательно, с подозрительностью относится к ним, из чего вытекала, с точки зрения Мао Цзэдуна, обоснованность подозрительного отношения к Сталину со стороны Мао Цзэдуна и его сторонников, и далее о том, что Сталин, в отличие от «смелого» Мао Цзэдуна, «трусит» перед лицом США. Все это говорит о том, сколь непростыми были отношения Сталина и Мао Цзэдуна, что особенно ярко проявлялось именно в те моменты истории, когда речь шла о войне, о военной опасности. Здесь Сталин никогда не мог положиться на Мао Цзэдуна как на надежного военного союзника, в то же время практически во всех такого рода ситуациях Сталин в конечном счете оказывал реальную помощь Мао Цзэдуну.

Доказывая противоречивость позиции Сталина, в Пекине указывали на то, что на следующий же день после начала войны в Корею, то есть 26 июня 1950 г., в московской газете «Правда» появилась статья в поддержку заявления Ким Ир Сена о начале войны; в этой статье подчеркивалось, что первыми атаку предприняли корейцы-южане, а армия корейцев-северян была вынуждена нанести ответный удар.

Следовательно, и в период подготовки к военным действиям, и сразу же после их начала Сталин и Мао Цзэдун практически одинаково трактовали для мирового общественного мнения ситуацию и поддерживали действия и заявление Ким Ир Сена.

Когда же период военных успехов армии Ким Ир Сена окончился и она оказалась под угрозой неминуемого полного поражения в случае, если бы ей не была оказана военная помощь из-за рубежа, то есть когда встал вопрос об участии СССР и КНР, в той или иной форме, в войне на Корейском полуострове, Сталин и Мао Цзэдун очутились в положении политиков, которым пришлось пожинать последствия их предшествующей политики по отношению к планам Ким Ир Сена. Сталин и Мао Цзэдун оказались перед лицом угрозы втягивания своих стран в войну.

15 сентября 1950 г. американские войска и вооруженные силы ООН высадились на Корейском полуострове и начали продвижение на север Кореи. Сталин был настроен пессимистически и уведомил Пекин о том, что Ким Ир Сен будет вынужден создать правительство в изгнании на территории КНР.

Это, очевидно, отражало упрек Сталина и Ким Ир Сenu, и Мао Цзэдуну, которые, с точки зрения Сталина, должны были нести главную ответственность за начало военной авантюры на Корейском полуострове и пожинать ее плоды. Вместе с тем Сталин, который в свое время сыграл главную роль в появлении Ким Ир Сена в качестве руководителя Северной Кореи, фактически соглашался на то, чтобы и Ким Ир Сен, и Северная Корея,

северные корейцы, перешли в зону влияния Мао Цзэдуна. Нельзя исключать того, что, с одной стороны, Сталин при этом продолжал последовательно проводить свою линию на то, чтобы предоставить в распоряжение Мао Цзэдуна другие отряды их общего коммунистического движения в определенном географическом регионе, и, с другой стороны, благодаря этому маневру прямо столкнуть Мао Цзэдуна с Ким Ир Сенем, чтобы затем извлекать из их противоречий свою выгоду; наконец, тем самым Сталин косвенно подчеркивал мысль о том, что два зачинщика корейской авантюры должны остаться наедине друг с другом.

В Пекине подчеркивали в связи с этим заявлением Сталина, что позиция Мао Цзэдуна в этот напряженный и трагический момент была, в отличие от позиции Сталина, весьма решительной. Мао Цзэдун был настроен на то, чтобы помериться силами с американцами на территории Корейского полуострова. Если же отвлечься от этих пропагандистских утверждений, то выходило, что Сталин поневоле оказался втянут в войну на Корейском полуострове, а Ким Ир Сен и Мао Цзэдун практически по своей воле стали инициаторами этой войны.

То, что в Пекине именовали испугом Сталина, было, по сути дела, его нежеланием допустить втягивания СССР в новую войну всего пять лет спустя после окончания Великой Отечественной войны. То, что представляли в Пекине как смелость и решительность Мао Цзэдуна, было ненужной военной авантюрой, стоившей китайскому народу многих и многих жизней.

В Пекине в этой же связи утверждали, что Сталин вообще на протяжении весьма длительного времени питал подозрения и сомнения в отношении Мао Цзэдуна, не будучи уверен, что армия Мао Цзэдуна способна воевать против американцев.

За этим скрывались, вероятно, размышления и Сталина, и Мао Цзэдуна о перспективах отношений и той и другой страны, то есть и СССР, и КНР, с США.

Сталин был заинтересован в том, чтобы, не допуская военного противостояния и особенно войны с США, в то же время использовать в своих интересах противостояние КНР и США; возможно, что Сталин хотел, чтобы такое противостояние было длительным и даже доходящим до балансирования на грани войны, но так, чтобы это не угрожало втягиванием СССР в войну с США на стороне КНР.

Мао Цзэдун понимал, что в связи с образованием КНР между США и КНР на протяжении довольно продолжительного времени будет сохраняться противостояние в разных формах. Мао Цзэдун был намерен доказать США, что КНР никогда не пойдет на поклон к Вашингтону, который должен был понять, по мнению Мао Цзэдуна, что ему придется иметь дело с независимым и самостоятельным Китаем, пусть даже с Китаем, руководимым коммунистами, как бы это ни было неприятно американцам. Поэтому Мао Цзэдун был готов на острые, в том числе и на ограниченные, военные действия против США, чтобы заставить их со временем отказаться от всяких надежд на возможность оказания военного давления на Пекин с целью изменить его внутреннюю политику. Итак, война на Корейском полуострове представлялась Мао Цзэдуну ограниченной локальной войной, в результате которой ему удастся доказать американцам, что они должны считаться с КНР в регионах, прилегающих непосредственно к ее границам. Мао Цзэдун, поддерживая военные планы Ким Ир Сена, практически вел линию на самостоятельность во внешней политике и в отношении Москвы, и в отношении Вашингтона.

В Пекине также утверждали, что Сталин опасался того, что сам факт воздушного прикрытия китайских войск в Корее в случае их поражения может вовлечь СССР в прямой военный конфликт с США, что может привести к третьей мировой войне. Поэтому-то, писали в Пекине, в решающий момент Сталин и отступил, заявив о необходимости временно отсрочить вступление в войну в Корее.

Мао Цзэдун расценил это сообщение Сталина как неожиданное, не отвечающее принципам отношений между дружественными государствами. Мао Цзэдун осуждал Сталина за то, что тот не держит своего слова, не выполняет уже достигнутую

договоренность.

В то же время, исходя из реально сложившейся ситуации, то есть учитывая тот факт, что Мао Цзэдун не мог без поддержки Сталина вступить в войну на Корейском полуострове, хотя шел он на это по своей инициативе и вопреки желанию Сталина, Мао Цзэдун в 8 часов вечера 12 октября 1950 г. дал телеграмму Пэн Дэхуаю, приказав временно приостановить выполнение приказа, датированного 9 октября (очевидно, имелся в виду приказ о начале ввода войск в Корею); Мао Цзэдун также предписал Пэн Дэхуаю и Гао Гану 13 или 14 октября прибыть в Пекин на совещание.³⁹⁹

В эти дни ситуация на фронте была весьма опасной для Ким Ир Сена. 12 октября 1950 г. он обратился к Мао Цзэдуну через Пэн Дэхуаю с просьбой ускорить ввод в Корею войск КНР. При этом Ким Ир Сен сообщал, что три американские дивизии, английская бригада и южнокорейская дивизия готовят наступление на Пхеньян. Ким Ир Селу к тому времени удалось вывести из южной части Корейского полуострова только 50 тысяч своих бойцов, значительная часть его армии оказалась в мешке.

Пэн Дэхуай немедленно передал Мао Цзэдуну просьбу Ким Ир Сена.

Мао Цзэдун тут же отправил телеграмму в Москву Чжоу Энляю, дав указания продолжить переговоры со Сталиным. В КНР, упоминая об этом, особенно подчеркивали, что Мао Цзэдун наказал Чжоу Энляю добиваться выполнения Сталиным обещания обеспечить прикрытие с воздуха. (Не имея подлинных текстов как телеграммы Мао Цзэдуна, так и записей бесед Чжоу Энлая со Сталиным, трудно с уверенностью сказать, что вопрос со стороны Мао Цзэдуна ставился именно таким образом; особые сомнения вызывает и сама формулировка относительно необходимости добиваться выполнения Сталиным своего обещания, и вообще ограничения роли СССР только как бы некоторым участием в войне в воздухе. Не исключено, что речь могла идти как в целом о ситуации и шагах, которые могли предпринять все стороны, имевшие отношение к событиям, так и о масштабах участия ВВС СССР в боевых действиях в небе над Корейской Народно-Демократической Республикой и над Китайской Народной Республикой.)

Мао Цзэдун также вызвал в Пекин Пэн Дэхуаю и Гао Гана. (Попутно отметим, что во время войны в Корее Мао Цзэдун был вынужден полагаться на Пэн Дэхуаю и Гао Гана, то есть на тех, кому симпатизировал Сталин, ибо они делали, с его точки зрения, реальное дело; возможно, что в связи с этими обстоятельствами Мао Цзэдун и уничтожил впоследствии и Гао Гана, и Пэн Дэхуаю, считая их своими врагами.)

Чжоу Энлай переправил Сталину телеграмму Мао Цзэдуна с просьбой о помощи.

Получив ответ Сталина, Чжоу Энлай направил ему еще одну телеграмму, в которой, сославшись на телеграмму Мао Цзэдуна, датированную 13 октября, ставил вопрос следующим образом: «Не окажется ли возможным после того, как будут направлены 16 авиаполков реактивных самолетов советской добровольческой авиации, продолжить направление в Корею в целях взаимодействия с китайской армией еще и бомбардировочной авиации?». ⁴⁰⁰

Таким образом, Сталин сначала (уже 13 октября 1950 г.) дал согласие направить для прикрытия китайских сухопутных сил в Корее советских летчиков на реактивных истребителях. Мао Цзэдун просил направить и бомбардировщики.

Проведя совещание с Лю Шаоци, Чжу Дэ, Пэн Дэхуаю и прочими, Мао Цзэдун принял решения и уведомил о них Чжоу Энлая телеграммой следующего содержания:

«(1) В результате обсуждения члены Политбюро пришли к единогласному мнению о том, что все-таки целесообразно ввести наши войска в Корею. На первом этапе направить

³⁹⁹ Лю Цзечэн... С. 566.

⁴⁰⁰ Ши Чжэ. Цзай чжаньчжэн ды хоубэй. Чжоу Энлай юй Сыдалинь хойи чжуйи – За кулисами войны. Воспоминания о переговорах Чжоу Энлая со Сталиным // Цзюньши ши линь. 1992. № 3. – С. 4.

наши войска против марионеточных сил (то есть против южных корейцев), так как есть уверенность в том, что они справятся с марионеточными силами; при этом предполагается создать опорную базу севернее Пхеньяна; эти наши действия вдохновят народ Кореи. Если на первом этапе удастся разгромить и уничтожить несколько частей марионеточных войск, то в обстановке в Корее произойдут изменения в нашу пользу.

(2) Такого рода активный шаг с нашей стороны отвечает интересам Китая, Кореи, Востока, всего мира. Если же мы не введем в Корею свои войска, враг придвинется к реке Ялуцзян, реакционеры и внутри нашей страны, и вообще в мире будут торжествовать, иначе говоря, это будет невыгодно со всех сторон. В этом случае отвлечены будут все наши войска, расположенные у границ в Северо-Восточном Китае, враг будет контролировать источники электроэнергии всего юга Маньчжурии.

Подводя итоги, мы полагаем, что следует принять участие в войне, необходимо принять участие в войне; участие в войне принесет большую пользу; неучастие в войне нанесет большой вред». ⁴⁰¹

Русский военный историк Д.А. Волкогонов полагал, что пока в Пекине продолжали просчитывать все «за» и «против» прямого использования своих войск, Сталин с тревогой ждал вестей от Мао Цзэдуна. Китайцы могли спасти положение. Диктатор для себя решил: свои войска он бросит на чашу весов лишь в самый последний момент, в самом крайнем случае. Хотя уже принял решение «проработать» вопрос об использовании советской авиации с китайских аэродромов. Наконец пришла долгожданная телеграмма. Мао Цзэдун дал согласие на прямую военную поддержку северокорейцев и сообщил об этом советскому лидеру. Сталин быстро продиктовал:

«Пхеньян. Шлыкову для товарища Ким Ир Сена.

Только что получил телеграмму от Мао Цзе Дуна, где он сообщает, что ЦК КПК вновь обсудил положение и решил все же оказать военную помощь корейским товарищам, несмотря на недостаточное вооружение китайских войск. Жду подробных сообщений от Мао Цзе Дуна...

13 октября 1950 г.

Фын Си». ⁴⁰²

На следующий день наступила полная определенность, и Фын Си еще раз передал в Пхеньян: «Передать Ким Ир Сэну следующее. После колебаний и ряда временных решений китайские товарищи наконец приняли окончательное решение об оказании Кореи помощи войсками. Я рад, что принято наконец окончательное и благоприятное для Кореи решение... Конкретные вопросы, связанные с выступлением китайских войск, придется Вам решать совместно с китайскими товарищами. Необходимая техника для китайских войск будет поставлена из СССР.

Желаю Вам успехов.

Фын Си». ⁴⁰³

Получив эту телеграмму Мао Цзэдуна, Чжоу Энлай встретился со Сталиным.

После этой встречи Чжоу Энлай отправил Сталину телеграмму, в которой сообщил, что вне зависимости от решения, которое примет СССР относительно поддержки действий

⁴⁰¹ Хун Сюечжи. Кан Мэй Юань Чао чжаньчжэн хойи – Воспоминания о войне в целях оказания отпора США и помощи Кореи. – С. 27. Цит. по: Лю Цзечэн... С. 568.

⁴⁰² АПРФ. Ф. 45. Оп. 1. Д. 347. Л. 4. Цит. по: Волкогонов Д.А. Семь вождей. – М., 1995. – С. 297.

⁴⁰³ Там же. Л. 77.

китайских войск с воздуха, Мао Цзэдун уже принял решение и направит войска в Корею.

Сталин в ответ дал согласие обеспечить прикрытие действий китайских войск с воздуха силами советской авиации.

Чжоу Энлай уведомил об этом Мао Цзэдуна.

Мао Цзэдун дал указание передовым частям быть готовыми к вводу в Корею 17 октября.

Затем он отдал приказ, в котором предусматривался ввод войск 19 октября.

Мао Цзэдун приказал Пэн Дэхуаю и Гао Гану снова прибыть в Пекин 18 октября.

Наконец, 18 октября в 9 часов вечера Мао Цзэдун отдал официальный приказ о начале ввода войск 19 октября.

В это время прямая угроза захвата нависла над Пхеньяном.

Американцы колебались в оценке возможности ввода в Корею китайских войск. 15 октября Макартур уведомил президента США Г. Трумэна, что КНР не сможет направить свои войска в Корею. Вероятность этого, с точки зрения командующего американскими войсками и вооруженными силами ООН в Корее генерала Макатура, была невелика.

19 октября 1950 г. войска КНР по приказу Мао Цзэдуна были введены на территорию КНДР.

В ответ Макартур планировал бомбардировки Северо-Восточного Китая, однако ни президент Г. Трумэн, ни союзники США не согласились на это.

Сталин оказывал Мао Цзэдуну самую разнообразную помощь (в том числе поставляя грузовые автомобили для армии КНР).

В ходе боев Пэн Дэхуай добился первых успехов. В этой связи раздавались советы преследовать противника, сбросить американцев в море, изгнав их полностью с Корейского полуострова. Пэн Дэхуай считал такие предложения необоснованными и не преследовал противника. Посол СССР в КНДР дал Пэн Дэхуаю совет преследовать врага.

Пэн Дэхуай не прислушался к советам посла СССР.

Посол доложил о ситуации Сталину.

Пэн Дэхуай уведомил о положении Мао Цзэдуна.

Мао Цзэдун переслал телеграмму Пэн Дэхуаю Сталину.

Сталин полностью согласился с доводами Пэн Дэхуаю. Сталин похвалил Пэн Дэхуаю (чем вызвал, вероятно, ревность и недовольство Мао Цзэдуна) и отозвал посла СССР в КНДР на родину.

Учитывая развитие ситуации, Сталин также ускорил выполнение договоренностей 1950 г. В этой связи 16 января 1951 г. было опубликовано совместное сообщение Москвы и Пекина о том, что китайской стороне переданы в 1950 г. КЧЖД, имущество, которым СССР временно владел в Порт-Артуре и Дальнем, а также имущество, взятое СССР в Северо-Восточном Китае у японцев в 1945 году, и все имущество военного городка в Пекине, которое в прошлом принадлежало России и СССР.⁴⁰⁴

Таким образом, после ввода войск КНР в Корею Пэн Дэхуаю удалось добиться успехов. Однако затем, в начале 1951 г., американцы и их союзники снова овладели Сеулом, то есть отбросили Пэн Дэхуаю из южной части Кореи.

Знакомившийся с архивными материалами сталинского правления Д.А. Волкогонов так описывал происходившие тогда события, особое внимание уделяя при этом деятельности Сталина.

Бесконечными колоннами китайские войска двинулись к границе с Кореей и дальше на фронт. Из Пекина сообщали, что в первом эшелоне движется 12 дивизий (скоро будут в Корее). Второй эшелон, тоже 12 дивизий, готовится в Китае. Есть войска и третьего эшелона. Всего союзники Сталина могут задействовать 9 армий (до 30 дивизий).

В телеграмме Чжоу Энлай попросил 10 тысяч тонн автобензина. Сталин тут же

⁴⁰⁴ Лю Цзечэн... С. 576.

приказал ответить: «Будет поставлено 17 тысяч тонн горючего»...

Я думаю, продолжает Д.А. Волкогонов, что Сталин вздохнул с облегчением. Легкой войны не получилось. Для него стало ясно: победы не будет ни для кого. Но поражения он избежал. Главная ноша войны ляжет теперь на китайцев, которым он будет всячески помогать авиационным прикрытием, оружием, техникой, горючим, боеприпасами, но не людьми... Нет, в нем говорила не жалость к ним, а то, что американцы могут его «уличить» в прямом участии в войне. Несмотря на выраженную готовность к большой войне, Сталин сомневался... Атомные бомбы только начали производить, а как их доставлять за океан? Американцы на тот момент имели в этом компоненте решающее преимущество. Диктатор, все чаще испытывая в конце жизни приступы противной слабости и головокружений, устал воевать...

Когда 25 октября 1950 г. китайцы начали мощное широкое контрнаступление по всему фронту, Сталин понял, что по крайней мере почетная «ничья» в войне обеспечена. Наступление огромных масс китайских войск, которые в социалистической печати назывались «добровольцами», было долгим, трудным, вымученным. Господству в воздухе «добровольцы» противопоставили траншейную и галерейную борьбу, когда целые роты, батальоны и полки так зарывались в землю, что ни бомбы, ни напалм не достигали в полной мере того результата, что в начале войны. (Добавим от себя, что на корейскую войну Мао Цзэдун отправил своего старшего сына, который вскоре погиб, сгорел в пламени американской напалмовой бомбы в самом начале войны, когда китайцы, даже штаб Пэн Дэхуая, еще не зарылись в землю. Таким образом, у Сталина старший сын погиб во время войны с немцами, а у Мао Цзэдуна во время войны с американцами в Корее. – Ю.Г.) Был освобожден Пхеньян, еще раз взяты Сеул, Инчхон, Вокеджу и другие города. Маятник войны пошел в другую, южную сторону. Однако затем последовали удары южных, и диафрагма фронта почти застыла, напрягаясь и колеблясь все у той же 38-й параллели...

Сталин, многому научившийся в Великой Отечественной войне, понимал, что даже огромное численное превосходство «китайских добровольцев» без надежного прикрытия с воздуха не гарантирует успеха. После некоторых размышлений и бесед с военными 14 ноября 1950 г. он отдал распоряжение сформировать специальный корпус для прикрытия китайцев и северокорейцев. Номер этому соединению дали: 64-й истребительно-авиационный корпус. Состав его был необычным: две истребительно-авиационные дивизии, две зенитно-артиллерийские и одна авиационно-техническая.

Состав корпуса постоянно обновлялся; дивизии участвовали в боевых действиях 8–10 месяцев, некоторые, с небольшим перерывом, до года. Всего за время войны в Корее получили боевую практику 15 советских авиационных и несколько зенитно-артиллерийских дивизий.

Оперативное расположение корпуса было довольно выгодным – аэродромы Северного Китая (Северо-Восточного Китая). Истребительная авиация корпуса, по получении сигналов о появлении американских бомбардировщиков и штурмовиков над Северной Кореей, наносила по ним неожиданные и стремительные удары. Нередко американцы преследовали советские истребители, израсходовавшие запас топлива, и над китайской территорией. К тому же советские летчики имели ряд существенных ограничений: даже близко не приближаться к линии фронта и, тем более, оказываться на «той» его стороне, не летать над морем. Действовал строжайший приказ Сталина: ни один советник или летчик не должен попасть в плен. Повторюсь, не забота о людях двигала Сталиным, а желание не дать американцам веских аргументов прямого участия советских войск в этой войне. Опознавательные знаки на самолетах МиГ-156 были китайские, форма летчиков китайской или корейской. Даже носили значки с изображением Мао... Так или иначе, но не известно ни одного случая попадания советского военнослужащего в плен к американцам. Несколько экземпляров американских боевых машин, которые удалось приземлить целыми, были отправлены в СССР для изучения в авиационных конструкторских бюро.

В составе корпуса в основном были летчики, прошедшие школу Великой

Отечественной войны, и эффективность боевых действий истребительной авиации была очень высокой. Командир полка полковник Е.Г. Пепеляев сбил 19 американских самолетов, крупные личные боевые счета имели также капитан Н.Г. Докашенко, подполковник Г.И. Пулов, майор А.С. Бойцов, капитан М.И. Михин, майор А.П. Сморгчов и другие летчики-истребители, ставшие Героями Советского Союза. Достаточно сказать, что с конца 1950 г. и до завершения активной фазы войны корпус сбил 1309 американских самолетов, из которых около 18% приходится на зенитные части. За то же время соединения корпуса потеряли 319 боевых машин.

В корпусе (в зависимости от количества частей, входивших в него в разное время) насчитывалось 10—15 тысяч человек. Все верили, что воюют с «агрессором». Воевали они мастерски, однако Сталин поначалу вообще не хотел награждать людей. Он боялся огласки и в собственной стране. Лишь позже он разрешил награждать отличившихся боевыми наградами, и тысячи людей были отмечены орденами и медалями.

С ноября 1950-го и до окончания войны в июле 1953 г. 64-м корпусом последовательно командовали генералы И.В. Белов, Г.А. Лобов, С.В. Слюсарев.

После осенней неудачи 1950 г. Сталин не ограничился выдвижением к границам Кореи своего авиационно-истребительного корпуса. По согласованию с Мао Цзэдуном и Ким Ир Сеном общее командование сухопутными войсками было передано китайцам («кореяцы не выполняют приказы», — отметил Сталин в шифровке). Московский вождь сместил советского генерала Васильева с поста военного советника. Несколько корейских генералов также лишились своих постов, а некоторые после поражения в октябре 1950 г. попали под суд. Видна рука Сталина; в минувшей войне он привык «тасовать» командный состав, когда лишь одна военная неудача могла навсегда перечеркнуть карьеру того или иного военачальника.

До середины 1951 г., пока не установилось неустойчивое равновесие на фронте, Сталин лично «вел» контроль за исполнением его директив в корейской войне. Его обмен телеграммами с Мао Цзэдуном, Чжоу Эньлаем, Ким Ир Сеном весьма внушителен. Интересная деталь: обсуждая с союзниками по войне оперативные и технические вопросы, Сталин не забывает решать попутно и некоторые свои «дела».

Так, в октябре 1950 г., когда в Корее все висело на волоске, он напоминает Чжоу Эньлаю о его обещании передать ему, Сталину, в Москву 10 миллионов американских долларов, как он пишет, «для поддержки левых организаций в Европе и Америке».⁴⁰⁵

Видимо, даже у Сталина, способного частенько направлять «преданным собеседникам» по 600 тысяч долларов, специальный фонд «поддержки» требовал постоянного пополнения.

В другой телеграмме Мао Цзэдуну, где Сталин сообщал о дополнительной поставке китайцам бензина, он попросил у них 50 тысяч тонн натурального каучука. Как каучук, американские доллары от китайцев, так и золото, серебро и моноцитовый концентрат из Северной Кореи Сталин, конечно, получил. Идеи идеями, а «табачок врозь».

Сталин, продолжает Д.А. Волкогонов, постепенно утратил интерес к корейской войне, поняв, что это битва без победителей. Общей победы не будет для какой-либо из сторон. Правда, он еще несколько раз советовал Ким Ир Сёну «использовать авиацию и артиллерию массированно», «беспощадными и немедленными мерами сломить голову реакции и обеспечить порядок в своем тылу», «иметь в месте расположения правительства сильный и надежный военный кулак»⁴⁰⁶, но действовал уже как бы по инерции. Он дал указание Вышинскому не противиться мирным предложениям, однако и не форсировать их. «Американцы сейчас мира хотят больше, чем мы».

Встречаясь 19 декабря 1952 г. в Москве с Чжоу Эньлаем, Сталин обсуждает с

⁴⁰⁵ АПРФ. Ф. 45. Оп. 1. Д. 335. Л. 38. Цит. по: Волкогонов Д.А. Семь вождей. — С. 298—301.

⁴⁰⁶ Там же. Оп. 12. Д. 347. Л. 57—58. Цит. по: Волкогонов Д.А. Семь вождей. — С. 301.

китайским премьером пути сохранения позиций Китая и Северной Кореи в войне, формы обмена военнопленными. Сталин и здесь остался верен себе, напомнив китайскому руководителю, что «американцы постараются часть военнопленных завербовать, чтобы использовать их для шпионажа... Так было и с нашими военнопленными в прошлой войне, а теперь мы каждый день ловим по несколько человек военнопленных, которых американцы перебрасывают на нашу сторону». ⁴⁰⁷

Сталин подтвердил свою готовность предоставить Китаю вооружение для 60 китайских пехотных дивизий. Ведя переговоры о мире в Корее, Сталин не исключал и продолжения военного конфликта. В заключение беседы он подарил членам китайской делегации (для членов руководства ЦК КПК) новые советские автомашины ЗИМ, выражая свое высокое уважение к лидерам из Пекина... Ведь именно они в критический момент сыграли такую важную роль.

Встречаясь с Чжоу Эньлаем месяцем раньше, 20 августа 1952 г., в Москве, Сталин спросил собеседника: как быть с корейской войной? Идти на мир или продолжать ее? Чжоу Эньлай сказал: Мао полагает, что «продолжение войны выгодно нам» (в этой фразе весь Мао Цзэдун. – *Ю.Г.*). Китай готов к тому, что война будет продолжаться еще 2–3 года.

Сталин, глядя на собеседника, всегда подтянутого, собранного, согласился: «Война портит кровь американцам». Подумав, добавил: «Северокорейцы ничего не проиграли, кроме жертв в этой войне (! В этой фразе весь Сталин. – *Ю.Г.*). Нужны выдержка и терпение. Надо корейцам разъяснить, что это дело большое (надо полагать, советский диктатор думал: пусть продолжают приносить жертвы во имя «большого дела». – *Ю.Г.*). Для Кореи мы ничего не пожалеем». И Сталин действительно не жалел своих ресурсов для тех, кто продолжал жертвовать жизнями сотен тысяч людей, чтобы «портить кровь американцам». В телеграмме, отправленной в апреле 1952 г. Ким Ир Сену, говорится: «Мне стало известно, что корейский народ нуждается в хлебе. У нас есть в Сибири 50 тысяч тонн готовой пшеничной муки. Мы можем послать эту муку в подарок корейскому народу...»

Ким Ир Сен рассыпается в любезностях за щедрый подарок Сталина и желает ему «многих лет жизни и здоровья на счастье человечества». ⁴⁰⁸

Но вернемся к беседе Сталина и Чжоу Эньлая, продолжает Д.А. Волкогонов.

Диалог любопытен и дальше.

ЧЖОУ: Если американцы не хотят мира, то мы должны быть готовы продолжить войну хотя бы год...

СТАЛИН: Правильно. Америка не способна вести большую войну.

Вся их сила – в налетах, атомной бомбе... Американцы – купцы. Немцы в 20 дней завоевали Францию: США уже два года не могут справиться с маленькой Кореей. Какая же это сила? Атомной бомбой войну не выиграть...

Не отсюда ли и у Мао отношение к ядерной угрозе, как к «бумажному тигру»? (Так ставит вопрос Д.А. Волкогонов. – *Ю.Г.*)

Собеседники выяснили, что у Ли Сын Мана всего 116 тысяч военнопленных, в том числе 20 тысяч китайцев. (14 тысяч китайцев не вернулись в КНР, а отправились на остров Тайвань. – *Ю.Г.*) Переговаривающиеся стороны не очень озаботились этим, и Сталин лишь спросил: сколько американцев в плену?

Чжоу заглянул в бумажку и прояснил ситуацию: примерно 3–4 тысячи. Вместе с ооновцами.

Война продолжалась, а лидеры уже смотрели в будущее. Военное будущее. Когда Чжоу сказал: Китай после войны намерен иметь 102 дивизии, а всю армию в 3 млн 200 тысяч человек, то Сталин поморщился:

⁴⁰⁷ Там же. Оп. 1. Д. 329. Л. 93. Цит. по: *Волкогонов Д.А.* Семь вождей. – С. 301.

⁴⁰⁸ Там же. Д. 348. Л. 58, 61. Цит. по: *Волкогонов Д.А.* Семь вождей. – С. 301–302.

– Но это минимум. Вы хотите иметь 150 авиаполков. Это мало. Надо 200 авиаполков.⁴⁰⁹

Таким был Сталин «в деле», отмечает Д.А. Волкогонов и продолжает.

На первом плане – глобальные интересы системы, державы, «лагеря». На десятом – какие-то там «жертвы», лишения, потери. Даже ради того, что «война портит кровь американцам», ее можно продолжать... Сталин словно забыл, как всего несколько лет назад писал в телеграмме президенту Ф. Рузвельту (7 апреля 1945 г.), выражая свои глубокие союзнические чувства: «Я никогда не сомневался в Вашей честности и надежности, так же как и в честности и в надежности г-на Черчилля»⁴¹⁰. Похожие теплые слова выражал и президенту Трумэну, как, впрочем, и он Сталину...

Кстати, о Трумэне, продолжает Д.А. Волкогонов. (Думается, что это важно, так как Сталин и Мао Цзэдун во время корейской войны имели своим основным противником именно Г. Трумэна.) Сталин помнит не только его послевоенные любезности, но и жесткость.

После разгрома Японии 16 августа 1945 г. Сталин направил президенту Трумэну телеграмму, в которой предложил «включить в район сдачи японских вооруженных сил советским войскам северную половину острова Хоккайдо... Это последнее предложение имеет особое значение для русского общественного мнения. Русское общественное мнение было бы серьезно обижено, если бы русские войска не имели района оккупации в какой-либо части собственно японской территории. Я бы очень хотел, чтобы изложенные выше мои скромные пожелания не встретили возражений».

Через два дня Сталин получил ответ от Трумэна с жестким отказом без каких-либо объяснений. Одновременно американский президент сообщал, что «правительство США желает располагать правами на авиационные базы для наземных и морских самолетов на одном из Курильских островов, предпочтительно в центральной группе»...

Сталин умел постоять за державу. Ответ его был не просто жестким, но и морализаторским. «...Должен сказать, что я и мои коллеги не ожидали от Вас такого ответа». Далее Сталин, касаясь Курил, прочитал «мораль»: «Требования такого рода обычно предъявляются либо побежденному государству, либо такому союзному государству, которое само не в состоянии защитить ту или иную часть своей территории. Я не думаю, чтобы Советский Союз можно было причислить к разряду таких государств... Ни я, ни мои коллеги не понимаем, ввиду каких обстоятельств могло возникнуть подобное требование к Советскому Союзу».⁴¹¹

Атомные закулисные «аргументы» не помогли Трумэну. Свое достоинство Сталин сохранил. А советский десант на Хоккайдо (частью уже посаженный на корабли) пришлось отменить... Но вернемся к войне в Корее, продолжает Д.А. Волкогонов.

Сколь эфемерны слова, обещания, декларации, если интересы глубоко различны. Для Сталина, чуть не ставшего в молодости священником, никогда не существовало ничего святого. Даже Ленин, коммунистическая доктрина были для него лишь средством, безотказным средством укрепления великодержавности советского гегемонизма и личного всевластия. Война в Корее лишь дополнительно высветила Сталина с некоторых новых сторон: его умения использовать зависимых от него союзников, умения идти на риск большой войны, не сжигая одновременно за собой всех «мостов», «умения» политический

⁴⁰⁹ Там же. Д. 329. Л. 54—70. Цит. по: Волкогонов Д.А. Семь вождей. – С. 302—303.

⁴¹⁰ Переписка Председателя Совета министров СССР... Документы (август 1941 – декабрь 1945). – М., 1976. – С. 223. Цит. по: Волкогонов Д.А. Семь вождей. – С. 303.

⁴¹¹ АПРФ. Ф. 45. Оп. 1. Д. 372. Л. 109—112, 114—115. Цит. по: Волкогонов Д.А. Семь вождей. – С. 303—304.

цинизм превращать в государственные принципы. Достигнув апогея власти, Сталин в корейской войне тем не менее обозначил свое грядущее историческое поражение.

Сталину осталось жить совсем немного. Он никогда не узнает, что одобренная им война в Корее завершится 27 июня в Паньмыньчжоне соглашением о прекращении огня. Бесплодная, страшная затея решить проблему силой оружия стоила многих, многих сотен тысяч жизней, многих миллиардов рублей и долларов, тысяч разрушенных деревень и городов, промышленных предприятий.

Муки совести никогда не грызли кремлевского диктатора... Он давно поверил в свое право вершить судьбы миллионов людей. Корейская война была лишь последним страшным военным эпизодом в его политической биографии. Так завершает свой анализ деятельности Сталина в этот период Д.А. Волкогонов.⁴¹²

К середине 1952 г. у всех участников конфликта появилось ощущение, что война становится затяжной, будет продолжаться годами, что это война на истощение и что бои будут вестись локально, в районе 38-й параллели, то есть прежней разделительной линии между северной и южной частями Кореи.

К весне 1951 года обе стороны перешли фактически к стратегическому противостоянию.

Практически, при объективном взгляде на ситуацию, было очевидно, что война в Корее оказалась авантюрой, ненужной особенно и прежде всего народу самой Кореи. Эта война принесла человеческие жертвы и самим корейцам, и китайцам, и тем людям из СССР, США, других стран, которые служили в армиях на этой войне.

Ким Ир Сен сначала рванулся в южную часть полуострова, затем был отброшен на свою территорию, потом с участием и главным образом силами и жертвами китайцев были проведены некоторые бои, в результате которых линия фронта колебалась, но в конечном счете обе стороны остались на тех же позициях, на которых они находились до начала войны.

Таким образом, авантюра Ким Ир Сена, Мао Цзэдуна и их невольного союзника Сталина провалилась. Авантюрные замыслы руководителя Южной Кореи Ли Сын Мана, его сторонников в США тоже не осуществились. США и их южнокорейские союзники, другие страны, участвовавшие в войне в Корее, направившие своих солдат в состав вооруженных сил ООН, выступили за то, чтобы сохранять статус-кво. У них не было сил, а потому и серьезных намерений ни захватывать КНДР, ни вторгаться в КНР. Отдельные попытки расширять масштабы войны и даже применять ядерное оружие, предпринимавшиеся Макартуром, не нашли поддержки у президента США Г. Трумэна.

Запасная позиция Мао Цзэдуна сработала: Мао Цзэдун предполагал, что в конечном счете эта война так и останется локальной, не выйдет за рамки Корейского полуострова (очевидно, что США после победы Мао Цзэдуна в материковом Китае твердо взяли курс на то, чтобы больше не влезать в войну на китайском материке). Правда, Мао Цзэдун ошибся, ибо он все-таки надеялся, что окажется возможным захватить Южную Корею.

Одним словом, корейская авантюра закончилась тем, что обе стороны практически остались при своих интересах. Хотя ответственность за вред, нанесенный этой войной, особенно и прежде всего за унесенные войной человеческие жизни, лежит прежде всего на Ким Ир Сене, Мао Цзэдуне, да и на Сталине. Если говорить об уроках этой войны, то это была прежде всего убежденность Пэн Дэхуая, ряда других руководителей КПК – КНР, но не Мао Цзэдуна в том, что КНР не должна больше начинать такого рода войны или участвовать в таких авантюрах; другим уроком была убежденность Пэн Дэхуая, некоторых других политических деятелей в КНР, что не может быть и речи о применении оружия против СССР, каким бы острым ни было идеологическое или политическое противостояние с ним.

Свою долю ответственности несут руководители Южной Кореи и США, их союзники.

⁴¹² Волкогонов Д.А. Семь вождей. – С. 304.

Они, во всяком случае, допустили эту войну.

Сталин тоже допустил эту войну. Вина за это лежит и на нем.

Что же касается Мао Цзэдуна и Ким Ир Сена, то эти два политика несут главную ответственность, так как они были, хотя и в разной степени, инициаторами этой войны.

После того как армии обеих сторон на Корейском полуострове перешли к стратегическому противостоянию вдоль 38-й параллели, США обратились к Сталину с просьбой, чтобы он выступил в качестве посредника и оказал США помощь, передав КНР и КНДР, что США готовы немедленно прекратить огонь, остановить военные действия и затем начать переговоры о мире. Такая ситуация сложилась уже к апрелю 1951 г. Иными словами, активные военные действия в ходе корейской войны продолжались менее года.

Итак, весьма характерно, что именно Сталин оказался в 1951 г. в роли посредника между Мао Цзэдуном (и Ким Ир Сеном), с одной стороны, и Вашингтоном, с другой стороны.

Получив послание американцев, Сталин немедленно передал его Мао Цзэдуну, сопроводив своими соображениями и предложениями. По мнению Сталина, к этому документу следовало относиться как к важным размышлениям США в стратегическом плане; в то же время Сталин полагал, что предложение американской стороны свидетельствовало о том, что Вашингтон испытывал озабоченность в связи с перспективами войны.

Оказывалось, что ни Москва, ни Вашингтон либо с самого начала, либо, по крайней мере, спустя несколько месяцев после начала конфликта на Корейском полуострове не были намерены поддерживать огонь этой войны.

В мае 1951 г. Мао Цзэдун направил указание в Корею главнокомандующему войсками КНР, и КНДР Пэн Дэхуаю (и в копии Сталину). В нем говорилось: «...В настоящее время на передовой линии мы имеем 8 корпусов. Если каждый корпус уничтожит по 1 батальону, то всего противник потеряет восемь регулярных батальонов. Этим самым противнику будет нанесен сильный удар. Если каждый корпус уничтожит по 2 батальона, то это уже 16 батальонов.

...Ставить задачу в каждой операции уничтожить по одному батальону. В ходе 3–4 операций будет уничтожаться по 4 батальона регулярных войск, что приведет к понижению духа и поколеблет самоуверенность противника...»

По мнению русского военного историка Д.А. Волкогонова, Сталин с большим скепсисом прочел эту «арифметическую стратегию» и ответил, но... столь же примитивно и поверхностно: «Мне кажется, это план рискованный. Один-два раза можно. Но этот план англо-американцы легко разгадают... Вы имеете дело не с войсками Чан Кайши». ⁴¹³

К этому можно добавить, что Сталин в данном случае также как бы приспосабливался к уровню стратегического мышления Мао Цзэдуна, намеренно снижался до него. Вообще же это еще один пример расхождений между Сталиным и Мао Цзэдуном в вопросах, касавшихся войны.

Получив сообщение Сталина, Мао Цзэдун и Ким Ир Сен в начале июня 1951 г. собрались в Пекине, чтобы обсудить реакцию на предложения из Вашингтона. Прежде всего было решено в ближайшие два месяца не вести никаких масштабных боевых действий.

Было также принято решение направить в Москву к Сталину Ким Ир Сена в сопровождении Гао Гана (представляется характерным, что Мао Цзэдун не допустил встречи Сталина с Пэн Дэхуаем, очевидно, не желая, чтобы вследствие такой встречи углубилось бы и влияние Сталина на Пэн Дэхуая, и их взаимное уважение, и, что вполне вероятно, авторитет Пэн Дэхуая в КПК – КНР). Предполагалось обсудить вопросы, касавшиеся прекращения огня в Корее. Делегации из КНР и КНДР прибыли в Москву в середине июня 1951 г.

⁴¹³ АПРФ. Ф. 45. Оп. 1. Д. 338. Л. 95—99. Цит. по: Волкогонов Д.А. Семь вождей. – С. 269—270.

Сталин незамедлительно принял Ким Ир Сена и Гао Гана. Прежде всего он уточнил ситуацию на фронте, поинтересовавшись рядом вопросов:

1. Каково реальное положение на фронте; продолжаются ли боевые действия? 2. Что можно было бы сказать, сравнивая позиции, которые занимают в Корее северяне и южане; могут ли военные силы китайцев и корейцев удержать занимаемые позиции и не дрогнут ли они? 3. Каков потенциал и возможности для контрнаступления у противника? Если противник начнет контрнаступление, окажется ли возможным сдержать его? Одним словом, находятся ли силы китайцев и корейцев в данный момент в благоприятном положении или нет? Наконец, Сталин поставил следующий вопрос: что лучше – немедленно прекратить огонь, начать перемирие или предпочтительнее еще продолжить в течение некоторого времени боевые действия, изменить в свою пользу линию фронта, а затем уже переходить к переговорам о перемирии?

В то время китайская и корейская стороны еще не различали такие термины, как «прекращение огня», «перемирие», «мирное разрешение вопроса», «передышка в ходе военных действий», «мирная договоренность». Пока обо всем этом у корейцев и китайцев было смутное представление.

Сталин в этой связи сказал:

«Мы должны четко определить понятия, о которых мы советуемся с вами, то есть нам необходимо уточнить терминологию. В противном случае, если в ходе переговоров вы будете пользоваться разными терминами, может возникнуть неясность. Вам будет удобнее вести переговоры с партнером только тогда, когда вы четко определите термины».

Корейская сторона высказалась так: «Для нас было бы желательно перемирие».

Сталин сказал: «То есть вы имеете в виду прекращение войны на нынешних позициях? Или же вы предпочитаете, чтобы обе стороны после определенного согласования своих позиций (то есть проведя некоторое уточнение линии фронта или уточнения на местности) затем прекратили бы военные действия; нет ли в настоящее время у какой-либо стороны частей, находящихся в окружении?»

На этот вопрос никто не смог дать четкий ответ. Карты, которые представили китайская и корейская сторона, оказались устаревшими.

По приказу Сталина из Генштаба Советской Армии тут же доставили карту, на которой была показана дислокация войск.

После этого обсуждался вопрос о сроках перемирия.

Когда переговоры были в основном завершены, все перешли в комнату отдыха. И тут Сталин поинтересовался: «А каковы ваши планы после достижения перемирия?» Он также спросил, как предполагалось стабилизировать обстановку в Корее, восстанавливать и развивать экономику.

В ходе переговоров Сталин не забыл высказать слова одобрения в адрес Мао Цзэдуна, КПК и китайских добровольцев, их боевой подготовки, а также того, как они сражались с американцами. При этом Сталин отметил, что в ходе движения за оказание отпора США и помощи Корее КНР стоит на передовой линии борьбы против империализма, сражается очень хорошо; что же касается поставок вооружения и боеприпасов, то «мы (СССР) должны это делать, и делать бесплатно».

В этот момент кто-то из участвовавших в разговоре высказал критические замечания в адрес Пэн Дэхуая, сказав, что он в порядке очередности вводит в Корею китайских добровольцев, через определенное время заменяя одни части другими; сначала направляет несколько дивизий, а затем, после ряда боев, заменяет их другими дивизиями, причем новым дивизиям снова требуются поставки советского оружия; таким образом Пэн Дэхуай намеренно увеличивает количество советского оружия, которое приходится поставлять для китайских добровольцев.

Сталин на это сказал: «Это хорошо! Молодец! Пэн Дэхуай – это действительно толковый человек! Благодаря такому методу он поочередно осуществляет закалку войск,

улучшает их вооружение, повышает боеспособность войск. Это прекрасно!».⁴¹⁴

23 июня представитель СССР в ООН Я.А. Малик в выступлении по радио внес предложение о мирном разрешении вопроса о войне в Корее. (Следовательно, таким образом была подчеркнута роль СССР, роль Сталина, в прекращении военных действий на Корейском полуострове; Сталин, очевидно, желал выступать перед мировым общественным мнением в качестве политика, который способен действовать разумно и готов содействовать мирному решению военного конфликта на Дальнем Востоке.) При этом он сказал, что первым шагом на этом пути должно быть прекращение обеими сторонами огня и отвод обеими сторонами своих войск от 38-й параллели.

25 июня и 3 июля 1951 г. в газете «Жэньминь жибао» были опубликованы статьи, в которых поддерживались предложения, выдвинутые А.Я. Маликом. (По сути дела, все это означало, что Сталин выступил посредником и даже своего рода инициатором начала мирного процесса, процесса мирных переговоров на Корейском полуострове, а Мао Цзэдун вслед за Сталиным согласился с прекращением военных действий и с началом переговоров о перемирии. Итак, в войну на Корейском полуострове Мао Цзэдун втащил Сталина, а из войны на Корейском полуострове Сталин вытаскивал Мао Цзэдуна.)

10 июля 1951 г. начались переговоры о перемирии. Американцы вслед за тем предприняли несколько попыток наступления, которые закончились для них неудачей.

27 ноября 1951 г. американцы согласились с предложением китайско-корейской стороны признать военной разграничительной линией линию фактического соприкосновения.

Соглашение о перемирии в Корее было подписано только 7 июля 1953 г., уже после смерти Сталина. Этому предшествовали столкновения вооруженных сил обеих сторон, то, что получило в КНР название бактериологической войны американцев в Корее, а также бомбардировки территории КНР американской авиацией.

В КНР отношения Мао Цзэдуна и Сталина в связи с корейской войной толковали как смелый шаг Мао Цзэдуна в борьбе за утверждение высокого авторитета КПК и КНР, отстаивание ими права принимать самостоятельные решения, как решительную борьбу с применением оружия против американцев, как помощь братскому корейскому народу; позицию Сталина трактовали как боязливую, Сталина похваливали за то, что он, не понимая первоначально Мао Цзэдуна, безосновательно сомневаясь в его силе и смелости, потом все-таки сумел понять правоту Мао Цзэдуна и стал помогать ему в его политике в связи с войной на Корейском полуострове.

Центральная мысль такого рода рассуждений состояла в том, что Мао Цзэдун оказывался выше Сталина как политик, как военный стратег.

Факты, приведенные выше, никак не дают возможности согласиться с этими утверждениями.

Мао Цзэдун действительно самостоятельно (верно, конечно, что без Ким Ир Сена этой войны могло бы и не быть, но и Мао Цзэдун не просто пошел за Ким Ир Сеном, но активная позиция Мао Цзэдуна сыграла важнейшую роль и оказала на Ким Ир Сена решающее воздействие, подстегнув его на начало военных действий на Корейском полуострове, так что и без Мао Цзэдуна войны в Корее могло и не быть) влез в эту войну, влез, с одной стороны, как бы и охотно, ибо такого рода действия отвечали его натуре, его представлениям о мировой политике, но и, с другой стороны, после мучительных колебаний; при этом он не смог бы воевать в Корее, если бы не имел за собой поддержки Сталина. В целом Сталин, с одной стороны, допустил начало этой войны и несет ответственность за это, но, с другой стороны, он проявлял в связи с этой войной большую дальновидность и осторожность, чем Мао Цзэдун (во всяком случае, Сталин не допустил, чтобы СССР выглядел ни как инициатор этой войны, ни как ее активный участник), хотя оба они, и Сталин, и Мао Цзэдун, совершили

⁴¹⁴ Лю Цзечэн... С. 578—579.

непростительные ошибки и даже преступления, ибо в результате их политики погибли люди, много людей.

Осмысление всего случившегося в связи с появлением самой идеи о корейской войне, ходом ее подготовки и ее осуществлением приводит к мысли о том, что мышление Сталина и Мао Цзэдуна было однотипным, в главном они были подобны один другому, находили взаимопонимание. Можно отметить, что высказывания Сталина дали толчок развитию целого ряда политических установок Мао Цзэдуна. Но можно сказать и так: сама внутренняя природа мышления Сталина и Мао Цзэдуна была во многом, причем в главном, одинакова, поэтому их мысли перекликались, как птицы из одной стаи.

И сам советско-китайский договор 1950 г., или пакт о взаимной помощи, как характеризовал его Сталин, в этом смысле, при всех его особенностях, связанных с межгосударственными отношениями, отражал общее направление мыслей и того, и другого. Оба полагали, что должны прежде всего крепко держать власть в своих руках каждый в своем государстве и в то же время реально продвигать на остальную часть земного шара границы своего «лагеря».

Война при этом представлялась и Сталину, и Мао Цзэдуну делом допустимым и даже одним из орудий осуществления ими своих замыслов. Поэтому они с первых же встреч искали общий язык именно по вопросу о месте войны в современном им мире и, что неудивительно, нашли такой общий язык. (В данном случае мы сосредоточиваемся на позициях Сталина и Мао Цзэдуна, не затрагивая позиции руководителей враждебного для них лагеря, хотя в принципе в любом межгосударственном вопросе всегда существуют по крайней мере две стороны и сам вопрос возникает и решается только при учете позиций обеих сторон; здесь прекраснодушие одной стороны оказывается недостаточным для решения вопроса.)

Применительно к корейской войне всплывает и еще одно обстоятельство. Оно несколько разнило Сталина и Мао Цзэдуна в подходах к этой войне.

Ведь речь шла о Дальнем Востоке, или о Северо-Восточной Азии, о регионе или районе, где существовали свои представления об истории, о взаимоотношениях наций и о войне. Нет, они не отличались целиком и полностью от представлений в других регионах мира, более того, по сути, если бы дело дошло до крайности, они оказались бы примерно одинаковыми, но пока до этой крайности дело не доходило, то есть пока этот регион, его лидеры не дошли в своем понимании места и времени существования их самих и их наций до общечеловеческих вершин, оказывались возможными странные, на взгляд иных людей из иных главным образом регионов, действия или политические, а также военно-политические акции, в частности, оказывалась возможной корейская война.

В данном случае Сталин оказался втянут ходом событий в перипетии исторических взаимоотношений в регионе, который не был ему близким и понятным, хотя сам он полагал, что его стратегическое видение мира позволяет ему принимать наиболее правильные решения.

Итак, Сталин, если бы на то была только его воля, вряд ли бы сам оказался инициатором корейской войны; будучи вынужден дать на нее согласие и будучи втянут в ее перипетии, он постарался извлечь из этого то, что он считал пользой для себя, своего государства, и, во всяком случае, уменьшить возможный ущерб для своих интересов, интересов своего государства на мировой арене; все это у него плохо получилось. И Сталин, и Мао Цзэдун, и Ким Ир Сен в историческом плане оказались авантюристами и потерпели поражение в этой своей совместной затее, хотя географически они сохранили прежнюю разграничительную линию между своим «лагерем» и «лагерем» своих противников на мировой арене.

В этом регионе Сталин встретился с лидерами КНР и КНДР, с Мао Цзэдуном и Ким Ир Сеном, которые имели кое-что общее: оба они каждый по-своему, но отсиделись во время Второй мировой войны вдали от реальных сражений. Они крепко усвоили, что в результате Второй мировой войны и некоторых последующих событий они оказались победителями и

диктаторами в своих государствах; они гордились этим и переоценивали свои силы. Но у них не было внутреннего главного представления о том, что такое война, современная война. Сталин, при всем его желании укреплять и расширять границы и пределы своей власти, своего влияния в целом на планете и в регионе Северо-Восточной Азии в частности, все-таки сдерживался в своих военных планах и пониманием того, что такое настоящая война, и пониманием того, каким сильным является вероятный противник, и, в определенной степени, учетом настроений и состояния населения в своем государстве. Таких сдерживающих факторов не было ни у Ким Ир Сена, ни у Мао Цзэдуна. Народы Кореи и Китая, конечно, перенесли тяготы Второй мировой войны, многолетней японской оккупации, но все-таки это был совсем не тот опыт, какой пришлось взять в свой багаж народам нашей страны, стран Европы.

Для многих корейцев в Северной Корее, возможно, перед началом корейской войны вполне естественной представлялась вооруженная борьба за то, чтобы в границах одного государства находилась вся Корея; собственно, здесь объединялись и коммунистические, и националистические идеи.

Вообще корейский вопрос – это сложный вопрос и с точки зрения истории самой корейской нации, и с точки зрения взаимоотношений корейской нации с ее соседями. Что касается самих корейцев, то история страны сложилась таким образом, что и в середине XX века, да и в наше время, в начале XXI века, представляется, что еще могут на протяжении какого-то неопределенно длительного времени существовать несколько государств корейской нации и это приемлемо для корейцев. Для корейцев не существует в качестве первоочередной задача непрямого и насильственного вооруженного объединения всего Корейского полуострова в одно государство.

Китай до сих пор, особенно при Мао Цзэдуне и его последователях и сторонниках, никак не может понять, что одно дело – говорить о близком соседстве с корейцами и о нерасторжимости исторических связей между народами, и совсем другое – уважать полную независимость и суверенитет корейцев, ни в коем случае не вмешиваться во внутренние дела корейцев. А Мао Цзэдун исходил из того, что он не только имеет исторические основания для такого вмешательства, но и обязан это делать; он видел себя как политика, который должен выполнить общий долг перед китайцами и корейцами (к тому же в некотором смысле Мао Цзэдун полагал, что корейцы, как ни крути, исторически не отдельная самостоятельная нация, а часть единой китайской нации, часть, которую временно отнесло в сторону). Иначе говоря, Мао Цзэдун хотел сохранять особые отношения между китайцами и корейцами, которые позволяли бы ему более тесно соединять китайцев и корейцев, возможно, и в составе некоего союза, федерации, конфедерации, единого государства или чего-либо подобного. Корейская война в значительной степени разрушила такого рода представления и планы.

Корейская война, начатая Ким Ир Сеном и активно поддержанная Мао Цзэдуном, была, с их точки зрения, продолжением взаимоотношений между Китаем и Кореей с древних времен.

Сталин при всем при том, что он действительно несет ответственность за попустительство и даже, пусть в определенной степени пассивное, содействие подготовке и началу войны в Корее, все-таки оставался на вполне определенной позиции: он не мог допустить прямого втягивания своего государства в эту войну. Колебания здесь у него были, но они оказались временными, даже кратковременными, и скорее эмоциональными. Возможно, высказывания Сталина о возможности и вероятности большой войны в союзе с Мао Цзэдуном против США были сделаны им и для того, чтобы крепче привязать к себе Мао Цзэдуна и идейно, и материально. Сталин оказался под своего рода определенным нажимом Мао Цзэдуна и Ким Ир Сена и был вынужден согласиться на корейскую войну.

Представляется необходимым обратить внимание на одну из сторон отношения Сталина к прямым исполнителям его воли в Корее – военным советникам. С одной стороны, Сталин ценил их опыт и военное мастерство, использовал их для решения своих

политических задач; институт военных советников был привычным для Сталина в этом регионе. И в общем-то генералы работали во всю мощь, применяя опыт Великой Отечественной и Второй мировой войны. С другой стороны, Сталин резко осаживал их, напоминая о том, что существуют интересы своего государства, воля Сталина, и все военные советники, и посол СССР в КНДР, то есть, по сути дела, главный военно-политический советник Сталина при Ким Ир Сене, должны были исходить из того, что они служат не какому-то иному государству, а государству Сталина.

Об этом надо сказать потому, что зачастую при службе в Китае, в странах этого региона и при Сталине, и после, вплоть до настоящего времени, чиновникам нашего государства приходится выбирать: или, рекомендуясь единственными специалистами, действительно понимающими китайцев, фактически занимать позиции адвокатов или сторонников, скажем, Пекина или Пхеньяна и представлять дело таким образом, что интересы своей страны они, дескать, лучше всего защищают тогда, когда во всем идут навстречу пожеланиям руководителей страны пребывания, даже в ущерб интересам своей родины, или отстаивать интересы своего отечества, что весьма часто вызывает недовольство властей страны пребывания, которое те умело доводят до руководителей нашей страны, вследствие чего эти руководители, обычно не разбираясь глубоко, скажем, в проблемах русско-китайских отношений или русско-корейских отношений, идя по наиболее простому пути, разрушают карьеру преданных посланцев своего отечества в соседней стране, отзывают их на родину и идут на очередные уступки руководителям соседней страны, ущемляя немедленно или в исторической перспективе интересы своего народа и страны.

Важным представляется и то, что весьма активная фаза подготовки корейской войны пришлась на те месяцы, когда Мао Цзэдун находился в Москве в конце 1949-го – начале 1950 г. Может быть, когда-то обнаружатся и архивные материалы, которые позволят больше узнать о беседах Сталина и Мао Цзэдуна на эту тему. Ведь корейская война началась всего четыре месяца спустя после подписания советско-китайского договора 1950 г. в Москве и началась в условиях оформившегося юридически союза Сталина и Мао Цзэдуна. Корейская война в каком-то смысле может видаться и как продолжение или следствие встреч Сталина и Мао Цзэдуна, а также Ким Ир Сена в Москве в 1949—1950 гг.

Пока нет значительных сведений и о том, как развивались контакты Мао Цзэдуна и Ким Ир Сена по этому вопросу. А это также со временем может внести довольно существенные штрихи в общую картину развития событий.

Наконец, еще одним уроком корейской войны могло бы служить понимание того, что существуют, в том числе в отношениях нашей страны с Китаем, такие проблемы, которые целесообразно было бы рассматривать следующим образом: если предпринимались попытки решить, в том числе и с помощью силы, некие проблемы в двусторонних отношениях, но эти попытки не привели к успеху, то следовало бы отложить решение такого рода проблем на неопределенно длительное время, заморозить на века, до той поры, пока иные поколения, может быть, будут способны найти решение этих проблем; во всяком случае, метод бессрочных мирных переговоров, своего рода забвения проблем, при том условии, что историческая ненависть в поколениях новых людей не подогревается с первых лет обучения в школах и в сочинениях политиков и ученых, существует и может оказаться наиболее приемлемым в такого рода обстоятельствах. Как говорится, лучше пусть дипломаты бесконечно скрипят перышками, чем будут говорить артиллерийские орудия.

Из сказанного ранее можно сделать вывод о том, что Мао Цзэдун в 1949—1950 гг., накануне прихода к власти и сразу же после этого, дважды предпринимал попытки втянуть нашу страну, Сталина в новую мировую войну.

В первый раз, желая привлечь Сталина к участию в подготовке высадки войск на Тайване. Во второй раз, рассчитывая, что ему удастся столкнуть нашу страну с США в войне на Корейском полуострове.

В обоих случаях это Мао Цзэдуну не удалось. Здесь проявилось принципиальное различие между Сталиным и Мао Цзэдуном в подходе к вопросу о войне.

Мао Цзэдун стремился ввязываться в авантюры, провоцировать нашу страну на военное столкновение с США.

Сталин после окончания Великой Отечественной войны и Второй мировой войны на Дальнем Востоке исходил из необходимости сохранять мир для нашей страны и никоим образом не допускал ее вовлечения в новую мировую войну.

Мао Цзэдун в этих случаях лишний раз предстал в роли тирана, готового жертвовать жизнями людей и своей, и нашей страны.

Посмертная оценка Сталина и Мао Цзэдун

Хрущев вспоминал: «На XX съезде КПСС мы осудили Сталина за его эксцессы, за то, что он произвольно репрессировал миллионы честных людей, и за его единоличное правление, которое нарушало принципы коллективного руководства. Сначала Мао Цзэдун оправдывал нас, когда мы осуждали Сталина за превышение им власти. Он сказал, что решения, принятые на XX съезде партии, показали великую «мудрость».

В определенном смысле Мао был прав, выступая за то, чтобы не недооценивать роль известных людей в руководстве, которые настаивали на том, чтобы выставлять на всеобщее обозрение преступления эры Сталина. Сохранять молчание в отношении злоупотреблений Сталина, на чем настаивали Ворошилов, Молотов и Каганович, было бы неправильно. Однако какую бы мудрость мы ни проявили на XX съезде партии, это была не наша мудрость – это была мудрость Ленина, к источнику которой мы, выражая нашу преданность, приникли вновь. Отдавая нам всю заслугу, Мао просто пытался привлечь нас лестью на свою сторону.

Мао тут же начал перечислять свои собственные жалобы на Сталина. Например, он упрекал Сталина в том, что тот поддерживал Чан Кайши. Он привел конкретные доказательства того, что Сталин наносил ущерб интересам КПК. Я не помню точного содержания, но мне помнится, что Мао ссылаясь на некие письма, которые Сталин посылал Чан Кайши. Мао также осудил Сталина за непонимание характера китайской революции. Более конкретно, Мао сказал, что Сталин недооценивал и, следовательно, ограничил революционный потенциал китайского рабочего класса.

Мао особенно критиковал отношение Коминтерна к Китаю.

Поздравив нас с решениями XX съезда партии и высыпав целую гору своих собственных критических соображений относительно Сталина, Мао позднее повернул на 180 градусов и начал восхвалять Сталина. Он понял, что лесть не сработает в применении к нам. Я думаю, что втайне он не одобрил все то, что мы сделали, чтобы осудить Сталина за его преступления. Почему я так думаю? Потому, что я уверен, что Мао всю жизнь страдал той же манией величия, что и Сталин. Он так же болезненно относился к другим людям».⁴¹⁵

Сталин умер в 1953 г. После его смерти Мао Цзэдун продолжал находиться у власти еще 23 года. Он умер в 1976 г.

Когда Сталин ушел из жизни, Мао Цзэдун получил возможность высказываться о Сталине в «аудитории одного оратора».

При этом сначала у Мао Цзэдуна возобладало желание наконец-то осудить Сталина. Мао Цзэдун считал для себя важным внушать людям в Китае, что он возражал Сталину и якобы не допускал навязывания Сталиным своей воли КПК и КНР. Факты, однако, говорят о том, что Сталин никогда, во всяком случае с 1949 г., не навязывал своего мнения. Наоборот, он со всей решительностью отводил предложения «давать указания» КПК.

Спустя некоторое время Мао Цзэдун и попытался частично обелить Сталина с той целью, чтобы подкрепить свое утверждение о необходимости культа личности и в Китае, и в СССР.

⁴¹⁵ Khrushchev Remembers... P. 285—287.

Посмертная оценка Сталина Мао Цзэдуном свидетельствует о том, что мысли о своей абсолютной власти занимали главное место в мировоззрении Мао Цзэдуна.

Послесловие

Можно бесконечно рассуждать о Сталине, которому нравилось, когда в песнях его называли «великим», а также «мудрым, родным и любимым», и о Мао Цзэдуне, который полагал правильным и необходимым, что его именовали «самым-самым-самым красным солнцем», «великим вождем, великим учителем, великим главнокомандующим, великим кормчим». Эта тема неисчерпаема.

В начале XXI века их взаимоотношения видятся иначе, чем при их правлении и жизни. После смерти Сталина прошло более полувека; после смерти Мао Цзэдуна – более трех десятилетий.

Люди каждого поколения по-своему оценивают прошлое.

В частности, об этом еще могут говорить те, кто жил при правлении Сталина и Мао Цзэдуна и кто вздохнул более или менее свободно после их ухода в мир иной.

Судьбы России и Китая в XX веке сходны в том, что они на десятилетия попали под власть этих тиранов, когда людям приходилось жить в страхе за свою жизнь даже в мирное время.

Если в двух словах подвести итог правления Сталина и Мао Цзэдуна, то можно сказать: «Людей жалко».

Сталину и Мао Цзэдуну людей было не жаль.

Для каждого из них ценность представляла только их собственная жизнь и власть.

Добравшись до ее вершин, Сталин и Мао Цзэдун свои ум и волю подчинили тому, чтобы любой ценой удерживать в своих руках власть над как можно большим количеством людей.

Сталин и Мао Цзэдун пришли к власти тогда, когда Россия и Китай переживали лихолетье, оказались втянуты в междоусобную борьбу, когда царила смута.

При этом большинство людей, поддавшись своим слабостям, своему невежеству или идеализму, допустили господство над собой сил тоталитаризма, разрушения и зла, враждебных самой природе человека как разумного и доброго существа.

Во главе этих сил застыли на десятки лет Сталин и Мао Цзэдун.

Каждый народ с течением времени по-разному оценивает своих правителей.

Мы обращаемся к взаимоотношениям Сталина и Мао Цзэдуна постольку, поскольку речь идет о том, как складывались взаимоотношения и как соотносились интересы наших стран и народов при их правлении.

При этом фигуры Сталина и Мао Цзэдуна предстают одновременно и как своего рода символы наций, и как личности всемирно-исторического масштаба.

Очень сложным при этом выглядит вопрос о том, в какой степени Сталин и Мао Цзэдун могут считаться выразителями коренных интересов своих наций.

Естественно, что под давлением народов они были вынуждены выражать и такие интересы.

В то же время в еще большей степени каждый из них руководствовался своими желаниями.

Сталин и Мао Цзэдун не доверяли один другому.

При этом «простой человек» в обеих странах находился под воздействием идейно-политического воспитания в духе «братской и нерушимой дружбы».

На самом деле ложь выступала как форма поддержания равновесия в отношениях Сталина и Мао Цзэдуна, наших стран и народов.

Мао Цзэдун, обуянный подозрительностью и ненавистью к врагам внутри своей страны и за ее рубежами, был постоянно настроен на то, чтобы бросать вызов всем и вся, всегда быть готовым к атаке.

Сталин учитывал агрессивный настрой Мао Цзэдуна, его гипертрофированную обиженность и задиристость и предпринимал все возможное с тем, чтобы унять, утихомирить партнера, сохраняя нормальные взаимоотношения.

Основная забота Сталина при этом состояла в том, чтобы Россия и Китай оставались при своих интересах и в союзных, а не враждебных отношениях.

Мао Цзэдун фактически вел дело к противостоянию.

Сталину удалось «обуздать» Мао Цзэдуна на основе совпадения коренных интересов обеих наций.

Внешне, будучи вынужден смириться с позицией Сталина, а также будучи заинтересован в получении бесценной помощи и поддержки с его стороны, со стороны его страны, Мао Цзэдун «держал свой камень за пазухой», то есть готовился предъявить «счет» по территориальному «реестру».

В представлении Мао Цзэдуна и была «ничья» в его «схватке» со Сталиным.

Иначе говоря, Мао Цзэдун в своем воображении тешил себя мыслью о дружбе, союзе и взаимной помощи в 1950 г., «вырвал кое-что из пасти тигра» (под которым он подразумевал нашу страну и Сталина).

Сталин же стоял на твердой почве совпадения национальных интересов наших двух стран.

Благодаря этому середина двадцатого столетия оказалась мирным временем во взаимоотношениях России и Китая.